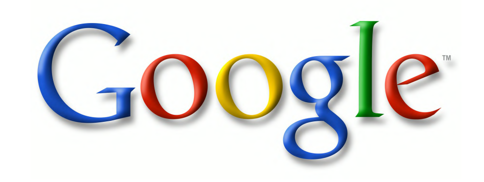
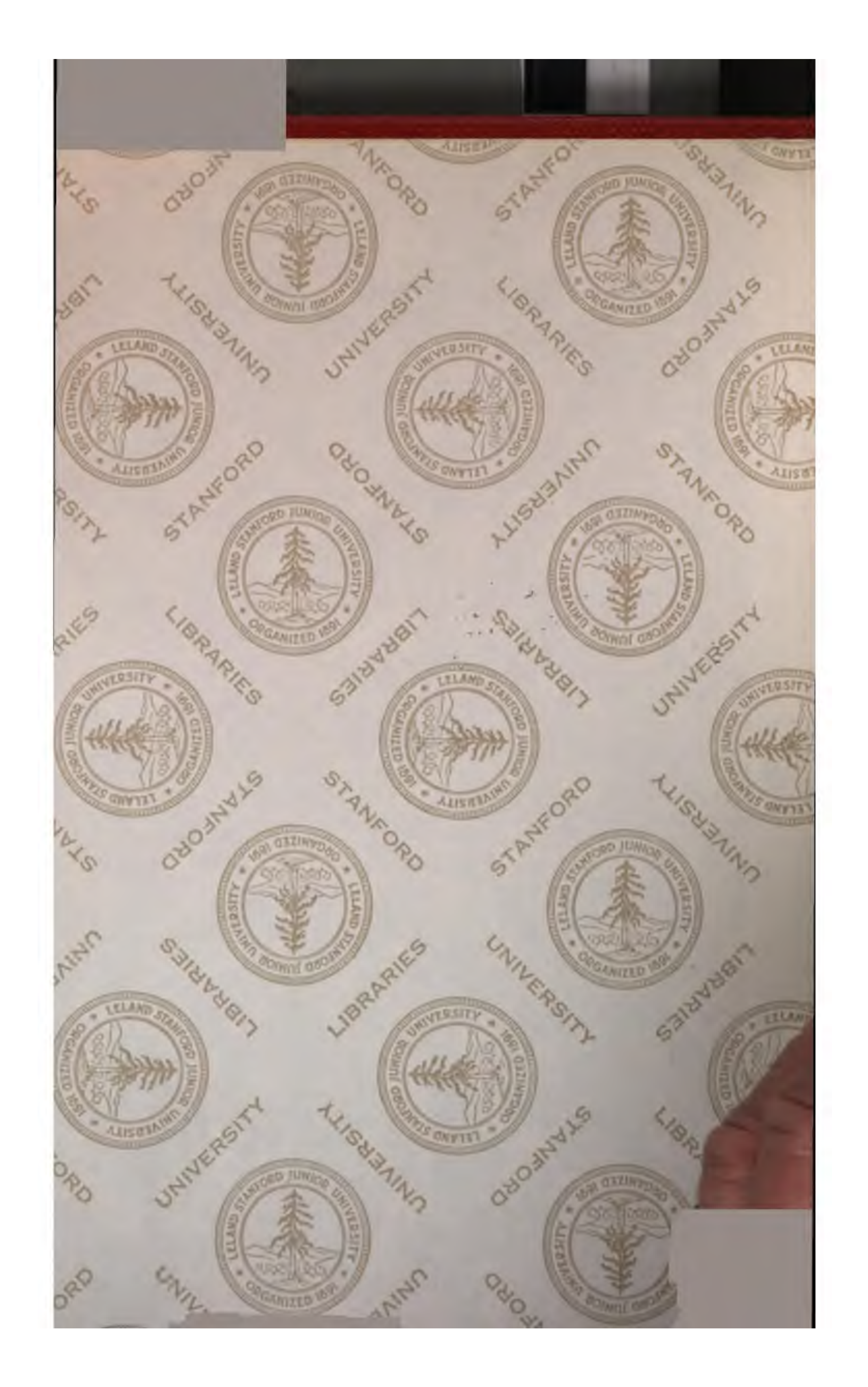
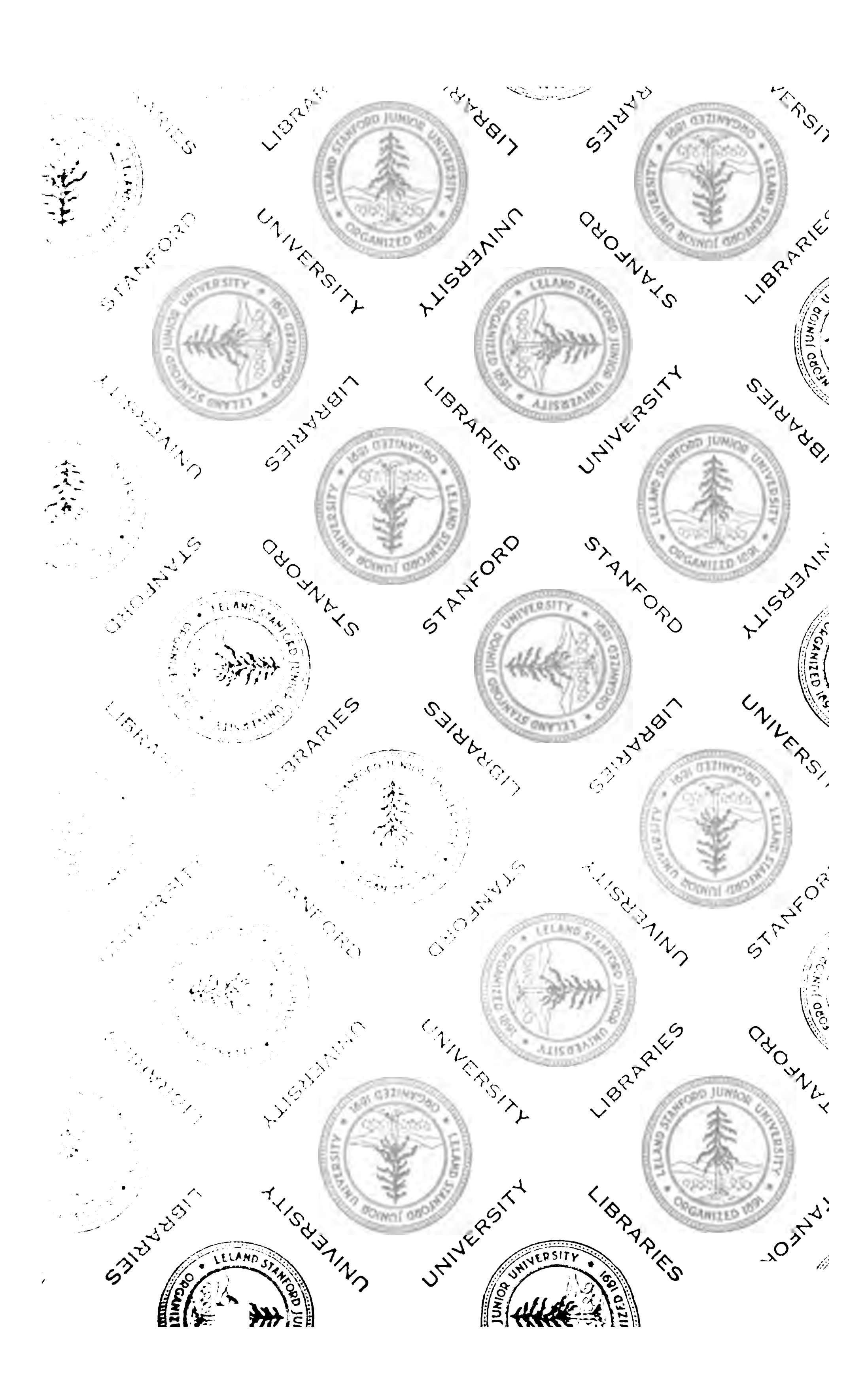
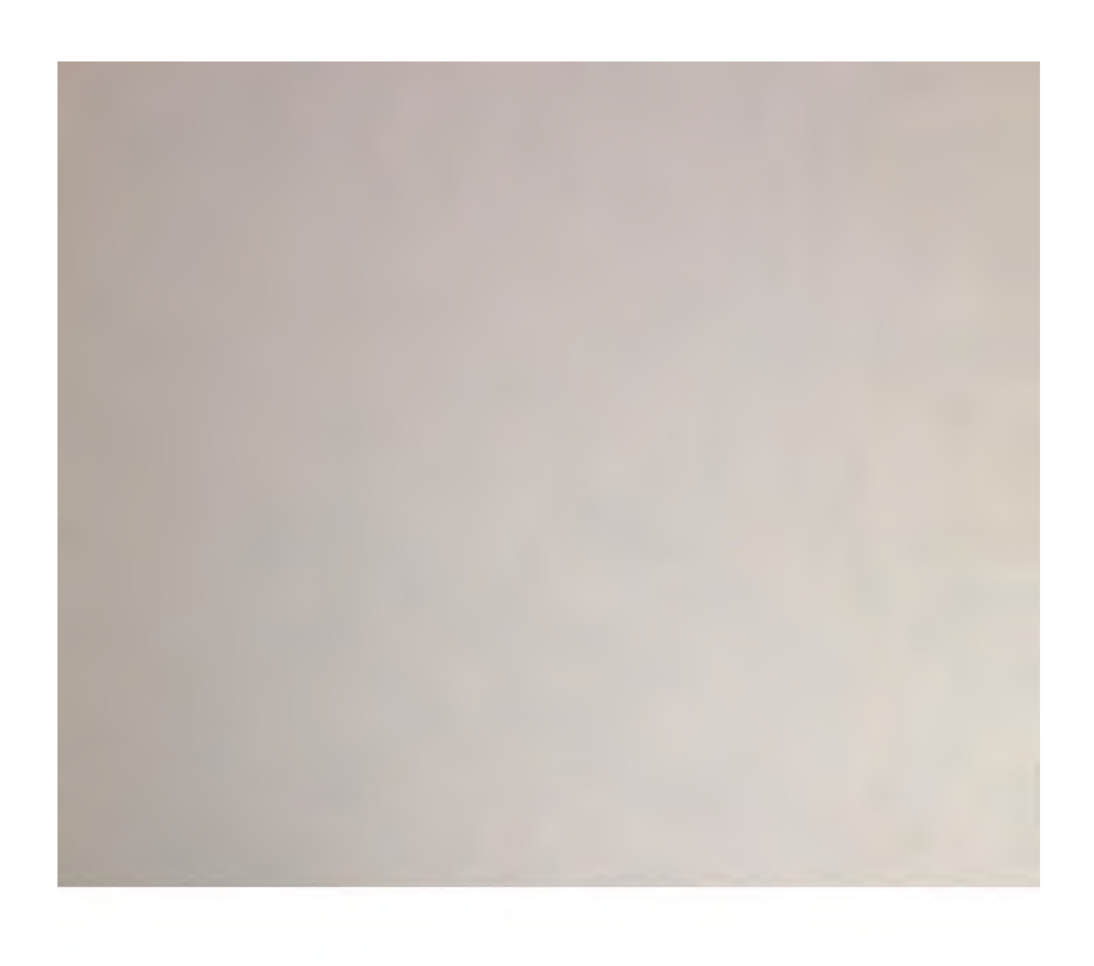





STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891



Бикова В. П.

ЗАПИСКИ
СТАРОЙ СМОЛЯНКИ

(ИМПЕРАТОРСКАГО В. О. Б. Д.)

В. П. Б—вой.

1833—1878 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Съ 30-ю иллюстраціями).

Примѣчанія и изданіе

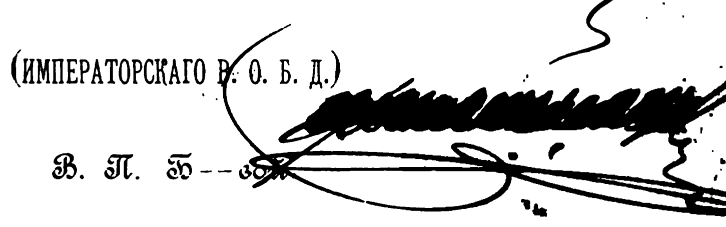
Свящ. К. Зи—скаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Е. Евдокимова. Троицкая ул., № 18.
1898.

ЗАПИСКИ
АРОЙ СМОЛЯНКИ

(ИМПЕРАТОРСКАГО В. О. Б. Д.)

В. П. Б--ой



1833--1878 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(съ 30-ю иллюстраціями.)

Примѣчанія и изданіе

Свящ. К. Зн--скаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Е. Евдокимова. Троицкая ул., № 18.
1898.

Дозволено цензурою. Спб., 20 августа 1898 г.

ВВЕДЕНІЕ [1].

> Elle est belle, une illusion de la jeunesse, belle, comme une matinée d'été avant une journée orageuse.

Чѣмъ дольше мы живемъ, тѣмъ больше любимъ возвращаться мысленно къ прошедшему, перебирать въ памяти годъ за годомъ и останавливаться преимущественно на событіяхъ радостныхъ или отмѣченныхъ проявленіемъ живаго добраго чувства.

За радость минувшую и за дни испытаній равно благодаримъ Бога: вѣдь испытанія, словно огонь, очищаютъ христіанскую душу и дѣлаютъ ее мягче, снисходительнѣе и сострадательнѣе къ людямъ.

Въ продолженіи длиннаго ряда годовъ накопляется много воспоминаній всякаго рода; изъ нихъ пріятнѣе всѣхъ тѣ, которыя относятся къ дѣтству и, вообще, къ молодости;—то жемчужины нашей жизни. Вотъ почему

[1] Взято изъ черноваго письма В. П. В—вой (вѣроятно 1857-го года), къ ея выпускнымъ воспитанницамъ-смолянкамъ, интересовавшимся содержаніемъ записокъ своей классной дамы.

Быть-можетъ, у кого нибудь изъ нихъ сохранилось оно въ болѣе полномъ и переработанномъ видѣ?

Со. К. Зн.

и дѣлимся мы охотно тѣми воспоминаніями со всѣми въ полномъ убѣжденіи, что насъ слушаютъ или собираютъ эти жемчужины съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ разсказываемъ мы ихъ сами. (Сладкое заблужденіе, но свойственное сердцу почти каждаго стараго человѣка!)

Вотъ почему и я, подобно многимъ моимъ предшественницамъ, коплю и храню отрывки о былой институтской жизни, понятной многимъ изъ васъ, проведшихъ нѣсколько лѣтъ въ стѣнахъ института.

Въ ту пору, когда рѣзвыя и шумныя игры замѣняются прогулкою и задушевнымъ разговоромъ съ подругою; когда вмѣсто куклы, мяча и веревочки является въ рукахъ книга; когда понемногу всматриваются въ жизнь и стараются разгадать цѣль ея;—однимъ словомъ, при переходѣ отъ дѣтства къ юности, зародилось во мнѣ желаніе, обратившееся впослѣдствіи въ потребность души, вносить въ *свои записки* всякое происшествіе, выходящее изъ обычнаго круга нашей жизни, и всякое новое *«чувство»*, зарождавшееся во мнѣ подъ вліяніемъ какого-нибудь происшествія.

Только часто, начавъ разсказъ, я увлекалась первой блеснувшей мыслью и, слѣдуя за нею, забывала начатое повѣствованіе, съ полной откровенностью передавъ бумагѣ лишь мелькавшія свои собственныя мысли и чувства.

Въ то время у меня была горячая головка, какъ у васъ теперь, молодое поколѣніе. Мысли кипѣли тамъ и выбивались наружу, не дожидаясь очереди. Которая проскакивала первая, та и ложилась первою подъ перо.

Поэтому изъ моего разсказа часто вы не составите вполнѣ яснаго понятія о весьма многомъ и многомъ, о чемъ мною упоминается вскользь.—Но объ этомъ и жалѣть нечего: это составитъ предметъ безпристрастной исторіи и многихъ другихъ изслѣдованій для людей, болѣе меня способныхъ и къ тому подготовленныхъ.

Въ моихъ же замѣткахъ вы узнаете самихъ себя и подмѣтите многое, что пробѣгало, быть-можетъ, въ вашей молоденькой головкѣ, что *чувствовалось* иногда, быть-можетъ, и въ вашемъ сердечкѣ.

Тогда новое поколѣніе, быть-можетъ, откликнется живымъ сочувствіемъ прежнему, былому;—и скажете вы, опустивъ въ раздумьѣ глазки: «какъ странно!—прежнія институтки во многомъ были похожи на насъ? И встарь чувствовали и думали подобно намъ!»...

Да. И встарь сильно билось теперь уже остывшее сердце, и горѣли живымъ румянцемъ теперь поблекшія щеки, и блестѣли яркимъ огнемъ, погасшія нынѣ очи [2]).

— Вы—какъ и мы встарь, мои милыя дѣтки!—Обстановка только другая.

И мы были молоды!.. Пройдетъ и ваша золотая пора!

Наслаждайтесь ею и смѣйтесь, пока жизнь улыбается, но подчасъ думайте о предстоящемъ вамъ далекомъ и трудномъ пути. Собирайте запасы, съ которыми могли бы совершить земное странствованіе во славу Божію и на пользу брата-человѣка, кто бы онъ ни былъ: будь онъ

[2]) Умерла «старая смолянка» 22 октября 1886 г. и погребена въ С.-Петербургѣ на кладбищѣ Воскресенскаго Новодѣвичьяго монастыря.
Сн. К. Зн.

славянинъ, китаецъ или турокъ, помните, что всѣ мы дѣти одного Отца.

Вотъ эти запасы: «*доброе сердце и просвѣщенный умъ, подкрѣпляемые Божественнымъ ученіемъ Христовымъ*».

Только съ этими нетлѣнными сокровищами благополучно окончите земную дорогу и выйдете невредимыми изъ многихъ предстоящихъ вамъ битвъ со страстями и безчисленными искушеніями всякаго рода.

Покамѣстъ смѣйтесь, милыя созданія, только что начинающія жить, но на досугѣ просматривайте предлагаемый вамъ отрывокъ изъ дневника одной изъ безчисленныхъ воспитанницъ кому-нибудь изъ васъ, быть-можетъ, какъ и мнѣ, «*родного*» института;—а, можетъ-быть, кому нибудь могущій оказаться не только пріятнымъ, но и полезнымъ.

Варвара Быкова.
1857 г.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Варвара Петровна Быкова родилась въ 1820 году. Получила воспитаніе въ Императорскомъ Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ, или, какъ въ то время было принято называть это заведеніе «въ Смольномъ Монастырѣ» [1]).

Окончивъ полный курсъ въ 1836 г., Варвара Петровна съ апрѣля 1846 г. по августъ 1858 г. служитъ воспитательницею или классною дамою въ Императорскомъ Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ, исполняя свои обязанности «*съ отмѣннымъ усердіемъ и отличнымъ успѣхомъ*». [2])

Въ 1858 году В. П. съ сестрою Анною Петровною уѣзжаютъ въ г. Иркутскъ.

Съ этого же года по 1879 г. встрѣчаемъ ее прежде всего ближайшею помощницею своей любимой сестры Анны Петровны — Начальницы Дѣвичьяго Института Восточной Сибири [3]).

---

[1]) Отъ этого названія Монастыря и воспитанницы Императорскаго Общества благородныхъ дѣвицъ, а также Александровскаго училища (съ 1892 г.—Института), помѣщавшихся въ бывшихъ въ прошломъ столѣтіи монастырскихъ зданіяхъ, получили названіе «*Монастырокъ*» или «*Смолянокъ*».

[2]) Свидѣтельство ея пр—ства кавалерственной дамы, г-жи Начальницы Импер. Восп. Об. бл. дѣвицъ, М. П. Леонтьевой отъ 1858 г. 23 авг. за № 758-мъ (Арх. Совѣта Об. бл. дѣвицъ).

[3]) Съ 22 іюня 1896 г. Высочайше переименованнаго въ Иркутскій Институтъ Императора Николая I-го.

Въ Сибири В. П. занимается больше частными уроками, въ институтѣ же преподаетъ въ разное время французскій языкъ и его литературу, музыку, исполняетъ обязанности секретаря Совѣта и секретаря г-жи Начальницы, классной и лазаретной дамы—remplaçante; несетъ обязанности попечительницы бѣдныхъ и больныхъ жителей г. Иркутска, состоитъ членомъ Комитета Краснаго Креста и строительницей богадѣльни въ г. Саратовѣ, исполняетъ и многія др. обязанности, *будучи не въ состояніи отказать тамъ, гдѣ видѣла нужду и чувствовала, что хоть какую-нибудь и кому-нибудь она можетъ принести пользу.*

Въ отношеніяхъ къ ближнему въ ней отразилось доброе сердце ея родителя.

Отецъ ея былъ типичный «николаевскій» полковникъ, всегда исправный служака, чрезвычайно умный, честный, религіозный,—патріотъ, какихъ мало; крѣпко любившій свою семью, а въ отношеніяхъ къ ближнимъ всегда являвшійся въ высшей степени добрымъ, отзывчивымъ человѣкомъ.

Дочери его «обожали» [4]).

Въ 1823 году Богъ судилъ ихъ отцу лишиться жены, оставившей четырехъ сиротъ: одного мальчика и трехъ дѣвочекъ, въ числѣ коихъ была и малолѣтняя «*Варя*». Самоотверженно предаваясь службѣ, получая частыя и дальнія командировки, Петръ Ивановичъ Быковъ принужденъ былъ нерѣдко, по служебнымъ обязанностямъ, оставлять дѣтей на попеченіе постороннихъ и не могъ всецѣло посвятить себя имъ, о чемъ часто и глубоко скорбѣлъ. Вслѣдствіе своей рѣдкой честности не разсчитывая послѣ себя оставить матеріальнаго благосостоянія, П. И. рѣшилъ, насколько было въ его силахъ, обезпечить будущность своихъ дочерей воспитаніемъ и образованіемъ.

Особенною его заботою въ этомъ отношеніи пользова-

---

[4]) Подробнѣе объ этомъ см. зап. 1834 г. 28-е и 29-е іюня и 1839 годъ.

лась маленькая «*Варенька*»—бойкій, пылкій, правдивый и вообще способный ребенокъ.

«*Я боюсь за тебя, Варенька, ты слишкомъ скора*», часто говаривалъ отецъ, всматриваясь въ ея дѣтскія шалости...

Въ 1827 году Царская милость помогла осуществиться мечтамъ Петра Ивановича. Высочайшимъ вниманіемъ «*къ его честной, самоотверженной службѣ*» [5]) обѣ дочери его, Анна и Варвара, были зачислены Царскими пенсіонерками въ Императорское Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ.

Институтъ этотъ въ 20-хъ годахъ XIX столѣтія считался самымъ высшимъ и привиллегированнымъ изъ всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеній въ Россіи; въ немъ-то и суждено было *воспитываться*, *учиться*, *приготовляться къ жизни и получить направленіе «земному странствованію»* малолѣтнимъ Аничкѣ и Варенькѣ Быковымъ. Даже можно сказать больше того: временно Институтъ долженъ былъ замѣнять имъ и родительскій кровъ.

Насколько успѣло въ этомъ вскормившее ихъ Учебное Заведеніе, можно было бы судить по полной біографіи, по описанію трудовъ этихъ выдававшихся своею плодотворною и полезною дѣятельностію воспитанницъ, а отчасти по прилагаемымъ ниже, хотя, къ сожалѣнію, далеко неполнымъ, запискамъ Варвары Петровны, но скромность сестеръ— эта неотъемлемая принадлежность, если не ошибаемся, всѣхъ «*старыхъ смолянокъ*»—не дозволила сдѣлать перваго, и съ робостью, послѣ долгихъ колебаній, не ожидая встрѣтить сочувствія, уже чрезъ 12 лѣтъ по смерти Варвары Петровны, Анна Петровна рѣшилась на второе, т. е. на согласіе издать хотя часть записокъ сестры, да и то въ крайне ограниченномъ числѣ экземпляровъ *для своихъ лишь воспитанницъ* [6]).

[5]) Извѣщеніе о принятіи дочерей въ Имп. Воспит. Об. б. дѣв. въ 1826-мъ году.

[6]) См. введеніе и 1-ю часть записокъ.

Осмѣливаемся думать, что не только для вышеуказанныхъ лицъ, но и всему Императорскому Воспитательному Обществу благородныхъ дѣвицъ, отличившему этихъ воспитанницъ шифрами: одну 3-имъ, другую 6-мъ въ весьма многочисленномъ (160 чел.) выпускѣ, а черезъ 9 лѣтъ по выпускѣ и принявшему ихъ къ себѣ на службу въ качествѣ воспитательницъ,—пріятно будетъ видѣть полное оправданіе въ жизни *своихъ* отличій и оцѣнки, — равно какъ знать о трудахъ и жизненныхъ подвигахъ *своихъ*-же воспитанницъ.

Обѣ онѣ: «Нута, Нюта или Annette» (какъ звали обычно Анну П.) и Варенька Быковы, въ благодарность за полученныя воспитаніе и образованіе, посвятили лучшіе годы своей жизни службѣ *«родному Смольному»* подъ руководствомъ опытной и безсмертной въ исторіи Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ—начальницы, Маріи Павловны Леонтьевой, съ даровитыми ея сподвижниками: М. М. Тимаевымъ, о. І. Недешевымъ, Е. О. Крафтъ, крѣпкой духомъ А. Д. Слонецкой, М. Г. Триттгофъ, Дельвигъ, Е. Гр. Богдановой и мн., мн. другими добрыми и даровитыми личностями. Съ особеннымъ пыломъ молодой труженицы отдавалась педагогической дѣятельности старшая сестра, Анна Петровна.

Вскорѣ, по поступленіи на службу, сестры завоевываютъ общія симпатіи съ репутаціею *«умныхъ»* барышень, а Варвара Петровна, кромѣ того, среди подругъ-сослуживицъ слыветъ *«поэтическою и религіозною душою»*, *«богомолкою»*, *«неземною Варенькою» и «нелюдимкою»*.

Не вдаваясь въ подробную оцѣнку дѣятельности сестеръ, какъ воспитательницъ и наставницъ (что, вѣроятно, будетъ сдѣлано болѣе компетентными людьми въ исторіи Императорскаго Воспит. Общ. благор. дѣвицъ), упомянемъ лишь, что въ краткій, сравнительно, періодъ ихъ службы въ Смольномъ, обѣимъ сестрамъ неоднократно предлагались лучшія, болѣе почетныя и обезпеченныя мѣста: Аннѣ Пет-

ровнѣ — мѣсто инспектрисы и дважды-начальницы женскихъ учебныхъ заведеній въ провинціи, а Варварѣ Петровнѣ — мѣста начальницъ въ нѣсколькихъ епархіальныхъ училищахъ [1]) и въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ; но онѣ, особенно на первыхъ порахъ службы *«въ родномъ Смольномъ»*, отказывались отъ подобныхъ предложеній, во-первыхъ, не чувствуя себя достаточно къ тому подготовленными, а во-вторыхъ, къ тому же ихъ побуждали и другія соображенія. Обѣ молодыя дѣвушки, будучи классными дамами въ Смольномъ, живо интересовались тѣмъ, что дѣлалось и за стѣнами Монастыря; интересовались вообще жизнію, такъ какъ въ нихъ, по ихъ же собственному выраженію, въ это время, *«жизнь еще била ключемъ»*.

Въ свободные отъ службы дни онѣ выѣзжали въ свѣтъ, вращаясь въ кругу даровитыхъ и просвѣщенныхъ людей, какъ напр. Бенедиктовъ, Глинка, Каратыгинъ, Гартонгъ, Баумгартенъ, Барокко и мног. др. Эти «выѣзды» освѣжали и подкрѣпляли ихъ, особенно въ неизбѣжныхъ непріятностяхъ съ сослуживцами и сослуживицами. Со многими изъ нихъ, иногда старшими по лѣтамъ и выше ихъ стоящими въ іерархіи власти, онѣ, быть-можетъ и какъ молодыя, расходились во взглядахъ. А это не только ограничивало свободу ихъ дѣйствій, но зачастую заставляло поступать прямо *въ разрѣзъ со своими собственными убѣжденіями*, что, конечно, причиняло не мало страданій. Это была темная сторона ихъ жизни въ «родномъ» и крѣпко любимомъ заведеніи, доставлявшая горькія минуты, которыя, несмотря на всю привязанность молодыхъ наставницъ къ «своему Смольному», иногда порождали въ сестрахъ желаніе оставить службу въ Монастырѣ и посвятить себя иной, *«болѣе свободной»*, педагогической дѣятельности. Подобное желаніе осо-

---

[1]) Епископами, часто посѣщавшими Смольный и М. П. Леонтьеву († въ 1874 г.).

бенно сильно укоренилось во впечатлительной, увлекавшейся и привыкшей анализировать мелочи своей жизни и чувства, въ поэтически настроенной и *«жаждавшей свободы»* Варенькѣ.

И Господь благословляетъ выполненіе ихъ желаній.

Въ 1858 г. статсъ-дама Ея Императорскаго Величества покойной Императрицы Александры Өеодоровны Графиня Юлія Өеодоровна Баранова, знавшая Быковыхъ, какъ лучшихъ воспитанницъ своей покойной матери, Начальницы Имп. В. Общ. благ. дѣвицъ Юліи Өеодоровны Адлербергъ, предоставила Аннѣ Петровнѣ Быковой мѣсто Начальницы Института дѣвицъ Восточной Сибири.

Дѣло предстояло новое, многотрудное, за 6000 верстъ отъ Петербурга, въ краю малоизвѣстномъ; но подкрѣпляемая твердою вѣрой въ Бога и Его всеблагой Промыселъ, одушевляемая любовью къ дѣтямъ, Анна Петровна, недолго колеблясь, приняла назначеніе.

Могла ли же безъ нея остаться младшая ея сестра, «неземная ея Варенька», отъ колыбели не разлучавшаяся съ сестрою и составлявшая какъ бы неотъемлемую часть Нуточки?

Августа 14-го дня 1858 года Государыня Императрица Александра Өеодоровна, лично ознакомившись съ Анною Петровною, собрала о ней необходимыя свѣдѣнія и соизволила утвердить ее Начальницею Дѣвичьяго Института Восточной Сибири, а 20 августа уже *собственноручно* благословила ихъ въ трудный путь [8]).

«Варенька» подаетъ прошеніе объ увольненіи изъ классныхъ дамъ Императорскаго Общества благородныхъ дѣвицъ, — и обѣ сестры въ сентябрѣ 1858 г. отправились въ Сибирь.

---

[8]) Изъ писемъ Варвары Петровны къ сестрѣ ея Елиз. Петровнѣ 1852—60 г. См. зап. ч. 2-я, 1858 г. 30 авг.

Въ Иркутскѣ Быковы прослужили девятнадцать лѣтъ. О перечувствованномъ, пережитомъ въ новомъ мѣстѣ, на новомъ поприщѣ, съ кѣмъ и съ чѣмъ имъ пришлось тамъ встрѣтиться, передается во II-ой части записокъ «старой Смолянки» (съ 1858 г.).

Соприкосновенія вѣрующей и вѣрноподданной чисто русской души съ озлобленными ссыльными—съ поляками, съ «зарвавшимися либералами» и съ личностями подобныхъ воззрѣній, ея справедливый христіанскій взглядъ на сгубившихъ себя, ея здравомыслящая характеристика этихъ несчастныхъ, если бы сохранились даже и въ большемъ объемѣ, то несомнѣнно представили бы весьма интересный и поучительный матеріалъ. Къ сожалѣнію, эти случайно дошедшія до насъ записки, самою же Варварою Петровною сильно укорочены и лишены желательной полноты значительными сокращеніями, сдѣланными по разнымъ причинамъ—въ особенности, вслѣдствіе присущей ей всегда скромности и христіанскаго нежеланія говорить о комъ бы то ни было худо. Особенную же осторожность В. П. проявила въ концѣ 70-хъ годовъ, уничтоживъ почти половину своихъ записей и писемъ. Осталось лишь немогущее никого обидѣть простое, безъискусственное продолженіе институтскаго дневника, или откровенныя помѣтки пережитаго и перечувствованнаго на ея жизненномъ пути. Тѣмъ не менѣе и въ оставшихся отрывкахъ *отразилась чистота и прелесть этой русской, чудной, благородно-самолюбивой и отзывчивой души, полной любви къ Богу и ближнему, къ Царю, Отечеству и даже ко врагамъ!...*

Дѣятельность сестеръ Быковыхъ въ Иркутскѣ, ихъ тактъ, умѣнье себя поставить въ обществѣ лицъ, часто озлобленныхъ, враждебно относившихся къ здравому, честному и ко всему русскому—достойны всякой похвалы. Несочувствіе моднымъ взглядамъ и желаніе уберечь своихъ питомицъ отъ увлеченія слишкомъ либеральными идеями 60-хъ годовъ, въ изо-

биліи въ этихъ годахъ заносимыми и въ Сибирь, нерѣдко создавали сестрамъ ужасныя положенія. Но и при такихъ крайне тяжкихъ условіяхъ эти двѣ, повидимому, слабыя, изнѣженныя «смолянки», въ глуби Сибири держатъ столь высоко знамя вѣрноподданничества, религіозной, честной искромной труженической жизни что по отзывамъ ихъ высокопоставленныхъ современниковъ, лично свидѣтельствовавшихъ результаты ихъ дѣятельности, какъ напр. Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексѣя Александровича [9]), Гр. Н. Н. Муравьева - Амурскаго, Преосвященнаго Парфенія и Веніамина—епископовъ Иркутскихъ и мн. другихъ [10]), высокопоставленныхъ лицъ,—управленіе ихъ заведеніемъ названо *«золотымъ временемъ»* Иркутскаго Института, а въ *исторіи города Иркутска онѣ составили «Быковскую эру»* [11]).

Плоды дѣятельности этихъ Смолянокъ не ограничивались только предѣлами Иркутской губерніи, но благотворно разливались почти на всю Сибирь, доставляя въ отдаленныя женскія учебныя заведенія прекрасный, благовоспитанный, вѣрующій персоналъ служащихъ, выдающійся своими познаніями, административнымъ тактомъ и любовію къ честному труду на пользу Царю, родинѣ и ближнимъ [12]).

«Ваши воспитанницы», писалъ графъ Муравьевъ-Амурскій Аннѣ Петровнѣ: *«сколько я ихъ встрѣчалъ въ Сибири,—всѣ вѣрующія»* [13]).

---

[9]) См. зап. 1858 г. примѣч., Высочайшіе рескрипты Аннѣ Петровнѣ (часть -я, стр. 423, прим. 1-е).

[10]) Изъ частной ихъ переписки.

[11]) См. историч. очер. Иркутскаго Института за 1845—1895 г. (стр. 64 Иркутскъ, 1896 г.).

[12]) Изъ ихъ воспитанницъ, вышли нынѣшнія Начальницы почти всѣхъ мѣстныхъ (Сибирскихъ) жен. учеб. заведеній (ibidem. ст. 64).

[13]) Письмо въ февралѣ 1861 г., послѣ объѣзда имъ Восточной Сибири.

XV

Заслуги сестеръ Быковыхъ были отмѣчены и щедро оцѣнены также всею Царскою Семьею. Высочайшіе рескрипты, дорогіе подарки, личное Ихъ Императорскихъ Величествъ и Высочествъ вниманіе, Высочайшія благодарности получаются и донынѣ здравствующею Анною Петровною [14]). А рѣдкая признательность воспитанныхъ подъ ихъ материнскимъ руководствомъ «сибирячекъ», т. е. бывшихъ Иркутскихъ воспитанницъ, услаждаетъ старческіе годы Анны Петровны, являясь обильной жатвой съ хорошо обработанной и засѣянной нивы. Приходилось видѣть множество самыхъ признательныхъ писемъ родителей и родственниковъ бывшихъ воспитанницъ Быковыхъ.

Самая же высшая награда таковыхъ людей, конечно, это собственное сознаніе, что онѣ *трудились* въ жизни, подобно Апостолу, «*подвигомъ добрымъ подвизаясь, теченіе совершили, вѣру соблюли*» [15]).

Да воздастъ имъ Господь, Праведный Судія, вѣнецъ правды и не только имъ, но и всѣмъ, ими воспитаннымъ, унаслѣдовавшимъ вѣру съ нравственными принципами своихъ почтенныхъ воспитательницъ за ихъ христіанскую любовь, честность и самоотверженный трудъ на благо ближняго, на славу всѣмъ намъ дорогой *Россіи*.

Въ доброе воспоминаніе о пережитомъ этими благовоспитанными смолянками и предлагаются благосклонному вниманію читателей отрывки уцѣлѣвшихъ записокъ. Быть-можетъ, *ихъ простыя чистыя мысли утѣшатъ въ горькую минуту*

---

[14]) Всѣхъ рескриптовъ пять, подарковъ — 12, а 17 марта 1898 г. Анна Петровна Высочайше принята Императрицею Маріею Ѳеодоровною, внѣ очереди, въ число пенсіонерокъ СПБ. Вдовьяго Дома.

[15]) 2 Тимоѳ. 4. 7 и 8.

не одну страждущую душу и озарятъ свѣтомъ истины не одинъ еще неокрѣпшій умъ.

Этимъ же изданіемъ исполняются: завѣщаніе глубокочтимой Варвары Петровны, отошедшей отъ насъ въ давно желанное для нея мѣсто упокоенія, просьба благоговѣйно почитающей ея память достоуважаемой Анны Петровны, а также предлагается утѣшеніе ихъ бывшимъ воспитанницамъ и лицамъ, знавшимъ покойную, которыя много разъ изъявляли сердечное желаніе познакомиться съ записками своей воспитательницы.

Самимъ авторомъ эти записки и письма не были къ изданію подготовлены. Большая часть ихъ, видимо, ни разу по написаніи не прочитана: годы и числа рѣдко *гдѣ проставлены.* Притомъ же рукописи четыре раза путешествовали изъ Петербурга въ Иркутскъ, а потому во многихъ мѣстахъ помѣтки карандашемъ и тушью совершенно стерлись, и возстановить ихъ первоначальный текстъ во многихъ случаяхъ невозможно.

При изданіи многое, особенно относящееся къ ученическимъ годамъ, со стороны стилистики и даже орѳографіи оставлено почти безъ всякихъ поправокъ. Сохранены и мелкія подробности, чтобы дать *возможно полное* представленіе о религіозномъ умственномъ и нравственномъ развитіи институтки 30-хъ годовъ и оттѣнить всѣ ея душевные изгибы въ борьбѣ съ волнами житейскаго моря.

Въ примѣчанія вошло кое-что добытое и по возможности провѣренное отъ престарѣлыхъ институтокъ, не сегодня — завтра готовыхъ навѣки унести отъ насъ весьма многое, исторически интересное, изъ видѣннаго и пережитаго ими. Для удобства гг. читающихъ и для большей наглядности измѣненія взглядовъ «с. смолянки», въ примѣчаніяхъ-же указаны параллельныя мѣста и сообщаются краткія свѣдѣнія о встрѣчающихся собственныхъ именахъ, алфа... коихъ приложенъ въ концѣ книги.

ровнѣ—мѣсто инспектрисы и дважды-начальницы женскихъ учебныхъ заведеній въ провинціи, а Варварѣ Петровнѣ—мѣста начальницъ въ нѣсколькихъ епархіальныхъ училищахъ [7]) и въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ; но онѣ, особенно на первыхъ порахъ службы *«въ родномъ Смольномъ»*, отказывались отъ подобныхъ предложеній, во-первыхъ, не чувствуя себя достаточно къ тому подготовленными, а во-вторыхъ, къ тому же ихъ побуждали и другія соображенія. Обѣ молодыя дѣвушки, будучи классными дамами въ Смольномъ, живо интересовались тѣмъ, что дѣлалось и за стѣнами Монастыря; интересовались вообще жизнію, такъ какъ въ нихъ, по ихъ же собственному выраженію, въ это время, *«жизнь еще била ключемъ»*.

Въ свободные отъ службы дни онѣ выѣзжали въ свѣтъ, вращаясь въ кругу даровитыхъ и просвѣщенныхъ людей, какъ напр. Бенедиктовъ, Глинка, Каратыгинъ, Гартонгъ, Баумгартенъ, Барокко и мног. др. Эти «выѣзды» освѣжали и подкрѣпляли ихъ, особенно въ неизбѣжныхъ непріятностяхъ съ сослуживцами и сослуживицами. Со многими изъ нихъ, иногда старшими по лѣтамъ и выше ихъ стоящими въ іерархіи власти, онѣ, быть-можетъ и какъ молодыя, расходились во взглядахъ. А это не только ограничивало свободу ихъ дѣйствій, но зачастую заставляло поступать прямо *въ разрѣзъ со своими собственными убѣжденіями*, что, конечно, причиняло не мало страданій. Это была темная сторона ихъ жизни въ «родномъ» и крѣпко любимомъ заведеніи, доставлявшая горькія минуты, которыя, несмотря на всю привязанность молодыхъ наставницъ къ «своему Смольному», иногда порождали въ сестрахъ желаніе оставить службу въ Монастырѣ и посвятить себя иной, *«болѣе свободной»*, педагогической дѣятельности. Подобное желаніе осо-

---

[7]) Епископами, часто посѣщавшими Смольный и М. П. Леонтьеву († въ 1874 г.).

бенно сильно укоренилось во впечатлительной, увлекавшейся и привыкшей анализировать мелочи своей жизни и чувства, въ поэтически настроенной и «*жаждавшей свободы*» Варенькѣ.

И Господь благословляетъ выполненіе ихъ желаній.

Въ 1858 г. статсъ-дама Ея Императорскаго Величества покойной Императрицы Александры Θеодоровны Графиня Юлія Θеодоровна Баранова, знавшая Быковыхъ, какъ лучшихъ воспитанницъ своей покойной матери, Начальницы Имп. В. Общ. благ. дѣвицъ Юліи Θеодоровны Адлербергъ, предоставила Аннѣ Петровнѣ Быковой мѣсто Начальницы Института дѣвицъ Восточной Сибири.

Дѣло предстояло новое, многотрудное, за 6000 верстъ отъ Петербурга, въ краю малоизвѣстномъ; но подкрѣпляемая твердою вѣрой въ Бога и Его всеблагой Промыселъ, одушевляемая любовью къ дѣтямъ, Анна Петровна, недолго колеблясь, приняла назначеніе.

Могла ли же безъ нея остаться младшая ея сестра, «неземная ея Варенька», отъ колыбели не разлучавшаяся съ сестрою и составлявшая какъ бы неотъемлемую часть Нуточки?

Августа 14-го дня 1858 года Государыня Императрица Александра Θеодоровна, лично ознакомившись съ Анною Петровною, собрала о ней необходимыя свѣдѣнія и соизволила утвердить ее Начальницею Дѣвичьяго Института Восточной Сибири, а 20 августа уже *собственноручно* благословила ихъ въ трудный путь [8]).

«Варенька» подаетъ прошеніе объ увольненіи изъ классныхъ дамъ Императорскаго Общества благородныхъ дѣвицъ, — и обѣ сестры въ сентябрѣ 1858 г. отправились въ Сибирь.

---

[8]) Изъ писемъ Варвары Петровны къ сестрѣ ея Елиз. Петровнѣ 1852—60 г. См. зап. ч. 2-я, 1858 г. 30 авг.

Въ Иркутскѣ Быковы прослужили девятнадцать лѣтъ. О перечувствованномъ, пережитомъ въ новомъ мѣстѣ, на новомъ поприщѣ, съ кѣмъ и съ чѣмъ имъ пришлось тамъ встрѣтиться, передается во II-ой части записокъ «старой Смолянки» (съ 1858 г.).

Соприкосновенія вѣрующей и вѣрноподданной чисто русской души съ озлобленными ссыльными—съ поляками, съ «зарвавшимися либералами» и съ личностями подобныхъ воззрѣній, ея справедливый христіанскій взглядъ на сгубившихъ себя, ея здравомыслящая характеристика этихъ несчастныхъ, если бы сохранились даже и въ большемъ объемѣ, то несомнѣнно представили бы весьма интересный и поучительный матеріалъ. Къ сожалѣнію, эти случайно дошедшія до насъ записки, самою же Варварою Петровною сильно укорочены и лишены желательной полноты значительными сокращеніями, сдѣланными по разнымъ причинамъ—въ особенности, вслѣдствіе присущей ей всегда скромности и христіанскаго нежеланія говорить о комъ бы то ни было худо. Особенную же осторожность В. П. проявила въ концѣ 70-хъ годовъ, уничтоживъ почти половину своихъ записей и писемъ. Осталось лишь немогущее никого обидѣть простое, безъискусственное продолженіе институтскаго дневника, или откровенныя помѣтки пережитаго и перечувствованнаго на ея жизненномъ пути. Тѣмъ не менѣе и въ оставшихся отрывкахъ *отразилась чистота и прелесть этой рѣдкой, чудной, благородно-самолюбивой и отзывчивой души, полной любви къ Богу и ближнему, къ Царю, Отечеству и даже ко врагамъ!...*

Дѣятельность сестеръ Быковыхъ въ Иркутскѣ, ихъ тактъ, умѣнье себя поставить въ обществѣ лицъ, часто озлобленныхъ, враждебно относившихся къ здравому, честному и ко всему русскому—достойны всякой похвалы. Несочувствіе моднымъ взглядамъ и желаніе уберечь своихъ питомицъ отъ увлеченія слишкомъ либеральными идеями 60-хъ годовъ, въ изо-

Государыня Императрица

Александра Өеодоровна.

Заслуги сестеръ Быковыхъ были отмѣчены и щедро оцѣнены также всею Царскою Семьею. Высочайшіе рескрипты, дорогіе подарки, личное Ихъ Императорскихъ Величествъ и Высочествъ вниманіе, Высочайшія благодарности получаются и донынѣ здравствующею Анною Петровною [14]). А рѣдкая признательность воспитанныхъ подъ ихъ материнскимъ руководствомъ «сибирячекъ», т. е. бывшихъ Иркутскихъ воспитанницъ, услаждаетъ старческіе годы Анны Петровны, являясь обильной жатвой съ хорошо обработанной и засѣянной нивы. Приходилось видѣть множество самыхъ признательныхъ писемъ родителей и родственниковъ бывшихъ воспитанницъ Быковыхъ.

Самая же высшая награда таковыхъ людей, конечно, это собственное сознаніе, что онѣ *трудились* въ жизни, подобно Апостолу, *«подвигомъ добрымъ подвизаясь, теченіе совершили, вѣру соблюли»* [15]).

Да воздастъ имъ Господь, Праведный Судія, вѣнецъ правды и не только имъ, но и всѣмъ, ими воспитаннымъ, унаслѣдовавшимъ вѣру съ нравственными принципами своихъ почтенныхъ воспитательницъ за ихъ христіанскую любовь, честность и самоотверженный трудъ на благо ближняго, на славу всѣмъ намъ дорогой *Россіи.*

Въ доброе воспоминаніе о пережитомъ этими благовоспитанными смолянками и предлагаются благосклонному вниманію читателей отрывки уцѣлѣвшихъ записокъ. Быть-можетъ, *ихъ простыя чистыя мысли утѣшатъ въ горькую минуту*

---

[14]) Всѣхъ рескриптовъ пять, подарковъ — 12, а 17 марта 1898 г. Анна Петровна Высочайше принята Императрицею Маріею Ѳеодоровною, внѣ очереди, въ число пенсіонерокъ СПБ. Вдовьяго Дома.

[15]) 2 Тимоѳ. 4. 7 и 8.

не одну страждущую душу и озарятъ свѣтомъ истины не одинъ еще неокрѣпшій умъ.

Этимъ же изданіемъ исполняются: завѣщаніе глубокочтимой Варвары Петровны, отошедшей отъ насъ въ давно желанное для нея мѣсто упокоенія, просьба благоговѣйно почитающей ея память достоуважаемой Анны Петровны, а также предлагается утѣшеніе ихъ бывшимъ воспитанницамъ и лицамъ, знавшимъ покойную, которыя много разъ изъявляли сердечное желаніе познакомиться съ записками своей воспитательницы.

Самимъ авторомъ эти записки и письма не были къ изданію подготовлены. Большая часть ихъ, видимо, ни разу по написаніи не прочитана: годы и числа рѣдко *гдѣ проставлены.* Притомъ же рукописи четыре раза путешествовали изъ Петербурга въ Иркутскъ, а потому во многихъ мѣстахъ помѣтки карандашемъ и тушью совершенно стерлись, и возстановить ихъ первоначальный текстъ во многихъ случаяхъ невозможно.

При изданіи многое, особенно относящееся къ ученическимъ годамъ, со стороны стилистики и даже ороографіи оставлено почти безъ всякихъ поправокъ. Сохранены и мелкія подробности, чтобы дать *возможно полное* представленіе о религіозномъ умственномъ и нравственномъ развитіи институтки 30-хъ годовъ и оттѣнить всѣ ея душевные изгибы въ борьбѣ съ волнами житейскаго моря.

Въ примѣчанія вошло кое-что добытое и по возможности провѣренное отъ престарѣлыхъ институтокъ, не сегодня — завтра готовыхъ навѣки унести отъ насъ весьма многое, исторически интересное, изъ видѣннаго и пережитаго ими. Для удобства гг. читающихъ и для большей наглядности измѣненія взглядовъ «с. смолянки», въ примѣчаніяхъ-же указаны параллельныя мѣста и сообщаются краткія свѣдѣнія о встрѣчающихся собственныхъ именахъ, алфавитъ коихъ приложенъ въ концѣ книги.

Чуждые всякихъ литературныхъ претензій и матеріальныхъ разсчетовъ мы искренно порадуемся, если кто-нибудь, заглянувъ въ предлагаемый трудъ, скажетъ: *«не все то худо, что старо»...*

А если кто почерпнетъ изъ него хоть каплю утѣшенія въ горѣ, или найдетъ добрый примѣръ вѣры, надежды или любви, — этихъ надежнѣйшихъ якорей въ честной жизни почившей, — то мы сердечно порадуемся столь дорогой наградѣ (Мѳ. 5. 19) за свой трудъ и изданіе.

Свящ. К. Знаменскій.

Смольный Монастырь.
Вдовій Домъ.
1898 г.

P. S. Приносимъ сердечную благодарность ея сіятельству графинѣ Е. Н. Адлербергъ и его превосходительству П. Я. Дашкову, подѣлившимися съ нами своими историческими сокровищами, а также всѣмъ, сочувственно относившимся къ этому изданію.

С. К. З.

Государыня Императрица

Александра Ѳеодоровна.

Государь Императоръ

Николай Павловичъ.

„Читайте, юныя сердца,
И поучайтесь отъ старушекъ:
Онѣ тѣ жъ были, что и вы;
Но какъ среди различныхъ испытаній
Остались чисты...“

(Изъ письма Святогорца С. 1850 г.).

... Богъ, Царь и вѣра—защита чистотѣ.

Народы, щадите и любите другъ друга!

(Великій призывъ Русскаго Царя міра къ миру).

12 Августа 1898 г.

Видъ Смольнаго въ началѣ XIX-го столѣтія *).

1833 г.

ЗАПИСКИ
воспитанницы Смольнаго Монастыря
ВЪ „БѢЛОМЪ“ КЛАССѢ [1]).—ГОДЪ I-й.

«Soleils, mondes flottants, qui voguez avec nous,
Dites, si Zeus vous a dit, où donc allons nous tous?

[Переводъ]. Звѣзды, плывущія планеты, которыя движетесь съ нами, скажите, если Зевесъ вамъ сказалъ, куда же идемъ всѣ мы?

Пріѣздъ Императрицы. Словецкій. Смущеніе. Шевандина. Императрица въ классѣ. Ушакова. М-мъ Панчулидзева и «Бабушка». Наши отвѣты. Мать-Императрица довольна.

1833 г. 19 мая. Сегодня Ея Императорское Ве-

*) Съ акварели Н. Черпецова изъ замѣчательной коллекціи гравюръ и рукописей П. Я. Дашкова.

[1]) Т. е. въ старшемъ, воспитанницы котораго въ особо торжествен-

личество Императрица Александра Феодоровна [2]) осчастливила насъ своимъ прибытіемъ въ Монастырь.

У насъ въ «городскомъ» [3]) классѣ былъ г-нъ Слонецкій [4]). Никто Императрицу не ожидалъ.

Наша лавка [5]) стояла одною изъ ближайшихъ къ каѳедрѣ, и, конечно, всякая изъ насъ трепетала въ ожиданіи вопросовъ. Отвѣчавшая въ это время Шевандина [6]) первая увидѣла въѣзжавшую карету Императрицы и, окончивъ свое повѣствованіе, объявила о томъ всѣмъ нашимъ и г-ну Слонецкому [7]).

Почтенный, бѣловласый старичекъ немножко, кажется, струсилъ, однако-же не потерялъ присутствія духа; онъ отослалъ вызванныхъ на мѣсто и продолжалъ спрашивать, не заставляя выходить къ каѳедрѣ.

ныхъ случаяхъ надѣвали бѣлыя платья. Первый годъ, при трехгодичномъ курсѣ, въ старшемъ классѣ.

[2]) Супруга Императора Николая I, дочь короля Прусскаго Фридриха Вильгельма III. Родил. 1-го іюля 1798 года, † 19 октября 1860 г. Матерински заботилась о всѣхъ учрежденіяхъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, съ 1828 года поступившихъ подъ покровительство Ея Величества.

[3]) Т. е. въ выходящемъ окнами на Леонтьевскую улицу или въ Адлербергскій скверъ, противоположный классамъ „невскимъ“, т. е. выходившимъ окнами на Неву.

[4]) Доміанъ Гавриловичъ, препод. всеобщей гражд. исторіи въ Имп. Восп. Общ. бл. дѣвицъ съ 1828 по 1838 г. и въ Училищѣ орд. св. Екатерины съ 1799 г. Религіозный, уважаемый, весьма ревностный къ своей службѣ старецъ. За особое усердіе къ службѣ Императрицею Маріею Ѳеодоровною въ 1826 году награжденъ чиномъ Надворнаго Совѣтника (о немъ см. записки 1-го, 3-го іюня 1833 года и 4 авг. 1835 года)

[5]) Парта или скамейка на шесть человѣкъ—съ открывавшейся верхней доской.

[6]) Воспитанница (=„*вос—ца*“) 1-го отдѣл. бѣлаго класса Эмилія Алексѣевна, вып. 1836 года

[7]) Учителей и классныхъ дамъ воспитанницы обыкновенно называли только по фамиліи, а потому часто и по выходѣ изъ заведенія, не знали ихъ по имени и отчеству.

Инспекторъ классовъ

Матвѣй Максимовичъ ТИМАЕВЪ.

М. М. Тимаевъ и его уроки.

26 мая. Пятница. Какъ счастливъ тотъ кто одаренъ краснорѣчіемъ! Какъ счастливъ и нашъ Тимаевъ [1]), обладая умѣньемъ придавать особую прелесть тому, что онъ говоритъ и читаетъ.

Теперь не удивляюсь, что греческіе ораторы такъ сильно вліяли на своихъ слушателей. Тимаевъ, навѣрно уступающій Демосѳену, Эсхилу и друг., своимъ краснорѣчіемъ, такъ увлекаетъ насъ, что слушая его, забываешь себя и думаешь, что ты не на землѣ и не въ классѣ, а тамъ и съ тѣмъ о чемъ онъ говоритъ. Я не знаю, какъ о немъ судятъ другія, но,

---

чайшемъ Его Величества присутствіи, даже когда *Государь* стоялъ (хотя этимъ правомъ она не дозволяла себѣ пользоваться). Императоръ Николай I-й обращался съ нею какъ съ родною, подходя къ ея рукѣ. У ея внучки, достоуважаемой Граф. Ек. Ник. Адлербергъ, вдовы г. Минист. Имп. Двора Ал. Влад. Адлербергъ, смолянки выпус. 1830 г., взлелѣянной «Бабушкою», сохраняются и письма Императора Николая I-го къ Юліи Ѳеодоровнѣ писанныя Его дѣтскою рукою. Умерла «Бабушка» на службѣ, оставивъ по себѣ прекрасную память—доброй и умной начальницы. (См. 1 іюня 1833 г.).

Портретъ ея снятъ съ рѣдкой гравюры изъ родовыхъ альбомовъ Ея Сіятельства Ек. Ник. Граф. Адлербергъ (рож. Полтавцевой) при любезномъ содѣйствіи Свѣтлѣйшей Кн. Е. А. Ливенъ.

---

[1]) Тимаевъ, Матвѣй Максимовичъ—выдававшійся педагогъ, инспекторъ классовъ Императ. Общ. бл. дѣвицъ и педаг. клас. Александр. Уч. На службѣ съ 22 марта 1823 г. по 27 февраля 1857 года. Преподав. рус. исторію, россійскую словесн. и переводы у пепиньерокъ.

Въ 1811 году изъ Педагогическаго Института командированъ на 3 года заграницу, «для узнанія разныхъ методовъ воспитанія». Въ Англіи слушалъ Ланкастера, ѣздилъ во Францію и Швейцарію, *оказалъ*, по отзыву ордин. проф. В. Шнейдера, «отличнѣйшія педагогическія познанія и особенно методическое искусство и *имѣетъ* *педагога счастливѣйшія дарованія*».

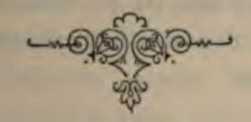
Преподавалъ въ разное время въ Учительск. Институтѣ (не Россіи), въ Военно-учительск. Институтѣ (арие.), въ С.П.Бургск. ,

Madame d'ADLERBERG.

Dame d'honneur de S. M. l'Impératrice, Supérieure de la Communauté des Demoiselles nobles et *Dame de la petite croix* de l'ordre de S-te Catherine.

«Бабушка» [5]), эта почтенная добрѣйшая женщина, посѣдѣвшая въ наставленiяхъ юности, была также чрезвычайно довольна нашими успѣхами.

Какъ-то пойдетъ экзаменъ Слонецкаго? [6]) Что-то въ успѣхѣ сомнительно!... а за себя я ужъ никакъ не ручаюсь: ничего не повторяла и не могу ни за что приняться,—такая скука, или утомленiе, или непреодолимая лѣнь,—не понимаю что?!...



Конецъ экзаменамъ. Старичекъ Слонецкiй [1]). Демосѳенъ Тимаевъ. [2])

3 iюня. Суббота. Слава Богу! слава Богу! конецъ экзаменамъ.

Нашъ старичекъ едва не плакалъ отъ радости, слушая, какъ наши отвѣчали. Бѣдняжка! онъ такъ любитъ нашъ классъ; ему будетъ жаль съ нами разстаться [3]).

Говорятъ, что 13-го числа начнутъ уже къ намъ ходить учителя бѣлаго класса. Первый, вѣроятно, обновитъ нашъ классъ Демосѳенъ, [4]) но тогда онъ изъ словесника оратора преобразится въ историка. Впрочемъ все равно. Онъ все, и

шiй доброе сердце. Любилъ Смольный какъ что то родное, женился на смолянкѣ, вып. 1839 г. Елизаветѣ Андреевнѣ Бархатовой, впослѣдствiи любимой камеръ-фрау Ея И. Выс. В. Кн. Ольги Ѳеодоровны. Умеръ въ 1852 году и погреб. на Волковскомъ кладбищѣ, близь Большой церкви.

[5]) См. 19 мая 1833 г. Прим. 10.

[6]) См. 1833 г. 19 мая. Прим. 4.

---

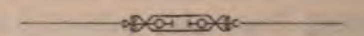
[1]) См. 1883 г. 19 мая. Прим. 4-ое.

[2]) См. 1833 г. 26 мая, прим. 1-ое.

[3]) Д. Г. Слонецкiй преподавалъ у нихъ въ классѣ послѣднiй годъ.

[4]) М. М. Тимаевъ, помощ. Инспект. классовъ,—въ бѣломъ классѣ читалъ русск. исторiю.

даже колючій шиповникъ или горькую полынь умѣетъ покрыть душистыми розами и лиліями! Въ его словахъ все принимаетъ другой видъ и потому урокъ исторіи будетъ не менѣе пріятенъ урока русской словесности.



5 Іюня. Понедѣльникъ. И въ Невскомъ классѣ [1]) (окнами на Неву) оконченъ послѣдній экзаменъ (въ другомъ отдѣленіи того же класса).

О дарѣ слова: Германецъ Гедте—его урокъ. M-eur Риффе,—Тимаевъ.

6 іюня. Вторникъ. Отчего-это не всѣ одарены одинаковымъ даромъ слова? Отчего одно и тоже, слышанное изъ устъ двухъ разныхъ лицъ, кажется совсѣмъ инымъ?...

Жаль, право жаль, что не всѣ учителя умѣютъ занимать пріятно наше воображеніе и чувства, но часто наводятъ такую страшную скуку, что, просто невыносимо.

Примѣръ сего можно видѣть изъ бывшихъ сегодня трехъ уроковъ.

Вторые часы по утру [1]) былъ германецъ Гедте [2]), преподающій родной языкъ наилучшимъ образомъ «Seine Muttersprache auf die allerbeste Art, т. е. изъясняя что-нибудь

---

[1]) См. 1833 г. 19 мая. Прим. 3.

---

[1]) Урокъ длился $1^1/_2$ часа, начиная съ 9 час. утра. „Вторые часы", т. е. отъ 2-хъ до 5 час. дня или послѣ обѣда.

[2]) Гедте, Федоръ Ивановичъ, высокій, худощавый, въ очкахъ, плохо говорившій по-русски и вооб. не обладавшій даромъ слова,—преподавалъ съ 1830 г. въ Имп. Об. бл. дѣв. нѣмецкую грамматику. Благодушный и по аккуратности типичный нѣмецъ.

О, надежда! надежда! ты бываешь иногда слишкомъ обманчива.

Впредь буду стараться не заходить далеко, гоняясь за тобою... Но что это за философія? Откуда набралась я такихъ сужденій? Ха, ха, ха,—ужъ не философъ-ли я? Какъ будто со мною случилось что-то особенное, какое нибудь большое несчастіе! Ничуть не бывало.

Маловажное происшествіе было причиною всего вышесказаннаго.

Для памяти я запишу его здѣсь.

Лиза Курошъ [1]), Алиночка Демидова [2]) и другія; всѣхъ насъ человѣкъ шесть, уговорились составить *Общество для каникулъ.* [3]) Сказано—сдѣлано. Нашли столъ, [4]) написали имена, занимающихъ оный, и стали придумывать дать ему имя достойное столь почтеннаго собранія. Думали, думали и наименовали это мѣсто «Швейцарія». [5]) Положено было въ многоголовномъ совѣтѣ на всѣхъ углахъ этого стола что-нибудь написать. На первомъ опредѣлено начертать слѣдующія строки: «*Собраніе чувствительныхъ сердецъ*»; на второмъ: «*Общество любительницъ природы и всего изящнаго*»; на третьемъ: «*надежный пріютъ всѣмъ неимущимъ крова*»; на четвертомъ еще ничего не было опредѣлено; теперь-бы я сказала: «*убѣжище всѣмъ ослѣпленнымъ счастіемъ*», но только, увы!—поздно! стола ужъ нѣтъ и негдѣ писать.

Мы восхищались тѣмъ, что будетъ. Представляли себѣ то удовольствіе, которое имѣли бы мы, если бы чьи нибудь взоры остановились на сихъ надписяхъ и улыбка осѣнила бы

---

[1]) См. 1833 г. 26 мая, прим. 3.

[2]) Александра Николаевна, дочь Дѣйств. Ст. Совѣт., вос—ца Имп. общ. бл. дѣв., вып. 1836 г., по мужу Графиня Армфельдтъ.

[3]) На каникулы воспитанницы не увольнялись.

[4]) Въ саду Имп. Общ. бл. дѣв., выходящемъ на Неву.

[5]) Гдѣ теперь лазаретъ Александровскаго Института была густая роща съ горкою, такая же горка была и у «Монастырскаго дворика,»—теперь та и другая уничтожены.

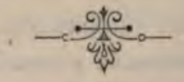
ихъ уста, при прочтенiи начертанныхъ строкъ «глубокомысленными юными вѣтренницами».

Но что значатъ наши замыслы?!—все суета. Мы радовались прiобрѣтенiю мѣста со столомъ и мысленно уносились въ будущее, представлявшееся намъ блистающимъ дивными красками въ предполагаемыхъ «проказахъ» членовъ нашего общества, а между тѣмъ, ни столъ, ни мѣсто намъ не принадлежали.

Матюкина и Ратманова, [6]) какъ будто-бы на зло намъ, еще по утру заняли эти мѣста и намъ осталось—ничего.

Въ одинъ мигъ исчезла наша радость, какъ только мы услышали изъ устъ «строгой» Ратмановой прискорбную вѣсть. Печаль заступила мѣсто веселiя и я, подобно чижу Крылова, промолвила: «впредь утро похвалю, какъ вечеръ ужъ наступитъ».

Кстати, вотъ уже совсѣмъ темно, солнце закатилось, скоро совершенно смеркнется, день кончился, а я все-таки скажу, что онъ былъ для насъ веселъ и прекрасенъ: до обѣда мы все были въ саду, а потомъ пошли гулять еще въ 5 час. и оставались тамъ до 8-ми часовъ вечера.



Н. М. Карамзинъ, Виландъ и Тимаевъ [1]).

30 мая. Вторникъ. Я въ восхищенiи отъ Карамзина [2]) и М. М. Тимаева! Первый плѣнилъ меня своимъ умомъ, русскимъ сердцемъ и прiятностiю слога, съ какою онъ описы-

[6]) Старшiя воспитанницы, помогавшiя въ присмотрѣ за прочими класснымъ дамамъ.

[1]) См. 1833 г. 26 мая, прим. 1.

[2]) Карамзинъ, Николай Михайловичъ, литераторъ и русскiй историкъ (род. 1766 г. 1 дек. † 22 мая 1826 г.).

Инспекторъ классовъ

Матвѣй Максимовичъ ТИМАЕВЪ.

Я затвердила эти стихи и предъ всѣми хвасталась ими.

Однакоже недолго продолжалось наше очарованіе. Вскорѣ Тимаевъ уѣхалъ и я, подобно всѣмъ или, по крайней мѣрѣ, весьма многимъ изъ нашихъ, перестала даже думать о немъ.

Съ іюля началась предурная погода. Безпрестанно дожди, пасмурно и изрѣдка только грѣло недолго солнышко. Въ это время Екатерина Григорьевна [4]) занимала насъ чтеніемъ «Рославлева» [5]).

Прекрасный романъ,—въ немъ весьма живо и правильно изображены характеры русскихъ и французовъ. Прекрасны, увлекательны многія дѣйствующія лица.

Съ половины іюня мнѣ занездоровилось: то болѣла голова, то было холодно; я ходила совсѣмъ синяя, блѣдная и совершенно разслабленная. Всѣ это замѣчали, совѣтуя сказать, чѣмъ я больна, но я всегда отрекалась, не желая пойти въ лазаретъ, прежде нежели вернемся мы въ свои дортуары. Въ среду, 19 іюля, мнѣ такъ сдѣлалось дурно, что я не могла уже болѣе ходить. Тогда меня свели въ лазаретъ, гдѣ я пролежала почти три мѣсяца.

Боже мой, сколько Тебя я должна благодарить и какъ недостойна той милости, какую Ты оказалъ мнѣ! Я на одрѣ болѣзни была близка къ дверямъ гроба, а Всемилосердный Господь и тутъ посылалъ мнѣ утѣшенія: я была счастлива много, много разъ; я была окружена любовью и могла желать одного лишь выздоровленія!

Меня не забывали ни Екатерина Григорьевна [6]), ни М-me Панчулидзева [7]). Особенно первая, почти всякій день и даже по нѣсколько разъ приходила навѣстить меня; иногда

---

[4]) Екатерина Григорьевна Богданова,—очень заслуженная классн. дама Имп. Вос. Об. бл. дѣв. съ 1831 до 1852 г., оказывавшая прекрасное вліяніе на воспитанницъ. О ней много разъ упоминается въ запискахъ.

[5]) „Рославлевъ"—модный тогда романъ Загоскина.

[6]) Богданова.

[7]) См. 1833 г. 16 мая. Прим. 9-е.

Въ продолженіи экзамена меня 4 раза вызывали и всегда вмѣстѣ съ Машенькой Сеславиной [2]),—только въ послѣдній разъ я выходила одна на поприще ученыхъ состязаній.

«Ахъ! какъ бы хотѣлось мнѣ получить, если не лавровый, то хоть дубовый, или березовый вѣночекъ «дѣйствительный» и тогда была-бы я довольна своимъ удѣломъ!»

M-eur Германъ [3]) разблагодарилъ г-на Шаумбурга [4]) и даже, какъ мнѣ показалось, обнялъ его.

Впрочемъ, что мнѣ за дѣло, какъ именно нашъ почтенный инспекторъ изъявилъ ему благодарность. Пусть онъ его обнялъ, поцѣловалъ или просто пожалъ руку, не все-ль мнѣ равно! Благо остался нами доволенъ.

---

[2]) Сеславина, Марія Николаевна—тоже, дочь Надв. Совѣт., по мужу Огарева.

[3]) Германъ, Карлъ Федоровичъ,—ученѣйшій педагогъ и въ частной жизни большой оригиналъ. Кончилъ Гетингенскій университетъ и былъ заслуж. профес. С.-Петербургскаго Университета, Академіи Наукъ, ректоромъ Гимназіи при Академ. Наукъ, инспект. класс. Имп. Об. бл. дѣв. (послѣ Стат. Совѣт. Лодія) съ 1820 по 1838 г., въ Училищѣ Орд. св. Екатерины и въ Шляхетскомъ корпусѣ; «Профессоръ» историч. наукъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, въ Педагогическ. Институтѣ, начальникъ Статистическаго Отдѣленія въ Министерствѣ Полиціи. Совмѣщая четыре должности, онъ получалъ до 13 тыс. въ годъ при казен. квартирѣ и массу многотысячныхъ пособій, но оставался до самой смерти *неоплатнымъ*, часто «неприличнымъ» по занимаемымъ мѣстамъ должникомъ, имущество котораго назначалось за долги въ распродажу.

Вотъ какъ объ его дѣятельности отзывалось его ближайшее начальство (въ 1838 г.). «Основательными свѣдѣніями своими въ разныхъ отросляхъ наукъ, какъ академикъ, долговременною опытностію въ преподаваніи, какъ профессоръ, и отлично усерднымъ исполненіемъ своихъ обязанностей по званію инспектора надъ классами Имп. Об. бл. дѣвицъ оказалъ сему заведенію весьма большія услуги, по уваженію коихъ и *по в. недостаточному состоянію* г. Германа», г-жа начальница предложила исходатайствовать ему соотвѣтствующее его чину (Дѣйств. Ст. Совѣт.) количество десягинъ земли (дано 2,500 дес. въ Сарат. губ. и 10 т. р. ед. пособія).

Преподавалъ статистику (?) и истор. науки. Былъ старъ и въ 33-мъ году уже «спалъ на экзаменахъ» (Арх. Имп. Об. бл. дѣв., дѣло № 133 и воспоминанія его воспитанницъ).

[4]) Шаумбургъ, Иванъ Христофоровичъ, съ 1831 г. учит. географіи въ Имп. Восп. Об. бл. дѣв. Весьма умный, маленькій и невзрачный съ виду, но имѣв-

«Бабушка» [5]), эта почтенная добрѣйшая женщина, посѣдѣвшая въ наставленіяхъ юности, была также чрезвычайно довольна нашими успѣхами.

Какъ-то пойдетъ экзаменъ Слонецкаго? [6]) Что-то въ успѣхѣ сомнительно!... а за себя я ужъ никакъ не ручаюсь: ничего не повторяла и не могу ни за что приняться,—такая скука, или утомленіе, или непреодолимая лѣнь,—не понимаю что?!...

Конецъ экзаменамъ. Старичекъ Слонецкій [1]). Демосѳенъ Тимаевъ. [2])

3 іюня. Суббота. Слава Богу! слава Богу! конецъ экзаменамъ.

Нашъ старичекъ едва не плакалъ отъ радости, слушая, какъ наши отвѣчали. Бѣдняжка! онъ такъ любитъ нашъ классъ; ему будетъ жаль съ нами разстаться [3]).

Говорятъ, что 13-го числа начнутъ уже къ намъ ходить учителя бѣлаго класса. Первый, вѣроятно, обновитъ нашъ классъ Демосѳенъ, [4]) но тогда онъ изъ словесника оратора преобразится въ историка. Впрочемъ все равно. Онъ все, и

шій доброе сердце. Любилъ Смольный какъ что то родное, женился на смолянкѣ, вып. 1839 г. Елизаветѣ Андреевнѣ Бархатовой, впослѣдствіи любимой камеръ-фрау Ея И. Выс. В. Кн. Ольги Ѳеодоровны. Умеръ въ 1852 году и погреб. на Волковскомъ кладбищѣ, близь Большой церкви.

[5]) См. 19 мая 1833 г. Прим. 10.

[6]) См. 1833 г. 19 мая. Прим. 4.

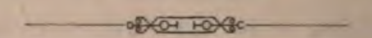
[1]) См. 1883 г. 19 мая. Прим. 4-ое.

[2]) См. 1833 г. 26 мая, прим. 1-ое.

[3]) Д. Г. Слонецкій преподавалъ у нихъ въ классѣ послѣдній годъ.

[4]) М. М. Тимаевъ, помощ. Инспект. классовъ,—въ бѣломъ классѣ читалъ русск. исторію.

даже колючій шиповникъ или горькую полынь умѣетъ покрыть душистыми розами и лиліями! Въ его словахъ все принимаетъ другой видъ и потому урокъ исторіи будетъ не менѣе пріятенъ урока русской словесности.



5 Іюня. Понедѣльникъ. И въ Невскомъ классѣ [1]) (окнами на Неву) оконченъ послѣдній экзаменъ (въ другомъ отдѣленіи того же класса).

О дарѣ слова: Германецъ Гедте—его урокъ. M-eur Риффе,—Тимаевъ.

6 іюня. Вторникъ. Отчего-это не всѣ одарены одинаковымъ даромъ слова? Отчего одно и тоже, слышанное изъ устъ двухъ разныхъ лицъ, кажется совсѣмъ инымъ?...

Жаль, право жаль, что не всѣ учителя умѣютъ занимать пріятно наше воображеніе и чувства, но часто наводятъ такую страшную скуку, что, просто невыносимо.

Примѣръ сего можно видѣть изъ бывшихъ сегодня трехъ уроковъ.

Вторые часы по утру [1]) былъ германецъ Гедте [2]), преподающій родной языкъ наилучшимъ образомъ «Seine Muttersprache auf die allerbeste Art, т. е. изъясняя что-нибудь

[1]) См. 1833 г. 19 мая. Прим. 3.

[1]) Урокъ длился $1^1/_2$ часа, начиная съ 9 час. утра. „Вторые часы", т. е. отъ 2-хъ до 5 час. дня или послѣ обѣда.

[2]) Гедте, Федоръ Ивановичъ, высокій, худощавый, въ очкахъ, плохо говорившій по-русски и вооб. не обладавшій даромъ слова,—преподавалъ съ 1830 г. въ Имп. Об. бл. дѣв. нѣмецкую грамматику. Благодушный и по аккуратности типичный нѣмецъ.

показалось за минуту довольно пріятную, а временемъ я даже готова была безъ боязни умереть [11]).

Особенною милостію Божіею, на удивленіе всѣхъ, я выздоровѣла и 12-го октября вышла въ классъ.

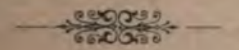
Не описать мнѣ радость и чувства при видѣ моего милаго класса, моихъ подругъ, послѣ того, какъ никто почти не надѣялся на мое выздоровленіе, когда доктора предрекли мнѣ неминуемую смерть. Но *«что значитъ искусство человѣка предъ премудростію и благостію Божіей»?*—говорилъ отецъ Іоаннъ. Слова его оправдались. Господь пожелалъ, чтобы я встала отъ одра болѣзни, и вотъ я совсѣмъ здорова! И впредь никогда не буду терять надежды на Всевышняго, но смиренно покорюсь Его Святой волѣ. Все, что Онъ мнѣ ниспосылаетъ, все это послужитъ къ моему-же благу. Это я вижу на самой себѣ.

Болѣзнь моя сдѣлала мнѣ много, много добра: теперь я не такъ застѣнчива, какъ была прежде,—вотъ главная во мнѣ перемѣна;—серьезнѣе и глубже стала смотрѣть на все окружающее. Кромѣ того, я пріобрѣла кое-что другое, о чемъ мнѣ стыдно и не хочу упоминать.

По выходѣ моемъ изъ лазарета, я почти три мѣсяца провела въ семействѣ M-me Панчулидзевой [12]), оказывавшей мнѣ всевозможныя милости, какъ больной еще.

Тутъ-то я совершенно узнала и отъ всего сердца полюбила милую, добрую Agnès [13]), убѣдившись, сколь горячо она меня любитъ.

C'est une fille charmante que cette Agnès!
(Это очаровательная дѣвушка Агнеса!)



[11]) Это желаніе часто повторялось у В. П. въ слѣдующихъ годахъ ея жизни.

[12]) См. 1833 г. 19 мая. Прим. 9.

[13]) Дочь. А. Ив. Панчулидзевой Агнію Семеновну,—по мужу Довбышеву.

бящая своего сына «Egisthe» и съ такимъ жаромъ защищающая его права.

Не шутя, должно отдать справедливость M-r Riffê: il lit parfaitement, mais vite, vite (онъ читаетъ въ совершенствѣ, но такъ скоро, скоро), какъ будто бы спѣшитъ на почту; вотъ что причиною тому, что мало кто изъ насъ его понимаетъ.

Кончилъ день нашъ привлекательный Тимаевъ. [5]) О немъ я двадцать разъ говорила и потому теперь умолчу и не стану больше его расхваливать, а только замѣчу, что читая о смерти Михаила Князя Тверскаго, онъ самъ, со слезами на глазахъ, заставилъ и насъ всѣхъ расплакаться.

Учителя „бѣлаго класса“: Тимаевъ, Шаумбургъ, Буссе.

13 іюня. Вторникъ. И такъ,—вотъ и учителя бѣлаго класса! На силу-то мы ихъ дождались! Пора бы давно имъ приходить и начать читать свои лекціи, но экзамены... Охъ, ужъ эти экзамены!...—Такъ долго длились они, что раньше, дѣйствительно, и невозможно было начать новыхъ занятій [1]).

Вездѣ нашъ милый ораторъ [2]) играетъ первую и видную роль. Онъ первый началъ уроки въ бѣломъ классѣ. Предметъ его сегодня былъ исторія.

Нѣтъ—право, надо удивляться его дару: какъ легко, какъ занимательно передаетъ онъ свои знанія. Ни съ принужденіемъ, ни со скукою вбиваемъ себѣ въ голову преподавае-

---

[5]) См. 1833 г. 26 мая. Прим. 1, ibidem 30 мая, 3 іюня.

---

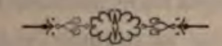
[1]) Учебный годъ начинался пробными уроками и *ознакомленіемъ* учителей съ перешедшими къ нимъ въ слѣдующій классъ воспитанницами тотчасъ послѣ экзаменовъ, передъ лѣтомъ. Такъ какъ на каникулы воспитанницы не увольнялись, то время «ознакомленія» часто затягивалось на нѣсколько недѣль.

[2]) Тимаевъ, см. 1833 г. 26 мая, прим. 1-ое, 30 мая, 3 и 6 Іюня.

мые имъ предметы; mais c'est tout en nous amusant que nous apprenons (но мы учимся, (шутя), играя).

Шаумбургъ, [3]) страстный обожатель географіи, напѣвалъ старинную свою любимую пѣснь о математической географіи; съ восторгомъ въ 20-й или 50-й разъ доказывалъ, что земля имѣетъ шароподобный видъ, какъ напр.: яблоко, апельсинъ и проч. круглые предметы, «а не плоска, какъ ладонь».

Кудрявый Буссе [4]) также вялъ, но, я надѣюсь, при всемъ нашемъ отвращеніи къ ариѳметикѣ, заняться ею немного болѣе, чѣмъ прежде его уроками.



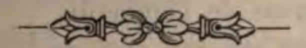
Мы бѣлыя.

18 іюня. Воскресенье. Наконецъ мы можемъ воскликнуть: «Мы бѣлыя»!

Нашъ классъ облекся въ одежду бѣлыхъ!

Будучи въ кофейномъ классѣ [1]), я никогда не могла вообразить себя «бѣлою». Бѣлыя казались мнѣ совершенно особенными людьми, а когда сама стала «бѣлою» то вижу, что все такая же, какъ была прежде, даже по мыслямъ хуже стала.

Какъ жаль, что умъ нашъ не соотвѣтствуетъ налагаемой на насъ обязанности въ бѣломъ классѣ, — быть примѣромъ для всѣхъ остальныхъ.



---

[3]) См. 1833 г. 1-го іюня. Прим. 4.

[4]) Буссе, Францъ Ивановичъ,—препод. ариѳметику и математику въ Имп. Об. бл. дѣв. съ 1858 до 1871 г., воспитывался въ Главн. Педагог. Институт., препод. въ 3-й гимназ. русскій языкъ. Издалъ: «Упражненія въ декламаціи» (1833 г.), «ариѳметическія задачи для дѣвицъ» (1844 г.). «Геометрія» (1849 г.).

---

[1]) Т. е. младшими, гдѣ были платья кофейнаго цвѣта, «Кафульки». какъ ихъ называли старшія соотвѣтственно росту и годамъ.

Забытый журналъ. Отъѣздъ Тимаева. Екатерина Григорьевна. Моя болѣзнь. [illegible]. Батюшка о. Иванъ [illegible]. Выходъ въ классъ. Во [illegible] [illegible].

11 декабря. Понедѣльникъ. Какъ я тебя давно не брала въ руки, мой бѣдный журналъ! Забыла тебя. Но ты вѣдь не сердишься? Ты знаешь, не одна только моя лѣность препятствовала вписывать въ твои страницы все пріятное и все примѣчательнѣйшее: но недосугъ и тому подобныя причины не дозволяли бесѣдовать съ тобою, мой милый журналъ. Теперь свободное время и я, соскучившись безъ тебя, принимаюсь за столь пріятное занятіе съ намѣреніемъ слегка вписать случившееся въ истекшее время съ каникулъ.

До сихъ поръ еще не перестала я восхищаться Тим... и по прежнему старалась и искала случая его видѣть.

29-го іюня онъ намѣревался ѣхать въ Москву и наканунѣ отъѣзда зашелъ прощаться къ M-elle Кнарре [1].

Въ это время мы помѣщались въ классахъ кофейныхъ, т. е. ихъ классы превратились въ наши спальни по случаю передѣлки нашихъ, а потому и не мудрено было встрѣтиться [2].

Катя Рубецъ [3], также одна изъ его приверженницъ, вмѣстѣ со мною радовалась случаю съ нимъ поговорить. Разговоръ длился нѣсколько минутъ. На наше сожалѣніе объ его отъѣздѣ онъ произнесъ:

«Notre vie est un voyage.
Tâchons de l'embellir.
Jetons sur son passage.
Des roses du plaisir».

[Переводъ]. „Наша жизнь—путешествіе. Постараемтесь ее украсить и усыплемъ ея путь розами удовольствій".

---

[1] M-lle Кнаппе, Вильгельмина Ѳедоровна, классная дама Имп. восп. Об. благ. дѣв. съ 1809 до 1858 г.,—крестная мать дѣтей М. М. Тимаева.

[2] Комната M-lle Кнаппе была рядомъ съ классами кофейныхъ.

[3] Рубецъ-Масальская, Екатерина Петровна, вос—ца Имп. Об. благ. дѣв. вып. 1836 г., дочь Стат. Совѣтника.

Я затвердила эти стихи и предъ всѣми хвасталась ими.

Однакоже недолго продолжалось наше очарованіе. Вскорѣ Тимаевъ уѣхалъ и я, подобно всѣмъ или, по крайней мѣрѣ, весьма многимъ изъ нашихъ, перестала даже думать о немъ.

Съ іюля началась предурная погода. Безпрестанно дожди, пасмурно и изрѣдка только грѣло недолго солнышко. Въ это время Екатерина Григорьевна [4]) занимала насъ чтеніемъ «Рославлева» [5]).

Прекрасный романъ,—въ немъ весьма живо и правильно изображены характеры русскихъ и французовъ. Прекрасны, увлекательны многія дѣйствующія лица.

Съ половины іюня мнѣ занездоровилось: то болѣла голова, то было холодно; я ходила совсѣмъ синяя, блѣдная и совершенно разслабленная. Всѣ это замѣчали, совѣтуя сказать, чѣмъ я больна, но я всегда отрекалась, не желая пойти въ лазаретъ, прежде нежели вернемся мы въ свои дортуары. Въ среду, 19 іюля, мнѣ такъ сдѣлалось дурно, что я не могла уже болѣе ходить. Тогда меня свели въ лазаретъ, гдѣ я пролежала почти три мѣсяца.

Боже мой, сколько Тебя я должна благодарить и какъ недостойна той милости, какую Ты оказалъ мнѣ! Я на одрѣ болѣзни была близка къ дверямъ гроба, а Всемилосердный Господь и тутъ посылалъ мнѣ утѣшенія: я была счастлива много, много разъ; я была окружена любовью и могла желать одного лишь выздоровленія!

Меня не забывали ни Екатерина Григорьевна [6]), ни М-me Панчулидзева [7]). Особенно первая, почти всякій день и даже по нѣсколько разъ приходила навѣстить меня; иногда

---

[4]) Екатерина Григорьевна Богданова,—очень заслуженная классн. дама Имп. Вос. Об. бл. дѣв. съ 1831 до 1852 г., оказывавшая прекрасное вліяніе на воспитанницъ. О ней много разъ упоминается въ запискахъ.

[5]) „Рославлевъ"—модный тогда романъ Загоскина.

[6]) Богданова.

[7]) См. 1833 г. 16 мая. Прим. 9-е.

приводила съ собою Annette [8]) и многихъ изъ моихъ подругъ.

Нашъ Батюшка о. Іоаннъ Недешевъ [9]), достойнѣйшій имени *«отца»*,—нерѣдко приходилъ бесѣдовать со мною о терпѣніи, о *безсмертіи души* [10]) и о благодати Божіей. Онъ мнѣ изъяснялъ многое, многое, чего я прежде не понимала и что мнѣ казалось темнымъ, во что я прежде даже не вѣровала...

Съ помощію сихъ добрыхъ людей время моей болѣзни

---

[8]) „Annette“ — любимѣйшая *сестра Варвары Петровны. Анна Петровна род. 1818 г., была съ нею съ колыбели* до смерти неразлучна. Въ жизни составляла ея половину (см. біографію).

[9]) О. Іоаннъ Филипповичъ Недешевъ—выдающійся по своей жизни и нравственному облику столичный пастырь-законоучитель и „подвижникъ, крѣпкій духомъ и вѣрою“. Род. 10 февраля 1790 г. † 3 января 1580 г. Замѣчательна судьба его.

Въ 1809 году 7 января принятъ студентомъ въ 1-й курсъ СПБ. Дух. Академіи. Съ Ш-го курса (невинно) уволенъ и сосланъ въ Копорье пономаремъ. Женился на „смолянкѣ“. Съ 1814 г. свящ. въ Ревелѣ.—1831 г. переведенъ къ ц. СПБ. градскихъ богадѣленъ. Съ августа 1832—1848 г. законоучитель Имп. Об. бл. дѣв., а съ 1835 г. и первый Настоятель Воскресенскаго всѣхъ уч. завед. собора (Смольнаго).

„Не только воспитанницы, но даже всѣ высшія начальствующія лица (Е. И. В. Петръ Геор. Принцъ Ольденбургскій и др.) спѣшили въ квартиру о. Іоанна, чтобы *„насладиться его бесѣдами—такъ дорожили имъ“*. Духовныя чада его являлись „чадами свѣта“ (Ефес. 5, 9) въ жизни. Онъ былъ „добрый служитель Іисуса Христа, напитанный словами сердечной вѣры и ученіемъ благочестія“ (1 Тим. 4—6), и за то имѣлъ сильное духовное вліяніе на своихъ духовныхъ дѣтей, въ числѣ которыхъ были и сестры Быковы (см. зап. 1854 г. 31 дек.).

Весьма поучительная его біографія съ портретомъ была издана въ 1874 г. протоіереемъ П. Лебедевымъ, но, къ сожалѣнію, съ тѣхъ поръ изданіе ея не повторялось. Теперь она рѣдкость. Есть экземпляры у внуковъ почившаго, ученѣйшихъ протоіереевъ г. С.-Петербурга: у о. Михаила Иван. Горчакова (Институтъ *Императрицы Маріи*) и у о. Николая П. Вишнякова (настоятель церквей Волковскаго кладбища). Ими л. предоставленъ и помѣщенный здѣсь портретъ о. Іоанна.

[10]) Эти бесѣды о. Іоанна сильно отражаются во взглядахъ Варвары Петровны въ продолженіи всей ея жизни (особ. см. 1865 г. 14 октябрь).

Протоіерей Іоаннъ Филипповичъ
НЕДЕШЕВЪ.

показалось за минуту довольно пріятную, а временемъ я даже готова была безъ боязни умереть [11]).

Особенною милостію Божіею, на удивленіе всѣхъ, я выздоровѣла и 12-го октября вышла въ классъ.

Не описать мнѣ радость и чувства при видѣ моего милаго класса, моихъ подругъ, послѣ того, какъ никто почти не надѣялся на мое выздоровленіе, когда доктора предрекли мнѣ неминуемую смерть. Но *«что значитъ искусство человѣка предъ премудростію и благостію Божіей»?* — говорилъ отецъ Іоаннъ. Слова его оправдались. Господь пожелалъ, чтобы я встала отъ одра болѣзни, и вотъ я совсѣмъ здорова! И впредь никогда не буду терять надежды на Всевышняго, но смиренно покорюсь Его Святой волѣ. Все, что Онъ мнѣ ниспосылаетъ, все это послужитъ къ моему-же благу. Это я вижу на самой себѣ.

Болѣзнь моя сдѣлала мнѣ много, много добра: теперь я не такъ застѣнчива, какъ была прежде, — вотъ главная во мнѣ перемѣна; — серьезнѣе и глубже стала смотрѣть на все окружающее. Кромѣ того, я пріобрѣла кое-что другое, о чемъ мнѣ стыдно и не хочу упоминать.

По выходѣ моемъ изъ лазарета, я почти три мѣсяца провела въ семействѣ M-me Панчулидзевой [12]), оказывавшей мнѣ всевозможныя милости, какъ больной еще.

Тутъ-то я совершенно узнала и отъ всего сердца полюбила милую, добрую Agnès [13]), убѣдившись, сколь горячо она меня любитъ.

C'est une fille charmante que cette Agnès!

(Это очаровательная дѣвушка Агнеса!)

[11]) Это желаніе часто повторялось у В. Н. въ слѣдующихъ годахъ ея жизни.

[12]) См. 1833 г. 19 мая. Прим. 9.

[13]) Дочь. А. Ив. Панчулидзевой Агнію Семеновну, - по мужу Довбышеву.

Размышленія. Прогулка къ балаганамъ.

28 декабря. Теперь я предаю себя въ *волю Божію*, въ полномъ увѣреніи, что Отецъ нашъ Небесный все дѣлаетъ къ нашему добру и, если придется намъ познакомиться съ бѣдами и напастями, то и это посылаетъ Господь къ нашему испытанію, чтобы за то въ вѣчной, будущей жизни наградить насъ блаженствомъ!..

О чемъ?... о чемъ я говорю?—о блаженствѣ, о будущей жизни!.. Откуда явились такія размышленія и какъ это отъ прогулки подъ качелями перескочила я къ столь высокому предмету?

Удивительно, какъ непримѣтно одна мысль влечетъ за собою другую. Желая описывать прогулку, я и не думала зайти такъ далеко и преспокойно наслаждалась настоящимъ, а размышляя, по какому-то влеченію улетѣла до вѣчности?!

Но вернемся назадъ на нашу теперешнюю землю и взглянемъ на качели.

Проѣзжая къ балаганамъ [1], я любовалась, вглядываясь въ группу пестраго народа. Собравшіеся здѣсь были вѣрно счастливы. Всѣ они стремились къ увеселеніямъ и всякій классъ избиралъ свои забавы. Большинство—это добрые мужички, почитавшіе себя здѣсь счастливѣйшими въ свѣтѣ. Затянувъ пѣсню, катались стремительно внизъ по ледяной горѣ, кружились на качеляхъ; иные щелкали орѣхи или грызли пряники, разсказывая другъ другу случившееся съ ними, толкуя о своемъ заработкѣ, и были видимо блаженны. «Самою-же лучшею и во всю ширь русскою» жизнію наслаждались изъ нихъ тѣ, которые за бутылкою вина забывали все: прошедшее, настоящее и будущее, представляя себя надъ всѣмъ повелителями и внѣ земли...

[1]) Высочайшею милостію ежегодная прогулка институтокъ въ придворныхъ экипажахъ. Рисунокъ снять съ чудной гравюры начала XIX-го стол., принадлежащей Его Пре—ству П. Я. Дашкову.

Прогулка институтокъ въ придворныхъ экипажахъ „на балаганы“.

Веселыя пѣсни народа, нескладные звуки какой-то музыки, радостные и дѣтскіе крики толпящихся и ѣдущихъ въ экипажахъ зрителей, любовавшихся на кривлянья паяцовъ, фокусниковъ, старика и тому подобное приводили меня въ восхищеніе. Я любовалась ими и радостно билось мое сердце.— Люблю я русскій народъ съ его душой «на распашку»!..[2]).

Мы обогнули кругомъ качели разъ пять и, по Невскому проспекту, мимо Гостинаго двора, вернулись домой [3]).

[2]) См. зап. 1860 годовъ,—тамъ это прекрасно сказывается.

[3]) Балаганы были у Адмиралтейства, гдѣ теперь Александровскій садъ (см. рисунокъ къ 30 авг. 1834 г.)

1834 г.

Давно невиданный журналъ. Событіе въ институтской жизни: Помолвка А. Панчулидзевой [1]) съ Довбышевымъ [2]). Ожиданіе пріѣзда отца.

25 іюня. Понедѣльникъ. Здравствуй милый журналъ! Давно мы съ тобой не видались. Побрани меня за лѣность, но не слишкомъ много: я не кругомъ виновата. Нынѣшняя моя жизнь такъ монотонна, что право, трудно найти что-нибудь выдающееся изъ ряда обыкновеннаго. Что прежде меня такъ занимало, теперь не имѣетъ уже той цѣны и я не хочу тратить времени на пустяки.

Правда, недавно совершилось весьма важное происшествіе, которое служитъ предметомъ разговоровъ уже нѣсколько дней въ нашемъ классѣ. Всѣ свободные умы заняты одною только мыслію, восхищались одними предметами, говорили только объ нихъ и думали объ нихъ. До сихъ поръ еще продолжается этотъ энтузіазмъ во многихъ, хотя въ другихъ уже начинаетъ утихать, какъ то всегда бываетъ вездѣ и со всѣми.

И мы нѣкогда перестанемъ также, такъ пламенно мыслить, разсуждать и говорить объ этомъ, хотя однакоже всегда будемъ съ удовольствіемъ вспоминать счастливую перемѣну въ жизни любимой, очень любимой нами *Agnès*-

---

[1]) См. 1833 г. 11 дек. Прим. 13 и 14.

[2]) Довбышевъ, Григорій Даниловичъ, гвардейск. офицеръ.

Я бы говорила побольше объ ней и о будущемъ ея супругѣ но такъ какъ это дѣло совершенно меня не касается и можетъ было бы непріятно симъ особамъ, что-бы я о нихъ, что нибудь писала, то я и умолкаю. Замѣчу лишь мимоходомъ, что эта партія, какъ кажется, самая счастливая. Они такъ любятъ другъ друга и какъ будто созданы одинъ для другаго; притомъ-же онъ нашелъ въ Agnès свой идеалъ; по словамъ *его самого*: все, что онъ желалъ видѣть въ своей супругѣ, все соединяется въ сей милой, любезной дѣвушкѣ; всѣ качества ума и сердца, таланты, благовоспитанность, глазки, — однимъ словомъ, все Вотъ *modèle des jeunes personnes*.

И онъ также человѣкъ съ большими достоинствами, просвѣщенный умъ, прекрасное сердце, пріятная наружность, любезность, учтивость въ обхожденіи, пріятно звучащій органъ и ко всему сему *храбрый воинъ*, полковникъ гвардейскій — Московскаго полка, Довбышевъ [3]). Вотъ все, что я могу сказать о сихъ особахъ, которыя занимаютъ весь классъ, почти безъ исключенія.

Помолвка ихъ была 13 іюня, въ среду, 1834 г. и этотъ день былъ днемъ всеобщей радости: всѣ мы принимали непритворное участіе въ счастіи безподобной *Агнюши* и ея «*новаго, но вѣчнаго друга*». Всѣ спѣшили поздравить M-me Панчулидзеву, ея дѣтей и взглянуть на г-на Довбышева, котораго ни разу не видали. Выходя изъ комнаты, всѣ только и твердили: «*ахъ, какой чудный! какая прелесть!..* *Агнюша какая gentille, какъ имъ идетъ быть вмѣстѣ!..*»

Вотъ что раздавалось во всѣхъ углахъ, гдѣ безпрестанно собирались наши, чтобы потолковать о томъ, что видѣли и слышали. Цѣлыми ордами наполнялась комната M-me Панчулидзевой. Мы не спускали глазъ съ молодыхъ. И, признаюсь, все это было такъ ново для насъ, необыкновенно, стран-

[3]) См. въ исторіи Москов. полка, впослѣдствіи Генералъ; сынъ ихъ Сева въ 50-хъ годахъ учился въ *Пажескомъ* Его Вел. Корпусѣ.

но, что мы не вѣрили глазамъ своимъ. Смотрѣли и думали: мечта-ли это или дѣйствительность?

Всѣ мы желали, что-бы не было M-me Didlo [4]), но она какъ будто нарочно пріѣхала. Мы пошли въ танцъ-классъ, протанцовали разъ gavotte и française и вся первая партія, человѣкъ въ 80, гуртомъ пустилась къ M-me Панчулидзевой.

Наша добрая и почтенная инспектриса была такъ снисходительна, что позволила всѣмъ намъ остаться у себя, но съ уговоромъ уйти ровно въ 8 час., что мы и сдѣлали съ благодарностію за удовольствіе, которымъ мы наслаждались почти цѣлый день.

За ужиномъ, послѣ ужина, въ дортуарахъ, мы только и говорили про нихъ, многія видѣли ихъ во снѣ, а въ томъ числѣ и я. Весь прошедшій день представлялся во снѣ и я была, слѣдовательно, дважды счастлива.

Послѣ сего протекли уже двѣ недѣли, а мы все попрежнему съ восхищеніемъ смотримъ на помолвленныхъ, жадно внимая разсказамъ тѣхъ изъ нашихъ, которыя почаще ихъ видятъ. Насъ-же всегда выгоняютъ, дабы присутствіе наше не мѣшало этой семьѣ вполнѣ наслаждаться своимъ счастіемъ.

Наслаждайтесь, будьте счастливы, милыя существа! Богъ да благословитъ союзъ вашъ и да исполнитъ искреннія желанія наши, клонящіяся къ вашему благополучію!

Весь этотъ мѣсяцъ мы (съ сестрой Анетой) ждемъ папеньку [5]), но кажется напрасно: онъ обѣщалъ пріѣхать въ первыхъ числахъ іюня, а теперь уже и іюль въ исходѣ. Что-то не вѣрится его увидѣть; однакоже меня надежда не совсѣмъ еще покинула и увѣренность видѣть папеньку не совсѣмъ еще угасла въ душѣ моей: можетъ-быть дѣла,

---

[4]) M. Didlo (Диделло), Роза Львовна, учительница танцевъ въ Имп. Восп. Об. б. дѣв. съ 1805—1851 г., была весьма граціозна, даже въ старческихъ годахъ.

[5]) Изъ Саратова, гдѣ онъ былъ полковникъ жандармовъ. Тамъ его благословляли за доброту (см. 1839 г. 29 августа).

должность или что нибудь другое задержали его. Будетъ время и мы обнимемъ нашего папашу

«И, можетъ быть, пройдетъ ненастье;
Когда нибудь, и гдѣ нибудь,
Хотя на мигъ, земное счастье
Украситъ жизненный нашъ путь!»...

Правда, правда! И на насъ взглянуло счастіе! Не даромъ манила меня къ себѣ надежда прекрасная какъ день, какъ солнце! Она призвала меня, чтобы показать папеньку,—слѣдовательно, счастіе насъ не покидаетъ!..

Встрѣча съ отцомъ.

28 іюнь. Четвергъ. О счастіе, о восторгъ! Я увидѣла папеньку. Я его обняла крѣпко, крѣпко, какъ люблю... но нѣтъ,—могу-ли такъ обнять? Я его люблю, обожаю; онъ мнѣ милѣй, дороже всего на свѣтѣ!

Папенька! Ангелъ мой! жизнью рада жертвовать тебѣ. И что мнѣ въ жизни безъ тебя! Ты все украшаешь, тобою мнѣ милъ свѣтъ! И что̀ можетъ тебя замѣнить? — На тебя смотрѣть, говорить съ тобою,—вотъ счастіе мое... Я сегодня была счастлива и выше моего блаженства ничего не можетъ быть! Могу-ли я кому нибудь завидовать? Я видѣла папеньку,—я блаженна!

Но ты заставилъ меня погрустить, мой Ангелъ!—что ты мнѣ говорилъ?!.. [1]) Ахъ, какія мрачныя мысли занимаютъ тебя! Мнѣ страшно подумать!.. Нѣтъ, прочь, прочь ужасныя идеи. — да не увижу никогда той минуты... И неужели

---

[1]) О разныхъ непріятностяхъ и объ ожиданіяхъ для нихъ худшаго будущаго, чѣмъ настоящее институтское.

но, что мы не вѣрили глазамъ своимъ. Смотрѣли и думали: мечта-ли это или дѣйствительность?

Всѣ мы желали, что-бы не было M-me Didlo [4]), но она какъ будто нарочно пріѣхала. Мы пошли въ танцъ-классъ, протанцовали разъ gavotte и française и вся первая партія, человѣкъ въ 80, гуртомъ пустилась къ M-me Панчулидзевой.

Наша добрая и почтенная инспектриса была такъ снисходительна, что позволила всѣмъ намъ остаться у себя, но съ уговоромъ уйти ровно въ 8 час., что мы и сдѣлали съ благодарностію за удовольствіе, которымъ мы наслаждались почти цѣлый день.

За ужиномъ, послѣ ужина, въ дортуарахъ, мы только и говорили про нихъ, многія видѣли ихъ во снѣ, а въ томъ числѣ и я. Весь прошедшій день представлялся во снѣ и я была, слѣдовательно, дважды счастлива.

Послѣ сего протекли уже двѣ недѣли, а мы все попрежнему съ восхищеніемъ смотримъ на помолвленныхъ, жадно внимая разсказамъ тѣхъ изъ нашихъ, которыя почаще ихъ видятъ. Насъ-же всегда выгоняютъ, дабы присутствіе наше не мѣшало этой семьѣ вполнѣ наслаждаться своимъ счастіемъ.

Наслаждайтесь, будьте счастливы, милыя существа! Богъ да благословитъ союзъ вашъ и да исполнитъ искреннія желанія наши, клонящіяся къ вашему благополучію!

Весь этотъ мѣсяцъ мы (съ сестрой Анетой) ждемъ папеньку [5]), но кажется напрасно: онъ обѣщалъ пріѣхать въ первыхъ числахъ іюня, а теперь уже и іюль въ исходѣ. Что-то не вѣрится его увидѣть; однакоже меня надежда не совсѣмъ еще покинула и увѣренность видѣть папеньку не совсѣмъ еще угасла въ душѣ моей: можетъ-быть дѣла,

---

[4]) M. Didlo (Дидело), Роза Львовна, учительница танцевъ въ Имп. Восп. Об. б. дѣв. съ 1805—1851 г., была весьма граціозна, даже въ старческихъ годахъ.

[5]) Изъ Саратова, гдѣ онъ былъ полковникъ жандармовъ. Тамъ его благословляли за доброту (см. 1839 г. 29 августа).

горести даждь ему терпѣливо перенести! Да служить онъ вѣрою и правдою царю и отечеству и да получитъ чрезъ то Твое благословеніе, Отче Небесный!

Именины отца,—размышленія и мечты въ ожиданіи его.

29 іюнь. Пятница. Мой папа имениникъ и вотъ я не видѣла его и даже не могла послать къ нему письма [1]... Что то онъ дѣлаетъ, здоровъ-ли онъ?.. Зачѣмъ не шлетъ къ намъ человѣка? [2]) вѣдь онъ обѣщался. Не случилось-ли съ нимъ чего-нибудь?..

О если-бы ты зналъ, милый папенька, какъ мы о тебѣ безпокоимся?! Значитъ ты сегодня не будешь? (Пріемные часы кончаются). Какъ долго ждать тебя! еще четыре дня [3]. Четыре дня,—скоро-ли вы еще пройдете? Нѣтъ, вы будете казаться для насъ мѣсяцами, годами... Грустно безъ папеньки... все чего-то недостаетъ...

У меня на душѣ, сравнительно съ прежнимъ, какая-то разница.

Какъ часто сижу я и думаю—что такое жизнь? И что будетъ послѣ смерти и какъ это будетъ что я умру, что я разстанусь съ землею, со свѣтомъ и съ милыми сердцу родными? А послѣ меня будутъ жить и за меня молиться будутъ?.. Гдѣ-жъ буду я?!..

Боже мой, какъ непроницаема Твоя Премудрость, какъ непостижимъ Твой Промыслъ!—Все скрыто отъ насъ въ океанѣ неизвѣстности, куда преступный взоръ нашъ досягнуть не смѣетъ.

---

[1]) Не зная, гдѣ онъ остановился. Съ минуты на минуту она ждала увидѣть дорогого именинника.

[2]) Деньщика или дворецкаго съ которыми пріѣзжалъ отецъ (см. 1849 г. Похороны).

[3]) Пріемъ бывалъ по воскресеньямъ и четвергамъ.

мой Ангелъ папаша?.. Нѣтъ, нѣтъ, перестань; — это ужъ слишкомъ, и теперь-ли набивать голову безпокойствами, черными думами въ то время, когда радость должна наполнять все мое сердце?!

Мой папенька почти совсѣмъ не перемѣнился, только пополнѣлъ и усы придаютъ ему видъ болѣе строгій, съ перваго взгляда.

Что-же я чувствовала, когда увидѣла его?—сама незнаю. Когда мнѣ сказали, что пріѣхалъ папенька, я какъ сумасшедшая пустилась бѣжать въ рекреаціонную залу кофейныхъ. Его тамъ еще не было. Я прямо бѣжала по коридору до поворота, далѣе котораго уже не смѣла бѣжать. Тутъ, въ ожиданіи стояла я, какъ какая нибудь лишенная разсудка: дрожала, плакала и лишь только увидѣла папеньку, прямо бросилась къ нему на шею. Слезы радости обильно проливали мы всѣ... Папенька насъ обнималъ, цѣловалъ и мы его прижимали и долго, долго не могли ничего выговорить какъ только: *«папенька!»* Папенька! *Ангелъ папенька*!.. А онъ: *«дѣти мои! дѣти!..»*

Сильное чувство не многословно! До сихъ поръ еще я волнуюсь, хотя уже начинаю утихать; а въ тѣ блаженныя минуты я себя не чувствовала и глазамъ не вѣрила...

Все это сонъ, все это сонъ!

Въ самомъ дѣлѣ мое блаженство будетъ минутно: еще мѣсяцъ, а можетъ быть недѣли двѣ или три — и папаша опять долженъ уѣхать!.. Грустно, грустно будетъ безъ отца родного. Но что-же дѣлать! и за то благодарю Бога, что хоть взглянула на моего Ангела!..

Господи! Сохрани моего папеньку! Даждь ему здравіе, спокойствіе, отдали всякія печали и да будетъ онъ счастливъ въ кругу своего семейства, между *«своими* [2]) *дѣтьми»*. Продли ему лѣта, Боже мой! и не остави его, Господи! Его

---

[2]) Вѣроятно оттѣнокъ ревности отца къ дѣтямъ мачихи?

Отъѣздъ отца. Воспоминанія дней дѣтства, проведенныхъ въ Кіевѣ. Кіевъ, Днѣпръ.

17 августа. Пятница. Прошли каникулы, прошла и моя радость, мое веселье,—моего папеньки нѣтъ въ Петербургѣ. И долго-ли я его видѣла? Давно-ли было, что обнимала его?—обнимала и слезы текли изъ глазъ моихъ. И теперь плачу, но это слезы горести отъ разлуки,—а прежнія?.. Какое сравненіе!..

Въ послѣдній разъ папенька пріѣхалъ къ намъ въ воскресенье 2-го августа. Во все время его присутствія, я нарочно отклоняла разговоръ о разлукѣ, только чтобы не заплакать. Когда-же M-lle Радищева [1]) пришла съ нимъ прощаться, я не въ силахъ была болѣе крѣпиться и невольно разрыдалась и чрезъ то поспѣшила уйти изъ залы и, давъ волю слезамъ, облегчила стѣсненную горестью грудь; но скоро снова должна была удерживаться и притворяться.

Папенька пошелъ къ M-me Панчулидзевой [2]), а такъ какъ я ненавижу плакать при другихъ, то вовсе старалась не говорить объ отъѣздѣ папеньки. Къ инспектрисѣ же пришелъ М. М. Тимаевъ, и мнѣ такъ было досадно,—онъ могъ подумать, взглянувъ на мои заплаканные глаза, что меня бранили или еще что-нибудь хуже того... Но пусть себѣ думаетъ, что хочетъ; мнѣ все равно: прошли прежнія дурачества, и Тимаевъ въ глазахъ моихъ—Тимаевъ, а не какой нибудь геній, кумиръ или существо чудесное, какъ это мнѣ прежде казалось... Я была, кажется, слѣпа, но, слава Богу, теперь ясно вижу. И пора образумиться,—перестать обожать его...

---

[1]) Анна Александровна Радищева классн. дама И м п. Об. бл. дѣв. съ 1814—1841 г.; братъ ея въ сороковыхъ годахъ былъ Витебскій губернаторъ.

[2]) См. 1833 г. 19 мая. Прим. 9.

Папенька, попрощавшись съ M-me Панчулидзевой, вышелъ изъ ея комнатъ. — Мы проводили его по залу на лѣстницу, и онъ, обнявъ насъ, благословилъ и крѣпко, крѣпко прижалъ къ груди.

Мы смотрѣли, какъ онъ сходилъ съ лѣстницы, какъ сѣлъ на дрожки и слѣдили за нимъ, пока совершенно стало неслышно стука колесъ, увозившихъ его дрожекъ...

Ты насъ оставилъ, Папа! Ты мчишься къ братьямъ и сестрамъ... Они счастливѣе насъ!..

Лети-же къ нимъ, лети! Обрадуй давно ожидающихъ тебя! — имъ грустно быть разлученными съ тобою — мы знаемъ это по себѣ. Пускай они радуются, глядя на тебя, если намъ это невозможно.

Приходи-же скорѣй время, желанное время, когда мы опять будемъ вмѣстѣ, когда одинъ родительскій кровъ будетъ вмѣщать насъ, и мы будемъ снова дышать однимъ воздухомъ!

Но когда еще это будетъ?.. Сколько надо ждать до того!..

Когда мы съ папенькой въ послѣдній разъ разговорились о Кіевѣ, я узнала очень и очень печальную вѣсть. Уже нѣтъ больше нашего дома, нашего милаго родного садика! — и колодезя нѣтъ, нѣтъ ни одного мѣста, которое бы напоминало мнѣ мое дѣтство, — мое счастливое дѣтство.

Нашъ домъ перенесенъ въ крѣпость. Садъ срубили, колодезь засыпали, а на мѣсто ихъ будетъ гладкая площадь для ученья солдатъ [3]).

Во мнѣ начинаетъ исчезать столько лѣтъ лелѣянная надежда жить опять въ Кіевѣ, любоваться живописными его окрестностями, видѣть бурливый Днѣпръ, — тихій, величавый, милый и дорогой моему сердцу. Ужъ больше ничто мнѣ не напомнитъ мѣстъ моихъ игръ и занятій. Я не скажу уже: вотъ тутъ я любила бѣгать, здѣсь — поливать цвѣты; вотъ

[3]) Эта земля была куплена у П. И. Быкова военнымъ вѣдомствомъ на Печерскѣ, гдѣ былъ чудный уголокъ и садъ или большой участокъ земли съ домомъ и всѣми угодьями.

моя любимая груша; вотъ орѣховыя деревья, подъ которыми такъ часто я отдыхала послѣ дѣтскихъ игръ; вотъ колодезь, изъ котораго братья черпали воду, а я поливала эти цвѣты! Теперь ничего нѣтъ! все гладко, все пусто! Хотя площадь и будетъ оглашаться шумными толпами народа, но не для меня все это будетъ. Нѣтъ дорогихъ свидѣтелей моего дѣтства и мнѣ негдѣ будетъ отдохнуть душой, вспомнить блаженное прошлое, негдѣ приклонить главы... Я взгляну на площадь и вздохъ вырвется изъ груди, слеза выкатится изъ глазъ. Воспоминанія возстанутъ и лѣта прежнія представятся, а мѣста воспоминаній уже не тѣ...

Да и буду ли когда нибудь я въ Кіевѣ? помолюсь ли еще въ его храмѣ, поклонюсь ли святымъ угодникамъ, покоющимся въ пещерахъ Печерской Лавры?.. Неужели никогда?.. никогда?..

Боже мой, приведи мнѣ хотя разъ еще въ жизни взглянуть на милый мой край и на свѣтлое небо Кіева!

Кіевъ! Кіевъ! предметъ моихъ всегдашнихъ думъ, идеалъ прелестнѣйшаго края [4]), если бы мнѣ тебя хоть разъ еще увидѣть! Ты цвѣтешь, украшаешься, возрастаешь, а я далеко далеко отъ тебя! Все ли ты попрежнему веселъ, все-ли попрежнему обитатели твои богобоязливы и добры, какъ были при мнѣ? Все ли Днѣпръ такой-же?

Днѣпръ, ты все также величаво бѣжишь какъ и прежде, но плески твои не долетаютъ болѣе до слуха моего. Другіе счастливцы живутъ на цвѣтущихъ твоихъ берегахъ; другихъ носятъ твои тихія, ласковыя воды, но не меня, не меня!.. И солнце освѣщаетъ златыя главы церквей и серебристая луна плаваетъ по чистому своду голубыхъ небесъ, и звѣзды блестятъ въ ночной тишинѣ, но не для меня, не для меня!.. Мнѣ не увидѣть болѣе мѣстъ счастливаго дѣтства! Утѣшеніемъ мнѣ осталась лишь Нева и — не кіевская, но петербургская луна!

[4]) Т. е. Малороссіи?

Какъ часто вечеромъ, когда сумракъ разольется надъ Невою и туманъ покрываетъ Охту, иду я смотрѣть на Неву. Луна глядитъ въ струистыя зеркальныя поверхности воды и шлетъ привѣтливый взоръ намъ съ небесъ. Я подолгу гляжу на нее, думая встрѣтить въ ней папеньку, брата, уснувшую маменьку или сестру...

Но вѣдь сколькіе смотрятъ на нее?...—всѣ несчастные, печальные, задумчивые... Отрадно, что хоть всѣ встрѣчаемся въ ней (въ лунѣ)!..

Кто изъ насъ и чѣмъ занятъ. М. М. Тимаевъ.

Августъ 22-й день. Уже звонили. Восемь [1]) часовъ, а наши спокойно сидятъ на своихъ мѣстахъ и никто ихъ не тревожитъ; однѣ учатся,—твердятъ французскую литературу, натуральную [2]) исторію; другія пишутъ, работаютъ, читаютъ, а иныя, считая все это ненадобностію,—скучною исторіею, весело разгуливаютъ по классу, болтая о прошломъ и настоящемъ, о классныхъ шалостяхъ, о нашихъ хитростяхъ и смѣются отъ добраго веселаго дѣтскаго сердца.

Свѣчи почти уже всѣ догораютъ, я далеко отъ свѣта,—пятой сижу на лавкѣ и тороплюсь записать этотъ листокъ.

Подлѣ меня Annette Соленикова [3]) трудится, вписывая въ свою тетрадь стихи *«Тѣнь друга»* [4]), для воспоминанія объ «изящныхъ занятіяхъ», внушенныхъ *ей* преподавателемъ

[1]) Ужинъ.

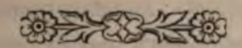
[2]) Физика и часть естественной исторіи на французскомъ языкѣ (читалъ б. Аббатъ-Делоше, Ник. Пет. съ 1813—1842 г.).

[3]) Анна Васильевна, вос-ца Имп. Об. бл. дѣв. вып. 1836 г.—по мужу генер. Козловская.

[4]) К. Н. Батюшкова.

«изящной словесности» [5]) М. М. Тимаевымъ, тѣмъ самымъ, имя котораго безпрестанно твердила когда-то и я.

Я его *«обожала»* [6]) и даже любила, но сознаюсь,—любя грѣшила, а теперь чиста: какъ то вижу пояснѣе-ли, или глаза прояснились немного и выгнали тьму прежнихъ увлеченій изъ моей головки. Не могу подумать до какой степени я тогда сумасшествовала,—не возможно болѣе. Удивительно, какъ я тогда за собой не примѣчала... но такъ же и до сихъ поръ М. М. Тимаевъ считается почтеннѣйшимъ, любезнымъ человѣкомъ, плѣнительнымъ разсказчикомъ, чѣмъ очаровывалъ и меня; голосъ его все также сладкозвученъ, все также влечетъ юныя сердца, но не мое конечно, а другихъ...



Пріѣздъ въ Монастырь Императрицы. Милость Императора къ институткамъ. Открытіе памятника Императору Александру I-му. Осмотръ Эрмитажа. Обѣдъ во дворцѣ. Возвращеніе въ Институтъ.

1834 г. 30 Августа. Четвергъ. Боже мой! достойны ли мы всѣхъ милостей, которыми Ты безпрестанно насъ осыпаешь?

Ты осчастливилъ, прославилъ, возвеличилъ Россію, пославъ ей Царя Николая Павловича и давъ ей весь Домъ Императорскій,—какой нашъ: Императоръ—отецъ, слава, счастье Россіи! Императрица—радость и покой! Александръ—предвѣстникъ будущаго блеска; Михаилъ—подпора царская! Великія Княжны—подобія своей Августѣйшей Матери!

[5]) Образцы русск. литературы, въ томъ числѣ довольно обширныя свѣдѣнія изъ гомилетики. Преподавалъ Тимаевъ.

[6]) *У институтокъ «обожаніе» нѣжное, юное чувство уваженія часто за воображаемыя достоинства, основывающееся на врожденной потребности нѣжнаго сердца къ привязанности, къ любви* (см. 1833 г. 26 мая).

Какъ мы счастливы, какъ блаженны, видя свой престолъ украшеннымъ благословеннымъ домомъ Романовыхъ!

Государь нашъ печется о всѣхъ съ родительскою нѣжностью: всѣ его дѣти, всѣ ему равны!

И насъ, монастырокъ, не забываетъ нашъ Ангелъ! Хочетъ, чтобъ и мы знали веселье не по наслышкѣ только, но чтобы и сами были свидѣтелями торжества всей Россіи. Среди великихъ заботъ и приготовленій Государь вспомнилъ и о насъ, пожелавъ, чтобы мы видѣли всю церемонію, которая будетъ сопровождать освященіе колонны, сооруженной въ память Императора Александра Благословеннаго.

Во вторникъ, 27-го числа, Ея Величество осчастливила насъ своимъ пріѣздомъ: во все продолженіе обѣда была въ столовой, изволила пробовать наши кушанья, долго разговаривала и объявила, что 40 дѣвицъ поѣдутъ во Дворецъ, чтобы оттуда смотрѣть на парадъ.

Всѣ мы были въ восхищеніи отъ такого неожиданнаго удовольствія и когда стали изъявлять Ей нашу благодарность, Она отвѣчала: «ce n'est pas moi, c'est l'Empereur, qui a eu cette idée le premier» *). Какая скромность! не всё ли равно, что Она, что Императоръ?..

Послѣ стола мы пошли въ садъ, и нашъ классъ первый встрѣтилъ Императрицу. Поговоривъ съ нами на лѣстницѣ, Она, по прибытіи въ садъ, заставила кофейныхъ играть въ мячики. Сама бросала ихъ и съ удовольствіемъ смотрѣла, какъ малютки перегоняли другъ друга, чтобы схватить брошенный Ею мячъ. Чрезъ четверть часа Государыня, обойдя садъ, простилась съ нами и, взойдя на лѣстницу, въ то время какъ мы всѣ на Нее смотрѣли и желали счастливаго пути, Она проговорила: «Je ne vous oublierai nullepart! à Berlin, comme ici j'aurai toujours l'oeil sur vous». По-

*) [Переводъ]: «Это не моя мысль, а Государя».

томъ, приподнявшись со словами: «Adieu, blanches, bleues et brunes!» *) Она вышла изъ сада.

Мы, избранныя изъ сверстницъ счастливицы, были въ слѣдующіе дни какъ въ лихорадкѣ; все боялись, чтобы какое-нибудь неожиданное препятствіе не помѣшало нашей поѣздкѣ и потому порядочно напугались, когда вечеромъ, наканунѣ 30 августа, разразилась страшная гроза: небо какъ будто горѣло со всѣхъ сторонъ. Съ ужасомъ смотрѣли мы на разразившуюся молнію и думали: не бывать празднику. Иныя изъ подругъ перепугались до того, что вообразили кончину міра.

Скорбныя мысли бродили и въ моей головѣ и долго не давали заснуть; но природа взяла свое, и я наконецъ крѣпко заснула, проспала всю ночь, а на другой день проснулась весело, увидѣвъ голубое небо, какъ будто затканное серебристыми облаками. Въ пять часовъ утра мы всѣ ужъ были на ногахъ и шумѣли, какъ рой пчелъ, суетились, пока не пріѣхали за нами кареты, и пока не усѣлись мы чинно въ нихъ. Въ девятомъ часу утра мы понеслись во дворецъ (въ Зимній).

Предвкушая заранѣе предстоящее удовольствіе и ожидая чего-то необыкновеннаго, я была чрезвычайно весела. Такому расположенію духа много способствовало всеобщее движеніе и ясная, тихая погода. Мнѣ было очень хорошо и я благодарила Бога, что мы осчастливлены столь великимъ Царскимъ вниманіемъ.

Вскорѣ мы достигли желанной цѣли и весело всходили по ступенямъ дворцовой лѣстницы въ одну изъ приготовленныхъ для насъ комнатъ. Вслѣдъ за нами прибыли Екатерининскія институтки и институтки другой половины Смольнаго. Началось между нами знакомство. Мы сошлись болѣе

*) [Переводъ]: «Я васъ нигдѣ не забуду! въ Берлинѣ, какъ и здѣсь, я всегда буду слѣдить за вами».

Какъ мы счастливы, какъ блаженны, видя свой престолъ украшеннымъ благословеннымъ домомъ Романовыхъ!

Государь нашъ печется о всѣхъ съ родительскою нѣжностью: всѣ его дѣти, всѣ ему равны!

И насъ, монастырокъ, не забываетъ нашъ Ангелъ! Хочетъ, чтобъ и мы знали веселье не по наслышкѣ только, но чтобы и сами были свидѣтелями торжества всей Россіи. Среди великихъ заботъ и приготовленій Государь вспомнилъ и о насъ, пожелавъ, чтобы мы видѣли всю церемонію, которая будетъ сопровождать освященіе колонны, сооруженной въ память Императора Александра Благословеннаго.

Во вторникъ, 27-го числа, Ея Величество осчастливила насъ своимъ пріѣздомъ: во все продолженіе обѣда была въ столовой, изволила пробовать наши кушанья, долго разговаривала и объявила, что 40 дѣвицъ поѣдутъ во Дворецъ, чтобы оттуда смотрѣть на парадъ.

Всѣ мы были въ восхищеніи отъ такого неожиданнаго удовольствія и когда стали изъявлять Ей нашу благодарность, Она отвѣчала: «ce n'est pas moi, c'est l'Empereur, qui a eu cette idée le premier» *). Какая скромность! не всё ли равно, что Она, что Императоръ?..

Послѣ стола мы пошли въ садъ, и нашъ классъ первый встрѣтилъ Императрицу. Поговоривъ съ нами на лѣстницѣ, Она, по прибытіи въ садъ, заставила кофейныхъ играть въ мячики. Сама бросала ихъ и съ удовольствіемъ смотрѣла, какъ малютки перегоняли другъ друга, чтобы схватить брошенный Ею мячъ. Чрезъ четверть часа Государыня, обойдя садъ, простилась съ нами и, взойдя на лѣстницу, въ то время какъ мы всѣ на Нее смотрѣли и желали счастливаго пути, Она проговорила: «Je ne vous oublierai nulle-part! à Berlin, comme ici j'aurai toujours l'oeil sur vous». По-

---

*) [Переводъ]: «Это не моя мысль, а Государя».

томъ, приподнявшись со словами: «Adieu, blanches, bleues et brunes!» *) Она вышла изъ сада.

Мы, избранныя изъ сверстницъ счастливицы, были въ слѣдующіе дни какъ въ лихорадкѣ; все боялись, чтобы какое-нибудь неожиданное препятствіе не помѣшало нашей поѣздкѣ и потому порядочно напугались, когда вечеромъ, наканунѣ 30 августа, разразилась страшная гроза: небо какъ будто горѣло со всѣхъ сторонъ. Съ ужасомъ смотрѣли мы на разразившуюся молнію и думали: не бывать празднику. Иныя изъ подругъ перепугались до того, что вообразили кончину міра.

Скорбныя мысли бродили и въ моей головѣ и долго не давали заснуть; но природа взяла свое, и я наконецъ крѣпко заснула, проспала всю ночь, а на другой день проснулась весело, увидѣвъ голубое небо, какъ будто затканное серебристыми облаками. Въ пять часовъ утра мы всѣ ужъ были на ногахъ и шумѣли, какъ рой пчелъ, суетились, пока не пріѣхали за нами кареты, и пока не усѣлись мы чинно въ нихъ. Въ девятомъ часу утра мы понеслись во дворецъ (въ Зимній).

Предвкушая заранѣе предстоящее удовольствіе и ожидая чего-то необыкновеннаго, я была чрезвычайно весела. Такому расположенію духа много способствовало всеобщее движеніе и ясная, тихая погода. Мнѣ было очень хорошо и я благодарила Бога, что мы осчастливлены столь великимъ Царскимъ вниманіемъ.

Вскорѣ мы достигли желанной цѣли и весело всходили по ступенямъ дворцовой лѣстницы въ одну изъ приготовленныхъ для насъ комнатъ. Вслѣдъ за нами прибыли Екатерининскія институтки и институтки другой половины Смольнаго. Началось между нами знакомство. Мы сошлись болѣе

*) [Переводъ]: «Я васъ нигдѣ не забуду! въ Берлинѣ, какъ и здѣсь, я всегда буду слѣдить за вами».

со смолянками [1]): онѣ проще и потому милѣе,—многія даже такъ понравились другъ другу, что обѣщались переписываться...

Но я не участвовала въ этомъ знакомствѣ по своей обычной робости, не рѣшаясь подходить къ кому-нибудь, я только смотрѣла на всѣхъ и на все меня окружающее. Все было для меня такъ ново, такъ поразительно, начиная съ моего присутствія въ царскихъ чертогахъ, куда была перенесена какъ будто прикосновеніемъ волшебнаго жезла. Я была какъ въ чаду, глядя изъ оконъ великолѣпныхъ покоевъ на множество народа, огибавшаго густыми толпами площадь, чернѣвшаго на крышахъ всѣхъ зданій, выглядывавшаго изъ каждаго окна; вездѣ, куда ни посмотри, все головы и головы... Тутъ, вѣрно, взгромоздился весь Петербургъ. Глядя на такое стеченіе народа, думала я: вѣроятно готовится необыкновенное зрѣлище! Не даромъ толпятся здѣсь съ ранняго утра въ безчисленномъ количествѣ люди! Казалось мнѣ, что какая-то торжественность носится даже въ самомъ воздухѣ.

Около 11-ти часовъ утра Государыня осчастливила насъ своимъ присутствіемъ. Удостоивъ насъ нѣсколькими привѣтливыми словами, Ея Величество, въ сопровожденіи Великихъ Княженъ Маріи Николаевны и Ольги Николаевны, одѣтыхъ въ русскихъ костюмахъ, съ придворными дамами, перешла въ комнату, занимаемую институтками, и оставалась тамъ въ ожиданіи начала торжества.

На Императрицѣ сверхъ бѣлаго атласнаго платья, украшеннаго золотомъ, была накинута мантія голубого бархата съ длиннымъ шлейфомъ. У Вел. Княженъ на бѣлыхъ атласныхъ платьяхъ, вышитыхъ золотомъ, были такія-же розовыя. На головахъ повязки и вуали. Мы столпились у дверей, чтобы поближе любоваться Ангеломъ-Царицей: Она была прекрасна въ русскомъ нарядѣ.

---

[1]) Т. е. съ сосѣдками—Александровскими.

Солнце освѣщало чудную картину: 120 тысячъ войскъ, по одному слову Императора, собрались изъ разныхъ концовъ Россіи и стройно, безмолвно расположились на площади.

Передъ войскомъ виднѣлся нашъ *Царь-исполинъ*, могучій двигатель всѣхъ силъ своего обширнаго царства, нашъ Царь-красавецъ, нашъ Царь-отецъ!

Когда, въ концѣ молебствія, запѣли: «вѣчная память» Александру Благословенному, то Государь, а за нимъ и все войско преклонили колѣна. Это умилительное зрѣлище поразило и растрогало меня до глубины сердечной. Поразило тѣмъ болѣе, что я не была къ нему подготовлена. Въ эти торжественныя минуты что-то чудное совершилось во мнѣ: хотѣлось плакать, а душа была переполнена неизъяснимымъ блаженствомъ. Колѣнопреклоненный Государь среди сотней тысячъ своего народа, Ангелъ на памятникѣ съ сіяющимъ крестомъ, парящій надъ простертой предъ нимъ земною силою, трогательное пѣніе церковнаго клира, — вся эта чудная картина, полная мысли, чувства и поэзіи, произвела на меня сильное впечатлѣніе: я была вся подъ вліяніемъ дивнаго видѣнія и не разъ отирала глаза, тускнѣвшіе отъ слезъ.

И какъ сладко плакалось!..

Но мало-по-малу стихли взволнованныя чувства и я, подобно всѣмъ подругамъ, стала съ удовольствіемъ смотрѣть на проходившіе съ музыкой полки, на которые сначала не обращала никакого вниманія. Гусары въ красныхъ и голубыхъ мундирахъ и черкесы понравились намъ болѣе другихъ; а артиллерія со своими пушками надоѣла намъ ужасно: конца не было, тянулась, тянулась, — скучно... Скучно, можетъ быть, потому, что я съ какимъ-то страхомъ смотрѣла на пушки, на эти орудія смерти. При видѣ ихъ мнѣ живо представились всѣ ужасы войны: обезображенныя тѣла, разбросанные члены, стоны раненыхъ, предсмертныя муки и безутѣшная тоска матерей и сиротъ... Вѣдь каждый вы-

стрѣлъ отнимаетъ у кого нибудь любимое существо... И грустно мнѣ было смотрѣть на это мрачное шествіе, недоступное институтскимъ головкамъ. Вѣдь мы такія глупенькія! Гдѣ намъ понять пользу и цѣль артиллеріи? Чѣмъ же было бы намъ защищаться отъ враговъ, которыхъ, говорятъ, у насъ очень много?..

— Странные люди! Вѣчно во враждѣ одни съ другими. Добро бы были язычники, а то христіане! И неужели война не переведется на землѣ? Неужели кроткое ученіе Спасителя никогда не смягчитъ ожесточенныхъ сердецъ? — Мнѣ бы хотѣлось, чтобы всѣ люди жили въ мирѣ между собою, какъ добрые братья или какъ, напр., мы — институтки...

По окончаніи парада, Императоръ взошелъ на балконъ, обнялъ Императрицу, потомъ Михаила Павловича, а чрезъ нѣсколько минутъ вся Царская Семья со всѣмъ Дворомъ вошла въ нашу комнату.

Радость наша была невыразима, когда мы увидѣли Государя; Его благодарили отъ искренняго сердца. Никогда, кажется, я не была счастливѣе, какъ въ эти минуты!

— Eh bien, êtes-vous contentes, mesdemoiselles? спросилъ насъ Государь.

— Oh, oui, extrêmement Votre Majesté, nous ne savons comment Vous remercier.

— Etes-vous fatiguées cependant?

— Non, Votre Majesté *).

— Voulez-vous que je recommence?... сейчасъ велю опять собираться. Да жалко, что распустилъ... Потомъ сталъ дѣлать реверансы и говорилъ: «ai-je fait des progrés, mesdemoiselles» **)?

---

*) [Переводъ]: «Ну что, довольны ли вы, дѣвицы?..» — О да, чрезвычайно, Ваше Величество; мы не знаемъ, какъ Васъ благодарить. — «Устали-ли вы однако?» — Нѣтъ, Ваше Величество!

**) «Не хотите-ли, чтобы я опять началъ?» «Сдѣлалъ-ли я успѣхи, дѣвицы?»

Освященіе памятника Александру I-му Благословенному.

(Съ акварели Монферрана изъ коллекціи П. Я. Дашкова).

Освященіе памятника Александру I-му Благословенному.

(Съ акварели Монферрана изъ коллекціи П. Я. Дашкова).

въ царскіе чертоги и пойдемъ осматривать дивныя дива Эрмитажа.

Осматривать?.. но развѣ есть возможность замѣтить что-нибудь, когда насъ все торопятъ впередъ и впередъ? Многое хотѣлось разсмотрѣть попристальнѣе во дворцѣ, но времени не доставало, и насъ почти насильно выводили изъ комнатъ. Быстро перебѣгая залу за залой, мы достигли наконецъ той комнаты, гдѣ находится знаменитая картина Брюллова, надѣлавшая столько шума въ Петербургѣ. Еще прежде мы слышали о ней отъ г-на Тимаева [4]); но могли ли тогда воображать, что сами увидимъ ее чрезъ короткое время?..

Государь нашъ, Отецъ нашъ! Какъ Ты милостивъ, и какъ мы Тебя любимъ и благодаримъ!..

Всѣмъ извѣстно, что эта картина изображаетъ «послѣдній день Помпеи». Про нее многіе писали, еще болѣе говорили, а потому, не смѣя послѣ всего этого открыть и рта, чтобы сказать какое-нибудь похвальное словцо, я въ восхищеніи молчу. А то, пожалуй, наговорю такихъ небылицъ, такъ все переиначу по своему, что изъ моего описанія нельзя будетъ узнать, говорю ли я о картинѣ Брюллова или о какой нибудь другой вещи! Итакъ, молча пройдемъ мимо этого прекраснаго произведенія искусной кисти Брюллова. Разсматриваю, восхищаюсь, но все это въ самой себѣ и не ищу изъяснять моихъ чувствованій, моего восторга, за отсутствіемъ таланта: «j'admire en silence».

Вотъ мы вошли въ портретную галлерею. Посреди огромныхъ, великолѣпныхъ залъ, среди роскоши, блеска я совершенно растерялась. Впечатлѣнія, производимыя безпрестанно новыми предметами, мгновенно смѣнялись и сглаживались другими. Вскользь обошли мы образцовыя созданія искусствъ, не имѣя въ своемъ распоряженіи времени. Быстро промель-

---

[4]) Инспекторъ классовъ Императорскаго Общества Благородныхъ Дѣвицъ. См. 1833 г., 26 мая, прим. 1-е

кнуло предъ нами множество залъ со всѣми своими сокровищами и только здѣсь, въ портретной галлереѣ, я перевела духъ.

Сколько великихъ мужей, сколько великихъ дѣяній возстало въ памяти моей! Здѣсь Александръ Благословенный, миротворитель Европы, имя котораго еще сегодня произносилось съ глубокимъ уваженіемъ, молитвою и любовью. Здѣсь великолѣпный князь Потемкинъ Таврическій. Тутъ Румянцевъ. Вотъ и старецъ Кутузовъ, спаситель Россіи. Задумавшись, долго стояла я передъ завѣтнымъ портретомъ того, съ которымъ неразрывно связано воспоминаніе о страшной годинѣ испытанія Россіи. И воскресли въ памяти моей разсказы о перенесенныхъ въ то время (въ 1812 году) бѣдствіяхъ, о кровавыхъ схваткахъ, о подвигахъ славныхъ нашихъ воиновъ, о возстаніи и ополченіи всего народа; и рисовались въ воображеніи зажженная Москва и Бородинское поле наканунѣ великой, всенародной битвы съ молебствіемъ предъ иконой Смоленской Божіей Матери,—русскіе ратники, со смиреніемъ и молитвою готовящіеся положить голову за Отечество, и Кутузовъ съ обнаженной сѣдой головой, а надъ нимъ парящій орелъ; и твердились въ умѣ звучные стихи великаго Пушкина:

«Передъ гробницею святой
Стою съ поникшей головой...
Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ русскій гласъ намъ издаетъ!
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
«Иди, спасай!» Ты всталъ и спасъ!»

Не знаю, кого люблю я больше: Кутузова-ли, спасшаго Россію, или Пушкина, такъ глубоко прочувствовавшаго заслуги великаго полководца и такъ прекрасно ихъ воспѣвшаго...

Въ портретной галлереѣ мы получили понятіе о лицѣ Дибича Забалканскаго, Барклая-де-Толли, Паскевича Эриванскаго и многихъ другихъ знаменитыхъ людей, а въ концѣ залы, уже восхищенныя всѣмъ видѣннымъ, глаза мои остановились на чудо-богатырѣ Суворовѣ.

Въ одной рукѣ онъ держитъ пистолетъ, а другою повелѣваетъ полкамъ, расположеннымъ вокругъ его. Взглянувъ на любимаго моего героя, на сего великаго мужа, я невольно *«преклонила предъ нимъ колѣна»*. (Это я нисколько не преувеличиваю, но говорю сущую правду; мои подруги, бывшія со мною, могутъ подтвердить это).

Потомъ мнѣ стало такъ стыдно: сзади насъ оказались на караулѣ солдаты, я ихъ сочла за статуи, а потомъ стремглавъ побѣжала въ другія комнаты.

Помню, какъ будучи еще ребенкомъ, съ уваженіемъ и любопытствомъ всматривалась я въ его портреты, въ его старческое лицо и по складамъ училась выговаривать великое имя: «Су-во-ровъ». Я почти выучилась читать, перечитывая разсказы о его жизни и письма, отсылаемыя имъ съ поля сраженія дочери своей, Наташѣ, такой же институткѣ, какъ и мы. Помню, какъ много разсказывала о немъ старушка бабушка, мужъ которой служилъ подъ начальствомъ Суворова. Помню, какъ за столомъ военные, обѣдавшіе у папеньки [5]), съ восторгомъ говорили о немъ. Никто не обращалъ тогда вниманія на крошечное дитя, а я слушала, все слушала и съ раннихъ лѣтъ привыкла сочувствовать славѣ Россіи и ея великихъ мужей.

Изъ портретной галлереи мы прошли по многимъ заламъ, изъ которыхъ помню лишь одну тронную, и то потому, что многія бросились цѣловать ступени трона.

Были мы и въ дворцовой церкви и усердно перекрестились, благодаря Бога за радостно-проведенный день. Въ

[5]) Отецъ В. П. Быковой былъ полковникъ.

половинѣ шестого мы сѣли за царскій столъ обѣдать «на славу»: на двухъ воспитанницъ было поставлено по бутылкѣ меда и мы все «осушили», пивши за здоровье Августѣйшаго Дома! Придворные лакеи тотчасъ поставили намъ по другой, но стало стыдно, — боялись, что станутъ смѣяться надъ нами, а потому болѣе не пили; за то отъ конфектъ не отказывались и порядочно нагрузили ими карманы.

Какъ балуетъ насъ Государь! Чѣмъ заслужили мы всѣ Его милости?..

Ангелъ Государь! я готова положить за Тебя голову, если бы могла быть Тебѣ нужна моя глупенькая головка!

Послѣ обѣда мы тотчасъ отправились домой. Наша карета была послѣдняя, чему я была очень рада. Мы, т. е. Дивочка [6]), Курочка [7]), Саша Стрекалова [8]) и я, послѣдними простились съ Дворцомъ, гдѣ намъ было такъ весело, и я со словами: «прощай Дворецъ, прощайте его стѣны!» сѣла въ карету. Солнце было на закатѣ и почти зашло и блѣдная, чуть видная луна свѣтлѣла на небѣ. Мы были необыкновенно веселы и всю дорогу почти не переставали говорить и смѣяться, такъ что, право, были болѣе похожи, если не на сумасшедшихъ, то по крайней мѣрѣ, на жрицъ Вакха, нежели на смолянокъ въ своемъ умѣ.

Уже смеркалось, когда мы достигли Монастыря. Тамъ разсказы и воспоминанія оживили опять прошедшее, опять попрежнему намъ слышался звонъ колоколовъ, гулъ пушекъ, звуки музыки и радостныя восклицанія войскъ. Попрежнему видѣлся Императоръ, то разъѣзжающій предъ своими полками, то командующій ими, то обнимающій Го-

---

[6]) Екатерина Борисовна Дивова—вос-ца Им. В. Об. бл. дѣв. вып. 1836 г.

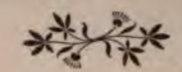
[7]) Куроѣдова, Соф. Павловна, тоже со 2-мъ шифронъ, по мужу Годеніусъ.

[8]) Александра Степановна—дочь ген.-адьют., вос-ца Имп. Об. бл. дѣв. вып. 1836 г., по мужу Лебедева; дочь ея, Е. А. Шамшина—благотворительница слѣпыхъ.

сударыню, то колѣнопреклоненный предъ Господомъ и наконецъ у насъ въ комнатѣ!..

О незабвенный день, счастливѣйшій въ моей жизни! Воспоминанія о тебѣ всегда будутъ любезны моему сердцу; въ зрѣлыхъ и преклонныхъ лѣтахъ я скажу:

«да, я была тогда счастлива!»



Размышленія о будущемъ.

Сентября 15 дня. Какъ живо чувствуютъ юныя сердца свое счастіе! Какъ непритворна ихъ радость! Неужели когда нибудь я должна буду разстаться съ этимъ счастливымъ возрастомъ?..

Какой вопросъ! — Конечно, молодость моя пролетитъ, унесетъ съ собою и пылъ воображенія, и жаръ чувствъ и все, что меня теперь прельщаетъ; наступитъ пора опытности; цвѣты, усѣевающіе теперь путь моей жизни исчезнутъ; пройдетъ моя весна, мое лѣто, — наступитъ ненастливая осень; темныя облака застелютъ прежній свѣтлый горизонтъ мой; пронесутся громы надъ моею головою; возстанутъ бури и сильные вѣтры занесутъ меня, Богъ знаетъ куда [1])...

Кто можетъ въ жизни счастливъ быть?..
. . . .
Земля гостинница для насъ!
Ахъ, въ гробѣ мертвые спокойны!
Ихъ время горевать прошло...

и мнѣ, вѣроятно, только тамъ и быть спокойной.

---

[1]) «Странно, какъ сбылось это предчувствіе; это былъ гласъ Божій, пророческій мнѣ.—Занесена я туда, гдѣ много вижу и чувствую горя— на берега р. Ангары. (Примѣч. на письмѣ автора въ 1863 году, 17 іюня).

Но къ чему опять мрачныя мысли тревожатъ мой духъ? чѣмъ я не могу вполнѣ наслаждаться радостями? Всегда вольствія мои влекутъ за собою размышленія, мечтанія будущемъ и никогда оно не представляется мнѣ веселымъ яснымъ, какъ то прежде казалось, — года два тому назадъ. Брошу пустыя мечты. Онѣ ни къ чему не ведутъ, какъ лько къ безпокойствамъ...

И осень и зима имѣютъ свои пріятности, свою пользу: енью деревья преклоняютъ намъ свои вѣтви, обремененя плодами и виноградныя лозы въ полной красѣ обильно едлагаютъ свое вино. Радуется земледѣлецъ, — спѣшитъ бирать хлѣбъ, посѣянный имъ; и какая *радость* добрымъ селянамъ, когда Богъ благословитъ ихъ пашни!... Такъ, жетъ быть, и моя осень будетъ весела, полезна себѣ и угимъ.., а теперь, хотя и сентябрь, — но намъ тепло и рошо. Собирай, Варенька, больше припасовъ на холодную быть можетъ, суровую зиму въ жизни, когда уже детъ поздно стараться пріобрѣтать, а лишь-бы охранить имѣть, что дать изъ пріобрѣтеннаго, дабы не уподобиться вѣтрившемуся, пустому колосу!

Итакъ, съ помощью Божіею, авось либо пройдемъ тихо спокойно путь жизни. Будетъ-ли онъ дологъ или корокъ, — извѣсто одному Богу: да будетъ его Святое провиніе съ нами! Вѣруемъ и надѣемся на Него, какъ отецъ аннъ [2]), и тогда будемъ счастливы. Не осыпалъ-ли Господь селѣ меня своими милостями? — зачѣмъ-же мнѣ сокрушаться будущемъ?

Да будетъ воля Твоя! Боже мой!

Не остави меня, молю Тебя, сохрани на многая лѣта осударя и Государыню и родителей моихъ! — съ ими я никогда не буду слишкомъ ощущать горестей...

---

[2]) О. Іоаннъ Яковлевичъ Недешевъ—ея духовникъ и законоучитель. См. 1833 г. 11 дек., прим. 9.

«Вѣютъ вѣтры бурные,
Бушуютъ во темныхъ лѣсахъ;
Колышатъ деревья сильныя,
Ломаютъ вѣтви на дубахъ.
А листья зеленые, какъ пыль всѣ летятъ,
Ихъ сильные вихри далеко умчатъ.
Такъ и я сиротинушкой
Живу не въ своей землѣ,
Знать, мнѣ не суждено судьбинушкой
Вѣкъ прожить въ родной семьѣ».

У меня есть папенька, маменька (мачиха); у меня есть добрыя сестры, которыхъ я люблю почти также, какъ и родителей; есть братья; сколько друзей на родинѣ! И гдѣ-же ихъ искать, какъ не въ родной семьѣ? Тамъ все, что сердцу мило!.. И какое счастіе быть увѣренной въ любви своихъ близкихъ: всегда съ ними можно чѣмъ угодно подѣлиться, всегда найдешь въ ихъ сердцѣ пріютный уголокъ противъ бурь и невзгодъ [3]). Я не могу даже подумать, какъ я буду жить, если мнѣ придется покинуть мою добрую Нюту [4]): съ нею я съ младенчества привыкла быть. Все испытали вмѣстѣ; всѣ наши первыя занятія, всѣ игры раздѣляли между собою; судьба привела насъ въ одно заведеніе; вмѣстѣ начали, вмѣстѣ кончимъ воспитаніе и неужели потомъ когда-нибудь разойдемся... [5]).

[3]) О, какъ-бы мы были счастливы, если-бы всегда это было такъ! (см. 1835 г. 1 декабрь).

[4]) Старшую ея сестру—Анну Петровну Быкову, съ которою она не разставалась всю жизнь до своей смерти.

[5]) Это любовь къ семьѣ на 7-й годъ замкнутой жизни, почти не покидавшей стѣнъ крѣпко любимаго ею Смольнаго. Едва-ли строго закрытыя заведенія совершенно отъучали отъ семьи. Думается, при шероховатостяхъ воспитательницъ, заставляли еще болѣе цѣнить семью и родственную дружбу.

Тоска. Молитва за родную семью.

28 декабря. Время! летишь очень скоро....

Летишь невозвратно и въ быстромъ полетѣ мчишь ты мои радости! Сколько я ихъ имѣла въ эти три мѣсяца и какъ онѣ всѣ невидимо съ тобою исчезли?.. Грусть тяготитъ теперь мое сердце! Душа ноетъ, и какое-то томительное чувство ее наполняетъ. Мрачныя предчувствія волнуютъ меня и отравляютъ малѣйшія удовольствія... Нѣтъ ни вѣсточки съ родной стороны: никто не пишетъ, никто не навѣститъ, никто не скажетъ добраго словца о милыхъ родныхъ!..

Боже мой! что теперь они дѣлаютъ?.. Сохрани ихъ, Отче небесный! загради уста врагамъ ихъ, да не коснется ихъ злоба и клевета человѣческая [1]). Они уже терпѣли, Боже мой, и терпятъ, награди-же ихъ за терпѣніе! Они безъ ропота переносили коварства зависти и всю надежду полагали на Тебя, милостивый Боже! Не остави-же ихъ теперь, призри ихъ въ часъ скорби и пошли имъ утѣшеніе Твое небесное!

Боже, услыши меня!..

[1]) *На отца ея въ это время былъ доносъ изъ зависти, якобы за „либеральные взгляды“. За него сильно вступился и оправдалъ его Преосвящ. Іаковъ—подвижникъ Оренбургскій.*

1835 г.

Вечеръ на новый годъ. Пріѣздъ брата. Смерть С. А. Адамовичъ. Скука.

На Новый годъ были у M-me Панчулидзевой [1]), тамъ много было изъ города [2]) свѣтскихъ барышень-болтушекъ. Всѣ онѣ сидѣли въ моемъ сосѣдствѣ и мучили меня разными глупостями; я такъ рада была, что отъ нихъ отвязалась. Въ 9 час. вечера всѣ уѣхали, кромѣ Sophie [3]) съ мужемъ и съ братомъ; мы усѣлись въ уголкѣ и весело провели время. Въ 10 час. веч. прогнала хозяйка и этихъ, тогда мы разбрелись по дортуарамъ и тамъ вспоминали всѣ слова, всѣ глупости, сказанныя и замѣченныя въ продолженіи вечера. Легла я поздно, а встала опять рано. Въ 9 часовъ пошли въ церковь.

Въ пріемъ пріѣхалъ братъ,—вотъ моя радость! Съ нимъ мнѣ всегда бываетъ весело: мы наговорились, насмѣялись и онъ пообѣщалъ быть еще сегодня [4]), но несчастное, неожиданное приключеніе лишило насъ этого удовольствія: мой братъ поѣхалъ съ новогодними поздравленіями и, въѣзжая

---

[1]) У инспектрисы, см. 1833 г. 19 мая. Прим. 9.

[2]) Смольный считался не въ чертѣ столицы.

[3]) Sophie Кукушкина съ мужемъ и братомъ Ребиндеръ.

[4]) Братъ Александръ Петровичъ Быковъ—студентъ тогда, впослѣдствіи *инженеръ путей сообщ. † въ 1864 году.*

въ домъ Софіи Ал. Адамовичъ [5]), находитъ ее въ гробу. Завтра приглашаютъ его на выносъ ея тѣла.

Вотъ какъ все въ свѣтѣ дѣлается!..

Сегодня послѣ обѣдни пошла я опять въ зало, но мнѣ некого было ждать. Смотрѣла на всѣхъ, видѣла многихъ и старалась быть какъ можно равнодушнѣе... Въ дортуарѣ скучно и вездѣ будетъ скучно. Если найду ноты, стану играть на фортепіано, но, вѣрно, руки не пойдутъ: давно ужъ пальцы не дотрогивались до клавишей... но все же попробую...

Adieu, journal, et pour longtemps.

Думы о разлукѣ съ подругами.

12 апрѣля. Пятница. Послѣдній день изъ Святой недѣли вмѣстѣ съ моими друзьями провела я весело [1]). Это друзья моего дѣтства, моей юности, а слѣдовательно счастливѣйшаго времени моей жизни. Будетъ-ли еще такой день,— Богъ знаетъ. Мнѣ среди подругъ было весело и грустно. Грустно, когда подумаю о разлукѣ [2]) нашей. Она придетъ скоро, незамѣтно, и всѣ мы, собранныя здѣсь вмѣстѣ, какъ сестры, соединенныя дружбою, разсѣемся по всѣмъ странамъ: кто на сѣверъ, кто на югъ, куда кого судьба зане-

---

5) Софія Ал. Адамовичъ—дочь нѣмца, привезеннаго Императрицею Александрою Ѳеодоровною. Она была подруга по Павлов. инстит. Елизаветѣ Петровнѣ Быковой *и гостила иногда, за неимѣніемъ родственниковъ, въ домѣ Быковыхъ (въ 1830 г.). Отъ нихъ-же взята была во Дворецъ на службу при Императрицѣ.*

---

1) Съ подругами.

2) О выпускѣ въ В. посту 1836 года.

4*

сетъ, и я... Я, быть можетъ, уйду далеко, далеко отъ Монастыря. И можетъ быть, никогда не придется встрѣтиться въ жизни съ тѣми, кого привыкла любить съ раннихъ лѣтъ.

Сегодня все мнѣ напоминало это предстоящее печальное время, особливо-же пѣніе Оленьки и Маши Zaranec [3]). Какіе голоса и какая музыка! Но какая имъ предстоитъ судьба?

Что-то я буду дѣлать въ этотъ-же самый день въ будущій годъ?.. Но сколько еще перемѣнъ, неожиданностей пріятныхъ и непріятныхъ до этого случится, и гдѣ-то проведу я годъ?... Быть можетъ въ Саратовѣ, или въ Петербургѣ, или, можетъ быть, въ благословенной Малороссіи, моей родинѣ...

Четверть часа послѣ.

Пришли мои «болтушки», помѣшали говорить на бумагѣ о своихъ мысляхъ, а теперь у меня все вылетѣло изъ головы.

О чемъ-же «глаголили» мои подружки? Разспрашивали о проведенномъ вечерѣ [4]); что и какъ было, смѣялись, судили и бранили.

Прошу не думать, что мы умѣемъ только замѣчать недостатки: монастырки, какъ безпристрастные критики, отдаютъ всю справедливость и достоинству, а потому мы также многихъ, бывшихъ на вечерѣ, расхвалили и превознесли до небесъ, между прочимъ одного, отъѣзжающаго на Кавказъ [5])...

Теперь больше не прельщаютъ его дикіе и прекрасные виды Грузіи; ему не милы болѣе снѣга высокихъ горъ Кавказскихъ; и небо ясное и воздухъ благорастворенный не

---

[3]) Заранка, Ольга и Маріамна Онуфріевны, графини, внучки фельдмарш. князя Витгенштейна—прекрасно пѣли и готовились къ выпуску.

[4]) У А. И. Панчулидзевой.

[5]) Олехина, гвард. офицера, — бывалъ у Панчулидзевой, влюбленъ былъ въ Анюту Меркулову и являлся всегда въ пріемъ съ ея братомъ, тоже гвардейскимъ офицеромъ, Яшею Меркуловымъ.

занять болѣе его къ себѣ... Ему грустно, тяжко разставаться съ Петербургомъ, и хладный, мрачный сѣверъ свой не промѣнялъ бы онъ на прекрасныя, живописныя долины юга. Не мудрено... Тяжела разлука. Не утаимъ причину этого, пусть будетъ извѣстна намъ, монастыркамъ... (Анюта Меркулова).

Теперь ужъ поздно. Многія наши спятъ, другія засыпаютъ. Женичка [6]) подлѣ моего стола на колѣняхъ и читаетъ исписанные листочки (дневникъ). Оленька [7]) на постели возится съ моимъ рукодѣльнымъ ящикомъ; она въ прекрасномъ неглиже и въ ночной шапочкѣ. Анетъ [8]) завиваетъ голову, а я сію минуту покидаю перо, чтобы слѣдовать ея примѣру и потомъ, съ Божіею милостію, отойти на «покой» (т. е. на кровать съ веревочною качелью [переплетомъ]).

Прощай! 11 часовъ ночи.

Размышленія о смерти Леночки. Братъ Леночки, ея болѣзнь и кончина.

8 іюля. Понедѣльникъ. Простились мы съ Леночкой [1]). Простились! и на вѣки!

Какъ и гдѣ, и когда увидимся съ тобою? Можетъ быть скоро, въ Монастырѣ еще, а можетъ и въ глубокой старости мнѣ суждено покинуть свѣтъ? Но, какъ тебя увижу?.. Ты,

[6]) Евгенія Ивановна Курута—вос-ца Имп. Об. бл. дѣв., дочь Дѣйств. Ст. Сов., замужемъ за Христоф. Павл. Палеологъ.

[7]) Ольга Ив. Курута, ея сестра, тоже выпуска 1836 года.

[8]) См. 1833 г. 11 дек. 8 и 1834 г. 15 сентября.

[1]) Елена Яганова вос-ца «бѣлаго» класса умерла за нѣсколько мѣсяцевъ до выпуска. Любимый братъ ея офицеръ. Отецъ ея вторично женился не задолго до ея смерти на несимпатичной для нея личности, о чемъ больная скорбѣла. Умерла отъ чахотки.

конечно, блаженна: семнадцать только лѣтъ видѣла тебя земля. Что же ты могла сдѣлать преступнаго въ столь короткое время? Стѣны монастыря заслоняли входъ порокамъ въ твое сердечко, — ты жила, какъ Богъ велитъ жить: кротость и смиреніе украшали мгновенное пребываніе твое въ мірѣ, упованіе и вѣра проводили тебя на небеса. И какъ тихо, какъ спокойно перешла ты изъ объятій людей въ объятія Ангела хранителя!

Еще радость на небесахъ: душа младой праведницы (изъ слова о. Іоанна Недешева) вознеслась на крыльяхъ херувимовъ къ престолу Всевышняго!..

«Во гробѣ мертвые спокойны,
Ихъ время горевать прошло...»

Ты уже тамъ, гдѣ болѣе не слышны стоны, не видны слезы, благость Господня осѣняетъ тебя!.. Взгляни на землю; смотри, — вотъ плачутъ по тебѣ; искренніе твои горюютъ по тебѣ. Видишь-ли твой гробъ, гдѣ покоится остатокъ отъ прежняго твоего среди насъ существованія?

Вотъ твой братъ, твой другъ, стоитъ, глубоко тоскуя, а тамъ, взгляни, твои юныя подруги. Ты видишь-ли ихъ непритворныя слезы? Ты слышишь-ли мольбы ихъ о тебѣ?..

Да, праведная душа, ты видишь все и слышишь. Твой духъ носится надъ нами. «Друзья! что плачете по мнѣ?» говоришь ты. «Вы бы должны были радоваться, увидавъ конецъ моимъ страданіямъ. Развѣ вы не помните, какъ я тосковала на землѣ? Какъ часто тужила и желала смерти, а вы теперь печалитесь о томъ, что исполнились мои желанія? Перестаньте, перестаньте напрасно лить слезы! Я у Отца Небеснаго живу; я нашла здѣсь маменьку. Я жду къ себѣ своихъ друзей. Будетъ время и скоро придетъ, что мы всѣ соединимся въ вѣчности... Вамъ, земнымъ страдальцамъ, конечно долгими покажутся нѣсколько десятковъ лѣтъ, а мнѣ

въ безпрестанномъ блаженствѣ минутой промелькнутъ они. Терпите, терпите! Богъ прибѣжище ваше и утѣшеніе!».. [2]).

8 часовъ вечера. Весь день одна лишь мысль въ головѣ,—смерть Леночки. Получилось глубокое впечатлѣніе въ юныхъ и еще живыхъ сердцахъ ея подругъ: всѣ, или покрайней мѣрѣ, большая часть нашихъ грустятъ о потерѣ ея и не столько объ ней самой (она счастлива!), какъ объ ея братѣ.

Молодой человѣкъ съ прекрасными чувствами, съ пламенной душой, теряетъ въ ней единственнаго друга, лучшаго друга и теперь одинъ, одинъ... Какой примѣрный братъ! Единственно для Леночки женится, чтобы можно было взять ее къ себѣ послѣ выпуска.

Сестра его бѣдна,—отецъ назначилъ ей быть пепиньеркою, и бѣдняжка загрустила: ей не хотѣлось оставаться еще въ Монастырѣ, она къ роднымъ желала, чувствовала, что ужъ давно она слабѣетъ. Пошла въ лазаретъ и оттуда вышла больная. Съ тѣхъ поръ ея здоровье примѣтно таяло: ей часто дѣлалось дурно и, наконецъ, ее опять отвели въ лазаретъ, чтобы болѣе не выходить оттуда въ классъ.

Она предчувствовала, кажется, свою смерть и часто говорила: «*я непремѣнно умру въ Монастырѣ Смольномъ и желала бы именно тутъ: здѣсь есть Батюшка* [3]), *онъ будетъ ко мнѣ ходить, исповѣдуетъ, подготовитъ къ переходу въ иную жизнь* и причаститъ меня. А кто тамъ (у брата) будетъ?» «Письма брата, когда я умру, сожгите», завѣщала она. «*Тетрадь со стихами дайте ему, а прочія тетради себѣ возьмите*».

---

[2]) Видно вліяніе надгробнаго слова о. Іоанна Недешева и чудная подготовленность къ смерти.

[3]) Почтенный о. Іоаннъ Недешевъ См. 1833 г. 11 дек., прим. 9.

Вотъ все ея богатство! На землѣ немного имѣла... сокровища готовила себѣ на небесахъ...

Во время бòлѣзни была тиха, боялась кого бы то ни было обезпокоить, зато всѣ ее любили: *«это ангелъ была»*,— выразилась про нее дѣвушка [4]), ходившая за нею. *«Никому не могла наскучить»*...

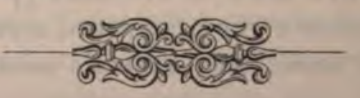
Богъ призвалъ ее къ себѣ...

Въ послѣдній четвергъ, 4-го іюля, ей, казалось, было легче. *«Мнѣ-бы хотѣлось помолиться, но я такъ слаба, что не могу читать»*, сказала она прислужницѣ. «Не хотите-ли вы причаститься?» — спросила дѣвушка. «Ахъ да, да, какъ я буду рада! нельзя-ли послать за Батюшкой». Желаніе исполнено. Она соединилась со Христомъ! Священная радость объяла ее такъ, что она вся трепетала. Батюшка долго говорилъ съ ней, благословилъ... Это было въ 10 часовъ вечера. Всю ночь подлѣ нея сидѣли дѣвушки; но Леночка посылала ихъ спать: *«если вы заснете, то и я засну»*, — говорила она, не переставая разговаривать до 4 час. ночи.

«Мнѣ неловко; положите меня хорошенько». Вѣруша [5]) стала ей поправлять подушки и Леночка въ рукахъ ея скончалась.

Прощай, Леночка, до будущаго свиданія тамъ, тамъ!..

Ужъ вечерѣетъ. На западѣ пламенѣетъ небо. Вечеръ тихъ. День былъ прекрасенъ. Природа смѣется, а сердце груститъ... не повторится-ли еще подобный случай? Сердце часто вѣщуномъ бываетъ, что-то тоскливо на немъ...



[4]) Казенная лазаретная, Вѣра Власьевна, впослѣдствіи помощница надзирательницы лазарета Имп. Об. бл. дѣв., ум. въ 1890-хъ годахъ.

[5]) Вѣра Власьевна. См. прим. 4.

Лиза Коваленская и „свѣтъ“.

21 іюля. Сегодня только въ 11 часовъ вечера проводили мы Лизу Коваленскую [1]). Она гостила у насъ съ четверга или съ вечера среды [2]).

Какая милая! какая непонятная особа! Два года про нее ни слова не было слышно. Будто бы она умерла. Потому два года она не занимала моихъ мыслей, но дружеское возобновленное знакомство снова напомнило мнѣ прежнія времена, прежнюю Лизу, романическую, любезную, постоянную. Удивляюсь ея постоянству при столь живомъ ея характерѣ, при свѣтскихъ разсѣянностяхъ въ кругу людей, что называютъ «la haute société». И при всемъ томъ, будучи совершенно *свѣтская*, она все еще помнитъ монастырскіе обычаи, *«обожанія»*, привычки, словомъ все, все... Спросите ее, кого она любила, и Лиза перечтетъ по пальцамъ всѣхъ *«обожаемыхъ»* учителей, дамъ, «бѣлыхъ», «голубыхъ»—никого не забудетъ; помнитъ всѣ ссоры, мировыя, капризы, свиданія и очень, очень любитъ объ нихъ вспоминать.

Свѣтъ, правда, слишкомъ передѣлалъ ее на свой ладъ: вездѣ съ лорнетомъ, все по французски, произношеніе парижанки, любезность необычайная, передъ всѣми разсыпается, но все это при первомъ свиданіи, пока еще не ознакомится... Въ послѣдніе же три дня, проведенные съ нею, ее узнать нельзя: откровенная, милая, веселая, ни малѣйшаго различія нѣтъ между *«бѣлой»* и *«свѣтской»* Коваленской. Мы въ вос-

---

[1]) Лиза Коваленская вос-ца Имп. Об. бл. дѣв. выпуска 1833 года, очень любила Анну и Варвару Петровну, заходила навѣщать ихъ, за что и онѣ, но еще больше за ея умъ и доброе сердце, платили ей взаимностію.

[2]) Она гостила три дня у своей бывшей классной дамы (съ 1827—1860 г.) Екат. Ѳеодор. Благово, по прозванію воспитанницъ «Катишъ». Очень строгая, типъ классной дамы «старой выдержки».

хищеніи отъ нея. Конечно, ея лѣта изгладили нѣкоторыя юныя впечатлѣнія и ея прежнюю веселость; но она живетъ въ свѣтѣ, слѣдовательно живетъ также съ заботами, безпокойствами, живетъ съ грустью и мечтами, подъ-часъ она задумывается, тоскуетъ и пр., пр... Неизвѣстная тайна... она кроетъ ее въ сердцѣ... Молода, умна, недурна собою, хорошенькіе черные глазки, чего не сдѣлаютъ они, чего не придумаютъ?! Охъ, эти выѣзды въ свѣтъ! Да и самый «свѣтъ»!.. Но,

«Другъ, страданье пронесется!..
Грозный мракъ не навсегда,
И надъ бездною зажжется
Лучезарная звѣзда»...

Мы повеселились съ нею, пріятно побесѣдовали и такъ привыкли видѣть ее всякій день, что теперь мнѣ безъ нея какъ-будто чего-то не достаетъ... особенно первые часы послѣ ея отъѣзда.

Боже! какъ она до сихъ поръ любитъ Annette! Только и весела, когда бываетъ съ ней. Удивительное постоянство въ Лизѣ!.. Она опять уѣхала въ «свѣтъ», опять въ кругъ своего общества... Какъ жаль! какъ жаль! Съ такимъ добрымъ сердцемъ, съ такимъ образованнымъ умомъ, какая могла бы быть изъ нея прекрасная женщина!

Свѣтъ, свѣтъ! все право имѣю тебя не любить... Что-то изъ меня ты сдѣлаешь?.. И я буду жертва твоихъ предразсудковъ, твоихъ причудъ, твоего коварства... неужели не выпутаюсь изъ твоихъ опасныхъ сѣтей?..

Торжество освященія Воскресенскаго всѣхъ учебныхъ заведеній собора (Смольнаго). Общее пѣніе.

У насъ большія приготовленія къ завтрашнему дню: разсматриваютъ платья, поправляютъ, пришиваютъ тюль, сейчасъ идемъ въ зало,—будутъ распредѣлять мѣста за столомъ. Ужъ прибыло 40 поваровъ, 350 лакеевъ, — они будутъ прислуживать...

Торжество! Торжество!! но будетъ-ли весело?.. Не знаю: совсѣмъ не жду я завтрашняго дня.—Доживу-ли до завтра?

22 іюля. Понедѣльникъ. «Вставай, вставай! Ужъ безъ четверти четыре», шепчетъ Саша Сушкова, [1]) толкая меня потихоньку.

— Нѣтъ, рано, Саша, — разбуди въ половину пятаго.

А Саша уже давно, давно не спитъ. Въ три часа подняла ее Ратманова [2]), лучшій у насъ парикмахеръ, причесала, и Саша какъ куколка, сидитъ на табуретѣ, или, прохаживаясь по дортуару, украдкою любуется на себя въ зеркальце и будитъ спящихъ *подругъ*, напоминая 22-е іюля.

22-е число! Торжественный, благословенный день!

Къ 8-ми часамъ нашъ утренній туалетъ былъ оконченъ. Всѣ были одѣты просто и мило. Бѣлыя каленкоровыя платья, лифа въ драпри, декольтэ, короткіе рукава, на верху убранные узенькимъ рюшемъ, турнюры, широко заплетенные волосы положены короною — вотъ и вся уборка!

---

[1]) Александра Николаевна, дочь стат. совѣт., вос-ца выпуска 1836 г., по мужу Карачарова. Встрѣчалась съ Анною Петровною въ 1877 г. въ Петербургѣ.

[2]) Елизавета Егоровна, вос-ца выпуска 1836 г., дочь капитана гренадер. бригады.

Ахъ, забыла сказать о серьгахъ или лучше о бусовыхъ подвѣскахъ, работанныхъ M-me Svensche [3]).

Годъ тому назадъ при ожиданіи посѣщенія Прусской Принцессы [4]), супруги Вильгельма I, брата Императрицы Александры Θеодоровны, съ ея дворомъ, намъ рекомендовано было имѣть серьги. Купить 140 паръ дорого, а всякая сама по себѣ имѣть не могла: среди насъ было много бѣдныхъ. M-me Svensche взялась устроить. Ей дали трехъ сортовъ бусъ и, воодушевляемая особеннымъ мастерствомъ и благоговѣніемъ къ Императрицѣ, она сдѣлала что-то похожее на серьги. Наши надѣли, и на нихъ онѣ были прекрасны.

Молоды, — что не пристанетъ?..

Въ 10 ч. утра уже всѣ женскія заведенія прибыли въ Монастырь, и мы съ гостями отправились въ Соборный храмъ [5]).

Куда какъ вѣжливы монастырки! «Гдѣ-бы самимъ быть, какъ хозяйкамъ, послѣдними — нѣтъ, не надо»: *мы впереди всѣхъ*, а за нами смиренно слѣдовали прочіе институты. Вѣроятно не даромъ насъ зовутъ: «Смолянки-гордянки»... Въ церкви мы же на первомъ мѣстѣ [6])...

Соборъ мало-по-малу наполнялся. Все пестрѣе и пестрѣе становилась разнообразная толпа придворныхъ. Русскія дре-

---

[3]) M-me Svensche, Анна Вильгельмовна, классная дама Имп. Восп. Общ. благород. дѣвицъ (съ 1827—1845 г.), на службѣ по IV отдѣл. съ 1826 г., рѣдкой доброты и очень образованная, лично была извѣстна Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ, много разъ имѣла счастіе пользоваться Ея материнскимъ вниманіемъ. Въ 1827 г. съ должн. главн. надзир. СПБ. Воспитат. дома Императрицею перемѣщена классною дамою *съ сохраненіемъ всѣхъ выгодъ*. За благодѣянія Ея Величества, особенно благоговѣйно чтила старушка память Императрицы.

[4]) Воспитанницамъ старшаго класса привезшей нѣсколько маленькихъ золотыхъ дамскихъ часовъ прекрасной заграничной работы.

[5]) Т. е. въ Смольный соборъ. Вѣроятно такъ называли его въ отличіе отъ другихъ церквей монастыря. Въ бумагахъ прошлаго столѣтія соборъ тоже назывался «*соборный храмъ* Смольнаго Новодѣвича Монастыря».

[6]) «*Императорское* Воспитат. Общество благор. дѣвицъ» всегда и въ историческомъ отношеніи первенствовало надъ институтами.

внія княжескія одежды дамъ мѣшались съ мундирами гвардейскихъ полковъ; тамъ блестѣли бриллiанты на головныхъ уборахъ, здѣсь свѣтлѣлись звѣзды на груди именитыхъ.

Великія Княжны Ольга [7]) и Марія Николаевны [8]) прибыли первыя.

Какъ восхитительна В. Кн. Ольга! Что за лицо! какая красота [7])! Но я люблю болѣе В. Кн. Марію и сама не знаю почему. Сердце какъ-то къ ней само идетъ и видитъ въ В. Кн. Маріи какую-то ангельскую доброту, существо выше обыкновенной женщины. Вѣроятно, чудная ее ожидаетъ будущность...

Въ 11-мъ ч. утра явились съ шумомъ военные корпуса. Право, не знаю, отчего происходилъ этотъ шумъ; быть можетъ, только потому, что это были мужчины, которые чѣмъ-нибудь должны показать свое превосходство передъ женщинами, а для того и шумѣли?—или такъ надо военнымъ наводить шумомъ страхъ?..

Слѣдомъ за кадетами увидали мы, наконецъ, всю *Царскую Фамилію*.

Началась божественная литургія. Я въ первый разъ слушала архіерейскую службу,—какъ она торжественна!..

Императору угодно было, чтобы «Вѣрую», «Отче нашъ», «Благочестивѣйшаго» и «вѣчную память» пѣли всѣ воспитанницы и воспитанники присутствовавшихъ учебныхъ заведеній [9]).

---

[7]) В. Кн. Ольга Николаевна (см. портретъ), дочь Императора Николая І-го, королева Вюртембергская, род. 1822 г. † 1892 году.

[8]) В. Кн. Марія Николаевна, дочь Императора Николая І-го (род. 6 авг. 1819 г. † 9 фев. 1876 г.). Съ 1839 г. въ супружествѣ съ Максимиліаномъ, герц. Лейхтенбергскимъ. Завѣдывала Патріотическ. Институт., занимала мѣсто президента Академіи Художествъ и председательницы Общества Поощренія художествъ (Ефр. и Брокг. 36 т., 637 стр.).

[9]) Учитель пѣнія Имп. Вос. Общ. благор. дѣв. Ѳедотъ Максимовичъ Ливницкій, по приказанію Императора, ѣздилъ по кадетскимъ корпусамъ на спѣвки, чтобы въ этомъ пѣніи достигнуть возможнаго музыкальнаго однообразія.

Высокая мысль, достойная Великаго Царя!

И мы пѣли...

Было что-то поражающее въ этомъ пѣніи. Я не знаю, отъ сильныхъ-ли голосовъ, или отъ прилившихся ко мнѣ чувствъ, или отъ того, что я вся была въ пѣніи, я не помнила, гдѣ я была и что со мною дѣлалось! Будто-бы я не жила эти минуты на землѣ. Помню, что плакала и была радостна... [10]).

При возглашеніи вѣчной памяти въ Бозѣ почившей Императрицѣ *Маріи Өеодоровнѣ*, Императоръ отошелъ къ мужскимъ заведеніямъ. Знамена склонились надъ Нимъ и осѣнили священное чело Его.

Императрица подошла къ намъ, — своимъ питомицамъ, своимъ дѣтямъ.

Вся церковь преклонила колѣна и произнесла «Незабвенной» [11]) вѣчную память...

Минута была въ высшей степени торжественная!.. Кто чувствовалъ сильно, тотъ понялъ ея великую мысль:

Царь земной — предъ Царемъ Небеснымъ!..

---

[10]) Императоръ Николай I-й остался очень доволенъ этимъ *общимъ* пѣніемъ и подарилъ лично изъ своихъ рукъ Линницкому фарфоровую табакерку, украшенную золотыми узорами. Эта табакерка дочерьми Ө. М. Линницкаго въ недавнее время передана въ Екатерининскую церковь Смольнаго монастыря.

[11]) Т. е. Императрицѣ Маріи Өеодоровнѣ въ Бозѣ почившей въ 2 ч. ночи 24 октября 1828 года. Въ память Ея достроенъ и въ 1835 г. освященъ Смольный соборъ, о чемъ гласитъ надпись на стѣнѣ у каѳедры противъ лѣваго алтаря, а просвѣщеннымъ почитателемъ и продолжателемъ благотвореній незабвенной Императрицы, Его Императорскимъ Высочествомъ Петромъ Георгіевичемъ Ольденбургскимъ, на этой же стѣнѣ собора проектировалось написать слѣдующее, составленное имъ, четверостишіе:

«*Здѣсь* (въ Смольномъ), *Матери сиротъ начертанъ кроткій ликъ,*
«*Подъ сѣнію Ея — сей мирный храмъ возникъ.*
«*Внимая страждущимъ, какъ благодатный геній,*
«*Вся жизнь Ея была — лишь рядъ благотвореній*».

(Сооб. Ф. Гакє

Соборъ всѣхъ учебныхъ заведеній (Смольный).

Въ 1-мъ часу все кончилось, и мы въ прежнемъ порядкѣ выходили изъ церкви съ различными чувствованіями. Раньше надежда насъ вела въ Соборъ, а теперь самое исполненіе, олицетвореніе этой надежды возвращало домой.

По одной сторонѣ отъ насъ была вся Императорская Фамилія, съ другой весь Дворъ, и монастырки шли не робѣя: онѣ ужъ привыкли къ присутствію Царской Фамиліи...

Что послѣ было, не стоитъ долгаго разсказа. Былъ обѣдъ со всѣми утомленными отъ впечатлѣній институтками. Въ 5 часовъ все кончилось! а я, усталая, въ 7 часовъ бросилась въ постель и заснула крѣпко, пріятно...

На вѣки прощай 22-ое іюля 1835 года! На вѣки! на вѣки!

Что-то за іюль будетъ въ 36-мъ году?.. [12]).

Послѣдвій инспекторскій экзаменъ.

19 ноября. Вторникъ. Благодареніе Господу! Конченъ курсъ.—Мы—воспитанныя дѣвицы!—прошу не шутить, уваженіе, почтеніе мы перенесемъ, но глупостей—никогда!..

Взгляните на классъ; смотрите, какъ полны счастія, веселія эти живыя, юныя сердца! Какая непритворная радость играетъ въ глазахъ! Какъ живо выражается она на лицахъ и во всѣхъ движеніяхъ! Смотрите, какъ бушуютъ бурныя головы. Всѣ прыгаютъ, обнимаютъ одна другую, смѣются, бѣгаютъ и кричатъ. Какое счастіе!..

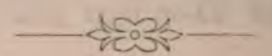
Нашъ Германъ [1]) нѣсколько минутъ любовался этой прекрасной картиной. Онъ старикъ, но очень любитъ молодень-

[12]) Т. е. въ 3-й мѣсяцъ по выпускѣ изъ заведенія.

[1]) Германъ, инспекторъ классовъ Имп. Общ. благор. дѣв., весьма старый и благодушный нѣмецъ. См. 1833 г. 1-е іюня, прим. 3.

кихъ дѣвочекъ. Да и кто ихъ не любитъ? Какая бы ни была флегма, но залюбовался бы этой картинкой. Часто невольно, но съ удовольствіемъ, провожаемъ глазами хорошенькія личики, а у насъ ихъ такъ много!.. Одна Соничка Бурнашева [2]) чего стоитъ!..

Тимаевымъ заключены экзамены. Прекрасно, блистательно шелъ послѣдній. У милаго Тимаева чуть-чуть сердце не выпрыгнуло. Признаемся,—всѣ мы ждали его экзамена со страхомъ, и у меня сердце билось съ неимовѣрнымъ стукомъ, но теперь, теперь,—все прошло!..



Первыя разочарованія при встрѣчѣ съ дѣйствительностью.—Отношеніе къ семьѣ.

1 декабря. Грустно, грустно жить мнѣ на свѣтѣ!..

Зачѣмъ мнѣ жить? Что мнѣ въ немъ дѣлать? Я лишняя, я совершенно лишняя и сотворена не для «свѣта». Природа, выпустивъ меня изъ своихъ безсердечныхъ рукъ, не опредѣлила мнѣ блистать и наслаждаться въ мірѣ,—другое назначеніе обдумала она...

Назначеніе,—тягостное робкимъ душамъ, страшное для только что входящей въ свѣтъ молодости; но возможное, и даже утѣшительное для душъ, могущихъ возвышаться надъ землею...

Зачѣмъ же мнѣ быть вѣчно прикованной къ землѣ? Развѣ я не имѣю твердости стать выше земного? Развѣ я не способна къ чувствамъ болѣе возвышеннымъ? Въ душѣ моей образъ Божій и подобіе,—могу-ли быть недовольной и ими..? какъ своею внѣшностію. Батюшка говорилъ, что должно слѣдовать по нимъ?..

---

[2]) Софія Тихоновна Бурнашева (2-я), д. Полковника, вос-ца Имп. Вос. Об. бл. дѣв. вып. 1836 г.—по мужу Гежилинская.

Боже мой, не оставь меня! Подкрѣпи мою душу слабую, дай мнѣ нести терпѣливо будущую участь... *и какую участь*!!!

Какъ поздно открылись глаза! Зачѣмъ предъ ними висѣла прекрасная завѣса, обѣщавшая и сцену прекрасную?.. Зачѣмъ я такъ весело предавалась надеждѣ и такъ легковѣрно ввѣрялась ея внушеніямъ? Что вышло изъ всѣхъ моихъ мечтаній?—Горькая дѣйствительность!? — Лучше бы никогда не знать тебя!..

А я надѣялась всѣ блага найти въ семействѣ!.. Что-же, что я дурнушка?..

Братъ мой, братъ мой, существо благороднѣйшее въ свѣтѣ! свѣтъ тебя недостоинъ. Утѣшеніе ты мое!..

Но сердце мое, къ чему такъ грустишь? Зачѣмъ эти слезы? Боже, неужели!.. нѣтъ... — Не дай, не дай мнѣ видѣть того, про что онъ говоритъ!..

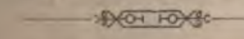
Братъ! сестра! Неужели васъ переживу я? И что жъ мнѣ тогда въ свѣтѣ?..

Боже! береги ихъ на свѣтѣ для меня, для насъ, для семейства моего!.. А что же съ папенькой-то будетъ?

Папенька! Папенька! Ахъ! возьмите мою жизнь, возьмите всю меня! Если бы только этимъ могла я перемѣнить судьбу тѣхъ, которыхъ люблю, конечно, болѣе себя.....

Вся надежда моя на Бога! Творецъ мой! не оставь слабую женщину, молящую Тебя о помощи! Спаси меня и не допусти до отчаянія!.. Бездна подъ ногами.—Боже, поддержи!..

Къ чему мнѣ не говорили такъ раньше?.. [1])



[1]) Братъ Александръ Петровичъ, явившись съ неблагопріятнымъ письмомъ изъ дома, гдѣ была мачеха, разъяснилъ сестрамъ, какая дѣйствительность ожидаетъ ихъ по выходѣ изъ института, пообѣщавъ не оставить сестеръ въ возможной отъ него помощи, что и исполнилъ впослѣдствіи.

1836 г.

Моя раздражительность. Головнинъ. Смольный—„модный свѣтъ". Papa Deloche. Сочиненіе на доскѣ. Гейкинъ, Шаунбургъ, Шренбергъ, Тюте. Мысли о выпускѣ и „свѣтѣ".

4 января. Суббота. Да, я зла. Я умѣю злиться и теперь ужасно зла. Особенно, когда мнѣ что-нибудь неудается. А еще хотѣла быть доброю. Недавно была такъ весела, такъ весела, а теперь меня разсердили, и я готова плакать каждую минуту; очень вспыльчива!!! хоть со свѣта бѣги... Даже не могу достать лоскутка почтовой бумаги для письма къ папенькѣ, а мнѣ такъ необходимо къ нему писать, но не хочется... Даже не помню, когда еще я также злилась? Въ октябрѣ мѣсяцѣ мнѣ очень досадно было на *Головнина* [1]), будущаго министра просвѣщенія; замучилъ насъ: до четырехъ часовъ, какъ соглядатай, бродилъ по всѣмъ угламъ Монастыря. Въ одномъ нашемъ классѣ пробылъ болѣе часа,—такой несносный! Цѣлый экзаменъ [2]) былъ: всѣ науки предъ нимъ побывали на «сценѣ». Безпрестанно

---

[1]) Головнинъ (вѣроятно), Александръ Васильевичъ,—государствен. дѣятель царств. Александра II-го по освобожденію крестьянъ. Съ 1861 г. министръ народн. просвѣщенія. Ему приписываютъ университ. уставъ и мн. др. разнооб. реформъ.

[2]) Экзамены начались съ конца предвыпускнаго года.

одни и тѣ же лица мелькали у каѳедры для разглагольствованія, — невѣсть чего! Забросали мишурой глаза бѣдному Головнину, и очи министра просвѣщенія потемнѣли во мракѣ заблужденія о нашихъ познаніяхъ...

Но такъ водится въ «*свѣтѣ*», такъ ведется и въ Монастырѣ. А вы знаете, что Монастырь — «свѣтъ» и какой еще «*модный свѣтъ*»! О, за это головой я отвѣчаю... (Прости, убѣжище святое!..)

Papa Deloche [3]) первый открылъ входъ въ нашъ классъ прочимъ учителямъ, и цѣлая линія дѣвицъ предстала у каѳедры.

Забавно смотрѣть на нашихъ въ эти минуты!..

По обыкновенію, поднесли шоколадъ всѣмъ присутствующимъ, а «Бабушка» Адлербергъ [4]) передала свою чашку мнѣ (говорятъ, старушкамъ вредно кушать сладкое). Не удивляйтесь такой чести: я сидѣла на первой лавкѣ крайняя и «Бабушкѣ» стоило только чуть повернуться бокомъ и я у нее была ужъ на глазахъ, — волей или неволей, но чашка съ шоколадомъ попалась мнѣ въ руки, только не въ ротъ. Еще не успѣла я взять въ руки «американскій нектаръ», какъ раздался по классу голосъ инспектора: «*Быкова 2-ая*», громко вопилъ любезный Германъ, «*приди сочинять на доскѣ*».

Противное было мое положеніе! Всѣ, глядя на меня, улыбались, и я должна была писать на доскѣ, когда столько глазъ сѣрыхъ, карихъ; черныхъ, злыхъ и насмѣшливыхъ будутъ устремлены на несчастныя строки, выведенныя мѣломъ и дрожащей рукой на доскѣ, по приказанію нѣмца. «Сочинять» мнѣ, — когда шоколадъ на умѣ и разыгравшійся аппетитъ на губахъ, — сочинять по заказу?! Да грѣшно и

---

[3]) Делоше—учитель физики и естественной исторіи, съ 1813—1842 г. (см. 1833 г. 22 авг.).

[4]) Смотр. портретъ и 1833 г. 19 мая, пр. 10.

сказать, о чемъ шла сочинять: глупости марать, чертить какія-то слова...—Тему мнѣ дали: *«о торговлѣ»*!..

Въ головушкѣ будущаго министра засвѣтилась, какъ звѣздочка, мысль о торговлѣ, ему захотѣлось развить ее, и такое дѣло онъ предоставилъ разработать мнѣ на доскѣ?..

Не кажись ты во вѣкъ мнѣ въ глаза, любезный Головнинъ,—ты слишкомъ «блестящъ», а мои глаза не могутъ снести такого блеска; однѣ полновѣсныя твои эполеты сыплютъ искры золота и сердятъ насъ.

Но что же!?.. я писала. На помощь мнѣ подлетѣлъ услужливый Шаунбургъ [5]) и нашептывалъ мнѣ пользу коммерческихъ портовъ, а *«милый рыцарь монастырокъ» Гейкинъ* [6]) самъ трудился поднимать и опускать доску.

Но вотъ пришла минута, и я должна была читать вслухъ всѣмъ мое маранье. Какъ это несносно!.. Счастливцы, кто никогда не испытывалъ подобныхъ ощущеній!..

— Что-то будетъ на экзаменѣ Императрицы? Тамъ еще больше лицъ, и вдвое больше глазъ, и въ стократъ болѣе злыхъ. Бѣда, пропала Варенька! [7])

Прежде прибытія почтеннаго гостя (Головнина), къ намъ въ классъ заходили всѣ учителя и кто о чемъ рѣчь держалъ! Тюте [8]), преподающій французскую литературу, толковалъ о физикѣ; С.-Илеръ [9]) экзаменовалъ нашихъ по

---

[5]) Шаунбургъ, Иванъ Христофоровичъ, учитель географіи. Очень симпатичный и всѣми любимый въ Смольномъ. (см. 1833 г. 1-го іюня, прим. 4).

[6]) Гейкинъ, Баронъ Морисъ Григорьевичъ, полковникъ Кирасирскаго полка, полицмейстеръ Имп. Общ. благор. дѣв. За свою форму и заботливость о воспитанницахъ прозванъ «рыцаремъ монастырокъ».

[7]) Предстоялъ въ февралѣ или мартѣ. См. 13 фев. 1836.

[8]) Тюте—по прозванію воспитанницъ «Петръ изрытый» (рябой) и очень некрасивый, но краснорѣчивый и, по отзывамъ его учениць, честный наставникъ. Преподавалъ въ Имп. Об. бл. дѣв. съ 1810 по 1852 годъ.

[9]) Сентъ-Илеръ, Карлъ Александръ, преподаватель «франц. сочиненій» въ Имп. Об. бл. дѣв. съ 1826—1843 г. Вдова его, Аделаида Карловна, выдававшаяся красивою внѣшностію, была инспектрисою въ Александровскомъ Училищѣ (съ 1846—1867 г.) (Арх. Имп. Об. бл. дѣв.)

исторіи; нѣмецъ Шренбергъ [10]) коверкалъ по-русски стихи Бенедиктова и разсуждалъ о русской литературѣ.

Ахъ, ужъ этотъ Шренбергъ! Не могу смотрѣть на него, или, лучше сказать, не могу сама снести его взгляда: только что уставятся на меня, хоть и невзначай, его сѣрые глаза, а въ то же мгновеніе краснѣю. Не понимаю, что за странность, но такъ это идетъ отъ начала нашего знакомства. Онъ такой несносный, прямо смотритъ всѣмъ въ глаза, и точно какъ будто высматриваетъ въ нихъ малѣйшее движеніе, подхватывая на лету легчайшую мысль. Ахъ, ужъ этотъ Шренбергъ, совсѣмъ на нѣмца не похожъ, вертунъ и врунъ: только не скажу... помню, помню 12 октября! вѣчно буду помнить, хитрецъ Шренбергъ! На старости лѣтъ посмѣюсь. Что, если тебя увижу тогда? Ахъ! какъ будетъ смѣшно, какъ смѣшно напомнить ваши, г. учитель, оплошности...

Тюте совсѣмъ въ другомъ родѣ: душа пряма, совѣсть чиста, какъ зеркало, воображеніе, при сорока годахъ, какъ у юноши; сердце любитъ нѣжно семью, вѣрныхъ друзей и также красивыхъ молоденькихъ дѣвъ; умъ его легко сообщаетъ свои познанія юнымъ головкамъ и замѣтно развиваетъ въ нихъ способности. Тюте вообще умный и премилый человѣкъ; мнѣ съ нимъ очень весело было разговаривать. Я успѣла даже пригласить его къ намъ въ домъ, если заброшенъ будетъ когда-либо судьбою въ Саратовскія степи.

А propos: черезъ два мѣсяца я ѣду въ Саратовъ — Неправда-ли, какъ странно! Изъ Смольнаго Монастыря, не показывая глазъ почти девять лѣтъ, и вдругъ, — такой быстрый переходъ: прямо изъ монастыря въ дорогу, изъ монастыря въ степь, въ «пустынное общество»...

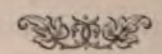
Мнѣ не положено видѣть свѣта... да тѣмъ и лучше: что такое «свѣтъ»?....—загадка?—неизмѣримое море для бездон-

---

[10]) Шренбергъ, Эммануилъ Федоровичъ, преп. Имп. Вос. Об. бл. дѣв. съ 1829 по 1845 г. (Арх. Имп. Об. бл. дѣв.).

ныхъ *«премудрыхъ»* толковъ. Блестящій снаружи, но пустой въ серединѣ истуканъ для меня, глупенькой, неопытной смолянки?

Но уходи отъ меня, «свѣтъ», мнѣ некогда, а притомъ и скучно о тебѣ разсуждать. Да и что говорить, если навѣки не буду знакома съ тобой, *«хорошенькій истуканчикъ»*? Не для тебя сотворило меня Провидѣніе Святое... Что будетъ? Боже! что-то будетъ?!.. И отвѣта нѣтъ... Воля твоя, Вседержитель!...



Калмычка [1]. Ея пѣніе и замужество.

9 января. Какой хорошенькій голосокъ у нашей Калмычки [1]; чистенькій, вѣрный, пріятный, гибкій, звучный, такъ и играетъ на струнахъ сердечныхъ, нисходитъ въ глубину души и *«тамъ на днѣ, на язвахъ замираетъ»* [2]).

Дочь Востока, гуляя въ привольныхъ степяхъ родины, залетала-ли когда нибудь въ твою головку мысль о поѣздкѣ на суровый сѣверъ? — о твоихъ юныхъ лѣтахъ въ стѣнахъ Смольнаго Монастыря?! Скажи, могла ли вообразить, что такъ дивно будетъ играть тобою судьба?...

Нѣтъ! Какъ птичка весенняя безпечно летѣло твое дѣтство, и теперь ты не понимаешь, какъ перенеслась въ такую даль. Заботы о будущемъ еще не тяготятъ твоихъ дѣтскихъ думъ. Живи же, наслаждайся настоящимъ. Провидѣніе печется о будущемъ; ты сирота въ мірѣ, но на небѣ есть у тебя Отецъ...

---

[1]) Калмычка-княжна Фавста Капчукова, вос—ца Имп. Вос. Об. бл. дѣв., по мужу Есаулова (чаровавшее современниковъ лирическое сопрано).

[2]) Слова изъ соч. Бенедиктова, В. Гр.

Эта калмычка теперь въ кофейномъ [3]) классѣ. Ея отецъ—владѣтельный князь у Калмыковъ, мать ея тайно приняла христіанскую вѣру и окрестила дочь. Супругъ-деспотъ разгнѣвался и, по обычаю азіатца, умертвилъ самовластно исповѣдницу жену, христіанку. Бѣдную сироту призрѣли добрые люди. Губернаторъ астраханскій [4]) взялъ ее къ себѣ, а Императоръ, извѣщенный о несчастной участи покинутаго дитяти, принялъ ее въ Смольный Монастырь. И вотъ она здѣсь поетъ всѣмъ, какъ соловей, непринужденно, незастѣнчиво, и переливчатый, нѣжный голосокъ ея отзывается заунывно въ душѣ слушающихъ. Прелестный голосокъ! Она дитя, но поетъ такъ трогательно, глаза ея такъ задумчиво смотрятъ, что подумаешь: она понимаетъ и глубоко чувствуетъ слова!

M-r Кунъ [5]) въ восторгѣ отъ нея. Онъ такой «удобовоспаляемый».

Примѣч. авт. въ 1855 г. Голосокъ ея теперь сдѣлался огромнымъ голосомъ; гибкость, пріятность увеличились съ искусствомъ. Изъ маленькаго ребенка вышла видная, но съ калмыцкимъ лицомъ, дѣвица высокаго роста. Теперь уѣхала княжить въ степи и переѣзжать въ кибиткахъ изъ пустыни въ пустыню. Въ степяхъ нашла супруга казака красавца, но и замужняя, попрежнему, чаруетъ всѣхъ своимъ голосомъ.

Мысль о смерти. Нѣтъ взаимности въ любви. Молитва о подкрѣпленіи.

13 января. Боже мой! Боже мой, приди на помощь мнѣ! Душа тоскуетъ, сердце ноетъ, что-то тяжкое, грустное ложится на него свинцомъ: мысль о смерти мгновенно за-

[3]) Т. е. въ младшемъ.

[4]) Тимирязевъ въ 1833 г.

[5]) M-r Кунъ. Французъ, гувернеръ дѣтей m-me Панчулидзевой, инспектрисы, живой, сангвиникъ.

шевелилась въ обезпокоенной головѣ и невольно дрожь пробѣжала по всему тѣлу. Я умру скоро, кажется мнѣ. Умру. Есть признаки того [1]). Во цвѣтѣ лѣтъ пойдетъ мое тѣло во гробъ, — но кому въ томъ печаль или нужда? Во всемъ свѣтѣ одному папенькѣ будетъ тягостна моя потеря...

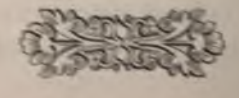
Но утѣшься, дорогой! много дѣтей у тебя въ замѣну меня. Братъ и сестры погорюютъ, и слезы скоро осушатся, и радость опять возвратится къ нимъ.

Меня никто не любитъ такъ, какъ я хочу. Бѣдное сердце мое напрасно рвется, ищетъ излить свою нѣжность, оно не находитъ съ кѣмъ раздѣлить. Я лишняя въ семьѣ, лишняя на свѣтѣ... къ чему-жъ мнѣ жить?!

Боже! Ты опредѣлъ дни мои; Ты видишь, что лучше пресѣчь ихъ,—возьми же ихъ, Боже мой!

Никто не заплачетъ горько надъ забытой могилой. Подруги, которыя, кажется, тоже немного любятъ меня, забудутъ, можетъ быть, даже существованіе мое, или, сказавъ: «какъ жаль, что умерла такъ рано», — слеза воспоминанія о прежней дружбѣ скатится съ ихъ глазъ, и это будетъ послѣдняя дань бѣдной Варенькѣ. И снова улыбка, снова счастіе возвратятся къ юнымъ друзьямъ, а память обо мнѣ, какъ тѣнь, пройдетъ мимолетно. Варенька будетъ лежать въ гробу, надъ ней сырая земля, и потухшій взоръ не увидитъ болѣе Божьяго свѣта. Но, душа моя, душа моя, гдѣ ты будешь?...

Mon Dieu! Soutenez-moi, je suis une faible créature! Le malheur me menace dans l'avenir, mais ne m'abandonnez pas, o mon Père!...



[1]) Ее напугали въ лазаретѣ, указавъ на нарывъ, какъ на начало рака, почти неизлѣчимаго.

Экзаменъ Императрицы. Письмо Ея Величества къ „Бабушкѣ“ и воспитанницамъ. Пріѣздъ Великихъ Княженъ. Сочиненіе о „счастіи“. Разговоръ съ Великою Княжною. Нашъ слогъ. Завтракъ и Великія Княжны. Вилламовъ. Ожиданіе отца.

13 февраля. *Четвергъ.* Ну что же?!—Ужъ онъ прошелъ,—этотъ страшный день, и какъ счастливо, какъ прекрасно!

Боже! Это все съ Твоею помощью, слава Тебѣ!

Веселый день, ты непремѣнно долженъ быть включенъ въ списокъ счастливыхъ часовъ моей жизни!

Мы ждали съ нетерпѣніемъ и ужасомъ его появленія; встрѣтили его съ трепетомъ, познакомились съ радостію, а провожаемъ съ грустью!

Въ 11 часовъ утра насъ собрали въ залу, а до сего времени съ ранней поры сколько было суеты!.. Туалетъ, чай, повтореніе пройденнаго, разговоры, глупости, страхъ, надежда, нетерпѣніе, мечты,—все, все смѣшалось въ настоящій хаосъ.

Въ 12 ч. начались съѣзжаться придворные (ихъ было сегодня мало), а за ними прибыла Великая Княгиня Елена Павловна [1]) съ Великими Княжнами Маріею, [2]) Ольгою [3]) и Александрою [4]) Николаевными.

---

[1]) Великая Княгиня Елена Павловна (род. 1806 г. † 1873 г.). Супруга (съ 1824 г.) Е. И. В. В. Кн. Михаила Павловича. Получила образованіе въ пансіонѣ извѣстн. писательн. Кампанъ. Энциклопедически образованная, недюжиннаго ума и добраго сердца. Съ 1828 г., по завѣщ. Императрицы Маріи Өеодоровны, въ Ея вѣдѣніе поступили институты Маріинскій и Повивальный. Въ 1854 г. она основала Крестовоздвиженскую общ. сест. милосердія. Достойный памятникъ Ей, вблизи Смольнаго, красуется чудная клиника В. К. Елены Павловны (у Таврическаго сада). Ефр. и Брокг.

[2]) См. 1835 г. 22 іюля, пр. 8.

[3]) См. 1835 г. 22 іюля, пр. 7.

[4]) Е. И. В. В. Княжна Александра Николаевна, младшая дочь Императора Николая I-го и Императрицы Александры Өеодоровны, род. 12 іюня 1825 г., вступила въ супружество 16 янв. 1843 г. съ принц. Фридрихомъ Гессенъ-Кассельскимъ, преждевременно скончалась, разрѣшившись отъ бремени (29 іюля 1844 г.). Ефр. Брокг., т. 1. 373.

Какъ хороша Великая Княгиня Елена Павловна! Но Императрица граціознѣе, величественнѣе!..

Болѣзнь не позволила Государынѣ присутствовать на нашемъ экзаменѣ, и этотъ ангелъ, *Императрица Александра Өеодоровна*, со слезами провожала къ намъ Великихъ Княженъ, вручивъ имъ для передачи письмо къ «Бабушкѣ» [5]), въ которое было вложено письмо къ выпускнымъ воспитанницамъ.

Вотъ эти письма:

Письмо Ея Величества Императрицы къ Бабушкѣ.

Liebes gutes Mutterchen!

Ich habe der Freude entsagen müssen die armen Kinder noch einmal zu sehen: damit sie aber noch ein Zeichen meiner Theilnahme erhalten, schreib ich hier ein Lebewohl auf, welches Sie ihnen mittheilen werden. Gott führe die jungen Mädchen auf ihrer Lebensbahn. Es ist immer so unaussprechlich rührend solche reine Jugend der verdorbenen Welt su übergeben. Ich umarme Sie herzlich, liebe Бабушка.

Alexandra.

[Переводъ]. Добрая и милая Бабушка!

Я должна лишить себя радости увидѣть еще разъ моихъ бѣдныхъ дѣтей. Но, чтобы онѣ имѣли доказательство моего участія, я посылаю письменно мое прощаніе, которое Вы имъ сообщите. Господь да направитъ молодыхъ дѣвушекъ на ихъ жизненномъ пути! Всегда такъ невыразимо тяжело передавать такую чистую молодость испорченному свѣту. Обнимаю Васъ сердечно, милая Бабушка.

Александра.

Письмо Императрицы Александры Өеодоровны къ воспитанницамъ 13 февраля 1836 года.

J'avais esperé vous voir avant votre sortie, mes chères enfants, mais ma santé y met obstacle; Je dois me ménager, éviter fatigue et émotion. Votre chant tout harmonieux qu'il est m'épuiserait; l'idée de vous voir pour la dernière fois me toucherait. J'ai donc dû y renoncer, ce qui est pour moi une

[5]) См. 1833 г. 19 мая, пр. 10.

Ея Императорское Высочество Государыня Великая Княжна
Ольга Николаевна.

véritable douleur. Mais pour que mes bénédictions maternelles ne vous manquent pas, j'ai du moins voulu vous les envoyer par écrit. Adieu donc, mes chères enfants, je prie Dieu de vous guider dans votre nouvelle route. Le germe de toutes les vertus a été placé dans vos coeurs. *C'est à vous maintenant de le cultiver, de le développer, de prouver par votre conduite* que vous n'oublierez pas les principes que vous avez reçus dans votre enfance. Que le souvenir de votre jeunesse à la Communauté vous serve d'égide contre les adversités et les séductions qui vous attendent peut-être dans le monde à vous inconnu. Puissiez-vous être citées dans les positions différentes dans lesquelles chacune de vous se trouvera, non par votre esprit, non par vos talents, mais par votre modestie, par votre réserve, par vos vertus de femme. Ne cherchez pas à briller, mais à remplir strictement, scrupuleusement vos devoirs, alors vous vous sentirez bénies de Dieu.

Adieu, adieu, mes prières vous suivent.

Alexandra.

Переводъ]. Я надѣялась видѣть васъ передъ выпускомъ вашимъ, мои дорогія дѣти, но здоровье мое препятствуетъ этому; я должна беречь себя: избѣгать волненія и усталости. Ваше пѣніе, при всей его благозвучности, утомитъ меня; мысль, что васъ вижу въ послѣдній разъ, разстроитъ меня. Отъ всего этого я должна отказаться, что причиняетъ мнѣ истинную печаль. Но, чтобы не лишить васъ моего материнскаго благословенія, я пожелала, по крайней мѣрѣ передать вамъ его письменно.—Прощайте же, мои дорогія дѣти, молю Бога, чтобы Онъ направилъ вашъ новый путь. *Зародышъ всѣхъ добродѣтелей насажденъ въ ваши сердца.* Теперь отъ васъ зависитъ его воздѣлать, развить, доказать вашимъ поведеніемъ, что не забываете нравственныхъ правилъ, которыя получили въ вашемъ дѣтствѣ, что воспоминаніе о вашей юности въ Общинѣ послужитъ вамъ щитомъ противъ несчастій и увлеченій, ожидающихъ, быть можетъ, васъ въ свѣтѣ, вамъ незнакомомъ. Въ какомъ бы положеніи вы ни очутились, пусть въ васъ замѣчаютъ не вашъ умъ, не ваши таланты, но вашу скромность, сдержанность и женскую добродѣтель. Не старайтесь *блистать*, но *исполнять строго* и *добросовѣстно ваши обязанности*, тогда вы почувствуете благословеніе Божіе.

Прощайте, прощайте, мои молитвы вамъ сопутствуютъ.

Александра.

Закономъ Божіимъ открылся экзаменъ.

Какъ я боялась и сколько разъ краснѣла и блѣднѣла въ ожиданіи будущихъ вопросовъ и—наконецъ, пришла моя очередь!

Съ молитвою на устахъ и крестнымъ знаменіемъ въ сердцѣ вышла я...

Боже! Ты *помогъ*, молитвами святыхъ угодниковъ и ангела моего хранителя!..

По окончаніи Закона, начался завтракъ, а восьмерыхъ вызвали для сочиненій; роздали билетики. Мнѣ попалась тема: «*счастіе*». (Hélas!—вѣроятно только на экзаменѣ). «Sur quoi écrivez-vous?»—спросила меня Вел. Княжна Марія Николаевна *).

— Sur le bonheur, Votre Altesse.

«C'est difficile?»

— Je ne saurais Vous dire encore.

«Vous n'y avez donc pas pensé!?» **).

— Je n'ai pas eu le temps de le faire.

Вотъ краткій разговоръ съ Вел. Княжною. Она вѣроятно думала, что у насъ уже заранѣе приготовлены сочиненія.

Ваше Высочество, смѣю увѣрить Васъ, что я и не думала никогда, не мечтала о «*счастіи*», оно и досталось мнѣ, должно-быть, только на экзаменѣ...

Ахъ, если бы въ самомъ дѣлѣ оно ненарокомъ забѣжало погостить ко мнѣ!

— Счастіе, останься! сказала бы я тогда моей дорогой прекрасной гостьѣ.

«Я гостья»,—было бы мнѣ въ отвѣтъ, и дверь захлопнулась бы за счастьемъ...

---

*) «О чемъ вы пишете?»—О счастіи, Ваше Высочество. «Это трудно?»—Я не могу Вамъ еще этого сказать.

**) «Развѣ вы еще не думали!?»—Я не имѣла времени этого сдѣлать.

Но чѣмъ же я несчастна?! — Глупости, Варенька. Вы очень счастливы, прошу своими жалобами не разсердить «это прелестное дитя», которое покамѣстъ у васъ въ рукахъ,—берегите: оно заплачетъ и убѣжитъ, тогда-то вы что скажете?—будете сами горько плакать!..

Едва успѣли мы окончить наши *«грѣшныя сочиненія»*, какъ Тимаевъ [6]) опять меня вызвалъ на «сцену». Въ этотъ разъ мнѣ не было такъ страшно,—мы кончили отвѣчать и опять должны были стать къ доскѣ, въ концѣ залы, читать свои сочиненія.

Вел. Княгинѣ очень понравился слогъ «нашихъ», она нашла въ немъ легкость, пріятность.

Во время завтрака сами Великія Княжны подносили намъ кушанья. «Quel est votre nom?», спросила Великая Княжна Ольга Николаевна.

— Bykoff, Altesse.

«Il y en a une douzaine, je crois?»

— Il y en a deux, Altesse.

«Seulement?»

— C'est bien assez, je pense!

«Avez-vous bu du vin»? спросилъ Вилламовъ [7]).

— Oui, Monsieur.

«Eh bien, les compositions seront parfaitement bien écrites, cela vous inspirera» *).

— Cela brouillera davantage les idées **).

Однакожъ почтенный старичекъ сказалъ правду.

Сочиненія оказались хороши. Какъ я его люблю за ласку и доброе предсказаніе!

*) Ну, такъ сочиненія будутъ превосходно написаны; оно придастъ вамъ вдохновеніе.

**) Оно болѣе запутаетъ мысли.

[6]) См. 1833 г. 19 мая, пр. 9.

[7]) Вилламовъ, Григорій Ивановичъ (род. 1771 г.), почетный опекунъ и статсъ-секретарь при Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Съ 1828 г. и по IV отдѣл. Собств. Е. И. В. канцеляріи.

Въ половинѣ пятаго все кончилось, въ пять часовъ мы уже обѣдали.

Послѣ обѣда я съ сестрою ждали папеньку, но онъ не былъ, и я цѣлый часъ проходила по залѣ безъ всякой цѣли. Какая скука!.. Устала до смерти; сейчасъ иду спать. Наши готовятся у Кавоса [8]).

Замѣчанія Великой Княжны Маріи Николаевны. Шутки Великихъ Княженъ. Плетневъ. Сочиненіе: „благоразуміе и осторожность". Музыка.

15 февраля. Суббота. Мнѣ было очень, очень весело сегодня, — я такъ много смѣялась. В. К. Марія Николаевна, примѣтивъ этотъ же грѣхъ за Aline Demidof [1]), подошла къ ней и сказала, глядя на меня: «Comme vous aimez à rire! Et qui est la plus grande rieuse?» *).

Я, очутившись подлѣ Великой Княжны и безъ всякаго размышленія на вопросъ, робко отвѣчала: «moi».

Великая Княжна разсмѣялась: «Vraiment, c'est vous? Vous êtes la plus grande rieuse?» **).

— Oui, Votre Altesse.

---

*) „Какъ вы любите смѣяться! А кто изъ васъ наибольшая хохотушка?"

**) „Да, это вы, самая большая хохотунья?"

[8]) Кавосъ, Катерино Ивановичъ, итальянецъ — учитель итальянск. пѣнія въ Имп. Вос. Общ. благор. дѣв. съ 1811—1840 г. Весьма родственный Смольному; сынъ его, Жанъ Кавосъ, занялъ мѣсто отца, со званіемъ «театральнаго капельмейстера»; другой сынъ, — мѣсто архитектора при Имп. Об. бл. дѣв. и дочь, Степанида—тамъ же—учительницы музыки. (Арх. Имп. Вос. Об. бл. дѣв. №3/1811).

Была спѣвка къ экзамену подъ управленіемъ отца—инспектора муз. части въ институтахъ.

---

[1]) Александра Николаевна Демидова, вос—ца выпуска 1836 г. См. 1833 г. 27 мая, пр. 2.

Ея Императорское Высочество Государыня Великая Княжна

Марія Николаевна.

В. Княжна пошла къ своей сестрѣ и, указывая на меня, съ улыбкою сказала: «Mais comme elle a dit: moi!»—и онѣ обѣ разсмѣялись.

Вызывали къ столу нашу линiю,—мнѣ пришлось стать противъ Великой Княжны Марiи Николаевны. Она взглянула на меня, показала Великой Княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ и M-me Барановой [2]), и всѣ три стали смотрѣть на меня улыбаясь. Я собрала всѣ силы, и, чтобы удержаться отъ смѣха, пускала глаза свои бродить повсюду и сдержалась, но послѣ всякiй разъ, когда я опять отвѣчала, онѣ обѣ старались меня разсмѣшить.

Послѣ экзамена Плетневъ [3]) напомнилъ Великой Княжнѣ Марiи Николаевнѣ о моемъ сочиненiи [4]).

«Où est votre composition?»—спросила она, «l'avez-vous faite?»

— Oui, Altesse, je l'ai apportée ici. И я бросилась къ столу, куда запрятала мои «*благоразумiе и осторожность*».

О ужасъ!—Его тамъ не оказалось.

«Eh bien, où est-elle donc?»

— Mais je l'ai mise dans ce tiroir, Votre Altesse.

«Elle ne sait plus ce qu'est devenue sa composition», сказала улыбаясь Великая Княжна.

Я нашла его въ другомъ столѣ и скорѣе, скорѣе отдала Плетневу.

---

[2]) Граф. Баранова, Юлiя Федоровна,—дочь «Бабушки» Адлербергъ, статсъ-дама, состоявшая при Велик. Княжнахъ. Ей Императрицею Александрою Θеодоровною нерѣдко препоручался высшiй надзоръ за жен. уч. заведенiями. (См. портретъ).

[3]) Плетневъ—извѣстный профессоръ, преподаватель русскаго яз. Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу, литераторъ. На экзаменѣ *онъ давалъ воспитанницамъ темы для* письменныхъ работъ, а по окончанiи экзаменовъ, излагалъ Императрицѣ свое мнѣнiе о результатахъ испытанiй. (Юн. г. Ц. Освоб., стр. 353).

[4]) На тему: «благоразумiе и осторожность».

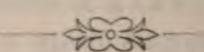
Никогда въ жизни я не писала ничего хуже этого сочиненія. Не мудрено, впрочемъ: дали мнѣ «благоразуміе и осторожность», а срокъ назначили—три часа изъ «дня волненій» [5]).

Мнѣ ли разсуждать о благоразуміи и осторожности, если до сихъ поръ я не знала, что все это значитъ? Притомъ, могла-ли я разгадать хорошенько тайныя качества и коротко познакомиться съ совершенно чуждыми мнѣ понятіями въ одинъ день, при множествѣ хлопотъ и приготовленій къ наступающему выпуску?

Ну, за то вышло какое и сочиненіе!.. Вѣроятно ужъ слишкомъ хорошо: Плетневъ не пробурчалъ ни одного одобрительнаго слова; ни одинъ взглядъ, выражавшій похвалу, не промелькнулъ въ его глазахъ. Позоръ!.. А всему виноватъ больше самъ Плетневъ...

Въ 7 часовъ мы снова явились въ залу, гдѣ насъ ждалъ оркестръ,—была репетиція музыки и пѣнія.

Что за музыка, и какіе голоса! Я восхищена, упоена! Что-то услышу на будущій годъ въ Саратовѣ?..... Ужели, прекрасная музыка, я навсегда должна сказать тебѣ «прости!»...



Репетиціи. Гедике, его дочь Тереза. Іоаннъ Панчулидзевъ. Саша Сушкова.

16-го февраля. Воскресенье. Опять репетиція [1]), опять оркестръ. Восторги и грусть опять кипятъ и замираютъ въ душѣ.

---

[5]) Т. е. дня Царскаго экзамена.

[1]) Къ «выпуску».

Въ 7 часовъ пріѣхалъ Гѣдике [2]) съ десятилѣтнею дочерью, заставилъ насъ проиграть на 16-ти фортепіано пьесу, а потомъ и свою Терезу посадилъ за фортепіано. Удивила малютка всѣхъ! Какая легкость, скорость въ рукахъ, и какъ чисто беретъ каждую ноту,—прелестно играетъ! M-er Кунъ [3]) и Кавосъ [4]) бросились цѣловать ей ручки, а Jean Pantchoulidzef, [5])—смѣшное существо, выражалъ свое изумленіе всевозможными тѣлодвиженіями и вмѣсто того, чтобы поцѣловать ручку маленькой виртуозки, онъ мялъ ея пальцы!

C'est charmant! mais c'est un original que ce Jean! Sacha Souchkof [6]) l'imite parfaitement et à la voir, ont dirait: c'est Jean lui-même.

Sacha Souchkof, c'est à vous, que je pense en cet instant. Bonjour, mon Ange. La parole donnée n'est pas oubliée (Прим. въ 1854 году).

[Это прелестно! и оригиналъ же этотъ Иванъ! Саша Сушкова превосходно его представляетъ, смотря на нее, можно сказать: это совершенный «Иванъ»]...

[Саша Сушкова, въ эту минуту я о васъ вспоминаю. Здравствуй, мой ангелъ! Данное слово васъ вспоминать не забыто. (Прим. въ 1854 году].

---

[1]) Гѣдике, Андрей (Генрихъ) Ивановичъ (съ 1829—1843 г.), учитель музыки, по преданію, замѣститель въ управленіи казеннымъ оркестромъ Имп. Об. бл. дѣв. М. И. Глинки, и Тереза Андреевна,—дочь Гедике, по мужу Функъ, впослѣдствіи учительница музыки въ Имп. Об. бл. дѣв. (теща почтеннѣйшаго лейбъ-окулиста Н. И. Тихоміров).

[3]) Кунъ, см. 1836 г. 9 янв., пр. 5.

[4]) Катерино,—инспекторъ музыки въ Институтѣ См. 1836 г. 13 фев., прим. 8. (Арх. Имп. Об. бл. дѣв. № [3]/1811).

[5]) Jean Pantchoulidzef,—инженеръ путей сообщенія, сынъ г-жи Панчулидзевой, инспектрисы Имп. Вос. Об. бл. дѣв.

[6]) См. 1835 г. 22 іюля, пр. 1.

Ласки Великихъ Княженъ и ихъ шутки съ Аннетъ. Репетиція и „вертушки".

17-го февраля. Понедѣльникъ. Какія милыя Великія Княжны! Онѣ съ нами обходятся такъ ласково, такъ просто, какъ съ равными себѣ. Великая Княжна Марія Николаевна долго разспрашивала нашихъ о всѣхъ обычаяхъ монастырскихъ; узнавала, кто кого *«обожаетъ»*, съ кѣмъ дружны, кого любятъ кофейныя, голубыя и потомъ стала жаловаться на меня Нутѣ: «Non», говорила В. Княжна, «votre soeur est d'une gaieté étonnante: elle ne cesse pas de rire avec Dimidof [1]), dès que je la fixe, elle n'en peut plus. Voyez, je la regarde à présent, elle commence déjà à rire».

Vous vous trompez cependant, Votre Altesse: j'ai été bien loin de voir, si Vous me regardiez ou non; Vous étiez à l'autre bout et comment aurai je pu apercevoir un sourire sur Vos lèvres? ma vue n'est pas trop perçante... *)

Сегодня была большая репетиція къ выпуску отъ 7 до 11 ч. вечера. Играли, пѣли, танцовали. Вѣроятно, около сотни было зрителей, — но какъ я и сердилась на многихъ изъ нихъ, особенно на моихъ любезныхъ сосѣдокъ. Пріѣхали только мѣшать, а не музыку слушать, и безостановочно болтали между собою. Ну, зачѣмъ этимъ *«моднымъ вертушкамъ»* являться туда, гдѣ онѣ увѣрены соскучиться

---

*) [Нѣтъ, ваша сестра необыкновенно весела: она не перестаетъ смѣяться съ Демидовой [2]); какъ только я посмотрю на нее пристально, она не можетъ удержаться отъ смѣха. Посмотрите, я гляжу на нее теперь, она уже начинаетъ смѣяться].

[Вы ошибались однако, Ваше Высочество: я была очень далеко, чтобъ видѣть, смотрите-ли Вы на меня или нѣтъ. Вы были на другомъ концѣ—и какъ могла я замѣтить улыбку на Вашихъ устахъ? Зрѣніе мое не слишкомъ остро].

[1]) См. 1833 г. 26 мая, пр. 2.

[2]) См. 1833 г. 27 мая, пр. 2. А. Н. Армфельдтъ.

и надоѣсть другимъ? Только, чтобы сказать на какомъ-нибудь вечерѣ: *«мы были въ Смольномъ Монастырѣ на репетиціи»*, слышали, какъ пѣли и т. п.?—но для этого можно-бы и не-ѣхать...

Прощанье съ Матвѣемъ Максимовичемъ Тимаевымъ [1]).

18-го февраля. Вторникъ. Какъ онъ насъ любитъ, милый Тимаевъ! Ему такъ грустно, трудно разстаться съ нами! Онъ принялъ насъ дѣтьми, развилъ нашъ умъ, наши чувства, заставилъ любить себя и самъ привязался къ намъ душой.

Вчера онъ былъ на репетиціи [2]), все видѣлъ, слышалъ и сильно разстроился. Сегодня онъ прислалъ намъ слѣдующее письмо:

«Дѣвицы!»

«Принимая живѣйшее участіе во всемъ, что касается до вашего образованія, я спѣшилъ видѣть успѣхи ваши въ изящныхъ искусствахъ. Ожиданіе мое исполнилось. Я провелъ вчера, любуясь на ваши игры, среди васъ, нѣсколько *веселыхъ* часовъ.—И радость моя часто смѣнялась задумчивостью: неизвѣстное будущее тревожило меня—и я невольно повторялъ когда-то мною писанный стихъ:

«Въ послѣдній разъ онѣ играютъ
Въ порывахъ радости златой;
Мгновенья быстро пролетаютъ
Неудержимой чередой!
Спѣшите ими насладиться,
Въ удѣлъ вамъ счастіе дано;

[1]) Инспекторъ классовъ, см. портр. и 1833 г. 26 мая, пр. 1-е.
[2]) Выпускного бала.

Аккордъ еще,—все измѣнится
Въ воспоминаніе одно!
Увы! когда душа игрою
Еще отрадною живетъ,
Судьба холодною рукою
Изъ урны жребій вамъ беретъ!..»

Кому и какой ея жребій достанется—разгадывать страшно...

Простите, что я въ минуты своихъ и вашихъ восторговъ, перешелъ къ чувствованіямъ, столь мрачнымъ. Другъ вашъ уже видѣлъ жизнь, познакомился съ нею и въ движеніяхъ сердечной заботливости невольно увлекся въ будущность...

Да сохранится въ воспоминаніи вашемъ счастливое время дѣтства съ его играми и мечтами! Скажемъ воспоминанію вмѣстѣ съ Жуковскимъ:

«*Говори о томъ, что было*
«Счастьемъ нашихъ лучшихъ лѣтъ;
«Чтобъ для насъ хоть въ сердцѣ жило
«То, чего ужъ въ жизни нѣтъ».

Но другъ вашъ исполненъ искренняго желанія, чтобы жизнь ваша протекала безмятежно, чтобы вездѣ встрѣтило васъ безпристрастіе, оцѣняющее заслугу и достоинство, чтобы искушенія жизни не охладили сердца ваши ко всему истинному, доброму и изящному.

Идите смѣло въ путь: умъ и добродѣтель ваши будутъ щитомъ для вашей невинности; вѣра — утѣшеніемъ и подпорою вашей молодости!

Такъ мыслитъ и чувствуетъ преданный вамъ душою.
18 фев. 1836 г. М. Тимаевъ».

Мы всѣ поплакали: прекрасная душа!..

Истинный другъ! и тяжело подумать о разлукѣ съ тобою! Неужели больше тебя не увижу послѣ выпуска?..

А выпускъ близокъ, очень близокъ... Charmant Тимаевъ! мы всѣ тебя любимъ! Прощай, Тимаевъ!

Выпускной балъ. Шутки Государя. Наслѣдникъ. Мысль о выпускѣ.

19 февраля. Среда. Еще вплетается прекрасный цвѣтокъ въ вѣнкѣ моихъ воспоминаній.

Былъ вечеръ!—и какой вечеръ! Вся Царская Фамилія присутствовала... Блаженство!

Въ 7 часовъ прибыли къ намъ Великія Княжны и Наслѣдникъ. Воспитанницы сыграли на 16-ти фортепіано: кончила Саша Сушкова [1]); спѣли хоръ *жрецовъ изъ «Нормы»*.

Только-что Маша Заранекъ [2]) кончала свою арію «Casta diva», какъ залу освѣтилъ своимъ явленіемъ нашъ *Ангелъ-Императоръ*!

Какой красавецъ! Онъ все, кажется, молодѣетъ. За Нимъ пріѣхали: Великая Княгиня Елена Павловна [3]) съ тремя Великими Княжнами [4]) и Великій Князь Михаилъ Павловичъ [5]).

Какъ мило перецѣловалъ Императоръ своихъ племянницъ! Любо смотрѣть.

Великій Князь пріѣхалъ послѣдній и низко, низко поклонился Государю...

Когда кончили пѣть, во время чая, Великій Князь подошелъ къ инспектрисѣ кофейныхъ [6]) и довольно долго разговаривалъ съ нею, потомъ и Наслѣдникъ приблизился къ ней, за ними и самъ Императоръ.

---

[1]) Саша Сушкова, по мужу Карачарова, Александра Николаев. См. 1835 г. 22 іюля прим. и 1836 г. 16 февр.

[2]) Графиня Мар. Онуфр. Заранка см. 1835 г. 12 апр., пр. 3. Обладала чудным мецдо-сопрано.

[3]) См. 1836 г. 13 фев., пр. 1.

[4]) Со своими дочерьми (Елизавета, Марія и Екатер. Михайловны).

[5]) *Е. И. В. Великій Князь Михаилъ Павловичъ*, супругъ В. Кн. Елены Павловны—четвертый сынъ Им. Павла I-го. Род. въ 1798 г. † 1848 г. Основалъ до 14 кадетскихъ корпусовъ. Участвовалъ въ воен. дѣйств. противъ Наполеона (1814 г.), въ Турецкой войнѣ (1828 г.) и въ усмиреніи поляковъ (1830 и 31 г.). Умеръ въ Варшавѣ. Любимый братъ Императора Николая I-го (Ефр. и Брокг. т. 38 ст. 485).

[6]) Кардиво или Скрипицына.

У меня было прекрасное мѣсто въ первомъ ряду, и потому все это происходило подлѣ меня. Я всматривалась въ черты Августѣйшей Фамиліи, чтобы онѣ на вѣки врѣзались въ моей памяти.

Какой хорошенькій Наслѣдникъ! Я въ первый разъ могла такъ хорошо его разсмотрѣть; близко, подлѣ него стояла!

Послѣ танцевъ я опять побѣжала на свое прежнее мѣсто и опять видѣла всѣхъ: въ нашемъ углу собрались Императоръ, Наслѣдникъ, Великій Князь Михаилъ Павловичъ, Великая Княгиня и всѣ Великія Княжны. Святое Семейство!

Императоръ шутилъ съ одной кофейною грузинкою, и мы смѣялись отъ души.

«*Toujours la même, M-lle Thérèse*» [7])...

«*Какія у васъ пухленькія ручки! — полненькія все по прежнему*».

«*Немальчикъ-ли Вы, M-lle Thérèse?*» — Нѣтъ, дѣвочка.

«*И Вы увѣрены?*» и такъ продолжалъ шутить Императоръ!..

— «*Дайте мнѣ, пожалуйста, мѣстечко пробраться*», шепнулъ намъ Государь. Мы разступились.

— «*Да вы меня закройте, чтобы никто не увидѣлъ*», и, согнувшись, прошелъ между нами. — «*Au revoir, mesdemoiselles; dans dix jours nous nous reverrons au Palais*», — и скрылся... Вся Царская Фамилія послѣдовала за Нимъ.

Наслѣдникъ [8]) — восхитителенъ! Чтобы дать дорогу фрейлинамъ, онъ посторонился и съ минуту стоялъ передъ нами: хорошенькій такой, еще покраснѣлъ; весь классъ нашъ имъ любовался...

Ахъ! въ немъ кроется вся будущность Россіи! Если бы

[7]) Грузинская царевна, находившаяся тогда въ кофейномъ классѣ Имп. Общ. благор. дѣв.—толстенькая, пухленькая, лѣтъ 10 или 11 дѣвочка.

[8]) Наслѣдникъ—Императоръ Александръ II-й Николаевичъ † въ 1881 году, 1-го марта.

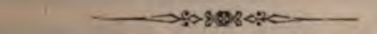
Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ

Александръ Николаевичъ.

и она была такъ-же прекрасна, какъ Наслѣдникъ! Исполнись, радостная надежда!

Всѣ ушли, но я еще долго смотрѣла въ ту сторону, куда провожали *Ихъ*. Мой взоръ приковался къ двери и все еще видѣлъ *блаженное Семейство!* Душа переполнена восторгомъ и, кромѣ Царской Фамиліи, никакой посторонній образъ не мелькалъ въ ней!..

Но еще разъ увижу Ихъ, а потомъ когда? — Ужъ выпускъ скоро... А тамъ Саратовъ...



Приближающаяся разлука съ роднымъ заведеніемъ.

25 февраля. *10 ч. вечера. Большая зала.* Душа потрясена. Близокъ разлуки часъ!—хаосъ въ сердцѣ! — всѣ чувства смѣшались и ни одного изъ нихъ невозможно выбрать: грустно, тяжело, ужасно! — Будущее, что ты несешь?..

«Въ послѣдній разъ, подруги юны,
Намъ должно всѣмъ прости сказать.
Пора младенческія думы
На жизнь разсудка промѣнять!..
Оставимъ Сей Пріютъ родимый,
Пойдемъ за опытомъ во слѣдъ [1])...»

Нѣтъ, не могу безъ слезъ писать эти строки!..

Charmant Timaef! bon, véritable ami! Je te connais et je t'estime! Mais nous te quitterons! adieu, adieu!.. peut-être pour toujours!.. Terrible! terrible!.. Mes jeunes amies, je vous quite! amies de la Communauté!..

[Тимаевъ милый! добрый, истинный другъ! Я тебя хорошо знаю и уважаю! Но мы тебя покидаемъ! прощай, прощай! Быть можетъ, навсегда... Ужасно! ужасно! Мои юные друзья, я и васъ покидаю! подруги Общины...]

---

[1]) Слова прощальной пѣсни выпуска 1836 года, написанной г. Инспекторомъ кл. М. М. Тимаевымъ.

Выпускъ и прощанье.

26 февраля. Среда. Вотъ и послѣдній публичный экзаменъ промчался! «*Послѣдній аккордъ прозвучалъ*», [1]) и все прости!..

Въ 6 час. вечера мы вошли въ залу, уже переполненную публикою; тѣснота, кажется, была ужасная. Вездѣ стояли: на окнахъ, на печкѣ; лавки и стулья громоздили одно на другое, чтобы только повыше встать. Довольно смѣшно было смотрѣть на разряженныхъ дамъ, взобравшихся выше всѣхъ. Одна изъ нихъ была одѣта щегольски и виднѣлась надъ главами всѣхъ. Une brave dame! нашла же себѣ мѣстечко!

Папенька и братъ [2]) имѣли прекрасныя мѣста: оба стояли впереди и братъ внимательно слушалъ наше пѣніе. Я думаю, онъ былъ въ восторгѣ отъ всего.

Но какъ было жарко! Только что кончила Маша Заранекъ [3]) свою арію; я вышла изъ залы, бродила въ коррридорахъ и возвратилась уже, когда стали пѣть хоръ изъ «Нормы». Во время исполненія прощальной пѣсни Тимаевъ стоялъ подлѣ меня: «*Намъ должно всѣмъ прости сказать!*» повторилъ онъ за нами—и слеза блеснула въ его глазахъ; «*сохраните дружбы обѣтъ, куда бы челнъ не шелъ, судьбой гонимый!*» [4]) прибавилъ онъ снова, нагнувшись ко мнѣ.

Я не могла ничего слушать, не могла смотрѣть на нашихъ: всѣ были въ слезахъ!..

Боже! какъ грустно разставаться! Какъ мучительно сказать: «*прости!*» всему, что было... Прости, счастіе! Теперь

---

[1]) Изъ прощальн. пѣсни М. М. Тимаева.

[2]) Александръ Петровичъ—студентъ. См. зап. 1834 г. 28 іюня и 1835 г. Новый годъ.

[3]) Графиня Заранка, Маріамна Онуфріевна, 1835 г. 12 апр. 3 и 1836 г. 19 фев. 2.

[4]) Продолженіе прощальн. пѣсни М. М. Тимаева.

только чувствую, что восемь лѣтъ монастырской жизни *составляютъ самую счастливую мою эпоху*.

«Боже, Царя храни!», слѣдовало за прощальною пѣснею,—и я душою молилась за Царя, а сердце разрывалось. Не понимаю, какъ я могла выслушать все: слезы катились градомъ... Мы вышли. Танцы шли прекрасно, и публика была очень довольна.

М-шее Дидло [5]) и Панчулидзева [6]) въ восторгѣ! не помнили себя отъ радости: слава класса,—слава ихъ собственная—теперь гремѣла!

Послѣдній аккордъ прозвучалъ мучительно! какъ будто что-то вырывалось изъ души. «*Намъ должно всѣмъ прости сказать!*» отдавалось въ ушахъ и въ сердцѣ—оно было слишкомъ переполнено!..

Въ минуту, когда въ залѣ все кончилось [7]), насъ повели въ дортуары.

Въ одно мгновеніе, мы уже явились въ городской классъ «*преображенными*»: бѣлыя платья скинуты и замѣнены прежними зелеными! Въ городскомъ классѣ былъ ужинъ для насъ, для патріотокъ [8]) и сорока голубыхъ [9]). Сюда опять пришелъ Тимаевъ. Мы пили за его здоровье, наши окружили его и засыпали разспросами.

«*Принимая васъ въ монастырь, мы отняли у вашихъ родныхъ много, но теперь они еще болѣе отнимаютъ у насъ*», со слезами говорилъ Тимаевъ. Прекрасный другъ!..

---

[5]) Диделло 1834 г. 25 іюня—учительница танцевъ.

[6]) Инспектриса 1833 г. 19 мая, пр. 9.

[7]) Варв. Пет. не любила экзаменовъ, а потому публичный экзаменъ даже не называетъ экзаменомъ, а просто „сцена". См. 1836 г. 4 янв.

[8]) Для воспитанницъ Патріотическаго института, въ числѣ коихъ была Рылѣева; о ней есть воспоминанія во II-й части записокъ.

[9]) Средняго отдѣленія, несомнѣнно назначенныхъ къ переводу въ слѣдующій классъ.

Sophie Кушкина [10]) и Софія Панчулидзева [11]) также пришли въ нашу залу, а потомъ всѣ мы вмѣстѣ пошли въ комнату къ M-me Панчулидзевой; туда же явились Valérien Rehbinder [12]) et Alexis [13]). Говорили тамъ о многомъ: о Саратовѣ, о будущемъ губернаторѣ, о саратовской жизни, объ обществѣ, о скукѣ въ Саратовѣ... Все такое «веселое» будущее предвѣщаетъ Саратовъ!..

А въ дортуарѣ наши, по обыкновенію, собрались вмѣстѣ и давай толковать о томъ, что видѣли и слышали. Я была въ томъ же числѣ!

26 февраля прости! прости на вѣки!..

Негодованіе за награды.

29 февраля. Какой странный день! я кажется... Dieu merçi, bientôt ce sera fini, elle m'a fait faire tant de mauvais sang! plus que Schreinberg ne m'en a jamais donné; non, c'est... je ne puis jamais m'imaginer que le monde eût procuré une semblable. On distribue demain les prix. Les dix «chiffres» vont au palais! Nous sommes du nombre de ces *bienheureuses*, selon les idées de plusieurs personnes; mais vraiment je ne suis contente en recevant un chiffre, que parceque cela réjouira Papa et rien de plus. Annette reçoit le troisième, c'est l'ouvrage de Madame... Jusqu'à présent tout le monde regardait Annette, comme devant avoir le premier

---

[10]) Sophie Кушкина — родственница г-жи Панчулидзевой, урожд. Ребиндеръ.

[11]) Софія Панчулидзева—племянница Инспектрисы Панчулидзевой.

[12]) Valérien Rehbinder—молодой гвардейскій офицеръ,—впослѣдствіи заслуженный генералъ.

[13]) Alexis (Алексѣй) Александровичъ Панчулидзевъ, племянникъ Инспектрисы Панчулидзевой,—офицеръ.

«Maman vous prie de venir chez-elle» *), сказала Великая Княжна Марія Николаевна.

Дверь отворилась,—и мы очутились въ кабинетѣ Императрицы.

«Bonjour, mes enfants», привѣтствовала насъ Государыня.

Она сидѣла въ большомъ креслѣ; на Ней было бѣлое платье, на плечахъ голубая косынка съ лебяжьимъ пухомъ и чепчикъ на головѣ; по правую руку Она пригласила сѣсть «Бабушку».

Вилламовъ [6]) стоялъ со сверткомъ бумагъ въ рукѣ. По лѣвую руку стояли всѣ три Великія Княжны, Наслѣдникъ, Вел. Князья—Константинъ [7]), Николай [8]) и Михаилъ Николаевичи [9]),—послѣдніе двое въ голубыхъ рубашечкахъ съ серебрянымъ позументомъ, волосы обстрижены въ кружокъ, какъ у русскихъ мужиковъ,—прелестные мальчики!

Здѣсь-то подъ кровомъ нашей Царицы, окруженныя Царскою Фамиліею, удостоились мы принять вензеля-шифры. *Святая минута, благословенная минута, блести вѣчно, блести въ моей памяти! Будь моею яркою звѣздочкою, радостною, лучезарною звѣздочкою!.. Нѣтъ,—ничто не затмитъ тебя!..*

Послѣ весьма краткаго предисловія, прочитаннаго Вилламовымъ, вызываютъ имена: Марія Николаевна Сеславина [10]),

---

*) «Мама проситъ васъ идти къ ней».

[6]) Вилламовъ, Г. Ив., Статсъ-секретарь по IV-му отдѣл. Собствен. Е. И. В. канцел. 3. 1836 г. 13 фев. 7.

[7]) Великій Князь Константинъ Николаевичъ р. 9 сен. 1827 г. † 13 января 1892 г., 2-й сынъ Императора Николая I-го.

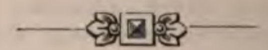
[8]) Великій Князь Николай Николаевичъ род. 1829 г. † 13 апр. 1891 г.

[9]) Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, 4-й сынъ Николая I-го, род. 13 окт. 1832 г.

[10]) Марія Николаевна Сеславина, 1-го отдѣл. въ 1836 г; дочь надв. совѣтн., по мужу Огарева. Зап. 1833 г. 1 іюня, пр. 2.

mes compagnes telles qu'elles étaient à Smolnoï: simples, naïves, bonnes, sensibles, aimantes. Oh! qui me les rendra telles, que je les ai connues dans les beaux jours, que nous avons passé ensemble à la Communauté?

[Однако, я снова увидѣла эту Общину, т. е. я нашла ея стѣны, ея покои; но кто мнѣ возвратитъ моихъ подругъ, которыя тутъ жили? Моихъ подругъ такими, какими онѣ были въ Смольномъ? — простыя, наивныя, добрыя, чувствительныя, любящія. О! кто мнѣ ихъ вернетъ такими, какими я ихъ знала въ лучшіе дни, которые мы прожили вмѣстѣ въ Обществѣ].



Воспоминаніе минутъ Царскаго вниманія. Императрица приказываетъ шифры. Мы въ гостяхъ у Царскаго Семейства.

3 марта. Большая зала. Наши поютъ прощальную пѣснь; аккорды грустны, напѣвъ заунывенъ, я въ раздумьѣ вспоминаю о вчерашнемъ днѣ.

Много было счастливыхъ минутъ въ моей жизни, но прекраснѣе изъ всѣхъ 1-е марта 1836 года».

Съ чѣмъ сравнить его? C'est une immortelle dans le joli bouquet de mes souvenirs; elle ne se fanera jamais, elle sera mon génie consolant dans un âge avancé, ce jour sera une couronne toute fraîche parant mes cheveux blancs. Tu ne reviendras plus, jour heureux! Une fois que l'on a goûté un bonheur aussi suprême, il faut mourir. Il ne nous est pas donné d'être deux fois à cette extrémité du bonheur où tous n'arrivent pas. Le Ciel a choisi un petit nombre dans la foule; je suis aussi une des élues. Dieu! comme j'étais heureuse hier! trop heureuse! Je n'ai pas mérité les grâces, que Tu nous accordes, Seigneur! je bénis Ta main qui me comble de biens! Je suis pénétrée de reconnaissance, d'amour pour Toi, Seigneur! Je t'adore, mon Dieu! Fais ce que tu veux

«A la santé de l'Impératrice», сказала Бабушка, взявъ бокалъ.

Мы всѣ встали: «de l'Empereur, de l'Héritier, des Grandes Duchesses.

«A la santé de Бабушка»! dit l'Impératrice.

«A votre santé, mesdames!», сказалъ Наслѣдникъ! Какъ весело!!

«Nous vous montrerons à présent tous nos appartements» *), говорили Вел. Княжны.

Въ упоеніи блаженствомъ мы и не замѣтили, какъ вошелъ Императоръ [15]).

«Здравствуйте, здравствуйте; очень радъ, что вижу васъ въ этихъ мундирахъ, что случается очень рѣдко. Je suis bien fâché de ne pouvoir faire les honneurs, Je suis pressé, mais voyez cette figure» **), сказалъ Императоръ, и, приложивъ личико В. К. Ольги Николаевны къ своему, добавилъ: «Elle me remplacera».

«А ты, пошелъ!» прибавилъ Онъ, обращаясь къ Наслѣднику, мощно толкнувъ его въ спину, и съ той минуты Александръ Николаевичъ былъ нашимъ кавалеромъ во все путешествіе по Дворцу.

Въ одной изъ комнатъ мы встрѣтили опять Императора.

«*Надобно непремѣнно васъ поздравить*», сказалъ нашъ Ангелъ.

«*Кто получилъ первый вензель*»?

«Сеславина», отвѣчали Великія Княжны.

---

*) Мы вамъ покажемъ всѣ наши комнаты.

**) Я очень огорченъ, что не могу чествовать васъ, я занятъ, тороплюсь, но посмотрите на эту особу.

[15]) Императоръ Николай I-й, третій сынъ Павла I-го, и незабвенной Маріи Ѳеодоровны, род. 1796 году, въ бракъ вступилъ 1817 года, † 18 фев. 1855 г.

Государь поклонился по-русски: почти до земли, т. е. спустивъ предъ собою руку и коснувшись ею пола.

«Второй?»—Куроѣдова.—*«Третій?»*—и такъ далѣе, и всѣхъ называли Великія Княжны, и Онъ намъ низко кланялся.

«Nous irons aussi dans les appartements de Papa», *) шепнула Великая Княжна Марія Николаевна, по выходѣ отъ Императора.

Мы были въ той комнатѣ, гдѣ молится Императрица; видѣли образъ ея Ангела-Хранителя, сопутствующій ей всюду; тутъ же бюстъ покойной прусской королевы Луизы, матери Императрицы.

Признательная дочь каждый годъ въ именины и рожденіе умершей плететъ ей гирлянды изъ свѣжихъ цвѣтовъ, и Великія Княжны украшаютъ бюстъ цвѣтами,—сообщили намъ Княжны.

Мы были, кажется, во всѣхъ комнатахъ Императрицы, видѣли ея брилліанты, множество портретовъ, бюстовъ. Одинъ изъ нихъ изображаетъ Императрицу дитятею.

„Mais cela ne lui ressemble pas, c'est une horreur», **) говорили Великія Княжны.

«C'est toi Adine», насмѣшливо сказалъ Наслѣдникъ Великой Княжнѣ Александрѣ Николаевнѣ».

«Je vous demande pardon, Monsieur», отвѣчала обиженная Княжна: «Je ressemble à Maman» ***).

Вошедши въ Ихъ рекреаціонную залу, Великія Княжны вбѣжали на деревянную гору; мы за ними, скатились одинъ разъ.

«Qui veut, mesdames»? крикнулъ Наслѣдникъ, и мы всѣ одна за другой залетали съ горы.

«Теперь на ногахъ, стоя, кататься»,—сказала Великая Княжна Марія Николаевна, позвала Великую Княжну Ольгу Николаевну и всѣхъ насъ и подъ

---

*) [«Мы пойдемъ тоже и въ комнаты Папы»].

**) [Но онъ на нее не похожъ, это ужасъ что].

***) [Извините, сударь, я похожа на маму].

Императорское Высочество Государыня Великая Княжна
Александра Николаевна.

«Maman vous prie de venir chez-elle» *), сказала Великая Княжна Марія Николаевна.

Дверь отворилась,—и мы очутились въ кабинетѣ Императрицы.

«Bonjour, mes enfants», привѣтствовала насъ Государыня.

Она сидѣла въ большомъ креслѣ; на Ней было бѣлое платье, на плечахъ голубая косынка съ лебяжьимъ пухомъ и чепчикъ на головѣ; по правую руку Она пригласила сѣсть «Бабушку».

Вилламовъ [6]) стоялъ со сверткомъ бумагъ въ рукѣ. По лѣвую руку стояли всѣ три Великія Княжны, Наслѣдникъ, Вел. Князья—Константинъ [7]), Николай [8]) и Михаилъ Николаевичи [9]),—послѣдніе двое въ голубыхъ рубашечкахъ съ серебрянымъ позументомъ, волосы обстрижены въ кружокъ, какъ у русскихъ мужиковъ,—прелестные мальчики!

Здѣсь-то подъ кровомъ нашей Царицы, окруженныя Царскою Фамиліею, удостоились мы принять вензеля-шифры.

Святая минута, благословенная минута, блести вѣчно, блести въ моей памяти! Будь моею яркою звѣздочкою, радостною, лучезарною звѣздочкою!.. Нѣтъ,—ничто не затмитъ тебя!..

Послѣ весьма краткаго предисловія, прочитаннаго Вилламовымъ, вызываютъ имена: Марія Николаевна Сеславина [10]),

---

*) «Мама проситъ васъ идти къ ней».

[6]) Вилламовъ, Г. Ив., Статсъ-секретарь по IV-му отдѣл. Собствен. Е. И. В. канцел. 3. 1836 г. 13 фев. 7.

[7]) Великій Князь Константинъ Николаевичъ р. 9 сен. 1827 г. † 13 января 1892 г., 2-й сынъ Императора Николая I-го.

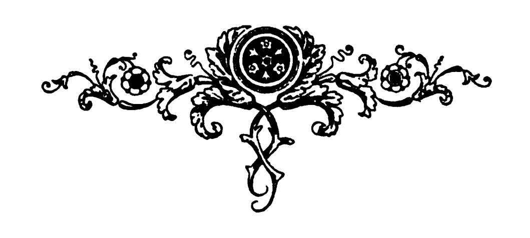
[8]) Великій Князь Николай Николаевичъ род. 1829 г. † 13 апр. 1891 г.

[9]) Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, 4-й сынъ Николая I-го, род. 13 окт. 1832 г.

[10]) Марія Николаевна Сеславина, 1-го отдѣл. въ 1836 г; дочь надв. совѣтн., по мужу Огарева. Зап. 1833 г. 1 іюня, пр. 2.

Мы были тамъ, куда никого не пускаютъ; разсматривали комнаты Императора и въ подробностяхъ Его кабинетъ, Его письменный столъ, на которомъ хранятся великія дѣла.

Въ память этого посѣщенія Великая Княжна Ольга Николаевна подарила мнѣ «маленькій портретъ Ея Отца [16]) и всѣмъ намъ дорогаго Царя».



[16]) Портретъ изъ неудачныхъ, на бумагѣ, медальонный.

1837 г.

Прибытіе въ г. Саратовъ Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича. А. В. Адлербергъ.

16 іюня. Пробило 12 ч. д., и вдругъ раздалось съ набережной: «ура!» «ура!»—то народъ привѣтствовалъ прибывшаго Наслѣдника. Какая радость!..

Мы съ сестрами, проѣзжая мимо дома, назначеннаго для Его Высочества, пристально смотрѣли, не промелькнетъ-ли образъ нашего обожаемаго *Александра Николаевича*... Казалось мнѣ,—я видѣла его. Можетъ быть, то игра воображенія,—но тѣмъ не менѣе, я была минуту уже счастлива!

Сегодня мнѣ все напоминаетъ нашъ Смольный,—всѣ радости, пережитыя при видѣ Царской Семьи!

Мы ждали Его Высочество до 11¹/₄ ч. веч. и, потерявъ надежду увидѣть сегодня Наслѣдника-Цесаревича,—разошлись. Я одна осталась на балконѣ, выходящемъ на берегъ Волги.

Колокола вдали гудѣли; горѣли смоляныя бочки на островахъ,—мнѣ было такъ хорошо. Я думала о предстоящихъ пріемахъ, торжествахъ, о папенькѣ, о Смольномъ и мечтала о многомъ, многомъ...

Черезъ полчаса намъ дозволили поѣхать кататься и посмотрѣть освѣщеніе города.

На встрѣчу намъ густыми толпами валилъ народъ къ набережной, не обращая вниманія на грязь послѣ двухдневнаго дождя. Но вдругъ все какъ-то особенно задвигалось, и съ пристани понеслось неумолкаемое тысячеголосное «*ура*», сопровождавшее Наслѣдника во временной Его дворецъ.

Принявъ во дворцѣ рапортъ отъ военнаго губернатора, отъ начальн. артиллеріи и отъ папеньки, какъ коменданта города, Его Высочество ушелъ во внутренніе покои.

Паткуль [1]) и Адлербергъ [2]) о многомъ разспрашивали папеньку. Адлербергъ такой добрый — о многомъ интересовался, касающемся нашего житья въ Саратовѣ, и когда зашла рѣчь о дворянскомъ балѣ, то Адлербергъ спросилъ у папеньки: «ваши дочери въ настоящее время здѣсь?» Папа отвѣчалъ утвердительно. — «В. Князь будетъ навѣрно танцовать съ ними».

Папа сообщилъ намъ.

Какъ-будто робость пробираетъ отъ одной мысли... а сами такъ счастливы! я такъ радостна!!!

---

[1]) Паткуль, Александръ Александровичъ, товарищъ въ дѣтскихъ играхъ Императора Александра II-го (род. 1818 г. 19 нояб., † 1877 г. 17 авг.). Подробнѣе о немъ см. „Дѣтское чтеніе" за 1889 г., іюль и декабрь: „Юные годы Царя-Освободителя".

[2]) Внукъ Ю. Ф. Адлербергъ, Графъ Александръ Владиміровичъ, род. 1 мая 1818 г. † 22 сент. 1888 г., сверстникъ, совоспитанникъ и въ продолженіи 18 лѣтъ личный секретарь и другъ Императора Александра II-го, впослѣдствіи министръ Двора Его Имп. Величества, женившійся на воспитанницѣ „Бабушки" изъ Имп. Об. благ. дѣвицъ, Екатеринѣ Николаевнѣ (ур. Полтавцевой).

Графъ Александръ Владимiровичъ
АДЛЕРБЕРГЪ.

Танцы и разговоръ съ Е. И. В. Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ. В. А. Жуковскій. Пріѣздъ брата.

27 іюня. Безконечно счастлива была я сегодня. Видѣла Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича, говорила съ Нимъ и танцовала съ Нимъ!

Въ 9 час. утра маменька поѣхала со мною въ соборъ [1]), гдѣ я надѣялась увидѣть Наслѣника. По прибытіи туда, мы стояли въ ожиданіи довольно покойно, но когда вошелъ въ церковь Вел. Князь, то произошла такая страшная давка, что мы чуть не задохнулись, и я съ величайшимъ усиліемъ, только при посторонней помощи, могла пробраться на паперть, гдѣ осталась дожидаться выхода изъ собора сына Самодержца Русскаго.

Наконецъ-то и я увидѣла Его! Все также хорошъ, также привлекателенъ, тотъ-же ангельскій взглядъ, что и въ прошломъ году, — только развязнѣе кажется. Его окружала, при выходѣ изъ церкви, густая толпа приближенныхъ, и Онъ, утомленный долгою службою, шелъ, кланяясь вправо и влѣво всѣмъ, но никого не замѣчая, въ частности.

Въ 8½ часовъ вечера мы вошли въ зало саратовскаго дворянскаго собранія. Здѣсь было все городское общество, всѣ дворяне и служащіе. Дѣвицы были всѣ въ бѣлыхъ платьяхъ. На насъ также были легкія бѣлыя на шелковыхъ юбкахъ платья, украшенныя живыми розами, — въ волосахъ розовые легкіе цвѣты; а на лѣвомъ плечѣ у каждой блестѣлъ на бѣлой лентѣ съ золотыми полосками вензель Государыни (шифръ). «Просто и мило», какъ про насъ выражались саратовскія передовыя барыни.

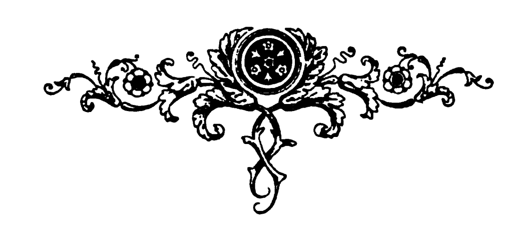
Въ 9 час. в. явился на балъ Великій Князь.

---

[1]) Каѳедральный Саратовскій.

Мы были тамъ, куда никого не пускаютъ; разсматривали комнаты Императора и въ подробностяхъ Его кабинетъ, Его письменный столъ, на которомъ хранятся великія дѣла.

Въ память этого посѣщенія Великая Княжна Ольга Николаевна подарила мнѣ «маленькій портретъ Ея Отца [16]) и всѣмъ намъ дорогаго Царя».



[16]) Портретъ изъ неудачныхъ, на бумагѣ, медальонный.

не принималъ участія въ танцахъ, но, стоя, смотрѣлъ на другихъ.

«*Вы любуетесь вашими дочерями?*» спросилъ Великій Князь папеньку, стоявшаго подлѣ Него. Папенька, должно быть, сильно смутился отъ неожиданнаго вопроса и только низко поклонился.

Жуковскій [6]), подойдя къ намъ, выговаривалъ, что мы ему не кланяемся.

«Вы поступаете не по-монастырски, смотрите и не узнаете.., а я васъ помню, очень даже помню и люблю!..»

Юрьевичъ [7]) тоже подходилъ знакомиться. Всѣ вспоминали Смольный,—разспрашивали о житьѣ въ Саратовѣ.

Въ послѣдней кадрили я стояла недалеко отъ Наслѣдника, но стыдно было смотрѣть на него, и я только изрѣдка, потихоньку, взглядывала на Него.

Въ 12 час. н. Великій Князь уѣхалъ съ бала, и залъ разомъ опустѣлъ, хотя все саратовское общество оставалось еще въ полномъ составѣ.

Мы просили маменьку уѣхать, и что-же?—Только что подъѣзжаемъ къ дому, слышимъ радостный крикъ: «Саша пріѣхалъ [8])»!

Самъ Саша встрѣчалъ насъ на крыльцѣ...

— Мой милый Саша, ты у насъ!.. Мой добрый Саша!..

Мы просидѣли съ нимъ до разсвѣта,—и теперь я не

---

[6]) В. А. Жуковскій, воспитатель Императора Александра II (Зап. 1836 г. 3 мар. 2).

[7]) Юрьевичъ, полковникъ, читалъ Е. И. В. Наслѣднику Цес. Александру Николаевичу фортификацію и артиллерію; онъ-же былъ репетиторомъ уроковъ Его Имп. Высочества издателемъ штатныхъ Его В-ву руководствъ, лекцій и журнала Его В-ва „Муравейникъ". „Юные годы Царя-Освободителя", стр. 354 и 355.

[8]) Братъ ихъ отъ одной матери, Александръ Петровичъ, изъ С.-Петербурга, гдѣ состоялъ на службѣ въ корпусѣ Инженеровъ пут. сообщенія. См. 1836 г. 1 дек.

долго стоялъ на балконѣ, привѣтствуемый народомъ; но я, близорукая, не могла различить его отъ другихъ.

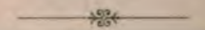
Вотъ ужъ совсѣмъ свѣтло. Я и сегодня спала не болѣе часа, а спать не хочется.

Въ пять час. утра Наслѣдникъ покидаетъ Саратовъ; хотѣлось-бы ѣхать къ заставѣ,—проводить, но папенька находитъ это неприличнымъ, а больше мнѣ никогда, вѣрно, никогда не увидѣть ангела—Александра Николаевича!

Прости, наша надежда Государь! Господь да благословитъ Твой путь!

Кругомъ всѣ спятъ.—Какъ тихо все! Душа лишь переполнена благоговѣйными воспоминаніями блаженныхъ минутъ...

Ангелъ, Александръ Николаевичъ, прости, прости, что мы Тебя такъ любимъ [4])!..



Отъѣздъ брата Александра изъ Саратова.

19 сентября. Миновали и послѣдніе дни радости: нашъ Саша, нашъ милый братъ уже за Саратовомъ!.. Что-же еще ждать?!.

Солнышко ярко свѣтитъ, тепло, день веселехонекъ, а на сердцѣ—тоска, и Божій міръ не милъ!

Братъ ѣдетъ далеко, далеко [1])... Варенькѣ грустно, грустно...—Варенька плачетъ... Прощай, Саша! Пойду допѣвать мою пѣсенку; если-бы ты услышалъ ее, слезинки заблестѣли-бы въ твоихъ карихъ глазахъ. А Варенька будетъ горько плакать. «*Родненькаго*» нѣтъ болѣе въ семьѣ [1])!

[4]) Въ Саратовскихъ губ. вѣдомостяхъ помѣщены Варв. Петров. подробности встрѣчи Его Имп. Выс. Насл. Цесар. Александра Николаевича въ Саратовѣ за іюнь 1837 г.—Оффиціально.

[1]) Въ С.-Петербургѣ служилъ въ институтѣ Инженеровъ путей сообщенія, ссорился съ мачехой и уѣхалъ, разсердившись.

…ᴏ Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ

Александръ Николаевичъ.

Танцы и разговоръ съ Е. И. В. Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ. В. А. Жуковскій. Пріѣздъ брата.

27 іюня. Безконечно счастлива была я сегодня. Видѣла Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича, говорила съ Нимъ и танцовала съ Нимъ!

Въ 9 час. утра маменька поѣхала со мною въ соборъ [1]), гдѣ я надѣялась увидѣть Наслѣника. По прибытіи туда, мы стояли въ ожиданіи довольно покойно, но когда вошелъ въ церковь Вел. Князь, то произошла такая страшная давка, что мы чуть не задохнулись, и я съ величайшимъ усиліемъ, только при посторонней помощи, могла пробраться на паперть, гдѣ осталась дожидаться выхода изъ собора сына Самодержца Русскаго.

Наконецъ-то и я увидѣла Его! Все также хорошъ, также привлекателенъ, тотъ-же ангельскій взглядъ, что и въ прошломъ году,—только развязнѣе кажется. Его окружала, при выходѣ изъ церкви, густая толпа приближенныхъ, и Онъ, утомленный долгою службою, шелъ, кланяясь вправо и влѣво всѣмъ, но никого не замѣчая, въ частности.

Въ $8^1/_2$ часовъ вечера мы вошли въ зало саратовскаго дворянскаго собранія. Здѣсь было все городское общество, всѣ дворяне и служащіе. Дѣвицы были всѣ въ бѣлыхъ платьяхъ. На насъ также были легкія бѣлыя на шелковыхъ юбкахъ платья, украшенныя живыми розами,—въ волосахъ розовые легкіе цвѣты; а на лѣвомъ плечѣ у каждой блестѣлъ на бѣлой лентѣ съ золотыми полосками вензель Государыни (шифръ). «Просто и мило», какъ про насъ выражались саратовскія передовыя барыни.

Въ 9 час. в. явился на балъ Великій Князь.

---

[1]) Каѳедральный Саратовскій.

Музыка заиграла «польскій», и Онъ прошелся съ нѣкоторыми высокопоставленными дамами. Двѣ кадрили, слѣдовавшія за польскимъ, Онъ не танцовалъ; на третью-же подошелъ прямо ко мнѣ!!!

Выпадаетъ-же на долю людей такое счастіе! И забуду-ли я когда-нибудь, даже съ убѣленными волосами, забуду-ли сегодняшній вечеръ?..

«*Какъ мы съ вами давно не видались! вотъ ужъ второй годъ*»,—были первыя слова, которыя я услышала отъ Его Высочества.

«*Ольга Николаевна* [2]) *вамъ кланяется; Она очень выросла и выше Maman* [3])»; *Adine* [4]) *тоже растетъ и дразнитъ Сеславину* [5]), *намѣреваясь ее скоро перерости.—Какъ живете вы въ Саратовѣ? У васъ большое-ли семейство? А гдѣ теперь служитъ вашъ братъ?*»—говорилъ Великій Князь и еще многое что я не упомню, во все продолженіе кадрили.

Я нисколько не сробѣла, но рѣшительно не помню, что и какъ отвѣчала на милостивыя Его Высочества разспросы! — Должно быть, отъ избытка счастія говорилось безсознательно!..

Чудный Наслѣдникъ!

На слѣдующую кадриль Онъ пригласилъ Annette. Я-же танцовала съ Адлербергомъ vis-à-vis. Слѣдующую,—я съ Паткулемъ, въ парѣ рядомъ-наискось съ Его Высочествомъ. Великій-же Князь танцовалъ съ представленной Ему женою одного изъ видныхъ здѣшнихъ дѣятелей. Болѣе Онъ

---

[2]) Е. И. В. Великая Княжна.—Зап. 1836 г. 22 іюля и 3 марта 1836 года.

[3]) Е. И. В. Императрицы Александры Өеодоровны.

[4]) Е. И. В. В. Кн. Александра Николаевна. Зап. 3 марта 1836 г.

[5]) Сеславина, Марія Никол., вос-ца Смольнаго вып. 1836 г., по мужу Огарева, фрейлина при В. Княж. Александрѣ Николаевнѣ. (Зап. 1833 г. 1 іюня, пр. 2 и 1836 г. 3 мар. 10).

не принималъ участія въ танцахъ, но, стоя, смотрѣлъ на другихъ.

«*Вы любуетесь вашими дочерями?*» спросилъ Великій Князь папеньку, стоявшаго подлѣ Него. Папенька, должно быть, сильно смутился отъ неожиданнаго вопроса и только низко поклонился.

Жуковскій [6]), подойдя къ намъ, выговаривалъ, что мы ему не кланяемся.

«Вы поступаете не по-монастырски, смотрите и не узнаете.., а я васъ помню, очень даже помню и люблю!..»

Юрьевичъ [7]) тоже подходилъ знакомиться. Всѣ вспоминали Смольный,—разспрашивали о житьѣ въ Саратовѣ.

Въ послѣдней кадрили я стояла недалеко отъ Наслѣдника, но стыдно было смотрѣть на него, и я только изрѣдка, потихоньку, взглядывала на Него.

Въ 12 час. н. Великій Князь уѣхалъ съ бала, и залъ разомъ опустѣлъ, хотя все саратовское общество оставалось еще въ полномъ составѣ.

Мы просили маменьку уѣхать, и что-же?—Только что подъѣзжаемъ къ дому, слышимъ радостный крикъ: «Саша пріѣхалъ [8])»!

Самъ Саша встрѣчалъ насъ на крыльцѣ...

— Мой милый Саша, ты у насъ!.. Мой добрый Саша!..

Мы просидѣли съ нимъ до разсвѣта,—и теперь я не

---

[6]) В. А. Жуковскій, воспитатель Императора Александра II (Зап. 1836 г. 3 мар. 2).

[7]) Юрьевичъ, полковникъ, читалъ Е. И. В. Наслѣднику Цес. Александру Николаевичу фортификацію и артиллерію; онъ-же былъ репетиторомъ уроковъ Его Имп. Высочества издателемъ штатныхъ Его В-ву руководствъ, лекцій и журнала Его В-ва „Муравейникъ". „Юные годы Царя-Освободителя", стр. 354 и 355.

[8]) Братъ ихъ отъ одной матери, Александръ Петровичъ, изъ С.-Петербурга, гдѣ состоялъ на службѣ въ корпусѣ Инженеровъ пут. сообщенія. См. 1836 г. 1 дек.

хочу спать, хотя уже около шести часовъ утра. Вотъ что дѣлаетъ радость!

Сегодня, т. е. 28-го іюня, день будетъ, кажется, хорошъ: свѣтло, весело, Волга тиха, а на душѣ такъ хорошо, такъ неизъяснимо хорошо!..

Благодарю Тебя, Господи! Братъ, Наслѣдникъ—вотъ два существа, которыя теперь переполняютъ мою душу; но братъ останется у насъ еще три мѣсяца, а Великаго Князя, быть можетъ, никогда болѣе не увижу...

Прощай, нашъ ангелъ,—въ Тебѣ хранится сокровище Россіи!

Но, неужели никогда!?. Какъ грустно!..

Вниманіе къ „смолянкамъ" Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича, къ папенькѣ. Прогулка по Волгѣ. Отъѣздъ Е. И. Высочества изъ Саратова.

28 іюня. Еще минуты счастія: я снова видѣла Наслѣдника. Прошло еще только два дня, какъ Онъ въ Саратовѣ, а, между тѣмъ, сколько часовъ блаженства! Сколько жизни, сколько думъ!—такъ полна душа, что переживаешь каждую минуту съ наслажденіемъ! И Саша съ нами!!

В. Князь катался сегодня рано утромъ по городу и велѣлъ ѣхать мимо дома, гдѣ живутъ «смолянки»; смотрѣлъ во всѣ окна [1])! А мы и выглянуть не смѣли: во-первыхъ, строгость монастырскаго воспитанія; да мы и не предвидѣли такой чести, и такъ рано были еще въ блузахъ, готовясь только что одѣваться: еще не было и 12 часовъ.

Папенька обѣдалъ у Великаго Князя, разговаривалъ

[1]) Въ угоду „увлекающейся обожаніемъ"—это ей передано ложно, въ шутку кѣмъ-нибудь изъ ея домашнихъ.

съ Нимъ и получилъ соизволеніе представить Ему Ваню и Колю [2]).

Е. И. Высочество обѣщалъ помѣстить ихъ въ 1-ый кадетскій корпусъ. Добрый Наслѣдникъ!

Адлербергъ и др. молодые люди изъ свиты В. Князя предлагали папенькѣ, не будетъ ли отъ насъ писемъ къ Marie Сеславиной [3]). Мы не писали: какъ-то неловко.

Братья были представлены В. Князю. Ваня храбро прокричалъ: «здравія желаемъ Вашему Императорскому Высочеству». Наслѣдникъ похлопалъ его по плечу, сказавъ: «молодецъ»!

Милые братики, что-то ждетъ васъ?..

Въ 7 час. вечера мы были на пристани и стояли совсѣмъ у лѣстницы на катерѣ, назначенномъ для Его Высочества.

Наслѣдникъ, увидавъ насъ, поклонился и весело прошелъ въ катеръ, въ сопровожденіи Жуковскаго и всей свиты.

Взглядомъ и голосомъ В. Князь напоминаетъ незабвенную В. К. Ольгу Николаевну. Какъ неотразимо привлекательны Августѣйшіе братъ и сестра!—Все-бы смотрѣла на нихъ и все бы слушала ихъ,—даже такія простыя слова, какъ: «весла на воду», «весла въ воду», «отваливай»,—произнесенныя звучнымъ, чистымъ голосомъ В. Князя. Они для меня имѣли особенную какую-то прелесть!—Я пристально въ послѣдній разъ смотрѣла на В. Князя. Катеръ отвалилъ отъ берега—«et voilá tout»!..

Вечеромъ городъ былъ снова освѣщенъ.

Вмѣстѣ съ Сашей мы катались въ открытой коляскѣ; разъ десять проѣхали мимо дворца. Наслѣдникъ довольно

---

[2]) Братьевъ отъ второй матери. Танцуя 27-го съ Annette Е. И. В. очень милостиво разговаривалъ, передавалъ поклоны и спросилъ: „не могу-ли Я что нибудь сдѣлать для семейства?“—„У насъ два брата, которыхъ хотѣлось-бы помѣстить въ кадетскій корпусъ“.—„Они будутъ приняты“. 28-го Онъ велѣлъ представить ихъ.

[3]) Она приходилась имъ подругой, см. 27 іюня 1837 г. 5.

долго стоялъ на балконѣ, привѣтствуемый народомъ; но я, близорукая, не могла различить его отъ другихъ.

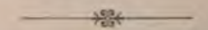
Вотъ ужъ совсѣмъ свѣтло. Я и сегодня спала не болѣе часа, а спать не хочется.

Въ пять час. утра Наслѣдникъ покидаетъ Саратовъ; хотѣлось-бы ѣхать къ заставѣ,—проводить, но папенька находитъ это неприличнымъ, а больше мнѣ никогда, вѣрно, никогда не увидѣть ангела—Александра Николаевича!

Прости, наша надежда Государь! Господь да благословитъ Твой путь!

Кругомъ всѣ спятъ.—Какъ тихо все! Душа лишь переполнена благоговѣйными воспоминаніями блаженныхъ минутъ...

Ангелъ, Александръ Николаевичъ, прости, прости, что мы Тебя такъ любимъ [4])!..

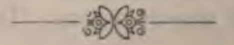


Отъѣздъ брата Александра изъ Саратова.

19 сентября. Миновали и послѣдніе дни радости: нашъ Саша, нашъ милый братъ уже за Саратовомъ!.. Что-же еще ждать?!.

Солнышко ярко свѣтитъ, тепло, день веселехонекъ, а на сердцѣ—тоска, и Божій міръ не милъ!

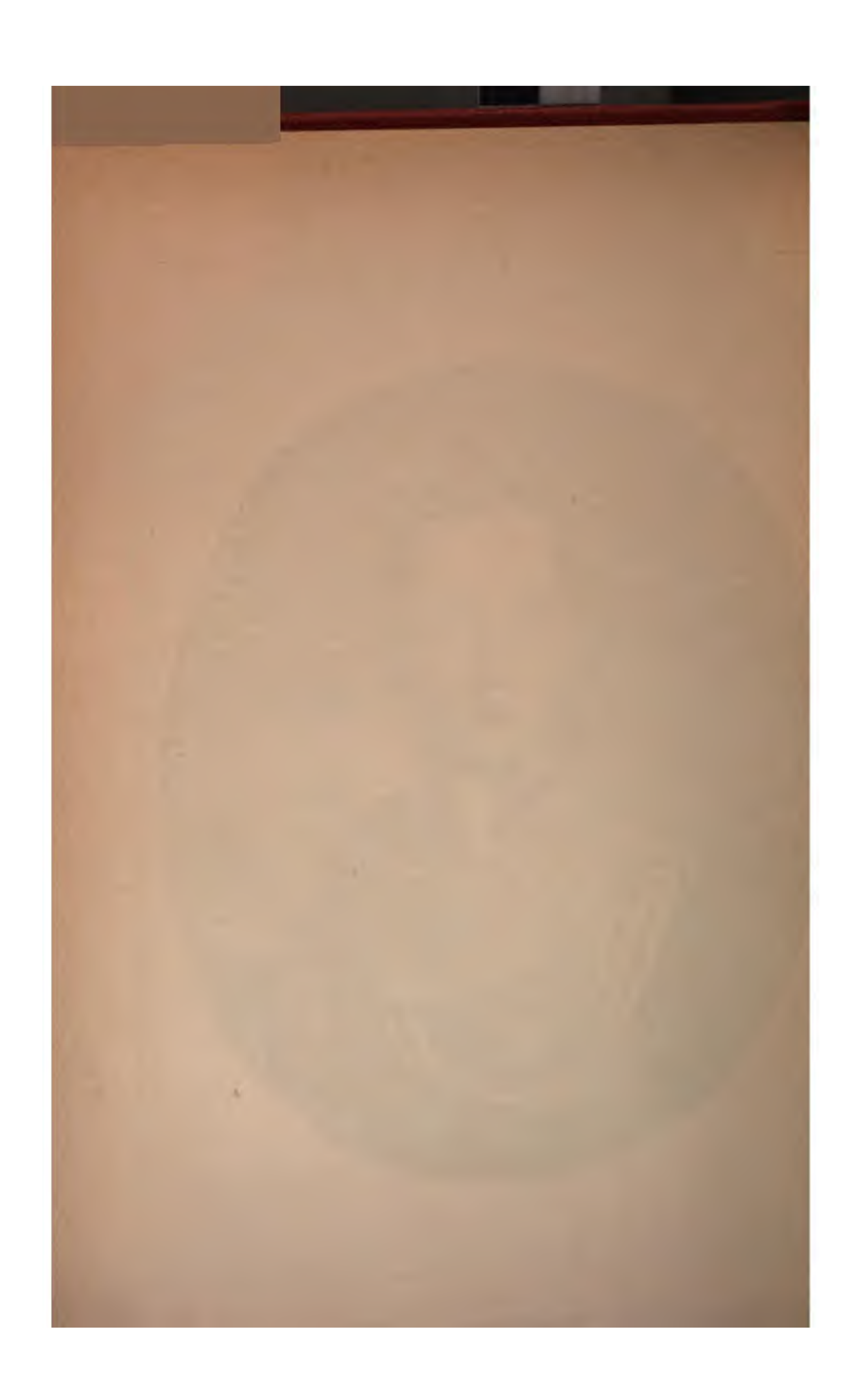
Братъ ѣдетъ далеко, далеко [1])... Варенькѣ грустно, грустно...—Варенька плачетъ... Прощай, Саша! Пойду допѣвать мою пѣсенку; если-бы ты услышалъ ее, слезинки заблестѣли-бы въ твоихъ карихъ глазахъ. А Варенька будетъ горько плакать. «*Родненькаго*» нѣтъ болѣе въ семьѣ [1])!



[4]) Въ Саратовскихъ губ. вѣдомостяхъ помѣщены Варв. Петров. подробности встрѣчи Его Имп. Выс. Насл. Цесар. Александра Николаевича въ Саратовѣ за іюнь 1837 г.—Оффиціально.

[1]) Въ С.-Петербургѣ служилъ въ институтѣ Инженеровъ путей сообщенія, ссорился съ мачехой и уѣхалъ, разсердившись.

Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ
Александръ Николаевичъ.



Нѣтъ вѣсти отъ брата. Отставка отца.

23 октября. Да, братца давно проводили, и до сихъ поръ—ни строчки!

Саша! Саша! и не жаль тебѣ сестеръ?.. не жаль тебѣ отца? Папенька, какъ свѣтлаго праздника, ждетъ вѣсточки отъ своего Александра, а ты молчишь. Непостижимое существо! Какъ разгадать твое молчаніе?

А Ты и не чувствуешь, что папенька, и всѣ мы,— въ страшномъ горѣ, нежданно, негаданно разразившемся надъ семьею!

Папенька—въ отставкѣ, о которой и не думалъ, а только просилъ уволить его отъ службы въ корпусѣ жандармовъ, становившейся для него тягостною. Безпрестанные разъѣзды утомляли его, и онъ хотѣлъ перейти въ гражданское вѣдомство; но кто-то злой постарался. Въ указѣ объ отставкѣ сказано: «уволенъ за болѣзнію, съ полнымъ мундиромъ и съ 1,200 р. пенсіи» [1]).

Вотъ какъ это произошло. Сидѣли мы за обѣдомъ; кажется, то было въ началѣ октября. Папенькѣ приносятъ пакетъ, онъ развернулъ и, вставъ изъ за стола, ушелъ въ зало, черезъ нѣсколько минутъ позвалъ туда маменьку, а потомъ и насъ.

Блѣдный, дрожащимъ отъ волненія голосомъ прочелъ онъ тотъ роковой указъ и, не сказавъ болѣе ни слова, вышелъ изъ комнаты. Съ тѣхъ поръ домъ нашъ грустенъ до невозможности. Папенька боленъ отъ потрясенія. Наша комната, гдѣ, какъ пѣсни Божіихъ птичекъ, раздавался звонкій смѣхъ молодости, съ тѣхъ поръ юдоль плача.

Но жизнь недолга, а смерть не пугаетъ меня; я эту жизнь отдамъ безъ вздоха. Что мнѣ въ ней?..

---

[1]) Петръ Ив. былъ уважаемый человѣкъ въ городѣ, но рѣзкій и честный, чуждый злоупотребленій, онъ часто наживалъ сильныхъ враговъ, готовыхъ смѣстить его ежеминутно.

А какъ блаженствовала я въ концѣ іюня! Давно ли, кажется?

И сколько слезъ пролито съ тѣхъ незабвенныхъ дней? Все миновало!..

Неужели, когда-нибудь не засвѣтится снова радость въ душѣ молодой моей?!.

Мой бѣдный Папа, бѣдный Папа, голубчикъ мой, дорогой мой Папа! Какъ ты страдаешь душевно! — Но Царь не знаетъ, что тебя обидѣли, тебя, честнѣйшаго человѣка, не составившаго себѣ никакого состоянія на службѣ. В. Князь тоже ничего не знаетъ. Онъ исполнилъ обѣщанное: дѣти давно зачислены въ 1-й кадетскій корпусъ; — никто не виноватъ, кромѣ злобы и зависти!

Бѣдный Папа! Тебѣ испытаніе Божіе!..

1838 г.

Вѣсти изъ Петербурга. Епископъ Іаковъ [1]).

„Свѣтъ не безъ добрыхъ людей"...

1838 г. октябрь. Жизнь невеселая... но Ты, Господи, проливаешь на всякаго лучъ своего ободряющаго Промысла.

Къ папенькѣ иногда пріѣзжалъ саратовскій архіерей, не упомню его имени, кажется, Іаковъ [2]). Папенька, когда мы пріѣхали въ Саратовъ, представилъ ему и насъ. Видъ епископа былъ очень строгій, но съ пріятнымъ, умнымъ и пронизывающимъ взоромъ. Онъ насъ благословилъ и сталъ разспрашивать отрывочно и, мнѣ показалось, грубо, гдѣ мы и чему учились. Незамѣтно, какъ будто-бы разговаривая изъ вѣжливости, онъ произвелъ намъ обширный экзаменъ, испытавъ даже по евангелію, какъ мы умѣемъ читать по-славянски. Ни слова похвалы или одобренія мы отъ него не слышали, если не считать звуковъ «гмы» и «мы-гы», произносимыхъ имъ, не раскрывая рта.

Въ октябрѣ я получила отъ доброжелательницы нашей [3]) изъ С.-Петербурга свѣдѣніе, что этотъ епископъ, будучи

---

[1]) Быть можетъ, этотъ фактъ относится къ позднѣйшимъ годамъ?

[2]) Съ 1832 г. Іаковъ, еп. Саратовскій, впосл. архіеп. Нижегородскій, † 1850 г. Обратившій мѣрами кротости до 20.000 раскольниковъ, болѣе 2.000 евреевъ и калмыковъ. Подвижникъ.

[3]) Вѣроятно, отъ А. Д. Слопецкой, Богдановой или отъ кого либо изъ классныхъ дамъ Имп. В. Об. б. дѣв.—похвально не прерывавшихъ сношеній со своими бывшими воспитанницами.

у Начальницы нашего милаго Смольнаго, у М. П. Л.[1]) въ Петербургѣ, или гдѣ-то встрѣтившись съ нею, въ разговорѣ какъ-то, коснувшемся насъ, выразился: «это перлы саратовскаго общества».

Начальница была очень польщена такимъ отзывомъ, хотя мы и не ея выпусковъ и, повторяя это неоднократно, обѣщала донести даже столь лестный отзывъ о воспитанницахъ до Государыни.

Если не хотятъ насъ этимъ только утѣшить, то не дай, Боже, намъ гордости!

Ты посылаешь черезъ своего высокаго служителя лучъ ласки въ юдоль горя и печали. . . . .

. . . .

[1]) Марія Павловна Леонтьева (см. статсъ-дама Марія П. Леонтьева. Л. Гиргасъ, изд. 1895 г.), всѣми знавшими ее уважаемая начальница Имп. В. Об. бл. дѣв. [illegible] особа, сильно боровшаяся и съ честью ослаблявшая напоръ волнъ всякихъ „измовъ", хлынувшихъ и на ея институтокъ въ 60-хъ годахъ. Мягко и рѣзко подмѣчала „грѣшки увлеченій" Полевого, К. Д. Ушинскаго, Бар. Косинскаго, Семенова, Помяловскаго, Вышнеградскаго, Семевскаго, Яхонтова и др. выдававшихся, принятыхъ ею же сослуживцевъ, чѣмъ она наживала много личныхъ враговъ. Но интересы управляемаго ею заведенія, благовоспитанность и благонамѣренность воспитанницъ были высшія цѣли ея существованія со дня поступленія на службу до часа смерти († 18 мая 1864 г.). Не столько на словахъ, сколько на дѣлѣ, съ рѣдкимъ самоотверженіемъ осуществляла ихъ Марія Павловна. Стоитъ прочесть одно или два дѣла, напр., изъ перемѣны ея подчиненныхъ (см. дѣло о выборѣ инспектора кл. въ 1858 г., о [illegible] Савичѣ и др.), чтобы проникнуться уваженіемъ къ этой своеобразной, [illegible], но [illegible], съ уваженіемъ воспоминаемой ея сослуживцами и воспитанницами.

Она интересовалась и духовнымъ воспитаніемъ. С.-Пбург. Духовная Академія и Семинарія часто видѣли ее въ своихъ стѣнахъ. Прибы[illegible] считали долгомъ у нея побывать. Высокопр. [illegible] уступая ея совѣтамъ [illegible] Преосв. Евсевій [illegible]

Марія Павловна ЛЕОНТЬЕВА

(при началѣ службы въ Смольномъ и въ концѣ ея † въ 1874 г.).

1839 г.

Ярмарка (въ Саратовѣ). Волга. Нищая. Память объ отцѣ. Прохожая. О сестрѣ.

29 августа. Сестры уѣхали съ одной знакомой дамой на дачу [1]); я осталась одна и расположилась писать; дай Богъ, чтобы никто не помѣшалъ.

Вчера я вспомнила два очень знаменательныхъ для нашего семейства случая. Еще въ началѣ или серединѣ мая, числа не упомню, маменька, Лизанька [2]) и я отправились на ярмарку, которая ежегодно бываетъ въ маѣ на судахъ въ Саратовѣ. Исходили всѣ лавки, побывали на судахъ и, закупивъ домашней посуды и разной мелочи на цѣлый годъ, спустились на самый край берега, куда приплыли суда съ холстами и нитками; маменька сошла внизъ на барки, а я съ Лизанькой остались на берегу.

Моя сестрица заговорилась съ какимъ-то мужичкомъ, только что приплывшимъ изъ Владимірской губ., я же, по обыкновенію, смотрѣла на все, не сосредоточиваясь ни на чемъ въ особенности. *Меня занимали шумъ, суета торговцевъ и покупателей, встрѣча знакомыхъ*, почти всегда пріѣзжающихъ на ярмарку, *но больше всего красавица Волга*,—она была чудно хороша! Наканунѣ, ночью, разбушевалась она, моя голубуш-

[1]) Около гор. Саратова.
[2]) Сестра ея, Елизавета Петр. Быкова.

ка, снесла и разломала нѣсколько дощанниковъ [3]), напугала пріѣзжихъ гостей и надѣлала имъ много вреда; къ утру стала успокоиваться и въ то время, какъ я на нее смотрѣла, будто вздыхала отъ усталости.—Слишкомъ много сердилась, рабочая голубушка, надобно придти въ себя! Но вздохи эти были такъ тяжелы, и Волга во гнѣвѣ была такъ хороша, что хоть на колѣни становись передъ нею... Она прихотлива, словно свѣтская красавица, иногда тиха, чиста, мила, и только струйки переливаются въ ней и что-то чудное нашептываютъ;—а солнышко любуется, глядя на нихъ, да посылаетъ свои жгучіе лучи поиграть съ пригожей рѣкою. Вдругъ зашумитъ, забурлитъ моя Волга, расходится такъ, что Боже упаси! Волны точно взапуски забѣгаютъ, цвѣтъ воды изъ прекраснаго серебристо-голубого перейдетъ во всѣ темныя тѣни; тогда страшно смотрѣть на нее, хоть глаза закрывай...

Впрочемъ не о томъ хотѣла я разсказывать. Мнѣ ли описывать тебя, дорогая рѣчка, матушка-Волга?..

Стоя въ восторженномъ созерцаніи *на возвышенномъ берегу* величественной, очаровательной Волги, я услышала жалобный стонъ о помощи: то подошла ко мнѣ нищая и попросила «ради Христа». Я предложила ей подождать возвращенія маменьки, потому что у меня грѣшной въ рукахъ не было ни копѣйки, (да я и не люблю денегъ, не умѣю считать и беречь ихъ и вѣрно потому богатой мнѣ никогда не бывать). Въ ожиданіи, у насъ завязался разговоръ съ нищей; я стала разспрашивать ее, откуда она; есть ли у нея родные? Она оказалась словоохотливой и довольно подробно разсказала мнѣ обо всемъ. У нея дочь, слѣпая и нѣмая, два сына въ солдатахъ и проч. и проч., а наконецъ и она спросила меня: «а ваше прозваніе какъ, сударыня?»

— Быкова.

---

[3]) Плоскодонныхъ барокъ.

— «Ужъ не дочь-ли Петра Ивановича Быкова?»

— Его. А развѣ ты знаешь полковника Быкова?

— «И, матушка, какъ не знать Петра Ивановича? Отецъ нашъ родной былъ; за него много бѣдныхъ Богу молятся; бывало, обиженные прямо къ нему идутъ; всѣхъ выслушаетъ, всѣхъ защититъ, не смотритъ на то, что къ нему придетъ неимущій какой-нибудь мужичекъ; со всѣми ласковъ. Дай Богъ ему здоровья!»

Мнѣ было очень радостно выслушивать ея похвалы и, какъ дочь, я гордилась доброй славой отца своего.

Въ другой разъ, какъ-то вечеромъ я сидѣла съ Аннетъ за фортепіано, а Лизанька — возлѣ окна. Комнатъ еще не освѣщали. Какая-то женщина пожилыхъ лѣтъ, остановясь у окна, начала прославлять папеньку: «Батюшка нашъ, Петръ Ивановичъ [4]), дай Богъ тебѣ здоровья и съ дѣтками твоими; пошли тебѣ счастія Господь; много ты намъ добра сдѣлалъ, родимый нашъ! Вѣкъ за тебя молиться станемъ, что ты не покидаешь насъ бѣдныхъ людей. Какъ пересталъ ты служить, такъ и защиты намъ нѣту-ти: и къ сенатору ходишь, и къ губернатору, да все понапрасну; а ты, нашъ батюшка, всѣхъ бывало выслушаешь, да совѣтомъ надѣлишь, или самъ похлопочешь, награди тебя, Господи!»

Вотъ почти слово въ слово, что говорила та женщина. Наши люди всѣ слышали; я подбѣжала къ окну, хотѣла подозвать старуху, но она уже скрылась изъ вида. Такъ вотъ въ комъ живетъ благодарность, и вотъ кто молится за папеньку! Молитва ихъ быть можетъ много угоднѣе нашей...

Охъ тяжело за папеньку! У насъ почти никто уже не бываетъ. Развѣ А. Ст. Хр. [5]); онъ интересный человѣкъ: умно говоритъ, декламируетъ — такъ заслушаешься, — сверхъ

[4]) Петръ Ивановичъ Быковъ въ это время сильно хворалъ и † 9-го дек. 1839 года, 52 лѣтъ, погребенъ въ Саратовѣ (женатъ былъ на малорос. Виндовской). (См. „Отъ издателя“ и портр. 1834 г. 28 іюня).

[5]) Александръ Степанов. Хрулевъ (офицеръ).

всѣхъ этихъ достоинствъ—поэтъ... И въ его стихахъ есть много поэзіи. Правда, онъ еще ничего не печаталъ, но стихи его мы читали въ рукописи; изъ нихъ есть очень миленькіе, что называется по французски «gentil». Пріятно, что онъ пишетъ ихъ по вдохновенію, а не по заказу. Писалъ онъ, между прочимъ, и на Аннетъ и хочетъ это помѣстить въ «Библіотекѣ для чтенія» въ будущемъ году.

Вотъ лучшій куплетъ изъ нихъ, всего болѣе подходящій къ Аннетъ:

«Вы хороши скульптурнымъ выраженьемъ,
Изяществомъ летучихъ вашихъ позъ;
Не вѣришь вамъ:—вы кажетесь видѣньемъ,
Обманчивой сестрой волшебныхъ грёзъ!?.

Въ самомъ дѣлѣ Annette бываетъ чудно хороша на вечерахъ: станъ гибкій, ловкость, грація въ движеніяхъ, игривость, блескъ черныхъ глазъ, милое выраженіе блѣднаго личика, ну прелесть, заглядѣніе!—лорнетовъ не сводятъ съ нее, заговоритъ,—словно райская птичка поетъ, (это не мое выраженіе, но Хр—а). И не на однихъ вечерахъ бываетъ хороша моя Анюта, и дома, когда развеселится,—до крайности мила, умна, любезна и остра; словомъ, голову можетъ вскружить любому мужчинѣ. Одно бѣда, что этотъ душистый, прекрасный цвѣтокъ расцвѣтаетъ въ глуши; никто ее не видитъ изъ молодыхъ людей; кромѣ Н. М. [6]), никто у насъ не бываетъ; живемъ, какъ отшельницы. Кто же оцѣнитъ этотъ скрытый алмазъ?..

---

[6]) Н. М. Огонь-Догановскій.

Болѣзнь отца.

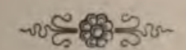
2 декабря. Тяжолое испытаніе посылаетъ намъ Богъ; нашъ бѣдный отецъ страдаетъ и, кажется, скоро конецъ всему.

Боже мой, Боже мой! Что-же мы будемъ дѣлать? Сжалься надъ сиротами! У насъ *нѣтъ матери*, возьмешь отца,—мы осиротѣемъ кругомъ...

Неужели суждено ему умереть? Умереть?!—но какъ же это можетъ случиться?!

— Господи... Папенька умретъ! Сжалься надъ нами! Я не ропщу на Тебя, но слишкомъ тяжела потеря. Ты видишь, Отче небесный... Тебѣ все извѣстно... не удали же щедротъ Твоихъ отъ насъ и не воздаждь намъ по грѣхамъ нашимъ!..

Отсюда [1]) слышу стоны папеньки. Голубчикъ нашъ, какъ онъ кашляетъ,—сердце разрывается. Доктора не помогаютъ, возложили упованіе на Небеснаго Врача; отъ Него все зависитъ; завтра будетъ пріобщаться Святыхъ Тайнъ. Господи, помоги ему!



Тяжолое время. Молитвы.

4 декабря. Сегодня мои именины, а мнѣ такъ грустно, такъ грустно, все бы плакала. Три года назадъ у меня и думы печальной не было въ этотъ день. А теперь!!. Какая перемѣна! Боже мой! Боже мой, сколько горя! Правда, и тогда не было особеннаго счастія, но по крайней мѣрѣ папенька былъ здоровъ, служилъ, мы *не чувствовали недостатка*, хотя и богаты не были...

[1]) Т. е. изъ ихъ комнаты, черезъ двѣ комнаты отъ отца (умиравшаго отъ чахотки).

Да, три года ушло, и эти года какъ много съ собою унесли! Съ начала 36-го года туча черная повисла надъ нашимъ семействомъ: несчастіе за несчастіемъ. И долго ли придется страдать? Но, кажется, еще много горя прольется на нашу жизнь...

Добрые люди, вздохните объ нашей участи, пожалѣйте вы насъ!

Но много-ли найдется добрыхъ людей?..

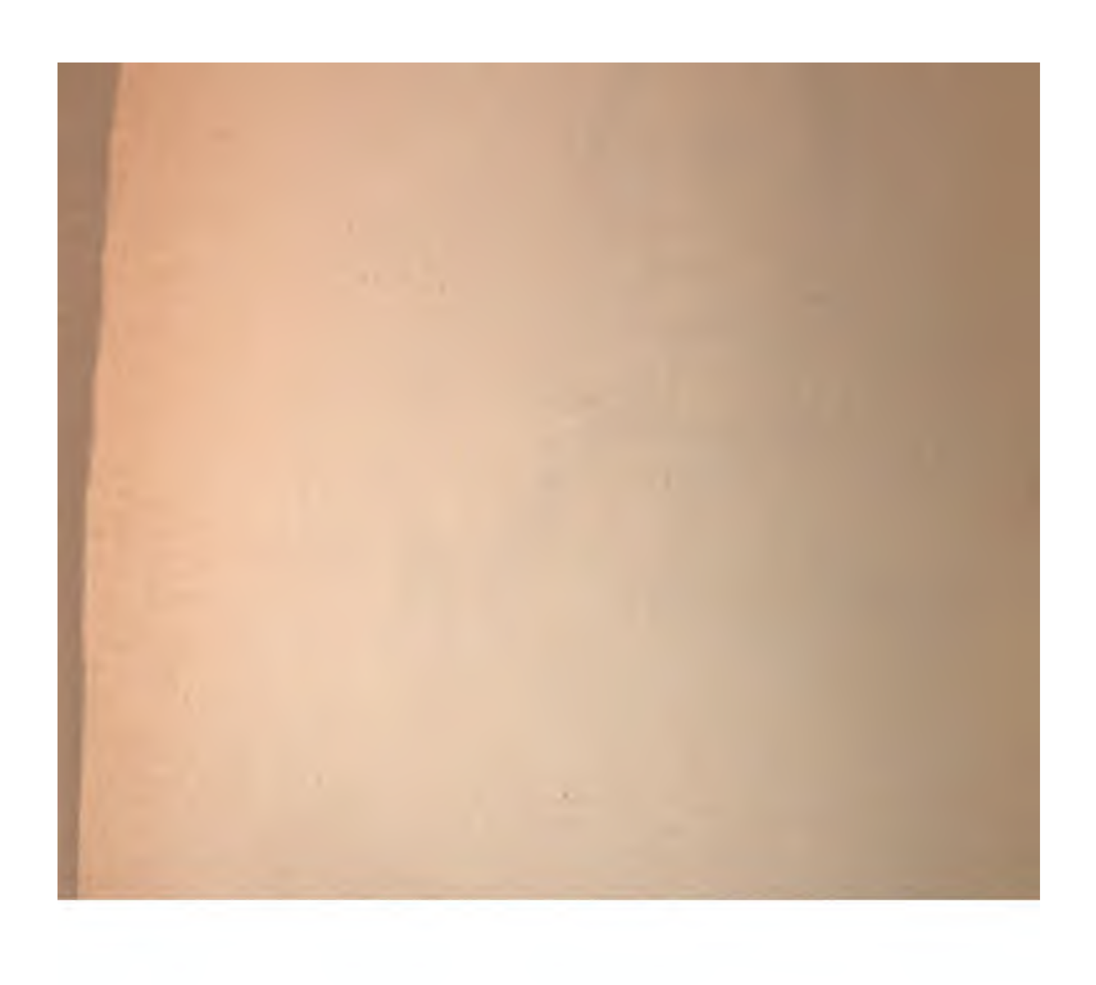
Съ 37-го года, кромѣ пріѣзда брата и Наслѣдника, не помню ни одного радостнаго дня! Горе такъ и гнететъ, что годъ, то хуже. На чемъ же, наконецъ, придется остановиться, и что еще сулитъ мнѣ будущее?.. Въ настоящемъ же и прошедшемъ одинъ Богъ знаетъ, чего не пришлось вытерпѣть!?. Страшно!..

Горе и стоны.

25 декабря. Mes jours, il est vrai, sont marqués de peines et de douleurs [1]), mais ces peines, les ai-je supportées avec résignation? et le murmure contre le sort peu mérité n'échappa-t-il quelquefois de ma bouche? Oh, mon Dieu, aie pitié de moi, pardonne à la pauvre souffrante les plaintes que lui arrache un coeur navré de chagrins; je ne suis qu'une femme, une femme faible, qui plie sous le poids des douleurs qui l'accablent. Mon Seigneur, mon Père, ne m'abandonne pas à ma misère; ne nous abandonne pas, nous toutes les trois; nous avons assez souffert, Seigneur, nous souffrons encore. Sera-ce toujours ainsi, et nos âmes, épuisées par la fatigue de la vie, n'auront-elles de repos que dans la tombe? Si je voyais seulement mes soeurs heureuses; si le sourire de

[1]) 9-го декабря умеръ ихъ отецъ.

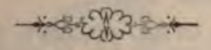
Петръ Ивановичъ
БЫКОВЪ.



на бѣлыя крыши, на улицу; что-то невыразимо-мучительное сжало сердце. Аннетъ почувствовала то же самое, и мы вмѣстѣ погоревали съ нею. Но легче ли мнѣ оттого, что я вижу слезы на глазахъ сестры?! Пусть бы она смѣялась, радовалась, и мое бы горе утихло. Но она плачетъ; вѣрно и Ильдочка въ Саратовѣ [2]) тоже груститъ; гдѣ же утѣшеніе?!

А прежде бывало, какъ мы радовались первому снѣгу, какъ мнѣ было весело встрѣчать зиму! Правда, что первая зеленая травка и первые признаки весны всегда навѣвали на меня грусть—тоску, но снѣгъ и зима, напротивъ, вызывали какое-то русское, удалое чувство.—Теперь же, вѣрно, мнѣ не радоваться больше: и утро ясное, и теплый вечеръ и лунная свѣтлая ночь—*все хорошо, но не для тѣхъ, у которыхъ нѣтъ ничего радостнаго въ настоящемъ, ни въ будущемъ,—которыя знали радость только въ дѣтствѣ и въ первой юности... Скучно...*

«Я не заношусь впередъ мечтою жадной.
Надежды гласъ замолкъ, и на пути,
Протоптанномъ дѣйствительностью хладной,
Ужъ новыхъ мнѣ слѣдовъ не провести»... [3])



Каратыгинъ. Годовой день погребенія отца.

12 декабря. Меня любятъ, нѣжатъ, кохаютъ [1])—чего жъ еще нужно для настоящаго?..

Если бы только не было прошедшаго! Если бы память утратила способность представлять такъ живо то, что давно миновало. Но какъ забыть?.. Какъ забыть родного?!.

[2]) „Ильдочка“—Елизавета Петровна, старшая сестра отъ одной съ ними матери; ей поручена была умиравшимъ отцомъ забота о семействѣ.
[3]) Взято, вѣроятно, изъ стиховъ Козлова (поэта 40-хъ годовъ).

[1]) 12 дек.—день погребенія отца. „Кохаютъ“—нянчаютъ.

всѣхъ этихъ достоинствъ — поэтъ... И въ его стихахъ есть много поэзіи. Правда, онъ еще ничего не печаталъ, но стихи его мы читали въ рукописи; изъ нихъ есть очень миленькіе, что называется по французски «gentil». Пріятно, что онъ пишетъ ихъ по вдохновенію, а не по заказу. Писалъ онъ, между прочимъ, и на Аннетъ и хочетъ это помѣстить въ «Библіотекѣ для чтенія» въ будущемъ году.

Вотъ лучшій куплетъ изъ нихъ, всего болѣе подходящій къ Аннетъ:

«Вы хороши скульптурнымъ выраженьемъ,
Изяществомъ летучихъ вашихъ позъ;
Не вѣришь вамъ: — вы кажетесь видѣньемъ,
Обманчивой сестрой волшебныхъ грёзъ!?.

Въ самомъ дѣлѣ Annette бываетъ чудно хороша на вечерахъ: станъ гибкій, ловкость, грація въ движеніяхъ, игривость, блескъ черныхъ глазъ, милое выраженіе блѣднаго личика, ну прелесть, заглядѣніе! — лорнетовъ не сводятъ съ нее, заговоритъ, — словно райская птичка поетъ, (это не мое выраженіе, но Хр — а). И не на однихъ вечерахъ бываетъ хороша моя Анюта, и дома, когда развеселится, — до крайности мила, умна, любезна и остра; словомъ, голову можетъ вскружить любому мужчинѣ. Одно бѣда, что этотъ душистый, прекрасный цвѣтокъ расцвѣтаетъ въ глуши; никто ее не видитъ изъ молодыхъ людей; кромѣ Н. М. [6]), никто у насъ не бываетъ; живемъ, какъ отшельницы. Кто же оцѣнитъ этотъ скрытый алмазъ?..

---

[6]) Н. М. Огонь-Догановскій.

Болѣзнь отца.

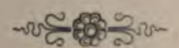
2 декабря. Тяжолое испытаніе посылаетъ намъ Богъ; нашъ бѣдный отецъ страдаетъ и, кажется, скоро конецъ всему.

Боже мой, Боже мой! Что-же мы будемъ дѣлать? Сжалься надъ сиротами! У насъ *нѣтъ матери*, возьмешь отца, — мы осиротѣемъ кругомъ...

Неужели суждено ему умереть? Умереть?! — но какъ же это можетъ случиться?!

— Господи... Папенька умретъ! Сжалься надъ нами! Я не ропщу на Тебя, но слишкомъ тяжела потеря. Ты видишь, Отче небесный... Тебѣ все извѣстно... не удали же щедротъ Твоихъ отъ насъ и не воздаждь намъ по грѣхамъ нашимъ!..

Отсюда [1]) слышу стоны папеньки. Голубчикъ нашъ, какъ онъ кашляетъ,—сердце разрывается. Доктора не помогаютъ, возложили упованіе на Небеснаго Врача; отъ Него все зависитъ; завтра будетъ пріобщаться Святыхъ Тайнъ. Господи, помоги ему!

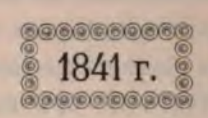


Тяжолое время. Молитвы.

4 декабря. Сегодня мои именины, а мнѣ такъ грустно, такъ грустно, все бы плакала. Три года назадъ у меня и думы печальной не было въ этотъ день. А теперь!!. Какая перемѣна! Боже мой! Боже мой, сколько горя! Правда, и тогда не было особеннаго счастія, но по крайней мѣрѣ папенька былъ здоровъ, служилъ, мы *не чувствовали недостатка*, хотя и богаты не были...

---

[1]) Т. е. изъ ихъ комнаты, черезъ двѣ комнаты отъ отца (умиравшаго отъ чахотки).



1841 г.

Тоска. Отъѣздъ въ Саратовъ сестры Елизаветы.

29 августа. Благовѣстятъ во всѣ колокола.—Праздникъ, но день пасмурный: дуетъ осеннiй вѣтеръ, падаютъ листья, конецъ лѣта,—грустно...

Лизанька [1]) уѣзжаетъ. — Все какъ-то скучно, какъ-то тоскливо,—плакать хочется. Послѣ завтра день ихъ отъѣзда.

Господи! какъ близко... И какъ это лѣто прошло? Я и не замѣтила...

Впрочемъ, когда же бываетъ замѣтно веселое время?—а мнѣ было такъ весело на дачѣ [2]).

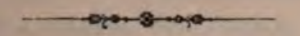
Настаетъ осень!—прощайте, прiятныя прогулки, прощайте свѣтлые дни и лунныя ночи! Воспоминанiе о васъ останется долго, долго въ моей душѣ. Прощай, Ильдочка, сестрицынька; счастливый путь... А я опять начну грустить, худѣть и чахнуть! Прощай дача, со всѣмъ, что было въ тебѣ милаго. Скоро зима.

---

[1]) Любимая сестра В. П., Елизавета Петров., она-же „Ильдочка", съ сестр. Софiею и мачиха прiѣзжали погостить къ брату Александру на дачу и уѣзжаютъ обратно въ Саратовъ.

[2]) Въ обществѣ любимыхъ сестеръ Елизаветы и Анны.

Боже мой, какъ я боюсь прихода этой зимы, и какъ мнѣ жаль въ этомъ году разставаться съ лѣтомъ; оно *«такъ много уносить»*... Господи, прости мнѣ; я не ропщу, но тоскую. Что же мнѣ дѣлать съ собою!.. Я—молодая дѣвушка...



Послѣдніе дни на дачѣ г. Григоровича по Петергофской дорогѣ.

31 августа. Онѣ [1]) еще не уѣхали, но уѣдутъ во вторникъ. Все равно,—завтра одинъ только день, а тамъ, зазвонитъ колокольчикъ, и умчится моя сестрицынька Ильдочка «любая».

Зима когда-нибудь пройдетъ, настанетъ опять лѣто, но кто же возвратитъ то, что было проходящимъ лѣтомъ? Нѣтъ, не повторится, не повторится!..

Господи, прости мнѣ! я бы хотѣла быть веселѣе, но не могу.

На-дняхъ мы переѣзжаемъ въ городъ. Дачи совсѣмъ опустѣли; одна лишь я еще пользуюсь изрѣдка выпадающею хорошею погодою и гуляю, а кромѣ меня живого человѣка не встрѣтишь. Есть что-то поэтическое въ моихъ и теперешнихъ уединенныхъ прогулкахъ. Хожу по длинной тѣнистой аллеѣ, читаю. Когда не могу читать, припоминаю прошлое, мечтаю, но только не о будущемъ, а такъ,—о небываломъ. А какъ стану думать о будущемъ...

Охъ, не быть мнѣ счастливой!..

[1]) Т. е. сестры и мачиха.

Грусть. Мысль о смерти. Природа. Одиночество.

1 сентября. Рѣдко заглядываю эти годы въ свои памятныя записки,—да хорошо и дѣлаю. Что вписывать въ нихъ?.. Пѣснь моя самая однообразная, все тяну ее на одинъ ладъ: «*охъ, грустно мнѣ на свѣтѣ жить*»!..

Дѣйствительно, только что останусь одна, какъ моя постоянная мысль тутъ, какъ тутъ,—словно другъ желанный. Для меня нѣтъ будущаго на землѣ, оно уже болѣе не ласкаетъ и не страшитъ меня; въ прошломъ блеснули немного свѣтлыхъ дней,—настоящее... ну, настоящее Господь знаетъ, легко-ли мнѣ его выносить? Что же больше можетъ теперь меня занимать, кромѣ смерти... Мысль о ней почти неразлучна со мною каждый разъ, когда останусь я одна [1]).

Часто я плачу, но и самыя слезы имѣютъ какую-то нѣгу, какую-то прелесть, хорошо и плакать... А чтобъ не мѣшали посторонніе, чтобъ не разгоняли моихъ любимыхъ мыслей,—ухожу въ лѣсъ, въ самую глушь, куда никто не заходитъ, и тамъ вволюшку думаю. Сегодня мнѣ такъ пріятно быть одной: пройду въ рощу, усядусь въ дальнемъ углу, тетрадь положу на бревно, впишу что-нибудь и снова улягусь на травку. Только досадно, что солнышка нѣтъ, небо хмурое, облачное;—веселѣй на душѣ, когда солнышко свѣтитъ. Впрочемъ, для души унылой, больной, не все-ли равно, свѣтитъ ли солнце, иль тьма настаетъ?!

Aussi, c'est avec horreur que je pense à l'approche de la saison qui ne me donne que de l'ennui. Les cloches sonnent, appelant les chrétiens à la prière; demain c'est fête. Mon Dieu, qu'il y a longtemps que je ne me suis agenouillée dans tes temples sacrés; est-ce un grand péché! Me le pardonneras-tu? Mais la nature n'est-elle pas un beau temple aussi? ne peut-on pas T'adorer, en admirant Tes oeuvres? Et

---

[1]) Въ 21 годъ? „*Жизнь для жизни намъ дана*". Нѣтъ отрады въ жизни земной,—естественно искать лучшаго въ жизни загробной.

cependant j'aime à entendre le son des cloches; il y a là quelquechose pui va droit à l'âme. On se recueille, on pense aux amis absents, aux parents qui sont ensévelis sous la terre et une larme coule doucement sur la joue et une prière fervante pour le repos des âmes chéries s'élève vers le ciel.— Au loin résonne la musique militaire; c'est au camp qu'on joue; la brise du soir en apporte des sons détachés et ajoute au charme de la soirée.—Mais les voilà, ces nuages foudroyants, ils reviennent en foule; encore des coups de tonnerre, encore des éclairs; je suis au balcon. Qui sait si cela n'est pas la dernière fois que je suis à écrire? Mon Dieu, si je meurs, pardonne-moi mes péchés. Tu es un père miséricordieux.— L'isolement est horrible—c'est là que gît le mal d'une jeune fille.

Съ ужасомъ думаю я о приближеніи времени года, которое приноситъ мнѣ одну скуку. Колокола звонятъ, призывая православныхъ къ молитвѣ; завтра праздникъ.

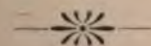
Боже мой, какъ давно я не преклоняла колѣна въ Твоихъ святыхъ храмахъ. Великъ ли этотъ грѣхъ? Простишь-ли Ты мнѣ его? Но, развѣ природа не тотъ же чудный храмъ? Развѣ нельзя поклоняться Тебѣ, созерцая Твои творенія?.. Однакоже я люблю слушать и звуки колоколовъ; въ нихъ есть что-то идущее прямо въ душу: сосредоточиваешься, думаешь о друзьяхъ отсутствующихъ, о родныхъ, которые погребены подъ землею, и тихія слезы текутъ медленно по щекамъ, и усердная молитва объ упокоеніи дорогихъ душъ восходитъ къ небу.

Вдали раздается военная музыка,—это играютъ въ лагерѣ [1]). Вечерній вѣтерокъ доноситъ отрывки звуковъ и усиливаетъ прелесть вечера.

Но вотъ надвигаются громадныя облака; все чаще и чаще удары грома, еще молнія ярче, а я на балконѣ... Кто знаетъ, не въ послѣдній ли разъ я записываю это?..

Боже мой, если я умру, прости мнѣ мои грѣхи! Ты—Отецъ милосердный... Одиночество—ужасно. Въ немъ то именно и заключается все наше горе, вся бѣда для молодой дѣвушки.

Господи, подкрѣпи меня или улучши мое положеніе!..



[1]) Подъ Краснымъ Селомъ (С.-П-бург. губ.) въ 8 верстахъ отъ ихъ дачи.

Переѣздъ съ дачи.

11 сентября. Завтра мы [1]) переѣзжаемъ въ городъ. Впереди у меня восемь мѣсяцевъ заключенія въ четырехъ стѣнахъ: зима—злодѣйка не даетъ погулять: только что выглянешь изъ дому, какъ она вцѣпится въ лицо, закусаетъ, защиплетъ и волей неволей уступаешь праву сильнаго—*прячешься* въ теплую комнату, какъ въ неприступную для нея крѣпость.

Славу Богу, что, по крайней мѣрѣ, есть гдѣ погрѣться, а еслибы дровъ не было, какъ бы тогда жить на свѣтѣ при нашихъ русскихъ морозахъ?

Малороссійское жаркое солнышко хорошо пригрѣвало, когда я только что на землѣ очутилась, ему-бъ и теперь мнѣ путь освѣтить. Въ столицѣ же холодно... Побываю-ль когда на родной сторонѣ? Не то, чтобы тамъ было лучше, но тамъ теплѣе...; а я люблю и ищу тепло въ природѣ и въ людяхъ...

[1]) Т. е. семья брата Александра,—въ С.-Петербургъ.

1842 г.

Воспоминанія о матери. Нужда въ деньгахъ.

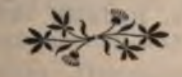
«Тяжело жить бѣднымъ взрослымъ дѣвушкамъ безъ родимой матери»...

Что ты, дорогая мамочка,—чувствуешь ли наше горе по тебѣ?.. Не то бы было, если бъ ты жива была...

Жизнь не веселая... изъ чужихъ рукъ... и нѣтъ просвѣта въ ней.

Хочу писать въ журналъ или какую-нибудь газету,—быть можетъ, хоть что-нибудь себѣ и Нутѣ заработаю. Въ 37-мъ году я писала о пріѣздѣ въ Саратовъ Наслѣдника и напечатала,—только денегъ не взялъ *Папенька*, а всѣмъ понравилось мое описаніе встрѣчи [1]).

Но о чемъ писать?.. Думаю, о самыхъ близкихъ сердцу, о томъ, что лучше знаю, что будетъ вѣрнѣе...



[1]) Въ „Саратовскихъ Губерн. Вѣдомостяхъ" за 1837 годъ и въ „Саратовскомъ Листкѣ".

1843 г.

Смерть матери. Повѣсть объ «Агнессѣ и Леночкѣ» [1]).

Много лѣтъ тому назадъ, въ одномъ изъ уѣздныхъ малороссійскихъ городовъ, гдѣ всѣ знаютъ другъ друга, всѣ жители были встревожены неожиданнымъ происшествіемъ.

Молодая дама, пріѣхавшая провести лѣто въ деревнѣ [2]), лежащей подъ самымъ городомъ, скоропостижно умерла.

Предъ смертію за обѣдомъ, въ обществѣ родныхъ, была весела, шутила, смѣялась. Вставъ изъ-за стола, почувствовала усталость и легла отдохнуть послѣ дороги; ея мать старушка [3]) усѣлась возлѣ нея съ чулкомъ сторожить покой любимой дочери и сторожила такъ хорошо, что дочь навѣкъ уснула: никто не помѣшалъ ей забыться непробуднымъ сномъ. Старушка, между тѣмъ, спокойно вязала свой чулокъ и просидѣла бы еще долго, долго, перебирая иголки, еслибы нечаянно не взглянула на спавшую дочь, и, съ ужасомъ, не замѣтила побѣлѣвшую щеку; бросилась къ дочери,—но та была уже холодна. На крикъ, полный отчаянія, сбѣжался весь домъ...

[1]) 1832 года. Переправлено и дополнено въ 1843 году. Было желаніе написать повѣсть и напечатать, что-бы что нибудь заработать. Вышла автобіографія Вареньки и Annette.

[2]) Въ Глуховѣ, Черниговской губерніи.

[3]) Ихъ родная бабушка.

Черезъ полчаса весь городокъ узналъ о случившемся несчастіи, и народъ тѣснился въ комнатахъ, придумывая, чѣмъ бы горю помочь; никому не вѣрилось, чтобы прекрасная женщина, полная силъ и здоровья, могла бы такъ внезапно умереть. Но напрасно старались добрые люди возвратить ее къ жизни: душа отлетѣла разъ навсегда...

Узнавъ небесныя радости, кто захочетъ вернуться въ міръ испытаній тяжелыхъ, въ міръ злой и жестокій?..

Въ тѣ минуты, когда такъ суетились и хлопотали около покойницы, двѣ дѣвочки, одна пяти, другая четырехъ лѣтъ, весело играли въ большомъ саду и въ запуски бѣгали съ горки, усаженной сиренью.

«Барышни, а барышни», закричала имъ вдругъ одна изъ дворовыхъ женщинъ, служившихъ при домѣ, — «вы здѣсь играете, а маменька ваша умерла»!

Съ воплемъ бросились бѣдныя дѣти въ комнаты, полныя народа, но ихъ не допустили къ матери: нянюшки схватили ихъ на руки и унесли въ садъ, стараясь увѣрить, что мама только больна, а умерла гостья, которая пріѣхала вмѣстѣ съ мамой.

Такихъ крошечныхъ дѣтей нетрудно было утѣшить, тѣмъ болѣе, что онѣ сами не хотѣли вѣрить смерти матери, еще такъ недавно ласкавшей ихъ родною любовью.

Но по какому то странному безотчетному чувству, меньшая изъ малютокъ не спала всю наступившую ночь, прислушиваясь къ малѣйшему шуму въ домѣ. Когда же на разсвѣтѣ заблаговѣстили къ заутренѣ, она безпрестанно привставала на постели, заглядывая въ окно, не несутъ ли подъ тотъ благовѣстъ въ церковь ея мать.

Такъ прошла вся ночь. Прошелъ и слѣдующій за тѣмъ день. Съѣхались изъ сосѣднихъ деревень родственники, друзья; плакали, но никто не обмолвился о смерти при малюткѣ: ей боялись сообщить роковую вѣсть, о которой знала даже старшая ея сестра,—сама ребенокъ; но и эта, боясь опеча-

1843 г.

Смерть матери. Повѣсть объ «Агнессѣ и Леночкѣ» [1]).

Много лѣтъ тому назадъ, въ одномъ изъ уѣздныхъ малороссійскихъ городовъ, гдѣ всѣ знаютъ другъ друга, всѣ жители были встревожены неожиданнымъ происшествіемъ.

Молодая дама, пріѣхавшая провести лѣто въ деревнѣ [2]), лежащей подъ самымъ городомъ, скоропостижно умерла.

Предъ смертію за обѣдомъ, въ обществѣ родныхъ, была весела, шутила, смѣялась. Вставъ изъ-за стола, почувствовала усталость и легла отдохнуть послѣ дороги; ея мать старушка [3]) усѣлась возлѣ нея съ чулкомъ сторожить покой любимой дочери и сторожила такъ хорошо, что дочь навѣкъ уснула: никто не помѣшалъ ей забыться непробуднымъ сномъ. Старушка, между тѣмъ, спокойно вязала свой чулокъ и просидѣла бы еще долго, долго, перебирая иголки, еслибы нечаянно не взглянула на спавшую дочь, и, съ ужасомъ, не замѣтила побѣлѣвшую щеку; бросилась къ дочери,—но та была уже холодна. На крикъ, полный отчаянія, сбѣжался весь домъ...

---

[1]) 1832 года. Переправлено и дополнено въ 1843 году. Было желаніе написать повѣсть и напечатать, что-бы что нибудь заработать. Вышла автобіографія Вареньки и Annette.

[2]) Въ Глуховѣ, Черниговской губерніи.

[3]) Ихъ родная бабушка.

священника, среди рыданій безутѣшной матери и осиротѣвшихъ дѣвочекъ застучалъ и роковой молотокъ... [6]) Съ молитвеннымъ пѣніемъ опустили гробъ на вѣчный покой. Присутствующіе бросали землю въ могилу и, по старинному обычаю, тою завѣтною землею терли грудь сиротокъ, вѣроятно, на пожизненное воспоминаніе объ умершей... [7]).

И не забыть дѣтямъ своей любимой мамы; память объ ней сохранили онѣ свято *на жизнь*, съ любовью поминая ее на утренней и вечерней молитвѣ.

— Вотъ и все кончилось для постороннихъ, но для дѣтей то было начало слезъ и длиннаго ряда безотрадныхъ дней, особенно чувствуемыхъ, когда онѣ подросли, потерявъ и любимаго отца...

Недаромъ, какъ-будто съ общаго согласія, всѣ таили отъ Леночки вѣсть о смерти матери; здоровье ея не вынесло внезапной горькой утраты. На другой же день похоронъ у нея обнаружилась горячка, и дѣвочка чуть сама не сошла въ могилу. Господу угодно было сберечь ее для труженической жизни и, быть можетъ, не безполезной.

Вскорѣ послѣ выздоровленія больной, чтобы дѣти не оставались безъ присмотра, родственники уговорили отца жениться. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, отецъ принималъ уже у себя въ домѣ красавицу невѣсту, выбравъ ее между пріятельницами покойной жены, чтобы, въ память прежней дружбы, она ласкала и любила бѣдныхъ сиротъ.

Но онъ, бѣдный, забылъ, что мачиха—не мать! Ей не приласкать и не приголубить чужихъ дѣтей, тѣмъ болѣе, когда свои есть. У нея скоро явилось свое собственное потомство, на которомъ сосредоточилась вся нѣжность отца; а старшія дѣти росли безъ ласки, безъ поцѣлуя, подъ грустные малороссійскіе напѣвы нянюшекъ, въ тѣхъ пѣсняхъ оплакивавшихъ сиротство своихъ любимыхъ барышень.

---

[6]) См. 12 дек. 1840 г.

[7]) Тоже малороссійское повѣрье.

лить свою Леночку, старалась скрыть отъ нея постигшее ихъ обѣихъ несчастіе, и, *сквозь слезы, говорила съ нею о куклахъ*...

Такъ съ раннихъ лѣтъ пріучилась владѣть собой Агнесса (эту твердость характера она проявляетъ и теперь).

Наступилъ третій день по смерти,—то былъ праздникъ Святой Троицы, весенній праздникъ, когда все въ природѣ цвѣтетъ и благоухаетъ. Благовѣстили во всѣ колокола, солнце ярко свѣтило, весь городъ въ зелени, и народъ, съ цвѣтами въ рукахъ, спѣшилъ въ Божьи храмы.

Церковь при кладбищѣ была также полна народа; полъ въ ней, по малороссійскому обычаю, устланъ ковромъ изъ травы и цвѣтовъ; пѣвчіе, на клиросѣ, скрывались за зеленью; у всѣхъ предстоящихъ въ рукахъ были цвѣты душистые,—символъ радостнаго духовнаго возрожденія, а посреди церкви стоялъ гробъ и въ немъ лежала молодая женщина, тоже вся убранная цвѣтами, еще прекрасная, не смотря на смертную блѣдность...

У ея изголовья старушка мать, [4]) облокотясь на край гроба, горько плачетъ. Окружающія женщины уговариваютъ ее успокоиться на томъ основаніи, что ея слезы, падая на лицо покойницы, «жгутъ ее и не даютъ покоя на томъ свѣтѣ» [5]).

Возлѣ старушки, на скамьѣ у самаго гроба стоятъ, въ смутномъ ожиданіи чего-то страшнаго, маленькія внучки, не спуская глазъ съ умершей. Со всѣхъ сторонъ отъ родныхъ и чужихъ слышатъ онѣ одинъ привѣтъ: «бѣдныя сироточки»!..

Но вотъ начались прощальныя лобзанія: мать, сестры, дѣти и друзья съ плачемъ цѣловали въ послѣдній разъ въ уста и очи молодую покойницу. Вслѣдъ за благословеніемъ

---

[4]) Ихъ бабушка.
[5]) Малороссійское повѣрье о плачѣ надъ усопшими въ праздники.

Сиротки ожили въ институтѣ. Ихъ приголубила добрая наставница, старушка нѣмка [10]; ихъ поощряли преподаватели, приласкали старшія воспитанницы и полюбили подруги. Дѣточкамъ показалось на новосельѣ, между чужими, такъ хорошо, что онѣ временами не желали вспоминать, и тѣмъ болѣе возвращаться *въ родительскій домъ*. Весь міръ сосредоточился для нихъ въ классахъ, въ спальнѣ, въ саду; отдѣленныя высокою оградою отъ свѣта, онѣ ни разу не сгрустнули по немъ и, жалѣя папеньку, росли и расцвѣтали, не зная людей. Жизнь ихъ мирно протекла среди разнородныхъ занятій: науки, рукодѣлія, поэзія, музыка, подъ часъ мечта, наполняли все ихъ существованіе.

Не обиженныя природою, онѣ вскорѣ попали въ число лучшихъ воспитанницъ, а когда, при выпускѣ, пріѣхалъ за ними отецъ, то нашелъ своихъ дочерей образованными дѣвушками, которыми могъ гордиться. Нашелъ старшую красавицею, съ стройнымъ, гибкимъ станомъ, съ маленькой «*Пушкинской*», какъ тогда выражались, ножкой, съ бѣлой тоненькой ручкой, шелковистыми черными, вьющимися отъ природы, волосами; небольшіе, но прекрасные, черные, блестящіе глаза озаряли чуднымъ свѣтомъ ея блѣдно-прозрачной бѣлизны личико, срисовать которое не было никакой возможности, потому что главная его прелесть состояла въ неуловимомъ, безпрестанно мѣнявшемся выраженіи. То выросла прекрасная головка, могущая впослѣдствіи многихъ свести съ ума. Послѣ выпуска еще болѣе развернулась Агнесса нравственно и физически въ полной силѣ идеальной красоты. Безъ всякаго кокетства, и даже безъ желанія нравиться, она обворожила всѣхъ, ее знавшихъ. Выраженіе ея лица было плѣнительно; въ немъ такъ неизъяснимо сливались умъ, доброта, игривость, что нельзя было не засмотрѣться на эту чудную

[10]) Софія Карловна Дельвигъ, классная дама Имп. В. Об. б. д., другъ инспектрисы Кардино,—остатокъ дней своихъ обѣ жили на покоѣ въ С.-ПБ. Вдовьемъ домѣ.

дѣвушку. Она никогда не пѣла, но, когда говорила, въ звукахъ ея голоса слышалась какая то стройная гармонія. Это было одно изъ тѣхъ существъ, присутствіе котораго разливаетъ свѣтъ вокругъ себя. Кто разъ ее видѣлъ, говорилъ съ нею, тотъ никогда ее не забывалъ. Вообще она производила волшебное впечатлѣніе на знавшихъ ее; производитъ и теперь, потому что до сихъ поръ очень хороша собою. Веселая улыбка попрежнему не сходитъ съ ея хорошенькихъ губокъ; глаза ея смотрятъ такъ же привѣтливо и блестятъ такъ же ярко, какъ прежде. Какъ и въ былыя времена, сходится около нея кружокъ, прислушиваясь къ умной, живой, быстрой звучной рѣчи; ее ищутъ и любятъ всѣ—мужчины и женщины, а институтки ее обожаютъ. Впрочемъ, о прекрасной Агнессѣ мы намѣрены поговорить со временемъ подробнѣе [11]).

Теперь же займемся Леной, далеко отстававшей по наружности отъ своей старшей сестры. Надѣюсь, что вы и ее полюбите, какъ люблю ее я: искренно, глубоко, несмотря на ея причудливый нравъ.

У моей Лены въ ту пору пылалъ яркій румянецъ на смуглыхъ щекахъ. На ея полныя плечи падали обильными кудрями темнокаштановые волосы. Полныя пунцовыя губки часто весело улыбались, открывая цѣлый рядъ жемчужинъ. Большіе голубые глаза то искрились доброй, простодушной насмѣшкой, то подергивались такой глубокой задумчивостью, что намъ, ея подругамъ, становилось за нее грустно; то они снова радостно смотрѣли на Божій міръ, гдѣ было ей, казалось, такъ привольно, гдѣ будущее растягивалось предъ нею въ безконечную даль, а пылкое воображеніе создавало для нея цѣлые міры блаженства... Чрезвычайно воспріимчивая, робкая и вмѣстѣ ужасно гордая, врагъ всякой

---

[11]) Портретъ во II-й части записокъ. Рѣдкая и примѣрная любовь къ сестрѣ.

лжи, она своимъ безграничнымъ прямодушіемъ доходила часто до возмутительной невѣжливости. Она любила уединеніе, но, впрочемъ, не избѣгала дружеской бесѣды, и подчасъ говорила много, съ жаромъ, съ увлеченіемъ и заливалась звонкимъ нескончаемымъ смѣхомъ.

Мы любили обѣихъ сестеръ съ тою разницею, что Агнессу называли очаровательной и обожали, а меньшую просто любили за незлобіе и кротость, называли неземной Леной, а иногда «нелюдимкой».

Да, въ то время она дѣйствительно была безгрѣшна. Но жизнь и столкновеніе съ людьми совсѣмъ ее измѣнили. Она почти озлобилась... Бѣдная Лена!..

Въ институтѣ же, между нами, это было такое любящее, довѣрчивое, религіозное существо, не подозрѣвавшее ничего дурного въ людяхъ... Лена совсѣмъ не знала дѣйствительной жизни. Впрочемъ, она и не жила дѣйствительностью. Воображеніе ея работало надъ каждымъ незначительнымъ событіемъ и сообщало прелесть самымъ обыкновеннымъ вещамъ. Задумывалась же она иногда потому только, что пріучили къ тому съ трехъ лѣтъ, и любила забѣгать впередъ, размышляя о томъ, чего намъ, ея подругамъ, и на умъ не приходило. За этотъ оттѣнокъ мечтательности, отражавшійся на ея молодомъ лицѣ, преподаватели дали ей прозвище неземной или «Людмилы», а мы ее величали мечтательницей.

И точно, иногда она была очень странна; напримѣръ, на урокѣ танцевъ, когда всѣ были веселы, моя Лена, во время отдыха, подъ звуки веселой музыки вальса или кадрили, поникнетъ бывало своей кудрявой головкой и унесется, Богъ знаетъ куда.

Какъ-то разъ, въ одинъ изъ такихъ неумѣстныхъ приливовъ задумчивости, мы ее спросили: «о чемъ ты такъ крѣпко думаешь, Лена?».

«О будущей жизни», отвѣчала она.

Мы разразились громкимъ молодымъ смѣхомъ.

«Помилуй, сказали мы ей, о чемъ же тебѣ безпокоиться? Наше будущее такъ заманчиво: выпускъ, свобода, театръ, вечера и любовь, — непремѣнно любовь. Кажется, этимъ пугаться нечего; оно придетъ-то, слава Богу, скоро»...

Такъ разсуждали наши наивныя головки, ждавшія отъ жизни только однѣхъ радостей, и уговаривали Лену, болтали около нея безъ умолку, чѣмъ увлекли и свою странную подругу. Подъ конецъ вечера, Лена громче всѣхъ смѣялась сама надъ собою.

Тоже разъ, на инспекторскомъ экзаменѣ, когда, сидя чинно въ большой залѣ, мы дрожали всѣмъ тѣломъ и украдкою заглядывали въ тетради, въ ожиданіи пытательныхъ вопросовъ, Лена, казалось, была далеко отъ экзаменовъ, отъ Смольнаго и чуть ли не «отъ земли». Помню, какъ теперь, ея спокойное лицо и ясный взоръ, устремленный въ небеса. Сдавалось, — она видѣла тамъ что-то недоступное для насъ, или ждала отвѣта на какой-то задушевный вопросъ. Мы боимся, а ей и горя мало!

Видя подобное въ ней, подруги часто говорили: «Лена душка, — да только какая-то она странная!..»

Съ нею я была особенно дружна, не смотря на противоположность нашихъ характеровъ. Ей нравился мой веселый безпечный нравъ, мои безконечныя шутки и остроты. Бывало, въ классѣ, въ свободное время, или въ густыхъ аллеяхъ институтскаго сада гуляли мы дружно и спорили, горячились, смѣялись, или вели тихую бесѣду, и я съ напряженнымъ вниманіемъ слушала одушевленную рѣчь Лены...

Увы, все миновало! Сохранилась только привязанность къ прежнимъ друзьямъ, а потому и я люблю свою Лену; хотя послѣ выпуска съ прежней Леной рѣдко встрѣчалась.

Сначала жила я на сѣверѣ, она — на югѣ; [12]) потомъ мы

---

[12]) Воображеніемъ, — мечтами въ Малороссіи (1835 г.), а быть можетъ, она говоритъ про свою подругу, съ которой была въ перепискѣ, про Анну Васильевну Соленикову (по мужу, генеральшу Козловскую. Зап. 1834 г. 22 августа).

помѣнялись: она уѣхала на самый сѣверъ, а я съ мужемъ на самую южную границу Россіи, но дружеская задушевная переписка не прекращалась между нами почти до сихъ поръ. Правда, иногда цѣлые годы она не писала мнѣ; но чѣмъ рѣже были письма ея, тѣмъ привѣтливѣе дышало въ нихъ каждое слово. Недавно свидѣлись мы и снова разстались на неизвѣстное время; моя Лена совсѣмъ измѣнилась и по внѣшности: румянца, полноты, веселой улыбки, безпечнаго смѣха, какъ не бывало...

Впрочемъ, нѣтъ. Порой вспыхнетъ румянецъ, и заблестятъ глазки, но не надолго, — щеки снова покрываются обычною блѣдностью. Больно часто всматриваться въ ея исхудалое, страдальческое лицо, съ выраженіемъ тихой затаенной грусти и какой-то безмолвной покорности волѣ Божіей... Глядя на нее, мнѣ казалось, что душа ея уже устала страдать и такъ наболѣла, что новое горе не въ состояніи нанести ей больше огорченій [13])... Одна сестра, ея неразлучная подруга, привязываетъ ее къ жизни. На одну Агнессу перенесла она всю силу своей любящей души, но всѣхъ постороннихъ *дичится*, бѣгаетъ общества, холодна и рѣзка съ тѣми, кто ей не нравится; ни передъ кѣмъ головы не клонитъ, за что слыветъ дикой и гордой, холодной и скучной. Все это справедливо во многихъ, но есть и такіе, которые знаютъ Лену близко и убѣждены, что подъ этой отталкивающей, ледяной оболочкой бьется доброе сердце, способное иногда отзываться на благородное чувство.

Къ числу этихъ немногихъ избранныхъ ея друзей принадлежитъ и ваша покорная слуга, въ искреннюю привязанность которой не могла не вѣрить Лена. Доказательствомъ этого довѣрія служатъ переданныя мнѣ ею записки о ея затаенныхъ думахъ, которыя я намѣрена представить вамъ [14]).

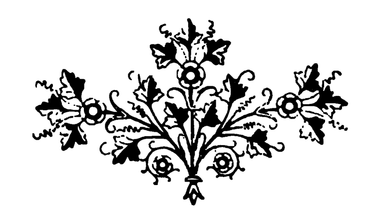
---

[13]) Зап. 1841-й и 42-й годы или разочарованіе въ любви.

[14]) Вѣроятно, редактору какого-нибудь журнала или газеты, (см. „Нужда въ деньгахъ“ зап. 1842 г.)? Отпечатано нигдѣ не было, и переправленный чернякъ 1832 года не переписанъ.

Быть можетъ, и Вамъ, какъ и мнѣ, онѣ доставятъ часа два—три чистаго удовольствія;—а жизнь наша такъ бѣдна радостями и сердечными удовольствіями, что можно и за нѣсколько часовъ душевныхъ наслажденій сказать «спасибо»,—чѣмъ я буду очень польщена.

Подруга Агнессы.



1844 г.

Куперъ и Вальтеръ-Скоттъ.

1844 г. 1 мая. Какъ я люблю Купера! [1]) Его романы имѣютъ на меня самое благотворное вліяніе. Женщины его такъ хороши, что многимъ изъ нихъ хотѣлось бы подражать. Какіе прекрасные характеры, лишенные всякой сентиментальности, безъ бурныхъ страстей, чѣмъ почти всегда надѣляются героини французскихъ романовъ. Куперъ и Вальтеръ-Скоттъ [2]), два единственные, по моему, писателя, которымъ нѣтъ подобныхъ и, вѣроятно, долго еще не будетъ. Я только что кончила романъ Купера «Кормчій» и, благодаря глубокой занимательности всего разсказа, онъ не выходитъ у меня изъ головы. Въ немъ такъ много своеобразныхъ характеровъ, такъ много сценъ то драматическихъ, то комическихъ, что противоположныя впечатлѣнія постоянно смѣняются одно другимъ. Подъ вліяніемъ прочитаннаго и жизнь то кажется лучше, да и равнодушнѣе относишься къ

---

[1]) *Куперъ*—знаменитый американск. романистъ (род. 1789, † 1851 г.) Изъ его романовъ въ Россіи въ 40-хъ годахъ читался нарасхватъ «Открыватель слѣдовъ», о которомъ Бѣлинскій выражался, что это «Шекспировская драма» въ формѣ романа.

[2]) Вальтеръ-Скоттъ род. 15 авг. 1771 г., въ Эдинбургѣ и † 21 сен. 1832 г. Его геніальн. романтическое направленіе. Всѣ романы уже переведены теперь на рус. языкъ.

людской суетѣ... Убѣждаешся, что не стоитъ волноваться изъ-за ея пустяковъ...

Какъ бы мнѣ хотѣлось поѣхать въ Америку, въ Соединенные штаты, посмотрѣть на жизнь свободныхъ людей, провѣрить общій взглядъ на нихъ, убѣдиться, что дѣйствительно люди тамъ счастливѣе, и поклониться за правдивое изображеніе ихъ геніальному Куперу! Онъ теперь ужъ не молодъ и, Богъ знаетъ, живъ ли еще, а мнѣ бы очень хотѣлось видѣть его, чтобы поблагодарить за счастливые часы, проведенные за чтеніемъ его *произведеній.* Но увы, это несбыточно,—это только мечта! Я слишкомъ высоко и слишкомъ далеко залетѣла отъ дѣйствительности, и ея мнѣ никогда не достигнуть!..

Мысль о смерти.

1 ноября. Давно пріѣзжала маменька съ дѣтьми. Давно пріѣхала и успѣла уѣхать Ильдочка [1]), и я развлеклась, успокоилась и, казалось мнѣ, что въ моей душѣ стихло навѣки все, что такъ сильно и часто смущало ее. Я видѣла, для кого мнѣ надо жить и работать; а, между тѣмъ, только возвратилась я домой, какъ опять прежнее желаніе смерти [2])... Но, слава Богу, оно длилось не долго. Я легла, крѣпко заснула, на утро взялась за пяльцы, тамъ—за нѣмецкій языкъ, фортепіано, а тамъ опять пришла пора спать, и такъ пролетѣли ноябрь и декабрь.

[1]) Зап. 1841 г. 29 авг.
[2]) Зап. 1841 г. 11 іюля.

1845 г.

Жоржъ-Зандъ—о здоровьѣ. Борьба.

8-е января. Читала я Жоржъ-Зандъ [1]) и прочитаннымъ недовольна. Начиная читать какой-нибудь изъ ея романовъ, впередъ угадываешь встрѣчу молодой женщины высокой мечтательной души, что она непремѣнно измѣнитъ своему мужу и влюбится въ другого какого-нибудь тоже молодого человѣка, съ выспренными чувствами. Что отсюда произойдетъ борьба съ долгомъ, борьба съ любовью, которая, разумѣется, всегда одержитъ верхъ, и эта *«небесная»* женщина, покинетъ мужа изъ-за того, что мужья-французы какъ-то никогда женъ своихъ понять не могутъ. Потомъ героиня предается вся любви, впослѣдствіи мучится раскаяніемъ и, какъ тоже подобаетъ великимъ душамъ, — умираетъ.

Вотъ главная борьба и развитіе по содержанію хода всѣхъ темъ повѣстей Жоржъ-Зандъ, по-моему, весьма однообразныхъ и крайне скучныхъ, а, между тѣмъ, ее превознесли и возвели въ геніальныя писательницы. Объ ней теперь всѣ кричатъ.

Впрочемъ, была въ свое время даже Жанлисъ [2]), по газетнымъ крикунамъ, геніемъ.

---

[1]) Жоржъ-Зандъ (Аврора Дюдеванъ) — знаменит. французская романистка (род. 1802, † 1876 г.). Щедро одаренная даромъ художествен. творчества. Проповѣдница новыхъ идей, авт. «апологіи свободы чувствъ» и разнообраз. политич. и соціологическ. сочиненій.

[2]) Жанлисъ—французск. писательница (1746—1830 г.) поверхностнаго образованія. *Ефр.*

людской суетѣ... Убѣждаешся, что не стоитъ волноваться изъ-за ея пустяковъ...

Какъ бы мнѣ хотѣлось поѣхать въ Америку, въ Соединенные штаты, посмотрѣть на жизнь свободныхъ людей, провѣрить общій взглядъ на нихъ, убѣдиться, что дѣйствительно люди тамъ счастливѣе, и поклониться за правдивое изображеніе ихъ геніальному Куперу! Онъ теперь ужъ не молодъ и, Богъ знаетъ, живъ ли еще, а мнѣ бы очень хотѣлось видѣть его, чтобы поблагодарить за счастливые часы, проведенные за чтеніемъ его *произведеній*. Но увы, это несбыточно, —это только мечта! Я слишкомъ высоко и слишкомъ далеко залетѣла отъ дѣйствительности, и ея мнѣ никогда не достигнуть!..

Мысль о смерти.

1 ноября. Давно пріѣзжала маменька съ дѣтьми. Давно пріѣхала и успѣла уѣхать Ильдочка [1]), и я развлеклась, успокоилась и, казалось мнѣ, что въ моей душѣ стихло навѣки все, что такъ сильно и часто смущало ее. Я видѣла, для кого мнѣ надо жить и работать; а, между тѣмъ, только возвратилась я домой, какъ опять прежнее желаніе смерти [2])... Но, слава Богу, оно длилось не долго. Я легла, крѣпко заснула, на утро взялась за пяльцы, тамъ—за нѣмецкій языкъ, фортепіано, а тамъ опять пришла пора спать, и такъ пролетѣли ноябрь и декабрь.

[1]) Зап. 1841 г. 29 авг.
[2]) Зап. 1841 г. 11 іюля.

1845 г.

Жоржъ-Зандъ—о здоровьѣ. Борьба.

8-е января. Читала я Жоржъ-Зандъ [1]) и прочитаннымъ недовольна. Начиная читать какой-нибудь изъ ея романовъ, впередъ угадываешь встрѣчу молодой женщины высокой мечтательной души, что она непремѣнно измѣнитъ своему мужу и влюбится въ другого какого-нибудь тоже молодого человѣка, съ выспренными чувствами. Что отсюда произойдетъ борьба съ долгомъ, борьба съ любовью, которая, разумѣется, всегда одержитъ верхъ, и эта *«небесная»* женщина, покинетъ мужа изъ-за того, что мужья-французы какъ-то никогда женъ своихъ понять не могутъ. Потомъ героиня предается вся любви, впослѣдствіи мучится раскаяніемъ и, какъ тоже подобаетъ великимъ душамъ,—умираетъ.

Вотъ главная борьба и развитіе по содержанію хода всѣхъ темъ повѣстей Жоржъ-Зандъ, по-моему, весьма однообразныхъ и крайне скучныхъ, а, между тѣмъ, ее превознесли и возвели въ геніальныя писательницы. Объ ней теперь всѣ кричатъ.

Впрочемъ, была въ свое время даже Жанлисъ [2]), по газетнымъ крикунамъ, геніемъ.

---

[1]) Жоржъ-Зандъ (Аврора Дюдеванъ) — знаменит. французская романистка (род. 1802, † 1876 г.). Щедро одаренная даромъ художествен. творчества. Проповѣдница новыхъ идей, авт. «апологіи свободы чувствъ» и разнообраз. политич. и соціологическ. сочиненій.

[2]) Жанлисъ—французск. писательница (1746—1830 г.) поверхностнаго образованія. *Ефр.*

Впрочемъ, все зависитъ отъ уровня развитія общества. Теперь Жанлисъ развѣнчали. Тоже самое ждетъ и Жоржъ-Зандъ. Таланта отъ нея отнять нельзя: разсказъ свой она излагаетъ бойко, игриво, нѣкоторыя мысли правильны, добропорядочны, но ея взгляды въ основахъ ложны, и до геніальности ей далеко [3]). Я увѣрена, что внуки наши осмѣютъ своихъ дѣдушекъ за признаніе въ ней «генія». Это меня и теперь возмущаетъ глубоко, какъ всякая несправедливость. Я помирюсь скорѣе на томъ, чтобы Брюлова, Моцарта, Вальтеръ-Скотта, Тальони считали «геніями», но Жоржъ-Зандъ къ нимъ причислять непростительно.

Конечно, мнѣ до нея все равно, и не о ней я хотѣла упомянуть, а о сходствѣ мыслей Жака, героя одного изъ ея романовъ того же имени, съ моими собственными.

Жакъ говоритъ: *«я много страдаю; адъ въ моей душѣ, но здоровье мое крѣпко, и я проживу еще много лѣтъ»*. У меня недавно записана та же самая мысль.

Признаюсь, въ первый разъ еще встрѣчаю жалобу въ литературѣ на крѣпость своего здоровья. Этотъ же грѣхъ случался часто и со мною, когда надолго предавалась я лѣни и начинала ухаживать за собою, впадая въ возбужденное состояніе. Въ спокойномъ расположеніи духа я очень рада своей крѣпости: мнѣ нужно самой зарабатывать хлѣбъ,— съ интересною да слабою [4]) природою ничего не достанешь... Для должности, къ которой ведетъ меня судьба, нужно желѣзное здоровье [5]).

Нечаянно, развертывая свои монастырскія [6]) записки, открылась страничка, гдѣ душа переполнена блаженствомъ, благодарностью къ Создателю, гдѣ я такъ торжественно вызывала судьбу на бой, увѣряя, что я все могу перенести.

---

[3]) См. зап. 1875 г. 9 янв.

[4]) „Блѣдною", тогда весьма модною, воспѣтою даже Жуковскимъ.

[5]) Быть воспитательницей дѣтей или классною дамою.

[6]) Писанныя во время ученія въ Смольномъ въ 1836 г.

Теперь-же, когда на самомъ дѣлѣ пришлось бороться съ горемъ, нуждой и самой собою, я, бѣдняжка, поникла головою. Мнѣ не подъ силу стало терпѣть и я зову на помощь смерть. Такъ то мы храбры, когда опасность далеко!..

Еще о Жоржъ-Зандѣ [1]) и героѣ романа „Jacque".

9 января. Читала я сегодня опять романъ «Jacque» и осталась недовольна этимъ героемъ: выставленъ онъ какимъ-то необыкновеннымъ человѣкомъ, универсальнымъ геніемъ, который въ шестнадцать лѣтъ не только достигъ высокаго нравственнаго развитія, но въ тоже время былъ чуть-ли не «великимъ» музыкантомъ, «великимъ живописцемъ» и еще чѣмъ-то «великимъ»,—забыла. И этотъ «великій» человѣкъ, который такъ высоко сталъ надъ прочими людьми, не придумалъ ничего лучшаго, какъ посвятить свою жизнь интригамъ. Онъ имѣлъ все, чтобъ быть счастливымъ, и тѣмъ не менѣе постоянно твердилъ, что онъ несчастливъ, и что его назначеніе—вѣчно страдать. Да и его странный взглядъ на жизнь: *«спокойствіе — химера»*, *«благоразуміе безполезно»*, *«разсудокъ сушитъ душу, а цѣль жизни состоитъ въ самопожертвованіи»*.

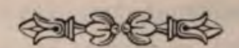
Онъ меня возмущаетъ безвѣріемъ и невѣрностію. Вотъ и еще образчикъ его нелѣпаго сужденія, взятый изъ писемъ къ сестрѣ: «я образовалъ тебя не для того, чтобы ты была счастлива: я видѣлъ, что это невозможно». Къ чему же тогда и образованіе, если оно не улучшаетъ положенія, не облагораживаетъ, не приближаетъ человѣка къ *идеальному счастію?* Но такъ разсуждаетъ Жоржъ-Зандъ устами своего героя и другихъ заблуждаетъ. Вотъ за эти-то неправильные

[1]) «Жоржъ-Зандъ». Зап. 1845 г. 8 янв., пр. 1.

взгляды и и не люблю ее, хотя не отрицаю въ ней ума и смѣлости мысли.

Ильдочка [2]) говорила сегодня со мною о многомъ, касающемся до моей будущей жизни (т. е. не на небесахъ, а на землѣ) и о прошедшей; не то, чтобы бранила меня, а такъ, высказывала и правду и неправду о моей особѣ, а между прочимъ сказала мнѣ, что мною интересовались и разочаровались.

Какъ я рада! И я интересовалась, но повторю изъ многихъ схожее съ моимъ желаніе Жака: «*хотѣлъ бы я окаменѣть, хотѣлъ бы сердце свое превратить во гробъ, гдѣ погребсти на вѣки всѣ видѣнія прошедшаго!..*» [3])



Романъ Бульвера „Eugène Aram“ [1]).

19 января. Я кончила романъ Бульвера «Eugène Aram», чему очень рада. Читая его, я страдала. Здѣсь есть сцены, въ которыхъ меня пронимала дрожь; я блѣднѣла, боялась перевести духъ. Были сцены, гдѣ я бросала книгу: столь мучительны были ихъ впечатлѣнія. Я готова была рыдать, хотя несчастія въ романахъ рѣдко раньше вызывали слезы на моихъ глазахъ. Раньше я спокойно прочитывала всевозможныя «огненныя», какъ нынче выражаются, страницы изъ любой повѣсти Зандъ. Но, читая Бульвера, нѣтъ силъ оторваться отъ книги, и я, оцѣнивая сонъ почти выше всѣхъ благъ для человѣка на землѣ, просидѣла за романомъ до пяти часовъ утра. Люблю я очень Бульвера. Его повѣсти: «Rienzi», «Les pélérins du Rhin» рекомендуютъ его, какъ че-

---

[2]) Сестра ея, Елизавета Петровна.

[3]) Страхъ отъ неувѣренности въ семейномъ счастіи.

---

[1]) Вульверъ-Литтонъ, англійскій романистъ (род. 1803—1873 г.). Писалъ и драмат. произведенія, но болѣе талантливъ въ романахъ.

ловѣка съ свѣтлымъ умомъ, высокой и сильной душой и съ живымъ воображеніемъ.

Но «Eugène Aram» произвелъ на меня столь сильное впечатлѣніе, какъ «Гамлетъ» четыре года тому назадъ или романы Вальтеръ-Скотта.

Какая сила характера Eugèn'a! Какая возвышенная, хотя иногда и заблуждающаяся душа! Маделина и Эллинора напоминаютъ Минну и Бренту въ Пиратѣ, Бунтингъ — въ высшей степени комическое лицо. Какъ силенъ талантъ писателя; характеры, выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ, изъ подъ пера даровитаго автора выходятъ вполнѣ естественными. Вообще, романъ Бульвера «Eugène Aram» чудно выдержанъ въ характерахъ героевъ и превосходно написанъ, а прочесть его сразу вторично я не въ состояніи, — у меня слишкомъ много личныхъ страданій, для того чтобъ искать ихъ въ другихъ, хотя бы и опередившихъ меня въ страданіяхъ цѣлымъ столѣтіемъ.

Бульверъ совершенно вошелъ въ свой предметъ, и впечатлѣнія, передаваемыя имъ, правдивы и потому мучительны. Богъ съ ними! Я такъ много сегодня ночью пережила, начитавшись его прекрасныхъ твореній.

Уважаю и люблю тѣхъ людей, кто такъ глубоко способенъ чувствовать горе и радость ближнихъ!..

Шиллеръ. Віардо и Рубини.

31 марта. Пять лѣтъ тому назадъ читала я Шиллера [1]) и была въ восторгѣ отъ него. Теперь я снова прочла *«Марію Стюартъ»* и *«Іоанну д'Аркъ»*, но, странное дѣло, — эти двѣ трагедіи не произвели на меня прежняго впечат-

[1]) Шиллеръ, Іоганнъ Фридрихъ, род. 1750. г., † 1805 г., въ Швабіи. Его талантъ доставилъ ему міровую извѣстность.

лѣнія?! Особенно Іоанна д'Аркъ показалась мнѣ вовсе не тою,—неестественно холодною. Да и вообще, въ этой трагедіи сцены приподняты, рѣчи длинны, и сама героиня мало понятна. Разъ эта чистая дѣвушка, несмотря на Божій запретъ, *полюбила* своего Ліонеля, когда сердце ея до сихъ поръ не трогалось ничьею любовью, то она должна была сохранить это чувство *до самой могилы*. Она—не пустая дѣвченка, которой ничего не стоитъ полюбить и разлюбить. Іоанна, по силѣ и глубинѣ своихъ чувствъ,—женщина рѣдкая, необыкновенная, и иначе любить она не могла, а потому и любовь ея только съ жизнью должна прекратиться. Такъ, по крайней мѣрѣ, я ее понимаю. Ея монологи дѣйствительно безподобны!

Но что бы это значило, что я Шиллера нахожу не тѣмъ, какимъ онъ мнѣ раньше казался?.. Можетъ быть, я слишкомъ стала строга? Отчего же Бульверъ своими романами такъ сильно дѣйствуетъ на меня?.. Или это сказываются мои годы?..

Недѣлю тому назадъ, я въ первый разъ слушала Віардо [2]). Дѣйствительно, у нея чудный голосъ: нѣжный, гибкій, пріятный, звучный и сильный. Въ ней все есть для сцены, при этомъ прекрасная школа! Отъ Рубини [3]) я ожидала бо̀льшаго. Прекрасный артистъ. Онъ пѣлъ «Stabat Mater», свою коронную вещь, но сильнаго впечатлѣнія на меня, признаюсь, не произвелъ.

Мнѣ это очень досадно: его такъ расхваливаютъ; онъ срывалъ громъ рукоплесканій; но не могу же я восхищаться тѣмъ, что меня не трогаетъ потому только, что большинство этимъ восторгается?

А на меня за это сердятся...

---

[2]) Пѣвица (род. въ Парижѣ 1821 г.), имѣвшая блестящій успѣхъ на сценахъ Вѣны, Берлина, Петербурга и Москвы. Авторъ многихъ музыкальныхъ вещей. Извѣстна еще и дружбою съ И. С. Тургеневымъ.

[3]) Пѣвецъ итальянецъ — премьеръ европейскихъ оперъ въ 40-хъ годахъ.

Тріо изъ «Жизни за Царя», въ которомъ принимали участіе Рубини и Віардо, слушала я съ неподдѣльнымъ восторгомъ и готова была умереть подъ эти чудные звуки и съ такимъ же бы славнымъ чувствомъ, какъ Сусанинъ... за Царя, за Русь!!.

Тяжкое состояніе.

6 Іюня. Боже мой, Боже мой! Зачѣмъ я не могу молиться! Мнѣ было бы легче...

Наканунѣ вступленія сестры въ должность классной дамы.

1-е октября. Итакъ, наконецъ, судьба рѣшила! — Аннетъ завтра поступаетъ на службу въ Смольный.

Моя Аннета утверждена классною дамою [1])...

Боже мой, кто-бы это могъ подумать? Казалось, ей готовилась такая прекрасная будущность, полная любви, богатства, блеска, — и вотъ, все кончается мѣстомъ классной дамы въ Смольномъ Монастырѣ... А между тѣмъ моя Аннета такъ прелестна, такъ хороша, такъ очаровательна!.. Бѣдная моя Аннета!..

Господи, неужели ей въ самомъ дѣлѣ только и предстоитъ, что эта будущность? Хотя, кажется, большаго и ждать нечего [2])... Я не могу свыкнуться съ этою мыслію.

[1]) Съ 1-го октяб. 1845 г. до 14 авг. 1858 г. Анна Петровна прослужила кл. дамою въ Имп. В. Общ. благор. дѣвицъ.

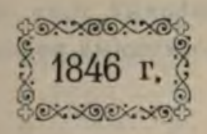
[2]) Покойная Марія Павлов. Леонтьева, хвалившая сестеръ за глаза (см. зап. 1838 г.), чтобы испытать сдержанность молодой, только-что вступившей классной дамы въ первыхъ пріемахъ обходилась съ Аннетою рѣзко и придирчиво. Впечатлѣнія первыхъ дней службы передавались и на Варенькѣ.

Мнѣ такъ грустно, такъ тоскливо, какъ будто-бы я хоронить её собираюсь. Теперь опять зову я смерть себѣ на помощь. Какою-бы отрадною гостьей она сошла теперь ко мнѣ... Я становлюсь одинока...

Какъ-то я завтра вынесу прощанье съ Нуточкой...

О, если бы то была послѣдняя минута моей горькой жизни! Сама Аннетъ такъ грустить, что мнѣ еще хуже, еще больнѣе...

Теперь полночь; Аннета въ постелѣ; но, вѣрно, снятся ей тревожные сны,—она недавно рыдала; или, можетъ быть, она еще не заснула бѣдняжечка... Бьетъ два часа...



Размышленія Варвары Петровны при вступленіи ея въ должность классной дамы.

22 апрѣля. Вотъ и я тоже классная дама!.. Съ завтрашняго дня уже принадлежу къ числу служащихъ въ Смольномъ Монастырѣ [1]). Завтра я поступаю на службу *отечеству* и ближнимъ...

Слава Богу! Слава Богу!

Самой-же холодно, и дрожь пробѣгаетъ по тѣлу. Страшно мнѣ: предстоитъ новый родъ жизни, и выполню ли я его требованія?.. Монастырь все такой же, что и былъ десять лѣтъ тому назадъ, [2]) но лица всѣ другія, и я сама теперь другая, и взгляды на взаимныя отношенія у меня уже не тѣ.

Къ чему привела меня моя доля?.. Мѣсто классной дамы кажется мнѣ въ моихъ теперешнихъ обстоятельствахъ высшимъ *моимъ* благополучіемъ: въ немъ предѣлъ моихъ желаній! Далѣе не иду, не смѣю, — вѣдь, моя достойнѣйшая Аннетъ тоже дамой въ Смольномъ.

Да, трудно и ей, но за то всѣ ее любятъ. Впрочемъ, когда же кто и гдѣ ее не любилъ?

---

[1]) Поступила В. П. 23 апр. 1846 г. въ Имп. В. Об. бл. дѣв. и служила до отъѣзда въ Сибирь въ 1858 году.

[2]) Т. е. въ 1836 году, при окончаніи ею курса.

Не знаю, что въ Смольномъ готовится мнѣ? Съ моимъ робкимъ и, къ несчастію, пылкимъ, неровнымъ и невыдержаннымъ характеромъ мнѣ предстоитъ много ломки и работы надъ собою... Да не такъ еще труды страшатъ меня,— я привыкла быть за дѣломъ, занятою, но меня пугаетъ [3]) *начальство*, котораго я до сихъ поръ надъ собою не знала; лишеніе свободы, раболѣпный тонъ, вѣчная тревога, неугомонный говоръ и всевозможныя мелкія, неизбѣжныя столкновенія...

. . . .

Прощай, моя музыка! Въ безпрестанной суетѣ не найдешь времени и подумать о чемъ-нибудь, не только заняться тобою. Приходитъ время давать, что пріобрѣла изъ познаній, но мало пріобрѣтать...

Все-же я рада поступленію въ Смольный. Жаль мнѣ только покинуть сестрицыньку [4]). Она, голубушка моя, останется опять одинокою. Я стараюсь ее разсмѣшить и самой позабыть о предстоящей нашей разлукѣ, чтобъ удержаться отъ слезъ. Не хорошо, если явлюсь я «на службу» съ заплаканными глазами, когда мнѣ нужно «казаться веселою»...

Что же?.. Мнѣ не впервые смѣяться тогда, когда хочется плакать...

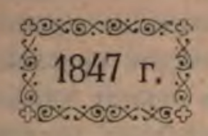
Господи, благослови же меня на далекій, тяжелый, отвѣтственный, а быть можетъ и пожизненный путь. Помоги принести пользу дѣтямъ, которымъ я рѣшаюсь посвятить весь остатокъ своей жизни, не чувствуя къ тому призванія! Господи, помоги мнѣ! Съ Твоей помощью все возможно...

Сестра сердится, что не иду спать,— уже 12 часовъ.

---

[3]) См. 1845 г. 1 окт., пр. 2.

[4]) Младшую, Ольгу, которую сестры взяли учиться въ институтъ, или Елизавету Петровну, старшую, отъ одной съ ними матери.



Жизнь въ Смольномъ на службѣ.

25 февраля. Скоро годъ, какъ пріютилась я въ Смольномъ и до сихъ поръ ни слова не сказала о своей монастырской, почти затворнической жизни.

Душа моя заснула, успокоилась здѣсь; ее больше ничто не тревожитъ: все, что было горькаго, мучительнаго въ прошломъ, какъ-будто зажило, задернулось завѣсой, а я и *приподнимать* ее не желаю, — *такъ легче, лучше*...

Жизнь моя течетъ среди заботъ о воспитаніи дѣтей, *среди хлопотъ и трудовъ классныхъ дамъ*. Одинъ день встаю въ шесть часовъ, молюсь, занимаюсь съ дѣтьми, устану къ вечеру до смерти и, истомленная, въ половинѣ десятаго или въ десять бросаюсь въ постель. На другой день сплю подольше, читаю, иногда что-нибудь поработаю, когда поиграю, изрѣдка кто-нибудь зайдетъ ко мнѣ поговорить, въ томъ, — и день проходитъ. Такъ, вѣроятно, пройдетъ и вся моя жизнь. Душа отдыхаетъ, она какъ-будто бы окунулась въ баснословную Лету и мнѣ теперь уже не ясны, даже порою непонятны всѣ пережитыя страданія. Раны отъ нихъ затянулись новою дѣятельностію. Переходъ въ ней совершился такъ быстро, и я благословляю Небо за теперешнее свое положеніе...

Мой милый Смольный! Въ твоихъ стѣнахъ прошли мои лучшіе годы, золотые дни, и теперь я, усталая отъ жизни, снова къ тебѣ пришла просить пріюта. Снова подъ твоею защитой мирно и незамѣтно несутся въ вѣчность дни мои за днями. Вчера, сегодня, завтра, черезъ годъ, черезъ двадцать лѣтъ, — все я буду черезъ день дежурить, все я буду работать съ дѣтьми; успѣхи ихъ будутъ радовать меня, — неуспѣхи, шалости — печалить. За все это, слава Богу! А тамъ... А тамъ, незамѣтно и смерть приблизится. Если Господь поможетъ мнѣ принести пользу ввѣреннымъ отъ него, тогда мнѣ легче будетъ перейти въ другой міръ. Буду утѣшаться этимъ, теперь есть у меня цѣль въ жизни!

Господи, прости мнѣ недовольство, ропотъ и многое, многое другое, что бываетъ со всѣми нами грѣшными... Я молода еще [illegible], — хотѣлось-бы и иною жизнью пожить...

. . . .

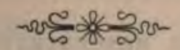
Иногда, порой, взгрустнется; но это бываетъ только урывками, да и нѣтъ времени предаваться мечтамъ. Дѣти отнимаютъ большую часть жизни: почти весь день [illegible] [illegible]

Лучше самой предупредить свѣтъ и сказать... «*отпусти*», не дожидаясь отъ него рокового обиднаго слова: «ты устарѣла»... За что, и чѣмъ мы, дѣвушки, виноваты, что года намъ прибавляются?..

И теперь иногда очень хотѣлось-бы повеселиться, но я,—«классная дама»!..

. . . .

Все было-бы прекрасно въ Смольномъ, не достаетъ лишь времени для музыки. Богъ знаетъ, какъ проходитъ время, но мнѣ совершенно некогда играть. Все надѣюсь приняться, и ниразу еще за рояль не садилась. Это не особенное лишенiе, «но мнѣ» *грустно* и, кажется, только музыки и не достаетъ для моего благополучiя (?)...



Недостатокъ времени. Любовь математика.

29 апрѣля. Всякiй разъ, какъ при мнѣ разсказываютъ что-нибудь, выходящее изъ круга обыденной жизни, у меня является желанiе занести на бумагу разсказъ, но вѣчно встрѣтится какое-нибудь препятствiе, заставляющее отложить исполненiе, а тамъ явятся другiя заботы... и,—ужъ не надо разсказа. Такъ онъ и забывается.

Вотъ и сегодня извѣстная любительница [1]) разнаго рода повѣствованiй, просидѣвъ у насъ утро, наговорила множество новостей,—только успѣвай записывать, но боюсь записать все слышанное: она не всегда держится правды, а потому помѣчу только наиболѣе достовѣрное.

Разговаривая о томъ, о другомъ, коснулись нашего славнаго Остр... [2]). Она часто встрѣчаетъ его въ одномъ домѣ

[1]) Г-жа В.

[2]) Остроградскiй, извѣстный математикъ и техникъ. Европейскiй ученый. Былъ слѣпъ на одинъ глазъ.

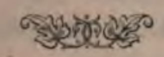
гдѣ онъ дружески принятъ, и знаетъ его коротко. Говоря объ его исполинскомъ ростѣ, о веселомъ характерѣ, на который ни математика, ни потерянный глазъ не вліяютъ, дошла и до его женитьбы. *Разумѣется, коснулась и любви, которая всякаго зацѣпитъ*, противъ которой, вѣроятно, ни одинъ геній не устоитъ. Остр. въ кутежахъ не уступалъ самому лихому гусарскому корнету: такъ-же носился на бойкомъ скакунѣ, пилъ напропалую съ товарищами и ухаживалъ за красивыми личиками. Но что свойственно гусару, то не идетъ серьезному математику, хотя приводитъ всетаки къ одному «*знаменателю*»: что всѣ мы, какъ геніальные, такъ и мелкіе люди, слѣплены изъ одной и той же глины и съ непремѣнной наклонностью «любить»...

И этотъ «*извѣстный* математикъ» и страшный кутила случайно встрѣтился съ одной прехорошенькой, стройной блондинкой, носившей въ то время трауръ, что придавало ей еще бóльшую прелесть, влюбился въ нее безъ памяти, и черезъ двѣ недѣли они повѣнчались. Жили счастливо цѣлые десять лѣтъ! Надо же, чтобъ на одиннадцатый годъ ихъ супружеской жизни Остр., пріѣхавъ за женою въ Малороссію, познакомился съ семействомъ Каз... И тутъ бѣсъ ихъ спуталъ, позавидовавъ, вѣроятно, счастью обоихъ супружествъ: Остр. сдружился съ женою Каз..., а жена Остр. отплатила мужу тою же монетою: влюбилась въ самого Каз... Что же дѣлать? Мужья обмѣнялись женами, и Остр. прибылъ въ столицу съ чужою женою, побывавъ на югѣ за собственною!

Вотъ чѣмъ кончилась «*пламенная любовь*» этого пылкаго математика и вмѣстѣ съ тѣмъ *милѣйшаго* человѣка. И это не единственный случай въ наше время; такіе примѣры не рѣдки, и объясняютъ ихъ тѣмъ, что хотя *постоянство—прекрасное свойство*, но вѣчно одно и то же, даже «въ видѣ любви», *крайне скучно*. Рѣдкость, значитъ, постоянство въ

любви, даже пламенной, и у даровитаго человѣка. И намъ простительно непостоянство... Хотя они теперь живутъ припѣваючи.

Что же дѣлается въ свѣтѣ?!.. и это «любовь»?..



Эрнстъ и «бѣлыя».

7 мая. Только что вернулись съ музыкальнаго вечера. У насъ игралъ чудный, несравненный Эрнстъ [1]). Нахожусь подъ сильнымъ впечатлѣніемъ дивныхъ звуковъ, выливавшихся изъ подъ его волшебнаго смычка. Нѣтъ, такая музыка очень дурно на меня дѣйствуетъ; пусть лучше «кофейныя бренчатъ на фортепіано», ихъ гораздо легче слушать, но Эрнстъ, Віардо [2])—просто мучители. Я упивалась звуками, выливавшимися изъ-подъ смычка виртуоза, и невѣдомая тоска щемила мнѣ сердце. До сихъ поръ мнѣ грустно и,—какъ давно уже не было... Лучше никогда мнѣ ихъ не слушать...

Боже мой, а какіе дивные звуки!

Наружность Эрнста очень интересна: продолговатое, смуглое, блѣдное лицо, густые черные локоны, прекрасные выразительные съ поволокою и съ томнымъ выраженіемъ глаза и какой-то изнуренный, болѣзненный видъ, полный прелести. Его лицо очень мнѣ нравится... Могла-ль бы я полюбить такой талантъ, съ этакой артистической внѣшностью?

Въ его наружности сквозитъ что-то еврейское, и дѣйствительно, говорятъ, что онъ еврей (да еще будто-бы и не крещеный!?)...

---

[1]) Не герцогъ ли это Саксенъ-Кобургъ-Готскій, долго инкогнито путешествовавшій по Европѣ въ 40-хъ годахъ?—Онъ былъ *очень талантливый музыкантъ* и композиторъ. (Род. въ 1818 г., † 1893 г.).

[2]) См. зап. 1845 г. 31 марта, пр. 1.

Но онъ такъ интересенъ своимъ страдальческимъ видомъ, грустнымъ выраженіемъ лица, что невольно обращаешь на него вниманіе.

О чемъ же грустить онъ?.. Странно!..

А какъ хороши послѣднія двѣ, игранныя имъ пьесы, особенно его элегія «Пѣніе канареекъ» исполнено съ необыкновеннымъ искусствомъ!

Когда Эрнстъ, къ общему сожалѣнію, кончилъ игру, то М. П. Леонтьева, [3]) желая познакомить его съ талантами институтокъ, заставила «бѣлыхъ» пѣть.

Между ними есть два-три прекрасныхъ голоса.

. . . .

Ихъ свѣженькіе, молодые голоса, ихъ радостно улыбающіяся личики живо напомнили мнѣ то время, когда и я была «бѣлая»... [4]).

И мы въ этой самой залѣ играли когда-то роль, бывали предметомъ общаго вниманія, безумствовали въ упоеніи счастія...

Боже мой, чему не была свидѣтельницей эта зала! Сколько поколѣній промелькнули въ ней, оживляя ее, и сколькія изъ юныхъ уже перемерли, состарились, подурнѣли, мелькнувъ лучшими цвѣтками, красовавшимися здѣсь! Зала все та же,—не измѣнится. А мы...

Нѣтъ, скучно; скорѣе спать, завтра съ утра надо приняться за уроки дѣтей. Съ дѣтьми все забудешь: и Эрнста, и «свой бѣлый» классъ и даже личное свое существованіе...

[3]) М-мъ Леонтьева, начальница [illegible]

[4]) Т. е. воспитанница и носила бѣлое платье. См. зап. [illegible]

Именины у Гартонгъ. Каратыгинъ. Былое и настоящее. Городскіе слухи. Мнимоумершія.

23 іюля. Вчера мы праздновали на Карповкѣ [1]) именины Маріи Андреевны Гартонгъ [2]) и провели время, по обыкновенію, весело, даже «очень весело». Этого я не преувеличиваю, какъ ни странно, что «я» говорю на тему — «*веселье*», еще три года назадъ забывшая даже значеніе этого слова.

У Гартонгъ въ числѣ прочихъ гостей былъ и нашъ знаменитый Каратыгинъ [3]) съ женою. Онъ декламировалъ стихи и читалъ нѣсколько сценъ изъ новой, непропущенной цензурою пьесы какого-то «Владиміра». Я давняя поклонница таланта Каратыгина и съ нетерпѣніемъ ждала его появленія у Гартонгъ, — мнѣ очень хотѣлось знать, каковъ онъ въ обществѣ. Но, при встрѣчѣ съ нимъ, къ глубокому моему прискорбію, должна признаться, я не нашла того, что ожидала встрѣтить. Онъ, какъ и прочіе великіе артисты, *гораздо лучше со сцены*, чѣмъ *при близкомъ знакомствѣ* [4]).

Онъ слишкомъ самонадѣянъ; общій умный разговоръ его не занималъ, оживлялся онъ только, когда рѣчь заходила о театрѣ; ждетъ поклоненія своему искусству, и въ остальные разговоры не вмѣшивался.

---

[1]) Рѣчка въ С.-Петербургѣ, на Петербургской сторонѣ, вытекаетъ и впадаетъ въ М. Невку. Когда она не была такъ загрязнена, какъ нынѣ, берега ея украшались богатыми дачами. (См. истор. С.-Петербурга П. Петрова ст. 57, 93, 95, 211, 613, 622, 744, прим. 182).

[2]) Гартонгъ, Мар. Андреев., урож. Клейнмихель, вдова генер. Гарт., убитаго въ стычкѣ съ турками въ 1828 г. Ея дочь Евдокія Павловна, въ замужествѣ за генер. Апол. Карл. Баумгартенъ. Младшая ея сестра Александра П. Гарт. (Барокко), братья: Константинъ П. (чинов. въ мин. ин. дѣлъ) и Николай П.—офицеръ гвардеецъ. Очень родственная, дружественная семья Быковымъ, гдѣ онѣ весьма часто проводили свободные отъ службы часы.

[3]) Каратыгинъ, Васил. Андреев., зап. 1840 г., 12 дек., пр. 3.

[4]) Это часто такъ бываетъ и не съ артистами. При болѣе близкомъ знакомствѣ люди либо разочаровываются, либо превращаются въ неразрывныхъ друзей.

Великій трагикъ, вѣроятно, привыкнувъ къ роли героевъ, и въ гостиной мнилъ себя чуть что не царственной особой, разсчитывая, что мы, простые смертные, будемъ падать ницъ передъ нимъ.

Все это произвело на меня пренепріятное впечатлѣніе и внушило глубокое сожалѣніе о такомъ великомъ артистѣ и такомъ неинтересномъ въ тѣсномъ благородномъ семейномъ кружкѣ Отъ него я ожидала впечатлѣнія лучшаго... Ну—да Богъ съ нимъ!..

Про жену его и говорить нечего: выражается не иначе, какъ по французски, изо всѣхъ силъ подражая парижскому произношенію; разговоръ не уменъ, и держитъ себя съ весьма большими претензіями на общее предъ нею преклоненіе. За что?...

Теперь сижу, какъ дежурная дама, въ дортуарѣ, въ томъ самомъ, гдѣ училась и играла въ дѣтствѣ. Все остается здѣсь на прежнемъ мѣстѣ, а меня и узнать нельзя. Отъ прежней «веселенькой Вареньки» со свѣжимъ личикомъ, съ постоянной улыбкой—ничего не осталось. Дѣти, разбѣжавшіяся по дортуару, завиваются и толкуютъ о чемъ-то. Какая чудная горячность въ обмѣнѣ мыслей этихъ юныхъ головокъ! О чемъ онѣ спорятъ?.. Маленькая моя сестренка Леля [5]) играетъ на фортепіано, и ее окружили «цѣнители».

Эта же картина нашего прошлаго воскресаетъ предо мною.

Бывало, соберется кружокъ, кто побойчее — разсказываетъ, остальныя же слушаютъ съ превеликимъ вниманіемъ. И теперь еще живо помню дѣтскія головки, вытянутыя впередъ и превратившіяся въ слухъ. Все миновало! Я въ той-же обстановкѣ,—но я не то!..

Въ городѣ носятся слухи, что холера въ Воронежѣ. Стало быть, опять и намъ должно ждать эту гостью: вѣроятно, въ столицу изволитъ пожаловать. Волей-неволей придется

[5]) „Леля“. Ольга Петровна, отъ мачихи.

встрѣтиться съ старой знакомою, оставившей по себѣ ужасную память. Сейчасъ я услышала, что умеръ отъ холеры Тимродъ [6]), молодой, здоровый преображенскій офицеръ. Два дня, и его уже не стало!.. Какъ не прочна жизнь человѣка!

Разсказывали при мнѣ вчера происшествіе, случившееся въ столицѣ на-дняхъ. Съ трудомъ вѣрится, чтобы у насъ, въ половинѣ XIX вѣка, въ Петербургѣ, гдѣ живетъ самъ Царь, могло случиться что-нибудь подобное.

Въ столицѣ есть какой-то генералъ. У него умирала жена. Нѣжный супругъ хоронитъ ее на другой же день. Процессія отправляется на кладбище. Все идетъ надлежащимъ порядкомъ, и нѣжный супругъ слѣдуетъ за гробомъ усопшей. Вдругъ на встрѣчу покойницѣ несутся верховые. Лошади ихъ, испугавшись, по всей вѣроятности, факеловъ, бѣсятся и мчатся какъ разъ на ген. Св., сбиваютъ его съ ногъ, при чемъ получается вывихъ руки. Генерала С. усадили въ карету и увезли домой, а процессія продолжала свой путь. Гробъ вносятъ въ церковь. Начинается отпѣваніе.

Сынъ покойной, находившійся у гроба, замѣтивъ на щекахъ матери легкій румянецъ, проситъ остановить отпѣваніе, говоря: *«мать жива»*. Священникъ формалистъ, вѣроятно, похоронившій на кладбищѣ и свое сердце, безъ разрѣшенія консисторіи или архіерея—остановить отпѣваніе отказался.

Обратились къ случившемуся здѣсь приставу. Этотъ объяснилъ, что на это права не имѣетъ безъ оберъ-полицмейстера. Возмущенный такимъ отношеніемъ, сынъ не велитъ зарывать безъ себя мнимо-скончавшуюся, и ѣдетъ къ высшимъ властямъ. Но во время его отсутствія мать зарыли, потому что какой-то случившійся здѣсь докторъ удостовѣрилъ фактъ ея смерти...

[6]) Тимродъ—хорошій знакомый одной изъ сослуживицъ Варвары Петровны.

Сынъ настоятельно требуетъ, чтобы мать откопали. Послѣ долгихъ отказовъ согласились. И что жъ оказалось? Бѣдная женщина, сорвавъ съ себя саванъ, судорожно сжала его въ рукѣ. Но страданія ея ужъ прикончились: — она была мертва!

Все это такъ страшно, ужасно и безчеловѣчно. Волосы дыбомъ становятся! Какую огромную отвѣтственность взяли на себя тѣ, кто зарыли ея живою...

При этомъ разсказѣ Екатерина Григорьевна [7]) вспомнила подобный же случай, бывшій много лѣтъ тому назадъ.

У одной купчихи умираетъ дочь въ родахъ, ее хоронятъ и опускаютъ въ могилу, вымощенную камнемъ. На другой день слышатъ стоны въ могилѣ.

Но такъ какъ «безъ разрѣшенія начальства нельзя и человѣка спасти», то потеряно было довольно много времени, пока пришло разрѣшеніе.

Отрывъ могилу, нашли гробъ раскрытымъ. Въ гробу лежалъ ребенокъ, а въ углу склепа прижалась мать... но уже безъ признаковъ жизни.

Мать этой молодой женщины, при видѣ этой картины, тутъ же и помѣшалась.

Екатерина Григорьевна видѣла, когда ее привозили къ мощамъ Святителя Тихона Задонскаго, и отъ самихъ родственниковъ больной слышала это.

Боже мой, не дай и мнѣ проснуться въ гробу! Я ужасно боюсь быть схороненной за-живо.

Что-то мнѣ нынче не хочется умирать, — страшно стало. Что за жизнь наступитъ послѣ смерти? Простишь ли Ты, Господи, грѣхи мои?.. Гдѣ моя прежняя вѣра? съ ней и последнее мое счастіе отлетѣло. *Умереть?..* но что такое смерть?.. И что будетъ за нею?... [8])

---

[7]) Екатерина Григорьевна Богданова, кл. д. И м п. В. Об. бл. дѣв. — „добрая и религіозная старушка". См. зап. 1833 г. 11 дек., пр. 4.

[8]) Въ 1847 г. Вар. Петр. читала съ увлеченіемъ Фейербаха и Вольтера.

Аннетъ причащалась.

6 августа. Сегодня причащалась Аннетъ.

Какъ благоговѣйно совершаются службы здѣсь, въ Смольномъ! Готовятся и приступаютъ къ Таинству съ такимъ благочестіемъ, какого я никогда не встрѣчала въ другихъ церквахъ. Вдовушки молятся усердно [1]). Все такъ чинно, хорошо. Люблю я *эту церковь*. Я плакала въ ней отъ умиленія и никакъ не могла удержаться отъ слезъ, — а моя Аннетъ, та почти рыдала.

Возвратись, моя прежняя чистая вѣра! И я говѣю. Въ субботу причащаюсь. Страшно!..

У Аннетъ больше года болятъ ноги, такъ что она не можетъ стать на колѣни, но, подходя къ причастію, она не чувствовала никакой боли, сгибая ихъ. Я удивилась, увидавъ Нюту колѣнопреклоненною.

Что это?—Сила вѣры или чудо для убѣжденія невѣрующихъ?..

Боже, просвѣти меня и помоги Нютѣ выздоровѣть!

Убійство герцогомъ Шуазель своей жены.—Случай въ Пензѣ съ женою Струйскаго.—Преступленіе не остается безъ наказанія.

24 августа. Въ городѣ [1]) всѣ толкуютъ о холерѣ, да о герцогѣ Шуазель [2]), убійцѣ своей жены.

[1]) Т. е. обитательницы Спб. Вдовьяго Дома. *Часть воспитанницъ (на хоры) и свободныя отъ дежурствъ классныя дамы обычно ходили къ службамъ въ Екатерининскую Вдовьяго Дома церковь.* Умиленіе же вызывалось больше страхомъ приближавшейся холеры, къ возможной встрѣчѣ съ которою о. духовн. I. Преображенскій совѣтовалъ приготовляться усерднымъ говѣніемъ (см. рисунокъ: «церковь СПБ. Вдовьяго Дома», зап. 1854 г. 11 ноября).

[1]) С.-Петербургъ.

[2]) Происшествіе, о которомъ много печаталось въ 1847 г.

Мѣсяцъ назадъ герцогиня Шуазель, дочь извѣстнаго маршала Себастьяно, съ дѣтьми, мужемъ и прислугою пріѣхала къ себѣ въ деревню. Уставъ съ дороги, она рано легла въ постель, такъ что въ девять часовъ вечера въ домѣ огня уже не было видно. Въ четыре часа утра вдругъ горничная герцогини слышитъ сильный звонъ колокольчика;—она бросается въ спальню. Дверь заперта. Стучитъ. Не отворяютъ,—а только слышатся стоны. Она созываетъ слугъ—и двери выламываютъ.

Предъ ихъ глазами герцогиня на полу въ крови, израненная, но еще жива, въ рукахъ у нея клочекъ волосъ. Дали знать полиціи; всѣхъ людей герцога забрали, допрашивали порознь и открылось ужасное злодѣйство! Въ этомъ домѣ была гувернанткой дѣтей одна очень хорошенькая англичанка. Герцогъ подружился съ нею, а жена, замѣтивъ неприличную дружбу, отказала гувернанткѣ. Разсказываютъ, будто англичанка, оставляя домъ, сказала: «я это тебѣ отомщу». Добродѣтельный герцогъ «перлъ взглядовъ» Франціи, чтобы избавиться отъ жены, входитъ ночью въ ея спальню, наноситъ нѣсколько ранъ кинжаломъ и бьетъ въ голову рукояткой пистолета.

Однакоже провидѣніе не допустило убійцу скрыть свой звѣрскій поступокъ: у него на рубашкѣ остались пятна крови, а у жены въ рукахъ клочекъ его волосъ.

Никогда убійство не можетъ быть скрыто, — рано или поздно, но убійца найдется [3]).

Шуазель былъ изобличенъ въ преступленіи, принялъ ядъ и умеръ. Теперь обоихъ, мужа и жену, судитъ у престола Высшій Судія...

Бѣдныя дѣти,—ихъ осталось десять человѣкъ! Какъ отзовется на нихъ позоръ родителей? Думали-ли о томъ почившіе?..

---

[3]) Да. См. Еванг. Матѳея 10 гл. 26 ст.

Когда дежурныя дамы толковали о Шуазель съ Екатериною Григорьевною, то словоохотливая старушка разсказала намъ одно подобное же происшествіе, надѣлавшее много шуму въ Пензѣ.

Еще въ молодые годы Екатерины Григорьевны [4]) въ Пензѣ жилъ молодой человѣкъ, нѣкто Струйскій, со своею тетушкою, богатою женщиною; она его выростила и воспитала. Будучи съ полкомъ въ Польшѣ, онъ влюбился тамъ въ хорошенькую польку, женился на ней и, оставивъ службу, выѣхалъ съ нею на жительство въ Пензу. Въ дорогѣ случились какія-то неожиданныя обстоятельства, задержавшія Струйскаго на нѣсколько дней. Тогда онъ отправляетъ жену впередъ, а самъ хотѣлъ ѣхать слѣдомъ за нею.

«Тетушка» его приняла молодую пріѣзжую «съ распростертыми объятіями»; но къ вечеру бѣдняжки ужъ больше не стало: ее задушили въ банѣ, тайкомъ схоронили, а черезъ три дня подали объявленіе, что племянница пропала. Полиція искала, но нигдѣ и слѣда погибшей не нашла.

Годъ спустя, какой-то мужичекъ деревни, принадлежавшей Струйскому, рубилъ въ лѣсу дрова и, покончивъ дѣло, обратилъ вниманіе на свою собаку. Собака выла, рыла лапами землю и на его зовъ не трогалась съ мѣста. Мужикъ, видя, что ничѣмъ не сманить собаку, подошелъ посмотрѣть, что ее такъ интересуетъ, и самъ сталъ лопатою разгребать землю, думая, вѣроятно: «авось, кладъ найду». Но вмѣсто клада изъ-подъ земли высунулась рука. Мужикъ крестясь засыпалъ ее снова землею и побѣжалъ въ деревню дать знать о своей находкѣ.

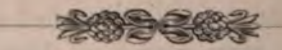
Съѣхались понятые, разрыли землю и нашли бѣдную молодую жену Струйскаго, какимъ-то чудомъ прекрасно сохранившуюся. Губернскій предводитель тотчасъ отправился къ

[4]) Т. е. въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

теткѣ. Та испугалась, бросилась ему въ ноги и предложила большой кушъ денегъ, только бы замять это дѣло. Но она напала на честнаго человѣка, котораго подкупить ей не удалось, и ее осудили къ ссылкѣ въ Сибирь, на каторгу!

Отъ страха злодѣйку разбилъ параличъ, языкъ повисъ изо рта и, слава Богу, она вскорѣ скончалась.

Да, злодѣйства не остаются безъ наказанія.



Страданія женщинъ, ихъ любовь и мужчины. Наше счастье и мысль о смерти.

22 сентября. Почти во всѣхъ газетахъ печатаются письма несчастной герцогини Шуазель къ ея мужу [1]).

Какъ она любила своего убійцу! Ея письма 1841 и 1842 годовъ дышатъ горячей къ нему привязанностію.

Бѣдныя женщины! Или вы не въ силахъ совладать со страстью? Вы мучитесь, — но любите, даже когда вамъ предпочитаютъ другую и зачастую недостойнѣйшую васъ. Вы чахнете отъ горя, а надъ вами смѣются. — Вотъ обычный печальный удѣлъ глубокой, сильной любви и привязанности!

. . . .

Почему кокетки всегда выигрываютъ предъ истинно-любящими? — Первыя только увлекаютъ, но сердца ихъ остаются покойны, а потому красота, молодость ихъ и не такъ скоро проходятъ. Онѣ полны, цвѣтущи. Любящія же находятся въ постоянной тревогѣ за любимаго человѣка. А жизнь сердцемъ безъ слѣда не проходитъ: свѣжесть быстро теряется, красота увядаетъ, вы дурнѣете и скоро старѣетесь. Этого уже для мужа убійцы было достаточно, чтобы возненавидѣть жену, хотя она дурнѣла отъ излишней къ нему любви!

---

1) См. 1884 г. 24 августа.

Такъ любящая женщина теряетъ значеніе въ глазахъ недостойнаго мужчины, но и большинство изъ нихъ не стоятъ не только любви, но и вниманія...

Теперь, когда я читаю или слышу *«о любви»*, мнѣ припоминаются слова Нестора.

Описывая русскія бани и обычай париться, онъ говоритъ: «никѣмъ не мучимы — сами себя мучатъ». То же должно сказать и о «лучшей половинѣ рода человѣческаго».

Вѣрно находятъ онѣ прелести въ своихъ страданіяхъ? Пусть страдаютъ! Совѣты здѣсь не помогутъ...

Слава Богу, теперь мы съ сестрою ограждены отъ такого рода житейскихъ волненій, свойственныхъ обычно молодости, и подобныхъ мученій почти не понимаемъ. Намъ теперь милы тишина и покой, да свѣтлая чистая комнатка, да ясный денекъ, книги, кофе да чай, вотъ и все, что теперь нужно для счастія, когда-то прихотливой «Вареньки». Мы съ Нютой теперь часто благодаримъ Бога за мирное наше житье. И какъ весело смотрѣть на свой уголокъ! Покойно уляжешься на кушеткѣ, обставленной цвѣтами, — книга въ рукахъ, я читаю, Нюта у другого стола что-то переводитъ, а солнышко весело заглядываетъ въ комнатку, смотритъ на цвѣты, на насъ да радуется, *что нашло* столь довольныхъ людей.

Не достаетъ только сестрициньки, [2]) а то бы мы всѣ три были вмѣстѣ.

Боже, не измѣни нашу долю; не разлучай насъ, сестеръ, а если кому изъ насъ нужно умереть, то пусть выборъ падетъ прежде на меня...

Холера приближается къ Москвѣ, скоро, вѣроятно, прибудетъ и къ намъ. Сколькихъ недосчитаются послѣ ея визита?

Предчувствую, что жить долго и я не буду, — что теперь лишь по благости Божіей отдыхаю душой передъ смертію.

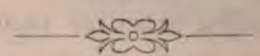
---

[2]) Елизаветы Петровны, которую сильно любила Варвара Петровна.

Я много страдала и, пожалуй, стала бы роптать на горькую свою долю, но чтобы съ благодарностію покинула я землю въ эти послѣдніе дни Господь посылаетъ мнѣ покой и счастіе.

Отче мой небесный, да будетъ во всемъ воля Твоя святая! Призовешь, пойду къ Тебѣ. Правда,—со страхомъ, но и съ надеждою на Твою благодать!..

Давно, давно томилась душа моя на землѣ и жаждала другой жизни, но буди, Господи, какъ Ты хочешь. Да будетъ воля Твоя!..

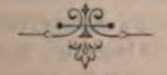


Рѣка Нева.

Le 24 sept. Avez-vous jamais vu la Néva un jour de printemps, lorsque après avoir brisé la glace, qui l'enchaînait, belle et majestueuse, elle roule ses eaux limpides dans l'océan. Des pyroscaphes, de nombreux navires, déployant des pavillons de toutes les nations du monde, des vaisseaux de toute espèce se croisent dans tous les sens; un soleil brillant jette des gerbes de lumière dans les eaux du fleuve et ajoute à la beauté du tableau. L'avez-vous admirée alors, cette grandiose Néva? Ou bien, vous 'est-il arrivé de la contempler une nuit d'été lorsque, calme et silencieuse, elle semble se reposer dans son cadre de granit. La lune, se cachant sous les nuages, l'éclaire d'une lumière douteuse et répand un charme indicible sur les objets environnants. Oh, qu'elle est belle la Néva, alors que réfléchissant dans son sein et les cieux et les palais, grandissant dans l'ombre, elle semble chanter la gloire de l'Eternel. De temps à autre le bruit d'une rame, fendant les eaux, résonne dans le silence de la nuit. C'est un bateau tardif ramenant des promeneurs d'une des campagnes délicieuses qui embellissent les environs de Pétersbourg; ou bien c'est la barque fidèle d'un pauvre pêcheur qui, en jetant ses filets dans le fleuve, entonne une de ces

chansons plaintives, dont les russes accompagnent leurs travaux. Oui, regardez alors la superbe Néva et vos yeux fascinés par cette splendeur ne s'en détacheront plus et le sommeil fuira vos paupières.—Mais voyez-la aussi en automne par une nuit sombre, lorsque les vents soufflent avec impétuosité et soulèvent des vagues écumeuses à sa surface. Elle est noire alors, elle est terrible! et malheur au téméraire, qui se hasardera à conduire son frêle esquif sur les eaux en fureur! Qu'il recommande son âme à Dieu et que le Seigneur en ait pitié!

[Переводъ]. Видѣли ли вы Неву въ весенній день, когда она, послѣ вскрытія льда, который ее сковывалъ, катитъ въ океанъ свои величественныя, прекрасныя и свѣтлыя воды. Различные суда, корабли, развертывающіе флаги всѣхъ на свѣтѣ націй, лодки всякаго вида снуютъ по всѣмъ направленіямъ, а яркое солнце бросаетъ снопы свѣта въ волны рѣки и дополняетъ красоту картины. Любовались ли вы тогда величественной Невою? Или не приходилось ли вамъ созерцать ее въ лѣтнюю ночь, когда, тихая и спокойная, она кажется отдыхающей въ своемъ гранитномъ бордюрѣ. Луна, прячась въ облакахъ, слабо освѣщаетъ ее и придаетъ невыразимое очарованіе окружающимъ предметамъ. О, какъ хороша Нева тогда, когда, отражая въ своей глубинѣ небеса и дворцы, выростающіе въ тѣни, она, какъ будто воспѣваетъ славу Создателя. Время отъ времени весла, разсѣкающія волны, прозвучатъ въ тишинѣ ночной. Это, должно быть, запоздалая лодка, которая везетъ гулявшихъ, изъ какой-нибудь прелестной деревушки, во множествѣ раскинутыхъ въ окрестностяхъ Петербурга, или же вѣрная лодочка бѣднаго рыбака, который, забрасывая свои сѣти въ рѣку, затягиваетъ одну изъ тѣхъ жалобныхъ пѣсенъ, которыми русскіе люди сопровождаютъ свою работу [1]). Да, посмотрите тогда на величественную Неву, и ваши глаза, очарованные великолѣпіемъ, не оторвутся отъ нея, и сонъ вашъ пропадетъ. Но посмотрите на нее осенью, въ темную ночь, когда вѣтеръ дуетъ съ ожесточеніемъ и подымаетъ на ея поверхности пѣнистыя волны. Она черна тогда и ужасна! И бѣда смѣльчаку, который поторопится направить свой легкій челнъ на встрѣчу быстрому теченію. Вручай свою душу Богу, и Господь смилуется надъ тобою!



[1]) Варвара Петровна была очень близорука и не могла разсмотрѣть, что происходило на Невѣ—потому и являлись эти предположенія.

Помолвка Саши Гартонгъ. Темира. Графъ П. А. Клейнмихель.

26 сентября. Третьяго дня праздновали мы помолвку Саши Гартонгъ [1]; она выходитъ замужъ за человѣка, котораго любитъ лѣтъ семь.

Какихъ чудесъ на свѣтѣ не бываетъ: — любить одного и того же цѣлыхъ семь лѣтъ! И не надоѣстъ это?.. *Вѣрно достоинъ того.* А Саша такая хорошенькая...

Странно, поживешь всего увидишь.

Вотъ теперь выходитъ и Темира [2] замужъ, чрезъ 17 лѣтъ послѣ выпуска! Женихъ ея ждалъ только мѣста, чтобы получить возможность прилично содержать семью. Устроивъ дѣла, принесъ свою руку, сердце и прежнее мѣсто къ ногамъ Темиры, за одну ея руку. Рука, правда, маленькая, бѣленькая, но ужъ она *«17 лѣтъ»*, какъ выпущена!.. Послѣ этого какъ не скажешь, что истинная любовь не знаетъ старости и встрѣчается не только въ романахъ, но и на землѣ...

У Гартонгъ собралось изъ одного нашего класса девять человѣкъ. Были тамъ и Клейнмихель [3], онъ и она.

Я съ какимъ то страхомъ смотрѣла на графа; мнѣ тотчасъ пришли на память тѣ бѣдные молодые люди, кадеты, студенты корпуса путей сообщенія, которымъ, по приказанію Клейнмихеля, дали по триста ударовъ и больныхъ бросили въ подвалы, не позволяя никому изъ родныхъ ихъ ви-

---

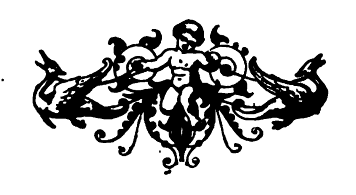
[1]) Александра Павловна Гартонгъ, вос-ца И м п. В. Об. бл. дѣв. вып. 1836 г., дочь Маріи Андр. Гарт. (см. зап. 1847 г. 23 іюня, пр. 4), выходила за Николая Львов. Барокко.

[2]) Темира (Татіана) Тарновская, музык. дама и вос-ца. И м п. В. Об. бл. дѣв. вып. 1830 года, по мужу Жилина.

[3]) Графъ Клейнмихель, Петръ Андреевичъ, родной братъ Маріи Андреевны Гартонгъ (зап. 1847 г. 23 іюня пр., 4), род. 1793 г., † 1869 г. Ученикъ и сослуживецъ Аракчеева. Въ 1845 г. исп. д. военнаго министра и главноуправляющаго путями сообщенія. Фактъ В. Петр. передаетъ со словъ брата, студента-путейца.

дѣть. Одинъ изъ страдальцевъ дѣтей тамъ и умеръ; другіе шестеро, въ качествѣ солдатъ, посланы на Кавказъ, слухъ объ нихъ пропалъ, родные и не знаютъ, живы ли они? За дѣло, но жестокъ...

Клейнмихель, вѣроятно, замѣтивъ мой враждебный взглядъ, пытался заговорить со мною, но я боясь за лучшее сочла отдалиться...



1848 г.

Тяжесть и долгъ жизни.

9 марта. Иногда жизнь бываетъ очень глупа и несносна, но мнѣ нужно жить, чтобы принести и свою лепту на алтарь отечества. Надобно жить для пользы другихъ, трудиться, чтобы перейти въ другую жизнь примирившись, унося съ собою сознаніе хотя одного исполненнаго добраго дѣла...

Но, Боже мой, какъ тяжелъ и труденъ подвигъ!.. Пошли мнѣ терпѣнія!..

Веселье у Гартонгъ. Костя Гартонгъ. («Благодарность» В. Г. Бенедиктова).

12 марта. Вчера мнѣ было очень весело у Гартонгъ [1]). Послѣ обѣда гости придумали задавать стихи на назначенныя риѳмы. Началъ Бенедиктовъ [2]), за нимъ вступили въ

---

1) Зап. 1847 г. 23 іюня, пр. 2.

2) Бенедиктовъ, Владиміръ Григорьевичъ, русс. поэтъ (род. 5 нояб. 1807 г., † 1873 г.). Въ эпоху Севастопольской войны онъ выступилъ въ роли патріотическаго лирика. Его стихотворенія читались нарасхватъ. Варварѣ Петровнѣ одно время онъ очень нравился. Въ 50-хъ годахъ на Пасхѣ, пославъ ему «шелковыхъ мячиковъ», издѣлія отъ *«неизвѣстныхъ»*

...стязаніе Баумгартенъ, [3]) Барокко, Nicolas и Костя Гар-
...нгъ [4]). Импровизаціи выходили иногда очень удачны.

Костя, по обыкновенію, смѣшилъ всѣхъ. Онъ, какъ при-
...вая лошадь, всегда прискакивалъ къ столбу первый; стихи
...го вызывали всеобщій хохотъ. Правда, они нелѣпы, послу-
...шать ихъ безъ смѣха нельзя. Надо сознаться,—Костя имѣетъ

...смолянокъ» (К. и М. Сабуровыхъ, П. Носовичъ и Быковой), она полу-
...чила отъ Владим. Григорьевича слѣдующіе стихи:

БЛАГОДАРНОСТЬ.

Я предковъ именемъ не громокъ
И важныхъ дѣлъ не совершилъ.
Скажите-жъ, чѣмъ я заслужилъ
Вниманье милыхъ незнакомокъ?
Иль въ округленный свитъ клубокъ
Изъ нитей звуковъ и созвучій
Мой стихъ—сей мячикъ мой гремучій—
Ко мнѣ ихъ мячики привлекъ—
Издѣлья рукъ ихъ бѣлоснѣжныхъ,
Гдѣ взору сладостно слѣдить,
Какъ тутъ, съ отливомъ душъ ихъ нѣжныхъ,
Съ оттѣнкой дней ихъ безмятежныхъ,
Извита шелковая нить?
Поклонъ имъ, Муза!—Ты рѣзвушка
Была когда-то,—а теперь
Поклонъ степенный свой, старушка,
Свѣтиламъ юности отмѣрь!
И сей привѣтъ представь въ возмездье
За ихъ дары,—благодаря
Четырехзвѣздное созвѣздье
Лилейныхъ дѣвъ Монастыря!
Пегасъ мой слабъ для рѣзвыхъ скачекъ,
А то—хоть крылья-бъ радъ свернуть
И клубомъ свиться въ пряткій мячикъ,
Чтобъ къ ихъ стопамъ перепрыгнуть!

В. Бенедиктовъ.

[3]) Баумгартенъ, Апол. Карлов., мужъ Евд. Пав. Гартонгъ (1847 г. 23 іюня, пр. 2).

[4]) Барокко, Николай Львовичъ, мужъ Александры Пав. Гартонгъ (1847 г. 26 сент.). Николай и Конст. Пав. (1847 г. 23 іюня, пр. 2), сыновья Маріи Андреевны Гартонгъ.

даръ говорить вѣчно вздоръ и заставлять другихъ смѣяться этому вздору;—и этотъ талантъ не всякому дается...

Костѣ уже 23 года, а онъ совершенное дитя: полька, хорошенькія личики, театры, музыка, визиты,—вотъ вся цѣль его жизни. Каждый вечеръ влюбляется въ новую хорошенькую барышню и умудряется любить всю свою коллекцію барышень разомъ!.. Дамы всѣ отъ него въ восторгѣ и очень рады, когда онъ съ кѣмъ прополькируетъ и протанцуетъ мазурку. Человѣкъ пока не опредѣлившійся. Богъ знаетъ, будетъ ли изъ него когда-нибудь прокъ? Марія Андреевна часто думаетъ объ этомъ...

Исповѣдь.

7 апрѣля. Вотъ теперь, какъ я исповѣдалась, а завтра, когда Богъ дастъ, причащусь, то и умереть хорошо было бы. На душѣ легко и нѣтъ въ ней ни гордости, ни ненависти,—одна любовь ко всѣмъ и сокрушеніе о грѣхахъ.

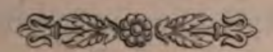
Боже мой, очисти меня, смири мой духъ тревожный, который все еще высоко заносится. Теперь мнѣ и вѣрится [1]) и плачется, и я съ такою любовью и благоговѣніемъ поцѣловала изображеніе Спасителя и Божіей Матери!.. А все иногда сомнѣнія являются... не могу освободиться отъ нихъ.

Боже мой; Отче небесный!—вѣрую, помоги моему невѣрію и милостивъ буди мнѣ, грѣшницѣ!

Есть вѣрованія въ законѣ нашемъ, которыхъ не можетъ принять мой разсудокъ; объ этомъ я говорила на исповѣди и они отравляютъ, какъ ядъ, мою вѣру. Господь знаетъ, а люди не понимаютъ или не хотятъ понять, потому и говорить о нихъ страшно...

[1]) Зап. 1847 г

Господь помилуетъ меня: Онъ весь Любовь и меня не накажетъ за мысли, которыя невольно западаютъ въ голову...



Желаніе.

28 мая. Вечеръ чудно хорошъ! Тихо,—ни вѣтерка; не шелохнется листочекъ на деревѣ; Нева—прелесть, заглядѣнье! Въ нее смотритъ голубое небо, слегка подернутое легкими, серебристыми облаками. Кругомъ еще дѣвственная зелень, не засыпанная городскою пылью. Хорошо, очень хорошо! Не отошла бы отъ окна; не отвела бы глазъ отъ неба, отъ Невы, отъ зелени!

Недостаетъ только здѣсь музыки. О, тогда бы мнѣ ничего не нужно болѣе! Смотрѣть на окружающія красоты и упиваться звуками гармоническихъ аккордовъ фортепіяно, или задушевной нотою пѣвучей флейты, или заслушаться звуками соловья, или красиваго женскаго голоска, или могучаго и вмѣстѣ увлекательнаго мужского тенора.

Боже, сколько изъ того, что Ты далъ людямъ, можно получать наслажденій! И какъ немного нужно человѣку для счастія!—О, если бы такъ хорошо было всегда!..

Холера въ Петербургѣ. Несчастія въ Европѣ и Россіи. Общее настроеніе. Настроеніе отдѣльныхъ лицъ и Варвары Петровны. „Старыя дѣвы".

24 іюня. И къ намъ, наконецъ, пожаловала давно жданная, но вовсе нежеланная гостья, *холера*. Она появилась уже 3-го іюня и мастерски работаетъ: народъ такъ и валится. Кладбища полны; по четыреста и по пятисотъ въ день покидаютъ землю, возвращаясь въ нее. Большая часть

гибнетъ изъ простого бѣднаго люда. Не понимают что во время той болѣзни надобно быть очень возд нымъ; ѣдятъ и пьютъ, что ни попало, крѣпко убѣжд что кому нужно умереть, тотъ непремѣнно умретъ:— ли беречься, или нѣтъ, а кому Богъ велѣлъ жить, къ ничего не пристанетъ. Холера же, по ихъ понятіямъ, иное, кокъ отрава,—ядовитый порошокъ, который по ютъ имъ доктора и злые люди. Разувѣрьте этихъ Они и слушать не хотятъ, ропщутъ, готовы бунтов Бѣдныя, непросвѣщенныя дѣти!

Такое нынче страшное время! Вся Европа «го Нѣтъ уголка, гдѣ бы не волновались люди. Одна смирна покамѣстъ; но зато въ ней почти нѣтъ мѣст бы не уничтожала людей холера. Подвигаясь на сѣв западъ, она въ то же время разсылаетъ гонцовъ на востокъ, подбирать тѣхъ, которыхъ забыла во время перваго пребыванія. И снова мрутъ люди въ Моск Костромѣ, въ Пензѣ, въ Саратовѣ, въ Казани и Астрах вездѣ, однимъ словомъ всюду, даже и тамъ, гдѣ он была и въ прошломъ году. По 32-мъ губерніямъ ствуетъ «проказница».

Въ Петербургѣ народъ очень пріунылъ. Молятся жатъ молебны; духовенство для ободренія ходитъ с стами, а всѣ вообще очень трусятъ,—особенно же т торымъ здѣсь на землѣ хорошо и счастливо жилось.

Всѣ «модные львы» ходятъ съ вытянутыми блѣ лицами; глядя на нихъ, хочется не слѣдовать за ними новившься храбрѣе [1]). У насъ—въ Смольномъ тоже дамы пріуныли. Странно, что болѣе боятся самыя хра которыя вѣчно острили и о смерти никогда и дума желали. Улыбки теперь не видно на ихъ самонадѣя лицахъ,—ходятъ безпрестанно въ церковь, говѣютъ и

[1]) Месть, послѣ разочарованія, „ухаживателю“—сослуживцу, худа безъ добра“—русская пословица.

отъ нихъ не добьешься. Есть и совершенно забывшія себя и посвящающія всю свою жизнь для блага другихъ. Одна изъ дамъ—Триттгофъ [2]) испросила дозволенія быть при холерныхъ, другая—Слонецкая [3]) съ утра до вечера хлопочетъ о больныхъ.

Любо глядѣть на эту женщину: и лицо и поступь покойны, отдаетъ приказанія, не торопясь; вездѣ сама ходитъ, по всѣмъ лазаретамъ, все видитъ, цѣлый день въ движеніи и отдыхаетъ только въ церкви, которую посѣщаетъ два раза въ день. О смерти говоритъ такъ же равнодушно, какъ о самой обыкновенной вещи. Глядя на нее, думаешь: вотъ гдѣ истинное мужество!

Мнѣ и самой хотѣлось-бы имѣть эти же качества. Не могу сказать, чтобы я очень боялась холеры. У меня столько занятій, что рѣшительно забываешь обо всемъ постороннемъ и даже о холерѣ; когда есть свободное время и станешь немного размышлять, что и самой быть можетъ не сегодня, такъ завтра придется отойти на тотъ свѣтъ,—то какъ-то, хотя и не надолго, но становится очень страшно. Представишь себѣ безчувственный, охладѣвшій, вытянутый трупъ и не вѣришь, чтобы я, совершенно здоровая, на самомъ дѣлѣ могла въ него превратиться.

Но не столько эта участь пугаетъ меня, сколько душа. Куда пойдетъ она, и что будетъ за жизнь послѣ смерти? Вотъ это бросаетъ меня часто и въ жаръ и въ холодъ. Я

---

[2]) Триттгофъ, Марія Густавовна, клас. дама Имп. В. Об. б. дѣв., чудная личность, выпус. 1811, 12-го, 13-го или 14-го годовъ. Скончалась подвижницею.

[3]) Слонецкая, Анна Демьяновна, вып. тѣхъ-же годовъ, дочь учителя Дом. Гавриловича (см. зап. 1833 г. 19 мая, пр. 4), столь любившая Смольный, что отказалась состоять воспитательн. при Вел. Княжнахъ. Одинъ изъ первыхъ и энергичныхъ дѣятелей разрѣшенія вопроса о служеніи всенощныхъ бдѣній въ С.-Петербургѣ. Строгая, честная и справедливая, по отзывамъ ея воспитанницъ, классная дама (съ 1820 по 1855 г.) и и. д. инспектрисы.

знаю, что нѣтъ конца милосердію Божію, и думается мнѣ,— Господь ли не проститъ мнѣ, слабому своему созданію, если мы прощаемъ обидѣвшимъ насъ?.. Но въ то же время думы о воздаяніи говорятъ другое и сбиваютъ меня съ толку...

Господь мой, съ однимъ Тобою бесѣдую я откровенно!.. Передъ Тобою только Однимъ изливается душа моя, и иногда лучъ благодати Твоей свѣтитъ въ ней и разгоняетъ уныніе и отчаяніе. Святый Боже, помилуй мя!..

Недавно одинъ глупый, но высокопоставленный человѣкъ, дозволилъ себѣ въ обществѣ вышучивать «старыхъ дѣвъ».

Заглянули-бы сюда, [4]) много ли найдется замужнихъ женщинъ, съ такимъ самоотверженіемъ заботящихся о *чужихъ* дѣтяхъ, какъ заботятся здѣсь, въ Смольномъ, «старыя дѣвы»[5]) о дѣтяхъ, которыя послѣ выпуска, быть можетъ, и *«спасибо»* имъ не скажутъ.

Много есть ложныхъ понятій въ свѣтѣ, отравляющихъ жизнь человѣческую, а особенно жизнь бѣдныхъ, трудящихся, честныхъ дѣвушекъ.—Многія изъ нихъ, чтобы не носить *«позорнаго»* имени «старой дѣвы», выходятъ, Богъ знаетъ, за кого и, разумѣется, бываютъ несчастны сами и дѣлаютъ несчастными своихъ дѣтей. Находятся, правда, и такія, которыхъ *не пугаетъ одинокая дѣвичья жизнь*, но такихъ философовъ между нами немного. И я не принадлежу къ нимъ...

Грусть и думы о смерти. Желаніе жить для сестеръ и просьба къ нимъ. Петербургъ въ холерное время. Крестный ходъ вокругъ Смольнаго.

4 іюля. Что то мнѣ грустно становится эти дни?.. Не чуетъ ли сердце, что скоро придетъ и моя очередь проститься съ землею?..

[4]) Т. е. въ Смольный.

[5]) Для Варвары Петровны не было, кажется, обиднѣе названія „старой дѣвы“.

Что же?—Я готова. Недавно причащалась. Господь простилъ мнѣ, и теперь не страшно переходить въ другую, вѣроятно, лучшую жизнь. Здѣшней не жаль мнѣ. Что въ ней? Раньше все было горе и горе. Конечно, во многомъ виноватъ мой характеръ; но отчего бы то ни было,—но мнѣ не сладко жилось на землѣ и потому не жаль ее покинуть; но жаль лишь сестрицъ [1]), моихъ милыхъ, родненькихъ моихъ. Какъ ихъ оставить? Какъ вспомню про нихъ, навертываются слезы.

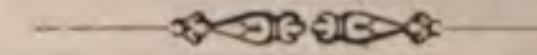
Ангелы мои, для васъ смерть Вареньки будетъ ужасна!.. Но, ради самого Бога, ради спасенія души вашей, не ропщите, если Господь призоветъ меня къ себѣ раньше васъ. Это будетъ не наказаніемъ Его, но благостію. Вѣдь вы знаете, много ли отрадныхъ дней въ жизни было у вашей Вареньки? Правда, я желала бы жить, чтобы приносить хоть немного пользы другимъ, хотѣла бы жить собственно для васъ, мои чудныя сестрицы, но, когда Богу угодно взять меня отъ васъ, не огорчайтесь много, а молитесь за усопшую. Молитесь у себя, не заставляя священниковъ служить панихиды. Священникъ необходимъ для таинствъ, а здѣсь, по-моему, не есть необходимость; если молитва ваша будетъ усердна и свята, то услышитъ ее Господь [2]), и возрадуется душа моя тамъ...

Холера не прекращается. Хотя, говорятъ, что смертныхъ случаевъ меньше, но это и не удивительно, когда всѣ имѣющіе какую нибудь возможность уѣзжаютъ изъ города: кто на дачи, кто въ деревню. За послѣднія двѣ недѣли около ста тысячъ жителей выбыло изъ Петербурга. Простой народъ тоже расходится по деревнямъ, а потому рабочіе люди въ столицѣ дорожатся страшно. Извозчиковъ почти нѣтъ. Въ городѣ пусто; въ Гостинномъ Дворѣ многія лавки

[1]) Елизавету и Анну, съ которыми В. П. была особенно дружна.
[2]) Такъ-ли? Услышитъ-ли того, кто Его не слушаетъ? (см. Еван. Матѳ. 18 гл. 17 ст.; Луки 17 гл. 14 ст. или посл. Апостола Іакова 5 гл. 14 и 15 ст.)

закрыты,—совсѣмъ прекратилась торговля. У насъ, въ Смольномъ, умерло двѣ дѣвочки, пять дѣвушекъ и нѣсколько вдовъ [3]).

Въ прошлое воскресенье соборные священники [4]) ходили съ образами и, когда они шли кругомъ Смольнаго, то нашихъ дѣтей вывели на берегъ Невы, чтобы помолиться вмѣстѣ съ другими. Процессія, поровнявшись съ институтками, остановилась. Всѣ бросились на колѣни и запѣли: «Къ Богородицѣ прилежно нынѣ притецемъ, грѣшніи и смиренніи», а старшій священникъ прочелъ молитву. Голосъ его дрожалъ отъ умиленія. Святыя хоругви развѣвались въ воздухѣ. На баркахъ, противъ Смольнаго, мужички, снявъ шапки и преклонивъ колѣни, набожно крестились. А надъ молящимися дѣтьми синѣло небо, и, казалось, ангелы глядѣли на землю и молили Всевышняго о ея помилованіи. Какъ трогателенъ былъ этотъ видъ! Какъ глубока была эта общая молитва!.. [5])



Новая комната.

26 іюля. Мои дѣти перешли въ «голубой» [1]) классъ, и мы [2]) съ ними. Мнѣ досталась прехорошенькая келья. Окна на Неву,—гляди и любуйся сколько душѣ угодно, или лучше сказать, сколько позволитъ время,—свободнаго то только очень мало. Вотъ и теперь я пишу, а передъ глазами те-

[3]) Въ прилегающемъ къ Имп. В. Об. б. дѣв. въ С.П.Бургск. Вдовьемъ Домѣ.

[4]) Протоіерей Іоаннъ Фил. Недешевъ (см. 11 дек. 1833 г., пр. 9), Свящ. о. Василій Максимовъ, Симеонъ Іоанов. Красноцвѣтовъ и Филиппъ Васильев. Сперанскій.

[5]) Такой-же крестный ходъ совершается изъ Смольнаго собора ежегодно 1-го августа.

[1]) «Голубой»—среднее отдѣленіе.

[2]) Т. е. двѣ классныхъ дамы.

четъ моя милая Нева, чистенькая, голубенькая, хорошенькая, широкая и могучая. Лодочки скользятъ по ней, и только весла рябятъ ея воду,—такъ бы и поплыла сама.

Хорошъ Божій свѣтъ! Какъ фантастически-прекрасно разбросаны облака по необозримому небосклону; не хочется и отойти отъ окна, а ужъ звонили,—пора къ столу. Обязанность требуетъ на службу, о поэзіи думать не время.

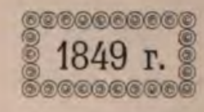
Борьба.

21 ноября. Было время, когда я, вступивъ на службу въ Смольный, думала, что все улеглось, все навѣки заснуло непробуднымъ сномъ въ моей душѣ. Мнѣ казалось, что она, бѣдняжечка, выстрадала такъ много, что ужъ больше не можетъ страдать. Что ничто болѣе не въ состояніи смущать ея спокойствія, и тихо, тихо, однообразно промелькнутъ мои остальные годы. Казалось мнѣ, что я уже отжила свой вѣкъ, и въ Смольный я шла, какъ идутъ въ монастырь на постриженіе. Мнѣ хотѣлось водрузить непреодолимую преграду между собою и между «свѣтомъ».

Проживъ годъ въ Смольномъ, я думала, что уже достигла цѣли. Но увы! Что-то такое недоброе со мною, къ несчастію, снова происходитъ, во мнѣ просыпается. . .

. . . .

«О борьба, борьба!..» Помоги мнѣ, Господи!..

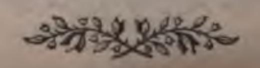


Весна въ Смольномъ.

17 мая. Прелесть, что за весна стоитъ у насъ въ Петербургѣ! 20° тепла въ тѣни! Такой май не осрамилъ бы и южныхъ краевъ, а намъ то онъ просто въ радость, какъ рѣдкость.

Я не покидаю окна своей кельи въ свободное время. Зелень, Нева, за нею Охта со своими карточными домиками и съ куполами церквей, еще далѣе лѣсъ и надъ всѣмъ этимъ синее небо, но не однообразное, какъ на югѣ: по нему прихотливо толпятся облака всѣхъ цвѣтовъ и самыхъ причудливыхъ формъ. Солнышко роскошно ихъ освѣщаетъ, а вѣтеръ разноситъ по свѣту.

Хорошо вамъ, облачка! Вы, какъ духи воздушные, плывете въ необозримомъ пространствѣ. Часто, глядя на васъ, жалѣешь о своей тяжелой земной оболочкѣ; такъ бы и полетѣла за вами... Счастливцы! всѣхъ вы видите, и вами любуются!..



Арестъ Петрашевскаго и нѣкоторыхъ молодыхъ людей. Французы-губители. Русская пѣсня юга и сѣвера.

25 іюня. У многихъ нашихъ молодыхъ людей существуетъ мода болтать всякій вздоръ и казаться чрезъ то передовыми. Вотъ что случилось недавно, благодаря этой модѣ. Молодежь собиралась къ Петрашевскому [1]), обѣдала, кутила и болтала всякія нелѣпости. До сихъ поръ еще не извѣстно, какого рода были тѣ глупости, но, вѣроятно, онѣ перешли за предѣлы дозволеннаго, потому всю молодежь, начиная съ Петрашевскаго, отвезли ночью съ 23-го на 24-ое число въ крѣпость. И сидятъ тамъ безумные «молодые» люди.

Наши губители-французы. У нихъ, что ни день — то бунтъ, и они желаютъ передать намъ свой безпокойный, мятежный духъ и характеръ. Но счастливѣй ли вы, французы, оттого, что безпрестанно волнуетесь и хватаетесь за оружіе?.. Найдите прежде форму правленія, которая бы всѣхъ осчастливила, а потомъ скажите міру: «глядите на насъ и подражайте».— Но зачѣмъ же теперь, когда у васъ никто и заснуть спокойно не можетъ, волнуете вы, какъ духи тьмы, всѣ другіе народы? Ваши возмутительные поступки губятъ наше юношество. Вы сѣете всюду раздоры, поселяете всюду вражду, вооружаете вашихъ согражданъ и истребляете ихъ. Пожаръ Европы—ваше дѣло. Смотрите и любуйтесь своимъ произведеніемъ! Если равенство и свобода состоятъ въ томъ, чтобы ближайшему безнаказанно наносить всякое зло, то — да будетъ проклята такая свобода!

— Образумьтесь прежде, разлейте свѣтъ истиннаго просвѣщенія въ массу народа, въ чернь, и тогда ищите, если возможно, свободы. Но, чтобъ просвѣтить народъ, цѣлую націю,

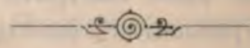
[1]) Или Буташевичъ-Петрашевскій, М. В. † въ Сибири 1867 г. за злые умыслы (см. «Истор. Вѣст.» за 1898 г. и зап. Смол. ч. II-я. 1858 г.).
[illegible]жилъ чиновникомъ въ это время.

надо много, много труда и времени, а безъ *развитія* своб
неограниченная — *страшное зло*.

Восемь часовъ вечера.

Дѣти съ шумомъ возвращаются изъ сада. Охта, сло
золотомъ, освѣщена послѣдними лучами заходящаго солн
Въ Невѣ переливаются всѣ тѣни голубого цвѣта. Лодо
перегоняютъ другъ друга и плещутся веслами.

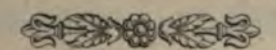
Такъ, бывало, любовалась я Волгой въ Саратовѣ.
Волга гораздо шире,—глядишь и не видишь другого бер
а ночью—весною слушаешь бурлацкую пѣсню, что по
по берегу или на баркахъ. Звонкіе голоса гармонически
ливаются въ ночной тишинѣ, и русская пѣсня несется
Волгѣ, — то заунывная, то удалая, отъ которой кровь быст
движется по жиламъ, и сильнѣе бьется русское сердце.
тѣ пѣсни звучатъ больше на югѣ. Тамъ всѣ поютъ, т
народъ голосистый и музыкальный; здѣсь же, на сѣв
голосъ трудно развить: туманно и холодно, люди не
селые, и пѣсню удалую рѣдко услышишь. Иногда вечер
поздно сижу, ожидая, не запоютъ ли родную пѣсенку. И
бурлакъ и затянетъ хриплымъ, пьянымъ голосомъ... За
ришь окно и подумаешь: жаль, что Петербургъ заброш
такъ далеко на сѣверъ и въ немъ такъ сказывается
«*дикій сѣверъ*».



Мой уголокъ.

2 іюня. Люблю я мой уголокъ, когда сижу я у о
любуясь на Неву, на небо, на Охту и дышу чистымъ
сеннимъ воздухомъ, или, лежа на кушеткѣ съ кни
рукахъ, забываю людей, жизнь, чувства и отношені
бы готова проводить цѣлые дни и годы, свободны
нятій; такъ я и счастлива, и весела, и благодарю

Господь помилуетъ меня: Онъ весь Любовь и меня не накажетъ за мысли, которыя невольно западаютъ въ голову...



Желаніе.

28 мая. Вечеръ чудно хорошъ! Тихо,—ни вѣтерка; не шелохнется листочекъ на деревѣ; Нева—прелесть, заглядѣнье! Въ нее смотритъ голубое небо, слегка подернутое легкими, серебристыми облаками. Кругомъ еще дѣвственная зелень, не засыпанная городскою пылью. Хорошо, очень хорошо! Не отошла бы отъ окна; не отвела бы глазъ отъ неба, отъ Невы, отъ зелени!

Недостаетъ только здѣсь музыки. О, тогда бы мнѣ ничего не нужно болѣе! Смотрѣть на окружающія красоты и упиваться звуками гармоническихъ аккордовъ фортепіано, или задушевной нотою пѣвучей флейты, или заслушаться звуками соловья, или красиваго женскаго голоска, или могучаго и вмѣстѣ увлекательнаго мужского тенора.

Боже, сколько изъ того, что Ты далъ людямъ, можно получать наслажденій! И какъ немного нужно человѣку для счастія!—О, если бы такъ хорошо было всегда!..

Холера въ Петербургѣ. Несчастія въ Европѣ и Россіи. Общее настроеніе. Настроеніе отдѣльныхъ лицъ и Варвары Петровны. „Старыя дѣвы“.

24 іюня. И къ намъ, наконецъ, пожаловала давно жданная, но вовсе нежеланная гостья, *холера*. Она появилась уже 3-го іюня и мастерски работаетъ: народъ такъ и валится. Кладбища полны; по четыреста и по пятисотъ въ день покидаютъ землю, возвращаясь въ нее. Большая часть

гибнетъ изъ простого бѣднаго люда. Не понимаютъ они, что во время той болѣзни надобно быть очень воздержанными; ѣдятъ и пьютъ, что ни попало, крѣпко убѣжденные, что кому нужно умереть, тотъ непремѣнно умретъ:—будетъ ли беречься, или нѣтъ, а кому Богъ велѣлъ жить, къ тому ничего не пристанетъ. Холера же, по ихъ понятіямъ, ничто иное, кокъ отрава,—ядовитый порошокъ, который подсыпаютъ имъ доктора и злые люди. Разувѣрьте этихъ дѣтей! Они и слушать не хотятъ, ропщутъ, готовы бунтоваться. Бѣдныя, непросвѣщенныя дѣти!

Такое нынче страшное время! Вся Европа «горитъ». Нѣтъ уголка, гдѣ бы не волновались люди. Одна Россія смирна покамѣстъ; но зато въ ней почти нѣтъ мѣста, гдѣ бы не уничтожала людей холера. Подвигаясь на сѣверъ и западъ, она въ то же время разсылаетъ гонцовъ на югъ и востокъ, подбирать тѣхъ, которыхъ забыла во время своего перваго пребыванія. И снова мрутъ люди въ Москвѣ, въ Костромѣ, въ Пензѣ, въ Саратовѣ, въ Казани и Астрахани—вездѣ, однимъ словомъ всюду, даже и тамъ, гдѣ она уже была и въ прошломъ году. По 32-мъ губерніямъ странствуетъ «проказница».

Въ Петербургѣ народъ очень пріунылъ. Молятся, служатъ молебны; духовенство для ободренія ходитъ съ крестами, а всѣ вообще очень трусятъ,—особенно же тѣ, которымъ здѣсь на землѣ хорошо и счастливо жилось.

Всѣ «модные львы» ходятъ съ вытянутыми блѣдными лицами; глядя на нихъ, хочется не слѣдовать за ними и становишься храбрѣе [1]). У насъ—въ Смольномъ тоже многія дамы пріуныли. Странно, что болѣе боятся самыя храбрыя, которыя вѣчно острили и о смерти никогда и думать не желали. Улыбки теперь не видно на ихъ самонадѣянныхъ лицахъ,—ходятъ безпрестанно въ церковь, говѣютъ и слова

[1]) Месть, послѣ разочарованія, „ухаживателю"—сослуживцу. „Нѣтъ худа безъ добра"—русская пословица.

отъ нихъ не добьешься. Есть и совершенно забывшія себя и посвящающія всю свою жизнь для блага другихъ. Одна изъ дамъ—Триттгофъ [2]) испросила дозволенія быть при холерныхъ, другая—Слонецкая [3]) съ утра до вечера хлопочетъ о больныхъ.

Любо глядѣть на эту женщину: и лицо и поступь покойны, отдаетъ приказанія, не торопясь; вездѣ сама ходитъ, по всѣмъ лазаретамъ, все видитъ, цѣлый день въ движеніи и отдыхаетъ только въ церкви, которую посѣщаетъ два раза въ день. О смерти говоритъ такъ же равнодушно, какъ о самой обыкновенной вещи. Глядя на нее, думаешь: вотъ гдѣ истинное мужество!

Мнѣ и самой хотѣлось-бы имѣть эти же качества. Не могу сказать, чтобы я очень боялась холеры. У меня столько занятій, что рѣшительно забываешь обо всемъ постороннемъ и даже о холерѣ; когда есть свободное время и станешь немного размышлять, что и самой быть можетъ не сегодня, такъ завтра придется отойти на тотъ свѣтъ,—то какъ-то, хотя и не надолго, но становится очень страшно. Представишь себѣ безчувственный, охладѣвшій, вытянутый трупъ и не вѣришь, чтобы я, совершенно здоровая, на самомъ дѣлѣ могла въ него превратиться.

Но не столько эта участь пугаетъ меня, сколько душа. Куда пойдетъ она, и что будетъ за жизнь послѣ смерти? Вотъ это бросаетъ меня часто и въ жаръ и въ холодъ. Я

---

[2]) Триттгофъ, Марія Густавовна, клас. дама Имп. В. Об. б. дѣв., чудная личность, выпус. 1811, 12-го, 13-го или 14-го годовъ. Скончалась подвижницею.

[3]) Слонецкая, Анна Демьяновна, вып. тѣхъ-же годовъ, дочь учителя Дом. Гавриловича (см. зап. 1833 г. 19 мая, пр. 4), столь любившая Смольный, что отказалась состоять воспитательн. при Вел. Княжнахъ. Одинъ изъ первыхъ и энергичныхъ дѣятелей разрѣшенія вопроса о служеніи всенощныхъ бдѣній въ С.-Петербургѣ. Строгая, честная и справедливая, по отзывамъ ея воспитанницъ, классная дама (съ 1820 по 1855 г.) и п. д. инспектрисы.

Военныя извѣстія. Взятіе города Токай. Холера.

3 іюля. Вчера у Гартонгъ [1]) читали извѣстія изъ дѣйствующей арміи. Если вѣрить всему писанному, наши вездѣ бьютъ и молодецки выручаютъ австрійцевъ. «Артиллеристы дерутся, какъ демоны, а удальцамъ казакамъ имени нѣтъ», одно появленіе ихъ внушаетъ страхъ, и непріятель бѣжитъ почти безъ боя.

Токай [2]) взятъ, но болѣе, чѣмъ смѣшно. Нужно было перейти черезъ р. Тейсъ [3]), а мостъ разрушенъ и брода не знаютъ. Другіе посмотрѣли бы да и назадъ вернулись, но наши казаки упрямы и, разъ задумавши, съ атаки не вернутся. Лисенко и Кутайсовъ, начальники отряда, раздѣвшись до нага, съ шашкою и съ пистолетомъ въ зубахъ, первые бросились въ рѣку;—отрядъ послѣдовалъ за ними, и отважные Донцы, въ новоизобрѣтенномъ нарядѣ нежданно являются на стѣнахъ города!

Хозяева, при видѣ страшныхъ гостей, въ столь неприличномъ видѣ къ нимъ пожаловавшихъ, до того растерялись, что, забывъ всякую вѣжливость, оставили городъ, не привѣтствуя ни однимъ ласковымъ словомъ «допотопныхъ» гостей. Токай достался казакамъ. Что было далѣе, неизвѣстно...

Интересно было бы знать, за кого и какъ токайскіе жители приняли дикихъ пришельцевъ? Сначала бѣжали отъ нихъ, но потомъ, говорятъ, сбирались смотрѣть, какъ на невиданное чудо, и даже угощали своимъ прославленнымъ виномъ. Впрочемъ, это дѣйствительно чудо, и не вѣрится, чтобы подобныя происшествія могли имѣть мѣсто въ Европѣ, да еще въ 1849 году!..

---

[1]) Гартонгъ. См. зап. 1847 г. 23 іюня, пр. 2.

[2]) Токай—мѣстечко въ Венгріи. Извѣстно виноделіемъ.

[3]) Самый большой лѣвый притокъ Дуная въ Венгріи. Начало беретъ изъ лѣсистыхъ Карпатъ.

Что же?—Я готова. Недавно причащалась. Господь простилъ мнѣ, и теперь не страшно переходить въ другую, вѣроятно, лучшую жизнь. Здѣшней не жаль мнѣ. Что въ ней? Раньше все было горе и горе. Конечно, во многомъ виноватъ мой характеръ; но отчего бы то ни было,—но мнѣ не сладко жилось на землѣ и потому не жаль ее покинуть; но жаль лишь сестрицъ [1]), моихъ милыхъ, родненькихъ моихъ. Какъ ихъ оставить? Какъ вспомню про нихъ, навертываются слезы.

Ангелы мои, для васъ смерть Вареньки будетъ ужасна!.. Но, ради самого Бога, ради спасенія души вашей, не ропщите, если Господь призоветъ меня къ себѣ раньше васъ. Это будетъ не наказаніемъ Его, но благостію. Вѣдь вы знаете, много ли отрадныхъ дней въ жизни было у вашей Вареньки? Правда, я желала бы жить, чтобы приносить хоть немного пользы другимъ, хотѣла бы жить собственно для васъ, мои чудныя сестрицы, но, когда Богу угодно взять меня отъ васъ, не огорчайтесь много, а молитесь за усопшую. Молитесь у себя, не заставляя священниковъ служить панихиды. Священникъ необходимъ для таинствъ, а здѣсь, по-моему, не есть необходимость; если молитва ваша будетъ усердна и свята, то услышитъ ее Господь [2]), и возрадуется душа моя тамъ...

Холера не прекращается. Хотя, говорятъ, что смертныхъ случаевъ меньше, но это и не удивительно, когда всѣ имѣющіе какую нибудь возможность уѣзжаютъ изъ города: кто на дачи, кто въ деревню. За послѣднія двѣ недѣли около ста тысячъ жителей выбыло изъ Петербурга. Простой народъ тоже расходится по деревнямъ, а потому рабочіе люди въ столицѣ дорожатся страшно. Извозчиковъ почти нѣтъ. Въ городѣ пусто; въ Гостинномъ Дворѣ многія лавки

[1]) Елизавету и Анну, съ которыми В. П. была особенно дружна.

[2]) Такъ-ли? Услышитъ-ли того, кто Его не слушаетъ? (см. Еван. Матѳ. 18 гл. 17 ст.; Луки 17 гл. 14 ст. или посл. Апостола Іакова 5 гл. 14 и 15 ст.)

назначено умереть, то лучше отъ пули, нежели отъ холеры, которая начала сильно распространяться въ полкахъ. Дивизія, въ которой я нахожусь, какъ я уже писалъ, присоединена къ австрійской арміи для ея усиленія, почему безпрестанно приходится быть съ австрійцами въ сношеніи, что очень скучно. Народъ они не добрый. Скорѣе бы за самостоятельное дѣло, — тамъ уже сами будемъ драться, не спрашивая ихъ, какъ надо колотить венгерцевъ.

19 іюня.

Бивуакъ при дер. Бана.

Послѣ письма моего пролетѣло много времени, и произошли большія перемѣны. Изъ Пресбурга насъ двинули 6-го іюня противъ венгерцевъ, перешедшихъ рѣку Ваагъ (впадаетъ въ Дунай); здѣсь венгерцы въ числѣ 30 т. совершенно разбили 20 т. австрійцевъ и гнали ихъ на разстояніи 50 верстъ. 8-го іюня подошли мы къ Діосегу и подвинулись еще 8 верстъ впередъ къ деревнѣ Токлано, гдѣ принимали бѣгущихъ австрійцевъ, и ночевали на позиціи.

9-го, пройдя въ боевомъ порядкѣ около 14 вер., атаковали 30 т. венгерцевъ съ 80 орудіями при д. Перетъ [1]).

У насъ была одна дивизія въ 11 т. человѣкъ съ 48 орудіями. Завязалась страшная пушечная пальба на разстояніи 450 саж. и продолжалась болѣе 2 часовъ. Ядра и гранаты летали, какъ горохъ, и нанесли намъ большой уронъ. Зато наша превосходная артиллерія, несмотря на половинную ея численность, наносила страшное пораженіе противнику и въ 2 часа смяла почти всѣ батареи венгерцевъ. Пѣхота по расчисткѣ двинулась въ атаку. Непріятель, видя предъ собою стройное войско, которое такъ твердо и смѣло идетъ впередъ, бѣжалъ съ позицій, оставивъ только малую свою часть въ д. Перетъ и прилежащемъ къ ней лѣсу.

[1]) Въ юго-восточн. напр. отъ Пресбурга.

Мы тотчасъ сформировали колонны для атаки деревни Перетъ, и мнѣ поручено было вести ихъ. Несмотря на огонь изъ девяти орудій, убійственную ружейную пальбу и изрытую глубокими рвами мѣстность, деревня и лѣсъ были взяты въ штыки и отнято 4 орудія.

Негодные венгерцы струсили и бѣжали съ поля сраженія, бросивъ еще нѣсколько гранатъ съ позиціи при д. Зигартъ. Ихъ гнали до самой рѣки, прогнали за мостъ и сожгли его, чѣмъ и покончилъ я данное мнѣ порученіе.

Теперь я «окрещенъ», (т. е.) насмотрѣлся на пули, ядра и гранаты и уже ихъ не такъ страшусь, а было,—очень трусилъ! Слава Богу! остался невредимъ, несмотря на то, что былъ постоянно на болѣе опасныхъ мѣстахъ, особенно при лѣсѣ, гдѣ пули градомъ летѣли на насъ, и ихъ пронзительный свистъ часто прерывался уже довольно *знакомымъ* мнѣ гуломъ летящаго ядра.

Послѣ этого мы возвратились въ Пресбургъ, а оттуда, вмѣстѣ съ австрійской арміей выдвинулись впередъ.

17-го іюня взятъ г. Раабъ [2]), а теперь подходимъ къ главной крѣпости Каморнъ.

Императоръ австрійскій пожаловалъ мнѣ орденъ Желѣзной короны. Забылъ сказать, что подо мной контузило лошадь и сбило каску съ моей головы. У насъ ужасная холера!»

Мнѣ обѣщали доставлять и слѣдующія письма, но, Богъ знаетъ, вернется-ли съ поля брани этотъ молодой человѣкъ? Иная пуля вмѣсто каски можетъ ему и голову снести. Жаль,—онъ, говорятъ, добръ, любимъ своимъ семействомъ и молодъ; пожить бы ему еще, а то что-же умирать отъ пули [3])....

---

[2]) Въ Венгріи на рѣкѣ Раабъ, впадающей въ Дунай на юго-зап. отъ Каморны, что крѣп. у устья р. Ваага.

[3]) Варвара Петровна всю свою жизнь была противница войны со всѣми ея послѣдствіями.

я высоко на шкапахъ, подъ самымъ потолкомъ, цѣлый рядъ статуй.

Кто бы могъ взгромоздить васъ туда, и кто такія были вы прежде, чѣмъ васъ изобразили изъ алебастра? Тутъ были и мужчины и женщины. Въ срединѣ, вѣроятно, для симетріи, поставлена довольно пошлая статуя съ колпакомъ или каской на головѣ. По правую руку истомленное, болѣзненное лицо. Ужъ не извѣстный-ли это Иванъ Ивановичъ Бецкій [4]) глядитъ со шкафа настоящимъ нѣмцемъ? На него привѣтливо смотритъ красивая женская головка,— что-то въ родѣ царской діадемы красуется на ней.—Смѣло можно сказать, что этому личику жизнь долго улыбалась. Подлѣ какія-то нисколько незамѣчательныя фигуры, и не разберешь *«що то воно є, чи то мущины, чи женщины»*: волосы локонами распадаются, а лица совершенно мужскія. По лѣвую сторону той статуи, что въ колпакѣ или въ каскѣ, три женскія головы. Первая такъ дерзко откинулась назадъ, что кажется слышишь слова: «не подходи, а то...» Другая гордо смотритъ съ высоты, какъ женщина, привыкшая повелѣвать и видѣть все у своихъ ногъ, — передъ нею невольно вытянешься. Но третья и послѣдняя милѣе всѣхъ: какъ будто-бы забыла все окружающее, обернулась къ окну и пристально смотритъ на дорогу, въ садъ, на Неву, ожидая кого-то. Долго и вѣчно глядѣть тебѣ и ждать, прекрасная статуя! Не сойти тебѣ съ мѣста, пока не разрушатся стѣны Смольнаго, или сама не превратишься въ известь, изъ которой произошла. Выраженіе этого лица превосходно: оно, какъ будто-бы прикосновеніемъ волшебнаго жезла, окаменѣло именно въ ту минуту, когда душа, занятая одною только мыслью, забыла все въ мірѣ.—Какъ

---

[4]) Бецкій, Иванъ Иван.;—его трудами открыто было Имп. Восп. Об. бл. дѣв. въ 1764 г. и Высочайше ввѣрено его же попеченію. Близкій всему Смольному и знаменитый въ его исторіи человѣкъ. Въ 1778 г. получилъ большую зол. медаль «за любовь къ Отечеству» (род. 1704 г., † 31 авг. 1795 г.).

бы мнѣ хотѣлось знать, на чьемъ тѣлѣ красовалась эта милая головка?

Эти историческія головы, что забрались теперь на шкапъ, въ свое время, вѣроятно, играли большую роль въ свѣтѣ, иначе бы имъ не попасть въ физическій кабинетъ Смольнаго?..

Страшное время. Укоръ совѣсти за службу не по призванію.

20 іюня. Господи, спаси нашу Россію и водвори миръ въ народахъ!

Страшное переживаемъ мы время; можетъ быть, снова предстоитъ возлюбленной Россіи бороться съ цѣлой Европой

Помоги намъ, Боже! «Съ нами Богъ! разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ».

Во всѣхъ церквахъ отправлялось молебствіе за войско: на-дняхъ русскіе воины должны перейти Карпатскія горы и вступить въ Венгрію.

У насъ, въ Смольномъ, усердно молились дѣти. Когда запѣли: «Съ нами Богъ!» какое-то крайне непріятное чувство разлилось во всемъ моемъ существѣ. Я со слезами бросилась на колѣни и, повторяя съ глубокимъ умиленіемъ эти святыя слова, готова была, кажется, сама положить свою голову за Отечество, если бы только ему была нужна такая *безполезная* голова, какъ моя...

Впрочемъ, не покидая стѣнъ Смольнаго. я, быть можетъ, могу еще быть ему полезна, воспитывая дѣтей, внушая, имъ христіанскія правила...

Господи, подкрѣпи меня на моемъ трудномъ поприщѣ, по которому я иду безъ призванія!...

Военныя извѣстія. Взятіе города Токай. Холера.

3 іюля. Вчера у Гартонгъ [1]) читали извѣстія изъ дѣйствующей арміи. Если вѣрить всему писанному, наши вездѣ бьютъ и молодецки выручаютъ австрійцевъ. «Артиллеристы дерутся, какъ демоны, а удальцамъ казакамъ имени нѣтъ», одно появленіе ихъ внушаетъ страхъ, и непріятель бѣжитъ почти безъ боя.

Токай [2]) взятъ, по болѣе, чѣмъ смѣшно. Нужно было перейти черезъ р. Тейсъ [3]), а мостъ разрушенъ и брода не знаютъ. Другіе посмотрѣли бы да и назадъ вернулись, но наши казаки упрямы и, разъ задумавши, съ атаки не вернутся. Лисенко и Кутайсовъ, начальники отряда, раздѣвшись до нага, съ шашкою и съ пистолетомъ въ зубахъ, первые бросились въ рѣку;—отрядъ послѣдовалъ за ними, и отважные Донцы, въ новоизобрѣтенномъ нарядѣ нежданно являются на стѣнахъ города!

Хозяева, при видѣ страшныхъ гостей, въ столь неприличномъ видѣ къ нимъ пожаловавшихъ, до того растерялись, что, забывъ всякую вѣжливость, оставили городъ, не привѣтствуя ни однимъ ласковымъ словомъ «допотопныхъ» гостей. Токай достался казакамъ. Что было далѣе, неизвѣстно...

Интересно было бы знать, за кого и какъ токайскіе жители приняли дикихъ пришельцевъ? Сначала бѣжали отъ нихъ, но потомъ, говорятъ, сбирались смотрѣть, какъ на невиданное чудо, и даже угощали своимъ прославленнымъ виномъ. Впрочемъ, это дѣйствительно чудо, и не вѣрится, чтобы подобныя происшествія могли имѣть мѣсто въ Европѣ, да еще въ 1849 году!..

---

[1]) Гартонгъ. См. зап. 1847 г. 23 іюня, пр. 2.

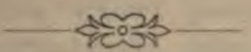
[2]) Токай—мѣстечко въ Венгріи. Извѣстно виноделіемъ.

[3]) Самый большой лѣвый притокъ Дуная въ Венгріи. Начало беретъ въ лѣсистыхъ Карпатъ.

деть Нюта, поболтаемъ, посмѣемся, и потомъ я снова за свою любимую «малороссійскую лѣнь». Музыку нынче я совсѣмъ оставила,—некогда играть. Работала бы я, пожалуй, съ удовольствіемъ, но, оставаясь одна, не могу рукодѣльемъ заняться: руки заняты, а голова остается въ бездѣйствіи; является открытое поле для любви и для всего... а потому мечты... мечты... мечты и всякій вздоръ заползаетъ въ голову. Становится скучно мнѣ,—и я тоскую...

Какъ хороша теперь Охта, она вся подернута розовымъ свѣтомъ; Нева тоже,—прекрасенъ Божій міръ.

Нѣтъ, лѣнь вредна и ужасна!..



Урокъ Бозе. Статуи въ физическомъ кабинетѣ Имп. Вос. Общ. бл. дѣвицъ.

13 іюня. Однообразно звучитъ голосъ лютеранскаго пастора. Дѣти сквозь зубы бормочатъ отвѣты. Моя сосѣдка Е. Ал. [1]) молчитъ; съ нею не разговоришься. Она въ умиленіи и обожаетъ своего Бозе [2]). Вѣтеръ завываетъ, такъ и клонитъ ко сну. Отъ нечего дѣлать, гляжу по сторонамъ, отыскивая предметы, на которыхъ бы могла остановить свое вниманіе. Предъ глазами огромные шкафы, наполненные птичьими чучелами да банками съ разными порошками и надписями [3]).

Кругомъ дѣти всѣхъ классовъ, а передо мною Бозе,—вовсе не занимательное лицо. Лорнетъ скользитъ съ предмета на предметъ, и, наконецъ, поднявъ очи «горѣ», завидѣла

[1]) Емилія Александр. Типольтъ, нѣмка, клас. д Имп. В. Об. бл. дѣв.

[2]) Бозе—пасторъ, законоучитель лютеранокъ Имп. В. Общ. бл. дѣвицъ. Странный случай передаютъ воспитанницы-старушки: до 1823 г. не было въ Об. бл. дѣв. отдѣльнаго лютер. законоучителя; П. Морицъ фанатично хлопоталъ совершенно отдѣлить лютеранокъ отъ православн. и католичекъ-воспитанницъ, а за нѣсколько дней до разрѣшенія своей просьбы утонулъ.

[3]) Естественный кабинетъ Имп. В. Об. бл. дѣвицъ.

назначено умереть, то лучше отъ пули, нежели отъ холеры, которая начала сильно распространяться въ полкахъ. Дивизія, въ которой я нахожусь, какъ я уже писалъ, присоединена къ австрійской арміи для ея усиленія, почему безпрестанно приходится быть съ австрійцами въ сношеніи, что очень скучно. Народъ они не добрый. Скорѣе бы за самостоятельное дѣло, — тамъ уже сами будемъ драться, не спрашивая ихъ, какъ надо колотить венгерцевъ.

19 іюня.

Бивуакъ при дер. Бана.

Послѣ письма моего пролетѣло много времени, и произошли большія перемѣны. Изъ Пресбурга насъ двинули 6-го іюня противъ венгерцевъ, перешедшихъ рѣку Ваагъ (впадаетъ въ Дунай); здѣсь венгерцы въ числѣ 30 т. совершенно разбили 20 т. австрійцевъ и гнали ихъ на разстояніи 50 верстъ. 8-го іюня подошли мы къ Діосегу и подвинулись еще 8 верстъ впередъ къ деревнѣ Токлано, гдѣ принимали бѣгущихъ австрійцевъ, и ночевали на позиціи.

9-го, пройдя въ боевомъ порядкѣ около 14 вер., атаковали 30 т. венгерцевъ съ 80 орудіями при д. Перетъ [1]).

У насъ была одна дивизія въ 11 т. человѣкъ съ 48 орудіями. Завязалась страшная пушечная пальба на разстояніи 450 саж. и продолжалась болѣе 2 часовъ. Ядра и гранаты летали, какъ горохъ, и нанесли намъ большой уронъ. Зато наша превосходная артиллерія, несмотря на половинную ея численность, наносила страшное пораженіе противнику и въ 2 часа смяла почти всѣ батареи венгерцевъ. Пѣхота по расчисткѣ двинулась въ атаку. Непріятель, видя предъ собою стройное войско, которое такъ твердо и смѣло идетъ впередъ, бѣжалъ съ позицій, оставивъ только малую свою часть въ д. Перетъ и прилежащемъ къ ней лѣсу.

¹) Въ юго-восточн. напр. отъ Пресбурга.

Мы тотчасъ сформировали колонны для атаки деревни Перетъ, и мнѣ поручено было вести ихъ. Несмотря на огонь изъ девяти орудій, убійственную ружейную пальбу и изрытую глубокими рвами мѣстность, деревня и лѣсъ были взяты въ штыки и отнято 4 орудія.

Негодные венгерцы струсили и бѣжали съ поля сраженія, бросивъ еще нѣсколько гранатъ съ позиціи при д. Зигартъ. Ихъ гнали до самой рѣки, прогнали за мостъ и сожгли его, чѣмъ и покончилъ я данное мнѣ порученіе.

Теперь я «окрещенъ», (т. е.) насмотрѣлся на пули, ядра и гранаты и уже ихъ не такъ страшусь, а было,—очень трусилъ! Слава Богу! остался невредимъ, несмотря на то, что былъ постоянно на болѣе опасныхъ мѣстахъ, особенно при лѣсѣ, гдѣ пули градомъ летѣли на насъ, и ихъ пронзительный свистъ часто прерывался уже довольно *знакомымъ* мнѣ гуломъ летящаго ядра.

Послѣ этого мы возвратились въ Пресбургъ, а оттуда, вмѣстѣ съ австрійской арміей выдвинулись впередъ.

17-го іюня взятъ г. Раабъ [2]), а теперь подходимъ къ главной крѣпости Каморнъ.

Императоръ австрійскій пожаловалъ мнѣ орденъ Желѣзной короны. Забылъ сказать, что подо мной контузило лошадь и сбило каску съ моей головы. У насъ ужасная холера!»

Мнѣ обѣщали доставлять и слѣдующія письма, но, Богъ знаетъ, вернется-ли съ поля брани этотъ молодой человѣкъ? Иная пуля вмѣсто каски можетъ ему и голову снести. Жаль,—онъ, говорятъ, добръ, любимъ своимъ семействомъ и молодъ; пожить бы ему еще, а то что-же умирать отъ пули [3])....

---

[2]) Въ Венгріи на рѣкѣ Раабъ, впадающей въ Дунай на юго-зап. отъ Каморны, что крѣп. у устья р. Ваага.

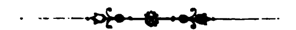
[3]) Варвара Петровна всю свою жизнь была противница войны со всѣми ея послѣдствіями.

Братъ Баумгартена [4]) также отличается. Объ немъ уже пишутъ въ газетахъ. Полкъ его въ одномъ сраженіи съ венгерцами потерялъ батальоннаго командира, струсилъ и пустился было бѣжать. Полковникъ Баумгартенъ схватилъ знамя, скомандовалъ «впередъ» и первый бросился на непріятеля. Солдаты ободрились, и непріятель былъ разбитъ.

Вотъ, такъ то русскіе большею частью дерутся, а, между тѣмъ, иностранцы даже врожденную въ насъ храбрость не хотятъ признавать и нашими командуютъ. — «*Нехай имъ всяко лыхо прилучится*», какъ сердятся и бранятся малоросы.

Я пишу, а дождь такъ и льетъ; холодно, пасмурно; вѣтеръ вздуваетъ Неву, колышетъ деревья и рвется въ мое окно, силится отворить его и злится, что силы нѣтъ; такъ и стонетъ. У, сердитый старикъ!

Бѣдныя лодочки такъ и прыгаютъ. Охота же вамъ, добрые люди, пускаться по Невѣ въ такое ненастье, вы и не на войнѣ можете погибнуть.



О войнѣ. Георги съ сорока тысячами венгерцевъ слагаетъ оружіе. Наступленіе зимы,—тоска. Смерть доктора Квадре. Встрѣча его съ Императрицею Маріею Өеодоровною.

10 августа. Въ прошедшую пятницу сидимъ мы у Гартонгъ [1]) за столомъ, какъ вдругъ входитъ Апол. К. Баумгартенъ и радостно выкрикиваетъ: «радуйтесь, радуйтесь, скоро войнѣ конецъ! — 40 т. венгерцевъ, подъ начальствомъ Георги [2]), передъ русскою арміею сложили оружіе. Сейчасъ объ этомъ получена телеграмма!

[4]) Женатаго на Додо Гартонгъ, Александръ Карловичъ. (См. зап. 1847 г. 26 сентября).

[1]) Гартонгъ, Апол. Кар. Баумгартенъ (см. зап. Смол. 1847 г. 23 іюня. 26 сент., 1848 г. 12 мар.).

[2]) Георги—венгерскій полководецъ.

Кто же изъ русскихъ при этомъ извѣстіи не произнесетъ: «*слава Богу*»! Въ каждомъ семействѣ есть или братъ, или сынъ, или мужъ, по которымъ плачутъ и съ нетерпѣніемъ ждутъ ихъ домой; а если и нѣтъ никого, все же жаль своихъ единокровныхъ русскихъ, бьющихся съ венгерцами и вымирающихъ отъ холеры.

Еще, слава Богу, что подъ Гроссъ-Вардейномъ [3]) дѣло обошлось безъ капли человѣческой крови. Венгерцы сдались безъ боя. Георги, стало быть, нечего бояться. Остаются Бемъ и Дембинскій [4]); но съ ними будетъ легче справиться, когда 40 тысячъ непріятеля уже не стало!

О, если бы скорѣе кончилась эта война! Не люблю я, когда льется кровь человѣческая...

Люди, люди! Жить бы вамъ мирно, а не драться, не лить бы кровь другъ друга! Развѣ назначеніе человѣка истреблять подобныхъ себѣ? Господь сказалъ: «*дѣти Мои, любите другъ друга, и нѣтъ больше той любви, какъ кто душу свою положитъ за други своя*». А вы что дѣлаете? А мы ищемъ, какъ бы ударъ былъ помѣтче, и всячески изощряемся сжить за одинъ выстрѣлъ со свѣта побольше себѣ подобныхъ...

Неужели же вѣчно все будутъ также рѣзаться люди? Жизнь и такъ недолга, и безъ этого много несчастій; къ чему-жъ увеличивать ихъ?..

Эти дни какъ-то мнѣ скучно. Опять, какъ въ былые годы, гляжу я съ тоскою на появленіе желтыхъ листьевъ, на этихъ грустныхъ предвѣстниковъ скораго наступленія зимы. Опять свѣжій осенній воздухъ сжимаетъ мою душу, и мнѣ хочется плакать, какъ плакалось прежде. Съ тѣхъ поръ, какъ мы въ Смольномъ, я еще въ первый разъ съ такою тоскою провожаю лѣто.—Что-то скажетъ зима?

---

[3]) Гроссъ-Вардейнъ—городъ и крѣп. на прав. бер. р. Кереша.

[4]) Бемъ и Дембинскій—тоже начальники отдѣльныхъ частей войска венгерцевъ.

я высоко на шкапахъ, подъ самымъ потолкомъ, цѣлый рядъ статуй.

Кто бы могъ взгромоздить васъ туда, и кто такія были вы прежде, чѣмъ васъ изобразили изъ алебастра? Тутъ были и мужчины и женщины. Въ срединѣ, вѣроятно, для симетріи, поставлена довольно пошлая статуя съ колпакомъ или каской на головѣ. По правую руку истомленное, болѣзненное лицо. Ужъ не извѣстный-ли это Иванъ Ивановичъ Бецкій [4]) глядитъ со шкафа настоящимъ нѣмцемъ? На него привѣтливо смотритъ красивая женская головка,—что-то въ родѣ царской діадемы красуется на ней.—Смѣло можно сказать, что этому личику жизнь долго улыбалась. Подлѣ какія-то нисколько незамѣчательныя фигуры, и не разберешь *«що то воно е, чи то мущины, чи женщины»:* волосы локонами распадаются, а лица совершенно мужскія. По лѣвую сторону той статуи, что въ колпакѣ или въ каскѣ, три женскія головы. Первая такъ дерзко откинулась назадъ, что кажется слышишь слова: «не подходи, а то...» Другая гордо смотритъ съ высоты, какъ женщина, привыкшая повелѣвать и видѣть все у своихъ ногъ, — передъ нею невольно вытянешься. Но третья и послѣдняя милѣе всѣхъ: какъ будто-бы забыла все окружающее, обернулась къ окну и пристально смотритъ на дорогу, въ садъ, на Неву, ожидая кого-то. Долго и вѣчно глядѣть тебѣ и ждать, прекрасная статуя! Не сойти тебѣ съ мѣста, пока не разрушатся стѣны Смольнаго, или сама не превратишься въ известь, изъ которой произошла. Выраженіе этого лица превосходно: оно, какъ будто-бы прикосновеніемъ волшебнаго жезла, окаменѣло именно въ ту минуту, когда душа, занятая одною только мыслью, забыла все въ мірѣ.—Какъ

---

[4]) Бецкій, Иванъ Ивав.;—его трудами открыто было Имп. Восп. Об. бл. дѣв. въ 1764 г. и Высочайше ввѣрено его же попеченію. Близкій всему Смольному и знаменитый въ его исторіи человѣкъ. Въ 1778 г. получилъ большую зол. медаль «за любовь къ Отечеству» (род. 1704 г., † 31 авг. 1795 г.).

Мы тотчасъ сформировали колонны для атаки деревни Перетъ, и мнѣ поручено было вести ихъ. Несмотря на огонь изъ девяти орудій, убійственную ружейную пальбу и изрытую глубокими рвами мѣстность, деревня и лѣсъ были взяты въ штыки и отнято 4 орудія.

Негодные венгерцы струсили и бѣжали съ поля сраженія, бросивъ еще нѣсколько гранатъ съ позиціи при д. Зигартъ. Ихъ гнали до самой рѣки, прогнали за мостъ и сожгли его, чѣмъ и покончилъ я данное мнѣ порученіе.

Теперь я «окрещенъ», (т. е.) насмотрѣлся на пули, ядра и гранаты и уже ихъ не такъ страшусь, а было,—очень трусилъ! Слава Богу! остался невредимъ, несмотря на то, что былъ постоянно на болѣе опасныхъ мѣстахъ, особенно при лѣсѣ, гдѣ пули градомъ летѣли на насъ, и ихъ пронзительный свистъ часто прерывался уже довольно *знакомымъ* мнѣ гуломъ летящаго ядра.

Послѣ этого мы возвратились въ Пресбургъ, а оттуда, вмѣстѣ съ австрійской арміей выдвинулись впередъ.

17-го іюня взятъ г. Раабъ [2]), а теперь подходимъ къ главной крѣпости Каморнъ.

Императоръ австрійскій пожаловалъ мнѣ орденъ Желѣзной короны. Забылъ сказать, что подо мной контузило лошадь и сбило каску съ моей головы. У насъ ужасная холера!»

Мнѣ обѣщали доставлять и слѣдующія письма, но, Богъ знаетъ, вернется-ли съ поля брани этотъ молодой человѣкъ? Иная пуля вмѣсто каски можетъ ему и голову снести. Жаль,— онъ, говорятъ, добръ, любимъ своимъ семействомъ и молодъ; пожить бы ему еще, а то что-же умирать отъ пули [3])....

---

[2]) Въ Венгріи на рѣкѣ Раабъ, впадающей въ Дунай на юго-зап. отъ Каморны, что крѣп. у устья р. Ваага.

[3]) Варвара Петровна всю свою жизнь была противница войны со всѣми ея послѣдствіями.

Военныя извѣстія. Взятіе города Токай. Холера.

3 іюля. Вчера у Гартонгъ [1]) читали извѣстія изъ дѣйствующей арміи. Если вѣрить всему писанному, наши вездѣ бьютъ и молодецки выручаютъ австрійцевъ. «Артиллеристы дерутся, какъ демоны, а удальцамъ казакамъ имени нѣтъ», одно появленіе ихъ внушаетъ страхъ, и непріятель бѣжитъ почти безъ боя.

Токай [2]) взятъ, но болѣе, чѣмъ смѣшно. Нужно было перейти черезъ р. Тейсъ [3]), а мостъ разрушенъ и брода не знаютъ. Другіе посмотрѣли бы да и назадъ вернулись, но наши казаки упрямы и, разъ задумавши, съ атаки не вернутся. Лисенко и Кутайсовъ, начальники отряда, раздѣвшись до нага, съ шашкою и съ пистолетомъ въ зубахъ, первые бросились въ рѣку;—отрядъ послѣдовалъ за ними, и отважные Донцы, въ новоизобрѣтенномъ нарядѣ нежданно являются на стѣнахъ города!

Хозяева, при видѣ страшныхъ гостей, въ столь неприличномъ видѣ къ нимъ пожаловавшихъ, до того растерялись, что, забывъ всякую вѣжливость, оставили городъ, не привѣтствуя ни однимъ ласковымъ словомъ «допотопныхъ» гостей. Токай достался казакамъ. Что было далѣе, неизвѣстно...

Интересно было бы знать, за кого и какъ токайскіе жители приняли дикихъ пришельцевъ? Сначала бѣжали отъ нихъ, но потомъ, говорятъ, сбирались смотрѣть, какъ на невиданное чудо, и даже угощали своимъ прославленнымъ виномъ. Впрочемъ, это дѣйствительно чудо, и не вѣрится, чтобы подобныя происшествія могли имѣть мѣсто въ Европѣ, да еще въ 1849 году!..

---

[1]) Гартонгъ. См. зап. 1847 г. 23 іюня, пр. 2.

[2]) Токай—мѣстечко въ Венгріи. Извѣстно винодѣліемъ.

[3]) Самый большой лѣвый притокъ Дуная въ Венгріи. Начало беретъ изъ лѣсистыхъ Карпатъ.

Кто же изъ русскихъ при этомъ извѣстіи не произнесетъ: «*слава Богу*»! Въ каждомъ семействѣ есть или братъ, или сынъ, или мужъ, по которымъ плачутъ и съ нетерпѣніемъ ждутъ ихъ домой; а если и нѣтъ никого, все же жаль своихъ единокровныхъ русскихъ, бьющихся съ венгерцами и вымирающихъ отъ холеры.

Еще, слава Богу, что подъ Гроссъ-Вардейномъ [3]) дѣло обошлось безъ капли человѣческой крови. Венгерцы сдались безъ боя. Георги, стало быть, нечего бояться. Остаются Бемъ и Дембинскій [4]); но съ ними будетъ легче справиться, когда 40 тысячъ непріятеля уже не стало!

О, если бы скорѣе кончилась эта война! Не люблю я, когда льется кровь человѣческая...

Люди, люди! Жить бы вамъ мирно, а не драться, не лить бы кровь другъ друга! Развѣ назначеніе человѣка истреблять подобныхъ себѣ? Господь сказалъ: «*дѣти Мои, любите другъ друга, и нѣтъ больше той любви, какъ кто душу свою положитъ за други своя*». А вы что дѣлаете? А мы ищемъ, какъ бы ударъ былъ помѣтче, и всячески изощряемся сжить за одинъ выстрѣлъ со свѣта побольше себѣ подобныхъ...

Неужели же вѣчно все будутъ также рѣзаться люди? Жизнь и такъ недолга, и безъ этого много несчастій; къ чему-жъ увеличивать ихъ?..

Эти дни какъ-то мнѣ скучно. Опять, какъ въ былые годы, гляжу я съ тоскою на появленіе желтыхъ листьевъ, на этихъ грустныхъ предвѣстниковъ скораго наступленія зимы. Опять свѣжій осенній воздухъ сжимаетъ мою душу, и мнѣ хочется плакать, какъ плакалось прежде. Съ тѣхъ поръ, какъ мы въ Смольномъ, я еще въ первый разъ съ такою тоскою провожаю лѣто.—Что-то скажетъ зима?

---

[3]) Гроссъ-Вардейнъ—городъ и крѣп. на прав. бер. р. Кереша.

[4]) Бемъ и Дембинскій—тоже начальники отдѣльныхъ частей войска венгерцевъ.

назначено умереть, то лучше отъ пули, нежели отъ холеры, которая начала сильно распространяться въ полкахъ. Дивизія, въ которой я нахожусь, какъ я уже писалъ, присоединена къ австрійской арміи для ея усиленія, почему безпрестанно приходится быть съ австрійцами въ сношеніи, что очень скучно. Народъ они не добрый. Скорѣе бы за самостоятельное дѣло, — тамъ уже сами будемъ драться, не спрашивая ихъ, какъ надо колотить венгерцевъ.

19 іюня.

Бивуакъ при дер. Бана.

Послѣ письма моего пролетѣло много времени, и произошли большія перемѣны. Изъ Пресбурга насъ двинули 6-го іюня противъ венгерцевъ, перешедшихъ рѣку Ваагъ (впадаетъ въ Дунай); здѣсь венгерцы въ числѣ 30 т. совершенно разбили 20 т. австрійцевъ и гнали ихъ на разстояніи 50 верстъ. 8-го іюня подошли мы къ Діосегу и подвинулись еще 8 верстъ впередъ къ деревнѣ Токлано, гдѣ принимали бѣгущихъ австрійцевъ, и ночевали на позиція.

9-го, пройдя въ боевомъ порядкѣ около 14 вер., атаковали 30 т. венгерцевъ съ 80 орудіями при д. Перетъ [1]).

У насъ была одна дивизія въ 11 т. человѣкъ съ 48 орудіями. Завязалась страшная пушечная пальба на разстояніи 450 саж. и продолжалась болѣе 2 часовъ. Ядра и гранаты летали, какъ горохъ, и нанесли намъ большой уронъ. Зато наша превосходная артиллерія, несмотря на половинную ея численность, наносила страшное пораженіе противнику и въ 2 часа смяла почти всѣ батареи венгерцевъ. Пѣхота по расчисткѣ двинулась въ атаку. Непріятель, видя предъ собою стройное войско, которое такъ твердо и смѣло идетъ впередъ, бѣжалъ съ позицій, оставивъ только малую свою часть въ д. Перетъ и прилежащемъ къ ней лѣсу.

[1]) Въ юго-восточн. напр. отъ Пресбурга.

Мы тотчасъ сформировали колонны для атаки деревни Перетъ, и мнѣ поручено было вести ихъ. Несмотря на огонь изъ девяти орудій, убійственную ружейную пальбу и изрытую глубокими рвами мѣстность, деревня и лѣсъ были взяты въ штыки и отнято 4 орудія.

Негодные венгерцы струсили и бѣжали съ поля сраженія, бросивъ еще нѣсколько гранатъ съ позиціи при д. Зигартъ. Ихъ гнали до самой рѣки, прогнали за мостъ и сожгли его, чѣмъ и покончилъ я данное мнѣ порученіе.

Теперь я «окрещенъ», (т. е.) насмотрѣлся на пули, ядра и гранаты и уже ихъ не такъ страшусь, а было,—очень трусилъ! Слава Богу! остался невредимъ, несмотря на то, что былъ постоянно на болѣе опасныхъ мѣстахъ, особенно при лѣсѣ, гдѣ пули градомъ летѣли на насъ, и ихъ пронзительный свистъ часто прерывался уже довольно *знакомымъ* мнѣ гуломъ летящаго ядра.

Послѣ этого мы возвратились въ Пресбургъ, а оттуда, вмѣстѣ съ австрійской арміей выдвинулись впередъ.

17-го іюня взятъ г. Раабъ [2]), а теперь подходимъ къ главной крѣпости Каморнъ.

Императоръ австрійскій пожаловалъ мнѣ орденъ Желѣзной короны. Забылъ сказать, что подо мной контузило лошадь и сбило каску съ моей головы. У насъ ужасная холера!»

Мнѣ обѣщали доставлять и слѣдующія письма, но, Богъ знаетъ, вернется-ли съ поля брани этотъ молодой человѣкъ? Иная пуля вмѣсто каски можетъ ему и голову снести. Жаль,—онъ, говорятъ, добръ, любимъ своимъ семействомъ и молодъ; пожить бы ему еще, а то что-же умирать отъ пули [3])....

---

[2]) Въ Венгріи на рѣкѣ Раабъ, впадающей въ Дунай на юго-зап. отъ Каморны, что крѣп. у устья р. Ваага.

[3]) Варвара Петровна всю свою жизнь была противница войны со всѣми ея послѣдствіями.

я высоко на шкапахъ, подъ самымъ потолкомъ, цѣлый рядъ статуй.

Кто бы могъ взгромоздить васъ туда, и кто такія были вы прежде, чѣмъ васъ изобразили изъ алебастра? Тутъ были и мужчины и женщины. Въ срединѣ, вѣроятно, для симетріи, поставлена довольно пошлая статуя съ колпакомъ или каской на головѣ. По правую руку истомленное, болѣзненное лицо. Ужъ не извѣстный-ли это Иванъ Ивановичъ Бецкій [4]) глядитъ со шкафа настоящимъ нѣмцемъ? На него привѣтливо смотритъ красивая женская головка,— что-то въ родѣ царской діадемы красуется на ней.—Смѣло можно сказать, что этому личику жизнь долго улыбалась. Подлѣ какія-то нисколько незамѣчательныя фигуры, и не разберешь «*що то воно е, чи то мущины, чи женщины*»: волосы локонами распадаются, а лица совершенно мужскія. По лѣвую сторону той статуи, что въ колпакѣ или въ каскѣ, три женскія головы. Первая такъ дерзко откинулась назадъ, что кажется слышишь слова: «не подходи, а то...» Другая гордо смотритъ съ высоты, какъ женщина, привыкшая повелѣвать и видѣть все у своихъ ногъ, — передъ нею невольно вытянешься. Но третья и послѣдняя милѣе всѣхъ: какъ будто-бы забыла все окружающее, обернулась къ окну и пристально смотритъ на дорогу, въ садъ, на Неву, ожидая кого-то. Долго и вѣчно глядѣть тебѣ и ждать, прекрасная статуя! Не сойти тебѣ съ мѣста, пока не разрушатся стѣны Смольнаго, или сама не превратишься въ известь, изъ которой произошла. Выраженіе этого лица превосходно: оно, какъ будто-бы прикосновеніемъ волшебнаго жезла, окаменѣло именно въ ту минуту, когда душа, занятая одною только мыслью, забыла все въ мірѣ.—Какъ

---

[4]) Бецкій, Иванъ Иван.;—его трудами открыто было Имп. Восп. об. бл. дѣв. въ 1764 г. и Высочайше ввѣрено его же попеченію. Близкій всему Смольному и знаменитый въ его исторіи человѣкъ. Въ 177[illegible] получилъ большую зол. медаль «за любовь къ Отечеству» (род. 1704 † 31 авг. 1795 г.).

бы мнѣ хотѣлось знать, на чьемъ тѣлѣ красовалась эта милая головка?

Эти историческія головы, что забрались теперь на шкапъ, въ свое время, вѣроятно, играли большую роль въ свѣтѣ, иначе бы имъ не попасть въ физическій кабинетъ Смольнаго?..

Страшное время. Укоръ совѣсти за службу не по призванію.

20 іюня. Господи, спаси нашу Россію и водвори миръ въ народахъ!

Страшное переживаемъ мы время; можетъ быть, снова предстоитъ возлюбленной Россіи бороться съ цѣлой Европой

Помоги намъ, Боже! «Съ нами Богъ! разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ».

Во всѣхъ церквахъ отправлялось молебствіе за войско: на-дняхъ русскіе воины должны перейти Карпатскія горы и вступить въ Венгрію.

У насъ, въ Смольномъ, усердно молились дѣти. Когда запѣли: «Съ нами Богъ!» какое-то крайне непріятное чувство разлилось во всемъ моемъ существѣ. Я со слезами бросилась на колѣни и, повторяя съ глубокимъ умиленіемъ эти святыя слова, готова была, кажется, сама положить свою голову за Отечество, если бы только ему была нужна такая *безполезная* голова, какъ моя...

Впрочемъ, не покидая стѣнъ Смольнаго, я, быть можетъ, могу еще быть ему полезна, воспитывая дѣтей, внушая, имъ христіанскія правила...

Господи, подкрѣпи меня на моемъ трудномъ поприщѣ, по которому я иду безъ призванія!...

Военныя извѣстія. Взятіе города Токай. Холера.

3 іюля. Вчера у Гартонгъ [1]) читали извѣстія изъ дѣйствующей арміи. Если вѣрить всему писанному, наши вездѣ бьютъ и молодецки выручаютъ австрійцевъ. «Артиллеристы дерутся, какъ демоны, а удальцамъ казакамъ имени нѣтъ», одно появленіе ихъ внушаетъ страхъ, и непріятель бѣжитъ почти безъ боя.

Токай [2]) взятъ, но болѣе, чѣмъ смѣшно. Нужно было перейти черезъ р. Тейсъ [3]), а мостъ разрушенъ и брода не знаютъ. Другіе посмотрѣли бы да и назадъ вернулись, но наши казаки упрямы и, разъ задумавши, съ атаки не вернутся. Лисенко и Кутайсовъ, начальники отряда, раздѣвшись до нага, съ шашкою и съ пистолетомъ въ зубахъ, первые бросились въ рѣку; — отрядъ послѣдовалъ за ними, и отважные Донцы, въ новоизобрѣтенномъ нарядѣ нежданно являются на стѣнахъ города!

Хозяева, при видѣ страшныхъ гостей, въ столь неприличномъ видѣ къ нимъ пожаловавшихъ, до того растерялись, что, забывъ всякую вѣжливость, оставили городъ, не привѣтствуя ни однимъ ласковымъ словомъ «допотопныхъ» гостей. Токай достался казакамъ. Что было далѣе, неизвѣстно...

Интересно было бы знать, за кого и какъ токайскіе жители приняли дикихъ пришельцевъ? Сначала бѣжали отъ нихъ, но потомъ, говорятъ, сбирались смотрѣть, какъ на невиданное чудо, и даже угощали своимъ прославленнымъ виномъ. Впрочемъ, это дѣйствительно чудо, и не вѣрится, чтобы подобныя происшествія могли имѣть мѣсто въ Европѣ, да еще въ 1849 году!..

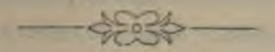
---

[1]) Гартонгъ. См. зап. 1847 г. 23 іюня, пр. 2.

[2]) Токай—мѣстечко въ Венгріи. Извѣстно виноделіемъ.

[3]) Самый большой лѣвый притокъ Дуная въ Венгріи. Начало беретъ изъ лѣсистыхъ Карпатъ.

Холера снова принялась за свою работу и дѣйствуетъ съ большимъ успѣхомъ: заболѣваютъ по 60-ти, а умираютъ по 25-ти; вѣроятно, со временемъ, число умирающихъ увеличится. Полюбилась ей Россія; никакъ не выживешь, а пора бы, давно пора проститься. Намъ, русскимъ, право, холера, теперь не до тебя!..



Два письма свитскаго офицера изъ дѣйствующей арміи въ Венгріи. Братъ А. К. Баумгартена. Погода.

4 іюля. Желая сохранить въ памяти все слышанное о подвигахъ нашихъ войскъ во время Венгерской войны, хотѣла я вносить въ свою тетрадку всѣ любопытныя письма изъ дѣйствующей арміи. Теперь у меня ихъ два — свитскаго офицера, писанныя имъ къ своему отцу.

От̃ъ 24 мая.

Пресбургъ [1]). «Я теперь въ Пресбургѣ, куда мы прибыли почти безъ отдыха. Войска стоятъ лагеремъ за укрѣпленіями города и ожидаютъ или нападенія венгерцевъ или соединенія всѣхъ корпусовъ, чтобы самимъ итти противъ нихъ. Я съ генераломъ стою въ великолѣпномъ дворцѣ, который прежде занималъ вице-король Венгріи эрцъ-герцогъ Карлъ Стефанъ. Вездѣ шелкъ, бархатъ, бронза, золото, мраморъ. Превосходный паркъ съ чудными видами на окрестныя горы. Недолго придется здѣсь отдохнуть: дней черезъ шесть открываемъ военныя дѣйствія, и тогда прощай дворцовая нѣга. Будемъ жить на бивуакахъ. Въ Венгріи все выжжено, и селенія очень рѣдки. Попадается много палаго скота. Если

[1]) Въ Венгріи королевскій вольный городъ на лѣвомъ берегу Дуная у подошвы м. Карпатъ. Въ немъ короновались венгерск. короли (1541—1784 г.).

назначено умереть, то лучше отъ пули, нежели отъ холеры, которая начала сильно распространяться въ полкахъ. Дивизія, въ которой я нахожусь, какъ я уже писалъ, присоединена къ австрійской арміи для ея усиленія, почему безпрестанно приходится быть съ австрійцами въ сношеніи, что очень скучно. Народъ они не добрый. Скорѣе бы за самостоятельное дѣло, — тамъ уже сами будемъ драться, не спрашивая ихъ, какъ надо колотить венгерцевъ.

19 іюня.

Бивуакъ при дер. Бана.

Послѣ письма моего пролетѣло много времени, и произошли большія перемѣны. Изъ Пресбурга насъ двинули 6-го іюня противъ венгерцевъ, перешедшихъ рѣку Ваагъ (впадаетъ въ Дунай); здѣсь венгерцы въ числѣ 30 т. совершенно разбили 20 т. австрійцевъ и гнали ихъ на разстояніи 50 верстъ. 8-го іюня подошли мы къ Діосегу и подвинулись еще 8 верстъ впередъ къ деревнѣ Токлано, гдѣ принимали бѣгущихъ австрійцевъ, и ночевали на позиціи.

9-го, пройдя въ боевомъ порядкѣ около 14 вер., атаковали 30 т. венгерцевъ съ 80 орудіями при д. Перетъ [1]).

У насъ была одна дивизія въ 11 т. человѣкъ съ 48 орудіями. Завязалась страшная пушечная пальба на разстояніи 450 саж. и продолжалась болѣе 2 часовъ. Ядра и гранаты летали, какъ горохъ, и нанесли намъ большой уронъ. Зато наша превосходная артиллерія, несмотря на половинную ея численность, наносила страшное пораженіе противнику и въ 2 часа смяла почти всѣ батареи венгерцевъ. Пѣхота по расчисткѣ двинулась въ атаку. Непріятель, видя предъ собою стройное войско, которое такъ твердо и смѣло идетъ впередъ, бѣжалъ съ позицій, оставивъ только малую свою часть въ д. Перетъ и прилежащемъ къ ней лѣсу.

[1]) Въ юго-восточн. напр. отъ Пресбурга.

Мы тотчасъ сформировали колонны для атаки деревни Перетъ, и мнѣ поручено было вести ихъ. Несмотря на огонь изъ девяти орудій, убійственную ружейную пальбу и изрытую глубокими рвами мѣстность, деревня и лѣсъ были взяты въ штыки и отнято 4 орудія.

Негодные венгерцы струсили и бѣжали съ поля сраженія, бросивъ еще нѣсколько гранатъ съ позиціи при д. Зигартъ. Ихъ гнали до самой рѣки, прогнали за мостъ и сожгли его, чѣмъ и покончилъ я данное мнѣ порученіе.

Теперь я «окрещенъ», (т. е.) насмотрѣлся на пули, ядра и гранаты и уже ихъ не такъ страшусь, а было,—очень трусилъ! Слава Богу! остался невредимъ, несмотря на то, что былъ постоянно на болѣе опасныхъ мѣстахъ, особенно при лѣсѣ, гдѣ пули градомъ летѣли на насъ, и ихъ пронзительный свистъ часто прерывался уже довольно *знакомымъ* мнѣ гуломъ летящаго ядра.

Послѣ этого мы возвратились въ Пресбургъ, а оттуда, вмѣстѣ съ австрійской арміей выдвинулись впередъ.

17-го іюня взятъ г. Раабъ [2]), а теперь подходимъ къ главной крѣпости Каморнъ.

Императоръ австрійскій пожаловалъ мнѣ орденъ Желѣзной короны. Забылъ сказать, что подо мной контузило лошадь и сбило каску съ моей головы. У насъ ужасная холера!»

Мнѣ обѣщали доставлять и слѣдующія письма, но, Богъ знаетъ, вернется-ли съ поля брани этотъ молодой человѣкъ? Иная пуля вмѣсто каски можетъ ему и голову снести. Жаль,—онъ, говорятъ, добръ, любимъ своимъ семействомъ и молодъ; пожить бы ему еще, а то что-же умирать отъ пули [3])....

---

[2]) Въ Венгріи на рѣкѣ Раабъ, впадающей въ Дунай на юго-зап. отъ Каморны, что крѣп. у устья р. Ваага.

[3]) Варвара Петровна всю свою жизнь была противница войны со всѣми ея послѣдствіями.

Военныя извѣстія. Взятіе города Токай. Холера.

3 іюля. Вчера у Гартонгъ [1]) читали извѣстія изъ дѣйствующей арміи. Если вѣрить всему писанному, наши вездѣ бьютъ и молодецки выручаютъ австрійцевъ. «Артиллеристы дерутся, какъ демоны, а удальцамъ казакамъ имени нѣтъ»: одно появленіе ихъ внушаетъ страхъ, и непріятель бѣжитъ почти безъ боя.

Токай [2]) взятъ, но болѣе, чѣмъ смѣшно. Нужно было перейти черезъ р. Тейсъ [3]), а мостъ разрушенъ и брода не знаютъ. Другіе посмотрѣли бы да и назадъ вернулись, но наши казаки упрямы и, разъ задумавши, съ атаки не вернутся. Лисенко и Кутайсовъ, начальники отряда, раздѣвшись до нага, съ шашкою и съ пистолетомъ въ зубахъ, первые бросились въ рѣку;—отрядъ послѣдовалъ за ними, и отважные Донцы, въ новоизобрѣтенномъ нарядѣ нежданно являются на стѣнахъ города!

Хозяева, при видѣ страшныхъ гостей, въ столь неприличномъ видѣ къ нимъ пожаловавшихъ, до того растерялись, что, забывъ всякую вѣжливость, оставили городъ, не привѣтствуя ни однимъ ласковымъ словомъ «допотопныхъ» гостей. Токай достался казакамъ. Что было далѣе, неизвѣстно...

Интересно было бы знать, за кого и какъ токайскіе жители приняли дикихъ пришельцевъ? Сначала бѣжали отъ нихъ, но потомъ, говорятъ, сбирались смотрѣть, какъ на невиданное чудо, и даже угощали своимъ прославленнымъ виномъ. Впрочемъ, это дѣйствительно чудо, и не вѣрится, чтобы подобныя происшествія могли имѣть мѣсто въ Европѣ, да еще въ 1849 году!..

---

[1]) Гартонгъ. См. зап. 1847 г. 23 іюня, пр. 2.

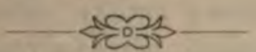
[2]) Токай—мѣстечко въ Венгріи. Извѣстно винодѣліемъ.

[3]) Самый большой лѣвый притокъ Дуная въ Венгріи. Начало беретъ изъ лѣсистыхъ Карпатъ.

детъ Нюта, поболтаемъ, посмѣемся, и потомъ я снова за свою любимую «малороссійскую лѣнь». Музыку нынче я совсѣмъ оставила,—некогда играть. Работала бы я, пожалуй, съ удовольствіемъ, но, оставаясь одна, не могу рукодѣльемъ заняться: руки заняты, а голова остается въ бездѣйствіи; является открытое поле для любви и для всего... а потому мечты... мечты... мечты и всякій вздоръ заползаетъ въ голову. Становится скучно мнѣ,—и я тоскую...

Какъ хороша теперь Охта, она вся подернута розовымъ свѣтомъ; Нева тоже,—прекрасенъ Божій міръ.

Нѣтъ, лѣнь вредна и ужасна!..



Урокъ Бозе. Статуи въ физическомъ кабинетѣ Имп. Вос. Общ. бл. дѣвицъ.

13 іюня. Однообразно звучитъ голосъ лютеранскаго пастора. Дѣти сквозь зубы бормочатъ отвѣты. Моя сосѣдка Е. Ал. [1]) молчитъ; съ нею не разговоришься. Она въ умиленіи и обожаетъ своего Бозе [2]). Вѣтеръ завываетъ, такъ и клонитъ ко сну. Отъ нечего дѣлать, гляжу по сторонамъ, отыскивая предметы, на которыхъ бы могла остановить свое вниманіе. Предъ глазами огромные шкафы, наполненные птичьими чучелами да банками съ разными порошками и надписями [3]).

Кругомъ дѣти всѣхъ классовъ, а передо мною Бозе,—вовсе не занимательное лицо. Лорнетъ скользитъ съ предмета на предметъ, и, наконецъ, поднявъ очи «горѣ», завидѣла

[1]) Емилія Александр. Типольтъ, нѣмка, клас. д Имп. В. Об. бл. дѣв.

[2]) Бозе—пасторъ, законоучитель лютеранокъ Имп. В. Общ. бл. дѣвицъ. Странный случай передаютъ воспитанницы-старушки: до 1823 г. не было въ Об. бл. дѣв. отдѣльнаго лютер. законоучителя; П. Морицъ фанатично хлопоталъ совершенно отдѣлить лютеранокъ отъ православн. и католичекъ-воспитанницъ, а за нѣсколько дней до разрѣшенія своей просьбы утонулъ.

[3]) Естественный кабинетъ Имп. В. Об. бл. дѣвицъ.

назначено умереть, то лучше отъ пули, нежели отъ холеры, которая начала сильно распространяться въ полкахъ. Дивизія, въ которой я нахожусь, какъ я уже писалъ, присоединена къ австрійской арміи для ея усиленія, почему безпрестанно приходится быть съ австрійцами въ сношеніи, что очень скучно. Народъ они не добрый. Скорѣе бы за самостоятельное дѣло, — тамъ уже сами будемъ драться, не спрашивая ихъ, какъ надо колотить венгерцевъ.

19 іюня.

Бивуакъ при дер. Бана.

Послѣ письма моего пролетѣло много времени, и произошли большія перемѣны. Изъ Пресбурга насъ двинули 6-го іюня противъ венгерцевъ, перешедшихъ рѣку Ваагъ (впадаетъ въ Дунай); здѣсь венгерцы въ числѣ 30 т. совершенно разбили 20 т. австрійцевъ и гнали ихъ на разстояніи 50 верстъ. 8-го іюня подошли мы къ Діосегу и подвинулись еще 8 верстъ впередъ къ деревнѣ Токлано, гдѣ принимали бѣгущихъ австрійцевъ, и ночевали на позиціи.

9-го, пройдя въ боевомъ порядкѣ около 14 вер., атаковали 30 т. венгерцевъ съ 80 орудіями при д. Перетъ [1]).

У насъ была одна дивизія въ 11 т. человѣкъ съ 48 орудіями. Завязалась страшная пушечная пальба на разстояніи 450 саж. и продолжалась болѣе 2 часовъ. Ядра и гранаты летали, какъ горохъ, и нанесли намъ большой уронъ. Зато наша превосходная артиллерія, несмотря на половинную ея численность, наносила страшное пораженіе противнику и въ 2 часа смяла почти всѣ батареи венгерцевъ. Пѣхота по расчисткѣ двинулась въ атаку. Непріятель, видя предъ собою стройное войско, которое такъ твердо и смѣло идетъ впередъ, бѣжалъ съ позицій, оставивъ только малую свою часть въ д. Перетъ и прилежащемъ къ ней лѣсу.

¹) Въ юго-восточн. напр. отъ Пресбурга.

Мы тотчасъ сформировали колонны для атаки деревни Перетъ, и мнѣ поручено было вести ихъ. Несмотря на огонь изъ девяти орудій, убійственную ружейную пальбу и изрытую глубокими рвами мѣстность, деревня и лѣсъ были взяты въ штыки и отнято 4 орудія.

Негодные венгерцы струсили и бѣжали съ поля сраженія, бросивъ еще нѣсколько гранатъ съ позиціи при д. Зигартъ. Ихъ гнали до самой рѣки, прогнали за мостъ и сожгли его, чѣмъ и покончилъ я данное мнѣ порученіе.

Теперь я «окрещенъ», (т. е.) насмотрѣлся на пули, ядра и гранаты и уже ихъ не такъ страшусь, а было,—очень трусилъ! Слава Богу! остался невредимъ, несмотря на то, что былъ постоянно на болѣе опасныхъ мѣстахъ, особенно при лѣсѣ, гдѣ пули градомъ летѣли на насъ, и ихъ пронзительный свистъ часто прерывался уже довольно *знакомымъ* мнѣ гуломъ летящаго ядра.

Послѣ этого мы возвратились въ Пресбургъ, а оттуда, вмѣстѣ съ австрійской арміей выдвинулись впередъ.

17-го іюня взятъ г. Раабъ [2]), а теперь подходимъ къ главной крѣпости Каморнъ.

Императоръ австрійскій пожаловалъ мнѣ орденъ Желѣзной короны. Забылъ сказать, что подо мной контузило лошадь и сбило каску съ моей головы. У насъ ужасная холера!»

Мнѣ обѣщали доставлять и слѣдующія письма, но, Богъ знаетъ, вернется-ли съ поля брани этотъ молодой человѣкъ? Иная пуля вмѣсто каски можетъ ему и голову снести. Жаль,— онъ, говорятъ, добръ, любимъ своимъ семействомъ и молодъ; пожить бы ему еще, а то что-же умирать отъ пули [3])....

---

[2]) Въ Венгріи на рѣкѣ Раабъ, впадающей въ Дунай на юго-зап. отъ Каморны, что крѣп. у устья р. Ваага.

[3]) Варвара Петровна всю свою жизнь была противница войны со всѣми ея послѣдствіями.

Военныя извѣстія. Взятіе города Токай. Холера.

3 іюля. Вчера у Гартонгъ [1]) читали извѣстія изъ дѣйствующей арміи. Если вѣрить всему писанному, наши вездѣ бьютъ и молодецки выручаютъ австрійцевъ. «Артиллеристы дерутся, какъ демоны, а удальцамъ казакамъ имени нѣтъ», одно появленіе ихъ внушаетъ страхъ, и непріятель бѣжитъ почти безъ боя.

Токай [2]) взятъ, но болѣе, чѣмъ смѣшно. Нужно было перейти черезъ р. Тейсъ [3]), а мостъ разрушенъ и брода не знаютъ. Другіе посмотрѣли бы да и назадъ вернулись, но наши казаки упрямы и, разъ задумавши, съ атаки не вернутся. Лисенко и Кутайсовъ, начальники отряда, раздѣвшись до нага, съ шашкою и съ пистолетомъ въ зубахъ, первые бросились въ рѣку;—отрядъ послѣдовалъ за ними, и отважные Донцы, въ новоизобрѣтенномъ нарядѣ нежданно являются на стѣнахъ города!

Хозяева, при видѣ страшныхъ гостей, въ столь неприличномъ видѣ къ нимъ пожаловавшихъ, до того растерялись, что, забывъ всякую вѣжливость, оставили городъ, не привѣтствуя ни однимъ ласковымъ словомъ «допотопныхъ» гостей. Токай достался казакамъ. Что было далѣе, неизвѣстно...

Интересно было бы знать, за кого и какъ токайскіе жители приняли дикихъ пришельцевъ? Сначала бѣжали отъ нихъ, но потомъ, говорятъ, сбирались смотрѣть, какъ на невиданное чудо, и даже угощали своимъ прославленнымъ виномъ. Впрочемъ, это дѣйствительно чудо, и не вѣрится, чтобы подобныя происшествія могли имѣть мѣсто въ Европѣ, да еще въ 1849 году!..

---

[1]) Гартонгъ. См. зап. 1847 г. 23 іюня, пр. 2.

[2]) Токай—мѣстечко въ Венгріи. Извѣстно винодѣліемъ.

[3]) Самый большой лѣвый притокъ Дуная въ Венгріи. Начало беретъ изъ лѣсистыхъ Карпатъ.

Кто же изъ русскихъ при этомъ извѣстіи не произнесетъ: «*слава Богу*»! Въ каждомъ семействѣ есть или братъ, или сынъ, или мужъ, по которымъ плачутъ и съ нетерпѣніемъ ждутъ ихъ домой; а если и нѣтъ никого, все же жаль своихъ единокровныхъ русскихъ, бьющихся съ венгерцами и вымирающихъ отъ холеры.

Еще, слава Богу, что подъ Гроссъ-Вардейномъ [3]) дѣло обошлось безъ капли человѣческой крови. Венгерцы сдались безъ боя. Георги, стало быть, нечего бояться. Остаются Бемъ и Дембинскій [4]); но съ ними будетъ легче справиться, когда 40 тысячъ непріятеля уже не стало!

О, если бы скорѣе кончилась эта война! Не люблю я, когда льется кровь человѣческая...

Люди, люди! Жить бы вамъ мирно, а не драться, не лить бы кровь другъ друга! Развѣ назначеніе человѣка истреблять подобныхъ себѣ? Господь сказалъ: «*дѣти Мои, любите другъ друга, и нѣтъ больше той любви, какъ кто душу свою положитъ за други своя*». А вы что дѣлаете? А мы ищемъ, какъ бы ударъ былъ помѣтче, и всячески изощряемся сжить за одинъ выстрѣлъ со свѣта побольше себѣ подобныхъ...

Неужели же вѣчно все будутъ также рѣзаться люди? Жизнь и такъ недолга, и безъ этого много несчастій; къ чему-жъ увеличивать ихъ?..

Эти дни какъ-то мнѣ скучно. Опять, какъ въ былые годы, гляжу я съ тоскою на появленіе желтыхъ листьевъ, на этихъ грустныхъ предвѣстниковъ скораго наступленія зимы. Опять свѣжій осенній воздухъ сжимаетъ мою душу, и мнѣ хочется плакать, какъ плакалось прежде. Съ тѣхъ поръ, какъ мы въ Смольномъ, я еще въ первый разъ съ такою тоскою провожаю лѣто.—Что-то скажетъ зима?

---

[3]) Гроссъ-Вардейнъ—городъ и крѣп. на прав. бер. р. Кереша.

[4]) Бемъ и Дембинскій—тоже начальники отдѣльныхъ частей войска венгерцевъ.

назначено умереть, то лучше отъ пули, нежели отъ холеры, которая начала сильно распространяться въ полкахъ. Дивизія, въ которой я нахожусь, какъ я уже писалъ, присоединена къ австрійской арміи для ея усиленія, почему безпрестанно приходится быть съ австрійцами въ сношеніи, что очень скучно. Народъ они не добрый. Скорѣе бы за самостоятельное дѣло, — тамъ уже сами будемъ драться, не спрашивая ихъ, какъ надо колотить венгерцевъ.

19 іюня.

Бивуакъ при дер. Бана.

Послѣ письма моего пролетѣло много времени, и произошли большія перемѣны. Изъ Пресбурга насъ двинули 6-го іюня противъ венгерцевъ, перешедшихъ рѣку Ваагъ (впадаетъ въ Дунай); здѣсь венгерцы въ числѣ 30 т. совершенно разбили 20 т. австрійцевъ и гнали ихъ на разстояніи 50 верстъ. 8-го іюня подошли мы къ Діосегу и подвинулись еще 8 верстъ впередъ къ деревнѣ Токлано, гдѣ принимали бѣгущихъ австрійцевъ, и ночевали на позиціи.

9-го, пройдя въ боевомъ порядкѣ около 14 вер., атаковали 30 т. венгерцевъ съ 80 орудіями при д. Веретъ [1]).

У насъ была одна дивизія въ 11 т. человѣкъ съ 48 орудіями. Завязалась страшная пушечная пальба на разстояніи 450 саж. и продолжалась болѣе 2 часовъ. Ядра и гранаты летали, какъ горохъ, и нанесли намъ большой уронъ. Зато наша превосходная артиллерія, несмотря на половинную ея численность, наносила страшное пораженіе противнику и въ 2 часа смяла почти всѣ батареи венгерцевъ. Пѣхота по расчисткѣ двинулась въ атаку. Непріятель, видя предъ собою стройное войско, которое такъ твердо и смѣло идетъ впередъ, бѣжалъ съ позицій, оставивъ только малую свою часть въ д. Перетъ и прилежащемъ къ ней лѣсу.

[1]) Въ юго-восточн. напр. отъ Пресбурга.

Мы тотчасъ сформировали колонны для атаки деревни Перетъ, и мнѣ поручено было вести ихъ. Несмотря на огонь изъ девяти орудій, убійственную ружейную пальбу и изрытую глубокими рвами мѣстность, деревня и лѣсъ были взяты въ штыки и отнято 4 орудія.

Негодные венгерцы струсили и бѣжали съ поля сраженія, бросивъ еще нѣсколько гранатъ съ позиціи при д. Зигартъ. Ихъ гнали до самой рѣки, прогнали за мостъ и сожгли его, чѣмъ и покончилъ я данное мнѣ порученіе.

Теперь я «окрещенъ», (т. е.) насмотрѣлся на пули, ядра и гранаты и уже ихъ не такъ страшусь, а было,—очень трусилъ! Слава Богу! остался невредимъ, несмотря на то, что былъ постоянно на болѣе опасныхъ мѣстахъ, особенно при лѣсѣ, гдѣ пули градомъ летѣли на насъ, и ихъ пронзительный свистъ часто прерывался уже довольно *знакомымъ* мнѣ гуломъ летящаго ядра.

Послѣ этого мы возвратились въ Пресбургъ, а оттуда, вмѣстѣ съ австрійской арміей выдвинулись впередъ.

17-го іюня взятъ г. Раабъ [2]), а теперь подходимъ къ главной крѣпости Каморнъ.

Императоръ австрійскій пожаловалъ мнѣ орденъ Желѣзной короны. Забылъ сказать, что подо мной контузило лошадь и сбило каску съ моей головы. У насъ ужасная холера!»

. . . .

Мнѣ обѣщали доставлять и слѣдующія письма, но, Богъ знаетъ, вернется-ли съ поля брани этотъ молодой человѣкъ? Иная пуля вмѣсто каски можетъ ему и голову снести. Жаль,—онъ, говорятъ, добръ, любимъ своимъ семействомъ и молодъ; пожить бы ему еще, а то что-же умирать отъ пули [3])....

---

[2]) Въ Венгріи на рѣкѣ Раабъ, впадающей въ Дунай на юго-зап. отъ Каморны, что крѣп. у устья р. Ваага.

[3]) Варвара Петровна всю свою жизнь была противница войны со всѣми ея послѣдствіями.

Братъ Баумгартена [4]) также отличается. Объ немъ уже пишутъ въ газетахъ. Полкъ его въ одномъ сраженіи съ венгерцами потерялъ батальоннаго командира, струсилъ и пустился было бѣжать. Полковникъ Баумгартенъ схватилъ знамя, скомандовалъ «впередъ» и первый бросился на непріятеля. Солдаты ободрились, и непріятель былъ разбитъ.

Вотъ, такъ то русскіе большею частью дерутся, а, между тѣмъ, иностранцы даже врожденную въ насъ храбрость не хотятъ признавать и нашими командуютъ. — *«Нехай имъ всяко лыхо прилучится»*, какъ сердятся и бранятся малоросы.

Я пишу, а дождь такъ и льетъ; холодно, пасмурно; вѣтеръ вздуваетъ Неву, колышетъ деревья и рвется въ мое окно, силится отворить его и злится, что силы нѣтъ; такъ и стонетъ. У, сердитый старикъ!

Бѣдныя лодочки такъ и прыгаютъ. Охота же вамъ, добрые люди, пускаться по Невѣ въ такое ненастье, вы и не на войнѣ можете погибнуть.

О войнѣ. Георги съ сорока тысячами венгерцевъ слагаетъ оружіе. Наступленіе зимы.—тоска. Смерть доктора Квадре. Встрѣча его съ Императрицею Маріею Ѳеодоровною.

10 августа. Въ прошедшую пятницу сидимъ мы у Гартонгъ [1]) за столомъ, какъ вдругъ входитъ Апол. К. Баумгартенъ и радостно выкрикиваетъ: «радуйтесь, радуйтесь, скоро войнѣ конецъ! — 40 т. венгерцевъ, подъ начальствомъ Георги [2]), передъ русскою арміею сложили оружіе. Сейчасъ объ этомъ получена телеграмма!

[4]) Женатаго на Додо Гартонгъ, Александръ Карловичъ. (См. зап. 1847 г. 26 сентября).

[1]) Гартонгъ, Апол. Кар. Баумгартенъ (см. зап. Смол. 1847 г. 23 іюня, 26 сент., 1848 г. 12 мар.).

[2]) Георги—венгерскій полководецъ.

Кто же изъ русскихъ при этомъ извѣстіи не произнесетъ: «*слава Богу*»! Въ каждомъ семействѣ есть или братъ, или сынъ, или мужъ, по которымъ плачутъ и съ нетерпѣніемъ ждутъ ихъ домой; а если и нѣтъ никого, все же жаль своихъ единокровныхъ русскихъ, бьющихся съ венгерцами и вымирающихъ отъ холеры.

Еще, слава Богу, что подъ Гроссъ-Вардейномъ [3]) дѣло обошлось безъ капли человѣческой крови. Венгерцы сдались безъ боя. Георги, стало быть, нечего бояться. Остаются Бемъ и Дембинскій [4]); но съ ними будетъ легче справиться, когда 40 тысячъ непріятеля уже не стало!

О, если бы скорѣе кончилась эта война! Не люблю я, когда льется кровь человѣческая...

Люди, люди! Жить бы вамъ мирно, а не драться, не лить бы кровь другъ друга! Развѣ назначеніе человѣка истреблять подобныхъ себѣ? Господь сказалъ: «*дѣти Мои, любите другъ друга, и нѣтъ больше той любви, какъ кто душу свою положитъ за други своя*». А вы что дѣлаете? А мы ищемъ, какъ бы ударъ былъ помѣтче, и всячески изощряемся сжить за одинъ выстрѣлъ со свѣта побольше себѣ подобныхъ...

Неужели же вѣчно все будутъ также рѣзаться люди? Жизнь и такъ недолга, и безъ этого много несчастій; къ чему-жъ увеличивать ихъ?..

Эти дни какъ-то мнѣ скучно. Опять, какъ въ былые годы, гляжу я съ тоскою на появленіе желтыхъ листьевъ, на этихъ грустныхъ предвѣстниковъ скораго наступленія зимы. Опять свѣжій осенній воздухъ сжимаетъ мою душу, и мнѣ хочется плакать, какъ плакалось прежде. Съ тѣхъ поръ, какъ мы въ Смольномъ, я еще въ первый разъ съ такою тоскою провожаю лѣто.—Что-то скажетъ зима?

---

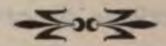
[3]) Гроссъ-Вардейнъ—городъ и крѣп. на прав. бер. р. Кереша.

[4]) Бемъ и Дембинскій—тоже начальники отдѣльныхъ частей войска венгерцевъ.

Боже мой, Боже мой, неужели со свѣтлыми днями исчезнетъ и мое хорошее настроеніе? Неужели снова повторятся прежніе приступы тоски? Отъ одного воспоминанія дрожь пробѣгаетъ по тѣлу. Кажется..... но да будетъ Твоя воля! Терпѣнія, Господи, дай мнѣ терпѣнія!.. Боюсь изнемочь; не отнимай у меня только двухъ сестеръ, моихъ ангеловъ; не дай ихъ пережить!

Холера въ Петербургѣ все работаетъ. На-дняхъ умеръ докторъ Квадре [5]), другъ семейства Гартонгъ,—человѣкъ добрый и умный, рѣдко когда говорившій о своихъ дѣлахъ, больше молчалъ. Въ послѣдній разъ я его видѣла 22-го іюля,—много шутила и смѣялась, желая расшевелить этого флегму, въ чемъ почти успѣла, такъ какъ послѣ обѣда онъ и самъ не отходилъ отъ меня, говоря: «ужъ сегодня на цѣлый день я вашъ», а я дурачилась, отвѣчала: «сегодня вы мой Валентинъ». Ровно черезъ недѣлю онъ умеръ въ жестокой холерѣ.

Въ какой расплохъ можетъ застать насъ смерть!..



Конецъ войны. Смерть, отпѣваніе и погребеніе матери А. Д. Слопецкой.

6 сентября. Слава Богу!—войнѣ конецъ. Всѣ венгерскія крѣпости сдались; войска положили оружіе передъ русской арміей, и наши уже возвращаются домой. Да, слава Тебѣ,

---

[5]) Докторъ Квадре,—итальянецъ; началъ службу въ Маріин. СПБ. больницѣ. Любилъ много курить. Однажды, сидя въ дежурной комнатѣ среди облака табачнаго дыма, онъ увидѣлъ предъ собою Императрицу Марію Өеодоровну.

«Охъ, какъ у васъ накурено»,—сказала Императрица. Повернулась и вышла.

Обойдя больницу, Ея Величество подала Квадре, какъ дежурному врачу, руку и съ милостивою улыбкою произнесла: «при трупахъ—это очень хорошо».. Больше ни слова никто не услышалъ объ этомъ изъ старшихъ. Квадре никогда болѣе не курилъ. (Со словъ близко знавшихъ покойнаго и слышавшихъ это изъ устъ Квадре).

Господи, что безъ особеннаго кровопролитія помирились, да и притомъ довольно скоро покончили: 1-го іюня начались дѣйствія, а 6-го ноября возвратились послѣдніе гвардейскіе полки и нашъ Ваня [1]).

Дембицкій, Бемъ, Кошутъ и множество другихъ венгерцевъ и поляковъ бѣжали въ Турцію и приняли тамъ исламъ Бемъ сдѣланъ трехбунчужнымъ [2]) пашою. До чего доводитъ людей страхъ смерти!

Но теперь я уже не думаю ни о полякахъ ни о венгерцахъ,—иное въ головѣ и въ сердцѣ.

Сегодня, т. е. 7-го ноября, я была свидѣтельницею трогательнаго обряда погребенія праведной старушки. Скончалась на 85-мъ году мама Анны Демьяновны Слонецкой [3]). Отошла она, окруженная заботою и любовію своихъ дѣтей: трое сыновей и двѣ дочери ни на минуту не покидали ее. Старушка предъ смертію крѣпко благодарила Господа за столь добрыхъ дѣтей! Какое счастіе—здоровье ея понемногу убывало и, наконецъ, послѣ тяжкой болѣзни, перешла она, напутствуемая любовью, молитвою, слезами чудныхъ ея дѣтей и сожалѣніями всѣхъ ее знавшихъ.

Отпѣвали ее въ церкви градской богадѣльни [4]); все было освѣщено; во время панихиды всюду горѣли свѣчи; наши пѣвчіе пѣли прекрасно, и какое-то торжественное умиленіе виднѣлось у всѣхъ на лицахъ. Не было слышно рыданій, но слезъ много катилось. Тихо и усердно всѣ молились Богу. Виднѣлось умное отношеніе къ смерти старицы.

---

[1]) Иванъ Петровичъ Выковъ, братъ Варвары Петровны, со скамьи инженернаго училища отправившійся на войну. Впослѣдствіи инженеръ.

[2]) Венгерскіе предводители. Бунчукъ (конскій или бычачій хвостъ на древкѣ)—знакъ власти. По числу хвостовъ паши получаютъ названіе „двухъ" и „трехбунчуж.". Предъ султаномъ носили 7 хвостовъ.

[3]) См. зап. 1848 г. 24 іюня, пр. 3.

[4]) Св. Константина и Елены, что ниже, по Невѣ, рядомъ съ Александровскимъ институтомъ.

Молилась и я, — было какъ-то отрадно на душѣ. Въ эти минуты и я не боялась смерти, напротивъ, безъ вздоха, казалось, покинула бы всю суету мірскую. Мнѣ хотѣлось среди этого пѣнія, этихъ общихъ сердечныхъ молитвъ и пожеланій отойти отъ земли.

Душа старушки должна возрадоваться на небѣ. Признаюсь, я не о ней молилась, но, стоя передъ гробомъ любимой всѣми праведницы, я просила ее молиться о насъ. Когда прощались, я старалась пробраться, чтобы приложиться хотя къ покрову этой рѣдкой, святой и добродѣтельной женщины. Пошли и мнѣ, Господи, такую же кончину!

Мы проводили тѣло до Волковскаго кладбища и похоронили близъ старой церкви. Могилу окружили друзья и родные, и снова раздалось погребальное пѣніе. Въ воздухѣ тихо, и ничто не мѣшаетъ звукамъ нестись прямо къ небесамъ.

Люблю я молиться на открытомъ мѣстѣ; тамъ чувствуешь себя ничтожнѣе, а потому и ближе къ самому Творцу.

Во время чтенія молитвъ долетали до насъ голоса пѣвчихъ съ другого края кладбища, съ другой могилы. И тамъ кого-то опускали въ землю, и, можетъ - быть, съ тою же любовью и тоскою погребали любимое существо.

На кладбищѣ только и видишь все ничтожество человѣка, тутъ-то и чувствуешь исполненіе грозныхъ словъ: «*земля ты есть и въ землю отойдешь*» [5]).

---

[5]) Послѣдованіе погребенія мірскихъ человѣкъ. (См. „Требникъ“).

1850 г.

Годы, проведенные въ Смольномъ, и разность взгляда на людей.

1 марта. Аннетъ уѣхала къ Гартонгъ [1]), а я одна провела весь вечеръ, разбирая свой столъ и перечитывая всѣ свои записки: сколько разныхъ напоминаній! Душа какъ будто бы освѣжилась чистымъ весеннимъ воздухомъ, грудь задышала свободнѣе, и жизнь кажется легче. Многое, многое вспомнилось. Но изъ всѣхъ лѣтъ, прожитыхъ мною на свѣтѣ, я желала бы, чтобы повторились только года, *проведенные* въ Смольномъ, и съ условіемъ, чтобы мнѣ они отдали тѣ же понятія, тѣ же милыя заблужденія и то же доброе, но невлюбчивое сердце. Безъ этихъ сокровищъ и Смольный покажется пустымъ, однообразнымъ, скучнымъ и бездушнымъ, какимъ многія его и находятъ. Стѣны его давятъ нынѣшнихъ нашихъ молоденькихъ дѣвицъ, но на меня онѣ не такъ дѣйствуютъ: здѣсь провела я дѣтство, юные годы, здѣсь заключается весь мой мірокъ, здѣсь всѣ почти мои привязанности, здѣсь моя жизнь!

Впрочемъ, должно быть, я создана исключительно для Смольнаго; и теперь только въ немъ чувствую себя хорошо. (А если бы я раньше совершенно отдалилась отъ «свѣта»,

---

[1]) Марья Андреевна. См. зап. 1847 г. 23 іюня, пр. 2.

то была бы счастливѣе раньше). Четырнадцать лѣтъ тому назадъ (въ 1836 г.), вступая въ свѣтъ молоденькой дѣвушкой, я страшно жаждала *видѣть людей* и сойтись съ ними: безъ нихъ природа была пуста, и я ее не цѣнила. Теперь-же, поживъ и всмотрѣвшись въ милыхъ собратій, я съ тоской повторяю: «дайте природу мнѣ, прекрасную, богатую, южную или убогую природу, — *а людей возьмите себѣ!..* отъ нихъ подальше... лучше... легче»!...

Смерть Кости Гартонгъ. Желанія и надежды.

16 іюля. Несчастная Марья Андреевна! [1]) Давно ли она схоронила Сашу [2]) въ полномъ расцвѣтѣ ея жизни, а теперь снова плачетъ и тоскуетъ надъ умершимъ Костей! [3]). Въ 10 дней жестокая горячка свела его въ могилу, и отъ живого, веселаго, хорошенькаго Кости, отъ извѣстнаго щеголя, польꞌкера, говоруна, остался только ужасный трупъ, на которомъ нѣтъ и образа человѣческаго: кровь течетъ изо-рта, лицо почернѣло и страшно раздулось.

Вотъ что остается, когда душа покидаетъ тѣло! Вотъ теперь, глядя на мертвеца и его вспоминая, мы должны учиться жить по совѣсти; вглядитесь въ лица присутствующихъ, — никто изъ насъ и не думаетъ, что то же самое ждетъ и его. Покойникъ передъ глазами, а что намъ за дѣло до смерти, до вѣчности, до грѣховъ и до бренности всего земного? Напротивъ того, мысли, желанія,—все на землѣ и не просятся въ высь, откуда нисходитъ отрада; стелятся по землѣ, гдѣ встрѣчаютъ одни страданія и отравы.

Страшно и непонятно...

---

[1]) Марья Андреевна. См. зап. 1847 г., 23 іюня, прим. 2.
[2]) Саша — Александра Павловна Барокко. См. зап. 1847 г. 26 сент.
[3]) См. зап. 1847 г. 23 іюня, пр. 2, и 1848 г. 12 марта.

— Боже мой! Боже мой! неужели я буду все та же, пока не стряхну съ себя бренной своей оболочки? Когда же нибудь да кончится все. Можетъ-быть, еще здѣсь, на землѣ, снова найду я миръ и спокойствіе, которыми наслаждалась весь первый годъ пребыванія и заключенія въ Смольномъ? *Вѣроятно только покинувъ землю, забуду я все, все земное, кромѣ моихъ двухъ ангеловъ-сестеръ, и душа, очищенная «земными испытаніями», радостно вспорхнетъ, освободившись отъ тяжкаго тѣла и понесется въ горніе чертоги, къ Отцу Небесному? Увижу ль, узнаю ль тамъ покойнаго отца и мать и батюшку о. Іоанна [4]), и Юлю [5]) мою?*

Гдѣ вы, духи чистые? Молитесь-ли вы за насъ? А мнѣ такъ нужна молитва.

Ne m'abandonne pas, Toi qui m'as appelée!
Dieu qui mourut pour nous, mon Dieu! je T'appartiens.
Aide moi, Toi qui console et soutiens,
J'ai besoin d'être consolée!

Да, я утѣшаю другихъ, плачу съ ними, а мои слезы только одинъ Господь можетъ осушить;—люди мало о нихъ знаютъ.

Какъ бы мнѣ хотѣлось совершенно посвятить себя служенію человѣчеству!

Высокое наслажденіе нахожу въ умѣньѣ утѣшить страждущаго, явиться тамъ, гдѣ нужна рука помощи. Завидую въ этомъ священникамъ...

Боже мой, дай мнѣ силу и крѣпость быть полезной бѣднымъ братіямъ моимъ! Жаль мнѣ смотрѣть на нихъ.

Смотрю на Марію Андреевну Гартонгъ: вездѣ у нея въ домѣ бархатъ, шелкъ, роскошь, а въ сердцѣ—камѣнь тяжелый. Мнѣ лучше въ моемъ скромномъ, уютномъ углу и безъ семейства...

---

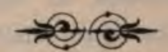
[4]) Недешева. См. зап. 1833 г. 11 дек., пр. 9 и портретъ.

[5]) Юля — любимая ея воспитанница Пономарева, † въ іюнѣ 1850 г.

Завтра Костю хоронятъ, и мы ѣдемъ на кладбище.

Бѣдный Костя! ему всего 25 лѣтъ. Впрочемъ, смотря по образу жизни, Богъ знаетъ, до чего бы онъ дошелъ. Теперь еще пока грѣховъ у него мало. Молодость, правда, была разудалая *«мужская»*,—но *Господь* милосердъ!

Имъ, мужчинамъ, все, все *дозволяется* ради молодости... «былъ молодцу не укоръ», говорятъ они...



У Излера,—цыганскія пѣсни. Нева.

25 іюля. Долго собиравшись, мы наконецъ рѣшились отправиться къ Излеру [1]). Прослушавъ первыя три пьесы Ивана Гунгля [2]), мы поспѣшили въ залу—занять мѣста. Тамъ пѣли цыгане [3]), которыхъ я до сихъ поръ еще ни разу не слышала.

Странно дѣйствовало на меня ихъ пѣніе: это что-то дикое, грубое и, казалось, неистовое, но вмѣстѣ съ тѣмъ живое, веселое и настолько увлекательное, что даже духъ захватываетъ: едва сидишь на стулѣ! Если бы не присутствіе тысячи зрителей, непремѣнно пустилась бы припѣвать и приплясывать—такъ вотъ и подергиваетъ.

Я отъ ихъ пѣнія со взвизгиваніями совсѣмъ отуманилась. Опомнившись, застала себя въ какомъ-то безумномъ состояніи, точно «упилась виноградным»...

[1]) Излеръ, Иванъ Ивановъ,—содержатель сада Искусственныхъ минеральныхъ водъ вблизи Новой Деревни. (См. о немъ „Забытое прошлое окрестностей Петербурга“ М. И. Пыляева, ст. 11, 12 и 60. См. зап. 1851 г. 23 сент., пр. 1).

[2]) Знаменитый въ то время капельмейстеръ струннаго оркестра, игравшаго въ концертномъ залѣ Ив. Ив. Излера.

[3]) Особенно отличался хоръ Ивана Васильева съ плясуньей—старухою Матреною.

Необходимо бы надо вамъ въ эту минуту увлеченій полюбоваться на свою физіономію, Варенька!..

Многіе поклонники оперы терпѣть не могутъ цыганъ. Но у меня ужъ такая природа: люблю нѣмецкую, итальянскую музыку, люблю послушать простую, заунывную народную русскую пѣсню, люблю малороссійскіе напѣвы и люблю бойкую, удалую, жгучую, дикую пѣсню цыганъ.

Никакъ однимъ я ограничиться не могу, — все хорошее меня восхищаетъ. *Цѣлые часы, напр., готова я просиживать, глядя на Неву. Кажется, красавица наша все одна и та же, но стоитъ всмотрѣться — и сколько разнообразія*! Цвѣтъ воды и неба постоянно и быстро мѣняются, — то лодочки, какъ птички, скользятъ по ней безъ всякаго шума, то быстро пронесется легкій пароходикъ, ни передъ кѣмъ не сворачивая, ничѣмъ не задерживаясь. *Несется онъ, какъ судьба неумолимая, а за нимъ и передъ нимъ волнуется вода, и долго виденъ слѣдъ промелькнувшаго проѣзжаго, который мчится далѣе и вездѣ мутитъ и волнуетъ воду...*

Не то же ли и въ жизни? Несчастіе мгновенно, разомъ разразится въ какомъ-нибудь семействѣ а послѣ него долго тужатъ, плачутъ, страдаютъ, — пока не изгладится несчастія слѣдъ...

Но пора затворить окно, становится сыро: комары хоромъ жужжатъ; такихъ концертовъ я не люблю... Да и спать пора — скоро девять, завтра рано вставать и послѣдній разъ въ эти каникулы ѣхать на дачу Безбородко [4]), а потомъ классы — опять подыматься и спускаться въ нижній корридоръ... и все то же, и то же...

---

[4]) Дача, бывш. графа Александра Андреевича на Б. Охтѣ, противъ Городской богадѣльни, — веселая тогда дачная мѣстность, гдѣ жила на дачѣ въ 1850 г. и Марья Андр. Гартонгъ.

„Подыматься и спускаться“ — разумѣется хожденіе по институтскимъ лѣстницамъ въ дежурные дни, которые уже давали себя чувствовать Варварѣ Петровнѣ.

Видъ изъ моей кельи. О церковномъ пѣніи и сравненіе его со свѣтскимъ; его вліяніе на человѣка. Желѣзистые источники Полюстрова.

1 августа. И небо и Нева хороши своей красотою. Спокойно плаваютъ лодочки; тихо шелестятъ и плещутся у берега струйки. Солнце на закатѣ ярко отсвѣчивается въ окнахъ охтинскихъ домиковъ; деревья въ саду не шевелятся: все дышетъ безмятежной тишиной вокругъ меня и надо мною.

И я цѣлый день просидѣла у окна своей чистенькой, веселенькой, выходящей въ садъ кельи, съ книгою въ рукахъ. Глаза безпрестанно отъ книги перебѣгали на Неву, наконецъ совершенно отдались созерцанію прекраснаго вида.

Во второмъ этажѣ поютъ «бѣлыя» [1]) церковныя пѣсни,— но не нравится мнѣ это пѣніе—слишкомъ кричатъ. Я люблю, чтобы въ церкви пѣли вполголоса. Молитва—слово, или разговоръ съ Богомъ. Голосъ нашъ, разговаривая съ Божествомъ, долженъ быть проникнутъ чувствомъ сознанія своего *ничтожества.*—Крикъ считается неприличнымъ даже въ разговорѣ людей. Молитва—то просьба о помощи, о помилованіи, о поддержаніи немощной нашей природы, то изліяніе предъ Господомъ печали и скорби, то слезы радости и благодарности, слезы тихія, смиренныя,—а потому и выраженіе всѣхъ этихъ чувствъ должно быть тихое, гармоническое, не нарушающее благоговѣйную тишину храма Божія, понятное сердцу, а не крикливое. Правда, звуки радости, благодарности могутъ выливаться торжественно, но и тогда не слѣдуетъ, натуживаясь, кричать.

Вообще, рѣдко поютъ хорошо въ церквахъ, да и музыки у насъ духовной почти нѣтъ порядочной. Странно и обидно: оперы доведены до высокаго изящества, и свѣтская музыка

---

[1]) Воспитанницы старшаго класса разучивали концертъ „Кто Богъ велій" (къ 6 августа).

все идетъ выше и выше; геніальные люди трудятся вѣками надъ ея обработкою, а какъ мало заботятся о музыкѣ духовной? Строгіе моралисты должны были бы обратить на это свое вниманіе. *Слушая прекрасное пѣніе въ храмѣ Божіемъ, душа сама собою, какъ бы отрывается отъ земного, отъ тѣла; непонятное чувство заставляетъ падать на колѣни, и все существо наше, проникнутое неизъяснимымъ наслажденіемъ, забываетъ землю и рвется въ небеса.*

Послѣ такой молитвы выходишь изъ церкви *лучшимъ*, нежели входилъ туда. Правда, не продолжительно такое состояніе: мірскія заботы и суетность снова притягиваютъ насъ къ землѣ; но и нѣсколько минутъ такого блаженства имѣютъ важное значеніе и должны дорого цѣниться въ пошлой жизни человѣка: онѣ не даютъ ему совершенно погрязнуть въ ней, онѣ обновляютъ его.

Весь іюнь ѣздила я брать ванны на дачу графа Безбородко. Нервы у меня очень разстроены, и желѣзистыя воды, какъ говорятъ доктора, должны укрѣпить ихъ. Наши русскіе ѣздятъ заграницу лѣчиться, бросаютъ деньги, закладываютъ имѣнія, разоряются, тогда какъ у нихъ подъ рукой есть дешевое средство поправить свое здоровье. Непостижимо, какъ мы, русскіе, пренебрегаемъ своимъ!

Мало кто знаетъ въ Петербургѣ о существованіи желѣзистыхъ источниковъ въ *Полюстровѣ*; да и гдѣ Полюстрово — неизвѣстно. [2]) Я сама только это лѣто узнала, что Полюстрово составляетъ часть владѣній графа Кушелева-Безбородко и имѣетъ чудные неразработанные желѣзистые источники, которымъ завидуютъ иностранцы. И такъ близко отъ столицы!

[2]) Въ Выборгской части С.-Петербурга, за Охтой. Мѣстность эта теперь густо застроена заводами.

Бенефисъ Люмби на Королевой дачѣ. Наслажденіе пьесами и природою. Пьеса «Телеграфъ» и вызванныя ею мысли.

4 августа. Въ среду былъ бенефисъ Люмби [1]) на Королевой дачѣ [2]); мы пробыли тамъ отъ 7 вечера до часа ночи, и я не замѣтила времени.

Пьесы, игранныя оркестромъ, за малымъ исключеніемъ, принадлежатъ Люмби и дѣлаютъ честь его таланту.

«Traumbilder», «Nebelbilder», «Jägertraum», «Ruder-Klänge Valzer» [3]) хороши, — каждая въ своемъ родѣ. Слушая первыя двѣ, удерживаешь почти дыханіе, боясь проронить звуки; — такъ нѣжны они. Въ «Ruder-Klänge», кажется, дѣйствительно слышится плескъ воды о весла. А при исполненіи «Maskenbilder» такъ и хочется пройтись; — c'est si dansant! Много и другихъ пьесъ было сыграно отлично. Все это слушалось на открытомъ воздухѣ, сидя покойно на софѣ, въ ногахъ скамейка, кругомъ зелень... Наслажденіе!

Былъ тихій теплый вечеръ. Всѣ деревья были увѣшаны гирляндами разноцвѣтныхъ фонарей. Павильонъ украшался вазами съ блестящими цвѣтами, а средина его — невѣдомо откуда спускавшейся люстрою, въ видѣ чаши съ плодами и цвѣтами. Темнота дополняла очарованіе. Даль тянулась въ неопредѣленное пространство; и надъ этой природной залой виднѣлся сводъ темносиняго неба съ звѣздами!.. Все бы любовалась и слушала чудную музыку...

Послѣдняя пьеса «Телеграфъ-галопъ» была выполнена двумя помѣщенными другъ противъ друга оркестрами; въ

---

[1]) Люмби—капельмейстеръ оркестра Королевой дачи и композиторъ, пользовавшійся популярностію.

[2]) „Королева дача"—загородный садъ на Выборгской стор. противъ нынѣшняго Ботаническаго сада, славившійся серьезною музыкою и лучшимъ въ Петербургѣ оркестромъ.

[3]) „Сновидѣнія", „Туманныя картины", „Сонъ охотника" и вальсъ „Плескъ веселъ".

ней, кромѣ оригинальности исполненія, нѣтъ ничего особеннаго. Бенгальскіе огни освѣщали зелень всѣми цвѣтами. Вся дача казалась волшебнымъ замкомъ.

Да, въ XIX вѣкѣ далеко ушли отъ волшебниковъ! Наука—та же колдунья и перехитрила всѣхъ кудесниковъ древнихъ и среднихъ вѣковъ. Каждый годъ новыя изобрѣтенія. Куда-то она дальше пойдетъ? Что-то будетъ черезъ сотню лѣтъ? Узнаемъ ли мы тогда, переселясь въ другія, воздушныя страны, что будетъ дѣлаться на землѣ? — Пожалуй, проведутъ телеграфъ на луну и будутъ летать въ гости къ луннымъ жителямъ?... Но *какъ знать, что будетъ?* Одно открытіе, или изобрѣтеніе, ведетъ за собою другое; умъ человѣческій исполински шагаетъ впередъ и впередъ, изучая законы вселенной. Какъ же великъ этотъ умъ!

Но какъ мало развивается сердце; эти изобрѣтатели также ненавидятъ другъ друга и также злятся и также страдаютъ!

Лѣнь. Какая женщина можетъ быть писательницею. Препровожденіе дня во время дежурства и страданія, какъ воспитательницы дѣтей.

13 сентября. Давно я не писала; а въ это время было многое, многое, о чемъ можно было бы поговорить. Лѣнь все преодолѣваетъ. Одна мысль взяться за перо бросаетъ въ ознобъ, такъ ненавижу я писать на какую-нибудь тему. Только крайняя необходимость или непреодолимое желаніе излить куда-нибудь свои чувства, иногда переполняющія душу, могутъ принудить меня стряхнуть лѣнь и подѣлиться хотя съ первымъ попавшимся мнѣ клочкомъ бумаги. Она возражать и противорѣчить мнѣ не будетъ, а потому я ее очень люблю; она меня умиротворяетъ, но никогда не

раздражаетъ, а при случаѣ обличитъ, чтобы я не привыкла писать и когда-нибудь не могла сдѣлаться писательницей.

Бояться нечего: моя милая малороссійская врожденная лѣнь никогда не допуститъ до этого грѣха, и это, по моему, весьма умно. Писать женщинѣ можно только при необыкновенномъ талантѣ. Только въ такомъ случаѣ свѣтъ проститъ ей отвѣтственное удовольствіе печатать свои труды. Но посредственность никогда не должна браться за литературный промыселъ,—иначе она явится паразитомъ и, въ лучшемъ случаѣ, сгибнетъ. Было время, что меня Владиміръ Григорьевичъ [1]) хотѣлъ втащить въ эту пропасть. Но мнѣ довольно своихъ страданій, чтобы стараться попасть въ рядъ страдалицъ (на пишущихъ я не смотрю иначе); да и благословенная *«лѣнь»* спасла меня отъ угрожавшей опасности: я такое отвращеніе чувствую къ процессу писанія, что считаю великою тягостью написать даже къ сестрѣ одно письмо въ мѣсяцъ!—Разумѣется, это непохвально; но такова моя природа. Что же съ ней дѣлать? Я бы все на солнышкѣ лежала; вѣдь я и родилась въ Малороссіи...

Впрочемъ, не могу сказать, что я и праздно провожу время: въ дежурные дни съ 6 час. утра до поздняго вечера принадлежу дѣтямъ и, буквально говоря, стараюсь жить ими. Бренчанье на фортепіано, крикъ, шумъ обезсиливаютъ меня совершенно, такъ что, къ концу дежурства, едва могу дотащиться до своей комнаты. Надобно же на другой день хотя немного отдохнуть и собраться съ силами, чтобъ на слѣдующее утро снова приняться за эту же крайне тяжелую и однообразную обязанность. Этотъ трудъ мнѣ не былъ бы такъ тяжелъ, но я не вижу пользы отъ него: къ дѣтямъ моимъ что-то плохо прививается добро. Часто, видя свое безсиліе, я горько плачу и призываю Бога на помощь.

---

[1]) Бенедиктовъ. См. 1847 г. 12 мар., пр. 2.

а пошлетъ мнѣ терпѣніе: дѣти мнѣ грубятъ и болѣе послушны другимъ дамамъ, или это мое самолюбіе?...

Не воздавай, Господи, по грѣхамъ нашимъ!.

Церковное пѣніе. Слѣпецъ Григорій Ивановичъ. Іеромонахъ Серафимъ и его «Аѳонскія письма къ друзьямъ».

14 сентября. Только - что возвратились изъ церкви. «Бѣлыя» пѣли сегодня очень порядочно — вполголоса, какъ я и люблю [1]). Напѣвъ «Господи, помилуй» тоже хорошъ, потому сегодня и молилась я, что, впрочемъ, не *«всегда»* случается и при хорошемъ пѣніи. Разумѣется, нужно и при всякомъ пѣніи въ церкви молиться, но не могу я выносить крикливыхъ нотъ: это меня раздражаетъ, я сержусь и, понятно, теряю молитву...

При выходѣ изъ церкви встрѣтила я извѣстнаго слѣпца Григорія Ивановича, [2]) котораго А. Д. Денисова [3]) вела къ себѣ. Этотъ Григорій Ивановичъ ослѣпъ на 10-мъ году и съ тѣхъ поръ посвятилъ себя на служеніе Богу. Съ 13-ти лѣтъ ходитъ онъ по святымъ мѣстамъ для поклоненія святынямъ, обошелъ всю Россію и потомъ пустился на Востокъ. Былъ два раза на Аѳонѣ, обошелъ всю Палестину, поклонялся гробу Господню въ Іерусалимѣ; теперь по дѣламъ пріѣхалъ въ Петербургъ.

Бывши на Аѳонѣ, онъ познакомился тамъ съ іеромона-

[1]) См. зап. 1850 г. 1 августа.

[2]) Почтенный старецъ, иногда юродствовавшій, прекрасной жизни, которому многія изъ служащихъ въ Смольномъ помогали.

[3]) Денисова, Анна Дмитріевна—инспектриса Имп. В. Об. бл. дѣвицъ.

1851 г.

Бурная Нева и—жизнь человѣка.

25 іюля. Волны ходятъ, волны плещутъ; Нева мутна и страшна.

Нева, я смотрю на тебя.

Но кто же узнаетъ теперь красивую рѣку, гдѣ въ ясную погоду такъ чудно отражается лазурное небо?—Подулъ сильный вѣтеръ, нанесъ тучи—и картина совсѣмъ измѣнилась: вздулась, забушевала, расходилась наша красавица. Глядя на нее, всякій скажетъ: «какая сердитая!»

Не та ли же перемѣна съ человѣкомъ бываетъ? Онъ веселъ, кротокъ, хорошъ, пока счастье ему улыбается. Румянецъ играетъ на щекахъ, и глаза его блестятъ яркимъ огнемъ. Но пусть на него подуетъ свыше горе-ненастье или ядовитая зависть: померкнетъ румянецъ, потускнѣютъ глаза, замерзнетъ улыбка на блѣдныхъ устахъ и, буря душевная тотчасъ измѣнитъ и внѣшній образъ прекрасный, и отвернутся отъ него люди-братья, и скажутъ: какой непріятный, угрюмый, сердитый да злобный...

Отчего-же, Нева, тебя никто не винитъ, а осуждаютъ всѣ вѣтеръ?..

Въ сентябрѣ «не сентябрскіе» дни и богатство. Излеръ. В. Г. Бенедиктовъ и его стихотворенія. Четыре года назадъ. Боязнь пережить сестеръ.

23 сентября. Давно календарь показываетъ осень, а у насъ лѣтніе дни: жарко, свѣтло, точно на югѣ. Никто изъ старожиловъ и не запомнитъ такого сентября. Даже страшно! Русская пословица предвѣщаетъ бурю послѣ затишья. Эта невозмутимая ясность погоды, это безоблачное синее небо наводятъ какой-то ужасъ.—Невольно думается: что-то будетъ послѣ этого? Неужели даромъ пройдутъ эти теплые дни въ сентябрѣ, да еще въ концѣ его? Не вѣрится: въ Петербургѣ этого не бываетъ; невольно возстаетъ въ памяти рядъ несчастій въ столицѣ отъ бурь и непогодъ.

Такъ и человѣкъ, привыкшій въ продолженіе всей жизни къ скорбямъ и лишеніямъ, не вѣритъ, когда ему улыбается счастье; онъ боится наслаждаться имъ и все ждетъ, что вотъ, вотъ отъ него его скоро отымутъ—и снова настанетъ пора слезъ... Но есть счастливые люди, у которыхъ вся жизнь рядъ наслажденій. Они пользуются всѣмъ: и тепломъ, и холодомъ, и дождемъ, и снѣгомъ—вездѣ всегда они при хорошихъ условіяхъ. Зимою—театръ, балы, пикники, потомъ концерты, а лѣтомъ—загородныя гулянья, дачи, Павловскъ, Излеръ... прогулки и мало ли что? Стоитъ только душѣ пожелать—все доступно.—*Посѣщаетъ-ли ихъ мысль о Могущемъ отнять все въ несчастьи и счастьи?..*

Звали и насъ съ Нютой къ Излеру [1]), гдѣ будутъ цыгане, нѣсколько оркестровъ музыки, пѣсенники, туманныя

[1]) Излеръ, И. И.—Загородный садъ у Новой Деревни, гдѣ давались концерты и разныя развлеченія. Обычное мѣсто прогулки и для семейныхъ петербуржцевъ, особенно въ унылые *холерные годы*, а также во время Севастопольской войны. Тамъ бывалъ и самъ Императоръ Николай I (подробн. см. „Забытое прошлое окрестностей Петербурга“ М. П. Пыляева, изд. 1889 г. и зап. смол. 1850 г. 25 іюля).

картины, фейерверкъ, иллюминація и пр., и пр. Нюта посылала меня, но я предпочла остаться дома. Пусть веселятся безъ меня. Я же цѣлый день сижу да лежу въ своей уютной комнаткѣ—все тихо, спокойно... хотѣлось бы *«забыться и заснуть»*...

Мало удалось поспать ночью.

Возвратились вчера поздно отъ Гартонгъ [2]), гдѣ, между прочимъ, В. Г. Бенедиктовъ [3]) читалъ свои неизданныя стихотворенія. Есть изъ нихъ прекрасныя, хорошія и есть очень слабыя, но гдѣ же нѣтъ пятенъ? Жаль, что онъ придерживается гиперболы и часто циниченъ. Неловко мнѣ ему сказать; а если бы кто рѣшился, то оказалъ бы ему большую услугу, указавъ его главные недостатки. Онъ человѣкъ несомнѣнно съ талантомъ и въ произведеніяхъ его встрѣчаются сильныя, поражающія мысли, въ прекрасной, благозвучной формѣ. Жаль, что онъ не дозволяетъ себѣ кое-что посовѣтовать; онъ много бы выигралъ. Слушателями были: Додо [4]), ея мужъ, Аннетъ, Пикторова—молоденькая женщина [5]) и двоюродная сестра Барокко [6]).

Четыре года назадъ также читалъ Бенедиктовъ одну изъ своихъ переводныхъ драмъ. Кромѣ Пикторовой, были все тѣ же лица, съ прибавленіемъ: Саши, Nicolas и Кости Гарт., Маріи Андр. [7]) и Квадре [8]). Саша тогда была невѣста, полная любви и красоты. Баумгартенъ еще не сваталъ Додо, а былъ только влюбленъ. Nicolas не былъ женатъ,—Костя дурачился на пропалую. Квадре пилъ пуншъ; а Марья Андр. была счастлива и, любуясь, на эту картину,

---

[2]) См. 1847 г. 23 іюня, пр. 2.

[3]) См. 1847 г. 12 марта, пр. 2.

[4]) См. 1847 г. 23 іюня, пр. 2.

[5]) Хорошая знакомая Гартонгъ, урожд. Лаврова.

[6]) Вдовецъ Н. Л. и вторая его жена было ур. Загоскина.

[7]) Всѣ эти лица см. 1847 г. 23 іюля и 26 сент. 1848 г. 12 март. 1850 г. 16 іюля.

[8]) Докторъ Квадре 1849 г. 10 авг.

Въ сентябрѣ «не сентябрскіе» дни и богатство. Излеръ. В. Г. Бенедиктовъ и его стихотворенія. Четыре года назадъ. Боязнь пережить сестеръ.

23 сентября. Давно календарь показываетъ осень, а у насъ лѣтніе дни: жарко, свѣтло, точно на югѣ. Никто изъ старожиловъ и не запомнитъ такого сентября. Даже страшно! Русская пословица предвѣщаетъ бурю послѣ затишья. Эта невозмутимая ясность погоды, это безоблачное синее небо наводятъ какой-то ужасъ.—Невольно думается: что-то будетъ послѣ этого? Неужели даромъ пройдутъ эти теплые дни въ сентябрѣ, да еще въ концѣ его? Не вѣрится: въ Петербургѣ этого не бываетъ; невольно возстаетъ въ памяти рядъ несчастій въ столицѣ отъ бурь и непогодъ.

Такъ и человѣкъ, привыкшій въ продолженіе всей жизни къ скорбямъ и лишеніямъ, не вѣритъ, когда ему улыбается счастье; онъ боится наслаждаться имъ и все ждетъ, что вотъ, вотъ отъ него его скоро отымутъ—и снова настанетъ пора слезъ... Но есть счастливые люди, у которыхъ вся жизнь рядъ наслажденій. Они пользуются всѣмъ: и тепломъ, и холодомъ, и дождемъ, и снѣгомъ—вездѣ всегда они при хорошихъ условіяхъ. Зимою—театръ, балы, пикники, потомъ концерты, а лѣтомъ—загородныя гулянья, дачи, Павловскъ, Излеръ... прогулки и мало ли что? Стоитъ только душѣ пожелать—все доступно.—*Посѣщаетъ-ли ихъ мысль о Могущемъ отнять все въ несчастьѣ и счастьѣ?..*

Звали и насъ съ Нютой къ Излеру [1]), гдѣ будутъ цыгане, нѣсколько оркестровъ музыки, пѣсенники, туманныя

[1]) Излеръ, И. И.—Загородный садъ у Новой Деревни, гдѣ давались концерты и разныя развлеченія. Обычное мѣсто прогулки и для семейныхъ петербуржцевъ, особенно въ унылые *холерные годы*, а также во время Севастопольской войны. Тамъ бывалъ и самъ Императоръ Николай I (подробн. см. „Забытое прошлое окрестностей Петербурга" М. П. Пыляева, изд. 1889 г. и зап. смол. 1850 г. 25 іюля).

Нюта сердится, что веду ихъ болѣе пятнадцати лѣтъ, и никто о нихъ не знаетъ, да и знать не будетъ.

Да кого же можетъ занять простая жизнь, безъ приключеній, безъ драматическихъ сценъ? И жизнь еще чья?—бѣдной, неизвѣстной классной дамы, работающей въ монастырскомъ уголкѣ. Кому захочется знать, черезъ что прошла она? Впрочемъ, въ это я никого и не посвящу.

Порой взгрустнется, или хуже того—затоскуется, и я привыкла сейчасъ же искать бумагу, чтобы перелить туда хоть каплю горя. Пишешь, поплачешь, и становится легче на сердцѣ. Иногда золотое утро, или тихій вечеръ, или Нева, или сама не знаю что, аккордъ фортепіано, чистый голосокъ... и то успокоительно подѣйствуетъ на раздраженную душу, а тѣмъ болѣе бумага и перо. Всегда я, моя милая сестрицинька, прибѣгаю къ нимъ, когда только бываетъ возможно. А иногда во мнѣ, вотъ какъ напримѣръ, сегодня, явился какой-то зудъ, или страшная охота писать. Сижу одна въ своей комнатѣ; внизу играютъ польку «Je pense à vous» [2]), а я, увидавъ бумагу [3]), облюбовала ее и давай писать: хочется мнѣ подѣлиться прочитаннымъ «Ивановымъ».

Съ удовольствіемъ прочла я повѣсть Авдѣева. Въ ней столько теплаго, неподдѣльнаго чувства, такой прямой взглядъ на вещи!

Авдѣевъ—молодой человѣкъ, 24-хъ лѣтъ, воспитывался въ Ярославскомъ лицеѣ и постоянно живетъ въ провинціи. Въ немъ видѣнъ наблюдательный умъ: характеры Тамарина и Иванова имъ схвачены вѣрно. Тамаринъ—нѣчто въ родѣ «героя нашего времени»; Ивановъ—новый типъ, до сихъ поръ неявлявшійся въ литературѣ, но изрѣдка, скорѣе даже очень рѣдко попадающійся на глаза въ дѣйствительной жизни. Я сама знаю «Иванова», даже двухъ или трехъ,—но не больше. Это—молодой человѣкъ, не тратящій свою

[1]) „Я думаю о васъ".

[3]) См. 1850 г. 13 сентября.

молодость на карты, вино и женщинъ. Онъ не богатъ, не знатенъ, не «модный левъ», [4]) пустѣйшее изъ всѣхъ животныхъ. «Ивановъ» — простой чиновникъ какого-то губернскаго города, съ свѣтлымъ, образованнымъ умомъ, съ душою, *способною чувствовать прекрасное.* Около него толпится нѣсколько молодыхъ людей, оцѣнившихъ «скромное» его достоинство. «Ивановъ» ничего не ищетъ, ни о чемъ не проситъ, ни передъ кѣмъ не гнетъ спины, а идетъ прямымъ путемъ труда и справедливости. Любитъ женщинъ и «Ивановъ», но въ этой любви,—сколько уваженія къ избранной особѣ! Какъ только замѣчаетъ онъ, что любовь его можетъ погубить «Вареньку» (одну изъ героинь повѣсти), — онъ уѣзжаетъ изъ города. Ѣдетъ не шататься по свѣту и сорить деньгами безъ цѣли, а посвящаетъ себя общественной пользѣ, надѣясь добросовѣстнымъ исполненіемъ служебныхъ обязанностей заглушить и потушить запавшую въ него искру любви.

Вотъ мужчина,—какими должны всѣ бы они быть! Я убѣждена, что если бы мужчины болѣе занимались своимъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ, то не бросались бы они такъ жадно и неразборчиво на всякія удовольствія; не пресыщались бы жизнью и не убивали бы дорогого времени на карты, вино и на разный вздоръ.

Жизнь вѣдь такъ коротка, и молодость такъ быстро проходитъ... Взгляните на нашу молодежь: изможденныя лица, пустыя рѣчи! Тоже и женщины, — срамъ смотрѣть: безъ стыда толкуютъ объ актерахъ, о своихъ «предметахъ», танцовщицахъ, лошадяхъ, смотрахъ... и все разсказывается съ жаромъ, съ наслажденіемъ...

Попадаются иногда молодые люди, выходящіе изъ обычной и избитой колеи, но ихъ такъ мало, что могутъ годы пройти, пока одного встрѣтишь. По словамъ Авдѣева, ихъ

---

[4]) См. 1848 г. 24 іюня, пр. 1.

много; но, вѣроятно, это только такъ чувствуется его молодою душою, еще не всмотрѣвшеюся въ «свѣтъ». Дай Богъ ему жить подолѣе и писать поболѣе! По-моему, это молодой талантъ, а главное—добрый, истинно умный человѣкъ, по крайней мѣрѣ, судя по его произведенію.

Я не люблю Зандъ [5]) и подобныхъ ей эксцентричныхъ писателей, *развращающихъ молодежь*. Помню, шесть лѣтъ тому назадъ, я читала въ послѣдній разъ одну изъ повѣстей этой знаменитой писательницы. Читая, сердилась на нее, на ея героевъ и на ея поклонниковъ. Все казалось мнѣ непростительнымъ вздоромъ. Теперь я точно также гляжу на Зандъ и потому сердечно радуюсь, что нашелся на святой Руси писатель совершенно *въ моемъ духѣ*.

Послѣ Авдѣева давно я не читала ничего подобнаго. Продолжайте, господинъ Авдѣевъ, протаптывать новую идеальную дорожку для молодого поколѣнія. Дай Богъ, чтобы, по вашимъ словамъ, «герои нашего времени» «сходили со сцены», и тѣмъ въ литературу меньше вносилось бы грязи. Пора и литературѣ заняться дѣломъ. Пора жить *христіанами*, стремленіями къ *высокимъ* идеаламъ, а не носить только одно пустое имя, оставаясь по чувствамъ души и стремленіямъ хуже всякаго язычника.

Устала я, пора кончать.

Нюта спрашиваетъ: «изъ-за чего же ты устала? Кому нужда, что ты радуешься появленію Авдѣева?»

— Никому. Но я сама черезъ нѣсколько лѣтъ перечту написанное, — увижу, ошиблась ли въ писателѣ или нѣтъ? Порадуюсь, если сумѣла отгадать талантъ. Такъ я на-днях, пересматривая написанное, сравнила себя съ прежнею, моложенькою дѣвушкою, сравнила съ тѣмъ, что была нѣсколько лѣтъ назадъ—и, за малымъ исключеніемъ, все та же «Варя». Многое потерявъ, пріобрѣла и новыя силы.

---

[5]) См. 1845 г. 8 янв.

молодость на карты, вино и женщинъ. Онъ не богатъ, не знатенъ, не «модный левъ»,[4]) пустѣйшее изъ всѣхъ животныхъ. «Ивановъ» — простой чиновникъ какого-то губернскаго города, съ свѣтлымъ, образованнымъ умомъ, съ душою, *способною чувствовать прекрасное*. Около него толпится нѣсколько молодыхъ людей, оцѣнившихъ «скромное» его достоинство. «Ивановъ» ничего не ищетъ, ни о чемъ не проситъ, ни передъ кѣмъ не гнетъ спины, а идетъ прямымъ путемъ труда и справедливости. Любитъ женщинъ и «Ивановъ», но въ этой любви,—сколько уваженія къ избранной особѣ! Какъ только замѣчаетъ онъ, что любовь его можетъ погубить «Вареньку» (одну изъ героинь повѣсти), — онъ уѣзжаетъ изъ города. Ѣдетъ не шататься по свѣту и сорить деньгами безъ цѣли, а посвящаетъ себя общественной пользѣ, надѣясь добросовѣстнымъ исполненіемъ служебныхъ обязанностей заглушить и потушить запавшую въ него искру любви.

Вотъ мужчина,—какими должны всѣ бы они быть! Я убѣждена, что если бы мужчины болѣе занимались своимъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ, то не бросались бы они такъ жадно и неразборчиво на всякія удовольствія; не пресыщались бы жизнью и не убивали бы дорогого времени на карты, вино и на разный вздоръ.

Жизнь вѣдь такъ коротка, и молодость такъ быстро проходитъ... Взгляните на нашу молодежь: изможденныя лица, пустыя рѣчи! Тоже и женщины, — срамъ смотрѣть: безъ стыда толкуютъ объ актерахъ, о своихъ «предметахъ», танцовщицахъ, лошадяхъ, смотрахъ... и все разсказывается съ жаромъ, съ наслажденіемъ...

Попадаются иногда молодые люди, выходящіе изъ обычной и избитой колеи, но ихъ такъ мало, что могутъ годы пройти, пока одного встрѣтишь. По словамъ Авдѣева, ихъ

[4]) См. 1848 г. 24 іюня, пр. 1.

1852 г.

Нева вскрылась. Жестокій взглядъ общества на молодость дѣвицы.

28 апрѣля. Вскрылась наконецъ Нева! Сбросила грязную, [1]) тяжелую, холодную, ледяную одежду, и весело снова катится голубая водичка. Люблю смотрѣть на ея величественное и свободное теченіе! Снова предстоятъ мнѣ нѣсколько мѣсяцевъ наслажденій: изъ окна моей тѣсной кельи любоваться почасту и подолгу своей милой рѣкою.

Счастливица! Тебя недолго гнететъ неволюшка: пригрѣетъ солнышко, улыбнется, — и рушатся твои ледяныя оковы. Вольно и стройно, снова, любуясь на небо, мчишься ты въ море. Надъ тобою вѣками несутся разноцвѣтныя тучки. Въ тебя снова смотрятся все тѣ же звѣзды; тотъ же мѣсяцъ, что въ лѣтнія свѣтлыя ночи, серебритъ твои струйки. Все также прекрасна ты, и съ каждымъ годомъ кокетливѣе украшаются твои берега...

А мы?.. люди?... бѣдныя женщины?..

Не дождаться намъ иной свободы, кромѣ смерти. Не возстановить намъ нашихъ угасающихъ силъ, не взыграть душѣ нашей прежней рѣзвостью молодости!.. Быстро мчится

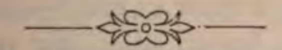
---

[1]) Въ тѣ годы вывозили зимою на ледъ Невы грязный снѣгъ. Свалка была передъ

потокъ людской жизни,—но еще скорѣе летитъ, какъ на крыльяхъ урагана, жизнь молодой дѣвушки! Едва развернутся, подобно цвѣточку, ея физическія силы; едва начнетъ проясняться ея умъ; едва явятся проблески разсудка, какъ люди спѣшатъ говорить: *она уже не первой молодости, ей уже 20 лѣтъ»*! Въ 25 лѣтъ, въ самый расцвѣтъ ея жизненныхъ силъ, уже надъ нею смѣются... называя «старая»... [2])!

..... Виновата во всемъ проказница Нева: начнешь съ нея, а кончишь сотвореніемъ міра.

Очень грустно! Грустно, что послѣ меня ничего не останется; а мнѣ бы хотѣлось этихъ ругателей видѣть и послѣ смерти, чтобы моя душа находилась между ними и приходила въ общеніе съ ними.—Дерзкое желаніе! Но оно при мнѣ остается. Если же, послѣ смерти моей, кому-нибудь и попадутся на глаза эти строки, не будьте строги и не смѣйтесь надъ моими чувствами, а лучше загляните поглубже въ свою душу: можетъ-быть въ ней проявится жалость къ незаслуженно наносимымъ дѣвушкамъ оскорбленіямъ и сочувствіе моимъ желаніямъ.



„Демонъ" Лермонтова и желаніе выучить его наизусть. Приходъ гостей. Ольга Ро-форъ. Тоска. Музыка. Мечты прошедшихъ лѣтъ. Воспоминанія о матери. Скучная молодость и настоящая жизнь. Очарованіе Невой. Сестры.

29 апрѣля. Попался нечаянно мнѣ въ руки «Демонъ» Лермонтова. Перечитывая его, во мнѣ явилось странное желаніе выучить его наизусть. До сихъ поръ мнѣ бросались въ глаза одни недостатки этой поэмы, но сегодня открылась въ ней бездна красотъ. Мастерски изображенъ «печальный

---

[2]) «Дѣва», см. зап. 1848 г. 24 іюня.

демонъ, духъ изгнанья», летающій надъ грѣшною землей и сѣющій зло безъ наслажденья; это духъ, въ которомъ всѣ красы творенія Божія возбуждаютъ только зависть, который все презираетъ, все ненавидитъ. И вдругъ, нежданный міръ любви проникнулъ въ его безкровную грудь, смирилъ надменный духъ, укротилъ вѣчную злобу и увлажилъ очи раскаянія слезою. Теперь онъ любитъ, онъ тоскуетъ, и рѣчи, полныя упоительнаго соблазна, льются изъ его устъ:

«Я тотъ, чей взоръ надежду губитъ и пр. и пр...
—И видишь, я у ногъ твоихъ.
Тебѣ принесъ я въ умиленьи
Молитву тихую земли,
Земное, первое мученье,
И слезы первыя мои.
О, выслушай! Изъ сожалѣнья
Меня добру и небесамъ
Ты возвратить могла бы словомъ;
Твоей любви святымъ покровомъ
Одѣтый,—я предсталъ бы тамъ» и пр. и пр.

Какое раскаяніе?!.

Помѣшали,—болѣе не могу писать. Пришли Э. Я. Т. [1]) и А. Ф. Мюллеръ [2]), заговорили о погодѣ, о здоровьѣ, о глазахъ; о книгахъ, о Вольтерѣ, о библіи, о Соломонѣ, о «Пѣсни пѣсней»; о любви, о Свѣчинѣ, объ Ольгѣ Ро-форъ, [3]) о чудномъ смычкѣ Свѣчина и пр. и пр... а «Демонъ» остался назади, въ тѣни, совершенно забытымъ.

---

[1]) Э. Я. Т. Эмилія Яковлевна Типольтъ, кл. д. Имп. Об. бл. дѣвицъ.

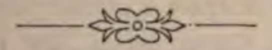
[2]) Анна Федоровна Мюллеръ—старшая свояченица Свѣчина, знаменитаго скрипача, чудная піанистка и учительн. музыки въ Импер. Об. бл. дѣвицъ.

[3]) Ольга Ро-форъ, знакомая Быковыхъ, когда-то увлекавшая талантливаго артиста Свѣчина (см. его воспоминанія).

потокъ людской жизни,—но еще скорѣе летитъ, какъ на крыльяхъ урагана, жизнь молодой дѣвушки! Едва развернутся, подобно цвѣточку, ея физическія силы; едва начнетъ проясняться ея умъ; едва явятся проблески разсудка, какъ люди спѣшатъ говорить: *она уже не первой молодости, ей уже 20 лѣтъ*»! Въ 25 лѣтъ, въ самый расцвѣтъ ея жизненныхъ силъ, уже надъ нею смѣются... называя «старая»... [2])!

..... Виновата во всемъ проказница Нева: начнешь съ нея, а кончишь сотвореніемъ міра.

Очень грустно! Грустно, что послѣ меня ничего не останется; а мнѣ бы хотѣлось этихъ ругателей видѣть и послѣ смерти, чтобы моя душа находилась между ними и приходила въ общеніе съ ними.—Дерзкое желаніе! Но оно при мнѣ остается. Если же, послѣ смерти моей, кому-нибудь и попадутся на глаза эти строки, не будьте строги и не смѣйтесь надъ моими чувствами, а лучше загляните поглубже въ свою душу: можетъ-быть въ ней проявится жалость къ незаслуженно наносимымъ дѣвушкамъ оскорбленіямъ и сочувствіе моимъ желаніямъ.



„Демонъ“ Лермонтова и желаніе выучить его наизусть. Приходъ гостей. Ольга Ро-форъ. Тоска. Музыка. Мечты прошедшихъ лѣтъ. Воспоминанія о матери. Скучная молодость и настоящая жизнь. Очарованіе Невой. Сестры.

29 апрѣля. Попался нечаянно мнѣ въ руки «Демонъ» Лермонтова. Перечитывая его, во мнѣ явилось странное желаніе выучить его наизусть. До сихъ поръ мнѣ бросались въ глаза одни недостатки этой поэмы, но сегодня открылась въ ней бездна красотъ. Мастерски изображенъ «печальный

---

[2]) «Дѣва», см. зап. 1848 г. 24 іюня.

Слава Тебѣ, Господи!

Но я рѣшительно помѣшалась на Невѣ: ею или начну, или кончу, но непремѣнно введу ее въ разговоръ. Жаль, что я не поэтъ: вотъ бы воспѣла тебя, красавица моя!! Нужды нѣтъ, что бѣдны и пустынны твои берега около Смольнаго; въ глазахъ моихъ ты полна прелести: «во всѣхъ ты, душенька, нарядахъ хороша»! — и ранней, утренней зарею, когда румянятся твои воды; и въ полдень жаркій, когда струи твои дышатъ прохладой; и въ вечеръ ясный — блестишь ты зеркально, и въ теплую августовскую ночь, когда луна задумчиво на грѣшный міръ глядитъ, и лучи отдаютъ серебромъ въ твоей глубинѣ!...

...... Лизочка да Нюта,—вотъ мои сокровища, обѣ мои сестры! Казалось, какъ бы не быть счастливой, имѣя такихъ ангеловъ и зная, что онѣ больше себя любятъ меня!? Да, казалось бы такъ. И дѣйствительно, чего не достаетъ для моего счастья? Есть свой уголокъ, есть кусокъ хлѣба, выработанный собственными трудами, есть добрыя знакомыя, есть уваженіе людей; есть даже привязанность многихъ дѣтей,—все, кажется, есть. Чего же недостаетъ? Чего ищетъ душа, когда тоскуетъ, и мечется, и рвется, какъ будто бы ей душно здѣсь? Чего же хочется? Куда же ты просишься,—странное чувство?

Такъ, вѣрно, всю жизнь придется искать, искать, пока Господь не разрѣшитъ узы земныя и не исполнитъ сердце непрестанною радостью всегда созерцать Его...

Боже мой, Боже мой, какъ грустно мнѣ сегодня! Прими слезы мои не какъ ропотъ, но какъ стонъ скорбной изнемогающей души... Пойду лучше играть.

Съ чего я вздумала учить изъ Штрауса наизусть?.. —Онъ совершенно не въ моемъ вкусѣ. То ли дѣло музыка Бетховена?—царство ему небесное! Произведенія его, дѣйствительно, дѣйствуютъ благодѣтельно на душу. Эти торжественные и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжные, трогательные звуки

усмиряютъ мало-по-малу все, что тамъ волнуется или закипитъ...

. . . .

Я стала покойнѣе! Смѣшно; меня, какъ царя Саула, надо успокоивать музыкою. «Леля» [7])... мой Давидъ, только играющій не на гусляхъ...

Слава Тебѣ, Господи, за дарованный этой дѣвочкѣ талантъ! Можетъ-быть, это ея кусокъ хлѣба. Какъ знать, что будетъ? Можетъ-быть, и я... [8]) но нѣтъ; то—пустая мечта, задушевная правда, гнѣздящаяся въ головѣ съ дѣтства, но все же мечта и болѣе ничего. Гдѣ же мнѣ? Ни того возвышеннаго ума, ни познаній, ни быстроты сужденій,—однимъ словомъ, ничего изъ необходимыхъ условій для ея осуществленія, кромѣ живости воображенія и чувства; но этого еще слишкомъ мало... Пусть ужъ такъ пропадаю и «засыхаю на корню», не достигши ни зелени, ни цвѣта, а тѣмъ болѣе плодовъ! На то Божья воля! Также погибли всѣ мои любимые цвѣтки! имъ не рости! Земля отказывается вскормить ихъ, знать, не пришлись по ней...

Но есть другая жизнь!—Вотъ отрадная мысль; не все кончится землею! Лишь бы безъ ропота покончить земное существованіе! Впрочемъ, ужъ немного, я думаю, осталось и мнѣ жить...

Пошли, Господи, помощь Твою, при переходѣ грѣшной души изъ бреннаго тѣла въ нетлѣнный, недосягаемый и непостижимый міръ!

---

[7]) „Леля“—ея маленькая сестра, Ольга Петровна, (отъ мачехи), учившаяся въ это время въ Имп. В. Об. бл. дѣв.

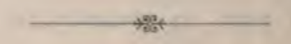
[8]) Вѣроятно, вычеркнута мечта быть „артисткой“. Варв. Петровна, по отзывамъ многихъ, слышавшихъ ея игру, имѣла блестящія способности къ музыкѣ. Ей совѣтовали заняться ею, но... „малороссійская лѣнь“ и странное нежеланіе играть въ обществѣ—оставили въ ней лишь прекрасный критическій анализъ музыкальныхъ произведеній и ихъ исполненія (изъ писемъ Подгорбунской и Свѣчина).

Хотѣлось бы мнѣ прочесть «Исповѣдь» блаженнаго Августина; но не знаю, гдѣ достать.

Хотѣлось бы мнѣ на нѣсколько мѣсяцевъ уѣхать изъ Петербурга въ деревню, въ самую глушь; но гдѣ бы природа была роскошна, чтобъ тамъ были и горы, и лѣсъ; и рѣка и луга, покрытые густою высокою травою; и поля, усѣянныя васильками посреди волнующейся ржи, и стога скошеннаго ароматнаго сѣна, и южная ночь, и коровушки, и овцы, и куры; и садъ съ наливными яблоками, съ румяною вишней; и со всѣмъ этимъ неразлучно—*свобода*. Сонъ, безконечныя прогулки, семья, нѣсколько книгъ... Какъ бы отдохнула... нравственно и физически измучившаяся «Варенька»!..,

Въ Малороссію хочется, въ родную, незабвенную Малороссію. Тамъ могила матери; тамъ бы и мнѣ положить усталыя кости...

Бѣдная маменька! Ни одной изъ дочерей не пришлось жить возлѣ тебя; а твоей любимой, балованной «Варенькѣ» не суждено даже и поклониться твоему праху, какъ будто бы въ наказанье за твое отличіе отъ другихъ сестеръ. Ты болѣе всѣхъ любила меня,—за то, можетъ-быть, и болѣе всѣхъ сестеръ страдаю я. Но миръ праху твоему, незабвенная, родная!.. Молись о мнѣ!..



Тоска. Печальный видъ природы. «Божественная Комедія» Данте. Средневѣковая литература. «Gilbert» и Руссо.

7 Мая. Безразсудное существо я! Недѣлю назадъ была я такъ счастлива, такъ покойна, такъ довольна судьбою, а сегодня, вчера и всѣ эти дни, начиная съ пятницы, не знаю, какъ разогнать грусть; работа изъ рукъ валится: книга въ рукахъ, а мысли далеко, далеко, совсѣмъ скучно, и одной скучно и съ сестрою, и даже молиться перестала,—не хочется...

Завтра Вознесеніе. Колокола зовутъ въ храмы Божіи, а я съ мѣста не двигаюсь! Что же со мною?..

Какъ все пустынно около Смольнаго: едва-едва проплывутъ нѣсколько лодочекъ. Нева, куда же дѣвалась прелесть твоя? Что же не радуешь ты меня болѣе? Душа, вѣрно, кладетъ на все отпечатокъ. Скоро ли садъ зазеленѣетъ? Авось, будетъ веселѣе, а то: деревья голы, травы нѣтъ, не на что смотрѣть. Тошно все это видѣть...

Какой сильный вѣтеръ! Такъ и гонитъ лодочку, что плыветъ по теченію!..

Счастливыя лодочки!.. Васъ вѣтеръ къ цѣли назначенной гонитъ; меня же вѣтеръ жизни быстро, тоже быстро мчитъ, но все мимо тѣхъ мѣстъ, гдѣ бы мнѣ отдохнуть хотѣлось... Несется ладья моя,—а лишь только издали вижу дорогія мѣста; взглянувъ на нихъ, вздохнешь, но волна жизни отбрасываетъ тебя далеко... далеко... и ты не видишь, и тебя не видятъ... Такъ Богъ велѣлъ...

Вчера читала «Божественную Комедію», и не понимаю, кто безуменъ: Данте [1]) ли, писавшій ее, или люди, восхищающіеся ею, или, наконецъ я такъ поглупѣла, что не понимаю прелестей прославленной поэмы? Прочла я первую часть—«Адъ», и, по моему, это бредъ больной души, язвимой неблагодарностью и жаждой мести. Надобно воздать за вытерпѣнное зло, и онъ, будучи не въ состояніи убить, сажаетъ въ адъ всѣхъ своихъ враговъ и тѣшится, придумывая всевозможныя мученія грѣшникамъ. Правда, всѣ они отъявленные негодяи, находятся подъ судомъ и мучатся по достоинству, но генію ли прилично посвящать *сорокъ* пѣсенъ своего труда на описаніе адскихъ мукъ страждущаго человѣчества?..

При томъ, въ ней смѣсь миѳологіи съ христіанствомъ: Юпитеръ, мегеры, Марія, Миносъ, Харонъ, Стиксъ, Лета,—

[1]) Данте Аллегіери (1265—1321 г.) величайшій итал. поэтъ. Его «Divina Comedia» съ удовольствіемъ читается до сихъ поръ и извѣстна всякому образованному человѣку.

все это какъ-то неблагозвучно въ устахъ исповѣдающихъ истинное ученіе Господа,—это не язычество, но ужъ и никакъ не христіанство!..

Эта поэма могла бы произвести сильное впечатлѣніе въ началѣ XIII столѣтія, когда, по милости увлекавшихся папъ и зап. духовенства, не было истинной религіи въ христіанскихъ странахъ, когда предразсудки суевѣрія царствовали между людьми, носившими только одно имя «*христіанъ*», когда ядъ и кинжалъ считались дозволеннымъ средствомъ противъ «ближняго», когда смыслъ священнаго писанія былъ совершенно сокрытъ и искаженъ ложными толкованіями забравшаго власть духовенства. Да, тогда поэма эта должна была произвести подавляющее дѣйствіе на темные суевѣрные умы; но теперь, въ XIX столѣтіи, при всеобщемъ образованіи, при чистомъ понятіи христіанства, при такомъ изобиліи истинно-прекрасныхъ и великихъ переведенныхъ твореній св. отцовъ, по-моему, не особенно можно восхищаться «Божественною Комедіею».

У Данте и Господь выставленъ палачемъ, съ наслажденіемъ мучающимъ грѣшниковъ!..

— Нѣтъ, воля ваша, господа ученые и неученые, вѣрящіе на-слово въ красоту этой комедіи, я не могу восхищаться ею.

А читающимъ Шекспира и Шиллера восхищаться Данте даже не къ лицу. Я же лично нашего Гоголя, Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова никакъ не сравню съ Данте.

«Демонъ» во многихъ мѣстахъ прекрасенъ. А разсказы Гоголя, основанные на преданіяхъ милой Малороссіи, очаровательны: здѣсь жизнь, комизмъ, поэзія, жаръ чувства... А такъ расхваливаютъ Данте!..

Подобное же впечатлѣніе производятъ на меня Racine [2])

---

[2]) Расинъ (Жанъ)—фран. представитель ложно-классич. трагедіи, род. 1639 г., † 1699 г. «Аталія», «Андромаха», «Митридатъ» и др.,—всѣ они характеризуютъ вѣкъ Людовика XIV.

и всѣ прославленные писатели XVII вѣка, кромѣ Мольера [3]) и Лафонтена [4]).

Отчего же не нравятся мнѣ ни Данте, ни Racine, ни даже «Освобожденный Іерусалимъ» Торквато Тассо [5])?..

Рѣшительно, я должно быть не умѣю понимать великаго. Вотъ точно также я хладнокровно смотрю на всю знаменитую итальянскую и фламандскую школу, но не насмотрюсь на «Послѣдній день Помпеи» [6]). Не налюбуюсь кистью Нефа, Алексѣева и другихъ новѣйшихъ живописцевъ.

Сколько жизни, выраженія, граціи въ фигурахъ! Какъ просты и естественны положенія! Какая живость красокъ! А мнѣ твердятъ — *«это заграничное»*, я отвѣчаю: *«но это свое»*.

Должно быть, во мнѣ развито чувство справедливости: хоть всѣ противъ меня, а я спокойно высказываю въ обществѣ свое мнѣніе, не боясь, что и кто скажетъ. Но я не упрямая...

Также шелъ бѣдный почти неизвѣстный Gilbert [7]), противъ всѣхъ философовъ и сильныхъ умовъ XVIII вѣка.

Такъ проповѣдовалъ Руссо [8]) свое новое ученіе, несмотря на преслѣдованія скептиковъ, атеистовъ и всѣхъ негодныхъ философовъ вмѣстѣ съ фанатическимъ духовенствомъ. «Пе-

---

[3]) Мольеръ, Жанъ-Батистъ, род. 1622 г. 15 янв. Французскій комическ. писатель.

[4]) Лафонтенъ (Жанъ-де-ла-Фонтенъ 1621—1695 г.) знамен. французскій баснописецъ.

[5]) Торквато Тассо род. въ Соренто 1544 г., † 1595 г. Поэтъ—творецъ «Освобожденнаго Іерусалима».

[6]) Брюллова картина въ Эрмитажѣ. Карлъ Павлов., см. 1834 г. 30 авг., род. 1799 г., † 1852 г.; замѣч. живописецъ, украшавшій и мног. петербург. церкви, напр. въ Казанск. соб. запрест. образъ, Исаакіевск. соборъ, домов. цер. гр. Адлербергъ, въ Акад. худож. и мн. др. См. портретъ его въ 1858 г. 2 іюня.

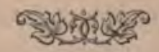
[7]) Gilbert—(Жильбертъ, Николя-Жозефъ) род. 1751 г. въ Лотарингіи. Противникъ энциклопедизма. Франц. сатирикъ † 1780 г. помѣшаннымъ.

[8]) Руссо, Жанъ-Жакъ, род. въ Женевѣ 1712 г., † 1778 г.

реписчикъ», ничтожный, остававшійся часто безъ угла, безъ хлѣба осмѣливался идти противъ всѣхъ!—Откуда отвага?..

За то и умерли: одинъ въ госпиталѣ, въ ужасныхъ страданіяхъ, другой въ бѣдности, граничащей съ нищетою (Руссо). И по дѣламъ! Шествуйте по теченію. Горе тому, кто ведетъ борьбу съ сильными волнами.

Конечно, я, сравнительно съ ними, ничто, но люблю постоять за мысли и взгляды...



Духовъ день—храмовой праздникъ на Охтѣ. Поминки на кладбищѣ. Нашъ русскій мужичекъ. О государственныхъ переворотахъ и войнѣ. Священныя брани—Куликова битва и 1812 годъ.

19 мая. Сегодня Духовъ день. Утромъ погода была пасмурная, накрапывалъ дождь. Около полудня поднялся вѣтеръ, разогналъ облака и прояснилъ небо.

Теперь ужъ вечеръ, а все еще ярко свѣтитъ солнце, и сильно шумитъ вѣтеръ, поднимая волны на Невѣ. Но ни дождь ни волны не мѣшаютъ народу переправляться на Охту, гдѣ сегодня праздникъ.

Съ семи часовъ утра лодки почти непрерывною нитью скользятъ по Невѣ отъ одного перевоза къ другому. Лодочники въ красныхъ кумачныхъ рубашкахъ, толпа на пристани, веселая пѣсня гуляющихъ,—все это придаетъ празднику какой-то народный характеръ.

На Охтѣ есть церковь во имя Святаго Духа, принадлежащая кладбищу, а потому это кладбище въ Духовъ день становится мѣстомъ прогулки. Сюда купцы и простой народъ собираются на поминки родственниковъ и знакомыхъ, сложившихъ здѣсь кости на вѣчный покой, а если и нѣтъ

таковыхъ, то просто приходятъ для удовольствій. Семейство или цѣлое общество усаживается у могилы покойника, вмѣсто стола на могильной плитѣ разстилаютъ скатерть, и пиръ идетъ своей чередой. Самовары кипятъ; появляются пироги, блины, орѣхи, пряники и быстро исчезаютъ среди разсказовъ словоохотливыхъ кумушекъ, среди смѣха и шутокъ молодежи и за доброю чарой вина стариковъ. Тутъ же на поминкахъ споютъ, подъ конецъ тризны, пѣсню, тутъ же, при случаѣ, и подерутся...

Бѣдный русскій мужичекъ не можетъ не напиться; замужъ ли дочь выдаетъ, женитъ ли сына, хоронитъ ли жену, мать, отца—всегда нужно выпить: то съ радости, то съ горя! Потому и на поминкахъ хлебнутъ одну, другую, третью, пока не зашумитъ въ головѣ, а тамъ ужъ и за послѣдствія нельзя поручиться.

Странный обычай поминать подобнымъ образомъ усопшихъ! Вѣроятно, это еще остатки идолопоклонства.

Какъ медленно искореняются предразсудки. Прошла ужъ тысяча лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ христіанство озарило Россію, а еще какъ много-много сохранилось въ насъ языческаго.

Какъ же безразсудны новѣйшіе «философы», желающіе вдругъ перемѣнять порядки, освященные вѣками! До сихъ поръ быстрые политическіе перевороты вызывали только однѣ гибельныя послѣдствія. Пусть время, просвѣщеніе, религія работаютъ потихоньку,—обстоятельства незамѣтно подготовятъ народы къ преобразованію, и безъ пролитія крови, безъ грабительствъ и насилія можетъ совершиться медленно, но безопасно, улучшеніе всѣхъ сторонъ общественной жизни. А что они дѣлаютъ? Зачѣмъ спѣшить?

Господь не велитъ убивать, но *полагать душу свою за други своя*, т. е. за всѣхъ людей.

Господи, къ чему же благость Твоя допускаетъ войны и убійства...

Есть, правда, священныя брани, какъ напримѣръ наша Куликовская битва, какъ незабвенный нашъ 1812 годъ, когда, очистивъ Россію отъ враговъ, нагрянувшихъ на нее со всѣхъ концовъ Европы, мы пошли освобождать тѣхъ же враговъ отъ всеобщаго бича. Тѣла нашихъ храбрыхъ ратниковъ устлали путь отъ Днѣпра до Сены; своими костьми купили они миръ себѣ и даровали его Европѣ.

Покойтесь, бѣдные воины, до радостнаго воскресенія! Не многихъ изъ васъ знаетъ по имени потомство, но Господь правыхъ защитниковъ запишетъ въ книгѣ жизни вѣчной... Вы не нападали, а только отъ напавшихъ на васъ защищались.

Намѣреніе заняться переводами. Желаніе сестры давать частные уроки музыки. Бѣлая лодка на Невѣ.

2 іюня. Мы съ Нютой составляемъ новые планы для приращенія доходовъ. Для насъ двоихъ довольно было бы и жалованья классныхъ дамъ, но есть еще другіе [1]), о которыхъ нужно намъ позаботиться, стало быть надобно денегъ.

Откуда же ихъ достать, какъ не собственными трудами?

Поэтому Нюта рѣшила давать уроки, кромѣ казенныхъ, въ частныхъ домахъ, а мнѣ пришло въ голову переводить съ французскаго или съ нѣмецкаго статьи для какого-нибудь плохенькаго журнала.

Переводить—не значитъ писать, и я не отвѣчаю за достоинство произведенія; притомъ же имя мое не будетъ извѣстно, стало быть я нисколько не попаду въ колею писательницъ. Деньги же нужны, охъ какъ нужны!...

---

[1]) Сестры и братья—послѣ смерти отца.

Вонъ по Невѣ плыветъ такъ красиво и стройно совсѣмъ бѣлая лодочка [2]), на ней четыре гребца въ бѣлыхъ рубахахъ, да надувшійся розовый парусъ. Какъ хорошо! Глядя на нее, еще больше возгараются намѣренія имѣть больше денегъ...

На синевѣ рѣки эта бѣлая лодка, съ бѣлыми веслами— просто картинка. На ней стоитъ у кормы какой-то мужчина и наслаждается, вѣрно? Куда-то несется счастливецъ? Судя по тихому ходу вдоль берега лодки съ четырьмя гребцами, видно, что онъ катается по Невѣ безъ всякаго дѣла, для собственнаго удовольствія. Не институтокъ ли подъѣхалъ смотрѣть? Прогонимъ сейчасъ же, смущаешь покой лицъ должностныхъ...

Звонокъ.

Лѣтній вечеръ на берегу Невы. Молодая влюбленная дѣвушка и двѣ другія въ окнѣ Монастыря.

6 іюня. То былъ лѣтній теплый вечеръ, оканчивающій знойный день. Уже пробило десять часовъ на «*всѣхъ*» [1]) часахъ Смольнаго. Небо все еще свѣтилось прозрачной синевой. На западѣ румянилась заря и по гладкой, голубенькой Невѣ съ серебристымъ отливомъ, мелькали лодки.

Дѣтскій садъ опустѣлъ; рои маленькихъ дѣвочекъ разлетѣлись по ульямъ и укладывали въ постель свои буйныя головки.

---

[2]) См. рисунокъ съ гравюры П. Я. Дашкова на первой страницѣ: «Видъ Смольнаго».

[1]) Были чудные куранты въ куполѣ Екатерининской церкви, гдѣ и доселѣ сохраняются стрѣлки и циферблатъ. Также выбивали часы въ колоколъ Смольнаго собора дежурные сторожа, но это раздражало живущихъ вокругъ собора старушекъ.

Пустыненъ берегъ Монастыря: къ нему причаливаютъ барки съ дровами, съ каменнымъ углемъ и только противъ калитки, ведущей изъ нашего сада на Неву, стоитъ пароходъ «Геруда» (?). Онъ ужъ съѣздилъ до Шлиссельбурга и теперь на немъ нѣтъ движеній. Измученные «прогулкою» служащіе, какъ и мы, классныя дамы, отдыхаютъ до слѣдующаго дежурства. Спокойный вамъ сонъ! Вамъ рано вставать, какъ и намъ.

Въ окнѣ одной изъ комнатъ, обращенныхъ въ садъ, сидѣли двѣ женщины. Одна — молоденькая дѣвушка [2]), съ блестящими черными глазками, съ живымъ румянцемъ на щекахъ, не хороша, но мила и можетъ нравиться игривостью ума, оживленнымъ личикомъ, теплотою чувства. Она только что начинаетъ жить и любить со всѣмъ жаромъ молодости и довѣрія къ любимому человѣку... Не спитъ ночей, ничего не ѣстъ и живетъ одною восторженной жизнью: — «безъ пищи» и безъ сна. За то «съ душою» играетъ на фортепіано безпрестанно «Amour polka», «Nicolas polka» и другое въ такомъ же родѣ! Она вся надежда и мечта!..

Человѣкъ, котораго она любитъ,—уменъ, образованъ, честенъ, благороденъ,—но то докажетъ время и обстоятельства [3])...

Подлѣ этой молоденькой дѣвушки сидѣла другая, старше ея десятью годами [4]). Въ молодости она была прекрасна, несмотря на неправильность склада ея лица. Ея маленькіе черные глазки искрились огнемъ и сводили съ ума не одного мужчину... Бѣленькое, блѣдное личико, окаймленное черными локонами, останавливало и приковывало взоръ всякаго, кто на нее взглянетъ. Выраженіе ея лица было плѣнительно: то задумчивое, томное, то полное блеска и живости. Стройный,

---

[2]) Это рѣчь идетъ, кажется, о С. Ш. приватно занимавшейся съ княж. Гагариной (по мужу Жер.) и чрезъ то жившей въ институтѣ.

[3]) См. 16 дек. 1852 г.

[4]) «Старыя смолянки» ее узнаютъ и вспомнятъ многое.

гибкій станъ, маленькая ножка, бѣленькая ручка, грація во всѣхъ движеніяхъ дополняли очарованіе. И въ эту минуту она очень еще хороша!...... Но теперь уже не то. Въ нее и теперь влюбляются. Она обвораживаетъ и теперь: но въ своей сердечной простотѣ не замѣчаетъ этого!

Единственную встрѣчаю красивую и прекрасную женщину, не вѣрящую, что она хороша! . . . .

Противъ этихъ двухъ барышень стояла третья [5]). Подъ говоръ ихъ она слѣдила за каждой лодкой, прислушиваясь къ чарующему плеску веселъ, любуясь безотчетно невозмутимой поверхностью Невы и отражавшимся въ ней прозрачнымъ сводомъ небесъ. Но это не мѣшало ей принимать живое участіе въ разсказѣ молоденькой дѣвушки, утѣшать и подкрѣплять, а подъ-часъ немножко охлаждать разгоряченное воображеніе влюбленной разсказчицы. Эта была годомъ моложе блестящей красавицы. Въ первой молодости ея смуглое, прекрасное лицо пылало румянцемъ, каштановые волосы падали обильными кудрями на полныя плечи; большіе голубые глаза весело смотрѣли на Божій міръ; ей было такъ привольно въ немъ!... Свѣтлое будущее казалось ей безконечно далекимъ, и воображеніе на просторѣ создавало ей цѣлые міры блаженства. То было чудное время, лучшіе и счастливѣйшіе годы жизни въ Смольномъ!

Спустя нѣсколько лѣтъ поблѣднѣлъ румянецъ на ея щекахъ, исчезъ блескъ глазъ... Порой вспыхиваетъ огонь въ потухающихъ очахъ, зажигается румянецъ; но тотъ огонь сейчасъ же гаснетъ и мгновенно пропадаетъ румянецъ [6])..

. . . .

Это-то, — охъ какъ тяжело!

Вотъ что невольно заставляетъ задуматься... Мелькающіе годы!

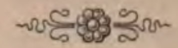
---

[5]) Легко можно и эту узнать.

[6]) Ей было 32 года.

Но, быть можетъ, и я не умѣю взяться за дѣло?... [7]) Излишняя щекотливость характера, отсутствіе богатства, вѣроятно, много вредятъ...

Но все же теперь, надѣюсь, что скоро все забуду, что было по сердцу и что не по мнѣ. Все служба исправитъ, забуду все и терпѣливо пойду по протоптанной моими предшественницами дорожкѣ... Если на пути снова блеснетъ и для меня лучъ невѣдомаго счастья (любви?), блеснетъ мгновенно и также, по обычаю, скроется въ бреду тоскующей жизни.. осѣнюсь тогда крестнымъ знаменіемъ и съ надеждою на лучшую жизнь въ другомъ мірѣ, буду продолжать давно-давно начатую, *неподходящую мнѣ*, но данную Богомъ работу.



Семейство Липиныхъ въ Чудовѣ; дни проведенные у нихъ; ихъ семейное счастье и мое одиночество.

14 сентября. Въ Чудовѣ прожили мы шесть дней у Липиныхъ [1]).

Всѣ они, т. е. мужъ, жена и трое маленькихъ дѣточекъ могли бы составить прекрасную картину, если бъ рука искуснаго живописца набросила ихъ фигуры на полотно. Но лучше всего въ нихъ то, что они уже одиннадцать лѣтъ женаты и любятъ другъ друга нѣжно, глубоко, воспитываютъ прекрасно дѣтокъ и много дѣлаютъ добра ближнимъ.

---

[7]) Вѣроятно, „искусства“ выйти замужъ?

[1]) Липины—весьма близкое Варварѣ и Аннѣ П. по сердцу семейство. Николай Ивановичъ Лип.—инженеръ пут. сообщ., честный участникъ въ постройкѣ Николаев. ж. дор. († въ 1876 г.), бѣдный и многосемейный, проживалъ въ Чудовѣ на дачѣ съ доброю, гостепріимною супругою (тоже институткою) Юліею Ивановною. У нихъ Варвара и Анна П. отдыхали душой.

Всѣ дни гуляли мы тамъ или сидѣли днемъ въ саду, а вечеромъ въ комнатѣ. Работали среди дружескаго разговора или слушали, какъ читалъ Николай Ивановичъ произведенія нашихъ новыхъ писателей: Островскаго и Писемскаго.

Эти писатели съ большимъ талантомъ, судя по первымъ ихъ опытамъ. Характеры ихъ дѣйствующихъ лицъ изъ жизни изображены правдиво; много выставлено смѣшныхъ, плутовскихъ продѣлокъ,—и мы отъ души посмѣялись. Такъ незамѣтно промелькнули шесть дней, за которые благодарю Бога... Не всѣ же такъ счастливы въ семейной жизни, какъ эти Липины. Впрочемъ, думается, счастье въ нихъ самихъ... Не надо ли и мнѣ постараться поискать около себя счастья? Но не поздно ли? И къ чему?.. Лишь бы мои ангелы-сестры были здоровы и веселы. Я все-таки счастлива...

Прости мнѣ, Господи! Вѣдь не одна же я такъ живу; многимъ, лучшимъ меня, въ тысячу разъ хуже, и они не жалуются!

Я, должно быть, очень неблагодарная. Притомъ же когда-нибудь нужно же проститься съ землею; а тогда, вѣрно, такъ жаль станетъ разставаться съ... любимыми?

Все не такъ.

Такая я глупая, безсмысленная... Прости меня, Господи!..

Холера въ Петербургѣ. Воспоминаніе объ умершихъ генералахъ, о герцогѣ Лейхтенбергскомъ, Жуковскомъ, Брюлловѣ, Гоголѣ и Огюстѣ—танцовальномъ учителѣ. Болѣзнь классной дамы Екатерины Григорьевны. Дежурство у нея въ комнатѣ и размышленіе о смерти.

22 октября. Внизу, подъ моею комнатою, играютъ мазурку. Вокругъ меня все такъ мрачно, холодно, и я давно уже не смѣюсь. У насъ настала ранняя зима: 17 октября Нева стала. На дворѣ пасмурно.

Въ Петербургѣ опять холера, и безпрестанно слышатся извѣстія о смерти то одного, то другого. Впрочемъ, не всѣ изъ нихъ умирали отъ холеры. Съ начала этого года на тотъ свѣтъ потянулись все старики-генералы: Гилленшмидтъ и Герруа; слѣдомъ за ними пошли артисты, поэты, министры и, наконецъ, третьяго дня скончался герцогъ Лейхтенбергскій, супругъ Маріи Николаевны и сынъ Евгенія Богарне.

Бѣдный Лейхтенбергскій! 13 лѣтъ тому назадъ пріѣхалъ красавцемъ въ Россію, въ самый расцвѣтъ молодыхъ силъ; ему было тогда 22 года,—а теперь ужъ онъ на столѣ. Онъ давно хворалъ болью въ груди; и правда, впрочемъ, нашъ холодный, сырой петербургскій климатъ много способствовалъ нездоровью принца,—заграницей онъ былъ совершенно здоровъ.

Упокой, Господи, душу его и прости его согрѣшенія!

Въ этомъ же году отошли отъ міра сего нашъ любимецъ Жуковскій, знаменитый Брюлловъ и незабвенный, «несравненный» и незамѣнимый великій Николай Гоголь [1]), скончавшійся въ Москвѣ.

На-дняхъ тоже умеръ нашъ Огюстъ, [2]) сынъ извѣстнаго во времена Императора Александра I-го балетмейстера Огюста, и самъ выдающійся танцовальный учитель. Въ субботу онъ былъ въ Смольномъ, шутилъ, смѣялся; въ понедѣльникъ ѣздилъ въ Царское-Село давать уроки Великимъ

---

[1]) Гоголь, Николай Васильевичъ, род. 19 мар. 1809 г., † 21 фев. 1852 г.

[2]) Огюстъ-Пуаро, даровитый и «обожаемый» учитель-танцевъ въ Имп. Об. бл. д., очень родственный Смольному. Занялъ уроки въ 1844 г. послѣ своей родственницы Дидело (см. зап. 1835 г. 25 іюня). Преподавалъ танцы Его И. В. В. К. Н. Цес. Николаю Александровичу, въ Имп. С. П. Б. Университетѣ, въ Имп. уч. Правовѣд. и въ Дворянскомъ полку. По смерти М. А. эти же уроки заняла его супруга, Евдокія Васильевна Огюстъ-Пуаро. Она долгое время преподавала и въ Александровскомъ институтѣ. Супруги прекрасно танцовали (съ «фуроромъ» на балахъ).

Князьямъ, а утромъ во вторникъ лежалъ уже мертвымъ. Красавецъ, молодой — и въ четыре часа распрощался съ жизнью! Въ 2 часа ночи заболѣлъ, а въ 6 часовъ утра его уже не стало. Страшно!

Встрѣтились ли всѣ они на томъ свѣтѣ? И гдѣ они?..

Боже, Боже, неисповѣдимы судьбы Твои!

А теперь еще при смерти больна Екатерина Григорьевна [3]), бывшая и моя классная дама. Вотъ цѣлая недѣля, какъ она собирается каждый день умирать. Три раза уже причащалась, соборовалась, и каждый день ждутъ ея смерти. Время мое проходитъ въ дежурствѣ и въ комнатѣ больной. Хотя за нею и есть хорошій присмотръ, но я подхожу къ ея постели для того, чтобы она видѣла участіе близкихъ и утѣшалась...

Да отыдетъ, Господи, съ миромъ душа ея къ Тебѣ, Благому и Милосердому!

Сидя въ комнатѣ умирающей становишься, такъ равнодушенъ ко всѣмъ мелочамъ жизни, что думаешь: стоитъ-ли чѣмъ либо огорчаться — все кончится смертью. Какъ ни живи и сколько ни живи, а все это покинуть придется.

«Was sind Hoffnungen, was sind Entwürfe die der Mensch, der flüchtige Sohn der Erde, baut auf dem bezüglichen Grunde»? *).

Въ субботу Огюстъ болталъ одной дамѣ: «je veux vivre et penser à vos beaux yeux» **), а въ понедѣльникъ ночью закрылись навѣки его собственные прекрасные глаза.

Господи, сохрани моихъ сестеръ! Вотъ вѣчная моя молитва.

---

[3]) Богданова (см. зап. 1833 г. 11 дек., пр. 4, 1847 г. 24 іюля, пр. 7). Добрая и въ высшей степени образованная, изъ дворянъ Пензенск. губ. подруга А. И. Панчулидзевой, умерла отъ застарѣлаго плеврита, 72-хъ лѣтъ, на службѣ.

*) «Что значатъ надежды, что значатъ планы, которые человѣкъ, проходящій сынъ земли, строитъ на обманчивой почвѣ?»

**) «Я хочу жить и думать о вашихъ прекрасныхъ глазахъ».

Бѣдное дитя не знаетъ, что два раза не влюбляются въ одну и ту же женщину!.. И онъ ея не любилъ и не любитъ, а встрѣтитъ и еще разъ обманетъ—на большее несчастіе.

Спаси тебя Господи, пташка!

Кончающійся годъ.—Жизнь подчасъ невыносимая „комедія". Чтеніе Псалтыря и благотворное вліяніе на меня его стиховъ. Враги и пожеланія.

31 декабря. Грустно кончаю я этотъ годъ. Нѣтъ надежды, что и слѣдующій будетъ лучше, а потому безъ сожалѣнія провожаю старый и безъ желаній и радости встрѣчаю новый.

Чего же ждать отъ него?—Продолженія давно начатой скучной, томительной и подчасъ невыносимой комедіи, съ нѣкоторыми лишь измѣненіями, дополненіями и неожиданностями?..

Къ концу этого года явились еще новыя развлеченія. Нѣкоторыя дамы отъ нечего ли дѣлать, или такъ, или изъ благороднаго побужденія, нѣкоторыя дамы . . . . . изливаютъ на Аннетъ и на меня горечь своей жизни, сплетничая и

. . . .

забывъ свое положеніе и собственное достоинство . . .

. . . .

Изнывая отъ горя, открыла я, перекрестясь, свой любимый, оставшійся отъ бабушки, Псалтырь, и первыя его слова вызвали мнѣ на глаза слезы благодарности. Я повергласъ предъ святыми иконами, благословеніемъ покойной матери, и съ умиленіемъ читала слѣдующіе стихи. Вотъ на чемъ, съ самаго начала, остановились глаза мои: «*Блаженъ человѣкъ, его же аще накажеши, Господи, и отъ закона Твоего научиши его* и т. д. [1]) *Кто востанетъ*

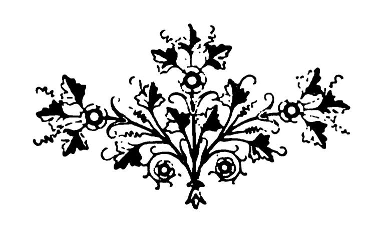
[1]) Псаломъ 93-й, ст. 12.

ми на лукавнующія; или кто спредстанетъ ми на дѣлающія беззаконіе? Аще не Господь помоглъ бы ми, вмалѣ вселилася бы во адъ душа моя [2]). *По множеству болѣзней въ сердцѣ моемъ, утѣшенія Твоя возвеселиша душу мою. Уловятъ на душу праведничу и кровь неповинную осудятъ. И бысть мнѣ Господь въ прибѣжище, и Богъ ми въ помощь упованія моего»* [3]).

Какое совпаденіе!

Вотъ лѣкарство для больной души! Мнѣ стало легче, и я терпѣливо стану сносить клеветы и безъ всякаго желанія мести. Не хочу даже, чтобы Господь былъ за меня мстителемъ, но чтобы вразумилъ ищущихъ моей гибели. Со страхомъ гляжу на всѣхъ тѣхъ, которые мнѣ дѣлаютъ зло; правосудіе небесное вразумляло даже нѣкоторыхъ здѣсь, на землѣ.

Прости имъ, Господи! *видишь*, что я не радовалась ни смерти моего врага, ни несчастіямъ ихъ; напротивъ, гдѣ нужна моя помощь, тамъ я забываю свои обиды.



[2]) Ibidem., ст. 16 и 17.
[3]) Ibidem., ст. 19. 21 и 22.

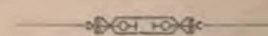
Теперь оттепель; видны лишь обнаженныя деревья, грязный на улицѣ снѣгъ, сѣрое небо и мелькающія изрѣдка извозчичьи сани. Прекрасная картина!..

Но комната тепла, суха, свѣтла—и слава Богу! Мнѣ теперь особенно нужно здоровье, а видъ—роскошь... Мнѣ же роскошь ни въ чемъ не дозволительна...

Благодарю Господа за необходимое. Для меня уже немного надо—лучшая половина жизни прошла во всевозможныхъ лишеніяхъ, горяхъ, неудачахъ и неудобствахъ... Больно, что все это происходитъ въ Петербургѣ, гдѣ есть полная возможность пользоваться всѣми удовольствіями и удобствами.

Я не жалуюсь... Каждому своя доля. И у меня есть тоже свои радости и наслажденія, доступныя не всѣмъ...

Въ душѣ моей горитъ огонь любви къ близкимъ и живетъ сочувствіе къ «несчастному». Для моего счастья нужно немного, и Господь посылалъ и мнѣ иногда минуты блаженства! [5]).



Балъ въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Сердечное горе черноглазой дѣвушки. Жестокосердіе мужчинъ. Надежда черноглазой дѣвушки снова завоевать себѣ любовь.

16 декабря. Вѣтеръ свищетъ, вѣтеръ воетъ, сѣрыя облака несутся по небу;—лунѣ не пробраться сквозь нихъ.

Восп. Общ. бл. дѣвицъ. Бульваръ, приходившійся противъ параднаго подъѣзда больницы св. Ольги. Этотъ бульваръ—остатки исторической аллеи сада Императрицы Елисаветы Петровны (см. черт. Рубана), по которому Она шла на Преображенскую площадку въ ноябрѣ 1741 года.

[4]) Т. е. къ Импер. Восп. Общ. бл. дѣвицъ. Песочная дорожка, насаженная акаціями.

[5]) Переходъ въ эту комнату совершился противъ желанія В. П., по приказу начальницы, и не подозрѣвавшей ея восторговъ Невою.

Раздался. Это ты, — ты вышелъ, исполинъ!
Обдуманъ каждый шагъ, движенья — рядъ картинъ:
Откинута рука — простерта длань царева;
Въ бровяхъ густая мгла Юпитерова гнѣва;
Въ чертахъ его лица — величье страшныхъ мукъ;
Въ его гортани мретъ глухой рыданья звукъ;
Въ груди его весь адъ всѣмъ слышимо клокочетъ,
И въ хохотѣ его отчаянье хохочетъ...
Онъ блѣденъ, онъ дрожитъ, и пѣна на устахъ,
И, судорожно сжавъ въ трепещущихъ перстахъ
Сверкающій кинжалъ (ужасное мгновенье!),
Онъ грянулся во прахъ; и смертное томленье
Еще вы видите, вамъ смотритъ смерть въ глаза!
И катится изъ глазъ невольная слеза.
Нисходитъ занавѣсъ. Неистовы и дики
Летятъ со всѣхъ сторонъ и вызовы и клики:
Его! Его! пускай онъ явится! сюда!..
Нѣтъ, люди; — занавѣсъ опущенъ навсегда!

Кулисы вѣчности задвинулись. Не выйдетъ.
На этой сценѣ міръ его ужъ больше не увидитъ.
Нѣтъ. Смерть, которую такъ вѣрно онъ не разъ
Въ всемъ могуществѣ изображалъ для васъ,
Содѣлала его въ единый мигъ случайный
Адептомъ избраннымъ своей послѣдней тайны.
Простимся съ нимъ! Давно минули тѣ года;
То время темное, суровое, когда
Актера званіе считалось униженьемъ
Достоинства людей и демону служеньемъ.
Хвала Всевышнему! Теперь, когда почетъ
Нашъ проясненный вѣкъ искусству воздаетъ, —
Мы сроднены Христа божественною кровью
Идемъ къ усопшему и говоримъ съ любовью:
Прости, собратъ-артистъ, прости сочеловѣкъ!
Съ благословеніемъ нашъ просвѣщенный вѣкъ

Бѣдное дитя не знаетъ, что два раза не влюбляются въ одну и ту же женщину!.. И онъ ея не любилъ и не любитъ, а встрѣтитъ и еще разъ обманетъ — на большее несчастіе.

Спаси тебя Господи, пташка!

Кончающійся годъ.—Жизнь подчасъ невыносимая „комедія". Чтеніе Псалтыря и благотворное вліяніе на меня его стиховъ. Враги и пожеланія.

31 декабря. Грустно кончаю я этотъ годъ. Нѣтъ надежды, что и слѣдующій будетъ лучше, а потому безъ сожалѣнія провожаю старый и безъ желаній и радости встрѣчаю новый.

Чего же ждать отъ него? — Продолженія давно начатой скучной, томительной и подчасъ невыносимой комедіи, съ нѣкоторыми лишь измѣненіями, дополненіями и неожиданностями?..

Къ концу этого года явились еще новыя развлеченія. Нѣкоторыя дамы отъ нечего ли дѣлать, или такъ, или изъ благороднаго побужденія, нѣкоторыя дамы . . . . . изливаютъ на Аннетъ и на меня горечь своей жизни, сплетничая и

. . . .

забывъ свое положеніе и собственное достоинство. . .

. . . .

Изнывая отъ горя, открыла я, перекрестясь, свой любимый, оставшійся отъ бабушки, Псалтырь, и первыя его слова вызвали мнѣ на глаза слезы благодарности. Я повергласъ предъ святыми иконами, благословеніемъ покойной матери, и съ умиленіемъ читала слѣдующіе стихи. Вотъ на чемъ, съ самаго начала, остановились глаза мои: «*Блаженъ человѣкъ, его же аще накажеши, Господи, и отъ закона Твоего научиши его* и т. д. [1]) *Кто востанетъ*

---

[1]) Псаломъ 93-й, ст. 12.

изъ ложи, будучи не въ состояніи переносить новый рядъ тяжелыхъ впечатлѣній. Въ Гамлетѣ, Лирѣ, въ Братьяхъ разбойникахъ, въ Велизаріи — онъ достигалъ выдающагося совершенства въ игрѣ.

Въ былыя времена я высоко цѣнила Каратыгина, и часто ѣздили мы глядѣть на его чудную игру. — Что же онъ теперь? гдѣ же? И отвѣта нѣтъ. Оттуда никто не возвращается.

Миръ праху твоему, артистъ вдохновенный! Прости любимецъ Россіи! Имя твое, которое какъ артиста, а не пріятнаго человѣка въ обществѣ, я привыкла чтить съ самаго дѣтства, и оно навсегда будетъ въ памяти и въ сердцахъ твоихъ соотечественниковъ. Пронесутся годы, столѣтія, — забудутъ имена сильныхъ земли, а Каратыгинъ, подобно Державину, Пушкину, Гоголю, помянется съ любовью и гордостью русскими [3]).

Вчера мы провели день у Гартонгъ [4]) въ обществѣ умныхъ людей; между ними былъ и Бенедиктовъ, и мы со словъ его писали вышепомѣщенные стихи, еще, разумѣется, неизданные, которые будутъ еще пересмотрѣны, отосланы къ женѣ покойнаго Каратыгина, а потомъ уже напечатаны.

Говорятъ еще, цензура многое не пропуститъ.

Не понимаю, чего тутъ нельзя пропустить?!

Впрочемъ, по разсказамъ, нынче цензора ужасные. Много смѣшныхъ анекдотовъ ходятъ по городу, напр., будто бы въ одной повѣсти какая-то турчанка говоритъ: «*клянусь Пророкомъ*». Цензоръ приписалъ: «Лже» — и вышло: «клянусь Лжепророкомъ»? Еще кто-то привелъ слова Сенеки. Цензоръ, вѣрно сильный знаніемъ исторіи и классиковъ, сдѣлалъ выноски, написавъ: «по Высочайшему повелѣнію запрещено

---

[3]) Какъ вѣрно было сказано! (см. воспоминанія о немъ).
[4]) Гартонгъ, см. 1847 г. 23 іюня, пр. 2.

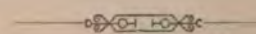
Теперь оттепель; видны лишь обнаженныя деревья, грязный на улицѣ снѣгъ, сѣрое небо и мелькающія изрѣдка извозчичьи сани. Прекрасная картина!..

Но комната тепла, суха, свѣтла—и слава Богу! Мнѣ теперь особенно нужно здоровье, а видъ—роскошь... Мнѣ же роскошь ни въ чемъ не дозволительна...

Благодарю Господа за необходимое. Для меня уже немного надо—лучшая половина жизни прошла во всевозможныхъ лишеніяхъ, горяхъ, неудачахъ и неудобствахъ... Больно, что все это происходитъ въ Петербургѣ, гдѣ есть полная возможность пользоваться всѣми удовольствіями и удобствами.

Я не жалуюсь... Каждому своя доля. И у меня есть тоже свои радости и наслажденія, доступныя не всѣмъ...

Въ душѣ моей горитъ огонь любви къ близкимъ и живетъ сочувствіе къ «несчастному». Для моего счастья нужно немного, и Господь посылалъ и мнѣ иногда минуты блаженства! [5]).



Балъ въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Сердечное горе черноглазой дѣвушки. Жестокосердіе мужчинъ. Надежда черноглазой дѣвушки снова завоевать себѣ любовь.

16 декабря. Вѣтеръ свищетъ, вѣтеръ воетъ, сѣрыя облака несутся по небу;—лунѣ не пробраться сквозь нихъ.

Восп. Общ. бл. дѣвицъ. Бульваръ, приходившійся противъ парадняго подъѣзда больницы св. Ольги. Этотъ бульваръ—остатки исторической аллеи сада Императрицы Елисаветы Петровны (см. черт. Рубана), по которому Она шла на Преображенскую площадку въ ноябрѣ 1741 года.

[4]) Т. е. къ Импер. Восп. Общ. бл. дѣвицъ. Песочная дорожка, засаженная акаціями.

[5]) Переходъ въ эту комнату совершился противъ желанія В. П., по приказу начальницы, и не подозрѣвавшей ея восторговъ Невою.

На улицѣ оттепель—3° тепла. Вѣтру есть гдѣ разгуляться, кругомъ Смольнаго много пустого пространства.

Кажется, всюду должно быть также уныло, а между тѣмъ у Морского корпуса толпятся экипажи, и въ яркоосвѣщенныхъ громадныхъ залахъ его тѣснятся пирующіе: ихъ болѣе 6,000 человѣкъ!

Вчера исполнилось столѣтіе со дня открытія корпуса, всѣ кадеты обѣдали во Дворцѣ; а сегодня дается балъ, на который Государь пожаловалъ 30,000 р. сер. И наши смолянки отправились туда же: начальница, одна изъ инспектрисъ, 3 пепиньерки и та крѣпко любившая черноглазая молоденькая дѣвушка [1]).

Въ полъ года узнала она всю прелесть, все очарованіе, но, увы, также кратковременность и непостоянство этой пылкой взаимной любви. До сихъ поръ еще она носитъ названіе «невѣсты», но можетъ пѣть извѣстный романсъ: «Онъ меня разлюбилъ»...

Въ іюлѣ онъ сдѣлалъ предложеніе, казался страстно влюбленымъ; въ октябрѣ сталъ ѣздить рѣдко, а съ 24 ноября и глазъ не кажетъ, безъ всякой видимой причины. Вотъ и все.

Разсказать недолго; а чего не пережила, не перечувствовала эта бѣдная дѣвушка! Сколько здоровья утрачено! Сколько страданій!

Безсовѣстные мужчины! Можно-ль такъ портить жизнь бѣдныхъ женщинъ съ самаго начала!.. А послѣ жалуются, когда съ ними поступаютъ жестоко и вродѣ этого...

. . . .

Бѣдная пташечка! Сегодня она отправилась на балъ, вся въ бѣломъ, какъ жертва, обреченная на закланіе. Надежда встрѣтить *«невѣрнаго»* заманила ее въ Морской корпусъ; одѣлась со вкусомъ, постаралась быть хорошенькой, думая: авось либо увидитъ и снова полюбитъ!..

[1]) См. 1852 г. 6 Іюня.

Бѣдное дитя не знаетъ, что два раза не влюбляются въ одну и ту же женщину!.. И онъ ея не любилъ и не любитъ, а встрѣтитъ и еще разъ обманетъ — на большее несчастіе.

Спаси тебя Господи, пташка!

Кончающійся годъ.—Жизнь подчасъ невыносимая „комедія". Чтеніе Псалтыря и благотворное вліяніе на меня его стиховъ. Враги и пожеланія.

31 декабря. Грустно кончаю я этотъ годъ. Нѣтъ надежды, что и слѣдующій будетъ лучше, а потому безъ сожалѣнія провожаю старый и безъ желаній и радости встрѣчаю новый.

Чего же ждать отъ него? — Продолженія давно начатой скучной, томительной и подчасъ невыносимой комедіи, съ нѣкоторыми лишь измѣненіями, дополненіями и неожиданностями?..

Къ концу этого года явились еще новыя развлеченія. Нѣкоторыя дамы отъ нечего ли дѣлать, или такъ, или изъ благороднаго побужденія, нѣкоторыя дамы . . . . . изливаютъ на Аннетъ и на меня горечь своей жизни, сплетничая и . . . . забывъ свое положеніе и собственное достоинство. . . . .

Изнывая отъ горя, открыла я, перекрестясь, свой любимый, оставшійся отъ бабушки, Псалтырь, и первыя его слова вызвали мнѣ на глаза слезы благодарности. Я повергласъ предъ святыми иконами, благословеніемъ покойной матери, и съ умиленіемъ читала слѣдующіе стихи. Вотъ на чемъ, съ самаго начала, остановились глаза мои: «*Блаженъ человѣкъ, его же аще накажеши, Господи, и отъ закона Твоего научиши его* и т. д. [1]) *Кто востанетъ*

[1]) Псаломъ 93-й, ст. 12.

мина лукавнующія; или кто спредстанетъ ми на дѣлающія беззаконіе? Аще не Господь помоглъ бы ми, вмалѣ вселилася бы во адъ душа моя [2]). *По множеству болѣзней въ сердцѣ моемъ, утѣшенія Твоя возвеселиша душу мою. Уловятъ на душу праведничу и кровь неповинную осудятъ. И бысть мнѣ Господь въ прибѣжище, и Богъ ми въ помощь упованія моего»* [3]).

Какое совпаденіе!

Вотъ лѣкарство для больной души! Мнѣ стало легче, и я терпѣливо стану сносить клеветы и безъ всякаго желанія мести. Не хочу даже, чтобы Господь былъ за меня мстителемъ, но чтобы вразумилъ ищущихъ моей гибели. Со страхомъ гляжу на всѣхъ тѣхъ, которые мнѣ дѣлаютъ зло; правосудіе небесное вразумляло даже нѣкоторыхъ здѣсь, на землѣ.

Прости имъ, Господи! *видишь*, что я не радовалась ни смерти моего врага, ни несчастіямъ ихъ; напротивъ, гдѣ нужна моя помощь, тамъ я забываю свои обиды.

[2]) Ibidem., ст. 16 и 17.
[3]) Ibidem., ст. 19, 21 и 22.

1853 г.

Стихи Бенедиктова на смерть Каратыгина. Прощаніе съ умершимъ. Память о знаменитомъ артистѣ. День у Гартонгъ, гдѣ Бенедиктовъ читалъ свое стихотвореніе. Цензора и анекдоты о нихъ. Совѣтъ В. Г. Бенедиктова писать лѣтопись Смольнаго.

16 марта. «Его не стало! Нѣтъ свѣтила русской сцены,
Первослужителя скорбящей Мельпомены!
Плачь, Муза сирая, его ужъ въ мірѣ нѣтъ!
Фингалъ, Донской, Ермакъ, Людовикъ, Лиръ, Гамлетъ;
Цари, что изъ гробовъ имъ къ жизни вызывались,
Вторичной смертію вы нынѣ въ немъ скончались.
Вся жизнь его была великою игрою:
Сегодня онъ бандитъ, а завтра онъ герой!
Сегодня—царь, министръ, вельможа иль посланникъ,
А завтра—нищій, рабъ, безумецъ иль изгнанникъ.
Тамъ—въ пышной мантіи, здѣсь—въ рубищѣ, въ цѣпяхъ;
Но тамъ и здѣсь артистъ съ огнемъ небесъ въ очахъ,
Съ челомъ, отмѣченнымъ печатію таланта;—
Вездѣ въ немъ видѣнъ свѣтъ глашатая, гиганта,
Съ глаголомъ выспреннимъ и чувства и ума.
Вездѣ онъ былъ нашъ Кинъ, нашъ Гаррикъ, нашъ Тальма.
Мнѣ видится театръ и яркій блескъ собранья:
Вотъ поднятъ занавѣсъ, и взрывъ рукоплесканья

Я сижу въ своей комнатѣ. Двери отворены настежь, и въ глазахъ — весь рой неугомонныхъ пчелъ. Если кто слишкомъ голосъ возвыситъ — уйму; иногда бросаю перо и отправляюсь въ спальню, чтобы взглянуть прямо въ лицо крикуньямъ и испугать своимъ появленіемъ. — Грустное *«ремесло»* служить *«пугаломъ»*.

Охъ, служба...

Впрочемъ, многія дѣти любятъ меня: счастливы, когда я говорю съ ними или позволю сидѣть около себя...

Сегодня мнѣ весело; а весело оттого, что вчера пріятно провела вечеръ у Гартонгъ. [2])

Не знаю, отчего одни и тѣ же лица, одинъ и тотъ же домъ бываютъ иногда милы, а иногда очень скучны. Вчера, напр., все общество состояло изъ Марьи Андреевны, Додо съ мужемъ, Николая Гартонгъ съ женою, Аннетъ и меня.

Къ 8-ми часамъ еще пріѣхалъ губернаторъ изъ Витебска. Прибывъ назадъ тому два дня изъ Орла, гдѣ онъ исправлялъ должность вице-губернатора и, будучи у Гартонгъ, онъ разспрашивалъ много насъ. Ему сказали, когда мы обѣщались пріѣхать и онъ вчера явился; весьма пріятный человѣкъ. Намъ было весело. Теперь же нѣтъ больше и слѣда недавняго веселаго расположенія...

Позвала къ себѣ начальница, передала письмо родственницы одной изъ моихъ воспитанницъ; письмо грубое и непріятное — я разсердилась, и все пропало... Вчера я немного забылась, а сегодня снова предъ глазами нагая дѣйствительность со всѣми мелочами, дрязгами и съ доказательствомъ, что всѣ труды мои могутъ быть напрасны...

А вчера у меня просвѣтлѣло лицо, заблистали глаза, я чувствовала, что вдругъ помолодѣла, и, возвратившись домой, съ удовольствіемъ полюбовалась въ зеркалѣ на свое оживленное, веселое лицо. Но не надолго же была улыбка на моихъ устахъ.

---

[2]) См. зап. 1847 г. 23 іюня, пр. 2.

На твой взирая путь, не суевѣрнымъ окомъ,
Мыслитъ: онъ служилъ на поприщѣ высокомъ,
Трудился, изучалъ языкъ живыхъ страстей,
Чтобъ намъ изображать природу и людей,
И возбуждать въ сердцахъ возвышенныя чувства.
Онъ жегъ свой ѳиміамъ на алтарѣ искусства,
И путь свой проходилъ при кликахъ торжества,
Землѣ родимой въ честь и въ славу Божества!

Бенедиктовъ [1]).

Такъ Владиміръ Григорьевичъ почтилъ память нашего великаго артиста Каратыгина! [2]).

Еще новый алмазъ выпалъ изъ вѣнца славы Россіи! Сиротѣемъ мы!.. Въ продолженіи года лишились: Жуковскаго, Гоголя, Брюллова, Каратыгина!..

По всѣмъ отраслямъ искусства убыли первенцы, стоявшіе во главѣ своихъ послѣдователей.

Грустно. Когда-то еще дождемся новыхъ подобныхъ талантовъ? Да и дождемся-ли?

Пушкинъ, Лермонтовъ не повторились,—такъ не повторятся и Гоголь, Каратыгинъ и Брюлловъ!..

Сегодня хоронятъ Каратыгина, и, вѣроятно, проводы будутъ большіе. Вчера, при выносѣ изъ дома, народъ толпился на площади, на улицѣ; это было его трогательное прощаніе съ любимымъ артистомъ. И я съ сестрою пошла поклониться усопшему на пути его въ вѣчность. Уже не увидимся болѣе!

А сколько часовъ наслажденія доставляла мнѣ его игра! Помню, что иногда не могла выслушивать его до конца въ нѣкоторыхъ драмахъ,—мнѣ дѣлалось дурно, и я выходила

---

[1]) См. зап. 1847 г. 12 мар., пр. 2.; 1851 г. 23 сент., пр. 3 и портреть 1853 г. 23 апр.

[2]) Василій Андреев., см. зап. 1840 г. 12 дек. 3 и 1847 г. 23 іюля, пр. 3. Похороненъ на Смоленскомъ прав. кладбищѣ, у старой церкви (см. его біогр.).

изъ ложи, будучи не въ состояніи переносить новый рядъ тяжелыхъ впечатлѣній. Въ Гамлетѣ, Лирѣ, въ Братьяхъ разбойникахъ, въ Велизаріи—онъ достигалъ выдающагося совершенства въ игрѣ.

Въ былыя времена я высоко цѣнила Каратыгина, и часто ѣздили мы глядѣть на его чудную игру.—Что же онъ теперь? гдѣ же? И отвѣта нѣтъ. Оттуда никто не возвращается.

Миръ праху твоему, артистъ вдохновенный! Прости любимецъ Россіи! Имя твое, которое какъ артиста, а не пріятнаго человѣка въ обществѣ, я привыкла чтить съ самаго дѣтства, и оно навсегда будетъ въ памяти и въ сердцахъ твоихъ соотечественниковъ. Пронесутся годы, столѣтія,—забудутъ имена сильныхъ земли, а Каратыгинъ, подобно Державину, Пушкину, Гоголю, помянется съ любовью и гордостью русскими [3]).

Вчера мы провели день у Гартонгъ [4]) въ обществѣ умныхъ людей; между ними былъ и Бенедиктовъ, и мы со словъ его писали вышепомѣщенные стихи, еще, разумѣется, неизданные, которые будутъ еще пересмотрѣны, отосланы къ женѣ покойнаго Каратыгина, а потомъ уже напечатаны.

Говорятъ еще, цензура многое не пропуститъ.

Не понимаю, чего тутъ нельзя пропустить?!

Впрочемъ, по разсказамъ, нынче цензора ужасные. Много смѣшныхъ анекдотовъ ходятъ по городу, напр., будто бы въ одной повѣсти какая-то турчанка говоритъ: «*клянусь Пророкомъ*». Цензоръ приписалъ: «Лже»—и вышло: «клянусь Лжепророкомъ»? Еще кто-то привелъ слова Сенеки. Цензоръ, вѣрно сильный знаніемъ исторіи и классиковъ, сдѣлалъ выноски, написавъ: «по Высочайшему повелѣнію запрещено

---

[3]) Какъ вѣрно было сказано! (см. воспоминанія о немъ).

[4]) Гартонгъ, см. 1847 г. 23 іюня, пр. 2.

не только приводить цитаты французскихъ коммунистовъ, но даже и упоминать имена ихъ».

И это цензура? Ужасно!

Еще: въ газетахъ извѣщали о пропажѣ собаки, кличка которой «Тиранъ». «Тирана» вычеркнули и написали: «Фиделька».

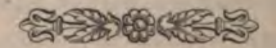
Вздоръ, вздоръ и вздоръ! Но пока еще, какъ много придирокъ и отсутствія гласности!

Также въ одной ничтожной застольной пѣсенкѣ, вмѣсто слова: «адмиральскомъ», поставлены точки. Вотъ она:

«Ѣдетъ чижикъ въ лодочкѣ,
Въ адмиральскомъ чинѣ»...

Бенедиктовъ самъ разсказывалъ это и отъ души смѣялся. Онъ совѣтуетъ мнѣ вести лѣтопись Смольнаго Монастыря! До того ли классной дамѣ? Я и къ своимъ то пишу въ два мѣсяца одинъ разъ. Нѣтъ, писать не думаю, и лѣнь! Притомъ же, что стану я разсказывать? О воспитаніи? — Я —воспитательница плохая. Объ обученіи?—Не моя спеціальность. О взаимныхъ ссорахъ, отношеніяхъ, слухахъ и т. п.; но стоитъ ли тратитъ время на такія глупости!

Бываетъ, правда, что-нибудь и занимательнѣе; но боюсь, цензура не пропуститъ,—велитъ вездѣ наставить точки, или отъ начальства еще достанется, что и цензуры хуже. Поневолѣ прильнетъ языкъ къ гортани.



Свобода классныхъ дамъ. Необходимость разсѣяться. Приступы невыразимой тоски. Прогулка. О графинѣ N. и ея духовникѣ. Митрополитъ Филаретъ. Паденіе нравовъ въ обществѣ и религія.

25 марта, 10½ час. вечера. Сейчасъ только возвратились мы съ Нютой домой, и первое слово, произнесенное на порогѣ Смольнаго: «былъ принцъ?» обращено было съ трепетомъ къ швейцару. «Былъ».—«Ну, такъ я и знала»...

Бѣжимъ на верхъ. Дѣти еще не спали. Первая попавшаяся *«бѣлая»* встрѣчена вопросомъ: «была за столомъ начальница?»—«Нѣтъ».—«Ну, слава Богу!»—«Le Prince [1]) a été trés gai.»—Dieu merci! Me voilá tranquille! [2]).

Вотъ такъ-то хлопочемъ мы, когда убѣжимъ изъ ограды Монастыря, не предваривъ о томъ начальства—мы не дежурныя и считаемся свободны, но все-таки являйся къ дѣтскому столу въ 12 часовъ утра и въ 8 часовъ вечера. *Никуда выѣхать нельзя*, а поразсѣяться необходимо, чтобы не слышать и забыть, хотя на время, непріятности, выпадающія теперь на нашу долю все чаще и чаще.

Сегодня были мы въ домѣ, гдѣ особенно весело не бываетъ. Хозяева дома любятъ насъ, а это—главное; весело же, увы! мнѣ ужъ болѣе нигдѣ не бываетъ.

Иногда я и хохочу много; но это скорѣй раздраженные нервы, а не выраженіе радости.

Удивительно, какъ безцвѣтна стала теперь моя жизнь! Ничего не жду, ничего не желаю, ничто меня не интересуетъ...

Иногда, когда солнышко ярко заиграетъ на небѣ, кругомъ свѣтло, хочется выпорхнуть изъ Смольнаго—въ казенной комнатѣ становится душно. Но куда ѣхать? и зачѣмъ? Тутъ и остановишься. Посмотришь на небо, вздохнешь да и сядешь на мѣсто. Только въ эти минуты ни работа ни книга нейдутъ въ голову, а, Богъ знаетъ, что думается... Глаза пробѣгаютъ строки, страницы,—но память ничего не удерживаетъ. Какой-то неясный, какъ будто тяжелый сонъ овладѣваетъ всѣмъ существомъ; а между тѣмъ

[1]) Его Высочество—добрѣйшій, до нынѣ воспоминаемый съ благоговѣніемъ, какъ продолжатель благотвореній Императрицы Маріи Θеодоровны, Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій.

[2]) «Былъ очень веселъ». Слава Богу. Я теперь спокойна». Очевидно узнано это отъ «бѣлой».

не спится... Пренепріятное состояніе!.. Спустя нѣсколько часовъ, все приходитъ въ должный порядокъ до слѣдующей непріятности. Боюсь помѣшаться...

Такое то чувство и заставило меня сегодня выѣхать «въ городъ» [3]).

Благовѣщеніе; ясный, теплый день, улыбающіяся веселыя личики дѣтей, — все это напомнило мнѣ, что есть жизнь и за стѣнами Смольнаго. Пораздумавъ, поѣхали мы покататься въ саняхъ за городомъ, — и день прошелъ скорешенько.

Дорогою разсказывали намъ много анекдотовъ, и между прочимъ, о графинѣ З., урожденной..., которая за дурное поведеніе была выслана изъ Петербурга и теперь, въ Москвѣ выдается своею безнравственностью.

На масленицѣ въ собраніи ей всенародно далъ мужчина пощечину, и это ей ничего. Теперь же, великимъ постомъ, духовникъ ея, архимандритъ Симонова монастыря (?), послѣ исповѣди велѣлъ ей продолжать говѣть, не позволяя причащаться; она же, несмотря на запрещеніе, явилась предъ нимъ на другой день вмѣстѣ со всѣми причастниками!

Архимандритъ, увидѣвъ ее, сказалъ: «Графиня, вчера я глазъ-на-глазъ запретилъ вамъ приступать къ святому причащенію, сегодня же вы заставляете меня сказать публично то, что сказалъ я вамъ вчера тайно и отстранить васъ при всѣхъ?!..» Съ этими словами архимандритъ обнесъ ее чашей?

Со старикомъ-отцомъ ея, когда онъ узналъ о поступкѣ дочери, сдѣлался нервный ударъ. Пожаловались на архимандрита Императору. Отнеслись къ Филарету [4]).

---

[3]) Живущіе въ Смольномъ и «подъ Смольнымъ» свой путь въ центральныя улицы столицы почти всегда обозначаютъ выраженіемъ *«въ городъ»*, какъ будто Смольный до сихъ поръ еще не въ чертѣ города, а за городомъ?

[4]) Филаретъ—знам. Митрополитъ Московскій, † 1867 г.; въ этомъ же году запис. помѣщенъ рѣдкій его портретъ и біог. свѣд. о немъ (см. часть II-я).

Филаретъ, какъ и всегда, отвѣчалъ умно: «*Архимандритъ исполнилъ свой долгъ, и если бы у насъ побольше было такихъ «священнослужителей», то подобныя вели бы себя лучше*».

Браво, Владыко!

Я точно того-же мнѣнія.

Въ высшемъ обществѣ ужасная безнравственность, а оттуда зло разливается и въ другіе слои общества—зараза быстро распространяется.

Сохрани насъ, Боже, отъ временъ такой разнузданности; оттуда только одинъ шагъ до 93-го года!.. [5])

Грустно видѣть, что *прошлое* не служитъ людямъ урокомъ. Они читаютъ исторію, видятъ, къ чему вели отступленія отъ истинной религіи христіанской, и идутъ, несчастные, по тѣмъ же слѣдамъ и къ той же погибели. «*Что толку въ ихъ наружныхъ обрядахъ?... Ходятъ въ церковь, постятся даже, но клевещутъ;* оскорбляютъ другъ друга; готовы изъ-за денегъ на всякія низости, обираютъ неимущихъ и бросаютъ сотни тысячъ на танцовщицъ и тому подобныхъ женщинъ.

Честный человѣкъ чахнетъ въ трудѣ, бьется изъ-за копѣйки; у него и послѣднее ищутъ отнять, а съ постыдными женщинами проживаются огромныя состоянія, которыя съ удалью расточаются не менѣе постыднымъ образомъ. Не грустно ли подобное направленіе вѣка? Къ чему же просвѣщеніе, когда мы все идемъ по грязной дорогѣ, протоптанной не уважающими себя, не любящими своего отечества русскими! Къ чему-жъ религія? И эти люди носятъ названіе христіанъ?!..

Господь велитъ соблюдать чистоту нравовъ, поддерживать миръ, любовь и даже, по-возможности, жертвовать собою для ближняго [6]). А мы что дѣлаемъ?... А мы ненавидимъ другъ

[5]) Т. е. до поступковъ, напоминающихъ французск. революцію 1793 г. (1789—1799 г.).

[6]) Еванг. Іоан. 15. глав. 12 и 13.

друга. Живемъ одною земною жизнію, какъ будто въ насъ нѣтъ и искры Божества...

Господи, Господи, помилуй насъ грѣшныхъ! Просвѣти наши мысли и очисти чувства! Много, много злоупотребленій вездѣ, во всѣхъ состояніяхъ; куда ни оглянись, вездѣ эгоизмъ, или корыстолюбіе, или зависть, злоба или развратъ,— даже страшно становится...

Не я поставлена судьею, разумѣется; но больно за бѣдныхъ слѣпцовъ, больно за милую Русь...

А, между тѣмъ, какъ прекрасна наша религія! Какая святая основа ея! «*Любите другъ друга*» — вотъ и все. Въ этомъ вся прелесть, вся святость, все блаженство жизни на землѣ!..

Дѣти въ спальнѣ передъ уходомъ въ баню. Грустная обязанность воспитательницы быть «пугаломъ» для дѣтей. Непріятности, вчерашній вечеръ у Гартонгъ и пріѣздъ на вечеръ витебскаго губернатора; его отношеніе къ намъ. Успѣхъ Нюты на вечерѣ. Стихи офицера С. А. Хрулева.

30 марта. Дѣти собираются въ баню—стало-быть остались въ спальнѣ. [1]) Шумятъ, жужжатъ, какъ пчелы, и разсѣялись группами на всемъ протяженіи огромной залы. Однѣ пишутъ, другія работаютъ; тамъ, усѣвшись дружной толпой, болтаютъ, не вѣсть о чемъ и хохочатъ, заливаясь дѣтскимъ смѣхомъ чудной, невозвратимой молодости. Есть между ними и такія, которыя учатся, но подобныхъ «труженицъ», къ счастію, въ моемъ дортуарѣ немного. Впрочемъ, и изъ способныхъ, здѣсь, какъ и въ свѣтѣ, немногія любятъ изнурять себя трудомъ...

[1]) Т. е., вѣроятно, провести время, употребляемое на утренній туалетъ, излишній предъ баней или, отъ боязни простуды, не выходили даже въ классы. (?)

Я сижу въ своей комнатѣ. Двери отворены настежь, и въ глазахъ—весь рой неугомонныхъ пчелъ. Если кто слишкомъ голосъ возвыситъ—уйму; иногда бросаю перо и отправляюсь въ спальню, чтобы взглянуть прямо въ лицо крикуньямъ и испугать своимъ появленіемъ.—Грустное «*ремесло*» служить «*пугаломъ*».

Охъ, служба...

Впрочемъ, многія дѣти любятъ меня: счастливы, когда я говорю съ ними или позволю сидѣть около себя...

Сегодня мнѣ весело; а весело оттого, что вчера пріятно провела вечеръ у Гартонгъ. [2])

Не знаю, отчего одни и тѣ же лица, одинъ и тотъ же домъ бываютъ иногда милы, а иногда очень скучны. Вчера, напр., все общество состояло изъ Марьи Андреевны, Додо съ мужемъ, Николая Гартонгъ съ женою, Аннетъ и меня.

Къ 8-ми часамъ еще пріѣхалъ губернаторъ изъ Витебска. Прибывъ назадъ тому два дня изъ Орла, гдѣ онъ исправлялъ должность вице-губернатора и, будучи у Гартонгъ, онъ разспрашивалъ много насъ. Ему сказали, когда мы обѣщались пріѣхать и онъ вчера явился; весьма пріятный человѣкъ. Намъ было весело. Теперь же нѣтъ больше и слѣда недавняго веселаго расположенія...

Позвала къ себѣ начальница, передала письмо родственницы одной изъ моихъ воспитанницъ; письмо грубое и непріятное—я разсердилась, и все пропало... Вчера я немного забылась, а сегодня снова предъ глазами нагая дѣйствительность со всѣми мелочами, дрязгами и съ доказательствомъ, что всѣ труды мои могутъ быть напрасны...

А вчера у меня просвѣтлѣло лицо, заблистали глаза, я чувствовала, что вдругъ помолодѣла, и, возвратившись домой, съ удовольствіемъ полюбовалась въ зеркалѣ на свое оживленное, веселое лицо. Но не надолго же была улыбка на моихъ устахъ.

[2]) См. зап. 1847 г. 23 іюня, пр. 2.

Я было вчера чуть не возгордилась. Мысль о достоинствахъ Нюты и моихъ отуманили голову! Мы много вчера о нихъ слышали. Начала я писать подъ вліяніемъ этого самодовольства; и вотъ, чтобы истребить духъ «гордости» въ самомъ началѣ, явилось еще и письмо моей воспитанницы, съ грубыми ошибками во франц. языкѣ. Письмо и начальница посланы Господомъ.

И вотъ я снова жалкое, ничтожное существо—бѣдная классная дама, которой всѣ могутъ наговорить даже незаслуженныхъ дерзостей...

А вчера еще я думала: стало же быть въ насъ есть что-нибудь привлекательное:—умные люди ищутъ нашего общества, всѣ знакомые говорятъ пріятное и видимо дорожатъ нами?

Все это только кажется моему больному самолюбію: кому есть нужда въ насъ?

Нѣтъ, нѣтъ. Не кажется это!..

Нюта, все же и теперь хороша и очень мила: Т. [3]) вчера глазъ съ нея не сводилъ, а Г. и Кар. признавался, что она можетъ вскружить голову любому мужчинѣ, да еще какъ вскружить...

Одна только она не знаетъ своей красоты и не вѣритъ своему могуществу,—скромничаетъ; а мужчины всѣ бы у ногъ ея были, это я сама вижу... Когда-то одинъ артиллеристъ-поэтъ, С. А. Хрулевъ, описалъ ее прекрасно и съ удивительною вѣрностью:

«Вы хороши гебеновымъ вѣнцомъ [4])
Роскошныхъ волнъ, короною воздушной
На дѣвственной головкѣ непослушно
Раскинутыхъ съ небрежнымъ торжествомъ.

---

[3]) Тильчеевъ.
[4]) Модная тогда прическа.

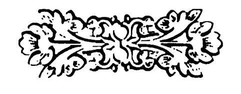
Вы хороши скульптурнымъ выраженьемъ,
Изяществомъ летучихъ вашихъ позъ.
Не вѣришь вамъ—вы кажетесь видѣньемъ,
Обманчивой сестрой волшебныхъ грезъ...
Вы хороши коварнымъ лепетаньемъ,
Allegro-звукъ,—вашъ чистый голосокъ:
Вы кончите, но пьешь еще вниманьемъ
Сереброзвучный вашей рѣчи тонъ.
Вы хороши причудливостью милой
Прищуренныхъ агатовыхъ очей;
Игрою ихъ, то рѣзвой, то унылой,
И чернотой монгольскихъ ихъ лучей.
Вы хороши улыбкой гордой губокъ,
Порхающей на чудной бѣлизнѣ зубахъ.
Уста любви! васъ *опытности кубокъ*
Да не коснетъ съ отравой на губахъ!»

С. Хрулевъ.

Богъ знаетъ, гдѣ этотъ поэтъ теперь? Онъ совершенно пропалъ изъ виду. Можетъ-быть, убитъ въ венгерской войнѣ; можетъ-быть, умеръ своею смертью? а можетъ-быть гдѣ-нибудь живетъ «чистою прозою» [5]). Мы знавали его въ Саратовѣ и съ удовольствіемъ видѣли у себя въ домѣ.

Много, много лѣтъ съ тѣхъ поръ промчалось:

«И сколькихъ ужъ нѣтъ въ живыхъ,
Тогда,—веселыхъ, молодыхъ!..» [6]).



[5]) С. А. Хрулевъ былъ заслуженный генералъ, герой севостопольск. войны. Съ него. вѣроятно, снялъ Лѣсковъ типъ генер. Перлова.

[6]) Вѣроятно изъ стиховъ Ив. Козлова. (?)

Бенедиктовъ и его поэзія. Нашъ кружокъ. Лѣченіе электричествомъ.

25 апрѣля. Вчера провели вечеръ у Баумгартенъ. [1]) Бенедиктовъ [2]) читалъ очень много изъ неизданныхъ своихъ стихотвореній.

Вл. Гр. Бенедиктовъ.

Поэзія его принимаетъ теперь истинное направленіе: обиліе мыслей, прямой взглядъ на жизнь, горячее чувство, освобождается отъ гиперболы; картинность изображеній, свѣтлый, творческій умъ и звучность стиха — все это ставитъ его на

[1]) Баумгартенъ, Ап. Карл., зять Мар. Андр. Гартонгъ,—мужъ Додо, офицеръ. См. зап. 1847 г. 23 іюня, пр. 2. Жили они у Исаакіевскаго собора въ д. Лабанова, гдѣ теперь канцелярія военнаго министерства. «Додо», подруга по Смольному Варвары и Анны Петровны, вып. 1836 г.

[2]) См. 1847 г. 12 мар., пр. 2; 1851 г. 23 сент.; 1853 г. 16 мар., пр. 1.

ряду съ нашими *поэтами.* «Человѣкъ», «Молчи», «Три владычества Рима», «Переходъ» — безподобно написаны; они дышатъ высокою поэзіею; «Звѣздочка» — мила, граціозна; «Ліаны» — хороши. «Фарисъ» Мицкевича переведенъ имъ прекрасно, но «Бахусъ», написанный на извѣстную картину того же имени, и «Два клада» — вздоръ; хотя, впрочемъ, все общество пришло отъ нихъ въ восторгъ,—но это не въ моемъ вкусѣ. Подобныхъ картинъ не люблю ни въ живописи, ни въ поэзіи.

Люблю я эти вечера, проводимые въ тѣсномъ кругу умныхъ людей, подъ звуки оживленныхъ стиховъ Бенедиктова!

Ап. Карловичъ, Додо, Annette, Марья Андреевна и я, всѣ его слушаемъ съ напряженнымъ вниманіемъ, громко изъявляя одобреніе или негодованіе. Вчера, при чтеніи «Двухъ кладовъ», я нѣсколько разъ, среди хохота, повторяла: *какой вздоръ!* забывъ, что самъ самолюбивый творецъ вздора здѣсь на лицо!.. Но зато съ какимъ наслажденіемъ вскрикивала я часто, слушая другія стихотворенія: «хорошо, очень хорошо, прекрасно, превосходно!» Все это слетаетъ съ языка, почти безъ сознанія, и Владиміръ Григорьевичъ какъ-то не разсердился за «вздоръ».

Онъ очень добръ; правда, не хорошъ собою и даже некрасивъ, но разговоръ его увлекателенъ; подчасъ онъ восторженъ, мечтателенъ, но всегда уменъ.

Жаль, что въ нашемъ кружкѣ не достаетъ Саши [3]); пересталъ бывать у Барокко [4]); онъ снова женился, забывъ покойницу, на двоюродной сестрѣ Саши.

У меня распухли десны, по милости электрическаго тока; на всѣхъ онъ дѣйствуетъ разно: у кого холодѣютъ руки и ноги, у кого болитъ грудь, захватываетъ дыханіе, у другихъ является головная боль, содроганіе жилъ, трясеніе рукъ

[3]) См. зап. 1846 г. 12 сент.; 1850 г. 16 іюля и 1851 г. 23 сент.
[4]) См. 1847 г. 23 іюня, пр. 2.

1854 г.

Прибытіе англійскаго флота въ Черное море. Солдаты и офицеры. О Бонапартѣ и войнѣ. О поэзіи, прославляющей войну и ея героевъ. О разсудкѣ женщинъ. Примѣры неправильныхъ понятій у мужчинъ. Взаимныя отношенія людей.

5 Января. Не съ радостью встрѣтили въ Петербургѣ «Новый годъ»: наканунѣ пришло извѣстіе, что англійскій флотъ вошелъ въ Черное море, направляясь къ Одессѣ и Севастополю.

Непріятное извѣстіе, предсказывающее долгую, кровопролитную, а можетъ-быть, и европейскую войну!

Снова всѣ народы противъ насъ. Снова, можетъ - быть, придется отстаивать грудью родную землю...

Бѣдные военные! Особенно бѣдные солдатики! Офицеры — тѣ имѣютъ, по крайней мѣрѣ, въ виду чины, отличія, думаютъ: «или панъ, или пропалъ»! Не всякаго же пуля убиваетъ; можно вернуться какому-нибудь поручику и полковникомъ, а при особенномъ счастьѣ — генераломъ! Такихъ примѣровъ много бывало.

Все это можетъ поощрять «*жалкое честолюбіе*» мужчинъ: они купятъ чины и отличія кровью близкихъ братьевъ, ограбленіемъ чужихъ имуществъ, опустошеніемъ странъ.

. . . .

— Не то — солдатъ [1]). По одному слову владыкъ земныхъ они идутъ въ далекія страны, переносятъ жаръ, холодъ, голодъ, жажду, усталость для того, чтобы положить кости на чужой сторонѣ...

Сколько тысячъ французовъ улеглось въ Россіи! Но этотъ *грѣхъ* лежитъ не на насъ, защищавшихъ свою родину, а на Бонопартѣ [2]), жертвовавшемъ жизнью милліоновъ людей для своего ненасытнаго честолюбія.

О, я *ненавижу* войну! — Мнѣ жаль крови человѣческой, и не могу я предаваться радости даже при слухѣ о «нашихъ» побѣдахъ. Всѣ онѣ дорого достаются самимъ побѣдителямъ, но каково же побѣжденнымъ!?..

Моя молитва ко Господу, самая пламенная, о мирѣ душевномъ и «*о мирѣ мірови*».

Не понимаю прелести умерщвлять другъ друга?

Пускай поэты воспѣваютъ военныхъ героевъ, но мнѣ кажется, что этимъ они оскверняютъ поэзію.

Прославляя удальство, черствое чувство, ожесточеніе полководцевъ до звѣрства, — они низводятъ ихъ до степени озвѣрѣлаго животнаго: левъ тоже храбръ, силенъ, отваженъ, и особенно когда разъяренъ.

Но можетъ ли быть что-нибудь унизительнѣе для человѣка, созданнаго по образу и подобію Божію, какъ сравненіе его съ безсловесною тварью?... На то-ли призванъ онъ на землю и названъ вѣнцомъ творенія?.. . . . .

[1]) Мысль въ основѣ невѣрна: отъ солдата тоже не отнята возможность отличиться и выслужиться. Есть и въ наше время генералы изъ простыхъ солдатъ, а въ прежнее время ихъ было несравненно больше. Недаромъ же составилась поговорка: «плохой солдатъ, — не желающій быть генераломъ».

[2]) Наполеонѣ I-мъ, императорѣ французовъ, основателѣ династіи Бонапартовъ (род. 1769 г., † 1821.).

[3]) Какъ-бы и она порадовалась, прочитавъ *великій* призывъ Государя Императора Николая Александровича всѣхъ правительствъ къ мирународовъ, обнародованный 12 Августа 1898 года!

Грустно, грустно и грустно!..

Странно, что такія простыя мысли не приходятъ въ голову высокопоставленныхъ; или же у насъ, у женщинъ, яснѣе говоритъ разсудокъ? [4]) За ручною работою, когда голова остается спокойной, мы болѣе, быть-можетъ, привыкаемъ правильно мыслить, разсматривая, разбирая и обсуждая предметы просто, безъ честолюбивыхъ соображеній?

Какъ бы то ни было, но женщины часто и во многихъ случаяхъ видятъ свѣтлѣе и думаютъ правильнѣе мужчинъ. На насъ не имѣютъ вліянія ложное понятіе о чести, о чинахъ, орденахъ и т. п. соображенія. Мы говоримъ: безчестно брать въ долгъ и не платить. Для насъ это *прямое воровство*; а на языкѣ военныхъ это «удальство и молодечество». Мы считаемъ безчестнымъ завлекать дѣвушку, а тѣмъ болѣе замужнюю женщину. Безчестно вносить раздоръ въ семейство, губить доброе имя чужой жены; а для мужчинъ это — «*слава*»: они сами первые трубятъ о подобныхъ побѣдахъ!..

Гдѣ же имъ понять, послѣ этого, что снести обиду безъ отмщенія — «*великая добродѣтель!*»

Какъ же имъ растолковать, что даже за свою обиду проливать кровь ближняго — «*страшный грѣхъ!*»

Жалкіе, жалкіе люди!..

Господи, просвѣти ихъ умы!

Странно, что духовенство не учитъ и не проповѣдуетъ христіанскаго мира; вѣдь это чисто евангельское ученіе, которое должно быть въ корнѣ нашихъ поступковъ... А между тѣмъ, дерутся люди, льется кровь, и долго еще будетъ такъ...

. . . .

— У мужчинъ даже и въ мирное время творится много дурного, несправедливаго, возмутительнаго.

Знаю я одну красивую особу [5]), бросавшуюся въ глаза свѣжестью лица и гордой осанкой.

[4]) Сердце.

[5]) Лер., по мужу А.

Много кружилось около нея мотыльковъ и обжигало крылья. Она смѣялась, шутила; тѣмъ и кончались всѣ ухаживанія.

Но между ея поклонниками вдругъ явился одинъ понастойчивѣе другихъ, простой, бѣдный артистъ-скрипачъ.

Они играли вмѣстѣ, пѣли вмѣстѣ и какъ-то, вѣроятно посредствомъ *музыки*, влюбились другъ въ друга безъ памяти...

Она вывела его въ люди...

Онъ же, ухаживавшій въ продолженіе двухъ лѣтъ, испрашивавшій, *какъ милости*, ея ласковаго взгляда да привѣтливаго слова, теперь и не смотритъ на нее и ей же «*совѣтуетъ успокоиться*!»

Бѣдная N иногда, какъ безумная. Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится?.. Но въ одинъ годъ пропала ея свѣжесть и румянецъ щекъ, погасъ огонь очей, и нѣтъ въ ней жизни, одно лишь томленіе и... желаніе смерти...

Этотъ случай происходилъ въ *Смольномъ*.

Теперь загляните въ свѣтъ, перенеситесь въ роскошный будуаръ и присмотритесь вы къ этимъ двумъ женщинамъ одна — блондинка, другая — брюнетка [6]).

Обѣ хороши. У обѣихъ добрые мужья, но... каждая изъ нихъ занята другимъ.

Блондинка страстно влюблена въ Т.... и уже хлопотала о разводѣ съ мужемъ.

Мужъ брюнетки дерется съ турками, отрядъ его въ большой опасности...

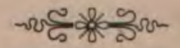
Но не о немъ, не о мужѣ туманятся слезой ея голубые глаза... Она думаетъ о V., застрѣлившемся недѣли три назадъ.

Впрочемъ, она большая кокетка, и ее мнѣ не жаль. Но за блондинку душа болитъ: добрая, умная, благородная жен-

---

щина; мужъ тоже съ большимъ умомъ и образованіемъ, съ прекрасною душою и очень, очень ее любитъ. Они были совершенно счастливы цѣлые три года, и вотъ, явился плѣнительный мужчина, вторгся въ домъ, льстилъ, притворялся влюбленнымъ и достигъ своей цѣли...

Жаль видѣть мужа! Но и ей не легче... Потомъ.., но звонятъ: 8 часовъ; дѣти собираются къ ужину; нужно бѣжать за столъ; потомъ, вѣроятно, не будетъ конца моимъ подобнымъ разсказамъ.



О Севастопольской войнѣ. О людяхъ, призывающихъ милосердаго Бога мстить врагамъ. Любовь къ Россіи. Русская простота, сила и великодушіе. Недостатокъ въ Россіи практическихъ знаній. Сельское хозяйство и промышленность. Ограниченность человѣчества.

16 января. Не умирать ли собираюсь я, что такъ часто и много пишу? Вотъ, напр., сегодня я дежурю во 2-мъ отдѣленіи *городского* класса. Учителя въ классѣ нѣтъ, дѣти на свободѣ разбрелись въ разныя стороны; нѣкоторыя остались въ классѣ и смирно работаютъ. Почти не слышно ничьего голоса. И тишина вызвала во мнѣ желаніе писать?—Что за странность?..

Но это, вѣроятно, помѣшалась я отъ страха, которымъ охвачены всѣ головы, съ умомъ и безъ ума.

Бѣднымъ русскимъ предстоитъ тяжкій бой. Со всѣхъ сторонъ грозятъ намъ народы: съ сѣвера, запада, востока и юга—отовсюду готовится натискъ.

Кому поможетъ Господь? Кто восторжествуетъ? Но всѣмъ будетъ много хлопотъ и урона...

А убитые все-жъ будутъ христіане?!.

Боже мой, на Тебя же ссылаются люди.—Говорятъ, что Ты самъ же покровительствуешь военной брани! Твое Свя-

тое Имя призываютъ на отмщеніе врагамъ! Тебя, Милосердаго, Который заповѣдуетъ даже враговъ любить, умоляютъ спалить молніей, попрать и погубить! Умоляютъ предъ совершеніемъ даже безкровной жертвы?!. Не понимаю! И это христіане!.. Чѣмъ же они разнятся отъ язычниковъ и отъ евреевъ?—не то же ли и они дѣлаютъ?..

Нѣтъ, вѣрно люди ничему не вѣруютъ, или слово Божіе понимаютъ не такъ, какъ понимаю я [1]). По моему, это звѣрство, порочно...

И что-то готовится моей возлюбленной Россіи?

Люблю я ее не за обширность и не за молодеческую отвагу народа, но люблю за *простоту* ея сердечную, люблю за *порывы рѣдкаго великодушія* и *самоотверженія*, проявляющіеся въ народѣ при великихъ событіяхъ, когда гибель угрожаетъ святой отчизнѣ.

Люблю ее во время битвъ съ татарами, съ поляками, съ французами, со врагами и опустошителями Россіи.

Битва подъ Кіевомъ, подъ Казанью [2]), на Куликовскомъ полѣ [3]), гдѣ улеглось такъ много костей богатырей русскихъ, павшихъ за независимость Отечества,—славны въ исторіи всего человѣчества.

Пожертвованіе имуществъ всего народа по зову простого гражданина Минина, добровольное собраніе войска подъ начальствомъ Пожарскаго [4]) для отраженія поляковъ,—это такія высокія проявленія русскаго чувства, какими врядъ ли могутъ гордиться другіе народы.

Спустя два столѣтія, народъ все тотъ же: Москву, любимую, бѣлокаменную, родную Москву зажгли сами русскіе же, чтобы она не досталась непріятелю [5]). На француза

---

[1]) Да. Въ этомъ все и дѣло.

[2]) Взятіе Казани (?) 1552 г. или, вѣроятно, подъ «Рязанью» (?). въ 1237 г. Нашествіе Батыя. Мѣсто въ черновикѣ оч. попорчено.

[3]) Въ 1380 году.

[4]) Въ 1611 г. и особенно 21 февр. 1613 г.

[5]) Въ 1812 году.

возстали всѣ: и старый, и малый, и даже женщины. Жертвовали всѣ, кто что могъ: имѣніе, жизнь, счастіе — все отдавалось!..

О, какъ не любить эту свою чудную, славную Матушку!..

Далеко она разстилается. Моря да океаны служатъ ей границею. Какихъ сокровищъ не кроется въ нѣдрахъ ея!

Были бы руки, да было бы желаніе трудиться — у насъ довольство проникло бы во всѣ классы общества! Стоило бы заняться только хорошенько «*сельскимъ хозяйствомъ*», и сразу сколько благъ почерпнули бы русскіе.

Но нѣтъ у насъ покамѣстъ свѣтлыхъ практическихъ умовъ и дѣятелей, могущихъ усовершенствовать эту благодѣтельную отрасль промышленности—этотъ источникъ мира, благородства, любви и благосостоянія русскихъ.

Со временемъ, быть-можетъ, займутся люди «*дѣломъ*», перестанутъ драться, грабить и убивать и высасывать соки другъ друга.

Образумятся, можетъ-быть, вникнувъ въ святое ученіе Христа...

Но когда еще это будетъ?..

А между тѣмъ сколько еще разъ обагрится земля человѣческой кровью?..

Бѣдные люди! Бѣдна и жизнь ваша на землѣ! О, если бы не надежды на блаженство въ вѣчности, не стоило бы и родиться на свѣтъ! Здѣсь все горе и горе. Не многимъ улыбается жизнь. Большинство же людей только и знаетъ достать добычу сегодня, чтобы хватило ея на завтра, и такъ въ продолженіи всей своей жизни, не углубляясь, не «подымаяся выспрь» [6]).

[6]) Вѣроятно желала сказать: «не подымая себя вверхъ», т. е. не стремясь къ высшимъ, христіанскимъ идеаламъ (?).

На урокѣ танцевъ у «бѣлыхъ». Размышленіе о дурнушкахъ.

12 февраля. Большое зало. Урокъ танцевъ. Есть прехорошенькія между «бѣлыми», но много и дурнушекъ. Не хорошенькими я любуясь, а съ грустью смотрю на дурныхъ.

Вся жизнь испорчена за то, что «*природа случайно надѣлила ихъ неправильными чертами лица и дурнымъ его цвѣтомъ*».

А чѣмъ онѣ виноваты, бѣдняжки?..

Между ними есть добрыя, кроткія, со свѣтленькими головками, съ живымъ воображеніемъ, — и все это будетъ подавлено при столкновеніи съ «свѣтомъ».

Вотъ и «*равенство человѣка въ естественномъ состояніи*»! [1]).

А безумцы добиваются какой-то идеальной республики, въ которой всѣ были бы равны?

Одинаково-ль вы, толкующіе о равенствѣ, относитесь къ хорошенькимъ и дурнушкамъ? Посмотрѣла бы на васъ!.. Или отвѣтьте объ этомъ себѣ, если не заглохла въ васъ совѣсть.

Трудъ классныхъ дамъ; «бѣлыя» и служба женщинъ. Приближеніе къ Кронштадту англичанъ. Война и христіанство. Разорительность войнъ. Укрѣпленіе Петербурга. Непиръ и Государь. Ненависть къ англичанамъ. Боязнь за Смольный. Поводъ къ войнѣ. Увлеченіе политикой. Начало войны. Отсутствіе солидарности у христіанъ—европейцевъ. Дѣйствительная причина войны. Захватъ чужихъ земель. Наши права на владѣніе Польшей. Настроеніе петербургскаго общества и военныхъ.

23 марта. Послѣ завтра будетъ ровно мѣсяцъ, какъ цѣлый рядъ «смолянокъ» вылетѣлъ изъ стѣнъ Монастыря и, наконецъ, далъ свободно вздохнуть, хоть на нѣсколько времени, бѣднымъ класснымъ дамамъ.

Коридоры, въ которыхъ бродили толпами праздныя «выпускныя», наводившія своимъ шумомъ, крикомъ и вознею ужасъ на мое пугливое воображеніе и натянутые нервы, — теперь полны чудной тишины: въ нихъ можно свободно про-

[1]) Изъ Бокля.

таживаться съ одного конца въ другой, не боясь встрѣтить говорящихъ про васъ, праздно снующихъ «бѣлыхъ» и чувствующихъ себя на ровной ногѣ съ классными дамами.

И вообще близость выпускного класса—«бичъ классныхъ дамъ». Страшно вспомнить, черезъ что прошли мы, сколько претерпѣли униженія! Сколько испорчено крови и сколько новыхъ преждевременныхъ морщинъ появилось у насъ.

Тяжело вообще бѣдному человѣку добывать трудомъ пропитаніе, но еще тяжелѣе—бѣдной женщинѣ...

Личное достоинство для нея не должно существовать: всякій можетъ обижать ее, сколько хочетъ, а ей и защищаться нечѣмъ. Мы, служащія женщины, такъ мало избалованы судьбою, что и тогда говоримъ низкое «спасибо», когда люди только-что *«не грубы»* съ нами! Когда начальствующіе обойдутся невѣжливо, даже дерзко, когда заставятъ цѣлый часъ простоять предъ собою,—не смѣй обижаться: ты служишь «ради куска хлѣба», а съ *«бѣдной женщиной»* по другому и не обходятся...

Въ первое время моей службы вся кровь моя бросалась мнѣ въ голову при подобныхъ выходкахъ, теперь же нужда и горе пріучили переносить униженія; порой лишь сожмется сердце; а большею частью смиренно стою предъ начальствомъ и жду, когда отпустятъ или пригласятъ сѣсть. А мы съ нею двѣ женщины, равныя и рожденіемъ и воспитаніемъ...

Худо, худо на свѣтѣ безъ средствъ!..

Но, слава Богу, теперь я на нѣсколько мѣсяцевъ свободна и отдыхаю!..

Насладилась бы я совершенно своимъ отдыхомъ, если бы не противные англичане и французы. Флотъ ихъ уже у береговъ Даніи, а въ апрѣлѣ придетъ къ Кронштадту.

Англичане, словно разбойники, прогуливаются по морямъ да прибираютъ къ рукамъ, что могутъ. Разумѣется, по всему вѣроятію, мы не отдадимъ Петербурга; но нельзя ручаться, что его не сожгутъ эти «дикіе» люди.

Вотъ оно просвѣщеніе XIX вѣка! Грустно подумать, что готовы уничтожить нашъ городъ—красу Россіи, центръ ея управленія и просвѣщенія!

Да и кто же идетъ? Шествуютъ «христіане», выступаютъ на такихъ же христіанъ, въ походъ, съ молитвами, какъ будто бы на какое благочестивое дѣло! Не насмѣшка ли это надъ христіанской религіей и даже надъ самимъ Божествомъ. Или полное непониманіе повелѣній Христа? Рѣжутъ другъ друга и на то просятъ помощи Божьей!..

Господи, помилуй насъ грѣшныхъ и защити бѣдную Россію!

Мы-то чѣмъ, слабыя, виноваты? Нѣкоторыя недоразумѣнія между высшими міра—и народы гибнутъ тысячами,—страны опустошаются, города выжигаютъ; промышленность, земледѣліе и торговля приходятъ въ упадокъ, и изсякаютъ источники благоденствія; сироты бѣдствуютъ. За что же?..

Боже мой, за что же?.. Что намъ до англичанъ, до французовъ, до турокъ? За что они идутъ къ намъ и несутъ смерть, разореніе и несчастіе въ нашу дорогую Россію?..

Говорятъ,—англичане цѣлый адъ везутъ съ собой; самыя разрушительныя смертоносныя изобрѣтенія пустятъ въ ходъ.

Безсовѣстные! Хотя бы грудь противъ груди выступали драться—то было бы честнѣе и человѣчнѣе, по крайней мѣрѣ...

Петербургъ укрѣпляютъ со всѣхъ сторонъ. На всѣхъ островахъ сооружены батареи; войско на готовѣ. «Ждемъ дорогихъ гостей»...

Когда Г о с у д а р ь [2]) осмотрѣлъ укрѣпленія Кронштадта, Онъ снялъ каску, перекрестился и сказалъ: *«ну, теперь милости просимъ, дорогіе гости!»*.

Разнесся слухъ, что Непиръ [2]) собирается завтракать въ Кронштадтѣ, а обѣдать въ Зимнемъ дворцѣ.

[2]) И м п е р а т о р ъ Н и к о л а й I.

[3]) Непиръ—британскій адмиралъ, начальствовавшій въ 1854 г. надъ флотомъ въ Балтійск. морѣ. Блокировалъ рус. берега и порта, причиняя вредъ мирнымъ поселянамъ. См. зап. 1856 г. 19 іюля. вечеръ.

Императоръ на это отвѣтилъ: «Позавтракаетъ, — можетъ быть, а обѣдать ужъ *совсѣмъ* не будетъ!»

Еще спрашивали Государя, сколько у него войска.

«*У меня войска милліонъ, прикажу—будетъ два, а попрошу дворянство—и будетъ три!*»...

Какое могущество Русскаго *Царя*!..

«Прикажу—милліонъ, попрошу—милліонъ»!..

Какая преданность Царю, и что за чудный и сильный *этой преданностью* русскій народъ!..

Со всѣхъ сторонъ несутъ пожертвованія: дворянство, купечество, даже духовенство даетъ деньги! Простой народъ—собственную жизнь несетъ на алтарь Отечества за матушку Русь, за святую вѣру да за Бѣлаго Царя.

Но и такой то чудный народъ можно ожесточить до крайности предѣловъ. Кто жъ тогда будетъ отвѣчать за послѣдствія!

Если образованные англичане и французы, подъ предлогомъ мира и просвѣщенія, идутъ разбойничать къ намъ, чего же ждать отъ «варваровъ русскихъ» [1]), когда дѣло дошло до защиты родной ихъ страны?..

Ратники говорятъ: «пусть Государь управляется съ флотомъ, а со здѣшними мы и сами управимся».

«Здѣшніе», по моему, англичане и французы, живущіе въ С.-Петербургѣ, которые ѣдятъ русскій хлѣбъ, обираютъ русскіе карманы и смѣются надъ нами же, клевещутъ на насъ: за наше гостепріимство и «*за хлѣбъ за соль*» насъ же обкрадывать идутъ. И это называютъ «*политикой*»...

Кажется, я готова сама ихъ бить: я,—самое миролюбивое существо! Что же должны чувствовать мужчины?..

Бѣдные военные! Сколько васъ будетъ побито...

Впрочемъ, какъ знать, что съ нами станется?..

Если англичане разойдутся по Петербургу да зажгутъ его со всѣхъ сторонъ, едва ли и нашъ Смольный уцѣлѣетъ. Тогда спасайся, кто какъ можетъ...

---

[1]) Излюбленный эпитетъ иностранцевъ русскимъ.

Вотъ времена: Петербургъ въ опасности!—Видишь, слушаешь и не вѣришь...

Да будетъ воля Божія надъ нами!

Наши войска перешли въ трехъ мѣстахъ черезъ Дунай и взяли крѣпости: Мачинъ, Асакчи и Тульчинъ [5]), безъ большого сопротивленія.

Вѣроятно, весь непріятельскій гарнизонъ ушелъ, чтобы соединиться съ главною арміею [6]).

Чѣмъ-то все это кончится? Затѣяли кровопролитную войну изъ-за бездѣлицы. Смѣшно сказать,—какой-то пустой предлогъ послужилъ поводомъ къ всеобщей европейской войнѣ.

Разумѣется, пострадаетъ Россія, но дастъ и себя почувствовать непрошеннымъ гостямъ.

Съ англичанами мы встрѣчаемся еще впервые. Они — «сильны на морѣ», но и мы за то на сушѣ за себя постоять сумѣемъ!

Противные англичане!

Нынче не только мужчины, но и женщины и даже дѣти — всѣ читаютъ политическіе журналы. Мы съ Аннетъ углубились въ политику; читаемъ «Indépendance Belge». «Journal de Francfort» и сердимся не на шутку. Разсуждаемъ о преніяхъ въ палатѣ пэровъ, бранимъ Пальмерстона [7]), Джона Росселя [8]) и другихъ политическихъ негодяевъ; полюбили Дизраэли [9]), графа Грей [10]) и еще нѣкоторыхъ другихъ,

---

[5]) На р. Дунаѣ, недалеко отъ гирла (исакча), въ теперешней Румыніи.

[6]) Для того, чтобы завлечь наши войска внутрь страны.

[7]) Пальмерстонъ—лордъ. Знамен. англійскій госуд. дѣятель. Политика его сводилась къ поддержкѣ за границею либеральныхъ теченій, что и возмущало В. Петровну.

[8]) Джонъ Россель (Russel)—англ. госуд. дѣятель. Министръ внутр. и вн. иностран. дѣлъ,—представит. Англіи на вѣнской конферен. (род. 1794 г., † 1878 г.).

[9]) Дизраэли (Исаакъ, 1766 — 1848 г.)—англійск. литераторъ, отецъ лор. Биконсфильда.

[10]) Грей (Чарльзъ),—государ. дѣят. (1764—1845 г.), выдающійся ораторъ и приверженецъ идей политической свободы. (Ефр. и Брокг.).

которые здраво говорятъ и находятъ эту войну самою безсмысленною и совершенно противною духу христіанъ.

Въ самомъ дѣлѣ: турки утѣсняютъ и гонятъ православныхъ христіанъ. Нашъ Царь требовалъ вмѣшательства христіанскихъ державъ для защиты угнетаемыхъ христіанъ одного съ нами вѣроисповѣданія; а *французы и англичане* явились съ флотомъ въ Дарданеллы, помогать туркамъ! Государь тогда двинулъ войска къ Дунаю и,—начались стычки.

Турки задѣли, мы отвѣчали, посторонніе вмѣшались,—вотъ и загорѣлся сыръ-боръ. И тутъ можно было бы какъ-нибудь дѣло уладить, если бъ французы и англичане не направили главный флотъ свой въ Черное море, а остальной въ Балтику съ угрожающей нотой Россіи: «очистить отъ войскъ къ апрѣлю 30-му всѣ Дунайскія княжества!» Этимъ задѣли они русскую честь, и имъ отвѣчали: «*пожалуйте*».

Тяжело видѣть, что христіане же,—«какъ-будто бы друзья турокъ», душатъ противъ нихъ возстаніе и бунтуютъ Польшу противъ Россіи, христіанской же страны!..

По-моему, нѣтъ ничего безсовѣстнѣе дипломатовъ и, вообще, внѣшней вражеской политики. Для ея цѣлей всѣ средства считаются позволительными и, для прикрытія отвратительной наготы безчестныхъ ея поступковъ, играютъ святыми словами: «вѣра», «состраданіе къ слабому», «поддержаніе» «равновѣсіе» и проч. и проч.

Наполеонъ открыто заявляетъ, что воюетъ «*за образованность*!» И такой проходимецъ сидитъ на престолѣ! Да еще выбранъ въ цари «цѣлымъ народомъ!..»

Хорошъ же народъ!.. Рѣшительно, французы упали въ моемъ мнѣніи съ тѣхъ поръ, какъ избрали своимъ императоромъ перваго «эгоиста, честолюбца и плута» въ Европѣ.

Спрашивается, за что же теперь будутъ драться народы?

Извѣстно всѣмъ, что турки—варвары, что они губятъ просвѣщеніе и что изъ прекрасной, классической и поэтической Греціи они сдѣлали развалину.

Бѣдные греки подъ игомъ четырехсотлѣтняго рабства у турокъ забыли прежнюю славу, прежнее образованіе и тянутъ, несчастные, тяжелую лямку беззащитнаго, покореннаго народа. Ихъ подкрѣпляютъ западные *«христіане»*, осмѣливающіеся говорить, что они ведутъ войну *«за образованіе, изъ состраданія къ слабому»* противъ варваровъ — русскихъ!..

Безсовѣстные!.. Вамъ завидно глядѣть на могущество Россіи. Вы и соединились всѣ вмѣстѣ, чувствуя, что порознь, отдѣльно, не въ силахъ устоять предъ русской могущественной грудью. Вамъ хочется истребить нашъ флотъ; сдѣлать намъ какъ можно болѣе вреда, чтобы потомъ прокричать, что сломили Колосса, что «отсѣкли когти тирану!..»

Пусть на одного льва накинется стая, — всего звѣря изранятъ да можетъ-быть и загрызутъ...

Что же мудренаго, если европейскіе народы соединенными силами разорятъ Россію?

Европейцы упрекаютъ насъ Польшею. А что же молчатъ о Пруссіи, объ Австріи?

Намъ, въ ихъ обвиненіяхъ, можетъ служить оправданіемъ вражда взаимная въ продолженіе многихъ вѣковъ. Было время, что намъ жутко, и очень жутко приходилось отъ поляковъ, когда они отняли у насъ земли до Днѣпра; припомните, когда сердце Россіи — Москва и колыбель русской земли — Кіевъ были въ ихъ владѣніи. Князья наши въ XI столѣтіи, прежде нашествія татаръ, княжили въ Галиціи, а поляки завладѣли землями до Днѣпра и сколькихъ замучили чудныхъ русскихъ людей [10])?..

Россія вынесла много горя по милости ссоръ княжескихъ. А этимъ пользовались татары, ляхи, литва, шведы, ливонцы, и всѣ распоряжались у насъ, какъ у себя дома.

[10]) См. сочиненія Помпея Н. Батюшкова: „Волынь“ (1888 г.), „Бѣлоруссія и Литва“ (1890 г.), „Подолія“ (1891 г.) и „Бессарабія“ (1892 г.) — въ нихъ прекрасно выясняются фактами подобныя мысли.

Мы терпѣли, терпѣли и закалялись тѣмъ временемъ, а наконецъ, не только принялись отвоевывать свое захваченное врагами, но и ихъ самихъ покорять.

Такъ сдѣлалъ бы всякій, почувствовавъ силу. Такъ составилась Франція. А объ Австріи, Пруссіи и говорить нечего...

Англичане прибрали къ рукамъ Ирландію, Гибралтаръ, Мальту; протягиваютъ жадныя руки къ Египту съ Суэзскимъ перешейкомъ, захватили Индію съ сотнею милліоновъ жителей, возмутительно грабятъ и притѣсняютъ индѣйцевъ. Всѣ могутъ брать и дѣлать что хотятъ безнаказанно, только русскіе, даже по праву, *ничего* не берите!

«Цо то бендзи!.. Цо то бендзи!..» [11]).

Однакоже, приготовляясь къ отраженію сильныхъ враговъ, жители Петербурга не унываютъ: безпрестанные пикники, концерты, танцовальные вечера тѣшатъ ихъ попрежнему.

Вѣтренное общество и безпечное племя!..

Моряки, военные—веседы и съ невозмутимой отвагой ждутъ англичанъ. О мирѣ и думать нечего!

Придется, вѣроятно, и намъ, смолянкамъ, слышать боевую пальбу, а, сохрани Богъ, можетъ быть и нюхать дымъ звѣрскаго пороха?..

Бурная погода. Злородство. Война и христіанство. Смерть Святогорца Серафима. Воспоминаніе о посѣщеніи имъ Смольнаго. Его внѣшность. Его споръ о постѣ и впечатлѣніе на насъ. Его автографъ.

26 марта. Нѣсколько дней сряду дуетъ сильный западный вѣтеръ—это съ моря несется буря. Однакоже я радуюсь, кажется первый разъ въ жизни, завываніямъ обычно ненавистнаго мнѣ вѣтра.

Теперь англійскій флотъ приближается къ Балтійскому морю. Онъ грозитъ разрушеніемъ, смертью, опустошеніемъ

[11]) См. Мицкевича.

приморскихъ береговъ Россіи. Онъ гибель несетъ мирнымъ, ничѣмъ неповиннымъ жителямъ... Пусть же самъ лучше гибнетъ въ волнахъ морскихъ!..

Дуй, вѣтеръ, дуй сильнѣй!!.. Мнѣ не страшны, мнѣ пріятны твои порывы и не наводятъ они теперь тоски на сердце. О вѣтеръ сильный, вѣтеръ мощный, разыграйся, расходись по морю, разрушь корабли, утопи смертоносныя орудія, погрузи ихъ на глубокое дно морское и лиши противныхъ, злыхъ англичанъ средствъ губить нашихъ русскихъ, тоже созданныхъ по подобію Божію!.. Людей же, омывши, выноси невредимо на берега,—пусть, покупавшись въ холодной водѣ, очнутся отъ военнаго бреда, опомнятся, обратятся къ Богу и протянутъ руку мира къ братьямъ, подобнымъ себѣ христіанамъ. Вѣтеръ милый, вѣтеръ желанный, истреби военные корабли, разсѣй канонерскія лодки, затопи гранаты, бомбы, пушки, порохъ, ружья, ракеты и всякій адскій снарядъ, придуманный дьявольскимъ навожденіемъ! Будь хоть ты помощникомъ христіанства, когда люди носятъ только пустое имя его...

Боже, неужели потерпишь Ты, чтобы и у насъ здѣсь, какъ всюду, англичане восторжествовали? Вѣдь Ты видишь, для чего они идутъ на Россію? Турція—пустой предлогъ. Зависть руководитъ ихъ дѣйствіями. Страхъ «*передъ могуществомъ*» Россіи, ненависть, злоба—вотъ причины ихъ остервенѣнія. «*Не допускай, Господи, христіанамъ умерщвлять христіанъ*». У нихъ молятся и у насъ молятся [1]) о побѣдѣ!.. Что же это—комедія, что-ли?

Но есть очень многіе, которые молятся и о мирѣ.

Господи, услыши ихъ и внуши правителямъ желаніе мира—источника благоденствія для народовъ.

Англичане уже объявили войну.

Я не читала еще этого объявленія и не знаю, какую ложь

[1]) Прежде всего: „*о мирѣ всего міра*“ и въ случаяхъ крайней злобности врага: „*о еже покорити подъ нозѣ Его* (т. е. Царя) *всякаго врага и супостата*“.

какъ предлогъ къ войнѣ, придумали пустить они въ народъ.

О, корыстолюбіе—врагъ добра, сколько губишь ты людей!..

Вчера я читала описаніе послѣднихъ войнъ англичанъ въ Индіи, и еще болѣе возненавидѣла властолюбивый и корыстолюбивый духъ этого народа. Несмотря на миръ съ Персіею, съ Афганистаномъ, съ Индомъ и Пенджабомъ, они сражались въ этихъ владѣніяхъ; что могли—покорили, разорили, обокрали; военная контрибуція—ни болѣе, ни менѣе, какъ воровство, грабежъ, въ переводѣ на языкъ совѣсти и здраваго смысла.

Странно, что умные зрѣлые мыслители, глубоко религіозные люди до сихъ поръ не возстаютъ противъ войны и не стараются распространить христіанскіе взгляды на рѣзню людей въ народахъ.

Пора сѣять сѣмена; время принесетъ плоды, достойные добрыхъ сѣятелей, и оправдаетъ надежды ихъ.

О, если бы я умѣла владѣть перомъ...

— Послѣ ясной, сухой погоды небо такъ окуталось въ сѣрыя облака, что нисколько не видно просвѣта. Снѣгъ выпалъ обильный, хоть снова ѣздить на саняхъ. Около Смольнаго снѣжная пустыня: не проѣдетъ экипажъ, не пройдетъ человѣкъ—слышенъ только гулъ вѣтра въ обнаженныхъ деревьяхъ бульвара [2]).

Въ другое время при такой погодѣ я затосковала бы; но въ настоящую минуту меня поддерживаетъ мысль, что буйный вѣтеръ шалитъ и въ Балтійскомъ морѣ, что дразнитъ англичанъ, играя какъ щепками ихъ кораблями: то высоко подыметъ, то броситъ въ бездну, то накренитъ на бокъ, то сорветъ мачту или натворитъ что-нибудь похуже.

Тѣшься, разудалый молодецъ! Я бы очень хотѣла, чтобы вражескій флотъ оказался теперь въ открытомъ морѣ, чтобы

---

[2]) Отъ праваго подъѣзда фасада главн. зданія Имп. В. Об. б. д. выходилъ къ подъѣзду больницы св. Ольги.—Онъ теперь порѣдѣлъ и закрытъ. Это бывшая дорога (до 1748 г.) до Смольнаго Двора. Продолженіе ея—бывшая Офицерская, нынѣ Тверская улица.

ему порядкомъ досталось отъ разгулявшейся бури: «*злой зло пусть и погибнетъ*»!..

Вотъ до чего доводятъ войны! Одна изъ самыхъ миролюбивыхъ женщинъ желаетъ погибели тысячамъ!..

Впрочемъ, я, собственно, не людямъ хочу напасти, но тѣмъ, проклятія достойнымъ снарядамъ, которые они везутъ съ собой для неповинныхъ людей...

На-дняхъ извѣстили газеты о смерти Святогорца Серафима, о которомъ я говорила въ 1850 г. [3]). Нынѣшнія событія поглощаютъ все мое вниманіе, а потому только мимоходомъ замѣтила я въ одномъ изъ журналовъ о смерти этого выдающагося въ литературномъ и нравственномъ отношеніи человѣка. Наканунѣ отъѣзда изъ Петербурга онъ былъ у Анны Демьяновны Слонецкой [4]), куда были приглашены и мы.

Серафимъ — монахъ высокаго роста, правильныя черты смуглаго лица оживлялись большими черными, блестящими глазами, полными ума и воодушевленія. Мы говорили и спорили съ нимъ много. Онъ уговаривалъ меня поститься, увѣряя, что станетъ молить Господа подкрѣпить меня.

«А какъ же я узнаю, что вы будете молиться за меня?»

«А что вы будете поститься», — отвѣчалъ Серафимъ.

Мы много спорили съ нимъ о существованіи злого духа. Не знаю, молился ли онъ за меня или нѣтъ, но, дѣйствительно, послѣ этого свиданія, я постилась *три года* сряду.

Въ письмѣ къ Аннѣ Д. Слонецкой онъ кланялся намъ, прося хранить посты и бояться демоновъ. Я, изъ уваженія къ этому умному и глубоковѣрующему подвижнику, храню какъ святыню, его автографъ. Несчастный Серафимъ! Его, навѣрное, сразила тоска и губительная борьба съ жизнью да съ самимъ собою!

---

[3]) См. 1850 г. 14 сентября.

[4]) А. Д. Слонецкая—см. зап. 1848 г. 24 іюня, пр. 3 и 1849 г. 6 сент.

Появленіе Святогорца въ Смольномъ подарило мнѣ два или три мѣсяца проясненія моей жизни. То были нѣсколько счастливыхъ дней подъема духа, за нихъ я благодарю Господа. О, если бы такое освобожденіе отъ разныхъ сомнѣній было-бы чаще!

Я со своей стороны прошу Васъ, Анна Дамiановна, внушать Вашей дѣвственной [illegible], чтобъ поскорѣе хранила посты и боялась невидимыхъ бѣсовъ и ихъ князя, который, по слову св. Апостола, яко левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити. Если не вѣрить въ существованiе демоновъ, то надобно все священное писанiе и самую Церковь отвергнуть; а за это, въ первое воскресенiе великаго Поста, налагается на подобныхъ вольнодумцевъ — анаѳема!... Но прощайте.

1850 г. Святогорецъ.

Прошу свидѣтельствовать наше почтенiе Еленѣ Ивановнѣ, Варварѣ Петровнѣ и Аннѣ Петровнѣ.

Миръ праху твоему, Серафимъ! Душа твоя успокоилась наконецъ, послѣ бурь житейскихъ, и отлетѣла отъ грустной и грѣшной земли въ обитель свѣта и блаженства. Молись за насъ, какъ молился на землѣ!..

Ожиданіе вскрытія Невы и появленія на ней англичанъ. Страстная недѣля. Молитвы.

4 апрѣля. Погода стоитъ прекрасная, теплая. Снѣгъ совсѣмъ сошелъ. Скоро станетъ пробиваться зеленая травка. Появились жаворонки,—весна на дворѣ; весна—радость бѣднаго и богатаго, утѣшеніе скорбнаго, исцѣленіе больного...

Въ этомъ году петербургскіе жители ожидаютъ расцвѣта природы съ замираніемъ сердца: со вскрытіемъ Невы, врагъ станетъ, быть можетъ, у нашего окна со своими разрушительными орудіями! Сколько падетъ тогда воиновъ русскихъ! Для многихъ эта страстная недѣля можетъ-быть и послѣдняя въ жизни! Можетъ-быть, многіе изъ насъ въ послѣдній разъ вкусятъ тѣла и крови Христовой на землѣ; а тамъ, Господи, гдѣ будемъ мы? Въ домѣ «*Отца Моего обителей много*» [1]), сказалъ Ты, Господи. О, не лиши насъ мѣста во царствіи Твоемъ, а бѣднымъ солдатамъ, отдающимъ безъ ропота жизнь свою, отпусти имъ грѣхи; они душу свою отдаютъ за вѣру, Царя и Отечество.

О бѣдные, бѣдные воины! Заранѣе льются слезы о васъ...

— Я начинаю говѣть. Завтра Страстная. Можетъ-быть, и мнѣ со многими другими предстоитъ смерть... Нѣтъ, не смерть, но переходъ изъ одной жизни въ другую; лишь-бы вмѣстѣ съ Нютой, съ моей сестрой, съ ангеломъ моимъ, умереть. Вдвоемъ не страшно, но переживать ее не хочу. Ты, Господи, не допусти до этого.

— Какъ хороши молитвы, которыя теперь читаются за всенощной! Многіе псалмы относятся къ нынѣшнему состоянію Россіи, и я молюсь пламенно о ней, да отвратитъ Господь бѣдствія, готовящіяся ей со всѣхъ сторонъ! Меня утѣшаетъ, что къ принятію англичанъ приготовляются молитвою и причастіемъ. Страстная недѣля, впрочемъ, обыкновенно у русскихъ проходитъ въ молитвѣ.

---

[1]) Ев. Іоан. 14. 2.

Появленіе Святогорца въ Смольномъ подарило мнѣ два или три мѣсяца проясненія моей жизни. То были нѣсколько счастливыхъ дней подъема духа, за нихъ я благодарю Господа. О, если бы такое освобожденіе отъ разныхъ сомнѣній было-бы чаще!

Я со своей стороны прошу Васъ, Анна Даміановна, внушать Вашей достоуважаемой молодежи, чтобъ послушно хранили постъ и боялись невидимыхъ бѣсовъ и ихъ Князя, который, по слову св. Апостола, яко левъ рыкая ходитъ, иский кого поглотити. Если не вѣрить въ существованіе демоновъ, то надобно все священное писаніе и самую Церковь отвергнуть; а за это, въ первое воскресеніе великаго Поста, налагается на подобныхъ вольнодумцевъ — анаѳема!... Но прощайте.

1850 г. *Святогорецъ.*

Прошу засвидѣтельствовать наше почтеніе Еленѣ Ивановнѣ, Варварѣ Петровнѣ и Аннѣ Петровнѣ.

Миръ праху твоему, Серафимъ! Душа твоя успокоилась наконецъ, послѣ бурь житейскихъ, и отлетѣла отъ грустной и грѣшной земли въ обитель свѣта и блаженства. Молись за насъ, какъ молился на землѣ!..

торію къ Пилату и, наконецъ, на Голгоѳу,—Его, Господа силъ, Его—Царя-Царей, изнемогающаго подъ тяжкимъ крестомъ.

Смотрите на распятіе и ужасайтесь страшныхъ истязаній. Смотрите на Святого, пригвожденнаго къ кресту и все еще молящагося за распинающихъ Его!

Господь Всеблагій поруганъ, оплеванъ, замученъ и умираетъ позорною смертью отъ закоренѣлыхъ злодѣевъ.—За что? За то, что *любилъ*, училъ народъ, исцѣлялъ недужныхъ, воскрешалъ умершихъ и обличалъ лицемѣровъ. Они то и распяли Его! А народъ глупый, толпа, чернь, что она понимаетъ?—Ей бросаютъ деньги, говоря: «вотъ злодѣй»! и толпа кричитъ неистово: «*распни, распни Его*!» Народъ, сбѣгавшійся прежде слушать Божественнаго Учителя, бѣжитъ теперь, чтобъ смотрѣть на Его страданія, и смѣется надъ Нимъ, даже издѣвается надъ Господомъ Іисусомъ Христомъ во время Его тяжкихъ мученій и упрекаетъ Его за оказанныя благодѣянія. «Другихъ спасалъ, себя не можетъ спасти!» —говорятъ неблагодарные евреи, глядя на Святого Страдальца [2])...

Ахъ, люди, люди!—всегда вы были одни и тѣ же; особенно во гнѣвѣ, вы хуже неразумныхъ животныхъ...

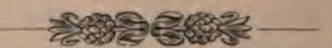
Какъ же намъ, класснымъ дамамъ, осмѣливаться послѣ этого жаловаться, что наши труды погибаютъ напрасно и что, вмѣсто привязанности, встрѣчаемъ мы, большею частью, одну неблагодарность?..

— Вникая въ земную жизнь и смерть Спасителя, какими ничтожными кажутся мнѣ заслуги наши. А любовь наша къ ближнему?—Что она въ сравненіи съ любовью Господа къ намъ?..

Сегодня, во время вечерни, подъ тихій напѣвъ:—«*Благообразный Іосифъ*», вынесли изъ алтаря плащаницу. Упавъ

[2]) Еванг. Мѳ. 27 гл., Мар. 15 гл, Луки 23 и Іоан. 19 гл.

Молитесь, молитесь, люди; преклоните колѣни предъ Господомъ милосерднымъ; смиритесь передъ Нимъ, покайтесь и молите Его помощи; просите о мирѣ всего міра, о прощеніи грѣховъ, о помилованіи всѣхъ—и друзей и враговъ!.. Всѣ мы грѣшны. Вездѣ злоупотребленія, корыстолюбіе, развратъ... О, молитесь, бѣдные грѣшники! взывайте изъ глубины сердечной: «помилуй насъ»! «по грѣхамъ нашимъ не воздай намъ!»...



Пріобщеніе Св. Таинъ и богослуженіе Страстной недѣли. Размышленіе о страданіяхъ Господа и умиротвореніе. Картина Штейбена. Крестный ходъ изъ институтской церкви. Совѣтъ братьямъ-христіанамъ.

9 апрѣля. Вчера сподобилась я пріобщиться Св. Таинъ и чувствую большую перемѣну въ нравственномъ состояніи: райская тишина водворилась въ душѣ; сердце полно любви къ Создателю и ко всѣмъ людямъ.

Часто и усердно молясь, во время говѣнія, я совсѣмъ забыла англичанъ, французовъ и турокъ. Забыла, что непріятель у Ревеля, что весь міръ грозитъ Россіи, что мы наканунѣ страшныхъ событій; словомъ, забыла всю внѣшнюю жизнь и жила только духовною. Въ церкви, слушая священныя пѣсни, чтеніе пророчествъ и Евангелія, гдѣ повѣствуется о страданіяхъ Христа, я переношусь въ тѣ времена, когда между людьми находился Божественный Учитель, переношусь въ Іерусалимъ, слѣжу за Господомъ на Тайной Вечери, вслушиваюсь съ любовію въ Его прощальныя слова и чувствую, что ко мнѣ относятся эти утѣшительныя рѣчи — *«миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ»* [1])!

Идемте за Господомъ въ садъ Геѳсиманскій, помолимтесь, пострадаемъ съ Нимъ; проводимъ Его со слезами въ пре-

[1]) Еванг. Іоан. 14. 27.

торію къ Пилату и, наконецъ, на Голгоѳу,—Его, Господа силъ, Его—Царя-Царей, изнемогающаго подъ тяжкимъ крестомъ.

Смотрите на распятіе и ужасайтесь страшныхъ истязаній. Смотрите на Святого, пригвожденнаго къ кресту и все еще молящагося за распинающихъ Его!

Господь Всеблагій поруганъ, оплеванъ, замученъ и умираетъ позорною смертью отъ закоренѣлыхъ злодѣевъ.—За что? За то, что *любилъ*, училъ народъ, исцѣлялъ недужныхъ, воскрешалъ умершихъ и обличалъ лицемѣровъ. Они то и распяли Его! А народъ глупый, толпа, чернь, что она понимаетъ?—Ей бросаютъ деньги, говоря: «вотъ злодѣй»! и толпа кричитъ неистово: «*распни, распни Его*!» Народъ, сбѣгавшійся прежде слушать Божественнаго Учителя, бѣжитъ теперь, чтобъ смотрѣть на Его страданія, и смѣется надъ Нимъ, даже издѣвается надъ Господомъ Іисусомъ Христомъ во время Его тяжкихъ мученій и упрекаетъ Его за оказанныя благодѣянія. «Другихъ спасалъ, себя не можетъ спасти!» —говорятъ неблагодарные евреи, глядя на Святого Страдальца [2])...

Ахъ, люди, люди!—всегда вы были одни и тѣ же; особенно во гнѣвѣ, вы хуже неразумныхъ животныхъ...

Какъ же намъ, класснымъ дамамъ, осмѣливаться послѣ этого жаловаться, что наши труды погибаютъ напрасно и что, вмѣсто привязанности, встрѣчаемъ мы, большею частью, одну неблагодарность?..

— Вникая въ земную жизнь и смерть Спасителя, какими ничтожными кажутся мнѣ заслуги наши. А любовь наша къ ближнему?—Что она въ сравненіи съ любовью Господа къ намъ?..

Сегодня, во время вечерни, подъ тихій напѣвъ:—«*Благообразный Іосифъ*», вынесли изъ алтаря плащаницу. Упавъ

---

[2]) Еванг. Мѳ. 27 гл.. Мар. 15 гл , Луки 23 и Іоан. 19 гл.

на землю, я плакала, какъ будто-бы дѣйствительно присутствовала при снятіи со креста и при погребеніи Господа. Что же должны были чувствовать въ эти минуты Матерь Божія и болѣе близкіе къ Нему?.

— Прекрасно выполнена картина Штейбена: «распятіе на крестѣ» [3]). Лицо Спасителя представляетъ смѣсь тяжелыхъ страданій и необыкновенной кротости. И больно, и утѣшительно глядѣть на Него. У подножія креста сидитъ, въ изнеможеніи, Марія Магдалина. Она не плачетъ, не подымаетъ въ отчаяніи рукъ, но на лицѣ видны слѣды ѣдкихъ, жгучихъ слезъ; источникъ ихъ уже изсякъ, и ею овладѣваетъ полное отчаяніе. Такъ понимаю и я св. Марію. Господь, ея «Раввуни», ея «святая любовь»—на крестѣ! Что же ей еще осталось? Она прошла чрезъ всѣ муки Христа, она плакала и рыдала такъ много, что уже болѣе не стало слезъ при Его послѣднихъ великихъ минутахъ на грѣшной землѣ!..

— Сегодня, во время всенощной, обносятъ плащаницы кругомъ церквей. Народъ слѣдуетъ съ зажжеными свѣчами, и клиръ поетъ погребальное: «*Святый Боже!*» Этимъ умилительнымъ обрядомъ церковь вспоминаетъ погребеніе Спасителя.

У насъ, въ дѣтской церкви, шествіе тянется по коридорамъ Смольнаго: впереди пѣвчія—«бѣлыя», за ними духовенство съ хоругвями и плащаницею, а далѣе—дѣти и служащіе въ Смольномъ, всѣ съ зажженными свѣчами. И странно, что у насъ ввели недавно этотъ обычай [4])? Въ третьемъ годѣ я была дежурная на клиросѣ и съ пѣвчими откры-

---

[3]) Штейбенъ, Карлъ, живописецъ, ученикъ Лефевра и Жерара. Его знаменит. карт. «Петръ I-й на Ладожск. озерѣ». Въ Петербургѣ онъ много писалъ на религіозные сюжеты. Не чужды работы эти театральности, но жизненность и выразительность фигуръ доставляла ему успѣхъ среди современниковъ. Род. въ 1818 г., † въ 1845 г. Его картины есть въ Исаакіевскомъ Соборѣ, въ Академіи Худож. и въ Смольномъ Соборѣ.

[4]) При начальн. Мар. Павл. Леонтьевой; хлопотала объ этомъ А. Д. Слонецкая.

вала шествіе. Заунывный напѣвъ, воспоминаніе трогательнаго и вмѣстѣ торжественнаго событія до того взволновали меня, что я насилу могла держать свѣчу въ рукахъ. Голосъ дѣтей дрожалъ отъ волненія. Въ коридорахъ, по которымъ мы проходили, народъ падалъ ницъ, какъ будто бы дѣйствительно встрѣчали Господа, несомаго на погребеніе.

Чудная служба...

Чудный обычай!

Людіе братіе, христіане, собирайтесь лучше въ храмы Господни, и пройдетъ ваша ненависть! Слушайте слово Божіе, вникайте въ него, осуществляйте его на дѣлѣ, и умы ваши просвѣтятся, а въ сердцѣ засвѣтится теплая любовь къ ближнему, сама собою между вами прекратится всякая вражда и ненависть!!

Бомбардированіе Одессы. Ракеты надъ Выборгомъ. Осадное положеніе Петербурга. Увеселенія общества. Вечеръ у Баумгартенъ. Спиритизмъ.

18 апрѣля. Наканунѣ Воскресенія Христова подъ торжественные звуки колоколовъ, сзывавшихъ христіанъ къ молитвѣ при выносѣ плащаницы, англичане показались въ виду Одессы и «по христіански» привѣтствовали своихъ собратій раскаленными ядрами...

Бомбардированіе Одессы продолжалось до 11 часовъ утра; съ тѣхъ поръ, не получалось никакихъ извѣстій.

Терпишь Ты, Господи, попраніе вѣры святой! Грѣхи наши, стало-быть, вопіютъ противъ насъ, когда не щадишь даже Своихъ святыхъ храмовъ и даже въ дни такихъ воспоминаній!..

— На-дняхъ и мы ждемъ къ себѣ незванныхъ гостей. Они показывались уже около Выборга и пустили въ него за-

Лѣто въ Колпинѣ. Видъ изъ нашего домика. Отдыхъ и успокоеніе. Молитва. Юлія Ивановна Липина. Нищіе.

16 августа. 21-го мая отправилась я, почти нехотя, въ Колпино, чтобы провести тамъ три свободные мѣсяца. Поѣхали мы вмѣстѣ съ семействомъ Липиныхъ [1]) и сообща наняли квартиры. Я съ Нютой поселились въ отдѣльномъ домикѣ на самомъ берегу широкой р. Ижоры... [2]) Изъ нашихъ оконъ видны были только зелень и небо, вода и снующія по рѣкѣ лодочки. Видъ этотъ—простой, чисто сельскій. Отсутствіе всякаго стѣсненія, привольная, тихая, покойная жизнь возстановили миръ въ возмущенной душѣ моей. Мало-по-малу и совершенно незамѣтно я примирилась со всѣми и согласилась опять служить въ [3])...

Любуясь во время уединенныхъ прогулокъ причудливыми облаками, освѣщенными волшебнымъ блескомъ солнца, я тихо молилась о терпѣніи. Благодатная слеза часто пробѣгала по щекѣ, но уже не жгла ее. Горечь службы какъ-то забывалась. Въ здѣшней сельской церкви, подъ звуки церковныхъ стихиръ, выполняемыхъ съ большимъ чувствомъ пѣвчими-крестьянами, я тоже усердно молилась. И эта молитва была полна отрады: прискорбное чувство ее не омрачало, она вся была благодарность къ Творцу за наступившую мирную и тихую жизнь, да прошеніе о счастьѣ Нюты и упокоеніи милыхъ душъ, такъ рано насъ покинувшихъ.

Хорошо, очень хорошо жилось въ Колпинѣ. Насъ полюбили тамъ, ласкали, баловали, ухаживали за нами,—чего-же намъ болѣе?

---

[1]) Липины, см. 1852 г. 14 сент.

[2]) Впадаетъ въ р. Неву на 15 верстъ выше Петербурга у села того же названія.

[3]) Съ окончаніемъ учебнаго года въ 1854 г. В. П. принципіально рѣшила оставить казенное мѣсто, поѣхать куда нибудь въ провинцію и открыть свое учебное заведеніе. Противъ этого возставала ея сестра, уговаривая дослужить, хотя до полупенсіи (т. е. 15 лѣтъ. См. т. II-й, 1856 г. 20 сентября).

Да прольетъ Господь благословеніе на дѣтей Юліи Ивановны Липиной. — Она, при многочисленномъ семействѣ, окружала и насъ любовью въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, постоянно стараясь предупреждать наши желанія. Я и теперь вспоминаю объ этой милой, доброй, прекрасной женщинѣ... Въ Колпинѣ, исключая очень немногихъ случаевъ, я была всегда покойна и даже иногда весела. Плакала же больше отъ умиленія, отъ избытка благодарности къ Творцу. Мнѣ было тамъ такъ хорошо, такъ хорошо!... Даже нищіе, и тѣ утѣшали меня: подашь бездѣлицу—и они молятся такъ усердно, что вызываютъ слезы изъ глазъ. Много разъ мнѣ становилось совѣстно и хотѣлось сказать имъ: «не за что!» И дѣйствительно не за что!

У меня были и любимые нищіе, которымъ подавала я съ особенной охотою. Грустно было разставаться съ ними. Грустно было покидать Колпино вообще, — а между тѣмъ, кромѣ Липиныхъ, мы тамъ никого почти не видали и ни съ кѣмъ не знакомились. Еще болѣе мнѣ жаль той свободы, того покоя, той невозмутимой тишины, которыми я тамъ вполнѣ наслаждалась. Бывало, только просыпаюсь, открываю окно и, сидя или полулежа въ постели, гляжу на прекрасную картину, развертывающуюся предо мною... Свобода—для меня счастіе. Сознавая свою свободу, — блаженствую.

анятія съ «кофейными». Мысли при видѣ Смольнаго собора. Почему я не хожу къ классным дамамъ.

2 сентября. Не знаю, что помѣшало мнѣ продолжать ачатый разсказъ.

Припоминаются слова М. М. Тимаева: «разъ прерванная ить немного стоитъ: хотя завяжешь, а все узелъ мѣшать

Лѣто въ Колпинѣ. Видъ изъ нашего домика. Отдыхъ и успокоеніе. Молитва. Юлія Ивановна Липина. Нищіе.

16 августа. 21-го мая отправилась я, почти нехотя, въ Колпино, чтобы провести тамъ три свободные мѣсяца. Поѣхали мы вмѣстѣ съ семействомъ Липиныхъ [1]) и сообща наняли квартиры. Я съ Нютой поселились въ отдѣльномъ домикѣ на самомъ берегу широкой р. Ижоры... [2]) Изъ нашихъ оконъ видны были только зелень и небо, вода и снующія по рѣкѣ лодочки. Видъ этотъ—простой, чисто сельскій. Отсутствіе всякаго стѣсненія, привольная, тихая, покойная жизнь возстановили миръ въ возмущенной душѣ моей. Мало-по-малу и совершенно незамѣтно я примирилась со всѣми и согласилась опять служить въ [3])...

Любуясь во время уединенныхъ прогулокъ причудливыми облаками, освѣщенными волшебнымъ блескомъ солнца, я тихо молилась о терпѣніи. Благодатная слеза часто пробѣгала по щекѣ, но уже не жгла ее. Горечь службы какъ-то забывалась. Въ здѣшней сельской церкви, подъ звуки церковныхъ стихиръ, выполняемыхъ съ большимъ чувствомъ пѣвчими-крестьянами, я тоже усердно молилась. И эта молитва была полна отрады: прискорбное чувство ее не омрачало, она вся была благодарность къ Творцу за наступившую мирную и тихую жизнь, да прошеніе о счастьѣ Нюты и упокоеніи милыхъ душъ, такъ рано насъ покинувшихъ.

Хорошо, очень хорошо жилось въ Колпинѣ. Насъ полюбили тамъ, ласкали, баловали, ухаживали за нами,—чего-же намъ болѣе?

---

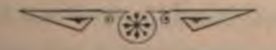
[1]) Липины, см. 1852 г. 14 сент.

[2]) Впадаетъ въ р. Неву на 15 верстъ выше Петербурга у села того же названія.

[3]) Съ окончаніемъ учебнаго года въ 1854 г. В. П. принципіально рѣшила оставить казенное мѣсто, поѣхать куда нибудь въ провинцію и открыть свое учебное заведеніе. Противъ этого возставала ея сестра, уговаривая дослужить, хотя до полупенсіи (т. е. 15 лѣтъ. См. ч. II-я, 1858 г. 20 сентября).

Да прольетъ Господь благословеніе на дѣтей Юліи Ивановны Липиной.—Она, при многочисленномъ семействѣ, окружала и насъ любовью въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, постоянно стараясь предупреждать наши желанія. Я и теперь вспоминаю объ этой милой, доброй, прекрасной женщинѣ... Въ Колпинѣ, исключая очень немногихъ случаевъ, я была всегда покойна и даже иногда весела. Плакала же больше отъ умиленія, отъ избытка благодарности къ Творцу. Мнѣ было тамъ такъ хорошо, такъ хорошо!... Даже нищіе, и тѣ утѣшали меня: подашь бездѣлицу—и они молятся такъ усердно, что вызываютъ слезы изъ глазъ. Много разъ мнѣ становилось совѣстно и хотѣлось сказать имъ: «не за что!» И дѣйствительно не за что!

У меня были и любимые нищіе, которымъ подавала я съ особенной охотою. Грустно было разставаться съ ними. Грустно было покидать Колпино вообще,—а между тѣмъ, кромѣ Липиныхъ, мы тамъ никого почти не видали и ни съ кѣмъ не знакомились. Еще болѣе мнѣ жаль той свободы, того покоя, той невозмутимой тишины, которыми я тамъ вполнѣ наслаждалась. Бывало, только просыпаюсь, открываю окно и, сидя или полулежа въ постели, гляжу на прекрасную картину, развертывающуюся предо мною... Свобода—для меня счастіе. Сознавая свою свободу,—блаженствую.



Занятія съ «кофейными». Мысли при видѣ Смольнаго собора. Почему я не хожу къ классным дамамъ.

2 сентября. Не знаю, что помѣшало мнѣ продолжать начатый разсказъ.

Припоминаются слова М. М. Тимаева: «разъ прерванная нить немного стоитъ: хотя завяжешь, а все узелъ мѣшать

жигательныя ракеты, которыя, впрочемъ, перелетѣли черезъ городъ, не нанесши ему ни малѣйшаго вреда.

Къ несчастію, флотъ кронштадтскій не можетъ соединиться со свеаборгскимъ, такъ какъ наши опоздали, а англичане опередили насъ.

Чѣмъ-то кончится этотъ кровопролитный бой?.. и надолго-ли затянется война?.. Помилуй, Господи, помилуй Твое созданіе!

Всѣ мы теперь между жизнью и смертью, не знаемъ, что будетъ черезъ мѣсяцъ, что будетъ черезъ нѣсколько дней?.. Четыре части города уже въ осадномъ положеніи. Солдаты на готовѣ. Да будетъ воля Твоя, Отче Пресвятый?.. «Пасха не въ Пасху» намъ...

Въ городѣ, между тѣмъ, праздничныя увеселенія идутъ своимъ чередомъ: балаганы, гдѣ бьютъ турокъ, — полны. На площадяхъ кишитъ народъ, и тянутся длинные ряды экипажей. Въ театрахъ даются, по прежнему, представленія. Въ частныхъ домахъ съѣзжаются на обѣды. Молодежь танцуетъ. Остальные играютъ въ карты, и очень немногіе бесѣдуютъ.

— У насъ, въ Россіи, еще рѣдко или вовсе не понимаютъ прелести умнаго разговора: въ обществѣ некому и не о чемъ говорить: карты наполняютъ все свободное время. Мы съ Анютой не играемъ, а потому насъ часто стараются занять болтовней. Вчера напр., у Баумгартенъ [1]) мы провели цѣлый день въ обществѣ Дегая [2]), Гартонгъ съ женою, Бенедиктова [3]) и хозяевъ дома. Между болтовней заставляли писать (спиритизмъ) столъ, и, на вопросъ: «возьмутъ-ли Кронштадтъ?» — онъ отвѣчалъ: «повредятъ». «Что будетъ съ англичанами»? — «Поочистятъ». — «Скоро ли помирятся»? — «Миръ» — и длинная черта.

[1]) Баумгартенъ и Гартонгъ, см. 1848 г. 23 іюня, пр. 2.

[2]) Дегай, Александръ П., почетный опекунъ. Родственникъ Баумг. женатъ на родн. сестрѣ г. Клейнмихель.

[3]) Бенедиктовъ, см. зап. 1847 г. 12 мар. пр. 2., 1851 г. 23 сент 1853 г. 16 мар. пр. 1 и 1853 г. 25 апр.

перь, я старалась заглянуть въ таинственную, замогильную жизнь. Умирать еще не хотѣлось, все какъ-то хотѣлось *«жить»*...—Вотъ и пожила! Много, много лѣтъ легло между тѣмъ временемъ и настоящей минутой; и что сдѣлала я хорошаго?...

— Господи, Господи, помоги мнѣ больше трудиться и научи меня образовать изъ ввѣренныхъ мнѣ дѣтей добрыхъ христіанокъ, на меня только непохожихъ.

Я гордая и дикая нелюдимка. Меня упрекаютъ въ Смольномъ, что не хожу ни къ кому изъ дамъ. Ихъ тутъ больше тридцати живетъ въ одномъ домѣ, а я ни у одной изъ нихъ не бываю. Но когда же, да и зачѣмъ? Большую часть времени мы должны отдать дѣтямъ, а немногіе свободные часы не хватаетъ духа и жаль безжалостно бросить на пустую болтовню и даже на худшее...

Мнѣ такъ хорошо у себя въ комнатѣ! Если не читаю, то даю волю глазамъ любоваться Божьимъ міромъ, мечтаю, и, по своему, я совершенно счастлива. Днемъ ли, вечеромъ, иль въ позднюю ночь, всегда прекрасны небеса... Нѣтъ солнца-чародѣя, такъ мѣсяцъ ходитъ дозоромъ, позолотитъ то одно облачко, то другое, сыпнетъ золотомъ въ Неву, заглянетъ въ окна,—и любо смотрѣть на него. А нѣтъ мѣсяца, такъ звѣзды заискрятся и заблестятъ со всѣхъ сторонъ. Глаза разбѣгаются, глядя на эти огни небесные, и дума уносится далеко, далеко, и хочется узнать, что тамъ и кто тамъ живетъ, и чувствуютъ ли тамъ, какъ мы, и любятъ ли тамъ?.. Или не души ли умершихъ поселяются тамъ... и не быть ли и мнѣ на одной изъ тѣхъ звѣздъ?... И далѣе, далѣе летятъ мечты, пока не испугаются своего полета и отъ звонка не рухнутъ снова на землю.

Какая же польза отъ этихъ думъ? къ чему ведутъ онѣ?

— Но къ чему ведетъ живопись? Какая польза отъ музыки? То и другое искусство составляютъ источникъ услады, наслажденій. Также точно наслаждаюсь и я созерцаніемъ

Лѣто въ Колпинѣ. Видъ изъ нашего домика. Отдыхъ и успокоеніе. Молитва. Юлія Ивановна Липина. Нищіе.

16 августа. 21-го мая отправилась я, почти нехотя, въ Колпино, чтобы провести тамъ три свободные мѣсяца. Поѣхали мы вмѣстѣ съ семействомъ Липиныхъ [1]) и сообща наняли квартиры. Я съ Нютой поселились въ отдѣльномъ домикѣ на самомъ берегу широкой р. Ижоры... [2]) Изъ нашихъ оконъ видны были только зелень и небо, вода и снующія по рѣкѣ лодочки. Видъ этотъ—простой, чисто сельскій. Отсутствіе всякаго стѣсненія, привольная, тихая, покойная жизнь возстановили миръ въ возмущенной душѣ моей. Мало-по-малу и совершенно незамѣтно я примирилась со всѣми и согласилась опять служить въ [3])...

Любуясь во время уединенныхъ прогулокъ причудливыми облаками, освѣщенными волшебнымъ блескомъ солнца, я тихо молилась о терпѣніи. Благодатная слеза часто пробѣгала по щекѣ, но уже не жгла ее. Горечь службы какъ-то забывалась. Въ здѣшней сельской церкви, подъ звуки церковныхъ стихиръ, выполняемыхъ съ большимъ чувствомъ пѣвчими-крестьянами, я тоже усердно молилась. И эта молитва была полна отрады: прискорбное чувство ее не омрачало, она вся была благодарность къ Творцу за наступившую мирную и тихую жизнь, да прошеніе о счастьѣ Нюты и упокоеніи милыхъ душъ, такъ рано насъ покинувшихъ.

Хорошо, очень хорошо жилось въ Колпинѣ. Насъ полюбили тамъ, ласкали, баловали, ухаживали за нами,—чего-же намъ болѣе?

---

[1]) Липины, см. 1852 г. 14 сент.

[2]) Впадаетъ въ р. Неву на 15 верстъ выше Петербурга у села того же названія.

[3]) Съ окончаніемъ учебнаго года въ 1854 г. В. П. принципіально рѣшила оставить казенное мѣсто, поѣхать куда нибудь въ провинцію и открыть свое учебное заведеніе. Противъ этого возставала ея сестра, уговаривая дослужить, хотя до полупенсіи (т. е. 15 лѣтъ. См. ч. II-я, 1858 г. 20 сентября).

Да прольетъ Господь благословеніе на дѣтей Юліи Ива-
овны Липиной.—Она, при многочисленномъ семействѣ, окру-
ала и насъ любовью въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, по-
тоянно стараясь предупреждать наши желанія. Я и теперь
споминаю объ этой милой, доброй, прекрасной женщинѣ...
ъ Колпинѣ, исключая очень немногихъ случаевъ, я была
сегда покойна и даже иногда весела. Плакала же больше
тъ умиленія, отъ избытка благодарности къ Творцу. Мнѣ
было тамъ такъ хорошо, такъ хорошо!... Даже нищіе, и тѣ
утѣшали меня: подашь бездѣлицу—и они молятся такъ
усердно, что вызываютъ слезы изъ глазъ. Много разъ мнѣ
становилось совѣстно и хотѣлось сказать имъ: «не за что!»
И дѣйствительно не за что!

У меня были и любимые нищіе, которымъ подавала я
съ особенной охотою. Грустно было разставаться съ ними.
Грустно было покидать Колпино вообще,—а между тѣмъ,
кромѣ Липиныхъ, мы тамъ никого почти не видали и ни съ
кѣмъ не знакомились. Еще болѣе мнѣ жаль той свободы,
того покоя, той невозмутимой тишины, которыми я тамъ
вполнѣ наслаждалась. Бывало, только просыпаюсь, откры-
ваю окно и, сидя или полулежа въ постели, гляжу на
прекрасную картину, развертывающуюся предо мною... Сво-
бода—для меня счастіе. Сознавая свою свободу,—блажен-
ствую.

Занятія съ «кофейными». Мысли при видѣ Смольнаго собора. Почему я
не хожу къ класснымъ дамамъ.

2 сентября. Не знаю, что помѣшало мнѣ продолжать
начатый разсказъ.

Припоминаются слова М. М. Тимаева: «разъ прерванная
нить немного стоитъ: хотя завяжешь, а все узелъ мѣшать

будетъ,—некрасиво и шероховато». Потому-то я не стану болѣе говорить о миломъ Колпинѣ: оно, какъ видѣніе, уже пронеслось въ моей жизни...

Теперь я снова по уши погрузилась въ обязанность классной дамы.

— 1-го августа сдѣланъ новый пріемъ дѣтей. У меня опять кофейныя [1]), съ которыми начинаю почти съ азбуки. Но дѣтей покамѣстъ только шестеро [2]), и на нихъ нельзя сердиться,—не за что. Иногда онѣ бываютъ очень внимательны къ моимъ словамъ: тогда и весело сидишь за урокомъ, и время летитъ незамѣтно. Въ комнатѣ у себя почти не бываю; все время въ дортуарѣ съ дѣтьми, пріучаю къ порядкамъ; не люблю я этого...

Комнатка у меня снова на Неву. Два окна выходятъ въ садъ и два на Вдовій домъ. Изъ нихъ прекрасно виденъ Смольный соборъ. Вотъ и теперь сижу за письменнымъ столомъ, а въ глазахъ высятся главы собора [3]). Изъ какого окна не погляжу,—всюду прекрасно!

На этотъ храмъ Божій смотрѣла я часто, будучи еще молоденькою дѣвушкою, въ бѣломъ классѣ. Окна нашей спальни [4]) выходили въ эту же самую сторону, и я, бывало, лѣтомъ, часами просиживала у окна, любуясь золотыми чудными крестами, ярко горѣвшими на небѣ, особенно при заходѣ солнца; любовалась и задумывалась, такъ что забывала уроки и классныя обязанности. И о чемъ я думала?—Не знаю. Припоминаю только, что молитва о родныхъ, молитва о покойной матери часто примѣшивалась къ моимъ ребяческимъ думамъ. Отъ матери и ея кончины невольно мысли перелетали къ загробной жизни и тогда, какъ и те-

[1]) Самыя младшія. См. зап. 1833 г. 8 іюня, пр.

[2]) Обычно привозили дѣтей не къ пріему, а къ началу уроковъ, а нерѣдко и въ теченіе года.

[3]) См. зап. 1834 г. 22 іюля.

[4]) Которую за отдаленность отъ прочихъ дортуаровъ институтки звали „Америкой“.

ръ, я старалась заглянуть въ таинственную, замогильную изнь. Умирать еще не хотѣлось, все какъ-то хотѣлось *жить*»...—Вотъ и пожила! Много, много лѣтъ легло между ѣмъ временемъ и настоящей минутой; и что сдѣлала я хоошаго?...

— Господи, Господи, помоги мнѣ больше трудиться и научи меня образовать изъ ввѣренныхъ мнѣ дѣтей добрыхъ христіанокъ, на меня только непохожихъ.

Я гордая и дикая нелюдимка. Меня упрекаютъ въ Смольномъ, что не хожу ни къ кому изъ дамъ. Ихъ тутъ больше тридцати живетъ въ одномъ домѣ, а я ни у одной изъ нихъ не бываю. Но когда же, да и зачѣмъ? Большую часть времени мы должны отдать дѣтямъ, а немногіе свободные часы не хватаетъ духа и жаль безжалостно бросить на пустую болтовню и даже на худшее...

Мнѣ такъ хорошо у себя въ комнатѣ! Если не читаю, то даю волю глазамъ любоваться Божьимъ міромъ, мечтаю, и, по своему, я совершенно счастлива. Днемъ ли, вечеромъ, иль въ позднюю ночь, всегда прекрасны небеса... Нѣтъ солнца-чародѣя, такъ мѣсяцъ ходитъ дозоромъ, позолотитъ то одно облачко, то другое, сыпнетъ золотомъ въ Неву, заглянетъ въ окна,—и любо смотрѣть на него. А нѣтъ мѣсяца, такъ звѣзды заискрятся и заблестятъ со всѣхъ сторонъ. Глаза разбѣгаются, глядя на эти огни небесные, и дума уносится далеко, далеко, и хочется узнать, что тамъ и кто тамъ живетъ, и чувствуютъ ли тамъ, какъ мы, и любятъ ли тамъ?.. Или не души ли умершихъ поселяются тамъ... и не быть ли и мнѣ на одной изъ тѣхъ звѣздъ?... И далѣе, далѣе летятъ мечты, пока не испугаются своего полета и отъ звонка не рухнутъ снова на землю.

Какая же польза отъ этихъ думъ? къ чему ведутъ онѣ?

— Но къ чему ведетъ живопись? Какая польза отъ музыки? То и другое искусство составляютъ источникъ услады, наслажденій. Также точно наслаждаюсь и я созерцаніемъ

Лѣто въ Колпинѣ. Видъ изъ нашего домика. Отдыхъ и успокоеніе. Молитва. Юлія Ивановна Липина. Нищіе.

16 августа. 21-го мая отправилась я, почти нехотя, въ Колпино, чтобы провести тамъ три свободные мѣсяца. Поѣхали мы вмѣстѣ съ семействомъ Липиныхъ [1]) и сообща наняли квартиры. Я съ Нютой поселились въ отдѣльномъ домикѣ на самомъ берегу широкой р. Ижоры... [2]) Изъ нашихъ оконъ видны были только зелень и небо, вода и снующія по рѣкѣ лодочки. Видъ этотъ—простой, чисто сельскій. Отсутствіе всякаго стѣсненія, привольная, тихая, покойная жизнь возстановили миръ въ возмущенной душѣ моей. Мало-по-малу и совершенно незамѣтно я примирилась со всѣми и согласилась опять служить въ [3])...

Любуясь во время уединенныхъ прогулокъ причудливыми облаками, освѣщенными волшебнымъ блескомъ солнца, я тихо молилась о терпѣніи. Благодатная слеза часто пробѣгала по щекѣ, но уже не жгла ее. Горечь службы какъ-то забывалась. Въ здѣшней сельской церкви, подъ звуки церковныхъ стихиръ, выполняемыхъ съ большимъ чувствомъ пѣвчими-крестьянами, я тоже усердно молилась. И эта молитва была полна отрады: прискорбное чувство ее не омрачало, она вся была благодарность къ Творцу за наступившую мирную и тихую жизнь, да прошеніе о счастьѣ Нюты и упокоеніи милыхъ душъ, такъ рано насъ покинувшихъ.

Хорошо, очень хорошо жилось въ Колпинѣ. Насъ полюбили тамъ, ласкали, баловали, ухаживали за нами,—чего-же намъ болѣе?

---

[1]) Липины, см. 1852 г. 14 сент.

[2]) Впадаетъ въ р. Неву на 15 верстъ выше Петербурга у села того же названія.

[3]) Съ окончаніемъ учебнаго года въ 1854 г. В. П. принципіально рѣшила оставить казенное мѣсто, поѣхать куда нибудь въ провинцію и открыть свое учебное заведеніе. Противъ этого возставала ея сестра, уговаривая дослужить, хотя до полупенсіи (т. е. 15 лѣтъ. См. ч. II-я, 1858 г. 20 сентября).

Бомбардированіе Севастополя. Смерть Корнилова.

15 октября. Съ сердечнымъ замираніемъ, не разъ закаиваясь, все-таки слѣдимъ мы за военными дѣйствіями въ Крыму.

Севастополь бомбардируютъ съ *3-го октября.*

Наши мужественно отстаиваютъ городъ, несмотря на убійственный огонь союзниковъ.

Послѣднее извѣстіе отъ 9 октября: *«бомбардированіе продолжается»*...

Ужасно!.. Кажется, не должно было бы тамъ остаться камня на камнѣ; а, между тѣмъ, Господь щадитъ еще насъ...

О Боже, Боже! прекрати кровопролитіе!..

Изъ-за чего мы бьемся?...

Корниловъ убитъ. [1]) — Великая потеря для Россіи: это былъ храбрый генералъ. Приготовляясь къ защитѣ Севастополя, онъ говорилъ войску: *«о сдачѣ нечего и думать; если вамъ кто-нибудь скажетъ моимъ именемъ, что нужно сдаваться, —разстрѣляйте того, какъ измѣнника. Если я самъ прикажу вамъ сдаться, — разстрѣляйте и меня»*... Съ такимъ вождемъ войско непобѣдимо. И онъ убитъ!...

Настави насъ, Господи!..

Осада продолжается.

21 октября. Все еще не слышно о взятіи Севастополя. *«Бомбардированіе продолжается»*, — доносятъ извѣстія.

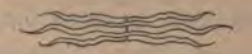
Спаси насъ, Господи!

[1]) Владиміръ Алексѣевичъ, адмиралъ-герой; убитъ во время перваго бомбардированія Севастополя 5-го октября. Подробности о его смерти см. „Защита Севастополя" Н. Ѳ. Дубровина, стр. 74—77.

Вылазки нашихъ изъ Севастополя и кровопролитная схватка.

3 ноября. 24 октября была страшная схватка подъ Севастополемъ. Наши сдѣлали вылазку. Много побито храбрыхъ. Между ними 3 генерала: Соймоновъ, Охтерлоне и... третьяго забыла. [1]) Солдатъ убито—3,000. Офицеровъ «снято» многое множество.

Иностранные штуцера дѣйствуютъ отлично. Впрочемъ, говорятъ и имъ досталось порядкомъ, но отъ того намъ не легче...



Осада продолжается. Нужды воиновъ. О мирѣ. Желаніе ѣхать на войну и помогать всѣмъ раненымъ. Сердобольныя вдовы, уѣзжающія на войну. Приготовленіе бинтовъ и корпіи.

11 ноября. Все по-прежнему бьются подъ Севастополемъ. Наши моряки проявляютъ чудеса храбрости. И гибнутъ же храбрецы! падаютъ не сотнями, но тысячами, не произнося ни единой жалобы...

Несчастные безъ ропота жертвуютъ жизнью за Отечество, а мы безсмысленно тратимъ время и деньги на пустыя приличія, на тряпки, на театръ,—тогда какъ лучше было бы употребить лишнюю копейку на поддержку воиновъ, на съѣстные для войска припасы, на одежду солдатамъ, на штуцера, на лѣкарства и прочія пособія для раненыхъ.

Поговариваютъ о мирѣ; но разъ затѣяли войну, такъ надо побѣдить или умереть со славою, а не заключать постыднаго мира. Есть добрые люди, которые толкуютъ о контрибуціи въ пользу англичанъ. Отъ такого позора сохрани насъ, Господи! Послѣ этого всякій можетъ изъ Россіи дѣлать, что хочетъ, и тогда, дѣйствительно, легко обезславить нашу матушку Русь православную. Лучше умереть, нежели видѣть униженіе дорогого Отечества!...

[1]) Третій Вильбоа. Это Инкерманское сраженіе 24 октября 1854 г.

перь, я старалась заглянуть въ таинственную, замогильную жизнь. Умирать еще не хотѣлось, все какъ-то хотѣлось «*жить*»...—Вотъ и пожила! Много, много лѣтъ легло между тѣмъ временемъ и настоящей минутой; и что сдѣлала я хорошаго?...

— Господи, Господи, помоги мнѣ больше трудиться и научи меня образовать изъ ввѣренныхъ мнѣ дѣтей добрыхъ христіанокъ, на меня только непохожихъ.

Я гордая и дикая нелюдимка. Меня упрекаютъ въ Смольномъ, что не хожу ни къ кому изъ дамъ. Ихъ тутъ больше тридцати живетъ въ одномъ домѣ, а я ни у одной изъ нихъ не бываю. Но когда же, да и зачѣмъ? Большую часть времени мы должны отдать дѣтямъ, а немногіе свободные часы не хватаетъ духа и жаль безжалостно бросить на пустую болтовню и даже на худшее...

Мнѣ такъ хорошо у себя въ комнатѣ! Если не читаю, то даю волю глазамъ любоваться Божьимъ міромъ, мечтаю, и, по своему, я совершенно счастлива. Днемъ ли, вечеромъ, иль въ позднюю ночь, всегда прекрасны небеса... Нѣтъ солнца-чародѣя, такъ мѣсяцъ ходитъ дозоромъ, позолотитъ то одно облачко, то другое, сыпнетъ золотомъ въ Неву, заглянетъ въ окна,—и любо смотрѣть на него. А нѣтъ мѣсяца, такъ звѣзды заискрятся и заблестятъ со всѣхъ сторонъ. Глаза разбѣгаются, глядя на эти огни небесные, и дума уносится далеко, далеко, и хочется узнать, что тамъ и кто тамъ живетъ, и чувствуютъ ли тамъ, какъ мы, и любятъ ли тамъ?.. Или не души ли умершихъ поселяются тамъ... и не быть ли и мнѣ на одной изъ тѣхъ звѣздъ?... И далѣе, далѣе летятъ мечты, пока не испугаются своего полета и отъ звонка не рухнутъ снова на землю.

Какая же польза отъ этихъ думъ? къ чему ведутъ онѣ?

— Но къ чему ведетъ живопись? Какая польза отъ музыки?

То и другое искусство составляютъ источникъ услады, наслажденій. Также точно наслаждаюсь и я созерцаніемъ

чудесъ природы, наслаждаюсь и благоговѣю предъ Создателемъ.

Нюта говоритъ, что я много теряю, отдаляясь отъ общества.

Можетъ-быть теряю много въ вещественномъ мірѣ, но за то сколько выигрываю въ духовномъ! Обязанность свою я исполняю, что же мѣшаетъ мнѣ распоряжаться по собственному желанію моимъ же свободнымъ временемъ?.. Одно, что меня не любятъ онѣ...

Англичане въ Крыму и Севастополѣ. Отношенія общества къ войнѣ. Силы враговъ и силы Россіи. Непростительная ошибка—высадка непріятеля въ Евпаторіи. Иностранцы въ Петербургѣ. Русскій флотъ. Веденіе войны англичанами и французами. Австрійцы и турки. Политика.

18 сентября. «Англичане въ Крыму!» «Англичане въ Севастополѣ!»

Вотъ о чемъ вездѣ и всѣ толкуютъ въ Петербургѣ и, вѣроятно, во всей Россіи: одни со страхомъ, другіе съ жаромъ, иные съ уныніемъ,—но всѣ объ этомъ говорятъ.

Есть, впрочемъ, и такіе, для которыхъ нынѣшнія событія гораздо менѣе занимательны, чѣмъ игра въ карты или пріѣздъ какой-нибудь театральной звѣзды.—Есть, къ несчастію, и такіе, которые съ торжествомъ разсказываютъ о высадкѣ союзнаго флота въ Крыму и чуть не радуются несчастію Россіи, а у насъ служатъ, ѣдятъ русскій хлѣбъ...

Если это у нихъ искренно,—провались они...

Иностранцами же затѣяна война съ Турціей; по милости ихъ же гибнутъ наши бѣдные солдатушки. Хотя наши и бьются храбро, но развѣ легко драться съ цѣлою Европою!

Трусы противные! Не смѣли же иначе напасть на Россію, какъ соединившись вмѣстѣ!—И это «образованныя державы»!..

Онѣ только и являются тамъ, гдѣ знаютъ, что нѣтъ защиты. Улеаборгъ, Гамлекарлеби, Соловецкій монастырь служатъ тому доказательствомъ. Къ Евпаторіи[1]) подошло 200 судовъ и 70,000 высажено войска, а нашихъ всего 35,000!..

Вся кровь въ голову бросается отъ досады: оставить такъ мало войска въ Крыму, когда ожидали высадки союзнаго флота! И вотъ,—англичане хозяйничаютъ въ Крыму и будутъ угрожать всему югу Россіи.

Ужасно! ужасно!.. Непостижимое затменіе! Должно быть, мы очень согрѣшили, что Господь такъ наказываетъ Россію,—больно за нее.

О, если бы я была мужчиной!

— Впрочемъ, что бы я тогда сдѣлала?.. На Руси не искать храбрецовъ-удальцовъ, готовыхъ положить голову за матушку православную отчизну... да рѣдки полководцы. Все это больно русскому сердцу. Больно такъ, что не хочу ни говорить, ни слушать о нынѣшней войнѣ. Французовъ же, и вообще иностранцевъ не могу равнодушно видѣть, особенно въ Петербургѣ: всѣ они кажутся мнѣ предателями, измѣнниками и шпіонами. Государь слишкомъ добръ, позволяя имъ жить въ Петербургѣ и взявъ ихъ подъ Свое покровительство. Я бы выгнала, начиная съ нашихъ служащихъ иностранокъ, всѣхъ ихъ изъ Россіи. Пора намъ перестать думать, что безъ иностранцевъ нѣтъ спасенія. И безъ нихъ бы мы, русскіе, образовались. Медленнѣе, правда, но лучше, цѣльнѣе и честнѣе...

Осень въ полномъ разгарѣ: дождь и сильный вѣтеръ. Вѣроятно на морѣ буря. Но никакія бури не мѣшаютъ англичанамъ разгуливать по Балтикѣ, по Черному морю и блоки-

---

[1]) Евпаторія—уѣз. гор. на зап. сторонѣ Крымскаго полуострова. Подробности о всѣхъ упоминаемыхъ военныхъ дѣйствіяхъ и герояхъ можно найти въ капитальномъ и весьма интересномъ трудѣ Н. Ѳ. Дубровина *„Матеріалы для исторіи Крымской войны"* (собст. комитета по устройству Севастопольскаго музея), а также въ *„349 дневной защитѣ Севастополя"* (общедоступное изданіе).

ровать наши суда. А мы и выглянуть не смѣемъ: такъ малъ еще и ничтоженъ нашъ флотъ! Англичане и французы ведутъ войну совершенно разбойнически: нигдѣ не показываются тамъ, гдѣ есть наши войска. Ихъ способъ войны: *«ловить рыбу въ мутной водѣ»*.

Объ австрійцахъ же и говорить нечего. Изъ всѣхъ европейскихъ народовъ—самый продажный: «на слово австрійца, какъ на слово жида, грѣшно положиться», говоритъ наша южная пословица. Въ 1789 году австріякъ былъ противъ французовъ. Его поколотилъ Наполеонъ, и онъ съ нимъ на Россію пошелъ въ двѣнадцатомъ году. Въ началѣ 1813 года, когда мы выгнали дванадесять языкъ, австрійцы, видя, что Наполеона больше нечего бояться, пошли съ русскими на Парижъ. Теперь, когда у насъ завязалась война съ Турціей, Англіей и Франціей, они снова противъ насъ, забывъ, что пять лѣтъ тому назадъ нашей же русскою кровью спасено ихъ шаткое государство.

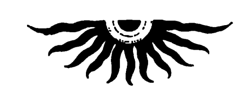
Впрочемъ, подѣломъ и намъ: благородство, великодушіе всегда вредятъ обладающимъ ими.

Двадцать лѣтъ тому назадъ мы точно также поддержали Турцію противъ египетскаго паши, а теперь она, подстрекаемая англичанами и французами, объявляетъ намъ войну

Такъ все дѣлается на свѣтѣ: «чѣмъ безчестнѣе, тѣмъ выгоднѣе для себя».

Нѣтъ, дуренъ, оченъ дуренъ людской родъ, особенно въ политикѣ, гдѣ, кажется, все можно... Куда ни посмотри— все не хорошо.

Что-то насъ ждетъ за гробомъ?..



Занятія съ дѣтьми. Впечатлѣнія отъ записаннаго. Спокойное состояніе духа. Желаніе жить для дѣтей.

24 сентября. Много занятій, но не скучно. Дѣтей прибавилось—ихъ уже десять, до сихъ поръ все добрыя! Вожусь я съ ними усердно, и почти нѣтъ у меня свободнаго времени. Если бы Господь благословилъ мой трудъ и помогъ также продолжать и въ будущемъ.

Можетъ-быть, я слишкомъ надѣюсь на свои силы? Что-то выйдетъ изъ этихъ крошекъ? Неужели онѣ не будутъ лучше послѣднихъ?..

Послѣдніе четыре мѣсяца произвели большую перемѣну въ моемъ душевномъ настроеніи: перечитывая въ разное время писанное, мнѣ странно видѣть свою руку, какъ-будто бы это писала не я? Постоянное волненіе, тоска, безпокойство—все это непонятно мнѣ теперь: я разомъ перемѣнилась и вдругъ состарилась духомъ. А тѣло, напротивъ, стало моложе: лицо пополнѣло, освѣжилось, одно время я даже похорошѣла,—то было въ Колпинѣ. Спокойная, правильная жизнь благопріятно отразилась на мнѣ. Теперь же отъ напряженныхъ занятій снова я худѣю, но все еще полнѣе, чѣмъ была раньше.

«Пора стариться, Варинька», говоритъ Нюта.

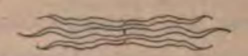
Слава Тебѣ, Господи! Я и такъ равнодушно теперь смотрю на жизнь и тревожусь только, когда она, мой ангелъ занеможетъ, или когда заговорятъ объ англичанахъ и французахъ. Покамѣстъ еще не дошла до полнаго блаженнаго безстрастія, когда можно будетъ ко всему уже относиться безразлично и даже къ пораженію русскихъ. Тогда буду holна я, какъ... эта нѣмка.

Но дѣтей своихъ я люблю и хлопочу объ ихъ успѣхахъ въ наукахъ, право, почти столько же, какъ и Горчаковъ или Меньшиковъ объ успѣхахъ русскаго оружія. Для меня также важно ихъ чистое произношеніе, умствен-

Вылазки нашихъ изъ Севастополя и кровопролитная схватка.

3 ноября. 24 октября была страшная схватка подъ Севастополемъ. Наши сдѣлали вылазку. Много побито храбрыхъ. Между ними 3 генерала: Соймоновъ, Охтерлоне и... третьяго забыла. [1]) Солдатъ убито—3,000. Офицеровъ «снято» многое множество.

Иностранные штуцера дѣйствуютъ отлично. Впрочемъ, говорятъ и имъ досталось порядкомъ, но отъ того намъ не легче...



Осада продолжается. Нужды воиновъ. О мирѣ. Желаніе ѣхать на войну и помогать всѣмъ раненымъ. Сердобольныя вдовы, уѣзжающія на войну. Приготовленіе бинтовъ и корпіи.

11 ноября. Все по-прежнему бьются подъ Севастополемъ. Наши моряки проявляютъ чудеса храбрости. И гибнутъ же храбрецы! падаютъ не сотнями, но тысячами, не произнося ни единой жалобы...

Несчастные безъ ропота жертвуютъ жизнью за Отечество, а мы безсмысленно тратимъ время и деньги на пустыя приличія, на тряпки, на театръ,—тогда какъ лучше было бы употребить лишнюю копейку на поддержку воиновъ, на съѣстные для войска припасы, на одежду солдатамъ, на штуцера, на лѣкарства и прочія пособія для раненыхъ.

Поговариваютъ о мирѣ; но разъ затѣяли войну, такъ надо побѣдить или умереть со славою, а не заключать постыднаго мира. Есть добрые люди, которые толкуютъ о контрибуціи въ пользу англичанъ. Отъ такого позора сохрани насъ, Господи! Послѣ этого всякій можетъ изъ Россіи дѣлать, что хочетъ, и тогда, дѣйствительно, легко обезславить нашу матушку Русь православную. Лучше умереть, нежели видѣть униженіе дорогого Отечества!...

[1]) Третій Вильбоа. Это Инкерманское сраженіе 24 октября 1854 г.

Церковь св. Екатерины

(при СПБ. Вдовьемъ Домѣ—въ Смольномъ Монастырѣ).

Многія дамы ѣдутъ въ Крымъ, ухаживать за больными. Мнѣ бы также хотѣлось, но нельзя. Сестеръ жаль, и отецъ духовный отсовѣтовалъ, выразившись: «вы и здѣсь можете быть, какъ на войнѣ, сестрами. Вы несете всегда обязанности сестеръ милосердія, а та служба не по вашему здоровью» [1]).

Боже мой, Боже мой, научи меня, чѣмъ могу я быть полезной Россіи! Давно въ головѣ моей гнѣздится смѣлая мысль о *воззваніи* ко всѣмъ русскимъ женщинамъ, преимущественно же къ богатымъ, устроить комитетъ помощи всѣмъ раненнымъ, но боюсь—не сумѣю растрогать ихъ, можетъ-быть и цензура не пропуститъ... да и не дозволитъ начальство...

Изъ Вдовьяго дома [2]) отправляются 20 вдовушекъ, тоже въ Крымъ. Сегодня у нихъ въ церкви было торжественное служеніе, и послѣ обѣдни. Митрополитъ возлагалъ кресты на посвящающихъ себя въ званіе «сердобольныхъ сестеръ» [3]).

Многія изъ нашихъ принялись за корпію. Мы тоже работаемъ: также дѣлаемъ бинты и стараемся побольше отправить ихъ съ отъѣзжающими вдовами.

«Добрый вамъ путь, прекрасныя русскія женщины!..

[1]) О. Недешевъ. 1833 г. 11 дек.

[2]) С.-Петербургскаго. 13-го ноября отправились въ Севастополь „сердобольныя вдовы", оказывавшія громадныя услуги воинамъ. Ихъ солдатики называли „ангелами". (См. „К. Очеркъ дѣятельности сердобольныхъ вдовъ въ Крымскихъ госпиталяхъ"). При отправленіи, высокопреосвящ. Никопоръ, Митроп. С.-Петербургскій, напутствовалъ ихъ словомъ и иконою. Эта икона хранится и нынѣ на видномъ мѣстѣ въ Екатерининской, Вдовьяго Дома, церкви.

[3]) См. особый „чинъ присяги сердобольнымъ", совершавшійся ежегодно 12 марта въ церкви Вдовьяго Дома. Многіе архипастыри - витіи писали на это торжество прекрасныя рѣчи (напр. см. рѣчь Архіеп. Михаила Черниговскаго въ 1815 г., почти всѣхъ викаріевъ С.-Пб. епарх. до 1874 г. Преосвящ.,—нынѣ. Митрополита Палладія въ 1867, въ 1868, въ 1869 году и мн. друг.).

Неудающееся торжество союзниковъ. О французахъ. Подвиги русскихъ. Патріотическое стихотвореніе А. Майкова. Злодѣйка-мысль.

17 ноября. Осада продолжается. На Севастополь выпущено 200,000 бомбъ. Удивительно, какъ держится до сихъ поръ эта крѣпость!..

Союзники хвалились, что на 3-ій день осады—разрушать все до основанія, а, между тѣмъ, съ помощью Божіею, Севастополь еще въ нашихъ рукахъ, несмотря на ихъ превосходныя пушки, на множество штуцеровъ и, вообще, на превосходное, сравнительно съ нашимъ, вооруженіе непріятеля.

Одинъ Господь знаетъ, чѣмъ все кончится!.. Всего бы лучше—всеобщій миръ; но миръ почетный, славный для Россіи. Иначе же придется еще многимъ и многимъ напоить своей горячей кровью мать—сыру землю.

Безумные французы! Изъ-за чего они губятъ такъ много народа и денегъ?.. Изъ желанія ослабить Россію?.. Но что же они существеннаго выигрываютъ, ослабивъ ее?..

Не истребить имъ всѣхъ русскихъ: всегда найдутся истинные сыны Россіи, которые снова возвеличатъ имя ея. Не впервые страдать намъ. Господь накажетъ, Господь и помилуетъ. Не торжествовать до конца врагамъ нашимъ...

Много ходитъ разсказовъ о подвигахъ нашихъ храбрыхъ солдатъ: на досугѣ хочу записывать ихъ. Можетъ со временемъ съ пользою для себя прочту.

Это время чувства всѣхъ напряжены, а потому является множество стиховъ. Между сотнею патріотическихъ много есть «*пошлыхъ*»; но есть и прекрасные, полные чувства и картинности. Восхитительны стихи А. Майкова [1]) на Царя:

[1]) Майковъ. Апол. Никол. (род. 1821 г., † 1897 г.), направленъ на литературн. путь учителями Смольнаго: Плетневымъ и Никитенко.

Нюта, вѣрная своему названію «неземной», писала большею частію въ задумчивомъ родѣ. Я тоже, по природному влеченію, писала шуточный вздоръ, большею частью русскимъ размѣромъ. Недаромъ покойный отецъ называлъ меня «*русскою*» дѣвушкою.

Спасибо брату Александру [7]): онъ меня такъ наименовалъ, чему я очень рада и чѣмъ даже горжусь.

Чуть немного задумаюсь, онъ тотчасъ твердитъ: «полно, Варенька, лѣзть въ небесныя, останься лучше земною».

Однакоже, несмотря на мое цвѣтущее лицо, я часто предавалась размышленіямъ, и причиной тому было раннее сиротство.

Потеря матери отпечатлѣлась на всей нашей жизни. Грустить о ней мы привыкли съ самаго ранняго дѣтства. Безпрестанно и во всемъ мы чувствовали, что нѣтъ у насъ на землѣ ангела—друга и матери!

Едва лепетать умѣли, а уже со слезками на глазахъ напѣвали бывало украдкой:

«Нѣту маменьки родной,
Нѣтъ на свѣтѣ дорогой».

Такъ начиналась пѣсенка, что придумалъ братъ, самъ будучи ребенкомъ.

Когда насъ, бывало, разбранятъ, мы забьемся куда-нибудь въ уголокъ и сквозь слезы тихохонько тянемъ любимыя пѣсенки, слышанныя отъ няни:

«А кто въ поле гукае?
Батько дитокъ скликае.
— Приходите жъ, дитки, до дому
Да не будетъ вже вамъ разгону.
Только дитки на порогъ,
А мачиха за ботогъ».

---

[7]) Братъ Александръ Петровичъ, см. зап. 1835 года. Прим. 4.

Статья Шевырева о Жуковскомъ. Стихи Жуковскаго. Его стихотвореніе „Слова мира и любви".

23 ноября. Урывками читаю я статью Шевырева [1]) о Жуковскомъ [2]) и нахожу, что она очень дѣльно написана. Слогъ легкій, звучный, поэтическій, совершенно соотвѣтствующій предмету, чисто русскій, *безъ примѣси иностранныхъ словъ*, [3]) которыми наводняютъ нашъ языкъ «новѣйшіе» писатели.

Стихи Жуковскаго мнѣ чрезвычайно нравятся. Они дышатъ желаніемъ мира и любви человѣчеству. Они чисто въ христіанскомъ духѣ. Я ихъ люблю, какъ любила и самого Жуковскаго.

«О, совершись, святой завѣтъ!
— Въ одну семью, народы!..
Цари,—въ одинъ отцевъ совѣтъ!
Будь сила—щитъ свободы!
Духъ благодати, пронесись
Надъ мирною вселенной,
И вся земля совокупись
Въ единый прахъ нетлѣнный!
Въ совѣтъ къ царямъ, небесный Царь!
Символъ имъ: Провидѣнье!
Тронъ власти,—обратись въ алтарь!
Въ любовь—повиновенье!

---

1) Шевыревъ, Степ. Петров., проф. рус. слов.,—критикъ и литераторъ. Его замѣч. трудъ: *„теорія поэзіи въ истор. ея развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ"* (1837 г.). Какъ критикъ. — онъ возбуждалъ много полемики. (Род. 1805 г., † 1864 г.).

2) Жуковскій, см. зап. 1836 г. 3 мар., пр. 2; 1837 г. 27 іюня, 1854 г. 31 дек., пр. 3.

3) Что должно быть поставлено въ большую заслугу и самому автору этихъ записокъ, особенно при его знаніи иностранныхъ языковъ.

ственно, когда припоминаю, что любимыми нашими дѣтскими разговорами были разговоры о предметахъ Св. Писанія, особенно Новаго Завѣта, и чтеніе твореній св. Угодниковъ Божіихъ.

О Страшномъ судѣ толковали мы чаще всего. Потому, глядя на несущіяся пары въ вальсѣ, слушая быструю, увлекающую музыку, мнѣ невольно приходило въ голову: что́ бы сдѣлалось со всѣми нами, если бы вдругъ раздался звукъ ангельской трубы? И становилось страшно мнѣ, и молилась я о своихъ и о чужихъ грѣхахъ...

Да, я когда-то была доброе дитя. Многіе считали меня совсѣмъ глупенькою: это мнѣніе много подѣйствовало на послѣдующую жизнь и поступки: чтобы разувѣрить людей, я часто не такъ, какъ бы слѣдовало, вела себя, непочтительно... и часто грубила. Простите меня, умершія и живыя мои дамы,—это была моя молодость, я сознаюсь теперь. Мнѣ было обидно слышать, когда язвительно говорили: «Варенька—сама кротость; она все перенесетъ». Изъ всего этого и выходило много огорченій, которыхъ можно было бы избѣжать, если бы любовь или любящая мать руководили нами. Но мы росли сами по себѣ: никто объ насъ не заботился, никто не старался узнавать нашъ образъ мыслей, исправлять насъ, улучшать,—некому было заняться бѣдными сиротами...

Одинъ лишь покойный о. Іоаннъ Недешевъ [9]) наставлялъ меня, и слова его глубоко западали въ душу. Онъ говорилъ: *«не думайте ни о комъ дурно; если вы видите зло въ людяхъ, то это потому, что это зло въ васъ самихъ»*. Наставленія падали на добрую почву: я старалась видѣть вездѣ одно лишь добро, а потому *до выпуска изъ Смольнаго—міръ для меня былъ населенъ ангелами*. Такое направленіе имѣло свою невыгодную сторону. Вышедши въ свѣтъ и вскорѣ увидѣвъ, что ничтожныхъ и порочныхъ людей больше, чѣмъ *добрыхъ*,

[9]) Законоучитель и духовникъ Варвары и Анны П. Б. См. зап. 1833 года 11 дек., примѣч. 9, стр. 18-я и портретъ его.

О, [illegible] Р[illegible] [illegible] [illegible]ть, знать все, и не быть [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]ія. — принести какую-ни[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], а [illegible] плакать и плакать... [illegible] [illegible] [illegible] на злобу людскую, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] русскихъ и ничему-[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]!

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible]!

[illegible] [illegible]зовія [illegible] [illegible]алось [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] грусти. [illegible] всѣ [illegible] напе[illegible]

[illegible]

31 декабря. [illegible] [illegible] часы [illegible] [illegible]женіе [illegible]

[illegible] [illegible] дѣти — лю[illegible] [illegible] [illegible] бы[illegible] [illegible] же [illegible] [illegible]ями. [illegible] [illegible] нимъ [illegible] [illegible] при[illegible] [illegible] [illegible] ничто [illegible] [illegible] Напримѣръ,

дочная, разсудительная дѣвочка была названа *«нѣмкой»*; Нюта — *«гречанкой»*, по красотѣ; — я же — *«полькой»*, за живость характера, вѣтренность и за то, что, давая цѣловать рученку, отвертывалась на польскій ладъ. Отъ прежней живости уцѣлѣло немного. И въ обществѣ я кажусь дикой, угрюмой, скромной и молчаливой, такъ какъ не люблю поддерживать пустыхъ разговоровъ или *молчать о томъ, что мнѣ не нравится*. Теперь уже мнѣ все равно, все равно...

Господи, благослови провести новый годъ на пользу бѣднымъ братьямъ-людямъ. Благослови труды наши! Благослови Нюту, родныхъ, моихъ воспитанницъ; благослови Россію, пролей свѣтъ евангельскаго ученія въ народы, смягчи сердца ихъ и помилуй Твое бѣдное, слабое созданіе!

А вы, духи безплотные, покинувшіе землю, гдѣ вы? что вы? Миръ вамъ! миръ вамъ!

Отецъ и мать мои неоцѣненные...... видите ли насъ? И помните ли земное? Гдѣ всѣ вы, еще такъ недавно жившіе межъ нами? О, дайте отвѣтъ, откликнитесь! Явитесь во снѣ скажите, хорошо ли въ томъ невѣдомомъ мірѣ, куда вы переселились? Доходятъ ли до васъ наши теплыя молитвы?

Какъ бы хотѣлось, чтобы мы видѣли и понимали васъ, оставаясь на землѣ!.. О, какъ бы хотѣлось! Но напрасно! Ничего не узнать о васъ и отъ васъ [12])...

[12]) Неправда: чит. напр. Евангел. Луки 16 глава, съ 19 стиха до конца главы.

1855 г.

Явленіе души изъ загробнаго міра. Князь Долгорукій.

1 января. Сегодня я весела цѣлый день. По зову моему явилась во снѣ одна изъ любимыхъ душъ. Все было такъ отчетливо, такъ ясно, что, проснувшись ночью, я долго не могла придти въ себя. Если бы почаще видѣть отошедшихъ отъ міра сего, тогда бы я убѣдилась, что есть сношеніе душъ, живущихъ на землѣ, съ душами, покинувшими тѣлесную оболочку. Какая чудная, отрадная мысль! Съ подобнымъ убѣжденіемъ можно бы было быть совершенно счастливою!..

Сегодня видѣла я извѣстнаго магнетизера, кн. Долгорукова [1]). Говорятъ, онъ дѣлаетъ чудеса.

Глаза у него, правда, прекрасные: черные, блестящіе, такъ и бѣгаютъ. Я смотрѣла на него съ большимъ любопытствомъ, — замѣчательное лицо. Кромѣ силы магнетизма, онъ извѣстенъ еще своими приключеніями: былъ два раза женатъ, обѣ жены живы, и въ тоже время нѣтъ ни одной жены! Вотъ въ чемъ дѣло.

Въ молодости, будучи у себя въ деревнѣ, онъ шалилъ много; шалилъ до того, что отецъ и братъ одной крест-

---

[1]) Въ пріемѣ. Пріѣзжалъ въ Смольный навѣщать дочерей—кн. Долгорукую и Лизу Якимову.

янки, за которою слишкомъ ухаживалъ молодой князь, заставили его жениться на этой дѣвушкѣ. Разсказывали, какъ-будто бы они забрались къ князю ночью съ топорами и угрожали смертью въ случаѣ, если не исполнитъ ихъ требованій. Князь испугался и женился.

Родилась дочь, которую тотчасъ взяла на воспитаніе бабушка княгиня. Но князю наскучила жена крестьянка; притомъ же онъ влюбился въ дочь ген. Якимова. Вслѣдствіе этого онъ за извѣстную сумму (10 тыс. р.) уговорилъ жену выдать себя за умершую, а самъ женился на Якимовой.

Ужъ у князя было трое дѣтей, какъ вдругъ возстаетъ изъ мертвыхъ первая жена и объявляетъ требованіе на княжеское званіе. Несчастнаго Долгорукаго долго судили и рѣшили тѣмъ, что развели со второю женою, признали дѣтей незаконнорожденными и дали дочери имя матери — Якимовой, а сыну — князя Долгорукова...

Въ Смольномъ Монастырѣ воспитывается теперь маленькая дочь подъ именемъ Лизы Якимовой [2]), а старшая дочь, вышедшая въ прошедшемъ году замужъ, называлась княжной Долгорукой.

Къ нимъ то и пріѣзжалъ князь, нисколько не краснѣя и не сожалѣя о странномъ положеніи жены и дѣтей.

Кажется, и вторая супруга ему уже надоѣла; это можно было замѣтить изъ нѣсколькихъ его словъ, брошенныхъ имъ вскользь, но по ея адресу...

Странный человѣкъ; одно думается мнѣ про него, что онъ безъ Бога, совѣсти и любви къ своимъ дѣтямъ...

. . . .

[2]) Лиза Якимова (выпус. 1863 или 1864 года), какъ передаютъ,—добровольно испросила разрѣшеніе сопровождать отца въ Сибирь, гдѣ, по слухамъ, вышла замужъ за земледѣльца-крестьянина.

Или еще другую, полную глубокой тоски, тоже малороссійскую пѣсенку:

«Ой, умру жъ, мой миленькій, умру,
Да не жива жъ я буду!
О срой менѣ глубоку могилу,
Посади надо мной червонну калину,
Приводи ко мнѣ маленьку дѣтину.
Ой, помре миленькая, помре!
Вырылъ ей глубоку могилу,
Посадилъ надъ ней червонну калину,
Привелъ къ ней маленьку дѣтину.
Калину ломаю, дитю забавляю.
Устань, миленькій, устань:
Дитя плаче.
Нехай плаче, воно перестане:
А вжежъ матусенька ёго до вику не встане!..»

Выросши на подобныхъ пѣсенкахъ, на разсказахъ няни о покойной матушкѣ, на чтеніи Евангелія, къ которому я пристрастилась еще ребенкомъ, встрѣчая вездѣ лишенія и очень очень мало ласки,—не мудрено, что я пріобрѣла задумчивый, скрытный и недовѣрчивый нравъ. Чтеніе всего, что попадалось мнѣ подъ руку изъ литературы, развило во мнѣ мечтательность. Что же мудренаго въ томъ, что я иногда посреди общаго веселья задумываюсь крѣпко?

Странно вспомнить, что бывало еще въ Смольномъ, чуть-даже не въ голубомъ *) классѣ, на казенномъ балу, подъ звуки вальса или галопа думала я о Страшномъ судѣ. Откуда могла забраться подобная мысль въ голову дѣвочки?! Оно сначала кажется дико, но между тѣмъ выходитъ есте-

*) Классъ [illegible] платья—сред- [illegible] смерти. см. зап. 1855 г. [illegible] 1855 г. [illegible]

Смерть Императора Николая I и послѣдніе часы Его жизни.

20 февраля. Великое событіе совершилось въ мірѣ 18 февраля!..

Не стало Царя Николая I.

Ужъ минулъ третій день, какъ нѣтъ Его, Властителя могучаго, въ рукахъ котораго заключены были судьбы многихъ народовъ. Разомъ свалился Онъ, — сильный духомъ и тѣломъ, съ желѣзною волею, съ твердыми намѣреніями. Свалился Онъ, какъ исполинскій кедръ, разбитый грозою.

Еще за три дня до смерти видѣлъ Его на улицахъ народъ.

Въ воскресенье Онъ прощался съ солдатами, отправляющимися въ походъ; застудилъ гриппъ и все-таки поѣхалъ во вторникъ въ манежъ.

Когда говорилъ ему Карель [1]), что солдату въ его положеніи велѣли бы лечь въ постель, Онъ отвѣчалъ: «а мнѣ, Императору русскому, нельзя, мнѣ нужно ѣхать».

И поѣхалъ Онъ. Домой вернулся съ Александромъ Николаевичемъ въ саняхъ, слегъ и больше не вставалъ. Въ Петербургѣ никто и не зналъ объ опасномъ Его положеніи, а потому мы всѣ были крайне поражены, когда вдругъ въ пятницу, 18 числа, разнеслась молва: *«Государь опасно боленъ»*. *«Наслѣдникъ велѣлъ молиться по всѣмъ церквамъ»*.

Черезъ два часа послѣ того услышана была горестная вѣсть: *«Государь скончался»*.

Все это случилось такъ неожиданно, такъ быстро, что смерть Царя казалась невозможною...

Было что-то дикое, страшное въ этихъ словахъ; мгновенно разнеслись они по городу.

---

[1]) Карель — лейбъ-медикъ Государя, молодой ассистентъ Мандта, главнаго доктора при Его Величествѣ.

я потеряла вѣру въ слова о. Іоанна. Любя его все такъ-же глубоко, какъ прежде, я съ грустью говорила себѣ: не смотря на свои годы, батюшка все еще дитя, — онъ не знаетъ жизни!

Въ слѣдъ за этимъ разочарованіемъ начались и другія. Постепенно утрачивая одно вѣрованіе за другимъ, я теряла откровенность, ясность души и переживала рядъ тяжелыхъ испытаній не только за себя, но и за сестеръ и за всю Россію, хотя поддерживала въ себѣ надежду, что для моего дорогого отечества настанутъ лучшія времена.

О, Господи, водвори миръ въ народахъ! Духъ Твоей благости да пронесется надъ грѣшной вселенной!

Сколько однако же я наговорила по поводу себя и куда перенеслась въ воспоминаніяхъ; подъ-часъ я очень болтлива. . . . .

— Сегодня я весела, помолилась Богу у всенощной и въ первый разъ въ жизни радостно встрѣчаю Новый годъ. Потому-то и разговорилась такъ о себѣ. Вотъ и теперь вертится на умѣ нѣчто вродѣ поздравительныхъ стиховъ, которыми привѣтствовала я покойную мать, когда мнѣ было не болѣе трехъ лѣтъ. Помнится, учила меня старушка няня [10]):

«Я маленькая дѣвочка, розовая, какъ цвѣточекъ.
Ничего не знаю — только азъ да буки,
Пожалуйте денежку въ руки».

Странно подумать, что я могла быть, когда-нибудь, розовая, какъ цвѣтокъ!.. А каковы стихи? Бѣдная няня, — она меня очень любила и учила тому, что знала сама.

Какой-то старый бригадиръ въ то время далъ намъ тремъ сестрамъ разныя названія: Лиза [11]), скромная, поря-

[10]) Устинья — „приданое" еще ихъ покойной матери, изъ крѣпости. Ее часто отецъ присылалъ навѣщать „барышенъ" въ Петербургъ.

[11]) Елизавета Петровна Быкова — старшая сестра, дѣвица, ум. въ 1876 г. и погребена въ Саратовѣ, въ одной могилѣ съ отцомъ.

дочная, разсудительная дѣвочка была названа *«нѣмкой»*; Нюта — *«гречанкой»*, по красотѣ; — я же — *«полькой»*, за живость характера, вѣтренность и за то, что, давая цѣловать ручонку, отвертывалась на польскій ладъ. Отъ прежней живости уцѣлѣло немного. И въ обществѣ я кажусь дикой, угрюмой, скромной и молчаливой, такъ какъ не люблю поддерживать пустыхъ разговоровъ или *молчать о томъ, что мнѣ не нравится*. Теперь уже мнѣ все равно, все равно...

Господи, благослови провести новый годъ на пользу бѣднымъ братьямъ-людямъ. Благослови труды наши! Благослови Нюту, родныхъ, моихъ воспитанницъ; благослови Россію, пролей свѣтъ евангельскаго ученія въ народы, смягчи сердца ихъ и помилуй Твое бѣдное, слабое созданіе!

А вы, духи безплотные, покинувшіе землю, гдѣ вы? что вы? Миръ вамъ! миръ вамъ!

Отецъ и мать мои неоцѣненные...... видите ли насъ? И помните ли земное? Гдѣ всѣ вы, еще такъ недавно жившіе межъ нами? О, дайте отвѣтъ, откликнитесь! Явитесь во снѣ скажите, хорошо ли въ томъ невѣдомомъ мірѣ, куда вы переселились? Доходятъ ли до васъ наши теплыя молитвы?

Какъ бы хотѣлось, чтобы мы видѣли и понимали васъ, оставаясь на землѣ!.. О, какъ бы хотѣлось! Но напрасно! Ничего не узнать о васъ и отъ васъ [12])...

---

[12]) Неправда: чит. напр. Евангел. Луки 16 глава, съ 19 стиха до конца главы.

Теперь, въ вѣкъ натуральной школы, не то. Теперь любятъ земную красоту; но я, по счастію или по несчастію, явилась въ свѣтъ, когда еще мечтали о «небесныхъ» дѣвахъ, когда еще звучали въ устахъ стихи Жуковскаго:

«Мила для взора живость цвѣта—
Знакъ юныхъ дней;
Но *блѣдный* цвѣтъ—тоски примѣта—
Еще милѣй...»

А у меня, какъ на бѣду, не было въ то время тоски; напротивъ—аппетитъ прекрасный, мало что думалось; все больше чего-то ждалось отъ жизни съ мірами блаженства въ будущемъ.

Настоящимъ, правда, нечѣмъ было похвалиться: глупо шла жизнь;—бѣдныхъ сиротъ некому было потѣшить, приголубить. Безъ матери плохо жить молодымъ дѣвушкамъ.

Молодость и крѣпость здоровья все-таки свое брали: часто отъ горькихъ слезъ почти незамѣтно переходили къ громкому, продолжительному смѣху. Хохотали такъ, какъ только хохочутъ въ первые юные годы жизни. Кажется, теперь ни за что бы не въ состояніи залиться подобнымъ хохотомъ даже и во французскомъ театрѣ, гдѣ умѣютъ на славу смѣшить. А тогда чему такъ радовались?

Сидимъ, бывало, втроемъ въ своей комнатѣ, ждемъ часовъ до двухъ ночи, когда кончится партія виста [6]). Работаемъ, или читаемъ, или просто болтаемъ; то сожалѣемъ о своемъ безрадостномъ житьѣ-бытьѣ, то вспоминаемъ сиротское дѣтство, то заглянемъ въ будущее—вездѣ все такъ нехорошо; пригорюнимся, а потомъ вдругъ разразимся звонкимъ, блестящимъ дѣтскимъ смѣхомъ; импровизируемъ стихи сообща, или по одиночкѣ, кто напишетъ лучше.

[6]) Карточная игра, которою тогда увлекались, подобно тому, какъ и теперь „винтомъ“.

Нюта, вѣрная своему названію «неземной», писала большею частію въ задумчивомъ родѣ. Я тоже, по природному влеченію, писала шуточный вздоръ, большею частью русскимъ размѣромъ. Недаромъ покойный отецъ называлъ меня *«русскою»* дѣвушкою.

Спасибо брату Александру [7]): онъ меня такъ наименовалъ, чему я очень рада и чѣмъ даже горжусь.

Чуть немного задумаюсь, онъ тотчасъ твердитъ: «полно, Варенька, лѣзть въ небесныя, останься лучше земною».

Однакоже, несмотря на мое цвѣтущее лицо, я часто предавалась размышленіямъ, и причиной тому было раннее сиротство.

Потеря матери отпечатлѣлась на всей нашей жизни. Грустить о ней мы привыкли съ самаго ранняго дѣтства. Безпрестанно и во всемъ мы чувствовали, что нѣтъ у насъ на землѣ ангела—друга и матери!

Едва лепетать умѣли, а уже со слезками на глазахъ напѣвали бывало украдкой:

«Нѣту маменьки родной,
Нѣтъ на свѣтѣ дорогой».

Такъ начиналась пѣсенка, что придумалъ братъ, самъ будучи ребенкомъ.

Когда насъ, бывало, разбранятъ, мы забьемся куда-нибудь въ уголокъ и сквозь слезы тихохонько тянемъ любимыя пѣсенки, слышанныя отъ няни:

«А кто въ поле гукае?
Батько дитокъ скликае.
— Приходите жъ, дитки, до дому
Да не будеть вже вамъ разгону.
Только дитки на порогъ,
А мачиха заботогъ».

---

[7]) Братъ Александръ Петровичъ, см. зап. 1835 года. Прим. 4.

Или еще другую, полную глубокой тоски, тоже малороссійскую пѣсенку:

«Ой, умру жъ, мой миленькій, умру,
Да не жива жъ я буду!
О срой менѣ глубоку могилу,
Посади надо мной червонну калину,
Приводи ко мнѣ маленьку дѣтину.
Ой, помре миленькая, помре!
Вырылъ ей глубоку могилу,
Посадилъ надъ ней червонну калину,
Привелъ къ ней маленьку дѣтину.
Калину ломаю, дитю забавляю.
Устань, миленькій, устань:
Дитя плаче.
Нехай плаче, воно перестане:
А вжежъ матусенька ёго до вику не встане!..»

Выросши на подобныхъ пѣсенкахъ, на разсказахъ няни о покойной матушкѣ, на чтеніи Евангелія, къ которому я пристрастилась еще ребенкомъ, встрѣчая вездѣ лишенія и очень, очень мало ласки,—не мудрено, что я пріобрѣла задумчивый, скрытный и недовѣрчивый нравъ. Чтеніе всего, что попадалось мнѣ подъ руку изъ литературы, развило во мнѣ мечтательность. Что же мудренаго въ томъ, что я иногда посреди общаго веселья задумываюсь крѣпко?

Странно вспомнить, что бывало еще въ Смольномъ, чуть-даже не въ голубомъ *) классѣ, на казенномъ балу, подъ звуки вальса или галопа думала я о Страшномъ судѣ. Откуда могла забраться подобная мысль въ голову дѣвочки?! Оно сначала кажется дико, но между тѣмъ выходитъ есте-

*) Классъ, въ коемъ воспитанницы носили голубыя платья—средній, соотвѣтствующій нынѣшнимъ 4-му и 5-му. О смерти. см. зап. 1835 г. 8 іюля, 1836 г. 13 янв.

ственно, когда припоминаю, что любимыми нашими дѣтскими разговорами были разговоры о предметахъ Св. Писанія, особенно Новаго Завѣта, и чтеніе твореній св. Угодниковъ Божіихъ.

О Страшномъ судѣ толковали мы чаще всего. Потому, глядя на несущіяся пары въ вальсѣ, слушая быструю, увлекающую музыку, мнѣ невольно приходило въ голову: что̀ бы сдѣлалось со всѣми нами, если бы вдругъ раздался звукъ ангельской трубы? И становилось страшно мнѣ, и молилась я о своихъ и о чужихъ грѣхахъ...

Да, я когда-то была доброе дитя. Многіе считали меня совсѣмъ глупенькою; это мнѣніе много подѣйствовало на послѣдующую жизнь и поступки: чтобы разувѣрить людей, я часто не такъ, какъ бы слѣдовало, вела себя, непочтительно... и часто грубила. Простите меня, умершія и живыя мои дамы,—это была моя молодость, я сознаюсь теперь. Мнѣ было обидно слышать, когда язвительно говорили: «Варенька—сама кротость; она все перенесетъ». Изъ всего этого и выходило много огорченій, которыхъ можно было бы избѣжать, если бы любовь или любящая мать руководили нами. Но мы росли сами по себѣ: никто объ насъ не заботился, никто не старался узнавать нашъ образъ мыслей, исправлять насъ, улучшать,—некому было заняться бѣдными сиротами...

Одинъ лишь покойный о. Іоаннъ Недешевъ [9]) наставлялъ меня, и слова его глубоко западали въ душу. Онъ говорилъ: «*не думайте ни о комъ дурно; если вы видите зло въ людяхъ, то это потому, что это зло въ васъ самихъ*». Наставленія падали на добрую почву: я старалась видѣть вездѣ одно лишь добро, а потому *до выпуска изъ Смольнаго—міръ для меня былъ населенъ ангелами.* Такое направленіе имѣло свою невыгодную сторону. Вышедши въ свѣтъ и вскорѣ увидѣвъ, что ничтожныхъ и порочныхъ людей больше, чѣмъ *добрыхъ*,

[9]) Законоучитель и духовникъ Варвары и Анны П. Б. См. зап. 1833 года 11 дек., примѣч. 9, стр. 18-я и портретъ его.

я потеряла вѣру въ слова о. Іоанна. Любя его все такъ-же глубоко, какъ прежде, я съ грустью говорила себѣ: не смотря на свои годы, батюшка все еще дитя, — онъ не знаетъ жизни!

Въ слѣдъ за этимъ разочарованіемъ начались и другія. Постепенно утрачивая одно вѣрованіе за другимъ, я теряла откровенность, ясность души и переживала рядъ тяжелыхъ испытаній не только за себя, но и за сестеръ и за всю Россію, хотя поддерживала въ себѣ надежду, что для моего дорогого отечества настанутъ лучшія времена.

О, Господи, водвори миръ въ народахъ! Духъ Твоей благости да пронесется надъ грѣшной вселенной!

Сколько однако же я наговорила по поводу себя и куда перенеслась въ воспоминаніяхъ; подъ-часъ я очень болтлива. . . . .

— Сегодня я весела, помолилась Богу у всенощной и въ первый разъ въ жизни радостно встрѣчаю Новый годъ. Потому-то и разговорилась такъ о себѣ. Вотъ и теперь вертится на умѣ нѣчто вродѣ поздравительныхъ стиховъ, которыми привѣтствовала я покойную мать, когда мнѣ было не болѣе трехъ лѣтъ. Помнится, учила меня старушка няня [10]):

«Я маленькая дѣвочка, розовая, какъ цвѣточекъ.
Ничего не знаю—только азъ да буки,
Пожалуйте денежку въ руки».

Странно подумать, что я могла быть, когда-нибудь, розовая, какъ цвѣтокъ!.. А каковы стихи? Бѣдная няня,— она меня очень любила и учила тому, что знала сама.

Какой-то старый бригадиръ въ то время далъ намъ тремъ сестрамъ разныя названія: Лиза [11]), скромная, поря-

---

[10]) Устинья—„приданое" еще ихъ покойной матери, изъ крѣпости. Ее часто отецъ присылалъ навѣщать „барышенъ" въ Петербургъ.

[11]) Елизавета Петровна Быкова—старшая сестра, дѣвица, ум. въ 1876 г. и погребена въ Саратовѣ, въ одной могилѣ съ отцомъ.

Ожиданіе непріятельскаго нападенія на Петербургъ.

30 апрѣля. Говорятъ, союзный флотъ между Свеаборгомъ и Ревелемъ въ Финскомъ заливѣ и приближается къ Петербургу.

Странно: жители его спокойны;—должно быть, привычка?..

Въ прошедшемъ году въ нападеніе на Петербургъ не вѣрилось:—оно казалось чѣмъ то дикимъ; но теперь, послѣ нападенія на беззащитныя мѣста, послѣ бомбардированія Одессы—мирнаго, торговаго города, святой Соловецкой обители и послѣ такой ожесточенной осады Севастополя—можно всего ожидать!

Покамѣстъ, несмотря на союзъ христіанскихъ западныхъ державъ противъ Россіи и Греціи, двухлѣтняя война еще не принесла имъ никакихъ выгодъ. Севастополь держится героемъ, и Россія крѣпко стоитъ; хлѣба у насъ много, а безъ иностранныхъ тряпокъ мы обойдемся.

Что-то далѣе дастъ Господь?—никому и ничего неизвѣстно. Оправдается ли это самохвальство, достойное «союзниковъ»? Мое же глубокое убѣжденіе въ помощи намъ Божіей основывается на томъ, что мы только защищаемся отъ нашествія многочисленныхъ враговъ, а не сами нападаемъ.

— Смѣшатъ меня французы. Недавно въ одномъ ихъ журналѣ торжественно заявляется: «*идетъ у насъ великая борьба*».

Что-же у васъ, французы, за борьба? На одной сторонѣ: Франція, Англія, Австрія, Турція, Канроберъ, Непиръ, Абдулъ-Меджидъ, Шамиль, а на другой—одна Россія, подобно древней Медеи:

«Moi, moi seule et cela suffit» [1])...

Кому же стыдно-то? Ужъ только, я думаю, не русскимъ? Должно быть вы, союзники. помѣшались или смѣетесь сами надъ собою?..

---

[1]) Изъ трагедіи Шекспира «Магбетъ».

1855 г.

Явленіе души изъ загробнаго міра. Князь Долгорукій.

1 января. Сегодня я весела цѣлый день. По зову моему явилась во снѣ одна изъ любимыхъ душъ. Все было такъ отчетливо, такъ ясно, что, проснувшись ночью, я долго не могла придти въ себя. Если бы почаще видѣть отошедшихъ отъ міра сего, тогда бы я убѣдилась, что есть сношеніе душъ, живущихъ на землѣ, съ душами, покинувшими тѣлесную оболочку. Какая чудная, отрадная мысль! Съ подобнымъ убѣжденіемъ можно бы было быть совершенно счастливою!..

Сегодня видѣла я извѣстнаго магнетизера, кн. Долгорукова [1]). Говорятъ, онъ дѣлаетъ чудеса.

Глаза у него, правда, прекрасные: черные, блестящіе, такъ и бѣгаютъ. Я смотрѣла на него съ большимъ любопытствомъ, — замѣчательное лицо. Кромѣ силы магнетизма, онъ извѣстенъ еще своими приключеніями: былъ два раза женатъ, обѣ жены живы, и въ тоже время нѣтъ ни одной жены! Вотъ въ чемъ дѣло.

Въ молодости, будучи у себя въ деревнѣ, онъ шалилъ много; шалилъ до того, что отецъ и братъ одной кресть-

---

[1]) Въ пріемѣ. Пріѣзжалъ въ Смольный навѣщать дочерей—кн. Долгорукую и Лизу Якимову.

янки, за которою слишкомъ ухаживалъ молодой князь, заставили его жениться на этой дѣвушкѣ. Разсказывали, какъ-будто бы они забрались къ князю ночью съ топорами и угрожали смертью въ случаѣ, если не исполнитъ ихъ гребованій. Князь испугался и женился.

Родилась дочь, которую тотчасъ взяла на воспитаніе бабушка княгиня. Но князю наскучила жена крестьянка; притомъ же онъ влюбился въ дочь ген. Якимова. Вслѣдствіе этого онъ за извѣстную сумму (10 тыс. р.) уговорилъ жену выдать себя за умершую, а самъ женился на Якимовой.

Ужъ у князя было трое дѣтей, какъ вдругъ возстаетъ изъ мертвыхъ первая жена и объявляетъ требованіе на княжеское званіе. Несчастнаго Долгорукаго долго судили и рѣшили тѣмъ, что развели со второю женою, признали дѣтей незаконнорожденными и дали дочери имя матери — Якимовой, а сыну—князя Долгорукова...

Въ Смольномъ Монастырѣ воспитывается теперь маленькая дочь подъ именемъ Лизы Якимовой [2]), а старшая дочь, вышедшая въ прошедшемъ году замужъ, называлась княжной Долгорукой.

Къ нимъ то и пріѣзжалъ князь, нисколько не краснѣя и не сожалѣя о странномъ положеніи жены и дѣтей.

Кажется, и вторая супруга ему уже надоѣла; это можно было замѣтить изъ нѣсколькихъ его словъ, брошенныхъ имъ вскользь, но по ея адресу...

Странный человѣкъ; одно думается мнѣ про него, что онъ безъ Бога, совѣсти и любви къ своимъ дѣтямъ...

. . . .

²) Лиза Якимова (выпус. 1863 или 1864 года), какъ передаютъ,—добровольно испросила разрѣшеніе сопровождать отца въ Сибирь, гдѣ, по слухамъ, вышла замужъ за земледѣльца-крестьянина.

Гожусь ли я въ сестры милосердія?

10 января. Нынче въ Смольномъ такъ много дѣтей въ кори, что одну изъ спаленъ обратили въ больницу и наряди–ли классныхъ дамъ на очередь для присмотра за больными.

Вчера была моя очередь: я провела тамъ цѣлую ночь, не смыкая глазъ, провела и половину слѣдующаго дня среди стона и кашля больныхъ, при 20° R, въ спертомъ воздухѣ и почти все время безъ сна и на ногахъ. Судя по моему слабому сложенію, можно было подумать, что сегодня сама я слягу въ постель; а между тѣмъ, проспавши 12 часовъ сряду, я бодра, свѣжа и чувствую себя совершенно здоровою.

Такъ-то сила Господня въ немощи сказывается!..

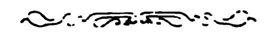
Желаніе быть полезной поддерживало меня; притомъ же хотѣлось измѣрить мои силы и узнать, *гожусь ли я въ сестры милосердія?*

Оказалось, что безъ особенной помощи Божіей не способна, но вѣрую, если Господу угодно призвать меня къ этой обязанности, что Онъ пошлетъ и благодать Свою.

Къ больнымъ взята теперь сестра милосердія; глядя на ея труды, на терпѣніе съ лишеніемъ сна, мнѣ становилось стыдно за мою усталость. Мнѣ придется провести только мѣсяца два въ больницѣ и то съ отдыхомъ, — а эти сестры [1]) всю жизнь свою посвящаютъ на ухаживаніе за немощными и проводятъ нѣсколько ночей сряду безъ сна.

Какая же у нихъ великая сила души!

Тяжелый ихъ подвигъ совершается по собственному желанію, и никто не знаетъ, сколько трудовъ и огорченій выносятъ эти истинныя христіанки. Вотъ гдѣ и у кого нужно учиться любви къ ближнему и терпѣнію [2]).



[1]) «Сердобольныя вдовы» Ан. К. Попова и П. Н. Ермолаева.

[2]) Дѣйствительно, среди нихъ встрѣчаются самоотверженныя подвижницы—христіанки. (См. «Очеркъ дѣят. сердобольныхъ вдовъ въ Крымск. госпиталяхъ»).

Смерть Императора Николая I и последніе часы Его жизни.

20 февраля. Великое событіе совершилось въ мірѣ 18 февраля!..

Не стало Царя Николая I.

Ужъ минулъ третій день, какъ нѣтъ Его, Властителя могучаго, въ рукахъ котораго заключены были судьбы многихъ народовъ. Разомъ свалился Онъ, — сильный духомъ и тѣломъ, съ желѣзною волею, съ твердыми намѣреніями. Свалился Онъ, какъ исполинскій кедръ, разбитый грозою.

Еще за три дня до смерти видѣлъ Его на улицахъ народъ.

Въ воскресенье Онъ прощался съ солдатами, отправляющимися въ походъ; застудилъ гриппъ и все-таки поѣхалъ во вторникъ въ манежъ.

Когда говорилъ ему Карель [1]), что солдату въ его положеніи велѣли бы лечь въ постель, Онъ отвѣчалъ: «а мнѣ, Императору русскому, нельзя, мнѣ нужно ѣхать».

И поѣхалъ Онъ. Домой вернулся съ Александромъ Николаевичемъ въ саняхъ, слегъ и больше не вставалъ. Въ Петербургѣ никто и не зналъ объ опасномъ Его положеніи, а потому мы всѣ были крайне поражены, когда вдругъ въ пятницу, 18 числа, разнеслась молва: *«Государь опасно боленъ»*. *«Наслѣдникъ велѣлъ молиться по всѣмъ церквамъ»*.

Черезъ два часа послѣ того услышана была горестная вѣсть: *«Государь скончался»*.

Все это случилось такъ неожиданно, такъ быстро, что смерть Царя казалась невозможною...

Было что-то дикое, страшное въ этихъ словахъ; мгновенно разнеслись они по городу.

---

[1]) Карель — лейбъ-медикъ Государя, молодой ассистентъ Мандта, главнаго доктора при Его Величествѣ.

уронъ. Въ нашихъ рукахъ 600 плѣнныхъ: кромѣ того, Нахимовъ [2]) побилъ ихъ на Черной [3]).

Переходъ отъ сильной горести и отчаянія во мнѣ былъ такъ быстръ, что я едва выдержала: чуть разсудокъ не помутился.

Нюта, дежурная, прибѣжала снизу извѣстить меня о томъ же: рыдая, бросилась она ко мнѣ. Я боялась, чтобы съ нею не сдѣлалось дурно.

Господи, спаси насъ грѣшныхъ!

Теперь я снова покойна духомъ до первой тревоги; я бы надѣялась на Бога, если бы была увѣрена, что мы заслуживаемъ Его святого заступленія. Но мы такія нечестивцы...

Современныя событія съ религіозной точки зрѣнія.

22 іюня. Если разсматривать съ религіозной точки зрѣнія совершающіяся современныя событія, то въ нихъ явно виденъ Перстъ Божій.

Двѣ могущественнѣйшія морскія державы, имѣющія на своей сторонѣ умъ, изобрѣтательность, высокое образованіе, неисчерпаемый источникъ денегъ, соединяются съ третьею, владѣющею обширными землями въ разныхъ частяхъ свѣта, взяли на помощь еще и четвертую и, имѣя негласную, но сильную поддержку въ Австріи и Пруссіи, угрожаютъ всѣмъ,

[2]) Павелъ Степановичъ, адмиралъ. Это былъ лихой морякъ, на удивленіе храбрый, необыкновенно дѣятельный, неограниченно преданный своему дѣлу, любившій своихъ подчиненныхъ, какъ родныхъ братьевъ и дѣтей и, въ свою очередь, обожаемый ими. «Отецъ матросовъ», звали его солдаты. («Защита Севастополя» ст. Н. Ф. Дубровина. См. зап. 1855 г. 4 іюля. Гравюра изъ коллекціи П. Я. Дашкова, съ клише поручика Ломанъ).

рѣка, что впадаетъ въ Большую бухту, противъ о. Херсо-

Въ день кончины возлюбленнаго Царя солнце весело сіяло, въ природѣ ничто не измѣнилось, а между тѣмъ не стало среди насъ необыкновеннаго, великаго, выдающагося человѣка... [illegible]

Перенесеніе тѣла почившаго Императора Николая I. Двадцать лѣтъ тому назадъ.

27 февраля. Одиннадцать часовъ утра. Перезваниваютъ такъ жалобно въ церквахъ, что вся душа изнываетъ: то выносятъ нашего дорогого покойника въ крѣпость на вѣчное упокоеніе.

Весь городъ тамъ. Мы не могли достать мѣста, чтобы напутствовать теплою молитвою и крестнымъ знаменіемъ Его бренные останки.

О, милый Царь! Ты видишь ли искреннія слезы Твоихъ подданныхъ?

Сегодня я видѣла Его во снѣ и помню только два сказанныя имъ слова: «сраженіе кончилось». Какое сраженіе? Духовная ли или земная война кончилась? Обѣ страшны!..

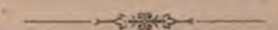
Двадцать лѣтъ назадъ тоже весь городъ былъ собранъ при необычайномъ торжествѣ. Сто тысячъ войска стройно располагались и двигались по Дворцовой площади, гдѣ находился красавецъ Государь въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, въ полномъ семейномъ счастіи, въ полной славѣ; Великія Княжны расцвѣтали розами; Наслѣдникъ — былъ прекраснымъ юношею. Государыня — въ блескѣ величія и красоты, а мы—молоденькими смолянками во дворцѣ любовались своею Царственной Семьею, упивались счастьемъ и считали себя на верху блаженства [1]).

---

[1]) См. зап. 1834 г. 30 августа.

Говорятъ, нашъ Наслѣдникъ Александръ Николаевичъ проявляетъ удивительную твердость воли, какъ у родителя, и такой даръ рѣчи, что всѣ Его заслушиваются.

Помоги Ему, Господи, услыши молитвы бѣдныхъ осиротѣвшихъ русскихъ и благослови Его царствованіе!



Императоръ Николай I въ гробу.

4 марта. Вчера ѣздили мы поклониться тѣлу покойнаго Царя.

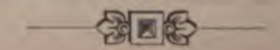
Онъ лежитъ въ крѣпости подъ великолѣпнымъ балдахиномъ изъ бѣлаго глазета, подбитаго горностаемъ и убраннаго золотыми галунами и золотою бахромою; въ головахъ— драгоцѣнный вѣнецъ Россійскихъ государей—шапка Мономаха.

Вокругъ разставлены табуреты съ орденами, а въ гробу лежитъ нашъ еще такъ недавно мощный, непобѣдимый Царь; лежитъ Онъ бездыханенъ и безотвѣтенъ, съ измѣнившимся лицомъ, въ которомъ и слѣда нѣтъ той величавой красоты, которою гордились мы, его подданные—его дѣти.

Не вспыхнутъ больше чудные голубые глаза тѣмъ блескомъ, которымъ многіе ослѣплялись; не проговорятъ сомкнутыя навѣки уста привѣтливой рѣчи, за одно слово которой русскій человѣкъ готовъ былъ идти *«въ огонь и въ воду»*.

Грустно, грустно мнѣ было смотрѣть на гробъ Царя, на бездыханное тѣло и на великолѣпіе, Его окружавшее.

Мнѣ говорили: «смотрите на вѣнецъ, на украшенія царскія; смотрите, какъ прекрасно устроенъ балдахинъ; смотрите на богатый покровъ»; я ни на что не смотрѣла. Два часа провела у подножія катафалка, слушала архіепископское служеніе, молилась объ упокоеніи души усопшаго и задумывалась, крѣпко задумывалась о непрочности величія земного...



День похоронъ Императора Николая I.

5 марта. Сердце замираетъ отъ перезвона въ церквахъ.

Государя хоронятъ! Больше Его не увидимъ, но имя Его не умретъ въ потомствѣ и будетъ еще долго поминаться съ любовію въ обширныхъ предѣлахъ царства Русскаго.

Покой, Боже, душу Его!!

Но какъ жаль, какъ жаль мнѣ Государя! Много плачутъ по Тебѣ, нашъ батюшка Царь!..

Палятъ... Выстрѣлъ за выстрѣломъ оповѣщаютъ Россію, что въ землю опускаютъ родного!..

Господи, упокой душу Его!

Святая недѣля. Пасха въ дѣтствѣ. Государь Александръ Николаевичъ и Его вступленіе на престолъ.

31 марта. Какъ люблю я Святую недѣлю!

Солнышко свѣтитъ ярко и тепло, снѣгъ таетъ. Пробивается кой-гдѣ зеленая травка. Во всѣхъ церквахъ звонъ,— такъ и хочется радоваться. Хочется и потому, что не всегда это возможно.

Теперь мы только что проводили въ Александровскую больницу одну изъ нашихъ классныхъ дамъ [1]), у которой, кажется, развивается чахотка. Ѣдетъ она съ надеждой на выздоровленіе, но едва ли вернется.

Что жъ, съ Богомъ! Некому будетъ грустить и убиваться по ней.

[1]) Елизавету Петровну Ждановичъ. При извѣстіи о смерти Императора у нея корь осложнилась болѣзнью легкихъ, и она вскорѣ умерла.

Мы, воспитательницы, ничего не теряемъ, отходя отъ жизни, полной труда и огорченій въ жизнь несомнѣнно лучшую, если не полнаго блаженства.

Господь милосердъ и проститъ невольный ропотъ, вырывающійся иногда изъ нашихъ устъ. Онъ знаетъ, каково классным дамамъ, особенно въ «бѣломъ» классѣ [2])...

Въ Святую недѣлю обыкновенно переношусь я мыслію къ своему первому дѣтству, въ Малороссію, въ Кіевъ, гдѣ къ Свѣтлому празднику зацвѣтаютъ сады, гдѣ бывало такъ весело; гдѣ мы, дѣти, бѣгали въ запуски по извилистымъ дорожкамъ, или, глядя на хороводы дворовыхъ дѣвушекъ, и сами вмѣшивались въ толпу, напѣвая: «а мы жито сѣяли, сѣяли»!..

Помню, что я очень любила слушать и пѣть русскія и малороссійскія народныя пѣсни; изъ нихъ особенно засѣли въ памяти: «віютъ вітры, вітры буйны»... «Слетались, собирались два голубя»... «Не пой ты, соловушко, шибко, громко во саду»... Хотѣлось бы снова, если не пѣть ихъ по-прежнему, то хоть послушать въ Малороссіи, въ любимой Малороссіи,—но средствъ нѣтъ. Нечего дѣлать, надобно подождать смерти, тогда успокоимся и насладимся не малороссійскими, а быть можетъ райскими садами...

— Много прекраснаго разсказываютъ о нынѣшнемъ Государѣ.

Мы, русскіе, съ любовію слушаемъ и благословляемъ *Александра Николаевича*. Все въ его первыхъ поступкахъ дышетъ утонченною нѣжностію чувствъ. Окружили Его, Господи, людьми подобными ангеламъ свѣтлымъ.

Девятнадцатаго февраля, на другой день смерти покойнаго Государя и въ день восшествія Своего на престолъ,

---

[2]) Т. е. въ выпускномъ. Экзамены кончались за нѣсколько мѣсяцевъ до выпуска. Время предъ выпускомъ—время прощаній и развлеченій воспитанницъ—одно изъ самыхъ тяжелыхъ и отвѣтственныхъ для классныхъ дамъ.

Не могу не страдать за Отечество.

7 іюня. Говорятъ намъ, женщинамъ,—изъ за чего вы хлопочете? Не вамъ блюсти Россію! Что вы?...

Я, дѣйствительно,—ничто; оттого и больно, оттого и страдаю, что ничто.

Подумали бы, кто, любя свое Отечество, можетъ равнодушно смотрѣть, какъ разоряютъ его? Какой человѣкъ не содрогнется при разсказѣ о страдальцахъ Севастопольскихъ?

Счастливцы, которыхъ вражеская пуля или бомба разомъ перенесетъ въ другой міръ изъ этого проклятаго небесами міра, гдѣ люди употребляютъ лучшія способности души на средство истребленія и мучатъ другъ друга.

Вчера вечеромъ легла безъ молитвы. Сегодня утромъ тоже не молилась. Мною овладѣло отчаяніе; не могу молиться. Самое тяжелое состояніе!..

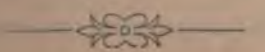
Ежедневно курьеры привозятъ изъ Крыма самыя неутѣшительныя новости. Французы, турки, англичане опустошаютъ южный берегъ Россіи и свирѣпствуютъ въ Керчи.

О, образованность! Чего ты стоишь, когда не опираешься на христіанское милосердіе?..

Балтійскій вражій флотъ снялся, направился съ цѣлью напасть на какой-нибудь *беззащитный* городъ; онъ разгромитъ его, а затѣмъ безсовѣстно разгласитъ «*свою побѣду!*»

— Опять приходитъ желаніе смерти. Тяжело жить съ «*людьми*», земля такъ отвратительна: вся полита человѣческою кровью и удобряется костями людей...

Хотѣлось бы пойти въ сестры милосердія; но, говорятъ, неспособна и что назначеніе мое оставаться въ Смольномъ. Опять я страшно худѣю; надо мною всѣ смѣются, но я не умѣю любить вполовину. Должно быть, я кажусь другимъ сумасшедшею...



Горе и радость.

9 іюня. Гибни, о, гибни, моя родная, моя дорогая Россія! Ты истощила всѣ силы храбрости, мужества и христіанскаго терпѣнія. Ты, какъ мученица, обрекла себя на вольную смерть и на жестокія страданія; но не можешь ты сломить соединенныя силы враговъ! Сыны твои умираютъ безъ ропота; но что значатъ личное воодушевленіе и безпримѣрная отвага противъ сотенъ тысячъ разрушительныхъ адскихъ средствъ?..

Падаетъ Севастополь!..

Его со всѣхъ сторонъ окружаютъ союзные флоты и войска. Русскіе 8 мѣсяцевъ держались, несмотря на многократное, страшное, неслыханное бомбардированіе; несмотря на кровопролитныя стычки, не смотря на численное превосходство враговъ и на неспособность командующихъ.

Сокрушатъ тебя, Севастополь, враги наши!

Но на чьей сторонѣ будетъ слава? Отнынѣ, въ лѣтописяхъ исторіи съ уваженіемъ и съ любовію станутъ поминать васъ, доблестные защитники земли родной — Севастопольцы! Миръ вамъ, положившимъ кости, по обычаю отцовъ, за святую Русь...

Господи, упокой ихъ и всели во святыхъ Твоихъ обителяхъ, сіяющихъ незаходимою радостью!

Я ничего не въ состояніи сдѣлать, чтобы облегчить участь страдающихъ отъ ранъ храбрыхъ воиновъ! Не будь я христіанка, — проклятіе послала бы врагамъ отчизны.

Противные французы! Во второй разъ, подъ предводительствомъ другого образованнаго разбойника, носящаго одно имя съ первымъ, вторгаетесь вы въ наши предѣлы. Что сдѣлали мы вамъ? За то ли, что Парижъ сохранили неприкосновеннымъ въ 1814 году и защитили его противъ австрійцевъ и пруссаковъ? За то ли, что одни мы отказались отъ военной контрибуціи, несмотря на то, что вы были во

Ожиданіе непріятельскаго нападенія на Петербургъ.

30 апрѣля. Говорятъ, союзный флотъ между Свеаборгомъ и Ревелемъ въ Финскомъ заливѣ и приближается къ Петербургу.

Странно: жители его спокойны;—должно быть, привычка?..

Въ прошедшемъ году въ нападеніе на Петербургъ не вѣрилось:—оно казалось чѣмъ то дикимъ; но теперь, послѣ нападенія на беззащитныя мѣста, послѣ бомбардированія Одессы—мирнаго, торговаго города, святой Соловецкой обители и послѣ такой ожесточенной осады Севастополя—можно всего ожидать!

Покамѣстъ, несмотря на союзъ христіанскихъ западныхъ державъ противъ Россіи и Греціи, двухлѣтняя война еще не принесла имъ никакихъ выгодъ. Севастополь держится героемъ, и Россія крѣпко стоитъ; хлѣба у насъ много, а безъ иностранныхъ тряпокъ мы обойдемся.

Что-то далѣе дастъ Господь?—никому и ничего неизвѣстно. Оправдается ли это самохвальство, достойное «союзниковъ»? Мое же глубокое убѣжденіе въ помощи намъ Божіей основывается на томъ, что мы только защищаемся отъ нашествія многочисленныхъ враговъ, а не сами нападаемъ.

— Смѣшатъ меня французы. Недавно въ одномъ ихъ журналѣ торжественно заявляется: *«идетъ у насъ великая борьба»*.

Что-же у васъ, французы, за борьба? На одной сторонѣ: Франція, Англія, Австрія, Турція, Канроберъ, Непиръ, Абдулъ-Меджидъ, Шамиль, а на другой—одна Россія, подобно древней Медеи:

«Moi, moi seule et cela suffit» [1]...

Кому же стыдно-то? Ужъ только, я думаю, не русскимъ? Должно быть вы, союзники, помѣшались или смѣетесь сами надъ собою?..

---

[1]) Изъ трагедіи Шекспира «Магбетъ».

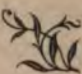
урономъ. Въ нашихъ рукахъ 600 плѣнныхъ; кромѣ того, Нахимовъ [2]) побилъ ихъ на Черной [3])».

Переходъ отъ сильной горести и отчаянія во мнѣ былъ такъ быстръ, что я едва выдержала; чуть разсудокъ не помутился.

Нюта, дежурная, прибѣжала снизу извѣстить меня о томъ же; рыдая, бросилась она ко мнѣ. Я боялась, чтобы съ нею не сдѣлалось дурно.

Господи, спаси насъ грѣшныхъ!

Теперь я снова покойна духомъ до первой тревоги; я бы надѣялась на Бога, если бы была увѣрена, что мы заслуживаемъ Его святого заступленія. Но мы такія нечестивицы...



Современныя событія съ религіозной точки зрѣнія.

22 іюня. Если разсматривать съ религіозной точки зрѣнія совершающіяся современныя событія, то въ нихъ явно виденъ Перстъ Божій.

Двѣ могущественнѣйшія морскія державы, имѣющія на своей сторонѣ умъ, изобрѣтательность, высокое образованіе, неисчерпаемый источникъ денегъ, соединяются съ третьею, владѣющею обширными землями въ разныхъ частяхъ свѣта, взяли на помощь еще и четвертую и, имѣя негласную, но сильную поддержку въ Австріи и Пруссіи, угрожаютъ всѣмъ,

---

[2]) Павелъ Степановичъ, адмиралъ. Это былъ лихой морякъ, на удивленіе храбрый, необыкновенно дѣятельный, неограниченно преданный своему дѣлу, любившій своихъ подчиненныхъ, какъ родныхъ братьевъ и дѣтей и, въ свою очередь, обожаемый ими. «*Отецъ матросовъ*», звали его солдаты. («Защита Севастополя» ст. 8, Н. Ѳ. Дубровина. См. зап. 1855 г. 4 іюля. Гравюра изъ коллекціи П. Я. Дашкова, съ клише поручика Д. Н. Ломанъ).

[3]) Черная рѣка, что впадаетъ въ Большую бухту, противъ о. Херсонесъ.

Неужели мы, даже въ такія трудныя минуты, не можетъ обойтись безъ парижскихъ модныхъ шляпъ и прочихъ заграничныхъ тряпокъ? Пора образумиться! Давно пора! Примѣръ долженъ идти съ высшихъ слоевъ!..

Помилуй насъ, Господи!

Душа болитъ.

22 мая. Со дня, когда мы услышали о сдачѣ Керчи, ни днемъ, ни ночью не нахожу покоя, даже молитва не облегчаетъ душевныхъ страданій; какъ ни открою Псалтырь, вездѣ вижу, что рука Господня тяготѣетъ надъ нами за грѣхи, вопіющіе къ небу.

Раскрыла первый разъ, и глаза прямо упали на 52-й псаломъ: «*Рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ*». «*Растлѣша и омерзишася въ беззаконіяхъ, нѣсть творяй благое!*» Сколько горькой истины, говоришь Ты веселящемуся обществу, Господи!..

Всѣ послѣдующія слова выражаютъ то же.

Снова уныла я духомъ, пала съ молитвою предъ Господомъ: да укажетъ мнѣ, что предстоитъ моей милой Россіи? Съ крестнымъ знаменіемъ еще разъ разогнула завѣтную книгу и прочла: «*озоба и вепрь отъ дубравы, и уединенный дивій пояде* [1]). Я понимаю это такъ: французы, англичане, турки многихъ людей убили и нанесли великій вредъ Россіи.

Боже силъ, обратися же и призри съ небеси и виждь, и посѣти виноградъ сей; и соверши и, его-же насади десница Твоя!

Укрѣпи и спаси Россію!..

[1]) Псал. 79-й, ст. 14—20.

Тревога духа и говѣніе.

28 мая. Тревожный духъ мой напрасно искалъ покоя въ ежедневныхъ занятіяхъ; всякое слово, касающееся современныхъ событій, возмущаетъ все мое существо.

Вчера рвалось и билось мое сердце; билось тѣмъ сильнѣе, что сама я не въ состояніи ничѣмъ облегчить жалкую судьбу страждущихъ и смотрю я бездѣйственнымъ зрителемъ на гибель своего Отечества...

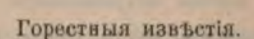
Въ такомъ безутѣшномъ состояніи Господь осѣнилъ меня благотворною мыслію: я вдругъ захотѣла говѣть и сегодня сподобилась пріобщиться св. тѣла и крови Христовой.

Благодать Божія посѣтила больную душу: ей стало легче.

Съ покорностію преклоняю колѣни предъ Творцомъ; Онъ правосуденъ и милосердъ, накажетъ и помилуетъ, но не до конца прогнѣвается, развѣ не покаемся.

Господи, помилуй насъ!

Нюта будетъ тоже говѣть. Желаніе пришло намъ обѣимъ въ одно время. Это Божія мысль и благость къ намъ!



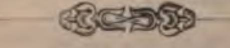
Горестныя извѣстія.

1 іюня. Вчера получено горестное извѣстіе изъ Крыма: у насъ взято три редута подъ Севастополемъ, и 2500 человѣкъ выбыло изъ строя; крѣпость опять страшно бомбардировали.

Господь предаетъ насъ, грѣшныхъ, въ руки враговъ.

Около Смольнаго стоятъ лагеремъ полки [1]) и безпрестанно слышна военная музыка, наводящая тоску: то новыя жертвы готовятся...

Какое адское дѣло война!..



[1]) Обучались изъ казармъ на Шпалерной улицѣ и прибывшіе изъ лагеря подъ Краснымъ селомъ ратники. Часть ихъ была расположена въ Адлерберговскомъ скверѣ.

Не могу не страдать за Отечество.

7 іюня. Говорятъ намъ, женщинамъ,—изъ за чего вы хлопочете? Не вамъ блюсти Россію! Что вы?...

Я, дѣйствительно,—ничто; оттого и больно, оттого и страдаю, что ничто.

Подумали бы, кто, любя свое Отечество, можетъ равнодушно смотрѣть, какъ разоряютъ его? Какой человѣкъ не содрогнется при разсказѣ о страдальцахъ Севастопольскихъ?

Счастливцы, которыхъ вражеская пуля или бомба разомъ перенесетъ въ другой міръ изъ этого проклятаго небесами міра, гдѣ люди употребляютъ лучшія способности души на средство истребленія и мучатъ другъ друга.

Вчера вечеромъ легла безъ молитвы. Сегодня утромъ тоже не молилась. Мною овладѣло отчаяніе; не могу молиться. Самое тяжелое состояніе!..

Ежедневно курьеры привозятъ изъ Крыма самыя неутѣшительныя новости. Французы, турки, англичане опустошаютъ южный берегъ Россіи и свирѣпствуютъ въ Керчи.

О, образованность! Чего ты стоишь, когда не опираешься на христіанское милосердіе?..

Балтійскій вражій флотъ снялся, направился съ цѣлью напасть на какой-нибудь *беззащитный* городъ; онъ разгромитъ его, а затѣмъ безсовѣстно разгласитъ «*свою побѣду!*»

— Опять приходитъ желаніе смерти. Тяжело жить съ «*людьми*», земля такъ отвратительна: вся полита человѣческою кровью и удобряется костями людей...

Хотѣлось бы пойти въ сестры милосердія; но, говорятъ, неспособна и что назначеніе мое оставаться въ Смольномъ. Опять я страшно худѣю; надо мною всѣ смѣются, но я не умѣю любить вполовину. Должно быть, я кажусь другимъ сумасшедшею...

рять Бога, что воевали за «*просвѣщеніе*», помогая свирѣпымъ туркамъ и татарамъ подавить Грецію и Славянскія племена. Вѣдь такими сказками можно только обманывать дѣтей, глупцовъ да ссылаться на нихъ въ «западной» политикѣ...

Пелиссье [4]) хвалился взять непремѣнно Севастополь 1-го іюля, а, можетъ-быть, и раньше?

Посмотримъ!..

«*Да не хвалится сильный силою своею*»,... говоритъ Господь.

Поѣздка въ Колпино.

1 іюля. Пользуясь трехдневною свободою отъ дежурствъ, мы съ Нютой, какъ дѣти, какъ школьники, радостно понеслись по желѣзной дорогѣ въ Колпино къ Липинымъ [1]), къ милымъ Липинымъ.

Въ вагонѣ провели время въ очень оживленномъ разговорѣ съ братомъ одной изъ Александровскихъ пепиньерокъ — шутили и смѣялись, какъ старые знакомые, а между тѣмъ встрѣтились мы въ первый и, вѣроятно, въ послѣдній разъ. Мнѣ было такъ весело, что я готова была болтать безъ умолку.

Не успѣли мы проститься съ нашимъ кавалеромъ и поблагодарить его за то, что онъ несъ до станціи наши вещи, какъ встрѣтили Черкаева [2]) съ свояченицей, тоже направ-

[4]) Пелиссье, алжирскій генералъ, (командовавшій непріятельскою арміею и въ сраженіи у Малахова Кург. въ 1855 г.).

[1]) Липины, Никол. Иван. и Юлія Ивановна, см. зап. 1852 г. 14 сент.

[2]) Черкаевъ, Андрей Васильевичъ—инженеръ путей сообщ., женатъ былъ на двоюродной сестрѣ Ю. И. Липиной (урожд. Мей),—на Ламанской. Ѣхалъ съ Екатериною Павловною Ламанскою.

всемъ разгромѣ Европы зачинщиками? Не за то ли, что принимали васъ съ распростертыми объятіями и вручали вамъ воспитаніе нашихъ дѣтей?..

Хочется развернуть Псалтырь и спросить у Господа, чего ждать?—но боюсь: утѣшенія не видать...

Нѣтъ, раскрою лучше, такъ и быть!

«*Возьмите врата князи ваши и возмитеся врата вѣчная, и внидетъ Царь Славы. Рече Господь Господеви моему: сѣди одесную Мене, дондеже положу враги твоя подножіе ногъ твоихъ* [1])».

Вотъ чѣмъ Господь утѣшилъ. Неужели севастопольцы и мы устоимъ?

Господи, только Ты можешь совершить такое чудо!..

Полчаса спустя.

До сихъ поръ не могу успокоиться. Мы съ Нютой плакали, какъ дѣти, отъ радости и благодарности Богу за ниспосланную помощь. Спустя нѣсколько минутъ послѣ прочтенія псалма, вбѣжала въ мою комнату со свѣтлымъ лицомъ и съ печатнымъ объявленіемъ Е. Н. О. [1]). Увидавъ радостное выраженіе ея лица, схватила я бумажку и залилась слезами; я понимала одно только: должно быть мы одержали побѣду. Читая и перечитывая нѣсколько разъ, добралась я, наконецъ, до смысла объявленія:

«Союзники снова смертоносно бомбардировали Севастополь въ продолженіе цѣлыхъ сутокъ; прорвались къ 1-му, 2-му и 3-му бастіонамъ и отовсюду отбиты съ большимъ

---

[1]) Псал. 109-й.

[1]) Екатерина Николаевна Обручева—клас. д. Имп. В. Об. бл. д., впослѣдствіи тамъ же всѣми чтимая инспектриса.

Нахимова [1])—героя Синопскаго, героя Севастопольскаго, любимца моряковъ, солдатъ и всѣхъ русскихъ!..

Сколько чудо-богатырей легло подъ бомбами ненавистныхъ союзниковъ,—этихъ образованныхъ вандаловъ, которые за-одно съ друзьями турками и татарами жгутъ мирные, беззащитные города, грабятъ обывательскіе дома, а чего грабить не могутъ, сожигаютъ; убиваютъ безоружныхъ жителей, стариковъ, дѣтей и производятъ страшныя неистовства, отъ которыхъ содрогается душа, перо отказывается описывать... И это—христіане! И они еще осмѣливаются говорить, что воюютъ за «просвѣщеніе» съ невѣжественной Россіей; что дѣло ихъ «свято»!..

О, Боже! И громъ Твой не поразитъ богохулителей?!. Долго ли же враги будутъ смѣяться надъ нами, надъ вѣрою святою, надъ самимъ Божествомъ? Неужели мы отданы на поруганіе безбожниковъ?

О, пощади, пощади Господи, народъ Твой!

Исповѣдь дѣтей. Анна Демьяновна Слонецкая; ея отецъ и отношенія къ нимъ Императрицы Маріи Θеодоровны. О старыхъ дѣвушкахъ.

4 августа. Сегодня вновь принятыя дѣти исповѣдываются въ первый разъ. Многія изъ нихъ были очень растроганы, когда я съ ними говорила, подготовляя ихъ къ исповѣди...

Я сама чуть не расплакалась. Онѣ еще такъ малы!..

Господи, благослови моихъ дѣтей! Пусть въ лицѣ ихъ я хоть одно доброе дѣло совершу въ жизни. Желалось бы изъ нихъ сдѣлать истинныхъ христіанокъ! Но трудъ, кажется, не по моимъ бѣднымъ силамъ...

---

[1]) † 30-го іюня. См. зап. 1855 г. 9 іюня и портретъ.

Адмиралъ Павелъ Степановичъ
НАХИМОВЪ.

обратившись къ начальницѣ, сказала: *«первое открывшееся мѣсто инспектрисы—предоставить ей»*.

Вскорѣ затѣмъ скончалась *эта Чудная Женщина*, искренно оплаканная всѣми знавшими Ее и вообще всѣми русскими.

Анна Демьяновна цѣлыя двадцать пять лѣтъ прослужила классною дамою.

Каково ихъ вынести добросовѣстной воспитательницѣ, преданной всей душою своимъ обязанностямъ! Трудный подвигъ,—особливо вначалѣ, когда молодая жизнь бьетъ ключемъ!.. Такъ было и съ Анной Демьяновной. Она, какъ и всѣ мы,—воспитательницы, жила двоякою жизнію: дѣтскою и своею собственною. Иначе и быть не можетъ. Какъ ни различны и ни многочисленны наши обязанности, однакоже не могутъ онѣ залить своимъ потокомъ ни огонь воображенія молодыхъ лѣтъ, ни пылъ чувствъ. Довольно и того, что охлаждаютъ по-временамъ голову и сердце; но загасить и искру огня молодости—онѣ все же не въ состояніи...

Молодость беретъ свое, потому и наша мирная сѣнь не ограждаетъ отъ различныхъ бѣдъ и испытаній...

«И всюду страсти роковыя,
И отъ судьбы защиты нѣтъ?!».

— Анна Демьяновна воспиталась на Шиллерѣ и Гёте; Шиллеръ особенно былъ ея любимцемъ. Русскихъ поэтовъ въ ея первой молодости было немного: Батюшковъ, Жуковскій, старикъ Державинъ, Дмитріевъ, Сергѣй и Ѳедоръ Глинки,—вотъ почти и всѣ. Пушкинъ только что появлялся на свѣтъ и у стариковъ пользовался дурною славою; стало-быть, родители не давали его въ руки молодой дѣвушкѣ; а послѣ и сама не захотѣла читать его по измѣнившимся взглядамъ. Поэтому произведеній русской литературы читала она немного, какъ и всѣ дамы того времени; но зато

французскихъ *«мнимыхъ классиковъ»* знала она почти наизусть, и вообще владѣла французскимъ языкомъ, какъ и бо̀льшая часть образованныхъ женщинъ того времени—въ совершенствѣ. Эта полная преданность французскимъ писателямъ, которую всасывали тогда почти съ молокомъ матери, не мѣшала вліянію и германской поэзіи.

Отъ природы мечтательная, она увлекалась геніемъ Шиллера, перечитывая его десятки разъ. Зачитавшись Шиллеромъ, она встрѣтилась съ человѣкомъ, котораго полюбила со всѣмъ жаромъ своей дѣвственной души. Онъ сталъ бывать въ домѣ ея отца, просилъ ея руки, и старикъ предъ смертію благословилъ ихъ. Въ то время Анна Демьяновна выиграла процессъ. На долю ея досталось около 40,000 руб. Женихъ увѣрилъ ее, что ему необходима эта сумма денегъ для какого-то важнаго предпріятія. Она, неумѣвшая любить вполовину, отдала всю сумму сполна и простилась съ нею навѣки...

Съ деньгами женихъ уѣхалъ въ Венгрію и—слѣдъ его простылъ.

Долго ждала его тоскующая невѣста. Ждала его и не могла повѣрить въ его поступокъ... Ждала письма и проводила дни и мѣсяцы въ мучительномъ состояніи. Но, вотъ, канулъ годъ, а вѣсти нѣтъ. Бѣдная дѣвушка слегла въ постель въ нервной горячкѣ и чуть не умерла. Это сильное нравственное потрясеніе отозвалось на всей послѣдующей ея жизни. Здоровье ея разстроилось, но душа съ помощію вѣры и религіи окрѣпла.

Покойный многоуважаемый всѣми о. Іоаннъ Недешевъ [4]), духовникъ ея, своими бесѣдами, своею кротостью и снисходительностью доставлялъ много утѣшенія этой больной душѣ.

Съ этихъ поръ Анна Демьяновна совершенно отреклась отъ свѣта, бросивъ всѣ прежнія знакомства и даже свѣтскія

---

[4]) Священникъ и законоучитель въ Имп. В. Обществѣ благор. дѣвицъ. См. 1835 11 дек. прим. 9 и портретъ.

явшихся къ Липинымъ. Мы очень обрадовались другъ другу и до самаго дома Липиныхъ не переставали разговаривать.

Юлія Ивановна съ дѣточками выбѣжала къ намъ на встрѣчу и оказала самый дружескій и радушный пріемъ. Къ обѣду собралось нѣсколько человѣкъ гостей, и день прошелъ превесело! Вечеромъ мы съ Нютой пошли ко всенощной; мѣстный напѣвъ стихиръ хора рабочихъ-любителей намъ очень нравился. Помолились мы усердно и, возвратившись въ 10 часовъ, просидѣли до 2-хъ часовъ ночи,— такъ незамѣтно промчалось время!

Слѣдующій день прошелъ точно также, и я, странно сказать, въ эти два дня разомъ пополнѣла и оживилась. Въ Колпинѣ свершилось странное превращеніе, на которое способна, кажется, только я одна. Откуда взялись свѣжесть лица и румянецъ, цвѣтъ и блескъ глазъ? Но все это мгновенно во мнѣ и исчезало. Прошла недѣля, и я пришла опять въ свое нормальное положеніе: блѣдна, худа, даже болѣе обыкновеннаго; зубная боль измучила меня. Кромѣ того, передъ отъѣздомъ изъ Колпина не спала цѣлыя сутки, по случаю внезапной болѣзни Нюты [3]). И все пріобрѣтенное потеряла сторицею.

Такъ жизнь идетъ, но и за три дня, проведенные въ кругу сердечныхъ, добрыхъ и образованныхъ людей, благодарю Бога! Эта среда замѣтно меня освѣжаетъ.

Смерть Нахимова.

4 іюля. Великую утрату понесла Россія: мы потеряли **Нахимова!**

---

[3]) **Простудилась** и испугалась, оступившись съ лодки, катаясь по

Нахимова [1])—героя Синопскаго, героя Севастопольскаго, любимца моряковъ, солдатъ и всѣхъ русскихъ!..

Сколько чудо-богатырей легло подъ бомбами ненавистныхъ союзниковъ,—этихъ образованныхъ вандаловъ, которые за-одно съ друзьями турками и татарами жгутъ мирные, беззащитные города, грабятъ обывательскіе дома, а чего грабить не могутъ, сожигаютъ; убиваютъ безоружныхъ жителей, стариковъ, дѣтей и производятъ страшныя неистовства, отъ которыхъ содрогается душа, перо отказывается описывать... И это—христіане! И они еще осмѣливаются говорить, что воюютъ за «просвѣщеніе» съ невѣжественной Россіей; что дѣло ихъ «свято»!..

О, Боже! И громъ Твой не поразитъ богохулителей?!. Долго ли же враги будутъ смѣяться надъ нами, надъ вѣрою святою, надъ самимъ Божествомъ? Неужели мы отданы на поруганіе безбожниковъ?

О, пощади, пощади Господи, народъ Твой!

Исповѣдь дѣтей. Анна Демьяновна Слонецкая; ея отецъ и отношенія къ нимъ Императрицы Маріи Θеодоровны. О старыхъ дѣвушкахъ.

4 августа. Сегодня вновь принятыя дѣти исповѣдываются въ первый разъ. Многія изъ нихъ были очень растроганы, когда я съ ними говорила, подготовляя ихъ къ исповѣди...

Я сама чуть не расплакалась. Онѣ еще такъ малы!..

Господи, благослови моихъ дѣтей! Пусть въ лицѣ ихъ я хоть одно доброе дѣло совершу въ жизни. Желалось бы изъ нихъ сдѣлать истинныхъ христіанокъ! Но трудъ, кажется, не по моимъ бѣднымъ силамъ...

---

[1]) † 30-го іюня. См. зап. 1855 г. 9 іюня и портретъ.

На-дняхъ получили мы извѣстіе о смерти А. Д. Слонецкой [1]), скончавшейся на 55-мъ году жизни въ деревнѣ своей сестры, въ Ярославской губерніи.

Женщина эта давно уже не принадлежала землѣ. Одно тѣло ея, какъ-бы забытое, оставалось межъ нами, но всѣ ея мысли, всѣ ея желанія были въ Богѣ и въ небесахъ.

Анна Демьяновна была дочь учителя въ Смольномъ и въ Екатерининскомъ институтахъ [2]). Она не покидала Смольнаго почти всю жизнь, кромѣ двухъ первыхъ лѣтъ по окончаніи въ немъ курса и послѣдняго года передъ смертію. Она была изъ отличнѣйшихъ воспитанницъ и при выпускѣ получила 3-й шифръ.

Государыня Марія Θеодоровна лично ее знала и обращала на нее особенное вниманіе; во-первыхъ, за собственныя ея достоинства, а во-вторыхъ, за заслуги ея отца, которому добрѣйшая Императрица благодѣтельствовала.

Кстати, разскажу небольшое происшествіе, характеризующее прекрасную душу *Незабвенной Государыни*, память которой благословляется, кажется, всѣми, кто имѣлъ счастіе служить у Нея или воспитываться подъ *Ея* покровительствомъ.

Разъ пріѣзжаетъ Ея Величество въ Екатерининскій институтъ нечаянно, какъ имѣла обыкновеніе пріѣзжать, не предупреждая, и на урокѣ тамъ встрѣчаетъ Слонецкаго — блѣднаго, изнеможеннаго.

На вопросъ, что съ нимъ, Слонецкій отвѣчалъ: «Ваше Величество, я три недѣли боленъ, жена моя также; сегодня я едва всталъ и доѣхалъ сюда, чтобы дать урокъ»!

«*Уѣзжайте сейчасъ-же домой*», сказала ему Государыня.

[1]) Слонецкая, Анна Демьяновна, съ 1819 г. клас. д. и инспектриса Имп. В. Об. б. дѣв. См. зап. 1848 г. 24 іюня; 1854 г. 26 мар. и о ея матери 1849 г. 6 сент.

[2]) Слонецкій, Даміанъ Гавриловичъ. См. зап. 1833 г. 19 мая, прим. 4 и 1849 г. 6 сентября.

«Лѣкарства будутъ доставляться вамъ на домъ изъ Маріинской больницы, не извольте выходить изъ дому, пока совсѣмъ не выздоровѣете».

Велѣдъ за этимъ Императрица сѣла въ карету и, подъѣхавъ къ Маріинской больницѣ, велѣла главному доктору навѣщать каждый день больныхъ и подавать Ей рапортъ о ихъ здоровьѣ. Вотъ какъ милостива была Государыня, и какъ много участія проявляла «Она».

Слонецкій всегда готовъ былъ за *Нее* и въ огонь и въ воду и выцарапалъ бы глаза всякому, кто не съ умиленіемъ посмотрѣлъ бы на Ея портретъ.

Такъ умѣла привязывать къ Себѣ эта очаровательная женщина!

Молодая дочь Слонецкаго, спустя два года послѣ выпуска, по желанію Государыни, поступила наставницей или классной дамой въ Смольный, гдѣ постоянно пользовалась вниманіемъ своей *Благодѣтельницы*, указывавшей на нее безпрестанно, какъ на примѣръ, воспитанницамъ.

Вел. Кн. Елена Павловна [3], желая имѣть достойную воспитательницу для своихъ дѣтей, обратилась въ Смольный, и результатъ выборовъ палъ на Анну Демьяновну, прослужившую въ Имп. В. Общ. благ. дѣвицъ уже семь лѣтъ. Но эта скромная женщина даже въ молодости не любила шума и блеска, а потому, поблагодаривъ Великую Княгиню за предложенную ей честь, чистосердечно отвѣчала, что чувствуетъ себя совершенно счастливою подъ высокимъ покровительствомъ Императрицы и не рѣшится покинуть Смольный.

Ея Величество, узнавъ о такомъ поступкѣ, поспѣшила пріѣхать въ Смольный и тотчасъ, подозвавъ къ Себѣ Анну Демьяновну, обняла, поцѣловала и при всѣхъ благодарила за привязанность къ Себѣ и къ заведенію. Потомъ,

[3]) Вел. Кн. Елена Павловна, супр. Е. И. В. В. Кн. Михаила Павловича. Сн. вып. 13 фев. 1836 г. и 19 фев. 1836 г.

обратившись къ начальницѣ, сказала: «*первое открывшееся мѣсто инспектрисы—предоставить ей*».

Вскорѣ затѣмъ скончалась *эта Чудная Женщина*, искренно оплаканная всѣми знавшими Ее и вообще всѣми русскими.

Анна Демьяновна цѣлыя двадцать пять лѣтъ прослужила классною дамою.

Каково ихъ вынести добросовѣстной воспитательницѣ, преданной всей душою своимъ обязанностямъ! Трудный подвигъ,—особливо вначалѣ, когда молодая жизнь бьетъ ключемъ!.. Такъ было и съ Анной Демьяновной. Она, какъ и всѣ мы,—воспитательницы, жила двоякою жизнію: дѣтскою и своею собственною. Иначе и быть не можетъ. Какъ ни различны и ни многочисленны наши обязанности, однакоже не могутъ онѣ залить своимъ потокомъ ни огонь воображенія молодыхъ лѣтъ, ни пылъ чувствъ. Довольно и того, что охлаждаютъ по-временамъ голову и сердце; но загасить и искру огня молодости—онѣ все же не въ состояніи...

Молодость беретъ свое, потому и наша мирная сѣнь не ограждаетъ отъ различныхъ бѣдъ и испытаній...

«И всюду страсти роковыя,
И отъ судьбы защиты нѣтъ?!».

— Анна Демьяновна воспиталась на Шиллерѣ и Гёте; Шиллеръ особенно былъ ея любимцемъ. Русскихъ поэтовъ въ ея первой молодости было немного: Батюшковъ, Жуковскій, старикъ Державинъ, Дмитріевъ, Сергѣй и Ѳедоръ Глинки,—вотъ почти и всѣ. Пушкинъ только что появлялся на свѣтъ и у стариковъ пользовался дурною славою; сталобыть, родители не давали его въ руки молодой дѣвушкѣ; а послѣ и сама не захотѣла читать его по измѣнившимся взглядамъ. Поэтому произведеній русской литературы читала она немного, какъ и всѣ дамы того времени; но зато

французскихъ *«мнимыхъ классиковъ»* знала она почти наизусть, и вообще владѣла французскимъ языкомъ, какъ и большая часть образованныхъ женщинъ того времени—въ совершенствѣ. Эта полная преданность французскимъ писателямъ, которую всасывали тогда почти съ молокомъ матери, не мѣшала вліянію и германской поэзіи.

Отъ природы мечтательная, она увлекалась геніемъ Шиллера, перечитывая его десятки разъ. Зачитавшись Шиллеромъ, она встрѣтилась съ человѣкомъ, котораго полюбила со всѣмъ жаромъ своей дѣвственной души. Онъ сталъ бывать въ домѣ ея отца, просилъ ея руки, и старикъ предъ смертію благословилъ ихъ. Въ то время Анна Демьяновна выиграла процессъ. На долю ея досталось около 40,000 руб. Женихъ увѣрилъ ее, что ему необходима эта сумма денегъ для какого-то важнаго предпріятія. Она, неумѣвшая любить вполовину, отдала всю сумму сполна и простилась съ нею навѣки...

Съ деньгами женихъ уѣхалъ въ Венгрію и—слѣдъ его простылъ.

Долго ждала его тоскующая невѣста. Ждала его и не могла повѣрить въ его поступокъ... Ждала письма и проводила дни и мѣсяцы въ мучительномъ состояніи. Но, вотъ, канулъ годъ, а вѣсти нѣтъ. Бѣдная дѣвушка слегла въ постель въ нервной горячкѣ и чуть не умерла. Это сильное нравственное потрясеніе отозвалось на всей послѣдующей ея жизни. Здоровье ея разстроилось, но душа съ помощію вѣры и религіи окрѣпла.

Покойный многоуважаемый всѣми о. Іоаннъ Недешевъ [4]), духовникъ ея, своими бесѣдами, своею кротостью и снисходительностью доставлялъ много утѣшенія этой больной душѣ.

Съ этихъ поръ Анна Демьяновна совершенно отреклась отъ свѣта, бросивъ всѣ прежнія знакомства и даже свѣтскія

---

[4]) Священникъ и законоучитель въ Имп. В. Обществѣ благор. дѣвицъ. См. 1835 11 дек. прим. 9 и портретъ.

книги. Она вся предалась Богу, своимъ обязанностямъ и попеченію о чудной старушкѣ—своей матери [5]).

Такъ прослужила она еще десять лѣтъ и, по прошествіи двадцати пяти, вышла, по желанію матери, въ отставку.

Черезъ годъ послѣ выхода умираетъ инспектриса пепиньеръ [6]).

Начальница, по давнему приказу почившей Императрицы Маріи Θеодоровны, предлагаетъ это мѣсто Аннѣ Демьяновнѣ. И вотъ Анна Демьяновна снова трудится съ утра до вечера, какъ добрая помощница начальницы. Кромѣ пепиньеръ, у нея на рукахъ лазаретъ и почти весь домъ; да къ тому же и зависимость отъ начальницы, часто требовавшей ее къ себѣ, отнимаетъ у нея множество времени.

Всегда дивилась я такой неутомимой ея дѣятельности. Въ холеру, когда мы всѣ встревожились, она одна осталась покойною, невозмутимою. Разъ по пяти въ день навѣщала она больныхъ по всѣмъ лазаретамъ, исполняла требованія, писала и находила время быть два раза въ день въ церкви, что и составляло ея отдыхъ. Съ этимъ вмѣстѣ занималась еще со своею племянницею [7]), воспитывавшейся въ Смольномъ.

Удивительная женщина! Но силы ея не выдержали такого великаго труда; она занемогла серьезно и слегла. Аллопаты признали ее не только опасною, но даже неизлѣчимою; позвали гомеопата Шеринга [8]), и онъ снова поставилъ ее на ноги. Но служить она болѣе уже не могла. Послѣ пятилѣтней вторичной службы вышла въ отставку, продолжая дѣлиться пенсіей съ вдовой сестрой и воспитывать племян-

---

[5]) См. зап. 1849 г. 6 сентяб.

[6]) Марія Узлеръ.

[7]) Екатериною Шестаковою вып. 1854.

[8]) Шерингъ—славившійся въ это время въ Петербургѣ нѣмецъ гомеопатъ, съ которымъ совѣтовался иногда и Императоръ Николай Павловичъ.

ницу, по выпускѣ которой, она уѣхала на лѣто къ сестрѣ, богатой Ярослав. губ. помѣщицѣ. Тамъ ее удержали на цѣлый годъ. Въ маѣ она простудилась и занемогла уже въ послѣдній разъ.

Во время болѣзни неоднократно причащалась и, по прочтеніи отходной молитвы, съ благословеніемъ отошла въ мирѣ, оплакиваемая друзьями и бѣдными.

Говорятъ, крестьяне ежедневно приходили навѣдываться объ ея здоровьѣ. Они очень ее полюбили за ласковую «привѣтливую» рѣчь и за христіанскую милостивость. Анна Демьяновна часто ходила по ихъ избамъ и помогала кому словомъ, кому лѣкарствомъ, кому деньгами; это былъ истинно Ангелъ доброты во плоти женщины. А ее, между тѣмъ, бранили: «старая дѣва»!

Пора бы, кажется, бросить предразсудокъ, что старая дѣвушка должна быть злою.

Загляните, господа, въ Смольный и посмотрите, съ какою любовію эти «злыя» существа воспитываютъ ввѣренныхъ имъ дѣтей. Какъ ухаживаютъ за ними во время болѣзни и тогда, пожалуй, говорите, что угодно...

А ты, покинувшая насъ, свѣтлая душа, въ обителяхъ райскихъ вспомни о насъ, оставленныхъ еще на землѣ, и помолись за насъ милосердному Творцу Небесному.

Ни тебя, ни о. Іоанна Недешева не забуду до конца жизни. Память ваша священна мнѣ!

Севастополь взятъ.

29 августа. Свершилось!

Севастополь взятъ!.. Напрасно пролито столько крови, напрасно русскіе падаютъ тысячами!..

Счастливцы, покинувшіе землю и не пережившіе посрамленія родной страны!

О, если бы я была мужчиной! По крайней мѣрѣ умерла бы подъ стѣнами Севастополя;—а то, слушай о всѣхъ смертныхъ схваткахъ, гдѣ начальники ходили ощупью.

Господи, какое наказаніе! Должно быть все за грѣхи наши.

Крымъ въ рукахъ враговъ; стало быть и весь южный берегъ въ ихъ же власти. Ермоловъ [1]) разбитъ параличемъ...

Предугадывая и предчувствуя совершившіяся несчастія, я давно не беру въ руки вѣдомостей; хотѣла забыть все хотя-бы на нѣсколько дней, но не избѣгла...

Сегодня принесли съ телеграфа депешу отъ 9 іюля—страшное, кровавое извѣстіе; кровь льется, какъ во дни нашествія татаръ, поляковъ и французовъ...

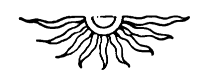
Проклято имя Наполеоновъ-кровопролителей! Подобно дядѣ (Наполеону I), не щадившему милліоновъ людей для своего ненасытнаго честолюбія, льешь и ты кровь французовъ и русскихъ, но, подобно дядѣ, падешь и ты, пигмей презрѣнный! Господь правосуденъ! Молись, да не застанетъ тебя смерть врасплохъ! Придется отдавать отчетъ въ дѣлахъ не пристрастнымъ людямъ, но Праведному Судьѣ!...

Я не въ состояніи ничего дѣлать: все изъ рукъ валится; едва пишу, а голова глупитъ—сердце шлетъ проклятіе!..

Славный подарокъ Государю на именины!

Впрочемъ, и Бородинская битва была 26 августа, а Москва занята 2 сентября! И царствовали Александръ и Наполеонъ! Господь спасъ Россію...

Господи, надѣюсь на Тебя—Россія не погибнетъ!?.



---

[1]) Ермоловъ, см. зап. 1854 г. 24 ноября.

Французъ пишетъ о бомбардированіи Свеаборга.

7 сентября. Съ ужасомъ и отвращеніемъ къ мнимой французской образованности прочла я сію минуту описаніе бомбардированія Свеаборга.

Писалъ какой-то французъ; но, прочитавъ статью, можно бы было подумать, что то говоритъ татаринъ. Съ видимымъ удовольствіемъ и даже съ риторическими украшеніями разсказываетъ онъ о страшномъ пожарѣ въ городѣ, о взрывѣ арсенала, объ адскомъ пламени, объявшемъ всю крѣпость; онъ восхищается подобными поступками!..

И не вырывается у этого «образованнаго варвара» ни одного звука *состраданія* къ человѣчеству! Не жалѣетъ онъ гибнущихъ ни въ чемъ неповинныхъ людей и тѣхъ несчастныхъ и беззащитныхъ, которые служатъ предметомъ постыднаго издѣвательства «европейскихъ» зажигателей!

О, люди, что дѣлается изъ васъ, когда вы находитесь подъ вліяніемъ злобы или какой-нибудь страсти!

Какое же различіе между разбойниками и этими великими, прославляемыми тобою, «европеецъ», завоевателями?..

Опять грусть. Пусть записанное мной увидитъ свѣтъ. Пушкинъ. О дуэли. Пѣсня пепиньерокъ.

9 сентября. Находятъ всѣ, что я опять очень измѣнилась и съ каждымъ днемъ худѣю.

Немудрено. Эта война уноситъ послѣднія мои силы, но не могу, при всемъ моемъ желаніи, не принимать живого, душевнаго участія въ совершающихся событіяхъ. Не могу я, подобно собратьямъ, заниматься игрушками, сплетнями и вздоромъ жизни, когда гибнетъ такъ много русскихъ, когда колеблется слава моего Отечества, когда такъ много страдаютъ отъ ранъ, отъ недостатка помощи, отъ нищеты, отъ

голода. Всѣ ужасы войны носятся передъ моими глазами, и страшно мнѣ, и больно, и ночей не сплю, и плачу горько, и молюсь за павшихъ, за раненыхъ, за плѣнныхъ и за любимую Русь...

Молюсь за весь міръ и за грѣхи міра. Мнѣ всѣхъ жаль и всѣмъ бы желала слѣдовать ученію Христову, чтобы всѣ были *чисты умомъ и сердцемъ и не враждовали между собою.*

Кромѣ моей обязанности воспитательницы, я всецѣло принадлежу въ настоящее время отчаянной борьбѣ [1]). За что?..

Начала, было, писать, но теперь духу нѣтъ продолжать. Пусть, когда пройдетъ гроза, займусь. Задѣнешь многихъ...

Пусть, или по крайней мѣрѣ я желала бы, чтобы записанное здѣсь увидало свѣтъ послѣ моей смерти... Разумѣется, съ нѣкоторыми пропусками. Пусть займется этимъ кто-нибудь изъ сестеръ; а, если имъ некогда, передадутъ одной изъ Сабуровыхъ: Манѣ или Катѣ [2]).

Это записанное *можетъ принести пользу.* Говорю объ этомъ, какъ человѣкъ уже не принадлежащій къ этому міру: пусть люди сильные и знатные учатся не презирать ничтожныхъ и скромныхъ въ свѣтѣ. Часто и эти скромныя мыслятъ и *чувствуютъ,* а мысль и добрыя чувства всегда достойны вниманія въ комъ бы они ни проявлялись...

Пришли дѣти,—иду заниматься съ ними.

Господи, помоги мнѣ!..

Вечеромъ. Порой читаю Пушкина, вникаю въ жизнь его, въ мысли, сравниваю, сужу и—люблю еще болѣе своего

---

[1]) Интриги и непріятности, дошедшія даже до того, что г. Начальница М. П. Л. поручила о. законоучителю Красноцвѣтову сдѣлать домашнее увѣщаніе Варварѣ Петровнѣ смириться предъ враждовавшей съ нею старушкою классной дамою З. Это страшно обидѣло Варв. Петровну.

[2]) Сабуровы, Марія Павловна и Екатерина: Марія, по мужу Грязева, а Екатерина—Купріянова. Обѣ любимыя воспитанницы В. Петр., болѣе другихъ, какъ ей казалось, ее понимавшія.

славнаго поэта. Два раза видѣла его во снѣ: въ первый разъ слушала, какъ онъ читалъ съ воодушевленіемъ какую-то чудную поэму; во второй—видѣла его оживленное лицо, блестящіе умные глаза съ восторженнымъ выраженіемъ. Я выговаривала ему, что онъ стыдится являться въ обществѣ подъ именемъ поэта; я говорила ему, что мы гордимся имъ, что онъ самъ долженъ гордиться своею славою и не предпочитать пустое званіе свѣтскаго человѣка имени великаго поэта, являться обличителемъ общества и пр. Пушкинъ не говорилъ ни слова, но лицо его сіяло: въ этомъ выраженіи было счастливое сознаніе своего великаго призванія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, благодушіе, любовь, смиреніе.

Пушкинъ былъ прекрасенъ, хотя очень похожъ на свой обычный портретъ. Если онъ, дѣйствительно, въ бесѣдахъ съ друзьями и съ любимой женщиной принималъ такое вдохновенное выраженіе, то понимаю, что по немъ можно было сойти съ ума. Но я такимъ въ дѣйствительности не видѣла его!

Какъ это онъ ни разу не попалъ въ Смольный прочесть что-нибудь?.. Хотя бы шутки ради. Мы всѣ бредили имъ, и стихи его читали наизусть; съ любовію читали и восхищались ими.

Милый Пушкинъ! Чудный Пушкинъ! Мало жилъ ты!..

Какъ допустили его до поединка!.. Неразумная жена, не умѣла цѣнить своего геніальнаго мужа! Безумный и Пушкинъ! Да, безумный, но прекрасный въ своемъ безуміи...

Всему виною первое воспитаніе и ложное понятіе «о чести».

Что-же, спасена ли честь? Напротивъ, своимъ поединкомъ ославилъ онъ жену предъ цѣлымъ свѣтомъ, погубилъ себя и тѣмъ похитилъ у Россіи славу ея. Мой бѣдный Пушкинъ!..

---

10 часовъ вечера. Въ коридорахъ уже тихо; смолкнулъ непрестанный говоръ, шумъ. Всѣ устали и во снѣ ищутъ

покоя. И дѣти, и наставницы—всѣ утомились, пора бы и мнѣ спать, но, подлѣ, въ сосѣдней комнатѣ поютъ пепиньерки. Что-то грустное слышится въ ихъ напѣвахъ и гонитъ сонъ и будитъ въ душѣ давно уснувшія чувства.

«Что же мнѣ такъ больно и такъ грустно?
Жду ль чего? жалѣю ли о чемъ?..
Ужъ не жду отъ жизни ничего я
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть,
Я ищу свободы и покоя,
Я хочу забыться и заснуть»... [3])

Вамъ, милыя птички, рано съ чувствомъ пѣть эту пѣсню. Я — да, ничего не жду для себя, ровно ничего; но для Отечества, для общества, для Россіи, для міра,—многаго ждать должно. И о многомъ прошу я Господа.

Но что же я сама?—Былинка незамѣтная, ничтожная; капля въ безднѣ моря. Мнѣ ли безпокоиться о судьбахъ народовъ? Никто не звалъ, никто не спрашивалъ моего совѣта. Что мнѣ до другихъ?..

Объ этомъ мнѣ уже дѣлали внушеніе строгое; я и сама про это думаю, но при всемъ моемъ желаніи не могу жить по-другому;—такъ дурно сотворена или такъ дурно воспитана?.. Можно ли молчать, когда видишь столько молодыхъ силъ, обрекаемыхъ пропадать, быть-можетъ, безполезнѣе моего... и столько всюду нужды въ нихъ?!..

Еще о Пушкинѣ.

17 сентября. Единственное мое развлеченіе въ нынѣшнее тягостное время—Пушкинъ. У меня полное его изданіе

---

[3]) Стихи Мих. Юрьев. Лермонтова (р. 1814 † 1841 г.), очевидно, записаны съ доносившагося до нея пѣнія съ добавленіемъ собственнаго чувства.

съ біографіей, неполной, правда, но все-же она знакомить меня со многими подробностями изъ жизни моего любимаго поэта.

Сегодня мой «выѣздной день» [1]), но я осталась дома и заперлась въ комнатѣ. Я наслаждаюсь по своему: читаю цѣлый день Пушкина. Перечла «Бориса Годунова»,—это великое творческое созданіе, въ духѣ Шекспира, это—алмазъ граненый, въ которомъ все дышетъ жизнію, все блещетъ живыми красками!..

Какъ бы хотѣлось мнѣ выучить его наизусть.

Что за прелесть этотъ старикъ монахъ! Какъ мастерски обрисованъ Шуйскій! Какъ вѣрно схваченъ Годуновъ!

О Пушкинъ, геній!!.—И современниками такъ не понятъ...

Перечитываю я и «Онѣгина»—страннаго спутника Пушкина. Задумываюсь надъ нимъ часто; здѣсь, мнѣ кажется, безпрестанно высказывается самъ онъ, и я съ душевнымъ томленіемъ слѣжу за его поэтической исповѣдью.

Странно, въ «Онѣгинѣ» есть предсказаніе его собственной судьбы.

Описывая поединокъ съ Ленскимъ, онъ какъ-будто бы говорилъ о самомъ себѣ. Строфы въ VI главѣ 21, 22 дышатъ теплотою чувства, тихой грустью, покорностью судьбѣ и самою чистою любовью къ избранной подругѣ.

Хотѣлось бы знать, писалъ ли что-нибудь Пушкинъ наканунѣ своего поединка?.. Вѣроятно, онъ велѣлъ сжечь именно этотъ завѣтный клочекъ бумаги передъ смертію.

---

[1]) «Выѣздной день»—одинъ день въ недѣлѣ, обычно суббота или воскресенье, въ который классная дама могла ѣхать *«въ городъ»*, не спрашивая на то разрѣшенія г. начальницы, но лишь заявивъ о своемъ желаніи. Такъ какъ Смольный считался за городомъ, то существовала и казенная карета «въ городъ», довозившая до Знаменья или кому куда надобно. На каретѣ этой была надпись «О. Б. Д.», которая въ институтахъ читалась: *«О, бѣдныя дамы»*, за переполненность ея иногда хуже «Щапинскихъ» каретъ.

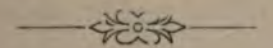
тутъ даютъ тащить,—а на словахъ все *«обстоитъ благополучно»*, и намъ наносятъ пораженіе за пораженіемъ... Отлично!..

Многіе говорятъ что ѣдутъ въ Крымъ наживаться!.. Право, ихъ стоило бъ тамъ-же повѣсить или разстрѣлять...

Хотя я и женщина, хотя я и противъ смертной казни, но, кажется, сама бы исполнила смертный приговоръ этимъ негодяямъ, по милости которыхъ гибнутъ десятки тысячъ и развивается воровство; они ненавистнѣе самихъ враговъ,—это внутреннія піявицы! Они возбуждаютъ всеобщій ропотъ и негодованіе, а между тѣмъ, продолжаютъ свое преступное дѣло.

— Что вы дѣлаете?

Образумь ихъ, Боже!!



Новыя и болѣе вѣрныя извѣстія о движеніи непріятеля. Сонъ.

5 октября. То были ложные слухи, что Одессу бомбардировали и взяли; передъ нею непріятель только стоялъ въ числѣ 68 кораблей. Отсюда онъ перешелъ къ Николаеву, а отъ Николаева къ Кинбурну и тамъ собралось 98 кораблей.

Кинбурнъ,—маленькая крѣпость, довольно и 10 кораблей, чтобы ее разгромить, сжечь и взять.

Вѣроятно, они сдѣлаютъ тамъ высадку и потомъ пойдутъ на Николаевъ или на Перекопъ и отрѣжутъ нашихъ.

Я видѣла сегодня страшный сонъ; мнѣ кто-то говорилъ: «ужасная участь предстоитъ нашему войску: умереть отъ голода или быть убитымъ!»

Сохрани, Господи, отъ такого несчастія!

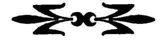
Еще успѣхъ врага.

10 октября. Кинбурнъ взятъ; Очаковъ тоже. Отлично, хорошо!

У меня уже притупились чувства: пораженіе за пораженіемъ пріучило меня хладнокровно сносить безчестіе Отечества!..

Должно сознаться, сильно мы гнѣвимъ Бога... О, еслибы перемѣнили всѣ свою порочную жизнь; если бы у помѣщиковъ хватило великодушія *отпустить на волю крестьянъ*; если бы сильные міра уничтожили злоупотребленія, если бы единодушно противъ нарушеній законовъ возстали всѣ... — Господь помиловалъ бы тогда насъ... Въ этомъ мое глубокое убѣжденіе.

Г. и М., наконецъ, отставлены; желаніе всеобщее, всероссійское исполнилось! Кто-то замѣнитъ ихъ?...



Воспоминаніе о послѣднемъ посѣщеніи Смольнаго Императрицею Маріею Θеодоровною.

26 декабря. Не могу ничего читать о войнѣ,—меня все возмущаетъ...

Какимъ свѣтлымъ облакомъ среди нашей вражды и кровопролитій сіяетъ портретъ (образъ) [1]) Императрицы Маріи Θеодоровны,—этого добраго ангела между вѣнчанными женщинами!

[1]) Писано, вѣроятно, передъ портретомъ Ея Величества, который и вызвалъ сообщаемое воспоминаніе. См. зап. 1855 г. 4 авг.

Государыня Императрица

Марія Өеодоровна.

жутся они мнѣ живыми мертвецами... Сжимается сердце при мысли, что большинство изъ нихъ уже не вернутся...

Нѣтъ, Господи, Ты не можешь благословлять кровопролитія!..

Зачѣмъ же мы оскверняемъ чистоту молитвы, взывая къ Тебѣ о пораженіи враговъ подъ ноги наша? [2]) За то, можетъ быть, и бьютъ насъ вездѣ?..

Да будетъ святая воля Его!..

Но не вѣрится мнѣ, что Россія погибнетъ. Есть же въ ней святые люди, за которыхъ и грѣшники помилованы будутъ.

Ложное просвѣщеніе губитъ насъ: нѣтъ у насъ единства въ мысляхъ, недостаетъ истинной разумной любви къ отечеству. Если бы русскіе воодушевлены были бы такой любовью, для нихъ не страшна бы была и война. Богачи бы доставили средства; мыслители, двигая впередъ науку, придумывали бы способы для защиты отечества; бѣдняки несли бы охотно голову за родную землю.

Тогда каждый заботился бы объ исполненіи закона объ искорененіи злоупотребленій. Тогда акъ-бы быстро расцвѣла могуществомъ наша матушка Россія! . . . .

Продолженіе бѣдствій.

4 октября. Союзники отъ Одессы перешли къ Николаеву, тамъ выстроились 93 корабля.—Ужасная сила!

Что же останется отъ Николаева? И онъ, вѣроятно, какъ Севастополь, обратится въ груду развалинъ...

Негодую на всѣхъ нашихъ.—Такъ поступать нельзя: тамъ проспятъ, тамъ проиграютъ въ карты, тамъ наглупятъ,

[2]) См. зап. 1852 г. 19 мая.

Ты умѣла всѣхъ приголубить. *Ты* понимала что такое воспитатели, когда говорила: *«если бы я не была Императрицей, то желала бы быть классною дамою Смольнаго»*. Зато боготворили Тебя всѣ служащіе и воспитывающіяся; зато и теперь произносится имя Твое съ уваженіемъ, и благословляется память Твоя.

Какъ сейчасъ помню послѣдній Твой пріѣздъ въ Смольный.

Мы были тогда уже второй годъ въ кофейномъ классѣ [2]).

На Государынѣ былъ капотъ малиноваго бархата и Она проходила по столовой, держа подъ руку «Бабушку» Адлербергъ [3]). Императрица, какъ говорили старшія, выражала неудовольствіе за то, что нашла дамъ не по формѣ — не въ синихъ платьяхъ. Немного, ласково пожурила ихъ и, уѣзжая, посылала всѣмъ намъ рукою поцѣлуй, говоря: *«прощайте, дѣти! прощайте, ангельчики! прощайте, «капустки»!..*

И кто-бы изъ насъ могъ тогда подумать, что это была послѣдняя къ намъ Ея ласка въ этой жизни?

Увидимся ли мы съ Тобой, добрѣйшая, на томъ свѣтѣ?..

Ты навѣрно будешь блаженствовать.... молись объ насъ и за Россію!...

---

[2]) Императрица Марія Ѳеодоровна † 24 октяб. 1828 года.

[3]) См. зап. 1833 г. 19 мая (портретъ), 1834 г. 30 авг., 1836 г. 4 янв. и 1836 г. 3 мар.

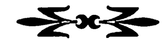
Еще успѣхъ врага.

10 октября. Кинбурнъ взятъ; Очаковъ тоже. Отлично, хорошо!

У меня уже притупились чувства: пораженіе за пораженіемъ пріучило меня хладнокровно сносить безчестіе Отечества!..

Должно сознаться, сильно мы гнѣвимъ Бога... О, еслибы перемѣнили всѣ свою порочную жизнь; если бы у помѣщиковъ хватило великодушія *отпустить на волю крестьянъ*; если бы сильные міра уничтожили злоупотребленія, если бы единодушно противъ нарушеній законовъ возстали всѣ... — Господь помиловалъ бы тогда насъ... Въ этомъ мое глубокое убѣжденіе.

Г. и М., наконецъ, отставлены; желаніе всеобщее, всероссійское исполнилось! Кто-то замѣнитъ ихъ?...



Воспоминаніе о послѣднемъ посѣщеніи Смольнаго Императрицею Маріею Өеодоровною.

26 декабря. Не могу ничего читать о войнѣ,—меня все возмущаетъ...

Какимъ свѣтлымъ облакомъ среди нашей вражды и кровопролитій сіяетъ портретъ (образъ) [1]) Императрицы Маріи Өеодоровны,—этого добраго ангела между вѣнчанными женщинами!

[1]) Писано, вѣроятно, передъ портретомъ Ея Величества, который и вызвалъ сообщаемое воспоминаніе. См. зап. 1855 г. 4 авг.

Государыня Императрица

Марія Θеодоровна.

жутся они мнѣ живыми мертвецами... Сжимается сердце при мысли, что большинство изъ нихъ уже не вернутся...

Нѣтъ, Господи, Ты не можешь благословлять кровопролитія!..

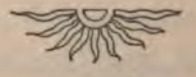
Зачѣмъ же мы оскверняемъ чистоту молитвы, взывая къ Тебѣ о пораженіи враговъ подъ ноги наша? [2]) За то, можетъ быть, и бьютъ насъ вездѣ?..

Да будетъ святая воля Его!..

Но не вѣрится мнѣ, что Россія погибнетъ. Есть же въ ней святые люди, за которыхъ и грѣшники помилованы будутъ.

Ложное просвѣщеніе губитъ насъ: нѣтъ у насъ единства въ мысляхъ, недостаетъ истинной разумной любви къ отечеству. Если бы русскіе воодушевлены были бы такой любовью, для нихъ не страшна бы была и война. Богачи бы доставили средства; мыслители, двигая впередъ науку, придумывали бы способы для защиты отечества; бѣдняки несли бы охотно голову за родную землю.

Тогда каждый заботился бы объ исполненіи закона объ искорененіи злоупотребленій. Тогда акъ-бы быстро расцвѣла могуществомъ наша матушка Россія! . . . .



Продолженіе бѣдствій.

4 октября. Союзники отъ Одессы перешли къ Николаеву, тамъ выстроились 93 корабля.—Ужасная сила!

Что же останется отъ Николаева? И онъ, вѣроятно, какъ Севастополь, обратится въ груду развалинъ...

Негодую на всѣхъ нашихъ.—Такъ поступать нельзя: тамъ проспятъ, тамъ проиграютъ въ карты, тамъ наглупятъ,

[2]) См. зап. 1852 г. 19 мая.

чего,—что для меня составляетъ большое лишеніе! Но и это, вѣрно, къ лучшему.

Пора раздѣваться, мыться и спать идти съ напутствіемъ Божіимъ. Завтра опять въ 6 часовъ нужно быть на ногахъ цѣлый день...

Подкрѣпи насъ, Господи!..

Заключеніе мира. Воспоминанія о Нахимовѣ и о севастопольскихъ герояхъ.

12 марта. Вчера обнародовано извѣстіе о заключеніи мира.

— Какого мира?—О томъ ни слова!

Всѣ радуются...

Какое же право имѣю я ходить унылой? Развѣ я подставляла свою голову подъ вражескую пулю? Развѣ терпѣла лишенія во время войны? Несла тяжесть кровопролитія?..

Кромѣ нравственныхъ страданій я не учавствовала ни въ чемъ. Да и не я ли оплакивала, въ началѣ войны, безуміе и задоръ людской? Не я ли твердила о всеобщемъ мирѣ и любви? [1]) Зачѣмъ же теперь, когда вопросъ о мирѣ поконченъ, мое честолюбіе и гордость такъ далеко увлекаютъ меня, и чувствуется какъ-будто какая-то обида? Развѣ мнѣ не жаль человѣческой крови? Какая же я послѣ этого христіанка?!...

Да, Россія одна, предоставленная только самой себѣ, не могла выдержать натиска четырехъ могущественныхъ державъ; каждая поодиночкѣ боялась съ Нею помѣриться, а четыремъ разомъ немудрено повалить и «дубъ»! Англія, Франція,

[1]) См. зап. съ 1834 г. 30 авг.

и ему подобные не оправдываютъ довѣрія Государя и не поддерживаютъ честь русскихъ полководцевъ.

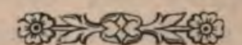
Господи, помоги русскимъ!

Вотъ уже цѣлый годъ, что мы только и слышимъ о пораженіи нашихъ, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ. Отъ побѣдъ отвыкъ нашъ слухъ. Румянцевы, Суворовы, Кутузовы, Ермоловы, теперь, — въ тяжелую годину, — баснословное преданіе! [3])

И — это, мнѣ кажется, плоды тридцатилѣтняго марширования. Къ чему вело жалкое вытягиваніе ногъ? Недаромъ давно уже многіе тужили и вздыхали объ этомъ увлеченіи въ обученіи войскъ! Теперь вѣроятно пожинаемъ обильную жатву сѣянныхъ трудовъ...

Зато — вездѣ, въ большой модѣ форма, драгуны, — даже! у насъ въ Смольномъ! «разъ, два», по Скалозубовски!..

Горько, горько! — хочется плакать!..



Слухъ о сдачѣ непріятелю Одессы. Отсутствіе желѣзныхъ дорогъ.

1 октября. Говорятъ, Одесса взята.

Что-жъ, очень можетъ статься! Керчь при 80 орудіяхъ отдали безъ боя; можетъ то же самое случиться и съ Одессою, — войска мало, снарядовъ немного, начальниковъ нѣтъ; Корниловъ, Истоминъ, Нахимовъ — краса русскаго войска — убиты; Хрулевъ раненъ подъ Севастополемъ; остаются Остенъ-Сакенъ и Лидерсъ; но Остенъ-Сакенъ въ

[3]) О всѣхъ, упоминаемыхъ В. Петр. герояхъ Севастопольской войны и объ ихъ дѣяніяхъ сравнительно вѣрныя и в. интересныя свѣдѣнія можно получить и даже видѣть портреты многихъ изъ нихъ въ *«Матеріалахъ для исторіи Крымской войны и обороны Севастополя»*, — въ сборникѣ, изданномъ подъ ред. Н. Ѳ. Дубровина.

Генералъ А. К. Баумгартенъ и его разсказы: благословенія Остенъ-Сакенъ, опущенія въ войскѣ, подвиги женщинъ. Отношенія Нахимова къ А. К. Баумгартенъ. Пули Будищева. Разсѣянность ген. Г—ва.

10 апрѣля. Третьяго дня провели мы цѣлый день въ обществѣ героя «Читатцкаго»—генерала Баумгартена [1]) и съ напряженнымъ вниманіемъ слушали его умную, правдивую рѣчь.

Въ послѣдній разъ мы видѣлись съ нимъ въ 49-мъ году, передъ началомъ Венгерской кампаніи. Тогда онъ былъ молодой еще человѣкъ, въ расцвѣтѣ силъ; его живой, блестящій разговоръ одушевлялъ общество; въ немъ было тогда такъ много жизни и надеждъ на будущее! Служилъ онъ въ Главномъ Штабѣ и былъ прикомандированъ къ составлявшемуся новому какому-то образцовому полку. Когда началась Венгерская кампанія, А. К. совершенно неожиданно для насъ, въ нѣсколько дней успѣлъ испросить позволеніе перейти въ армію, обмундировался и выѣхалъ изъ Петербурга, а по прошествіи нѣкотораго времени онъ уже находился въ дѣйствующей арміи, какъ разъ наканунѣ весьма важнаго сраженія.

Въ Венгріи своими совѣтами Баумгартенъ много способствовалъ успѣхамъ военныхъ дѣйствій; но объ этомъ не упоминается въ донесеніяхъ по «непонятнымъ и весьма обыкновеннымъ причинамъ»...

При началѣ Крымской войны онъ былъ одинъ изъ первыхъ, переступившихъ турецкую границу, и могъ бы принести много пользы своимъ умомъ и преданностію дѣлу, если бы умышленно или неумышленно не былъ лишенъ всякой самостоятельности.—Его перевели въ Крымъ, въ Се-

[1]) Ген. Баумгартенъ, Александръ Карловичъ, братъ Апол. Карловича, хорош. знак. Вар. Петровны, ген.-маіоръ. См. зап. 1847 г. 23 іюня и 1849 г. 4 Іюля. Вѣроятно, его-же фамилія въ 1855 г. вписана на мраморной доскѣ въ Пажескомъ корпусѣ «за храбрость».

жутся они мнѣ живыми мертвецами... Сжимается сердце при мысли, что большинство изъ нихъ уже не вернутся...

Нѣтъ, Господи, Ты не можешь благословлять кровопролитія!..

Зачѣмъ же мы оскверняемъ чистоту молитвы, взывая къ Тебѣ о пораженіи враговъ подъ ноги наша? [1]) За то, можетъ быть, и бьютъ насъ вездѣ?..

Да будетъ святая воля Его!..

Но не вѣрится мнѣ, что Россія погибнетъ. Есть же въ ней святые люди, за которыхъ и грѣшники помилованы будутъ.

Ложное просвѣщеніе губитъ насъ: нѣтъ у насъ единства въ мысляхъ, недостаетъ истинной разумной любви къ отечеству. Если бы русскіе воодушевлены были бы такой любовью, для нихъ не страшна бы была и война. Богачи бы доставили средства; мыслители, двигая впередъ науку, придумывали бы способы для защиты отечества; бѣдняки несли бы охотно голову за родную землю.

Тогда каждый заботился бы объ исполненіи закона объ искорененіи злоупотребленій. Тогда акъ-бы быстро расцвѣла могуществомъ наша матушка Россія! . . . .

Продолженіе бѣдствій.

4 октября. Союзники отъ Одессы перешли къ Николаеву, тамъ выстроились 93 корабля.—Ужасная сила!

Что же останется отъ Николаева? И онъ, вѣроятно, какъ Севастополь, обратится въ груду развалинъ...

Негодую на всѣхъ нашихъ.—Такъ поступать нельзя: тамъ проспятъ, тамъ проиграютъ въ карты, тамъ наглупятъ,

---

[1]) См. зап. 1852 г. 19 мая.

духа окончательно разстроилъ его, и вотъ отчего мы встрѣчаемъ Баумгартена почти развалиной, которая семь лѣтъ тому назадъ цвѣла здоровьемъ, жаждою дѣятельности и силою....

О, спокойствіе душевное—великое дѣло!..

Хотѣлось бы мнѣ записать все слышанное отъ почтеннаго очевидца, но не смогу изложить разсказъ его послѣдовательно, такъ какъ разговоръ переходилъ отъ одного предмета къ другому, вслѣдствіе вопросовъ слушавшихъ. То и дѣло слышалось: *«правда ли, что было то-то? что было такъ-то?»* Вслѣдствіе этого говорилось о множествѣ предметовъ.

Генералъ, какъ очевидецъ, какъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ страшной драмѣ, говоритъ обо всемъ чрезвычайно просто, отчетливо и хорошо; все легко понимается и легко укладывается въ памяти.

Меня очень заинтересовалъ его разсказъ о *значеніи и спасительной силѣ Креста*.

Извѣстно, что военные, не разъ побывавшіе подъ градомъ непріятельскихъ пуль и оставшись невредимыми, становятся въ высшей степени религіозны; слѣдовательно нѣтъ ничего удивительнаго, что и Баумгартенъ изъ невѣровавшаго, какимъ я его знала раньше, сдѣлался инымъ.

Его начальникъ Остенъ-Сакенъ [3]) имѣлъ добрую привычку, надъ которой, между прочимъ, многіе смѣялись: ничего не предпринимать и не кончать безъ крестнаго знаменія. Во время военныхъ дѣйствій, посылая своихъ адъютантовъ въ опасныя мѣста, онъ всегда предъ тѣмъ благословлялъ ихъ—и ни самъ Остенъ-Сакенъ и ни одинъ изъ его адъютантовъ не были ни разу ранены!?

---

[3]) Баронъ (впослѣдствіи графъ) Дмитрій Ероѳеевичъ Остенъ-Сакенъ генер.-адъютантъ—начальникъ севастоп. гарнизона, крайне справедливый, неутомимый и въ то же время общій любимецъ; подчиненные его звали просто: *«Ероѳеичъ»*.

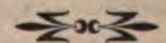
Еще успѣхъ врага.

10 октября. Кинбурнъ взятъ; Очаковъ тоже. Отлично, хорошо!

У меня уже притупились чувства: пораженіе за пораженіемъ пріучило меня хладнокровно сносить безчестіе Отечества!..

Должно сознаться, сильно мы гнѣвимъ Бога... О, еслибы перемѣнили всѣ свою порочную жизнь; если бы у помѣщиковъ хватило великодушія *отпустить на волю крестьянъ*; если бы сильные міра уничтожили злоупотребленія, если бы единодушно противъ нарушеній законовъ возстали всѣ... — Господь помиловалъ бы тогда насъ... Въ этомъ мое глубокое убѣжденіе.

Г. и М., наконецъ, отставлены; желаніе всеобщее, всероссійское исполнилось! Кто-то замѣнитъ ихъ?...



Воспоминаніе о послѣднемъ посѣщеніи Смольнаго Императрицею Маріею Θеодоровною.

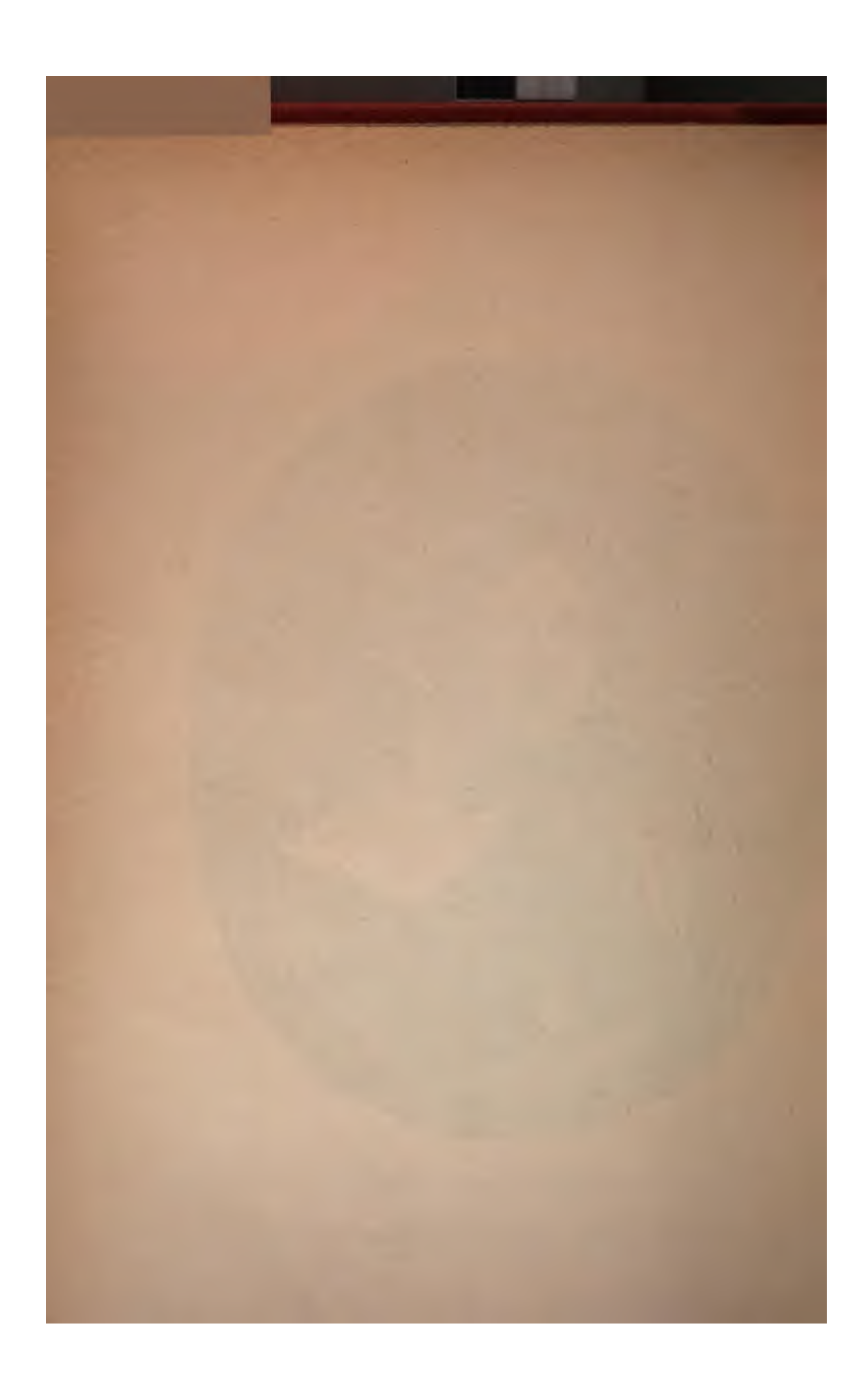
26 декабря. Не могу ничего читать о войнѣ,—меня все возмущаетъ...

Какимъ свѣтлымъ облакомъ среди нашей вражды и кровопролитій сіяетъ портретъ (образъ) [1]) Императрицы Маріи Θеодоровны,—этого добраго ангела между вѣнчанными женщинами!

[1]) Писано, вѣроятно, передъ портретомъ Ея Величества, который и вызвалъ сообщаемое воспоминаніе. См. зап. 1855 г. 4 авг.

Государыня Императрица

Марія Θеодоровна.



Ты умѣла всѣхъ приголубить. *Ты* понимала что такое воспитатели, когда говорила: «*если бы я не была Императрицей, то желала бы быть классною дамою Смольнаго*». Зато боготворили Тебя всѣ служащіе и воспитывающіяся; зато и теперь произносится имя Твое съ уваженіемъ, и благословляется память Твоя.

Какъ сейчасъ помню послѣдній Твой пріѣздъ въ Смольный.

Мы были тогда уже второй годъ въ кофейномъ классѣ [2]).

На Государынѣ былъ капотъ малиноваго бархата и Она проходила по столовой, держа подъ руку «Бабушку» Адлербергъ [3]). Императрица, какъ говорили старшія, выражала неудовольствіе за то, что нашла дамъ не по формѣ — не въ синихъ платьяхъ. Немного, ласково пожурила ихъ и, уѣзжая, посылала всѣмъ намъ рукою поцѣлуй, говоря: «*прощайте, дѣти! прощайте, ангельчики! прощайте,* «*капустки*»!..

И кто-бы изъ насъ могъ тогда подумать, что это была послѣдняя къ намъ Ея ласка въ этой жизни?

Увидимся ли мы съ Тобой, добрѣйшая, на томъ свѣтѣ?..

Ты навѣрно будешь блаженствовать.... молись объ насъ и за Россію!...

[2]) Императрица Марія Ѳеодоровна † 24 октяб. 1828 года.

[3]) См. зап. 1833 г. 19 мая (портретъ), 1831 г. 30 авг., 1836 г. 4 янв. и 1836 г. 3 мар.

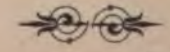
1856 г.

О парижскихъ преніяхъ.

21 февраля. Чѣмъ-то разыграются парижскія пренія?..
— Вѣрнѣе всего, что насъ обманутъ. Завлекли нарочно въ зимнее время въ переговоры, заговорили о мирѣ въ началѣ зимы, дотянули дѣло до весны и въ заключеніе предлагаютъ такія тяжкія условія, которыхъ Россія, если у нея есть хоть искра чести, — не можетъ и не должна принять. Въ преніяхъ и вторая зима утеряна, а весною насъ снова бить станутъ...

О, «дипломатія и политика»... — Я не люблю васъ!.. А ностранные дипломаты мнѣ часто кажутся — людьми безъ Бога и с......

А мы — безполезные и ничтожные члены обширнѣйшаго и сильнѣйшаго въ свѣтѣ государства, — мы [1]), должны молча грызть удила и краснѣть отъ срама и скорби о родной отчизнѣ...



[1]) Вѣроятно, разумѣетъ себя и такихъ же горячихъ патріотокъ — своихъ сослуживицъ.

Кажется, такъ недавно все это было, и въ памяти моей ярко сохранилась каждая черта этого замѣчательнаго для меня дня, а между тѣмъ, съ тѣхъ поръ сколько разъ измѣнялся видъ вселенной. Государства рушились и снова возникали; многіе сильные земли уже давно переселились въ другой міръ и отдаютъ отчетъ Правосудному Судіи. Сколько знаменитостей по всѣмъ отраслямъ знаній сошло со сцены... Сколько утратъ понесъ міръ!.. Какъ много прекраснаго, великаго схоронила съ рыданіями Россія! — Но она все еще живетъ и должна *зрѣть*... Живетъ и весь міръ, и безумствуютъ, по-прежнему, люди.

Великія поученія только вскользь задѣваютъ насъ. Мы, «какъ дѣти безсмысленныя, играемъ на могилахъ родныхъ и друзей; играемъ и на всемірномъ кладбищѣ». И послѣ насъ также легкомысленно и со смѣхомъ пройдутъ грядущія поколѣнія, не вникая въ глубокій смыслъ переживаемыхъ ими «знаменательныхъ» событій жизни... (Иннокен. проп.).

Господи, благослови новое десятилѣтіе трудовъ моихъ и дай мнѣ силу, кротость и терпѣніе для продолженія взятой на себя обязанности. Согрѣй душу мою любовію къ дѣтямъ, къ бѣдному человѣчеству и сподоби меня послужить Тебѣ, служа меньшимъ братьямъ Твоимъ [2])

— Десять лѣтъ!...

Благодарю Тебя, Боже, что привелъ мнѣ провести эти годы въ Смольномъ, подальше отъ «свѣта», гдѣ такъ много соблазна! Въ свѣтѣ жить куда какъ было бы труднѣе...

Теперь зачитываюсь я проповѣдями Иннокентія [3]), сказанными имъ въ Одессѣ и Севастополѣ, и снова, какъ

---

[2]) Еван. Матѳ. 28 гл. 10 ст., Іоан. 20 гл. 17 ст.

[3]) Иннокентій, архіеп. Херсонскій и Таврическій (Борисовъ)—просвѣщеннѣйшій и талантливый витія † 29 мая 1857 г. Дѣятельность его во время Севастопольской войны воодушевляла и умиляла современниковъ. Проповѣди его, вѣроятно, знаетъ вся читающая Россія. Матеріалы къ его біографіи помѣщались въ «Русской Старинѣ» за 1878, 1879 и 1881 годы.

Давно ли миръ небесный осѣнилъ мою мятежную душу? Давно ли сердце мое сдѣлалось чисто и доступно къ добру и ко всепрощающей любви? Еще недѣли не прошло со дня принятія Св. Таинъ, а уже почти слѣда нѣтъ того благодатнаго умиленія, которымъ наслаждалась я немногіе часы,— пріобщившись. Насталъ слѣдующій день съ неугомонными заботами, съ искушеніями,—и я снова прежняя, немощная, жалкая, бѣдная, злобная женщина. Всѣ смущенія, такъ крѣпко уснувшія во мнѣ, опять возстаютъ одно за другимъ и прерываютъ мой покой!... Опять дѣти, война, Россія и пр. и пр. . . . .

. . . .

Никакъ не могу совладать съ собою, какъ не стараюсь забыть, не думать, не читать и не слушать разговоровъ, касающихся войны, дрязгъ и нынѣшнихъ событій. Всякая бездѣлица подымаетъ всю горечь, накопившуюся въ душѣ. Вотъ и теперь, перечитываю отрывки изъ статьи Горяйнова [1]) «о восточномъ вопросѣ», писанной въ 1853 г., въ началѣ этой войны, послѣ первыхъ нашихъ побѣдъ надъ турками. Горяйновъ съ такимъ упованіемъ говоритъ о грядущей славѣ Россіи, объ ея высокомъ назначеніи и о могуществѣ русскаго оружія, что мнѣ стало больно читать дальше. То были его мечты, мечты и мечты!

Господу было угодно смирить гордость нашу и наказать за многое, но мы этого не поняли и не хотимъ понять, что рука Владыки тяготѣетъ надъ нами!..

Благодарю Тебя, Господи, что Ты смиряешь меня во всемъ: какъ русскую—отъ самохвальства; какъ наставницу, какъ женщину! Пусть будетъ благословенна десница Твоя!

Хотѣлось бы мнѣ читать, но при нашихъ классодамскихъ обязанностяхъ рѣшительно нѣтъ времени; когда урывками почитаешь, а писать о томъ, кажется, и думать не-

---

[1]) Горяйновъ—участникъ войны 1812 г. и тоже горячій патріотъ.

чего,—что для меня составляетъ большое лишеніе! Но и это, вѣрно, къ лучшему.

Пора раздѣваться, мыться и спать идти съ напутствіемъ Божіимъ. Завтра опять въ 6 часовъ нужно быть на ногахъ цѣлый день...

Подкрѣпи насъ, Господи!..

Заключеніе мира. Воспоминанія о Нахимовѣ и о севастопольскихъ герояхъ.

12 марта. Вчера обнародовано извѣстіе о заключеніи мира.

— Какого мира?—О томъ ни слова!

Всѣ радуются...

Какое же право имѣю я ходить унылой? Развѣ я подставляла свою голову подъ вражескую пулю? Развѣ терпѣла лишенія во время войны? Несла тяжесть кровопролитія?..

Кромѣ нравственныхъ страданій я не учавствовала ни въ чемъ. Да и не я ли оплакивала, въ началѣ войны, безуміе и задоръ людской? Не я ли твердила о всеобщемъ мирѣ и любви? [1]) Зачѣмъ же теперь, когда вопросъ о мирѣ поконченъ, мое честолюбіе и гордость такъ далеко увлекаютъ меня, и чувствуется какъ-будто какая-то обида? Развѣ мнѣ не жаль человѣческой крови? Какая же я послѣ этого христіанка?!...

Да, Россія одна, предоставленная только самой себѣ, не могла выдержать натиска четырехъ могущественныхъ державъ; каждая поодиночкѣ боялась съ Нею помѣриться, а четыремъ разомъ немудрено повалить и «дубъ»! Англія, Франція,

[1]) См. зап. съ 1834 г. 30 авг.

Австрія, Турція, Сардинія, да кромѣ того тайное содѣйствіе Швеціи и Германіи, а мы—одни; совершенно одни! — Могло быть еще хуже. Стало-быть хорошо, что миръ; онъ избавляетъ насъ отъ дальнѣйшихъ несчастій и возмутительныхъ кровопролитій...

Лишь бы мы, русскіе, теперь проснулись отъ глубокаго сна и занялись дѣломъ. А то карты, да театры, наряды, да обѣды и поѣздки за границу занимаютъ у насъ все время и поглощаютъ множество денегъ... Трудно, при такихъ условіяхъ приносить много благъ своему Отечеству...

Стану праздновать миръ чтеніемъ. Книгъ у меня много; не оторвалась бы отъ нихъ, да некогда. По утрамъ до двѣнадцати часовъ я свободна и хожу въ садъ наслаждаться; солнце свѣтитъ ярко и на душѣ тоже свѣтло!

Спустя часъ. Читаю подробности о послѣднихъ дняхъ жизни Нахимова [2]), объ его похоронахъ и о любви къ нему народной—и плачу. Опять живо встаютъ предо мною всѣ ужасы осады и всѣ пытки бѣдныхъ севастопольскихъ мучениковъ: да, пусть настанетъ миръ, благодатный миръ!..

Подъ Севастополемъ русскіе крестились два раза: первый разъ св. Владиміромъ, второй, въ лицѣ черноморцевъ-воиновъ.

Миръ праху вашему, доблестные сыны Отечества!

---

[2]) Нахимовъ, П. Степ., см. зап. 1855 г. 4-го и 9-го іюня.

Генералъ А. К. Баумгартенъ и его разсказы: благословенія Остенъ-Сакенъ, опущенія въ войскѣ, подвиги женщинъ. Отношенія Нахимова къ А. К. Баумгартенъ. Пули Будищева. Разсѣянность ген. Г—ва.

10 апрѣля. Третьяго дня провели мы цѣлый день въ обществѣ героя «Читатцкаго» — генерала Баумгартена [1]) и съ напряженнымъ вниманіемъ слушали его умную, правдивую рѣчь.

Въ послѣдній разъ мы видѣлись съ нимъ въ 49-мъ году, передъ началомъ Венгерской кампаніи. Тогда онъ былъ молодой еще человѣкъ, въ расцвѣтѣ силъ; его живой, блестящій разговоръ одушевлялъ общество; въ немъ было тогда такъ много жизни и надеждъ на будущее! Служилъ онъ въ Главномъ Штабѣ и былъ прикомандированъ къ составлявшемуся новому какому-то образцовому полку. Когда началась Венгерская кампанія, А. К. совершенно неожиданно для насъ, въ нѣсколько дней успѣлъ испросить позволеніе перейти въ армію, обмундировался и выѣхалъ изъ Петербурга, а по прошествіи нѣкотораго времени онъ уже находился въ дѣйствующей арміи, какъ разъ наканунѣ весьма важнаго сраженія.

Въ Венгріи своими совѣтами Баумгартенъ много способствовалъ успѣхамъ военныхъ дѣйствій; но объ этомъ не упоминается въ донесеніяхъ по «непонятнымъ и весьма обыкновеннымъ причинамъ»...

При началѣ Крымской войны онъ былъ однимъ изъ первыхъ, переступившихъ турецкую границу, и могъ бы принести много пользы своимъ умомъ и преданностію дѣлу, если бы умышленно или неумышленно не былъ лишенъ всякой самостоятельности. - Его перевели въ Крымъ, въ Се-

[1]) Ген. Баумгартенъ, Александръ Карловичъ, братъ Апол. Карловича, хорош. знак. Вар. Петровны, ген.-маіоръ. См. зап. 1847 г. 23 іюня и 1849 г. 4 Іюля. Вѣроятно, его-же фамилія въ 1855 г. вписана на мраморной доскѣ въ Пажескомъ корпусѣ «за храбрость».

вастополь, гдѣ онъ пробылъ семь мѣсяцевъ, сначала и. д. коменданта крѣпости, потомъ замѣстителемъ Новосильскаго на четвертомъ бастіонѣ [2]).

Семимѣсячное пребываніе Александра Карловича въ Севастополѣ среди интригъ и клеветы, возбуждаемыхъ завистью, окончательно подкосило его здоровье, предъ тѣмъ расшатанное молдаванскою лихорадкою. Въ концѣ іюня онъ принужденъ былъ выѣхать изъ Севастополя отъ изнурительныхъ припадковъ. Теперь онъ ѣдетъ лѣчиться за-границу.

Грустно было встрѣтиться со «старцемъ 40-ка лѣтъ», потерявшимъ голосъ, опиравшимся на палку и едва передвигавшимъ ноги! Едва можно было разслышать, что онъ говорилъ. Всѣ остальные молчали, внимательно и съ уваженіемъ вслушиваясь въ каждое его слово.

Странное дѣло,—о Баумгартенѣ многіе даже не знали, что онъ семь мѣсяцевъ оставался въ Севастополѣ: онъ былъ удаленъ отъ участія въ дѣлахъ. Я помню, что многіе, знавшіе его въ Петербургѣ за способнѣйшаго военнаго, спрашивали: «что же Баумгартенъ дѣлаетъ, отчего же о немъ ничего не «лышно»?

Признаюсь, мы даже здѣсь не знали, что въ такое великое и отвѣтственное дѣло, какъ защита Севастополя и оборона Отечества, замѣшивалась *«зависть»* — корень всякаго зла на землѣ.

О, эта зависть надѣлала много, много вреда Россіи въ послѣднюю войну!..

Баумгартенъ былъ оклеветанъ, какъ человѣкъ строптивый, неуживчивый. Узнавъ, что потерялъ довѣріе начальства, Александръ Карловичъ палъ духомъ. Упадокъ

---

[2]) Новосильскій — храбрый контръ-адмиралъ. Четвертый бастіонъ, одинъ изъ опаснѣйшихъ пунктовъ, находился подъ страшнымъ непріятельскимъ огнемъ. См. статью А. Скальковскаго „Русскіе крестовые рыцари 1854—1855 годовъ". „С.-Петерб. Вѣдом". 1855 г. № 124. Письма доктора, 19-го и 20 октября.

Одинъ изъ нихъ, отправившись на который-то бастіонъ безъ благословенія Начальника, прибылъ уже къ мѣсту назначенія и вспомнивъ, что Генералъ не перекрестилъ его, опрометью поскакалъ назадъ за благословеніемъ.

Не видавъ ни разу Остенъ-Сакена, я его глубоко уважаю. Онъ, говорятъ, теперь въ Петербургѣ, живетъ въ бѣдной квартирѣ въ нижнемъ этажѣ. Война его не обогатила, какъ многихъ другихъ.

Да. Распоряженія неудачниковъ комиссаріатскихъ и кражи много помѣшали успѣху русскаго оружія. Но Господь спасъ насъ, вѣроятно, молитвами какихъ-нибудь праведниковъ...

Много разъ союзники могли нанести намъ такой вредъ, отъ котораго мы долго бы не оправились. Напримѣръ: непріятели задолго извѣщали о высадкѣ, а у насъ тамъ, гдѣ они намѣрены высадиться, нѣтъ войска, а если и есть горсточка какая, то ею предводительствуетъ «острякъ» М., въ вѣдѣніи котораго царилъ полнѣйшій безпорядокъ. При его отрядѣ не было ни докторовъ, ни фельдшеровъ, ни госпиталей, ни бѣлья...

— При тяжелыхъ обстоятельствахъ отчизны высказалось то высокое самоотверженіе, на которое способна и русская женщина. Между многими изъ нихъ особенно достойны вниманія: старушка—какая-то Парасковья, а другая, красавица, молоденькая дѣвушка, дочь матроса [1]).

Эта дѣвушка вслѣдъ за моряками отправилась въ армію съ телѣжкою хлѣбовъ, пироговъ и тому подобныхъ солдатскихъ лакомствъ, т. е. чѣмъ то вродѣ маркитантки. Но когда, послѣ битвы, увидѣла десятки раненыхъ, лежавшихъ безъ помощи,—она бросила телѣжку съ пирогами, рвала свое

---

[1]) Вѣроятно, *Дарья «Севастопольская»*. (См. „Защита Севастополя" Н. Дубровина, ст. 51 и 52).

Опера очень оживлена хорами и русской съ цыганской плясками. Хоры вводные и по-моему, нужны больше для эффекта; конецъ тоже привязанъ.

Послѣдняя декорація, представляющая дворецъ русалки,— очаровательна!..

Почему я чуждаюсь общества. О Пушкинѣ.

20 мая. Лѣта и обстановка жизни чародѣйски мѣняютъ человѣка: кто бы узналъ теперь во мнѣ когда-то бывшую неразумную—«Вареньку»?

Нынче не только не ищу я общества, но даже избѣгаю его. Для меня верхъ наслажденія—сидѣть одной въ комнатѣ, читать, писать, смотрѣть на давно знакомую Неву, на окружающую зелень, на небо, разукрашенное серебристыми, золотыми и пурпуровыми облаками и, подчасъ, задумываться, глядя на міръ Божій. Только сестра, мой ангелъ Нюта,—всегда жданная и желанная въ моей комнатѣ...

Господи, благодарю Тебя, что далъ мнѣ такого неизмѣннаго друга. Молю Тебя, Отче Святый, Боже мой, только не дай мнѣ пережить Нюту; да снидутъ всѣ благословенія Твои на ея главу; утѣшь ее сторицею за безпредѣльную любовь ко мнѣ, не любимую въ жизни никѣмъ!...

Не мудрено, что я не люблю общества и что предпочитаю ему книги и бесѣду съ самой собою. Во-первыхъ, въ книгахъ я встрѣчаю часто лучшихъ, избранныхъ людей и сама отъ нихъ учусь, а во-вторыхъ, во-вторыхъ... стыдно признаться,—страдаетъ самолюбіе...

Говорить ли я не умѣю, или на лицѣ моемъ слишкомъ явно и противъ желанія высказывается скука при вседневныхъ и пошлыхъ разговорахъ, но я замѣтила, что меня всѣ избѣгаютъ, какъ избѣгаю и я другихъ. Мнѣ скучно почти

Прекрасная смерть, разомъ разлучившая безсмертный духъ отъ бреннаго тѣла! Вѣчность застала ее врасплохъ, но среди трудовъ, дышавшихъ *«любовію къ ближнему»*. Какъ свѣтла и прекрасна предстала та вѣчность душѣ, только что оставившей землю стоновъ, воплей и людской злобы — подъ страшную музыку пушечной пальбы!... О, какимъ блаженствомъ была исполнена та душа при радостномъ переходѣ!..[7]).

Такъ же умеръ Истоминъ, такъ же умерли Корниловъ, Нахимовъ и многіе другіе сотни и тысячи храбрыхъ...

Миръ праху вашему, храбрые защитники наши!

Нахимовъ умѣлъ оцѣнить А. К. Баумгартена. При пріѣздѣ его въ Севастополь адмиралъ первый явился къ нему со словами: «слава Богу, что есть человѣкъ, который будетъ приказывать намъ, что дѣлать; учите, располагайте, приказывайте,—я буду первый исполнять ваши приказанія. На морѣ я знаю, что дѣлать, но здѣсь, на сушѣ,—мнѣ надобно указать».

Истинно благородный человѣкъ! Вотъ какихъ защитниковъ нужно бы было побольше отчизнѣ!

Не думалъ уронить свое достоинство герой Синопскій, прося молодого офицера *«приказывать»* ему какъ и что дѣлать!..

Большинство — не такихъ начальствующихъ: завидовали и клеветали другъ на друга. Б., бездарный Б., друзьями провозглашенный чуть ли не геніемъ, оставлялъ войска безъ снарядовъ, безъ пороха и пуль! Союзники могли смѣло подходить къ намъ и снимать насъ штуцерами — на выборъ; наши пули даже не свистали въ ихъ ушахъ, — такъ хорошо были вылиты! По счастію, моряку Будищеву пришло желаніе отлить пули, на подобіе французскихъ, — коническія. Опытъ удался. Въ Севастополѣ сами солдаты стали лить коническія пули,—и сразу войска оживились. Моряки-солдаты подшучивали надъ удивленіемъ союзниковъ, когда русская пуля засвистѣла надъ ними: «а, ну-ка, сунься теперь, фран-

[7]) «Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ (Еван. Іоан. гл. 15, ст. 13).

цузъ», приговаривали они весело,—«цѣлъ не уйдешь». Союзники, дѣйствительно, удивились и стали осторожнѣе; смѣлость ихъ поубавилась, когда убѣдились, что и русскія пули могутъ ихъ бить.

В. Князья, уѣзжая въ первый разъ изъ Севастополя, приказали лить коническія пули въ Тульскихъ заводахъ и въ Николаевѣ; къ несчастію, у насъ ружья оказались на половину стараго устройства, такъ что пули годились не для всѣхъ... Непріятель подходилъ все ближе и ближе, имѣя отличные боевые снаряды, которые ему доставлялись со всѣхъ сторонъ.

Разсказывалъ А. К., что самъ ген. Г-въ былъ до такой степени разсѣянъ, что иногда по получасу припоминалъ, какъ пишется какая-нибудь русская буква.

Однажды, возвращаясь домой, зашелъ онъ съ другой стороны своего дома и воображая, что идетъ по лѣстницѣ, смѣшно подымалъ ноги на ровной землѣ...

Какъ-то разъ писалъ онъ донесеніе Государю. Кончивъ первый листъ, онъ началъ ходить по комнатѣ обдумывая, что далѣе писать? и, въ приливѣ разсѣянности, водилъ рукою по воздуху, въ полной увѣренности, что пишетъ на бумагѣ. Окончивъ воздушный листъ, принялся за третій и, приведя къ окончанію всю работу, сталъ перечитывать написанное. Вдругъ въ срединѣ донесеніе прерывается! Нѣтъ листа! Въ словахъ нѣтъ связи! Г—въ спрашиваетъ, куда дѣлся вложенный въ средину листъ; велитъ искать его и наконецъ припоминаетъ, что средина написана на воздухѣ! Ну, думается,—не управиться съ 20,000 войска такой головѣ!..

Четвертаго августа дѣло проиграно, благодаря его слабости: онъ не далъ заранѣе приказаній, сказавъ что будетъ распоряжаться самъ на полѣ битвы, а самъ растерялся... И—сколько нашихъ погибло!..

Еще два странныхъ случая, разсказанныхъ генераломъ Баумгартенъ.

18 апрѣля. Въ прошлый разъ всего не записала, а до сихъ поръ не было свободнаго времени.

Вотъ еще два странныхъ случая, о которыхъ разсказывалъ Александръ Карловичъ.

Въ Валахіи выросъ тополь, который, гдѣ ни разрѣжутъ его,—вездѣ въ деревѣ изображеніе креста.

Что означаетъ такое необыкновенное явленіе? Побѣду Креста, быть-можетъ?..

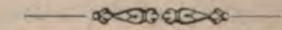
Да, Крестъ побѣдитъ; но кто-то будетъ его избраннымъ орудіемъ? Не тѣ ли, что были въ концѣ прошлаго столѣтія противъ Него?.. [1])

Вразуми ихъ, Господи!..

Каменщики не знаютъ мысли архитектора и кладутъ кирпичъ за кирпичемъ по его указанію,—и народы воюютъ, волнуются, а устраиваетъ все Господь...

Съ тополя съ крестовидной срединою четверо офицеровъ въ Крымскую кампанію дѣлали дагеротипный снимокъ и бросили жребій, кому онъ достанется. Черезъ нѣсколько времени получившій снимокъ былъ убитъ: бомба снесла ему лѣвое плечо. На груди у убитаго оказался дагеротипный портретъ, а на правомъ плечѣ также обозначилось чудное изображеніе Креста...

Непонятно!



Десять лѣтъ службы въ Смольномъ. Проповѣди Иннокентія. Подвиги духовныхъ.

23 апрѣля. Сегодня минуло ровно десять лѣтъ, какъ я со страхомъ вступила въ стѣны Монастыря,—на службу Отечеству.

---

[1]) Вѣроятно, разумѣетъ французскую революцію.

Кажется, такъ недавно все это было, и въ памяти моей ярко сохранилась каждая черта этого замѣчательнаго для меня дня, а между тѣмъ, съ тѣхъ поръ сколько разъ измѣнялся видъ вселенной. Государства рушились и снова возникали; многіе сильные земли уже давно переселились въ другой міръ и отдаютъ отчетъ Правосудному Судіи. Сколько знаменитостей по всѣмъ отраслямъ знаній сошло со сцены... Сколько утратъ понесъ міръ!.. Какъ много прекраснаго, великаго схоронила съ рыданіями Россія! — Но она все еще живетъ и должна *зрѣть*... Живетъ и весь міръ, и безумствуютъ, по-прежнему, люди.

Великія поученія только вскользь задѣваютъ насъ. Мы, «какъ дѣти безсмысленныя, играемъ на могилахъ родныхъ и друзей; играемъ и на всемірномъ кладбищѣ». И послѣ насъ также легкомысленно и со смѣхомъ пройдутъ грядущія поколѣнія, не вникая въ глубокій смыслъ переживаемыхъ ими «знаменательныхъ» событій жизни... (Иннокен. проп.).

Господи, благослови новое десятилѣтіе трудовъ моихъ и дай мнѣ силу, кротость и терпѣніе для продолженія взятой на себя обязанности. Согрѣй душу мою любовію къ дѣтямъ, къ бѣдному человѣчеству и сподоби меня послужить Тебѣ, служа меньшимъ братьямъ Твоимъ [2])

— Десять лѣтъ!...

Благодарю Тебя, Боже, что привелъ мнѣ провести эти годы въ Смольномъ, подальше отъ «свѣта», гдѣ такъ много соблазна! Въ свѣтѣ жить куда какъ было бы труднѣе...

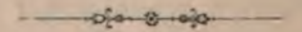
Теперь зачитываюсь я проповѣдями Иннокентія [3]), сказанными имъ въ Одессѣ и Севастополѣ, и снова, какъ

[2]) Еван. Матѳ. 28 гл. 10 ст., Іоан. 20 гл. 17 ст.

[3]) Иннокентій, архіеп. Херсонскій и Таврическій (Борисовъ)—просвѣщеннѣйшій и талантливый витія † 29 мая 1857 г. Дѣятельность его во время Севастопольской войны воодушевляла и умиляла современниковъ. Проповѣди его, вѣроятно, знаетъ вся читающая Россія. Матеріалы къ его біографіи помѣщались въ «Русской Старинѣ» за 1878, 1879 и 1881 годы.

прежде, какъ въ дни страданій севастопольцевъ, не могу удержаться отъ слезъ...

Великія пережили мы времена и событія, и великаго проповѣдника послалъ намъ Господь въ эти дни скорби! Онъ, подобно св. Іоанну Златоусту, учитъ, и утѣшаетъ, и ободряетъ мучениковъ и призываетъ всю Россію на дѣло милосердія для облегченія тяжелаго подвига воиновъ. Сколько любви въ словахъ этого пастыря!.. О, только любовь и вѣра могли вложить въ уста его такія ободряющія рѣчи! Иннокентій—замѣчательное историческое лицо! Среди выдающихся людей нашего тяжкаго времени есть много достойныхъ священнослужителей, но все же первое мѣсто принадлежитъ безспорно Иннокентію. Надо бы особенно слѣдить за христіанскими подвигами такихъ духовныхъ лицъ, которыя *собственнымъ примѣромъ* учили воиновъ жертвовать своею жизнію; ихъ *примѣры дѣйствовали лучше самой восхитительной проповѣди...* [1]).



Мѣсто начальницы въ Оренбургскомъ институтѣ и негодованіе за Нюту.

10 мая. Чуть-чуть не покинули мы Смольный.

Нютѣ предложили мѣсто начальницы Оренбургскаго института.

Лучшей начальницы и даже подобной, разумѣется, не сыщется въ цѣлой Россіи. При ея умѣ, образованіи, дѣятельномъ характерѣ, особенно при сильномъ желаніи быть полезною человѣчеству, — Annette была бы идеаломъ на этомъ поприщѣ. Но, къ несчастію, у насъ не понимаютъ еще

[1]) Къ сожалѣнію до сихъ поръ многіе на это смотрятъ такъ: «кому же и подавать добрые примѣры, какъ не духовнымъ»; а потому, подобные факты, въ большинствѣ случаевъ, замалчиваются и при случаѣ, съ осужденіемъ выставляются факты обратныхъ свойствъ.

ИННОКЕНТІЙ,

АРХІЕПИСКОПЪ ХЕРСОНСКІЙ И ТАВРИЧЕСКІЙ

(род. въ 1800 г., † 26 мая 1857 г.).

Изъ „Русской Старины“

высокой цѣли воспитанія и потому ставили часто во главѣ заведеній и воспитанія лицъ, никогда не занимавшихся этимъ или кто первый забѣжалъ да пониже поклонился, да за кого замолвятъ «сильные». О способностяхъ къ выполненію отвѣтственныхъ обязанностей рѣдко справляются... Лишь бы «*исправно*» сидѣла.

Такъ случилось и теперь:

Сестрѣ предпочли Ив.—больную вдову какого-то офицера [1])!

Впрочемъ, въ этомъ случаѣ не то мнѣ больно, что обидѣли бѣдную Нюточку, а Ив. предпочли сестрѣ, (это у насъ дѣло обыкновенное, сплошь и рядомъ); но больно мнѣ за г-жу Л...

Когда Annette сообщила ей о предложенномъ мѣстѣ,—въ первую минуту она сказала: «любя Отечество, я радуюсь, что во главѣ воспитанія будетъ такая добрая и умная христіанка; я тотчасъ напишу объ васъ Гоф. [2])». То былъ лишь незначительный проблескъ добраго чувства, но неискренній...

Какъ тяжело разочароваться въ человѣкѣ, котораго привыкла любить и уважать...

— Вотъ что больно, и что насъ обѣихъ очень разстроило! А во всемъ другомъ—Божія воля!..

Мнѣ только Нюту жаль!..

[1]) Ив., М. Н.—клас. дама Им. В. Общ. бл. дѣв.

[2]) Гоф., Андрей Логиновичъ дѣйст. тайн. совѣтн., статсъ-секретарь по дѣламъ управленія учрежденій Императрицы Маріи и управлявшій IV-мъ отдѣленіемъ (съ 1842—1860 г.).

Первое представленіе оперы «Русалка» Даргомыжскаго. Артисты: Петровъ, Булаховы и Лилѣева.

16 мая. На-дняхъ давали новую оперу Даргомыжскаго—«Русалка».

Недоконченная поэма Пушкина послужила основою для такого либретто, подобнаго которому нѣтъ въ цѣломъ мірѣ! Нуженъ геніальный композиторъ, по плечу Пушкина, и композиторъ *непремѣнно русскій*, который могъ бы глубоко прочувствовать простоту отдѣлки этого поэтичнаго преданія.—Но гдѣ же взять такихъ композиторовъ? Пушкинъ—собратъ Шекспиру, а Шекспиръ всего былъ одинъ. Поэтому нужно довольствоваться и Даргомыжскимъ, музыка котораго мѣстами прекрасна. Арія мельника въ третьемъ актѣ отлично выполнена Петровымъ. Арія князя на берегу Днѣпра—тоже хороша, но Булаховъ и его жена не могутъ передать ея красотъ. У Булаховой небольшой, пріятный голосъ, но безъ малѣйшихъ музыкальныхъ оттѣнковъ, ничего не выражаетъ и преимущественно держится на верхнихъ нотахъ; подъ конецъ даже надоѣдаетъ. Все первое дѣйствіе лежитъ на ней, а потому и впечатлѣніе получается неполное. Голосъ ея справедливо сравнила Шидловская [1]) съ канарейкою: тотъ же пискъ, притомъ нельзя понять ни слова; а между тѣмъ исполняются полные гармоніи стихи Пушкина,—даже досадно!

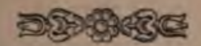
По мнѣ, лучше ея даже Лилѣева; эта, по крайней мѣрѣ, отчетливо передаетъ слово за словомъ, и голосъ ея гибокъ, даетъ оттѣнки. У Лилѣевой есть прекрасныя нижнія ноты; но, разумѣется, ее далеко нельзя назвать первоклассной пѣвицей!..

---

[1]) Шидловская—хорошая знакомая Даргомыжскаго, піанистка съ развитымъ музыкальнымъ вкусомъ; мнѣніемъ ея онъ очень дорожилъ. Во время перваго представленія «Русалки» Даргомыжскій сидѣлъ съ нею и композ. Сѣровымъ въ одной ложѣ, приходившейся рядомъ съ ложею Варв. Петровны.

Опера очень оживлена хорами и русской съ цыганской плясками. Хоры вводные и по-моему, нужны больше для эффекта; конецъ тоже привязанъ.

Послѣдняя декорація, представляющая дворецъ русалки,—очаровательна!..



Почему я чуждаюсь общества. О Пушкинѣ.

20 мая. Лѣта и обстановка жизни чародѣйски мѣняютъ человѣка: кто бы узналъ теперь во мнѣ когда-то бывшую неразумную—«Вареньку»?

Нынче не только не ищу я общества, но даже избѣгаю его. Для меня верхъ наслажденія—сидѣть одной въ комнатѣ, читать, писать, смотрѣть на давно знакомую Неву, на окружающую зелень, на небо, разукрашенное серебристыми, золотыми и пурпуровыми облаками и, подчасъ, задумываться, глядя на міръ Божій. Только сестра, мой ангелъ Нюта,—всегда жданная и желанная въ моей комнатѣ...

Господи, благодарю Тебя, что далъ мнѣ такого неизмѣннаго друга. Молю Тебя, Отче Святый, Боже мой, только не дай мнѣ пережить Нюту; да снидутъ всѣ благословенія Твои на ея главу; утѣшь ее сторицею за безпредѣльную любовь ко мнѣ, не любимую въ жизни никѣмъ!...

Не мудрено, что я не люблю общества и что предпочитаю ему книги и бесѣду съ самой собою. Во-первыхъ, въ книгахъ я встрѣчаю часто лучшихъ, избранныхъ людей и сама отъ нихъ учусь, а во-вторыхъ, во-вторыхъ... стыдно признаться,—страдаетъ самолюбіе...

Говорить ли я не умѣю, или на лицѣ моемъ слишкомъ явно и противъ желанія высказывается скука при вседневныхъ и пошлыхъ разговорахъ, но я замѣтила, что меня всѣ избѣгаютъ, какъ избѣгаю и я другихъ. Мнѣ скучно почти

со всѣми... Вѣроятно, потому и другимъ скучно со мною,— такъ вѣдь и должно быть? Вотъ почему весело мнѣ оставаться одной, смотрѣть на жизнь со своей точки зрѣнія. Пустыя рѣчи и сплетни наводятъ на меня тоску, а чтеніе, разумѣю хорошее, всегда подаритъ какую-нибудь мысль, натолкнетъ на новыя, пробудитъ въ груди старыя добрыя чувства и навѣетъ отраду съ развлеченіями.

Теперь я снова подъ вліяніемъ Пушкина [1]): читаю изданный по смерти его «Современникъ», перечитываю его послѣднія произведенія и умиляюсь душою...

Клеветники великаго поэта пусть прочтутъ его «Молитву» и пусть тогда попробуютъ говорить, что Пушкинъ былъ бездушенъ и не признавалъ Бога.

Вспомните, что было въ первые годы молодости, когда поэтъ, по обычаю того времени, былъ пропитанъ философіею и нигилизмомъ XVIII вѣка.

За это и нельзя его судить. Всѣ мы, на его мѣстѣ, были бы такіе же. Его, несчастнаго, съ пеленокъ вели прямымъ путемъ къ погибели. Кто удерживалъ его? Кто, кромѣ няни, указывалъ ему настоящую дорогу? Не всѣ ли, напротивъ, старались поддержать гибельныя наклонности юноши и разжигать его страсти?...

Бѣдный Пушкинъ! Слава тебѣ, что умѣлъ, хотя впослѣдствіи, перевоспитать себя, что сбросилъ много прежнихъ заблужденій и что самъ сознавался въ нихъ!

Равнодушно не могу читать твои «Думы», гдѣ ты такъ искренно и такъ горько оплакиваешь свою безумную молодость.

О юноши, юноши,—каетесь поздно!

[1]) О Пушкинѣ см. зап. 1855 г. 9-го и 17-го сентября.

Поѣздка въ Павловскъ. Штраусъ. Любимое шале Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Въ саду графа Нес..

9 Іюля. Въ прошлый четвергъ мы ѣздили въ Павловскъ слушать Штрауса, знаменитаго больше именемъ своего отца.

Самъ не играетъ, а только управляетъ оркестромъ. Выборъ пьесъ не дѣлаетъ ему чести: вальсы, польки смѣняютъ другъ друга; все это подъ конецъ вечера надоѣдаетъ и потому его слушаютъ очень невнимательно. Народу тьма,— и все это болтаетъ и болтаетъ на чужеземномъ языкѣ; эта несчастная страсть глубоко пустила корни; рѣдко услышишь родное слово, точно будто-бы стыдятся даже русскіе говорить на «своемъ» родномъ языкѣ!

Общество къ Штраусу очень равнодушно. Рукоплескали слабо и нисколько не поощрительно. Послѣ первой части онъ ушелъ, и я нашла, что музыка не была хуже, а рукоплескали съ бо̀льшимъ усердіемъ. Не нравится мнѣ, что Штраусъ разыгрываетъ изъ себя барона: самъ не перевертываетъ нотъ, а заставляетъ слугу, который всякій разъ выскакиваетъ изъ-за его спины. Прежде, въ началѣ, онъ плясалъ, при исполненіи вальсовъ, но теперь сдѣлался сдержаннѣе; вѣрно, надоумили его, что всѣ зрители хохотали надъ неумѣстною его подвижностію: что нравится нѣмцамъ, то смѣшно русскимъ. Отецъ его, Іог. Штраусъ, говорятъ, тоже плясалъ; но тому за дарованіе можно было многое простить, а чѣмъ же сынъ, кромѣ пляски, отличается?...

Вообще я осталась недовольна этою поѣздкою и утѣшилась только прогулкою по чудному саду.

Какое очаровательное мѣстоположеніе! Гдѣ ни стань, куда ни посмотри,—такъ бы все и стояла и все бы смотрѣла.

Виды прекрасны и разнообразны. Изъ всѣхъ окрестностей

Петербурга мнѣ болѣе другихъ нравится Павловскъ. Если бы у меня были деньги, тамъ всегда проводила бы я лѣто [1]).

Тамъ же увидѣли мы швейцарскую хижину, гдѣ *незабвенная* Марія Θеодоровна любила отдыхать отъ царственныхъ трудовъ въ обществѣ избранныхъ и образованныхъ людей. Нѣсколько просто убранныхъ комнатъ, письменный столъ; на немъ незатѣйливая чернильница, прялка съ остаткомъ льна, грабли и лопата, которою *Она* работала въ саду, — вотъ и все, что мы нашли въ *Ея* комнатахъ... Но какъ и эти бездѣлицы много говорятъ о *женщинѣ*, жизнь которой прошла «*непрерывной нитью благодѣяній*»...

Съ уваженіемъ разсматривала я все кругомъ и слушала разсказъ проводника. «*Она* была ангелъ-женщина»!—говорилъ онъ. «Да»,—отдавалось въ институтскихъ сердцахъ...

Жаль, что этотъ дорогой уголокъ теперь плохо поддерживается, и домикъ въ порядочномъ запустѣніи: около устроенъ навѣсъ для ползущихъ растеній, подъ тѣнью которыхъ любила сидѣть Императрица,—а на нихъ нѣтъ ни листика... Стоитъ одна обнаженная рѣшетка... Что бы стоило пустить по нимъ хотя дикій виноградъ..? Вился бы онъ себѣ, напоминая тѣ вьющіяся растенія, которыя счастливы были служить, ласкать и защищать нашу незабвенную, прекрасную и добрую Царицу.

Я не только люблю *Ее*,—я *благоговѣю*» передъ *Ней*!

Вчера, или нѣтъ, третьяго дня, осматривали мы садъ графа Н[illegible][2]). Здѣсь собраны дорогія и рѣдкія расте-

---

[1]) Эта мечта осуществлена была уважавшимъ Варв. Петровну княземъ Владим. Вас. Вяземскимъ, предоставившимъ для сестеръ Б-хъ дачу въ Павловскѣ въ 1882-мъ, 3-мъ, 4-мъ, 5-мъ и 6-мъ гг.. Въ 1886 г. † Варв. Петровна.

[2]) Н.......... (Карлъ-Робертъ). Служилъ сначала въ Австріи, Голландіи, Франціи, Пруссіи. Съ 1822 г. въ Россіи. Въ 56-мъ году уволенъ отъ службы. Отвѣтственность за Крымскую войну въ значительн. степени падаетъ на него. (Ефр. и Брокг.).

нія всѣхъ странъ свѣта, и весь садъ устроенъ съ большимъ вкусомъ. Мнѣ хотѣлось посмотрѣть все, что тамъ находится, хотѣлось купить изъ него множество цвѣтовъ.

Но вотъ и все, что я вынесла изъ этого первокласснаго сада. Онъ чѣмъ-то напоминаетъ великолѣпные дворцы и бальные наряды, гдѣ все блеститъ, но ничто не грѣетъ...

Графа нѣтъ, онъ за границей. Живетъ здѣсь его родственникъ, женатый на извѣстной З..., которая заставляетъ говорить о себѣ всю Москву...

Гуляя по расчищеннымъ дорожкамъ, любуясь на разнородные цвѣты, я невольно задумывалась. Мнѣ приходилъ въ голову хозяинъ, не пользующійся расположеніемъ русскихъ, о которомъ говорятъ, что онъ продалъ Россію. И не позавидовала я этому великолѣпію. Казалось мнѣ, что здѣсь, среди этой роскоши природы, не видятъ никогда доброй улыбки, освѣщающей невыразимой прелестью даже некрасивыя лица; что здѣсь не раздается веселый, живой и громкій смѣхъ молодости; что здѣсь все чинно, натянуто и холодно, какъ холоденъ и самъ хозяинъ. Въ этомъ убѣдили меня и разспросы у проводника...

Думаю, не разъ здѣсь мучилъ его демонъ честолюбія и алчности, и подъ мирною сѣнію густыхъ и чудныхъ деревьевъ, созидались въ головѣ его кровавыя смѣты...

О, нѣтъ,—не нужно мнѣ такого великолѣпія!..

Черноморцы.

12 іюля. Нѣкоторые черноморцы, уцѣлѣвшіе отъ побоища, живутъ теперь напротивъ насъ—на Охтѣ и веселы, и беззаботны, какъ будто-бы никогда и не покидали Петербурга и не испытали адскаго огня подъ разгромленнымъ Севастополемъ.

Мы ихъ встрѣчаемъ иногда въ Безбородкиномъ [1]) саду, гдѣ они обыкновенно гуляютъ.

Почти каждый съ Георгіемъ, и въ каждой бѣлой фуражкѣ чудится мнѣ герой! Безсовѣстно-пристально всматриваюсь я въ нихъ, стараясь найти отпечатокъ былыхъ страданій, длившихся цѣлыхъ одиннадцать мѣсяцевъ!

Но, благодаря Бога, человѣкъ *обладаетъ способностью* забывать свое горе.

На черноморцахъ и слѣда не осталось отъ всего ими пережитаго какъ физически, такъ и нравственно, и они веселѣе насъ, только душою принимавшихъ участіе въ военныхъ событіяхъ.—Странно!?.

— Недавно, сидя въ нашемъ саду съ дѣтьми, услышала я вдругъ стройное исполненіе хоромъ удалой русской пѣсни съ бубнами и съ молодецкими посвистами.

Съ дѣтьми бросились мы къ калиткѣ, ведущей на набережную и къ моему величайшему изумленію и радости узнали, что то черноморцы провожаютъ съ пѣснями товарищей, отслужившихъ положенные годы военной службы. Я такъ обрадовалась, увидѣвъ людей, за которыхъ пролила много слезъ, что сейчасъ же, оставивъ дѣтей въ сторонѣ поодаль, сама побѣжала прямо къ толпѣ, чтобы посмотрѣть поближе на тѣ загорѣлыя, закопченыя порохомъ лица и поговорить съ Севастопольцами.

Если бы у меня были деньги въ карманѣ, я бы ихъ высыпала всѣмъ разудалымъ морякамъ,—пусть гуляютъ!.. Но, къ несчастію, у меня не случилось ни копѣйки, и совѣстно было мнѣ, что только словами выражала я удовольствіе при встрѣчѣ храбрыхъ защитниковъ.

Я и дѣтямъ указывала на нихъ—пусть помнятъ въ жи-

---

[1]) На Бол. Охтѣ—противъ Смольнаго Монастыря. Въ то время это была дачная мѣстность лучшаго петербургскаго общества, и въ саду устраивались гулянья.

зни людей, которые въ простотѣ сердца *совершали великіе подвиги и удивляли міръ.*

И веселы же были уходящіе, и веселы остающіеся!...

Прощанія ихъ умилили и растрогали меня. Я, какъ безумная, стояла все около ихъ кружка.

За кого-то они приняли эту синюю барыню, что выбѣжала къ нимъ навстрѣчу и попала прямо въ толпу, толкуя то съ однимъ, то съ другимъ? Имъ не понять, что можно смотрѣть на нихъ съ удивленіемъ и уваженіемъ. Гдѣ же имъ?—Скажутъ: «*долгъ исполняли*», и только...

А какъ хорошо было бы, если бы мы всѣ, подобно имъ, такъ исполняли и только «свой» долгъ!...

Ихъ И. Высочества В. Герцогиня Веймарская Марія Павловна и В. Княгиня Александра Іосифовна въ Смольномъ.

19 іюля. Прошлаго 14 числа, въ субботу, въ 11 часовъ утра Смольный, собранный въ большой залѣ, принималъ Великую Герцогиню Веймарскую Марію Павловну [1]), дочь покойной Маріи Θеодоровны.

Въ ней есть что-то, напоминающее незабвенную Русскую Царицу. Ласковое слово, привѣтливый взглядъ и даже тотъ же прямой станъ, несмотря на ея семьдесятъ лѣтъ.

Говорила *Она* все время по-русски, и ни одного иностраннаго звука!

Вотъ какъ, благодаря Бога, перемѣнились времена: прежде мы не думали, чтобы кто-нибудь изъ русскихъ аристократовъ умѣлъ говорить по-русски, а теперь слышимъ родной языкъ отъ члена Царской Семьи! Помоги Богъ!—Авось и

[1]) Ея И. В. В. Кн. Марія Павловна — дочь Императора Павла I, род. 4 фев. 1786 г. Съ 22 іюля 1804 г. въ супружествѣ за наслѣд. принцемъ Саксенъ-Веймарскимъ Карломъ Фридрихомъ.

русскіе теперь тоже, по примѣру Царей, полюбятъ свое *«родное»*, начавъ съ языка...

Обойдя всѣ классы, Вел. Княгиня сѣла слушать пѣніе «бѣлыхъ». Только что пропѣли онѣ хоръ изъ «Макбетъ», какъ обѣ половины дверей растворились, и передъ нами предстала Ея И. В. В. Княгиня Александра Іосифовна [2]). Великая Княгиня почти подбѣжала къ нарѣченной бабушкѣ; эта ее обняла и, поцѣловавъ нѣсколько разъ, усадила около себя.

Александра Іосифовна очень хороша, стройна и высока. Ей, я думаю, хорошо живется: и царскій родъ, и богатство, и молодость, и красота, и любовь молодого, умнаго мужа и уже трое маленькихъ дѣтей. Дай Богъ имъ счастья!..

Прослушавъ еще немного духовнаго пѣнія, Ихъ И. В. Великія Княгини пошли осматривать весь нашъ домъ, а мы, тѣмъ временемъ, быстро промчались другою дорогой въ Соборъ, съ поспѣшностью военныхъ построились на обычныхъ мѣстахъ и ожидали Высокихъ Посѣтительницъ.

Черезъ полчаса В. Княгини вошли въ церковь. Хоръ пѣвчихъ пропѣлъ молитву *«Царю небесный»*. Діаконъ прочелъ эктенію. «Бѣлыя» пропѣли многолѣтіе, а священникъ, осѣнивъ троекратно крестомъ присутствующихъ, приблизился къ Ихъ И. Высочествамъ. В. Княгини приложились ко кресту, а потомъ съ земнымъ поклономъ къ образу Черниговской Божіей Матери [3]).

---

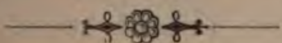
[2]) Ея И. В. В. Княгиня Александра Іосифовна род. 1830 г., въ супружествѣ была за Его Имп. Высоч. В. Княземъ Константиномъ Николаевичемъ. В. Княгиня, благодареніе Господу, доселѣ здравствуетъ и несетъ обязанности Августѣйшей Предсѣдательницы Совѣта дѣтскихъ пріютовъ давно дорогого Ей Вѣдомства Императрицы Маріи.

[3]) Особо чтимая икона въ соборѣ в. уч. заведеній,—за правымъ клиросомъ большого придѣла.

Уходя, Е. И. В. Марія Павловна сама первая намъ кланялась, а дѣти, особенно «кофейныя», смотрѣли на Нее во всѣ глазенки и даже не склонили головки.

Поднесенную священникомъ просфору Ея Высочество послала одной старушкѣ на Вдовью половину [4]). Старушка эта была кѣмъ то при дворѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Проводивъ Высокихъ гостей, мы всѣ почувствовали страшную усталость. Дѣтямъ предоставили свободу дѣлать, что хотятъ, а сами немного перевели духъ, готовясь вести ихъ ко всенощной.



Въ саду Импер. Восп. Об. бл. дѣвицъ. Смольный соборъ. Непиръ въ Смольномъ.

19 іюля. Вечеромъ. Прервала записки и почти бѣгала купаться, чтобы не опоздать къ казенному обѣду. Изъ-за стола отправилась прямо въ нашъ тѣнистый садъ и, несмотря на накрапывавшій дождь, продолжала свою прогулку, не промочивъ ногъ: вѣтви деревьевъ такъ густы, что почти не пропускаютъ дождя, и только мелкая водяная пыль падала на голову, освѣжая ее отъ дневной жары. Но все-таки дождь, перешедшій въ ливень, загналъ меня изъ-подъ деревьевъ въ каменную галлерею [1]), гдѣ я съ наслажденіемъ нѣсколько разъ прошлась отъ одного конца до другого, прислушиваясь къ стройному шопоту дождевыхъ капель въ чащѣ листьевъ и любовалась видомъ красавицы *Невы*.

Съ одной стороны за Невой—садъ графа Безбородко, съ другой, тоже за Невой,—Малая Охта, утопающая въ зелени,

[4]) „Вдовья половина", т. е. Вдовій Домъ, помѣщающійся въ бывшемъ Смольномъ монастырѣ, въ зданіяхъ, квадратомъ опоясывающихъ Смольный соборъ.

[1]) Существующую и теперь въ саду Имп. В. Общ. бл. дѣвицъ, у Невы, предъ восточнымъ флигелемъ Вдовьяго Дома:—желѣзная крыша на высокихъ коринѳскихъ колоннахъ, къ востоку—стѣна съ окнами на Неву.

а съ третьей—нашъ густой, тѣнистый зеленый садъ, изъ-за вѣтвей котораго высятся украшенные звѣздами и гирляндами купола нашего Собора [2]).

И люблю же я этотъ Соборъ! Глаза отдыхаютъ, глядя на него и на его золотые ажурные кресты. Ихъ блескъ говоритъ о Свѣтѣ, который осѣнитъ насъ при исходѣ души изъ тѣла, и о томъ, что ожидаетъ людей въ выси небесной...

Часто, возвращаясь довольно поздно домой, войдя въ свою комнату, перекрестясь станешь неподвижно, не снимая шляпы, и нѣтъ силъ отвести глазъ отъ этой чарующей картины! Окно моей комнаты, выходящей на сѣверъ, находится прямо противъ входной двери, и первое, на чемъ останавливаются взоры,—это дивный Смольный соборъ! Отчетливо вырисовываетъ онъ свои стройныя очертанія на фонѣ голубого неба, залитого лучами заходящаго солнца. Ничто не шелохнется. Въ небѣ и воздухѣ тишина. Слова молитвы западаютъ въ душу и рука невольно творитъ крестное знаменіе... И долго бъ, долго простояла въ нѣмомъ созерцаніи, если бъ не мысль, что завтра надо въ 6 часовъ вставать и на цѣлый день идти на дежурство.

Въ шестомъ часу вечера вдругъ начальница [3]) присылаетъ сказать, чтобы немедленно свели кофейныхъ внизъ и размѣстили по отдѣленіямъ.

Приказано—сдѣлано; прошло пять минутъ, и дѣти чинно и молча сидѣли на мѣстахъ въ ожиданіи посѣщенія какого-то англичанина.

Англичанинъ вошелъ. Маленькій, толстенькій, на коротенькихъ ножкахъ, въ сюртукѣ, въ короткихъ широкихъ

---

[2]) Т. е. Воскресенскаго всѣхъ уч. заведеній (Смольнаго). См. зап. 1835 г. 22 іюля. Священники собора совмѣщали и законоучительство въ Имп. В. Общ. бл. дѣв. Оно сродняло воспитанницъ съ соборомъ, потому, вѣроятно, В. П. и называетъ его „*нашимъ*".

[3]) Марія Павловна Леонтьева; см. зап. 1838 г. пр. 1, стр. 112 и 1856 г. 10 мая.

НЕВА, „мой Смольный и келья"

(см. 1853, 1854 и 1856 гг.).

панталонахъ, въ чулкахъ и туфляхъ, съ улыбающимся лицомъ и съ простодушнымъ выраженіемъ.

Таковъ былъ нашъ нежданный гость, на котораго не обратила я больше вниманія и отвѣтила очень равнодушно на его привѣтливый поклонъ и умильную улыбку. Когда же онъ уходилъ, я спросила стоявшаго позади меня Гаттенбергера [4]): «кто это?» — «Непиръ» [5]). — «Непиръ!? и вы мнѣ не сказали прежде»!..

Съ этими словами я бросилась впередъ, чтобы посмотрѣть ближе на этого злѣйшаго врага Россіи. Но „врагъ" уже прошелъ въ другое отдѣленіе, гдѣ продолжалъ улыбаться и кивать головою; а я принуждена была отступить и нечаянно наткнулась на другого врага, — прекраснаго молодого человѣка, адъютанта Непира. У дверей отдѣленія онъ разговаривалъ по-англійски съ М-lle Крафтъ [6]).

Я посмотрѣла очень внимательно на адъютанта и, къ удивленію, не нашла въ немъ никакихъ слѣдовъ предполагаемой свирѣпости. А между тѣмъ эти люди нанесли такъ много зла Россіи...

Война — ужасное дѣло! Она пріучаетъ жестоко смотрѣть на людей *)...

---

[4]) Гаттенбергеръ, Константинъ Францовичъ, былъ экономъ и полицмейстеръ въ Имп. В. Об. бл. дѣвицъ († въ концѣ 60-хъ годовъ).

[5]) Непиръ—британск. адмиралъ, въ 1854 г. блокировалъ русскіе берега и порта Балтійскаго моря. См. зап. 1854 г. 23 марта, пр. 2. Если не ошибаюсь, П. А. Каратыгинымъ была составлена весьма распространенная, особенно среди учащихся, пѣсенка, характеризующая дѣйствія этого героя среди мирныхъ поселянъ „Плачъ рыбака финляндца":

„У Никольшка мостъ стоялъ
И шалака ратавалъ...
А пришла „*Анило*"-французъ" и т. д.

[6]) Крафтъ, Екатерина Осиповна — инспектриса Им. В. Об. бл. дѣв. съ 1848 г. до 1868 г.

*) См. XX-я страница. 12 Авг. 1898 г.

Тотъ самый Непиръ, который хладнокровно жегъ города, истреблялъ имущество мирныхъ жителей, топилъ лайбы несчастныхъ бѣдняковъ-чухонцевъ, отнимая у рыбаковъ послѣдній кусокъ хлѣба,—теперь дружелюбно прохаживается въ стѣнахъ города, который ему недавно страшно хотѣлось сжечь до тла и разграбить насъ,—жителей!

Слава Богу, что все кончилось!..

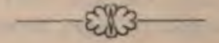
«Nous sommes enchantées de vous voir en-ami, monsieur», сказала ему сестра, когда начальница представила ихъ другъ другу.

Хорошо, что мнѣ не представляла, а то бы я, застигнутая врасплохъ, выразила бы слишкомъ явно любопытство и удивленіе, а, можетъ быть, и остатокъ прежней ненависти къ нему. Вводя его въ классъ, Марія Павловна только сказала, указывая на меня: «c'est une dame de classe, qui a fait elle-même son éducation au couvent»; на что Непиръ поклонился мнѣ очень вѣжливо, сопровождая поклонъ сладкою улыбкой.

Не зная, кому меня представляютъ, мнѣ было досадно на начальницу, а потому я едва склонила голову, что, можетъ-быть, въ свою очередь, не мало удивило и Непира.

Такъ-то обстоятельства мѣняютъ людей!

Начнись война,—Непиръ снова врагъ нашъ и могъ-бы убить тѣхъ, кому съ улыбкою сейчасъ жалъ руку... Какъ странно!...



Холодная погода. Оживленная дѣятельность на верфяхъ. Трогательность молитвъ чина вѣнчанія на царство. Не поговѣть ли?

24 іюля. Дурное лѣто. Холодное лѣто въ этомъ году. Теплые дни почти можно пересчитать,—то дождь льетъ, то вѣтрено и холодно; вчера было 15 гр. тепла, сегодня 14 гр. Иной разъ въ сентябрѣ солнце болѣе грѣетъ.

Богъ знаетъ, отчего такъ измѣнчива температура?.. Но ни дождь, ни вѣтеръ, ни жаръ, ни холодъ не препятствуютъ дѣятельности на корабельныхъ верфяхъ, построенныхъ на Охтѣ, противъ насъ.

Съ ранняго утра до поздняго вечера не перестаютъ раздаваться звуки молота и топора, сопровождаемые пѣснями и «дубинушкой» нашихъ рабочихъ, исполняющихъ навѣрно очень тяжелую работу. Уже десять винтовыхъ корветовъ спущено этимъ лѣтомъ. Такого множества вновь построенныхъ судовъ—не запомню; да на большой верфи готовится снова что-то громадное.

Русскому радостно на это смотрѣть...

Какое-то назначеніе этихъ корветовъ? Говорятъ, они пойдутъ на Амуръ. Не знаю только, правда ли это? В. Князь Константинъ Николаевичъ [1]), кажется, усердно работаетъ за что ему «русское спасибо».

О, если бы не дремали и многіе начальники по отраслямъ нашего правленія! А то не только дремлютъ, но и крѣпко спятъ! И сладко спятъ уже давно! Правда, изъ прежнихъ такихъ правителей много слетѣло со своихъ постовъ во время непробуднаго сна, но и вновь поступившіе тоже немногаго стоятъ. Какъ, право, трудно находить достойныхъ людей...

Какъ трудно быть Царемъ!

Я сегодня прочла чинъ вѣнчанія на царство Императора Николая Павловича и, пробѣгая молитвы, читанныя имъ самимъ и произносимыя духовенствомъ, умилялась душою и думала: неужели можно равнодушно, только для вида, произносить эти святыя слова?! Государь, по-моему, вѣнчанный съ такимъ духовнымъ торжествомъ, должно-быть

---

[1]) Е. И. В. В. Князь Константинъ Николаевичъ—управлявшій морскимъ министерствомъ († 13 янв. 1892 г.).

былъ потрясенъ проникновеніемъ сознанія святости Своего сана, а потому съ такимъ смиреніемъ принималъ величіе, на которое возводился по волѣ Провидѣнія. Мнѣ кажется, если бы надо мной совершалось такое священное дѣйствіе,—я не въ состояніи бы была исполнить ни одного обряда, отъ избытка различныхъ чувствъ и волненій!..

Я сама не знаю, что въ такихъ случаяхъ со мною дѣлается: приготовляются ли дѣти къ причащенію Св. Таинъ, сама ли пріобщаюсь, или кто другой,—меня такъ и душатъ слезы, какъ только начнетъ клиръ протяжно взывать: «*тѣло Христово пріимите*»... Что-то необыкновенное тогда происходитъ въ душѣ: ей хорошо, и я съ трудомъ удерживаюсь отъ слезъ...

Не поговѣть ли мнѣ въ Успенскій постъ [2])?..—Вдругъ явилось желаніе, какъ только вспомнила священный призывъ [3])...

Въ прошедшемъ году въ это время страдала много я за Севастополь и за всю Россію; теперь я спокойнѣе, но не худо бы вмѣстѣ съ другими облегчить душу отъ грѣховъ и, хотя на время, сбросить тяжелое лишнее бремя ихъ...

Воспитательница можетъ быть хорошею, только при доброй, христіанской нравственности.

29 іюля. Что бы быть хорошей воспитательницей, надобно быть прежде всего доброй христіанкой.

Въ нашу обязанность, кромѣ чисто физическаго труда, входитъ больше трудъ нравственный, отвѣтственный, тяжелый, подчасъ невыносимый, при которомъ нужно вооружаться большимъ христіанскимъ смиреніемъ и кротостію, чтобы не впасть въ уныніе, не получить отвращенія къ труду и не впасть въ зависть и въ озлобленіе.

---

[2]) Съ 1 по 14 августа.

[3]) Т. е. „тѣло Христово пріимите, источника безсмертнаго вкусите".

Неблагодарность дѣтей доводитъ иногда до тяжкаго искушенія, и намъ, бѣднымъ грѣшницамъ, въ эти минуты испытаній, очень трудно удержаться на должной высотѣ «воспитательницы». А несоотвѣтствіе взглядовъ съ начальствомъ?..

Благо,—когда молитва о прощеніи неблагодарныхъ придетъ на умъ, и когда совершенно искренно *сможешь сказать*: «благодарю Тебя, Господи, что Ты смиряешь меня, благодарю за все и всегда». Тогда снова примиришься съ обязанностію классной дамы и продолжаешь весело работать. Но безъ помощи свыше, безъ вѣры—навѣрное пропадешь, и въ какую можно впасть злобу...

Боже, мою Нюточку упаси!..

После принятія Св. Таинъ. Вечеръ въ Смольномъ. Моряки севастопольцы.

14 августа. Да, говѣла я, и Нюта, и дѣти тоже; Господь сподобилъ пріобщиться и далъ слезы, благодатныя для всѣхъ; легко стало на душѣ,—улеглась тревога...

Дѣти снова, какъ будто, опомнились. Передъ исповѣдью я долго говорила съ ними и имѣла утѣшеніе видѣть, какъ многія изъ нихъ искренно и сердечно плакали, прося у меня прощенія за ослушаніе.

Господи, благослови нашихъ дѣтей, нашъ трудъ!..

Послѣ принятія Св. Таинъ я очень весела, особливо первые дни: улыбка почти не сходитъ съ моихъ устъ, а въ умѣ все повторяется: «благодарю Тебя, Господи»,—мнѣ такъ хорошо, легко и я готова облобызать всѣхъ моихъ враговъ...

Теперь я наслаждаюсь жизнью болѣе обыкновеннаго... Вечеромъ, когда стихнетъ вѣтеръ, и мѣсяцъ, пробиваясь между облаками, золотитъ ихъ и разсыпается искрами въ струйкахъ Невы, мнѣ не хочется отойти отъ окна,—все бы сидѣла да

любовалась всѣмъ: и небомъ, и Невою, и Охтою — гдѣ мелькаютъ въ окнахъ огоньки—и лодочками, снующими по золотистой поверхности, и прислушивалась бы къ весламъ гребцовъ, какъ они умѣло и мѣрно всплескиваютъ воду и разсѣкаютъ волну за волной...

Къ довершенію очарованія, въ тишинѣ ночи несется стройное русское пѣніе.

Лодка съ невидимыми пѣвцами едва движется вдоль берега Смольнаго Монастыря, и чистые, пріятные голоса раздаются по широкой Невѣ... Имъ внемлютъ звѣзды ночныя, мѣсяцъ-серпомъ, да жительницы Смольнаго.

Дамы, уложивъ дѣтокъ, съ наслажденіемъ слушаютъ на сонъ грядущій то заунывную, то веселую пѣсню тѣхъ самыхъ моряковъ, которые въ прошломъ году въ это время испытывали адскія муки подъ Севастополемъ. Пусть ихъ теперь тѣшатся, и пусть ласкаютъ нашъ слухъ! Но едва ли то будетъ долго возможно: имъ запрещено пѣть у нашего берега, чтобы не смущать Монастырь...

На-дняхъ ночная стража, составленная изъ монастырскихъ унтеровъ, разгуливала ночью по саду, опасаясь, право, не знаю, чего?.. Нельзя же перепрыгнуть «бѣлымъ» черезъ садъ и прямо въ лодку!

Вотъ уже два вечера сряду не пѣли севастопольцы. Не знаю, что-то будетъ сегодня? А жаль, если имъ запретили; вѣдь пѣвцовъ не видно, съ ними не говорятъ, а только слушаютъ,—а ночью на водѣ пѣніе имѣетъ особенную прелесть...

Какъ странно звучитъ: «*Смольный оберегаютъ отъ защитниковъ Севастополя*»?!.

Кто могъ бы подумать это въ прошедшемъ году?..

Какъ все въ нашей жизни превратно: то — «защитникъ», то—отъ «него защищаютъ»...

Великій день. Молитва за Царя и пожеланія Ему. Молодость сердца и послѣдствія молитвы.

25 августа. Завтра великій день для Россіи.

Великій день, быть-можетъ, и для всей Европы: отъ одного изъ могущественнѣйшихъ Государей зависятъ иногда судьбы многихъ народовъ.

Завтра вѣнчаніе на царство Императора Александра II [1]).

Благослови его, Боже! Пусть миръ и правда укрѣпятся въ Россіи. Пусть благодать Твоя осѣнитъ главу Помазанника Твоего; да правитъ онъ народами къ прославленію имени Твоего и ко благу подданныхъ своихъ! Окружи его, Господи, мудрыми, добрыми и честными совѣтниками и охрани его отъ лести и зависти коварной,—губительницъ всего прекраснаго! Господи, сохрани душу его въ чистотѣ и непорочности, чтобы подданные, глядя на Царя своего, и сами отвыкали отъ дурныхъ наклонностей! Господи, спаси его отъ злѣйшихъ враговъ нашихъ—отъ страстей! Пусть «*русскіе*» окружать его любовію и усердіемъ къ общему благу! Пусть лучше заслужитъ онъ названіе не «*великаго*», но «*добраго*» Царя.

Величіе людей часто такъ ничтожно и вредно милліонамъ собратій. «*Великій*», большею частію, на человѣческомъ языкѣ, а по отношенію къ Царю въ особенности,—означаетъ «*завоеватель*»; а съ именемъ завоевателя является представленіе о множествѣ зла: убійствъ, грабительства, стона, плача, пожаровъ и тому подобномъ.

— Отъ однихъ названій нхъ страшно!

Государь, возлюбленный Государь, будь лучше нашимъ добрымъ и доступнымъ отцомъ, нашимъ другомъ, покрови-

[1]) См. зап. 1834 г. 30 августа, 1836 г. 19 февраля и 3 марта, 1837 г. 26, 27 и 28 іюня и 1855 г. 31 марта.

телемъ и защитникомъ. Пусть имя Твое благословляется нами. Царствуй надъ нами больше любовью, чѣмъ страхомъ. Распространяй просвѣщеніе, основанное на правилахъ христіанской нравственности. Будь справедливъ и милостивъ и не изнуряй народа непосильными налогами!

Его И. В. Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича привыкли любить мы, когда были еще молоденькими дѣвушками и даже имѣли счастіе танцовать съ *Нимъ* въ Саратовѣ [2]).

Что за чудное было лицо! Какіе глаза! Я съ ума чуть не сошла!..

Но какъ давно все это было и—миновало!.. Страшно подумать что тому почти ужъ двадцать лѣтъ! Сколько горя пережито въ нихъ! И молодость наша давно ужъ улетѣла, а съ нею вмѣстѣ исчезъ румянецъ, нѣжность... и юный пылъ.

Но съ благодарностію вспоминаю я то прошлое время. Чрезъ него прошла я и не утратила до сихъ поръ сочувствія ко всему высокому, прекрасному:—къ Царю, къ поэзіи, музыкѣ, пѣнію. Попрежнему еще природа производитъ на меня сильное впечатлѣніе...

Отчего это?—Или еще не состарилась я? Любовь ли это или жажда жизни?! или что иное?—Сама не понимаю.

Сегодня за всенощной я нѣсколько разъ готова была плакать, молясь за Государя и думая о предстоящихъ Ему въ жизни великихъ подвигахъ. Я за Него такъ молилась, что не помнила, гдѣ я, и что вокругъ меня. Меня многія вѣроятно сочли за сумасшедшую.

А мнѣ теперь все близко: Нюта, дѣти, сестры, братья, дамы наши, Россія и даже весь міръ! И мнѣ очень хотѣ-

---

[2]) См. зап. 1837 г. 26, 27 и 28 іюня и портреты.

лось бы видѣть всѣхъ добродѣтельными, счастливыми, доброжелательными...

День вѣнчанія на царство Императора Александра Николаевича. Обѣдъ въ Смольномъ и вечеръ.

26 августа. Дождались, наконецъ, вѣнчанія нашего *«благодушнаго»* Царя,—такъ назвали уже Его, и я нахожу, что это названіе — одно изъ прекраснѣйшихъ царскихъ именъ.

Въ часъ дня или около того былъ выкинутъ флагъ на адмиралтействѣ и въ крѣпости — знакъ совершоннаго надъ Нимъ таинства миропомазанія и начала въ Успенскомъ московскомъ соборѣ молебствія. Вслѣдъ за этимъ мгновенно раздался благовѣстъ во всѣхъ церквахъ нашей сѣверной столицы, и понеслись молитвы русскаго народа ко Всеблагому Богу о вновь дарованномъ Царѣ. И въ нашей «дѣтской» церкви [1]) собрались мы тоже для молебна. Онъ не являлся служебнымъ обрядомъ, и служили его не по приказанію, но всѣ мы, по собственному влеченію, сошлись во храмъ и, если усердныя молитвы будутъ услышаны Господомъ, то будетъ прекраснымъ царствованіе Александра Николаевича. Къ Нему и къ Маріи Александровнѣ [2]) всѣ расположены. Отъ нихъ многаго ожидаютъ...

Сегодня у насъ въ Смольномъ былъ обѣдъ для дамъ и для всѣхъ служащихъ. Мы были веселы, поздравляли начальницу [3]) и поздравляли другъ-друга.

---

[1]) Т. е. свят. Благов. в. кн. Александра Невскаго, что въ сѣверовосточномъ углу бывшаго Смольнаго Монастыря при Императорск. В. Общ. благородн. дѣвицъ.

[2]) т. е. къ Императрицѣ.

[3]) Марію Павловну Леонтьеву. см. зап. 1838 г. прим., 1 и портреты.

Во время обѣда играла музыка. Когда пили за здоровье Государя и Государыни, «бѣлыя» пѣли: «Боже Царя храни»...

Всѣ воспитанницы, кромѣ «бѣлыхъ», пообѣдавши раньше, сидѣли за балюстрадою и смотрѣли на насъ. Право, не знаю, что ихъ интересовало,—развѣ то, какъ мы кушали?..

Въ пять часовъ вечера все было кончено, и я теперь сижу у окна въ своей комнатѣ, любуюсь, по обыкновенію, Невою и хочу записать свои впечатлѣнія.

На Охтѣ слышится разгульное пѣніе мужичковъ. День ясный, теплый. Лодки снуютъ только отъ пристани къ пристани. Катаній сегодня нѣтъ. Вѣроятно, весь народъ «въ городѣ». Обыкновенно же въ это время, шести и двѣнадцативесельные катера прогуливаются передъ нами впередъ и назадъ и тѣмъ доставляютъ намъ большое удовольствіе. Есть между ними бѣлый катеръ съ бѣлыми веслами и матросами въ бѣлыхъ рубашкахъ. На синевѣ рѣки и при солнечномъ закатѣ этотъ катеръ кажется какой-то многокрылой серебристой чайкой; онъ съ французскимъ флагомъ и восхитительно хорошъ!

Не знаю, право, съ какою цѣлью разъѣзжаютъ здѣсь эти господа-иностранцы; можетъ-быть, дѣлаютъ промѣръ рѣки, или разузнаютъ окрестности по невѣдомымъ намъ, но опаснымъ причинамъ?—А, можетъ-быть, для того только, чтобы на монастырокъ посмотрѣть и себя показать.

Что же?—это такъ свойственно молодости. Пусть себѣ катаются, они никому не мѣшаютъ...

Какъ празднично смотритъ сегодняшній день: точно Свѣтлое Воскресенье. И все такія веселыя, веселыя лица!..

Милый Царь, будь счастливъ! т. е. будь любимъ подданными и люби *Свою* Россію.

Русскій народный праздникъ.

27 августа. Вчера и сегодня вечеромъ освѣтили и нашъ Смольный: въ саду на всѣхъ деревьяхъ шкалики и обѣ бесѣдки разукрашены разноцвѣтными фонарями. Въ одной изъ бесѣдокъ игралъ оркестръ военной музыки, и дѣти, всѣ 800 человѣкъ, гуляли въ саду. — Картина была восхитительная!

Возвратясь изъ сада, я сѣла у раскрытаго окна своей комнатки и долго не могла отойти: со всѣхъ сторонъ слышались веселыя народныя пѣсни. Напротивъ насъ—на Охтѣ гремѣла музыка. Это былъ дѣйствительно общій русскій, народный и семейный праздникъ.

Ночь тиха и тепла, какъ лѣтомъ. Звѣзды ярко горятъ. На небѣ ни облачка...

О, если бы и царствованіе Александра Николаевича было бы такое же теплое, ясное какъ сегодняшній день! Если бы свѣтлый день двадцать шестого августа могъ бы служить предзнаменованіемъ такого же свѣтлаго будущаго для всѣхъ народовъ въ Россіи со дня вѣнчанія уже любимаго ею Царя!..

Въѣздъ Императора Александра II послѣ коронованія въ Петербургъ.

30 октября. Вчера былъ торжественный въѣздъ Государя въ «Петроградъ» или по-*нѣмецки* въ Петербургъ.

Я была очевидцемъ его и вынесла какое-то странное чувство: смѣсь любви, грусти и негодованія, происходящаго отъ той же сильной любви.

Въ одиннадцать часовъ утра мы очень удобно размѣстились въ окнахъ Семеновскихъ казармъ [1]) и сначала весело смотрѣли на толпившихся и всюду примостившихся простолюдиновъ.

Свѣтлый день, оживленныя свѣтлыя лица, говоръ,—все способствовало радостной встрѣчѣ Царя.

Но вотъ, послѣ одиннадцати часовъ, являются жандармы и прогоняютъ народъ съ занятыхъ имъ мѣстъ, на которыхъ выстраиваются войска.

Это подѣйствовало на меня непріятно.—Мнѣ стало жаль простолюдиновъ, не предусмотрѣвшихъ распоряженій полиціи. Мнѣ стало жаль и солдатъ, ровно два часа стоявшихъ безъ движенія на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Я крѣпко задумывалась надъ всѣмъ, что представлялось моему взору...

Но вдругъ встрепенулось сердце: послышался свистъ локомотива на Царскосельской дорогѣ.

Въ морѣ головъ разомъ наступила удивительная тишина!

Царь показался у вокзала.

Ударили колокола, загремѣла музыка, и раздалось громкое народное, нескончаемое русское ура!!!

На бѣломъ конѣ, впереди всѣхъ, подъѣзжаетъ Императоръ къ паперти Введенской церкви [2]), гдѣ Его встрѣтило въ золотыхъ ризахъ духовенство.

Государь снялъ каску, осѣнилъ себя истовымъ крестомъ и омочилъ голову Святою водою.

Вотъ Онъ передъ нашими окнами, среди музыки, кликовъ народныхъ и церковнаго благовѣста.

Все Его привѣтствуетъ!!!

Въ эти минуты со всею силою проснулась во мнѣ лю-

---

[1]) Любезно выхлопотанныхъ штабъ-офицеромъ Карцевымъ.

[2]) Церковь Введенія во храмъ Пресв. Бог., что на Загородномъ проспектѣ.

Государь Императоръ

Александръ Николаевичъ.

Изъ „Рус. Стар.“. Изъ „сбор. гравюръ Л. Сѣрякова“.

овь къ Царю, къ Александру Николаевичу,—добому, кроткому, отъ котораго такъ много всякаго блага кидаетъ Россія!

Я встрѣчала и провожала Его глазами полными слезъ, ока Онъ не скрылся, сопровождаемый множествомъ генеаловъ, посланниковъ и всякаго рода знати.

За Государемъ слѣдовала карета Государыни.

Нарядъ Ея — нѣчто въ родѣ русскаго: длинная фата, бѣгавшая прозрачными складками изъ-подъ блестящей повязки.

Государыня кланялась на всѣ стороны народу, коорый, прорвавшись сквозь артиллерію, хлынулъ къ каетѣ...

Раздался вопль народа, въ которомъ слышались мнѣ лова: *«люби насъ, матушка-Царица, мы готовы умереть а Тебя, люби-же и Ты насъ»!!!*

Все это такъ взволновало меня, что положивъ въ сторону зрительную трубку, а голову на муфту,—я разрылась...

Въ эти неизъяснимыя минуты кипѣла во мнѣ такая преанность къ Царю и Царицѣ, что я забыла все, что а нѣсколько минутъ передъ этимъ возбуждало во мнѣ руское патріотическое негодованіе...

Не знаю, почему-то это величественное царское шествіе становилось и карета Государыни стояла довольно долго ротивъ насъ, такъ что намъ представилась возможность тлично разсмотрѣть Ее.

Императрица сидѣла рядомъ съ однимъ изъ своихъ ыновей [3]) и выглядѣла утомленною и блѣдною. Многіе находили выраженіе лица Ея задумчивымъ. Говорили, что

[3]) Вѣроятно, съ Е. И. В. Наслѣд. Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ.

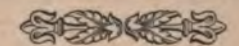
третьяго дня Она лежала въ постели. Но кого же не утомило бы столько привѣтствій?..

За Государыней ѣхала Е. И. В. В. Кн. Александра Іосифовна [4]), сіявшая красотой и привѣтливыми улыбками; а далѣе я ужъ и не смотрѣла. Золотыя кареты дѣйствовали на меня непріятно.

Шествіе замыкалъ отрядъ жандармовъ, а вслѣдъ за ними двигался народъ сплошною стѣною во всю ширину улицы.

Милый Царь, не слушайся льстецовъ, не губи Россіи тяжкими налогами, не передавай въ руки иностранцевъ богатствъ управляемой Тобою земли. Теперь всеобщій ропотъ за передачу французамъ постройки желѣзныхъ дорогъ. Придется русскимъ инженерамъ служить французамъ въ своей родной сторонѣ... Какая обида!..

Господи, вразуми Царя! Мы всѣ любимъ Твоего Помазанника! настави Его на дѣянія благія!



Недостатокъ времени и цѣль моихъ записей. «Гугеноты» и «Борисъ Годуновъ».

22 декабря. Летитъ время! Не вижу его и ничего не успѣваю сдѣлать.

Возвратишься поздно домой и спѣшишь скорѣе лечь, чтобы на другой день въ шесть часовъ утра встать и, не переводя духа, оставаться съ дѣтьми до десяти часовъ вечера, а въ 10 час. вечера отъ усталости едва добредешь до постели. На слѣдующій день опять дѣти и еще дѣти...

---

[4]) См. зап. 1856 г. 19 іюня.

а тамъ кто-нибудь придетъ; а тамъ починяешь что-либо изъ бѣлья и опять снова устанешь; а въ концѣ-концовъ ничего не читаешь и ничего не пишешь.

Бойся — совершенно «выдохнешься», милая Варенька!..

А между тѣмъ, за это время промелькнуло нѣсколько пріятныхъ вечеровъ, которые интересно бы передать тебѣ, тетрадочка!

Но гдѣ же взять живость красокъ для изображенія впечатлѣній? А какъ-нибудь записать не хочется—послѣ будешь читать и прелести пережитой не получишь: она вся исчезнетъ, а съ нею разстаться мнѣ жаль. Подаритъ ли жизнь моя её мнѣ вторично?..

— Видѣла на-дняхъ оперу «Гугеноты» — эти страшные эпизоды изъ остатковъ прославленныхъ рыцарскихъ временъ, полныхъ крови и отравы. Она [1]) произвела на меня непріятное впечатлѣніе.

Я съ отвращеніемъ смотрѣла на тѣхъ великолѣпныхъ *дамъ и кавалеровъ*, имѣвшихъ притязаніе на образованность, на христіанскіе взгляды, а между тѣмъ своимъ безстыднымъ и жестокимъ поведеніемъ перещеголявшихъ самыхъ ярыхъ язычниковъ... Драматическая сторона оперы такъ поглотила мое вниманіе, что я музыки почти не слушала.

— Слушала я надняхъ отрывокъ изъ «Бориса Годунова» — сцену у фонтана, читанную въ дружескомъ кружкѣ супруговъ Баумгартенъ [2]).

Баумгартенъ самъ прекрасно передавалъ звучныя, страстныя рѣчи самозванца.

У меня замиралъ духъ, и образъ чуднаго поэта носился

---

[1]) Сюжетъ оперы Мейербера взятъ изъ жизни протестантовъ при фр. кор. Франциске I-мъ (слов. Бур. и Мих.).

[2]) Гдѣ, какъ у родныхъ, бывала Варвара Петровна. См. зап. 1847 г. 24 Іюня; 1848 г. 12 марта и 1853 г. 30 марта.

предъ глазами. Мнѣ казалось, что онъ и самъ слушалъ и былъ доволенъ чтеніемъ.

«Годунова» до сихъ поръ не ставятъ въ театрѣ, вѣроятно, за неимѣніемъ хорошихъ артистовъ. Да гдѣ и найти настоящихъ и образованныхъ исполнителей ролей Годунова и Самозванца?.. Будутъ кричать, надуваться, а спокойной, величественной красоты не поймутъ...

Прекрасно читалъ Аполлонъ Карловичъ!..

Чудная сила молитвы. Мысль о смерти.

24 декабря. Сію минуту вернулась отъ всенощной изъ дѣтской [1]) церкви, гдѣ, благодаря Господа, освѣжилась молитвою души и согрѣлась любовію къ ближнему.

Какъ чудна, дѣйствительно, сила молитвы! Какъ она преображаетъ человѣка!.. Изъ храма Божія я вышла совсѣмъ иною, чѣмъ входила туда. Снова смотрю я снисходительно на людей и хотѣла бы всѣхъ сдѣлать добрыми, начиная съ себя, въ сердцѣ которой есть еще много дурного и гдѣ такъ недавно кипѣла злоба и волненія.

Въ церкви пришла мнѣ мысль о близкой и скорой смерти. И въ этотъ разъ, какъ и во многіе другіе, когда являлись у меня подобныя думы, я безъ страха готова была оставить землю, гдѣ я глупо жила и за то много-много видѣла и вижу горя...

---

[1]) См. зап. 1856 г. 26 Авг. пр. 1 (или „институтская“).

Вѣроятно, и впередъ проживу я не лучше; жалѣть, слѣдовательно, не о чемъ.

Но какъ я покину мою Нюточку?! Какъ же она, бѣдная, будетъ безъ своей неразумной сестры, которую она такъ глубоко любитъ?..

Нѣтъ, нельзя еще мнѣ умирать. Мы должны вмѣстѣ отправиться. Не разставались въ жизни,—не разстанемся и въ смерти!

Боже, не разлучай насъ!..

стакана — насъ было пятеро, а шампанскаго полубутылка.

Вотъ-то покутили!...

Тутъ же усадили Marie Дьяконову [5]) пѣть. Сначала она дурачилась, но мало-по-малу перешла на грустныя пѣсни. Я упросила ее спѣть мои любимыя «Тучки небесныя» и «Голосъ изъ могилы» [6]). При ихъ чудномъ выполненіи я призадумалась и попросила ее спѣть что-нибудь изъ священныхъ пѣсней. Marie и другая вдовушка [7]) исполнили очень хорошо: «Нынѣ силы небесныя» и «Да исправится молитва моя». Веселость наша постепенно исчезла. Нюта отъ церковнаго пѣнія подъ сладкозвучные напѣвы предалась «подобію смерти». Хорошенькая вдовушка предъ освященнымъ кіотомъ и приготовленными для ея благословенія образами на колѣняхъ стала молиться; а я, сидя у рояля, тоже вспоминала милыхъ сердцу и всѣхъ друзей и враговъ...

Разстались мы куда позже 12 ч. ночи.

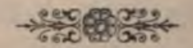
Нюта спала такъ крѣпко, что не слышала, какъ мы вышли изъ ея комнаты.

У себя я помолилась еще разъ и улеглась въ постель.

Предъ сномъ я прочитала въ своихъ записяхъ все относящееся къ 31-му декабря 1854 года и нашла, что чувства мои и настроеніе того времени мало разнятся съ настоящимъ: то же спокойствіе духа, та же горячая благодарственная молитва Всевышнему за то, что Нюта и всѣ мои здоровы.

Слава Богу, пока еще нѣтъ войны.

О, если бы ее никогда и нигдѣ не было...



---

[5]) Марія Александр. Дьяконова, прекрасная піанистка, впослѣдствіи учительница музыки въ Имп. В. Об. бл. дѣвицъ.

[6]) М. Ю. Лермонтова.

[7]) Архангельская.

Маски.

3 января. Шумъ, смѣхъ, говоръ въ коридорахъ: — то ходятъ маски [1]), а за ними сплошною толпою слѣдуютъ любопытныя.

Такъ бывало и въ наше время. Такъ и я когда-то выбѣгала посмотрѣть на наряженныхъ и послушать ихъ вздорныхъ рѣчей. Съ какимъ бывало любопытствомъ высматриваешь, не идутъ ли маски, и съ какимъ восторгомъ встрѣчаешь ихъ, слушая ихъ незатѣйливыя остроты!

Теперь же, завидя ихъ издали, махнешь рукой и спѣшишь удалиться... Пусть тѣшится молодость! Но мнѣ ужъ не раздѣлять ея веселья.—Тѣ же коридоры, та же обстановка, но я уже давно, давно не та. Должно-быть—всему свое время...

Что-то будетъ *«тамъ»*, когда маска каждаго изъ насъ будетъ снята?... предъ Судьею...

Мечты и помыслы.

30 января. Иногда, среди безмолвной тишины моей монастырской жизни вдругъ распахнется завѣса, отдѣляющая меня отъ свѣта и явятся наслажденія, давно забытыя мною, возмущая на время мой обычный покой.

Какъ нежданный лучъ солнца пробивается чрезъ какое-нибудь забытое отверстіе темницы: брызнетъ свѣтомъ въ глаза, свыкшіеся съ темнотою, на мгновеніе ослѣпитъ ихъ и снова скроется, оставивъ въ душѣ затворника напрасное

[1]) Маски—наряженныя на Святкахъ дѣти.

сожалѣніе и живое сознаніе свободы—счастія, ему недоступнаго... Такъ и мнѣ двѣ недѣли тому назадъ было столь весело въ домѣ Баумгартенъ [1]),—какъ давно, давно не бывало нигдѣ!

Я давно такъ не смѣялась, какъ эти дни, зато потомъ стало страшно скучно...

Теперь, благодарю Бога,—все кончено, и я снова вошла въ «свою колею»: думаю о дѣтяхъ, о моихъ подругахъ, о родныхъ, о подаркахъ къ именинамъ Нюты, о томъ—удастся ли затѣянный праздникъ 3 февраля [2])—и болѣе ни о чемъ... Даже ничего не читаю,—стало-быть, нѣтъ мыслей въ головѣ, кромѣ самыхъ благоразумныхъ, поддерживающихъ здоровье...

— Оно и хорошо... Тѣ, которые давно меня не видали, находятъ, что я опять поправилась, стало-быть, веду себя исправно и много не тревожусь.

... А какъ можно быть на землѣ счастливой!..

— Но долго ли?—А послѣ что?...

Нѣтъ,—ужъ лучше и мнѣ потихоньку пробираться по дорожкѣ, знакомой большей части человѣчества.

— Чѣмъ я заслужила долю, лучшую противъ другихъ?.. Я, значитъ,—не заслуживаю предпочтенія передъ другими дѣвушками...

Жизнь, болѣзнь и смерть классной дамы Е. С. Рындиной. Молитва предъ плащаницею.

5 апрѣля. Сейчасъ услышала я вѣсть о смерти Е. С. Рындиной [1]), одной изъ нашихъ дамъ, скончавшейся вчера въ одиннадцать часовъ вечера, сидя въ креслахъ.

---

[1]) Генер. Баумгартенъ, Ап. Карлов., см. зап. 1856 г. 22 дек., прим. Чувства симпатіи В. Петровны были къ князю Долгорукову, А. Баумгартенъ, Барокко и Бенедиктову.

[2]) Именины Анны Петровны („Нюты").

[1]) Рындина, Елена Семеновна—смолянка в. 1833 г., 4 года прослужила кл. д., любимая сослуживицами.

Вотъ ужъ шестая изъ насъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ уходитъ;—быть-можетъ, и наша близка очередь.—Какъ знать? Недолго живутъ нынче классныя дамы: обязанности тяжелы,—дежурятъ, пока съ ногъ не свалятся, и замѣниться некѣмъ... Потому и лица на насъ нѣтъ: худыя, блѣдныя, истомленныя. Кому заботиться? Кому думать объ облегченіи нашего труда?..

Не знаю даже,—жалѣть ли о смерти Елены Семеновны? Съ ея послѣднимъ вздохомъ кончились и ея страданія. Путь жизни ея былъ трудный: съ раннихъ лѣтъ она сирота; изъ Смольнаго поступила прямо въ чужіе люди — въ гувернантки,—всего тамъ натерпѣлась. Четыре года назадъ поступила она въ Смольный, была при-смерти, вылѣчилась и продолжала служить съ усердіемъ, пока ноги рѣшительно не отказались ходить. У нея открылась водяная. Дней десять тому назадъ ее перевезла къ себѣ Философова,—бывшая ея воспитанница.

Проводы ея были очень трогательны: дѣти плакали почти навзрыдъ; весь классъ собрался въ ея комнату. Когда подняли кресло, въ которомъ несли больную, она благословляла дѣтей и сама была очень растрогана. Со всѣхъ сторонъ вдоль коридоровъ слышалось: *«прощайте, Елена Семеновна»!..*

Чудная Елена Семеновна!—Мы дамы, провожавшія ее до подъѣзда, тоже обливались слезами. Всѣ дѣти густою толпою тѣснились за ея кресломъ и простясь съ доброй наставницей, молча побрели на свои мѣста.

На другой день мы навѣстили Елену Семеновну. Она была весела и ѣла съ аппетитомъ котлету. Третьяго же дня мы нашли ее очень измѣнившейся къ худшему, но, однако, неунывающей. Она говорила о замѣнѣ доктора гомеопата аллопатомъ, который обѣщаетъ ее поставить скоро на ноги. Къ маю, по его словамъ, она уже будетъ

«прыгать», и теперь чувствуетъ большое облегченіе. А вчера — и жить и надѣяться перестала!

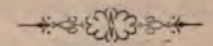
Упокой, Господи, душу ея...

Гдѣ вы, всѣ отошедшіе?..

Боже мой! Боже мой! Какая глубокая непроницаемая тайна!—Вотъ и все ея земное кончилось...

Ѣду въ церковь на выносъ плащаницы, на воспоминаніе смерти *Божественнаго Страдальца*.

Господи, сподоби меня достойно приступить къ святой плащаницѣ и, лобызая изображенія ранъ Твоихъ, покорно переносить искушенія земныя!..



О свѣтскихъ посѣщеніяхъ (визитахъ). М. А. Боде. Глинка (поэтъ) и его произведенія. Мое дѣтство.

4 іюня. Еще потерянный день!

И сколько ихъ въ жизни насчитаешь! А годы проходятъ, хоть и «не лучшіе», но все-таки болѣе близкіе къ молодости, и силы уходятъ,—а я ничего не дѣлаю, т. е. ровно ничего не читаю и не пишу. Пусть бы, по крайней мѣрѣ, съ дѣтьми провозилась, чему-нибудь доброму бы ихъ научила, а то цѣлый день длились глупыя свѣтскія посѣщенія, а вѣдь *нельзя* было сказать: *«оставьте меня въ покоѣ»*?..

О, какъ мнѣ жаль такъ погубленныхъ дней: а я еще такъ разсчитывала на сегодня!.. При этомъ же нынче у М. А. Боде [1]) былъ Глинка [2]) съ женою.

[1]) Боде, Марія Александровна, баронесса, очень религіозная класс. дама Имп. В. Об. бл. дѣв. (съ 1858—1863 г.), впослѣдствіи начальницѣ Витебск. епарх. училища. (Ея сестры: Софія и монахиня Валерія).

[2]) Глинка, Ѳедоръ—поэтъ, много бравшій религіозныхъ сюжетовъ для своихъ произведеній.

Боде приглашала и насъ къ себѣ, и мнѣ непремѣнно хотѣлось видѣть человѣка, произведенія котораго такъ легко и охотно заучивались мною въ самую первую пору дѣтства; я многое изъ его священной поэзіи знала наизусть; читала «Письма русскаго офицера»; плакала надъ тѣми, которыя были писаны въ 1812 году и всею душою любила ихъ автора. Глинка былъ первый изъ русскихъ поэтовъ, которыхъ мнѣ пришлось читать въ дѣтствѣ, т. е. имъ я начала знакомство съ русскою словесностью. Помню, съ какимъ наслажденіемъ повторяла я особенно часто:

«Земная жизнь—не жизнь;
О, дай мнѣ, другъ, дай крылья серафима!—
Мнѣ грустно на землѣ!..»

Вообще, имя Глинки соединено съ воспоминаніями о лучшихъ годахъ моей грустной молодости. И тогда и позже я вся жила поэзіей и принадлежала землѣ настолько, сколько требовали того мои обязанности. Я совсѣмъ не была опытной и практичной, не вникала въ жизнь да и не хотѣла вникать въ нее: читала, училась, играла на фортепіано, а порой мечтала, изрѣдка правда, но все же мечтала...

Какая чудная была пора! Какъ много было наивности и вѣры во все хорошее! Какъ чиста и незлобива была душа моя! Какъ много было въ сердцѣ любви ко всему живущему на землѣ, и къ кому?..

Какъ привольно жилось въ невѣдѣніи зла! и какое милое, доброе дитя была Варенька!..

Все давно миновало—и безвозвратно!.. Охъ жизнь, жизнь!..

---

[*]) См. зап. 1857 г. 3 января

Каникулы—не отдыхъ для классныхъ дамъ. Привѣтъ новому (славянофильскому) направленію въ русской литературѣ [1]). Назначеніе писателя.

20 іюня. Начались каникулы—отдыхъ для многихъ; но для насъ, дамъ, чуть ли не труднѣе класснаго времени.

Всѣ занятія лежатъ исключительно на насъ и безпрестанно въ глазахъ дѣти и дѣти; а между тѣмъ такъ хочется, какъ и всѣмъ, отдохнуть, почитать...

— Благодарю Бога за то, что нынче проснулись многіе русскіе люди и пишутъ дѣльныя, очень дѣльныя статьи и будятъ ими мысль читателей, заставляя подумать и стремиться къ совершенствованію и въ то же время *развивая въ нихъ нравственныя понятія* [2]), *основанныя на коренныхъ, народно-религіозныхъ, или, лучше сказать, христіанскихъ началахъ.*

— Благодарю Бога, что дожила до этого счастливаго времени, когда многіе лучшіе люди съ презрѣніемъ смотрятъ на ложное и пагубное направленіе французской литературы, такъ щедро у насъ на Руси распространяемой.

Благодарю Бога, что наконецъ, всенародно возстаютъ противъ безнравственныхъ и вредныхъ сочиненій, губящихъ столько недозрѣлой, но уже успѣвшей заразиться ядомъ ихъ, русской молодежи.

Давно я пламенно желала, чтобы отыскались люди, способные преслѣдовать, или хотя отмѣчать *зло въ печати.*

Давно желала даже сама обладать даромъ слова, чтобы открыто сильно и мѣтко вооружиться противъ того яда, который отравляетъ русское общество, который съ такимъ искусствомъ вливаютъ въ него наши недоброжелатели...

Благодарю Бога, что наконецъ-то, не только одинъ, а и

---

[1]) Объ этомъ подробнѣе во второй части записокъ.

[2]) См. зап. 1857 г. 3 января.

много голосовъ раздалось за душевную чистоту, за правду и истинную любовь къ Отечеству!

Теперь я покойна; теперь я могу молчать и не скорбѣть о томъ, что Господь не далъ мнѣ дара чуднаго, сильнаго и мощнаго, облекая въ прекрасныя формы мысль и чувства, дѣйствовать этимъ путемъ на умъ и сердце *дорогихъ* мнѣ соотечественниковъ, но въ то-же время *порочныхъ людей*— современниковъ...

Какая великая и завидная участь писателя!.. Какое высокое ихъ назначеніе!..

Сила пріобщенія Св. Таинъ. Жизнь Ю. Оленичъ.

24 іюня. Сейчасъ возвратилась отъ больной; ее пріобщали Св. Таинъ и мы: сестра, я, да еще 3 дамы молились у постели почти умирающей.

Слава Тебѣ, Господи!—Насилу убѣдили бѣдняжечку;—все боялась чего-то, а теперь сама довольна: весело пьетъ чай—и лицо просвѣтлѣло. Можетъ и выздоровѣетъ, хотя доктора обрекли ее на скорую смерть,—но что наше ограниченное знаніе сравнительно съ силою Божіею?..

Я сама умирала; мнѣ, по предсказанію людей, оставалась одна ночь жизни—и Господь воскресилъ меня; послѣ пріобщенія Св. Таинъ, кашель унялся и съ того же дня я начала поправляться, проживъ послѣ того тысячи ночей, изъ которыхъ многія провела въ слезахъ, не понимая, для чего Господь оставилъ меня на землѣ. А теперь, когда работаю надъ собою,—просвѣтлѣли мои духовныя очи: я вижу, что *Господь призываетъ людей для любви къ Нему и подобнымъ Себѣ и исполненія добра, исходящаго изъ той же любви* [1]).

Господи, помоги мнѣ трудиться для блага ближняго и для прославленія Святого Имени Твоего!

[1]) См. зап. 1857 г. 3 янв.

Если бѣдная Оленичъ [2]) умреть, то все же по принятіи св. Тѣла и Крови Христовыхъ ея душа, примиренная съ Богомъ и людьми, вознесется спокойно.

Охъ—жизнь, жизнь!

Юленька еще молода, лѣтъ 25—26; высокая, стройная, съ правильными чертами лица, прозрачной бѣлизной, съ черными, какъ смоль, волосами, съ черными глазами—лицо немного жидовское.

Отецъ ея былъ губернаторомъ гдѣ-то въ южной губерніи, жилъ весело, давалъ пиры и, придерживаясь легкой французской философіи, этого *«корня зла»* образованныхъ людей, ни во что не вѣровалъ, не заботился вовсе о дѣтяхъ, а, стало-быть, и не внушалъ имъ ничего добраго. Бѣдныя дѣти росли, соблюдая только наружные обряды непонятной для нихъ «православной вѣры», втягиваясь въ то же время всею душою въ свѣтскую жизнь и ея удовольствія.

По смерти отца, оставшись безъ всякихъ средствъ, Юлія стала давать уроки музыки, переѣхала въ Петербургъ и, по ходатайству князя Гагарина [3]), поступила къ намъ учительницею музыки. Гагаринъ познакомилъ ее съ царевною Имеретинскою, и вотъ Юлія снова очутилась въ свѣтѣ. Выѣзжая она простудилась, занемогла, стала кашлять, страдать болью въ груди, въ боку и все-таки не въ состояніи была отрѣшиться отъ «свѣта»: пролежавъ цѣлый день въ постели, она вечеромъ одѣвалась и ѣхала на балъ. На другой день – та же исторія; такъ провела она цѣлый годъ! Теперь впродолженіи мѣсяца она не могла сойти съ кресла и вотъ уже двѣ недѣли, какъ не покидаетъ постели—вся объ-

---

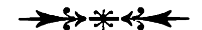
[2]) Оленичъ, Юлія Кирил. — вос-ца Полтав. института. Дочь ген.-маіора, воен. губернатора.

[3]) Князь П. Пав. Гагаринъ — хорошій знакомый ея отца, ея покровитель. По ходатайству графа Пав. Дм. Киселева, съ 16 іюня 1855 г. Марія Павл. Леонтьева допустила Оленичъ къ исполненію обязанностей учительницы музыки (на мѣсто Амаліи Черлицкой).

лѣплена пластырями и страдаетъ ужасно. Будучи въ такомъ состояніи, причаститься она никакъ не хотѣла до сегодняшняго дня: теперь же сама благодаритъ, говоря, вѣроятно предъ смертію: «*все суета, все тщета на землѣ*; если выздоровлю, совсѣмъ перемѣнюсь!» Дай ей просимое, Господи!

О, если бы всѣ заблуждающіеся бѣдные грѣшники могли обратиться къ Господу—Источнику всякаго блага, и въ Немъ одномъ искать спасенія!

Если бы я сама думала только о томъ, какъ бы угодить Господу, какъ бы отрѣшиться отъ земли, не то бы было, что теперь часто чувствую...



Побывавшія за границею. Смущеніе. Успокоеніе.

18 іюля. Встала я весело, бодро принялась вышивать къ сроку Нютѣ подарокъ и работала въ маленькой, скромной, уютной своей комнаткѣ, въ простой утренней одеждѣ, радуясь своему благополучію.

Но вотъ пришли посѣтители [1]): болтали, болтали о жизни нашихъ аристократовъ за границей; восторгались ихъ роскошью, блескомъ и пошлымъ, суетнымъ времяпрепровожденіемъ...

И смутился мой духъ, и стало мнѣ будто тѣсно въ моей комнаткѣ: такъ темно и бѣдно; и показалась я себѣ *простоватой*, почти необразованной передъ тѣми великолѣпными свѣтскими и много повидавшими госпожами, предъ ихъ остроуміемъ, искрометною рѣчью,—и стыдно мнѣ стало...

О, зачѣмъ меня смущаете?!—Зачѣмъ нарушаютъ мой покой! Я—слабая женщина!

---

[1]) Побывавшія заграницею С. П. Шенгелидзева и кн. М. Гагарина.

— Эта блестящая свѣтская жизнь, пустоту которой я понимаю по-своему, имѣетъ что-то чарующее, одуряющее и губительно дѣйствуетъ даже на людей, привыкшихъ къ замкнутости, уединенію и занятыхъ трудомъ...

Осуждать ихъ я не смѣю; можетъ-быть и я увлеклась бы этимъ бурнымъ потокомъ и бросала бы деньги на тряпки и другія «приличныя вещи», отнимаемыя у неимущихъ, безъ которыхъ будто-бы нельзя обойтись порядочнымъ людямъ, «деньгами хорошо обезпеченнымъ»?..

Но въ обращеніи возвратившіяся изъ заграницы такъ милы, привлекательны и такъ, кажется, далеко отстоятъ отъ насъ, бѣдныхъ, грубыхъ людей... Счастливицы, если онѣ и въ душѣ такія же!..

Семь часовъ вечера.

Немного грустная, немного смущенная утреннимъ разговоромъ съ возвратившейся изъ-заграницы той черномазой дѣвушкой [2]), шла я въ раздумьи по нашимъ монастырскимъ коридорамъ въ столовую, невольно сравнивая полную блеска и свободы жизнь богатыхъ съ нашей труженической, темной и почти безпросвѣтной жизнью, превращающей даже нашъ человѣческій обликъ въ какихъ то призраковъ.

Изъ столовой въ томъ же настроеніи я пошла навѣстить умирающую, когда-то тоже блестящую Юленьку [3]).

Проходя черезъ садъ я увидѣла спавшихъ на травѣ мужичковъ, прикрытыхъ только своими кафтанами. Спали они послѣ тяжелыхъ трудовъ крѣпко и сладко на голой сырой землѣ...

И подумала я: грѣшно мнѣ быть недовольною своею долею: я богата сравнительно съ этими тружениками бѣднякми-крестьянами. Сколько удобствъ, сколько прихотей, сколько для нихъ невѣдомой роскоши меня окружаетъ?

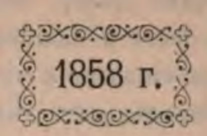
---

[2]) Кн. М. Гагариной.
[3]) Оленичъ.

Работая цѣлый день въ пыльныхъ коридорахъ, они заунывно поютъ, какъ птицы небесныя, и пѣсня ихъ по душѣ мнѣ приходится. И я съ удовольствіемъ слушаю эти простые, унылые звуки родной стороны и въ нихъ узнаю я ту грустную нотку, которая звучитъ во всѣхъ нашихъ [1]) пѣсняхъ...

Тоска ли то по лучшей жизни, къ которой стремимся здѣсь всѣ мы на землѣ? Или, тоска *любви*, сродная и простому крестьянину какъ и важному барину? А можетъ-быть—это чувство еще сильнѣе и глубже у нихъ, чѣмъ у важныхъ господъ: у послѣднихъ такъ много разныхъ потѣхъ и развлеченій, что они часто не понимаютъ истинной глубокой любви,—они знаютъ больше только прихоть,—«à la française, rien qu'un caprice!..»

[1]) Русскихъ и особенно любимыхъ ею малороссійскихъ (см. зап. 1857 г. 1 янв.).



Примиреніе. Смерть Юліи. Миръ съ братомъ. Молитва.

7 февраля. Благодарю Господа, что готовясь къ причащенію Св. Таинъ, я наконецъ примирилась со всѣми! Много было въ этомъ году всякаго рода непріятностей, но Господь подкрѣплялъ меня въ минуты сильныхъ искушеній и скорби...

Сегодня я усердно молилась за обидящихъ и ненавидящихъ меня, и Всемилосердный внялъ моей мольбѣ: всѣ со мною теперь примирились и я готова хоть умереть!

Подай мнѣ, Господи, больше смиренія и лучшаго характера, что-бы мнѣ жить въ мирѣ со всѣми!..

Дѣти тоже, кажется, съ искреннимъ чувствомъ просили прощенія. О, если бы хотя нѣкоторыхъ изъ нихъ удалось воспитать въ духѣ христіанскомъ, чтобы и онѣ, въ свое время сдѣлавшись матерями семействъ, поощряли дѣтей собственнымъ примѣромъ и словомъ къ исполненію заповѣдей Божіихъ.

Какъ бы счастливы были люди, если бы всѣ прониклись любовію къ Господу и своему ближнему! Не было бы этой вражды и ненависти...

— Давно уже мы простились навѣки съ бѣдною Юліей [1]; она еще долго страдала, высохла такъ, что буквально остались только кожа да кости—даже страшно было смотрѣть на нее! Куда дѣвалась недавняя миловидность?! И кто бы узналъ прежнюю стройную, красивую, гордую, молодую дѣвушку въ этой сгорбленной, съежившейся больной?.. Остались въ ней одна только страсть къ нарядамъ и какое-то ожесточеніе, озлобленіе на всѣхъ, какъ слѣдствіе даннаго ей крайне глупаго и неправильнаго направленія въ жизни. Подобно всѣмъ чахоточнымъ она до послѣдней минуты надѣялась выздоровѣть, несмотря на усиливающіяся страданія. Въ самый послѣдній только день сказала: «лучше умереть, чѣмъ такъ мучиться; молитесь за меня»!—Сказала,—и болѣе ужъ не говорила. Нѣсколько минутъ спустя, ея уже не стало!

И слава Богу!—Конецъ ея жестокимъ страданіямъ! Семейства же у нея нѣтъ,—оплакивать некому...

Такъ всѣ мы уйдемъ по-немножку, лишь бы молились за насъ добрые, угодные Господу люди...

— Помирились мы съ братомъ Александромъ [2]), съ которымъ не видались въ теченіе тринадцати лѣтъ.

До Господа доходятъ, значитъ, наши молитвы. И я вѣрю, что Нюта выздоровѣетъ [3]), что умремъ мы вмѣстѣ. Вѣрю, что Россію озаритъ свѣтъ истиннаго христіанства. Вѣрю, что люди станутъ лучше и наступитъ время, когда замолкнутъ военные громы, и *всѣ народы земные сольются въ одну христіанскую семью*! *)

---

[1]) Юлія К. Оленичъ, см. зап. 1857 г. 24 іюня—(Умерла въ 1857 г. 23 октября отъ чахотки и погребена на Больше-Охтенскомъ кладбищѣ, за неимѣніемъ своихъ средствъ, на казенный счетъ (за 23 руб. 95 коп.; арх. Имп. В. Об. б. дѣв.).

[2]) Съ Александромъ Петровичемъ или, вѣрнѣе, съ его супругою, съ которою сестры не сходились за обоюдную ревность къ нѣжно любимому брату. (См. зап. 1835 г. Пріѣздъ брата и 1837 г. 23 октяб.).

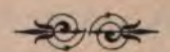
[3]) Анна П. простудилась и была разстроена непріятностями.

*) См. манифестъ къ миру о мірѣ 12 Авг. 1898 г.

Не доживу до этого блаженнаго времени, но оно придетъ. Я чувствую и твердо въ это вѣрю!..

Вѣрю также, что Господь исполнитъ еще мою усердную молитву и призоветъ къ себѣ заблуждающихся невѣрующихъ, между которыми есть такъ много ученыхъ, даровитыхъ и умныхъ людей!.. [4]).

Прося о всѣхъ вообще, молюсь я особенно объ одной заблудшейся душѣ и вѣрую, что и она не погибнетъ!..



Смерть Тимаева. Кто-то будетъ на его мѣстѣ?

27 февраля. Сегодня въ семь часовъ не стало нашего Тимаева [1]), съ которымъ въ душахъ многихъ тысячъ смолянокъ соединяются лучшія воспоминанія о нашей первой молодости и прошлыхъ золотыхъ дняхъ юности.

Наши смолянки въ продолженіе почти сорока лѣтъ слушали его вдохновенныя рѣчи, полныя любви къ прекрасному, къ высокому, благородному, какъ бы и въ чемъ оно не проявлялось. Всѣ мы любили его урокъ, любили его самого и теперь мнѣ такъ жаль этого добраго почтеннаго человѣка, какъ будто-бы что то *родное*, дорогое оторвалось отъ сердца!..

Въ первую минуту, узнавши о скоропостижной его кончинѣ, я какъ будто не поняла, въ чемъ дѣло: такъ поразила меня роковая неожиданность.—Вчера еще ходилъ онъ

[4]) Многіе въ то время изъ ея знакомыхъ бравировали предъ нею своимъ невѣріемъ.

[1]) М. М. Тимаевъ. См. зап. 1833 г. 26 мая, прим. 2 и портретъ. Умеръ отъ апоплексич. удара, прослуживъ 41 г. 6 мѣс. и 26 дней. Послѣ него остались: жена и 7 чел. дѣтей (Александръ, Николай, Викторъ, Михаилъ, Владиміръ, Евгеній и дочь Ольга).

по классамъ. Вчера всѣ мы видѣли его здоровымъ и, какъ всегда, привѣтливымъ, а сегодня онъ уже—трупъ!!.

Боже мой! Боже мой! Какое страшное превращеніе! Точно пуля вражеская выбила его изъ нашей среды!..

Впрочемъ, умеръ онъ безъ страданія, какъ жилъ безупречно, не сдѣлавъ никому умышленно зла, а неумышленно онъ могъ мало кому сдѣлать дурного, потому что былъ человѣкъ безусловно *добрый и умный.*

Господи, прости его и прими его душу во Царствіе Твое!

О, милый Тимаевъ! Пусть душа твоя найдетъ блаженство въ райскихъ обителяхъ! И если Господомъ разрѣшено видѣть оттуда, что совершается здѣсь, на землѣ,—то ты увидишь много, много слезъ, искренно проливаемыхъ по тебѣ. Вотъ и теперь молоденькія твои послѣднія ученицы, съ которыми ты еще только что началъ занятія, плачутъ по тебѣ, какъ плачемъ и мы, которыя застали тебя еще въ полномъ расцвѣтѣ твоей жизни [2]).

Итакъ, прощай до радостнаго утра! Не увидимъ тебя болѣе съ портфелемъ въ рукахъ среди твоей школьной «семьи»—всегда живой и веселой и на вѣки преданной тебѣ!—Не услышимъ болѣе твоего звучнаго, чистаго голоса, раздающагося въ классѣ; не пожмемъ твоей руки; не скажемъ болѣе: «здравствуйте, Матвѣй Максимовичъ». Не потолкуемъ, не поспоримъ и не выслушаемъ болѣе твоего отеческаго предостереженія: «*ну полно, полно, вамъ за это достаться можетъ*». И не остановишь ты больше кипучей молодости своими вразумительными словами: «*да вы послушайте хорошенько, да разсудите, да надобно же вамъ знать*» и прочее, что говорится съ *человѣкомъ, котораго уважаешь и любишь, несмотря на различіе взглядовъ и лѣтъ...*

О, милый Тимаевъ! Сегодня пойду въ первый разъ въ

---

[2]) См. зап. 1833 г. 26 мая.

твой домъ [3]) поклониться хозяину, покидающему его навсегда. И опустѣетъ его обитель, и разбредутся всѣ члены семейства—кто куда?.. Шесть сыновей молодцовъ, да молоденькая красавица дочь,—всѣ здѣсь увидѣли свѣтъ и выросли вмѣстѣ, какъ отпрыски вокругъ здороваго дуба. И всѣ теперь,—одинъ Господь знаетъ, куда разойдутся и... И кто здѣсь поселится?..

Кто замѣнитъ нашего добраго старика?..

Какъ много измѣнится теперь въ Смольномъ? Посадятъ, пожалуй, инспекторомъ В., [4])—того, который говоритъ очень красно, а поступаетъ очень нехорошо?.. Надѣлаетъ онъ много зла!.. Или небездарнаго ли, но благонамѣреннаго П. [5])?..

Бѣдный Смольный!..—А какъ бы нуженъ былъ здѣсь человѣкъ съ умомъ просвѣщеннымъ, здравымъ, благонамѣреннымъ, съ сердцемъ, воспитаннымъ на началахъ св. Евангелія. *Въ дѣлѣ воспитанія должны участвовать только честные люди...*

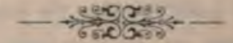
Какъ жаль Тимаева! Сколько явится желающихъ на его мѣсто!?.

Господи, избери достойнаго!..

До свиданія же... милый,—можетъ-быть, скоро и мы сойдемъ съ поприща вѣчной борьбы.

Вотъ и жизнь, и стремленія, и тревоги,—все кончилось. Стоитъ ли послѣ этого о чемъ нибудь сильно волноваться здѣсь на землѣ? Такъ или иначе, а всему настанетъ конецъ! Умереть ли бѣдной наставницей, начальницей или важной барыней—не все ли равно? все же нужно умирать!..

Да будетъ во всемъ воля Твоя, Господи!



[3]) Т. е. квартиру въ деревянномъ домикѣ, стоявшемъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь богадѣльня Его И. В. Н. Ц. Николая Александровича (Лафонская ул.).

[4]) В. Н. А.

[5]) П., П. М—преподаватель.

Еще о Тимаевѣ. Молодость и Смольный. Смерть классной дамы Александровскаго училища и мысли о таинствѣ смерти.

5 марта. Поговоримъ еще объ усопшемъ Матвѣѣ Максимовичѣ. Сегодня же особенно кстати вспомнить этого *друга юношества, а, стало-быть, и друга человѣчества.*

Сегодня ровно двадцать два года минуло съ того дня, какъ я покинула Смольный молоденькой дѣвушкой, полной здоровья, *съ душой, полной любви ко всему, живущему въ мірѣ и съ пылкимъ стремленіемъ ко всему доброму.*

Какъ сейчасъ гляжу на М. М. Тимаева, окруженнаго цѣлымъ роемъ пріунывшихъ своихъ ученицъ. Очень немногія изъ нихъ были веселы, — большинство же задумчиво вглядывались въ предстоящее будущее, или со слезами прощались съ подругами и воспитательницами. Я же рыдала, какъ безумная [1]... Вотъ ужъ и двадцать два года незамѣтно умчались; покинулъ насъ и М. М. Тимаевъ, а какъ будто бы все это было вчера!...

Неужели жизнь и всѣхъ насъ промелькнетъ такъ-же...

Хорошо, что онъ кончилъ жизнь въ трудѣ и молитвѣ. Наканунѣ своей смерти М. М. пѣлъ въ дѣтской церкви вмѣстѣ съ хоромъ: «Да исправится молитва моя»... И возносилась душа его вмѣстѣ съ молитвою дѣтей къ престолу Божію.

Въ день его похоронъ наша церковь была полна народа,— то все были его бывшія и настоящія ученицы, то были друзья, родные, всѣ преподаватели и служившіе подъ его начальствомъ. У гроба стояли четыре сына; по правую руку —жена съ красавицей дочерью, по лѣвую — пятый сынъ. Вся семья какъ-будто берегла тѣло дорогого покойника. Не доставало только шестого сына — офицера *Виктора*, ко-

[1]) См. зап. 1836 г. 25 и 26 февр.

торый служитъ гдѣ-то въ полку; онъ вышелъ изъ университета во время Севастопольской войны, чтобы участвовать въ битвахъ за родную Россію.

Нашъ священникъ [2]) говорилъ надгробное слово, неоднократно останавливаясь отъ душившихъ его слезъ. Плакали горько и мы, прощаясь съ кроткимъ, честнымъ любвеобильнымъ Матвѣемъ Максимовичемъ—«*любимцемъ*» всего Смольнаго.

Лицо умершаго страшно почернѣло: его хоронили уже на пятый день, но на второй, послѣ смерти, онъ былъ еще очень хорошъ. Лобъ бѣлый, какъ слоновая кость, выраженіе лица спокойное, ясное. Вѣрно, на душѣ было свѣтло въ минуту кончины... Que la terre te soit légère, Ami de nos beaux jours de la jeunesse!..

Мнѣ нужно будетъ купить его портретъ [3]).

Хорошо, если бы наши воспитанницы и грядущія поколѣнія ближе узнали, какъ жили здѣсь, какъ трудились, плакали и хоронили другъ друга, но какъ рѣдко смѣялись. Пусть знаютъ, что онѣ, воспитанницы, были часто гораздо счастливѣе своихъ воспитателей... Я сама испытала то и другое. Здѣсь [4]) мы выросли, расцвѣли и здѣсь почти уже и состарѣлись...

Пожалуй, скажутъ, и совсѣмъ состарѣлась.—Вѣдь женщины недолго сохраняютъ молодость и свѣжесть...

Ну, и совсѣмъ состарѣлась;—такъ что же въ томъ?—Не стараться же нравиться теперь, какъ и бывало раньше; добрые же люди не перестанутъ любить меня и въ настоящее время, а можетъ-быть даже сильнѣе и глубже, чѣмъ прежде. Особенно женщины: мѣшать ужъ я никому не могу,

---

[2]) О. Василій Гречулевичъ, весьма много трудившійся въ духовной литературѣ, издававшій распространенный въ то время журналъ «Странникъ», впослѣдствіи въ монашествѣ епископъ Виталій.

[3]) См. зап. ч. 1-я, стр. 8—9.

[4]) Т. е въ Смольномъ (Имп. В. Об. б. дѣвицъ). «Мы» съ сестрою Анною

Еще о Тимаевѣ. Молодость и Смольный. Смерть классной дамы Александровскаго училища и мысли о таинствѣ смерти.

5 марта. Поговоримъ еще объ усопшемъ Матвѣѣ Максимовичѣ. Сегодня же особенно кстати вспомнить этого *друга юношества*, *а*, *стало-быть*, *и друга человѣчества.*

Сегодня ровно двадцать два года минуло съ того дня, какъ я покинула Смольный молоденькой дѣвушкой, полной здоровья, *съ душой*, *полной любви ко всему*, *живущему въ мірѣ и съ пылкимъ стремленіемъ ко всему доброму.*

Какъ сейчасъ гляжу на М. М. Тимаева, окруженнаго цѣлымъ роемъ пріунывшихъ своихъ учениць. Очень немногія изъ нихъ были веселы, — большинство же задумчиво вглядывались въ предстоящее будущее, или со слезами прощались съ подругами и воспитательницами. Я же рыдала, какъ безумная [1]... Вотъ ужъ и двадцать два года незамѣтно умчались; покинулъ насъ и М. М. Тимаевъ, а какъ будто бы все это было вчера!...

Неужели жизнь и всѣхъ насъ промелькнетъ такъ-же...

Хорошо, что онъ кончилъ жизнь въ трудѣ и молитвѣ. Наканунѣ своей смерти М. М. пѣлъ въ дѣтской церкви вмѣстѣ съ хоромъ: «Да исправится молитва моя»... И возносилась душа его вмѣстѣ съ молитвою дѣтей къ престолу Божію.

Въ день его похоронъ наша церковь была полна народа,— то все были его бывшія и настоящія ученицы, то были друзья, родные, всѣ преподаватели и служившіе подъ его начальствомъ. У гроба стояли четыре сына; по правую руку—жена съ красавицей дочерью, по лѣвую—пятый сынъ. Вся семья какъ-будто берегла тѣло дорогого покойника. Не доставало только шестого сына—офицера *Виктора*, ко-

[1] См. зап. 1836 г. 25 и 26 февр.

мучить, да и самой нестрадать;—а главное, хотѣлось бы предстать Богу съ чистымъ сердцемъ.

Но какъ-то все это будетъ? Гдѣ то мы будемъ? и гдѣ теперь нашъ чудный Тимаевъ? Гдѣ бѣдная Быкова, которая такъ незамѣтно прожила свою жизнь, и смерть которой никого не трогаетъ, и которую никто и не вспомнитъ [8])?..

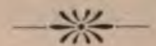
Гдѣ вы, милліоны милліоновъ людей, скитавшихся на землѣ и не оставившихъ по себѣ никакого воспоминанія.

Гдѣ тѣ немногія выдающіяся личности, имена которыхъ уцѣлѣли въ памяти потомковъ?..

Никто не явится, никто не принесетъ вѣсти изъ того непостижимаго міра!

Итакъ, будемъ жить, трудиться, молиться и вѣровать въ будущую *лучшую* жизнь!

Только терпѣнія пошли, Господи, терпѣнія, любви и вѣры!..



Въ циркѣ-театрѣ Роде.

13 марта. Третьяго дня мы были въ театрѣ-циркѣ, гдѣ какой-то Роде наглядно изъяснялъ посредствомъ картинъ образованіе земной поверхности по методу Лапласа [1]).

Представленіе не оправдало моихъ ожиданій, но все же дало нѣкоторое понятіе о совершавшихся переворотахъ и о страшныхъ обитателяхъ земли прежде появленія на ней человѣка.

Мнѣ какъ-то непріятно было видѣть подобное...

[8]) Св. Правосл. церковь ежедневно воспоминаетъ „*всѣхъ почившихъ*".

[1]) Лапласъ (Pierre Simon Laplace, 1749—1827 г.) величайшій французскій геометръ. Иллюстрировались въ циркѣ попытки человѣческаго разума объяснить по-своему дни твореній видимаго міра.

Какія то странныя мысли блуждали въ головѣ, когда я внимательно слѣдила за разсказомъ о постепенномъ развитіи всего, существующаго въ природѣ: исполинскія растенія, исполинскія допотопныя, ужасныя по виду, животныя наводили на меня страхъ своими размѣрами, и я рада, рада была, когда въ заключеніи перешли снова къ нашему современному міру и показали намъ нѣсколько картинъ, изображающихъ замѣчательные памятники европейской архитектуры.

Первый видъ—это дворецъ епископа въ Люттихѣ: огромное зданіе, во дворѣ и въ открытыхъ галлереяхъ котораго прогуливались люди, давно уже исчезнувшіе съ лица земли. На сцену являлось нѣсколько человѣкъ въ широкихъ плащахъ, и казалось, они съ удивленіемъ смотрѣли на зрителей въ ихъ узкихъ фракахъ и сюртукахъ, остриженныхъ почти «по-квакерски». Какими пигмеями показались бы мы, если бы старики могли возстать изъ могилъ.

Хорошъ былъ также видъ двора въ какомъ-то монастырѣ, не помню—въ Майнцѣ или Вормсѣ?

Я въ первый разъ поняла прелесть архитектуры и жалѣла, что не могла подробно разсмотрѣть украшеній стѣнъ, навѣсовъ и пр.

Всѣ картины мелькнули передъ моими глазами, и я рада была, что онѣ кончились и у меня исчезло впечатлѣніе чего то непріятнаго, наводящаго ужасъ, мертваго, какъ-будто замогильнаго...

Запросъ о Нютѣ Его Высочества Принца П. Г. Ольденбургскаго. Негодованіе.

23 марта. Вчера я очень расходилась.

Въ какой-то институтъ опять нужна начальница. Его

мучить, да и самой нестрадать; — а главное, хотѣлось бы предстать Богу съ чистымъ сердцемъ.

Но какъ-то все это будетъ? Гдѣ то мы будемъ? и гдѣ теперь нашъ чудный Тимаевъ? Гдѣ бѣдная Быкова, которая такъ незамѣтно прожила свою жизнь, и смерть которой никого не трогаетъ, и которую никто и не вспомнитъ [8])?..

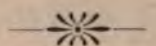
Гдѣ вы, милліоны милліоновъ людей, скитавшихся на землѣ и не оставившихъ по себѣ никакого воспоминанія.

Гдѣ тѣ немногія выдающіяся личности, имена которыхъ уцѣлѣли въ памяти потомковъ?..

Никто не явится, никто не принесетъ вѣсти изъ того непостижимаго міра!

Итакъ, будемъ жить, трудиться, молиться и вѣровать въ будущую *лучшую* жизнь!

Только терпѣнія пошли, Господи, терпѣнія, любви и вѣры!..



Въ циркѣ-театрѣ Роде.

13 марта. Третьяго дня мы были въ театрѣ-циркѣ, гдѣ какой-то Роде наглядно изъяснялъ посредствомъ картинъ образованіе земной поверхности по методу Лапласа [1]).

Представленіе не оправдало моихъ ожиданій, но все же дало нѣкоторое понятіе о совершавшихся переворотахъ и о страшныхъ обитателяхъ земли прежде появленія на ней человѣка.

Мнѣ какъ-то непріятно было видѣть подобное...

---

[8]) Св. Правосл. церковь ежедневно воспоминаетъ *„всѣхъ почившихъ"*.

[1]) Лапласъ (Pierre Simon Laplace, 1749—1827 г.) величайшій французскій геометръ. Иллюстрировались въ циркѣ попытки человѣческаго разума объяснить по-своему дни твореній видимаго міра.

Какія то странныя мысли блуждали въ головѣ, когда я внимательно слѣдила за разсказомъ о постепенномъ развитіи всего, существующаго въ природѣ: исполинскія растенія, исполинскія допотопныя, ужасныя по виду, животныя наводили на меня страхъ своими размѣрами, и я рада, рада была, когда въ заключеніи перешли снова къ нашему современному міру и показали намъ нѣсколько картинъ, изображающихъ замѣчательные памятники европейской архитектуры.

Первый видъ — это дворецъ епископа въ Люттихѣ: огромное зданіе, во дворѣ и въ открытыхъ галлереяхъ котораго прогуливались люди, давно уже исчезнувшіе съ лица земли. На сцену являлось нѣсколько человѣкъ въ широкихъ плащахъ, и казалось, они съ удивленіемъ смотрѣли на зрителей въ ихъ узкихъ фракахъ и сюртукахъ, остриженныхъ почти «по-квакерски». Какими пигмеями показались бы мы, если бы старики могли возстать изъ могилъ.

Хорошъ былъ также видъ двора въ какомъ-то монастырѣ, не помню — въ Майнцѣ или Вормсѣ?

Я въ первый разъ поняла прелесть архитектуры и жалѣла, что не могла подробно разсмотрѣть украшеній стѣнъ, навѣсовъ и пр.

Всѣ картины мелькнули передъ моими глазами, и я рада была, что онѣ кончились и у меня исчезло впечатлѣніе чего то непріятнаго, наводящаго ужасъ, мертваго, какъ-будто замогильнаго...

Запросъ о Нютѣ Его Высочества Принца П. Г. Ольденбургскаго. Негодованіе.

23 марта. Вчера я очень расходилась.

Въ какой-то институтъ опять нужна начальница. Его

Высочество Принцъ Ольденбургскій ¹) спрашивалъ у нашей начальницы ²) «о той» умной классной дамѣ, которая очень любитъ дѣтей и такъ хорошо ихъ воспитываетъ...

Пожалуй, опять поступятъ съ моей бѣдной Нютой, какъ два года назадъ ³)... Пожалуй, придется сидѣть безъ куска хлѣба подъ старость и умирать голодною смертію, если въ Смольномъ не пожелаютъ выслужить эти три года ⁴). Это будетъ уже слишкомъ тяжело...

И неужели нѣтъ исхода изъ этого положенія?.. Неужели одна смерть прекратитъ для насъ всякаго рода скорби и неудачи?..

О вы, плачущія о неудавшихся нарядахъ и увеселеніяхъ, за неимѣніемъ настоящаго горя, если бъ вы знали, сколько горькихъ слезъ приходится подавлять бѣдному человѣку, чтобъ не выплакать глазъ! Если бы вы обратили ваше вниманіе на *обездоленныхъ*, какою бы счастливою казалась вамъ жизнь ваша, и какъ много разъ задумались бы вы *прежде*, чѣмъ тратить чудовищныя суммы на какія-нибудь тряпки, которыя вы бросите завтра ⁵)!..

---

¹) Его Высочество Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій—главноуправлявшій IV отдѣленіемъ. (См. прекрасный Ему памятникъ въ С.-Петербургѣ на Литейной ул. противъ Маріинской больницы). Достойный замѣститель въ благотвореніяхъ Императрицы Маріи Феодоровны († 2 мая 1881 г. и погребенъ въ Троицко-Сергіевской пустынѣ, близъ С.-Петербурга).

²) Маріи Павл. Леонтьевой, см. зап. 1838 г., прим. 1.

³) См. зап. 1857 г. 10 мая.

⁴) Т. е. до полупенсіи (за 15 лѣтъ).

⁵) Это негодованіе противъ весьма обезпеченной въ матеріальномъ отношеніи особы, искавшей того же мѣста начальницы института.

И не безъ основаній Варвара Петровна такъ горячо вступалась за „*свою Нюту*“: Анна Петровна оправдала довѣріе и порученія Государыни, будучи и „незамужняя“; (что служило препятствіемъ къ полученію мѣста начальницы).

За девятнадцать лѣтъ службы въ Иркутскѣ (см. зап. ч. II), да проститъ намъ ея скромность, Анна Петровна удостоилась кромѣ личныхъ благодарностей Государыни, столькихъ наградъ и вниманій Импе-

О, горе бѣдному человѣку, сколько холоднаго равнодушія онъ переноситъ? Горе благородной гордости, возвышенному чувству правды, любви и состраданія!.. Все это подвергается гоненію, какъ нѣчто вредное для общества; такіе люди— «безпокойны, неуживчивы, ханжи»!—Нужно ихъ удалить,— со свѣта сжить за ихъ часто обличительное, докучливое, непріятное, хотя бы и правдивое слово... А нелюбовь ближайшаго начальства, равно какъ и услужливость сильныхъ, одинаково вредны... Изъ-за нихъ иногда наши женскія учеб-

ратрицы, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексѣя Александровича, Его Императорскаго Высочества Петра Георгіевича Ольденбургскаго, графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго. Преосвященнаго Парфенія и другихъ высокопоставленныхъ лицъ, что ей могъ бы позавидовать всякій счастливецъ. Чтобы не быть голословнымъ, приведу текстъ случайно попавшихся среди писемъ Высочайшихъ ей рескриптовъ.

„Анна Петровна! Находясь съ 1858 г. въ званіи Начальницы Дѣвичьяго института Восточной Сибири, вы прилагаете неутомимую заботливость о нравственномъ и умственномъ образованіи ввѣренныхъ вамъ дѣвицъ. Послѣдній выпускъ ихъ вполнѣ удовлетворительный, какъ свидѣтельствуетъ Главный Начальникъ края,—служитъ новымъ доказательствомъ вашей искренней преданности многотрудному дѣлу воспитанія, коему вы себя посвятили. Препровождаемый при настоящемъ Рескриптѣ подарокъ да послужитъ видимымъ доказательствомъ Моей къ вамъ признательности, равно поощреніемъ къ дальнѣйшей полезной дѣятельности. Вмѣстѣ съ тѣмъ поручаю вамъ передать Мое благоволеніе всѣмъ лицамъ, наиболѣе раздѣлявшимъ труды ваши къ преуспѣянію заведенія.

Призывая благословеніе Божіе на ввѣренный вамъ отдаленный, но тѣмъ не менѣе любезный Мнѣ разсадникъ женскаго воспитанія, пребываю къ вамъ благосклонною"

(На подлинномъ начертано):

„*МАРІЯ*".

Въ Царскомъ Селѣ. 20-го ноября, 1863 г.

„Анна Петровна! Постоянно слѣдя за дѣйствіями Дѣвичьяго института Восточной Сибири, Я убѣдилась, что вы продолжаете неослабно

ныя заведенія могутъ являться чѣмъ-то въ родѣ католическихъ монастырей съ игуменьями, производящими соблазнъ...

Одинъ, напр., изъ высокопоставленныхъ самъ, въ обществѣ, не постыдился разсказывать, что разъ, ѣхавъ по желѣзной дорогѣ, онъ встрѣтилъ хорошенькую и болтливую

пещись объ образованіи ума и сердца ввѣренныхъ вамъ дѣтей. Доказательствомъ тому служитъ успѣшно оконченный нынѣ выпускной экзаменъ. Съ удовольствіемъ пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы изъявить вамъ Мою признательность, видимымъ знакомъ коей да послужитъ препровождаемый у сего подарокъ. Благодарите отъ Меня всѣхъ лицъ, кои трудились съ вами на пользу заведенія, а выпускнымъ воспитанницамъ скажите, что Я ихъ *благословляю* и молю Бога, дабы онѣ навсегда сохранили внушенныя имъ въ институтѣ правила чистой нравственности и христіанскихъ убѣжденій".

(На подлинномъ собственноручно начертано): *„Пребываю къ вамъ благосклонною*

МАРІЯ".

Въ Ливадіи. 24 сентября 1867 г.

„Анна Петровна! Представленный Мнѣ отчетъ о бывшемъ въ іюнѣ сего года вполнѣ удовлетворительномъ выпускѣ воспитанницъ, окончившихъ курсъ ученія въ Дѣвичьемъ институтѣ Восточной Сибири, служитъ новымъ для Меня доказательствомъ, что этотъ отдаленный, но тѣмъ не менѣе близкій Моему сердцу разсадникъ женскаго образованія вполнѣ достигаетъ указанной ему цѣли, благодаря вашей добросовѣстной и неутомимой дѣятельности, о которой постоянно свидѣтельствовали Главные Начальники края. Нынѣ же Мнѣ особенно отрадно было узнать, что и любезнѣйшій Сынъ Мой Великій Князь Алексѣй Александровичъ, при недавнемъ посѣщеніи ввѣреннаго вашимъ материнскимъ попеченіямъ института, нашелъ это заведеніе въ отличномъ, во всѣхъ отношеніяхъ, порядкѣ.—Сознавая, что такой благопріятный результатъ достигнутъ вами не безъ значительныхъ трудовъ и что вамъ, на нѣкоторое время, необходимъ отдыхъ для поправленія разстроеннаго отъ того здоровья,—Я съ удовольствіемъ разрѣшила вамъ испрашиваемый четырехмѣсячный отпускъ. При этомъ надѣюсь, что перемѣна климата и спокойствіе вскорѣ возстановятъ ваши силы и дадутъ вамъ снова возможность съ прежнимъ рвеніемъ заняться труднымъ, но святымъ дѣломъ воспитанія дѣтей. По прибытіи вашемъ въ Петербургъ Мнѣ пріятно будетъ *лично* изъявить вамъ искреннюю признательность за отличное ваше служеніе, а до того жалую вамъ препровождаемый у сего подарокъ, какъ видимый знакъ Моего къ вамъ благоволенія. Прошу васъ

женщину, о которой до тѣхъ поръ не имѣлъ никакого понятія, и тамъ же, въ вагонѣ, пообѣщалъ предоставить ей мѣсто начальницы въ одномъ учебномъ заведеніи, а потомъ самъ не зналъ, какъ сбыть ее съ рукъ, такъ насолила она и ему и всему институту...

Конечно, при такомъ неосторожномъ назначеніи, можно

также передать Мою благодарность всѣмъ лицамъ, наиболѣе помогавшимъ вамъ въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго и умственнаго образованія дѣвицъ".

(На подлинномъ собственноручно начертано). *„Пребываю къ вамъ навсегда благосклонною*

МАРІЯ".

Въ Царскомъ Селѣ. 20-го августа, 1873 г.

„Анна Петровна! Съ полнымъ самоотверженіемъ вы посвятили многотрудному дѣлу воспитанія дѣтей лучшіе годы вашей жизни и изъ нихъ девятнадцать лѣтъ исключительно Иркутскому Дѣвичьему Институту. Благодаря вашей неутомимой дѣятельности и педагогической опытности, этотъ разсадникъ женскаго образованія на нашемъ дальнемъ востокѣ постоянно приносилъ, подъ вашимъ управленіемъ, самую существенную всему краю пользу. По отзыву Моего Сына Великаго Князя Алексѣя Александровича, посѣтившаго въ 1873 г. Восточную Сибирь, *большая часть образованныхъ женщинъ, которыхъ ему приходилось тамъ встрѣчать, почти и всѣ обязаны были своимъ воспитаніемъ Иркутскому институту и вашимъ материнскимъ о нихъ заботамъ и попеченіямъ.* Нынѣ разстроенное ваше здоровье заставляетъ васъ отказаться отъ дальнѣйшей педагогической дѣятельности. Съ крайнимъ сожалѣніемъ соглашаясь на ваше увольненіе, Я при этомъ случаѣ, не могу за ваши многолѣтніе, полезные труды не повторить вамъ еще разъ письменно ту искреннѣйшую благодарность, которую я вамъ неоднократно выражала устно, при чемъ прошу васъ, въ воспоминаніе вашего отличнаго служенія *въ вѣдомствѣ Императрицы Маріи*, принять препровождаемый у сего подарокъ, какъ видимый знакъ Моего особеннаго къ вамъ благоволенія".

(На подлинномъ собственноручно начертано): *„Пребываю неизмѣнно навсегда доброжелательною*

МАРІЯ".

Въ Царскомъ Селѣ. 14-го сентября, 1877 г.

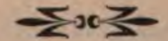
Видимо въ „Варенькѣ" не было большого самообольщенія „своею Нюточкою", но были основанія горячо вступаться за сестру.

Св. К. Зн.

ли ожидать трезваго, правильнаго выбора и пользы для воспитанія? Можетъ ли при такихъ условіяхъ процвѣтать учебное заведеніе, отвѣчать высшимъ воспитательнымъ цѣлямъ?..

Упаси и сохрани насъ, Господи, отъ такихъ случаевъ!..

Пусть торжествуютъ истинныя достоинства!..



Записки о жизни Камоэнса.

25 марта. Сегодня читала я отрывки изъ жизни великаго Камоэнса [1]) и подивилась странной судьбѣ многихъ замѣчательныхъ людей. Камоэнсъ протягивалъ руку за кускомъ насущнаго хлѣба, а стихи его читались и пѣлись во всей Португаліи, и имя его гремѣло по всему свѣту. И что же?—Тѣ же знатныя барыни, которыя отъ бездѣлья распѣвали его романсы и, пожалуй, еще роняли надъ ними жемчужныя слезы, оставляли въ нищетѣ, въ болѣзни, въ страданіяхъ человѣка, жившаго между ними въ одномъ городѣ, ходившаго въ лохмотьяхъ по тѣмъ же улицамъ, гдѣ въ роскошныхъ экипажахъ ѣздили показывать себя эти бездушныя куклы, разодѣтыя въ шелкъ и золото!

Какъ все это совмѣщается?—непостижимо!..

А потомъ, когда для куска насущнаго хлѣба Камоэнсъ просилъ мѣста придворнаго поэта, онъ,—этотъ чудный поэтъ, былъ отвергнутъ, униженъ, оскорбленъ—и предпочтеніе отдано какому-то Діего Бернардесъ.

---

[1]) Камоэнсъ (1524—1580 г.)—великій поэтъ Португаліи. Его поэма „Лузіада"—шедевръ въ эпосѣ другихъ народовъ.

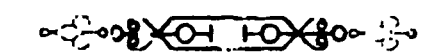
— Такъ вотъ—судьба всего великаго на землѣ!..

Право, иногда жалкая бездарность идетъ впередъ и срамитъ своихъ высокихъ покровителей!.. а имъ не стыдно?..

— Не сравнивая, конечно, себя ни съ высшими свѣтилами ума человѣческаго, ни съ геніями, жившими и умершими въ полномъ ничтожествѣ, все же нахожу какое то утѣшеніе размышлять объ этомъ...

Почему люди не любятъ порядочныхъ и честныхъ людей?—а потому, что они правды не любятъ и не терпятъ малѣйшаго надъ собой превосходства...

Господи, научи меня прощать и любить всѣхъ, —друзей и завистливыхъ!..



Хлопоты о переводѣ на другое мѣсто.

26 апрѣля. Чѣмъ-то кончатся наши хлопоты? Неужели мы еще долго останемся въ Смольномъ? Неужели не дадутъ намъ вздохнуть? или уже умирать здѣсь?..

Странно, что не хочется умирать, не испытавъ лучшаго на землѣ?

Неужели, кромѣ меня, найдутся на свѣтѣ люди, которымъ нечѣмъ помянуть свою молодость и которые такъ же, какъ и я, не пожелали бы вернуть золотой поры юности? А какъ обернусь я назадъ и стану перебирать свое прошлое, право, почти не надъ чѣмъ и остановиться... Лучше всей пройденной дороги—все же временный привалъ въ Смольномъ; но и тутъ становится теперь душно и тяжело, и кажется, силъ скоро не хватитъ: черезчуръ много работы, велика отвѣтственность,—наши годы и многое, многое другое...

— Хотѣлось бы, чтобы Нютѣ дали мѣсто начальницы въ одномъ изъ губернскихъ институтовъ; а мнѣ бы въ томъ

мучить, да и самой нестрадать; — а главное, хотѣлось бы предстать Богу съ чистымъ сердцемъ.

Но какъ-то все это будетъ? Гдѣ то мы будемъ? и гдѣ теперь нашъ чудный Тимаевъ? Гдѣ бѣдная Быкова, которая такъ незамѣтно прожила свою жизнь, и смерть которой никого не трогаетъ, и которую никто и не вспомнитъ [8])?..

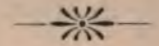
Гдѣ вы, милліоны милліоновъ людей, скитавшихся на землѣ и не оставившихъ по себѣ никакого воспоминанія.

Гдѣ тѣ немногія выдающіяся личности, имена которыхъ уцѣлѣли въ памяти потомковъ?..

Никто не явится, никто не принесетъ вѣсти изъ того непостижимаго міра!

Итакъ, будемъ жить, трудиться, молиться и вѣровать въ будущую *лучшую* жизнь!

Только терпѣнія пошли, Господи, терпѣнія, любви и вѣры!..



Въ циркѣ-театрѣ Роде.

13 марта. Третьяго дня мы были въ театрѣ-циркѣ, гдѣ какой-то Роде наглядно изъяснялъ посредствомъ картинъ образованіе земной поверхности по методу Лапласа [1]).

Представленіе не оправдало моихъ ожиданій, но все же дало нѣкоторое понятіе о совершавшихся переворотахъ и о страшныхъ обитателяхъ земли прежде появленія на ней человѣка.

Мнѣ какъ-то непріятно было видѣть подобное...

---

[8]) Св. Правосл. церковь ежедневно воспоминаетъ *„всѣхъ почившихъ“*.

[1]) Лапласъ (Pierre Simon Laplace, 1749—1827 г.) величайшій французскій геометръ. Иллюстрировались въ циркѣ попытки человѣческаго разума объяснить по-своему дни твореній видимаго міра.

О, горе бѣдному человѣку, сколько холоднаго равнодушія онъ переноситъ? Горе благородной гордости, возвышенному чувству правды, любви и состраданія!.. Все это подвергается гоненію, какъ нѣчто вредное для общества; такіе люди—«безпокойны, неуживчивы, ханжи»!—Нужно ихъ удалить,—со свѣта сжить за ихъ часто обличительное, докучливое, непріятное, хотя бы и правдивое слово... А нелюбовь ближайшаго начальства, равно какъ и услужливость сильныхъ, одинаково вредны... Изъ-за нихъ иногда наши женскія учеб-

- -

ратрицы, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексѣя Александровича, Его Императорскаго Высочества Петра Георгіевича Ольденбургскаго, графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго, Преосвященнаго Парфенія и другихъ высокопоставленныхъ лицъ, что ей могъ бы позавидовать всякій счастливецъ. Чтобы не быть голословнымъ, приведу текстъ случайно попавшихся среди писемъ Высочайшихъ ей рескриптовъ.

„Анна Петровна! Находясь съ 1858 г. въ званіи Начальницы Дѣвичьяго института Восточной Сибири, вы прилагаете неутомимую заботливость о нравственномъ и умственномъ образованіи ввѣренныхъ вамъ дѣвицъ. Послѣдній выпускъ ихъ вполнѣ удовлетворительный, какъ свидѣтельствуетъ Главный Начальникъ края,—служитъ новымъ доказательствомъ вашей искренней преданности многотрудному дѣлу воспитанія, коему вы себя посвятили. Препровождаемый при настоящемъ Рескриптѣ подарокъ да послужитъ видимымъ доказательствомъ Моей къ вамъ признательности, равно поощреніемъ къ дальнѣйшей полезной дѣятельности. Вмѣстѣ съ тѣмъ поручаю вамъ передать Мое благоволеніе всѣмъ лицамъ, наиболѣе раздѣлявшимъ труды ваши къ преуспѣянію заведенія.

Призывая благословеніе Божіе на ввѣренный вамъ отдаленный, но тѣмъ не менѣе любезный Мнѣ разсадникъ женскаго воспитанія, пребываю къ вамъ благосклонною“

(На подлинномъ начертано):

„*МАРІЯ*“.

Въ Царскомъ Селѣ. 20-го ноября, 1863 г.

„Анна Петровна! Постоянно слѣдя за дѣйствіями Дѣвичьяго института Восточной Сибири, Я убѣдилась, что вы продолжаете неослабно

Высочество Принцъ Ольденбургскій [1]) спрашивалъ у нашей начальницы [2]) «о той» умной классной дамѣ, которая очень любитъ дѣтей и такъ хорошо ихъ воспитываетъ..

Пожалуй, опять поступятъ съ моей бѣдной Нютой, какъ два года назадъ [3])... Пожалуй, придется сидѣть безъ куска хлѣба подъ старость и умирать голодною смертію, если въ Смольномъ не пожелаешь выжить эти три года [4]). Это будетъ уже слишкомъ тяжело...

И неужели нѣтъ исхода изъ этого положенія?.. Неужели одна смерть прекратитъ для насъ всякаго рода скорби и неудачи?..

О вы, плачущія о неудавшихся нарядахъ и удовольствіяхъ, за неимѣніемъ настоящаго горя, если бъ вы знали, сколько горькихъ слезъ приходится подавлять бѣдному человѣку, чтобъ не выплакать глазъ! Если бы вы обратили ваше вниманіе на обездоленныхъ, какою бы счастливою казалась вамъ жизнь ваша, и какъ много разъ задумались бы вы прежде, чѣмъ тратить чудовищныя суммы на какія-нибудь тряпки, которыя вы бросите завтра [5])!..

---

[1]) Его Высочество Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій—главноуправлявшій IV отдѣленіемъ. (См. прекрасный Ему памятникъ въ С.-Петербургѣ на Литейной ул. противъ Маріинской больницы). Достойный замѣститель въ благотвореніяхъ Императрицы Маріи Θеодоровны († 2 мая 1881 г. и погребенъ въ Троицко-Сергіевской пустынѣ, близъ С.-Петербурга).

[2]) Маріи Павл. Леонтьевой, см. зап. 1838 г., прим. 1.

[3]) См. зап. 1857 г. 10 мая.

[4]) Т. е. до полупенсіи (за 15 лѣтъ).

[5]) Это негодованіе противъ весьма обезпеченной въ матеріальномъ отношеніи особы, искавшей того же мѣста начальницы института.

И не безъ основаній Варвара Петровна такъ горячо вступалась за „свою Нюту“: Анна Петровна оправдала довѣріе и порученія Государыни, будучи и „незамужняя“; (что служило препятствіемъ къ полученію мѣста начальницы).

За девятнадцать лѣтъ службы въ Иркутскѣ (см. зап. ч. II), да проститъ намъ ея скромность, Анна Петровна удостоилась кромѣ личныхъ благодарностей Государыни, столькихъ наградъ и вниманій Импе-

О, горе бѣдному человѣку, сколько холоднаго равнодушія онъ переноситъ? Горе благородной гордости, возвышенному чувству правды, любви и состраданія!.. Все это подвергается гоненію, какъ нѣчто вредное для общества; такіе люди—«безпокойны, неуживчивы, ханжи»!—Нужно ихъ удалить,—со свѣта сжить за ихъ часто обличительное, докучливое, непріятное, хотя бы и правдивое слово... А нелюбовь ближайшаго начальства, равно какъ и услужливость сильныхъ, одинаково вредны... Изъ-за нихъ иногда наши женскія учеб-

ратрицы, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексѣя Александровича, Его Императорскаго Высочества Петра Георгіевича Ольденбургскаго, графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго, Преосвященнаго Парфенія и другихъ высокопоставленныхъ лицъ, что ей могъ бы позавидовать всякій счастливецъ. Чтобы не быть голословнымъ, приведу текстъ случайно попавшихся среди писемъ Высочайшихъ ей рескриптовъ.

„Анна Петровна! Находясь съ 1858 г. въ званіи Начальницы Дѣвичьяго института Восточной Сибири, вы прилагаете неутомимую заботливость о нравственномъ и умственномъ образованіи ввѣренныхъ вамъ дѣвицъ. Послѣдній выпускъ ихъ вполнѣ удовлетворительный, какъ свидѣтельствуетъ Главный Начальникъ края,—служитъ новымъ доказательствомъ вашей искренней преданности многотрудному дѣлу воспитанія, коему вы себя посвятили. Препровождаемый при настоящемъ Рескриптѣ подарокъ да послужитъ видимымъ доказательствомъ Моей къ вамъ признательности, равно поощреніемъ къ дальнѣйшей полезной дѣятельности. Вмѣстѣ съ тѣмъ поручаю вамъ передать Мое благоволеніе всѣмъ лицамъ, наиболѣе раздѣлявшимъ труды ваши къ преуспѣянію заведенія.

Призывая благословеніе Божіе на ввѣренный вамъ отдаленный, но тѣмъ не менѣе любезный Мнѣ разсадникъ женскаго воспитанія, пребываю къ вамъ благосклонною“.

(На подлинномъ начертано):

„*МАРІЯ*“.

Въ Царскомъ Селѣ. 20-го ноября, 1863 г.

„Анна Петровна! Постоянно слѣдя за дѣйствіями Дѣвичьяго института Восточной Сибири, Я убѣдилась, что вы продолжаете неослабно

ныя заведенія могутъ являться чѣмъ-то въ родѣ католическихъ монастырей съ игуменьями, производящими соблазнъ...

Одинъ, напр., изъ высокопоставленныхъ самъ, въ обществѣ, не постыдился разсказывать, что разъ, ѣхавъ по желѣзной дорогѣ, онъ встрѣтилъ хорошенькую и болтливую

пещись объ образованіи ума и сердца ввѣренныхъ вамъ дѣтей. Доказательствомъ тому служитъ успѣшно оконченный нынѣ выпускной экзаменъ. Съ удовольствіемъ пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы изъявить вамъ Мою признательность, видимымъ знакомъ коей да послужитъ препровождаемый у сего подарокъ. Благодарите отъ Меня всѣхъ лицъ, кои трудились съ вами на пользу заведенія, а выпускнымъ воспитанницамъ скажите, что Я ихъ *благословляю* и молю Бога, дабы онѣ навсегда сохранили внушенныя имъ въ институтѣ правила чистой нравственности и христіанскихъ убѣжденій".

(На подлинномъ собственноручно начертано): *„Пребываю къ вамъ благосклонною*

МАРІЯ".

Въ Ливадіи. 24 сентября 1867 г.

„Анна Петровна! Представленный Мнѣ отчетъ о бывшемъ въ іюнѣ сего года вполнѣ удовлетворительномъ выпускѣ воспитанницъ, окончившихъ курсъ ученія въ Дѣвичьемъ институтѣ Восточной Сибири, служитъ новымъ для Меня доказательствомъ, что этотъ отдаленный, но тѣмъ не менѣе близкій Моему сердцу разсадникъ женскаго образованія вполнѣ достигаетъ указанной ему цѣли, благодаря вашей добросовѣстной и неутомимой дѣятельности, о которой постоянно свидѣтельствовали Главные Начальники края. Нынѣ же Мнѣ особенно отрадно было узнать, что и любезнѣйшій Сынъ Мой Великій Князь Алексѣй Александровичъ, при недавнемъ посѣщеніи ввѣреннаго вашимъ материнскимъ попеченіямъ института, нашелъ это заведеніе въ отличномъ, во всѣхъ отношеніяхъ, порядкѣ.—Сознавая, что такой благопріятный результатъ достигнутъ вами не безъ значительныхъ трудовъ и что вамъ, на нѣкоторое время, необходимъ отдыхъ для поправленія разстроеннаго отъ того здоровья,—Я съ удовольствіемъ разрѣшила вамъ испрашиваемый четырехмѣсячный отпускъ. При этомъ надѣюсь, что перемѣна климата и спокойствіе вскорѣ возстановятъ ваши силы и дадутъ вамъ снова возможность съ прежнимъ рвеніемъ заняться труднымъ, но святымъ дѣломъ воспитанія дѣтей. По прибытіи вашемъ въ Петербургъ Мнѣ пріятно будетъ *лично* изъявить вамъ искреннюю признательность за отличное ваше служеніе, а до того жалую вамъ препровождаемый у сего подарокъ, какъ видимый знакъ Моего къ вамъ благоволенія. Прошу васъ

женщину, о которой до тѣхъ поръ не имѣлъ никакого понятія, и тамъ же, въ вагонѣ, пообѣщалъ предоставить ей мѣсто начальницы въ одномъ учебномъ заведеніи, а потомъ самъ не зналъ, какъ сбыть ее съ рукъ, такъ насолила она и ему и всему институту...

Конечно, при такомъ неосторожномъ назначеніи, можно

также передать Мою благодарность всѣмъ лицамъ, наиболѣе помогавшимъ вамъ въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго и умственнаго образованія дѣвицъ".

(На подлинномъ собственноручно начертано). *„Пребываю къ вамъ навсегда благосклонною*

МАРІЯ".

Въ Царскомъ Селѣ. 20-го августа, 1873 г.

„Анна Петровна! Съ полнымъ самоотверженіемъ вы посвятили многотрудному дѣлу воспитанія дѣтей лучшіе годы вашей жизни и изъ нихъ девятнадцать лѣтъ исключительно Иркутскому Дѣвичьему Институту. Благодаря вашей неутомимой дѣятельности и педагогической опытности, этотъ разсадникъ женскаго образованія на нашемъ дальнемъ востокѣ постоянно приносилъ, подъ вашимъ управленіемъ, самую существенную всему краю пользу. По отзыву Моего Сына Великаго Князя Алексѣя Александровича, посѣтившаго въ 1873 г. Восточную Сибирь, *большая часть образованныхъ женщинъ, которыхъ ему приходилось тамъ встрѣчать, почти и всѣ обязаны были своимъ воспитаніемъ Иркутскому институту и вашимъ материнскимъ о нихъ заботамъ и попеченіямъ*. Нынѣ разстроенное ваше здоровье заставляетъ васъ отказаться отъ дальнѣйшей педагогической дѣятельности. Съ крайнимъ сожалѣніемъ соглашаясь на ваше увольненіе, Я при этомъ случаѣ, не могу за ваши многолѣтніе, полезные труды не повторить вамъ еще разъ письменно ту искреннѣйшую благодарность, которую я вамъ неоднократно выражала устно, при чемъ прошу васъ, въ воспоминаніе вашего отличнаго служенія *въ вѣдомствѣ Императрицы Маріи*, принять препровождаемый у сего подарокъ, какъ видимый знакъ Моего особеннаго къ вамъ благоволенія".

(На подлинномъ собственноручно начертано): *„Пребываю неизмѣнно навсегда доброжелательною*

МАРІЯ".

Въ Царскомъ Селѣ. 14-го сентября, 1877 г.

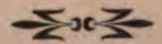
Видимо въ „Варенькѣ" не было большого самообольщенія „своею Нюточкою", но были основанія горячо вступаться за сестру.

Св. К. Зн.

ли ожидать трезваго, правильнаго выбора и пользы для воспитанія? Можетъ ли при такихъ условіяхъ процвѣтать учебное заведеніе, отвѣчать высшимъ воспитательнымъ цѣлямъ?..

Упаси и сохрани насъ, Господи, отъ такихъ случаевъ!..

Пусть торжествуютъ истинныя достоинства!..



Записки о жизни Камоэнса.

25 марта. Сегодня читала я отрывки изъ жизни великаго Камоэнса [1]) и подивилась странной судьбѣ многихъ замѣчательныхъ людей. Камоэнсъ протягивалъ руку за кускомъ насущнаго хлѣба, а стихи его читались и пѣлись во всей Португаліи, и имя его гремѣло по всему свѣту. И что же?— Тѣ же знатныя барыни, которыя отъ бездѣлья распѣвали его романсы и, пожалуй, еще роняли надъ ними жемчужныя слезы, оставляли въ нищетѣ, въ болѣзни, въ страданіяхъ человѣка, жившаго между ними въ одномъ городѣ, ходившаго въ лохмотьяхъ по тѣмъ же улицамъ, гдѣ въ роскошныхъ экипажахъ ѣздили показывать себя эти бездушныя куклы, разодѣтыя въ шелкъ и золото!

Какъ все это совмѣщается?—непостижимо!..

А потомъ, когда для куска насущнаго хлѣба Камоэнсъ просилъ мѣста придворнаго поэта, онъ,—этотъ чудный поэтъ, былъ отвергнутъ, униженъ, оскорбленъ—и предпочтеніе отдано какому-то Діего Бернардесъ.

---

[1]) Камоэнсъ (1524—1580 г.)—великій поэтъ Португаліи. Его поэма „Лузіада"—шедевръ въ эпосѣ другихъ народовъ.

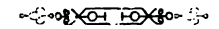
— Такъ вотъ—судьба всего великаго на землѣ!..

Право, иногда жалкая бездарность идетъ впередъ и срамитъ своихъ высокихъ покровителей!.. а имъ не стыдно?..

— Не сравнивая, конечно, себя ни съ высшими свѣтилами ума человѣческаго, ни съ геніями, жившими и умершими въ полномъ ничтожествѣ, все же нахожу какое то утѣшеніе размышлять объ этомъ...

Почему люди не любятъ порядочныхъ и честныхъ людей?—а потому, что они правды не любятъ и не терпятъ малѣйшаго надъ собой превосходства...

Господи, научи меня прощать и любить всѣхъ, —друзей и завистливыхъ!..



Хлопоты о переводѣ на другое мѣсто.

26 апрѣля. Чѣмъ-то кончатся наши хлопоты? Неужели мы еще долго останемся въ Смольномъ? Неужели не дадутъ намъ вздохнуть? или уже умирать здѣсь?..

Странно, что не хочется умирать, не испытавъ лучшаго на землѣ?

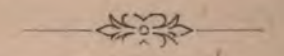
Неужели, кромѣ меня, найдутся на свѣтѣ люди, которымъ нечѣмъ помянуть свою молодость и которые такъ же, какъ и я, не пожелали бы вернуть золотой поры юности? А какъ обернусь я назадъ и стану перебирать свое прошлое, право, почти не надъ чѣмъ и остановиться... Лучше всей пройденной дороги—все же временный привалъ въ Смольномъ; но и тутъ становится теперь душно и тяжело, и кажется, силъ скоро не хватитъ: черезчуръ много работы, велика отвѣтственность,—наши годы и многое, многое другое...

— Хотѣлось бы, чтобы Нютѣ дали мѣсто начальницы въ одномъ изъ губернскихъ институтовъ; а мнѣ бы въ томъ

же институтѣ—дослужить до пятнадцатилѣтней пенсіи, а потомъ выйти въ отставку и жить у Нюточки. Вотъ всѣ мои высшія земныя мечтанія, до которыхъ добраться никакъ не могу [1]). Надо ходить, кланяться, льстить и выпрашивать, а Варенька—гордянка... Скорѣе умру, чѣмъ пойду на эти «художества»...

Бѣдная Нюта ѣздила къ графинѣ Барановой [2]), да тѣмъ и покончила дѣло.—Обѣщались, правда, похлопотать и другіе. Но нужно много самоотверженія, чтобы хлопотать о чужихъ, а еще болѣе,—чтобы просить за себя...

Господи, пошли намъ добрыхъ людей!



Хлопоты не удаются. Душевное настроеніе.

27 апрѣля. Вездѣ и со всѣхъ сторонъ намъ отказъ. Г. Управляющій IV отдѣленіемъ [1]) написалъ вѣжливое письмо, въ которомъ изъявляетъ сожалѣніе Нютѣ, что нѣтъ вакансіи, а между тѣмъ—это неправда. Онъ очень хорошо знаетъ, что Липранди [2]) оставляетъ Иркутскій институтъ, но мѣсто это обѣщалъ онъ какой-то нѣмкѣ... protégé Елены П...

Вотъ такъ и все дѣлается у насъ на Руси, гдѣ сильны нѣмцы.

Горе той странѣ, гдѣ свои достоинства не могутъ проложить себѣ дорогу!.. Конечно, иностранная посредственность вездѣ займетъ лучшее мѣсто...

---

[1]) Замѣчательно сбылись онѣ въ жизни Варв. Петр.

[2]) Баранова, гр.,—см. зап. 1836 г. 15 фев., пр. 2, стр. 79. Статс.-дама, дочь Юліи Ѳедор. Адлербергъ, лично знавшая Анну и В. П. еще воспитанницами.

---

[1]) Гофманъ, Андр. Лог.

[2]) Липранди, Екатерина Петровна—начальница Иркутскаго института († на покоѣ въ С.-Пбург. Вдовьемъ Домѣ въ 1874 году).

Графиня Юлія Ѳедоровна
БАРАНОВА.

[redacted]

Теперь мы снова принялись за исполненіе своихъ обязанностей, которыя недѣли три тому назадъ были немного запущены. Опять на сценѣ дѣти, дѣти и дѣти... Но странно: меня не радуетъ болѣе Нева [3])! Моя новая комната, куда я перешла въ прошедшемъ году, еще веселѣе прежней. Видъ прекрасный на Неву и на Калашникову пристань, а я почти равнодушно смотрю на все окружающее и совсѣмъ почти не подхожу къ окну? Какъ будто бы въ виду есть что получше, что манитъ куда-то въ даль... Ужъ не смерть ли то и не райскія ли обители? Не міръ ли то полный нескончаемаго блаженства въ награду за кратковременную земную тоску?..

— Но стою ли я этихъ благъ?...

Господи, подаждь мнѣ христіанскую кончину, чтобы безъ страха покинуть свою тѣлесную оболочку, очистить злую, самолюбивую душу свою и удостоиться предстать предъ Тобою.

Новый инспекторъ. Дѣйствительность и давніе сны.

5 мая. Въ Смольный назначенъ новый инспекторъ — Полевой [1]), сынъ писателя, издатель журнала «Шехеразада» [2])!

Учителя очень недовольны этимъ назначеніемъ, а мы, дамы, посмотримъ еще, что будетъ дальше, и тогда уже выскажемъ свое мнѣніе. Объявленіе объ изданіи этого жур-

[3]). См. зап. 1854, 5 и 6 годы.

[1]) Полевой, Владиміръ Николаевичъ, только временно исполнялъ обязанности инсп. клас. Имп. В. Об. бл. дѣв. Онъ не нравился и былъ опредѣленъ сюда противъ воли Маріи Павловны Леонтьевой. Марія П. избрала послѣ него проф. С.П.Б. универс. С. С. Куторгу, потомъ ген.-маіор. Вик. Ан. Половцева и окончательно остановилась послѣ М. М. Тимаева лишь на знаменитомъ К. Д. Ушинскомъ.

[2]) Не „Атенея“ ли?

нала показываетъ Полевого не съ хорошей стороны. Начальницѣ онъ имѣлъ смѣлость поднести нѣсколько номеровъ своего журнала. Возвращая ему по прочтеніи номера, Марія Павловна строго замѣтила: *«не вздумайте этимъ угощать воспитанницъ»...*

— Какъ-то при немъ пойдетъ учебное дѣло?..

Но скучно мнѣ становится въ Смольномъ, — тяжелы обязанности классной дамы. Тяжело переносить, *съ каждымъ годомъ усиливающіяся лѣнь, капризы и своеволіе дѣтей...* Пора, пора *«домой»*, на родину общаго успокоенія... — Пора отдохнуть...

Иногда находитъ такое грустное расположеніе духа, такое безвыходное состояніе, что рѣшительно не знаешь, куда дѣваться... И хочется бѣжать изъ Смольнаго, и страшно; какъ будто бы и тамъ, гдѣ бы я ни была, ждетъ меня одно горе. Словно я въ заколдованномъ кругу, откуда нѣтъ мнѣ исхода... Словно я окружена какими-то враждебными существами, которыя пляшутъ вокругъ меня, а когда чуть я захочу пробраться сквозь замкнутую ими цѣпь, они съ гикомъ, свистомъ и дикимъ хохотомъ составляютъ сплошную стѣну, черезъ которую у меня нѣтъ силъ прорваться! Это сравненіе невольно пришло мнѣ въ голову изъ воспоминанія о давнишнемъ снѣ, видѣнномъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ и почему-то застрявшемъ у меня въ памяти.

Какая то страшная пляска совершалась въ моемъ присутствіи. Какія то чудовищныя существа безпрерывно кружились, сцѣпившись за руки и испуская неистовые крики. Крики и гиканье усиливались при появленіи одного изъ нихъ во образѣ женщины; лицо ея мнѣ врѣзалось въ память, и она, вытягиваясь какъ змѣя, носилась то вдоль, то поперекъ надъ зловѣщимъ ихъ кругомъ. Не могу только припомнить, гдѣ я была: стояла ль посреди этого круга или въ сторонѣ отъ него?

— Въ старину бывало у меня много странныхъ сновъ, изъ

которыхъ одинъ помню, какъ будто бы вчера видѣла, а другой,—какъ въ туманѣ; подробности ихъ исчезли совсѣмъ.

Вотъ первый изъ этихъ сновъ, который я видѣла лѣтъ шестнадцать тому назадъ.

— Уфъ! какъ долго живу я!

Пожилая, со знакомымъ мнѣ лицомъ женщина, смуглая, съ острыми чертами лица, съ черными блестящими глазами, приставила мнѣ къ сердцу свой палецъ, и вдругъ я почувствовала какую то сильную боль и страшно мучительную истому! А эта женщина смотритъ мнѣ въ лицо своими страшными глазами, злобно улыбаясь и не отводя пальца отъ моего сердца, которое все болѣе и болѣе ноетъ. Наконецъ я собрала всѣ силы, вскрикнула и проснулась, дрожа всѣмъ тѣломъ и боясь снова увидѣть предъ собою эту ужасную женщину. Съ тѣхъ поръ, впродолженіе двухъ или трехъ лѣтъ, по ночамъ весьма часто мелькалъ предо мной ея страшный образъ съ пронизывающимъ взоромъ и съ язвительною улыбкой.

Съ тѣхъ поръ нѣсколько лѣтъ сряду, проснувшись ночью, я не рѣшалась отъ страха открыть глаза...

Въ дѣйствительной жизни я встрѣтила года четыре тому назадъ одну женщину, которая напомнила мнѣ «старую знакомую». Тотъ же зловѣщій блескъ глазъ, та же язвительная улыбка, та же черная одежда, то же выраженіе лица и тоже сильное желаніе сдѣлать зло.

Много же и вынесла я отъ нея, всегда чувствуя къ ней безотчетный страхъ и отвращеніе! Да проститъ мнѣ и ей Господь! Но странно, раньше сна я никогда и нигдѣ ея не видала!.. Что это значитъ?—для меня до сихъ поръ загадка.

— Не Божіе ли мнѣ вразумленіе?..

— Какой только странный случай или, лучше сказать, какъ очевидно правосудіе Божіе: шесть лѣтъ тому назадъ составился цѣлый заговоръ противъ насъ, во главѣ кото-

раго была и эта черная женщина. Много выстрадали мы тогда, проливая горькія слезы предъ святыми иконами, молясь за обидящихъ насъ и призывая въ защитники Милостиваго Господа. И правда восторжествовала, а зложелательныя заговорщицы дорого поплатились: двумъ изъ нихъ было велѣно подать въ отставку, одна умерла послѣ страшной, хотя и краткой болѣзни. Четвертая, давно знакомая мнѣ по сну, впала тоже въ тяжелую болѣзнь: исхудала, исчахла и готовилась къ смерти.

Недавно прислала она за сестрой и за мною. Мы тотчасъ отправились къ ней. Входимъ въ комнату, она протянула намъ руки и стала просить прощенія.

Мнѣ сдѣлалось такъ жаль бѣдняжку: я поцѣловала ее, простивъ отъ всей души всѣ ея козни. Въ тотъ же день мы вынули за ея здоровье просфору и, помолясь за нее Богу, принесли къ ней. Съ тѣхъ поръ ей стало легче, наконецъ она совсѣмъ выздоровѣла, уѣхала изъ Смольнаго, а въ прошломъ году, говорятъ, и замужъ вышла.

Дай ей, Господи, счастія! Благій Господи, неужели Ты услышалъ молитву за нее и кого?—насъ грѣшныхъ!!..

Исаакіевскій соборъ наканунѣ его освященія. День его освященія [1]).

2 Іюня. Насилу собралась я записать о торжественномъ освященіи Исаакіевскаго собора.

Болѣзнь Нюты приковала всѣ мои мысли, и я ждала, если не ея полнаго выздоровленія, то, по крайней мѣрѣ, облегченія, чтобы занести въ спокойномъ состояніи духа

[1]) См. снимокъ съ рѣдкой картинки, любезно уступленный директоромъ книжн. торговли т-ва М. О. Вольфъ. «30 мая 1858 года».

нѣсколько словъ объ этомъ чудномъ торжествѣ. Я, какъ Несторъ, не мудрствуя лукаво, смиренно хочу писать все видѣнное.

Тридцатаго мая, наканунѣ Исаакія Далматскаго, повезли старшіе классы всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеній въ Исаакіевскій соборъ ко всенощной, которую служилъ самъ Митрополитъ [2]) при пѣніи хора въ 800 человѣкъ. Мы пріѣхали до 5 ч. в. и прежде всего пошли осматривать алтарь и всю священную утварь.

Богатства много: все золото и серебро. Кадильницы, кувшины для вина и розовой воды изящной работы. Дарохранительница вызолоченнаго серебра—модель собора; одна работа, говорятъ, стоила свыше 12 тысячъ рублей. Много прекрасныхъ образовъ, изъ которыхъ лучшій по живописи по моему, въ лѣвомъ придѣлѣ: *«образъ Пресв. Богородицы»*. Въ ликѣ, въ положеніи Пресв. Дѣвы—изящная простота, нѣтъ ничего искусственнаго, итальянскаго, театральнаго. Она кротко сложила руки надъ раскрытою книгою и съ благоговѣніемъ преклонила колѣни при видѣ Ангела, принесшаго Ей благую вѣсть. Черты лица и его выраженіе—полны безукоризненной непорочной чистоты! Ангелъ съ оливковою вѣтвью только что не произноситъ завѣтныхъ словъ! Лицо его, глаза, движеніе руки—все живетъ, все говоритъ. Не знаю, какой художникъ писалъ этотъ прекрасный образъ; говорятъ,— нашъ даровитый К. П. Брюлловъ [3]).

Въ алтарѣ, въ правомъ придѣлѣ, есть тоже замѣчательная икона «Рождество Спасителя». Свѣтъ отъ Божественнаго Младенца падаетъ прямо на ликъ Божіей Матери и озаряетъ его.

Запрестольный образъ Спасителя, говорятъ, очень дорогой

---

[2]) Высокопреосвященнѣйшій Григорій, Митроп. С.-Петербургскій и Финл., см. 1852 г. 7 мая.

[3]) К. П. Брюлловъ, см. зап. 1852 г. 7 мая.

написанный на стеклѣ, совсѣмъ не производитъ должнаго впечатлѣнія.

Также не нравятся мнѣ мозаичные образа: нѣтъ въ нихъ, по-моему, ни мысли ни красоты, но вблизи есть въ нихъ что-то грубое. Жаль, что не видно образовъ въ куполѣ; за громадностью разстоянія до нихъ, они совершенно недоступны и теряются, а и тамъ есть чудныя произведенія кисти знаменитыхъ современныхъ художниковъ.

Мы осматривали эти образа еще два года тому назадъ и помню, что изъ нихъ особенно обращало на себя вниманіе «исцѣленіе слѣпца». Въ ликѣ Спасителя Божественное спокойствіе! — Слѣпецъ стоитъ предъ Нимъ на колѣнахъ, полный вѣры въ силу Исцѣлителя. Проводникъ слѣпца съ удивленіемъ и благоговѣніемъ смотритъ на совершающееся чудо. Ликъ св. ап. Петра выражаетъ безпредѣльную увѣренность въ силу своего Божественнаго Учителя. — И все это пропадаетъ въ вышинѣ и темнотѣ собора!

Помню, что вернулась я тогда въ восторгѣ отъ всего видѣннаго и передавала съ такимъ жаромъ что одинъ старый генералъ, случайно слушавшій меня, сказалъ: «какъ вы хорошо говорите, Варвара Петровна»! А я, между тѣмъ, разсказывала только то, что видѣла и чувствовала. Стало-быть, какъ хорошо художественное выполненіе, если я вернулась подъ такимъ сильнымъ впечатлѣніемъ!

Кромѣ образовъ и скульптурной работы мнѣ, въ соборѣ ничто особенно не нравится. Съ перваго взгляда великолѣпіе убранства поражаетъ, но потомъ скоро присматриваешься къ нему и ужъ недоумѣваешь, чѣмъ тутъ особенно восхищаться?

Французы всюду внесутъ свой характеръ. Монферранъ [4])

---

[4]) Монферранъ (Рикаръ, род. въ 1786 г. и учился въ Парижѣ). Въ 1816 г. получилъ мѣсто архитектора въ С.-Петербургѣ при Кабинетѣ Его Величества. Кромѣ Исаакіевскаго собора изъ его трудовъ замѣчательны: постройка Александров. колонны (см. зап. 1834 г. 30 авг.) и поднятіе Царь-колокола на болѣе прочный фундаментъ въ 1836 г.

К. П. БРЮЛЛОВЪ.

(См. въ Исаакіевскомъ Соборѣ образъ „Богоматерь“).

чувствовала, увидѣвъ ее, лежавшую на мостовой! Мнѣ показалось, что Нюточка умерла!!.

И теперь безъ ужаса я не могу вспомнить этой минуты. Съ воплемъ бросилась я къ ней, но къ великой радости она тотчасъ встала и направилась пѣшкомъ до дома Лобанова, гдѣ была квартира генер. А. К. Баумгартенъ. Тамъ она сейчасъ же раздѣлась и ей наложили компрессы сначала холодной воды, а потомъ смѣшанной съ арникой. Она не могла пошевелить лѣвою рукою: оказалась вытянута жила. Боль была сильная, колѣно тоже разбито, но, благодарю Бога, кость уцѣлѣла и даже не вывихнута.

Черезъ полтора часа примачиванія Нюта почувствовала облегченіе и захотѣла видѣть, что дѣлается на площади, которая вся была заставлена войсками. Изъ всѣхъ оконъ виднѣлись зрители. Кромѣ того приготовлены были на площади возвышенныя мѣста, гдѣ тоже толпилась избранная публика.

Около одиннадцати часовъ заиграла музыка.—Государь на бѣломъ конѣ, въ сопровожденіи Великихъ Князей и всего генералитета, объѣхалъ войска и со свитою направился навстрѣчу поѣзду, выѣзжавшему изъ Зимняго дворца.

Немного погодя, онъ снова появился, сопровождая золотую карету обѣихъ Императрицъ.

Вдовствующая сидѣла по лѣвую руку, привѣтливо раскланиваясь съ народомъ. Молодой Императрицы мы не видѣли. За этой каретой потянулся цѣлый рядъ другихъ въ такомъ же вкусѣ; но у меня сердце не лежитъ къ этой роскоши, а потому я почти на нее не смотрѣла.

Черезъ западныя двери все Царское Семейство вошло въ соборъ, и началось освященіе храма.

Къ тому времени, какъ церковное освященіе должно было окончиться, раздалась со всѣхъ сторонъ площади тихая, протяжная музыка,—то заиграли гимнъ: «*Коль славенъ нашъ Господь*»...

Торжество освященія Исаакіевскаго Собора.

Съ Адмиралтейской площади красивою лентою потянулось шествіе духовенства въ бѣлыхъ ризахъ, съ хоругвями, съ крестами, съ образомъ Казанской Б. Матери и мощами.

У западныхъ вратъ встрѣтилъ ихъ Митрополитъ, принялъ отъ нихъ мощи изъ Невскаго монастыря, и въ сопровожденіи Государя съ Супругою и всего Царствующаго Дома началось торжественное шествіе вокругъ собора!..

Эта молитвенная музыка, эта бѣлая лента духовенства, безмолвіе сотенъ тысячъ народа, величественный Государь, слѣдующій за Митрополитомъ, — все это торжественное и умилительное зрѣлище растрогало насъ обѣихъ до слезъ...

Я молилась, да пошлетъ Господь мирное царствованіе нашему дорогому Царю Александру Николаевичу и да поможетъ Ему совершить все то, что не успѣли исполнить его Предшественники. Да будутъ «безкровны» и благочестивы торжества Его царствованія...

Соборъ этотъ строили Императоры: Павелъ I, Александръ I, Николай I и наконецъ окончилъ Александръ II.

О, благослови, Боже, царствованіе Его, да возвеличитъ Онъ Россію не завоеваніями, но мудрымъ отеческимъ правленіемъ! Россія ожила при Немъ, проснулась, встрепенулась и, Богъ дастъ, пойдетъ быстро, быстро впередъ!—Ей слѣдуетъ спѣшить...

Нюта, умиленная этимъ торжествомъ, забыла больную руку и въ увлеченіи оперлась на нее всѣмъ тѣломъ, чтобы хорошенько все видѣть.—О ужасъ! Она натрудила ее такъ, что снова не могла пошевелить даже пальцами.

Въ началѣ обѣдни, когда всѣ Высшіе вошли въ храмъ, мы снова занялись лѣченіемъ руки въ продолженіи часа, а потомъ отправились снова къ окну ждать выхода.

Въ эту минуту ракета дала знать поставленной на противоположномъ берегу Невы артиллеріи, что протодіаконъ на молебствіи провозглашаетъ многолѣтіе Царствующему Дому...

Грянули пушки, зазвонили колокола, дымъ покрылъ всю Неву, оба берега и всѣ зданія; виднѣлся только народъ на возвышенныхъ мѣстахъ, да надъ народомъ въ облакахъ дыма несся на сѣверъ *воздушный всадникъ* [7]).

Видишь ли, Петръ Великій, «оттуда», какъ разросся твой городъ?—Какъ похорошѣла и украсилась Нева?

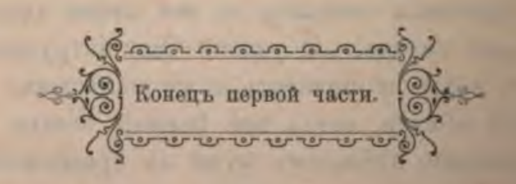
Очарованіе мое было такъ велико, что были минуты, когда мнѣ дѣйствительно казалось, что самъ Петръ мчится по воздуху на своемъ лихомъ конѣ; но разсѣявшійся дымъ, по прекращеніи стрѣльбы, разсѣялъ и обманъ чувствъ моего воображенія.

По окончаніи молебствія весь *Дворъ* отправился въ Зимній дворецъ. Войска пошли тою же дорогою на Дворцовую площадь, гдѣ начался парадъ, а мы, вернувшись, снова стали прикладывать къ рукѣ компрессы и занимались тѣмъ вплоть до обѣда.

Въ семь часовъ вечера послали за каретой, которая свезла насъ домой за полтора рубля серебромъ.—Цѣна баснословная по дороговизнѣ!

Дома продолжалось то же лѣченіе.—Annette кричала при малѣйшемъ поворотѣ руки, и я промучилась душевно всю ночь и слѣдующій день, страшно боясь за послѣдствія.

Благодарю Бога, на третій день ей стало легче. Богъ дастъ и совсѣмъ Нюта вылѣчится.



---

[7]) Памятникъ Императору Петру I-му на Исаакіевской площади.

Алфавитъ именъ собственныхъ

(въ первой части записокъ).

А

Б

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

І

К

Курута Е. И. ст. 53.

ОГЛАВЛЕНIЕ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ.

Годъ.	*Страница.*	*Стр. сверху.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ быть.*
—	3.	22.	и Государь	Государь
1833.	18.	15.	1580 г.	1850 г.
1834.	22.	1.	Помолва	помолвка
—	36.	1.	со смолянками	съ „патріотками"; въ примѣчаніи слѣдуетъ быть—т. е. съ воспитанницами Патріотическаго Института.
—	45.	30.	тоже со 2-мъ шифронъ	вос-цаже со 2-мъ шифромъ
—	47.	прим. 2.	о. Іоаннъ Яковлевичъ	о. Іоаннъ Филипповичъ
1836	66.	2.	Шренбергъ	Шреберъ
—	73.	1.	Письмо	Письма
—	73.	3.	Завтракъ и Великія	Завтракъ. Великія
—	85.	прим. 6.	Кардино	Денисова
—	91.	прим. 1.	иѣнецкаго	нѣмецкаго
—	96.	прим. 2.	Нутта (фр. бук.)	Нута (рус. бук.)
1837.	109.	7.	Ты	ты
1838.	112.	прим. 4.	1864 г.	1874 г.
1839.	114.	1.	тяжолое	тяжелое
—	118.	—	1339 г.	1839 г.
1843.	134.	12—19.	Оставлена орфографія рукописи.	
1847.	171.	6.	но я боясь за лучшее сочла удалитъся	но я боясь, сочла за лучшее удалиться
1848.	176.	7.	кокъ	какъ
1851.	211.	1.	дни и богатство	дни. Богатство
—	212.	прим. 6.	было	была
1854.	261.	12.	побѣжденнымъ!?	побѣжденнымъ [3]).
1854.	274.	23.	Злородство	Злорадство
1854.	297.	27.	Никоноръ	Никаноръ
1854.	306.	3—14.	Оставлена орфографія рукописи	

60/150

Цѣна первой части 1 р. 50 к.

Продается въ книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Саратовѣ и въ Одессѣ.

Въ книжномъ магазинѣ **И. Л. Тузова**: С.-Петербургъ, Садовая улица, Гостиный дворъ, № 45.

Складъ изданія: С.-Петербургъ, Смольный Монастырь, Вдовій Домъ, квартира священника. Здѣсь же можно получить (изъ весьма малаго числа оставшихся экземпляровъ):

1) „Краткія историческія свѣдѣнія объ Екатерининской церкви, что въ Смольномъ Монастырѣ, и объ ея реставраціи въ 1894 году“. Свящ. **К. Зн—аго.**

2) „Голгоѳа“. Изд. 1897 г. **Его-же.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 октября [illegible]

ЗАПИСКИ СТАРОЙ СМОЛЯНКИ

(ИМПЕРАТОРСКАГО В. О. Б. Д.)

В. Т. Б—вой.

1858—1878 г.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Съ 20-ю иллюстраціями).

Жизнь въ Сибири—въ Иркутскѣ.

Примѣчанія и издан.

Свящ. К. Зн—скаго.

...сть I-я Учебнымъ Комитетомъ при Собственной Его Императорскаго Величества ...нцеляріи рекомендована для библіотекъ старшихъ классовъ учебныхъ заведеній Вѣдомства Императрицы Маріи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Спб. акц. общ. Е. Евдокимовъ. Троицкая, 18.
1899.

ЗАПИСКИ
СТАРОЙ СМОЛЯНКИ

(ИМПЕРАТОРСКАГО В. О. Б. Д.)

В. П. Б—вой.

1858—1878 г.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(съ 20-ю иллюстраціями).

Жизнь въ Сибири — въ Иркутскѣ.

Примѣчанія и изданіе

Свящ. К. Зн—скаго.

Часть I-я Учебнымъ Комитетомъ при собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА **Канцеляріи рекомендована** для библіотекъ старшихъ классовъ учебныхъ заведеній вѣдомства ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Спб. акц. общ. Е. Евдокимовъ, Троицкая, 18.
1899.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 іюля 1899 г.

Отъ Издателя.

Появляется вторая часть Записокъ Старой Смолянки почти черезъ годъ по выходѣ въ свѣтъ первой.

Причина запозданія—неувѣренность вообще въ сочувствіи къ массѣ нынѣ печатающихся мемуаровъ и записокъ разнаго рода, а къ запискамъ Смолянки, какъ чисто русскаго и религіозно-нравственнаго содержанія,—въ особенности: были минуты, когда вторая часть обрекалась еще долго, долго не увидѣть свѣта, а потому спѣшно и не подготовлялась къ изданію. Неожиданное же множество благодарностей за первую часть отъ лицъ Высшихъ; благодарности старыхъ Смолянокъ съ ближнихъ и дальнихъ угловъ обширной Россіи, выраженныя даже въ печати [1]); лестная рекомендація Учебнаго Комитета Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи для учебныхъ заведеній Вѣдомства Императрицы Маріи [2]), сочувствіе изданію лицъ даровитыхъ и компетентныхъ въ литературѣ [3]); прекрасные отзывы многихъ не только свѣтскихъ, но и

[1]) См. напр., въ „Гражданинѣ" 10 дек. 1898 г. № 97.

[2]) Отъ 10 іюня 1899 г. за № 10957, 1 экспедиціи Соб. Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи.

[3]) См., напр., „Новое Время"—замѣтка г. Old Gentleman'a (21 октября 1898 г.) и др.

духовныхъ органовъ печати [4]), при всемъ этомъ, быстрая распродажа первой части—ободряютъ насъ надеждою на успѣхъ и второй.

Издана II часть по побужденіямъ, указаннымъ въ предисловіи къ первой [5]), но съ присоединеніемъ усерднѣйшей просьбы помолиться объ упокоеніи души рабы Божіей **Варвары** (Петровны), столь жаждавшей на землѣ вѣчнаго покоя, неоднократно просившей молитвъ за нее друзей и близкихъ при жизни [6]).

Въ случаѣ какихъ нибудь недосмотровъ и погрѣшностей, допущенныхъ при изданіи, покорнѣйше прошу исправить ихъ любовію.

Свящ. К. Знаменскій.

С.-Петербургъ.
Смольный монастырь.
Вдовій Домъ.
1899 г. іюля 21 дня.

[4]) Напр., „Христіанскаго Чтенія“ (журн. при Спб. Дух. Академіи кн за ноябрь 1898 г.) и „Биржевыхъ Вѣдомостей“ (за 28 октября 1898 г.); „Урала“ (за 18 мар. 1899 г.) и „Библіографическаго журнала“ (за ноябрь 1898 г.) и мн. др

[5]) См. зап. стар. смол. ч. I стр. XVI и XVII.

[6]) Напр., см. зап. ч. II 1859 г. 12 марта, 10 апрѣля, 1861 г. 25 сентября. 1864 г. 23 апр., 1870 г. 5 марта и мн. др.

Народы, щадите и любите другъ друга!

(Великій призывъ Русскаго Царя міра къ миру).

12 Августа 1898 г.

Пусть будетъ Сибирь не мѣстомъ ссылки и каторги.

(ВЫСОЧАЙШЕЕ повелѣніе 6-го мая 1899 г.).

„Читайте, юныя сердца,
И поучайтесь отъ старушекъ:
Онѣ тѣ жъ были, что и вы;
Но какъ среди различныхъ испытаній
Остались чисты...

(Изъ письма Святогорца С. 1850 г.).

... Богъ, Царь и вѣра—защита чистотѣ.

Созданіе мысли могучей имѣетъ право на вѣчную юность,
Но подвигъ души благородной имѣетъ право на вѣчную жизнь!

Графъ Адамъ Красинскій.

Иркутскій Институтъ Императора Николая I.

1858 г.

Иркутскій институтъ Императора Николая I.

Представленіе Нуты Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

1858 г. 4 августа. Вчера, сверхъ всякаго ожиданія, отъ г. Гофманъ[1]) получено письмо на имя Нуты, въ которомъ просятъ ее пріѣхать въ Петергофъ для представленія Государынѣ.

Дѣло идетъ о мѣстѣ начальницы въ Иркутскомъ Институтѣ.

Добрѣйшая графиня Ю. Ѳ. Баранова[2]) доложила о же-

[1]) Гофманъ—Андрей Лонг. Статсъ-Секретарь. См. Зап. Стар. Смол. 1 ч., 1856 г. 10 мая, прим. 2.

[2]) Ю. Ѳ. Баранова Статсъ-Дама, дочь начальницы Имп. в. общ. бл. дѣвицъ Ю. Ѳ. Адлербергъ. (См. 1 часть зап. 1858 г. 26 апр. портретъ и примѣч. 2-е).

ланіи и просьбѣ Нуты вдовствующей Императрицѣ, и Ея Величество потребовала Нуточку къ себѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ будетъ двѣнадцать часовъ—время, назначенное для представленія.

Господи, благослови и подкрѣпи сестру!—Она такъ волновалась предъ отъѣздомъ... Господи, внуши ей слова, дай силы говорить съ Великими міра сего, вложи милость въ сердце Царицы!..

Моя бѣдная Нута!..

Сегодняшній день рѣшаетъ нашу дальнѣйшую судьбу—или ѣхать въ Иркутскъ, или оставаться въ Смольномъ...

За все будь благословенна десница Его!

Если въ Смольномъ останемся,—дастъ Всевышній силъ и терпѣнія на продолженіе нашихъ обязанностей; во всемъ да вижу я промыслъ Божій, во всемъ...

Ровно двѣнадцать. — Нута представляется. Пойду молиться.

Въ какомъ положеніи дѣло.—Обида дѣвицамъ.

6 августа. Ничто не рѣшено.

Графиня Баранова приняла Нуту прекрасно, говорила о мѣстѣ, какъ о дѣлѣ совершенно оконченномъ, и велѣла узнать подробности службы въ Иркутскѣ отъ бывшей Иркутской начальницы Липранди.[1]) Но сама Государыня не сказала Нутѣ ничего опредѣленнаго. Правда, *Она* дала поцѣловать руку, посадила Нуту, говорила съ нею около

[1]) Липранди, Екатер. Петровна—начальствовала съ 1854—1858 г. Остатокъ дней своихъ провела на покоѣ въ СПБ. Вдов. Домѣ, гдѣ мирно отошла ко Господу 28 декаб. 1874 г. на 77 году жизни. Погребена. на кладбищѣ Александровской мануфактуры.

часа, показавшагося Нуточкѣ секундой, но отпустила, ничѣмъ не обнадеживъ, хотя вскользь упомянула, что за одну изъ ищущихъ этого мѣста проситъ Муравьевъ [2]), за другую — бывшая начальница Липранди, на третью указываетъ Е. И. В. Вел. Княгиня Елена Павловна, и прощаясь, секунду подумавъ, какъ бы про Себя и въ сторону: *«а Мы»*, произнесла Императрица, *«назначимъ четвертую»* [3])...

Странно, странно и странно. Ходитъ слухъ, что Нуту не назначатъ, потому что она не вдова и не замужняя!...

Я не могу прибрать даже слова для названія подобныхъ сужденій! Одно скажу: пока будутъ разсуждать такъ, врядъ ли дѣло образованія и воспитанія пойдетъ впередъ.

Не все ли равно: кто стоитъ во главѣ заведенія, замужняя, вдова или дѣвица?! Берите ихъ *за внутреннія достоинства*, за умъ, за образованіе, за честность, доброту, за знаніе и любовь къ дѣлу.

Справедливо ли считать *дѣвицъ* какими-то отверженными паріями только потому, что онѣ не вышли замужъ? Правда, во времена ожиданія пришествія Мессіи женщины пользовались гораздо большими преимуществами, чѣмъ дѣвицы, такъ какъ каждая женщина имѣла право надѣяться, что въ ея то потомствѣ и явится Спаситель міра; но теперь, когда такихъ причинъ не существуетъ, *жестоко и смѣшно такъ обижать часто ни въ чемъ неповинную чистоту*. Пора отрѣшиться отъ предвзятыхъ взглядовъ и давно пора давать оцѣнку каждой отдѣльной личности по ея достоинствамъ и недостаткамъ, а не по какимъ-то предразсудкамъ... О, долго, долго еще предубѣжденія эти будутъ царствовать на землѣ! Глубоко пустили они корни!...

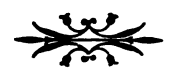
---

[2]) Муравьевъ Н. Н. тогдашній ген.-губерн. Вост. Сибири, въ ближайшемъ вѣдѣніи котораго находился и Иркутскій Институтъ (См. зап. 1858 г. 28 октяб. и портретъ).

[3]) Анна Петровна, вставая и уходя, не могла разслышать по тону голоса Императрицы, что это было: окончательное ли рѣшеніе, колебаніе или вопросъ, въ которомъ скрывался полный отказъ.

Негодую на все это не потому, чтобы домогалась для сестры мѣста начальницы: помирюсь на всемъ, гдѣ опредѣлитъ ей быть Господь, лишь бы у насъ силъ хватило... Да, грустно видѣть, какъ задерживаются успѣхи нравственнаго и религіознаго просвѣщенія такими обидными, жалкими, ничтожными взглядами и предубѣжденіями... Что касается до меня, то мнѣ остаться въ Петербургѣ даже пріятнѣе: тутъ мои друзья, тутъ средоточіе просвѣщенія, тутъ итальянская опера съ чудными голосами Бозіо и Тамберлика [1].

Прости, Господи, мое осужденіе и недовольство!



Тяжелое время.—Портреты воспитанницъ М. Грязевой и Е. Сабуровой.

12 августа. Какое тяжелое для насъ время! До сихъ поръ ничего не знаемъ: отказъ или поступленіе,—быть или не быть? Хоть бы что-нибудь поскорѣе рѣшили, чтобы перестать томиться и чтобы снова приняться за свои обычныя занятія, а то все изъ рукъ валится: думаешь—«а вдругъ ѣхать!?—Ѣхать за 6000 верстъ!...—Уфъ,—страшно!» Между тѣмъ и оставаться здѣсь больше не хочется: со всѣхъ сторонъ поздравленія, весь Смольный трубитъ...

Разсказываютъ, что Нута такъ понравилась Императрицѣ, что ее 4-го августа уже назначили. Бывшей начальницѣ Государыня, показывая на только что выходящую предъ нею изъ комнаты Ея Величества сестру, сказала: *«особа, которая вышла изъ моей комнаты,*

[1] Бозіо (сопрано) и Тамберликъ (теноръ)—артисты въ эпоху расцвѣта въ С.-Петербургѣ итальянской оперы 50-хъ годовъ. Апогеемъ успѣха извѣстной въ Европѣ и Америкѣ Анджелины Бозіо была „Травіата“. Имя Тамберлика постоянно красовалось на афишахъ вмѣстѣ съ Бозіо (1859 г.).

замѣнитъ васъ. Идите къ графинѣ Барановой и дайте ей свѣдѣнія объ институтѣ». А между тѣмъ отъ г. Гофмана до сихъ поръ ни слова; онъ хлопочетъ о какой-то protégée Е. И. В. Вел. Кн. Елены Павловны. И все это такъ неопредѣленно и тревожно... Я даже сна лишилась.

Господи, приди на помощь къ намъ! Пускай поскорѣе хоть что-нибудь рѣшится...

Я пишу, а передо мною стоятъ два портрета милыхъ дѣтей—моихъ воспитанницъ: Маши Грязевой и Кати Сабуровой [1]). Лѣто онѣ провели въ Петербургѣ и часто бывали въ Смольномъ. Я услаждалась и была въ высшей степени счастлива ихъ *привязанностью* и *любовію* ко мнѣ! Значитъ возможно быть счастливой и здѣсь... въ служебномъ холодномъ Петроградѣ... Благослови, Господи, обѣихъ этихъ сестеръ!

У Маши такое счастливое личико, у Кати же на карточкѣ черезчуръ суровое выраженіе, а между тѣмъ обыкновенно она одарена ласкающей улыбкой. Ничего нѣтъ общаго между ея портретомъ и ею, и онъ нисколько не напоминаетъ ея свѣтлаго и ласковаго личика...

Господи,—какъ тяжело...

Прощальный привѣтъ Смольному со станціи Любань.

31 августа. Станція Любань—вагонъ желѣзной дороги. Сегодня простились мы съ Петербургомъ, покинули друзей, воспитанницъ, Смольный, гдѣ провели лучшіе годы дѣтства; дорогой сердцу Смольный, гдѣ вторично, на закатѣ молодо-

[1]) Маша Грязева—М. Павловна (рожд. Сабурова); Екатерина Павловна—ея родная сестра (по мужу Купріянова, нынѣ монахиня),—обѣ восп. Имп. в. об. бл. дѣвицъ выпус. 1854 г. (См. 1864 г. 23 апр. пр. 9).

сти, да и большую часть зрѣлыхъ годовъ прожили для своей пользы, для пользы молодого поколѣнія, гдѣ пережили много, много... свѣтлыхъ минутъ...

Теперь мы все покинули и ѣдемъ въ далекій Иркутскъ...

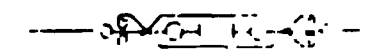
Сестра назначена начальницею 14 августа.

20 августа Императрица Александра Θеодоровна вызвала Нуту въ Петергофъ, чтобъ дать ей *Свое благословеніе*. Вдовствующая Императрица снова приняла Нуту очень милостиво, поздравила съ назначеніемъ и, высказавъ пожеланія, трижды осѣнила Нуту большимъ крестомъ на предстоящій трудный путь. Съ такимъ благословеніемъ и куда угодно ѣхать не страшно!...

Чудная графиня Ю. Θ. Баранова обняла сестру очень нѣжно, и въ Петергофѣ всѣ твердятъ, что она горой стоитъ за насъ обѣихъ. Благослови ее, Боже, а также всѣхъ друзей нашихъ и недруговъ!... Въ послѣднее время мы видимъ такъ много ласки, такъ много привѣта, участія со всѣхъ сторонъ: дѣти плакали навзрыдъ, разставаясь съ нами, дамы, дѣвушки—всѣ выказывали самое искреннее къ намъ участіе.

Благослови, Боже, ихъ всѣхъ, мой милый Смольный, моихъ дѣтей и всѣхъ, искренно и лицемѣрно намъ сочувствующихъ! Благослови, Боже, Петербургъ, гдѣ я видѣла много, много самаго лучшаго въ моей жизни.

Простите, милые друзья, прощайте дѣти!—Богъ знаетъ, когда и гдѣ мы увидимся и увидимся ли на землѣ?...



Замѣтки карандашомъ по дорогѣ въ Иркутскъ. — Желаніе ѣхать въ Сибирь. — Москва. — Отъ Москвы до Перми. — Екатеринбургъ. — Попутчики. — Нищіе. — Ссыльный полякъ. — Городъ Малмыжъ. — Ссыльный князь. — Дороги. — Уральскія горы.

20 сентября. Вотъ забрались мы куда изъ смиренныхъ стѣнъ Смольнаго!

Все случилось, какъ по мановенію волшебнаго жезла.— Пожелали и—сдѣлалось!

Года три тому назадъ, читая описанія сѣверной Россіи, я ознакомилась какъ съ богатствомъ, такъ и съ бѣдностью природы Сѣвера, и не разъ возмущалась безпомощностью и неразвитостью [1]) его жителей. Еще тогда впервые зародилась у меня мысль, въ случаѣ какихъ-либо осложненій или непріятностей, отправиться въ Сибирь, чтобы при помощи Божьей постараться тамъ о распространеніи грамотности, образованія и улучшеніи быта тамошнихъ бѣдныхъ людей. Съ тѣхъ поръ эти мысли все болѣе и болѣе стали занимать меня. Я всячески старалась познакомиться съ краемъ: разспрашивала о немъ, много читала по этому предмету и, по мѣрѣ накопленія свѣдѣній, желаніе мое отправиться туда становилось все тверже и сильнѣе.

Но, какъ разстаться съ Нутой? Иногда я даже подбивала ее, послѣ пятнадцати лѣтъ службы, отправиться вмѣстѣ со мною въ одинъ изъ захолустныхъ городковъ нашего Сѣвера съ тѣмъ, чтобы основать тамъ училище. И чудно Господь приводитъ мечты въ исполненіе!

Въ началѣ 1850-хъ годовъ мы имѣли такъ много непріятностей, что окончательно рѣшили покинуть Смольный. Нута отправилась къ графинѣ Барановой освѣдомиться о мѣстахъ начальницъ въ институтахъ на случай, если бы они освободились—и что же? Какъ я желала, все такъ и случилось.

И вотъ мы вдвоемъ пустились въ дальній, невѣдомый край. Съ нами ѣдетъ одна лишь «Поля», казенная дѣвушка изъ Смольнаго [2]).

---

[1]) Такъ думала Варвара Петровна, читая неправдивыя описанія Сибири, болѣе же близкое ея знакомство съ Сибирью измѣнило этотъ взглядъ: она средній уровень развитія и грамотности Иркутской губ. ставила много выше просвѣщенія центральныхъ губерній Россіи. (См. зап. ч. 1-я 1854 г. 16 авг.).

[2]) „Полинька"—питомица Императорскаго воспит. дома, институтская горничная, очень привязавшаяся къ Варварѣ Петровнѣ и добровольно пожелавшая ѣхать въ Сибирь, гдѣ вышла замужъ.

Грустно было мнѣ разставаться съ Петербургомъ, хотя я сама по временамъ желала покинуть его. Съ именемъ Петербурга связано такъ много воспоминаній: тамъ пережито дурное, но и много, много хорошаго... Охъ, какъ много хорошаго!.. Въ немъ первый и послѣдній разъ я любила... въ немъ мы оставляемъ столько друзей и знакомыхъ!..

Я плакала, какъ дитя, прощаясь съ воспитанницами. прощаясь съ друзьями; многіе изъ нихъ пріѣхали на желѣзную дорогу, чтобы проводить насъ. Войдя въ вагонъ, я долго и горько рыдала, но, къ счастью, пришелъ нашъ знакомый, за нимъ собрались и другіе, заговорили, закаламбурили, и я, незамѣтно для себя, развлеклась и перестала плакать. Славное это дѣло—желѣзная дорога!—Въ 20 часовъ пролетаешь около 600 верстъ! Соберутся въ вагонъ люди со всѣхъ концовъ вселенной, всѣ незнакомые, а разговорятся—запутятъ, смѣются, какъ-будто весь вѣкъ жили вмѣстѣ,—не видишь и времени, и разойдутся снова, чтобы, быть можетъ, никогда въ жизни не встрѣтиться!

Въ Москвѣ насъ ожидалъ братъ [3]); онъ забралъ всѣ наши пожитки и уложивъ на извозчика, перевезъ въ гостинницу «Лабади»,—одну изъ самыхъ лучшихъ, а потому, разумѣется, и самыхъ дорогихъ. Здѣсь прожили мы четыре дня, занимаясь до одурѣнія укладкой и переукладкой вещей въ другіе чемоданы, потому что приготовленная для насъ однимъ изъ нашихъ знакомыхъ карета оказалась непригодною для длиннаго пути и намъ пришлось пріобрѣсти дорожный тарантасъ.

Денегъ вышло у насъ бездна; онѣ льются, какъ вода. Хочу записывать расходы и бросаю, потому что рѣшительно не хватаетъ терпѣнья!

До Перми намъ было не скучно: везли насъ прекрасно.

[3]) Александръ Петровичъ (см. ч. I, стр.: 50. 65. 88. 105, 106. 107. 108. 109. 118. 124. 128. 305. 413).

Народы, щадите и любите другъ друга!

(Великій призывъ Русскаго Царя міра къ миру).

12 Августа 1898 г.

Пусть будетъ Сибирь не мѣстомъ ссылки и каторги.

(ВЫСОЧАЙШЕЕ повелѣніе 6-го мая 1899 г.).

здѣсь принято дорожить, а намъ—женщинамъ это особенно необходимо...

Сидимъ и толкуемъ о предстоящей дорогѣ: ѣхать или ждать «у моря погоды». Извѣстія о дорогѣ получаются самыя неутѣшительныя. Сегодня пріѣхалъ изъ Сибири какой-то офицеръ и разсказалъ, что послѣднюю станцію (около 60 верстъ) онъ ѣхалъ съ 3-хъ часовъ вчерашняго вечера до 2-хъ часовъ сегодняшняго дня, ночевалъ въ открытомъ полѣ и нѣсколько разъ выпрокинулся изъ тарантаса.—Все это далеко неутѣшительно.

Но, Боже мой, какъ пріучаетъ къ терпѣнію всякое безвыходное положеніе! Сидишь и толкуешь и слушаешь чистѣйшій вздоръ. Сейчасъ вышелъ отъ насъ бѣдный почтмейстеръ, ожидающій дороги въ г. Енисейскъ,—предобрый человѣкъ, но безъ малѣйшаго образованія; не только говорить, онъ и сидѣть-то не умѣетъ, а только и твердитъ грубо и повелительно: «слышите, слышите», поднося при этомъ указательный палецъ къ вашему лицу. Ѣдетъ изъ Петербурга съ женою,—какою-то нѣмочкою изъ Гамбурга. Оба въ прежалкомъ положеніи—безъ средствъ, безъ знаній и сами не предвидятъ, какъ доберутся до мѣстъ назначенія.

А, право, стоило бы господъ, завѣдующихъ здѣшними дорогами, порядкомъ припугнуть: берутъ съ мужиковъ деньги на исправленіе дороги и деньги эти преспокойно кладутъ къ себѣ въ карманъ; щебенка, приготовленная для дороги, успѣла порости травою, дорога же все остается непролазною: колеса въ городѣ вязнутъ по ось!

Въ настоящее время въ передней толпятся какіе-то нищіе; гнусавятъ, поютъ непонятныя молитвы и громко читаютъ что-то въ родѣ ектеній, приговаривая: «голубчикъ ты мой сизый, дай Богъ тебѣ здоровья». За это имъ даютъ деньги; вѣроятно, они имѣютъ нѣчто общее съ нашими «богогаями», цыганами и шарманщиками. Мнѣ это очень

„Читайте, юныя сердца,
И поучайтесь отъ старушекъ:
Онѣ тѣ жъ были, что и вы;
Но какъ среди различныхъ испытаній
Остались чисты...

(Изъ письма Святогорца С. 1850 г.).

... Богъ, Царь и вѣра—защита чистотѣ.

Созданіе мысли могучей имѣетъ право на вѣчную юность,
Но подвигъ души благородной имѣетъ право на вѣчную жизнь!

Графъ Адамъ Красинскій.

И я здѣсь былъ
И напивался,
Всегда канальей былъ,
И все канальею остался!

Страшный цинизмъ!..

Въ Перми же къ намъ явился ссыльный полякъ, лѣтъ 30-ти, недуренъ собою и просилъ дать что-нибудь для семейства. Шесть лѣтъ содержался онъ въ Каменецъ-Подольскомъ острогѣ будто бы за то, что у него нашли на пять рублей фальшивой монеты, которую, по его словамъ, ему «далъ на рынкѣ какой-то еврей!» Теперь его освободили отъ заточенія, но онъ лишенъ дворянства и приписанъ къ пермскому мѣщанству съ водвореніемъ на жительство въ Перми. Дали бѣднягѣ паспортъ съ красною печатью и надписали, что онъ содержался въ острогѣ за найденную у него монету. Его никто не беретъ въ услуженіе; ходитъ онъ по-міру и живетъ милостынею. Видъ его униженный, тоскливый, несчастный настолько, что навелъ тоску и на меня...

Боже мой! сколько страданій на землѣ!..

Пришлось намъ встрѣтиться и говорить еще съ другимъ ссыльнымъ. На рубежѣ Казанской и Вятской губерній есть бѣдный городокъ Малмыжъ [6]). Въѣхали въ него мы вечеромъ; темно, грязно, станція тоже одна изъ самыхъ жалкихъ: ни двери, ни окна не запираются. Въ передней какіе-то отрепанные и въ грязи люди играли въ карты; самоваръ подалъ намъ татаринъ; не было видно ни одной женской фигуры. Тутъ же, къ довершенію картины, явился какой-то приземистый, съ недурными манерами, господинъ, по лицу котораго было видно, что оно испытало все на свѣтѣ; онъ, обратясь къ намъ, сказалъ: «я ссыльный, сдѣ-

[6]) Уѣздн. гор. Вятской губ., въ 138 верстахъ отъ губернскаго.

ыйте одолженіе, помогите чѣмъ-нибудь».—Сестра заговорила съ нимъ, но я, напуганная предварительно всею подозрительною обстановкою, забилась въ другую комнату и со страхомъ слушала ихъ разговоръ, въ которомъ, впрочемъ, е нашла ничего страшнаго.

На вопросъ, кто онъ, ссыльный развязно отвѣтилъ, какъ ытверженный урокъ: «князь Енг—въ, сосланный за обольщеніе оперной пѣвицы Степановой [7], какъ сказано въ моихъ умагахъ, и уже 18 лѣтъ нахожусь въ Вятской губерніи езъ службы и безъ всякаго занятія, подъ надзоромъ полиціи; каждую недѣлю два раза пріѣзжаетъ городничій разузнавать, что я дѣлаю. Прежде говорилъ я по-французски, по-нѣмецки, по-англійски, но теперь все забылъ». ъ доказательство полученнаго образованія онъ пытался аговорить на французскомъ языкѣ, но то были дикіе звуки, ь которыхъ не было почти ничего французскаго.

— За что же вы наказаны такъ строго? — спросила я, заинтересовавшись его разговоромъ съ сестрою.

— Тутъ болѣе меня виновны Дуп.... и еще одно значительное лицо, потому меня безъ суда отправили въ ятку подъ строгій надзоръ съ запрещеніемъ принимать уда-нибудь на службу. Шестнадцать лѣтъ назадъ я енился; у меня теперь сынъ 13-ти лѣтъ, учится въ ятской гимназіи, дочь 12-ти лѣтъ и еще двое маленьихъ дѣтей; живу въ домѣ напротивъ этой станціи и молю омощи проѣзжающихъ. Иногда кое-что пописываю. Салыковъ, [8]) издававшій «Губернскіе очерки», много заимствовалъ изъ моихъ сообщеній. «Фейеръ»—весь мой, мнѣ бѣщались заплатить за него, но обманули.—Въ такомъ одѣ онъ проговорилъ съ $^3/_4$ часа о разныхъ предметахъ и

---

[7]) Вѣрнѣе, не за похищеніе-ли драгоцѣнностей у арт. Имп. театр. Степановой (пѣвицы)? (См. судеб. хр. за 1840 годъ).

[8]) Салтыковъ (Щедринъ), Михаилъ Евграф. († апр. 1889 г.),—женатъ ылъ на дочери смолянки Юшковой вып. 1836 г., подруги Варвары Петровны.

когда договорился до слезъ, то, получивъ желаемое, поклонился и исчезъ.

Мы принялись за чай, за это великое утѣшеніе страждущихъ въ дорогахъ, и вскорѣ всѣ улеглись, но я долго не могла заснуть. Луна свѣтила въ окна, и блѣдные ея лучи освѣщали убогій городокъ... Сердце мое ныло,—мнѣ было грустно...

Когда-то, можетъ быть, блестящій, а теперь доведенный до жалкаго состоянія, князь Енг—въ не выходилъ у меня изъ головы... Нѣтъ исхода ему бѣднягѣ, никто не замолвитъ о немъ сильнымъ; почему ни одинъ милостивый манифестъ не смягчилъ его участи?... Самъ-же онъ жаждетъ свободы. А что ждетъ его въ будущемъ?... Можетъ быть, смерть въ Малмыжѣ въ отрадной надеждѣ и ожиданіяхъ послужитъ ему развязкою, а, вѣрнѣе, онъ такъ огрубѣетъ, такъ низко падетъ, что «очутившись въ Питерѣ», будетъ тосковать о дикомъ Малмыжѣ.

Какая жалкая должна быть жизнь въ этомъ городишкѣ, а этому несчастному ссыльному князю — въ особенности!..

По Вятской губерніи ѣхали мы хорошо: дороги мощеныя, нигдѣ ни ямъ, ни вырѣзовъ. Но лѣса, непроходимые, дремучіе лѣса тянутся по обѣимъ сторонамъ дороги на необъятномъ пространствѣ и грустно настраиваютъ путниковъ. Напрасно взоръ ищетъ поля, пашни — ничего подобнаго, кромѣ сплошного, насупленнаго, дремучаго лѣса. Погребальныя ели, громадныя сосны такъ и лѣзутъ на дорогу, а изъ чащи лѣсной, особенно ночью, мерещатся кистень да ружья бродяжекъ, и часто приходятъ мнѣ на память стихи Пушкина:

«Въ товарищи мы взяли
Булатный ножъ да темну ночь»... [1])

---

[1]) „Братья-разбойники".

часа, показавшагося Нуточкѣ секундой, но отпустила, ничѣмъ не обнадеживъ, хотя вскользъ упомянула, что за одну изъ ищущихъ этого мѣста проситъ Муравьевъ [2]), за другую — бывшая начальница Липранди, на третью указываетъ Е. И. В. Вел. Княгиня Елена Павловна, и прощаясь, секунду подумавъ, какъ бы про Себя и въ сторону: *«а Мы»*, произнесла Императрица, *«назначимъ четвертую»* [3])...

Странно, странно и странно. Ходитъ слухъ, что Нуту не назначатъ, потому что она не вдова и не замужняя!...

Я не могу прибрать даже слова для названія подобныхъ сужденій! Одно скажу: пока будутъ разсуждать такъ, врядъ ли дѣло образованія и воспитанія пойдетъ впередъ.

Не все ли равно: кто стоитъ во главѣ заведенія, замужняя, вдова или дѣвица?! Берите ихъ *за внутреннія достоинства*, за умъ, за образованіе, за честность, доброту, за знаніе и любовь къ дѣлу.

Справедливо ли считать *дѣвицъ* какими-то отверженными паріями только потому, что онѣ не вышли замужъ? Правда, во времена ожиданія пришествія Мессіи женщины пользовались гораздо большими преимуществами, чѣмъ дѣвицы, такъ какъ каждая женщина имѣла право надѣяться, что въ ея то потомствѣ и явится Спаситель міра; но теперь, когда такихъ причинъ не существуетъ, *жестоко и смѣшно такъ обижать часто ни въ чемъ неповинную чистоту*. Пора отрѣшиться отъ предвзятыхъ взглядовъ и давно пора давать оцѣнку каждой отдѣльной личности по ея достоинствамъ и недостаткамъ, а не по какимъ-то предразсудкамъ... О, долго, долго еще предубѣжденія эти будутъ царствовать на землѣ! Глубоко пустили они корни!...

---

[2]) Муравьевъ Н. Н. тогдашній ген.-губерн. Вост. Сибири, въ ближайшемъ вѣдѣніи котораго находился и Иркутскій Институтъ (См. зап. 1858 г. 28 октяб. и портретъ).

[3]) Анна Петровна, вставая и уходя, не могла разслышать по тону голоса Императрицы, что это было: окончательное ли рѣшеніе, колебаніе или вопросъ, въ которомъ скрывался полный отказъ.

Тугулымская станція.—Первое впечатлѣніе отъ Сибирскихъ дорогъ.

26 Сентября. Вотъ мы и въ Сибири! Семнадцать верстъ уже проѣхали страною и дорогою съ «сибирскими ухабами»...

Господи, чего мы не натерпѣлись за это время! Неужели и до Иркутска будетъ такъ!?..

Везли насъ въ 13 лошадей и шагомъ! Ежеминутно мы ждали, что опрокинемся съ полною поломкою тарантаса. Его трясло, подбрасывало, валило съ бока на бокъ, сбрасывало въ ямы полныя воды, поддавало по кочкамъ и онъ издавалъ самые жалкіе стоны. Страшно и вспомнить эту дорогу! Какой дикій край, въ какомъ еще младенчествѣ эта дальняя Россія: дорогъ не исправляютъ, жители этихъ мѣстъ купаются въ грязи, какъ животныя: правосудіе отсутствуетъ въ этихъ уголкахъ. Земскіе только собираютъ да вымогаютъ дань для поправки дорогъ, но этимъ все и кончается... Или созовутъ сотни крестьянъ и скажутъ: «ну, ребята, дайте столько-то съ человѣка, я сейчасъ васъ распущу», а дороги остаются въ прежнемъ видѣ въ муку проѣзжающимъ и мѣстнымъ жителямъ. Больно до боковъ и спины даже дотронуться,—всю разломило. Такое отношеніе сибирскихъ властей—прямо непростительно.

Господи, помоги намъ доѣхать благополучно!..

Первая остановка въ „Сибирскомъ" городѣ.

27 Сентября. Тюмень. Грязно, грязно и грязно!—По улицамъ ходятъ коровы, лошади, свиньи; ѣздятъ преимущественно однѣ бабы, при томъ и верхами, какъ мужчины; ходятъ

[1]) Въ 54-хъ верстахъ отъ уѣзднаго г. Тюмени.

въ ободранной одеждѣ мужики; хлѣбъ плохой, пища тоже, помѣщеній хорошихъ нѣтъ, станція отвратительна, словомъ — все нехорошо.

Неужели вся Сибирь такъ-же дурна?.. Грязь смѣшана со снѣгомъ, солнце закуталось въ снѣжныя облака; дорога лежитъ по необозримымъ равнинамъ, лѣса не видно нигдѣ... Ѣдешь и все просишь: милое солнышко, выглянь, согрѣй насъ и просуши нашу тяжелую, грязную дорогу, развесели мрачную картину, освѣти ее своими ясными лучами; полно спать, загляни сюда и потѣшь бѣдныхъ, угрюмыхъ здѣшнихъ людей!

Часто во время опасности мы прибѣгали къ помощи Божьей и молились: «Боже, милостивъ буди намъ грѣшнымъ!..» Ѣдемъ, не зная, что насъ ожидаетъ впереди, гдѣ мы остановимся и гдѣ будемъ ждать зимняго, лучшаго пути... Да, отъ Перми до Иркутска путь не изъ легкихъ и особенно въ такое время!..

Иртышъ.—Ссыльные.

30 сентября. Сегодня при восходѣ солнца переправились черезъ поэтическій Иртышъ.

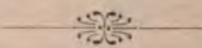
Что за чудная рѣка! Широкая, быстрая, въ крутыхъ берегахъ — прелесть!.. прелесть!.. Но берега пустынны, дики и кое-гдѣ тянутся грязныя, приземистыя избушки русскихъ поселенцевъ. Мнѣ тутъ припомнились когда-то давно, еще въ Саратовѣ, пѣтые мною стихи:

«Шуми Иртышъ, струитесь воды!»

Они сложены были какимъ-то несчастнымъ изгнанникомъ, влачившимъ жалкую жизнь на этихъ берегахъ. Въ молодости

Раздаешься ты, пѣсня удалая, не отъ одного лишь края рѣки до другого: слышатъ тебя отъ Невы до Амура [1]).

— О, какъ далеко, далеко раскинулось ты, царство Россійское! Да, велика, хороша и богата земля твоя, но какъ въ ней еще все дремлетъ: при такихъ громадныхъ богатствахъ природы все необходимое здѣсь для жизни ужасно дорого. Теперь здѣсь царствуетъ «золотая горячка»: купцы разрабатываютъ золотые пріиски и всѣ мужики-землепашцы бросаютъ свои поля, чтобы работать на пріискахъ, соблазняясь большими задатками, которые частью пропиваются на мѣстѣ полученія, частью, въ видѣ штрафа, остаются въ карманахъ тѣхъ же хозяевъ... А жизненные, необходимые припасы все дороже и дороже, а мужикъ все бѣднѣе и бѣднѣе...



Станція Кирзакъ.—„Сибирская" дорога.—Переправа черезъ Енисей.—Дорога по Енисейской губерніи.—Почтальоны.— О Лппиныхъ.

21 октября. 9 часовъ вечера. Все спитъ кругомъ; однѣ лишь звѣзды ярко горятъ на небѣ и озаряютъ своимъ свѣтомъ этотъ убогій, дикій, унылый, пустынный и кажется всѣмъ міромъ забытый поселокъ.

Долог̀ъ путь нашъ и полонъ всякихъ затрудненій и опасностей. Бурныя рѣки, крутые подъемы, горные спуски и дремучіе лѣса—вотъ чрезъ что приходится слѣдовать намъ. Грязь, кочки, выбоины, ямы, косогоры—на каждомъ шагу. Холодъ, дождь, слякоть—наши почти постоянные спутники. Все мы переиспытали и все перенесли; а сегодня, къ довершенію благополучія, встрѣтили двухъ волковъ, которыхъ, по слухамъ, здѣсь множество.

Страшно въ Сибири...

А сколько тутъ бѣглыхъ каторжниковъ! Но мѣстные жи-

[1]) „Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ".

тели обходятся съ ними очень милостиво и даже выставляютъ на ночь пищу на заваленкахъ, чтобъ утолить голодъ *несчастненькаго* (какъ они называютъ бѣглаго) и «не погубить души человѣческой».—Сколько милосердія и незлобія въ сердцѣ русскаго!..

Одно упованіе на Господа подкрѣпляетъ насъ среди здѣшнихъ опасностей. Я твердо вѣрую въ Его святую помощь и защиту. Ужъ сколько разъ мы могли свернуть себѣ голову, начиная съ Нижнеудинскихъ горъ, на которыя мы взбирались по головокружительнымъ косогорамъ, по краю страшныхъ овраговъ! «Хранитъ Господь всѣ кости вѣрующихъ, и не едина изъ нихъ не сокрушится!» [1]).

Безпокоитъ меня только Нута. Эта долгая и трудная поѣздка ее въ конецъ измучила. Она теряетъ всякое терпѣніе; да кромѣ того, страшно боится въ лѣтнемъ экипажѣ подъемовъ и спусковъ по снѣжной, скользкой дорогѣ. Я страдаю за нее, а потому хотѣлось бы скорѣе добраться до Иркутска; но больше шестидесяти верстъ въ день проѣхать немыслимо: рано темнѣетъ, поздно разсвѣтаетъ, ночью же ѣхать слишкомъ рискованно, особенно гористыми мѣстами. Вотъ почему, хоть и близокъ Иркутскъ—всего въ 400 верстахъ, а еще долго намъ до него не доѣхать... Съ Красноярска намъ особенно тяжело.

Ужасная была переправа чрезъ Енисей. Подъѣзжая къ нему, видимъ оба берега покрытыми льдомъ, а средина рѣки чиста [2]). Казенный паромъ отказался перевозить насъ, потому что нельзя пристать къ берегамъ. Взяли вольный — безъ перилъ; на немъ нѣтъ ни распорядителей, ни старшины, ни крѣпкихъ веревокъ. Перевозчики пьяны, а почтальонъ, нашъ провожатый, ничего не смыслитъ; шумъ, брань, неурядица. Погода адская: сильный вѣтеръ и холодъ; ледъ напираетъ со всѣхъ сторонъ. Часа полтора мы мучились, пока не добрались до

---

[1]) Псал. 33, 21.

[2]) По мѣстному выраженію это „забереги“.

плотнаго льда, по которому поѣхали въ тарантасѣ. Тутъ новое препятствіе: берега такъ отвѣсны и круты, что образуютъ настоящую стѣну, только въ одномъ мѣстѣ можно было кое-какъ вскарабкаться на гору. Разумѣется, это путешествіе по крутизнамъ и переправа то на паромѣ, то на колесахъ, отняли у насъ не мало времени и въ конецъ измучили насъ, бѣдныхъ путешественницъ.

Зато мы почувствовали себя на верху блаженства, когда покатили по ровной, прекрасной дорогѣ, которою славится вся Енисейская губернія, благодаря заботамъ исправника Зыбина. Катили-бъ мы еще скорѣе, если бы не нашъ провожатый, мертвецки пьяный почтальонъ, котораго пришлось привязывать къ козламъ, чтобы онъ не вывалился изъ экипажа. На одной станціи, гдѣ мы немного заснули, онъ продержалъ насъ лишнихъ полсутокъ, загулявши на славу. Съ такимъ-то охранителемъ приходится ѣхать, и если бъ не купцы, слѣдовавшіе позади насъ, могло бъ случиться много непріятнаго: вещи, деньги, все цѣнное находится въ чемоданахъ, а что мы можемъ сдѣлать, если ямщику вздумается обокрасть насъ? На остановкахъ, если провожатый не слѣдитъ за экипажемъ и вещами, одной дѣвушкѣ трудно справиться съ нападающими на наши пожитки воришками, а въ этихъ глухихъ мѣстахъ только и жди этого. Конечно, стоило бы обратиться съ просьбою въ уѣздную почтовую контору, и намъ тотчасъ бы перемѣнили провожатаго; но жаль губить человѣка [3]) и лучше молча переносить эти путевыя невзгоды... Да и намъ ли отчаиваться въ защитѣ Господа... А какіе славные почтальоны попадались намъ раньше!.. Особенно отличался между ними Калашниковъ своими дѣльными распоряженіями, умомъ, трезвостью, а также необыкновенной вѣжливостью. Онъ стоялъ выше многихъ образованныхъ людей, которыхъ принимаютъ въ барскихъ гостиныхъ, сажаютъ рядомъ съ собою и назы-

[3]) Каждому почтальону за его сопутствіе Анною Петровною выдавался аттестатъ.

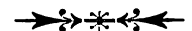
ваютъ «порядочными», лишь въ силу ихъ происхожденія. Ему даже было какъ-то неловко выдавать деньги на обѣдъ. Съ послѣднимъ же нашимъ охранителемъ мы разстанемся съ большою радостію; дай только, Господи, окончить поскорѣе наше путешествіе и благополучно добраться до мѣста назначенія...

Что-то мы встрѣтимъ въ невѣдомомъ краю среди чуждыхъ намъ людей—вотъ мысль, завладѣвшая нами всецѣло... Ужъ тамъ не встрѣтить нашей милочки, Юліи Ивановны [4])...

Господи, благослови эту чудную женщину! Здѣсь, въ этихъ непривѣтливыхъ, пустынныхъ, необозримыхъ степяхъ и непроходимыхъ лѣсахъ съ какимъ благоговѣйнымъ чувствомъ вспоминается привѣтливое личико, ласковая рѣчь и радушный пріемъ нашей лучшей подруги! Вспоминаю, и молюсь, и призываю благословеніе Божіе на весь ея домъ! Какъ тяжела намъ разлука съ этимъ милымъ душевнымъ семействомъ!.. Милочка моя, что то ты дѣлаешь теперь?..

Пора и прилечь хоть на нѣсколько часовъ: завтра, далеко засвѣтло, надо встать, напиться чаю и снова взбираться на крутую гору. Не дай только, Господи, мороза, да еще снѣга,--тогда рѣшительно нельзя будетъ ѣхать на колесахъ.

Гдѣ-то теперь снова согрѣемся?.. И доѣдемъ ли когда-нибудь до Иркутска?



Прибытіе въ Иркутскъ.—У мощей св. Иннокентія Иркутскаго.

25 октября. Вотъ и донесъ насъ Господь до Иркутска далекаго!

Сегодня, въ 8 часовъ утра, переправились мы черезъ

---

[4]) Ю. И. Липина, см. зап. ч. 1-я 1852 г. 14 сент., 1854 г. 16 авг. и 1855 г. 1 іюля.

быструю рѣку Ангару [1] на вновь изобрѣтенномъ паромѣ Липгарда [2]). Глубокій снѣгъ, горы, волки, бѣглые каторжники — все осталось въ прошломъ, и никто и ничто не нанесло намъ вреда. Помощь Божія помогла совершить такое длинное путешествіе—проѣхать 6,000 верстъ невредимо, и вотъ я уже пишу эти строки въ комнатѣ г-жи Иркутской начальницы, т. е. сестры, которой уже былъ представленъ сегодня личный составъ института.

Выѣхали мы съ послѣдней станціи сегодня въ 5 часовъ утра. Черезъ полчаса загорѣлась на Востокѣ узенькая полоска и все ярче и шире раздвигалась она, освѣщая намъ путь на Иркутскъ. Молча мы ѣхали, и въ сердцѣ обѣихъ насъ теплилась горячая молитва: да просвѣтлѣетъ этотъ край свѣтомъ божественнаго ученія! Да поможетъ Господь сестрѣ образовать изъ воспитанницъ своихъ добрыхъ христіанокъ, которыя послужили бы разсадникомъ нравственнаго и умственнаго просвѣщенія этой далекой и необозримой русской окраины!

Здѣшній институтъ малочисленъ: всего 75 воспитанницъ. Всѣ онѣ размѣстились въ комнатахъ начальницы во время благодарственнаго молебна за наше благополучное прибытіе. Читалъ батюшка Евангеліе: «*просите и дастся вамъ*» [3])... Дай, Господи, потрудиться съ успѣхомъ на новомъ поприщѣ воспитанія во славу Твою!..

Не доѣзжая пяти верстъ до Иркутска, находится мужской монастырь, гдѣ покоятся мощи святителя Иркутскаго Иннокентія [4]). Мы съ Нуточкой прежде всего тамъ отслу-

---

[1]) Беретъ начало изъ о. Байкала и впадаетъ въ Енисей. Быстрая и грозная разливами рѣка (см. 31 дек. 1869 г.). У нея два притока--Иркуть и Ушаковка.

[2]) Что извѣстенъ подъ именемъ „самолетъ"—плашкоутъ на канатахъ.

[3]) Ев. Матѳ. 7-я глав. и стихъ 7-й (зач. 20).

[4]) Святитель Иннокентій—первый Иркут. епископъ (въ мірѣ Кульчитскій). Въ 1718 г. кончилъ Московск. Академію. Въ 1721 г. посланъ епи-

жили молебенъ и, помолившись усердно втроемъ, приложились къ св. мощамъ и осмотрѣли старинную церковь, гдѣ служилъ святитель; видѣли его келію съ часовнею, гдѣ онъ молился, и пещеру преподобнаго Герасима, строителя этого монастыря.

Въ кельѣ, или лучше сказать въ часовнѣ Иннокентія меня поразила прекрасная живопись образовъ. Какъ попали они въ XVIII вѣкѣ въ Иркутскъ? Развѣ изъ «несчастныхъ» [5]) кто-нибудь завезъ ихъ сюда или писалъ, удалившись отъ міра? Образъ Воскресенія Іисуса Христа выполненъ восхитительно: живопись удивительно тонкая, а главное съ благоговѣніемъ вырисовано пречистое тѣло Спасителя: что-то въ немъ есть неземное.

Теперь Нута у Преосвященнаго Евсевія, Епископа Иркутскаго [6]), а я устала, не поѣхала къ нему, притомъ же пусть сначала познакомится съ нимъ Нута, а я потомъ, лучше поѣду ко всенощной поблагодарить еще Господа за наше благополучное прибытіе.

скопомъ въ Китай и съ того же года указомъ Императрицы Екатерины І-й оставленъ епископомъ Иркутскимъ. Преставился въ 1731 г. 26 ноября въ Вознесенскомъ мужскомъ монастырѣ на р. Ангарѣ. Св. Тѣло его обрѣтено въ 1766 году. Прославлено нетлѣніемъ и свыше ста бывшими отъ него чудесами въ 1804 году. (Истор. Россійской іерархіи час. 1-я гл. 11 стр. 201 и житіе святителя). Объ Иркутск. Вознесенскомъ монастырѣ, о его строителѣ, старцѣ Герасимѣ—см. исторія Россійск. іерарх. Архим. Амвросія ч. III-я стр. 578.

[5]) Т. е. ссыльныхъ.

[6]) Евсевій (Евфимій Поликарп. Орлинскій) еп. Иркутскій (р. 1808 † 83 г.) Духовный писатель и сердечный человѣкъ: его „утѣшеніе въ скорби и болѣзни“ (1879 г.) выдержало четыре изданія. Прекрасны „бесѣды о христіанской свободѣ къ получившимъ свободу отъ крѣпостной зависимости“ (изд. 1864 — 5 гг.) и многіе друг. труды. Былъ ректор. Москов. и Петерб. Академій, еп. Самарскимъ, архіеп. Иркутскимъ, Могилевскимъ и чл. св. Синода.

Первыя впечатлѣнія на новомъ мѣстѣ.

26 октября. Слава Богу! наконецъ-то я уснула покойно въ чистой комнатѣ, на чистомъ бѣльѣ и постели. Сегодня проснулась въ 7 часовъ и солнышко, прямо ударило мнѣ въ глаза, какъ бывало въ Смольномъ. Только нѣтъ Невы, моей поэтической Невы, отъ которой не хотѣлось временами глазъ отвести [1]).

Здѣсь передъ окнами тощія, захудалыя деревца въ загородкѣ и носятъ великолѣпное имя «сада». Улица какъ-то такъ странно проложена, что нужно изъ зданія Института смотрѣть вверхъ на проходящихъ [2]). Ну, да это все равно, лишь бы жилось здѣсь хорошо.

Мнѣ здѣсь что-то неловко чувствуется безъ должности. Проживъ 12 лѣтъ въ постоянномъ трудѣ, хлопотахъ и заботахъ о дѣтяхъ, мнѣ недостаетъ чего-то, какъ-будто я напрасно живу на свѣтѣ и даромъ тягощу землю. Отдохну немного послѣ тяжелаго и долгаго пути, уберусь, присмотрюсь, а тамъ, съ Божіею помощью, возьму какой-нибудь трудъ. Такъ жить невозможно. . . . .

. . . .

. . . .

Господи, благослови насъ обѣихъ!

Представленіе служащихъ въ институтѣ.—Петрашевскій.

27 октября. Вчера все еще продолжалось представленіе служащихъ въ институтѣ дамъ и мужчинъ.

[1]) См. зап. час. 1-я стран. 168. 169. 175. 180. 182. 184. 186. 192, 201. 379 и рисунокъ стр. 380—381.

[2]) У стараго зданія института была дамба очень капризной рѣки Ушаковки, и по пригорку вверхъ шла дорога. (См. 1859 г. 6 сентября. институтскій садъ).

Между посѣтителями явился и извѣстный Петрашевскій [1]), бывшій во главѣ заговорщиковъ въ 1849 году.

Грустное впечатлѣніе произвелъ онъ на меня. Мы его знали еще, когда онъ учился, въ его молодости, свободнымъ, веселымъ, беззаботнымъ; видѣли также за нѣсколько дней до ареста, когда онъ былъ тоже веселъ, подготовляясь къ исполненію безумнаго замысла, а теперь встрѣтили въ Иркутскѣ изгнанникомъ, лишеннымъ всѣхъ правъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ въ Нерчинскомъ заводѣ. Онъ обрюзгъ ужасно: длинная черная борода, почти лысая голова, не полонъ, но что называется «trapu», все это придаетъ ему какой-то странный видъ. Въ молодости онъ былъ очень недуренъ, но теперь у него сдѣлалось какое-то простое лицо. Что значитъ несчастіе!..

Въ Петербургѣ намъ совѣтовали не принимать его; но какъ отказать человѣку, который ужъ десять лѣтъ страдаетъ за задуманное преступленіе. Онъ виноватъ — словъ нѣтъ, виноватъ страшно; но Господь прощаетъ грѣшниковъ, и нынѣшній добрѣйшій *Государь* [2]) позволилъ ему жить на свободѣ въ Иркутскѣ, а стало быть разрѣшено ему являться и въ обществѣ [3]). Какъ же отказать человѣку въ такомъ положеніи...

Когда доложили о немъ, Нута, напуганная въ Петербургѣ, сильно колебалась принять-ли его, или отказать, и лишь узнавши, что онъ принятъ здѣшнимъ губернаторомъ, и выслушавъ мое горячее поученіе о милосердіи къ заблудшему, приказала «просить».

---

[1]) Петрашевскій М. В. (см. зап. ч. 1-ая стр. 183). воспитанникъ лицея выпуска 40-хъ годовъ, служилъ по министерству иностранныхъ дѣлъ. За свое дерзкое и безумное увлеченіе въ 1849 г. сосланъ въ Сибирь. (См. Историческ. Вѣстн. за 1898 г. январь и февраль).

[2]) Имп. Александръ Николаевичъ (см. зап. ч. 1-я 1856 г. 30 октября).

[3]) Многіе въ Иркутскѣ его не принимали за несдержанность, дурныя манеры и озлобленную горячность при малѣйшемъ ему противорѣчіи.

Непріятное впечатлѣніе произвелъ онъ на меня: говорилъ о городскихъ сплетняхъ, о томъ, кого нужно здѣсь бояться и проч. и проч. тому подобное. Тонъ его рѣчи былъ тяжелый, самоувѣренный и озлобленный... Одно лишь мнѣ понравилось въ Петрашевскомъ: какъ только вошелъ онъ, первыми его словами были самые тщательные разспросы о матери, о сестрахъ; изъ нашихъ сообщеній о нихъ, казалось, онъ не проронилъ ни слова...

Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій.—Подарокъ Петрашевскаго.—Саратовская дама.—Вниманіе къ Нутѣ графа.

28 октября. Сегодня видѣли знаменитаго Николая Николаевича Муравьева, графа Амурскаго [1])—le comte d'amour'. Онъ очень милъ въ обществѣ; держитъ себя просто, безъ чванства, безъ пошлаго покровительственнаго вида; говоритъ обо всемъ и охотнѣе всего о созданномъ имъ Амурскомъ краѣ.

[1]) Графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій—знамен. русскій государств. дѣятель. Род. 11 Авг. 1809 г., воспит. Пажескаго Е. И. В. корпуса,—выпущ. въ Финлян. полкъ. Участв. въ Тур. камп. 1828 г., противъ поляковъ въ 1831 г. и противъ горцевъ. Чиновн. особ. порученій при ген. Головинѣ. Съ 1840—44 г. начальникъ части черноморской береговой линіи. Съ 1846 г. и. д. военнаго губернатора г. Тулы и Тульскаго гражд. губернатора. Особенно извѣстенъ тѣмъ, что въ числѣ первыхъ изъ губернаторовъ поднималъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, за что получилъ репутацію „либерала и демократа". Въ 1847 г. былъ назначенъ ген.-губернаторомъ Восточной Сибири—съ огромными полномочіями. Особенно прославился чрезъ возвращеніе Россіи земель по рѣкѣ Амуру, уступленныхъ Китаю въ 1689 г.—за что получилъ титулъ „Графа Амурскаго". Далѣе Н. Н. пытается заселить пустынныя мѣста по рѣкѣ Амуру,—но неудачно. Въ 1861 г. Муравьевъ принужденъ былъ оставить должность ген.-губ., главнымъ образомъ вслѣдствіе непринятія его проекта о раздѣленіи Восточной Сибири на

Генер.-Губернаторъ Восточн. Сибири, Графъ

Николай Николаевичъ МУРАВЬЕВЪ - АМУРСКІЙ.

Дѣйствительно,—честь ему и слава, что *безъ пролитія крови* завладѣлъ онъ мирно прекрасною страною, гдѣ

«На горахъ роскошно зрѣетъ
Янтарный виноградъ,
Златой лимонъ на солнцѣ рдѣетъ». [2])

На Амурѣ климатъ теплый, здоровый; есть цѣлебные ключи, сообщеніе съ Иркутскомъ скорое,—посредствомъ пароходовъ. Дай Богъ Муравьеву подолѣе жить и не уставать такъ же трудиться для блага нашего Отечества!

Сію минуту принесли отъ Петрашевскаго мнѣ цвѣты.— Приняла и велѣла благодарить.—Рѣшительно не знаю, какъ поступить по-другому?.. Отказать и не принять двухъ горшковъ цвѣтовъ—невозможно. Пусть здѣсь говорятъ, что хотятъ, но обидѣть человѣка въ его несчастіи невозможно,— слишкомъ жестоко...

Сейчасъ приходила къ намъ одна изъ многочисленныхъ здѣшнихъ непріятныхъ дамъ—зачѣмъ?—Я не знаю;—говоритъ, что напомнить о томъ, что 12 лѣтъ тому назадъ она два раза видѣла насъ въ Саратовѣ?—Гдѣ же намъ помнить всѣхъ, кто насъ видѣлъ въ Саратовѣ?!—Одно имя ея у насъ какъ-то уцѣлѣло въ памяти, остальнаго ничего не осталось. Противъ обыкновенія—я приняла ее довольно сухо: покровительница ея здѣсь-же Р—ва пренепріятная особа... да и въ ней самой проглядываетъ какое-то *недоброжелательство*... Боюсь я такихъ людей,—онѣ кажутся мнѣ «соглядатаями» и предательницами...

два ген.-губернаторства (что было необходимо по времени и впослѣдствіи исполнено), и былъ назначенъ членомъ Государст. Совѣта. До своей смерти жилъ въ Парижѣ († 1881 г. 18 Нояб.), изрѣдка пріѣзжая въ Россію, чтобы принять участіе въ засѣданіяхъ Госуд. Совѣта. Похороненъ на Монмартрскомъ, въ Парижѣ, кладбищѣ. (Интересныя свѣдѣнія изъ его біографіи см. „Русская Старина» за 1881 г. и 1883 г. томы XI, VШ и XXL).

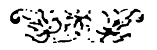
[2]) К. Н. Батюшковъ („Плѣнникъ“).

Сохрани, Боже, насъ и здѣсь отъ недобрыхъ людей!..

Муравьевъ былъ очень милъ: пріѣхалъ первый къ сестрѣ-начальницѣ, не дожидаясь ея визита. Здѣсь, и вообще во всей Сибири, съ одного конца до другого, онъ извѣстенъ подъ именемъ «Николая Николаевича», другой никто такъ здѣсь не называется, — также какъ въ Петербургѣ зовутъ только Вел. Князя. — Прощаясь съ нимъ, сестра сказала, что намѣрена была сама первая пріѣхать, на что онъ очень просто и любезно отвѣчалъ: «*пожалуйста, не безпокойтесь пріѣзжать съ визитомъ:* я васъ попрошу лучше откушать у меня хлѣба-соли»...

Съ Нутой всѣ очень предупредительны.

Благослови, Господи, ея труды для блага ближнихъ и помоги поставить себя и быть любимой, какъ и въ Смольномъ!— Опредѣлена Нуточка сюда противъ желаній многихъ здѣшнихъ сильныхъ людей... [3])



Наши занятія—Иркутское общество—Замужнія и дѣвицы.

8 ноября. До сихъ поръ мы только принимаемъ гостей, а сами сдѣлали визитовъ до 10-ти. Annette, разумѣется, работаетъ; но я рѣшительно ничего не дѣлаю: кромѣ нѣсколькихъ писемъ, отосланныхъ къ друзьямъ, въ Иркутскѣ мною еще ничего не сдѣлано. Мнѣ самой даже страненъ подобный родъ жизни: я теперь только понимаю, отчего свѣтскимъ людямъ вѣчно некогда... Охъ, ужъ эти пріемы и визиты!.. лучше бы васъ по обязанности никогда не знать...

Однако же пока еще я не чувствую отвращенія къ своей праздности, напротивъ, минутами она мнѣ очень пріятна. Вѣроятно, силы мои отъ постояннаго напряженія въ продол-

---

[3]) См. зап. ч. II-я 1858 г. 6 авг.

тели обходятся съ ними очень милостиво и даже выставляютъ на ночь пищу на заваленкахъ, чтобъ утолить голодъ *несчастненькаго* (какъ они называютъ бѣглаго) и «не погубить души человѣческой».—Сколько милосердія и незлобія въ сердцѣ русскаго!..

Одно упованіе на Господа подкрѣпляетъ насъ среди здѣшнихъ опасностей. Я твердо вѣрую въ Его святую помощь и защиту. Ужъ сколько разъ мы могли свернуть себѣ голову, начиная съ Нижнеудинскихъ горъ, на которыя мы взбирались по головокружительнымъ косогорамъ, по краю страшныхъ овраговъ! «Хранитъ Господь всѣ кости вѣрующихъ, и не едина изъ нихъ не сокрушится!» [1]).

Безпокоитъ меня только Нута. Эта долгая и трудная поѣздка ее въ конецъ измучила. Она теряетъ всякое терпѣніе; да кромѣ того, страшно боится въ лѣтнемъ экипажѣ подъемовъ и спусковъ по снѣжной, скользкой дорогѣ. Я страдаю за нее, а потому хотѣлось бы скорѣе добраться до Иркутска; но больше шестидесяти верстъ въ день проѣхать немыслимо: рано темнѣетъ, поздно разсвѣтаетъ, ночью же ѣхать слишкомъ рискованно, особенно гористыми мѣстами. Вотъ почему, хоть и близокъ Иркутскъ—всего въ 400 верстахъ, а еще долго намъ до него не доѣхать... Съ Красноярска намъ особенно тяжело.

Ужасная была переправа чрезъ Енисей. Подъѣзжая къ нему, видимъ оба берега покрытыми льдомъ, а средина рѣки чиста [2]). Казенный паромъ отказался перевозить насъ, потому что нельзя пристать къ берегамъ. Взяли вольный — безъ перилъ; на немъ нѣтъ ни распорядителей, ни старшины, ни крѣпкихъ веревокъ. Перевозчики пьяны, а почтальонъ, нашъ провожатый, ничего не смыслитъ; шумъ, брань, неурядица. Погода адская: сильный вѣтеръ и холодъ; ледъ напираетъ со всѣхъ сторонъ. Часа полтора мы мучились, пока не добрались до

[1]) Псал. 33, 21.

[2]) По мѣстному выраженію это „забереги".

ните, какъ мачихи угнетаютъ дѣтей своего мужа, какъ ненавидятъ ихъ!.. Такъ что же составляетъ преимущество замужней женщины? Въ чемъ оно,—скажите?—Въ производствѣ семейства и въ уродованіи своихъ дѣтей, пока имъ же не придетъ на помощь поносимая ими «дѣвушка» въ видѣ бонны, гувернантки и т. п. существа! Возьмите двухъ самыхъ добрыхъ женщинъ: одну замужнюю, а другую дѣвицу и скажите: кто изъ нихъ болѣе сдѣлаетъ добра? — Если вы безпристрастны, если вы судите по-христіански, то навѣрное согласитесь, что женщина, не имѣющая мужа и дѣтей, стало быть, не связанная семейными заботами и выгодами, легче и скорѣе отзывается на все доброе и часто съ самоотверженіемъ, непонятнымъ для замужней, распространяетъ благо на ближнихъ... [3]). Посмотрѣли бы на покойную А. Д. Слонецкую [4]), на Е. О. Крафтъ [5]), на сестеръ Обручевыхъ [6]) и на многихъ, многихъ другихъ «дѣвицъ», служащихъ въ Смольномъ. — Какъ онѣ отнимали у себя послѣднее, чтобы подѣлиться съ неимущими, какъ работали безъ устали и безъ ропота! Взгляните на... ну да впрочемъ ничто не цѣнится за то только, что мы скромны и «дѣвицы»...

[3]) Мать съ дѣтьми даже при вдовствѣ, можетъ благотворить ближнему болѣе дѣвицы. Есть прекрасныя и многочисленныя семьи, обязанныя исключительно матерямъ. См. Св. Іоанна Златоуста „бесѣда о вдовствѣ и милостынѣ". Его твор. т. III. издан. СПБ. Духов. Академіи 1897 г.

[4]) А. Д. Слонецкая, см. зап. ч. I-я, въ 1848 г. 24 іюня пр. 3.

[5]) Е. О. Крафтъ, см. зап. ч. I-я 1856 г. 19 іюля пр. 6. По отзывамъ ея воспитанницъ— умная, честная, добрая и вѣрующая воспитательница.

[6]) Ек. Ник. —см. зап. ч. I-я, 1855 г. 9 іюня пр. I-е. Ольга, Елизавета и Марія Николаевны—(родн. сестры члена Госуд. Сов. Николая Николаевича Обручева), умныя и благовоспитанныя особы, воспитанницами и сослуживцами весьма уважаемыя.

жили молебенъ и, помолившись усердно втроемъ, приложились къ св. мощамъ и осмотрѣли старинную церковь, гдѣ служилъ святитель; видѣли его келію съ часовнею, гдѣ онъ молился, и пещеру преподобнаго Герасима, строителя этого монастыря.

Въ кельѣ, или лучше сказать въ часовнѣ Иннокентія меня поразила прекрасная живопись образовъ. Какъ попали они въ XVIII вѣкѣ въ Иркутскъ? Развѣ изъ «несчастныхъ» [5]) кто-нибудь завезъ ихъ сюда или писалъ, удалившись отъ міра? Образъ Воскресенія Іисуса Христа выполненъ восхитительно: живопись удивительно тонкая, а главное съ благоговѣніемъ вырисовано пречистое тѣло Спасителя: что-то въ немъ есть неземное.

Теперь Нута у Преосвященнаго Евсевія, Епископа Иркутскаго [6]), а я устала, не поѣхала къ нему, притомъ же пусть сначала познакомится съ нимъ Нута, а я потомъ, лучше поѣду ко всенощной поблагодарить еще Господа за наше благополучное прибытіе.

епископомъ въ Китай и съ того же года указомъ Императрицы Екатерины I-й оставленъ епископомъ Иркутскимъ. Преставился въ 1731 г. 26 ноября въ Вознесенскомъ мужескомъ монастырѣ на р. Ангарѣ. Св. Тѣло его обрѣтено въ 1766 году. Прославлено нетлѣніемъ и свыше ста бывшими отъ него чудесами въ 1804 году. (Истор. Россійской іерархіи час. 1-я т.л. 11 стр. 201 и житіе святителя). Объ Иркутск. Вознесенскомъ монастырѣ, о его строителѣ, старцѣ Герасимѣ—см. исторія Россійск. іерарх. Архим. Амвросія ч. III-я стр. 578.

[5]) Т. е. ссыльныхъ.

[6]) Евсевій (Евфимій Поликарп. Орлинскій) еп. Иркутскій (р. 1808 † 83 г.) Духовный писатель и сердечный человѣкъ: его „утѣшеніе въ скорби и болѣзни" (1879 г.) выдержало четыре изданія. Прекрасны „бесѣды о христіанской свободѣ къ получившимъ свободу отъ крѣпостной зависимости" (изд. 1864 — 5 гг.) и многіе друг. труды. Былъ ректъ. Москов. и Петерб. Академій, еп. Самарскимъ, архіеп. Иркутскимъ, Могилевскимъ и чл. св. Сунода.

примѣръ, г. Р—а, рожденная княжна Е. П. Г., которую всѣ боятся, а потому ѣздятъ къ ней на поклонъ *«страха ради»*, чтобы она не сказала про кого изъ нихъ худо.

У Р—й мы въ воскресенье обѣдали, но не понимаю, для чего пригласила она вмѣстѣ съ нами графа и трехъ изгнанниковъ: Спѣшнева, [1]) Львова [2]) и Петрашевскаго.

Они всѣ трое здѣсь приняты ею, видимо, очень хорошо. Странно мнѣ, Петербургской жительницѣ, было видѣть этихъ людей. Чувство боязни, негодованія, досады и въ то же время жалости являлись во мнѣ... Я вглядывалась въ нихъ пристально. Петрашевскій и Львовъ были на видъ очень веселы, смѣялись, толковали и врали разную чушь, какъ-будто бы надъ головою ихъ никогда не проходили страшныя событія; какъ-будто бы не высидѣли они 9-ти мѣсяцевъ въ крѣпости, не были приговорены къ смертной казни и не стояли у столба противъ солдатъ съ заряженными ружьями... Все это, казалось мнѣ, должно было бы оставить на нихъ неизгладимые слѣды!.. Впрочемъ, на Спѣшневѣ и видна печать несчастія: онъ молчаливъ, задумчивъ; улыбки не видно на этомъ прекрасномъ лицѣ, уже покрытомъ преждевременной сѣдиной и морщинами; ему теперь около 40 лѣтъ. Онъ средняго роста, тонокъ; продолговатое блѣдное лицо, правильныя черты, черные длинные волосы и постоянно задумчивый видъ придаютъ какую-то внѣшнюю прелесть этому изгнаннику. Жаль его и хотѣлось бы утѣшить, исцѣлить его и довести до раскаянія; хотѣлось бы по сердцу поговорить съ нимъ, чтобы обратить къ Богу эту *заблудшую душу*... Но они всѣ трое ни во что не вѣруютъ. Грустно

[1]) Спѣшневъ — сообщникъ Петрашевскаго. Принятіе ссыльныхъ въ свое общество графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ удостоено было даже царскаго сочувствія въ 1857 году (см. „Русская Старина" за 1879 г. т. XXIV ст. 85).

[2]) Львовъ—таковой же, впослѣдствіи возвращенъ былъ изъ Сибири и состоялъ на государственной службѣ.

видѣть ихъ, и мнѣ всегда жаль *подобныхъ людей*: ихъ взоръ, какъ невѣрующихъ, ни на минуту не отрывается отъ земли, и нѣтъ имъ отрады внѣ тѣсной, чувственной жизни. На небѣ они не ищутъ ничего...

Львовъ и Спѣшневъ были и на вечерѣ у графа. Спѣшневъ на видъ—*le type du comme il faut*, не измѣнялъ себѣ, молчалъ и тамъ, какъ вездѣ. Львовъ, напротивъ, болталъ безъ умолку, извивался между молодежью и съ увлеченіемъ полькировалъ. Онъ и меня старался убѣдить въ своемъ злобномъ безвѣріи. Львовъ—опасный человѣкъ: очень уменъ, много читалъ и страшный матеріалистъ. По уму онъ мнѣ нравится.

Отрицаютъ самообольщенно эти господа чистѣйшія и высокія наслажденія жизни, но что же они могли бы дать взамѣнъ отнятыхъ благъ? Чѣмъ вознаградятъ они потерю святыхъ и подкрѣпляющихъ насъ вѣрованій? На это ни одинъ изъ нихъ не отвѣтилъ.

О, невѣріе философовъ осьмнадцатаго вѣка! Они съ какимъ-то ожесточеніемъ старались подорвать всѣ основы духовнаго величія и блаженства человѣка и уже достигали цѣли: безвѣріе, безнаказанный развратъ разлились по землѣ, и многіе люди оказались хуже грубыхъ, неразумныхъ животныхъ. Что-же вознаграждаетъ ихъ за утраченную небесную радость сообщенія духа человѣка съ Божествомъ?

— *Не для Господа, существа непостижимо-высокаго, нужны наши вѣрованія, но для насъ, бѣдныхъ земныхъ созданій, для которыхъ* жизнь дѣлается невыносимою, когда нѣтъ утѣшеній свыше,—это такъ явно подтверждается злобными взглядами и поведеніемъ этихъ опаснѣйшихъ невѣровъ...

Размышленіе наканунѣ имянинъ.

3 декабря. Теперь я только и мечтаю о здоровьѣ и счастьи Нуты; Лизанькѣ [1]) нужно счастье брата и его семьи, нужно счастье остальныхъ братьевъ и сестеръ, нужно многое, многое для другихъ, а мнѣ лично нужны только книги да покой, которыми я вполнѣ теперь наслаждаюсь и благодарю Бога за дарованныя мнѣ блага!

Завтра мои именины! Годъ тому назадъ, въ этотъ день, когда я угощала сослуживцевъ и дамъ Смольнаго, мнѣ даже въ голову не приходило, что слѣдующій день своего Ангела я встрѣчу въ Иркутскѣ, за 6000 верстъ отъ Петербурга.

Судьбы Господа непостижимы!..

«Благослови, душе моя, Господа, и не забывай всѣхъ воздаяній его!» [2])

Жизнь течетъ къ своей цѣли.

14 декабря. Видно, я свыклась уже съ новымъ положеніемъ,—какъ-то дышется легко. Все, кажется, идетъ своимъ порядкомъ или безпорядкомъ—не знаю? Каждый день къ намъ непремѣнно кто-нибудь заѣдетъ, иногда сами выѣдемъ. что-нибудь поработаешь, почитаешь, такъ и летитъ время, и мнѣ, признаться, его не жаль: пустая моя жизнь, но пріятно, что все ближе и ближе къ цѣли, которой не миновать никому...

Вчера у насъ былъ преосвященный Евсевій, [1]) пріятнѣйшій, мудрый и глубоко-вѣрующій .святитель.

---

[1]) Лизанька, старшая сестра Варвары Петровны—оконч. Патріотич. Инст. и посвятившая себя заботѣ о семействахъ отца и брата. (См. Зап. ч. 1-я. Стр. 152 пр. 4).

[2]) Псал. 102 ст. 2.

---

[1]) Евсевій архіеп. Иркутскій. Воспит. Моск. Дух. Акад. (см. ч. II-я. 1858 г. 25 окт. прим. 6).

1859 г.

Вступленіе снова на педагогическое поприще.—Вечеръ у генерала Буссе.

7 января. Сегодня я снова съ благословеніемъ Божіимъ вступила на поприще педагога. Дала съ большимъ удовольствіемъ первый урокъ музыки маленькой Сибиряковой [1]). Она ничего не знаетъ; стало быть мнѣ приходится начинать съ самаго начала,—чему я очень рада. Дѣвочка смышленая, объясненія понимаетъ легко, и я не замѣтила, какъ прошелъ часъ и 10 минутъ. Въ первый урокъ объяснила я ей ноты, линіи и все понято ею прекрасно. Господи, помоги мнѣ оказать пользу людямъ, научи меня развить эстетическое чувство въ моихъ ученицахъ; пусть это чувство облагородитъ ихъ и послужитъ къ ихъ нравственному и религіозному развитію.

Работать я принимаюсь еще съ большимъ удовольствіемъ потому, что нужны деньги и пойдутъ онѣ бѣдной сестрѣ Лилѣ, находящейся въ тяжкой участи. Жалованья Нуты рѣшительно намъ не хватаетъ; приходится много раздавать, а еще болѣе расходовать «на необходимый вздоръ». Но, если Господь благословитъ насъ,—можно будетъ около 300 руб. въ годъ высылать въ Саратовъ [2]). Какъ бы мы были счастливы, если бы удалось осуществить это!

---

[1]) Ольга Михаиловна Сибирякова, впослѣдствіи воспитанница института Вост. Сибири вып. 1863 г., въ замужествѣ княгиня Вяземская.

[2]) Гдѣ жила въ то время сестра Елизавета Петровна (см. 1858 г. 3 дек. прим. 1-е)

Вчера провели мы весьма пріятно вечеръ у генерала Буссе [3]), перваго молодого губернатора города Благовѣщенска. Онъ попробовалъ составить въ Иркутскѣ общество изъ людей, не играющихъ въ карты или, по крайней мѣрѣ, такихъ, которые могутъ обойтись безъ картъ. Дѣйствительно, къ удивленію многихъ, обошлись безъ нихъ, разговаривали, шутили, смѣялись, слушали музыку и незамѣтно досидѣли до половины 12-го ночи. Послѣ вкуснаго, но незатѣйливаго ужина разъѣхались. Хозяйка дома—бывшая институтка [4]), бѣдная дѣвушка, которая раньше замужества принуждена была давать уроки, чтобы пропитывать себя, теперь вполнѣ барыня; всего у нея много. Мужъ ея занимаетъ видное мѣсто, уменъ, воспитанъ, молодъ и образованъ. Пока, мнѣ думается, эта прелестная дамочка не забудетъ своего бывшаго состоянія, она останется все такою же милою, ласковою и будетъ достойною помощницею своему чудно-идеальному мужу, какою всѣ видѣли ее вчера.

Самочувствіе на новомъ мѣстѣ. — Услада возможностью помогать другимъ.—Вѣчность.—Англичане.

6 февраля. Много нужно было записывать; но странно сказать,—*некогда*! — То кто-нибудь заѣдетъ, то самимъ нужно выѣхать, то уроки музыки дать, а тамъ почитаешь и зачитаешься, то сядешь за фортепіано и заиграешься,—такъ время и проходитъ. а иногда такъ, просто, какая-то непонятная усталость и отвращеніе отъ всякаго труда: даже

[3]) Ген. Ник. Ѳед. Буссе., племян. Фр. Ив. Буссе (см. зап ч. 1-я стр. 15, прим. 4), состоялъ для особыхъ порученій при графѣ Н. Н. Муравьевѣ-Амурскомъ. Въ 1859 году назначенъ губернаторомъ въ Благовѣщенскъ Въ 60-хъ годахъ тамъ умеръ, оставивъ по себѣ прекраснѣйшую память въ этомъ теперь до неузнаваемости разростающемся городкѣ.

[4]) Урожд. Екатерина Михайловна Матвѣевская. Ирк. Инстит. вып. 1857 года.

книга не привлекаетъ — все бы лежала или просто сидѣла, закрывъ глаза и сложивъ руки.

Неужели и въ Сибирь со мною переселилась моя малороссійская лѣнь? Нѣтъ, должно быть, это слѣдствіе прежней службы: малѣйшая непріятность и разстраиваетъ меня до слезъ, даже когда и непріятностей нѣтъ, а такъ что-нибудь,— вздоръ какой нибудь... И досадно на себя, и стыдно, и грѣшно мнѣ: теперь такъ хорошо на свѣтѣ живется, чего-же еще не достаетъ?.. Долго-ли продлится эта покойная жизнь, — на то воля Божія, но и за нѣсколько мѣсяцевъ ея я должна благодарить Господа. Теперь мы въ независимомъ положеніи, можемъ отъ себя удѣлить изъ получаемаго другимъ! А нѣтъ на землѣ болѣе высокаго наслажденія, какъ *возможность помогать, удѣлять другимъ*. Старость пускай себѣ приходитъ: вѣра, любовь къ Богу и ближнему не дадутъ замѣтить прибавку новыхъ морщинъ и переходъ волосъ изъ каштановаго цвѣта въ бѣлый,—лишь бы служить человѣчеству и дѣломъ, и словомъ, и примѣромъ; лишь бы, вспомнивъ прошлое, не покраснѣть, не застыдиться, а остальное пусть идетъ своимъ чередомъ... Передо мной тысячи поколѣній шли тѣмъ же неизмѣннымъ путемъ, и послѣ меня люди будутъ жить по тѣмъ же вѣковымъ законамъ. Лишь бы встрѣтить смерть покойно, мирнымъ, свѣтлымъ чувствомъ встрѣтить вѣчность!..

Вѣчность!—ужасающее слово! И стоитъ-ли жизнь чего-нибудь? Что—все земное передъ нею!..

А люди все дерутся и рѣжутъ и губятъ другъ друга. Образованіе не спасаетъ и англичанъ: они въ свирѣпости не уступаютъ индійцамъ. Боюсь, что снова они подберутся къ намъ. Они теперь въ Китаѣ, въ Индіи. Сосѣдство близкое и непріятное. А тутъ Амуръ, и снова может пойти рѣзня съ ненасытными, какъ была подъ Севастополемъ... [1]).

[1]) См. зап. ч. 1-я 1854, 1855 и начало 1856 гг.

Вечеръ у Клейменова.—Музыка.—Кукель.—Свѣчина.

7 февраля. Вчера провели мы вечеръ у горнаго полковника Клейменова [1]) и заслушались музыкой Шопена. Небесная музыка! Нѣтъ. — Слово «небесный» нейдетъ къ Шопену: онъ разрываетъ душу. Въ немъ такъ много грусти, страданій, такъ много мучительныхъ стоновъ. Такой артистъ и не могъ жить долго: огонь его душевный испепелилъ его тѣло. — Бѣдный поэтъ!..

Да, развѣ музыка не сестра поэзіи?..

Кукель [2]) превосходно выполнялъ произведенія этого великаго артиста. Звуки подъ его пальцами стонали, рыдали... Въ первый разъ игра на фортепіано произвела на меня такое ошеломляющее впечатлѣніе. Я страдала и изнемогала отъ музыкальныхъ ощущеній, мнѣ хотѣлось бы ея не слушать больше, но я не могла уйти... Кукель самъ увлекся, игралъ одну пьесу за другою, раскраснѣлся и готовъ бы былъ кажется проиграть всю ночь. Возвратились мы въ часъ пополуночи. Я не могла заснуть до половины третьяго, а сегодня проснулась въ 6 часовъ.

Нѣтъ, не старѣетъ духъ, не слабѣютъ и увлеченія прекраснымъ,—это меня утѣшаетъ. Стало быть можно и здѣсь не опошлиться, не дойти до сплетенъ, до картъ и до старческой ворчливости?!.

Да, религія, поэзія, музыка, природа и любовь къ брату-человѣку не перестаютъ вездѣ служить людямъ неисчерпаемымъ источникомъ высшихъ наслажденій. А тѣло пусть мало-по-малу уничтожается и приготовляется окончательно

---

[1]) Клейменовъ Василій Васильевичъ, инспекторъ надъ пріисками. Прекрасное семейство, пользовавшееся большимъ уваженіемъ въ Иркутскѣ

[2]) Кукель, Болеславъ Казимировичъ, полковникъ, начальн. штаба войскъ Вост. Сибири при гр. Н. Н. Муравьевѣ-Ам. и Корсаковѣ. Польскаго происхожденія. Женатъ на дочери В. В. Клейменова, Екатеринѣ Васильевнѣ Клейменовой.

отдѣлиться отъ своей безсмертной спутницы души... Земному земное...

У Кукеля четырехлѣтній сынъ [3]) готовится быть выдающимся артистомъ. На своей дѣтской скрипкѣ аккомпанируетъ онъ всѣ вальсы, мазурки, польки, галопы. Если играютъ пьесу, которой онъ еще не слышалъ, то сначала прислушается къ размѣру, а потомъ начинаетъ играть. Прелесть что за ребенокъ! Не улыбнется, когда играетъ. — Игра же его отца напоминала мнѣ игру Свѣчиной [4]) въ Смольномъ,— жены извѣстнаго скрипача. Я слышала ее не болѣе пяти разъ, и вѣроятно во мнѣ никогда не изгладится впечатлѣніе ея игры. Она тоже играла Шопена, но выполняла совершенно иначе: у нея ноты пѣли, вздыхали, шептали и тихонько плакали—то была плѣнительная жалоба, полная тихой, тихой грусти...

Непріятности и мысль о «вѣчномъ покоѣ».

12 марта. Je pense seulement, que meurtri de la lutte
Aygant atteint ce but que tout cherhe et resloute
Un vogageur lassé vint se loger ici (tombeaux perdus).

Вчера пришла мнѣ въ голову странная мысль: захотѣлось умереть. Мнѣ было грустно, какъ бывало прежде [1]), и стала я всматриваться въ жизнь, стала искать на всемъ пространствѣ земного шара такого уголка, гдѣ бъ могла прожить безъ горя, безъ тревогъ, безъ огорченій, безъ скорби... Искала, искала и кончилось тѣмъ, что нигдѣ не нашла.

---

[3]) Вася умеръ весьма молодымъ. по оконч. курса въ С.-Петербург. Университетѣ.

[4]) Свѣчина Евгенія Өедоровна бывала у сестры своей, музык. дамы Импер. восп. общ. бл. дѣв., Анны Өед. Мюллеръ (смолянки) вып. 1849 г., также превосходно игравшей, гдѣ и встрѣчала ее Варвара Петровна.

---

[1]) См. зап. ч. 1-я стр. 49. 50, 124, 126, 178. 224 и т. д.

Языкъ и неумѣнье сдержать себя во время — вотъ враги моего покоя... Бороться устала я, изнемогла; лучше всего на вѣки закрыть глаза и покончить со всѣми тягостями жизни! Мнѣ казалось, что и Нутѣ будетъ легче, когда она избавится отъ такого несноснаго, мучающаго ее существа, какъ я. Съ наслажденіемъ, почти съ упоеніемъ думала я о *«вѣчномъ покоѣ»*.

Но сегодня, съ утра и помолившись, я снова убѣждена, что должна еще жить и служить человѣчеству, чѣмъ и какъ могу. Служить, не взирая на всевозможныя непріятныя столкновенія, оскорбленія и даже... ну, даже, на нѣчто худшее. Нельзя безъ того прожить, чтобы со злыми людьми не встрѣтиться...

Господи, поддержи меня и не дай упасть духомъ!

Но все же приходитъ въ голову, что Нутѣ было бы легче безъ меня, исключая, разумѣется, первыхъ дней сильнаго горя...

Молитва во дни святыхъ воспоминаній въ Иркутскѣ и въ Смольномъ.— Непріятности и недовольство собою.

10 апрѣля. *9 ч. вечера.* Сейчасъ я пришла изъ дѣтской церкви отъ всенощной.

И здѣсь, какъ въ Смольномъ, съ благоговѣніемъ совершается священное служеніе, и здѣсь сопровождали мы плащаницу съ зажженными свѣчами [1], при дѣтскомъ пѣніи. И здѣсь усердно молилась я; но только не такъ горяча была моя молитва, какъ бывало то въ *Смольномъ*.. Особенно одинъ годъ помнится мнѣ. То былъ тяжелый 1854 годъ,— когда *лилось* много слезъ и крови на родной Руси...

[1]) См. зап. ч. 1-я, стр. 280.

Въ гостяхъ у графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго.—О взаимныхъ отношеніяхъ въ Иркутскомъ обществѣ.—Ссыльные.—Невѣріе и вѣра.

23 ноября. Въ воскресенье графъ пріѣзжалъ просить насъ къ себѣ на вечеръ, куда были приглашены очень немногіе. Здѣсь мы всюду могли бы быть на первомъ планѣ...

За ужинъ шли въ томъ же порядкѣ, какъ и къ обѣду:

Домъ генералъ-губернатора въ Иркутскѣ (гдѣ жилъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій).

Нута съ графомъ въ первой парѣ. Всѣ были вѣжливы и къ намъ внимательны, но все это такъ шатко и невѣрно... Стоитъ графу къ вамъ немного измѣниться и все общество отъ васъ отвернется. Здѣсь точно при западно-европейскихъ дворахъ временъ Людовиковъ: также окружають главныхъ лицъ лестію и также боятся вымолвить лишнее слово, чтобы не дошло «до кого не слѣдуетъ». Въ Петербургѣ не стѣсняясь говорятъ о государственныхъ вопросахъ и дѣятеляхъ, а здѣсь нельзя свободно высказывать свое мнѣніе не только о графѣ Амурскомъ, но даже о судьѣ, объ исправникѣ и о многихъ, многихъ второстепенныхъ лицахъ. Есть здѣсь, на-

примѣръ, г. Р—а, рожденная княжна Е. П. Г., которую всѣ боятся, а потому ѣздятъ къ ней на поклонъ *«страха ради»*, чтобы она не сказала про кого изъ нихъ худо.

У Р—й мы въ воскресенье обѣдали, но не понимаю, для чего пригласила она вмѣстѣ съ нами графа и трехъ изгнанниковъ: Спѣшнева, [1]) Львова [2]) и Петрашевскаго.

Они всѣ трое здѣсь приняты ею, видимо, очень хорошо. Странно мнѣ, Петербургской жительницѣ, было видѣть этихъ людей. Чувство боязни, негодованія, досады и въ то же время жалости являлись во мнѣ... Я вглядывалась въ нихъ пристально. Петрашевскій и Львовъ были на видъ очень веселы, смѣялись, толковали и врали разную чушь, какъ-будто бы надъ головою ихъ никогда не проходили страшныя событія; какъ-будто бы не высидѣли они 9-ти мѣсяцевъ въ крѣпости, не были приговорены къ смертной казни и не стояли у столба противъ солдатъ съ заряженными ружьями... Все это, казалось мнѣ, должно было бы оставить на нихъ неизгладимые слѣды!.. Впрочемъ, на Спѣшневѣ и видна печать несчастія: онъ молчаливъ, задумчивъ; улыбки не видно на этомъ прекрасномъ лицѣ, уже покрытомъ преждевременной сѣдиной и морщинами; ему теперь около 40 лѣтъ. Онъ средняго роста, тонокъ; продолговатое блѣдное лицо, правильныя черты, черные длинные волосы и постоянно задумчивый видъ придаютъ какую-то внѣшнюю прелесть этому изгнаннику. Жаль его и хотѣлось бы утѣшить, исцѣлить его и довести до раскаянія; хотѣлось бы по сердцу поговорить съ нимъ, чтобы обратить къ Богу эту *заблудшую душу*... Но они всѣ трое ни во что не вѣруютъ. Грустно

---

[1]) Спѣшневъ — сообщникъ Петрашевскаго. Принятіе ссыльныхъ въ свое общество графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ удостоено было даже царскаго сочувствія въ 1857 году (см. „Русская Старина" за 1879 г. т. XXIV ст. 85).

[2]) Львовъ—таковой же, впослѣдствіи возвращенъ былъ изъ Сибири и состоялъ на государственной службѣ.

видѣть ихъ, и мнѣ всегда жаль *подобныхъ людей*: ихъ взоръ, какъ невѣрующихъ, ни на минуту не отрывается отъ земли, и нѣтъ имъ отрады внѣ тѣсной, чувственной жизни. На небѣ они не ищутъ ничего...

Львовъ и Спѣшневъ были и на вечерѣ у графа. Спѣшневъ на видъ—*le type du comme il faut*, не измѣнялъ себѣ, молчалъ и тамъ, какъ вездѣ. Львовъ, напротивъ, болталъ безъ умолку, извивался между молодежью и съ увлеченіемъ полькировалъ. Онъ и меня старался убѣдить въ своемъ злобномъ безвѣріи. Львовъ—опасный человѣкъ: очень уменъ, много читалъ и страшный матеріалистъ. По уму онъ мнѣ нравится.

Отрицаютъ самообольщенно эти господа чистѣйшія и высокія наслажденія жизни, но что же они могли бы дать взамѣнъ отнятыхъ благъ? Чѣмъ вознаградятъ они потерю святыхъ и подкрѣпляющихъ насъ вѣрованій? На это ни одинъ изъ нихъ не отвѣтилъ.

О, невѣріе философовъ осьмнадцатаго вѣка! Они съ какимъ-то ожесточеніемъ старались подорвать всѣ основы духовнаго величія и блаженства человѣка и уже достигали цѣли: безвѣріе, безнаказанный развратъ разлились по землѣ, и многіе люди оказались хуже грубыхъ, неразумныхъ животныхъ. Что-же вознаграждаетъ ихъ за утраченную небесную радость сообщенія духа человѣка съ Божествомъ?

— *Не для Господа, существа непостижимо-высокаго, нужны наши вѣрованія, но для насъ, бѣдныхъ земныхъ созданій, для которыхъ* жизнь дѣлается невыносимою, когда нѣтъ утѣшеній свыше,—это такъ явно подтверждается злобными взглядами и поведеніемъ этихъ опаснѣйшихъ невѣровъ...

на него жалобу. Въ обществѣ «сибирской столицы» [2]) поднялся ропотъ. Сперва говорили съ осторожностью, называя Нек..ова воромъ и т. п., а наконецъ, на розговинахъ у графа, Б—въ въ общемъ присутствіи повторилъ то же самое. Нашлись услужливые люди, которые съ быстротою молніи передали Нек...ову весьма нелестные о немъ отзывы Б—ва.

Въ первый же день Пасхи Николай Николаевичъ отправлялся въ дальнее путешествіе въ Китай и Японію, откуда не разсчитывалъ вернуться ранѣе, какъ черезъ $^1/_2$ года. Проводить его до Байкала отправилась вся молодежь, въ томъ числѣ, разумѣется и Б—въ. Провожали любимаго начальника какъ слѣдуетъ, т. е. всю ночь и, какъ это обыкновенно дѣлается у насъ на Руси,—вернулись только на другой день, часовъ около шести вечера. Б—въ ѣздилъ съ г. В......мъ, а потому и пріѣхалъ прямо къ нему въ домъ, гдѣ былъ въ это время Нек...овъ. Послѣдній тотчасъ ушелъ къ себѣ и сталъ дожидаться, когда мимо него проѣдетъ Б—въ съ тѣмъ, чтобы слѣдомъ ѣхать за нимъ. Только что Б—въ вошелъ къ себѣ, какъ туда же явился Нек...овъ.

«Я слышалъ», говорилъ онъ, «что вы называли меня воромъ, неугодно-ли изъяснить, по какому случаю?»

«Я съ вами говорить не хочу», сказалъ Б—овъ и отвернулся.

Нек...овъ схватилъ его за волосы и началъ колотить, тотъ его, и началась потасовка. Тутъ Б—въ кликнулъ людей, велѣлъ связать Нек...ова и отправить въ полицію. Нек...овъ былъ тотчасъ выпущенъ, и Б—въ вызвалъ его на дуэль. Нек...овъ принялъ вызовъ, соглашаясь на двадцать шаговъ, но разсказалъ о происшедшемъ своимъ знакомымъ,—вѣроятно—съ цѣлью, чтобы разстроили ихъ поединокъ. Можетъ быть, все и обошлось бы благополучно, безъ всякаго кровопролитія, если бы иркутское общество не раздѣлилось на двѣ враждебныя партіи, изъ которыхъ каждая сочла себя

[2]) Такъ сибиряки на обыденномъ жаргонѣ часто называли Иркутскъ.

оскорбленной въ лицѣ двухъ главныхъ участниковъ этой непріятной исторіи, чѣмъ и осложнила вражду новыми тучами.

Въ эту исторію, чтобы быть въ курсѣ дѣла, ввязались лица подозрительныя, играя роль перебѣжчиковъ [3]).

На третій день праздника св. Пасхи въ собраніи былъ музыкальный вечеръ, на который съѣхалось все городское общество. Явился туда Мих. А. Бакунинъ—извѣстный революціонеръ 48 года въ Германіи [4]); но о немъ, о многихъ декабристахъ и остальныхъ, такъ называемыхъ здѣсь *«преобразователяхъ»*, говорить противно. Этотъ Бакунинъ, недавно прибывшій въ Иркутскъ, хотѣлъ стать авторитетомъ для здѣшняго общества. Безъ всякаго полномочія съ чьей бы то ни было стороны, по побужденію страшнаго самомнѣнія и безцеремонной развязности, онъ началъ въ залѣ собранія отбирать мнѣніе молодежи по поводу происшедшаго столкновенія между Нек—мъ и Б—мъ, прибавляя со своей стороны, что общество должно вступиться за Б—ва; что иначе оно поощритъ каждаго врываться въ домъ и колотить беззащитнаго; что Нек....ва нужно заставить стрѣляться, а если онъ не захочетъ, то высѣчь его. Разжигая молодежь такимъ способомъ, Бакунинъ достигъ цѣли: онъ навербовалъ человѣкъ 15, которые въ случаѣ нужды готовы были подписать свои имена, что дѣйствительно сѣкли виновнаго оскорбителя.

Слѣдующій день прошелъ въ *«отыскиваніи»* бѣднаго Нек...ва, который желалъ скрыться, уѣхать и отъ губер. В—ля успѣлъ получить даже подорожную...

15 апрѣля, вечеромъ, собрались у насъ неожиданно нѣ-

---

[3]) Въ это время изъ такихъ жили въ Иркутскѣ и были приняты въ обществѣ: Бакунинъ, Петрашевскій, Львовъ, Спѣшневъ и мн. декабристы. (См. о нихъ „Русская Старина“ 1870 г. т. II, стр. 240).

[4]) По прозванію въ Иркутскѣ „Саксонскій король“ или „тайный совѣтникъ“. Прибывъ въ Иркутскъ, Бакунинъ во что бы то ни стало желалъ въ Сибири „играть роль“, потому старался быть въ довѣріи у администраціи края. Впослѣдствіи бѣжалъ въ Америку.

сколько дамъ и мужчинъ, въ томъ числѣ ихъ были Кукель, Шишковъ [5]), Бакунинъ, Петрашевскій, Львовъ и др. Главнымъ предметомъ разговора былъ, разумѣется, Нек...овъ. Мы съ сестрою ничего и не подозрѣвали, что поединокъ назначенъ на 16 апрѣля, въ 6 часовъ утра; бывшіе у насъ объ этомъ видимо тоже не знали, разсуждая вообще о происшествіи.

Бакунинъ острилъ, говоря: «*посадить бы ихъ въ темную комнату да заставить стрѣляться черезъ столъ, а потомъ разомъ внести свѣчи, и навѣрно увидѣли бъ такую картину: пистолеты на столѣ, а они оба подъ столомъ*».

Много острили въ этомъ родѣ Петрашевскій и Львовъ, сильно злобные на «золотую» [6]) молодежь, отъ которой не видѣли преклоненія, а напротивъ, иногда изгнаніе изъ ихъ общества за мѣткія и злобныя остроты.

Такое отношеніе и тонъ говорившихъ чрезвычайно мнѣ не нравились, а потому я старалась не распространяться съ этими господами, а усѣлась слушать игру Кукеля [7]), который не вставалъ изъ за фортепіано до самаго ужина. Иногда я вступала въ разговоръ съ дамами, чтобъ отклонить, по возможности, непріятную рѣчь о Нек....вѣ. Мнѣ было жаль этого бѣднаго молодого человѣка:—ему такъ хотѣлось жить, онъ такъ уклонялся отъ поединка,—досталъ подорожную въ Петербургъ, чтобы 16-го выѣхать, но его преслѣдовали съ какимъ-то ожесточеніемъ, настоятельно требуя его смерти. Я не могла понять этой жажды крови въ христіанахъ?.. Они ожесточенно закидывали петлю на бѣднаго молодого человѣка и тащили его къ барьеру...

Эти разговоры всю мою душу переворачивали.

Положимъ, мужчинѣ стыдно быть трусомъ; но если онъ готовъ принять это названіе и позоръ, связанный съ этимъ

[5]) Шишковъ, Арсеній Мих.—инженеръ путей сообщенія.

[6]) Т. е. самую близкую по службѣ и быстрой карьерѣ къ генералъ-губернатору (лицеистовъ, правовѣдовъ и др.).

[7]) См. зап. 1859 г. 7 февраля пр. 2.

именемъ, лишь бы не рисковать великимъ даромъ, даннымъ ему отъ Бога, а потому ему не принадлежащимъ, то зачѣмъ принуждать его драться? Зачѣмъ не оставить ему жизнь?!.. Можетъ быть, когда-нибудь и гдѣ-нибудь и онъ нашелъ бы свое счастье и могъ бы быть полезенъ?.. Но предразсудки мужчинъ такъ велики, что они не смогутъ заснуть спокойно, пока за оскорбленіе не отплатятъ кровью! Тѣ же магометане!..

Гости разъѣхались отъ насъ за полночь и я, конечно, не знала, чѣмъ разыграется драма, вполнѣ надѣясь, что, быть можетъ, Нек....въ успѣетъ уѣхать и тѣмъ спасется отъ преслѣдованія.

На другой день, въ 9 час. утра, только что я сѣла за чайный столъ, къ намъ пришелъ инспекторъ классовъ.

«Ну, что Нек....въ»?—былъ мой почти первый вопросъ.

«Онъ лежитъ уже на столѣ»,—отвѣчалъ Сементовскій [8]).

Чашка чуть не выпала у меня изъ рукъ. Я заплакала, невольно сказавъ: «все-таки убили его!..»

Сементовскій, человѣкъ желчный и жизнью поковерканный, сталъ разсказывать нѣкоторыя подробности поединка.

«Какъ вы все это узнали»?—спросила я.

«Лакей Нек....ва, поселенецъ, служилъ прежде у меня. Сегодня, рано утромъ, когда всѣ еще спали въ домѣ, я слышу сильный звонъ колокольчика. Чтобы не разбудить жену, я самъ отворилъ дверь и увидѣлъ слугу Нек....ва, блѣднаго, испуганнаго».

«Баринъ убитъ; его привезли еще живымъ; но сейчасъ умерли. Мучились очень...»

Такъ передавалъ Сементовскій, и чувство негодованія закипѣло въ моей душѣ...

Все утро и слѣдующіе дни къ намъ не переставали

---

[8]) Сементовскій, Григорій Петровичъ, инспекторъ (съ 1849 г.), и инспект. клас. Иркут. гимназіи. Очень умный и образованный, прекрасно преподавалъ естествовѣдѣніе († въ 1877 году).

являться посѣтители и всѣ возставали противъ Б—ва. Ужасное слово «убійство» пронеслось по городу. Купечество, простой народъ и большинство горожанъ пришли въ негодованіе. Молодежь, принимавшая участіе въ дуэли, первые дни боялась показаться на улицахъ. Когда кто-то первый, кажется, изъ купечества выразилъ сожалѣніе по поводу смерти Нек....ва, толпа разомъ хлынула къ покойнику, стала служить по немъ панихиды и осыпала цвѣтами убитаго. Съ утра до вечера домъ, гдѣ жилъ покойный, былъ переполненъ народомъ. На похороны явилось около пяти тысячъ человѣкъ!..

Но немногихъ изъ Иркутскаго общества привело на похороны дѣйствительное участіе къ убитому,—многими руководили совсѣмъ иныя чувства...

Упросили старика Вен. [9]) разрѣшить напечатать объявленія за его подписью о выносѣ тѣла Нек...ва; и, вмѣсто 60-ти экз. разрѣшенныхъ, напечатали ихъ сотни. Петрашевскій прибивалъ эти объявленія на стѣны домовъ и самъ раздавалъ народу, прибавляя: *«г. губернаторъ самъ хочетъ, чтобы шли на похороны къ убитому»*. Тутъ же, въ церкви, эти «красненькіе» и при входѣ въ церковь разбрасывали «краснаго же содержанія» бумажки, на которыхъ было написано:

«Съ дозволенія начальства».

«Шайка разбойниковъ, во главѣ которыхъ атаманъ Б—въ. сотникъ, полицеймейстеръ С. [10]) и проч., и проч. (слѣдовали имена городской администраціи), принимаетъ заказы на убійства»...

Успѣхъ «преобразователей» радовалъ; народъ роппталъ, говоря: «если бы нашъ братъ убилъ, его бы плетьми, да

[9]) Вен. К. К. гражд. Иркутск. губернаторъ, очень добрый и хорошій старецъ. Исторически интересная личность: колонновожатый царствованія Имп. Александра I-го, присутствовавшій при Его кончинѣ и имѣвшій прекрасное вліяніе на Муравьева-Апостола. († въ 1870-хъ годахъ).

[10]) С—нъ черезъ два года послѣ этого происшествія застрѣлился.

въ каторгу; а баре убиваютъ, имъ нипочемъ»... «Молодежь» боялась показываться на похоронахъ,—боялись за горожанъ; такъ хорошо ихъ подготовили Петрашевскій и К°.

Гробъ Нек....ва отъ дома до кладбища попеременно несли всѣ, мгновенно обратившіеся въ «друзей покойнаго», т. е. любители и попавшіе въ круговоротъ интригъ и злобы. Черезъ два дня, въ радоницу, когда народъ собирается на кладбище, многіе ходили поклониться могилѣ убитаго, убирали ее цвѣтами, катали по ней яйца и величали павшаго «святымъ».

Такъ кончилъ Нек....въ свое земное существованіе и теперь предсталъ на судъ Нелицемѣрнаго Судіи. Миръ праху его!

Но что же дѣлаютъ живые?

Я сказала уже, что слово «убійство» было произнесено чрезъ 2 часа послѣ поединка. Это страшное слово эхомъ разнеслось по всему Иркутску; его не сдержали ни границы Сибири, ни отдаленность отъ столицы Иркутска: письма гурьбою полетѣли въ Петербургъ. Со всѣхъ сторонъ стали распускать ужасные слухи. Стали вмѣшивать въ эту исторію разныя имена и приводить всякія истинныя и ложныя свидѣтельства виновности и соприкосновенія къ дуэли многихъ...

И снова отвратительна стала мнѣ людская злоба провинціальнаго общества...

Жаль мнѣ и «молодежь», на которую взводятъ столько обвиненій... Что она дѣйствовала, какъ безумная, какъ въ горячечномъ состояніи,—это совершенно справедливо; но цѣль и намѣренія ея были—смыть пятно безчестія съ товарища «по неразумнымъ, нехристіанскимъ понятіямъ большей части мужчинъ»,—оттого они и преслѣдовали Нек....ва, настоятельно требуя поединка... Не вѣрю, да и невозможно допустить въ нихъ мысль объ убійствѣ—ради убійства: Б—въ столько же подвергался опасности быть убитымъ, какъ и Нек....въ; притомъ же Нек....въ былъ хорошій стрѣлокъ,

на него жалобу. Въ обществѣ «сибирской столицы» [2]) поднялся ропотъ. Сперва говорили съ осторожностью, называя Нек..ова воромъ и т. п., а наконецъ, на розговинахъ у графа, Б—въ въ общемъ присутствіи повторилъ то же самое. Нашлись услужливые люди, которые съ быстротою молнiи передали Нек...ову весьма нелестные о немъ отзывы Б—ва.

Въ первый же день Пасхи Николай Николаевичъ отправлялся въ дальнее путешествіе въ Китай и Японію, откуда не разсчитывалъ вернуться ранѣе, какъ черезъ ½ года. Проводить его до Байкала отправилась вся молодежь, въ томъ числѣ, разумѣется и Б—въ. Провожали любимаго начальника какъ слѣдуетъ, т. е. всю ночь и, какъ это обыкновенно дѣлается у насъ на Руси,—вернулись только на другой день, часовъ около шести вечера. Б—въ ѣздилъ съ г. В......мъ, а потому и пріѣхалъ прямо къ нему въ домъ, гдѣ былъ въ это время Нек...овъ. Послѣдній тотчасъ ушелъ къ себѣ и сталъ дожидаться, когда мимо него проѣдетъ Б—въ съ тѣмъ, чтобы слѣдомъ ѣхать за нимъ. Только что Б—въ вошелъ къ себѣ, какъ туда же явился Нек...овъ.

«Я слышалъ», говорилъ онъ, «что вы называли меня воромъ, неугодно-ли изъяснить, по какому случаю?»

«Я съ вами говорить не хочу», сказалъ Б—овъ и отвернулся.

Нек...овъ схватилъ его за волосы и началъ колотить, тотъ его, и началась потасовка. Тутъ Б—въ кликнулъ людей, велѣлъ связать Нек...ова и отправить въ полицію. Нек...овъ былъ тотчасъ выпущенъ, и Б—въ вызвалъ его на дуэль. Нек...овъ принялъ вызовъ, соглашаясь на двадцать шаговъ, но разсказалъ о происшедшемъ своимъ знакомымъ,—вѣроятно—съ цѣлью, чтобы разстроили ихъ поединокъ. Можетъ быть, все и обошлось бы благополучно, безъ всякаго кровопролитія, если бы иркутское общество не раздѣлилось на двѣ враждебныя партіи, изъ которыхъ каждая сочла себя

[2]) Такъ сибиряки на обыденномъ жаргонѣ часто называли Иркутскъ.

оскорбленной въ лицѣ двухъ главныхъ участниковъ этой непріятной исторіи, чѣмъ и осложнила вражду новыми тучами.

Въ эту исторію, чтобы быть въ курсѣ дѣла, ввязались лица подозрительныя, играя роль перебѣжчиковъ [3]).

На третій день праздника св. Пасхи въ собраніи былъ музыкальный вечеръ, на который съѣхалось все городское общество. Явился туда Мих. А. Бакунинъ—извѣстный революціонеръ 48 года въ Германіи [4]); но о немъ, о многихъ декабристахъ и остальныхъ, такъ называемыхъ здѣсь «*преобразователяхъ*», говорить противно. Этотъ Бакунинъ, недавно прибывшій въ Иркутскъ, хотѣлъ стать авторитетомъ для здѣшняго общества. Безъ всякаго полномочія съ чьей бы то ни было стороны, по побужденію страшнаго самомнѣнія и безцеремонной развязности, онъ началъ въ залѣ собранія отбирать мнѣніе молодежи по поводу происшедшаго столкновенія между Нек—мъ и Б—мъ, прибавляя со своей стороны, что общество должно вступиться за Б—ва; что иначе оно поощритъ каждаго врываться въ домъ и колотить беззащитнаго; что Нек....ва нужно заставить стрѣляться, а если онъ не захочетъ, то высѣчь его. Разжигая молодежь такимъ способомъ, Бакунинъ достигъ цѣли: онъ навербовалъ человѣкъ 15, которые въ случаѣ нужды готовы были подписать свои имена, что дѣйствительно сѣкли виновнаго оскорбителя.

Слѣдующій день прошелъ въ «*отыскиваніи*» бѣднаго Нек...ва, который желалъ скрыться, уѣхать и отъ губер. В—ля успѣлъ получить даже подорожную...

15 апрѣля, вечеромъ, собрались у насъ неожиданно нѣ-

---

[3]) Въ это время изъ такихъ жили въ Иркутскѣ и были приняты въ обществѣ: Бакунинъ, Петрашевскій, Львовъ, Спѣшневъ и мн. декабристы. (См. о нихъ „Русская Старина" 1870 г. т. II, стр. 240).

[4]) По прозванію въ Иркутскѣ „Саксонскій король" или „тайный совѣтникъ". Прибывъ въ Иркутскъ, Бакунинъ во что бы то ни стало желалъ въ Сибири „играть роль", потому старался быть въ довѣріи у администраціи края. Впослѣдствіи бѣжалъ въ Америку.

сколько дамъ и мужчинъ, въ томъ числѣ ихъ были Кукель. Шишковъ [5]), Бакунинъ, Петрашевскій, Львовъ и др. Главнымъ предметомъ разговора былъ, разумѣется, Нек...овъ. Мы съ сестрою ничего и не подозрѣвали, что поединокъ назначенъ на 16 апрѣля, въ 6 часовъ утра; бывшіе у насъ объ этомъ видимо тоже не знали, разсуждая вообще о происшествіи.

Бакунинъ острилъ, говоря: «*посадить бы ихъ въ темную комнату да заставить стрѣляться черезъ столъ, а потомъ разомъ внести свѣчи, и навѣрно увидѣли бъ такую картину: пистолеты на столѣ, а они оба подъ столомъ*».

Много острили въ этомъ родѣ Петрашевскій и Львовъ. сильно злобные на «золотую» [6]) молодежь, отъ которой не видѣли преклоненія, а напротивъ, иногда изгнаніе изъ ихъ общества за мѣткія и злобныя остроты.

Такое отношеніе и тонъ говорившихъ чрезвычайно мнѣ не нравились, а потому я старалась не распространяться съ этими господами, а усѣлась слушать игру Кукеля [7]), который не вставалъ изъ за фортепіано до самаго ужина. Иногда я вступала въ разговоръ съ дамами, чтобъ отклонить, по возможности, непріятную рѣчь о Нек....вѣ. Мнѣ было жаль этого бѣднаго молодого человѣка:—ему такъ хотѣлось жить. онъ такъ уклонялся отъ поединка,—досталъ подорожную въ Петербургъ, чтобы 16-го выѣхать, но его преслѣдовали съ какимъ-то ожесточеніемъ, настоятельно требуя его смерти. Я не могла понять этой жажды крови въ христіанахъ?.. Они ожесточенно закидывали петлю на бѣднаго молодого человѣка и тащили его къ барьеру...

Эти разговоры всю мою душу переворачивали.

Положимъ, мужчинѣ стыдно быть трусомъ; но если онъ готовъ принять это названіе и позоръ, связанный съ этимъ

[5]) Шишковъ, Арсеній Мих.,—инженеръ путей сообщенія.

[6]) Т. е. самую близкую по службѣ и быстрой карьерѣ къ генералъ-губернатору (лицеистовъ, правовѣдовъ и др.).

[7]) См. зап. 1859 г. 7 февраля пр. 2.

именемъ, лишь бы не рисковать великимъ даромъ, даннымъ ему отъ Бога, а потому ему не принадлежащимъ, то зачѣмъ принуждать его драться? Зачѣмъ не оставить ему жизнь?!.. Можетъ быть, когда-нибудь и гдѣ-нибудь и онъ нашелъ бы свое счастье и могъ бы быть полезенъ?.. Но предразсудки мужчинъ такъ велики, что они не смогутъ заснуть спокойно, пока за оскорбленіе не отплатятъ кровью! Тѣ же магометане!..

Гости разъѣхались отъ насъ за полночь и я, конечно, не знала, чѣмъ разыграется драма, вполнѣ надѣясь, что, быть можетъ, Нек....въ успѣетъ уѣхать и тѣмъ спасется отъ преслѣдованія.

На другой день, въ 9 час. утра, только что я сѣла за чайный столъ, къ намъ пришелъ инспекторъ классовъ.

«Ну, что Нек....въ»?—былъ мой почти первый вопросъ.

«Онъ лежитъ уже на столѣ»,—отвѣчалъ Сементовскій [8]).

Чашка чуть не выпала у меня изъ рукъ. Я заплакала, невольно сказавъ: «все-таки убили его!..»

Сементовскій, человѣкъ желчный и жизнью поковерканный, сталъ разсказывать нѣкоторыя подробности поединка.

«Какъ вы все это узнали»?—спросила я.

«Лакей Нек....ва, поселенецъ, служилъ прежде у меня. Сегодня, рано утромъ, когда всѣ еще спали въ домѣ, я слышу сильный звонъ колокольчика. Чтобы не разбудить жену, я самъ отворилъ дверь и увидѣлъ слугу Нек....ва, блѣднаго, испуганнаго».

«Баринъ убитъ; его привезли еще живымъ; но сейчасъ умерли. Мучились очень...»

Такъ передавалъ Сементовскій, и чувство негодованія закипѣло въ моей душѣ...

Все утро и слѣдующіе дни къ намъ не переставали

[8]) Сементовскій, Григорій Петровичъ, инспекторъ (съ 1849 г.), и инспект. клас. Иркут. гимназіи. Очень умный и образованный, прекрасно преподавалъ естествовѣдѣніе († въ 1877 году).

являться посѣтители и всѣ возставали противъ Б—ва. Ужасное слово «убійство» пронеслось по городу. Купечество, простой народъ и большинство горожанъ пришли въ негодованіе. Молодежь, принимавшая участіе въ дуэли, первые дни боялась показаться на улицахъ. Когда кто-то первый, кажется, изъ купечества выразилъ сожалѣніе по поводу смерти Нек....ва, толпа разомъ хлынула къ покойнику, стала служить по немъ панихиды и осыпала цвѣтами убитаго. Съ утра до вечера домъ, гдѣ жилъ покойный, былъ переполненъ народомъ. На похороны явилось около пяти тысячъ человѣкъ!..

Но немногихъ изъ Иркутскаго общества привело на похороны дѣйствительное участіе къ убитому,—многими руководили совсѣмъ иныя чувства...

Упросили старика Вен. [9]) разрѣшить напечатать объявленія за его подписью о выносѣ тѣла Нек...ва; и, вмѣсто 60-ти экз. разрѣшенныхъ, напечатали ихъ сотни. Петрашевскій прибивалъ эти объявленія на стѣны домовъ и самъ раздавалъ народу, прибавляя: «*г. губернаторъ самъ хочетъ, чтобы шли на похороны къ убитому*». Тутъ же, въ церкви, эти «красненькіе» и при входѣ въ церковь разбрасывали «краснаго же содержанія» бумажки, на которыхъ было написано:

«Съ дозволенія начальства».

«Шайка разбойниковъ, во главѣ которыхъ атаманъ Б—въ, сотникъ, полицеймейстеръ С. [10]) и проч., и проч. (слѣдовали имена городской администраціи), принимаетъ заказы на убійства»...

Успѣхъ «преобразователей» радовалъ; народъ роталъ, говоря: «если бы нашъ братъ убилъ, его бы плетьми, да

[9]) Вен. К. К. гражд. Иркутск. губернаторъ, очень добрый и хорошій старецъ. Исторически интересная личность: колонновожатый царствованія Имп. Александра I-го, присутствовавшій при Его кончинѣ и имѣвшій прекрасное вліяніе на Муравьева-Апостола. († въ 1870-хъ годахъ).

[10]) С—нъ черезъ два года послѣ этого происшествія застрѣлился.

въ каторгу; а баре убиваютъ, имъ нипочемъ»... «Молодежь» боялась показываться на похоронахъ,—боялись за горожанъ; такъ хорошо ихъ подготовили Петрашевскій и К°.

Гробъ Нек....ва отъ дома до кладбища попеременно несли всѣ, мгновенно обратившіеся въ «друзей покойнаго», т. е. любители и попавшіе въ круговоротъ интригъ и злобы. Черезъ два дня, въ радоницу, когда народъ собирается на кладбище, многіе ходили поклониться могилѣ убитаго, убирали ее цвѣтами, катали по ней яйца и величали павшаго «святымъ».

Такъ кончилъ Нек....въ свое земное существованіе и теперь предсталъ на судъ Нелицемѣрнаго Судіи. Миръ праху его!

Но что же дѣлаютъ живые?

Я сказала уже, что слово «убійство» было произнесено чрезъ 2 часа послѣ поединка. Это страшное слово эхомъ разнеслось по всему Иркутску; его не сдержали ни границы Сибири, ни отдаленность отъ столицы Иркутска: письма гурьбою полетѣли въ Петербургъ. Со всѣхъ сторонъ стали распускать ужасные слухи. Стали вмѣшивать въ эту исторію разныя имена и приводить всякія истинныя и ложныя свидѣтельства виновности и соприкосновенія къ дуэли многихъ...

И снова отвратительна стала мнѣ людская злоба провинціальнаго общества...

Жаль мнѣ и «молодежь», на которую взводятъ столько обвиненій... Что она дѣйствовала, какъ безумная, какъ въ горячечномъ состояніи,—это совершенно справедливо; но цѣль и намѣренія ея были—смыть пятно безчестія съ товарища «по неразумнымъ, нехристіанскимъ понятіямъ большей части мужчинъ»,—оттого они и преслѣдовали Нек....ва, настоятельно требуя поединка... Не вѣрю, да и невозможно допустить въ нихъ мысль объ убійствѣ—ради убійства: Б—въ столько же подвергался опасности быть убитымъ, какъ и Нек....въ; притомъ же Нек....въ былъ хорошій стрѣлокъ,

тогда какъ Б—въ никогда не стрѣлялъ изъ писолета и *только* наканунѣ поединка «бралъ уроки» стрѣльбы.

Но во всемъ видна рука Божія...

Господь попустилъ убить Нек....ва, чтобы его смертію смирить неразумную гордость «образованныхъ христіанъ», не *«знающихъ всепрощенія»*, потому рѣшавшихся на убійство...

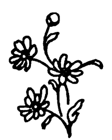
Тѣ самые, что такъ недавно свысока смотрѣли на всѣхъ, теперь опозорены и подъ конвоемъ казаковъ ѣздятъ на допросъ; и судятъ ихъ тѣ, которыхъ въ былое время они презирали... Б—въ, говорятъ, палъ духомъ и посѣдѣлъ,— мы его не видали послѣ его несчастія. Всѣ остальные также повѣсили головы. Въ обществѣ носится что-то «зловѣщее». Изъ Петербурга наряжено слѣдствіе, въ которое вмѣшивается всякій, кто хочетъ и даже кто не хочетъ...

Такъ закончилась зима 1859 года въ Иркутскѣ, которую начали такъ шумно и весело. Теперь достается всѣмъ, кто принималъ прямое или косвенное участіе въ этихъ пирахъ и весельяхъ... Будемъ же ждать, чѣмъ кончится слѣдствіе, которое должно раскрыть всѣ подробности дѣла. Жаль, что тѣнь падаетъ и на нашихъ властей: ихъ всѣхъ перебираютъ. Даже имя графа появлялось на подбрасываемыхъ запискахъ. Конечно, это — работа Бакунина или Петрашевскаго съ К°, хотя это еще и не выяснилось: они разжигали сначала дуэль, теперь поджигаютъ народъ, слѣдователей и общество противъ участвовавшихъ въ ней... Горе, когда отсутствуютъ въ людяхъ вѣра святая и нравственныя основы! Съ философіей далеко не уѣдешь. Всѣ эти господа *«преобразователи»*, какъ ихъ зовутъ здѣсь,—страшные себялюбцы и дѣйствуютъ только изъ личной выгоды, надѣясь стать выше всѣхъ другихъ всѣми путями. Но вѣдь и діаволъ желалъ стать выше Бога...

Здѣсь живутъ нѣсколько стариковъ-декабристовъ, но эти скромные, умные и большинство раскаявшіеся. Бесѣдуя

однажды по душѣ съ Ал. О. Поджіо [11]), я на вопросъ, какъ онъ переноситъ свое изгнаніе, услышала: «если бы мы достигли осуществленія своихъ безумныхъ мечтаній, мы не церемонились бы, а потому и власти могутъ съ нами поступать, какъ имъ угодно; мы же почти не несли наказанія».

Образумь и прими ихъ въ Свое стадо, Господи, надѣливъ ихъ раскаяніемъ!



Послѣдствія смерти Нек....ва.—Институтскій садъ.—Свобода.—Окрестности Иркутска и ихъ будущность. — Верхоленскія горы. — Прогулки институтокъ.—„Ключи".—Поѣздка на Байкалъ.

6 сентября. Непростительно къ худшему измѣнилась я: не могу взяться ни за какое дѣло. День проходитъ за днемъ, и четыре мѣсяца уже пролетѣли съ тѣхъ поръ, какъ я хотѣла записать для памяти свои впечатлѣнія объ Иркутскѣ, о декабристахъ и о поединкѣ, о которомъ столь шумѣли въ Иркутскѣ, легшемъ мрачнымъ, тяжелымъ пятномъ на Иркутское общество, но до сихъ поръ я еще не пришла въ себя. До сихъ поръ разговоръ почти невольно переносится все на одинъ и тотъ же предметъ—Нек....ва. И разговоры о немъ даже надоѣли...

Недавно вскрывали тѣло Нек....ва для освидѣтельствованія, потому что не сдѣлали этого растерявшись, когда покойникъ лежалъ на столѣ. Не знаю хорошенько, что оказалось при вскрытіи трупа, но говорятъ, что все нашли какъ слѣдуетъ; стало быть, теперь клевета, что онъ убитъ не выстрѣломъ Б—ва, падаетъ сама собою.

[11]) Имѣвшимъ прекрасное вліяніе на знаменитаго доктора Н. А. Бѣлоголоваго (см. его воспоминанія, стр. 94—181), который лѣчилъ Н. А. Некрасова и такъ чудно съумѣлъ передать болѣзнь души въ послѣдніе дни жизни поэта (см. „Отечеств. Записки" 1878 г., № 10).

Генералъ К. нарочно пріѣзжалъ въ Иркутскъ, чтобы своимъ вліяніемъ поторопить рѣшеніе дѣла и подвести виноватыхъ подъ милостивый манифестъ 8 сентября, въ день совершеннолѣтія Его И. В. Наслѣдника Цесаревича. Молодые люди снова ожили: выѣзжаютъ и живутъ по прежнему, но рука Господня видимо тяготѣетъ надъ ними; Г. очень перемѣнился и, несмотря на его дерзкій тонъ, его положеніе въ обществѣ неловкое. Сначала мнѣ жаль его было,— очень ужъ молодъ онъ, потому мы принимали его всегда хорошо и привѣтливо; но нынѣ онъ беретъ тонъ ложный и съ такимъ гордымъ видомъ, что я, противъ обыкновенія, обошлась съ нимъ очень сухо. За ласку, особенно во время невзгодъ, платятъ благодарностью. Впрочемъ, можетъ быть, онъ подавленъ горемъ... Большая часть общества до сихъ поръ настроена противъ молодежи. Самъ Н. Н. не очень-то доволенъ ею и исходомъ дѣла. Но довольно о нихъ: надоѣло, Богъ имъ судья...

Лѣто провели мы очень тихо и почти никого не видали. Пока не наступили сильные іюльскіе жары, мы обѣдали и пили послѣ обѣда чай въ саду, т. е. въ той загородкѣ, которая вызвала во мнѣ такое пренебреженіе въ первый же день нашего прибытія въ Иркутскъ [1]). Собственно то не садъ, но длинный палисадникъ, который тянется саженъ на 15 вдоль института. Онъ отгороженъ отъ улицы высокою стѣною, усаженъ тощими елями, березками и яблонями, плоды которыхъ величиною съ горошину. Посреди тянется узенькая дорожка, по которой едва могутъ пройти двое рядомъ, а по обѣимъ сторонамъ ея—кусты малины и цвѣты, въ концѣ ея—скамейки, столъ и стулья. Здѣсь иногда обѣдаемъ мы съ Нутой, здѣсь я читаю и наслаждаюсь, глядя на первую свѣженькую зелень и на синія сибирскія небеса. Кругозоръ не обширенъ и климатъ не нѣженъ, но *«свобода восхитительна»*,—здѣсь я сама себѣ госпожа...

[1]) См. 1858 г. 26 октября, пр. 2.

Въ продолженіе лѣта мы ѣздили нѣсколько разъ за городъ. Окрестности Иркутска живописны, только жаль — мало зелени. Пройдутъ годы, и эти пустынные горы будутъ осыпаны изящными дачами; дѣятельность вдохнетъ жизнь и въ этотъ далекій край; *просвѣщеніе,—истинное просвѣщеніе*, а не *«цивилизація»*, сдѣлаетъ Сибирь прекрасною, желанною и благословенною страною... Не дождаться намъ этого золотого времени, но не предвидѣть его нельзя...

Были мы, между прочимъ, на Верхоленскихъ горахъ [2]), на берегу Ангары, въ 12 верстахъ отъ Иркутска. Горы эти такъ хороши и всходить по нимъ такъ легко, что дорожка такъ и манитъ все впередъ, да впередъ; взберешься на высоту и не чувствуешь усталости, а только оглядываешься да любуешься живописными окрестностями. Насъ пригласило на эту прогулку купеческое семейство [3]), дочь котораго воспитывается въ институтѣ [4]). Забравъ съ собою ея подругъ—пепиньерокъ, мы отправились часовъ въ 5 вечера. Сначало было очень жарко, но скоро повѣяло прохладой. Мы расположились на берегу р. Ангары, разостлали ковры, разбили палатки, зажгли костры, чтобы отогнать комаровъ, и, усѣвшись вокругъ чайнаго прибора, повели рѣчь съ чрезвычайно умнымъ старикомъ Останинымъ. Послѣ чая мы любовались горами и, возвратясь довольными, веселыми съ этой

[2]) Одна изъ самыхъ живописнѣйшихъ мѣстностей, съ нихъ виденъ весь Иркутскъ. Уступы горъ покрывались душистыми лиліями, жидовскими кудряшками, гіацинтами. Прогулки туда любили иркутскія институтки.

[3]) Василія Алексѣевича и Маріи Алексѣевны Останиныхъ иркутскіе именитые купцы, торговцы чаемъ и красными товарами,—весьма добрые, умные, скромные и честные люди. Честность иркутскаго купечества вообще была поразительна: векселей тамъ долгое время не существовало; простой клочекъ бумаги съ подписью, напр., Василія Алексѣевича, былъ часто самымъ вѣрнымъ поручителемъ въ десяткахъ тысячъ рублей. Благотворительность сибиряковъ тоже заслуживала уваженія.

[4]) Евдокія Васильевна Останина, впослѣдствіи супруга А. Н. Бѣлоголоваго.

прогулки, расположились по прежнему къ чаю и завтраку. Вдругъ, неожиданно для меня, дикая, но прекрасная окрестность огласилась звуками чистыхъ, свѣжихъ, молодыхъ голосовъ—то хоромъ запѣли пепиньерки «Царю небесный»... Трогательно было это пѣніе на высокомъ берегу пустынной Ангары...

Я слушала и молилась, да просвѣтитъ Господь и утѣшитъ эту страну «слезъ и изгнанія»... Пусть молодое поколѣніе, получающее образованіе въ стѣнахъ Института, постарается распространить просвѣщеніе и свѣтъ ученія Христа въ этомъ дикомъ, непочатомъ, но богатомъ Русскомъ краѣ!..

Ѣздили мы лѣтомъ и въ другую сторону Иркутска, на такъ называемые «*Ключи*»; [5]) тамъ горы, покрытыя лѣсомъ живописно раскинулись надъ оврагами. Красивое мѣсто: ручейки и водопады придаютъ ему волшебный, сказочный видъ. Но лучшая наша поѣздка состоялась 12 іюля на Байкалъ.

Давно еще, лѣтъ 7 назадъ, читая въ какомъ-то журналѣ описаніе береговъ Байкала, явилось во мнѣ желаніе побывать тамъ, чтобы собственными глазами провѣрить, на сколько справедливы отзывы писателей о красотахъ природы по берегамъ этого бурнаго озера, но то была только мечта безъ всякой надежды на ея исполненіе. И что же? Непредвидѣнныя обстоятельства обращаютъ эту мечту въ дѣйствительность. Дивна судьба человѣка у Господа!

12 іюля, въ 12 часовъ дня, выѣхали мы изъ Иркутска по заморской дорогѣ [6]). Жаръ былъ сначала нестерпимый, лошади попались изнуренныя, а потому всю первую станцію

---

[5]) Ключи—живописная мѣстность въ 5 верстахъ отъ Иркутска. Славятся ключи чистою, хрустальнаго цвѣта водою, съ шумомъ падающею съ горъ.

[6]) Заморская дорога на протяженіи 60 верстъ тянется по берегу рѣки Ангары.

мы могли безпрепятственно любоваться красивыми гористыми берегами Ангары, вдоль которой тянется дорога до Байкала. Когда же сталъ спадать жаръ, я вся предалась впечатлѣнію окружающей меня природы и не знала, въ которую сторону смотрѣть; жалѣла лишь объ одномъ, что всѣ эти живописныя мѣста остаются незаселенными; кажется, будь моя воля, я бы всюду накидала здѣсь хутора и деревеньки. Въ 7 ч. вечера мы, усталыя, голоеныя, прибыли въ Лиственичную [7]), перехватили чего-то изъ приготовленнаго обѣда и, отдохнувъ немного, попробовали взобраться на горы. Къ сожалѣнію, это оказалось выше нашихъ силъ. Горы совсѣмъ были отвѣсны—кружилась голова. Для ночлега на берегу Байкала намъ отвели съ виду чистенькій домикъ, но какую бездну насѣкомыхъ мы встрѣтили въ немъ!.. Я не могла заснуть болѣе двухъ часовъ въ ночь. На другой день, въ 6 ч. утра мы уже были на ногахъ, а въ 8-мъ—все общество, состоявшее болѣе чѣмъ изъ 20-ти человѣкъ (въ числѣ которыхъ былъ губернаторъ Венцель съ супругою ѣхавшій для осмотра строившейся Круго-Байкальской дороги, начальникъ штаба Б. К. Кукель съ женою, чин. особ. пор. Рыкачевъ, начальница Александр. пріюта Ф. Е. Выкрещукъ-Сокальская, Веретенниковъ съ женою и многіе изъ нашихъ сослуживцевъ),—весело уже садилось на пароходъ, направляясь въ Култукъ [8]), небольшое селеніе на берегу Байкала, въ 80 верст. отъ Лиственичнаго. Несмотря на усталость, на безсонную ночь, я не могла отвести глазъ отъ горъ, окружающихъ Байкальское озеро. Будь я художникъ, я бы многихъ заставила восхищаться ихъ причудливостью. Одно грустно, что все это пусто; нѣтъ жилья. Эта чудная *мѣстность* пропадаетъ даромъ...

---

[7]) Лиственичная—почтовая станція у самаго оз. Байкалъ.

[8]) Култукъ—селеніе на юго-зап. берегу Байкальскаго озера со смѣшаннымъ изъ бурятъ и русскихъ населеніемъ; окружено живописно расположенными горами лиловыхъ оттѣнковъ.

Во время нашей поѣздки по бурливому Байкалу поднялся порывистый вѣтеръ съ раскатами грома и страшною молніею. Восемьдесятъ верстъ мы ѣхали, кажется, сутки съ лишнимъ. Нашъ пароходъ, несмотря на присутствіе на немъ хозяина—Веретенникова, кидало, какъ щепку, и насъ всѣхъ совсѣмъ закачало!

Возвратясь домой совершенно истомленными, мы все-таки остались очень довольны своей поѣздкой и близкимъ знакомствомъ съ капризнымъ, сердитымъ Байкаломъ и съ его восхитительными видами.

1860 г.

История народа и ея источники.—Передовые народы.—Будущность России.

28 декабря. Хочется писать, но что же я стану разсказывать? Есть много, много о чемъ говорить, боюсь только—кто прочтетъ—назоветъ сплетницей. Но развѣ исторія сплетня? Нѣтъ.

Изъ чего же она слагается, какъ не изъ разсказовъ? Исторіи преимущественно разсказываютъ о войнахъ, славныхъ полководцахъ или отмѣчаютъ, *по мнѣнію пишущихъ*, выдающіяся событія,—оттого-то по такимъ «историкамъ» становится часто жалкою, ничтожною, безсмысленною, дѣйствительно, по ея источникамъ, почти ничтожная человѣческая жизнь. Перечитывая учебники исторіи, мнѣ кажется, что всѣ народы такіе еще дѣти, не исключая даже образованныхъ народовъ. Мы всѣ еще такіе варвары, не исключая и передовыхъ народовъ! Начните для исторіи, напр., заносить то, что теперь происходитъ: взгляните на дѣйствія англичанъ въ Индіи—и у васъ волосы станутъ дыбомъ; или полюбуйтесь любезными французами въ Китаѣ во время грабежа дворца. Неправда-ли, какъ мило? Прочитайте ихъ исторію; они—наши образцы, передовыя націи, на которыхъ мы смотримъ съ благоговѣніемъ. Взгляните въ ихъ исторію о насъ,—развѣ и мы не варвары? не орда, подобная Тамерлановой, которая должна рухнуть отъ ихъ злокозней и подъ ихъ ударами?...

Вглядываясь же сами въ себя, мы видимъ, что мы—Русь *православная*. Никогда не бывать тому, что иностранцы пи-

шутъ о насъ. Не замрешь ты, моя возлюбленная Россія! Тебѣ-ли гибнуть, полной силъ, готовыхъ для молодой, кипучей, полезной и широкой дѣятельности? Ты еще не жила, не приложила къ пользѣ человѣчества своей удали, своего свѣтлаго ума! Ты все перенесешь и не умрешь, моя родная! Недаромъ раскинулась ты отъ океана до океана—это твоя колыбель: ту колыбель ты современемъ разукрасишь. Въ ней сольются узами братства и любви всѣ племена земныя! Ты безъ разбора, съ русскимъ гостепріимствомъ, откроешь врата всѣмъ идущимъ къ тебѣ: славяне, латынь, германцы, греки, турки, татары—всѣмъ просторъ въ твоихъ безпредѣльныхъ равнинахъ! Стекайтесь же всѣ подъ знамя *христіанской любви*,—только эта *наука* просвѣтитъ умы и въ нихъ ясно загорится сознаніе наивысшаго закона Творца въ отношеніяхъ къ Его разумнымъ твореніямъ, безъ различія племенъ и религіи!..

Вотъ, по моему, твое высокое назначеніе, моя чудная родина! Такою мнѣ кажется въ отдаленномъ будущемъ благословенная судьба твоя...

Но нескоро настанетъ еще эта пора. До тѣхъ поръ прольется много слезъ и много крови, и едва-ли дѣти наши увидятъ эти счастливые дни.—Но заря занялась—будетъ и день...

Но вѣдь я ничего и не разсказала изъ того, что хотѣла... И вѣчно такъ. А сегодня такой славный вечеръ: мы однѣ, уроковъ давать не нужно, и думала, попишу.

Да, и писать удовольствіе здѣсь мнѣ большое: въ Иркутскѣ, какъ бывало и въ Смольномъ, я избѣгаю праздныхъ визитовъ; такъ что невольно становлюсь «заштатной» въ обществѣ. Сосредоточить же все въ себѣ нельзя—тяжело; мнѣ необходимо излить свои чувства, и бумага является моимъ милымъ терпѣливымъ другомъ.

Запросъ Нутѣ Его Императорскаго Высочества Принца П. Г. Ольденбургскаго.—Отпуски воспитанницъ.—Оля Сибирякова.

31 декабря. Со смертью Государыни Александры Өеодоровны, Ея И. В. Г. Императрица Марія Александровна желаетъ, кажется, приступить къ нѣкоторымъ преобразованіямъ женскихъ учебныхъ заведеній.

Нутѣ прислали программу, требуя, какъ и отъ всѣхъ начальницъ, ея мнѣнія. Дѣло идетъ *объ отпускѣ дѣтей къ родителямъ и объ измѣненіи программъ.*

Сестра уже отпускаетъ по праздникамъ дѣтей и на дняхъ она послала свое мнѣніе [1]). О дополненіи программъ она

---

[1]) Въ виду важности и особаго интереса вопросовъ о пользѣ и вредѣ отпусковъ изъ закрытыхъ жен. учеб. заведеній помѣщенъ здѣсь отрывокъ мнѣнія Анны Петровны. Въ болѣе полномъ видѣ оно напечатано въ приложеніяхъ къ уставу институтовъ.

„Исполняя волю Его Императорскаго Высочества, Предсѣдателя Главнаго Совѣта женскихъ учебныхъ заведеній, я беру на себя смѣлость высказать мое мнѣніе касательно отпусковъ воспитанницъ изъ института со всею искренностью, требуемою святостію дѣла. Долговременный опытъ убѣдилъ меня, что непродолжительные отпуски изъ института не только не повредятъ воспитанію, но могутъ даже способствовать ему въ той силѣ, что, несмотря на нравственное и умственное развитіе, пріобрѣтаемое воспитанницами въ институтѣ, онѣ не отчуждаются отъ среды, въ которой послѣ выпуска становятся дѣйствующими членами, не отчуждаются отъ семейства, а потому и переходъ ихъ отъ образованнаго общества часто къ необразованному семейству не производитъ на нихъ того ошеломляющаго дѣйствія, которое обыкновенно испытываютъ дѣвушки, кончившія курсъ воспитанія въ закрытыхъ заведеніяхъ, когда возвращаются подъ свой родной кровъ. Къ тому же, видя бытъ своихъ родителей и ихъ неимущее положеніе, дѣти съ раннихъ поръ свыкнутся съ мыслію, что и имъ придется трудомъ доставать средства къ жизни. Это сознаніе необходимости и потребности труда можетъ имѣть весьма благотворное вліяніе на ихъ успѣхи и на направленіе послѣдующей ихъ дѣятельности и внѣ стѣнъ института; оно точнѣе укажетъ имъ цѣль занятій, чего, при всей добросовѣстности воспитателей, весьма трудно достигнуть въ совершенно закрытомъ заведеніи, гдѣ все потребное для жизни воспитанницъ доставляется имъ безъ малѣйшей заботы съ ихъ стороны; *на словахъ же невозможно разоблачить горькую истину, часто ожидающую ихъ за порогомъ института.* Въ молодости, когда такъ легко живется, неохотно вѣрится въ предстоящее тяжелое будущее...

давно уже хлопочетъ. Ей хочется ввести преподаваніе въ Иркутскомъ институтѣ англійскаго языка въ виду близости Америки къ Восточн. Сибири, а также физики и естественной исторіи. Покамѣстъ, во время урока французскаго языка, я читаю и отрывки изъ зоологіи; беру самое занимательное

Что же касается до отпуска ихъ на вакаціи, то тотъ же долговременный опытъ доказалъ мнѣ, что *онъ никогда не проходитъ безъ вреда для воспитанницъ*: родители нравственныхъ семействъ, взявъ воспитанницу на короткое время, предоставляютъ ей полную свободу, боясь стѣснить ее малѣйшимъ занятіемъ, если оно противорѣчитъ наклонностямъ дѣвочки, повторяя въ извиненіе своей слабости: въ институтѣ научится и тому и другому, а теперь пускай себѣ отдохнетъ „*бѣдняжка*". И дѣйствительно „*бѣдная*" дѣвочка: она мало-по-малу утрачиваетъ охоту къ занятіямъ, къ которымъ часто съ большимъ трудомъ начала привыкать въ стѣнахъ института. Но это зло ничего еще не значитъ въ сравненіи съ тѣмъ, которому подвергается дѣвушка, оставаясь дома *долгое* время. Легко можно представить себѣ послѣднюю послѣ долгаго пребыванія въ семействѣ, часто весьма не отличающемся строгою нравственностью. Тамъ дитя, находясь подъ вліяніемъ дурныхъ примѣровъ, *заражается* ими само и ту же заразу вноситъ потомъ въ кругъ своихъ подругъ... Мнѣ доводилось быть свидѣтельницей живого участія, съ которымъ дѣти прислушивались къ пустымъ и часто безусловно вреднымъ разсказамъ своей возвратившейся „просвѣщенной" подруги. Въ подобныхъ случаяхъ вліяніе даже любимой ими наставницы оказывалось совершенно безсильнымъ воздѣйствовать на массу.—Столь сильно зло!

Ограничить же отпуски выборомъ мы не можемъ: это значило бы поколебать уваженіе дѣтей къ *родителямъ*, которое является основою уваженія дѣтей къ власти, что мы, какъ воспитатели, *должны всѣми средствами развивать и поддерживать* *).

Отказать же одной дѣвочкѣ въ отпускѣ на вакаціи въ то время, когда десятки ея подругъ разъѣзжаются по домамъ, не покажетъ-ли ей это нашего недовѣрія къ ея родителямъ, а любовь дѣтей къ нимъ не поставить-ли и насъ самихъ въ то же время въ ложное къ дѣтямъ отношеніе? Объяснять же причины отказа въ отпускѣ — слишкомъ рискованно. Не понимая настоящей причины отказа, не постарается-ли воспитанница найти ее въ неблаговоленіи начальства къ ея отцу или матери, и сколь тяжелы могутъ быть послѣдствія закравшагося недовѣрія, а можетъ быть со злобою, кровнаго оскорбленія къ ея воспитателямъ?

*) Взглядъ, достойный вниманія. „Ячейка семейная—есть основа государственности". (О бракѣ—Иванцова-Платонова).

ное для дѣтей, заставляю разсказывать, а потомъ заставляю письменно излагать прочитанное и разсказанное; это пріучаетъ дѣтей яснѣе выражать свои мысли на французскомъ языкѣ и даетъ имъ много полезныхъ свѣдѣній для жизни.

Какъ бы хотѣлось подвинуть и дать болѣе примѣнимое въ жизни образованіе; раскрыть возможно шире кругозоръ воспитанницъ, чтобы онѣ пробовали свои силы во всѣхъ отрасляхъ наукъ...

Оля Сибирякова [2]), которой я начала давать уроки музыки 7 января 1859 г., очень успѣла: теперь она проходитъ подготовительныя упражненія Гензельта, которыя ей очень нравятся и развиваютъ бѣглость пальцевъ.

Благослови успѣхомъ ее, Господи!—Мои ученицы успѣваютъ.

Благодарю Тебя, Владыко, за благословеніе моего труда!

Всѣ эти неудобства легко устраняются *кратковременнымъ отпускомъ по праздникамъ*, въ видѣ награды, назначивъ отсутствіе воспитанницъ отъ 11 часовъ утра до 5 ч. вечера зимою и до 6 ч. лѣтомъ. Каково бы семейство ни было, короткое пребываніе въ немъ останется безъ дурного вліянія: возвращеніе дѣвочки къ полезной дѣятельности, добрые примѣры, которыми она окружена въ продолженіе недѣли, заставятъ забыть неблагопріятное впечатлѣніе нѣсколькихъ часовъ.

Не знаю, извѣстенъ-ли Его Императорскому Высочеству образъ занятій воспитанницъ въ каникулярное время?

Въ Иркутскомъ институтѣ, когда прекращается всякое научное образованіе, то дѣти по цѣлымъ днямъ, оставаясь на открытомъ воздухѣ подъ надзоромъ образованныхъ воспитательницъ, проводятъ время въ чтеніи, въ разговорахъ съ ними, а потому никогда умственное развитіе ихъ не *двигается* такъ сильно и быстро впередъ, какъ въ каникулярное время, хотя и случается иногда, что имя какого-нибудь древняго завоевателя или названіе незначительнаго города испарится изъ ихъ головокъ. Сколько разъ случалось мнѣ видѣть, что изъ двухъ лучшихъ ученицъ та, которая пользовалась двухмѣсячнымъ лѣтнимъ отпускомъ, далеко отставала отъ своей подруги, остававшейся на это время въ стѣнахъ заведенія".

[2]) См. 1859 г. 7 янв. пр. 1.

1861 г.

Балъ.—Лейбницъ.—Размышленія о старости.—Провинціальная жизнь.

1 марта. Снова весь Иркутскъ, или, по крайней мѣрѣ, всѣ знакомые Извольскихъ [1]) пируютъ на балу у нихъ и снова я одна добровольно или, лучше сказать, своевольно уклонилась отъ участія въ этомъ празднествѣ.

Что мнѣ въ увеселеніяхъ въ мои годы? Молодость давно прошла,—пусть веселится, кто можетъ, а у меня свои удовольствія. Но между тѣмъ знакомые съ удивленіемъ спрашиваютъ: «неужели и сюда васъ не тянетъ»? «C'est un bal costumé et vous n'y allez pas»? И не понимаютъ они, что этотъ вздоръ теперь уже не можетъ меня тѣшить. Пожалуй, я бы охотно посмотрѣла на всѣхъ, если бы могла это сдѣлать лишь не выходя изъ своей комнаты; но ѣхать, думать о бальномъ нарядѣ... Боже, какая пытка!.. Бѣдная Нуточка должна на вечерѣ присутствовать, иначе придется перессориться со всѣми...

Право, какъ еще дики и насильственны свѣтскія отношенія! Неужели и впослѣдствіи также будетъ слагаться жизнь? Неужели и грядущія поколѣнія будутъ проводить время также неразумно, какъ коротаютъ его въ Иркутскѣ и также стѣснять другъ друга?!...

Сегодня съ большимъ удовольствіемъ прочла я статью

---

[1]) Извольскій, Петръ Александровичъ,—послѣ К. К. Венцеля гражд. губернаторъ въ Иркутскѣ.

о Лейбницѣ [2]). Вѣрованія этого геніальнаго человѣка, умъ котораго уже такъ много изслѣдовалъ и раскрылъ такъ много истинъ, производятъ успокоительное дѣйствіе. Съ напряженнымъ вниманіемъ прочитывала я каждое слово изъ его теоріи о Божествѣ, о душѣ человѣческой, о ея безсмертіи, о продолженіи ея жизни, т. е. дѣятельности, о сохраненіи свободы личности, и мнѣ какъ-то особенно легко становилось на душѣ: и близкая старость, и самая смерть не страшатъ меня болѣе... «*Нѣтъ смерти для духа*». «Нѣтъ старости»! Отрадныя мысли... Такъ и хочется жить послѣ смерти! На землѣ я положительно не жила. Доказательствомъ тому служитъ, что я не хочу пережить ни одного года изъ всѣхъ прожитыхъ мною... Господи, возврати мнѣ только мои прежнія вѣрованія! Мнѣ было такъ хорошо думать, что жизнь цѣлая, всеблаженная ждетъ меня за чертою этого міра! Съ такими убѣжденіями весело не только жить, но и умирать...

Сижу я теперь одна. Въ другой комнатѣ Оля Сибирякова [3]) играетъ давно знакомыя мѣста изъ «Нормы». Всѣ мотивы этой оперы извѣстны мнѣ давно, уже въ ранніе годы, проведенные въ Смольномъ...

Да, Смольный, Смольный... съ тобою сохраняются мои лучшія воспоминанія. Въ былые годы 1 марта мы проводили обыкновенно у Баумгартенъ [4]), у бывшей Додо, сводившей съ ума многихъ, воспѣтой прозой и стихами... И она перемѣнилась... Странно подумать, что и мы уже состарились?..

Какъ просто все это дѣлается: посѣдѣютъ волосы, пойдутъ по лицу морщины, взглянете на себя — вотъ и старость.

---

[2]) Лейбницъ (Готфридъ-Вильгельмъ)—знаменитый философъ. Родился въ Лейпцигѣ въ 1646 г. † въ 1716 году. Изъ его сочиненій Варв. Петровна особенно любила читать „Опыты человѣческаго познанія“.

[3]) Оля Сибирякова, см. 1859 г. 7 янв. прим. 1-е и 1860 г. 31 декабря.

[4]) Баумгартенъ (см. ч. 1-я стр. 159, 173, 192, 358, 402, 435).

Зачѣмъ только старѣется одно тѣло? Для чего же остаются прежняя свѣжесть и стремленія куда-то души? Пусть бы за одно старилось все вмѣстѣ? Но нѣтъ,—благо Провидѣніе, неисповѣдимы Его законы! «Un seul esprit vaut tout un monde» a dit Leibnitz; «le mien, par conséquent le vaut aussi: donc, qu'il vive, malgré le dépérissement du corps» [1])!

Думала и я когда-то, что больше жить не стоитъ, что темно на землѣ; позволь тогда только Нута, такъ бы и оторвалась отъ земли, гдѣ, казалось, въ конецъ изстрадалась душа, но мало-по-малу время залѣчило раны и новая жизнь загорѣлась во мнѣ: были даже очень свѣтлые дни... Стало быть, хорошо, что нѣтъ ничего вѣчнаго на землѣ. И страданія не вѣчны! Казалось мнѣ тогда, что я должна въ одну ночь посѣдѣть, такъ разомъ охватывала душу страшная скорбь... А между тѣмъ волосы и до сихъ поръ все еще не всѣ сѣдые,—даже темны, хотя слѣды остались на лицѣ, и морщины причудливыми узорами, похожія часто на буквы, говорятъ только о пережитомъ. Все это говоритъ и о старости, съ которою неразрывно должна быть и скромность...

Теперь наступили праздники. Дождь не перестаетъ идти. На небѣ сѣро, а на душѣ какъ-то мрачно,—вѣрно настроеніе зависитъ отъ погоды; можетъ быть и обстановка тоже дѣйствуетъ: занятія прекращены, я одна цѣлый день, да и многое, многое что другое... Отъ здѣшняго общества развлеченій мало можно ждать: и здѣсь, какъ бывало въ прежнія времена въ Саратовѣ—«не вспыхнетъ мысли въ цѣлыя сутки!..» Все та же безцвѣтная провинціальная жизнь, проявляющая свою общественную дѣятельность вечерами, обѣдами, балами, пикниками и тому подобными увеселеніями. Безъ картъ и танцевъ, кажется, пропадетъ Иркутское общество. Я всю жизнь ищу напрасно интересной и умной

[1]) „Умъ стоитъ цѣлаго міра", сказалъ Лейбницъ: „мой умъ стоитъ, слѣдовательно, той же оцѣнки; такъ пусть же онъ переживаетъ немощь тѣла".

бесѣды,—неисправима да и только! Неужели же на всей землѣ люди живутъ такою же жизнью, какъ у насъ «на дикомъ сѣверѣ?» «Да», говорятъ мнѣ: «вѣдь и животныя пляшутъ и по-своему веселятся»... Согласна я съ этимъ, но воля ваша, а какъ-то скучно существамъ разумнымъ подражать неразумнымъ животнымъ, даже какъ-то обидно...

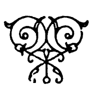
А какъ—по вашему, господа новаго и новѣйшаго поколѣнія? «Ничего? Да какъ же» говорите вы, «иначе и жить-то?» «О чемъ мыслить, о чемъ толковать?» «Не все же сидѣть дома за книгами, да за бумагами!»

«Да къ чему всѣ ваши бумаги, все это толченье воды въ ступѣ»?

Развѣ уже и нельзя найти болѣе подходящаго и разумнаго занятія на что бы могли быть употреблены ваши молодыя силы, наприм., на изслѣдованіе Сибири, на обученіе неграмотныхъ, на уходъ за больными и т. п. развлеченія. А то танцы да карты, карты да танцы,—вотъ и вся жизнь! Впрочемъ, есть и causerie, перебирающая по косточкамъ всѣхъ враговъ и друзей...

Скучно и глупо! Но и сердиться нельзя: не на кого. Все это дѣлается въ невинности душевной: всѣ идутъ по одной и той же дорогѣ...

Цѣлый день читая, я устала, хотѣлось бы живого слова; но въ Иркутскѣ въ этомъ отношеніи почти всегда «вѣчный голодъ».



Отъѣздъ графа Амурскаго изъ Иркутска.—Размышленія на берегу Ангары.—Некрасивая пепиньерка.—Послѣдній урокъ французскаго языка.

6 февраля. Ровно три недѣли назадъ графъ Амурскій покинулъ Иркутскъ и, кажется, навсегда.

Странное впечатлѣніе производилъ на меня этотъ чело-

вѣкъ: не видя, я скорѣе не любила его. Все слышанное про него поднимало непріятныя чувства въ душѣ, — но всякій разъ, когда мы видѣлись, мнѣ было жаль этого способнѣйшаго человѣка. Онъ всегда казался мнѣ «такимъ несчастнымъ» отъ слагавшихся какъ-то не въ пользу его обстоятельствъ... Такъ случилось и при прощаніи; я, какъ безумная, плакала при его отъѣздѣ, даже самой было совѣстно: могли подумать Богъ знаетъ что...

17 января, въ 11 часовъ, всѣ служащіе собрались въ Иркутскомъ соборѣ, гдѣ преосвященный владыка Парфеній [1]) служилъ напутственный молебенъ, вѣроятно, навсегда покидающему насъ графу. Мы поѣхали проститься съ Н. Николаевичемъ. Графъ былъ очень взволнованъ. По окончаніи молебствія онъ молча поцѣловалъ руку у Annette, Извольской [2]), Вакульской [3]) и у меня. Такъ разстались мы, быть можетъ, на всю жизнь. Говорятъ, здѣсь вообще его «не любили»,—насколько тутъ правды—не знаю. Мнѣ всегда казалось, что куда падаетъ много лучей солнышка, туда и всѣ цвѣточки обернутъ головки,—солнышко лучи свои отвело—и цвѣточки отвернулись...

На прошедшей недѣлѣ у М. С. Корсакова [4]) на заимкѣ собралось довольно много народу и я, противъ обыкновенія, не скучала. Мѣстоположеніе чудное! Заимка на горѣ; я гуляла много, а когда уставала, садилась на скамью на довольно крутомъ берегу Ангары. Передо мною шумѣла и струилась Ангара, а за ней виднѣлся весь Иркутскъ, освѣщенный заходящимъ солнцемъ. Вдали, да при солнечномъ освѣщеніи нашъ городокъ много выигрывалъ: видишь мно-

---

[1]) Преосв. Парфеній (Поповъ), епископъ Ирк. съ 1860 по 1870 гг. (см. 1870 г. 24 февр.).

[2]) Извольская, Евдокія Григорьевна.

[3]) Вакульская, Алекс. Корниловна, супр. гражд. губ. Иркутска, впослѣдствіи супруга ген.-губернатора.

[4]) Михаилъ Семеновичъ, ген.-губерн. Восточной Сибири послѣ Муравьева-Амурскаго.

жество строеній, сливающихся въ полусвѣтѣ и думаешь, невольно думаешь о многихъ существахъ, «живущихъ» и «прозябающихъ» въ нихъ... И спрашиваешь себя: «есть-ли межъ ними счастливые?» И какая цѣль ихъ существованія? И есть-ли здѣсь такія семьи, гдѣ миръ, согласіе и любовь царятъ между ихъ членами?.. И многое, многое другое бредетъ на умъ, заставляя забыть, что и сама я нахожусь окруженная такими же людьми, которые тоже томятся въ тѣхъ же домахъ, домикахъ и домищахъ... Все однѣ и тѣ же мелкія страстишки, все одна и та же жалкая, за немногими исключеніями, ничтожная съ дрязгами людская жизнь...

Но изъ этой тѣсной и почти однообразной общечеловѣческой семьи выдѣляются личности, предъ которыми можно благоговѣть: такова, напр., личность Ливингстона [5]), того путешественника, который всю жизнь свою проводитъ между дикими племенами Средней почти неизвѣстной части Африки, для распространенія между тѣми племенами евангельскаго ученія и, стало быть, возможности на землѣ счастья! Нѣтъ, не способна я на такой великій подвигъ. Гдѣ мнѣ! Не хватитъ и на нѣсколько минутъ самоотверженія. Ливингстонъ — святой человѣкъ: подобныя личности составляютъ въ нашей жизни утѣшительныя явленія и служатъ доказательствомъ величія души человѣческой.

— Завтра сестра выдаетъ замужъ третью пепиньерку, остается только одна, очень некрасивая дѣвушка [6]). Бѣдное дитя! Молодость ея была безотрадна. Въ 18 лѣтъ она отказалась отъ всякихъ выѣздовъ: въ эти годы тяжело видѣть себя на всѣхъ «сборищахъ» постоянно «одинокою». А между тѣмъ она добра, умна и образованна. Виновата-ль она, что природа произвела ее на свѣтъ «такою дурнушкою?»

---

[5]) Отважный путешественникъ по Африкѣ, занимавшій въ то время общественное мнѣніе Европы.

[6]) О. Л. изъ Селенгинска. Молодежь даже ее очень рѣдко приглашала танцовать на вечерахъ.

Хотя бы, по крайней мѣрѣ, она видѣла побольше сочувствія къ себѣ. Куда!.. Глумятся надъ ничѣмъ незаслуженнымъ несчастьемъ... Многое подобное и я перенесла на себѣ... Охъ, какъ можно возненавидѣть жестокость людскую. Какія то были тяжелыя минуты!.. Сегодня мы обѣдали съ нею вдвоемъ. Я старалась теплымъ, ласковымъ словомъ смягчить, хотя немного, горькую ея участь: говорила о благѣ труда, о жизни на пользу брата—человѣка, о независимости, пріобрѣтаемой добросовѣстнымъ трудомъ, говорила о высокомъ значеніи его, о предстоящей ей жизни. Дѣвушка слушала меня, слезы навернулись у нея да и у меня тоже; потомъ она встала, крѣпко меня обняла со словами: «ангелъ, Варвара Петровна»! На томъ мы и разстались. Жаль мнѣ бѣдняжку!.. Въ 18 лѣтъ ея сердце любви проситъ. Молодость жить хочетъ,—а жизни нѣтъ, ей только гнетъ, а жизнь бѣжитъ отъ нея. На любовь отнюдь надѣяться нельзя, хотя и дурнушки также чувствуютъ, какъ и хорошенькія.

Теперь въ литературѣ подняли вопросъ о женщинѣ,—слава Богу! Начало есть. Придетъ время, что заговорятъ о всѣхъ слабыхъ и угнетенныхъ... заговорятъ также объ участи некрасивыхъ дѣвушекъ, явятся, можетъ быть скоро защитники и ихъ интересовъ. Много уже говорятъ о равенствѣ свободныхъ личностей. Дай бы Богъ, чтобы хоть уменьшилась жестокость къ этимъ несчастливымъ личностямъ.

Недавно я сдала экзаменъ французскаго языка. Дѣти въ два года сдѣлали хорошіе успѣхи. Я старалась заниматься съ ними практически: всѣ правила примѣняла въ переводахъ, разсказахъ и въ разговорахъ. Французскимъ языкомъ я часто пользовалась для проведенія между дѣтьми понятій, выходящихъ изъ рамокъ институтскихъ программъ. Думаю, что сѣмя, брошенное на хорошую почву, въ свое время принесетъ плодъ...

Жаль мнѣ было разставаться съ дѣтьми и передавать

ихъ другому учителю. Онѣ тоже послѣ экзамена принялись плакать и просили, чтобы я простилась съ ними, но я не пошла, боялась разрыдаться,—вышло бы неловко... На другой день получила отъ нихъ прочувствованное письмо, которое берегу здѣсь на память. Все же не даромъ жила два года въ Сибири. Вотъ въ чемъ мое утѣшеніе, моя жизнь, моя услада...

Благослови, Господи, это юное поколѣніе! Пусть оно будетъ лучше насъ!

Освобожденіе крестьянъ.—Воспоминанія о 14-мъ декабря 1825 г.—О Рылѣевѣ и его дочери.

22 сентября. Что со мною дѣлается? Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ не дотрогивалась до пера. Какая-то апатія нападаетъ, даже писемъ не хочется писать!

Бѣдная сестрицинька, приходится и ей наряду со всѣми помѣщиками искупать прежніе, невольные грѣхи баричей [1]). Много ей хлопотъ предстоитъ: дворовые требуютъ, кромѣ воли, по 100 руб. каждый. Гдѣ ей взять? А, между тѣмъ, справедливость требуетъ наградить бѣдныхъ людей, проведшихъ жизнь въ рабствѣ. Крѣпостная зависимость—большое зло, введенное у насъ Годуновымъ. Крутой и жестокій былъ характеръ Годунова!.. Что передъ *Нимъ нашъ* Николай Павловичъ,—агнецъ. Будь-ка 14-е декабря при великомъ батюшкѣ Петрѣ Алексѣевичѣ—не пятерымъ бы досталось... [2])

Да, много картинъ прошлаго воскресаетъ въ моей памяти. Припоминается и 14-е декабря 1825 г., когда насъ привезли изъ Кіева въ Петербургъ и, не стѣсняясь нашимъ присут-

---

[1]) Елизавета Петровна. См. 1 ч., стр. 113 и 440-я.

[2]) См. записки Мих. Александр. Бестужева (тамъ 14 декабря очень подробно) и Русск. Архивъ за 1899 г. (письмо А. Ѳ. Воейкова къ кн. Е. А. Волконской).

ствіемъ, каждый высказывалъ свое сужденіе. Разсказывали очевидцы о казни этихъ пяти преступниковъ; вся душа переболѣла за нихъ, и видѣлись ясно мнѣ идущіе на висѣлицу. Между ними былъ и Рылѣевъ, любовь котораго къ отчизнѣ казалась мнѣ всегда симпатичной:

«Погибну я за край родной.
Я это чувствую, я это знаю
И радостно, Отецъ Святой,
Свой жребій я благословляю»,

говорилъ онъ.

Почему-то съ самаго дѣтства, съ перваго дѣтства я питала къ нему жалость, которая переселилась впослѣдствіи и на его дочь [3]). Тогда насъ только что привезли изъ Кіева въ Петербургъ.

14 декабря произвело на меня сильное впечатлѣніе, которое я не могу забыть во всю жизнь. Никто не обращалъ вниманія на маленькое дитя, и говорили при насъ не стѣсняясь обо всемъ; я слушала и сердечко содрогалось...

Отецъ мой былъ глубоко преданъ Престолу. Оставшись 7-ми лѣтъ круглымъ сиротою, онъ былъ почти дочиста обобранъ родственниками. Восьми лѣтъ его записали въ полкъ, по древнему дворянскому обычаю, а 12 или 13-ти отправили на мѣсто назначенія къ командиру полка, генералу Ратькову, гдѣ жена и дочь этого «николаевскаго» вояки обласкали мальчика, полюбили за живость его характера, за природный умъ и, вѣроятно, за выразительное личико да хорошенькіе глазки. Образованія отецъ не получилъ никакого, — зналъ только русскую грамоту. Выросши на службѣ царской чуть не съ пеленокъ, онъ являлся патріотомъ до мозга костей, до фанатизма, начиная съ куренія «исключительно» русскаго табаку.

[3]) См. зап. ч. 1-я 1836 г. 26 февр.—стр. 89-я. Рылѣевъ К. Ѳ. писатель-декабристъ. (См. о немъ „Рус. Стар.“ за 1873 г.)

Бунтъ 14 декабря, въ его глазахъ, былъ огромнымъ, выдающимся преступленіемъ. Онъ самъ, въ качествѣ адъютанта графа Комаровскаго [4]), находился на Сенатской площади во время стрѣльбы; самъ видѣлъ, какъ Каховской ранилъ Милорадовича [5]), какъ митрополитъ [6]) два раза ѣздилъ уговаривать бунтовщиковъ. Разсказывалъ со слезами умиленія, какъ Государь, остановившись передъ войскомъ, сказалъ: «стрѣляйте въ меня!» Разсказывалъ о сердцѣ русскаго солдата: — какъ, послѣ первыхъ выстрѣловъ по толпѣ, солдаты Московскаго полка побросали ружья и пали на колѣна предъ «Исаакіемъ» [7]). И много, много подобнаго, что уже теперь ускользнуло изъ памяти.

Въ этотъ страшный день мы долго ждали отца къ обѣду. Уже смерклось, а его все не было. Мачиха стала безпокоиться, послала человѣка къ графу, и только вечеромъ пріѣхалъ самъ отецъ съ словами: «бунтъ!» Послали въ гимназію за старшимъ братомъ, и онъ первый намъ разсказалъ множество страшныхъ, пустыхъ и дѣтскихъ слуховъ. Насъ рано уложили въ постель, но подъ давленіемъ чего-то ужаснаго, отзывавшагося на родителяхъ, мы долго не спали, прислушиваясь ко всякому шороху. Мы слышали, какъ папа разсказывалъ, что солдаты Московскаго полка останавли-

---

[4]) Графъ Комаровскій, Евграфъ Ѳедотовичъ, ген.-отъ-инфант., командиръ отдѣльн. корп. внутренней стражи (род. 1764 г. и † 1843 г.). О немъ см. „Русск. Старина“ 1873 г., т. 7, стр. 293—307.

[5]) См. запис. Богуславскаго—„Гр. М. А. Милорадовичъ“. Графъ Милорадовичъ, Михаилъ Андреевичъ, — извѣстный боевой генералъ, род. 1771 г. Занималъ въ концѣ жизни постъ С.-Петербургскаго генералъ-губернатора и умеръ отъ раны, полученной во время мятежа 14 декабря 1824 года.

[6]) Митрополитъ С.-Петербургскій Серафимъ, въ сопровожденіи митрополита Кіевскаго Евгенія и иподіакона Прохора Иванова (подробнѣе объ этомъ подвигѣ гражданскаго мужества въ историко-статистическихъ свѣд. о с.-петербургской епархіи, вып. осьмой, стр. 43—45).

[7]) Т. е. предъ Исаакіевскимъ каѳедральнымъ соборомъ, на площади котораго это происходило.

ваютъ проѣзжающихъ и проходящихъ вопросомъ: «за Константина или за Николая?» и кто за Николая—того убиваютъ. Зато со словомъ *«московскій солдатъ»* на меня нападалъ какой-то страхъ и мысль объ убійцахъ. Солдатъ-деньщикъ разсказывалъ, что изъ Невы у Сената выѣзжалъ Георгій Побѣдоносецъ на конѣ съ мечемъ и побивалъ бунтовщиковъ. Мы боялись выйти не только гулять, но и на крыльцо. Моему дѣтскому воображенію послѣ того долго всѣ солдаты казались чуть не «разбойниками». Помню толкованіе носившаго къ намъ воду мужичка: «бунтуютъ баре за жену царя Константина—Конституцію».

Папа былъ всею душою преданъ Царю, а потому ненавидѣлъ декабристовъ. Эта ненависть передалась и мнѣ. Въ Иркутскѣ же пришлось познакомиться съ нѣкоторыми изъ нихъ,—и я убѣждена, что и папа жалѣлъ ихъ. Помню, какъ говаривалъ онъ впослѣдствіи: «120 человѣкъ погибло!—безумцы!..» Будучи дѣвочкой, уже подросткомъ, я слышала, какъ папа читалъ одному гостю письма Рылѣева къ женѣ, писанныя наканунѣ смерти, и Оболенскаго къ отцу, ходившія, вѣроятно, по рукамъ. И врѣзались мнѣ въ память слова Рылѣева: «уже полночь,—иду одѣваться!..» Теперь я ихъ жалѣю, но и негодую на упрямство этихъ людей: въ нихъ нѣтъ любви къ близкимъ, но любовь къ себѣ и обожаніе своихъ взглядовъ заглушаютъ все...»

Припоминается разсказъ родственницы моей матери, которая была очевидцемъ такого случая. Была она на смотру или на разводѣ и тамъ подлѣ нея стояла какая-то дама съ дѣвочкой. Въ то время дозволяли просить Государя вездѣ, гдѣ Его встрѣтятъ. Случились просители и тутъ. Когда Государь выслушивалъ просьбу одной дамы, дама, стоявшая возлѣ моей родственницы, вмѣстѣ съ ребенкомъ бросилась передъ Нимъ на колѣни.

— Государь, пощадите мужа!

— Ваша фамилія?

— Рылѣева.—

— Вашего мужа простить не могу,—сказалъ Онъ и прошелъ мимо.

Рылѣева упала. Государь велѣлъ кому-то изъ окружавшихъ подать ей помощь. Послѣ этого дочь Рылѣева была принята въ патріотическій институтъ; мы воспитывались съ нею въ одно время; она однимъ годомъ позже насъ вышла изъ института. Когда въ 1835 году, 22 іюля [1]), воспитанницы всѣхъ институтовъ пріѣзжали въ Смольный, я, узнавъ, что между ними дочь Рылѣева, которую отецъ, по моему убѣжденію, не любилъ, отыскала ее, чтобы взглянуть и познакомиться съ нею. Помню, какъ сейчасъ, ея блѣдное личико и ее, бойкую и веселую. Гдѣ-то она теперь? Жива-ли? Но, вѣрно, и она живо помнитъ все случившееся, хотя ей было тогда всего пять лѣтъ?..

Не понимаю, какъ укладывалась въ душѣ моей преданность къ Государю съ состраданіемъ къ этимъ бунтовщикамъ? Вѣроятно и тогда, какъ и теперь, жаль было тѣхъ, кто, будучи хорошо одаренъ отъ Бога, заблудился, а чрезъ то сталъ несчастнымъ... Въ Смольномъ, слыша только отовсюду безконечныя похвалы Государю, я привыкла смотрѣть на Него, какъ на высшее существо, и когда вспоминала 14 декабря и людей, участвовавшихъ въ немъ, я ихъ ненавидѣла, теперь же ихъ жалѣю и, на нихъ негодуя, радуюсь, что Господь сохранилъ Царя для блага Россіи.

Вѣчная добрая память.—Разсказъ сибирскаго купца объ Е. И. В. Наслѣдникѣ Цесаревичѣ Николаѣ Александровичѣ.

25 сентября. Могу-ли я разсчитывать на продолжительную память по себѣ? А какъ хорошо послѣ смерти быть

[1]) См. зап. час. 1-я 1836 г. 26 февр., стр. 89.

помянутымъ молитвою и добрымъ словомъ!.. Мнѣ кажется, ничего лучшаго и высшаго для самолюбія человѣка не можетъ быть, какъ доброе воспоминаніе людей изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ. Лѣтописецъ Несторъ и до сихъ поръ живетъ въ памяти нашихъ современниковъ, я тоже, какъ «лягушка, глядя на вола», быть можетъ, похожа на лѣтописца: я тоже кое-что разсказываю... Нѣтъ, нѣтъ, я шучу, шучу! Что я могу и смѣю разсказать? Часто не хочется говорить дурно о людяхъ, а хорошаго сказать нечего—его такъ мало, особенно у насъ, въ городкѣ скуки, интригъ и сплетенъ...

На дняхъ слышала я отъ почтеннѣйшаго сибирскаго купца разсказъ и восторгалась. На прошедшей нижегородской ярмаркѣ Наслѣдникъ Николай Александровичъ [1]) прогуливался въ рядахъ одинъ безъ полиціи,—накупилъ сарпинки, разныхъ плодовъ, ходилъ по Сибирской пристани, велѣлъ открыть цибикъ съ чаемъ, посмотрѣлъ, какъ его укладываютъ и далъ на артель пять рублей тѣмъ, которые открывали цибикъ. Подошелъ къ кваснику, попробовалъ квасъ и сказалъ: «какой скверный»... На это квасникъ отвѣтилъ: «Ваше Высочество, откупъ запрещаетъ намъ продавать квасъ лучшаго сорта».

«Почему?»

«Потому, что народъ станетъ меньше покупать пива и вина».

«Правду-ли ты говоришь?»

«Правду истинную, Ваше Высочество».

Говорятъ, что вслѣдствіе этого и многаго другого тому подобнаго В. Князь отказался отъ торжественнаго обѣда администраціи города и обѣдалъ только у губернатора Му-

[1]) Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ род. 1843 г., † 1865 г. въ ночь на 12 апрѣля въ Ниццѣ (см. 14 и 15 апрѣля 1865 г.).

равьева. Въ Казани онъ обѣдалъ только у татарскаго купца Абакова.

Я восхищаюсь примѣромъ Наслѣдника. Давно бы пора высокопоставленнымъ лицамъ послѣдовать примѣру Наслѣдника Престола и держать себя поближе къ жизни имъ ввѣренныхъ, чтобы видѣть и знать все, а особенно мѣстныя нужды провинціи. Какъ бы ихъ за это любилъ и боготворилъ народъ!.. Какъ бы быстро процвѣтала Россія!..

Предложеніе быть начальницею женскаго духовнаго училища.

12 октября. Часъ тому назадъ пріѣзжала начальница здѣшняго духовнаго училища предупредить меня, что пріѣдетъ къ намъ епископъ Парѳеній предложить мнѣ ея мѣсто. Поблагодаривъ за честь, я наотрѣзъ отказалась отъ него.

Я никогда не отдѣляла мою работу отъ дѣятельности сестры. Нуточка привыкла видѣть во мнѣ половину себя. Для чего же я теперь стану разставаться съ нею? Полезной человѣчеству могу быть я и здѣсь: слава Богу, у меня теперь занято уроками 27 ч. въ недѣлю. И Господь вознаграждаетъ труды мои: дѣти успѣваютъ. Не та-ль же и это нива съ тою только разницею, что здѣсь я незамѣтная труженица, а тамъ должна стоять во главѣ и давать направленіе цѣлому заведенію? Богъ знаетъ, хватило-ли бы у меня умѣнья на такое великое дѣло? Надо вырабатывать «духовныхъ» дѣвушекъ, которыя бы чистымъ огнемъ горѣли по деревнямъ и захолустьямъ, которыя бы своимъ примѣромъ несли христіанское просвѣщеніе въ народѣ... А какъ трудно этого добиться при возмутительно-свободомыслящемъ направленіи учителей? Для этого нужна борьба почти со всѣми,— борьба тяжелѣе Нутиной. Я же никогда не распоряжалась, а всю жизнь только исполняла

приказанія другихъ. Поздно теперь, когда отказывалась и раньше, брать на свою отвѣтственность столь трудное воспитаніе, да еще дѣтей духовныхъ... Правда, воспитывала я довольно самостоятельно дѣтей въ Смольномъ, но тамъ меньше было отвѣтственности; дѣти благовоспитаннѣе и легче пріучались къ извѣстной дисциплинѣ, но и тамъ я была плохою воспитательницею... А теперь просто даже какъ-то дико разстаться съ Нутою и отнять у института любящее, преданное его начальницѣ существо, которое, разумѣется, по силамъ старается принести пользу тому заведенію, гдѣ служитъ ея сестра. Мнѣ было бы даже совѣстно промѣнять свое ничтожное положеніе въ свѣтѣ на болѣе видное.

Начальница духовнаго заведенія получаетъ 800 р. жалованья, помѣщеніе, экипажъ, прислугу. Я здѣсь получаю 1,200 р., и мнѣ предлагаютъ оставить уроки за собою. Получать столько пріятно,—но нечестно ради денегъ набирать столько обязанностей, которыхъ не въ силахъ одинъ человѣкъ честно исполнить. Для чего мнѣ разставаться съ Нутою? Господь благословитъ насъ и подкрѣпитъ! Лучше мнѣ помогать ей и поддерживать ее на священномъ и отвѣтственномъ поприщѣ.

«Найдутся на это мѣсто люди лучшіе и болѣе способные, чѣмъ я»,—отказываясь, утѣшала я добраго владыку.

Сходки студентовъ.

21 ноября. Какое тревожное время мы переживаемъ... Теперь всѣ умы такъ настроены, что отъ одной искры можетъ вспыхнуть пожаръ,—особенно среди молодежи. Мнѣ жаль ее, настраиваемую герценскими коноводами—«[illegible] и *отечества и человѣчества*»...

У насъ много разсказываютъ о сходкахъ студентовъ столичныхъ университетовъ; говорятъ, что послѣ новаго указа Пут. студенты отправили къ попечителю Ф. депутацію изъ 5 человѣкъ; Ф—онъ ихъ не принялъ. На слѣдующее утро собралось на университетскомъ дворѣ около 1,500 студентовъ и давай шумѣть... Сколько арестованныхъ...

Бѣдные, бѣдные юноши! Какъ не понять имъ простой житейской истины: ни одинъ умный владѣлецъ не впряжетъ молодыхъ, необъѣзженныхъ коней въ дорогой экипажъ: онѣ разнесутъ его, поломаютъ и могутъ убить кучера. Лишь враги юношества такъ могутъ внушать студентамъ, что они какая-то *законодательная сила.* «Чтобы управлять другими — надо самому научиться повиноваться». А когда же и учиться этому, какъ не въ учебномъ заведеніи?

Повинуйтесь за все: и за строптивость и за доброту, — тогда изъ васъ выйдутъ выдержанные начальники, могущіе владѣть собою въ самыхъ возмутительныхъ обстоятельствахъ жизни, а иначе вы напоминаете пѣтуховъ, которые дерутся, а потому ихъ надо сажать по разнымъ угламъ или заколоть во избѣжаніе дракъ.

1862 г.

Землетрясеніе въ Иркутскѣ.

3 января. Шумно и страшно закончилось тысячелѣтіе Россіи въ Иркутскѣ.

Земля сильно сотрясалась, зданія качались, трескались, кресты съ церквей падали, колокола звонили сами собою, еще бы такой ударъ, и едва-ли бы остался камень на камнѣ. Трескъ былъ оглушительный и неудержимый, страхъ гналъ всѣхъ жителей на улицу. Въ Губ. Вѣдомостяхъ, вѣроятно, на дняхъ дадутъ подробный отчетъ о случившемся. Удручающее впечатлѣніе произвело землетрясенье на горожанъ, — но что происходило у насъ въ институтѣ, хочу записать, но не знаю, удастся-ли кончить мой разсказъ: вотъ уже пятый день, какъ земля почти не перестаетъ колебаться [1]). Одинъ Господь знаетъ, чѣмъ все кончится? Можно ждать гибели и смерти на каждой буквѣ изъ этихъ строкъ... Страшно умирать вообще, но умирать въ минуту всеобщаго разрушенія еще страшнѣй! Но да будетъ Его Святая воля!

30 декабря, только-что мы проводили М. С. Корсакова [2]), просидѣвшаго у насъ съ часъ времени, и пошли съ сестрою въ зало походить въ ожиданіи обѣда, — на часахъ было безъ

---

[1]) Эти колебанія повторялись съ перерывами цѣлый годъ.

[2]) Михаилъ Семеновичъ Корсаковъ (см. 1863 г. 22 іюля). Госуд. дѣятель. Съ 1848 г. командиров. для особыхъ поруч. къ Н. Н. гр. Муравьеву-Амурскому. Съ 1862—генер.-губернат. Восточной Сибири († 1871 г.).

пяти минутъ четыре,—вдругъ поднялся шумъ, страшный трескъ и вслѣдъ за тѣмъ посыпалось что-то! Показалось мнѣ, что рушится наружная стѣна дома. Не понимая причины, объятыя паническимъ страхомъ, мы почти выбѣжали въ коридоръ. Тамъ уже стоялъ экономъ и вся мужская прислуга. На вопросъ сестры: «Что такое случилось?» «Землетрясеніе», отвѣтили ей. Но странно, мы не чувствовали ровно никакого содроганія.

Сестра тотчасъ отправилась наверхъ къ дѣтямъ. Тамъ, говорятъ, былъ страшный трескъ, особенно въ третьемъ этажѣ, но все обошлось благополучно.

Сохрани насъ, Боже!

Землетрясеніе повторяется.

15 января. До сихъ поръ еще слышатся сильные удары. Вчера, во время обѣдни, начиная съ пѣнія «Иже Херувимы», я стала чувствовать содроганіе пола и колонны, къ которой стояла прислонившись, но, принимая то за игру напуганнаго воображенія, я не придала этимъ ощущеніямъ большого значенія.

Во время «Вѣрую» колебанія усилились; я инстинктивно отскочила отъ колонны, и въ эту секунду невидимая сила потрясла двери и стѣны нашего зданія. Нуту оттолкнуло отъ стѣны, подлѣ которой она стояла. Чудныя дѣти не перестали пѣть, но голоски ихъ дрожали и зафальшивили. Я вмѣстѣ со всѣми преклонила колѣни, но молиться не могла; изъ всего символа вѣры слышала только «*и жизни будущаго вѣка*»...

Да, Господи, вѣрую,—хочу вѣровать, что жизнь не кончится этою скучною, тяжелою, земною жизнью, полною борьбы,

испытаній и всякаго рода волненій; я хочу вѣрить, что душа будетъ жить и по смерти.

Вчера вечеромъ въ четверть двѣнадцатаго мы сидѣли въ залѣ; вдругъ застучали окна и зашевелились стулья подъ нами. Нута бросилась къ дѣтямъ, которыя уже спали; отъ сильнаго удара многія въ испугѣ проснулись, но вели себя благоразумно: никто не кричалъ, не прыгалъ съ постели, хотя многія плакали, однако же всѣ были умницы. Нута, крайне взволнованная, обошла всѣ спальни и успокоивала, насколько было возможно, испуганныхъ, а мы остались по-прежнему у стола, пославъ только за экономомъ института, съ которымъ я усѣлась играть въ шашки, чтобы какъ-нибудь убить томительное ночное время, *ежесекундно* ожидая новыхъ и новыхъ ударовъ. Ужасное то было состояніе... Такъ просидѣли мы до половины второго. Усталыя, наконецъ, разошлись. Нута, полуодѣтая, прилегла на постель, я же, совсѣмъ не раздѣваясь, примостилась на диванъ и до 4-хъ часовъ не переставала чувствовать колебаній почвы. Слышала, какъ пробило половину 5-го и совсѣмъ *истомленная* я перешла въ постель, заснувъ до 8. Съ половины десятаго до половины двѣнадцатаго я уже дала урокъ, въ 12 час. до 4-хъ опять уроки. Сила въ немощахъ совершается: утромъ едва держалась на ногахъ—теперь же ничего, хотя, правда, урокъ тянулся утомительно долго. Вниманія къ временному, земному преподаванію самая малая доля: всѣ въ ожиданіи чего-то ужаснаго, гнѣва Божія, ежесекундно готоваго разразиться надъ нами.

Какіе безпомощные мы люди?!

Господи, да будетъ воля Твоя!

Сильное дрожаніе Иркутска 30-го декабря на всѣхъ оставило печать страха и ужаса. Вечеромъ, во время пѣнія за всенощной «Хвалите Господа», страшно сильно застучали всѣ двери, какъ будто бы кто-нибудь въ нихъ ломился; зашаталось паникадило,—дѣти бросились, по обыкновенію, на

колѣни, пѣвчіе же продолжали на клиросѣ хвалить Господа своими юными, дрожащими, полными слезъ голосками. Юности страхъ смерти несвойственъ, потому всѣ молодыя, добрыя силы припали къ Вседержителю!..

Ночью было все тихо; мы успокоились.

На другой день, въ воскресенье, перебывало у насъ много посѣтителей; къ двумъ часамъ всѣ *гости* разъѣхались. Мы съ Нутой сѣли въ кабинетѣ, чтобы немного разсѣяться и я начала читать вслухъ что-то изъ «Современника» за октябрь, — чуть-ли не Стюарта Милля [1]).

Въ двѣнадцать минутъ третьяго почувствовавъ, что полъ и стулья заколебались подъ нами, мы повскакали и едва достигли до дверей корридора, какъ раздался такой сильный и страшный трескъ, какъ будто все зданіе рушилось. Мнѣ казалось, что выпадали со стѣнъ камни и разсыпалось все зданіе. Трескъ этотъ напоминалъ взрывъ пороховыхъ магазиновъ въ Петербургѣ 1858 года [2]). Я въ ужасѣ побѣжала на парадную лѣстницу, чтобы оттуда броситься на улицу; но меня удержалъ протяжный крикъ, раздававшійся сверху. Оглянувшись, я увидѣла бѣгущихъ по лѣстницѣ вмѣстѣ съ родственниками и навѣщавшими дѣтей — блѣдныхъ, испуганныхъ, въ слезахъ воспитанницъ. Нута принимала и утѣшала бѣгущихъ, уводя ихъ къ себѣ, въ свои комнаты. Я же бросилась наверхъ, къ тѣмъ дѣтямъ, которыя не успѣли сойти, или оказались храбрѣе меня и своихъ подругъ. Взбѣжавъ во второй этажъ, встрѣтила вмѣстѣ съ дѣтьми одну изъ классныхъ дамъ, которая въ ужасѣ говорила: «Не ходите наверхъ; тамъ все рушится, *камнемъ убило дѣвушку*»... Вдругъ подбѣгаетъ ко мнѣ «трапезникъ» [3]) и говоритъ: «Нужно перебираться изъ корпуса, тамъ (указывая на верхъ) камни сыплются».

---

[1]) Джонъ-Стюартъ Милль—извѣстный англійскій мыслитель (1806—1873).

[2]) 20 августа на Пороховыхъ заводахъ, за Охтою. Въ зданіи Импер. общ. бл. д. этимъ взрывомъ было выбито болѣе 500 стеколъ.

[3]) Прислуживавшій при церкви церковный сторожъ (изъ ссыльныхъ).

Не хватило у меня мужества идти наверхъ, и скорѣе, скорѣе подобравъ остальныхъ дѣтей, я увела ихъ къ Нутѣ.

«У страха глаза велики»: послѣ обнаружилось, что эти вѣсти были преувеличены. Обвалилась во многихъ мѣстахъ институтскаго зданія штукатурка и ушибла одну изъ служанокъ въ голову не особенно сильно: на другой день она была уже на ногахъ. Дѣйствительно, упалъ образъ и крестъ въ церкви, а у служащихъ съ этажерокъ и стѣнъ попадали вещи; кое-гдѣ въ зданіи оказались трещины, — больше не было никакихъ поврежденій. Могло быть хуже. Господь терпитъ еще беззаконіямъ нашимъ...

Еще одинъ подземный ударъ.

19 февраля. Все хочу сестрѣ Лизочкѣ описать наши страхи и ужасы, но вѣрно не судьба кончить это описаніе. Больше не стану продолжать ихъ — измучилась. Только успѣла придти въ себя, стала писать — и вдругъ опять волненіе: земля еще не успокоилась. Сегодня ночью съ 17 на 18 снова насъ тряхнуло и довольно сильно.

Господи, Ты Одинъ — наша защита! Мы уже жили, намъ не такъ страшна смерть, но пожалѣй жизнь дѣтей! Быть можетъ изъ нихъ выйдутъ чудные люди!..

Матеріалисты.

24 февраля. Скучно; а скучно потому, что недовольна я собою; а недовольна буду собою, вѣроятно, до тѣхъ поръ, пока не сомкнутся на вѣки глаза.

Читаю и думаю: зачѣмъ пишутъ эти противные матеріалисты? Зачѣмъ отнимаютъ они отъ людей ихъ лучшія, ихъ

высшія наслажденія? Что даютъ они взамѣнъ надежды на будущую, лучшую жизнь?!—Здѣшнюю грязную, гадкую жизнь, съ которой никто справиться не можетъ...

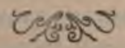
Иркутскъ да журналы опять сбили меня съ толку. Неужели пріятно и весело этимъ «человѣколюбцамъ» разбивать вѣру и счастье людей, отнимать надежду — имѣть когда-нибудь покой души?..

Но нѣтъ, не вѣрю; не хочу вѣрить ихъ безотраднымъ, безвыходнымъ толкованіямъ!.. Господь видитъ меня, Господь слышитъ меня.

— О нѣтъ, я буду еще жить лучшей жизнью, послѣ этой томительной, тяжелой жизни,—иначе Богъ не благъ. А благость Его мы видимъ вездѣ... Уйдите, не отнимайте отъ меня моего утѣшенія, моей опоры...—дайте жить за гробомъ! Къ чему вы хотите отнять у меня столь дорогое, святое?..

Здѣсь Михайловъ. На дняхъ везутъ его въ Нерчинскъ[1]). Онъ начитался бредней этихъ губителей, онъ не вѣритъ въ будущую жизнь. Что же его можетъ сдерживать въ поступкахъ и улучшать, какія основы? Ужъ не авторитетъ-ли этихъ негодяевъ губителей?.. «Пусть бы было только мнѣ хорошо, а до другихъ какое дѣло?» — Вотъ ваше правило, матеріалисты! Такъ бы открыто его и проповѣдовали. А когда вы видите, что зло наносите людямъ и этимъ услаждаетесь,—то, по взгляду вѣрующаго человѣка, вы—слуги бѣса. Когда же сами попадаетесь въ несчастіе, ищете утѣшенія въ религіи!..

О, бѣдный, бѣдный крестьянскій вопросъ, чѣмъ-то ты уладишься?..[2])



[1]) Михайловъ—неблагонадежный ссыльный.

[2]) Т. е. освобожденіе крестьянъ (19 февр. 1861 г.), обсуждавшееся тогда всею прессою.

И. С. Аксаковъ.

28 февраля. Люблю я газету *«День»*, и возмущаютъ меня всеобщія нападки и насмѣшки надъ личностью ея редактора, Ивана Сергѣевича Аксакова [1]). Бываютъ, разумѣется, и у него промахи; но стремленія его столь благородны, исполнены такою любовію къ родинѣ, что всѣ его ошибки, право, можно простить. Особенно нравится онъ мнѣ тѣмъ

И. С. Аксаковъ.

что не увлекается отжившими, гнилыми началами западныхъ государствъ, а держится *исконно-русскаго*. Но какимъ глумленіямъ за свои русскіе взгляды подвергается онъ!..

---

[1]) Аксаковъ, Иванъ Сергѣевичъ—знаменит. русскій публицистъ (род. 1823—1886 г.), въ годы Турецкой войны получившій всемірную извѣстность,—выставленный даже нѣкоторыми избирательными болгарскими комитетами кандидатомъ на болгарскій престолъ. (См. «Жизнь замѣчательныхъ людей». *«Аксаковы, ихъ жизнь и литературная дѣятельность»*, В. Д. Смирнова. Изд. Спб. 1895 г.).

Броженіе умовъ.—Бакунинъ.—Герценъ.—Обѣдъ Е. М. Жуковскаго французскому послу.—Депутаты американскихъ чеховъ въ Сибири.

15 іюня. Что-то ожидаетъ мою возлюбленную Россію? Замѣтно у насъ броженіе умовъ. Либералы мечтаютъ о переворотахъ,—но какихъ? Не начнутъ-ли рѣзню—какъ и во Франціи, во время первой революціи? Либералы забываютъ, что игра съ огнемъ опасна.

Повторяются странныя историческія событія. То же пишется, то же говорится, и такъ же злоупотребляютъименемъ народа, какъ до сихъ поръ злоупотребляли именемъ Божіимъ... Бакунинъ[1]), тотъ *самый Бакунинъ*, который здѣсь подличалъ передъ властями, который раздавалъ милостыню пофарисейски и оказывалъ благодѣянія, получая деньги отъ откуповъ,—теперь пишетъ воззванія къ славянамъ. Онъ же, спаивая русскихъ, «*ратуетъ за народъ*» и кончаетъ свои рѣчи словами: да будетъ «*воля его*!..» А случись только попхнему, и онъ, и Герценъ [2]) и Огаревъ [3]) приберутъ тотъ же «народъ» къ рукамъ и станутъ вѣшать ихъ не хуже какого нибудь падишаха.

Грустно мнѣ такъ думать о Герценѣ, но его послѣдняя

---

[1]) Бакунинъ М.—см. зап. ч. II, 1859 г. 9 мая.—Въ Иркутскѣ онъ называлъ себя «дѣйств. тайнымъ совѣтникомъ», указывая на свою близость къ властямъ, всячески вкрадывался въ ихъ довѣріе, возмущая окрестныхъ жителей. Въ 1861 г. бѣжалъ въ Америку.

[2]) Герценъ, публицистъ — издатель запрещеннаго «Колокола». Съ 1887 г. эмигрантъ изъ Россіи, другъ, пріятель и защитникъ взглядовъ Бакунина († 1870 г.) См. «Жизнь и дѣятельность А. И. Герцена». В. Д. Смирнова. Изд. 1898 г.

[3]) Огаревъ — публицистъ-либералъ (1813—1877), находился подъ Герценовскимъ вліяніемъ, въ 60-хъ гг. сталъ во главѣ пытавшагося разрѣшать и религіозные вопросы либеральнаго «Вѣча». Вліяніемъ его „Вѣча“ отторглась отъ Россіи часть старообрядцевъ и поселилась въ Румыніи, гдѣ они пребываютъ до сихъ поръ, поддерживая всячески русскихъ раскольниковъ.

выходка съ Шедоферроти [4]), письмо котораго онъ отказался напечатать въ своемъ журналѣ, говоря, что: *«мы не такъ глупы, чтобы печатать въ своемъ журналѣ статьи, направленныя противъ насъ»*, возмущаетъ меня! Какъ же въ такомъ случаѣ онъ такъ порицаетъ образъ дѣйствій русскаго Правительства, придерживающаго его злыя сужденія касательно своихъ распоряженій!? Не понимаю такихъ *«русскихъ публицистовъ»*... Лучше-бы имъ не называться русскими...

Да, много на свѣтѣ было и будетъ лицемѣровъ-деспотовъ, прикидывающихся «доброжелательными» либералами. И Наполеоны I и III вѣдь тоже «играли» въ республику...

Сегодня дается Жуковскимъ обѣдъ [5]) французскому послу при Пекинскомъ дворѣ. Посланникъ, возвращаясь во Францію, вздумалъ ѣхать сухимъ путемъ чрезъ всю Россію; съ нимъ ѣдетъ и жена его — американка. Говорятъ, они обворожительно любезные люди, но я, грубая русская, не особенно вѣрю имъ и не цѣню дорого французскую «любезность».

Жуковскій вчера два раза былъ у насъ съ приглашеніемъ быть у него; бѣдная Нюта поѣхала, я же все еще до сихъ поръ вѣрна себѣ и на званые вечера и обѣды не ѣзжу.

Къ намъ въ Иркутскъ прибыли и депутаты отъ американскихъ чеховъ — панъ Мрачекъ и панъ Листовскій. Они ѣдутъ на р. Уссури [6]) осматривать мѣстоположеніе, удобное для поселенія желающихъ покинуть Америку нашихъ еди-

[4]) Шедоферроти—французскій публицистъ, умѣло и честно полемизировавшій съ Герценомъ.

[5]) Жуковскій, Евгеній Михайловичъ (по прозванію „Тхинчъ" за свою приставку въ разговорахъ), и. д. генер.-губерн. Восточной Сибири. По общимъ отзывамъ близко знавшихъ его — чудный человѣкъ, неподкупной честности, умный и понимавшій нужды края. Онъ много хлопоталъ объ устройствѣ въ Иркутскѣ постоянной выставки произведеній Восточной Сибири. Временную выставку ему удалось устроить, при чемъ производительность Восточной Сибири оказалась „настолько плоха,—говорилъ онъ,—какъ я даже не ждалъ и глазамъ своимъ не вѣрю".

[6]) Рѣка Уссури правый притокъ Амура. Устье Уссури въ 700 верстахъ отъ Стрѣлки и 880 вер. отъ Благовѣщенска.

нокровныхъ единовѣрцевъ и перебраться къ намъ. Оба они лѣтъ тридцати. Листовской, не зная русскаго языка, все молчитъ; зато Мрачекъ—добрая, симпатичная личность, говоритъ безъ умолку. Оба они редакторы газеты «Славія», издаваемой на берегу Мичигана [7]). Мрачекъ—маляръ, Листовской—землевладѣлецъ. Въ институтѣ чехи были три раза. Первый разъ пріѣхали въ дѣтскую церковь къ обѣднѣ, слушали ее съ большимъ вниманіемъ и выразились о дѣтскомъ пѣніи такъ: *«какъ ангелы спѣваютъ»*. Оттуда спустились къ намъ пить чай и побесѣдовать. Я заставила Олю Сибирякову [8]) во время чая сыграть извѣстную гуситскую пѣсню, что имъ доставило большое удовольствіе, и на ихъ глазахъ появилась слеза о покинутой родинѣ. Были они въ дѣтской столовой во время обѣда, въ классахъ, въ библіотекѣ, а потомъ опять у насъ. Видимо, все имъ очень понравилось, такъ какъ они просили позволенія еще побывать у насъ. Нута пригласила ихъ къ себѣ на завтрашній вечеръ. Въ слѣдующій вечеръ панъ Мрачекъ и панъ Листовской очень сошлись у насъ съ Будогосскимъ и Турбинымъ [9]), которые въ началѣ января возвратились съ Амура и Уссури послѣ почти годового отсутствія. Чехи, просидѣвъ у насъ до 12 часовъ ночи, просили дозволенія вскорѣ опять пріѣхать, но на другой день заболѣлъ Мрачекъ и прохворалъ почти все время до отъѣзда. Наканунѣ своего выѣзда на Амуръ они пріѣзжали прощаться и привезли слова гуситской пѣсни.

Едва-ли они могутъ поселиться въ нашихъ мѣстахъ, особенно при теперешнемъ состояніи Россіи, когда въ ней

---

[7]) Оз. Мичиганъ—самое большое изъ озеръ Сѣв. Америки; рѣкою св. Лаврентія соединяется съ Атлантическимъ океаномъ.

[8]) См. зап. ч. II 1859 г. 7 янв. пр. 1.

[9]) Будогосскій, Константинъ Ѳаддеевичъ, полковн. штаба войскъ Восточн. Сибири и супруга его Марія Ѳеодоровна,—добрые знакомые Анны и Варв. Петровны, часто у нихъ бывавшіе. Турбинъ Никол. Матв.—адъютантъ Будогосскаго.

все бродитъ и кипитъ: они съ такими республиканскими взглядами и требованіями, что едва-ли имъ можно разрѣшить переселеніе.

Занятія съ дѣтьми и ихъ успѣхи.—Труды и заботы начальницы института.

24 октября. Я оживилась, раскраснѣлась и чувствую себя въ очень хорошемъ настроеніи духа, а вѣдь ничего не случилось, ровно ничего. Была въ классѣ, гдѣ преподаю французскій языкъ, читали письма дѣтей на заданную тему «о музыкѣ», и, вспомнивъ свои былые пылкіе годы, полные поэзіи и тревожнаго ожиданія чего-то невѣдомаго, я прочла, по выходѣ изъ класса, отрывки изъ *моихъ* записей о Варѣ Поярковой [1]), одной изъ даровитыхъ воспитанницъ нашего института. Она выпускная,—дѣвочка умненькая, мечтательная; несмотря на веселый характеръ, своею мечтательностью она напоминаетъ мнѣ мою собственную былую безумную кудрявую головку въ годы юности. Дай Богъ, чтобы путь ея не былъ такимъ тернистымъ, какъ мой...

Правда, воображеніе—источникъ многихъ наслажденій, но зато же и пагубно оно.

Давая уроки французскаго языка и читая исторію литературы, я стараюсь, по возможности, проводить здравыя идеи, охлаждая пылкое воображеніе дѣтей. Не знаю, на сколько успѣю въ этомъ, но если изъ 32-хъ воспитанницъ только пять проникнутся здравымъ смысломъ и духомъ христіанскаго ученія и въ свою очередь на столько же повліяютъ на другихъ сами, то современемъ и эта нива принесетъ обильную жатву.

---

[1]) Варя Пояркова, Варвара Петровна, восп. Иркутск. инст. вып. 1863 г. (по мужу генер. Богакъ). См 1864 г. 6 іюня.

Мои взгляды многимъ не нравятся и мнѣ мое «начальство» говоритъ, что мнѣ достанется. За что? Напримѣръ, недавно одна изъ воспитанницъ превозносила Петра I, отца и благодѣтеля Россіи; я стала проводить параллель между нимъ и нынѣ царствующимъ Государемъ, — между закрѣпостившимъ народъ и тѣмъ, который, разорвавъ крѣпостныя оковы, далъ свободно вздохнуть русскому народу, взглянуть покойно на Божій міръ и стать почти на одномъ уровнѣ съ прочими гражданами и со всѣми сынами свободной Россіи. — «Какъ же вы думаете, – спросила я въ концѣ бесѣды у воспитанницъ, — если бы непремѣнно нужно было дать наименованіе «великій», то которому изъ двухъ государей дали бы вы скорѣе это имя? «Александру Николаевичу», разомъ отвѣчалъ весь классъ. Чуткія и нѣжныя сердца скорѣе отзываются нѣжному сердцу.

Вообще я стараюсь доказать, что *войны языческое, грубое установленіе*, чисто животное; что онѣ вредны, тягостны и побѣдителямъ, и побѣжденнымъ, и что не тотъ Государь великъ, который завоевалъ много царствъ, а тотъ, который даетъ *мирное* устройство своему народу *и тѣмъ обезпечиваетъ благосостояніе его и другихъ народовъ.*

Есть свѣтленькія головки въ этомъ классѣ; Агнія Разсказова [2]), Варя Пояркова, Настя Степанова [3]) и особенно Соня Постоева [4]) — выдаются. Сегодня я была болѣе обыкновеннаго довольна ихъ сочиненіями: видно, что объясненія ими

---

[2]) Агнія Аѳанасьевна, шиферная восп. вып. 1863 г., болѣе 25 лѣтъ служащая въ канцел. Его Имп. Величества по учрежд. Императрицы Маріи. (См. 1864 г. 6 іюня).

[3]) Настя Степанова—Анастасія Петровна, вып. 1863 г., начальница Медвѣдниковскаго сиро-питательнаго дома въ Иркутскѣ.

[4]) Соня Постоева—восп. Иркутск. инстит. восьмого курса, умерла незадолго до выпуска.

вполнѣ поняты, да и предметъ занялъ ихъ. Душа Останина [5]) написала тоже очень порядочно, въ сочиненіи ея я встрѣтила нѣсколько своихъ излюбленныхъ выраженій и взглядовъ, вырывавшихся у меня на урокахъ музыки при поясненіи тоновъ и полутоновъ. Вскользь я касалась того, что называютъ «тономъ въ жизни», а Душа Останина прекрасно это поняла и примѣнила въ сочиненіи. Стало быть не совсѣмъ даромъ пропадаютъ мои «пустыя рѣчи». Всѣ дѣти легко разсуждаютъ о Бетховенѣ, о Chopin-ѣ, Mozart-ѣ.

Благодарю Тебя Господи, что удалось вселить въ нихъ хоть каплю любви къ прекрасному [6])! Это прекрасное убережетъ ихъ отъ многаго дурного въ жизни...

Люблю я и иную музыку—священное пѣніе въ храмѣ Божіемъ. У Бортнянскаго [7]) есть чудныя творенія, отъ которыхъ чуткое сердце рвется, многія вещи его я рѣшительно не могу слушать.

Институтки здѣсь поютъ съ большимъ вкусомъ. Церковнымъ пѣніемъ занята сама сестра; нѣкоторыя пѣснопѣнія онѣ исполняютъ всѣ вполголоса: «О всепѣтая Мати» дѣти поютъ такъ, что умереть готовъ подъ эти звуки...

Вообще Нюта видитъ въ церковномъ пѣніи прекрасное средство дѣйствовать на нравственныя стороны дѣтей, раз-

---

[5]) Душа Останина—Евдокія Васильевна, дочь Василія Алексѣевича и Маріи Алексѣевны (см. 1859 г. 6 сент. пр. 4), по мужу Бѣлоголовая (за Апол. Андреевичемъ—невѣстка знаменитаго доктора Николая Андреевича Бѣлоголоваго).

[6]) Ученицы Варвары П. вообще отличаются глубокимъ, осмысленнымъ исполненіемъ пьесъ и хорошимъ музыкальнымъ вкусомъ.

[7]) Бортнянскій (род. въ Глуховѣ въ 1751 † въ 1825 г. и погреб. на Смоленскомъ кладбищѣ въ С.-Петербургѣ). Одинъ изъ самыхъ популярныхъ среди русск. духовныхъ композиторовъ. Ученикъ Галуппи. Кромѣ своей талантливости, заслуживалъ вниманія въ церковномъ пѣніи, какъ первый выхлопотавшій Высочайшее повелѣніе (въ 1861 г.), запрещающее церковнымъ хорамъ исполнять въ церквахъ произведенія, неодобренныя цензурою придворной капеллы или не напечатанныя и часто ничего *располагающаго къ молитвѣ* въ своей музыкѣ неимѣющія.

вивая въ нихъ вкусъ и христіанскія правила. Этому многіе у насъ не сочувствуютъ и называютъ ее въ шутку «архіереемъ».

Пускай смѣются, но у насъ въ институтѣ почти нѣтъ никакихъ наказаній—развѣ младшихъ оставляютъ за лѣность безъ третьяго кушанья и то очень рѣдко; большихъ домой по праздникамъ не пускаютъ, если въ продолженіе недѣли были дурныя отмѣтки, во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ Нута старается дѣйствовать «бесѣдами по душѣ» и достигаетъ добраго раскаянія. И это потому, что моя бѣдная Нута всей душой предана институту, проводитъ цѣлые дни въ классахъ, сама занимается со старшими. Теперь еще взяла на себя преподаваніе русской литературы, французской исторіи [8]). Если серьезно заболѣетъ кто въ институтѣ, она ночей не спитъ, залѣнятся дѣти—растревожится, падаетъ духомъ, воображая, что неспособна больше вести заведеніе и готова ежечасно подать въ отставку. А, между тѣмъ, институтъ не можетъ не преуспѣвать при такой дѣятельной начальницѣ, ея умѣ, образованіи и любви къ дѣтямъ. Жаль только, что она сама утомляется страшно, и грустно мнѣ смотрѣть, какъ измѣнилась *моя красавица Нута*, моя гордость вѣчная. Ни одна фотографическая карточка не даетъ ни малѣйшаго понятія *о ея чудномъ личикѣ* въ пору молодости. И теперь иногда, какъ оживится, повеселѣетъ, сдѣлается снова привлекательной,—но то бываетъ рѣдко; большею частью бѣдная Нута серьезна, а подчасъ и грустна. Отъ заботъ, отъ постояннаго напряженія силъ здоровье ея разстроилось; все что нибудь болитъ: то бокъ, то сердце, то ноги, голова, спина. Иногда чувствуетъ себя всю разбитою—когда много скопится непріятностей. Въ постель ложится—стонетъ, спитъ—стонетъ, встаетъ—охаетъ, а я, скрѣпя сердце, слушаю, повторяя: «*Господи, исцѣли ее. Господи, подкрѣпи ее, утѣшь, настави*», а сама чуть не плачу. И такъ всю жизнь! Вѣчныя за-

---

[8]) По случаю скарлатины въ семьѣ учителя Иван. Анисиф. Катаева.

боты за здоровье и жизнь Нуты. Меня только и утѣшаетъ увѣренность, что не переживу я моего ангела, Нуточку милую, родную и для меня вѣчно прекрасную!.

Музыка Шопена.

25 октября. Изъ сосѣдней комнаты меня безжалостно терзаютъ Chopin'омъ. Кто не узнаетъ въ этой игрѣ одну изъ моихъ любимыхъ nocturnes? Въ ней звуки поютъ и плачутъ и нѣжно стонутъ, такъ жалобно о чемъ-то шепчутъ: чу! слезно молятся и говорятъ: «да будетъ воля Твоя»... Тутъ снова поютъ сквозь слезы.

— Да!.. С. [1]) умѣетъ передавать Chopin'а, какъ никто! Характеръ его музыки рѣдко кто понимаетъ...

Сегодня четыре года, какъ мы поселились въ институтѣ. Слава Богу за все! Придется-ли только здѣсь умереть, или въ иномъ мѣстѣ найти вѣчное пристанище.

Вліяніе музыки.

1 ноября. Чуть польются стройные, мелодичные, грустные звуки—я не знаю, что со мною дѣлается?..

Редровъ [2]) играетъ на скрипкѣ «мелодію» Прюма, а одна изъ моихъ учениць сопутствуетъ ему на фортепіано. Я слушаю и думаю: «въ Россіи куда руку не закинь, вездѣ дѣятельность нужна, но сколько въ ней гибнетъ дарованій»?... И въ эту минуту при этой думѣ вспоминается все: и молитва, и покорность, и тихія слезы...

---

[1]) Вѣроятно Сибирякова, Ольга Михайловна (по мужу Вяземская).

[2]) Редровъ—ученикъ знаменитаго Севчика (мужа Жени Мюллеръ, см. ч. 1-я стр. 220). Первая скрипка въ Иркутскомъ городскомъ оркестрѣ, очень даровитый музыкантъ, къ сожалѣнію алкоголикъ и умеръ рано

Всѣмъ и все прощаю. Прости имъ, Господи! Прости... и меня, Господи, за осужденія: я, можетъ быть, хуже винопійцъ неумѣренныхъ...

Концертъ Редрова.—Воспоминанія о Муравьевѣ-Амурскомъ.

3 ноября. Вчера бѣдная даровитость—Редровъ давалъ свой ежегодный концертъ.

Вотъ уже около двухъ лѣтъ, какъ я не показывалась въ обществѣ, но зная, что найдется немного охотниковъ платить 2 рубля за билетъ, съ намѣреніемъ не танцовать, я отбросила въ сторону обычную свою лѣнь и отправилась въ собраніе. Было всего 8 дамъ и человѣкъ 60 мужчинъ. Мое мѣсто было въ сторонкѣ, очень уютное; подлѣ меня сѣла молоденькая дѣвушка [1], увѣряющая всѣхъ и меня въ томъ числѣ, что «обожаетъ» меня. Пріятно было и мы говорили все время, когда стихала музыка.

Слушая музыку Редрова, чего только не приходило мнѣ въ голову изъ прошлаго... Вспомнила я себя въ этой же гостиной четыре года назадъ, послѣ Айгунскаго договора [2]), когда Н. Н. Муравьевъ получилъ за него титулъ графа Амурскаго и былъ наверху славы и могущества. Въ дни концертовъ, которые были несравнимо лучше теперешнихъ, залы были полны самымъ разнообразнымъ для Иркутска изысканнымъ обществомъ, преимущественно же военнымъ. Къ чему въ то время было такое множество военной молодежи въ Сибири?—не понимаю; куда ни оглянись—всюду мундиры. Между гражданскими чинами преобладали ли-

---

[1]) Воспитанница Иркутскаго института вып. 1857 г. А. С. Щукина (по мужу генер. Доманская).—Большая умница.

[2]) Въ 1853 году этотъ договоръ заключенъ Н. Н. Муравьевымъ, по которому возвращены Китаемъ Россіи земли по р. Амуру.

ценсты: Б., А., Г., Л., А. и Г. были звѣзды крупной величины, извѣстные серцеѣды и любимцы облеченнаго правомъ жизни и смерти въ Восточной Сибири. Предъ ними все склонялось въ прахъ; у нихъ былъ свой придворный штатъ. Изъ военныхъ блисталъ Кук., будучи вторымъ лицомъ и сильнѣйшимъ послѣ Муравьева. Двери его дома были всегда открыты для молодыхъ и старыхъ. Къ нему собирались, чтобы вкусно поѣсть, чтобы переметнуть карточку и поухаживать за дамами,—дамами и дамами безъ конца. Туда являлись всѣ пріѣзжіе и проѣзжающіе черезъ Иркутскъ. Мнѣ всегда было какъ-то неловко среди этого общества, потому я бывала тамъ очень и очень рѣдко: я терялась тамъ и не знала о чемъ говорить и какъ надо говорить. Хозяева сами, т. е. семейство Кук., были добрые люди, но они были окружены какъ-то для русскихъ странно-странно, или, можетъ быть, я сама была странна? Какъ бы то ни было, но я не любила бывать у нихъ.

Да, четыре года тому назадъ Муравьевъ блисталъ своимъ дворомъ...

Четыре года прошло—и что же? Слѣда не осталось отъ Муравьевскаго кружка: всѣхъ какъ бы вѣтромъ унесло. Уцѣлѣло пять-шесть человѣкъ еще сидящихъ, но ужъ потерявшихъ точку опоры и не твердо держащихся на мѣстахъ.. Вотъ карьера!

Странно мнѣ было, грустно и жаль Николая Николаевича. Помню, два года назадъ, мы съ нимъ въ этой же самой залѣ жарко спорили о вопросахъ, волнующихъ всѣхъ русскихъ людей. Муравьевъ дѣйствительно любитъ Царя, народъ, Россію, желаетъ ей блага. Помню, какъ я отстаивала увлекавшихся образованныхъ людей—и какое доброе сердце, какіе глубокіе взгляды искрились въ немъ! На всѣ мои доводы Николай Николаевичъ отвѣчалъ: . . . . . «Я на службѣ, меня любитъ Государь и мнѣ довѣряетъ, но у меня много завистниковъ, а зависть куда не заноситъ людей». И

графъ указывалъ, особенно вооружаясь противъ такъ называемыхъ здѣшнихъ «*либераловъ*» Л., П., Б. и другихъ, которыхъ, впрочемъ, онъ всегда принималъ любезно.

Въ 60-мъ году Н. Н. былъ страшно раздраженъ перемѣною къ себѣ Иркутскаго общества, по разнымъ недоразумѣніямъ...

Въ 58-мъ году такъ много твердилось о демократизмѣ, *о народности*, такъ безцеремонно играли словомъ «народность». Это была любимая тема людей, болтавшихъ преимущественно на французскомъ языкѣ *и воспитанныхъ на французской литературѣ, во французскихъ нравахъ*, не признававшихъ ничего святого—русскаго. Такая была мода. И Николай Николаевичъ затѣвалъ маскарады, казался демократомъ. . . . . но все это такъ скучно; много дурного приходится разсказывать; пусть о томъ говорятъ другіе. Бѣдный Муравьевъ,—лучше помяну тебя добрымъ словомъ за твой привѣтъ, когда мы пріѣхали въ Иркутскъ. Ты увлекался и вѣрилъ, какъ ребенокъ, въ любовь и преданность; но ни того, ни другого, исключая Корсак. и немногихъ другихъ ты не нашелъ; большинство въ тебѣ искало только сильную руку, которая поддержитъ въ счастіи и выручитъ въ несчастіи...

1863 г.

Смерть воспитанницы.—Освобожденіе крестьянъ.

24 февраля. Бѣдная сестра, какъ горюетъ она, какъ плачетъ надъ умершей воспитанницей! А дѣвочка [1]) такъ покойно лежитъ среди цвѣтовъ и зелени подъ тюлевымъ покрываломъ, лице ея даже не вызываетъ мысли о смерти: точно заснула она, улыбаясь чему-то. Я долго глядѣла на нее и не хотѣлось отвести глазъ отъ этого молоденькаго личика. Черезъ нѣсколько дней уже ничего не останется на землѣ отъ бывшаго живого существа... На меня всегда какъ-то жутко дѣйствуетъ каждая новая могила, и жаль мнѣ отдавать землѣ человѣка, жившаго съ нами. Потому не люблю я похоронъ. Хотя, быть можетъ, уже скоро придется и меня везти туда, куда рано-ль, поздно-ль должны направиться всѣ мы, и никому ни миновать этой заставы [2]).

— Блаженны покидающіе землю съ твердымъ упованіемъ въ жизнь будущую! И зачѣмъ люди подрываютъ свои лучшія вѣрованія?.. Какъ легко было бы съ вѣрою отрѣшаться отъ земли, гдѣ столько слезъ и страданій.

Боже мой, Боже мой, просвѣти насъ и дай намъ теплую вѣру въ загробную жизнь!

---

[1]) Соня Постоева, умерла въ кори предъ выпускными экзаменами.

[2]) Въ Иркутскѣ кладбище приходилось за Амурской заставой.

Отдавшись всецѣло личнымъ хлопотамъ и заботамъ о сестрѣ Нутѣ, я забыла внести въ свои записки радостное событіе, освободившее въ Россіи 20 милл. рабовъ [3]).

Да благословенно будетъ имя *Александра Николаевича*, совершившаго въ свое царствованіе столь великое и безсмертное дѣло, о которомъ только мечтали его предшественники!

— Дорогой, милый Царь! Да внушитъ Тебѣ Господь мысль о другихъ преобразованіяхъ, *мирныхъ*, добрыхъ, честныхъ, клонящихся ко благу Твоего народа. — Еще много, много назрѣло необходимыхъ преобразованій въ Россіи, а въ особенности у насъ, въ Сибири...

Похороны умершей воспитанницы.—Чтеніе произведеній Байрона.

26 февраля. Повезли дѣвочку къ мѣсту вѣчнаго успокоенія; положили ее въ гробъ, окружили зеленью, украсили голову розовымъ вѣнкомъ... Но сегодня у нея какое-то грустное выраженіе, и головка склонилась на бокъ, точно задумалась.

Да. И есть надъ чѣмъ... Всю жизнь мою, начиная съ дѣтства, тревожитъ меня мысль о загробной жизни. И ни чей умъ не проникнетъ въ ту таинственную даль...

Здѣсь, на землѣ, нехорошо; а все-таки умирать страшно. Господи, почему это будущее сокрыто отъ насъ [1]).

[3]) 19 февраля 1861 года.

[1]) Не для всѣхъ, слово Божіе говоритъ о пророкахъ; есть среди насъ прозорливцы. См. Дѣян. св. апост. гл. 1-я, ст. 7-й. Еванг. Матѳ. г. 24 ст. 36, 44-й и др. парал. мѣста. Объясненіе ихъ въ „бесѣдахъ на Ев. Св. Матѳея“ Св. Іоанна Златоуста, а также въ „сборникѣ статей къ назидательному чтенію Четвероевангелія, Дѣяній Св. Апостоловъ (стр. 38—41) и Апокалипсиса“ М. В. Барсова. Симбирскъ 1893 и 1894 г.

На дняхъ начала я читать Байрона [2]), о которомъ до сихъ поръ не имѣла понятія.

Сколько безъисходнаго страданія въ его Манфредѣ!

Да, иногда часы тянутся годами и роютъ лицо морщинами, на которыя потребовались бы десятки лѣтъ...

Мнѣ больно читать Байрона, а между тѣмъ при первомъ удобномъ случаѣ опять читаю и зачитываюсь. Хороши его героини въ драмахъ: какая неисчерпаемая глубина любви! Самая Мирра, гречанка-невольница, какъ трогательна своею безкорыстной, преданной, безпредѣльной любовью къ Сарданапалу, котораго ей хотѣлось бы исправить, разбудить, направить къ добру. Какъ смиренно сноситъ она свой позоръ и какъ не щадитъ себя, разбирая чувства свои къ Сарданапалу!

Чудное знаніе сердца! Бѣдный Байронъ долженъ былъ хорошо изучить его и многое перечувствовать самъ; оттого-то онъ столько разъ увлекался и былъ столько разъ любимъ!.. Всѣ его драмы восхитительны; особенно произвели на меня впечатлѣніе: «Манфредъ», «Сарданапалъ» и «Наслѣдство». Здѣсь столько глубокихъ мыслей, что . . . что даже при чтеніи ихъ сердце замираетъ. Къ чему только Байронъ высказываетъ свое невѣріе? Оно можетъ и на другихъ отразиться и другимъ жизнь отравить. Его «Небо и Земля». «Каинъ и Авель» я не читала,—не хочу. Пробѣжала мелкія стихотворенія; они, какъ и у нашего Пушкина, составляютъ поэтическую исповѣдь автора: читаешь и слѣдишь за впечатлѣніями поэта. Оставляетъ Англію—любя одну женщину: прощается съ Мальтою—воспѣвая другую; уѣзжаетъ изъ

---

[2]) Байронъ—англ. писатель (р. 1788 и † 1824 г.). Въ нашей русск. литературѣ именемъ „байронизмъ" обозначается цѣлое направленіе (отлич особенность—котораго субъективная меланхолія). Рѣдкій изъ образованныхъ молодыхъ людей не читалъ «Чайлдъ-Гарольдъ», «Донъ Жуанъ», «Шильонскій узникъ», «Гяуръ», «Сарданапалъ» и друг. безсмертныя произведенія этого таланта.

Аѳинъ—оплакивая третью, возвращается въ Англію и снова ревнуетъ и тоскуетъ...

Какіе странные мужчины даже въ лучшихъ своихъ представителяхъ! Поступая такъ, они же требуютъ отъ женщинъ въ награду за свое безнравственное непостоянство — постоянства, глубокой и вѣчной привязанности!.. Гдѣ же справедливость?..

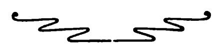
Единственно возможное счастіе.

28 февраля. Единственно возможное счастіе состоитъ въ отрѣшеніи отъ всего земного и въ вѣрѣ въ будущую жизнь.

Боже мой, Боже мой, я снова, какъ при поступленіи классною дамою въ Смольный, молю Тебя, дай мнѣ надежду на вѣчную жизнь за гробомъ. О, да не погибнетъ все съ этимъ тѣломъ! Продолжи мою жизнь тамъ, но гдѣ — не знаю. У Тебя много обителей [1]), Владыко мой.

— Страшно подумать, что бѣдная душа явилась на землю съ однимъ лишь назначеніемъ: выстрадать назначенное и — уничтожиться...

Вѣрю, что Господь милосердъ!



Возстаніе Польши.

16 марта. Повидимому, я остаюсь равнодушной къ возстанію Польши или, вѣрнѣе сказать, къ изліянію ненависти къ русскимъ извѣстной части поляковъ [2]).

Да, — уже два мѣсяца, какъ русская и польская кровь льется, и тяжело говорить объ этомъ что-нибудь. Да и что ска-

[1]) См. Еванг. Іоанна гл. 14 ст. 2.

[2]) См. о польскихъ возстаніяхъ—газеты и журналы за 1863 г.

зать? Большинство поляковъ—слѣпое орудіе, фанатично настроенное погибающею шляхтою и коварными іезуитами. Конечно, я люблю мою Россію всею душою, хочу видѣть ее счастливою, просвѣщенною умственно и нравственно, хочу видѣть богатою, цвѣтущею, обширною,—но все только хочу, а на дѣлѣ что? Такъ большинство русскихъ поступаетъ на окраинахъ... И Государь нашъ добрый, любитъ Русь, любитъ человѣчество.. а изъ-за поступковъ фанатиковъ кровь льется...

Тяжело видѣть это; русскіе, поляки — всѣ мы братья во Христѣ, исторически суждено намъ составить *одну мощную Русь*, положивши въ основу народныхъ сліяній *миръ и любовь*. Полякамъ, кажется, все предоставлено въ своей Польшѣ,—мы въ своей Руси Бѣлой и Червонной, Малой и Великой; и все бы хорошо было, если бы не фанатическая ненависть «человѣконенавистниковъ»...

Царь дорогой, какъ жаль мнѣ Тебя! Трудно Твое положеніе... Да поможетъ Тебѣ Господь дать мирный исходъ этой кровавой распрѣ! Я всегда за миръ.—Душѣ моей противно всякое кровопролитіе. Глубоко уважаю и люблю я Александра Николаевича за то, что онъ не внимаетъ жестокимъ совѣтамъ и щадитъ преступниковъ: падшая душа всегда можетъ востать; зачѣмъ же отнимать жизнь, данную Богомъ, въ силу какихъ-либо даже историческихъ недоразумѣній?..

Какъ тяжело!..

17 марта. Какъ тяжело! Одно извѣстіе печальнѣе другого. На какія звѣрства способны фанатичные люди къ существамъ, подобнымъ себѣ!—Не могу читать [1].

[1]) См. журналы и газеты за 1863 г. Мартъ.

Когда же нибудь настанетъ покой благодатный?

Едва-ли... *Боже мой! Боже мой!* Когда же люди перестанутъ убивать другъ друга въ прямомъ и переносномъ смыслѣ?..

Мысли объ изображеніи Спасителя въ Геѳсиманскомъ саду.

21 марта. Противъ моего письменнаго стола виситъ образъ Спасителя въ Геѳсиманскомъ саду.

Божественный Страдалецъ какъ бы въ отчаяніи, въ изнеможеніи, колѣнопреклоненный простеръ руки и поникъ главою подъ бременемъ предстоящихъ испытаній. Его пречистаго лика не видно. И это хорошо задумалъ художникъ.

Въ силахъ-ли человѣкъ изобразить и понять, что выражали въ эти страшныя минуты черты Божественнаго Страдальца? Мнѣ весьма нравится эта скромность художника; онъ, должно быть, былъ истинно вѣрующимъ. «Страданія въ лицѣ Спасителя должны ни во что вметать всякое наше горе», говорилъ св. Златоустъ. Какъ же изобразить ихъ въ святомъ ликѣ человѣку.

— Я не разъ испытывала ихъ благотворную силу. Часто, волнуясь, или работая до изнеможенія за письменнымъ столомъ, вдругъ глаза падаютъ на припавшаго къ землѣ, на полупростертаго,—и смиряешься, и легче станетъ... Вѣдь все живущее на землѣ страдаетъ, и самъ Господь сошелъ на землю только за тѣмъ, чтобы выстрадать за насъ и намъ указать крестный путь терпѣнія [1]).

[1]) Да. См. Еванг. Мар. гл. 8-я ст. 34 и Луки гл. 9-я ст. 23.

Лучшій памятникъ.

16 апрѣля.

While memory, with more than Egipts'art,
Embalming all the sorrows of the heart;
Sits at the altar wich she raised to woe
And feeds the source whence tears etesnal flow [1])!..

Свадьба.—Грусть и завѣщаніе роднымъ.

22 апрѣля. Вчера народъ толпился въ церкви, на паперти, на горѣ, гдѣ стоитъ церковь и на всей окружающей площади. Была купеческая свадьба. Множество экипажей, жандармы, полицiя—зрѣлище полное.

Невѣста—молоденькая институтка [1]), богатая, унаслѣдовавшая послѣ матери много денегъ и брилліантовъ; миленькое личико, свѣтлая блондинка, умненькая головка! Женихъ—сынъ купца, безъ всякаго образованія, начавшій жизнь въ лавкѣ чуть не съ пеленокъ. Много было шума и разговоровъ—какіе вызываютъ обыкновенно свадьбы въ провинціи, но не говорятъ и не думаютъ о томъ, отчего здѣсь почти нѣтъ или совсѣмъ мало *интеллигентныхъ жениховъ?* Тутъ есть надъ чѣмъ задуматься... Сколько предстоитъ ей, бѣдной, нравственной ломки... Помоги, Господи, сжиться!..

— Ангелъ мой, сестра Анетта, моя чудная, ненаглядная, не плачь обо мнѣ, мнѣ такъ тяжело жить; ты не знаешь, я о томъ не говорила тебѣ. Но припомни, сколько разъ замѣчала ты мои заплаканные глаза и тоскующее выра-

[1]) Память сердца есть лучшій памятникъ тому, что мы любили. Ее поддерживаютъ неутѣшныя слезы. (См. зап. ч. 1-я 1854 г. стр. 282-я).

[1]) Иркутскаго института г. Л.

женіе лица. Я не сознавалась ни въ слезахъ, ни въ чемъ, а между тѣмъ такая жестокая скорбь грызетъ мое сердце, что и сказать не умѣю. Мнѣ предчувствуется что-то недоброе... Я совершенно ослабла; скорѣй бы смерть! Смерть все разомъ прекратитъ. Вѣдь рано-ли, поздно-ли, все равно умереть нужно, а ты помнишь мою всегдашнюю жаркую молитву уйти отъ міра раньше тебя, чтобы не заключить жизни тягчайшею скорбію о тебѣ. Живи, мой ангелъ; ты еще можешь быть полезной людямъ; пусть бѣдная Варенька заснетъ раньше тебя сномъ непробуднымъ.

Лизочка, милая [2]), ты не сѣтуй на меня за исключительную привязанность къ Нутѣ.—Вѣдь мы съ нею всю жизнь прожили вмѣстѣ. У тебя составились другія привязанности—у тебя Соня, ея дѣти, у тебя семья,—а мы съ Нутой идемъ отдѣльною дорогою и трудъ, и горе, и нужду и непріятности, и минутныя радости,—все дѣлимъ пополамъ. Не сѣтуй же, моя дорогая, любимая сестрицынька; ты знаешь, любила-ли, люблю-ли я тебя;—помяни Вареньку добрымъ, нѣжнымъ, ласковымъ словомъ; ужъ она угомонилась. И ты, Ваня [3]),—братъ и защитникъ нашъ и любимый изъ братьевъ, и ты, душа моя, скажи: «миръ тебѣ, бѣдная сестра!»

Да, я съ миромъ ухожу, оставляя благословеніе мое всѣмъ братьямъ, сестрамъ, друзьямъ и недругамъ, если они есть; всѣмъ, всѣмъ... Пусть люди будутъ счастливѣе насъ; пусть вѣруютъ и живутъ по Евангелію; какая философія *можетъ* сравниться съ великими истинами христіанскаго ученія?..

---

[2]) Елизавета Петровна Быкова. Соня—Софія П. (по мужу Городецкая), сестра отъ мачихи (см. зап. ч. 1-я стр. 124).

[3]) Иванъ Петровичъ Быковъ (см. зап. ч. 1-я стр. 107, 195 и 399).

Наполеонъ.

24 мая. Давно-ли, кажется, матушка Россія боролась съ Европой одна — покинутая всѣми? Теперь снова предстоитъ такая же борьба. Пока живъ Наполеонъ [1]), войнѣ и конца не будетъ; этотъ господинъ то и дѣлаетъ, что, прикрываясь разными громкими фразами, мѣшается во всѣ дѣла въ Европѣ, въ Азіи, въ Америкѣ! Ну кто же повѣритъ хвастливымъ разглагольствованіямъ тщеславныхъ и пустыхъ французовъ, будто бы они безкорыстно идутъ за Польшу «на кровавый бой спасать несчастныхъ?!»

Охъ, эти образованные, европейскіе «варвары» съ англичанами вмѣстѣ! Всмотритесь, какъ показываютъ они себя въ Италіи, въ Египтѣ, въ Китаѣ и Америкѣ, гдѣ до сихъ поръ поддерживаютъ невольническіе штаты...

„Либералы“ и „гуманисты“ въ польскомъ вопросѣ. Институтскіе уроки французской словесности. -Назначеніе женщины.- Старость.

31 мая. Вездѣ все пѣсня та же поется: вездѣ насъ русскихъ бранятъ; *мы ничто иное, какъ «варвары бородатые», все у насъ «кнутъ да кнутъ»*, да «притѣснители» *«ни въ чемъ неповинныхъ поляковъ»*.

Все это — вздоръ и возмутительная клевета, распространяемая съ умысломъ врагами Россіи и европейскими «гуманистами, жаждущими человѣческой крови». Скоро, вѣроятно, слова «либералъ» и «гуманистъ» будутъ означать тѣхъ, которые съ ожесточеніемъ преслѣдуютъ людей, не раздѣляющихъ ихъ взгляды и понятія. Развѣ во Франціи либералы XVIII-го столѣтія не приносили въ жертву сотенъ людей? Не заключали ихъ въ тюрьмы, не лишали жизни посредствомъ гильотины . поляки «либералы»

---

1) Наполеонъ III-й (род. 1808 г.

во имя народной свободы *вѣшаютъ* и *разстрѣливаютъ* русскихъ—истинно миролюбивыхъ и слишкомъ добрыхъ соотечественниковъ, къ полному удовольствію «либеральной» Европы!

О книжники, о лицемѣры! Кого обманываете вы своими звенящими рѣчами? [1]). Кто отнесется довѣрчиво къ вашимъ громкимъ рѣчамъ? Что-то будетъ дальше?!..

Вся Русь послала адреса Царю, дворянство и городскіе общества;—это облегчаетъ тягость переживаемаго времени. Почему-то только Малороссія и Бѣлороссія запоздали. Не дѣйствія-ли это іезуитско-польской пропаганды?

Боже мой, какъ злоупотребляютъ Твоимъ «именемъ» эти исчадія ада и какъ поносятъ Его!—Жгутъ и вѣшаютъ *«христіане»* другъ друга *«во имя святой Твоей любви!»* Все они дозволяютъ себѣ, прикрываясь Твоимъ священнѣйшимъ именемъ «Іисусъ!» [2]).

Нѣтъ! Мнѣ больно говорить о томъ, что творится на землѣ.—Великимъ явился бы тотъ, кто умиротворилъ бы всѣ страны и всѣхъ людей! Какъ бы хорошо было, если бы народы разбирались въ своихъ дѣлахъ мирнымъ путемъ и содѣйствовали бы общему своему благополучію... Хотѣлось бы.., но безплодны желанія: люди все бьются, прикрываясь лишь одними «дипломатическими гуманными» словами: «за человѣчество, за просвѣщеніе, за свободу» и такъ далѣе.

О люди—*христіане!* доколѣ это будетъ?.. [3]).

Черезъ мѣсяцъ будетъ выпускъ 32 воспитанницъ, которымъ я читала французскую словесность. Насколько

---

[1]) Такая основа въ сужденіяхъ В. Петровны о политикѣ обличаетъ въ ней человѣка, вдумывающагося въ священ. писаніе: она ссылается на слова 1-го посл. Коринѳ. глава 13 ст. 1 и 2 и негодуетъ за ихъ неисполненіе.

[2]) Насколько это сожалѣніе В. Петровны могло касаться Россіи, прекрасно и документально обслѣдовано въ трудѣ свящ-ка М. Морошкина: „Іезуиты въ Россіи съ царствованія Екатерины II-й и до нашего времени“ (СПБ. 1870 г.), а также въ перепискѣ Ю. Самарина съ іезуитами кн. Га... Вяземскимъ.

... а ра...а Вар. Петровна зарѣ всеобщаго мира, занявш... авг. 1898 г. и конференціи въ Гаагѣ 1899 г.!?

стало умѣнья, я старалась останавливать ихъ вниманіе на личностяхъ, двигавшихъ умами своего времени, и тутъ же разоблачала ихъ увлеченія и темныя стороны. Подолгу останавливалась я и часто возвращалась къ такъ называемымъ «философамъ XVIII-го столѣтія». Я разсказывала дѣтямъ жизнь, цѣль и стремленія ихъ, равно и средства, которыми они старались достигать намѣченнаго. Какъ ихъ умствованія отражались у насъ въ Россіи,—я все имъ выясняла, а потомъ предоставляла самимъ воспитанницамъ сдѣлать свой собственный выводъ и произнести надъ ними свой приговоръ. Не мало говорила имъ о назначеніи женщинъ; о вліяніи, которое онѣ должны имѣть *на сыновей, на мужей и братьевъ* и вообще на мужчинъ. Онѣ хорошо запомнили что Chateaubriand, André Chénier, Lamartine, Victor Hugo росли и воспитывались подъ вліяніемъ *умныхъ, образованныхъ и любящихъ матерей*; запомнили, что сестра Chateaubrian'а пробудила въ немъ угасавшую вѣру. Изъ всего, много разъ сказаннаго, онѣ вывели заключеніе, что женщина должна быть *ангеломъ хранителемъ, миротворцемъ и утѣшителемъ, какъ бы и гдѣ бы она ни была поставлена*. Онѣ узнали, что женщинѣ могутъ быть доступны всѣ знанія ума человѣческаго,—что, не утерявъ самаго своего дорогого внутренняго качества—«*женственности*» и внѣшняго—«*граціи*», она можетъ быть прекраснымъ докторомъ и діакониссой, профессоромъ и сельской учительницей, писателемъ, артисткой и миссіонеромъ.

Изъ читаннаго по поводу Сталь [3]) и Зандъ [4]) мои вос-

[3]) Сталь [illegible] 1766 [illegible] 1817 [illegible] Дочь франц. мин. [illegible] Неккера [illegible] Въ [illegible] подушку. Француженка [illegible] подушку [illegible] Дѣти были въ восторгѣ [illegible] Изъ воспоминаній [illegible] Сталь

[4]) [illegible] 1876 [illegible] См. [illegible] ч. 1-я стр. 143, [illegible]

питанницы поняли, что замужествомъ шутить нельзя; что бракъ по разсчету слѣдуетъ считать безнравственнымъ; что женщина свободна и должна отказаться отъ замужества, если между людьми, предлагающими ей руку и сердце, она никого не уважаетъ и не любитъ. Впрочемъ, я неясно выразилась: она свободна совсѣмъ не выходить замужъ, если того не пожелаетъ. Онѣ узнали, что остаться въ дѣвушкахъ ничуть не стыдно; что въ старости только тѣ злы, которыя и въ молодости не отличались добротою, — тѣ, жизнь которыхъ проходила праздно, въ заботахъ лишь о нарядахъ, балахъ, обѣдахъ и выѣздахъ. Утративъ съ молодостью свѣжесть и красоту, конечно, что-же остается имъ подъ старость, кромѣ сплетенъ, дрязгъ и клеветы? Образованная же и добрая женщина легко помирится съ увядшею молодостью и красотою, какъ съ превѣчнымъ закономъ всего живущаго на землѣ! Разумѣется, вздохнетъ иногда о быстро пролетѣвшихъ годахъ и станетъ пріискивать, чѣмъ бы замѣнить потерянную внѣшнюю красоту; поищетъ, поищетъ и навѣрное найдетъ *въ человѣческой обязанности готовить себя къ непостыдной христіанской кончинѣ въ вѣрѣ, любви и помощи ближнимъ*. Вѣдь кругомъ насъ много страданій... Тяжело, что и говорить, разставаться женщинѣ съ молодостью; но я думаю—и мужчинамъ не легко; недаромъ столько элегическихъ стоновъ раздавалось у всѣхъ народовъ по поводу увядшей юности... Да, очень непріятна старость! Богъ знаетъ, что дѣлается изъ молодого, здороваго, румянаго лица человѣческаго, — превращеніе удивительное! Человѣкъ можетъ позавидовать въ этомъ случаѣ превращенію гусеницы въ бабочку...

Какъ это скучно! О, если бы человѣкъ умиралъ, не теряя молодого образа! Какъ бы были рады этому всѣ женщины!..

Восхищеніе мыслями Байрона.

2 іюля. Я такъ полюбила Байрона, что не могу оторваться отъ книги!

Странно,—онъ всю душу возмущаетъ и рѣдко успокоительно на неё дѣйствуетъ, а я читаю его запоемъ.—Враг я себѣ или нѣтъ?.. [1]. Берусь за него для развлеченія, и страдая, читаю его. Каждое слово, или, лучше сказать, каждая мысль, каждое движеніе сердца, вѣрно обрисованное, щемитъ душу... Да и какъ не восхищаться имъ! Какъ хорошо напр., говоритъ онъ, описывая красоту ночи: «*только добрый человѣкъ можетъ наслаждаться ею*». «Въ душѣ, запятнанной преступленіемъ, даже чудныя картины природы могутъ не усыпить угрызеній совѣсти, причиняющихъ сердцу мучительную боль...»

Правъ Байронъ!

— Всматриваясь,—я вижу это въ людяхъ [2]). Напрасно преступники возводятъ къ небу, разстилающемуся безпредѣльно надъ нашими головами,—свои глаза,—имъ легче смотрѣть на милліарды звѣздъ, *чѣмъ въ очи честныхъ*:—что-то гложетъ и гложетъ ихъ сердце...

Вѣрно, Байронъ! Иду продолжать начатую твою пѣсвь!..

Институтки на балу у М. С. Корсакова. Воспоминанія молодости.—Чтеніе журналовъ. „День“.

22 іюля. На противоположномъ берегу Ангары, наискось отъ института, гремитъ бальная музыка: на «Звѣздочкѣ», заимкѣ [1]) ген.-губернатора, веселятся институтки. Добрый

[1]) Видимо, Вар. И. страдала „байронизмомъ“ въ смыслѣ личной разочарованности. (См. 1863 г.).

[2]) Намекъ на Бак—на, на котораго В. И. смотрѣла очень подозрительно, и ея взглядъ дѣйствительно оправдался.

[1]) „Заимка“ мѣстное названіе загороднаго мѣстечка, или дачи.

Михаилъ Семеновичъ [2]) тѣшитъ нашихъ воспитанницъ, выпущенныхъ 30 іюня. Всѣ онѣ собрались въ институтѣ и поѣхали съ сестрою. Всѣ въ бѣлыхъ платьяхъ и круглыхъ соломенныхъ шляпахъ—выглядятъ очень мило.

Любуясь ими, у меня мелькнула невзначай мысль и о собственной молодости. Вспомнила, какъ въ этотъ день веселилась я въ Смольномъ... Взглянула въ зеркало, и странно было допустить, что я была когда-нибудь такъ же молода. А, между тѣмъ, тутъ же снова, Богъ знаетъ какъ, шепнула память слова одного хорошаго знакомаго моего покойнаго отца, сказанныя давно, давно. Разъ какъ-то ѣхали мы съ сестрою на вечеръ; я, по обыкновенію, одѣлась скорѣй ея и пошла въ гостиную показаться отцу; у него сидѣлъ этотъ пріятель; когда я подошла къ отцу и поцѣловала его, —«куколка», сказалъ тотъ господинъ, глядя на отца. Дѣйствительно, припоминая прошлое, должно быть я была, что называется, миленькая молоденькая дѣвушка; красавицей была Нута, а я *«просто миленькая»*; — добрые, подчасъ задумчивые, подчасъ смѣющіеся голубые глаза, румянецъ во всю щеку и густые каштановые волосы. Я считала себя дурнушкой, вѣроятно потому, что была вѣчно подлѣ Нуты, а она затмѣвала меня.

Да, была молода, но не пользовалась молодостью и не замѣтила, какъ умчалась она...

Но одна-ли я провела безцвѣтно и безслѣдно свое молодое время? Много-ли изъ насъ такихъ счастливицъ, которымъ есть чѣмъ вспомнить свою молодость? — Скромность дѣвицы была неотъемлемая ея принадлежность. Не измѣнись мое лицо, право ничѣмъ не отличилась бы моя молодость

---

[2]) М. С. Корсаковъ, ген.-губ. Вост. Сиб. (см. зап. ч. II-я 1862 г. 3 янв. пр. 2). Съ 1845 г. офицеръ л.-г. Семеновск. полка. Съ 1855 г.—командующій Амурскими войсками. Въ 1860 г.—предсѣдат. совѣта глав. упр. Восточной Сибири и съ 1862 г.—генер.-губернаторъ Восточн. Сибири. Племянникъ Н. Н. графа Мур.-Амурскаго.

отъ настоящаго: душа все также воспріимчива, также волнуется и также страдаетъ. Въ чемъ же разница?..

А волноваться часто приходится: всякій номеръ журнала къ намъ приноситъ тревогу; если на ночь почитаешь,—навѣрно, не заснешь до разсвѣта: воображеніе рисуетъ страшныя картины, и человѣчество видится въ своихъ стремленіяхъ гадкимъ, въ душѣ становится мрачно...

А музыка все несется *съ того берега*: тамъ весело, тамъ пляшутъ, павильонъ на заимкѣ освѣщенъ. А тутъ сижу я одна, пишу, раздумываю и по временамъ заглядываюсь на сводъ небесный; онъ такой чистый, синеватый, прекрасный; горятъ двѣ звѣздочки, а съ запада несется тучка: пронесется-ли она одиноко, или къ ней вѣтеръ принесетъ другія тучки и онѣ вмѣстѣ застелятъ только что прояснившійся горизонтъ... Такъ и у насъ на западѣ, враждебная покамѣстъ лежитъ одна Польша; примкнутъ ли къ ней другія государства и нахлынутъ на Россію бурнымъ, кровавымъ потокомъ,—или Польша примирится съ нами, и снова безъ бури, безъ грома и молніи раскинется надъ нами чистый, лазурный политическій сводъ. Трудно загадывать,—чѣмъ разрѣшится русско-польскій вопросъ? Много злыхъ и лживыхъ толкованій его..

Какое честное направленіе «Дня [3]»! Какъ любитъ онъ Россію и уважаетъ всякую народность!—Боюсь, не запретили бы его... Четыре дня лишнихъ прошло, а ожидаемыхъ номеровъ все нѣтъ, какъ нѣтъ. Послѣдній номеръ былъ отъ 15 іюня и пришелъ въ Иркутскъ 11 іюля... За что же запрещать изданіе?—За преданность и любовь къ Царю и народу!..

Но стараясь, чего не сдѣлаютъ у насъ поляки, герценисты, *бакунисты* и т. подобные...

[3]) „День"—ежедневная московская газета, издав. съ 1861 г., славянофильскаго направленія, подъ ред. И. С. Аксакова, съ 1862 г. Ю. Самарина, потомъ опять И. С. Аксакова и въ 1865 г. прекратилась.

Отвѣтъ Горчакова и посылка пожертвованій.

13 августа. Посланъ отвѣтъ Горчакова [1]) на дерзкія ноты «цивилизованныхъ» державъ. Въ Россіи объявленъ рекрутскій наборъ.

Быть войнѣ! И нельзя избѣжать войны: не отдавать же своихъ 10 милл. братьевъ подъ гнетъ Польши.

— Вотъ вамъ и справедливость людская и политика европейская!..

«День» принимаетъ подписку на всякія пожертвованія; мы, съ помощью другихъ, переслали около 400 руб. въ пользу семействъ замученныхъ поляками мирныхъ русскихъ гражданъ и въ пользу православныхъ училищъ въ Русскомъ Западномъ краѣ.

[1]) Князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ,—госуд. канцлеръ (род. 1798 г.). Искусная и энергичная переписка съ Англіей, Франціей и Германіей по польскому вопросу въ 1863 г. доставила ему славу первостепеннаго дипломата.

1864 г.

Все та же пѣсня.

4 марта. Все та же пѣсня: поляки «куютъ ковы» и строятъ всевозможныя козни, пользуясь благодушіемъ Россіи.

Читая «День», слѣдишь за ними, и становится страшно за нашу южную и западную Русь...

Образованные народы, наши цивилизаторы, херутся, другіе изъ нихъ къ бою готовятся: вся Европа *«пріятно занята»* и не стыдится съ подстрекательствами восхвалять бойню...

Охъ, вы, просвѣтители!..

На дняхъ мы высылаемъ еще 600 р. на вспоможеніе бѣднѣйшимъ церквамъ въ Бѣлоруссіи.—Господь благословилъ сборъ. Тамъ церкви и духовенство въ ужасномъ состояніи. Объ обрусеніи только еще теперь заговорили!..

Господи, помоги намъ быть полезными Царю и Отечеству.

В[illegible]—Первой [illegible] вступленія въ должность классной дамы.—[illegible]—[illegible] петербургскимъ друзьямъ [illegible]—[illegible] классной дамы.—Какъ учили [illegible] учили.

23 апрѣля. Памятна мнѣ первая ночь, проведенная въ Смольномъ, въ должности классной дамы [1].

[1] [illegible] 22 апрѣля [illegible] стр. [illegible]

Моя комната еще не была готова: я жила у Нуты цѣлый мѣсяцъ. Улегшись на диванъ, долго не могла я заснуть отъ скопившихся разныхъ мыслей; между ними были и отрадныя. Взглянувъ на меблировку комнаты, на все въ ней находящееся, весело думала я: все это наша собственность; отнынѣ я никому и ничѣмъ *не обязана*...

Да, «не обязана» — хорошее слово. Вотъ почему нѣсколько лѣтъ сряду я не переставала радоваться своему уголку, убранному по моему вкусу, гдѣ я была полная хозяйка во время часовъ отдыха. По благой малороссійской привычкѣ, сохранившейся и до сегодня, я, бывало, — дверь на ключъ, и свободная и довольная дѣлаю, что хочу: пишу, читаю, или просто усядусь подлѣ окна и любуюсь на міръ Божій... Какъ ни бѣдны невскіе берега своими видами, но и въ нихъ было много хорошаго для моей отшельнической жизни: горизонтъ широкій; синѣетъ заманчивая даль, а Нева [2]), а небо, а солнце, обливавшее серебристо-золотымъ свѣтомъ мою любимую Неву, — все это давало неистощимый источникъ услады. Въ такіе часы мнѣ было хорошо, и забывала я свою тяжелую обязанность, связанную со множествомъ непріятностей всякаго рода!..

Да, мой милый Смольный, все же на твою долю выпали мои лучшіе дни. Снова быть классной дамой я не могу и не хочу: и лѣта и силы не тѣ; не выдержать болѣе мучительной борьбы и непріятностей. Но первые шесть лѣтъ жилось мнѣ очень хорошо; да и всегда, за исключеніемъ развѣ 52-го и 53-го годовъ, мнѣ было недурно... Спасибо тебѣ, Смольный; спасибо, бывшія мои дѣти, за бывшую вашу дѣтскую привязанность; спасибо, друзья милые: Липины, Баумгартенъ, Тулубьевы [3]); въ вашихъ трехъ домахъ прошло много свѣтлыхъ часовъ моей жизни.

---

[2]) См. зап. ч. 1-я 1856 г. 19 іюля и рисунокъ (стр. 380—381).

[3]) Вос—ца Имп. об. б. дѣв. вып. 1836 г., урожд. Ѳедорова, Софія Степановна (по мужу Тулубьева). Липины см. 1-я ч. стр. 234, 286, 332 и Баумгартенъ стр. 439.

Господь да благословитъ всѣхъ васъ!

А вы, мои бывшія воспитанницы, составлявшія и радость и горе моей жизни, простите вспышки гнѣва или рѣзкое слово, вырывавшееся въ минуты накипѣвшей горечи или подъ гнетомъ тяжелаго бремени; забудьте все дурное и одно хорошее вспоминайте—ласку и наши задушевныя бесѣды... Помяните добрымъ словомъ свою бывшую наставницу! Теперь вы сами въ состояніи понять тяжелый трудъ воспитательницы: многія изъ васъ уже матери семейства, есть между вами и наставницы. Теперь вы согласитесь, что постоянно владѣть собою—невозможно... А каково было намъ—класснымъ дамамъ, почти незнавшимъ свободныхъ дней!?—Нервы приходили въ страшное раздраженіе... Бывало идешь въ классъ и горячо молишься, чтобы Господь послалъ терпѣнія и кротости. Передъ выпускомъ вы рѣшительно пугали меня, т. е. не мои собственно воспитанницы, а цѣлый выпускной классъ:—это почувствовавшія свободу послѣ заключенія 140 человѣкъ!.. Господи, чего не вытерпѣла я въ послѣдніе мѣсяцы?!

Но все же были и хорошіе дни; спасибо за нихъ всѣмъ вамъ, моимъ Смолянкамъ...—то бушевали молодыя силы, жажда свободы, то играла молодая кровь, теперь навѣрно остывшая даже въ самыхъ горячихъ головкахъ...

Иногда вы были очень милы, и съ вами вспоминала я свои юные годы, всецѣло уходила въ ваши радости и шалости до самозабвенія. Помните, какъ разъ вы сыграли со мной нехорошую шутку? То было мѣсяца за два до выпуска, или даже менѣе. Вы разспрашивали, по обыкновенію, какъ я провела наканунѣ вечеръ въ гостяхъ; между прочимъ, я вамъ разсказала, что мы писали на заданныя риѳмы и что, противъ всякаго ожиданія, мои стихи выходили очень удачны. Вы просили тутъ же что-нибудь написать, сами подбирая риѳмы, что я и исполняла съ большимъ удовольствіемъ. Приходитъ

„Старая Смолянка"

Варвара Петровна БЫКОВА.

(† въ 1886 г.).

Вѣра Бутенко [4]), дѣвица съ черными глазками и такъ убѣдительно проситъ меня написать на заданныя риѳмы что-нибудь на счетъ Печкина [5]), предмета обожанія всѣхъ выпускныхъ и, въ томъ числѣ, самой Вѣры. Я, не долго думая, забывъ, что облечена должностію классной дамы, видя только шутку, могущую доставить удовольствіе молоденькой дѣвушкѣ, тутъ же, не вставая съ мѣста, окруженная толпою выпускныхъ, написала какой-то вздоръ на риѳмы:

небеса,
краса и пр., и пр...

Условіе было: тотчасъ разорвать этотъ клокъ бумаги. Но каковъ былъ мой ужасъ, когда, мѣсяцъ спустя, въ тетради одной воспитанницы я нахожу между многими стихами и тотъ несчастный экспромтъ, съ плачевными риѳмами — «небеса» и «краса». Къ довершенію удара, подъ ними подписано мое имя, отчество и фамилія! До сихъ поръ не могу себѣ простить такого необдуманнаго поступка, о которомъ узнало и начальство!..

Зато никогда не забуду, какъ разъ, передъ переходомъ въ старшій классъ, вы умилили меня до слезъ. Въ день моихъ именинъ [6]) я проснулась и слышу ангельское пѣніе; прислушиваюсь: то дѣти поютъ у дверей моей комнаты въ коридорѣ «*Да исправится молитва моя*», тріо, только что разученное ими, безъ моего вѣдома, подъ руководствомъ Анны Петровны! — Я плакала отъ радости, призывая благословеніе Божіе на моихъ юныхъ питомицъ. Проявленія такого рода вашей привязанности служили мнѣ истиннымъ утѣшеніемъ въ моихъ заботахъ о васъ и въ тяжкихъ трудахъ! Гдѣ теперь всѣ вы, и много-ли счастливыхъ между вами?

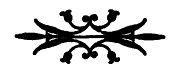
[4]) Вып. 1854 года. Вѣра Иванов. (по мужу генер. Рахманова).

[5]) Печкинъ, Петръ Михайловичъ, учитель словесности въ Имп. в. об благ. дѣвицъ съ 1852—1857.

[6]) 4-го декабря.

Гдѣ Полина Носовичъ [7])? Что Надя Сытенко [8]), любившія меня больше, чѣмъ остальныя? Что сдѣлалось съ обѣими сестрами Сабуровыми—съ Катей и Машей?.. [9])—Сколько воспоминаній встаетъ въ памяти при вашихъ именахъ! Гдѣ всѣ вы, разлетѣвшіяся птички, по разнымъ странамъ Россіи? Васъ и не узнаешь теперь: десять лѣтъ и вамъ дались недаромъ... А Саша Коноплина [10]), что дѣлаетъ? Что за милая дѣвочка она была!..

А вы, мои послѣднія воспитанницы, которыхъ я оставила дѣтьми? Вы тоже, вѣроятно, забыли когда-то милую вамъ Варвару Петровну?—Что-жъ дѣлать! Вы были тогда дѣтьми и не понимали, что и я любила васъ много, несмотря на то, что и съ вами приходилось посердиться.—На то мы люди! На то я женщина слабая, нервная и, вдобавокъ, чрезвычайно воспріимчивая! Но видитъ Богъ, какъ страстно желала вамъ добра!..



Размышленіе о провинціальной жизни.

3 мая. Странно!—Хочется и не хочется выбраться изъ Иркутска; думаешь—да гдѣ же лучше? Глупо...

О, губернія! губернія!—Рабство, заискиваніе, вѣчный страхъ передъ начальствомъ, страхъ не за неисполненіе долга, но страхъ за слово, за разный взглядъ—за все, кромѣ службы...

Но, воля ваша, все это глупо и скучно, и скучно и глупо! За это только и хорошъ Петербургъ...

---

[7]) Носовичъ, въ спискахъ Парасковія Львовна, вос-ца Имп. вос. об. бл. дѣв. вып. 1854 г.

[8]) Сытенко, Надежда Абрамовна —ея подруга и однокурсница. Всѣ онѣ были дортуара Варвары П.

[9]) Сабуровы, см. зап. ч. II, 1858 г. 12 августа.

[10]) Коноплина, Александра Алексѣевна, вос-ца Имп. вос. об. б. дѣв. вып. 1854 г.

О Некрасовѣ: его поэма „Морозъ—красный носъ“.

5 мая. Говорятъ, Некрасовъ былъ дурной человѣкъ; не вѣрю.—Нужно имѣть душу живую, мягкую, воспріимчивую, чтобы такъ глубоко прочувствовать чужую скорбь и передать ее такъ наглядно, такъ ощутительно, такъ близко къ дѣйствительности, какъ передаетъ это Некрасовъ. Всѣ мотивы, взятые изъ труженической, тяжелой народной жизни, облечены духомъ и плотію,—вы видите тѣхъ людей, вы слышите ихъ смиренныя жалобы на горькую долю, вы видите ихъ слезы,—однимъ словомъ, предъ вами вся жизнь крестьянская, какъ она есть: безъ украшеній, безъ натяжки. Его послѣдняя поэма, напечатанная въ «Современникѣ» [1], «Морозъ—красный носъ» дышетъ тоской. Читая ее вслухъ Нутѣ, я должна была нѣсколько разъ останавливаться, чтобы перевести духъ отъ подступавшихъ слезъ. Всѣ эти причитанія, весь вопль надгробный надъ любимымъ существомъ осиротѣвшей семьи—такъ и терзаютъ душу...

Нѣтъ, Некрасовъ добрый человѣкъ, но страстный, должно быть и слабохарактерный; потому, вѣроятно, онъ не свободенъ отъ слабостей. Говорятъ, что онъ игрокъ, увлекающійся и т. п. Но есть и бываютъ минуты, когда сквозь накиданный мусоръ пробьется родникъ чистой воды и льются *прозрачныя* струи, ясно отражающія блескъ Божьяго солнца.

Пускай про него говорятъ, что угодно, но, по-моему, Некрасовъ положительно добрый человѣкъ, что бы объ немъ ни говорили: онъ проливаетъ чистыя, искреннія, сердечныя

---

[1]) За періодъ журнальной дѣятельности Николая Алексѣевича (съ 1856—1865 гг.), когда онъ уже вполнѣ обратился въ „пѣвца народнаго горя въ широкомъ и глубокомъ смыслѣ“. Въ этотъ періодъ имъ написаны: „Коробейники“, „Размышленія у параднаго подъѣзда“, „Желѣзная дорога“, „Крестьянскія дѣти“, что не могла не читать Вѣра П., получая „Некрасовскій Современникъ“.

слезы о страдальцахъ-труженикахъ, — иначе онѣ не производили бы такого глубокаго впечатлѣнія... [2]).

Сталь.—О Коринпѣ—героинѣ романа.—Прощальная пѣснь Коринны.—Шатобріанъ.—Atala и René.—О „Манфредѣ“ Байрона.

9 мая. Только теперь переламываю свои предубѣжденія и читаю Сталь и Chateaubriand [1]). Коринна, дѣйствительно, мѣстами увлекательна. Сталь [2]) такъ много пожила, такъ сильно перечувствовала все, выстраданное ею, такъ чудно передала устами своей Коринны; потому-то и Коринна хороша, что взята изъ дѣйствительности. Разумѣется, такая женщина составляетъ исключеніе, но онѣ встрѣчаются въ жизни. Что за поэтическое созданіе, и какъ хороша ея послѣдняя прощальная съ жизнію пѣснь!

«Quelle confiance m'inspiraient jadis la nature et la vie! Je croyais que tous les malheurs venaient de ne pas assez penser, de ne pas assez sentir: et que déjà sur la terre on pouvait goûter d'avance la félicité céleste, qui n'est que la durée dans l'enthousiasme et la constance dans l'amour.— Non, je ne me repens point de cette exaltation généreuse; non, ce n'est point elle qui m'a fait verser les pleurs dont la poussière qui m'attend est arrosée. J'aurais rempli ma destinée, j'aurais été digne des bienfaits du ciel, si j'avais consacré ma lyre, retentissante à célébrer la bonté divine'manifestée par l'univers».

«Vous ne rejetez point, ô mon Dieu, le tribut des talents; etc, ect.

²) См. о Н. А. Некрасовѣ въ воспоминаніяхъ Н. Бѣлоголоваго.

¹) Шатобріанъ—знам. фран. писатель (род. 1768 г. † 1848 г.), романтической школы, поклонникъ идей христіанства. Онъ посвятилъ Наполеону „Геній христіанства“ и „Мученики христіанства“. Болѣе замѣчат. его полем. трактаты о революціяхъ.

²) См. 1863. г. 31 мая

Il n'y a rien d'etroit, rien d'asservi, rie'n de limité dans la religion. Elle est l'immense, l'infini, l'éternel; etc. etc.

Ah, si je n'avais aimé qu'elle! si j'avais placé ma tête dans le ciel, à l'abri des affections orageuses, je ne serais pas brisée avant le temps. Malheureuse! mon génie se fait sentir seulement par la force de ma douleur. Etc. Etc. etc.

[Переводъ]. „Какую сперва я имѣла увѣренность въ природу и жизнь! Я думала, что всѣ несчастья происходятъ отъ недостатка мысли и чувства, и что уже на землѣ можно предвкушать небесное блаженство, которое есть вѣчный восторгъ и постоянство въ любви. Нѣтъ, я не раскаиваюсь въ этой великодушной экзальтаціи; нѣтъ, не она заставляетъ меня проливать слезы, которыми орошенъ прахъ, меня ожидающій. Я тогда бы исполнила свое назначеніе, я тогда бы была достойна небесныхъ благъ если бы я посвятила всю себя прославленію Божьяго милосердія, явленнаго всему міру. Ты не отвергаешь, Господи, дань талантовъ, и т. д., и т. д., и т. д.

„Нѣтъ ничего узкаго, порабощеннаго, ограниченнаго въ религіи! Она—само величіе, беапредѣльность и вѣчность, и т. д., и т. д.

„Ахъ, если бы я могла любить только ее одну, если бы я могла поручить себя только небу, защитивъ себя отъ всякихъ бурныхъ привязанностей,—я бы не была разбита раньше времени. Несчастная! Мой геній даетъ себя чувствовать только силою моей печали!" И т. д., и т. д.

Все хорошо до послѣдняго слова!

Бѣдная Коринна! Такимъ женщинамъ, какъ ты, по настоящему любить не слѣдуетъ—въ той любви кроется гибель и нравственная смерть. Бѣдная, бѣдная Коринна!..

Изъ «Chateaubriand» прочла покамѣстъ Atala и René. Еще не разобралась хорошенько въ прочитанномъ, но Amélie и René кажутся мнѣ несовсѣмъ естественными. Впрочемъ, мало-ли страннаго и непонятнаго происходитъ въ душѣ человѣка, вопреки его собственному желанію, вопреки его волѣ. О жалкое, несчастное созданіе, человѣкъ! Чѣмъ искреннѣе и глубже его чувство, тѣмъ онъ несчастнѣе, и горе тѣмъ, кто бросаетъ камнемъ въ такихъ несчастныхъ! Имъ нѣтъ покоя на землѣ ни въ какомъ состояніи: богатства, почести не для нихъ.

Вѣрно подъ вліяніемъ René написалъ и Байронъ своего

Манфреда: что это за мрачный образъ и какую тоску нагоняетъ онъ! Развѣ не жаль его?..

Статья о безсмертіи души.

31 мая. Хорошую вещь прочла я сегодня о безмертіи души. Какъ наглядно доказана безконечная жизнь духа!

Да, мнѣ пріятно вѣрить въ продолженіе моего бытія; я даже повеселѣла по прочтеніи этой статьи; какой-то умный человѣкъ написалъ ее, и я ему чрезвычайно благодарна

Хотѣла бы я знать, какую цѣль имѣютъ тѣ господа, которые разрушаютъ вѣру въ Божество и въ загробную жизнь? Развѣ оттого лучше становится людямъ? Развѣ живется покойнѣе, счастливѣе отъ этого? Напротивъ, чувствуется безисходность положенія, и жизнь является безъ смысла и цѣли.

Наши воспитанницы-сибирячки.

6 іюня. Есть между пепиньерками любимица моя — Агнія Разсказова. Съ ней люблю говорить: она смотритъ такими умными глазками и такъ привѣтливо, что забываешь разницу лѣтъ и говоришь, какъ... какъ съ другомъ. Что готовитъ судьба этому юному созданію? Ей всего 16 лѣтъ. Какая длинная жизнь впереди... Что дастъ она? [1]).

[1]) Агнія Аѳанасьевна, см. 1862 г. 24 октября, пр. 3; у нея и нынѣ благоговѣйно сохраняется карточка Варвары Петровны съ такою надписью: „Агнія, дитя милое, приложите въ жизни всѣ добрыя начала, которыя пріобрѣли вы въ стѣнахъ института. Любите брата человѣка, любите и добрыхъ и злыхъ и поучайте собственнымъ своимъ примѣромъ и словомъ мира и любви. Благодать Божія да осѣнитъ вашу юность, и молодость, и зрѣлый возрастъ. Помяните добрымъ словомъ меня, когда не станетъ въ живыхъ искренно любящей васъ В. Быковой". 1864 г. 14 апр.

Агнія дружна съ Олей Филимоновой [2]), тоже воспитанницей института, старше ея четырьмя годами. Она тоже вышла первой и теперь сама уже воспитательница, исполняющая обязанность у насъ классной дамы въ старшемъ классѣ. Работаютъ онѣ вмѣстѣ и всю душу кладутъ въ свое дѣло.—Прелесть, что за дѣвушки!

Одна изъ пепиньерокъ, Варя Пояркова [3]), въ которой я находила сходство съ собою въ былыя времена, выходитъ замужъ.—Черезчуръ поспѣшно. Но нельзя останавливать ее, когда ей самой хочется. Впослѣдствіи жизнь покажетъ: хорошо или дурно она сдѣлала.—Отъ нея я много ждала... Что же?—Можетъ и не ошиблась...

Другія пепиньерки тоже хорошія дѣвочки; но ихъ я менѣе знаю: держатъ себя далеко, несмотря на то, что я ласкова и привѣтлива стараюсь быть со всѣми.

Меня безпокоитъ Настя Степанова [4]),—чрезвычайно сдержанный характеръ!..

Новый годъ.—Отсутствіе новаго въ жизни.—Чтеніе любимыхъ мыслителей.—Покорность волѣ Божьей.

31 декабря. Послѣдній день года!

Я всегда со страхомъ жду наступленія новаго и никогда не встрѣчаю его радостно. Знаю, что и въ слѣдующемъ люди будутъ все тѣ же, стало быть, лучшаго ждать нельзя. Помоги, Господи, быть полезной и этотъ годъ отмѣтить какимъ-нибудь добрымъ дѣломъ!..

---

[2]) Ольга Николаевна—первая воспитанница Иркутскаго института вып. 1859 г., дочь очень богатыхъ родителей золотопромышлен., по первому мужу Урановская, по второму ген. Лазарева, всегда весьма признательная Варварѣ Петровнѣ.

[3]) Варвара Петровна (см. 1862 г. 24 окт. пр. 1-е).

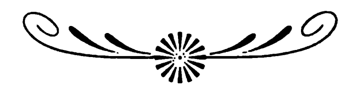
[4]) Анастасія Петровна, VIII вып. Иркутскаго института. Начальница сиропитательнаго Елизаветы Медвѣдниковой дома въ Иркутскѣ (см. 1862 г. 24 окт. пр. 4).

Да, ни въ чемъ другомъ не вижу новаго: разговоры и книги, особенно самыя новѣйшія, всѣ говорятъ по-старому и не открываютъ новыхъ жизненныхъ путей. Вотъ почему теряю я прежнюю охоту даже къ разговору. Люблю я теперь только историческіе разсказы: на нихъ просто набрасываюсь. Читаю теперь Bergier «servitudes du christianisme» въ отпоръ современнымъ ему философамъ: Вольтеру, Дидро, Даламберу, Гримму, Гельвецію и всей честной компаніи et tutti quanti вмѣстѣ съ нынѣшними нигилистами.

Удивительное сходство между главарями тѣхъ и другихъ, только нынѣшніе «фейербахи» повторяютъ зады.

Стала отыскивать статьи, гдѣ бы исторически и на научныхъ данныхъ доказано было все безумное краснорѣчіе матеріалистовъ—и нашла. Во-первыхъ—Бержье; тотъ побиваетъ слово за слово прямо фактами; потомъ философа и естествоиспытателя, знаменитаго Боссюэта [1]); а тамъ еще цѣлую вереницу: извѣстнаго, славнаго геометра Эйлера, Лейбница, и, дастъ Богъ, доберусь до Ньютона. Да, этихъ читаю съ увлеченіемъ: взгляды становятся правильнѣе, и сама жизнь получаетъ иной, болѣе осмысленный характеръ и хочется молиться...

Да будетъ святая воля Твоя, Господи, здѣсь и въ будущей, неразгаданной силами человѣческаго ума вѣчности. Ты призвалъ меня къ бытію; къ Тебѣ, или къ той жизни, которую Ты же, Господи, дашь, я снова пойду, только подкрѣпи мою вѣру!..



[1]) Боссюэтъ—французскій проповѣдникъ, историкъ и богословъ (род. 1627 г. † 1704 г.).

Увлеченіе Вольтеромъ и раскаяніе.—Безвѣріе въ Иркутскомъ обществѣ и его послѣдствія.—Русскіе и поляки.

21 января. Агнія Разсказова [1]) уѣзжаетъ на дняхъ въ Петербургъ къ матери; страшно за молодую головку: ее также легко сбить, какъ, двадцать лѣтъ тому назадъ, сбили меня.

Вольтеръ, который положительно не зналъ ни исторіи, ни еврейскаго языка, имѣлъ на молодежь громадное вліяніе и разсчитывалъ очень вѣрно на большое невѣжество читающихъ. Ему вѣрили и вѣрятъ на слово, признавая за истину всѣ его парадоксы. Теперь, прочтя такъ много и такихъ дѣльныхъ, наглядныхъ обличеній въ искаженіи Вольтеромъ исторической истины, я ужъ не буду сбита съ пути никакими Ренанами. Но тогда, неподготовленная къ борьбѣ, не имѣя другой опоры, кромѣ вѣры и молитвы, я такъ поддалась обману, такъ страдала и всѣми силами искала выхода изъ душной духовной темницы!..

И Господь помогъ мнѣ прозрѣть.

Я очнулась въ стѣнахъ Смольнаго. Окруженная молящимися и вѣрующими я стала молиться и вѣрить, горячо вѣрить въ вездѣсущаго Бога. Я опять почувствовала, что приближаюсь къ Господу, что предъ Нимъ единымъ могу

---

[1]) См. 1862 г. 24 окт. пр. 3 и 1864 г. 6 іюня пр. 1.

излить свою душевную скорбь; лишь отъ Него ждать утѣшенія, предоставивъ себя вполнѣ Его святой волѣ!..

Въ Иркутскѣ снова стало застилать туманомъ глаза; я не возвращалась болѣе къ прежнему невѣрію, но истина не сверкала прежнимъ свѣтомъ — Разговоры, слышимые постоянно кругомъ, насмѣшки, кощунства въ журналахъ, статьи, по наружности глубоко-ученыя, особенно для неученыхъ — все это дѣйствовало мучительно на меня. И стала я снова молиться, да укажетъ мнѣ Господь истину; и засіяла та истина такимъ яркимъ свѣтомъ и такъ ясно освѣтила всѣ изгибы моего невѣжества и лжи, что обманъ былъ болѣе немыслимъ: весь соръ, вся грязь были на виду... И жаль мнѣ бѣдныхъ, подобныхъ мнѣ, запутавшихся въ сѣтяхъ сомнѣній, бьющихся какъ въ западнѣ и не знающихъ, кромѣ смерти, другого исхода.

На нашихъ глазахъ совершается другое извращеніе исторической истины. Въ немъ участвуютъ поляки и весь мятяжный западъ. Такъ безсовѣстно все ведется, что только приходится дивиться... Спасибо «Дню», «Москов. Вѣдомостямъ» и «Вѣстнику Ю. З. Россіи», — эти органы печати многое уяснили и продолжаютъ уяснять, зорко слѣдя за всѣми іезуитскими происками безчестныхъ коноводовъ, ловко прибирающихъ къ рукамъ невѣждъ и легковѣрныхъ.

— О, поляки! поляки! какъ обманули они меня! Какъ мнѣ жаль было васъ и какъ я сочувствовала вашему стремленію къ свободѣ! — Безумная! Рабы, вѣдь, мы были и, можетъ быть, и теперь безъ сознанія, продолжаемъ быть. Поляки насъ всѣхъ разжалобили, прикинувшись жертвами, и мы устыдились быть якобы ихъ палачами! [1]).

[1]) Кромѣ того В. П. читала польскій катехизисъ, переведенный на русскій языкъ по приказанію графа Мих. Н. Муравьева: „Какъ можно вліять на москаля". (См. въ „Польской эмиграціи 1831—1863 гг." приложеніе).

„Мы, русскіе, такъ себя не знаемъ, какъ выучили наши слабости поляки". Катковъ.

Кто же виноватъ, что мы не знаемъ своей исторіи? Рабски слѣдуемъ за мнимо-ученой Европой и повторяемъ ложь, распускаемую ею въ ущербъ самимъ себѣ.

Не понимаю, какъ не заботятся въ учебникахъ распространять истину... Твердятъ: «І-ый, ІІ-й, ІІІ-й *раздѣлъ Польши*» и тѣмъ заставляютъ порядочныхъ людей краснѣть за правительство и считать себя виновными; а не скажутъ, изъ чего составилась Польша, что она была; какія земли входили въ ея составъ, и какъ она завладѣла ими, и какъ поступила она съ тѣми землями и ихъ населеніемъ, и какъ этотъ покоренный поляками народъ отбивался отъ ихъ ига, и какъ естественно соединился онъ съ своимъ *роднымъ* краемъ, отъ котораго былъ оторванъ IV вѣка тому назадъ, и пр., и пр. Обо всемъ этомъ краснорѣчиво молчатъ наши учебники и преподаватели; а поляки и печатно, и тайно, и гласно вездѣ, и во всѣхъ журналахъ поютъ жалостливую пѣснь *о варварствѣ москалей*, объ угнетеніи,—но втихомолку, подъ шумокъ, отлично угнетаютъ русскихъ, въ качествѣ крѣпостныхъ, и съ ловкостью іезуитовъ закидываютъ сѣти на Западную и Юго-Западную Русь.

Молодцы! По дѣломъ намъ, простакамъ! — всякій обманетъ...

— Да, и обманули жестоко! Но все же мнѣ жаль тѣхъ, которые не по своей волѣ очутились здѣсь, въ Сибири: пришли и переѣхали сюда... Дай только, Господи, чтобы они не вздумали полонизировать Сибирь...

— Не удалась одна продѣлка, найдутъ другую...

Ловкій народъ! «Изъ воды всегда сухой выйдетъ».

Скорбь о Нутѣ.

28 февраля. Когда-то Господь сниметъ съ меня тяжкое бремя?..

— Погибаетъ моя бѣдная Нута!—Она остается почти безъ всякой поддержки со стороны начальства при непріятностяхъ... [1]).

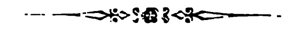
Господи, изведи душу мою изъ темницы. Но да будетъ воля Твоя!..

Успокоеніе въ скорби.

2 марта. Créature d'un jour qui t'agites une heure,
De quoi viens-tu te plaindre et qui te fait gémir?
Ton âme t'inquiéte, et tu crois qu'elle pleure:
Ton âme est immortelle, et tes pleurs vont tarir.
Le regret d'un instant te trouble et te dévore;
Tu dis que le passé te voile l'avenir.
Ne te plains pas d'hier; laisse venir l'aurore:
Ton âme est immortelle, et le temps va s'enfuir.
Ton corps est abattu du mal de ta pensée;
Tu sens ton front peser et tes genoux fléchir.
Tombe, agenouille-toi, créature insensée:
Ton âme *est immortelle*, et la mort va venir.

Alf. de Musset (Lettre à Lamartine).

[Переводъ]. Созданіе одного дня! Твое волненіе длится не болѣе часа. На что же ты жалуешься? И что заставляетъ тебя стонать? — Твоя душа тебя безпокоитъ, а ты думаешь, что она плачетъ.—Душа твоя безсмертна и твои слезы изсякнутъ. Мимолетная печаль и сомнѣнія тебя подтачиваютъ; ты говоришь, что прошлое затемняетъ тебѣ грядущее. Не жалуйся на вчерашній день; дождись зари.—Душа твоя безсмертна, а время пролетитъ. Тѣло твое страдаетъ подъ гнетомъ мысли; ты чувствуешь, что голова твоя отяжелѣла и колѣна подкашиваются. — Пади, преклони колѣна, безразсудное созданіе! Твоя душа *безсмертна*, а смерть не замедлитъ придти.



[1]) Живые свидѣтели—переписка Анны Петровны и архивныя дѣла Иркутскаго института — только могутъ выяснить, въ чемъ состояли непріятности. Вѣроятно, борьба за взгляды и убѣжденія.

Смерть Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича.

14 апрѣля. Вчера пришла телеграмма о кончинѣ Его И. В. Государя Наслѣдника въ ночь на 12-е число [1]). Теперь все Царское семейство въ Ниццѣ: и живые и покойный Наслѣдникъ.

Покойный,—а давно-ли былъ онъ полонъ жизни, красоты, могущества: давно-ль былъ женихомъ юной Принцессы Датской Дагмары?.. Больно смотрѣть на карточку, гдѣ они стоятъ вмѣстѣ... Смерти все равно, что ни косить, лишь бы косить: крапива, цвѣты роскошные, репейникъ—все валится подъ лезвіемъ неумолимой...

А моя родная Русь? Что тебѣ готовитъ новый Наслѣдникъ Престола?.. Александръ — хорошее, русское, историческое имя: Александръ Невскій святой Александръ Благословенный, Александръ—освободитель рабовъ. Какъ же Твое имя будетъ возвеличено грядущимъ поколѣніемъ? [2]). Молва еще молчитъ о Тебѣ; чѣмъ-то ознаменуешь свое правленіе Ты—грядущій властитель обширной Россіи? Да осѣнитъ Тебя благость Божія, да исполнитъ Тебя премудрости, правосудія и любви! Да благословятъ Тебя колѣна земныя, какъ благословляютъ отца Твоего, нашего любимаго Государя! Да возлюбятъ Тебя дѣти Твои русскіе и всѣ народы, которые будутъ жить подъ сѣнью Твоей державы! Да благословитъ и умудритъ Тебя Господь на трудномъ, разстилающемся предъ Тобою пути!..

Двадцать пять лѣтъ назадъ, я привѣтствовала также нынѣшняго Государя; сама едва начиная жить молодою жизнью, я призывала всѣ благословенія Божіи на главу

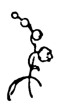
[1]) См. 1861 г. 21 сент., прим. 1.

[2]) Царь-Миротворецъ, Александръ III († 20 октября 1894 г.).

Великаго Князя, въ которомъ соединяла все счастье моей родины... Мнѣ казалось, глядя на доброе, прекрасное лицо Александра Николаевича, что его царствованіе должно быть благодѣтельно для Россіи, и я съ увлеченіемъ любовалась царственнымъ юношей. То было очень давно, еще до женитьбы Государя. Съ тѣхъ поръ, хотя я и жила въ Петербургѣ, но не видала больше никогда Государя. Однако же надежды мои сбылись, и народъ русскій благословляетъ своего Царя; я тоже принадлежу происхожденіемъ и всею душою тому народу и не перестаю благословлять Царя, освободителя милліоновъ рабовъ.

— Бѣдный Государь! Какую тяжелую утрату переносишь! Несчастная Царица! Какъ плачешь Ты, бѣдная мать! Какими горькими слезами обливаешься надъ бездыханнымъ тѣломъ Своего первенца! — Поѣхали за здоровьемъ въ чужой край и вернутся съ трупомъ еще такъ недавно цвѣтущаго юноши! Небывалое начнется шествіе по Европѣ: Царь, Царица, въ слезахъ, везутъ домой, во гробъ положеннаго сына.

Да утѣшитъ Васъ Господь и общее сочувствіе въ горѣ!



Панихиды по умершемъ Наслѣдникѣ Цесаревичѣ.

15 апрѣля. Только-что пришла съ панихиды; въ ушахъ звучитъ послѣдній напѣвъ: «Вѣчная память», и непрошенная слеза пробивается въ очи...

Жаль цвѣтка, едва распустившагося; жаль Государыню мать. Мнѣ такъ ясно видится вся глубокая скорбь Царицы при погребальныхъ молитвахъ, что я какъ бы при-

сутствую лично въ тѣхъ роскошныхъ чертогахъ, гдѣ слышатся плачъ и рыданія.

Сохрани, Господи, Царя и Царицу еще на долгіе годы!

«Человѣкъ, яко трава; дни его, яко цвѣточекъ сохнетъ» [1]), — сказалъ давно вдохновенный пѣвецъ. — Какъ слова эти подходятъ къ совершившемуся событію!..

— Да упокоитъ Господь душу твою, бѣдный юноша! Тамъ всѣ равны!..

Дѣти съ умиленіемъ пѣли въ церкви; у насъ всю недѣлю будутъ панихиды; вчера соборъ и площадь подлѣ собора были полны народа.

Выпускной экзаменъ по французскому языку. — Наша молодежь и предостереженія ей.—Какъ совращали меня.

27 мая. Ровно недѣлю назадъ мой классъ сдалъ свой выпускной экзаменъ по исторіи французской литературы и вообще по познаніямъ изъ французскаго языка. Господь благословилъ труды наши. — Шесть лучшихъ воспитанницъ писали на доскахъ: трое переводили à livre ouvert съ русскаго, трое писали на заданныя темы: «Adieu à l'institut, la mère, la musique (прощаніе институту, мать, музыка). «Прощаніе» обратило на себя особенное вниманіе [1]). Мнѣ въ немъ понравилось болѣе всего слѣдующее выраженіе: «Je prie Dieu, que mon institut bien aimé reste ferme, inébranlable au milieu des fausses doctrines et des vagues de l'incrédulité, qui l'entourent [2]).

[1]) Изъ псалма 102-го, ст. 15.

[1]) Писала его в—ца вып. 1865 г. Людмила Чайковская.

[2]) [Переводъ]: Я молю Бога, чтобы мой любимый институтъ пребывалъ твердымъ, непоколебимымъ среди ложныхъ ученій и невѣрія, которыя его окружаютъ.

Да, покамѣстъ институтъ стоитъ отпоромъ разливающемуся повсюду ученію матерьялизма. Нута, несмотря на насмѣшки, говоритъ во всеуслышаніе, что старается воспитать женщинъ христіанокъ, которыя могли бы вносить въ семейный кругъ и въ общество начала нравственности, основанной на ученіи Спасителя, и которыя своимъ благотворнымъ вліяніемъ, въ свою очередь, подготовили бы юное поколѣніе къ дальнѣйшему существованію на тѣхъ же началахъ, чтобы наша молодежь не похожа была ни на нынѣшнюю, ни на прежнюю, потому что обѣ не заслуживаютъ любви и уваженія. Вглядитесь — нынѣшняя молодежь нисколько не отличается своимъ направленіемъ отъ молодежи прежняго времени, развѣ рѣчи другія, а суть все та же. Какъ прежде французскіе писатели оказывали большое вліяніе на читателей, такъ и теперь. Дальше Diderot и de la Metterie идти некуда! De la Metterie умеръ въ 1755 г.; стало быть, болѣе ста лѣтъ прошло уже послѣ его смерти; между тѣмъ его произведенія: «l'homme machine» et «le traité de l'âme» [3]) и въ настоящее время читаются нарасхватъ, особенно молодежью. Этотъ господинъ старался доказать, что человѣкъ не имѣетъ духовной стороны, а есть только животное, подобное обезьянѣ! Исходя изъ этой точки, онъ систематически разрушаетъ всякую нравственность, говоря, что *нѣтъ совѣсти*, нѣтъ ни добра, ни зла, и что человѣкъ въ правѣ предаваться всѣмъ порокамъ и преступленіямъ, если онъ того пожелаетъ. Вотъ видите, какіе учителя были у прежнихъ поколѣній! [4]).

Успокойтесь же, любезные друзья, бѣдные молодые люди,— не воображайте, что, глумясь надъ вѣрою, надъ Божествомъ и безсмертіемъ души, вы дѣлаете что-нибудь новое.—Давно уже являлись повторяемыя вами остроты и потомъ исчезали. Матеріализмъ, какъ стоглавая гидра, показывалъ свою страшную голову то тамъ, то тутъ. Еще во времена іезуитовъ и

[3]) „Человѣкъ-машина" и „Трактатъ о душѣ".

[4]) Опередившіе и Дарвина цѣлымъ столѣтіемъ.

сластолюбивыхъ папъ матеріализмъ служилъ имъ точкой опоры, и они разрѣшали себѣ всякіе безнравственные поступки на томъ основаніи, что отрицали въ человѣкѣ все духовное и низводили его на степень животнаго... А вы думали, господа, что и впрямь говорите что-то такое новое, чего не слышало человѣчество?!. Слышало; — равно какъ слышало и всѣ ваши громкія слова о любви къ человѣчеству, но только подъ звуки гильотины, ружейной и пушечной пальбы и при плескѣ волнъ, въ которыя погружали тысячи жертвъ этой кровожадной любви. И Марратъ былъ «другъ народа», и Робеспьеръ, и Дантонъ, и Collotd Herbvis; всѣ эти начальники терроризма, руководители террора, твердили о «гуманности», называя ее «филантропіей». На мой же взглядъ есть только одна истинная любовь — основанная на «*христіанскомъ милосердіи*», не дозволяющая никогда проливать кровь человѣческую, а вся эта «филантропія» и «гуманность» только маски для прикрытія какихъ-нибудь своекорыстныхъ видовъ и цѣлей [5]).

Было время, что и меня хотѣли сдѣлать прозелиткою республиканскихъ началъ и съ этою цѣлью снабдили порядочнымъ запасомъ записокъ «демагоговъ» первой французской революціи. Я прочла и отвернулась отъ этого собранія лжи, коварства, корыстолюбія, властолюбія и кровожадности. Всѣ эти «друзья народа», эти «патріоты» своего отечества были отъявленными негодяями. Они щадили и хвалили другъ друга только до тѣхъ поръ, пока это не мѣшало ихъ личнымъ интересамъ. Но, при первомъ разногласіи, при первомъ словѣ правды, вырвавшемся у болѣе справедливыхъ.

---

[5]) И новѣйшіе провозвѣстники „свободы и братства“ и нынѣшніе члены „общественной безопасности“ занимаются взаимоистребленіемъ якобы „изъ любви къ свободѣ и братству“, присоединяя къ той любви и страсть къ подстрекательству для уничтоженія и разрушенія иныхъ историческихъ памятниковъ, какъ-то: библіотекъ, картинъ и пр.—Вѣроятно, это варварское истребленіе назовется у нихъ тоже „любовью къ просвѣщенію?“ (примѣч. автора 1872 г. 19 іюня).

«друзья» отправляли таковаго на эшафотъ, и осыпали его укорами въ измѣнѣ «отечеству»...

Такъ поплатился Camille Desmoulins, одинъ изъ наиболѣе симпатичныхъ людей того времени, который вначалѣ гордился названіемъ «procureur général de la Lanterne».

Бѣдный, не понималъ всего ужаса такого прозвища! Вѣдь онъ былъ тотъ же палачъ, отъ котораго, вѣроятно, прежде и самъ отворачивался! Тѣмъ не менѣе, нельзя читать безъ слезъ его прощальнаго письма къ женѣ изъ темницы, куда его бросилъ «другъ его» Робеспьеръ.—Каждое слово дышетъ такою грустью, что сразу я и прочесть не могла—больно!

Да, еще издавна честные, но легко увлекающіеся люди. сами того не подозрѣвая, служили орудіемъ достиженія коварныхъ замысловъ разныхъ негодяевъ...

Новый выпускъ.

22 іюня. Вотъ и снова выпускъ; снова рой молоденькихъ дѣвушекъ хлынетъ чистою волной въ мутныя воды свѣта... Что станется съ этой чистотой?..

Бѣдныя дѣти! неужели всѣ, всѣ сольются съ тою грязью?..

Мнѣ жаль васъ, и я плакала въ церкви, молясь, да внесутъ въ міръ эти юныя созданія правду Божію, и да проповѣдаютъ ее и словомъ и дѣломъ!

Господи, благослови ихъ!—Въ этомъ выпускѣ 39 воспитанницъ окончили курсъ; въ 63 г.—30, въ 61 г.—20, а въ 59 г.—21. Это—капли для моря, для Сибири [1]).

[1]) Списки этихъ выпусковъ можно видѣть на страницѣ 19-й историческаго очерка Иркутскаго института (изд. 1896 г. Иркутскъ).

Смерть брата Александра.—„День" Аксакова.—Не схожусь ни съ духовенствомъ, ни съ реалистами.—Отецъ Іоаннъ Недешевъ, Анна Демьяновна Слонецкая и о. Іоаннъ Преображенскій.

14 октября. До сихъ поръ силъ не хватило внести въ свои записки еще одну смерть,—смерть брата, нашего геніальнаго брата, нашу былую защиту, гордость и славу,—смерть нашего брата, Саши [1]).

Въ то время, какъ оплакивали мы здѣсь утрату царской семьи, въ то время, какъ вся Россія, въ лицѣ своихъ представителей, грустно созерцала торжественныя похороны Наслѣдника Престола,—въ тѣ самые дни кончалъ свою страдальческую жизнь бѣдный Саша. О,—такъ я звала его въ молодости; послѣ мы разстались, и прежнее молодое имя осталось до конца его жизни... Да, умеръ онъ среди дѣтей и жены; и никто не упомянулъ имени покойника, и ни въ одной газетѣ даже не сказали, что сошелъ съ земного поприща—краса людей, стоявшій мыслею такъ высоко надъ общимъ уровнемъ. Да, никто не помянулъ; только сестры заплакали, услышавъ эту горестную вѣсть; только сестры молятся за упокой увлекавшейся души его! Господи, прости ему все...

Бѣдный И. С. Аксаковъ: отъ архіереевъ и «Домашней Бесѣды» до «Русскаго Слова»—всѣ противъ него; съ тою только разницею, что прогрессисты зовутъ его старовѣромъ, отсталымъ (отъ чего), умопомрачителемъ, квасникомъ, руссофиломъ, подкупленнымъ правительствомъ, а духовенство называетъ его прогрессистомъ и революціонеромъ. Есть такіе господа, которые называютъ славянофиловъ «красными», коммунистами и вообще подозрительными. Господи, въ какихъ потемкахъ мы ходимъ, боясь другъ друга!.. Бѣдный «День»!—Но пусть тучи заволакиваютъ небо; взойдетъ солнышко—и снова заблеститъ обновленный «День».

---

[1]) См. зап. ч. 1-я Александръ Петровичъ Быковъ стр. 440. Умеръ въ Москвѣ.

Не сравнивая себя съ Аксаковымъ, я тоже кажусь однимъ — невѣрующей и, по меньшей мѣрѣ, протестанткой, другіе, наоборотъ, посмѣиваются надо мною за вѣру. Я считаю себя просто христіанкой или, по крайней мѣрѣ, хочу быть таковой. Высказываясь же откровенно, не могу поладить со здѣшнимъ духовенствомъ. Не встрѣчаю здѣсь никого, похожаго на покойнаго отца Іоанна Недешева [2]). Здѣсь не отъ кого услышать слова утѣшенія и подкрѣпленія въ духовной нищетѣ...

Да просвѣтится духъ твой предъ лицемъ Божіимъ, любвеобильная душа! Бывало, на исповѣди сознаешься среди слезъ и глубокаго раскаянія въ грѣхахъ; онъ же, пастырь добрый, утѣшитъ словами: «не печалься, дружокъ, пройдетъ, въ молодости всѣ такія же были»! И легче станетъ на душѣ; и уйдешь отъ него обновленною. Онъ насъ обѣихъ съ сестрою любилъ и, пожуривъ за что-нибудь, бывало, прибавитъ: «мнѣ не хотѣлось бы и пылинки видѣть на вашей душѣ». Если, душа чистая, безсмертная, ты можешь видѣть и слышать меня, — радуйся: съ глубокою благодарностью поминаю тебя и Анну Демьяновну [3]), святую женщину, которая тоже такъ часто осушала мои слезы теплымъ участіемъ и словами искренней дружбы. И надъ этой женщиной, въ полномъ смыслѣ слова безупречной, глумились ничтожества, давали ей разныя прозвища и нравственно терзали ее. — Помню, съ какою скорбью говорила она разъ какъ-то: «Мнѣ очень тяжело: даже тѣ, кого считала друзьями, и тѣ противъ меня»! — Да, не встрѣтить мнѣ больше Анны Демьяновны! Вотъ уже 10 лѣтъ минуло послѣ ея смерти, а мнѣ живо помнятся ея слова и дѣла ея на пользу общую.

Миръ праху твоему!

Еще я знала въ Смольномъ добрую, честную личность, — отца Іоанна Преображенскаго, священника во Вдовьемъ

[2]) См. зап. ч. 1-я стр. 18-я, 442 и его портретъ.

[3]) Анна Демьяновна Слонецкая, зап. ч. 1-я стр. 177, 195, 277, 338 и 443

сутствую лично въ тѣхъ роскошныхъ чертогахъ, гдѣ слышатся плачъ и рыданія.

Сохрани, Господи, Царя и Царицу еще на долгіе годы!

«Человѣкъ, яко трава; дни его, яко цвѣточекъ сохнетъ» [1]),— сказалъ давно вдохновенный пѣвецъ.—Какъ слова эти подходятъ къ совершившемуся событію!..

— Да упокоитъ Господь душу твою, бѣдный юноша! Тамъ всѣ равны!..

Дѣти съ умиленіемъ пѣли въ церкви; у насъ всю недѣлю будутъ панихиды; вчера соборъ и площадь подлѣ собора были полны народа.

Выпускной экзаменъ по французскому языку. — Наша молодежь и предостереженія ей.—Какъ совращали меня.

27 мая. Ровно недѣлю назадъ мой классъ сдалъ свой выпускной экзаменъ по исторіи французской литературы и вообще по познаніямъ изъ французскаго языка. Господь благословилъ труды наши.—Шесть лучшихъ воспитанницъ писали на доскахъ: трое переводили à livre ouvert съ русскаго, трое писали на заданныя темы: «Adieu à l'institut, la mère, la musique (прощаніе институту, мать, музыка). «Прощаніе» обратило на себя особенное вниманіе [1]). Мнѣ въ немъ понравилось болѣе всего слѣдующее выраженіе: «Je prie Dieu, que mon institut bien aimé reste ferme, inébranlable au milieu des fausses doctrines et des vagues de l'incrédulité, qui l'entourent [2]).

[1]) Изъ псалма 102-го. ст. 15.

[1]) Писала его в—ца вып. 1865 г. Людмила Чайковская.

[2]) [Переводъ]: Я молю Бога, чтобы мой любимый институтъ пребывалъ твердымъ, непоколебимымъ среди ложныхъ ученій и невѣрія, которыя его окружаютъ.

Да, покамѣстъ институтъ стоитъ отпоромъ разливающемуся повсюду ученію матерьялизма. Нута, несмотря на насмѣшки, говоритъ во всеуслышаніе, что старается воспитать женщинъ христіанокъ, которыя могли бы вносить въ семейный кругъ и въ общество начала нравственности, основанной на ученіи Спасителя, и которыя своимъ благотворнымъ вліяніемъ, въ свою очередь, подготовили бы юное поколѣніе къ дальнѣйшему существованію на тѣхъ же началахъ, чтобы наша молодежь не похожа была ни на нынѣшнюю, ни на прежнюю, потому что обѣ не заслуживаютъ любви и уваженія. Вглядитесь — нынѣшняя молодежь нисколько не отличается своимъ направленіемъ отъ молодежи прежняго времени, развѣ рѣчи другія, а суть все та же. Какъ прежде французскіе писатели оказывали большое вліяніе на читателей, такъ и теперь. Дальше Diderot и de la Metterie идти некуда! De la Metterie умеръ въ 1755 г.; стало быть, болѣе ста лѣтъ прошло уже послѣ его смерти; между тѣмъ его произведенія: «l'homme machine» et «le traité de l'âme» [3]) и въ настоящее время читаются нарасхватъ, особенно молодежью. Этотъ господинъ старался доказать, что человѣкъ не имѣетъ духовной стороны, а есть только животное, подобное обезьянѣ! Исходя изъ этой точки, онъ систематически разрушаетъ всякую нравственность, говоря, что *нѣтъ совѣсти*, нѣтъ ни добра, ни зла, и что человѣкъ въ правѣ предаваться всѣмъ порокамъ и преступленіямъ, если онъ того пожелаетъ. Вотъ видите, какіе учителя были у прежнихъ поколѣній! [4]).

Успокойтесь же, любезные друзья, бѣдные молодые люди, — не воображайте, что, глумясь надъ вѣрою, надъ Божествомъ и безсмертіемъ души, вы дѣлаете что-нибудь новое. — Давно уже являлись повторяемыя вами остроты и потомъ исчезали. Матеріализмъ, какъ стоглавая гидра, показывалъ свою страшную голову то тамъ, то тутъ. Еще во времена іезуитовъ и

[3]) „Человѣкъ-машина“ и „Трактатъ о душѣ“.
[4]) Опередившіе и Дарвина цѣлымъ столѣтіемъ.

Домѣ [4]). По смерти о. Недешева, онъ былъ нашимъ духовникомъ.—Какая кротость христіанская, и какъ молился онъ съ кающимися! Боже мой, дай мнѣ еще хоть разъ исповѣдовать Тебѣ грѣхи мои въ присутствіи этого чуднаго батюшки, такъ хорошо понимающаго сердце человѣческое!..

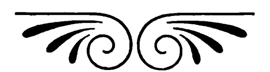
Отецъ Іоаннъ Недешевъ былъ нашимъ законоучителемъ и принималъ въ насъ живое участіе. Во время моей продолжительной болѣзни, когда я была первый годъ въ старшемъ классѣ, онъ посѣщалъ меня черезъ день и просиживалъ часами у моей постели, подготовляя меня къ вѣчности: доктора почти приговорили меня къ смерти. Опасность про-

---

[4]) См. зап. ч. 1-я стр. 163. Скромнѣйшій пастырь, 55 лѣтъ (1838—1894 г.), прослужившій во Вдовьемъ Домѣ и въ Имп. в. об. бл. дѣвицъ, стяжавшій славу „батюшки безсребренника-прозорливца". (Его біографія въ „Церковномъ Вѣстникѣ" за сентябрь 1894 г.). Въ день 50-лѣтія служенія въ санѣ священника чувства его бывшихъ воспитанницъ „смолянокъ" и духовныхъ дѣтей излились массою привѣтствій, изъ нихъ одно, писанное, приводимъ здѣсь, какъ характеристику вдумчиваго отношенія къ священнику и отцу духовному:

„Смиренный пастырь и учитель,
Посредникъ нашъ у Божества,
Опора слабыхъ, душъ цѣлитель,
Благій виновникъ торжества!
Прими отъ насъ даръ уваженья,
Въ полвѣковой твой юбилей!
Мы видимъ, — что благословенье
Витаетъ надъ главой Твоей;
Престола Божія служитель—
Примѣръ *любви* ты подаешь:
Закона точный исполнитель—
Всѣхъ ко спасенію ведешь;
Ты огорченныхъ утѣшитель,
Покой смятеннымъ подаешь;
Ты грѣшныхъ съ небомъ примиритель,
Ты жизнью славу Богу воздаешь!
Безсмѣнный кормчій,—полстолѣтья
Своимъ ты правишь кораблемъ,
И чуднымъ храма благолѣпьемъ
Тебѣ обязанъ Вдовій домъ!

должалась около мѣсяца.—И послѣ, когда я была уже классной дамой, о. Іоаннъ говаривалъ: «когда вспоминаю о «Варнавкѣ», такъ называлъ онъ меня, «она все представляется мнѣ больной въ кроваткѣ» [5]). Даже слезы прошибаютъ при воспоминаніи объ этихъ двухъ пастыряхъ церкви, смиренно совершающихъ свой священническій подвигъ въ миломъ Смольномъ. Такъ бы и полетѣла къ о. Іоанну Преображенскому, преклонила бы колѣна въ Божьемъ храмѣ и съ рыданіемъ просила бы этого святого человѣка научить меня молиться и дать миръ душѣ моей! Онъ самъ испыталъ глубокую скорбь: въ короткое время схоронилъ двухъ взрослыхъ дочерей и сына, 20 лѣтъ. Самъ отпѣвалъ своихъ дѣтей въ великую пятницу, и вся церковь обливалась слезами [6]).

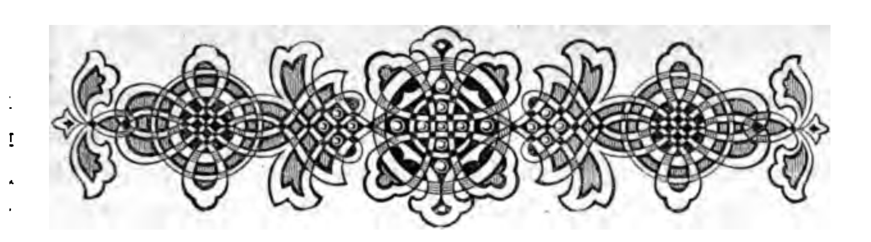


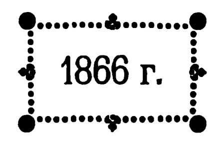
Отъ юныхъ лѣтъ и до сѣдины
Ему ты ревностно служилъ,
На храмъ Святый Екатерины
Свою ты душу положилъ.
Наставникъ юныхъ, старыхъ радость,
Любвеобильный бѣдныхъ другъ,
Почувствуй нынѣ всю ты сладость
Пол-вѣковыхъ своихъ заслугъ!..
Мы здѣсь не свѣтскія витіи,
А овцы нажити Твоей,
Служаки *вѣдомства Маріи*.—
Достойно чтимъ твой юбилей.
Теперь у насъ одно моленье,
Одно желанье и привѣтъ:
Пусть Господь продлитъ твое служенье
Еще на много, много лѣтъ!“ Четвергъ.

Анна Род—ва. 25 февраля 1888 года.

[5]) См. зап. ч. 1-я 11 дек. 1833 г. пр. 11-е.

[6]) На страстной недѣлѣ умерли: сынъ Павелъ и дочь Марія (отъ скарлатины).





Общество посѣщенія больныхъ въ Иркутскѣ.—Поляки, подготовлявшіе возстаніе въ Сибири.

21 марта. Преосвященный Пареенiй [1]) тоже сталъ принимать участіе въ нашемъ «обществѣ посѣщенія больныхъ», которыхъ мы снабжаемъ сахаромъ, чаемъ и булками. Сегодня онъ снова прислалъ ящикъ чаю и голову сахару. Преосвященный Веніаминъ [2]), настоятель Забайкальской миссіи, тоже присоединился къ намъ, и наше общество снова крѣпнетъ. Такъ не оставляетъ Господь разъ начатаго добраго дѣла! Даже М. С. Корсаковъ [3]) далъ слово присылать всѣ выигранныя имъ въ карты деньги.

Возникло наше общество такъ: четыре года назадъ институтскія дамы просили Анну Петровну принять на себя обязанность распорядительницы этого общества; сестра отказалась отъ всякаго первенства, но охотно приняла, наравнѣ

---

[1]) Епископъ Иркутскій, см. 6 февраля и 12 октября 1861 г. (въ мірѣ Поповъ). † въ 1873 г. Очень ученый и строгой жизни владыка.

[2]) Веніаминъ (Благонравовъ), впослѣдствіи архіепископъ Иркутскій, преемникъ съ 1861 г. преосвященнаго Пареенія. Миссіонерскіе подвиги его недавно занимали русскую прессу (въ 1892 г.).

[3]) См. 1862 г. 3 января пр. 2, 1863 г. 22 іюля, генералъ-губернаторъ.

съ прочими, званіе члена, и мы приступили къ составленію первоначальнаго вклада; приняли на свое попеченіе женское отдѣленіе городской больницы и при ней дѣтское отдѣленіе, которое нужно было совершенно преобразовать и снабдить бѣльемъ, покрывальцами и прочимъ. — Вотъ уже четыре года, какъ мы стали посѣщать больныхъ. Противъ насъ страшно возстали доктора, смотрителя и всѣ должностныя лица. Въ эти четыре года уже смѣнили четырехъ смотрителей и нѣсколько ихъ помощниковъ, но зато больные благословляютъ насъ и очень боятся, чтобы мы не перестали къ нимъ ѣздить. Удалить насъ никто не имѣетъ права: мы просто привозимъ подаянія, на что каждый имѣетъ полное право. Изъ членовъ первоначальныхъ уцѣлѣло всего 5 человѣкъ; зато явились другіе, и у насъ неприкосновеннаго, или запаснаго капитала теперь до 200 руб. Мы затрачиваемъ каждый мѣсяцъ отъ 25 до 30 и болѣе рублей сер., смотря по числу больныхъ и ихъ надобностямъ въ шести палатахъ. Дамы-участницы вносятъ въ мѣсяцъ по 1 р.; болѣе — тяготиться могутъ, сами небогатыя, — и ничего: то вдругъ неожиданно появится новый членъ общества, или единовременно кто-нибудь пожертвуетъ — и снова средства улучшатся... Только злобы много...

За все слава Тебѣ, Господи!

— Въ Иркутскѣ ходятъ недобрые слухи: говорятъ о поджигателяхъ-полякахъ, которыхъ по Сибири разселено многое множество, особенно въ городахъ. Говорятъ, на начало апрѣля готовится возстаніе и отторженіе Сибири отъ Россіи... Въ городской больницѣ, на Ангарѣ, помѣщены сосланные поляки; они устроили кузницу, гдѣ *куютъ топоры*, *ножи* и т. п.

Почему?..

— Странно у насъ на Руси: власть здѣсь — поляки, а мы, русскіе, у себя дома, но не смѣемъ даже говорить громко страха ради передъ польскою силою... Но я тревожиться не

намѣрена: столько опасностей насъ окружаютъ, что пришлось бы вѣчно чего-нибудь бояться.

Да будетъ воля Божія!..

Телеграмма изъ Петербурга о покушеніи на жизнь Государя.— Кто убійца?—Вліяніе поляковъ.—О защитѣ женщинъ. — Объ увлеченіи статьями „Современника".—Объ умыслѣ Григорьева.—Чтеніе Михаиломъ Семеновичемъ Корсаковымъ на соборной площади телеграммы и молебны о здравіи Государя Императора.

6 апрѣля. Нѣсколько часовъ назадъ получена изъ Петербурга телеграмма: «стрѣляли въ Государя 4 апрѣля, въ четыре часа, въ то время, какъ выходилъ Онъ изъ Лѣтняго сада». Но ничего неизвѣстно, ранили или нѣтъ нашего возлюбленнаго Царя, помазанника Божія!

Вотъ уже въ другой разъ подымается рука злодѣя на лучшаго изъ русскихъ Государей, царствованіе Котораго вспомянется съ благодарностью потомствомъ, имя Котораго произносится съ любовью современниками! Но чѣмъ Онъ больше дѣлаетъ добра Россіи, тѣмъ больше ненавидятъ Его враги ея, къ числу которыхъ нужно отнести и тѣхъ тупоголовыхъ русскихъ, которые жгутъ вмѣстѣ съ поляками Россію...

— Еще неизвѣстно, кто стрѣлялъ въ Государя; но почти, навѣрное, можно сказать: или полякъ, или ими одураченный ничтожный русскій, для котораго нѣтъ ничего святого...

Нѣтъ, поляку скорѣе можно простить это преступленіе: этотъ, по крайней мѣрѣ, по неразвитости и по шляхетскому надменному «звычаю» не можетъ свыкнуться съ мыслію, что прежніе «хлопы» и «быдлы» вышли изъ-подъ его плети

и примкнули къ родной землѣ. Онъ все еще мечтаетъ въ своемъ невѣжествѣ о сеймахъ, гдѣ пили и дрались напропалую; о «всемогущемъ шляхетствѣ», которое гнуло все я и всѣхъ по-своему, начиная съ вѣры православной, извѣстной у поляковъ до сихъ поръ подъ названіемъ «хлопской вѣры»...

Ну, то поляки — невѣжды, воспитанные ксендзами-іезуитами. Они, какъ шальные, дѣйствуютъ, не отдавая себѣ отчета въ своихъ поступкахъ.., а русскіе... русскіе, которые стараются извести Александра Николаевича.., нѣтъ, они не стоютъ даже названія людей!..

Четыре года тому назадъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе одинъ изъ такихъ господъ — поручикъ Григорьевъ [1], офицеръ саперный. То было въ разгаръ всевозможныхъ ученій. — Поляки и герценисты дѣйствовали усердно, стараясь подорвать всѣ основы благоустроенныхъ государствъ. Въ университетахъ, въ гимназіяхъ, въ полкахъ, въ семинаріяхъ — вездѣ раздавались глумленія надъ вѣрою и надъ нравственностью; слышались притворныя сѣтованія на страданія народа; жалобы на правительство; твердили о *жалкомъ положеніи женщины*, которую нужно освободить отъ гнета, дать ей образованіе, облагородить ее и т. д., и т. д. Ну, и такъ умѣло облагородили «общественными трудами переплетанія и переписыванія книгъ», что изъ бѣдныхъ женщинъ, поддавшихся ихъ вліянію, сдѣлали подобныхъ тѣмъ же камеліямъ, только подъ другимъ названіемъ...

Даже не вѣрится, чтобы все то была правда, что пишется въ газетахъ о такъ называемыхъ модныхъ фаланстеріяхъ!.. [2])

А четыре года назадъ, какъ поддалась я сама этому

[1]) Передаваемое оставляемъ на отвѣтственности автора, за непредставившеюся возможностію провѣрить.

[2]) Единица соціальнаго дѣленія людей, по утопіямъ Фурье.

обману! Читая въ «Современникѣ» статьи о женскомъ трудѣ, о состраданіи къ женщинѣ, *объ уваженіи къ ней*, я, въ самомъ дѣлѣ, думала, что желаютъ ей добра и хотятъ вырвать ее изъ зависимаго положенія, въ которое она поставлена. Между тѣмъ «просвѣтители» окончательно ее поработили, низведя до своего уровня: та же распущенность, то же безвѣріе и стало быть... Что̀ стало быть?..—Что и говорить... уронили, погубили. Бѣдныя женщины!..

---

5 часовъ. Носятся слухи, что Государь раненъ въ плечо; не знаю, насколько правды: лично Михаила Семеновича [1]) не видѣла.

— Сохрани Царя, Господи!..

Михаилъ Семеновичъ собралъ войско подлѣ собора и съ церковной паперти читалъ полученную телеграмму. Народа было пропасть. Служили молебенъ о спасеніи Государя...

Страшно!.. А Господь?—Такъ, но я бѣдная, слабая грѣшница...

Господи, спаси Царя и мою возлюбленную Россію.

Ну, и времячко!..

— Господи, дай мнѣ твердость духа!

Но почему живетъ въ душѣ моей съ самаго дѣтства такая страстная любовь къ своей Руси многострадальной и къ тѣмъ дѣятелямъ, что ей благо творятъ? Можетъ быть я смѣшна этой любовью? Но пусть смѣются; я бы желала и въ другихъ влить мою привязанность.

— Такъ жаль Государя! Въ прошедшемъ году, тоже 4

---

[1]) Т. е. генералъ-губернатора Корсакова.

апрѣля, было страшное ему горе: получена была телеграмма изъ Ниццы объ опасномъ положенiи **Великаго Князя Николая Александровича**. Государынѣ опять тяжелая скорбь наполнила сердце...

---

7 часовъ вечера. Нута писала Михаилу Семеновичу, прося его увѣдомить, вѣрны-ли слухи о томъ, что Государь раненъ. Михаилъ Семеновичъ прислалъ чиновника по особымъ порученiямъ Сиверса [1]) успокоить насъ и прочесть телеграмму, гдѣ говорится только, что неизвѣстный стрѣлялъ въ Государя и схваченъ. Мы узнали объ этомъ въ 12 час. ночи. Михаилъ Семеновичъ далъ знать сестрѣ, и Нута сейчасъ же просила здѣшняго законоучителя отца Александра [2]) отслужить молебенъ. Дѣти плакали, молясь за Государя. Я сидѣла въ старшемъ классѣ, заставляя переводить съ русскаго языка на французскiй. Въ половинѣ 12-го входитъ Нута, вся въ слезахъ, за ней Сементовскiй [3]), инспекторъ классовъ.

Я испугалась, ожидая недоброй вѣсти...

«*Въ Государя стрѣляли*»,—сказала она.

«Что же, убили?» съ ужасомъ спросила я. «Нѣтъ, говорятъ, благополучно кончилось».

«Слава Богу!» выговорила я, перекрестясь; но сердце сжалось при мысли объ опасности, грозившей Царю и, съ нимъ

[1]) Петра Александровича (женат. на Екатеринѣ Иван. Базановой, вос-цѣ Иркут. инст. вып. 1867 г.).

[2]) Протоiерей Александръ Матвѣевичъ Орловъ, законоучитель въ Иркутск. институтѣ съ 1845 г. по 1889 г. (см. о немъ подробнѣе въ историч. очеркѣ института изд. 1896 г. стр. 73).

[3]) Григорiй Петровичъ, ibidem стр. 67.

вмѣстѣ, всей Россіи. Дѣти стали плакать и всѣ присмирѣли; долго я не могла совладать съ собою, чтобы снова продолжать прерванное занятіе.

Милый, дорогой Государь, восшествіе котораго привѣтствовали съ такою любовью, живи для блага своего народа!..

Но странно, я не успокоилась посѣщеніемъ Сиверса; мнѣ кажется, что что-то скрываютъ.—Зачѣмъ онъ не привезъ ни одной изъ 3-хъ телеграммъ, полученныхъ Михаиломъ Семеновичемъ отъ Валуева [4]), Гейдена [5]) и Дюгамеля [6]), между тѣмъ показалъ копію съ телеграммы, отправляемой въ Кяхту? Гораздо проще было бы привезти не копію, а прямо одну изъ полученныхъ телеграммъ, какъ просила объ этомъ сестра...

— Храни насъ, Господи!

Отвѣтная телеграмма Государя.—Адресъ Государю.—О жизни преступника.—Сборъ на постройку часовни.

7 апрѣля. 11 часовъ вечера. Часа два назадъ снова пріѣзжалъ Сиверсъ [1]) съ порученіемъ отъ Михаила Семеновича показать отвѣтную телеграмму Государя на посланную отъ насъ вчера послѣ молебствія: «*Восточная Сибирь благодаритъ Бога за спасеніе драгоцѣнной жизни Вашего Величества*».

Сегодня, въ четыре часа пополудни, читаемъ слова Государя:

---

[4]) Министръ внугр. дѣлъ, графъ Петръ Александровичъ—государственный дѣятель (1814—1890 г.).

[5]) Гейденъ—графъ, вѣроятно Θеодоръ Логгиновичъ (род. 1831 г.).

[6]) Генер.-губерн. Западной Сибири.

---

[1]) Петръ Александровичъ, впослѣдствіи д. ст. сов., почетный членъ Совѣта Иркутскаго института (1885—1886 г.).

«Генералу-Лейтенанту Корсакову.

Благодарю отъ души за чувства преданности. Глубоко тронутъ ими».

«Александръ».

Слава Тебѣ, Господи!

Сегодня, во второмъ часу, было общее собраніе представителей всѣхъ сословій для составленія адреса Государю. Говорятъ, съѣхалось около 700 человѣкъ. Тутъ же прочли во всеуслышаніе вновь составленную телеграмму, которую подписали: генералъ-губернаторъ, преосвященный Парфеній, городской голова и тотчасъ отправили ее въ Петербургъ. Теперь уже телеграмма, навѣрно, получена; дорогой Царь, милый, тоже ее прочелъ, и вѣрно у него навернулась слеза, что въ такой дали преданы всей душой Ему, радости нашей.—Я знаю, у Государя нѣжное, любящее сердце...

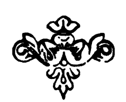
— Кто этотъ несчастный, который захотѣлъ отнять жизнь у такого Государя?..

Странно, но мнѣ хотѣлось бы, чтобы Государь пощадилъ жизнь человѣка, задумавшаго такое злодѣйство. Я слышала, что придворные будутъ домогаться смерти преступника... Бѣдный Царь! Если бы я имѣла голосъ, сказала бы:—Государь, Господь спасъ Тебя отъ руки убійцы; оставь и Ты ему жизнь; можетъ быть, онъ спасетъ душу свою и увидавъ любовь къ Тебѣ, раскается и спасется!.. Но мой голосъ не дойдетъ до Царя, а Государю станутъ твердить, что въ этомъ и состоитъ государственная необходимость,—мало-ли что и чего не наскажутъ... Между тѣмъ я увѣрена, что Государь думаетъ, какъ и я въ этомъ случаѣ, и что Ему жаль отнять жизнь за покушеніе на Его собственное существованіе.

Тамъ же, въ нашемъ собраніи, предложено было построить часовню въ воспоминаніе спасенія жизни Государя, но обиденъ этотъ памятникъ, если злодѣй былъ русскій... Въ нѣ-

сколько часовъ подписка достигла 25-ти тысячъ, и выражено желаніе немедленно приступить къ постройкѣ. Лишь бы не ...., но промолчимъ лучше. Мы съ сестрой тоже примемъ участіе въ подпискѣ; Нута говоритъ, что нужно дать по 50 рублей. Что же? — охотно; та часовня будетъ сооружена въ память Императора Александра Николаевича, и станутъ въ ней призывать благословеніе Божіе на священную главу Его, — пускай и наша идетъ кроха туда же, лишь бы она дѣйствительно туда попала; а то жаль, если комитетъ или строители растратятъ, — право жаль!...

Отъ дѣтей начнемъ вышивать коверъ въ часовню [2]).



Комисаровъ, спасшій жизнь Государя.

12 апрѣля. И снова крестьянинъ спасъ жизнь царя! Прошло 200 лѣтъ, и русскій крестьянинъ все также преданъ Помазаннику Божію! Имя крестьянина Осипа Комисарова [1]) отнынѣ пройдетъ въ отдаленное потомство, какъ перешло имя Ивана Сусанина, спасшаго отъ поляковъ родоначальника нынѣ царствующаго дома.

О Каракозовѣ.

19 апрѣля. На дняхъ въ одной изъ телеграммъ, присланныхъ изъ Петербурга, названо имя несчастнаго, покушав-

[2]) Собрано было всего въ Иркутскѣ 38 тысячъ, а въ 1868 г. уже вывели стѣны часовни.

[1]) Комисаровъ, Осипъ Ивановичъ, урож. Костромск. губер., шапочный мастеръ. (См. брошюру изд. 1866 г. подъ тѣмъ же названіемъ и съ его портретомъ).

шагося убить Государя.—То Каракозовъ, саратовскій уроженецъ. Болѣе ничего не сказано. Но довольно и этого для позора русскихъ!..

[Позднѣйшая приписка]. По свѣдѣніямъ изъ Саратова, это оказалось подставное лицо, вродѣ Гришки Отрепьева, подосланное *«друзьями русскихъ изъ Лондона»*. Говорилъ онъ чисто по-польски и по-англійски; дворяниномъ никогда не былъ, хотя, за двѣ недѣли до совершенія преступленія, кто-то выдалъ ему изъ герольдіи дворянскую грамоту. Между тѣмъ, за нѣсколько мѣсяцевъ, саратовскіе дворяне, въ полномъ составѣ, разбирали, имѣетъ-ли онъ право на дворянство, и нашли, что *не имѣетъ*, а потому въ выдачѣ грамоты ему отказали. Неизвѣстно даже, русскій онъ или полякъ. Впрочемъ, можетъ быть и русскій по происхожденію, но изъ «надорванныхъ», какъ многіе называютъ нигилистовъ.

Статьи „Православнаго Обозрѣнія“ противъ матеріалистовъ.—„Міротвореніе“ изъ апологетики Лютардта.—Ложность выводовъ о міротвореніи и Божествѣ естествоиспытателей и философовъ.—Великіе ученые, вѣрующіе: Коперникъ, Кеплеръ и Ньютонъ.

4 мая. Хорошія статьи печатаетъ «Православное Обозрѣніе» въ отпоръ матеріалистическому ученію Фейербаховъ, Бюхнеровъ, Молешотовъ, Фохтовъ и тому подобныхъ лицъ. Въ февральской книгѣ читала я разсужденіе о геологіи по Шульцу и Фабру, кажется. Тамъ разбиваютъ буквально, фактъ за фактомъ, Лясаля (Лассаля) [1]) и его послѣдователей: выдуманное ими дѣленіе на періоды—каменный, бронзовый и желѣзный, которые они относятъ на милліоны лѣтъ назадъ,—исчезаетъ само собой предъ свѣтомъ

[1]) Нѣмецкій философъ-экономистъ (1825—1864 г.).

истины. Вообще нелѣпостей много въ такъ называемыхъ гипотезахъ этихъ ученыхъ, которымъ, однако-же, вѣрятъ на слово, и которые, противорѣча другъ другу, требуютъ, между тѣмъ, къ себѣ полнаго довѣрія.

Вчера я прочла еще отрывокъ изъ апологетики Лютардта: «Міротвореніе» [2]). — Великолѣпная статья! и какъ все просто изложено: ни одного риторическаго украшенія, ни одного лишняго слова!

«Міръ есть совершившееся дѣло».

Откуда онъ?

— «Міръ есть произведеніе силы слова Божія».

Всѣ предположенія о безсмертной силѣ и веществѣ — чисто пустыя рѣчи, не имѣющія никакого значенія.

Что такое безсмертное вещество? что такое сила?

Если сила значитъ *высочайшій духъ*, положившій стройные непреложные законы для всего живущаго и движущагося, мы придемъ прямо къ понятію о Божествѣ, проявляющемуся во всѣхъ своихъ твореніяхъ *вѣчнымъ строемъ* цѣлаго при безпредѣльномъ разнообразіи видовъ. — Въ основаніи цѣлаго міра лежитъ *мысль* и постоянное осуществленіе этой мысли, начиная отъ низшихъ ступеней до болѣе высшихъ, до высшей цѣли; такъ что все продолжительное развитіе управляется идеей высшей ступени.

Какъ же допустить только одно вещество или безсознательно дѣйствующую природу? Какъ объяснить первое происхожденіе органической жизни? Можетъ-ли образоваться живое изъ безжизненнаго? Допустимъ, что природа — огромная химическая лабораторія, но гдѣ же разумный *химикъ*, работающій въ этой лабораторіи?

Всѣ фантастическія грезы прежнихъ и нынѣшнихъ поверхностныхъ естествоиспытателей бездоказательны и, по-

---

[2]) Въ 1892 г. эта апологетика издана въ прекрасномъ, литературномъ переводѣ профессора Спб. дух. акад. А. П. Лопухина на русскомъ языкѣ.

добно снамъ, забываются при внимательномъ чтеніи апологетики, оставляя только неясное о себѣ воспоминаніе.

И въ древности немало толковали о происхожденіи міра и о душѣ. Я, подобно Ермію [3]), жившему во второмъ или въ третьемъ вѣкѣ, скажу: «*все это мракъ невѣжества, черный обманъ, нескончаемое заблужденіе*». Всѣ философы противорѣчатъ другъ другу въ мнѣніяхъ; недостижима и безполезна цѣль ихъ ученія, не оправдываемая очевидностью, и есть лишь исторія заблуждающагося человѣческаго разума. Ученія Платона, Эпикура, Аристотеля и Демокрита не сходятся между собою и тѣмъ взаимно уничтожаются.

Не такъ писали, не такъ говорили великіе умы; напр., смиренный Коперникъ говорилъ:

«Я желаю не милости, которой сподобился Павелъ,
И не снисхожденія, по которому простилъ Ты Петра;
Только о томъ снисхожденіи, которое Ты оказалъ на
крестѣ разбойнику,
Только о немъ молю я [4])».

Кеплеръ и Ньютонъ — геніальные астрономы и истинные христіане. Кеплеръ заключаетъ свое сочиненіе о гармоніи міровъ такъ: «благодарю Тебя, создатель и Богъ мой, за то, что Ты даровалъ мнѣ радость познать творенія Твои и восхищаться дѣлами рукъ Твоихъ! — Я открылъ величіе дѣлъ Твоихъ людямъ, насколько мой *конечный духъ могъ постигнуть Твою безконечность*. Если я сказалъ что-нибудь недостойное Тебя, *прости мнѣ милостиво*».

Ньютонъ не произносилъ имени Божія, не обнаживъ головы.

Великіе основатели новѣйшей астрономіи провидѣли новѣйшія открытія и прекрасно понимали, что послѣ нихъ

---

[3]) Ермій, христіанскій философъ († ок. 189 г.); написалъ остроумное „Осмѣяніе философовъ“.

[4]) Эпитафія Коперника, по преданію, имъ самимъ составленная (знаменитый астрономъ 1473—1543 г.). См. аполог. Лютардтъ стр. 254

умъ человѣческій не остановится, что постоянныя изысканія и наблюденія откроютъ невѣдомые имъ міры, и, проникаясь безпредѣльностью творенія Божія, благоговѣли предъ Творцомъ.

Настроеніе умовъ въ слояхъ русскаго общества.—Аксаковъ и Катковъ.—Запрещеніе „Московскимъ Вѣдомостямъ".—Возмущеніе за Байкаломъ поляковъ.—Смерть Порохова.—Настроеніе Иркутскаго общества.—Либералы и ихъ противодѣйствіе гласному судопроизводству. Панихиды по Пороховѣ.—Виновные поляки.

30 іюня. 11 час. утра. Мы живемъ въ такое время когда во всей Россіи нѣтъ мѣста, гдѣ бы можно было сказать: здѣсь безопасно—здѣсь нѣтъ домашнихъ воровъ, нѣтъ измѣнниковъ.

По всѣмъ отраслямъ—гражданскимъ и военнымъ, въ учебномъ вѣдомствѣ, въ вѣдомствѣ врачей и, даже страшно подумать, въ духовныхъ—гнѣздится броженіе умовъ во всѣхъ видахъ, поражающее самыя благія начинанія Государя. Оно, какъ гидра стоглавая, вездѣ являетъ свое лицо.

Кажется, чего проще, какъ *стоять въ Россіи за пользу Россіи и зорко слѣдить за вражескими дѣйствіями*, направленными ей во вредъ. А между тѣмъ, такихъ-то именно людей и отстраняютъ отъ всякаго вліянія, заставляя молчать, называя ихъ возмутителями противъ верховной власти.—Такъ замолчали Ив. Серг. Аксаковъ и Мих. Никиф. Катковъ—люди честные, преданные всей душою Государю и отечеству. Ихъ-то оскорбляютъ всячески петербургскіе журналы, стараясь разными обвиненіями подорвать ихъ честное вліяніе на общество...

Оскорбленный Аксаковъ смолкъ. Катковъ [1]) еще продолжалъ громить неискреннихъ, но и его, на глазахъ цѣлой Россіи, заставили замолчать, голословно обвинивъ въ «подрывѣ довѣрія къ Государю»!..

Каткова обвинять въ этомъ, значитъ винить всѣхъ чест-

Михаилъ Никифоровичъ Катковъ.

ныхъ людей, любящихъ Государя, Освободителя милліоновъ рабовъ!

Запрещеніе «Московскихъ Вѣдомостей» дало возможность лицемѣрной гидрѣ снова поднять свои сто головъ, которыя сильно опустились послѣ 4 апрѣля. Радость этихъ головъ

[1]) Катковъ—извѣстный русскій публицистъ. Родился въ Москвѣ 1818 г. † 1887 г. тамъ же. Къ мнѣніямъ его иногда прислушивалась вся Россія,—особенно во время польскихъ возстаній.

была чрезмѣрна, и либералы-самозванцы, ратующіе за *свободу* печати, громко заявляли свое удовольствіе, что замолкъ независимый голосъ, одинъ еще осмѣливавшійся раздаваться въ предѣлахъ Россіи и своей честной, умной, свѣтлой рѣчью разсѣкавшій мракъ, за которымъ скрываются враги Бога и людей, возлюбленнаго нашего Царя и Россіи, враги мира и труда, желающіе перевернуть все вверхъ дномъ и сѣсть во главѣ государства, прибравъ власть и деньги къ своимъ рукамъ... Эти головы—жиды и прочіе союзники нашихъ исконныхъ враговъ поляковъ; они вмѣстѣ работаютъ, чтобы зачернить, отдалить отъ дѣла честныхъ русскихъ людей...

Какъ слѣдствіе подобныхъ запрещеній, совершилось недавно событіе въ 100 верстахъ и отъ насъ, по ту сторону Байкала. Тамъ работало на Круго-морской дорогѣ около 800 ссыльныхъ поляковъ, назначенныхъ въ каторжную работу, но помилованныхъ Государемъ, сократившимъ срокъ и условія ихъ ссылки. Между ними находится 50 человѣкъ поляковъ жандармовъ-вѣшателей, главный предводитель Шарамовичъ, начальникъ штаба Вронскій и др. У нихъ была и своя печать: «Печать легіона вольныхъ поляковъ», которой они скрѣпили свою росписку въ полученіи казенныхъ денегъ.—Они не церемонились грабить все казенное, то есть государственное, *принадлежащее всей Россіи и пріобрѣтенное деньгами и трудами всѣхъ русскихъ гражданъ.*

Охъ, эти поляки! вѣчно они хотятъ отвести глаза: «мы», кричали они, «не трогаемъ частнаго имущества, а беремъ только общественное»!..

Для присмотра за этими людьми назначены (не знаю, по распоряженію какого начальства) 50 казаковъ, разбросанныхъ на разстояніи 300 верстъ по 5 и 6 человѣкъ. Въ прошедшую субботу, 25 іюня, тѣ ссыльные поляки напали на казаковъ, перевязали ихъ, отняли ружья и лошадей, разграбили станціи, ограбили мирныхъ жителей, испортили те-

леграфъ (словно все то происходило въ Польшѣ, а въ Русскомъ государствѣ!) и безцеремонно пошли на Посольскъ [2]).—Что было дальше, еще въ подробностяхъ неизвѣстно. Говорятъ, полковникъ Чернядевъ или Черняевъ, начальствовавшій надъ казаками, взятъ въ плѣнъ; о полковникѣ Шацъ, строителѣ дороги, пока нѣтъ никакихъ свѣдѣній, а также два другихъ казачьихъ офицера убиты.—Но все это только слухи. Вѣрныя слѣдствія этой траги комедіи, разыгранной *въ русскомъ царствѣ*, гдѣ *«всѣ власти»* должны стоять за народъ русскій,—слѣдующія: сегодня, въ 6 часовъ утра, приплавили по Ангарѣ тѣло убитаго молодого Порохова, адъютанта начальника штаба, и тяжело раненаго, но еще живого солдата, бывшаго при Пороховѣ. Пороховъ былъ посланъ въ Верхнеудинскъ [3]) для какихъ-то распоряженій. Человѣкъ онъ былъ по душѣ и по всему русскій, потому его прикомандировали въ отрядъ майора Рика [4]). На него напало нѣсколько десятковъ вооруженныхъ поляковъ, а нѣкоторые говорятъ, что онъ самъ съ горсточкою солдатъ и крестьянъ бросился въ жаркую схватку съ бунтовщиками и былъ буквально исколотъ.

Миръ праху твоему!—Сказалось русское сердце при видѣ враговъ, и не дрогнуло оно въ минуту опасности.—То было *честное* сердце!...

— Народъ страшно раздраженъ! Я слышала, что если не уберутъ изъ Иркутска поляковъ, живущихъ здѣсь и воюющихъ на свободѣ, то долготерпѣливый народъ перебьетъ ихъ. Въ средѣ честныхъ людей раздается сильный ропотъ на распоряженія гг. отправлявшихъ отряды по 50-ти человѣкъ противъ 800, успѣвшихъ прекрасно вооружиться

---

[2]) Селеніе на берегу озера Байкалъ.

[3]) Верхнеудинскъ въ Забайкальск. обл., къ ю.-вост. отъ Иркутска, за Байкальск. озеромъ.

[4]) Командира 6-го линейнаго батальона.

на русскій счетъ отнятымъ и перехваченнымъ оружіемъ у крестьянъ, бурятъ и самихъ сторожей-казаковъ...

— Да, тяжело все это видѣть, слышать и не имѣть возможности помочь ничѣмъ. Русскихъ положительно предаютъ въ руки поляковъ, какъ то было во время двухъ знаменитыхъ уній—Люблинской и Брестской, когда Русь была продана панами и іерархами, и какъ то было во время междуцарствія, и какъ совершается теперь революціонерами, простирающими пріятельскую руку всему, что непріязненно ихъ родному краю!..

И это образованные люди!..

— Хорошо образованіе, ведущее къ *измѣнѣ* своему народу!!.

— Я совершенно разстроена всѣмъ, что происходитъ вокругъ меня и что слышится повсюду;—всю ночь не спала. Господи, помоги мнѣ быть полезной моей дорогой матушкѣ Россіи и словомъ, и дѣломъ, и помышленіемъ, и всѣми моими чувствами!—Бѣдный Государь, не на кого ему положиться!..

Дѣло 4 апрѣля разбирается въ стѣнахъ крѣпости подъ предсѣдательствомъ графа Михаила Николаевича Муравьева. Народъ просилъ Государя о гласномъ судопроизводствѣ, чтобы вывести, наконецъ, на свѣтъ Божій всѣ ковы враговъ, начиная съ поджоговъ и пожаровъ Петербурга 1862 года, до 4 апрѣля, т. е. до перваго покушенія на Императора (1866 г.). Но либеральные органы, оплачиваемые разными административными лицами, возстали противъ гласнаго суда... Все это дѣлается у насъ открыто, во всеуслышаніе цѣлой Россіи и вторятъ имъ наши жестокіе либералы, готовящіе висѣлицы и кинжалы для честныхъ людей; твердящіе о *гласности*, о свободѣ печати, чтобы проводить безпрепятственно свои разрушительныя начала, но какъ дѣло коснется ихъ коварныхъ замысловъ—не нужно свободы печати, не нужно гласнаго суда,

«чтобы не раздражать!»—Кого не раздражать?—кого?—Извѣстно,—молодыхъ людей! Благо есть всегда молодежь, на которую можно сложить грѣхи стариковъ...

Кажется, Герценъ, Огаревъ, Бакунинъ et tutti quanti въ 50 лѣтъ—не дѣти. У нихъ же есть много ровесниковъ—пріятелей тайныхъ; явныхъ немного, но тайныхъ очень довольно, особенно желающихъ попасть въ «передовики».

---

8 часовъ вечера. Все изъ рукъ валится: едва могла дать три урока музыки и то почти безучастно; точно «я»—не «я». Читать не хочется, говорить тоже; словно грозовая туча виситъ надъ моею головою и я жду, что вотъ, вотъ откуда-то грянетъ громъ съ молніей, что она убьетъ, опалитъ и сокрушитъ все...

Что-то зловѣщее совершается кругомъ насъ, хотя достовѣрнаго до сихъ поръ ничего не знаемъ...

— У Порохова служили панихиду соборомъ: архимандритъ съ пятнадцатью священниками [1]). Завтра у насъ, въ дѣтской церкви, тоже отслужатъ панихиду по бѣдномъ молодомъ человѣкѣ, павшемъ первою жертвою польской «справы» въ Сибири... Пусть дѣти привыкаютъ принимать участіе въ дѣлахъ отечества; пусть знаютъ своихъ враговъ и защитниковъ!

Но какіе сумасшедшіе эти поляки!—чего они хотѣли? Теперь начнутъ разстрѣливать ихъ же самихъ!—Душа содрагается...

Когда это люди перестанутъ убивать другъ друга?..

Шацъ спасенъ; объ остальныхъ неизвѣстно.

[1]) Служили весь дёнь панихиды по очереди.

Жалость къ плѣннымъ полякамъ и отношеніе къ нимъ простого народа.—Поляки-узники.—Похороны Порохова.—Тревожное настроеніе и толки объ измѣнѣ.

5 іюля. Нѣтъ, не могу я видѣть страданій: друзья-ли то, враги-ли, посторонніе, вовсе незнакомые,—мнѣ все равно. Душа болитъ, видя месть человѣческую... Нѣтъ! Мнѣ было бы вовсе некстати нести государственную службу внѣ вѣдомства учебнаго или благотворительнаго; рука моя никогда не подписала бы ни смертнаго приговора, ни тѣлеснаго наказанія.—Кажется, я всей душой люблю свою Россію, люблю и Государя, милаго, добраго, но я вся противъ казни поляковъ: мнѣ такъ жаль этихъ самыхъ поляковъ въ дни ихъ униженія и грядущаго наказанія... Я пишу сквозь слезы...

Сейчасъ раздались два выстрѣла съ набережной, гдѣ, было, пристали баркасы со взятыми въ плѣнъ.—Народъ съ утра дожидается. Народъ бѣдный не понимаетъ, что врагъ въ кандалахъ уже не врагъ, что тутъ должно смириться враждѣ, преложить гнѣвъ на милость. Но тяжело видѣть эти толпы, жаждущія встрѣчи съ людьми, причинявшими имъ такъ много зла... *Человѣкъ въ злобѣ непріятнѣе хищнаго звѣря...*

Что чувствуютъ эти несчастные? Нѣтъ, имъ хуже, чѣмъ простымъ колодникамъ: къ тѣмъ всегда народъ относится снисходительнѣе, выноситъ милостыню, а этихъ встрѣчаетъ, какъ лютыхъ, исконныхъ враговъ, и радуется ихъ бѣдствію.

Адское дѣло—вражда! Безумные поляки! зачѣмъ вы вѣчно сами накликаете бѣду на себя, бѣдствія?—Вѣдь нѣтъ такого государства, гдѣ бы позволили ссыльнымъ убивать, жечь, портить дороги и телеграфы: вѣдь это никому не разрѣшено!..

Все это вѣрно; но все же лучше было бы обойтись безъ казни виновныхъ и намъ. Я такъ люблю свою Россію, что хотѣла бы видѣть ее непохожею въ этомъ на другія стра-

ны.—Разумѣется, и народъ винить нельзя: онъ вышелъ изъ терпѣнія. До сихъ поръ никто не обращалъ вниманія на поляковъ, которыхъ здѣсь не одна тысяча; но этотъ разъ они ужъ очень допекли, перешли всякую границу; и вотъ народъ идетъ со злобою встрѣчать гостей, непріятныхъ, непрошенныхъ...

Мнѣ особенно жаль поляковъ-простолюдиновъ, которые, большею частью, почти насильно панами и іезуитами втягиваются въ число бунтовщиковъ...

Господи, внуши милосердіе судьямъ! Больно моему сердцу...

— 1 іюня хоронили Порохова; стеченіе народа было огромное: тысячъ десять, говорятъ. Духовенство, никѣмъ не приглашенное и не получившее ни отъ кого приказанія, все собралось въ соборѣ къ отпѣванію тѣла. Народъ густыми сплошными толпами провожалъ гробъ до кладбища.

Миръ праху твоему, молодой воинъ!—Говорятъ, онъ недаромъ отдалъ жизнь и съ своей стороны положилъ нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ и главнаго предводителя, имени котораго не назову. И хорошо сдѣлалъ! Лучше пасть одному, чѣмъ вести подъ разстрѣливаніе десятки глупой «быдлы» [1]). Теперь оба встрѣтились на томъ свѣтѣ! Что же? Какъ находите то, что совершается на землѣ? Не правда-ли—все гадко?.. Все и вездѣ рѣзня, ложь, клевета и ненависть!..

— Въ эту минуту везутъ мимо нашего института узниковъ-поляковъ; я не подхожу къ окну; занавѣси спущены, мнѣ тяжело... Вотъ ужъ нѣсколько ночей, какъ сонъ бѣжитъ отъ глазъ, а воображеніе рисуетъ страшныя картины. Жаль преступныхъ поляковъ, но жаль и своихъ... Караулы удвоены; цѣлую ночь идетъ перекличка сторожевыхъ; ночью же разъ-

[1]) Т. е. поляковъ-простолюдиновъ. Изъ дѣятелей возстанія Шарамовичъ, говорили, выражалъ желаніе быть „повѣшеннымъ въ ясный день"; онъ, вѣроятно, и былъ убитъ Пороховымъ.

ѣзжаютъ по городу казаки: точно ждутъ чего-то. Въ народѣ повторяются зловѣщія слова, между которыми чаще всѣхъ слышится: «измѣна». Начальству не довѣряютъ и сами смотрятъ въ оба.

Мы до сихъ поръ ничего не знаемъ положительнаго и ни у кого ничего не спрашиваемъ—страшно...

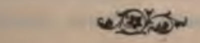
Жду съ нетерпѣніемъ преосвященнаго Парѳенія [2]), вернувшагося сегодня,—съ нимъ можно поговорить откровенно.

Пріѣздъ къ намъ преосвященнаго Парѳенія.—Сообщенія «Епархіальныхъ Вѣдомостей» и «Сибирскаго Вѣстника».

12 іюля. Преосвященный просидѣлъ у насъ цѣлый вечеръ, но былъ очень остороженъ въ словахъ: у насъ были посторонніе, и онъ, видимо, избѣгалъ разговора о случившихся происшествіяхъ. Онъ привезъ съ собою послѣдній №. «Епархіальныхъ Вѣдомостей», гдѣ помѣщены отрывочныя извѣстія, которыя вынудили наконецъ и здѣшнее начальство хоть слегка высказаться; потому-то въ прибавленіяхъ къ «Сибирскому Вѣстнику» напечатаны офиціальныя извѣстія съ *приказаніемъ* вѣрить только имъ, «офиціальнымъ», и больше никакимъ извѣстіямъ.

Но гг. редакторы и издатели тѣхъ свѣдѣній такъ старались подорвать вѣру въ *офиціальныя* сообщенія, что теперь имъ положительно ничего не вѣрятъ, а прислушиваются къ мірскому говору, въ которомъ, разумѣется, много преувеличеннаго...

У насъ объявлено военное положеніе.



[2]) См. 12 октября 1861 г. и 1866 г. 21 мар. прим. 1. Старецъ-владыка вернулся съ объѣзда епархіи.

Похороны русскаго воина, раненаго въ схваткѣ Порохова съ поляками.— О словѣ профессора семинаріи Вознесенскаго при гробѣ Порохова.—Губернаторъ и преосвященный Парѳеній.—Копія слова Вознесенскаго.—Наше затворничество.—Поверхностная ученость въ разговорахъ молодежи, отвращеніе къ ней, равно какъ и къ гостиной болтовнѣ.—О супругахъ Звягиныхъ.—Занятія историческими трудами и особенно исторіею Западнаго края Россіи.

20 іюля. Вчера хоронили того солдата, который былъ тяжело раненъ при схваткѣ Порохова съ поляками; онъ умеръ въ здѣшней больницѣ; при похоронахъ было тоже много духовенства, играла военная музыка, шли за гробомъ офицеры и провожалъ покойнаго народъ; только его было немного, потому что простолюдины не знали о его смерти.

Подробностей о его погребеніи не передаю:—слышала ихъ вскользь.

О томъ, что дѣлается за Байкаломъ, ни у кого не спрашиваю—все равно, правды не скажутъ, всѣ боятся начальства: неизвѣстно, «чью руку оно держитъ». Похороны Порохова служатъ тому доказательствомъ. На могилѣ покойника сказалъ надгробное слово одинъ изъ профессоровъ [1]) семинаріи, Вознесенскій. Говоря о Пороховѣ, павшемъ отъ руки поляковъ, онъ коснулся исторической ихъ ненависти къ русскимъ и привелъ нѣсколько фактовъ, свидѣтельствующихъ объ этой враждѣ. Слово было сказано въ пятницу. Въ воскресенье протоіерей Громовъ [2]) совершалъ литургію въ соборѣ. Къ нему въ алтарь входитъ квартальный, посланный отъ исправляющаго должность губернатора и требуетъ рѣчь, произнесенную Вознесенскимъ!

Точно мы живемъ не у себя дома, не въ Россіи подъ

---

[1]) Профессорами въ 60-хъ годахъ оффиціально назывались учителя духовныхъ семинарій; теперь это званіе носятъ лишь наставники высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

[2]) О. Прокопій—настоятель Иркутскаго каѳедр. собора,—очень умный и дѣятельный въ Иркутскѣ пастырь († въ 70-хъ годахъ).

властью русскаго Государя, не подъ защитою церкви Государемъ, а въ Польшѣ подъ игомъ пановъ и ксендзовъ...

Громовъ отвѣтилъ, что онъ въ алтарѣ приготовляется къ совершенію святѣйшаго изъ таинствъ и просилъ оставить его въ покоѣ, прибавляя, что рѣчи Вознесенскаго у него не имѣется.

Квартальный полетѣлъ къ Вознесенскому, требуя *именемъ губернатора* рѣчь, которую профессоръ ему и передалъ, скрѣпивъ ее только своимъ именемъ. Вслѣдъ затѣмъ позвали въ канцелярію губернатора и самого Вознесенскаго.

«Какъ вы смѣли, — говорятъ ему: — безъ нашего позволенія произносить слово?»

«У меня есть свое духовное начальство, давшее мнѣ на это разрѣшеніе».

Покричали, выбранили и отпустили, погрозивъ чѣмъ-то...

Черезъ два дня возвращается преосвященный Парѳеній изъ своей поѣздки за Байкалъ для осмотра епархіи. Вознесенскій отправляется къ нему съ извѣстіемъ о столкновеніи съ гражданскими властями. Преосвященный успокоилъ его, вполнѣ соглашаясь, *что онъ ничего не сдѣлалъ противозаконнаго.*

Узнали объ этомъ власти и, надѣлавшія столько шума и непріятностей, замолкли наконецъ, сообразивъ, что дѣло можетъ для нихъ худо кончиться, если теперь, во время польскаго возстанія, они подвергнутъ гоненію того русскаго, который сказалъ о полякахъ правдивое слово.

Объ рѣчи больше ни полслова. Вотъ эта рѣчь [3]):

«Итакъ, готова новая жертва польской измѣны и новое самоотверженное заявленіе русскаго сердца, вездѣ готовое собственной грудью стать за родное дѣло великой русской семьи.

Всѣмъ намъ дорого наше отечество. Отрадные дни его

---

[3]) Оглавленіе: „Надгробное слово у могилы поручика Порохова, убитаго въ схваткѣ съ поляками 1866 г. 29 іюня».

славы и темныя тучи надъ его политическимъ небосклономъ равно близки русскому сердцу на берегахъ Невы, какъ и за тысячи верстъ оттуда—при свѣтлыхъ водахъ вашей Ангары.

Не мнѣ, конечно, не моимъ слабымъ словомъ воспроизвесть ни ту радость, которую еще такъ недавно разлила между нами рука, спасшая *Царя-отца*, ни эту настоящую печаль, которою насъ поражаетъ рука измѣнниковъ, отнявшая у отечества его вѣрнаго защитника, такъ отважно противоставшаго измѣнѣ, уже не разъ опозоренной и заклейменной.

Не знавши лично, при жизни, этого доблестнаго сына отечества, ничего не могу прибавить къ вашимъ свѣдѣніямъ о немъ. Одно лишь могу сказать, что сказалъ бы самъ покойный, какъ русскій русскимъ, если бы рука измѣнниковъ не принудила такъ нежданно и такъ рано замолкнуть слово его чистой, отважной, любящей, русской души. Онъ сказалъ бы вамъ *о любви къ Россіи*, жаркой, самозабывчивой, какою была его собственная любовь къ ней, уложившая его на это хладное ложе; сказалъ бы о той любви, которая одна можетъ намъ дать вѣрное ручательство, что измѣна враговъ великой русской семьи не совьетъ себѣ теплаго гнѣзда на нашей почвѣ къ позору имени и чести Россіи и славныхъ задачъ ея на Востокѣ!—Да, только такая пламенная любовь къ великой семьѣ русской, образчикъ которой видимъ нынѣ въ виновникѣ нашего печальнаго собранія, любовь, не понимающая эгоистическихъ областныхъ обособленій Малой Руси, или Сибири, даетъ намъ силы исполнить великія задачи нашей славной народности на Востокѣ и можетъ избавить страну нашу отъ подобныхъ бурь и волненій.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ опасно и безсмысленно, при видѣ враговъ всей русской земли, заявлять эгоистическія областныя обособленности! Не этимъ-ли путемъ обособленій областныхъ интересовъ вела свое дѣло польская интрига на бере-

гахъ Волги? Не возбуждала-ли она въ Малой Руси обособленности интересовъ малоруссовъ? И, подъ видомъ дружбы, не готовила-ли она южнымъ окраинамъ Россіи новыя цѣпи рабства, а Великой Россіи—безплодное прозябаніе въ заволжскихъ кочевьяхъ?!.

Пора намъ понять знакомую тактику польской интриги, свободно распѣвающей на родной *нашей* землѣ свою завѣтную пѣснь о негиблимости коварства польскаго! Пора понять и убѣдиться, что полонизмъ не протянетъ братски руки сыну Россіи, наслѣднику задачъ, данныхъ Богомъ славянству. Не станемъ приводить предъ вами сходство между дѣйствіями польской интриги въ Малой Руси и *на нашей* почвѣ. Тамъ, какъ и здѣсь, не велась-ли она небывалымъ возбужденіемъ областныхъ народностей, печатной критикой мѣстныхъ властей, проповѣдью и разглагольствованіемъ о квасномъ патріотизмѣ, о медлительности, формализмѣ централіознаго управленія... Вспомните дѣло нашихъ собственныхъ политическихъ недородковъ, еще такъ недавно разглагольствовавшихъ въ нашей средѣ объ *обособленности* сибирскихъ интересовъ, будто бы *несовмѣстныхъ* съ интересами родной, *общей русской семьи*. Вспомните это дѣло и, сопоставивъ его съ настоящими явленіями, подумайте, не глядя-ли на эти сепаративные толки ожила снова и *нашла* себѣ прежнюю дерзкую отвагу польская измѣна?!...

Благодареніе Богу, что эти политическіе недоросли не находятъ себѣ сочувствія въ здравыхъ, свѣтлыхъ русскихъ умахъ сибиряковъ, еще такъ недавно и такъ торжественно заявившихъ свою радость о спасеніи жизни Царя-Отца [4]).

Пусть же доблестный подвигъ человѣка, провожаемаго нами въ вѣчность, послужитъ всѣмъ примѣромъ—какъ *русскій*, гдѣ бы онъ ни былъ, *долженъ* встрѣчать измѣну въ великой русской семьѣ, гдѣ бы она себя не заявила: съ мечемъ-ли на ратномъ полѣ, съ разглагольствованіями-ли о

[4]) См. 7-е апрѣля 1866 г.

квасномъ патріотизмѣ въ домѣ, или въ канцеляріи, или съ надменнымъ видомъ учености въ школахъ!

Иди же съ миромъ въ обитель мира, доблестный сынъ отечества, свято исполнившій долгъ свой! Вѣчна будетъ жизнь твоя въ обителяхъ Отца Небеснаго и здѣсь, на землѣ, не пройдетъ она безслѣдно. Твой подвигъ, какъ твой загробный голосъ *о любви къ великой семьѣ русской*, объединитъ силы всѣхъ насъ *на служеніе Ей*.—Взгляни, если можешь, на твоихъ собратьевъ по службѣ;—они уже и теперь окружаютъ твое послѣднее ложе, какъ честь и славу своего званія;—твое дѣло пробудитъ въ нихъ воспоминаніе о давно минувшей славѣ героевъ Албазина [5]), предъ которой поблѣднѣетъ и затрепещетъ польская измѣна.

Миръ же праху твоему, отважная, русская, честная душа!» Иркутскъ 1866 г. 1 іюля.

Профессоръ Вознесенскій.

Для избѣжанія всякихъ сплетенъ и ложнаго толкованія нашихъ словъ, мы затворились еще крѣпче, кромѣ дѣтей и служащихъ въ институтѣ никого не видимъ и даже Нута никуда не ѣздитъ; какъ будто не живемъ въ Иркутскѣ. Только по праздникамъ принимаемъ утромъ и то не знаемъ, о чемъ говорить, чтобъ не затронуть какимъ-нибудь словомъ посѣтителей.—Все у насъ врозь и съ начальствомъ и со многими служащими — иностранцами и русскими, старыми, молодыми и юными... Особенно я ссорюсь съ молодыми и юными: они зачитываются Бюхнеромъ, Фохтомъ, Лассалемъ и другими въ этомъ духѣ; все тѣ же у нихъ заученныя рѣчи, которыя надоѣли мнѣ до смерти, а дѣла ни въ чемъ и нигдѣ не видно,—никто о немъ не хлопочетъ, ни старый, ни малый. Вездѣ одинъ лишь наружный видъ, безъ внутренняго содержанія. А гостиная

[5]) Крѣпость на лѣвомъ берегу Амура, основ. въ 1651 г. Ероѳеемъ Хабаровымъ. Въ 1685 г. разрушена китайцами, потомъ вновь отстроена русскими и геройски выде[illegible]-ти-мѣсячную осаду китайскихъ полчищъ съ іюля 1686 г. по май

болтовня ужъ намъ не по лѣтамъ: совѣстно какъ-то за себя, когда входишь въ тонъ свѣтскаго разговора и съ важностью толкуешь о вещахъ, до которыхъ нѣтъ, собственно говоря, никакого дѣла. Очень неловко дѣлается тогда, и чувствуется крайнее недовольство собою. Пусть молодежь переливаетъ изъ пустого въ порожнее, ей это пріятно — просто бить воздухъ, или поговорить. Но намъ, старухамъ, въ такое смутное время, полное всевозможныхъ тревогъ, крайне тяжело тратить слова попусту и поддѣлываться подъ характеръ рѣчей въ гостиныхъ.

И въ молодости и даже въ юности я любила прислушиваться къ умной бесѣдѣ людей всѣхъ возрастовъ и оттѣнковъ, но всегда, по возможности, избѣгала пустой болтовни. Часто въ обществѣ я покидала молодежь и усаживалась подлѣ стариковъ, слушая разсказы о былыхъ временахъ.— Помню, въ Саратовѣ былъ старикъ Зѣвакинъ, [6]) служившій въ молодости въ Гатчинѣ при Великомъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ и вышедшій въ отставку за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Екатерины Великой. У нихъ въ семьѣ была дочь и двое молодыхъ людей, но я всегда искала случая—подсѣсть къ старикамъ и направить разговоръ на минувшіе годы царствованія Екатерины, Павла и Александра 1-го. Любила слушать и жену его, умную женщину, о мѣстныхъ обычаяхъ начала нынѣшняго и конца прошлаго столѣтій.—У меня, должно быть, была страсть къ правдивымъ разсказамъ объ историческихъ событіяхъ и вообще обо всемъ, относящемся къ русской, родной старинѣ. Вѣроятно, оттого-то я такъ жадно теперь читаю историческіе труды: они мнѣ многое объясняютъ; особенно люблю незатѣйливыя лѣтописи очевидцевъ, въ которыхъ чувствуется правда безъ всякихъ прикрасъ, безъ ложнаго толкованія новѣйшихъ историковъ, которые, излагая событія, проводятъ свой собственный

[6]) Зѣвакинъ Семенъ Ивановичъ.

взглядъ, отчего получается иногда самое постыдное искаженіе исторической истины... При этихъ условіяхъ часто ничтожества попадаютъ въ великіе люди, а люди честные, стойкіе подвижники въ добродѣтели, — рисуются отсталыми глупцами. Читая статьи изъ русской исторіи, я все болѣе и болѣе убѣждаюсь въ недобросовѣстности или въ непониманіи истины большинствомъ историковъ.

Нынче я вся предана исторіи Юго-Западнаго и Западнаго края; уже три года изучаю ее по статьямъ и документамъ, печатаемымъ въ «Вѣстникѣ» Говорскаго [7]), издававшагося сначала въ Кіевѣ, а теперь въ Вильнѣ. Тамъ нѣтъ ничего голословнаго: все взято изъ подлинныхъ документовъ. Лѣтомъ я занялась краткимъ извлеченіемъ всего прочитаннаго о положеніи и существововаціи нашей восточной церкви въ западныхъ и южныхъ областяхъ и о стараніи распространить тамъ унію и католичество. Мнѣ самой полезенъ этотъ трудъ, проливающій ясный свѣтъ на событія со временъ Гедемина [8]) и даже немного ранѣе, да и другимъ онъ пригодится; рукопись отдаю Олѣ Филимоновой [9]), она же перепишетъ мнѣ ее въ тетрадь. Хорошо было бы напечатать этотъ историческій очеркъ отношеній русскихъ къ полякамъ: тутъ собраны въ одно цѣлое факты, разбросанные въ разныхъ статьяхъ, которыхъ почти никто не читаетъ, но онѣ бы разъяснили многое, что происходитъ и вокругъ насъ...

[7]) „Вѣст. Западной Россіи“ съ 1864 г. издав. въ Вильнѣ К. Говорскимъ. Его громадная заслуга въ сохраненіи цѣнныхъ документовъ по исторіи Западнаго края, но онъ отличался нетерпимостью ко всему польскому и крайнимъ консерватизмомъ.

[8]) Т. е. съ XIV столѣтія (1315—1340 г.).

[9]) Ольга Николаевна, вос-ца Иркут. инстит. вып. 1859 г. См. 1864 г. 6 іюня прим. 2.

Преосвященный Веніаминъ.—Поляки при станціи Лихановской.—Унтеръ-офицеръ Ивановъ.—Поляки въ войскахъ Сибири.—Подвигъ засѣдателя Нечаева и „милый" начальникъ.—Польская кузница.—Предчувствіе бѣды и извѣщеніе о ней Корсакова.—Продѣлки поляковъ: пирушка 21 мая, поведеніе ихъ въ Листвиничномъ, жизнь ихъ на каторгѣ и отношеніе къ нимъ русской интеллигенціи. — Награды Нутѣ и нѣмцу, директору гимназіи.—Ненависть къ намъ поляковъ.—Гость Нуты.—Поляки о Пороховѣ.

29 іюля. Въ прошедшій понедѣльникъ, 25-го числа, провелъ у насъ вечеръ преосвященный Веніаминъ [1])—начальникъ забайкальской миссіи. Онъ пріѣхалъ въ Иркутскъ по дѣламъ на нѣсколько дней, и отъ него мы узнали нѣкоторыя подробности о схваткѣ съ поляками. Между прочимъ, разсказывалъ онъ о дѣлѣ при станціи Лихановской [2]), находящейся въ 25 верстахъ отъ посольскаго монастыря, гдѣ было видно зарево пожара и слышалась перестрѣлка. Преосвященному передавалъ извѣстіе объ этомъ событіи ямщикъ, самъ бывшій дѣятелемъ при защитѣ Лихановской станціи, а я запишу, что слышала отъ преосвященнаго.

«Поляковъ привалило къ намъ множество—человѣкъ 80. Одинъ изъ нихъ вскочилъ прямо на дворъ и крикнулъ: «Есть оружіе?» Надъ нашими солдатиками старшимъ былъ унтеръ-офицеръ Ивановъ; онъ выбѣжалъ впередъ и закричалъ, что было мочи: «Есть».

— «Подавайте все».

— «Приди, возьми».

Полякъ выстрѣлилъ въ него изъ пистолета, но не попалъ. Тогда Ивановъ прицѣлился—и полякъ покатился съ лошади. Поляки бросились, чтобъ вытащить раненаго со двора, Ивановъ приказалъ тотчасъ запереть ворота. Страшно стало, что и говорить;—да Ивановъ молодецъ. Тотчасъ всѣмъ намъ указалъ мѣста, а самъ, знай, заряжаетъ ружье и кричитъ: «ура!» Ну и мы поуспокоились и слушали всѣ его

---

[1]) Преосвященный Веніаминъ, см. 1866 г. 21 мар. пр. 2.

[2]) Станц. Лихановская на юго-вост. отъ озера Байкалъ.

приказы. А разставилъ онъ насъ кругомъ станціи въ сараяхъ подъ навѣсами, что идутъ вокругъ. Намъ и слышно, какъ взбираются поляки и въ какомъ мѣстѣ, ну мы и сторожимъ съ ружьемъ; а насъ тронуть нельзя, потому — спрятаны. Поляковъ зло взяло, что ничего подѣлать не могутъ; они обложили сарай кругомъ сѣномъ и зажгли его. Мы бросились въ домъ и стрѣляли изъ оконъ, пока не обрушился потолокъ; Ивановъ, а вслѣдъ за нимъ и мы вскрикнули: «ура!» и бросились прямо изъ оконъ. Поляки, должно быть, оторопѣли, — не ждали, видно, что мы рѣшимся идти напроломъ. Они отошли, а мы тѣмъ временемъ побѣжали въ тайгу. Насъ было съ солдатами 11 человѣкъ. Недоставало только одного; думали, не заблудился-ли въ тайгѣ; но на другой день и онъ пришелъ. Господь спасъ всѣхъ».

Вотъ простой разсказъ ямщика, который не желалъ выставить себя храбрецомъ, сознаваясь искренно, что «сначала страшно было, да спасибо Иванову — молодецъ».

Преосвященный пожелалъ видѣть этого «молодца» русской фамиліи, и предъ нимъ предсталъ солдатикъ небольшого роста, смиренный, какъ и всѣ наши солдатики. На немъ шинелишка оборванная и рѣчь его тихая. Куда дѣвалась та удаль широкая, тотъ голосъ звучный, что гремѣлъ, какъ призывный колоколъ, подъ сводами сараевъ и подъ пламенѣющею кровлею станціоннаго дома? Ивановъ смиренно просилъ преосвященнаго ходатайствовать за него у начальства, потому что онъ потерялъ все свое имущество, погибшее при пожарѣ. Преосвященный благословилъ его образомъ и обѣщалъ исполнить его просьбу.

Дѣйствительно, при первомъ свиданіи епископъ говорилъ съ начальствомъ о подвигѣ Иванова, который вполнѣ заслуживаетъ награды за мужественный отпоръ толпы вооруженныхъ поляковъ горстью русскихъ, тогда какъ офицеры и конвойные казаки сдавались въ плѣнъ и дозволяли себя обезоруживать. Но вѣдь наше начальство — поляки; не-

извѣстно, дадутъ-ли что храброму солдату; пожалуй, еще подъ судъ отдадутъ, что не выждалъ прибытія майора и не сдался полякамъ... Все можетъ случиться, гдѣ правленіе и власть въ рукахъ поляковъ...

Вотъ еще случай, разсказанный тоже со словъ самого очевидца-участника — засѣдателя Нечаева.

Поляки бушевали на Забайкальской дорогѣ: жгли, грабили, брали въ плѣнъ; войско выступало медленно и небольшими отрядами изъ 60 и 70 человѣкъ, отправляясь изъ Иркутска. Начальство не приказывало стрѣлять въ бунтовщиковъ;—войско роптало, крестьяне—тоже и, наконецъ, потерявъ терпѣніе, стали сами вооружаться, кто чѣмъ могъ, на защиту родного пепелища. Засѣдатель Нечаевъ, собравъ изъ нихъ 300 человѣкъ, засѣлъ въ лѣсу сторожить поляковъ, которыхъ тамъ было множество. Была ночь; Нечаевъ, изъ предосторожности быть незамѣченнымъ поляками, запретилъ разводить огонь и курить трубки. Крестьяне охотно повиновались. Вдругъ является одинъ изъ храбрыхъ «милыхъ» военныхъ начальниковъ, приказываетъ зажечь костеръ, разрѣшаетъ курить, принимая на себя всю отвѣтственность за неудачу. Разумѣется, огонь освѣтилъ отрядъ и указалъ на него полякамъ, не упустившимъ случая напасть на такую легкую добычу.

Думаю я, какъ назвать подобный поступокъ — глупостью или измѣною?.. Между тѣмъ, «милому» человѣку, имя котораго не хочу называть, все съ рукъ сошло.

Да, много подозрительнаго кроется въ правительственныхъ сферахъ... Давно знали, что поляки нѣчто затѣваютъ. Полякамъ присылали и они привозили съ собой отличное оружіе, и даже за Байкаломъ сами скупали старыя ружья и отдѣлывали и передѣлывали ихъ заново.

Помнится, какъ сейчасъ, о кузницѣ польской, устроенной въ городской больницѣ, куда мы ѣздимъ навѣщать больныхъ

женщинъ [3]). На вербной недѣлѣ, войдя въ палатку неизлѣчимыхъ, я увидѣла у нѣкоторыхъ калачики и спросила: «вы это покупаете сами?» — «Нѣтъ, — отвѣчала за нихъ нянька-полька, — имъ раздавала чиновница, мужъ которой новый чинъ получилъ; она и въ мужское отдѣленіе ходила и къ полякамъ; да только простые принимали, а другіе отказывались, говоря: «благодаримъ, у насъ и свой хлѣбъ есть».

— Развѣ у здѣшнихъ поляковъ есть деньги?

— «Какже нѣтъ? У нихъ тутъ мастерскія заведены и кузница есть».

— Что же они дѣлаютъ въ кузницѣ?

— «Какъ что? изъ желѣза всякія вещи куютъ, ножи, топоры и все другое желѣзное».

— Для чего же они дѣлаютъ ножи, топоры?

Полька, должно быть, спохватилась, что сказала лишнее и тотчасъ прибавила: «Начальство знаетъ, самъ полицеймейстеръ позволилъ».

— Да куда же дѣваютъ тѣ ножи и топоры?

— «Въ казну продаютъ».

Дико прозвучали въ ушахъ моихъ тѣ ножи и топоры, изготовляемые сосланными поляками; чуяло сердце мое, на кого оттачиваются и ножи и топоры, и долго я думала: сказать или нѣтъ о томъ Михаилу Семеновичу [4])? Скажу — заклеймятъ «доносчицей»; утаю — могу накликать великое бѣдствіе, и совѣсть заѣстъ.

Преступленіе зрѣло тайно, подъ покровительствомъ власти, обязанность которой — ограждать жителей отъ злодѣевъ...

— Голосъ совѣсти взялъ верхъ надъ страхомъ названія «доносчицы»; пусть негодяи, враги Россіи, измѣнники клеймятъ какимъ угодно именемъ, — я рѣшилась сказать.

Въ среду, на страстной недѣлѣ, Михаилъ Семеновичъ,

---

[3]) См. 21 Марта 1866 г.

[4]) Генералъ-губернатору Корсакову (см. 1862 г. 3 января и 1863 г. 22 іюля).

готовясь къ исповѣди, пріѣзжалъ, по святому народному обычаю, примириться со всѣми. Мы съ сестрой тоже готовились къ принятію святыхъ тайнъ и искренно, отъ всей полноты сердечной протянули руку мира всѣмъ и, въ свою очередь, просили и насъ простить. Въ такомъ настроеніи духа я разсказала ему все слышанное мною отъ польки и прибавила: «Михалъ Семеновичъ, примите мѣры; по городу носятся злые слухи; берегитесь, чтобы эти ножи и топоры не обрушились на наши русскія головы».

«Полицеймейстеръ знаетъ о нихъ, онъ тамъ каждый день бываетъ».

Не знаю, какія распоряженія сдѣлалъ Михаилъ Семеновичъ, но.., полицеймейстеръ произведенъ въ полковники въ награду за какія-то услуги и кому, не знаю... ну да Богъ съ нимъ!.. я простила ему.

Въ Христову заутреню Михаилъ Семеновичъ, по обыкновенію, пріѣхалъ въ нашу церковь; оттуда пошелъ разговляться къ намъ и, между прочимъ, сказалъ Нутѣ: «Я очень озабоченъ: ночью былъ пожаръ; вездѣ разставлены караулы; въ Малой Разводной [5]) найденъ складъ оружія,—говорятъ, что шайка разбойниковъ».—Самъ полицеймейстеръ разсказывалъ всему городу объ этомъ складѣ и о какихъ-то разбойникахъ, о которыхъ никто въ городѣ не слыхалъ и которые, по его словамъ, должны были произвести безпорядки въ городѣ.—О полякахъ ни полслова.

Кто докажетъ, что эти ножи и топоры, кованные на глазахъ русскихъ больныхъ и съ позволенія поляка полицеймейстера, не пошли въ ходъ на Забайкальѣ?..

Поляки, содержавшіеся въ городской больницѣ, отправлены были въ концѣ мая за Байкалъ. 21 мая, вечеромъ, они пировали въ одной изъ палатъ; освѣтили ее ярко, окна увѣшали цвѣтами, плясали и пѣли до глубокой ночи подъ звуки скрипокъ.

[5]) Деревня въ 4-хъ верстахъ отъ г. Иркутска.

«Они, вѣдь, всѣ — художники», выразился объ нихъ надзиратель больницы — полякъ, который провожалъ меня въ обходѣ палатъ. Зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, не понимаю; — мы ѣздимъ частными людьми, не носимъ названій ни попечительницъ, ни покровительницъ; стало быть надзирателямъ нечего за нами слѣдовать. Вотъ развѣ не слѣдитъ-ли онъ въ это время за больными, чтобы не сказали они лишняго слова?.. Дѣйствительно, больные при немъ молчаливы и «всѣмъ» очень довольны.

О пиршествѣ 21 мая разсказывали призрѣваемыя женщины въ богадѣльнѣ, похваливая пѣніе и музыку.

— По какому случаю пировали они 21 мая? — спросила я.

— Говорили, что въ этотъ день у нихъ именинниковъ много.

На все отговорку найдутъ; — умный народъ; и Константинами всѣ называются...

Такъ *«томились въ каторгѣ несчастные поляки!»*

За нѣсколько времени предъ отправленіемъ за Байкалъ, они жили въ Листвиничномъ [6]) и гуляли съ ружьями по горамъ, охотились, проживая на свободѣ. Наканунѣ отъѣзда съ пристани, въ память о себѣ, они зажгли гору, покрытую лѣсомъ, отправившись на ту Кругоморскую дорогу, откуда многіе совсѣмъ не вернулись, а иныхъ безумцевъ ожидаетъ наказаніе. Народъ противъ нихъ страшно ожесточенъ и не пускаетъ къ себѣ, такъ что приходится силою водворять къ нимъ поляковъ, отправляемыхъ на поселеніе. Въ такъ называемой «каторгѣ» имъ еще лучше; — денегъ много, живутъ въ большомъ своемъ обществѣ и пользуются почетомъ среди нашего quasi-образованнаго общества. А въ Польшѣ и Европѣ кричатъ о рудникахъ, цѣпяхъ и тундрахъ сибирскихъ!

---

[6]) Селеніе на берегу оз. Байкалъ, въ 60 вер. отъ Иркутска. Пароходная пристань. Кругоморская дорога. — дорога, идущая около озера Байкалъ.

Самимъ сибирякамъ очень не нравится, что ихъ сюда наслали въ такомъ количествѣ: того и смотри, что перерѣжутъ всѣхъ.

Но и ненавидятъ же меня съ сестрой поляки и стараются всячески повредить, распуская разные нелѣпые слухи. Чтожъ? пускай хлопочутъ на здоровье!—Слава Нуты, т. е. имя честной, доброй, умной женщины не пропадетъ отъ клеветы злыхъ языковъ; только у начальства вредятъ намъ, и мы не получаемъ награды,—да Богъ съ нею! Мы вдвоемъ работаемъ; и я уроками музыки выручаю въ годъ 300 руб., получая по 1 руб. сер. за урокъ. Кромѣ того, французскій языкъ даетъ 168 р., и слава Тебѣ, Господи! Съ голоду не умремъ, и совѣсть чиста и никому не запродана!

Да, мы съ Нутой какъ бы состоимъ на особыхъ правахъ: я за 15-ти-лѣтнюю службу всего навсего получила 138 р. пенсіи; несмотря на то, что изъ нихъ три года прослужила въ Иркутскѣ и сначала давала уроки въ 3-хъ классахъ съ большимъ успѣхомъ, какъ засвидѣтельствовали всѣ присутствовавшіе на экзаменахъ. И ту пенсію получила я послѣ выпуска воспитанницъ и восьмилѣтней службы. Здѣсь же, даже по выходѣ моемъ въ отставку, послѣ 15-ти лѣтъ службы, не получила ни копѣйки; между тѣмъ, обычаемъ, введеннымъ въ законъ, положено выдавать полный окладъ жалованья; стало быть слѣдовало 500 руб., которыхъ меня за что-то лишили.—Анна Петровна тоже получила только тѣ же самые 138 руб. въ Смольномъ, бывши классной дамой. Здѣсь же всѣ три прежнія начальницы получали каждые два года 850 р. награжденія. Нута, сдѣлавъ три выпуска, только въ 63 г. получила coulant: сапфиръ, усыпанный брилліантами, и то по милости Евгенія Михайловича Жуковскаго [7]), который въ Петербургѣ много говорилъ о

[7]) Евгеній Михайловичъ Жуковскій,—родомъ изъ помѣщ. Псковской губ., и. д. генералъ-губернатора Восточной Сибири (см. 1862 г., 15 іюня, прим. 5-е и портретъ).

ея дѣятельности; онъ прослѣдилъ ее въ продолженіе полуторыхъ лѣтъ, съ февр. 1862 г. до 11 іюля 1863 г., когда выѣхалъ изъ Иркутска, гдѣ, за отсутствіемъ Михаила Семеновича, исправлялъ должность генералъ-губернатора. Ни прежде, ни послѣ сестра ничего не получала. Между тѣмъ, всѣ начальницы, по всѣмъ институтамъ, кромѣ одной сестры, получаютъ награжденія послѣ каждаго выпуска...

Въ здѣшнюю мужскую гимназію пріѣхалъ въ прошломъ году нѣмецъ М. съ красавицей женой, и ему за нѣсколько лѣтъ службы вышло уже и достойное вознагражденіе, для него и должность новая создана,—попечителя учебнаго округа всей Восточной Сибири, съ громаднымъ окладомъ. Итакъ, все образованіе громадной части русскаго края предоставлено *нѣмцу*... Все возможно!.. А мы — люди *«безпокойные»*, называвшіеся такъ и встарь, въ былые годы молодости грустной, когда такъ много было зависти вокругъ и около, остались безпокойными и теперь, когда тоже совершается столько зла нашимъ состарѣвшимся поколѣніемъ *надъ новымъ, выступившимъ на поприще дѣятельности съ катихизисомъ* Бюхнера, Дарвина... и съ возмутительнымъ самомнѣніемъ, съ прискорбною неразвитостью.

Неполученіе Нуточкою своевременно награды особенно чувствуется теперь, потому что мы слывемъ здѣсь за «безпокойныхъ и фанатичныхъ», особенно въ средѣ поляковъ, которымъ бы хотѣлось стереть насъ съ лица земли; слывемъ отсталыми *«тормазами просвѣщенія»* между революціонерами, которымъ тоже, должно быть, мѣшаемъ, сдерживая «бѣгъ съ горы молодыхъ» нашихъ воспитанницъ... Словомъ, «угодили» мы всѣмъ властямъ и полякамъ и ихъ послушнымъ орудіямъ... Но надъ всѣми нами Господь, Вседержитель, хранящій насъ, и я не боюсь никого! Духъ мой крѣпокъ, Господь укрѣпитъ и тѣло. А теперешнія всѣ коварныя старанія какъ-нибудь повредить намъ—нисколько меня не устрашаютъ. *Пусть себѣ тѣшатся!*—Я никуда и ни къ

кому не заѣду.—Что мнѣ за дѣло, что обо мнѣ толкуютъ? Истина выяснится сама когда-нибудь; и ее засвидѣтельствуютъ, можетъ быть, тѣ самые люди, которые теперь насъ поносятъ...

У сестры въ настоящее время сидитъ вернувшійся изъ-за Байкала [8])..., водившій отрядъ войска противъ поляковъ. Нарочно не выхожу, чтобы не высказать неосторожной правды: сейчасъ разнесутъ по городу, и наживу еще лишняго врага. Пусть безъ меня разсказываетъ, какъ онъ «геройски» отличался; не то говорятъ очевидцы...

Нынче кричатъ по городу, что «хорошо Пороховъ и сдѣлалъ, что убитъ»; иначе его бы извели военнымъ судомъ..—А мы, россійскіе простаки, «чтимъ» такого «государственнаго преступника», который за матушку Русь православную, да за батюшку Царя Бѣлаго костьми легъ на сырой землѣ, упоивъ ее своею жаркою, молодецкою кровью; со слезами провожаемъ того, кого недруги обзываютъ *преступникомъ*, и надъ трупомъ его съ глубокою скорбью произносимъ надгробныя рѣчи...

Часовня въ память избавленія Государя Императора Александра Николаевича отъ угрожавшей ему опасности 4 апрѣля 1866 г.—Посольство американцевъ.—Пріязнь американцевъ къ русскимъ.—Наполеонъ III и Европейская политика.—Рѣчь Фокса.—Императоръ Александръ Николаевичъ и мои чувства къ нему.

31 августа. Вчера, въ день ангела Государя, положенъ первый камень часовни, воздвигаемой въ память избавленія Царя отъ угрожавшей ему опасности 4 апрѣля.

Мнѣ не удалось быть среди тѣхъ тысячъ людей, которые участвовали въ этомъ народномъ торжествѣ, и помо-

[8]) Н. С. Р—ъ.

литься, вмѣстѣ со всѣми о нашемъ возлюбленномъ Царѣ *«да продлитъ Господь жизнь его на благо Россіи, которой она принадлежитъ, на счастіе всего человѣчества и на прославленіе святаго имени Его»*.

Подчеркнутыми словами кончилъ рѣчь свою капитанъ Фоксъ [1]), стоящій во главѣ чрезвычайнаго посольства Сѣверной Америки, прибывшаго 23 іюля въ Свеаборгъ и оттуда плывшаго въ Кронштадтъ въ сопровожденіи нашей эскадры, подъ начальствомъ контръ-адмирала Лихачева.

Небывалое посольство отъ нашихъ заатлантическихъ друзей вызвано изъ-за океана событіемъ 4 апрѣля. Американцы, благодарные нашему Государю за слово сочувствія въ годину испытанія и за расположеніе русскихъ выражаютъ намъ, «неудостоеннымъ вниманія Западной Европы»,—искреннюю пріязнь. Спасибо имъ, особенно при теперешнихъ событіяхъ, когда Россіи придется, можетъ быть, снова бороться съ цѣлой Европой, идущей вѣчно на помочахъ сильнѣйшаго властителя... Теперь Наполеонъ III взялъ всѣхъ въ руки и вертитъ царями и царствами по своему произволу. Франція не можетъ намъ простить двоекратнаго взятія Парижа и не въ силахъ забыть ключей своего города, хранящихся въ Казанскомъ соборѣ въ Петербургѣ. Франція подзадориваетъ Англію, павшую Австрію и снова могущественную Пруссію противъ Россіи; а мелкота сама поплетется за сильными...—Но Господь посылаетъ намъ союзниковъ [2]). Буди благословенна десница Его!

27 іюля посольство представлялось Государю въ

---

[1]) Дж. В. Фоксъ, второй секретарь морского департамента Соединенныхъ Штатовъ (товарищъ морского министра).

[2]) Послѣ многое объяснилось, непонятное въ тѣ времена. Не одинъ Наполеонъ старался вредить Россіи: *„друзья“*—прусаки чуть-ли не были сами подстрекателями, какъ во время Восточной войны.

Да, со временемъ тайное содѣлывается явнымъ при свѣтѣ, проливаемомъ историческою истиною. (Позднѣйшая приписка автора, вѣроятно, 70-хъ годовъ).

Петергофскомъ дворцѣ, и капитанъ Фоксъ произнесъ слѣдующую замѣчательную рѣчь, сказанную отъ лица великой республики, Царю народа русскаго, могущественнаго и славнаго:

„Государь, резолюція, которую я имѣю честь представить Вашему Императорскому Величеству, есть голосъ цѣлаго народа, который милліонами устъ говоритъ отъ одного сердца.

Многочисленныя связи, давно уже соединяющія между собою великую Имперію востока и великую республику запада, умножились и укрѣпились непоколебимымъ дружелюбіемъ Императорскаго Правительства къ нашему впродолженіи послѣдняго періода волненій. Слова сочувствія и дружбы, адресованныя въ то время Вашингтонскому правительству, по повелѣвію Вашего Императорскаго Величества, останутся навѣки неизгладимы въ памяти благодарнаго народа. Какъ членъ великаго семейства націи, мы съ радостью воздаемъ уваженіе благородному дѣйствію человѣколюбія, особенно упоминаемому въ резолюціи конгресса. Мирный эдиктъ просвѣщеннаго Государя одержалъ надъ слѣдствіемъ варварскихъ временъ побѣду, которой наша западная республика достигла лишь послѣ нѣсколькихъ лѣтъ кровопролитія.

Съ чувствомъ глубочайшаго умиленія я привошу Вашему Императорскому Величеству, Вашимъ освобожденнымъ подданнымъ и всему народу этой обширной имперіи сердечныя поздравленія съ отклоненіемъ, по волѣ Провидѣнія, опасности, которая вызвала настоящее искреннее выраженіе сожалѣнія о гнусномъ покушеніи и благодарности къ Богу за чудное сохраненіе жизни Вашего Императорскаго Величества!

Опасность, отъ которой милосердное Провидѣніе избавило Ваше Императорское Величество, приводитъ на память глубокую горесть, наполнившую всѣ честныя сердца нашей страны во время неожиданной гибели нашего главы, нашего руководителя, нашего отца.

Мы благодаримъ Бога, что такой горести не суждено было испытать нашимъ друзьямъ и союзникамъ—народу русскому.

Да сохранитъ, продолжитъ и благословитъ общій Отецъ всѣхъ націй и всѣхъ правителей государствъ ту жизнь, которую Онъ такъ очевидно сохранилъ уже для блага народа, коему она принадлежитъ, для счастія человѣчества и для прославленія Его святого имени".

Мы читали со слезами эти простыя слова, гдѣ теплится чистымъ огнемъ искреннее чувство этихъ честныхъ и просвѣщенныхъ людей. Благодать Божія осѣняетъ помазанника своего: Александра Николаевича любятъ русскіе люди, какъ не любили ни одного изъ Государей! Недаромъ

женщинъ [3]). На вербной недѣлѣ, войдя въ палатку неизлѣчимыхъ, я увидѣла у нѣкоторыхъ калачики и спросила: «вы это покупаете сами?» — «Нѣтъ, — отвѣчала за нихъ нянька-полька, — имъ раздавала чиновница, мужъ которой новый чинъ получилъ; она и въ мужское отдѣленіе ходила и къ полякамъ; да только простые принимали, а другіе отказывались, говоря: «благодаримъ, у насъ и свой хлѣбъ есть».

— Развѣ у здѣшнихъ поляковъ есть деньги?

— «Какже нѣтъ? У нихъ тутъ мастерскія заведены и кузница есть».

— Что же они дѣлаютъ въ кузницѣ?

— «Какъ что? изъ желѣза всякія вещи куютъ, ножи, топоры и все другое желѣзное».

— Для чего же они дѣлаютъ ножи, топоры?

Полька, должно быть, спохватилась, что сказала лишнее и тотчасъ прибавила: «Начальство знаетъ, самъ полицеймейстеръ позволилъ».

— Да куда же дѣваютъ тѣ ножи и топоры?

— «Въ казну продаютъ».

Дико прозвучали въ ушахъ моихъ тѣ ножи и топоры, изготовляемые сосланными поляками; чуяло сердце мое, на кого оттачиваются и ножи и топоры, и долго я думала: сказать или нѣтъ о томъ Михаилу Семеновичу [4])? Скажу — заклеймятъ «доносчицей»; утаю — могу накликать великое бѣдствіе, и совѣсть заѣстъ.

Преступленіе зрѣло тайно, подъ покровительствомъ власти, обязанность которой — ограждать жителей отъ злодѣевъ...

— Голосъ совѣсти взялъ верхъ надъ страхомъ названія «доносчицы»; пусть негодяи, враги Россіи, измѣнники клеймятъ какимъ угодно именемъ, — я рѣшилась сказать.

Въ среду, на страстной недѣлѣ, Михаилъ Семеновичъ.

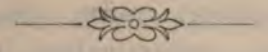
---

[3]) См. 21 Марта 1866 г.

[4]) Генералъ-губернатору Корсакову (см. 1862 г. 3 января и 1863 г. 22 іюля).

выхъ отдать за Него жизнь свою? Я точно такою же любовью люблю Наслѣдника и его царственнаго отца!

Впослѣдствіи, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ выпуска и особенно по смерти нашего отца, причиной которой была нежданная отставка отъ службы, я сердилась на всѣхъ, исключая одного Александра Николаевича, на котораго, вопреки всеобщему мнѣнію, господствовавшему тогда въ обществѣ, возлагала большія надежды. Тѣ благодатныя надежды стали сбываться съ воцареніемъ Александра Николаевича, и живое чувство преданности и самаго искренняго уваженія проснулось къ нему съ прежней силой. Снова жаркая молитва несется къ престолу Всевышняго,—да покроетъ, осѣнитъ, укрѣпитъ и почіетъ благодать Божія на главѣ его для счастія моей благословенной Россіи великой!



Прощальный обѣдъ американцамъ.—О рѣчахъ Горчакова, Фокса и Куртина.—Пріемъ американцевъ русскими городами.—Смерть Михаила Николаевича Муравьева и сомнѣнія въ ея естественности.—Отношенія Муравьева къ полякамъ.

9 октября. 27 августа былъ прощальный обѣдъ, данный русскими американцамъ въ «*англійскомъ*» клубѣ. Какъ дико звучатъ эти слова! «Русскіе» не нашли болѣе подходящаго помѣщенія для оффиціальнаго пріема иностранныхъ гостей... Больно,—но зато съ какимъ достоинствомъ говорилъ Горчаковъ. Каждымъ словомъ онъ давалъ понять, что говоритъ рѣчь свою отъ имени всего русскаго великаго народа. Все, что нужно было сказать—сказано, и какъ умно, какъ благородно выражено; упомянуто даже объ ошибочномъ толкованіи касательно покушенія на жизнь Государя!.. Хорошо,

очень хорошо!—Я понимаю, отчего въ залѣ стоялъ гулъ при окончаніи рѣчи кн. Горчакова [1])!..

Но и Фоксъ отвѣтилъ столь поэтически, такъ задушевно, что не знаю, кому изъ нихъ отдать предпочтеніе. А милый Куртинъ [2]) увлекателенъ, какъ всегда. Его чувство, мысль—блещутъ, а рѣчь молодая разливается широкимъ потокомъ. Что за прелесть этотъ молодой человѣкъ въ нравственномъ отношеніи! Карточки его не видалъ, стало быть ничего не могу сказать объ его наружности; но по его живому, глубоко-прочувственному, огненному слову нельзя не подмѣтить чистый блескъ его молодой правдивой души! И какъ онъ усвоилъ нашу народную рѣчь со всѣми ея оттѣнками! Какимъ чистымъ *русскимъ* языкомъ говоритъ онъ!—ни малѣйшей иностранной *примѣси*. Слушаешь и радуешься; точно стройные звуки очаровательной музыки льются въ душу...

Спасибо Куртину, спасибо Фоксу, спасибо всѣмъ американцамъ, высказавшимъ такое живое сочувствіе намъ!

Мы съ жадностью набрасывались на номера «Московскихъ Вѣдомостей», гдѣ говорилось о празднествахъ, дававшихся въ честь американцевъ, гдѣ повторялись ихъ рѣчи и рѣчи нашихъ русскихъ; часто читая объ этомъ, слезы мѣшали различать буквы, и голосъ прерывался отъ волненія.

Хорошо принимали гостей въ Петербургѣ; но еще лучше, радушнѣе, торжественнѣе и многолюднѣе встрѣчали ихъ въ Москвѣ, въ Нижнемъ, Костромѣ, и окончательно хорошо въ Твери, гдѣ Фоксъ сказалъ восхитительно-замѣчательныя слова о пребываніи американцевъ въ Россіи [3]). Для насъ

[1]) Горчаковъ, кн. Ал. Мих.—знам. дипломатъ, русскій государ. канцлеръ (род. 1798 г., † 1883 г. См. 1863 г. 13 авг. прим. 1).

[2]) Кромѣ Фокса въ американскомъ посольствѣ состояли: командиръ Моррей, капитанъ Бомона, Ванъ-Буренъ, Лобъ, Гринъ, Куртинъ и др.

[3]) За краткость и за охрану своей земли, въ коей сквозитъ американскій принципъ: «Америка прежде всего для американцевъ»—приводимъ выдержку изъ рѣчи Фокса (какъ небезполезную часто и русскимъ).

Самимъ сибирякамъ очень не нравится, что ихъ сюда наслали въ такомъ количествѣ: того и смотри, что перерѣжутъ всѣхъ.

Но и ненавидятъ же меня съ сестрой поляки и стараются всячески повредить, распуская разные нелѣпые слухи. Чтожъ? пускай хлопочутъ на здоровье!—Слава Нуты, т. е. имя честной, доброй, умной женщины не пропадетъ отъ клеветы злыхъ языковъ; только у начальства вредятъ намъ, и мы не получаемъ награды,—да Богъ съ нею! Мы вдвоемъ работаемъ; и я уроками музыки выручаю въ годъ 300 руб., получая по 1 руб. сер. за урокъ. Кромѣ того, французскій языкъ даетъ 168 р., и слава Тебѣ, Господи! Съ голоду не умремъ, и совѣсть чиста и никому не запродана!

Да, мы съ Нутой какъ бы состоимъ на особыхъ правахъ: я за 15-ти-лѣтнюю службу всего навсего получила 138 р. пенсіи; несмотря на то, что изъ нихъ три года прослужила въ Иркутскѣ и сначала давала уроки въ 3-хъ классахъ съ большимъ успѣхомъ, какъ засвидѣтельствовали всѣ присутствовавшіе на экзаменахъ. И ту пенсію получила я послѣ выпуска воспитанницъ и восьмилѣтней службы. Здѣсь же, даже по выходѣ моемъ въ отставку, послѣ 15-ти лѣтъ службы, не получила ни копѣйки; между тѣмъ, обычаемъ, введеннымъ въ законъ, положено выдавать полный окладъ жалованья; стало быть слѣдовало 500 руб., которыхъ меня за что-то лишили.—Анна Петровна тоже получила только тѣ же самые 138 руб. въ Смольномъ, бывши классной дамой. Здѣсь же всѣ три прежнія начальницы получали каждые два года 850 р. награжденія. Нута, сдѣлавъ три выпуска, только въ 63 г. получила coulant: сапфиръ, усыпанный бриллiантами, и то по милости Евгенія Михайловича Жуковскаго [7]), который въ Петербургѣ много говорилъ о

---

[7]) Евгеній Михайловичъ Жуковскій,—родомъ изъ помѣщ. Псковской губ., и. д. генералъ-губернатора Восточной Сибири (см. 1862 г., 15 іюня, прим. 5-е и портретъ).

ея дѣятельности; онъ прослѣдилъ ее въ продолженіе полуторыхъ лѣтъ, съ февр. 1862 г. до 11 іюля 1863 г., когда выѣхалъ изъ Иркутска, гдѣ, за отсутствіемъ Михаила Семеновича, исправлялъ должность генералъ-губернатора. Ни прежде, ни послѣ сестра ничего не получала. Между тѣмъ, всѣ начальницы, по всѣмъ институтамъ, кромѣ одной сестры, получаютъ награжденія послѣ каждаго выпуска...

Въ здѣшнюю мужскую гимназію пріѣхалъ въ прошломъ году нѣмецъ М. съ красавицей женой, и ему за нѣсколько лѣтъ службы вышло уже и достойное вознагражденіе, для него и должность новая создана,—попечителя учебнаго округа всей Восточной Сибири, съ громаднымъ окладомъ. Итакъ, все образованіе громадной части русскаго края предоставлено *нѣмцу*... Все возможно!.. А мы — люди *«безпокойные»*, называвшіеся такъ и встарь, въ былые годы молодости грустной, когда такъ много было зависти вокругъ и около, остались безпокойными и теперь, когда тоже совершается столько зла нашимъ состарѣвшимся поколѣніемъ *надъ новымъ, выступившимъ на поприще дѣятельности съ катихизисомъ* Бюхнера, Дарвина... и съ возмутительнымъ самомнѣніемъ, съ прискорбною неразвитостью.

Неполученіе Нуточкою своевременно награды особенно чувствуется теперь, потому что мы слывемъ здѣсь за «безпокойныхъ и фанатичныхъ», особенно въ средѣ поляковъ, которымъ бы хотѣлось стереть насъ съ лица земли; слывемъ отсталыми «*тормазами просвѣщенія*» между революціонерами, которымъ тоже, должно быть, мѣшаемъ, сдерживая «бѣгъ съ горы молодыхъ» нашихъ воспитанницъ... Словомъ, «угодили» мы всѣмъ властямъ и полякамъ и ихъ послушнымъ орудіямъ... Но надъ всѣми нами Господь, Вседержитель, хранящій насъ, и я не боюсь никого! Духъ мой крѣпокъ, Господь укрѣпитъ и тѣло. А теперешнія всѣ коварныя старанія какъ-нибудь повредить намъ—нисколько меня не устрашаютъ. *Пусть себѣ тѣшатся!*—Я никуда и ни къ

Казнь Коракозова и соціалисты.—Послѣдніе дни М. Н. Муравьева.—Пріемъ американцевъ въ Смольномъ.—Депутація череповцевъ.—Постройка желѣзныхъ дорогъ.

11 октября. Въ полученныхъ сегодня номерахъ «Московскихъ Вѣдомостей» такъ много волнующаго, отдалившаго меня на 6000 вер. отъ дрязгъ и сплетенъ нашего областного общества: послѣдніе дни М. Н. Муравьева, послѣднія прощальныя слова американцевъ и послѣднее крестное цѣлованіе несчастнаго преступника Коракозова, завлеченнаго адскимъ ученіемъ въ совершеніе злодѣйства. Читая о послѣднихъ минутахъ его существованія, о преклоненіи главы, о паденіи на колѣни, о крестномъ знаменіи, о приложеніи ко кресту и цѣлованіи руки священника, осѣнившаго главу его крестомъ, я глубоко вздохнула. Къ чему это печатаютъ?.. Непрошеныя слезы затемнили глаза, и жаль мнѣ стало бѣднаго человѣка, связавшаго имя свое съ страшнымъ злодѣйствомъ.

— Любуйтесь Герцены, Огаревы, Бакунины.... измѣнники родной страны! Любуйтесь съ «*того берега*»—это дѣла рукъ вашихъ!.. За что вы губите молодость? За что отрываете отъ Россіи сыновъ ея? Любуйтесь и вы, Чернышевскіе, «Благосвѣтлые», Антоновичи, Писаревы, Корши и всѣ «милые» издатели «чудныхъ произведеній»,—всѣ вы измѣнники, закупленные иностранцами и польской «справой»; любуйтесь своей жертвой... Коракозовъ—подставное лицо.

Грустно! Господи, упокой душу Михаила Николаевича Муравьева и бѣднаго Коракозова! Теперь оба предстоятъ Тебѣ: и судья неподкупный и преступникъ.—Милосердіе Твое да будетъ надъ обоими!

— Загадочна смерть Михаила Николаевича.—Что за порошокъ лежалъ въ ложкѣ, котораго онъ не принялъ? Не подложили-ли его во время сна?..—Дѣло еще не было окончено; кто знаетъ, какою смертью онъ умеръ?..

Прощанія американцевъ умилили меня и Нуту: я читала взволнованнымъ, дрожащимъ отъ слезъ голосомъ; Нута отбросила работу, отирая глаза. Фоксъ былъ растроганъ, оставляя Россію, гдѣ онъ видѣлъ столько сочувствія, привѣта, дружбы! 30-е августа онъ съ товарищами провелъ въ нашемъ Смольномъ; Марья Павловна [1]) приняла его прекрасно и тронула своимъ вниманіемъ. На прощальномъ завтракѣ въ Кронштадтѣ, когда адмиралъ Лесовскій напомнилъ Фоксу, что въ это время въ дѣтской церкви Смольнаго совершается молебствіе о благополучномъ ихъ плаваніи,—Фоксъ прослезился и произнесъ дрожащимъ голосомъ: «до сихъ поръ я думалъ, что сердце мое твердо, какъ ледъ, покрывающій сѣверныя воды Россіи, и что на немъ, какъ на алмазѣ, могутъ только отражаться лучи солнца; но все, что я видѣлъ, всѣ заявленія горячей дружбы—переполнили мое сердце; я болѣе не могу говорить, и какъ при вешнемъ солнцѣ съ ледниковъ бѣжитъ вода ручьями, такъ таетъ и мое сердце слезами».

— Всѣ присутствующіе стихли, подъ вліяніемъ его задушевныхъ словъ.

Въ эти минуты подъѣхала шкуна съ запоздавшими выборными отъ маленькаго городка Новгородской губерніи Череповца, посѣщеннаго американцами. Череповцы прибыли съ хлѣбомъ и солью на дорогу любезнымъ гостямъ. Это посольство отъ одной изъ былинокъ необъятной Россіи вдохновило поэтическую душу Фокса, который тутъ же сравнилъ Россію съ океаномъ, состоящимъ изъ *капель, а Государя*—съ солнцемъ, притягивающимъ къ себѣ любовью всю Россію.

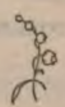
Странно,—и мнѣ грустно это прощаніе, какъ будто бы я лично присутствовала, гдѣ было это дружественное посѣщеніе народа. Я какъ будто сама слышала всѣ взаимныя привѣтствія и задушевныя слова; какъ будто жила между

[1]) Леонтьева, нач. Имп. в. об. бл. дѣвицъ (см. зап. ч. 1-я, стр. 112).

зими и теперь прощаюсь и провожаю въ далекій путь безъ надежды на свиданіе...

Господь да благословитъ этотъ народъ на мирное развитіе въ нравственное усовершенствованіе! Да сохранятся на долгіе годы дружественныя отношенія между обоими народами—ими сохранился надолго бы миръ, кабы намъ не мѣшали поляки со своимъ «панурговымъ стадомъ».

Мѣшаютъ также собственные домашніе воры строить желѣзныя дороги и даже соединить Москву съ Кіевомъ и Чернымъ моремъ! Рязанско-козловская дорога служитъ исключеніемъ изъ общаго правила, а, вообще, правительственная сфера не покровительствуетъ развитію путей сообщенія, какъ бы необходимы они ни были. Но это частное предпріятіе, исполненное крайне честно и съ удивительною скоростью –200 верстъ окончены въ годъ и четыре мѣсяца. Это по-американски! Такой поспѣшностью въ постройкѣ мы не отличаемся, это что-то совсѣмъ непривычное для насъ, русскихъ... У насъ, напротивъ,—мѣшаютъ даже соединенію Сибири съ остальною Русью: вотъ уже четыре года хлопочутъ о построеніи этой желѣзной дороги; всероссійское купечество проситъ разрѣшенія, нашлись бы и средства... но «кто-то» возстаетъ противъ соединенія далекихъ окраинъ съ сердцемъ государства!



Судъ надъ поляками и молитва за нихъ.

24 октября. Сегодня у насъ первое засѣданіе при открытыхъ дверяхъ,—судятъ поляковъ. Народъ толпится у дома, гдѣ собрались судьи и слушатели.

Господи милосердный, смягчи сердца творящихъ судъ А бѣдный народъ съ ожесточеніемъ валитъ смотрѣть, какъ

ждали его появленія въ царственномъ семействѣ; недаромъ встрѣтили его съ радостью, и воспѣли поэты—Рылѣевъ съ Жуковскимъ рожденіе его, возвѣщавшее о великомъ назначеніи, предстоявшемъ младенцу, лежавшему въ пеленахъ [3]). Ненапрасно поэтъ любимый, Жуковскій, принималъ участіе въ его воспитаніи. Нѣжная, воспріимчивая, любящая душа поэта имѣла благотворное вліяніе на царственнаго отрока, а впослѣдствіи и на молодого человѣка: Государь отличается добротою и теплотою сердца; въ немъ видите Царя-рыцаря, Царя по сердцу, которому доступно всякое добро и который готовъ откликнуться на всякое страданіе.

Что касается до меня, то я питала всю жизнь чувство глубокаго уваженія къ особѣ Александра Николаевича. Въ пору первой молодости въ стѣнахъ Смольнаго то чувство доходило до восторженности [4]), какъ будто бы я провидѣла будущее духовное величіе тогдашняго наслѣдника престола.—Помню, какъ возвратившись 3 марта изъ дворца съ увлеченіемъ разсказывала я моей учительницѣ музыки [5]) о проведенномъ тамъ времени и о Государѣ Наслѣдникѣ. Вѣроятно, говорила я съ большимъ жаромъ, потому что Stéphanie прервала меня словами: «Au nom du ciel n'allez pac devenir amoureuse du grand duc! Cela serait une vraie folie» [6]).

Дико прозвучали мнѣ тѣ слова...

— Какъ будто можно влюбиться въ Царя? мелькнуло въ моей головѣ. Развѣ нѣтъ между мужчинами людей, гото-

---

[3]) „На древней высотѣ Кремля,
Въ великій праздникъ Воскресенья,
Узрѣла русская земля
Прекрасный день Его рожденья". (17 апр. 1818 г.) В. А. Жуковскій

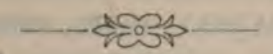
[4]) См. ч. 1-я записки стар. смолянки (1834 г. 30 авг.).

[5]) Stephanie Cavos, см. зап. ч. 1-я, стр. 78.

[6]) „Ради Бога не влюбляйтесь въ Великаго Князя!—Это будетъ чистое сумасшествіе".

выхъ отдать за Него жизнь свою? Я точно такою же любовью люблю Наслѣдника и его царственнаго отца!

Впослѣдствіи, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ выпуска и особенно по смерти нашего отца, причиной которой была нежданная отставка отъ службы, я сердилась на всѣхъ, исключая одного Александра Николаевича, на котораго, вопреки всеобщему мнѣнію, господствовавшему тогда въ обществѣ, возлагала большія надежды. Тѣ благодатныя надежды стали сбываться съ воцареніемъ Александра Николаевича, и живое чувство преданности и самаго искренняго уваженія проснулось къ нему съ прежней силой. Снова жаркая молитва несется къ престолу Всевышняго,—да покроетъ, осѣнитъ, укрѣпитъ и почіетъ благодать Божія на главѣ его для счастія моей благословенной Россіи великой!



Прощальный обѣдъ американцамъ.—О рѣчахъ Горчакова, Фокса и Куртина.—Пріемъ американцевъ русскими городами.—Смерть Михаила Николаевича Муравьева и сомнѣнія въ ея естественности.—Отношенія Муравьева къ полякамъ.

9 октября. 27 августа былъ прощальный обѣдъ, данный русскими американцамъ въ *«англійскомъ»* клубѣ. Какъ дико звучатъ эти слова! «Русскіе» не нашли болѣе подходящаго помѣщенія для оффиціальнаго пріема иностранныхъ гостей... Больно,—но зато съ какимъ достоинствомъ говорилъ Горчаковъ. Каждымъ словомъ онъ давалъ понять, что говоритъ рѣчь свою отъ имени всего русскаго великаго народа. Все, что нужно было сказать—сказано, и какъ умно, какъ благородно выражено; упомянуто даже объ ошибочномъ толкованіи касательно покушенія на жизнь Государя!.. Хорошо,

очень хорошо!—Я понимаю, отчего въ залѣ стоялъ гулъ по окончаніи рѣчи кн. Горчакова [1])!..

Но и Фоксъ отвѣтилъ столь поэтически, такъ задушевно, что не знаю, кому изъ нихъ отдать предпочтеніе. А милый Куртинъ [2]) увлекателенъ, какъ всегда. Его чувство, мысль—блещутъ, а рѣчь молодая разливается широкимъ потокомъ. Что за прелесть этотъ молодой человѣкъ въ нравственномъ отношеніи! Карточки его не видала, стало быть ничего не могу сказать объ его наружности; но по его живому, глубоко-прочувственному, огненному слову нельзя не подмѣтить чистый блескъ его молодой правдивой души! И какъ онъ усвоилъ нашу народную рѣчь со всѣми ея оттѣнками! Какимъ чистымъ *русскимъ* языкомъ говоритъ онъ!—ни малѣйшей иностранной *примѣси*. Слушаешь и радуешься; точно стройные звуки очаровательной музыки льются въ душу...

Спасибо Куртину, спасибо Фоксу, спасибо всѣмъ американцамъ, высказавшимъ такое живое сочувствіе намъ!

Мы съ жадностью набрасывались на номера «Московскихъ Вѣдомостей», гдѣ говорилось о празднествахъ, дававшихся въ честь американцевъ, гдѣ повторялись ихъ рѣчи и рѣчи нашихъ русскихъ; часто читая объ этомъ, слезы мѣшали различать буквы, и голосъ прерывался отъ волненія.

Хорошо принимали гостей въ Петербургѣ; но еще лучше, радушнѣе, торжественнѣе и многолюднѣе встрѣчали ихъ въ Москвѣ, въ Нижнемъ, Костромѣ, и окончательно хорошо въ Твери, гдѣ Фоксъ сказалъ восхитительно-замѣчательныя слова о пребываніи американцевъ въ Россіи [3]). Для насъ

[1]) Горчаковъ, кн. Ал. Мих.—знам. дипломатъ, русскій государ. канцлеръ (род. 1798 г., † 1883 г. См. 1863 г. 13 авг. прим. 1).

[2]) Кромѣ Фокса въ американскомъ посольствѣ состояли: командиръ Моррей, капитанъ Бомона, Ванъ-Буренъ, Лобъ, Гринъ, Куртинъ и др.

[3]) За краткость и за охрану своей земли, въ коей сквозитъ американскій принципъ: «Америка прежде всего для американцевъ»—приводимъ выдержку изъ рѣчи Фокса (какъ небезполезную часто и русскимъ).

весь августъ имѣлъ огромное значеніе: почти каждый день совершалось и говорилось что-нибудь новое, а послѣдній прощальный обѣдъ окончилъ длинный рядъ русскихъ торжествъ въ честь американцевъ.

Вскорѣ послѣ ихъ отъѣзда кончилъ жизнь, полную неутомимой дѣятельности и тревогъ за послѣднее трехлѣтіе, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ [4]),—мужъ правды и твердости. Принимаясь за развязываніе адски запутаннаго узла по преступленію 4 апрѣля, онъ сказалъ: *«дойду до корня зла иль костьми лягу»*. И легъ онъ костьми, мужъ неподкупной честности! Отправившись въ свою деревню для отдыха, онъ въ первую же ночь передъ отъѣздомъ въ Петербургъ для окончанія слѣдствія почилъ навѣки. Его нашли мертвымъ въ постелѣ, и тайна его смерти не разгадана. Конечно, легко свалить все на старость, на тучность, на ударъ. А кто знаетъ, не ядъ-ли измѣны пресѣкъ жизнь, нужную Россіи?.. Вѣдь у нея столько враговъ ея разсѣяно по всѣмъ отраслямъ правленія...—Самыя тайныя распоряженія правительства печатаются въ иностранныхъ журналахъ! Поляки втерлись

„Во все время путешествія моего по Россіи я повсемѣстно встрѣчалъ общее и необыкновенное сочувствіе. Сохраненное въ силѣ оно поведетъ обѣ націи къ тѣснѣйшему союзу для *взаимнаго ихъ блага* и *счастія*. Но, говоря о будущемъ, не должно забывать и о прошедшемъ, которое, по вынесеннымъ Россіей испытаніямъ и славному ихъ исходу, поставило ее на высокую степень *могущества и славы*.

Меня извинятъ гг. губернаторъ и предводители дворянства, если, вмѣсто отвѣта на ихъ благожелательные тосты, я предложу тостъ въ честь той славной для Россіи эпохи и представителя ея, здѣсь находящагося (указывая на Ѳ. И. Глинку),—*той эпохи*, въ которую Россія, воставъ какъ одинъ человѣкъ, изгнала съ земли своей столь многочисленныхъ непріятелей.

Да постигнетъ та же участь и всякаго, кто дерзнетъ *враждебно* вступать на землю русскую". „Ура!"

[4]) Графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ (род. 1796 г.) † 29 авг. 1866 г. въ с. Сырецъ, или Шереметевкѣ, Лужск. уѣз., Спб. губ., гдѣ и донынѣ сохраняется его домъ и прекрасный храмъ. Замѣчательный русскій человѣкъ и государственный дѣятель. (См. „Жизнь графа М. Н. Муравьева" Д. А. Кропотова).

всюду и забрали въ свои руки всѣ пружины правленія. Куда не оглянись, вездѣ сидитъ полякъ и подъ видомъ преданности ловитъ рыбку въ мутной водѣ, да еще жалуется, что рыба совсѣмъ на удочку нейдетъ. А мы... Да, Михаила Николаевича нѣтъ! Кѣмъ-то Господь замѣнитъ его для защиты Россіи?..

По моимъ мирнымъ убѣжденіямъ, вѣшать поляковъ было не нужно бы, но высшія государственныя соображенія и поступки поляковъ и многое, многое, враждебное, тайное въ родѣ ихъ катихизиса — того требуютъ. Почему-то Михаила Николаевича у насъ за это сильно укоряютъ, но молчатъ объ англичанахъ въ Индіи и на Ямайкѣ; объ «единой Италіи» въ Неаполѣ; о Франціи въ 48-мъ году (о 1792, 93, 94 и 95 гг.—не вспоминаю). Скажите, какъ поступаютъ стоящіе тамъ во главѣ правленія?.. О самихъ полякахъ и говорить нечего. Тѣ всегда отличались изобрѣтательностью по части жестокостей, а въ отношеніяхъ къ русскимъ — въ особенности: поджаривали, сдирали кожу, замуравливали, какихъ только изысканныхъ средствъ въ ходъ не пускали! Не далѣе какъ послѣднее возстаніе полно ужасовъ. Въ сравненіи съ ними Михаилъ Николаевичъ еще милосерднѣйшій изъ людей. Бѣдный, какъ тяжело ему было!.. [5]).

[5]) „А 1871 годъ превзошелъ ужасами своихъ предшественниковъ: республиканцы избивали другъ друга съ видимымъ наслажденіемъ и новѣйшія изобрѣтенія науки ревностно прилагали ко взаимному истребленію; женщины подвизались тоже не хуже своихъ прабабушекъ. Къ чему же тогда показывать пальцемъ на русскихъ?—Ужасное дѣло вражда!“ (Позднѣйшее примѣч. автора).

Казнь Коракозова и соціалисты.—Послѣдніе дни М. Н. Муравьева.—Пріемъ американцевъ въ Смольномъ.—Депутація череповцевъ.—Постройка желѣзныхъ дорогъ.

11 октября. Въ полученныхъ сегодня номерахъ «Московскихъ Вѣдомостей» такъ много волнующаго, отдалившаго меня на 6000 вер. отъ дрязгъ и сплетенъ нашего областного общества: послѣдніе дни М. Н. Муравьева, послѣднія прощальныя слова американцевъ и послѣднее крестное цѣлованіе несчастнаго преступника Коракозова, завлеченнаго адскимъ ученіемъ въ совершеніе злодѣйства. Читая о послѣднихъ минутахъ его существованія, о преклоненіи главы, о паденіи на колѣни, о крестномъ знаменіи, о приложеніи ко кресту и цѣлованіи руки священника, осѣнившаго главу его крестомъ, я глубоко вздохнула. Къ чему это печатаютъ?.. Непрошеныя слезы затемнили глаза, и жаль мнѣ стало бѣднаго человѣка, связавшаго имя свое съ страшнымъ злодѣйствомъ.

— Любуйтесь Герцены, Огаревы, Бакунины.... измѣнники родной страны! Любуйтесь съ «*того берега*»—это дѣла рукъ вашихъ!.. За что вы губите молодость? За что отрываете отъ Россіи сыновъ ея? Любуйтесь и вы, Чернышевскіе, «Благосвѣтлые», Антоновичи, Писаревы, Корши и всѣ «милые» издатели «чудныхъ произведеній»,—всѣ вы измѣнники, закупленные иностранцами и польской «справой»; любуйтесь своей жертвой... Коракозовъ—подставное лицо.

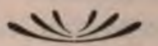
Грустно! Господи, упокой душу Михаила Николаевича Муравьева и бѣднаго Коракозова! Теперь оба предстоятъ Тебѣ: и судья неподкупный и преступникъ.—Милосердіе Твое да будетъ надъ обоими!

— Загадочна смерть Михаила Николаевича.—Что за порошокъ лежалъ въ ложкѣ, котораго онъ не принялъ? Не подложили-ли его во время сна?..—Дѣло еще не было окончено; кто знаетъ, какою смертью онъ умеръ?..

будутъ разстрѣливать ихъ, думая, что сегодня и казнь совершится...

— Нѣтъ, дурно на землѣ: всюду замѣтна жажда крови...
Господи, Ты, неизрѣченная благость, осѣни души преступниковъ и утѣшь ихъ въ предсмертные дни!

Поляки, безумные поляки! сколько горя причинили вы и намъ и себѣ!



О дѣятельности Нуты.—Приношу-ли я пользу въ Иркутскѣ?

25 октября. 8 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы раннимъ утромъ въѣзжали въ Иркутскъ [1]). Заря свѣтло занималась на небѣ, отъ котораго ждала я отвѣта на запросы, въ виду города, куда призывала насъ новая дѣятельность. Тотъ разсвѣтъ указывалъ, можетъ быть, на нашъ долгъ въ далекомъ краю...

Нута широко понимаетъ значеніе словъ Божіихъ, слышанныхъ въ Вознесенскомъ монастырѣ во время молебна: «вы соль земли». Нута моя и дѣломъ, и словомъ, и мыслею старается быть солью земли, и свѣтъ ея горитъ въ глуши Сибирской. Я же, я... но, Господи, Ты видишь, что и я хочу быть доброй и полезной; но полезна-ли я на самомъ дѣлѣ, про то не знаю...

Скучно въ Иркутскѣ; только чтеніе развлекаетъ, и я, какъ Пушкинъ, твержу:

«Кому же вѣрить?
Кто не измѣнитъ намъ одинъ?
Кто всѣ дѣла, всѣ рѣчи мѣритъ
Услужливо на нашъ аршинъ?
Кто клеветы про насъ не сѣетъ?..

**

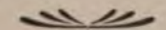
[1]) См. 1858 г., 25 октября.

Телеграмма о бракѣ Великаго Князя Александра Александровича съ принцессою Дагмарою, въ миропомазаніи Маріею Өеодоровною.

29 октября. Получена телеграмма о бракѣ Его И. В. Великаго Князя Александра Александровича съ принцессою Дагмарою, въ миропомазаніи нареченною Маріей Өеодоровной. Марія Өеодоровна—чудное имя въ лѣтописи Россіи! Господь да осѣнитъ юную чету на счастье Россіи, которая уже давно полюбила царственную жену.

Пусть имя твое, «*Богомъ данная*» Княгиня, послужитъ символомъ любви и благотворенія и милосердія! Двѣ старшія царицы Маріи, прабабушка и мать твоего царственнаго супруга—дороги русскому народу, видящему въ нихъ образецъ добродѣтелей. Да просвѣтится же жизнь твоя на радость возлюбленной Руси; да соберутся всѣ сыны ея съ юга и сѣвера, съ запада и дальняго востока и да прославятъ царствованіе Ваше!

Новое восходящее, Богомъ указываемое свѣтило ярче готово озарить небо Руси православной; да встрѣтятъ тебя ангелы, готовые сохранить тебя во всѣхъ путяхъ твоихъ!



Тяжесть педагогической дѣятельности.

6 ноября. Давно, почти въ началѣ моей педагогической дѣятельности говорила я: «труденъ, тяжелъ подвигъ воспитательницы; но нужно итти по этому пути скорби, чтобы, насколько могу, быть полезной отечеству».

Спустя нѣсколько лѣтъ повторила я снова: «нужна благодать Божія, нужна сила свыше для поддержанія немощи нашей на той высотѣ, на которую поставило насъ Провидѣ-

ными нотами соловьиной пѣсни, потомъ опять пѣніе и гудокъ, и потомъ всѣ удаляются, звучитъ только одинъ гудокъ, наигрывая послѣдній напѣвъ, мало-по-малу стихающій по мѣрѣ отдаленія. Вечеръ смѣнился чудной лѣтней ночью, полной благоуханія и нѣги; соловьиныя трели разсыпались по лѣсу или въ густолиственномъ темномъ саду. Но слаще соловьинаго щебетанія полилась рѣкою живая, полная страсти и нѣги томленія пѣснь человѣка; прислушиваясь къ ней, самъ соловей увлекся и присоединилъ свою трель къ проникающей въ душу пѣснѣ людской. И поютъ они вмѣстѣ, и сливютъ свои голоса два различныхъ созданія Божіи — царь земли и крохотная птичка, и внемлютъ имъ прочія существа. Если бы они могли высказывать свои мысли, вѣрно, сказали бы, что крохотный соловей, лѣсной пѣвецъ, счастливѣй человѣка, царя земли!..—Мы сами портимъ жизнь земную...

Но возвратимся къ пьесѣ... Голосъ человѣка и трель соловья слышатся вмѣстѣ сначала отчетливо, ярко и полно; затѣмъ постепенно ослабѣваютъ и тотъ и другой и, наконецъ, какъ бы отъ утомленія—совсѣмъ замираютъ... Прелесть что за чудная пьеса! Леля исполняетъ ее очень хорошо и ярко передаетъ весь характеръ картины; она нынче принялась работать, и музыка идетъ хорошо.

Вѣра Петровичъ [4]), поступившая въ прошломъ году, подвигается быстро; дѣвочка съ большимъ дарованіемъ, любитъ музыку и внимательна ко всѣмъ моимъ замѣчаніямъ. Вообще, съ удовольствіемъ замѣчаю, что мои ученицы отличаются мягкостью игры: у нихъ нѣтъ рѣзкихъ звуковъ, и при самомъ фортиссимо можно спокойно стоять подлѣ инструмента,—клавиши поютъ подъ пальцами.

Говоря о предстоящемъ музыкальномъ вечерѣ, необхо-

[4]) Петровичъ, Вѣра Григорьевна,—восп. Иркутск. института въ вып. 1869 г. удостоена золотой медали. Прекрасная піанистка и любимѣйшая ученица Вар. Петровны (по мужу Корякина). Нынѣ даетъ уроки музыки въ Иркутскѣ.

димо коснуться и цѣли этихъ вечеровъ, повторяющихся каждые два мѣсяца. Семь лѣтъ тому назадъ Анна Петровна придумала ввести музыкальныя испытанія, съ цѣлью заставить воспитанницъ работать усерднѣе. Сначала, когда музыка была въ самомъ плачевномъ состояніи и учениць, бравшихъ уроки, было не болѣе тридцати, Анна Петровна раздѣлила ихъ на три разряда, которыя должны были являться на испытаніе по очереди, разъ въ мѣсяцъ. Дѣло пошло успѣшно; число желающихъ брать уроки значительно увеличилось; черезъ два года стали замѣтны и таланты, изъ трехъ разрядовъ образовалось четыре, три послѣдніе подвергались испытанію—въ началѣ мѣсяца, а лучшія ученицы должны являться каждые два мѣсяца. Теперь ученицъ уже стало болѣе пятидесяти; первый разрядъ состоитъ изъ восьми замѣчательно хорошо играющихъ,—разумѣется, и между ними есть громадная разница; второй разрядъ тоже очень удовлетворителенъ; Анна Петровна образовала еще пятый, съ тѣмъ, чтобы два первые чередовались и тоже являлись на сцену каждые два мѣсяца. Эти испытанія приносятъ большую пользу: музыка идетъ съ наибольшимъ успѣхомъ и охватываетъ все большій и большій кругъ воспитанницъ, и по окончаніи курса наши воспитанницы, разсыпаясь по всей Восточной Сибири, вносятъ въ почти пустынныя мѣста любовь къ изящному, что оказываетъ облагораживающее дѣйствіе на мѣстное общество,—а и это есть просвѣтительное начало. Сколько институтокъ занимаютъ мѣста наставницъ и учительницъ въ этомъ краю!—Это все воспитанницы-сестры, труженицы на непочатой нивѣ....

Господь да благословитъ ваши труды!

Но какъ работаетъ моя Нута! Вечеромъ она совершенно ослабѣваетъ, напримѣръ вчерашній день.—Утромъ встала въ половинѣ седьмого, одѣлась и пошла въ садъ подышать свѣжимъ воздухомъ и запастись силами на предстоящій трудъ. Возвратясь пила со мной чай, работая, пока онъ простылъ.

Около 9-ти принимала эконома, осмотрѣла больныхъ и поднялась на верхъ, гдѣ до 10½ час. присутствовала при урокѣ русскаго языка въ маленькомъ классѣ, а съ 10½ до 12 сама давала урокъ русской словесности въ старшемъ классѣ, замѣняя больного учителя. Въ 12 была въ дѣтской столовой и позавтракавъ тотчасъ пошла прогуляться въ садъ съ англійской книгой въ рукахъ. Въ 2 часа снова принялась за занятія: давала пепиньеркамъ и Олѣ Филимоновой [5]) урокъ англійскаго языка. Въ 4 часа обѣдала и усталая отправилась въ городскую больницу свезти подаяніе и навѣстить больныхъ. Оттуда возвратилась совсѣмъ изнеможенною и хотѣла еще заниматься съ Олей, [6]) но этому я положительно воспротивилась и уговорила ее отдохнуть. Чтобы сколько-нибудь развлечь сестру, я предложила прочесть для нея что-нибудь полегче, такъ какъ журналы и газеты болѣзненно дѣйствуютъ на нее. Порывшись въ библіотекѣ, я нашла сочиненія итальянца Гольдони и прямо напала на его «Теренція». Но характеры, разговоры, завязка—все это такъ вяло, что сама чтица захотѣла спать. Нута же положительно истомилась; я упросила ее лечь въ постель, и она, голубушка моя, тотчасъ заснула, какъ только прикоснулась къ подушкѣ: наканунѣ она не спала почти всю ночь, безпокоясь о чемъ-то. —Вотъ образчикъ какъ она проводитъ свой день. Сегодня встала въ 6 часовъ, занялась англійскимъ языкомъ, гуляла около часа, обошла дѣтскую больницу и въ 9 часовъ уже давала урокъ французскаго языка въ маленькомъ классѣ; въ 10½ занималась тѣмъ же французскимъ со старшими, которыя послабѣе—это она дѣлаетъ обыкновенно три раза въ недѣлю: по средамъ, пятницамъ и субботамъ. Изъ столовой ушла раньше, чтобы принять забайкальскаго губерна-

---

[5]) Филимонова, Вѣра, см. 1864 г. 6 іюня пр. 2 и 1866 г. 20 іюля пр. 8. Первая въ выпускѣ Иркут. института 1859 года.

[6]) Ольга Мих. Сибирякова (по мужѣ кн. Вяземская). См. 1859 г. 7 янв. пр. 1. Прекрасная піанистка.

тора, гуляла и въ 2 часа снова ушла въ классъ. Вечеромъ, вѣроятно, пойдетъ присутствовать при урокѣ пѣнія.

О бывшемъ музыкальномъ вечерѣ.—Нюта Калугина и окончившія вмѣстѣ съ нею институтъ—.О предстоящемъ выпускѣ.

18 мая. Былъ снова музыкальный вечеръ 7 мая. Моя Вѣра [1]) спѣла такъ хорошо «Вѣютъ вѣтры», переложенное Листомъ, и такъ искусно передала фантазію Кетерера, что ее съ наслажденіемъ слушали. Леля Баженова особенно хорошо сыграла кватюоръ изъ Пуританъ, переложенный Тальбергомъ. Катя Базанова [2]) чистенько исполнила: «Я пойду косить», а Юля Баженова великолѣпно, en maître, разыграла Erlkönig, переложенное Листомъ, и «Желаніе» [3]) Шуберта, переложенное Розенгеймомъ.

Теперь я снова стала заниматься Нютой Калугиной [4]), у которой замѣчательный toucher (къ стыду своему—не умѣю сказать по-русски этого слова). У нея такіе глубокіе звуки! Послѣ выпуска Нюта поддалась обаянію своего шестнадцатилѣтняго возраста и закружилась въ свѣтѣ; музыка отошла на задній планъ. Нынче же, окончивъ свою службу пепиньеркой, она должна поступить наставницей въ частный домъ. Музыка снова вспомнилась, и Нюта часами сидитъ за фортепьяно, которое поетъ и заливается подъ ея гибкими тоненькими пальцами.—Да, Нюта, вообще, щедро одаренная дѣвушка! Она вышла первой по наукамъ,—и музыкантша-то она, и рукодѣльница, и стройна, и ловка, и голосъ у нея звучный

---

[1]) Вѣра Григорьевна Петровичъ, см. 1867 г. 17 Мая 4.

[2]) Екатерина Ивановна, вып. 1867 г. (по мужу Сиверсъ, см. 1866 г. 6 апр. 1867 г. 18 мая 2).

[3]) «Le désir».

[4]) Анна Филип., вып. 1865 г. съ шифромъ (по мужу Зензинова).

и пріятный. Два года назадъ, на экзаменѣ французскаго языка, она такъ говорила, что къ ней прислушивались, какъ слушаютъ музыкальное произведеніе. Сказалъ же Victor Hugo: «La priere pour tous». — Она вызвала слезы на глазахъ экзаменаторовъ. Покойный Константинъ Петровичъ Бобановскій [5]), бывшій директоръ гимназіи и членъ по учебной части института, всегда восхищался ею.

Впрочемъ, въ томъ выпускѣ многія недурно говорили; по окончаніи экзамена, однажды, Константинъ Петровичъ, обратившись къ воспитанницамъ, сказалъ имъ: «благодарю васъ за музыкальное утро»!—Правда,—чистый выговоръ, голоса ясные, рѣчь толковая—все было прекрасно; разумѣется, половина класса далеко не то изъ себя представляетъ; но у насъ выпуски дѣлаются по возрасту, и каждые два года переходятъ всѣ вмѣстѣ. Стало быть, очень естественно, что половина воспитанницъ могла бы составить другое отдѣленіе. Въ выпускномъ курсѣ много свѣтлыхъ головокъ, какъ много и легкомысленныхъ. Время, опытъ, годы конечно возьмутъ свое и изгладятъ шероховатости. Въ маленькомъ классѣ онѣ подавали блестящія надежды, онѣ были утѣшеніемъ сестры; во второмъ классѣ стали лѣниться; въ старшемъ работали больше, но по своимъ способностямъ—немного.

Грустно становится, когда думаю о нихъ... Бывали минуты, что отчаяніе брало за нихъ!

— О, тяжелое дѣло—учить людей! Льстить—статья иная, это художество всегда награждаетъ успѣхомъ... Но не чувствовала, не чувствую и никогда не буду чувствовать себя способною къ этому ремеслу...

[5]) Директоръ училищъ Иркутской губ. и съ 1848—1855 г. членъ по учебной части въ Иркутск. институтѣ.

Выпускныя.

25 іюня. Пришла отъ обѣдни, — по выслушаніи молебна, по случаю выпуска воспитанницъ.

Что сказать о предстоящемъ?

— Не знаю; но мнѣ очень жаль ихъ, и сказать имъ нужно было бы такъ много, что лучше не говорить, сочтутъ не во-время,—обидятся...

Благодарю Тебя, Создателя вселенной!

Отъѣздъ изъ института.—Событія за два мѣсяца.—Новое покушеніе на Государя Императора.—Газетныя извѣстія о страданіяхъ болгаръ.—По поводу предостереженія газетѣ „Москва“.

5 іюля. Меня всегда очень трогаютъ слезы при прощаніяхъ. Положимъ, онѣ скоро сохнутъ, и жизнь остающихся и отъѣзжающихъ идетъ снова обычнымъ чередомъ,—но все же тѣ слезы говорятъ многое безъ словъ...

Вчера Нюта Калугина обливалась слезами, прощаясь съ Анной Петровной; бросится къ ней на шею и зарыдаетъ, потомъ попрощается съ другими и снова къ ней съ тѣмъ же рыданіемъ. Сестра, разумѣется, не могла хладнокровно переносить такое разставанье, она плакала, и всѣ мы присутствующія тоже.

— Бѣдная дѣвочка! Что ждетъ её за стѣнами института? Боюсь за живость ея характера, какъ нѣкогда покойный мой отецъ боялся за мою. — Она ѣдетъ наставницей въ одно семейство въ Нерчинскъ. Сестра постаралась о помѣщеніи ея и выхлопотала ей приличное вознагражденіе: она будетъ получать 500 р. въ годъ, даже больше, чѣмъ классная дама; между тѣмъ, ей хотѣлось бы лучше остаться здѣсь въ институтѣ. Не предчувствуетъ-ли эта птичка бѣды, вылетая изъ гнѣздышка...

— Какъ много случилось въ послѣдніе два мѣсяца такого, что волновало и живило меня, за чѣмъ слѣдила я съ участіемъ и тревогой!—Пріѣздъ славянъ; пріемъ, оказанный имъ всюду, задушевныя слова, которыми обмѣнивались гости и хозяева... И вдругъ, среди всего—новый вражескій выстрѣлъ въ нашего возлюбленнаго Царя!

Вѣсти о подробностяхъ происшествія, о пребываніи Государя въ Парижѣ, о крикѣ негодованія французовъ при совершеніи злодѣйства ихъ любимцами—поляками,—все это тревожитъ и мучаетъ меня, спать не даетъ, и я, несмотря на свободное отъ занятій время, едва засыпаю во второмъ и третьемъ часу ночи.—Не угодно-ли кому передѣлать душу и заставить думать только о томъ, что дѣлается вокругъ меня?

Мы снова сильно перепугались при страшной вѣсти: «въ Государя стрѣляли!» Когда же, наконецъ, кончатся кровавые замыслы шляхты. Когда оставятъ въ покоѣ измученную панами и ксендзами Русь? Господь да хранитъ мое отечество и Своего Помазанника!

— Въ послѣднемъ 83 № вновь выходящей газеты «Москва» слышится такой вопль о помощи страдальцамъ болгарамъ, что нельзя читать его безъ содраганія и слезъ.—Кончивъ уроки музыки, я взяла съ собою въ садъ только что принесенныя «Московскія Вѣдомости» и «Москву»,—обѣ любимыя нами газеты; призадумавшись надъ умной, логичной, мѣткой рѣчью Каткова (12 іюля), перешла я къ передовой статьѣ «Москвы»,—и сжалось сердце при описаніи жестокихъ истязаній, которымъ подвергаются несчастные болгары, исповѣдующіе православную вѣру! Помощи имъ ждать не отъ кого: все это бѣдные поселяне, у которыхъ не имѣется ни вождей, ни денегъ, а страданія ихъ переполняютъ чашу!!.—Прочтя, я помолилась, чтобы Господь помогъ намъ сдѣлать сборъ въ пользу болгаръ, какъ было года четыре тому назадъ, когда для Западнаго края только черезъ наши руки прошло 9,200

руб. Хотя бы половину, хотя бы четверть этого собрать... Разумѣется, мы первыя внесемъ. Но горе въ томъ, что много мы не въ состояніи: у насъ и миссія, и городская больница, и многимъ, многимъ помочь надо.

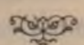
Господи, помоги! Если бы у меня было силы побольше стала бы давать еще нѣсколько уроковъ.

«Москва» едва выглянула на свѣтъ Божій послѣ трехмѣсячнаго запрещенія и снова получила предостереженіе.

А я люблю ее, — она съ русскимъ, чисто христіанскимъ направленіемъ! Точно мы живемъ въ такое время, когда не смѣемъ говорить о своихъ нуждахъ!

Нынче стараются отдалить его вѣрныхъ слугъ отечества и честныхъ дѣятелей, которыхъ закидываютъ грязью и называютъ измѣнниками родной страны! Бѣдная Россія, на которую клевещутъ и чужіе, и свои, и тянутъ въ разныя стороны, чтобы она не вышла на просторную, прямую, широкую дорогу своего развитія. Но, крѣпись, великанъ могучій; не падай духомъ! Предъ тобой разстилается путь далёкій; и рости, и жить, и цвѣсти тебѣ! Истлѣютъ въ прахъ враги твои, а ты все будешь жить и просвѣщать другихъ. Благость Господня да осѣнитъ тебя любовью къ ближнему и премудростью! Рости, моя Русь дорогая, духомъ и истиною! Просвѣщайся и просвѣщай другихъ.

Господи, спаси Царя нашего любимаго и окружи его разумными и честными пособниками!...



28 августа. Die Wunde brennt; die bleichen Lippen beben; Gott, wie Du willst, Dir hab ich mich ergeben [1])!..

[1]) [Переводъ]. „Рана горитъ; блѣдныя уста дрожатъ; Боже, да будетъ воля Твоя!..“

Чтеніе газетъ и журналовъ. — Искусство жить и прослыть за умную собесѣдницу. — Любовь къ отечеству.

15 сентября. Не читать журналовъ—скучно: не знаешь, что дѣлается на свѣтѣ, точно заключенная въ монастырѣ, куда не доходитъ ни дурной, ни хорошей вѣсточки; а читать журналы—значитъ волноваться и скорбѣть. Придетъ почта, —ждешь съ нетерпѣніемъ, когда швейцаръ принесетъ желанныхъ вѣстей; живо распечатаешь и пробѣжишь глазами передовыя статьи. Рѣдко появится довольная улыбка;—большею же частью тоскливо сожмется сердце, и боишься продолжать чтеніе, пока немного не успокоишься.

Господи, какъ живутъ другіе? Или только мы съ сестрой такія безумныя: тревожимся не своимъ личнымъ горемъ? Жить бы намъ, какъ всѣ: выѣзжать и самимъ принимать, играть въ карты и повторять стереотипныя фразы, приноравливаясь къ ихъ современности, къ мѣсту и къ случаю. Затѣмъ всѣмъ улыбаться и со всѣми соглашаться, или выразительно молчать и громко хвалить тѣхъ, кого въ извѣстномъ обществѣ принято хвалить. Во-время можно и посмѣяться надъ тѣми, которые кажутся смѣшными извѣстному обществу; можно бросить «милое» словцо и въ «подкупленнаго» Каткова, и въ «идіота» Аксакова, и въ самого святителя Филарета, котораго отчего же не назвать «тормазомъ» или того хуже и не пожелать ему убраться поскорѣе восвояси? Все это можно, а у насъ въ Сибири и не особенно осторожно... Тамъ, гдѣ не въ ходу «Филареты», а какіе-нибудь «Егоры» иль «Иваны», можете что угодно и какъ угодно говорить о Филаретахъ, но объ Егорахъ не иначе, какъ съ должнымъ почтеніемъ, съ прибавленіемъ чина и «господинъ», какъ о благодѣтеляхъ рода человѣческаго... Пусть на языкѣ почаще слышатся *«гуманность»* да «прогрессъ» съ «принципомъ» и «цивилизаціей»; не лишне выпустить и нѣсколько *«пикантныхъ»* словъ безстыдства съ легенькой струйкой «сплетенъ», освѣщенныхъ улыбкой. —Что

за прелесть была бы жизнь! — и вами всѣ были бы довольны, и вы отъ всѣхъ безъ ума!

Кабы такъ жить!.. Но горбатаго могила исправитъ.

Теперь поздно себя перерабатывать; не жила я никогда только своею личною жизнью. Всегда мнѣ было близко все, относящееся къ моей родной матушкѣ-Россіи; еще съ ранняго дѣтства я любила прислушиваться къ разсказамъ о ея счастливыхъ и скорбныхъ временахъ; все ложилось на сердце неизгладимыми чертами, и съ юныхъ лѣтъ я привыкала считать себя нераздѣльнымъ членомъ великой русской семьи. Такъ прошли дѣтство и молодость. Теперь-ли мѣняться, когда и смерть недалека?!.

Нѣтъ, нѣтъ, не разлюбить и ни на минуту не позабыть мнѣ до гроба моей бѣдной, печальной, оклеветанной родины.

Нѣтъ, не могу оставаться равнодушной къ ея тревогамъ и скорбямъ; она — мать моя, родина святая!..

Нѣтъ, не измѣнить, а заставить всякаго полюбить ее, — вотъ чего желаю, вотъ о чемъ молюсь Господу.

Катковъ и Аксаковъ—борцы съ теченіемъ современнаго имъ общества.— Иркутское общество предъ иностранцами. — Нута.

30 сентября. Не умолкаетъ и теперь Катковъ [1]). Его честное слово разносится по всей Руси, но противное теченіе заливаетъ его,—и все шире и все глубже мятежный потокъ пролагаетъ путь, ломая, разрушая, унося препоны своимъ дикимъ, бѣшенымъ стремленіемъ. Мы точно наканунѣ первой французской революціи; читаешь, вдумываешься, и наше настоящее кажется снимкомъ послѣднихъ десятилѣтій XVIII-го вѣка. Цѣлымъ столѣтіемъ мы какъ бы

[1]) См. 1866 г. 30 іюня.

отодвинулись назадъ; уроки исторіи пропадаютъ напрасно, а, между тѣмъ, все такъ ясно, опредѣленно.

Вчера долго, долго не могла я уснуть подъ впечатлѣніемъ передовыхъ статей «Московскихъ Вѣдомостей». Давно Аксаковъ, Катковъ говорятъ громко, во всеуслышаніе о вліятельныхъ лицахъ, продающихъ Россію, и говорятъ не переставая, а ихъ какъ будто не слышатъ. Все идетъ обычнымъ порядкомъ, съ виду красиво, а внутри далеко нѣтъ. Западный край, Балтійскій край переходятъ исподволь полякамъ и нѣмцамъ. Желѣзныя дороги устраиваются на Западѣ; о соединеніи же Москвы съ югомъ черезъ Кіевъ и съ востокомъ черезъ Екатеринбургъ на Тюмень и далѣе — и не помышляютъ... Катковъ и Аксаковъ не разъ повторяютъ ту мысль, что русскому честному человѣку, любящему свое отечество, жить очень тяжко; лицемѣрамъ, честолюбцамъ и предателямъ — удивительно легко... Неужели же такъ всегда было и будетъ у насъ на Руси?.. *)

Десять лѣтъ уже проживая въ Иркутскѣ, насмотрѣлись мы на все и собственнымъ опытомъ дошли до убѣжденія, что истинно русскій человѣкъ можетъ задохнуться въ нашемъ «иностранномъ обществѣ» русскаго происхожденія. Нѣтъ ни поддержки, ни привѣта честному труду. Зато подружитесь съ поляками, съ нѣмцами, — и такое пойдетъ раздолье!..

По моему стыдно такъ унижаться? И развѣ не позоръ своему человѣку, хозяину, искать дружбы и покровительства пришельцевъ?

— Завтра будетъ 22 года службы моей Нуты. Какъ плакала я, провожая ее въ Смольный [2]). И вотъ уже два десятка годковъ улеглись съ той минуты, какъ рыдала я въ церкви, гдѣ служили молебенъ. Скорбный путь, — но благо-

*) Видимо, В. П. находится подъ впечатлѣніемъ недавняго мятежа поляковъ.

[2]) См. зап. ч. 1-я стр. 149 (1 окт. 1845 г.).

творный! Сколько юныхъ существъ научилось жить, глядя на ея безустанную любвеобильную дѣятельность! И какъ ее любили, особенно въ бытность ея классною дамою! И что за чуднымъ, обворожительнымъ существомъ выступила она на службу отечеству!..

А теперь... Какъ измѣнилась моя бѣдная Нута, вслѣдствіе безпрестанныхъ непріятностей, надвигающихся со всѣхъ сторонъ! И какая стала грустная и серьезная!

Вотъ какъ живется русскимъ дѣятелямъ въ родномъ краю!..

Успокоительное размышленіе.

1 ноября. Telle qu'une maison déserte, une âme vide de pensées dépérit de jour en jour.—Oui.

Mais le trop de réflexions tue la pauvre âme; elle souffre, elle souffre immensément.

Mon Dieu, Vous êtes l'unique, le véritable flambeau de toute créature humaine. Hors la religion — point de salut. Tout n'est que ténèbres dans cette vie, — privée de la lumière sacrée de la religion.

Talents, sciences, beauté, — tout n'est que vanité, fumée, ou bien un vif éclat qui disparait aussitôt, sans laisser de traces.

Oh, mon Dieu, éclaire-moi, soutiens-moi, ne m'abandonne point.

[Переводъ]. Лишенная мысли, неразмышляющая душа, подобно необитаемому дому, гибнетъ съ каждымъ днемъ.—Это такъ.

Но излишнее размышленіе убиваетъ бѣдную душу; она страдаетъ, безмѣрно страдаетъ.

Ты, мой Боже,—единственный и настоящій свѣточъ всякаго разумнаго созданія. Внѣ религіи нѣтъ спасенія. Все мрачно въ жизни, не озаряемой и не освящаемой религіей.

Таланты, познанія, красота, — все это только суетность; днемъ ихъ можно сравнить съ сильнымъ свѣтомъ, тотчасъ же безслѣдно исчезающимъ.

Боже мой! просвѣти меня, поддержи и не оставь меня.

Записки А. Г. Хомутовой.—Общество въ ея время и теперь.

13 ноября. Читая въ «Русскомъ Архивѣ» отрывки изъ записокъ 1812 и 1814 гг. извѣстной А. Г. Хомутовой [1]), много передумала я. Какъ жилось тогда легко, и какъ поверхностно скользили великія событія даже по тому, кто возвышался надъ общимъ уровнемъ. Много говорится о праздникахъ, о Государѣ, о лицахъ, составлявшихъ тогда блестящій свѣтъ, и ни слова о родной Руси, о народѣ, выстрадавшемъ свое *величіе*! Такая всемірная скорбь, такіе вопли и рыданія не вызывали стоновъ изъ груди даже лучшихъ женщинъ! Почему? А теперь?—Впрочемъ, думаю, и теперь большинство ихъ остается равнодушными, отдаваясь удовольствіямъ, заботамъ домашнимъ, или увлекаясь ходячими моделями или пустыми фразами, почерпнутыми изъ наиболѣе распространенныхъ модныхъ и заграничныхъ журналовъ. Какъ посмотришь вокругъ, то ни тѣ, ни другія, ни третьи не дорожатъ отечествомъ: общественное бѣдствіе — не ихъ личное бѣдствіе; онѣ чужды родной странѣ...—Да, такъ дѣйствуетъ большинство.—Хомутова была одна изъ немногихъ; но и ей все-таки какъ-то легко жилось.

Что же за несносное и причудливое созданіе я? Или такая ужъ педантка и такъ люблю разсуждать о томъ, что до меня не касается, и въ чемъ ничего не смыслю?..

Смерть митрополита Филарета. — Скорбь объ умершемъ. — Ожиданіе новыхъ русскихъ дѣятелей.

25 ноября. 19 ноября почилъ сномъ вѣчности преосвя-

[1]) Хомутовъ, С. Г.—свитскій офицеръ, участникъ отечественной войны (1812—14 гг.), — оставилъ записки, которыя и печатались въ „Русск. Архивѣ“ за 1866—70 гг.

щенный Филаретъ [1]), — слава русской церкви, свѣтильникъ ясный въ теченіе полувѣка; —какъ будто пусто стало на землѣ русской при отшествіи съ нея святителя.

Да воздвигнетъ Господь новыхъ крѣпкихъ столповъ вѣры православной! Да просіяетъ новое свѣтило между истинными исповѣдниками Господа Іисуса Христа!..

Одинъ за другимъ отходятъ талантливые слуги Россіи; говорятъ, боленъ Горчаковъ, старецъ, бодрый духомъ, но ветхій деньми. Кто же останется?... Гдѣ же другіе, подобные Филаретамъ сыны отечества? Гдѣ пособники царскіе? гдѣ свѣтильники, горящіе и освѣщающіе землю родную?—Или появятся скоро? Заговорятъ безмолвствующіе нынѣ?..

Пора, пора пробудиться отъ спячки, встряхнуть нашу Русскую лѣнь. Пора явиться провозвѣстникамъ истины и яркимъ свѣтомъ живого слова разогнать тьму, обступившую насъ, особенно-же крестьянина-землепашца...

И съ какихъ давнихъ поръ и какъ издалека и какъ хитро подступаетъ та тьма необъятная!...

О, зажигайтесь скорѣе и больше, свѣтильники! Гоните мракъ невѣжества, проливайте въ народъ больше свѣта духовнаго! Оберегайте и укрѣпляйте Русь дорогую!..

Вѣдь все—борьба, борьба вѣчная добра со зломъ и свѣта со тьмою!—Какъ жаль, что всѣ великія задачи жизни до сихъ поръ рѣшаются огнемъ, мечемъ и рѣками крови ближняго.

Когда же мы будемъ въ Христовой любви пребывать?!.

Письма Батюшкова и Жуковскаго въ „Русскомъ Архивѣ".—Воспоминаніе о прошломъ и о поэтахъ юности.

15 декабря. Въ нѣкоторыхъ номерахъ «Русскаго Архива»

[1]) Въ мірѣ Дроздовъ. (См. зап. ч. 1-я 1853 г. 25 марта) Род. 1789 г. Чудные о немъ труды Саввы, Архіеп. Тверского, или а также матеріалы для біографіи въ „Русск. Старинѣ" за 1885 г. т. XLVI, XLVII.

печатаются письма Батюшкова [1]) и Жуковскаго [2]), которые я читаю съ особеннымъ удовольствіемъ.

Прозрачная чистота души Жуковскаго, съ его благородными порывами и мечтами, и теплое, доброе сердце Батюшкова при легкомъ остроуміи, сыплющемъ искры свѣта,—все это обаятельно дѣйствуетъ на меня; какъ будто бы десятки лѣтъ спадаютъ съ плечъ, и воскресаютъ въ памяти и Смольный, и Нева, и классы, и садъ Смольнаго съ столѣтними липами, и толпы молоденькихъ подругъ, и сама я въ голубомъ или зеленомъ платьѣ, съ пылающимъ румянцемъ юности, — съ курчавыми волосками, падающими густыми локонами на плечи; читавшая и зачитывавшаяся Жуковскимъ. Батюшковымъ и знавшая пропасть ихъ стиховъ наизусть;—все, — вся поэзія юности ощутительно воскресаетъ въ памяти, и совершенно забывается настоящее и долгій путь—изнурительный, полный скорбей и тревогъ, состарѣвшееся лицо и посѣдѣвшіе волосы...

Даже странно потомъ возвращаться къ дѣйствительности и думать: все давнымъ-давно миновало, отжило, умерло и погребено...

Но все же пріятно мнѣ думать, что любимцы моей юности были честными русскими людьми, любившими свое отечество и желавшими ему блага...

И какая дружба связывала ихъ всѣхъ между собою? Батюшковъ, Жуковскій, Карамзинъ, Блудовъ и Пушкинъ молодой. — Какія имена, и какъ разнообразна ихъ дѣятельность, и какъ несходны характеры, а между тѣмъ какое

[1]) Батюшковъ, Констан. Николаев. (1787—1855 г.). Послѣднее и прекрасное для любителей изданіе въ 1898 году его сочиненій можно получить у Ея Превосх. Софіи Никол. Батюшковой (Москва. Б. Никитская. соб. домъ). Тамъ же сочиненія и Помпея Никол. Батюшкова.

[2]) Жуковскій, В. А. См. зап. ч. 1-я, стр. 84, 93, 105 и друг.

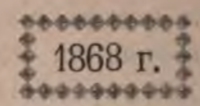
сходство въ ихъ основѣ! Даже какая трагическая развязка жизни «перваго» и послѣдняго!.. [3])

— Въ послѣднемъ номерѣ читала я письма Жуковскаго къ Великому Князю Константину Николаевичу.

Какое спокойствіе и достоинство въ рѣчахъ поэта! Какъ высоко смотритъ онъ на санъ царственный и какъ хорошо поучаетъ сына царскаго въ обязанностяхъ, въ его отношеніяхъ къ народу!.. Такъ можетъ говорить только человѣкъ, совѣсть котораго *безупречна*: ни одной пустой фразы, ни одного лишняго слова для украшенія рѣчи, которая льется гармонически, какъ воды широкихъ русскихъ рѣкъ.

Будь благословенна память такихъ дѣятелей!

[3]) Первый умеръ въ тихомъ умопомѣшательствѣ, второй убитъ на дуэли въ 1836 г. 29 января (27-го раненъ).



1868 г.

Газеты и журналы о митрополитѣ Филаретѣ. — Митрополитъ Филаретъ и Пушкинъ.

5 января. Благослови, Господи, новый годъ, новый трудъ и новую борьбу честныхъ людей со зломъ!

Нынче, въ послѣднихъ номерахъ «Московскихъ Вѣдомостей» и «Москвы» и др. печати много пишется о великомъ духовномъ посмертномъ торжествѣ блаженно-почившаго митрополита Филарета. «Московскія Вѣдомости» съ особенной любовью помѣщаютъ въ своихъ столбцахъ все, относящееся до девятидневнаго пребыванія останковъ святителя среди Москвы и въ Троице-Сергіевской лаврѣ. Болѣе замѣчательныя слова митрополита Филарета сообщаются народу. Мы читаемъ, читаютъ классныя и нѣкоторыя дамы и въ свою очередь передаемъ дѣтямъ, — пусть и онѣ знаютъ «*своихъ великихъ людей*».

Нѣтъ, не угасъ свѣтильникъ церкви! Нѣтъ, духъ его, оставшійся въ его твореніяхъ, въ запискахъ, въ душахъ, знавшихъ его и внимавшихъ его вдохновеннымъ словамъ, — этотъ животворный духъ подкрѣпитъ слабѣющаго, подниметъ падающаго и оживитъ умирающихъ духовно!

Рѣдкое въ Россіи торжество совершалось при его погребеніи; и то торжество б[illegible] народнымъ, незаказнымъ, не дѣланнымъ или вздуты[illegible]дъ стекался тысячами и съ

ФИЛАРЕТЪ
Митрополитъ Московскій.
(† 1867 г.).

непокрытой головой, въ благоговѣйномъ молчаніи встрѣчалъ тѣло святителя, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ.

Да, Филаретъ — слава русской и православной церкви, неувядаемая и несокрушимая слава!

Великій духъ усопшаго святителя отзывался на всѣ духовныя проявленія человѣчества; откликнулся онъ и на вопль отчаянія бѣднаго Пушкина, любимца моего, падавшаго часто и сознававшаго свое паденіе.

«Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?»[1])

съ тоской и страданіемъ говорилъ Пушкинъ среди окружавшей его пустоты и пошлости общества, въ которомъ онъ кружился. Тотъ вопль душевный былъ услышанъ митрополитомъ, и рѣчи *мира и любви* потекли изъ вдохновенныхъ устъ:

«Не напрасно, не случайно
Жизнь отъ Бога мнѣ дана.
Не безъ воли Бога тайной
И на казнь обречена.

Самъ я своенравной властью
Зло изъ темныхъ безднъ воззвалъ,
Душу самъ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ.

Вспомнись мнѣ, Забытый мною,
Просіяй сквозь сумракъ думъ!
И созиждется Тобою
Сердце чисто, правый умъ!..»

Пушкинъ умилился словами святителя и въ поэтическихъ образахъ передалъ чувства, наполнявшія душу его при чтеніи тѣхъ завѣтныхъ словъ:

---

[1]) См. соч. А. С. Пушкина „26 мая 1828 г.“

«Въ часы забавъ иль праздной скуки,
Бывало, лирѣ я моей
Ввѣрялъ изнѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавый
Меня внезапно поражалъ.

Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ,
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.

И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты —
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.

Твоимъ огнемъ душа палима
Отвергла мракъ земныхъ суетъ;
И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ [2])».

Всенародный святитель простираетъ руку помощи духовной *всенародному поэту* [3]) и врачуетъ раны души его елеемъ словъ священныхъ!

[2]) (Сочин. А. С. Пушкина изд. Суворина 1887 г. т. IV. Стансы отвѣтъ митр. Филарету). Варіантъ послѣдняго куплета:

„Твоимъ огнемъ душа согрѣта
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ гласу Филарета
Въ священномъ ужасѣ поэтъ".

(„Душепол. Чт." іюнь 1899 г. ст. 301)

[3]) Мы, какъ очевидцы празднованія столѣтія со дня рожденія (26 мая 1899 г.) Александра Сергѣевича Пушкина, можемъ воочію убѣдиться, какъ иностранцы интересуются произведеніями нашего геніальнаго поэта. (См. иностр. корреспонденціи).

Александръ Пушкинъ

(Род. 1799 г. † 1837 г.).

Какой чудный образъ!

Филаретъ и Пушкинъ!

Кажется, что есть общаго между ними? Между тѣмъ великій проповѣдникъ слова Божія понялъ, что много свѣта, теплоты и любви кроется въ томъ заблуждающемся и вѣчно страждущемъ поэтѣ; и жаль ему стало погибающихъ даромъ силъ, свѣтлаго ума, добраго сердца; онъ поднялъ падавшаго и утѣшилъ страждущаго! — Кого же не въ состояніи утѣшить и поднять свѣтъ Христова ученія?..

Благословенна да будетъ память твоя, человѣкъ Божій! Много слезъ осушилъ ты! Много ранъ исцѣлила благодать, дарованная тебѣ отъ Бога.

Воспоминаніе о кончинѣ Императора Николая I-го.—Раутъ у М. С. Корсакова.—Отношеніе Корсакова къ Нутѣ.—Подарокъ Нутѣ отъ Государыни.—Забота сестры о сослуживцахъ.

18 февраля. Скорбью и тревогой наполнялись сердца русскихъ 13 лѣтъ тому назадъ: въ эти дни скончался покойный Государь, во время кровопролитной войны и всеобщаго страха за тяжелый исходъ той войны и за грядущее царствованіе новаго Государя [1]). Исходъ, правда, былъ немного непріятенъ для насъ но за то грядущее царствованіе обильно благодѣтельными преобразованіями, во главѣ которыхъ стоитъ освобожденіе крестьянъ.

Такъ боится человѣкъ не того, чего нужно опасаться...

Сегодня раутъ у Михайла Семеновича Корсакова [2]), вернувшагося вчера изъ Петербурга,—весь городъ тамъ; Нута тоже отправилась къ нему съ одной изъ классныхъ дамъ и съ пепиньеркой. Михаилъ Семеновичъ пріѣзжалъ самъ приглашать, стало быть было бы невѣжливо не ѣхать. Перемѣ-

[1]) См. зап. ч. 1-я. 1855 г. 25 и 27 февраля. 1, 4, 5 и 31 марта (стр. 313—322).

[2]) Корсаковъ, см. 1869 г. 3 янв. пр. 2.

нился онъ очень въ девять лѣтъ губернаторства. и въ свои 40 лѣтъ совершенно сѣдой. Въ отсутствіи онъ пробылъ годъ и три мѣсяца, наконецъ возвратился въ управляемый край.

Дай, Господи, миръ въ отношеніяхъ его къ Нутѣ. Сегодня, правда, онъ былъ очень любезенъ, но... но нѣтъ ничего вѣрнаго въ людяхъ: доказательствомъ служитъ предполагаемое сердце на Нуту еще... до сихъ поръ.

Къ концу же прошедшаго года произошло что-то странное, необъяснимое. 20 ноября, наканунѣ «Введенія во храмъ», приносятъ повѣстку на полученіе подарка отъ Государыни за выпускъ. Посылаемъ на почту, и оттуда привозятъ прекрасную рубиновую брошь, осыпанную алмазами, и очень милостивый рескриптъ [3]), писанный въ Ливадіи 24 сентября, при рескриптѣ поздравительное письмо отъ Его Высочества Принца Ольденбургскаго.

Съ первою почтою, т. е. 24 ноября, Анна Петровна благодарила Государыню письмомъ, копія съ котораго хранится у насъ, а также и принца Ольденбургскаго—за представленіе къ наградѣ. Въ послѣднемъ письмѣ она, между прочимъ, просила: «какъ ни счастлива я высокимъ вниманіемъ Ея Императорскаго Величества, но радость моя не будетъ полна до тѣхъ поръ, покамѣстъ мои сослуживицы и сослуживцы не получатъ вознагражденія; только ихъ добросовѣстному труду, ихъ усердному содѣйствію моимъ начинаніямъ обязана я успѣхомъ ввѣреннаго мнѣ заведенія; поэтому прошу Ваше Императорское Высочество обратить Ваше милостивое вниманіе...» и т. д.

На дняхъ, на масляницѣ, получена бумага отъ 31 декабря, за подписью Принца, о назначеніи наградъ всѣмъ служащимъ, представленнымъ Нутою въ прошедшемъ году.

Между тѣмъ, мѣсяцъ назадъ, пріѣхалъ курьеръ отъ Михаила Семеновича и сообщилъ Нутѣ что Михаилъ Семено-

[3]) См. зап. ч. I-я, стр. 423 въ г

Генер.-Губерн. Восточной Сибири

Михаилъ Семеновичъ КОРСАКОВЪ.

вичъ, при возвращеніи въ *Иркутскъ*, лично переговорить о представленіяхъ служащихъ въ институтѣ?!

Сегодня онъ самъ сознался, что совершенно помимо его все получено въ институтѣ, о чемъ онъ даже и не зналъ.

Кто же это, какой добрый человѣкъ напомнилъ Государынѣ о забытой сестрѣ [4]), которой, не смущаясь, отказывали въ слѣдуемыхъ ей, по закону, наградахъ? Какимъ образомъ вспомнили ее въ Ливадіи и одной изъ всѣхъ, служащихъ въ институтѣ, оказали вниманіе; правда въ продолженіи девяти лѣтъ всѣхъ служащихъ награждали, и даже щедро, вѣроятно походатайству Принца Ольденбургскаго.

Все это очень странно, и мы не знаемъ, кому обязаны...

Пусть же Господь утѣшитъ неизвѣстнаго добраго человѣка. Это вниманіе со стороны Государыни даетъ нѣкій *вѣсъ въ обществѣ*, — что положительно *необходимо* здѣсь сестрѣ, какъ начальницѣ института.

Но все исходитъ отъ Господа и доброй Государыни: Господь смирилъ, Господь возвысилъ: благослови, душа моя, имя святое Его!

Значеніе и поддержка начальницы въ провинціальномъ обществѣ.

7 марта. Не «вѣсъ» собственно нуженъ сестрѣ, но *поддержка* обществомъ института, на который смотрятъ съ пренебреженіемъ, и его оскорбляетъ безнаказанно всякій, если знаютъ, что въ Петербургѣ неблагосклонно относятся къ самой начальницѣ.

Что-жъ дѣлать? Мы еще совсѣмъ дѣти, хотя считаемъ себя взрослыми... Но одни-ли мы такіе? Взгляните на такъ называемые «передовые народы»: все та же пѣсня на разные

---

[4]) См. 29 іюля 1866 г.

лады. Человѣчество еще въ пеленкахъ, хотя и староватоемножко.

Когда-то будутъ цѣнить людей лишь по личнымъ достоинствамъ?..

Проѣздъ чрезъ Иркутскъ высокопреосвященнаго Иннокентія, назначеннаго митрополитомъ Московскимъ.

19 апрѣля. Сегодня мы слушали обѣдню въ наящ... архіерейской церкви: служилъ самъ преосвященный Парееній: въ алтарѣ стояли во время службы: новый митрополитъ Московскій Иннокентій [1], бывшій сибирско-американскій миссіонеръ, и преосвященный Веніаминъ, заступающій мѣсто отъѣзжающаго архипастыря.

Послѣ обѣдни мы зашли къ преосвященному, чтобы проститься съ митрополитомъ. Онъ—добрый старикъ и очень любимъ въ Иркутскѣ: хотя мы его знаемъ очень мало. Онъ былъ прежде раза два у Анны Петровны и въ нынѣшній пріѣздъ былъ тоже два раза:—лицо у него доброе, почтенное. Въ два часа къ нему явилось купечество и вмѣстѣ съ нимъ отправилось въ соборъ, гдѣ преосвященный Веніаминъ служилъ напутственный молебенъ въ присутствіи всѣхъ властей города. Изъ собора владыка въ экипажѣ отправился на перевозъ и проведетъ ночь въ Вознесенскомъ монастырѣ: съ нимъ поѣхалъ преосвященный Веніаминъ,

[1] Всѣ трое миссіонеры, но безусловно выдающійся изъ нихъ высокопреосвященный Иннокентій, въ мірѣ Иванъ Евсѣевичъ Поповъ, переименованный въ Веніаминова. Замѣчательный дѣятель. Имя его и до сихъ поръ съ благоговѣніемъ воспоминается среди инославныхъ христіанъ, особенно же въ сѣверо-восточной Сибири и въ американской Аляскѣ с Алеутскими островами. Умеръ въ санѣ митрополита Московскаго. См. „Иннокентій митр. Московскій и Коломенскій, по его сочиненіямъ, письмамъ и разсказамъ современниковъ" Ив. Пл. Барсукова, М. 1882.

Епископъ Митроп. Московскій Епископъ

мейная служба владыки: преосвященный митрополитъ ѣздилъ въ Ангинское селеніе помолиться на могилѣ *отца*. 15 апрѣля совершилъ литургію и панихиду въ кладбищенской Іерусалимской церкви по похороненнымъ тамъ его матери. женѣ и дѣтямъ. Старецъ горько плакалъ, прощаясь съ родными могилами...

Послѣ торжественнаго, прощальнаго служенія протоіерей Громовъ произнесъ ему слѣдующее:

„Высокопреосвященнѣйшій владыко! Когда была твоя первая молитва въ этомъ соборномъ храмѣ, въ которомъ совершилъ теперь послѣднее служеніе?

„Когда дитятею вступилъ въ среду питомцевъ семинаріи?

„Сегодня помолился ты въ послѣдній разъ подъ сводами святилища, хранящаго слѣдъ стопъ прославленнаго Первосвятителя Иннокентія, которому сопмененъ ты.—Храмъ не измѣнился; но какъ десницею Всевышняго измѣненъ ты, Богоизбранный!—Когда, слишкомъ за шестьдесятъ лѣтъ, въ кругу сверстниковъ, духовныхъ питомцевъ, появился привезенный изъ селенія, скудно, по сиротству одѣтый, девятилѣтній отрокъ,—кто бы сказалъ въ то время, что это будущій святитель и даже первосвятитель Московской каѳедры?

„Господь удивилъ непостижимостью судебъ своихъ не столько надъ тобою, сколько надъ отдаленною нашею страною, надъ нашимъ градомъ, закинутымъ въ глубину Сибири, къ которому идутъ теперь слова: И ты, Иркутскъ, еда малъ еси между областями Россіи?—Изъ тебя изшелъ духовный вождь, котораго насѣяніе началось надъ племенами, большею частью не сущими отъ двора Христова, и должно окончиться на древнѣйшей пажити православія.

„Благоговѣемъ предъ совершившимся и предъ совершающимся и молимъ Господа, молимъ Заступницу усердную препроводить тебя къ матери градовъ, нетерпѣливо ожидающей твоего пришествія здраво и невредимо, а тамъ хранить тебя мирна и долгоденствующа".

Во время рѣчи каплями слезы лились по лицу старца-апостола.

«За все благодареніе Господу, милующему насъ недостойныхъ»,—вотъ былъ смыслъ отвѣта святителя, какъ сообщали.

20 апрѣля, въ субботу, его высокопреосвященство совершилъ литургію въ Вознесенской обители и, послѣ трапезы у настоятеля, въ послѣдній разъ (по разсчетамъ чело-

ПЕРВЫЙ РУССКІЙ ЕПИСКОПЪ ВЪ АМЕРИКѢ

ИННОКЕНТІЙ

(съ 1868 г. Митроп. Московскій).

вѣческимъ), поклонился во святыхъ почивающему святителю Божію Иннокентію [3]); послѣдній разъ посмотрѣлъ на городъ, въ которомъ получилъ благодатно-плодотворное воспитаніе и изъ котораго предначалъ свое авраамовское странствіе [4]); въ послѣдняя благословилъ Иркутскъ, бывшій въ виду, и, конечно, мысленно благословилъ Благовѣщенскъ, весь Амуръ, весь Востокъ Сибири и Аляску, составлявшія его паству, и скрылся отъ насъ навсегда.

Прости и молись, святитель, за насъ... Встрѣчай и береги чуднаго пастыря, златоглавая, бѣлокаменная!

Кто бы могъ истолковать Бетховена творческіе порывы.—Книга Ленца о Бетховенѣ.

29 мая. Вчера почта привезла мнѣ давно жданныя книги: «Beethoven et ses trois styles».

Кончивъ уроки, я сѣла къ письменному столу, разложила предъ собою Бетховена [1]) сонаты, тріо, симфоніи и, какъ голодный человѣкъ, набросилась на книгу, не имѣя терпѣнія читать послѣдовательно, а выбирая отрывки, чтобы утолить первую жажду, и не зная, на чемъ остановиться: хочется и того, и другого, и всего. Послѣ я примусь за дѣло съ большей послѣдовательностью; но на первый разъ, я страхъ какъ обрадовалась разъясненію мыслей великаго музыкальнаго творца. Краткій, бѣглый обзоръ очерка не удовлетворилъ меня;—правда, лучше сумерки, чѣмъ непроглядная темная ночь; спасибо Ленцу, что онъ хоть иное разъяснилъ, какъ могъ, но мнѣ этого слишкомъ мало. Если

---

[3]) Въ 5-ти верстахъ отъ Иркутска. (См. 1858 г. 25 окт., пр. 4).

[4]) См. біографію М. Иннокентія. И. П. Барсукова. Портретъ снятъ съ рѣдкой американской гравюры 40-хъ годовъ, любезно предоставленной внукомъ владыки свящ. о. Іоанномъ Веніаминовымъ.

[1]) Бетховенъ—величайшій композиторъ XIX стол. Род. 1770 г. въ Боннѣ и † 1827 г. въ Вѣнѣ.

бы о Бетховенѣ писало близкое, любящее его существо, слѣдившее за всею внутреннею его жизнію, за проявленіями его творческаго духа,—существо, понимавшее не только грамматически, но мыслію и сердцемъ міръ звуковъ,—тогда можно было бы вѣрнѣе истолковать творческіе порывы Бетховена; тогда можно было бы разсказать повѣсть всѣхъ сонатъ и симфоній со всѣми душевными ощущеніями, изъ которыхъ вылились эти чудныя *творенія*. Раздѣливъ на группы всѣ творенія Бетховена, можно было бы охарактеризовать ихъ въ короткихъ словахъ. Сильно страдая временами, Бетховенъ всѣ накипѣвшія слезы выплакалъ въ заунывныхъ звукахъ, въ надрывающихъ душу аккордахъ, вызывающихъ то же настроеніе въ исполнителяхъ и слушателяхъ: это первый отдѣлъ. Второй—чистая, стройная мелодія, носящая отпечатокъ яснаго, спокойнаго состоянія духа поэта. Третій—носитъ характеръ восторженности подъ вліяніемъ взаимной любви; то—торжествующая пѣснь счастія, страсти, упоенія и вѣры въ безконечность чувства любви. Есть еще одно твореніе его, но оно стоитъ особнякомъ, рѣзко выдѣляясь между прочими музыкальными произведеніями: оно все проникнуто духомъ безсмертія, возвышается надъ землею и уноситъ слушателя въ вѣчный, безпредѣльный, таинственный міръ. Бетховенъ, работая, запирался на цѣлые мѣсяцы, и одинъ Господь знаетъ, что думалъ, что чувствовалъ онъ въ тѣ дни поста и уединенія. Никто не передаетъ его вдохновеній, никто не разгадаетъ думъ его тайныхъ.

Отчего не передать бы—любящей сестрѣ, гордившейся геніальнымъ братомъ? Сколько могла бы она разсказать о жизни брата! Сколько напечатать писемъ!

У Ленца [2]) описаніе трехъ стилей представляетъ собой только остовъ, кой-гдѣ облеченный плотью. Вчера я цѣлый

[2]) Ленцъ (Вильгельмъ), уроженецъ г. Риги (1809—83). Музыкальный критикъ. Капитальное его произведеніе „Бетховенъ и его три стиля“.

Его Императорское Величество
Государь Императоръ
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ,
въ бытность Наслѣдникомъ Цесаревичемъ.

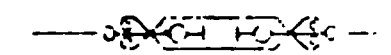
Ея Императорское Величество
Государыня Императрица
МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА,
въ бытность Цесаревною.

день до поздняго вечера не отрывалась отъ книги. Лучшая часть—четыре письма Бетховена, въ одномъ изъ которыхъ—къ нашему князю Голицыну—онъ говоритъ за мѣсяцъ или за два до смерти: «Es scheint mir kaum hatte ich einige Noten geschrieben» *)

Какая геніальная скромность!

Впрочемъ, я говорю только подъ первымъ впечатлѣніемъ; прочла еще очень мало, такъ какъ больше слѣжу по музыкальнымъ партиціямъ и повѣряю слова Ленца. Біографическаго очерка его еще не читала; можетъ быть, отнесусь снисходительнѣе къ честному труду, за который весьма благодарна Ленцу. Хоть проблескъ, хоть нѣсколько лучей,—и за то спасибо.

Спѣшу на уроки: ждетъ Вѣра Петровичъ, обѣщающая очень много.



Рожденіе Его И. В. Великаго Князя Николая Александровича.—Дѣдушка новорожденнаго по воспоминаніямъ моей юности.

9 іюня. У Цесаревича, Наслѣдника престола, родился 6 мая сынъ Великій Князь Николай Александровичъ [1]).

Сегодня въ Иркутскѣ во всѣхъ церквахъ идутъ молебны о новорожденномъ; у насъ, въ дѣтской церкви, тоже молятся.

Что ждетъ этого царственнаго младенца? Невольно задумаешься надъ его колыбелью, видя, какъ все непрочно, и самые престолы рушатся на Западѣ...

— Господи, сохрани и просвѣти эту младую душу Твоимъ Божественнымъ свѣтомъ и согрѣй ее любовью: да будетъ

*) „Кажется мнѣ, что я сегодня написалъ ноты".

[1]) Нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ Николай II.

онъ благъ, правосуденъ, и да содѣйствуетъ словомъ и дѣломъ и всею жизнью нравственному улучшенію, слѣдовательно и благополучію народа, надъ которымъ будетъ царствовать.—Вотъ уже и дѣдушка нашъ возлюбленный Александръ Николаевичъ! А у меня въ памяти «дѣдушка» живетъ еще такимъ, какимъ видѣла его тридцать лѣтъ назадъ въ Саратовѣ [2]): стройный, молоденькій; его продолговатое, бѣлое лицо, правильныя черты и чудные голубые глаза, свѣтящіеся ангельскою добротою, его чистый, звучный голосъ, который все бы слушала... Такъ и умру, не видавъ измѣнившагося, постарѣвшаго лица, и не желаю его видѣть... Душа Его осталась все та же.

Образъ же Государя проносится въ жизни моей, какъ чистое, свѣтлое видѣніе; Господь да сохранитъ его!

Вѣра Петровичъ. — Шопенъ. — Южно-русскіе мотивы въ произведеніяхъ Шопена.—Воспоминаніе о ранней порѣ дѣтства.

12 іюня. Моя Вѣра [1]) играетъ въ другой комнатѣ извѣстный «valse mélancolique» Шопена [2]); всѣ ноты такъ жалобно поютъ и столько слезъ въ тѣхъ звукахъ, что душа ноетъ... «Pauvre Chopin»! говоритъ Вѣра: «pourquoi la valse est si triste?

«Il était donc bien malheureux».

«Oui, il se sentait malheureux».

«Et pourquoi *)»?

[2]) См. зап. ч. 1-я, стр. 103—109. 387—394 и мн. др.

---

[1]) Вѣра Григор. Петровичъ. См. 1867 г. 17 мая. пр. 4 и 1868 г. 12 іюня.

[2]) Шопенъ, Фридрихъ-Францъ—знам. піанистъ-композиторъ. Воспитыв. въ Варшавѣ и † 1849 г.

*) «Отчего такой грустный вальсъ?..» «Онъ былъ, вѣроятно, очень несчастливъ?» «Да, онъ чувствовалъ себя несчастнымъ». «Отчего?»

Прошу отвѣчать пятнадцатилѣтней дѣвочкѣ, отчего поэтъ былъ несчастливъ. Кто угадаетъ тайны души человѣческой, если она сама ихъ не раскроетъ міру? Страданія видятся и слышатся, но причины ихъ не угадать.

Бѣдный Шопенъ! большая часть его произведеній проникнута грустью и тоской безнадежной; скорбь его изливается въ нѣжныхъ, томительныхъ звукахъ, полныхъ гармоніи; глаза заволакиваются слезами, сердце щемитъ,—а все слушаешь заунывную мелодію, будто знакомую пѣснь о чемъ-то родномъ, далекомъ; о какомъ-то горѣ прошедшемъ, которое вспыхиваетъ зарницей въ воспоминаніяхъ...

А звуки все льются и льются... Моя Вѣра сама увлекается.

Но какъ много южно-русскихъ напѣвовъ у Шопена; даже въ этомъ вальсѣ звучатъ мнѣ знакомые мотивы, слышанные давнымъ давно подъ южнымъ небомъ, среди кіевскихъ и черниговскихъ полей.

Ничего не осталось во мнѣ изъ того, что существовало въ первые годы дѣтства, проведеннаго среди роскошной, благоухающей природы; но память сохранила все, что видѣли очи и что слышали уши; помню до мельчайшихъ подробностей все слышанное, но никогда, никогда не передамъ;—пусть со мной умрутъ всѣ тѣ воспоминанія...

Да, у Шопена часто слышатся напѣвы русскихъ народныхъ пѣсенъ; вѣрно, онъ много зналъ ихъ и запечатлѣлъ въ своей памяти, воспользовавшись ими для своихъ музыкальныхъ произведеній. Одна пѣснь, особенно любимая покойной матерью, которую я сама распѣвала, едва выучившись говорить,—переложена Листомъ, какъ шопеновское произведеніе. Между тѣмъ она прямое достояніе нашей Малороссіи и начинается словами: «Вѣютъ вѣтры, вѣютъ буйные» и пр. Помню, какъ, бывало, гуляя въ кіевскомъ саду, заливалась я, выводя дѣтскимъ голоскомъ заунывный напѣвъ, не понимая смысла словъ пѣсни...

— Странно, дико подумать, что было время, когда я была кудрявымъ, рѣзвымъ ребенкомъ, баловнемъ матери и маленькимъ «бѣсенкомъ» въ домѣ. Что осталось отъ того розоваго дитяти?..

Страшно!..

Но благо Провидѣніе, Его законы неизмѣнны для всѣхъ живущихъ на землѣ...

Благослови, душе моя, Господа и не забывай благодѣяній Его!

Восторгъ отъ игры Вѣры и мысль объ ея артистической будущности.

27 іюня. Вотъ цѣлый часъ Вѣра играетъ попеременно мои два любимые ноктюрна Шопена; кажется, она не можетъ вдоволь наслушаться этихъ выстраданныхъ звуковъ, въ которыхъ композиторъ излилъ всю скорбь своей страждущей поэтической души. Между тѣмъ нѣтъ духу сказать: «полно, Вѣра; замолкни, душа моя»...

— Но, какъ играетъ Вѣра! Какое пониманіе смысла музыки...

Господи, благослови эту юную артистку въ будущемъ.

Лермонтовъ.

14 сентября. На дняхъ попался мнѣ Лермонтовъ [1]. Какъ за стараго, любимаго друга, берусь за него.

Сколько мыслей мелькало въ умѣ мальчика, и какъ рано сталъ онъ жить. Въ 20-мъ году ему было только 15 лѣтъ.

[1]) Лермонтовъ, Мих. Юрьевичъ (1814—1841 г.).

Между тѣмъ какія тяжелыя думы свинцомъ ложились на юное сердце...

Да, онъ рано началъ скорбѣть и быстро угасъ. А сколько свѣта могъ онъ внести въ нашъ мрачный и безсердечный міръ...

«Грядущее тревожитъ грудь мою:
Какъ жизнь я кончу; гдѣ душа моя
Блуждать осуждена; въ какомъ краю
Любезные предметы встрѣчу я?»...

Тѣ же завѣтные вопросы тревожили и мою юность. Загробная жизнь занимаетъ меня съ самыхъ отроческихъ лѣтъ [2]).

«Мнѣ жизнь все какъ-то коротка,
И все боюсь, что не успѣю я
Свершить чего то»,—говорилъ Лермонтовъ 15-ти лѣтъ.

* * *

«Я предузналъ свой жребій, свой конецъ.
И грусти ранняя на мнѣ печать;
И какъ я мучусь, знаетъ лишь Творецъ;
Но равнодушный міръ не долженъ знать.
И не забыть—умру я. Смерть моя
Ужасна будетъ; чуждые края
Ей удивятся, а въ родной странѣ
Всѣ проклянутъ и память обо мнѣ.
Кровавая меня могила ждетъ,
Могила безъ молитвъ и безъ креста»...

Какое странное предчувствіе ранней насильственной смерти, и даже *могилы безъ креста*, и даже укора, преступнаго въ родномъ краю!

Помню, какъ равнодушно встрѣтили въ Петербургѣ роко-

---

[2]) См. записки смол. ч. 1-я стр. 5. 16. 371. 126. 142 и др.

роковую вѣсть о смерти поэта, и помню слова умнаго и даже добраго человѣка: «злой злѣ й погибе». Но не думайте, что это сказало какое-нибудь духовное или вѣрующее лицо. Напротивъ, приговоръ строгій выраженъ послѣдователемъ Вольтера и французскихъ философовъ XVIII-го столѣтія, человѣкомъ, которому не чужда была и поэзія... Больно слышать такой приговоръ, но въ обществѣ о поэтѣ ходили дурные слухи, и никто не жалѣлъ *погибшаго*, который уже въ началѣ жизни могъ сказать столь многое... Даже здѣсь, въ Иркутскѣ, двое служившихъ съ Лермонтовымъ на Кавказѣ и присутствовавшихъ при его ссорѣ съ Мартыновымъ наканунѣ поединка, встрѣтившись со мною, говорили съ ожесточеніемъ о Лермонтовѣ и оправдывали Мартынова. Только нашъ добрый Бенедиктовъ [4]) отзывался о немъ съ большой похвалою.

Бѣдный поэтъ! Мои оба любимца погибли одинаково

[4]) Не одна Варвара Петровна такъ сердечно вспоминаетъ В. Г. Бенедиктова. Въ Имп. восп. об. бл. дѣвицъ въ 50-хъ гг. его, если не ошибаемся, обожали. Одна, напр., воспитанница дортуара Варвары Петровны, вып. 1854 г., до сихъ поръ здравствующая — Ел. К. Кл—ко не согласилась учителю рус. словесности Лучицкому повторить о недостаткахъ поэзіи Бенедиктова ни на послѣднемъ урокѣ, ни на экзаменѣ. За это ей, весьма успѣшной въ наукахъ, было сбавлено нѣсколько балловъ. Узнавши объ этомъ, Вл. Гр. прислалъ ей слѣдующее:

„ПОСЛАНІЕ“

Я, васъ окинувъ первымъ взглядомъ,
Проникъ—парнасскій инвалидъ,
Что рьянымъ огненнымъ каскадомъ
Въ васъ ключъ поэзіи кипитъ.
Взглянулъ я вѣрными глазами:
Потомъ вы мнѣ сказали сами,
Открывъ частицу тайнъ своихъ,
Что въ сердце вамъ, то искры сыплетъ,
То это-жъ сердце рветъ и щиплетъ
Волшебный Лермонтова стихъ;
Что и на классной вы скамейкѣ
Соучеництъ въ семьѣ большой
Поэта музѣ-чародѣйкѣ

отъ вражьей руки! Вдохновенный Пушкинъ убитъ также безвременно и напрасно!

Михаилъ Фарадей по статьѣ „Русскаго Вѣстника".

3 ноября. Благодѣтельно подѣйствовала на меня статья «Русскаго Вѣстника»: «Михаилъ Фарадей» [1]. Слеза умиленія и радости заблестѣла на глазахъ, когда прочла я люби-

Ввѣрялись бойкою душой?
Къ тому-жъ,—еще одной догадкой
Я увлекаюсь: вѣрно вы,
Ловя созвучія украдкой,
Хоть для себя,—не для молвы,
Мечтой налётною согрѣты,
Хоть въ шутку, пробуя перо,
Слагали въ мѣрные куплеты
Словъ задушевныхъ серебро?
Я,—мнится, вижу: думы тучка
Къ вамъ на чело бѣжитъ, бѣжитъ...
И ваша трепетная ручка
Надъ робкой рифмою дрожитъ.
Бывало-ль такъ? Признайтесь въ этомъ!
И я безмѣрно буду радъ,
По-братски, васъ назвать поэтомъ,
И вы мнѣ скажете: „собратъ"!
Мой стихъ—старинный мой мучитель,
Увы!—и вамъ онъ повредилъ,
Monsieur Лучицкій,—вашъ учитель,—
Меня предъ вами осудилъ,
И—дѣльно: я не подходилъ
Подъ сводъ его учебныхъ правилъ.
Дитя небеснаго огня,
— Вы заступились за меня!
За это онъ вамъ балловъ сбавилъ
И пострадали вы потомъ,
Но за невинное страданье

[1]) Царь современной физики, въ частности электро-техники. Расцвѣтъ его дѣятельности падаетъ на сороковые годы настоящаго столѣтія.

мый текстъ проповѣдей величайшаго изъ современныхъ физиковъ: *«слово Божіе да будетъ, какъ молотъ, разбивающій скалу, и да покоритъ оно Господу всякую мысль, гордую и суетную»*.

Стало быть, высшее знаніе таинствъ природы не только не мѣшаетъ быть христіаниномъ, но, напротивъ, только вѣрующій можетъ расширить предѣлы своего умственнаго кругозора.

Ньютонъ, Кеплеръ, Коперникъ, Фарадей—все это глубоко-вѣрующія личности, стоящія высоко надъ уровнемъ общества. Просвѣтленные Божественнымъ словомъ, они, кажется, съ благоговѣніемъ изучаютъ творенія Господа и, познавая вѣчную премудрость Его въ тѣхъ твореніяхъ, сами какъ будто ищутъ приблизиться къ образу Божію чистотою и смиреніемъ въ своей жизни.

«Фарадей», какъ говорится въ статьѣ, былъ отъ природы раздражителенъ и гордъ, но благодаря разумному воспитанію и высокому образованію, онъ обратилъ сжигавшій его огонь во внутренній жаръ и движущую силу жизни вмѣсто

Судьба—о, я увѣренъ въ томъ.—
Стократь пошлетъ вамъ воздаянье:
И не одинъ блестящій балъ
Нашъ бальный свѣтъ для васъ прибавитъ
И васъ забыть того заставитъ,
Кто баллы въ классѣ вамъ сбавлялъ!
Изъ вашей памяти изгнанью
Онъ подвергался-бъ навсегда!..
Но,- если этому посланью
Не недоступна череда
Порой бывать предметомъ чтенья,
Лучицкій, въ случаѣ такомъ,
Спасенъ отъ вашего забвенья
Моимъ услужливымъ стихомъ,
И мнѣ быть долженъ благодаренъ
За то, что будетъ лучезаренъ
Онъ вашей памятью о немъ.

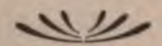
В. Бенедиктовъ.

1852 г.

внутренняго опустошенія въ безплодныхъ страстяхъ. Для достиженія нравственнаго совершенства, которымъ отличалась вся жизнь великаго труженика, было необходимо сознаніе безсмертія души, находящейся всегда въ присутствіи Божіемъ. И работалъ онъ надъ переломомъ своей гордой воли и гнѣвливыхъ порывовъ, молился онъ, призывая на помощь Всевышняго; и слово Божіе, какъ огонь, пожгло всѣ тернія и возрастило чистое зерно въ душѣ его: кротость сіяла въ глазахъ его, и привѣтливое слово звучало въ устахъ Фарадея.—Чрезъ 27 лѣтъ послѣ женитьбы писалъ онъ: «между всѣми воспоминаніями и событіями отмѣчаю время одного, которое, *какъ источникъ чести и счастья*, превосходитъ всѣ прочія: я женился 12 іюня 1821 г.» Каковъ долженъ быть человѣкъ, который по прошествіи 30 лѣтъ такъ высоко цѣнитъ свое семейное счастіе!..

Тронуло меня также его благородное воспоминаніе о г-жѣ Марсе, которую онъ называлъ своею первою учительницей, потому что первыя свѣдѣнія о химіи и электричествѣ онъ заимствовалъ изъ ея «разговоровъ о химіи». «Вы легко вообразите радость, которую испыталъ я впослѣдствіи, лично познакомившись съ г-жею Марсе. Какъ часто мысль моя переносилась въ прошлое, соединяя прошедшее и настоящее; какъ часто, посылая ей какое-нибудь сочиненіе, какъ даръ благодарности, думалъ я о первой моей учительницѣ».

Сохранить въ себѣ столько признательности и благодарности можетъ только высоко-нравственный умъ! Какъ благоговѣю предъ такими личностями!.. Какими свѣтильниками служатъ они во мракѣ окружающей насъ неблагодарной среды!..



Воспоминаніе о смерти отца.

9 декабря. Много лѣтъ тому назадъ, когда еще ярко игралъ румянецъ на молодомъ моемъ лицѣ и кудрями раз-

сыпались густые волосы, горько я плакала въ этотъ день: кончался «родной» и вечеромъ, послѣ христіанскаго напутствія, отошелъ въ вѣчность [1]).

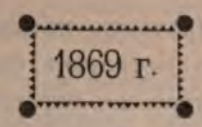
Сегодня цѣлый день неотступно предо мною стоитъ изнеможенный, тоскующій, холодный ликъ его. Уже такъ давно все это совершилось: ужъ сама я состарѣлась, и волосы побѣлѣли; а онъ такъ отчетливо предо мною, какъ въ тотъ роковой вечеръ, и съ тоскою глядитъ на меня.

Отецъ милый! То была-ли тоска по жизни, страхъ-ли смерти, или жалость за покидаемыхъ дѣтей, за бѣдную «твою Варю», гордую, впечатлительную и горячую? Если за меня страдалъ ты, родной, то не ошибся: много, много горя пришлось мнѣ выстрадать. Все предо мною рисуется «любимое» лицо съ блестящими глазами, съ смертной блѣдностью.

Покой, Господи, душу его въ царствіи Твоемъ!

Прощай, папа милый, до свиданія! Думаю, что теперь оно уже скоро настанетъ...

[1]) См. зап. ч. 1-я 1839 г. стр. 113—118



1869 г.

Мысли о музыкѣ и о произведеніяхъ Бетховена.

1 марта. Когда я хочу успокоиться, волнуясь всѣмъ, что слышу и читаю въ газетахъ, я запираюсь въ кабинетѣ Анны Петровны, беру хорошую книгу, гдѣ ничто не касается моей Руси возлюбленной, гдѣ ее не оскорбляютъ, не грабятъ, ей не измѣняютъ, не продаютъ иностранцамъ.., мало-по-малу увлекаюсь чтеніемъ, забываю настоящее, прошедшее, думы о будущемъ и становлюсь покойнѣе, веселѣе, мягче. Или возьму свою настольную книгу: «les trois styles par Bethhowen par Lenz» [1]), разложу предъ собой сонаты безсмертнаго творца, изучаю, стараясь понять его великія произведенія, и не замѣчаю, какъ летитъ время. Мнѣ тогда такъ становится хорошо, такъ ясенъ смыслъ и назначеніе «искусства для искусства», что непонятны даже споры изъ-за этого предмета, оглашавшіе печать въ продолженіе десятка лѣтъ.

Искусство (разумѣю музыку инструментальную или вокальную) есть само по себѣ цѣль жизни. Великій композиторъ геніальный Бетховенъ выше Гете, Шиллера и самого Шекспира. Понимающій Бетховена упивается звуками его чудной музыки и становится мягче, добрѣе, возвышеннѣе.— Все 'то чистые потоки вдохновенной гармоніи, льющіеся въ

[1]) См. 1868 г. 29 мая прим. 2.

душу, гдѣ эти благотворныя струи омываютъ всѣ раны душевныя...

Сегодня суббота масляницы; дала только два урока музыки, сижу одна и читаю Ленца, единственную извѣстную мнѣ книгу, изъ которой могу почерпать нѣкоторыя свѣдѣнія о Бетховенѣ.

Хотѣлось бы мнѣ прочесть письма о немъ извѣстной Беттины [2]); одно время Бетховенъ былъ сильно ею занятъ, по крайней мѣрѣ то видно изъ отрывковъ его писемъ. «Музыка есть предчувствіе небеснаго познанія; чѣмъ болѣе душа питается ею, тѣмъ болѣе, тѣмъ сильнѣе развивается музыкальное пониманіе. Тысячи играютъ на разныхъ инструментахъ, но немногіе понимаютъ смыслъ звуковъ. Въ основѣ музыки лежитъ нравственное чувство».—Такъ говорилъ Бетховенъ о своемъ искусствѣ; такъ передавала Беттина разговоры съ нимъ, изъ которыхъ я взяла это.

Дѣйствительно, немногіе изъ «такъ называемыхъ» музыкантовъ понимаютъ музыку; большинство изъ нихъ, «какъ и писатели», только пробавляются тѣмъ, что въ ходу въ извѣстное время. О любителяхъ и говорить нечего: они хвалятъ то, что «всѣ» хвалятъ и порицаютъ то, что въ данное время «принято порицать», будь то Бетховенъ или нашъ великій Глинка. Помню, какъ двадцать пять лѣтъ назадъ, при появленіи «Руслана», вмѣсто ареста угрожали гвардейскимъ офицерамъ оперой «Русланъ».—Вотъ вамъ и судьи высшаго общества! Не то-ли же было и съ Бетховеномъ?—Что писали о его 3-ей симфоніи? о «Фиделіо»? объ увертюрахъ къ ней?.. Только за четыре года до его смерти вѣнское «общество друзей музыки» утвердило Бетховена своимъ «почетнымъ» членомъ, въ то время, когда таковыхъ было множество и своихъ и чужихъ...

Надобно умереть, чтобы быть оцѣненнымъ по достоин-

---

[2]) Беттина-Арнимъ (Елизавета)—писательница (род. 1785 г.), весьма близкая къ знам. композитору.

ству. Послѣ всего этого стоитъ-ли говорить и сокрушаться о томъ, какъ у насъ въ Иркутскѣ... разбираются въ музыкѣ...

Великій постъ.—Стремленіе къ самосовершенствованію.—Размышленія о старости.—Старики Чурины.

6 марта. Люблю я дни великаго поста.

Въ «чистый» понедѣльникъ, поднимаясь въ нашу институтскую церковь, услышала первыя слова: *«Помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ»*.

Съ умиленіемъ, съ благоговѣніемъ крестясь, вслушивалась я въ завѣтныя Божественныя слова: *«Блаженни алчущіи правды, яко тіи насытятся; блаженни чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрять; блаженни плачущіи, яко тіи утѣшатся; блаженни милостивіи, яко тіи помилованы будутъ; блаженни миротворцы, яко тіи сынами Божіими нарекутся; блаженни гонимые за правду, ихъ бо есть царствіе небесное; блаженни, егда осудятъ васъ, изженутъ имени Моего ради». Такъ гнали всѣхъ пророковъ прежде васъ.*

Слушаешь, вдумываешься въ смыслъ небесныхъ рѣчей, углубляешься въ себя, видишь такую бездну нестройнаго, противнаго, что голосомъ мытаря повторяешь въ сердечномъ сокрушеніи: *«Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшной!»* И хочется *быть лучше* и сбросить съ души своей все бремя тяжелое, налагаемое постоянными житейскими столкновеніями и собственными своими недостатками: своею гордостью, вспыльчивостью, скоростью и мало-ли чѣмъ другимъ...

Нравственно я та же, что была тридцать лѣтъ назадъ. Тѣло старѣетъ, душа все та же. Хотя бы сколько-нибудь уменьшилась прежняя гордость, живость характера и болѣзненная впечатлительность! Когда эти недостатки замѣчаю за собою въ обществѣ, сдерживаюсь и молчу, но чуть не-

много забудусь, разойдусь такъ, что въ пору молодой дѣвушкѣ: «Une fois le pied dans l'étrier, m'ar rête qui peut» [1]. Стыдно даже... Мнѣ надо говорить теперь степенно, серьезно, прилично своимъ лѣтамъ; а я иногда, когда увлекусь чѣмъ нибудь, такъ и разольюсь неудержимымъ потокомъ,—какъ дѣвченка: ничего не подѣлать съ собой. Замолчу, должно быть, въ могилѣ; тогда ужъ совсѣмъ похолодѣю. Впрочемъ, Вольтеръ въ 84 года писалъ легкія стихотворенія пустенькаго содержанія; Пальмерстонъ [2]) такихъ же лѣтъ управлялъ цѣлымъ свѣтомъ; Buffon [3]) писалъ свои лучшія страницы въ 70 слишкомъ лѣтъ. Стало быть старость не мѣшаетъ живости ума и мысли. А мнѣ еще далеко до «совсѣмъ снѣжныхъ вершинъ»; надѣюсь не дойти до нихъ и, кажется, не желаю. Но, да будетъ воля Божія! Я давно собираюсь уходить, а все живу; стало быть нужна зачѣмъ нибудь.—Воля Божія.

Что же станется съ моимъ тѣломъ въ 80 лѣтъ?—Страшно подумать!.. Въ бытность свою классной дамой въ Смольномъ, я говѣла всегда въ Екатерининской церкви, что при Вдовьемъ домѣ [4]). Съ какимъ-то боязливымъ чувствомъ смотрѣла я на иныхъ дряхлыхъ старушекъ, которыя едва переступали, сморщенныя, сгорбленныя, полуслѣпыя. Глядя на нихъ,—думала: неужели и я доживу до такого полнаго разрушенія тѣла? Неужели заживо буду мертвецомъ на землѣ? Между тѣмъ было время, когда эти бѣдныя, жалкія существа жили полною жизнью дѣтства, юности и молодости. Когда взоръ многихъ изъ нихъ горѣлъ яркимъ пламенемъ любви, радости, «счастья»! Когда многихъ изъ нихъ любили страстно и, какъ дара, ждали ихъ привѣтливой улыбки на розовыхъ губкахъ! И вотъ во что превратилось когда-то

---

[1]) „Вдѣлъ ногу въ стремя, не оглядывайся назадъ".

[2]) Пальмерстонъ—лордъ. Дипломатъ, англійскій госуд. дѣятель. (См. зап. ч. 1-я стр. 271 пр. 7).

[3]) Бюффонъ (1707—1788 г.), Жоржъ-Луи Леклеръ—знамен. ученый.

[4]) См. зап. ч. 1-я [illegible] г. 11 ноябр. (стр. 296—298).

молодое, прекрасное созданіе! Гдѣ слѣды ихъ былой свѣжести и красоты ихъ прежняго обаянія?

Такъ размышляла я, глядя на вдовушекъ, проходившихъ и проводимыхъ мимо меня; инымъ изъ нихъ было лѣтъ по 90.

Правда, попадаются прекрасныя старушки. Въ Иркутскѣ есть славная парочка Чуриныхъ [5]), и мужу и женѣ болѣе чѣмъ по 70 лѣтъ, а бодры и очень напоминаютъ старосвѣтскихъ помѣщиковъ. Домикъ у нихъ на берегу Ангары чистенькій, весь въ цвѣтахъ; въ кладовыхъ всевозможныя соленья и маринованья. Александра Ильинишна завѣдуетъ сама всѣмъ хозяйствомъ; комнатка ея рядомъ съ кабинетомъ мужа, который для себя выписываетъ свѣтскіе журналы, а для жены—духовные.

«Вотъ Алексѣй Яковлевичъ непремѣнно мою комнату устроили подлѣ себя, чтобы не бѣгала я», шутитъ старушка.

Это та самая, которую сваталъ нынѣшній Московскій митрополитъ Иннокентій.

«Женишка-то какого просмотрѣла», говорила, смѣясь, Александра Ильинишна въ бытность митрополита, проѣздомъ, въ Иркутскѣ [6]).

Да, стало быть, сохраняется же бодрость старушекъ, которыя не только не въ тягость близкимъ, но и сами другихъ поддерживаютъ. И я такою же хотѣла бы быть. Что за прелесть эта Александра Ильинишна!

«Вотъ никогда и похворать не дадутъ; только слягу въ постель, Алексѣй Яковлевичъ и начнутъ охать и стонать, ну и встану».

«Что съ вами, Алексѣй Яковлевичъ»?

«Да, весь не могу!»

«И забуду, что сама больна, стану ухаживать за ними»...

И тихо, и мирно въ домѣ. Такой старости и я не боюсь.

---

[5]) Изъ Иркутскихъ купцовъ 1-й гильдіи.

[6]) 1868 г. 19 и 21 апрѣля.

Они дождались правнуковъ. А и любитъ же старушка вспоминать, какая она была бѣлая, да румяная, да живая, да говорливая. Что же,—глядя на нее, вѣрится, что оно такъ и должно было быть: подъ этими морщинами блистало когда-то полное свѣжести юное личико и въ померкшихъ глазахъ свѣтился когда-то яркій огонекъ рѣзвой, шаловливой молодости...

«Sic transit gloria mundi!» [7]).

Игра Вѣры.—Мое стремленіе въ Петербургъ послушать исполненіе твореній Бетховена.

11 марта, 9 часовъ вечера. Клавиши стонутъ и замираютъ подъ пальцами моей Вѣры: она играетъ извѣстную сонату Бетховена ut min. quasi fantasia, ту поэтическую фантазію, полную безпредѣльной тоски, которую Бетховенъ посвятилъ любимой имъ Джульетѣ, вышедшей потомъ замужъ за графа Галленберга. Говорятъ свѣдущіе люди, что это произведеніе не должно быть въ рукахъ молоденькихъ дѣвицъ: оно имъ не подъ силу; и я того же убѣжденія, а потому въ продолженіе моей десятилѣтней дѣятельности въ качествѣ учительницы музыки, только второй ученицѣ позволяю исполнять это простое, но полное глубокаго чувства

---

[7]) „Такъ проходитъ слава міра“.

Страшно трагически кончилась жизнь старушки Чуриной. Похоронивъ любимаго мужа, она грустно доживала свой вѣкъ вмѣстѣ съ незамужней, немощною дочерью. Другая ея дочь, овдовѣвъ, жила съ своей замужней дочерью. Въ апрѣлѣ 1873 года, рано утромъ, все семейство было поражено страшною вѣстью: „Александра Ильинишна и Наталья Алексѣевна убиты!“ Зять внучки поскакалъ въ тотъ мирный домъ и нашелъ четыре мертвыхъ тѣла: Александра Ильинишна, дворникъ, кучеръ, кухарка; дочери не нашли; только потерянная туфля указывала путь въ Ангару;—ее утопили. Донесли генералъ-губернатору, подняли на ноги полицію и открыли убійцъ, между которыми главнымъ былъ поваръ.

и смысла adagio. Надѣюсь, Вѣра исполнитъ его прилично; не одному же Листу доступно играть его...

Какъ бы мнѣ хотѣлось побывать въ Петербургѣ только для того, чтобы услышать оркестровое и квартетное исполненіе безсмертныхъ твореній Бетховена! Кажется, мнѣ ничего болѣе не нужно, какъ только изучить душу этого поэта, его мысли, чувства, вылившіяся въ волшебные звуки, слушать ихъ, слушать безконечно и умереть, внимая напѣвамъ, въ которыхъ отразилась вся жизнь геніальнаго человѣка. Какъ бы хорошо было такъ закончить свое существованіе! [1]).

Иркутскій концертъ въ пользу Яницкаго.

24 апрѣля. Вчера, послѣ шести лѣтъ замкнутой жизни, рѣшилась я, наконецъ, отправиться въ концертъ слушать 4-ю симфонію Мендельсона, которую, по увѣренію многихъ, должны были хорошо исполнить. Концертъ давался въ здѣшнемъ театрѣ въ пользу одного изъ сосланныхъ поляковъ, скрипача Яницкаго. Программа концерта составлена хорошо: 1-я часть—увертюра «Волшебная флейта»—Моцарта,—соло на скрипкѣ,—соло на роялѣ, фантазія Листа на септюоръ Лючіи, 4-я симфонія Мендельсона;—2-я часть—увертюра «Бургграфъ» Добжинскаго, гимнъ Страделла, andante и Rondo изъ концерта Вебера и свадебный маршъ Мендельсона.

[1]) „Напрасно жаждала я ѣхать въ Петербургъ, чтобы слышать симфоническое исполненіе безсмертныхъ твореній Бетховена: одинъ разъ только дано мнѣ было вкусить это блаженство, въ другіе—Бетховена терзали до неузнаваемости. Въ Саратовѣ же, какъ и вездѣ, гремятъ всякіе инструменты, но настоящей музыки нѣтъ, да и ея не понимаютъ. Даже русскихъ своихъ пѣсенъ не умѣютъ, какъ слѣдуетъ, передать. А въ церкви что за кощунство!.. И визгъ, и ревъ, и какіе-то обрывки изъ разныхъ оперъ въ видѣ концертовъ; звуки столь фальшивы, что молиться нельзя. Грустно!..“ (Замѣтка автора въ 1880 г. отъ 21 сентября).

Я поѣхала съ удовольствіемъ и даже торопилась, боясь пропустить увертюру. Пріѣхали рано, дожидались четверть часа, и наконецъ зазвучали клавиши рояля и струны трехъ скрипокъ, віолончели и контробаса. Я напрягла все вниманіе, слушала, слушала и ровно ничего не вынесла!—Артисты даже хорошенько не сыгрались, и прекрасная увертюра превратилась въ какое-то безсмысленное «прокатыванье» звуковъ.

Затѣмъ вышелъ на сцену корнетистъ здѣшняго цирка, иностранецъ Маурицъ, и протрубилъ какую-то горную мелодію на серебряномъ cornet à piston, поднесенномъ ему въ даръ собратомъ, «артистомъ-чиновникомъ» при здѣшнемъ генералъ-губернаторѣ [1]). — Прежалкая музыка, годная для цирка и для услажденія слуха звѣрей и его постоянныхъ усердныхъ посѣтителей...

Вдругъ раздались громкія рукоплесканія: къ роялю подошла молодая полька Мац—чъ, жена одного изъ высланныхъ къ намъ изъ Западнаго края поляковъ-врачей, которые пользуются здѣсь большою славой и обласканы обществомъ,— вслѣдствіе чего и жены этихъ господъ находятъ сильную поддержку. При появленіи въ Иркутскѣ М—чъ, она прямо была произведена въ «иркутскаго Рубинштейна». Даже находились и такіе смѣльчаки, которые извѣстнаго всему міру первокласснаго артиста ставили ниже молоденькой, 18-тилѣтней польки, прибывшей изъ Вильны.

Въ Иркутскѣ можно проводить какую угодно нелѣпость: необходимъ только извѣстный апломбъ (чтобы не сказать по русски грубо), авторитетъ; ничего не понимая въ музыкѣ, всему на слово повѣрятъ.

И такъ, при громкихъ рукоплесканіяхъ, сѣла за рояль молодая М—чъ. Раздалось pianissimo съ начала до конца «Warum»—Шумана; потомъ руладкой перейдено къ фантазіи Листа на септюоръ Лючіи и, какъ начато, такъ и

[1]) Сибиряки-современники его вспомнятъ.

окончено, безъ всякихъ оттѣнковъ.—Плохо: звуки пропадали, задыхаясь подъ сурдинкой.

Нужна большая, чисто польская отвага, чтобы такъ издѣваться надъ довѣрчивыми слушателями, воображающими видѣть предъ собою всемірную знаменитость, стоящую выше всѣми признанныхъ славныхъ артистовъ! Техника, правда, хороша: пальцы развиты прекрасно, и бѣглость есть, но все это только одна внѣшняя сторона; вѣдь это—гладкій стихъ, выработанный, отчеканенный; вѣдь это только средство, или какъ бы хорошій инструментъ, безъ помощи котораго артистъ не въ состояніи дать понятія о своемъ искусствѣ; это кости, облеченныя въ плоть, но лишенныя *животворящаго духа*. Въ игрѣ М—чъ именно нѣтъ духа жизни. Моя Вѣра—внѣ всякаго сравненія лучше передаетъ мысль композитора; разумѣется, я даю ей по силамъ пьесы; и въ механизмѣ она стоитъ ниже М—чъ, но механизмъ съ лѣтами, съ упражненіемъ развивается и совершенствуется; былъ бы *смыслъ*, чувство, сознаніе красотъ произведенія; остальное пріобрѣсти легко трудомъ.

По окончаніи фантазіи Листа, при громѣ рукоплесканій, ушла полька, и на сценѣ появился уже русскій скрипачъ Редровъ [2]). Ни чья рука не поднялась привѣтствовать своего родного дарованія.

Среди общаго безмолвія, на подмостки вышелъ и поклонился молодой человѣкъ небольшого роста, худой, блѣдный, съ впалыми щеками. Но вотъ смычокъ коснулся струнъ, и полились нѣжные, грустные звуки, полные слезъ, чистые, какъ струи ручья, пробирающагося между густою зеленью, озаряемые мягкимъ свѣтомъ лѣтняго мѣсяца. Бѣдный артистъ, казалось, всю душу свою изливалъ въ тѣхъ тоскующихъ, плачущихъ и стонущихъ задушевныхъ напѣвахъ.

Но почти все общество состояло изъ однихъ поляковъ и

---

[2]) Редровъ—солистъ городского оркестра въ Иркутскѣ. Молодой, даровитый, но болѣзненный (алкоголикъ).

ихъ сторонниковъ, всегда съ презрѣніемъ относившихся къ Редрову, равно какъ и ко всему русскому... Однако же игра артиста была такъ хороша, что вызвала громкія одобренія всѣхъ враждебныхъ ему слушателей...

Приступили къ симфоніи Мендельсона: всѣ на мѣста усѣлись и приготовились слушать;—вдругъ всѣ исчезли изъ партера, нѣсколько человѣкъ прошли на сцену; прошелъ полякъ докторъ Степневскій; въ театрѣ—смятеніе: заговорили—съ кѣмъ-то изъ артистовъ сдѣлалось дурно. По нашей просьбѣ, одинъ изъ молодыхъ людей отправился узнать причину внезапнаго перерыва и принесъ грустное исвѣстіе, что у скрипача Р—ва хлынула горломъ кровь, но что онъ самъ снова приметъ участіе въ концертѣ.

Покамѣстъ, вмѣсто симфоніи, принялись за исполненіе знаменитаго гимна «Страделла»—на роялѣ въ 4 руки, скрипкѣ, віолончели и гармоніумѣ. Я многаго ожидала отъ этихъ четырехъ инструментовъ; но и здѣсь оказалось такое же безцеремонное обращеніе съ образцовымъ произведеніемъ: господа артисты не сыгрались, какъ слѣдуетъ, и гимнъ потерялъ свое настоящее, чудное значеніе.

Такъ кончилась первая часть при общемъ «одобреніи»; никто и думать не посмѣлъ критически отнестись къ игрѣ: всѣ остались очень довольны—особенно полькой...

Вторая часть началась увертюрой Добжинскаго къ оперѣ «Бургграфъ». За фортепіано сѣли Л. [3]) и полька, на прочихъ инструментахъ играли все поляки, за исключеніемъ Редрова. Исполняли все знакомое, родное имъ—польское, игранное много разъ и въ разныхъ мѣстахъ. Увертюра шла превосходно, увлекательно. Слышались звуки призывной трубы, и скорый темпъ марша, и напѣвъ мазурки, и снова труба и быстрый, усиленный размѣръ военнаго марша...

Должно быть, играющіе воображали, что подъ звуки этого

[3]) Лаубе, Ив. Ник.— [illegible] ензельта, начальникъ почтъ въ Восточной Сибири.

марша когда-то шли и неслись наполнявшіе залу театра «повстанцы», неслись бить тѣхъ дурней «москалей», что платятъ деньги за удовольствіе слушать повстанскую музыку.

Нѣкоторые поляки изъ публики кивали головой, били тактъ ногою и тихонько подпѣвали. Значитъ, эти мотивы очень знакомы и дороги сердцу!..

Симфонія и свадебный маршъ Мендельсона шли очень дурно, такъ же какъ и увертюра Моцарта. Но за то Rondo изъ концерта Вебера сыграно великолѣпно. За двумя роялями сидѣли Л... и Я...; затѣмъ квинтетъ изъ трехъ скрипокъ, віолончели и контробаса. Чудная, ясная музыка, полная красокъ и блеска, льющаяся широкой рѣкой и увлекающая всѣхъ шумнымъ потокомъ очаровательныхъ звуковъ. Я страстно люблю Вебера и не могу наслушаться его. Rondo напомнило мнѣ роскошное Allegro изъ его же знаменитой сонаты la maj.

Ольга Вяземская [4]) исполнила увлекательно это Allegro въ концертѣ, дававшемся зимою въ пользу учрежденія у насъ «общества сестеръ милосердія». Какое богатство мыслей, сколько разнообразія въ оттѣнкахъ, сколько свѣта, чувства, радости; какая раздольная, молодая удаль слышится въ плѣнительномъ Allegro, которое, само по себѣ, составляетъ вполнѣ законченное произведеніе. И передала же его мастерски Ольга Вяземская! Сколько изящества, граціи, а мѣстами сколько огня, стремительности, — просто роскошь! Ее и сравнивать нельзя съ М—чъ! Но Ольга—русская, институтка, получившая образованіе подъ нашей крышей, также имѣющая «несчастіе» быть чисто русской душой. Развѣ можетъ иркутское общество оцѣнить такую артистку? — Будь она полька изъ Вильны, Варшавы, Познани, Кракова—было бы другое

---

[4]) Одна изъ самыхъ даровитыхъ ученицъ Варв. Петр. (см. 1859 г. ря нр. 1 и 1860 г. 31 дек.).

дѣло... Редровъ — ученикъ русскаго знаменитаго Свѣчина [5]) и самъ русскій, стало быть, особенно въ Иркутскѣ на успѣхъ разсчитывать нельзя, — не хорошо! Устала...

Largo изъ сонаты Ré majeur Бетховена.—Вѣра Петровичъ.

16 іюля. Вѣра Петровичъ [1]) играетъ въ залѣ. Я. сижу въ кабинетѣ, хотѣла читать, но не могу: Largo изъ сонаты Ré majeur Бетховена приковываетъ все мое вниманіе.

Боже мой! Что это за звуки! Сколько высокой поэзіи въ этихъ дивныхъ музыкальныхъ рѣчахъ?.. Вначалѣ такъ покойно-печально говоритъ поэтъ, какъ можетъ говорить человѣкъ о неизбѣжномъ, ничѣмъ неотвратимомъ горѣ. Тамъ вмѣшивается чей-то жалобный женскій голосъ — поэтъ утѣшаетъ, но и сочувствуетъ той жалобѣ, — вмѣстѣ плачутъ и рыдаютъ. О чемъ говоритъ поэтъ? О чемъ плачутъ оба? Гадаешь, гадаешь и все же не узнаешь; слышится только глубокая, неизъяснимая скорбь. Порой стоитъ какъ будто гулъ рыданій уже не тѣхъ двухъ голосовъ, которые явились вначалѣ, но сдается, что это стоны многихъ людей, собравшихся вмѣстѣ. И вдругъ, среди стенаній, возвышается молитвенный гимнъ, какъ будто погребальное пѣніе...

Кого хоронили и что хоронили подъ звуки тѣхъ молитвъ?..

О, Бетховенъ — величайшій геній! Въ Allegro этой сонаты столько блеска, такой широкій, быстрый, стремительный потокъ звуковъ, что дыханіе захватываетъ.

[5]) Свѣчинъ—музыкантъ-композиторъ (скрипка). (См. 1859 г. 7 февр. пр. 4). Весь родъ его до сихъ поръ выдается музыкальными способностями.

[1]) См. 1867 г. ... 8 г. 12 іюня.

Вѣра мастерски исполняетъ его: какое разнообразіе, ›лько огня и, порою, какая нѣжность звуковъ!..

Вѣра, моя милая,—внимательная и понятливая ученица, ›подь да благословитъ тебя!

«Не тамъ, гдѣ вѣчными слезами
Туманится печальный взоръ;
Гдѣ часто вторится устами
Судьбѣ неправедный укоръ;
Гдѣ слышишь жалобные звуки,
Безсилья празднаго плоды;
Не тамъ, не тамъ душевной муки
Найдешь ты тяжкіе слѣды.
Иди туда, гдѣ взоръ безслезный
Исполненъ молчаливыхъ думъ;
Гдѣ гордо власть судьбины грозной
Встрѣчаетъ непреклонный умъ;
Гдѣ по челу, какъ будто сталью,
Заботы врѣзана черта,
Но надъ смертельною печалью
Хохочутъ дерзкія уста.
Тутъ вѣчно горе, тутъ глубоко
Страданье въ сердце залегло,
И подъ десницей тяжкой рока
Все сердце кровью истекло» [2]).

[2]) „Горе"—Хомякова, Алексѣя Степановича, извѣстнаго славянофила-›слителя († 1861 г.) и свѣтскаго богослова.

Fragment d'une lettre, qui n'a pas été envoyée à la poste.

Le 20 Août. Nos vacances sont finies et la rentrée des classes a eu lieu ces jour-ci, mais, hélas, les enfants n'ont guère profité de la belle saison. Nous avons eu un été froid, pluvieux, désagréable; bien peu de beaux jours. De gros nuages gris embrassaient tout le ciel jusqu'a l'horizon, sans laisser percer un rayon de soleil. C'est en vain qu'on cherchait à apercevoir, le plus petit lambeau de ciel bleu; une masse compacte, incolore, s'étendant d'un bout de l'horizon à l'autre, laissait tomber sur le sol désolé une pluie fine et serrée qui, à mois d', produis ait une impression pénible, décourageante, désespérante. Ces pluies constantes qui ont duré depuis le mois de Juin jusqu'en Août ont fortement gonflé tous les fleuves de la Sibérie orientale. Partout on n'entend que parler des désastres causés par les inondations; les chemins sont détériorés par le débordement des eaux qui couvrent toutes les parties basses. Notre Angarà et ses tributaires l'Irkoute et l'Ouchakovka font beaucoup de dégâts; leur flots rapides emportent tout ce qu'ils rencontrent sur leur passage: le bois de chauffage comme le bois de construction; des animaux, des maisons entières sont charriées par leurs vagues écumantes; les eaux débordées se sont répandues à six verstes de leur lit et c'est en bateau seulement qu'on peut se rendre au couvent de Saint-Innocent. Les plus anciens habitants d'Irkoutsk ne se rappellent rien de comparable à l'état actuel de l'atmosphère et à ce débordement général des fleuves. Entre Селенгинскъ et Посольскъ, ville située sur les bords du Baïkal, il n'y a plus de communication: quelques audacieux se hasardent à faire, à leurs risques et périls, la traversée en bateau, mais les gens prudents, les timides, les peureux n'osent point affronter ces dangers imminents; aussi y a-t-il quelques élèves, qui ne sont pas encore rentrées après les vacances, passées au Transbaïkal.

Выдержка изъ непосланнаго письма.

[Переводъ]. Каникулы наши окончились. Уроки начались на дняхъ, но дѣти не пользовались лѣтомъ. Оно было холодное, дождливое и непріятное, хорошихъ дней было мало: черныя тучи заволакивали небо со всѣхъ сторонъ, не пропуская лучей солнца. Тщетно старались мы увидѣть клочекъ голубого неба: густыя, безформенныя облака покрывали горизонтъ и опускались мелкимъ частымъ дождемъ, который произво-

въ своихъ кельяхъ и пріучала ихъ къ управленію монастыремъ; одна изъ нихъ теперь игуменья [5]), другая—казначея.

Трогательна въ высшей степени дружба этихъ старицъ, изъ которыхъ одна была воспитана въ монашескомъ духѣ другою.

Генеральша Готовцева, въ постриженіи—мать Өеофанія, воспитанница Екатерининскаго института, вступила въ монастырь въ 1818 году, 30-ти лѣтъ; въ 1825 году постриглась М. Н. Крымова, воспитанница Смольнаго, 24-хъ лѣтъ, и отдана была подъ начало ризничей—матери Өеофаніи. Родство душъ связало навсегда этихъ избранницъ Божіихъ!—онѣ умерли въ одномъ году, въ промежутокъ трехъ мѣсяцевъ.

Господь исполнилъ молитву Варсонофіи о смерти прежде матери Өеофаніи.

Можетъ быть, и моя грѣшная молитва дойдетъ до Господа: и я умру прежде моихъ двухъ ангеловъ—сестеръ, особенно прежде Нуты, моей бѣдной труженицы, борющейся со всѣми здѣшними силами почти безъ всякой поддержки... Послѣ меня она долго будетъ жить; но, избави меня, Господи, видѣть смерть ея!..

Въ описаніи житія двухъ старицъ приводятся письма къ нимъ Святогорца о. Серафима [6]). Думала-ли я, разговаривая и шутя съ покойнымъ о. Серафимомъ, что этотъ монахъ, веселый, живой, съ блестящими черными глазами, могъ бы блаженствовать на Аөонской горѣ, которую описываетъ самыми яркими красками въ своихъ посланіяхъ къ Өеофаніи и Варсонофіи.

— «Я торжествую, я весело пою Богу моему и въ невыразимой признательности, какъ пташка, распѣваю въ моей заоблачной пустынѣ величіе *Царицы Небесной*, поставившей на камени безмолвія пустынна нозѣ мои и вновь

[5]) М. Евстолія (въ мірѣ М. И. Ерофеева).

[6]) См. зап. смол. ч. 1-я стр. 208, 277 и 278.

дѣло... Редровъ — ученикъ русскаго знаменитаго Свѣчина [5]) и самъ русскій, стало быть, особенно въ Иркутскѣ на успѣхъ разсчитывать нельзя, — не хорошо! Устала...

Largo изъ сонаты Ré majeur Бетховена.—Вѣра Петровичъ.

16 іюля. Вѣра Петровичъ [1]) играетъ въ залѣ. Я, сидя въ кабинетѣ, хотѣла читать, но не могу: Largo изъ сонаты Ré majeur Бетховена приковываетъ все мое вниманіе.

Боже мой! Что это за звуки! Сколько высокой поэзіи въ этихъ дивныхъ музыкальныхъ рѣчахъ?.. Вначалѣ такъ покойно-печально говоритъ поэтъ, какъ можетъ говорить человѣкъ о неизбѣжномъ, ничѣмъ неотвратимомъ горѣ. Тамъ вмѣшивается чей-то жалобный женскій голосъ — поэтъ утѣшаетъ, но и сочувствуетъ той жалобѣ, — вмѣстѣ плачутъ и рыдаютъ. О чемъ говоритъ поэтъ? О чемъ плачутъ оба? Гадаешь, гадаешь и все же не узнаешь; слышится только глубокая, неизъяснимая скорбь. Порой стоитъ какъ будто гулъ рыданій уже не тѣхъ двухъ голосовъ, которые являлись вначалѣ, но сдается, что это стоны многихъ людей, собравшихся вмѣстѣ. И вдругъ, среди стенаній, возвышается молитвенный гимнъ, какъ будто погребальное пѣніе...

Кого хоронили и что хоронили подъ звуки тѣхъ молитвъ?..

О, Бетховенъ — величайшій геній! Въ Allegro этой сонаты столько блеска, такой широкій, быстрый, стремительный потокъ звуковъ, что дыханіе захватываетъ.

[5]) Свѣчинъ—музыкантъ-композиторъ (скрипка). (См. 1859 г. 7 февр. пр. 4). Весь родъ его до сихъ поръ выдается музыкальными способностями.

[1]) См. 1867 г. 17 мая пр. 4 и 1868 г. 12 іюня.

Вѣра мастерски исполняетъ его: какое разнообразіе, лько огня и, порою, какая нѣжность звуковъ!..

Вѣра, моя милая,—внимательная и понятливая ученица, подь да благословитъ тебя!

«Не тамъ, гдѣ вѣчными слезами
Туманится печальный взоръ;
Гдѣ часто вторится устами
Судьбѣ неправедный укоръ;
Гдѣ слышишь жалобные звуки,
Безсилья празднаго плоды;
Не тамъ, не тамъ душевной муки
Найдешь ты тяжкіе слѣды.
Иди туда, гдѣ взоръ безслезный
Исполненъ молчаливыхъ думъ;
Гдѣ гордо власть судьбины грозной
Встрѣчаетъ непреклонный умъ;
Гдѣ по челу, какъ будто сталью,
Заботы врѣзана черта,
Но надъ смертельною печалью
Хохочутъ дерзкія уста.
Тутъ вѣчно горе, тутъ глубоко
Страданье въ сердце залегло,
И подъ десницей тяжкой рока
Все сердце кровью истекло» [2]).

[2]) „Горе"—Хомякова, Алексѣя Степановича, извѣстнаго славянофила-слителя († 1861 г.) и свѣтскаго богослова.

1870 г.

Наводненіе въ Иркутскѣ. — О пожарахъ. — Дамскій Иркутскій комитетъ въ пользу раненыхъ. — Зависимость дамскаго комитета и формализмъ мужчинъ.

7 февраля. Недаромъ боялись береговые жители, недаромъ ждали со страхомъ «рѣкостава»[1]). Наводненіе было страшное, незапамятное: вода врывалась снаружи и извнутри и тотчасъ замерзала; почти цѣлый кварталъ залитъ и опустѣлъ. Вода доходила почти до нашего подъѣзда; въ подвалахъ поднялась чуть не на два аршина[2]). На Ангарѣ, передъ церковью Чудотворцевъ, стоятъ ледяныя скалы; можно же судить, какъ бушевала рѣка и какой ужасъ разливала кругомъ. Многіе сильно пострадали...

Сколько горя на свѣтѣ!

Вонъ, Енисейскъ, цѣлый городъ выгорѣлъ; три раза принимался горѣть и все въ бурную погоду—и не существуетъ болѣе: словно врагъ прошелъ или словно здѣсь побоище было.

Теперь только открывается, что поджигали наши вѣчные «друзья-пріятели»; тѣ же, что Петербургъ жгли въ 1862 г., что жгли всю Русь въ 1864 и 65 годахъ. Пожаровъ мало— война, пожалуй, готовится.

---

[1]) Провинціализмъ, обозначающій замерзаніе рѣки или остановку плотнаго льда на ней.

[2]) См. „Епархіальныя Вѣдомости" № 1, 2 и 3 за 1870 г. (Примѣч. автора).

И когда перестанутъ люди рѣзать другъ друга? Еще куда ни шло, когда стоять за край родной; но посылать своихъ за какихъ-нибудь нѣмцевъ или французовъ, напоминающихъ звѣрей... охъ тяжело,—какъ тяжело...

О люди, христіане, гдѣ въ васъ любовь Христа?...

У насъ, въ Иркутскѣ, устроенъ тоже дамскій комитетъ въ пользу раненыхъ, съ полною зависимостью отъ мужского, а потому въ немъ и проку мало: стѣсняютъ всякую самостоятельность... Дѣло благотворенія составляетъ особенное преимущество женщинъ; пускай бы хотя въ это дѣло не мѣшались мужчины съ своимъ мертвящимъ формализмомъ проникающимъ во всѣ отрасли правленія, гдѣ «они» служатъ. Въ прошедшемъ 1869 году выбрали Анну Петровну предсѣдательницей дамскаго комитета. Она, разумѣется, отнеслась къ дѣлу искренно и съ обычнымъ ей усердіемъ; по довѣрію къ Нутѣ, сборы пошли быстро. Она задумала основать общину сестеръ милосердія въ Иркутскѣ съ тѣмъ, чтобы тѣ сестры могли быть полезными въ самомъ городѣ; начала собирать основной капиталъ—и пошло бы хорошо... Но, но... что, впрочемъ, говорить... Лучше промолчимъ. Кончилось тѣмъ, что изъ Петербургскаго центральнаго «мужского» комитета прислано повелѣніе, чтобы всѣ сборы денегъ передать всецѣло мужчинамъ, а изъ тѣхъ, которыя назначаются собственно для общины (основнаго капитала и содержанія), отдать половину.

Вотъ послѣ этого и дѣлайте, какъ знаете, т.-е., пожалуй, учреждайте для вида общину, разгласите объ этомъ въ газетахъ, а если черезъ годъ она прекратитъ свое существованіе,—не ваше дѣло, но на васъ рушится... Анна Петровна, вслѣдствіе такого рѣшенія, сочла лучшимъ сложить съ себя должность предсѣдательницы и въ первомъ засѣданіи дѣйствительно объ этомъ заявила. Но супружество К—выхъ, послѣ долгихъ и многихъ просьбъ и увѣщаній, склонило ее остаться, хотя на время.

Теперь Анна Петровна, съ горемъ пополамъ, продолжаетъ председательствовать, — но къ чему? Все одна форма, форма и форма... Моя же милая Анна Петровна — вся жизнь и искренность для разумной деятельности! [3]).

Пожаръ семинаріи и училища въ Якутскѣ.—Подозрѣнія въ поджигательствѣ чистильщика институтскихъ трубъ.—Пожаръ въ институтѣ.—Находчивый экономъ.—Спасаніе нашего имущества.

23 февраля. Вотъ и еще замѣчательный пожаръ: «Въ Якутскѣ, въ ночь съ 20-го на 21-е января, сгорѣло до тла зданіе духовнаго училища и семинаріи». Пожаръ начался отъ неизвѣстныхъ причинъ въ $10^1/_2$ часовъ вечера и такъ быстро распространился, что все зданіе черезъ четверть часа горѣло, какъ костеръ, поэтому невозможно было спасти горѣвшее или что-нибудь изъ находившагося внутри его; оставалось лишь спасать сосѣднія зданія.

Ужасное несчастіе для семинаріи и для бѣднаго нашего духовенства — зданіе загорѣлось неожиданно, мгновенно. — За четверть часа до пожара инспекторъ семинаріи обошелъ всѣ комнаты зданія, — нигдѣ не было не только дыма, но и запаха гари или дыма. При самомъ началѣ пожара не всѣ воспитанники успѣли выбѣжать въ двери корридора; нѣкоторые спасались черезъ окна, убѣгая, при 40 градусахъ мороза, въ одномъ бѣльѣ въ монастырь, отстоящій въ ста саженяхъ; семь воспитанниковъ ознобились, нѣкоторые обрѣзались стеклами, разбивая окна, чтобы выскочить, но, слава

---

[3]) Дѣйствительно, 29 іюля 1870 г. совершена закладка дома для сестеръ милосердія въ Иркутскѣ н[illegible] стныя пожертвованія, при этомъ законоучитель Иркутск. института [illegible] Ч. Орлов[illegible] красное слово (см. „Епарх. Вѣд.“ [illegible]

Въ 1872 году Анна Петров[illegible]

Краснаго Креста [illegible]

Богу, не опасно. Только одинъ ученикъ *сгорѣлъ*, не успѣвъ выбѣжать. Сгорѣли четыре библіотеки: семинарская, училищная, ученическая и общая библіотека духовенства; физическій кабинетъ, аптека, семинарскій архивъ и все имущество семинаріи и училища, воспитанниковъ и профессоровъ. Всѣ остались только при томъ, что было надѣто на нихъ...

Вчера все это мы слышали отъ одного молодого человѣка, на дняхъ возвратившагося изъ Якутска и бывшаго свидѣтелемъ внезапнаго пожара, случившагося при тихой погодѣ. Разсуждайте, сколько хотите, по поводу этихъ несчастій и иного объясненія не найдете, кромѣ того, что насъ жгутъ желающія вредить Россіи подпольныя силы. Нигдѣ нѣтъ столько пожаровъ въ такихъ страшныхъ размѣрахъ и ничѣмъ необъяснимыхъ, какъ за послѣднее время въ нашемъ отечествѣ! Давно-ли?—Въ началѣ зимы чуть было не случилось то же самое и у насъ въ институтѣ. Чистили трубы, по здѣшнему обыкновенію, посредствомъ выжиганія. Главный *выжигатель* ходилъ по комнатамъ, въ сопровожденіи эконома. Меня поразило лицо этого человѣка: смуглое, правильное, и какое-то особенное очертаніе и взглядъ черныхъ глазъ, остановившихъ на себѣ мое вниманіе: то было какое то дерзкое, враждебное выраженіе, не ускользнувшее даже отъ моей близорукости и вѣчной разсѣянности. Отозвавъ эконома въ сторону, я спросила его: «Полякъ?» — «Нѣтъ, нѣмецъ», отвѣтилъ полуиспуганно экономъ. Я не повѣрила, разумѣется, но, такъ какъ хозяйка въ институтѣ не я, и вмѣшиваться не въ свое дѣло не слѣдуетъ,—я промолчала, а вскорѣ и позабыла, какъ этотъ случай, такъ и самого выжигателя, будучи отвлечена уроками музыки.

Вечеромъ была всенощная наканунѣ праздника [1]). Дѣтская церковь помѣщалась въ верхнемъ этажѣ. Анна Петровна, по окончаніи службы, спустилась въ свои комнаты;

[1]) наканунѣ Введенія во храмъ Пресв. Богородицы.

ныхъ, неусыпныхъ трудахъ и волненіяхъ по управленію возникавшей обители, которая въ короткій срокъ успѣла придти въ такое благоустроенное состояніе, въ какомъ находится теперь. Истинны святыя слова: «*посѣянное слезами радостями пожнемъ*».

Въ бытность нашу въ Петербургѣ я видѣла обѣихъ монахинь: мать Ѳеофанію, настоятельницу, и неразлучнаго друга ея въ продолженіе 41 года—мать Варсонофію [3]), казначею Воскресенскаго монастыря. Въ голову не приходило мнѣ, что я вижу предъ собою праведныхъ подвижницъ, которыя въ началѣ жизни, по собственному своему желанію, сопротивляясь волѣ, взглядамъ и убѣжденіямъ близкихъ людей, промѣняли всѣ удобства, все обаяніе такъ называемаго «высшаго свѣта» на скромное уединеніе, подъ началомъ строгой игуменьи, налагавшей тяжелыя послушанія на молодыхъ красавицъ, привыкшихъ къ роскоши и нѣгѣ.

Мать Ѳеофанія 27 лѣтъ провела въ Горицкой обители [4]) и чувствовала себя совершенно счастливой. Почти 60-ти лѣтъ избрана была для устройства женскаго монастыря въ Петербургѣ, и тутъ начались ея треволненія, безсонныя ночи и тяжелые дни. Господь даровалъ ей необыкновенно много силъ, необходимыхъ для исполненія ея многотрудныхъ обязанностей. То была удивительно-дѣятельная женщина, не покидавшая управленія дѣлами почти до послѣдняго дня. Чувствуя приближеніе кончины, она выбрала изъ среды своей духовной паствы двухъ монахинь, которыхъ поселила

[3]) Вос-ца Имп. восп. об. бл. дѣв. вып. 1816—1819 гг. Марія Никитична Крымова (ея мать граф. А. А. Орлова-Чесменская). Подвижница: чернорабочая при постройкѣ монастыря, хлѣбница при квашнѣ, пѣвчая, переписчица, казначея и 42 года келейница м. Ѳеофаніи. (Подробности изъ ея жизни см. въ народномъ разсказѣ „*Дарьюшка, русская странница*“).

[4]) Горицкій-Воскресенскій дѣв. мон. Новгор. епарх., на р. Шекснѣ. Въ немъ два придѣла построены въ 1611 г. иждивеніемъ царицы Мареы Матѳеевны—V-й супр. Іоанна Васильевича.

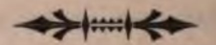
сившихъ воду, и мужиковъ, прибѣжавшихъ на крикъ, экономъ потушилъ пожаръ въ самомъ началѣ и хотя спалилъ усы и бороду, но спасъ весь институтъ отъ огня, грозившаго полнымъ истребленіемъ, такъ какъ въ тотъ день была страшная вьюга, и, покажись пламя снаружи,—едва-ли что сохранилось бы даже изъ сосѣднихъ хозяйственныхъ построекъ. Въ день пожара печи не топились, а огонь показался изъ жестяной холодной трубы, устроенной для тяги воздуха. Стѣны Water closet'а засмолены, но не покрыты были известкою, потому что ихъ передѣлывали и давали время просохнуть. Поэтому-то ихъ разомъ охватило пламенемъ, и дымъ быстро поднялся въ верхній этажъ. Бѣдствіе могло бы быть ужасное, не случись эконома дома, да не опоздай жена его въ баню, или, что еще хуже,—вспыхни огонь нѣсколькими часами позже, когда бы всѣ спали?—Но Господь сохранилъ насъ. Страшно произносить положительное обвиненіе въ поджогѣ и причина осталась не выясненною, но я почти убѣждена въ томъ...

Когда Анна Петровна ушла наверхъ, я, оставшись одна, совсѣмъ растерялась въ первую минуту; но потомъ надѣла теплые сапоги, приготовила такіе же Аннѣ Петровнѣ, также шубы, муфты; положила въ карманъ деньги; разостлала чистую простыню, куда сложить образа,—и стала ходить по корридору, ожидая дальнѣйшихъ распоряженій. И странно, что передъ самой всенощной, услышавъ завыванія бури, я сказала: «*избави, Господи, отъ пожара въ такое время!*» на что Анна Петровна равнодушно замѣтила: «*пожалуйста, не накликай бѣды*». Мы обѣ послѣ вспомнили эти слова, и тутъ же припомнился мнѣ зловѣщій взглядъ *выжигателя* трубъ. Я осталась при томъ убѣжденіи, что онъ былъ полякъ. Теперь говорятъ, что, можетъ быть, я и права, назвавъ его полякомъ.

Такъ-то въ постоянномъ страхѣ живутъ русскіе люди за эти послѣдніе годы у себя на Руси, когда пожары въ такой

модѣ: нѣтъ средствъ уберечься отъ вражескаго поджога...

Но Господь надъ всѣми нами!



Прощеный день масляницы: катанье институтокъ на тройкахъ; вечерня.—Преосвященный Парѳеній.—Мой взглядъ на пастырское служеніе.—Мать Сусанна и ея казначея.

24 февраля. Мнѣ отдыхъ въ первую недѣлю Великаго поста: уроковъ нѣтъ,—отдыхаютъ нервы, и перо просится въ руки. Хочется отмѣтить вкратцѣ о томъ, что читала въ продолженіе трехъ послѣднихъ мѣсяцевъ; но прежде опишу прощеный день масляницы.

Въ 12 часовъ утра прощенаго воскресенья нѣсколько троекъ стояло у подъѣзда института въ ожиданіи воспитанницъ, ждавшихъ, въ свою очередь, *«въ величайшемъ нетерпѣніи»* минуты, когда усядутся въ сани.

Вотъ, наконецъ, всѣ размѣстились съ дамами, пепиньерками, съ Анной Петровной во главѣ и понеслись черезъ Ангару по Московской дорогѣ. На возвратномъ пути заѣхали онѣ въ Вознесенскій монастырь приложиться къ мощамъ святителя Иннокентія. Въ три часа всѣ были уже дома.

Въ четыре часа раздался призывный колоколъ во всѣхъ городскихъ церквахъ. Мы съ сестрой поѣхали въ домовую церковь, гдѣ каждый годъ преосвященный Парѳеній, по совершеніи вечерни, кланяется земнымъ поклономъ всѣмъ, стоящимъ въ церкви, испрашивая прощенія въ своихъ согрѣшеніяхъ. На меня благотворно дѣйствуетъ это христіанское смиреніе: всѣ предстоящіе бываютъ растроганные, вѣроятно, какъ мы сами, и становятся тоже на колѣни всѣ разомъ, безъ исключенія, предъ преклоненнымъ долу архипастыремъ, а послѣ этого всѣ идутъ къ нему подъ благословленіе. И совершается въ тѣ великія минуты христіанское примиреніе и чувствуется какое-то единеніе духа пастыря съ паствой, и никогда служители

такъ молодо и свѣжо, — какъ ихъ молоденькія личики... Одной изъ нихъ нѣтъ еще и 16 лѣтъ, — то Маша Подгорбунская [8]), высокая, тоненькая, — очень мила! Тоже моя ученица въ музыкѣ; она хорошо, съ душой, изящно выполняетъ разученныя пьесы!

Уже безъ четверти полночь, а спать не хочется; жду Нуту съ бала; она должна скоро вернуться: уѣхала въ 10 часовъ и хотѣла черезъ часъ быть дома, препоручивъ пепиньерокъ поѣхавшей съ ними классной дамѣ.

Разлитіе р. Ангары.

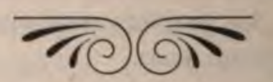
31 Декабря. Еще часъ и конецъ 1869 году.

Благодареніе Господу, что провели его благополучно; да благословитъ Господь и наступающій 1870 годъ.

Ангара, шалунья, разливается, а остановиться не хочетъ; кажется, пора бы: и морозы были сильные, но ее трудно къ рукамъ прибрать, — больно своенравна. Вотъ теперь всѣ береговые жители въ страхѣ: вдругъ разольется и хлынетъ въ дома, какъ то было лѣтъ пять тому назадъ; бѣда бѣдному люду!..

[8]) См. 1862 г. 25 окт. Прекрасныхъ музыкальныхъ способностей. Классная дама въ Иркут. институтѣ и учительница музыки. Музыкальн. образованіе заканчивала въ Москов. консерв. у проф. Дебюка.

день въ Знаменскій монастырь [5]) проститься съ игуменьей матерью Сусанной, которую уважаемъ всею душой. Одно лицо ея, исхудалое, доброе, свѣтящееся кроткой улыбкой, внушаетъ искреннее расположеніе. Мать Сусанна, подобно матери Өеофаніи, дружна съ своей казначеей, матерью Анатоліей [6]). Онѣ однихъ почти лѣтъ: матери Сусаннѣ 42 или 43 года, а та немного моложе; обѣ достойныя женщины и преданы всѣмъ существомъ своему, добровольно на себя взятому еще въ молодости, служенію. Обѣ изъ купеческаго званія, стало быть шли въ монастырь не отъ бѣдности. Мать Сусанна и теперь недурна собой, но свѣтъ не имѣлъ для нея ничего привлекательнаго,—она вступила въ монастырь 20 лѣтъ и ни разу не бросила вздоха сожалѣнія по покинутому міру. Тихо проходитъ путь ихъ среди молитвъ и занятій по управленію монастыремъ; съ полнымъ уваженіемъ гляжу я на подобныхъ женщинъ.



Чтеніе „Московскихъ Вѣдомостей". — Борьба Каткова. — Молодежь.—Мое возмущеніе современнымъ положеніемъ дѣлъ.

26 февраля. Читала я, начиная съ «Les grandes dames de Paris»—Арсенія Гуссе и до «méditations religieuses» включительно. Третьяго дня хотѣла читать.., но принесли 22 запоздавшихъ нумера «Московскихъ Вѣдомостей» (съ 1-го января по 27-е). Не переводя духа, прочла передовыя статьи 12-ти нумеровъ и, вслѣдствіе всего прочитаннаго, не могла заснуть до 5 часовъ утра.

---

[5]) Въ Иркутскѣ же на р. Ангарѣ. Монастырь былъ прекрасно поставленъ, отличался строгостью жизни и помощію нуждающимся.

[6]) Впослѣдствіи игуменьей Знаменскаго монастыря въ Иркутскѣ.

И когда перестанутъ люди рѣзать другъ друга? Еще куда ни шло, когда стоять за край родной; но посылать своихъ за какихъ-нибудь нѣмцевъ или французовъ, напоминающихъ звѣрей... охъ тяжело,—какъ тяжело...

О люди, христіане, гдѣ въ васъ любовь Христа?...

У насъ, въ Иркутскѣ, устроенъ тоже дамскій комитетъ въ пользу раненыхъ, съ полною зависимостью отъ мужского, а потому въ немъ и проку мало: стѣсняютъ всякую самостоятельность... Дѣло благотворенія составляетъ особенное преимущество женщинъ; пускай бы хотя въ это дѣло не мѣшались мужчины съ своимъ мертвящимъ формализмомъ проникающимъ во всѣ отрасли правленія, гдѣ «они» служатъ. Въ прошедшемъ 1869 году выбрали Анну Петровну предсѣдательницей дамскаго комитета. Она, разумѣется, отнеслась къ дѣлу искренно и съ обычнымъ ей усердіемъ; по довѣрію къ Нутѣ, сборы пошли быстро. Она задумала основать общину сестеръ милосердія въ Иркутскѣ съ тѣмъ, чтобы тѣ сестры могли быть полезными въ самомъ городѣ; начала собирать основной капиталъ—и пошло бы хорошо... Но, но... что, впрочемъ, говорить... Лучше промолчимъ. Кончилось тѣмъ, что изъ Петербургскаго центральнаго «мужского» комитета прислано повелѣніе, чтобы всѣ сборы денегъ передать всецѣло мужчинамъ, а изъ тѣхъ, которыя назначаются собственно для общины (основнаго капитала и содержанія), отдать половину.

Вотъ послѣ этого и дѣлайте, какъ знаете, т.-е., пожалуй, учреждайте для вида общину, разгласите объ этомъ въ газетахъ, а если черезъ годъ она прекратитъ свое существованіе,—не ваше дѣло, но на васъ рушится... Анна Петровна, вслѣдствіе такого рѣшенія, сочла лучшимъ сложить съ себя должность предсѣдательницы и въ первомъ засѣданіи дѣйствительно объ этомъ заявила. Но супружество К—выхъ, послѣ долгихъ и многихъ просьбъ и увѣщаній, склонило ее остаться, хотя на время.

вдругъ входитъ наша горничная въ страшномъ испугѣ и шепчетъ мнѣ: «пожаръ».

«Гдѣ пожаръ?»

«Въ верхнемъ этажѣ горитъ».

Я, разумѣется, въ ту же минуту передала Нутѣ страшную новость. Сестра, набросивъ на плечи тальму, перекрестясь, бросилась наверхъ къ дѣтямъ. Тамъ ужъ весь корридоръ былъ наполненъ такимъ густымъ дымомъ, что въ двухъ шагахъ было ничего не видно. Дѣти, въ испугѣ, плакали. Анна Петровна тотчасъ отправила за пожарной командой и дала знать М. С. Корсакову; дѣтей велѣла свести во второй этажъ, раздать имъ все теплое и приказала имъ ожидать спокойно дальнѣйшихъ распоряженій. Сама же, поднявшись на самый верхъ, приказывала продолжать заливать водою, хотя иные и увѣряли, что огонь потушенъ. Тѣмъ временемъ прибылъ Михаилъ Семеновичъ, а вскорѣ явилась и пожарная команда, которой, къ счастью, не пришлось дѣйствовать, а только осмотрѣть, дѣйствительно-ли все безопасно. Тѣмъ все покончилось. Причина пожара осталась, по обыкновенію, не выясненною...

Какъ же открылся огонь и кто его замѣтилъ? Въ день пожара топили институтскую баню, соединенную съ главнымъ зданіемъ посредствомъ холоднаго корридора. Жена эконома, Александра Клементьевна Софьина [2]), почему-то запоздала туда отправиться и приказала служащей у ней женщинѣ идти впередъ и тамъ обождать ее. То было передъ концомъ всенощной. Женщина, проходя мимо нижняго water closet'а, увидала тамъ огонь и тотчасъ бросилась назадъ въ кухню за водой. Кухарки схватили ведра и побѣжали заливать; дали знать эконому, живущему въ нижнемъ корридорѣ. Тотъ съ гидропультомъ бросился на мѣсто пожара,— стѣна была уже вся въ огнѣ; съ помощью служащихъ, но-

---

[2]) Супруга Павлина Логгиновича, служившаго въ Иркутскомъ институтѣ съ 1845—1874 г.

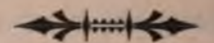
сившихъ воду, и мужиковъ, прибѣжавшихъ на крикъ, экономъ потушилъ пожаръ въ самомъ началѣ и хотя спалилъ усы и бороду, но спасъ весь институтъ отъ огня, грозившаго полнымъ истребленіемъ, такъ какъ въ тотъ день была страшная вьюга, и, покажись пламя снаружи,—едва-ли что сохранилось бы даже изъ сосѣднихъ хозяйственныхъ построекъ. Въ день пожара печи не топились, а огонь показался изъ жестяной холодной трубы, устроенной для тяги воздуха. Стѣны Water closet'а засмолены, но не покрыты были известкою, потому что ихъ передѣлывали и давали время просохнуть. Поэтому-то ихъ разомъ охватило пламенемъ, и дымъ быстро поднялся въ верхній этажъ. Бѣдствіе могло бы быть ужасное, не случись эконома дома, да не опоздай жена его въ баню, или, что еще хуже,—вспыхни огонь нѣсколькими часами позже, когда бы всѣ спали?—Но Господь сохранилъ насъ. Страшно произносить положительное обвиненіе въ поджогѣ и причина осталась не выясненною, но я почти убѣждена въ томъ...

Когда Анна Петровна ушла наверхъ, я, оставшись одна, совсѣмъ растерялась въ первую минуту; но потомъ надѣла теплые сапоги, приготовила такіе же Аннѣ Петровнѣ, также шубы, муфты; положила въ карманъ деньги; разостлала чистую простыню, куда сложить образа,—и стала ходить по корридору, ожидая дальнѣйшихъ распоряженій. И странно, что передъ самой всенощной, услышавъ завыванія бури, я сказала: «*избави, Господи, отъ пожара въ такое время!*» на что Анна Петровна равнодушно замѣтила: «*пожалуйста, не накликай бѣды*». Мы обѣ послѣ вспомнили эти слова, и тутъ же припомнился мнѣ зловѣщій взглядъ *выжигателя* трубъ. Я осталась при томъ убѣжденіи, что онъ былъ полякъ. Теперь говорятъ, что, можетъ быть, я и права, назвавъ его полякомъ.

Такъ-то въ постоянномъ страхѣ живутъ русскіе люди за эти послѣдніе годы у себя на Руси, когда пожары въ такой

модѣ: нѣтъ средствъ уберечься отъ вражескаго поджога...

Но Господь надъ всѣми нами!



Прощеный день масляницы: катанье институтокъ на тройкахъ; вечерня.—Преосвященный Пароеній.—Мой взглядъ на пастырское служеніе.—Мать Сусанна и ея казначея.

24 февраля. Мнѣ отдыхъ въ первую недѣлю Великаго поста: уроковъ нѣтъ,—отдыхаютъ нервы, и перо просится въ руки. Хочется отмѣтить вкратцѣ о томъ, что читала въ продолженіе трехъ послѣднихъ мѣсяцевъ; но прежде опишу прощеный день масляницы.

Въ 12 часовъ утра прощенаго воскресенья нѣсколько троекъ стояло у подъѣзда института въ ожиданіи воспитанницъ, ждавшихъ, въ свою очередь, *«въ величайшемъ нетерпѣніи»* минуты, когда усядутся въ сани.

Вотъ, наконецъ, всѣ размѣстились съ дамами, пепиньерками, съ Анной Петровной во главѣ и понеслись черезъ Ангару по Московской дорогѣ. На возвратномъ пути заѣхали онѣ въ Вознесенскій монастырь приложиться къ мощамъ святителя Иннокентія. Въ три часа всѣ были уже дома.

Въ четыре часа раздался призывный колоколъ во всѣхъ городскихъ церквахъ. Мы съ сестрой поѣхали въ домовую церковь, гдѣ каждый годъ преосвященный Пароеній, по совершеніи вечерни, кланяется земнымъ поклономъ всѣмъ, стоящимъ въ церкви, испрашивая прощенія въ своихъ согрѣшеніяхъ. На меня благотворно дѣйствуетъ это христіанское смиреніе: всѣ предстоящіе бываютъ растроганные, вѣроятно, какъ мы сами, и становятся тоже на колѣни всѣ разомъ, безъ исключенія, предъ преклоненнымъ долу архипастыремъ, а послѣ этого всѣ идутъ къ нему подъ благословеніе. И совершается въ тѣ великія минуты христіанское примиреніе и чувствуется какое-то единеніе духа пастыря съ паствой, и никогда служителя

алтарей Господнихъ не бываютъ на такой высотѣ въ глазахъ мірянъ, какъ въ эти минуты [1]). Да, напрасно думаютъ, что пышная обстановка, суета бѣгающихъ взадъ и впередъ по храму низшихъ прислуживающихъ во время архіерейскаго служенія, роскошныя облаченія и тому подобная *тщета* можетъ возвысить духовенство въ глазахъ мірскихъ людей [2]). Ко всѣмъ этимъ блесткамъ глазъ привыкаетъ, и мало кто цѣнитъ. Не того мы требуемъ отъ духовныхъ лицъ [3]). Намъ нужно видѣть истинныхъ служителей Божіихъ, въ смиреніи совершающихъ свой святительскій подвигъ, — и дѣломъ, и словомъ привлекающихъ къ Господу немощныхъ, невѣжественныхъ и падающихъ [4]). Предъ такими служителями Божіими смиряешься духомъ, вглядываешься пристальнѣе въ глубь души своей и стремишься идти по пути, пролагаемому такимъ духовнымъ учителемъ. Между тѣмъ многіе домогаются равняться чинами съ генералами, полковниками и т. д. Мнѣ печально это домогательство: не падаетъ-ли крайне духовенство, становясь въ разрядъ чиновниковъ и кавалеровъ? Но объ этомъ въ другой разъ.

Изъ домовой церкви, по обыкновенію, ѣздимъ въ этотъ

---

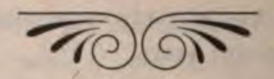
[1]) Такъ ли?—Пусть отвѣтитъ себѣ на этотъ вопросъ каждый міряминъ, прочитавшій эти строки, и мы увѣрены, что получатся самые разнообразные и діаметрально противоположные отвѣты. (См. полный чинъ Божеств. литургій).

[2]) Едва-ли это кто такъ думаетъ, а если думаетъ, то ошибочно. Естественно, для славы Божіей, обставлять все, посвященное Богу, лучшимъ и великолѣпнѣйшимъ. Во внѣшности это и выражется въ золотѣ, серебрѣ и въ возможномъ благолѣпіи,—за соотвѣтствіе же внутренняго отвѣтитъ каждый христіанинъ предъ *Сердцевѣдцемъ*.

[3]) Странный и губительный взглядъ на духовныхъ лицъ (пастырей), къ которымъ предъявляются ихъ пасомыми «требованія», къ прискорбію распространяющійся и въ наши дни. (См. «Миссіонерское обозрѣніе» за 1899 г. февр. и мартъ Стат. свящ. Фуделя).

[4]) И сколько такихъ, подвизающихся въ глухихъ весяхъ Россіи.. (См. рѣчь К. П. Побѣдоносцева въ Кіевѣ въ 1888 г.).

день въ Знаменскій монастырь [5]) проститься съ игуменьей, матерью Сусанной, которую уважаемъ всею душой. Одно лицо ея, исхудалое, доброе, свѣтящееся кроткой улыбкой, внушаетъ искреннее расположеніе. Мать Сусанна, подобно матери Өеофаніи, дружна съ своей казначеей, матерью Анатоліей [6]). Онѣ однихъ почти лѣтъ: матери Сусаннѣ 42 или 43 года, а та немного моложе; обѣ достойныя женщины и преданы всѣмъ существомъ своему, добровольно на себя взятому еще въ молодости, служенію. Обѣ изъ купеческаго званія, стало быть шли въ монастырь не отъ бѣдности. Мать Сусанна и теперь недурна собой, но свѣтъ не имѣлъ для нея ничего привлекательнаго,—она вступила въ монастырь 20 лѣтъ и ни разу не бросила вздоха сожалѣнія по покинутому міру. Тихо проходитъ путь ихъ среди молитвъ и занятій по управленію монастыремъ; съ полнымъ уваженіемъ гляжу я на подобныхъ женщинъ.



Чтеніе „Московскихъ Вѣдомостей“. — Борьба Каткова. — Молодежь.—Мое возмущеніе современнымъ положеніемъ дѣлъ.

26 февраля. Читала я, начиная съ «Les grandes dames de Paris»—Арсенія Гуссе и до «méditations religieuses» включительно. Третьяго дня хотѣла читать.., но принесли 22 запоздавшихъ нумера «Московскихъ Вѣдомостей» (съ 1-го января по 27-е). Не переводя духа, прочла передовыя статьи 12-ти нумеровъ и, вслѣдствіе всего прочитаннаго, не могла заснуть до 5 часовъ утра.

---

[5]) Въ Иркутскѣ же на р. Ангарѣ. Монастырь былъ прекрасно поставленъ, отличался строгостью жизни и помощію нуждающимся.

[6]) Впослѣдствіи игуменьей Знаменскаго монастыря въ Иркутскѣ.

алтарей Господнихъ не бываютъ на такой высотѣ въ глазахъ мірянъ, какъ въ эти минуты [1]). Да, напрасно думаютъ, что пышная обстановка, суета бѣгающихъ взадъ и впередъ по храму низшихъ прислуживающихъ во время архіерейскаго служенія, роскошныя облаченія и тому подобная *тщета* можетъ возвысить духовенство въ глазахъ мірскихъ людей [2]). Ко всѣмъ этимъ блесткамъ глазъ привыкаетъ, и мало кто цѣнитъ. Не того мы требуемъ отъ духовныхъ лицъ [3]). Намъ нужно видѣть истинныхъ служителей Божіихъ, въ смиреніи совершающихъ свой святительскій подвигъ,—и дѣломъ, и словомъ привлекающихъ къ Господу немощныхъ, невѣжественныхъ и падающихъ [4]). Предъ такими служителями Божіими смиряешься духомъ, вглядываешься пристальнѣе въ глубь души своей и стремишься идти по пути, пролагаемому такимъ духовнымъ учителемъ. Между тѣмъ многіе домогаются равняться чинами съ генералами, полковниками и т. д. Мнѣ печально это домогательство: не падаетъ-ли крайне духовенство, становясь въ разрядъ чиновниковъ и кавалеровъ? Но объ этомъ въ другой разъ.

Изъ домовой церкви, по обыкновенію, ѣздимъ въ этотъ

---

[1]) Такъ ли?—Пусть отвѣтитъ себѣ на этотъ вопросъ каждый міряиинъ, прочитавшій эти строки, и мы увѣрены, что получатся самые разнообразные и діаметрально противоположные отвѣты. (См. полный чинъ Божеств. литургій).

[2]) Едва-ли это кто такъ думаетъ, а если думаетъ, то ошибочно Естественно, для славы Божіей, обставлять все, посвященное Богу, лучшимъ и великолѣпнѣйшимъ. Во внѣшности это и выразится въ золотѣ, серебрѣ и въ возможномъ благолѣпіи,—за соотвѣтствіе же внутренняго отвѣтитъ каждый христіанинъ предъ *Сердцевѣдцемъ*.

[3]) Странный и губительный взглядъ на духовныхъ лицъ (пастырей), къ которымъ предъявляются ихъ пасомыми «требованія», къ прискорбію распространяющійся и въ наши дни. (См. «Миссіонерское обозрѣніе» за 1899 г. февр. и мартъ Стат. свящ. Фуделя).

[4]) И сколько такихъ, подвизающихся въ глухихъ весяхъ Россіи... (См. рѣчь К. П. Побѣдоносцева въ Кіевѣ въ 1888 г.).

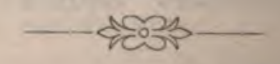
исторію нашего времени... Не чужіе враги расхищаютъ добро русское; время мирное, войны нѣтъ, заняться бы внутренними дѣлами и мало-по-малу разрабатывать неоцѣнимыя нѣдра Русскаго государства. Работы много: земля раскинулась далеко, вездѣ можно найти вѣрный кусокъ хлѣба;—что же мѣшаетъ работать дружно, выгодно для себя и для другихъ?.. Что мѣшаетъ?..

Нѣтъ, лучше пусть другіе отвѣтятъ; пусть говорятъ мужчины: это ихъ дѣло, они *всѣми управляютъ*, на нихъ отвѣтственность лежитъ.—Полно сваливать... Впрочемъ, замолчу лучше: боюсь выговорить слово желчное—такъ много накипѣло на душѣ...

Но мнѣ положительно вредно читать и «Московскія Вѣдомости», и покойный «День», и «Москву», умершую насильственной смертью. Если бы я могла поправить зло, если бы въ моей власти было чѣмъ-нибудь помочь горю,—пожертвовала бы собой и страдала бы, но даромъ, безъ всякой пользы для себя и для другихъ страдать—безумно.

Въ послѣднія восемь лѣтъ я много читала и хорошо изучила родной край и знаю все, что въ немъ теперь дѣлается [4]); зачѣмъ же растравлять свои раны?.. Нѣтъ, лучше «meditations religieuses», лучше письма Святогорца,—яснѣе будетъ на душѣ...

Катковy не сдобровать; вѣроятно, и его заставятъ молчать, какъ предъ 4 апрѣля 1866 г... И въ воздухѣ чувствуется то же направленіе: и нѣмцы, и поляки, и друзья ихъ, только носящіе названіе «русскихъ», не дремлятъ,—готовы дѣлать зло, какъ и въ то время.



[4]) Не слишкомъ-ли увлекается Вар. П.?

Игра воспитанницъ и настроеніе, навѣваемое ихъ игрою.

5 марта. Сію минуту только кончила уроки музыки съ час. утра до 3 час. пополудни; начала съ самой слабой, идіей Конд. [1]) изъ маленькаго класса, и покончила Машей одгорбунской [2]) и Вѣрой [3]). Обѣими очень довольна, осоэнно Вѣрой. Къ вечеру 8 числа Маша приготовила ваіаціи Герца на мотивъ изъ оперы «Іосифъ», «La régata énitiana» Листа и «Largo appassionato» изъ второй сонаты етховена la maj.

* * *

Ton bras céleste nous attire,
Comme un ami, contre son coeur;
Le monde qui nous voit sourire,
Se dit: D'où lui vient ce bonheur?
Et l'âme se fond en prière
Et s'entretient avec les cieux
Et les larmes de la paupière
Sèchent d'elles-mêmes à nos yeux.

Lamartine [4]).

Parti aussi! que j'aimais au début de ma jeunesse sa douce ɔésie! Je m'enivrais des sons harmonieux, servant de forme, enveloppe à de belles idées, émanées d'une âme enthouaste et pure! Repos à cette âme, qui a tant souffert dans ɔn exil!

---

[1]) Вос—ца вып. 1875 г.

[2]) Марія Васильев. (см. 1862 г. 25 окт. и 1869 г. 5 нояб.). По резонамъ ɔрв. Петровны отправилась въ Москву продолжать музыкальное обраваніе, впослѣдствіи классная дама въ Иркут. инстит. (съ 1871—1880 и 83—1891 гг.). Теперь слѣпая—живетъ на пенсіи въ Иркутскѣ.

[3]) Григор. Петровичъ, см. 1867 г. 17 мая пр. 4 и 1869 г. 16 іюля.

[4]) Альфонсъ—французск. поэтъ, историкъ и государств. дѣятель. Его обенно любила В. П., вѣроятно за сантиментально-религіозную мечтальность его поэтическаго таланта, почему ея записки и изобилуютъ масю выписокъ изъ его сочиненій.

De son pieux espoir son front gardait la trace,
Et sur les traits flétris la mort avait empreint sa majesté.
Pauvre poëte!.. Et voilà la vie!
Je voudrais vivre après ma mort! *Vous, qui priez, priez pour moi!*

[Переводъ]. Скончался и онъ! Какъ я любила въ моей ранней молодости его усладительную поэзію! Я упивалась гармоничными звуками, въ которые онъ облекалъ свои прекрасныя идеи, выходящія изъ чистой и восторженной души. Покой душѣ, которая столько выстрадала въ своемъ изгнаніи. Его чело сохранило слѣдъ искренней надежды и на его поблекшихъ чертахъ смерть наложила печать величія. Бѣдный поэтъ! Вотъ жизнь!..

Я бы желала жить послѣ моей смерти. Вы, которые молитесь, помолитесь обо мнѣ!..

Мои лучшія ученицы.

25 мая. Груня Рухлова [1], — новый нарождающійся и замѣчательный талантъ; жаль только, что она не обладаетъ терпѣніемъ ни Вѣры ни Маши Подгорбунской. Чего бы мы съ нею не достигли?.. Но не мнѣ, думаю, придется оканчивать ея образованіе; вѣроятно, съ лѣтами, послѣ выпуска, отнесется она серьезнѣе къ своему дарованію. А жаль, очень жаль! Съ какимъ удовольствіемъ помогала бы ея развитію и съ какимъ наслажденіемъ слѣдила бы я за успѣхами этой талантливой дѣвочки? Она легко разучиваетъ и читаетъ ноты; есть вкусъ, пониманіе, бѣглость,—только чистоты недостаетъ; нѣтъ той безупречной, законченной отдѣлки, которую я встрѣчаю въ моихъ ученицахъ, — разумѣется, даровитыхъ. Если бы Грунѣ терпѣнія побольше!.. У нея столько данныхъ для достиженія артистической игры...

Зато развивается Маша Подгорбунская. Она и Вѣра каждый день играютъ по три часа, болѣе—некогда: есть другія

[1] Агриппина Михайловна (по мужу Зимина).

занятія. Вѣра исполняетъ восхитительно сонату Apassionato. Широкимъ, неудержимымъ потокомъ разливаются звуки; положительно не могу равнодушно слышать ее: у меня дѣлается лихорадочная дрожь; даже совѣстно, что до сихъ поръ можетъ имѣть на меня такое вліяніе музыка...

Что играетъ Вѣра Петровичъ.

18 іюня. Вѣра [1]) кончила другую сонату ré maj., извѣстную подъ именемъ: «Sonate pastorale».

Не знаю, за что ее называли «pastorale», развѣ за Rondo, въ которомъ дѣйствительно слышится и видится сельская жизнь: переливы гудка вдали и вблизи, пѣсенка несется простая, веселая, беззаботная; живется хорошо, подъ звуки этого rondo... Но Andante, andante производитъ томительное впечатлѣніе,—то поетъ не одинъ человѣкъ, а цѣлый хоръ какъ будто исполняетъ гимнъ церковный. Звуки полные, глубокіе, страстные, увлекательные охватываютъ неотразимо душу силой глубокой скорби... Очень тяжело...

Для отдыха теперь Вѣра разучиваетъ 2-й концертъ Вебера,—ясная, блестящая музыка; игрива, весела, изящна.

Люблю я тоже Вебера. Это rondo то самое, что играли въ прошедшемъ году въ концертѣ на двухъ рояляхъ, трехъ скрипкахъ, віолончели и контробасѣ и которымъ я такъ увлекалась [2]).

[1]) Григор. Петровичъ. см. 1867 г. 18 мая, 1868 г. 12 іюня.
[2]) См. 1869 г. 24 апр.

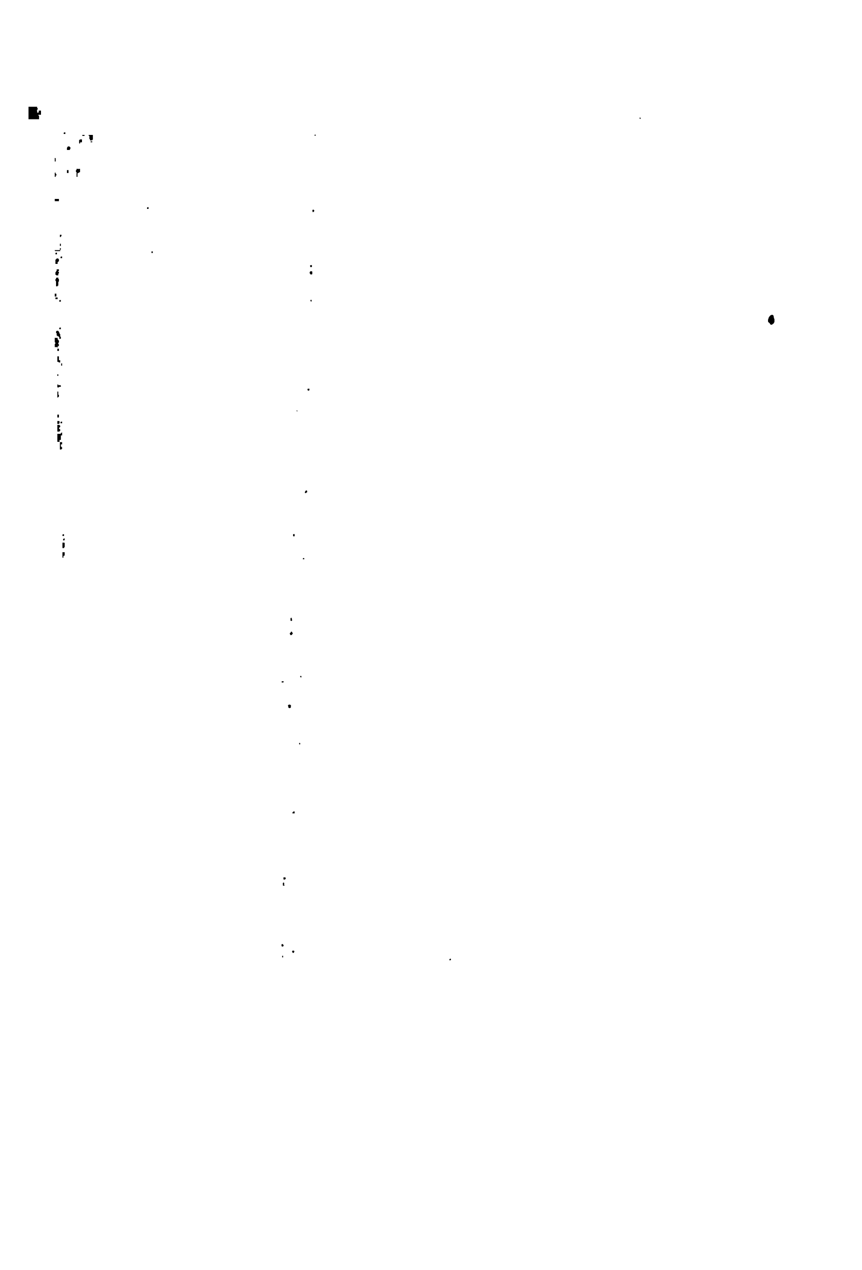
Въ саду начальницы Иркутскаго института.—О возникновеніи сада начальницы.

19 іюня. Утро до 12 час. у меня свободно, и я съ 9 час. сижу въ бесѣдкѣ небольшого сада, насаженнаго по указанію сестры и по ея вкусу. Запахъ тополей, лиственницъ и цвѣтущей рябины разлитъ въ тепломъ воздухѣ; всюду въ глазахъ зелень и распускающіеся цвѣты; небо голубое, затканное мѣстами серебристыми облачками; тишина, свѣтъ, разнообразное чириканье какихъ-то крохотныхъ птичекъ въ полѣ и въ густыхъ кустахъ шиповника, покрытаго розовыми цвѣтами,—все такъ хорошо и такъ успокоительно дѣйствуетъ на усталые нервы. Жаль, что не могу видѣть всѣхъ лѣтнихъ пернатыхъ гостей, что поселились въ нашемъ саду; по различному щебетанью слышно, что и здѣсь много разныхъ породъ, но какихъ—не знаю. По близорукости своей издали не могу видѣть, а близко боюсь подойти, чтобы не спугнуть бѣдняжекъ; онѣ такъ хорошо пріютились въ лиственной густотѣ, можетъ быть вьютъ себѣ гнѣздышки; жаль нарушить ихъ счастливый покой... И воробушки тутъ же пируютъ: вечеромъ, при закатѣ солнца, задаютъ такія шумныя серенады, что просто бѣда! Они налетаютъ цѣлыми сотнями на вершины самыхъ высокихъ тополей, и тамъ происходятъ такія «многоголосныя пренія», что хоть вонъ изъ сада бѣги,—настоящіе «митинги»; есть у нихъ передовые вожаки, и все, какъ слѣдуетъ въ народныхъ собраніяхъ...

Счастливые воробушки! Они за мнѣнія не клюютъ другъ другу глазъ, не обзываютъ ретроградами, обскурантами, идіотами людей... то, бишь, птицъ, несогласныхъ съ мнѣніями наиболѣе сильныхъ...

Когда, 9 лѣтъ назадъ, перешли мы въ новый домъ института, то подлѣ комнатъ, назначенныхъ для начальницы института, отгородили пустое мѣсто, гдѣ не росло ни травки. Осенью того же года распланировали тамъ садъ и стали засаживать молодыми деревьями, по выбору Анны Петровны.

Видъ главнаго корпуса Иркутскаго института до 1861 г. (съ 1845 г.).



Сажали преимущественно душистыя: тополя, лиственницу, яблони, рябину, кусты шиповника, тальника, малины и смородины. Въ теченіе девяти лѣтъ понемногу украшаемъ мы садикъ; завели маленькіе парники, устроили цвѣточныя клумбы,—и вотъ въ настоящее время садикъ—игрушка: чистенькій, густолиственный, благоухающій, оживленный хлопотливыми птичками... А дѣтскій шумъ и веселый хохотъ, сливаясь съ оживленной рѣчью молодыхъ дамъ и пепиньерокъ, служащихъ при институтѣ, такъ и несется на просторъ изъ всѣхъ оконъ трехъ-этажнаго дома [1]), выходящихъ въ садъ.

Дверь въ корридоръ и окна въ зало открыты; оттуда вырываются смѣшанные звуки фортепьяно: то Вѣра и Маша разучиваютъ свои пьесы; порознь каждая — хорошо, но вмѣстѣ — нестройно. Утренніе три часа онѣ всегда играютъ у насъ въ квартирѣ; а тамъ дѣти приходятъ, и имъ уже мѣста не будетъ.

Но становится жарко; уйду въ комнаты, тамъ прохладно. Предъ окнами Ангара и ея зеленые крутые берега. А тамъ—даль чудно, чудно хороша!..

Дѣтскій садъ въ двадцать разъ болѣе нашего, но на другой сторонѣ дома.

Двадцатипятилѣтіе Иркутскаго института.—Дѣятельность Иркутскихъ институтокъ на педагогическомъ поприщѣ.—ихъ облагораживающее вліяніе на общество.—Моя сестра Анна Петровна.

30 іюня. Завтра исполнится институту 25 лѣтъ, потому сегодня вечеромъ служили въ дѣтской церкви всенощную и панихиду по основателямъ его.

Помянули покойную Государыню Александру

[1]) См. стр. 1, II части зап. „Иркутскій институтъ Императора Николая I".

Θеодоровну; *Руперта*, бывшаго генералъ-губернатора Восточной Сибири, хлопотавшаго объ основаніи института [1], купца Мясникова [2]), Голубкова [3]) и Кузнецова [4]), пожертвовавшихъ свои капиталы: два первые на построеніе прежняго дома, и послѣдній на домъ, который мы занимаемъ теперь. Завтра будетъ обѣдня и молебенъ за всѣхъ, трудившихся дѣломъ и словомъ на пользу воспитанія.

Генералъ-губернаторъ Вильгельмъ Яковлевичъ Рупертъ.

Да, царство небесное способствовавшимъ основанію института, — этого разсадника образованія въ далекомъ краю, куда не проникалъ до тѣхъ поръ свѣтъ наукъ!

---

[1]) Генералъ-лейтенанта Вильгельма Яковлевича, коему и принадлежитъ мысль объ учрежденіи института (ген.-губ. съ 1837—1847 г.).

[2]) Почетн. гражданинъ (10,000 р.)

[3]) Надв. совѣт. Платонъ Васильевичъ.

[4]) Потом. поч. гражд. Ефимъ Андреевичъ. Кромѣ нихъ жертвователями были: кол. сов. Поповъ, Дриневичъ, комер. сов. золотопромышлен. Асташевъ, Машаровъ, Герасимовъ, Малявинскій и мн. др.

Наши институтки первыми разбрелись по всей Восточной Сибири до самыхъ береговъ Восточнаго океана. За весьма малымъ исключеніемъ, воспитанницы сестры вышли хорошими женами, нѣжными матерями; и этимъ на дѣлѣ въ жизни онѣ доказали, что не даромъ провели нѣсколько лѣтъ въ институтѣ.

Во всѣхъ женскихъ сибирскихъ училищахъ есть наши институтки; въ частныхъ домахъ онѣ служатъ наставницами; кромѣ того, многія изъ нихъ даютъ уроки дома. Нюта Калугина [5]), не смотря на свою молодость, исполняетъ должность начальницы Нерчинской гимназіи, Саша Аринкина [6]) — Читинскаго пріюта; обѣими чрезвычайно довольны, и каждая получаетъ по 600 руб. Римма Аринкина [7]) даетъ тоже въ Читинской гимназіи много уроковъ и съ большимъ успѣхомъ. Тамъ же занимались: Людмила Корфъ [8]), Лиза Гаряева [9]);—въ Кяхтинской гимназіи: Сахарова [10]), Плятеръ [11]), Трапезникова [12]); здѣсь двѣ сестры Козловы [13]), Яхимовичъ [14]), Чайковская [15]) и Виличковская [16]). Послѣдняя получаетъ 600 руб. — столько же, сколько ея мужъ. Наставницъ въ частныхъ домахъ не считаю, ихъ множество; нѣкоторыя изъ нихъ уже повышли замужъ. Въ институтѣ изъ воспитанницъ

---

[5]) См. 1867 г. 18 мая, пр. 4.

[6]) Аринкина, Александра Петров., вып. 1861 г.

[7]) Аринкина, Римма Петр., первая ученица вып. 1867 г. (по мужу Пріессъ).

[8]) Барон. Корфъ, Людмила Никол., вып. 1863 г., клас. дама въ Иркутск. инст. съ 1871—1879 г. (урожд. Виноградская).

[9]) Гаряева, Елизавета Яковлевна, вып. 1863 г., кл. дам. 1872—1879 г. и учит. педагогики.

[10]) Евдокія Александр. урожд. Неустроева вып. 1865 г.

[11]) Плятеръ, Анна, графиня, вып. 1865 г. (дочь историческ. личности).

[12]) Трапезникова, Марія, вып. 1865 г.

[13]) Козловы, Ольга Евгеніевна, вып. 1865 г. и Елизавета, вып. 1867 г. Ольга служила въ Кяхтѣ и кл. дамой въ Иркутскѣ. Елиз. умерла.

[14]) Яхимовичъ, Елена, вып. 1865 г.

[15]) Чайковская, Людмила Севастьяновна, вып. 1865 г. (по мужу Павлинова). Имѣетъ дипломъ врача.

[16]) Виличковская, Клавдія, вып. 1865 г., по м. Пономарева.

три классныхъ дамы [17]; другія пріѣхали изъ Петербурга и служатъ давно, до прибытія въ Иркутскъ сестры. Здѣсь же учительница танцевъ — своя [18]); были бы и учительницы музыки свои: Останина [19]), Подгорбунская [20]), Курбатова [21]) и Воллертъ [22]); но всѣ повышли замужъ за состоятельныхъ людей. Впрочемъ, Оля Козлова давала уроки 9 мѣсяцевъ; потомъ ее перезвали въ Кяхту, гдѣ она должна была получать около 700 рублей на всемъ готовомъ.

А наши замужнія институтки — прелесть. *Эти молоденькія женщины облагородили* сибирское общество. Между ними нѣтъ *львицъ*, — но много милыхъ, умныхъ, любезныхъ женщинъ. Изъ Иркутска нѣкоторыя уѣхали въ Петербургъ, въ Западную Сибирь, въ Туркестанскую область, на Амуръ, — и всѣ хорошо живутъ.

Гдѣ-то Агнія [23]) теперь? Что сдѣлалось съ этой дѣвушкой? Давно ничего о ней не слышно. Господь да благословитъ институтъ!..

Преемница сестры..., но кто замѣнитъ Анну Петровну? У кого найдется столько горячей, самоотверженной любви къ дѣлу, столько постоянства, настойчивости въ тяжеломъ трудѣ? Кто станетъ такъ строго относиться къ самой себѣ, стремиться все идти впередъ и впередъ такъ стойко и безостановочно!? Кто совмѣститъ въ одномъ лицѣ и сердечную всепрощающую доброту, и свѣтлый, образованный умъ, и твердый характеръ, и крѣпкую волю, и кипучую дѣятель-

---

[17]) Анастасія Петр. Степанова, Ольга Григор. Розова и Мар. Вас. Подгорбунская.

[18]) Ольга Гавриловна Бачаснова (дочь декабр.) вып. 1865 г.

[19]) Евдокія Гавриловна, бывш. Киселева, учит. 1875—1885 г.

[20]) См. 1862 г. 25 окт. и 1869 г. 5 нояб. пр. 8.

[21]) Агафія Николаевна, классн. дама Иркутск. инст. съ 1875—1876 г.

[22]) Александра Антоновна, вып. 1871 г. учит. съ 1871 г.—1875 г. (по мужу Степанова.) См. 1871 г. 26 іюня и 1873 г. 17 іюня.

[23]) Аѳ. Разсказова. См. 1862 г. 24 окт. пр. 3; 1864 г. 6 іюня пр. 1; 1865 г. 21 янв. пр. 1.

ность и откликъ на все прекрасное въ Божьемъ мірѣ... Сестра, моя чудная, была гордость моя въ молодости и остается гордость моя въ старости! Не можетъ быть, чтобы не помянули ее съ благодарностью ея воспитанницы! Много пользы принесла она краю и прожила здѣсь тяжелое десятилѣтіе, смутное для всей Россіи время и еще болѣе смутное въ далекой окраинѣ, гдѣ не у кого ждать никакой поддержки. Въ модѣ было здѣсь идти противъ направленія сестры, которая на своихъ плечахъ выносила всю тяжесть борьбы. Другой бы не подъ силу было, сломилась бы. Съ кѣмъ только не приходилось ей бѣдной вести борьбу...

Подкрѣпи ее, Господи, окончить службу мирно и съ честью, какъ начала! Тѣснятъ ее больно и сильно до сихъ поръ...

Сегодня попалось мнѣ нечаянно неоконченное письмо къ одной изъ подругъ, писанное изъ Саратова, гдѣ, между прочимъ, говорю о сестрѣ, бывшей тогда въ Малороссіи съ покойной мачихой по дѣламъ: «прекрасное это созданіе — моя Анюта! Ты ее не знаешь, и сама я недавно узнала ее; все, что только можетъ совмѣщать въ себѣ возвышенное, благородное, доброе, умное существо, — все въ ней есть; характеръ ея развился во всей идеальной красотѣ; если бы ты ее знала, ты бы сильно ее полюбила. Ею всѣ очарованы: однихъ привлекаетъ ея любезность, умъ, игривое воображеніе, возвышенный образъ мыслей, другіе любятъ ея простодушіе, веселость, доброту. Посмотрѣла бы ты, какъ она мила бываетъ на вечерахъ! Сколько граціи, простоты, непринужденности во всѣхъ ея движеніяхъ! Лорнетовъ не сводятъ съ нея: любуются и старики и молодые».

Въ поѣздку по Малороссіи ее многіе полюбили. Богатая помѣщица Скоропадская [24]) упрашивала ее остаться у нея жить, обѣщая удѣлить часть своего имѣнія, поѣхать съ нею

---

[24]) Около г. Глухова. Черниг. губ.

во Францію, а зиму провести въ Римѣ. Анюта благодарила за все, но не приняла ни одного предложенія, говоря, что никакія блага въ свѣтѣ не въ состояніи оторвать ея отъ семейства, съ которымъ вѣчная «разлука была бы для нея невыносима».

Такъ писали тридцать лѣтъ назадъ о сестрѣ. Сегодня же попались мнѣ стихи, посвященные ей, когда она уже была классной дамой; чтобы не переписывать, я пришиваю ихъ къ этой страницѣ: въ нихъ она обрисована, какъ воспитательница:

АННѢ ПЕТРОВНѢ БЫКОВОЙ.

И вы стиховъ моихъ желали?
Въ угодность вашу я пишу.
Задачу трудную мнѣ дали,
Удачно-ль я ее рѣшу?

ВОСПИТАТЕЛЬНИЦА.

Всегда привѣтлива, любезна,
Съ душой возвышенной, умна,
Во всемъ—познаніемъ полезна,
И терпѣлива, и скромна;
Подруга чести, простоты,
Не любитъ гордости, педантства,
Полна сердечной доброты,
Не знаетъ лести и жеманства...
Душою и лицомъ—она прекрасна:
Талантъ блеститъ въ ея очахъ,
Нелицемѣрна, безпристрастна—
И съ чистой совѣстью въ дѣлахъ.

Анна Петровна БЫКОВА.

(„Нута, Нюта и Annette“).

*
* *

Трудъ тяжкій на себя взяла
Руководить младую нѣжность;
За долгъ священный приняла:
Во всемъ отвѣтственность и вѣрность.
Слѣдитъ развитіе ума,
Неторопливо наставляетъ,
Въ урокахъ всѣмъ она сама
Слова и мысли объясняетъ.
Мораль и истины святыя
Въ сердца влагаетъ всѣмъ одна;
Забавы дѣтства золотыя
Дѣлитъ съ питомцами она.
Въ печаляхъ, радостяхъ дѣтей
Беретъ участіе живое,
Цѣнитъ сердечность у дѣтей,
Храня *призваніе* святое.

* *
*

— Оставить свѣта обольщенье
И жить для пользы лишь другихъ,—
Прямое самоотверженье.
Людей немного есть такихъ!

* *
*

Кто-жъ можетъ *подвигъ* оцѣнить
Вполнѣ достойный уваженья?
Кто можетъ трудъ вознаградить?..
— Одно благое Провидѣнье!

* *
*

Была *великая жена* [25]).
Которая судить умѣла

[25]) Императрица Марія Өеодоровна.

О пользѣ всякаго труда.
Она сама труды имѣла [26])...
Ея преемница [27]) равно
Труды и подвигъ отличаетъ [28]):
Она усердіе давно
Своимъ вниманьемъ награждаетъ...

* *
*

Вотъ идеалъ моихъ сужденій,
— Портретъ любимицы моей.
Но угодилъ-ли вамъ поэтъ-не геній
Перомъ и мыслію своей?

Въ январѣ
1854 г.

А. Аникіевъ [29]).

Все это принадлежитъ исторіи; нынче дорожатъ лоскутками, отрывками едва уцѣлѣвшихъ писемъ, проливающими свѣтъ на извѣстное время. Дѣятельность сестры на пользу родного края не пропадетъ; скажутъ «*спасибо*» грядущія поколѣнія за вѣрную службу русскому великому дѣлу, приготовляющему добрыхъ гражданокъ для возлюбленной Руси нашей!..

[26]) Въ церкви Имп. восп. об. бл. дѣв. сохраняется св. потиръ, украшенный рѣзьбой изъ слоновой кости, по преданію, работы Императрицы М. Ѳ. См. 1-я ч. зап. стр. 373. Шале въ Павловскѣ.

[27]) Т. е. по управленію институтами,—Императрица Александра Ѳеодоровна.

[28]) Многія классныя дамы Имп. восп. об. бл. дѣв. были переводимы начальницами въ провинціальные институты.

[29]) Александръ Петров., даровитый учитель въ Имп. в. об. бл. дѣв. исторіи и рус. языка съ 1814—1853 г. Интересенъ и поучителенъ взглядъ стариннаго, до-Ушинскаго, учителя на воспитательницу и ея обязанности.

Объ иностранцахъ начальникахъ.—Празднованіе нами 25-лѣтняго юбилея института.—Игра Вѣры Петровичъ.—Маша Сокальская, Оля Урановская и Е. А. Мензбиръ. — Празднованіе юбилея дѣтьми. — Поѣздка на заимку архіерея.

1 іюля. Только-что разошлась институтская семья, собравшаяся отпраздновать по-домашнему двадцатипятилѣтнее существованіе института. Для празднества въ болѣе широкихъ размѣрахъ нужно было просить разрѣшенія изъ Петербурга, откуда, пожалуй, и не получили бы своевременно, какъ это часто бывало. Да и нами здѣсь завѣдуютъ три лица германскаго происхожденія; можетъ быть, даже не сочли бы нужнымъ дать позволеніе праздновать это торжественное событіе, принесшее столько пользы отдаленной Восточной окраинѣ русской. Будь то in Riga, oder Rewal, Mitau,—то дѣло другое, то несущія просвѣщеніе мѣстности; но губернскій русскій городъ смиряется и буквально исполняетъ приказанія разныхъ Г... и tutti quanti, не смѣя ставить себя наравнѣ съ препрославленными городами, обитаемыми нѣмцами.

Но настанетъ время, что и нашими дѣлами будутъ завѣдывать русскіе?.. Неужели никогда безъ иностранцевъ не обойдемся? Кажется, воспитаніемъ-то русскихъ дѣтей ближе бы всего заниматься самимъ русскимъ; а посмотрите, кто здѣсь стоитъ во . . . . . ну, да Богъ съ ними, авось, когда-нибудь и станемъ на собственныя ноги;—возвратимся лучше къ нашему празднику.

Послѣ обѣдни и молебна, всѣ служащіе при институтѣ: дамы, пепиньерки, священникъ, учителя, учительницы, членъ по хозяйственной части, экономъ—собрались въ комнатахъ Анны Петровны; пили чай, завтракали, обѣдали. Бесѣда шла веселая, оживленная: были все свои, и стѣсняться, стало быть, было нечего и некого. Послѣ обѣда открыли рояль,—Вѣра сыграла Rondo изъ Sonate pastorale Бетховена, потомъ Allegro изъ сонаты «Appas.»; отдохнувъ, — финалъ изъ той

же сонаты. Въ другихъ комнатахъ стали пѣть русскія пѣсни. Одни остались въ залѣ, другіе вышли въ садъ; въ числѣ нихъ была и я. Маша Совальская [1]), бывшая пепиньерка—Оля Урановская [2]), Елиз. Алекс. Мензбиръ [3]) и я усѣлись на террасѣ, ведущей прямо изъ корридора въ садъ. Подлѣ меня вертѣлась Вѣра и, во время пѣнія въ залѣ, болтала безъ умолку. Когда пѣвицы стихли, Анна Петровна опять усадила Вѣру за рояль и просила сыграть одну изъ любимыхъ пьесъ Анны Петровны Sehnsucht am Meere. Къ намъ на террасу пришли еще три пепиньерки: Саша Филимонова [4]), Лиза Осипова [5]) и Паша Курбатова [6]), всѣ—премиленькія. Звуки прекраснаго рояля Штюрцваге неслись къ намъ изъ оковъ залы и изъ дверей, растворенныхъ настежъ. Нѣжные, страстные, ласкающіе напѣвы разливались въ воздухѣ; глаза отдыхали на яркой густой зелени древесной листвы и на клумбахъ цвѣтовъ; теплый, легкій вѣтерокъ мягко обвѣвалъ лицо и шею. Мы всѣ стихли, прислушиваясь къ поэтической игрѣ Вѣры, и у всѣхъ, вѣроятно, навѣялись свои завѣтныя думы... Когда музыка смолкла,—подлѣ меня плакала одна изъ прежнихъ институтокъ, вышедшая до пріѣзда Анны Петровны.

Музыка, садъ, насаженный и выросщенный сестрою, молодыя женщины и дѣвушки, живые цвѣты, мое прошлое и будущее той молодости,—все вмѣстѣ порождало множество мыслей въ головѣ... Благословляла я тѣ новыя, честныя силы на долгій, разстилающійся предъ ними, путь жизни. Гдѣ-бъ

[1]) Урожд. Марія Рейнталь, вып. 1859 г. (по 2-му мужу Штраухъ).

[2]) См. 1864 г. 6 іюня пр. 2.

[3]) Елиз. Александр. была клас. дама въ Иркут. институтѣ 1875—1881 г.

[4]) Александра Никол. (сестра Ольги Фил., вып. 1869 г., замужемъ за морякомъ Любицкимъ, а потомъ за Бротерусомъ).

[5]) Осипова, Елизавета Ив., вып. 1869 г., учительн. пѣнія въ Иркут. институтѣ 1873—1875 г. (по мужу Шершавина).

[6]) Курбатова, Параск. Никол., вып. 1869 г. (по мужу Шешукова).

ни были онѣ, пусть по совѣсти исполняютъ долгъ свой,— и благо имъ и другимъ будетъ...

Маша Сокальская, одного выпуска съ Олей Урановской, была два года пепиньеркой и потомъ вышла замужъ. Моложенькой дѣвушкой любила она танцы, общество, шумъ и блескъ вечеровъ; хорошенькимъ цвѣткомъ красовалась она во всѣхъ собраніяхъ и танцовала до упада. 17-ти лѣтъ вышла она по любви за молодого и достойнаго человѣка, но безъ состоянія; вскорѣ сдѣлалась матерью и съ тѣхъ поръ, безъ сожалѣнія, простилась со всѣми свѣтскими увеселеніями; добрая жена—она безропотно сноситъ всѣ невзгоды неразлучныя съ жизнью бѣднаго человѣка, все состояніе котораго зависитъ отъ службы; сама роститъ, учитъ и обшиваетъ малютокъ-дѣтей, занимается хозяйствомъ и находитъ время для музыки.

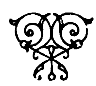
Оля Урановская, бывшая Филимонова, овдовѣвъ, снова вступила классной дамой въ институтъ. Теперь (въ 1871 г.?) Оля Урановская вышла замужъ за подполк. артил. Лазарева, начальника крѣпостной артиллеріи въ Николаевѣ и сегодня отправляется въ путь. Анна Петр. поѣхала проводить ее; я же простилась утромъ и поплакала вмѣстѣ, когда она молилась въ послѣдній разъ въ нашей спальнѣ предъ завѣтными благословенными образами. Вѣроятно, болѣе не увидимся въ жизни... Да поможетъ ей Господь внести въ окружающую ее среду правила ученія Христова, въ которомъ заключаются всѣ совершенства души человѣческой!

Елизавета Алекс. Мензбиръ даетъ здѣсь уроки музыки; воспитанница Николаевскаго сир. института—это милая, добрая, честная, трудолюбивая женщина, и мы обѣ ее очень любимъ и часто видимся. Она зарабатываетъ около тысячи рублей и, разумѣется, вмѣстѣ съ мужемъ вноситъ благосостояніе въ свой домъ, гдѣ все сама дѣлаетъ и всѣмъ завѣдуетъ, кромѣ кухни и грязной работы.

Дѣти, въ то время, какъ мы завтракали, сидѣли за своимъ

столомъ, гдѣ, для праздника, угощали ихъ члены по хозяйственной части и экономъ роскошнымъ обѣдомъ; потомъ дали полную свободу дѣлать, что хотятъ, а старшій классъ явился въ комнаты Анны Петровны. Въ пять часовъ все кончилось; а въ 6-ть—сестра, три пепиньерки, Оля Урановская и 5 воспитанницъ старшаго класса поѣхали гулять на заимку [7]) архіерея, гдѣ останутся часовъ до 9-ти.

Анна Петровна, послѣ окончанія экзаменовъ, обыкновенно поочереди ѣздитъ съ дѣтьми на разныя дачи знакомыхъ.



Прогулки Анны Петровны съ воспитанницами въ Вознесенскій монастырь.

5 августа. Вчера и сегодня я цѣлый день одна. Анна Петровна отправились съ дѣтьми на богомолье въ Вознесенскій монастырь [1]), что дѣтямъ доставляетъ большое удовольствіе.

4 августа, въ $7^1/_2$ час. утра, она уѣхала съ старшимъ классомъ къ перевозу, оттуда прямо до монастыря пѣшкомъ. Въ гостинницѣ всѣ отдохнули передъ обѣдней, по окончаніи которой, настоятель, архимандритъ Веніаминъ, просилъ сестру въ свои кельи, гдѣ приготовленъ былъ обильный завтракъ; кромѣ того, изъ института привезли обѣдъ, чай и все необходимое. Дѣти ходили къ вечернѣ; послѣ нея, за оградой монастыря, на отлогомъ берегу Ангары пили чай, гуляли и въ 9 часовъ вечера возвратились домой совершенно счастливыя своей прогулкой.

Сегодня Анна Петровна, чтобы не огорчать другіе два класса, не откладывая поѣздки, снова отправилась въ 7 часовъ и вернулась въ девятомъ съ большими затрудненіями.

[7]) Мѣстное названіе загородной дачи.

[1]) Въ 4-хъ верстахъ отъ Иркутска (см. 1858 г. 25 окт. пр. 4).

Верховой вѣтеръ съ Байкала быстро возвышаетъ воды въ Ангарѣ. Утромъ шли въ монастырь по доскамъ, вечеромъ— уже все было снесено; экипажи заливались водою и пробирались узенькою тропинкою по берегу Ангары. Теперь, слава Богу, всѣ спокойны и довольны, и никто не пострадалъ; только моя Нута очень утомилась.

Нашъ концертъ. — Пожертвованія. — Телеграммы о франко-прусской войнѣ. — Ривароль о религіи и философіи.

18 сентября. Три недѣли назадъ, 20 августа, устроили мы концертъ въ пользу постройки дома для сестеръ милосердія. Чистой выручки получилось 625 руб., а съ 28 августа Нута передала въ дамскій комитетъ 1,475 руб., потому что къ нимъ присоединила сестра 500 р.—жертву М. А. Сибирякова, Курбатова (200) и И. С. Хамина (150 р.).

Концертъ удался во всѣхъ отношеніяхъ,—и слава Богу! Изъ пьесъ для фортепіано исполняли въ началѣ 1-ой части Jubel ouverture—Вебера въ четыре руки двѣ воспитанницы изъ 2-го класса [1]). Во 2-ой части—увертюра изъ Фрейшюца на 2-хъ рояляхъ въ восемь рукъ — двѣ пепиньерки и двѣ воспитанницы старшаго класса [2]). Соло — Вѣра: Adagio и Rondo изъ 2-го концерта Вебера и Allegro изъ сонаты «Appas.» — Бетховена. Ольга—кн. Вяземская [3]) участвовала съ квинтетомъ въ секстюорѣ Мошелеса. Она восхитила всѣхъ своей жемчужной игрой; дѣйствительно, игра ея своею чистотою, плавностью, ясностью, блескомъ напоминаетъ сыплющійся жемчугъ! Оля за роялемъ—въ своей сферѣ: проста, безъ всякой натяжки, безъ принужденія; сидитъ, какъ будто

[1]) В. П. Софьина и Т. П. Харинская (12 и 11 лѣтъ).

[2]) В. Г. Петровичъ, М. В. Подгорбунская, Нат. Г. Петровичъ и А. М. Рухлова.

[3]) Ольга Мих., урожд. Сибирякова (см. 1859 г. 7 янв. пр. 1).

бы въ залѣ не было 300 слушателей. Вѣра, по обыкновенію, играла съ огнемъ, съ увлеченіемъ. Allegro Бетховена особенно хорошо ею выполнено. Увертюра въ 8 рукъ сошла прекрасно; за нее я всего болѣе боялась.

Концертъ происходилъ въ институтской залѣ. Портретъ во весь ростъ покойной Государыни Александры Ѳеодоровны, при которой основанъ институтъ, былъ украшенъ цвѣтами. Эстрада была тоже вся въ зелени и цвѣтахъ; зала освѣщена á giorno, всѣмъ было весело: и институткамъ и слушателямъ. Гимнъ повторяли безъ счета разъ.

— Въ то время, какъ мы готовились къ концерту, въ Иркутскъ приходили телеграммы самаго мрачнаго свойства.

Нѣмцы, словно варвары среднихъ вѣковъ германскаго происхожденія, наводняютъ Францію. Бойня идетъ страшная. Прекрасная страна обливается кровью, а нѣмцы все новые и новые прибываютъ и несутъ съ собою смерть, пожары, опустошеніе.

И это образованный народъ! и это христіане!..

Наполеонъ въ плѣну; его жена и сынъ бѣжали въ Англію. Франція снова, въ третій разъ, республика! «Непогрѣшимый» въ плѣну, а Викторъ-Эммануилъ въ Римѣ; Мадзини [1]) въ Гаэти.

Что это будетъ?—Мятутся народы, какъ во время нашей злополучной Крымской войны...

Хотя бы насъ миновала рѣзня!..

Пруссаки давно зарятся на наши прибалтійскія губерніи, гдѣ 200 тысячъ нѣмцевъ и два милліона латышей и эстонцевъ, всѣми силами отбивающихся отъ своихъ господъ-тирановъ...

«Il me faut, comme à l'univers, un Dieu, qui me sauve du chaos et de l'anarchie de mes idées. Son idée délivre

[1]) Мадзини — знамен. итальянскій революціонеръ (1805—1872 г.). Въ семидесятомъ году былъ заключенъ на островъ Гаэти.

notre esprit de ses longs tourments et notre coeur de sa vaste solitude».

Rivarol.

[Переводъ]. Мнѣ нуженъ, какъ и міру, Богъ, который спасетъ меня отъ смятенія и безпорядка моихъ мыслей. Мысль о Немъ освобождаетъ умъ отъ долгихъ мученій, а душу изъ огромной пустыни.

Les objections contre l'existence de Dieu sont épuisées et ses preuves augmentent tous les jours: elles croissent et marchent sur trois ordres: dans l'intérieur des corps, toutes les substances et leurs affinités; dans les cieux, tous les globes et les lois d'attraction; au milieu, la nature animée de toutes ses pompes.

Considérant les philosophes modernes comme les pères du désordre et de l'anarchie, il les montre possédés d'une manie d'analyse, qui porte en toute matière sociale les dissolvants et la décomposition.

«Dans la physique, dit-il, ils n'ont trouvé que des objections contre l'auteur de la nature; dans la métaphysique que doute et subtilités; la morale et la logique ne leur ont fourni que des déclamations contre l'ordre politiqué contre les idées religieuses et contre les lois de la propriété; ils n'ont pas aspiré moins qu'à la construction du tout par la révolte contre tout.

Que dire d'un architecte, qui chargé d'élever un édifice, briserait les pierres, pour y trouver des sels, de l'air et une base terreuse, et qui nous offrirait ainsi une analyse au lieu d'une maison.

Ils ont cru, ces philosophes, que définir les hommes, c'était plus que les réunir, que les émanciper, c'était plus que les gouverner; et qu'enfin les soulever, c'était plus que les rendre heureux. Ils ont renversé des états pour les régénérer et disséqué les hommes vivants pour les mieux connaître.

«Que l'histoire vous rappelle, que partout, où il y a mélange de religion et de barbarie, c'est toujours la religion qui triomphe; mais que partout, où il y a mélange de philosophie et de barbarie, c'est la barbarie qui triomphe. La philosophie

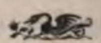
divise les hommes par les opinions, la religion les unit dans les mêmes principes.

Rivarol [5]).

[Переводъ]. Возраженія противъ существованія Бога истощены, доказательства прибываютъ съ каждымъ днемъ, они растутъ и идутъ въ трехъ порядкахъ: устройствомъ тѣлъ, ихъ составомъ и сродствомъ, въ небесахъ—всѣми планетами и законами ихъ притяженія и въ центрѣ—оживленной во всей своей пышности природой. Разбирая новѣйшихъ философовъ, какъ отцовъ безпорядка и анархіи, онъ указываетъ на нихъ, какъ на обладающихъ маніей анализа, который вноситъ во всѣ соціальные вопросы распущенность и разрушеніе.

Въ вещественномъ мірѣ, онъ говоритъ, они не нашли ничего, кромѣ возраженій противъ Творца природы; въ метафизикѣ—сомнѣніе и обманъ. Нравственность и логика заставили ихъ витійствовать противъ политическаго порядка, противъ религіозныхъ идей и противъ закона собственности; они стремятся къ передѣлкѣ всего путемъ возмущенія противъ всего. Что сказать объ архитекторѣ, которому поручено было бы воздвигнуть зданіе, а онъ разбивалъ бы камни, чтобы узнать ихъ составъ, и который представилъ бы намъ вмѣсто дома—анализъ этихъ камней! Эти философы думали, что познать людей было бы важнѣе, нежели ихъ соединить, эмансипировать ихъ—важнѣе, нежели сдѣлать ихъ счастливыми. Они разрушали государства, чтобы ихъ возсоздать, и производили опыты надъ живыми людьми, чтобы лучше узнать ихъ. Пусть исторія вамъ напомнитъ, что вездѣ, гдѣ есть смѣшеніе религіи и варварства, тамъ религія всегда торжествуетъ, но вездѣ, гдѣ встрѣчается философія съ варварствомъ, тамъ торжествуетъ варварство. Философія дѣлитъ людей по ихъ общему убѣжденію, религія ихъ соединяетъ тѣми же принципами.

Ривароль.



О французахъ.—Русскіе герои Крымской войны.—Возмездія за кровопролитныя войны.—Негодованія на нѣмцевъ.—Александръ Бестужевъ.

23 сентября. Какъ пала нравственно Франція! 22 августа 80 тысячъ войска положили оружіе. 20 сентября 112 тысячъ сдались безъ боя на капитуляцію! Позоръ неслыханный въ лѣтописяхъ народовъ!!..

---

[5]) Графъ Антуанъ, другъ d'Аламберта. Въ революціи—поклонникъ политической реформы. Извѣстенъ сатирами и эпиграммами, полными ума и злости. Умеръ въ Берлинѣ въ 1801 году.

А наши въ Крыму 11 мѣсяцевъ, изо дня въ день, отстрѣливались отъ союзныхъ войскъ 4-хъ государствъ, имѣя плохое вооруженіе, недостатокъ продовольствія, при отсутствіи порядочныхъ путей сообщенія, не имѣя даже опытныхъ полководцевъ, исключая признанныхъ героевъ въ родѣ Хрулева, Нахимова, Корнилова Истомина и другихъ очень немногихъ. И ложились костьми русскіе люди, передавая грядущимъ поколѣніямъ завѣтъ, какъ надо умирать за свою мать-родину, за Русь православную! [1]).

Бѣдные французы! и надъ ними, какъ то было надъ нами, тяготѣетъ судъ праведный... Можетъ быть эта война и имъ послужитъ тоже огнемъ очистительнымъ: всенародное бѣдствіе заставитъ глубже войти въ самихъ себя, признать за собою много дурного и возродиться къ новой жизни...

Послѣ первой революціи, послѣ побѣдоноснаго шествія французовъ по всей Европѣ, настали войны мщенія народовъ за прежніе захваты, за грабежи, за милліоны павшихъ братій. Союзныя войска два раза были въ Парижѣ; народъ былъ униженъ, посрамленъ. Но то время скорби пробудило въ душахъ французовъ уснувшія святыя вѣрованія въ Боже-

---

[1]) Подобный же взглядъ у Варв. Петр. былъ и на русско-турецкую войну 1877 г.: „въ эту страшную войну за братьевъ славянъ сколько стойкости и мужества проявили наши мученики воины! Не пишу объ этомъ болѣе потому, что силъ не хватаетъ: страданій на землѣ такъ много... и мнѣ не остановить потоковъ крови, проливаемой изъ за жестокихъ Бисмарковъ, Биконсфильдовъ, Андраши и всѣхъ такъ называемыхъ „просвѣщенныхъ туркофиловъ", отдающихъ сознательно милліоны несчастныхъ славянъ въ руки мусульманъ-палачей, истязающихъ свои жертвы. Писать объ этомъ...—но то была бы непрерывная рѣчь о низости человѣческой, о страданіи угнетенныхъ и о безпредѣльномъ терпѣніи русскихъ воиновъ, которые стоятъ выше всякой похвалы.

Теперь, какъ и встарь—во время крымской войны *), ночи проходятъ безъ сна подъ напоромъ мыслей, и всей душою призывается миръ благодатный. Но гдѣ тотъ миръ?.. Того и смотри—война съ Англіею!

О, палачи, палачи цивилизованные! Нѣтъ, не хочу писать,—будетъ!—Настрадалась"!.. (Изъ замѣтокъ за 1878 годъ).

*) См. зап. ч. 1-я—1854, 1855 г. нач. 1856 г.

ство, въ безсмертіе, въ промыслъ Божій; воскресла любовь къ обезславленному отечеству, истощенному длиннымъ рядомъ войнъ и окончательно порабощенному... Лучшіе люди стали пристальнѣе вглядываться въ совершавшіяся событія и передавать другимъ свои мысли, чувства, свое горе народное. И полились широкимъ потокомъ неслыханныя на землѣ человѣческія пѣсни, и, внимая тѣмъ чистымъ, небеснымъ звукамъ просвѣтлялся умъ, согрѣвалось сердце, и миръ Божій проникалъ въ грѣшныя души!..

Какъ высоко поднялась тогда Франція среди побороввшихъ ее народовъ! Можетъ быть, снова, послѣ 20 лѣтъ военнаго самообольщенія, послѣ длинной вереницы годовъ полной разнузданности нравовъ, нужно сильное потрясеніе?

Франція не погибнетъ отъ нашествія германскихъ варваровъ;—очищенная въ горнилѣ страданій, она снова воспрянетъ, по призыву лучшихъ людей, и снова зацвѣтетъ прекрасная страна; и нѣмцамъ, обагреннымъ кровью, не уничтожить ее! Было время, что вся Франція была въ рукахъ англичанъ, и король англійскій короновался въ Парижѣ... Было время, когда и наша Русь многострадальная была въ одно и то же время раздираема врагами внѣшними: нѣмцами, шведами, поляками, татарами и внутренними раздорами и предателями— и что-же? Прошли вѣка: Франція сильна и цвѣтуща; Россія побила шведовъ, нѣмцевъ, поляковъ и татаръ и раскинула, голубушка, свои владѣнія на необъятныя пространства.

Статься можетъ, что ненасытный нѣмецъ сожметъ своей желѣзной рукавицей и насъ, какъ Францію и Данію и однокровную Австрію.—Пусть сожметъ; настанетъ и его чередъ; Пруссія уже была въ нашихъ рукахъ, и Наполеонъ проѣхался по ней. Были когда-то грозные императоры германскіе; были папы, властители вселенной; былъ Наполеонъ I, расправлявшійся судьбами всей Европы,—и что-же?—Наполеонъ для отдыха отправленъ на островъ св. Елены, императоры давно сошли со сцены; а папы... папы—возбудили про-

тивъ себя почти всеобщее негодованіе. Такъ чередуются событія... Придетъ возмездіе и нѣмцамъ, проливающимъ кровь, какъ наступилъ судъ и Наполеону III,—тоже кровопролителю. Много зла надѣлалъ онъ чужимъ и далеко не осчастливилъ Францію, такъ опрометчиво возложившую на него вѣнецъ императорскій...

— Въ послѣднихъ двухъ книгахъ «Русскаго Вѣстника» печатаются письма Алекс. Бестужева [2]) къ матери и братьямъ Вся поэтическая личность страдальца встаетъ въ этихъ письмахъ и задушевныхъ разговорахъ, какъ живая. Легкіе недостатки, сквозящіе въ нихъ, искупаются искренностью, чистотою его прекрасной, благородной души. Равнодушно нельзя ихъ читать: знаешь, что гореего—невыдуманное горе, не искуственныя слезы; то было дѣйствительное страданіе, то стоны больной души, измученной своимъ бѣдствіемъ и бѣдствіемъ своихъ братьевъ. Бестужева я страстно любила въ первой молодости; не зная, кто Марлинскій, я съ наслажденіемъ читала и зачитывалась имъ; но еще болѣе занялась имъ, когда узнала, что то одинъ изъ пяти Бестужевыхъ. Помню, разъ какъ-то, въ Смольномъ, въ воскресенье попалась мнѣ одна изъ повѣстей его; какая именно—не могу припомнить. Я такъ углубилась въ чтеніе, что не замѣтила, какъ подошла ко мнѣ инспектриса съ вопросомъ, чѣмъ такъ сильно занята я? Вмѣсто отвѣта я показала книгу и тутъ-то въ первый разъ узнала, что авторъ ея — Алекс. Бестужевъ, который былъ тогда на Кавказѣ. Разумѣется, со временемъ, я уже немного охладѣла къ Бестужеву, цвѣтистый слогъ котораго пересталъ мнѣ нравиться; но, тѣмъ не менѣе, самъ Бестужевъ, послѣ смерти, сохранилъ всю прелесть въ моемъ воспоминаніи. Теперь-же, читая его письма, опять на-

---

[2]) Александръ Александ. Бестужевъ, (дек.) болѣе извѣстенъ подъ псевдонимомъ „Марлинскій". (Род. 1797 г., а въ 1837 г. убитъ на Кавказѣ). Беллетристъ и критикъ.

чинаю цѣнить ихъ еще болѣе и сожалѣть даровитаго, такъ рано погибшаго, умнаго, но увлекавшагося человѣка!

Болѣзнь воспитанницъ и Нуты.—Нетлѣніе останковъ святителя Софронія.—Размышленіе о тайнахъ человѣческой жизни.

14 октября. Вотъ уже третій день и третью ночь проводитъ сестра у постели больной воспитанницы въ дѣтской институтской больницѣ.

У Нюты Савенковой [1]) заболѣло горло утромъ; въ воскресенье вечеромъ сдѣлался жаръ, въ понедѣльникъ сильно затруднилось дыханіе, и съ тѣхъ поръ мы живемъ между страхомъ и надеждою. Моя бѣдная сестра страшно безпокоится, страдаетъ, а я, глядя на нее, не имѣю ни сна, ни покоя.

Сегодня Нуточка ѣздила молиться; завтра поднимаетъ образъ Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ радости.

Въ здѣшнемъ соборѣ похороненъ (кажется, въ прошломъ столѣтіи) святитель Софроній, о которомъ въ народѣ давно ходитъ молва, что онъ былъ святой жизни человѣкъ и что мощи его нетлѣнны; на могилѣ его служатъ панихиды, какъ служили ихъ на могилѣ Тихона Задонскаго. И Нута ѣздила сегодня тоже въ соборъ отслужить панихиду.

Слава Богу, Нюта Савенкова выздоровѣла; потомъ заболѣла тоже опасно Саша Гамелла [2])—и снова Нуточка на нѣсколько дней и ночей поселилась въ больницѣ у больной. Всѣ эти тревоги, волненія и ночи безсонныя оказали сильное вліяніе на здоровье сестры: разлилась желчь, появились головокруженія и слабость. Нута нѣсколько дней была больна.

Лѣтомъ, въ этомъ году, поправляли Иркутскій соборъ, обновляли его и передѣлывали внутри; всѣмъ завѣдывалъ

[1]) Савенкова, Анна, вып. 1871 г. (по мужу Некрасова).
[2]) Алек. Гамелла, вос—ца вып. 1875 г. (по мужу День).

самъ преосвященный. Исправленіе храма дало строителямъ случай удостовѣриться въ истинѣ народной молвы. Самъ преосвященный со многими интересовавшимися лицами удостоились видѣть совершенно сохранившееся тѣло святителя,— даже покровъ и одежды цѣлы.—Непостижимо!

Да, есть тайны, въ которыя никакъ не проникнешь!..

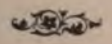
Но развѣ наше собственное существованіе не есть тоже необъяснимая тайна?—Откуда? Зачѣмъ? Куда?.. А душа человѣческая? а стремленія всѣхъ къ чему-то лучшему, недосягаемому? а разумъ, вѣчно жаждущій новыхъ познаній? а потребность вѣрованія въ высшія начала,—въ Божество? а желаніе жить по смерти?.. Кто вложилъ эти мысли въ умы всѣхъ народовъ?

О, тайна великая, непостижимая, неразрѣшимая на землѣ! Не говорю о духовной сторонѣ. Нельзя не благоговѣть предъ премудрымъ устройствомъ нашего тѣла, гдѣ съ математическою точностью опредѣлены всѣ отправленія, гдѣ кровь неустанно движется по разъ назначенному пути, гдѣ каждый фибръ знаетъ свое дѣло, гдѣ все работаетъ по невидимому мановенію Всемогущаго и Вездѣсущаго Владыки. Развѣ можно объяснить, откуда все это взялось?

Да, наука, расширяя все болѣе и болѣе кругозоръ ума человѣческаго, наполняетъ душу неизъяснимымъ благоговѣніемъ къ Создателю: чувствуешь свое ничтожество среди безчисленныхъ міровъ и, между тѣмъ, знаешь, что, несмотря на свое ничтожество, въ *тебѣ горитъ искра Божественная*, освѣщающая въ душѣ твоей темное сознаніе о высшемъ назначеніи.

«Ничто, но Ты во мнѣ Себя изображаешь,
Какъ солнце въ малой каплѣ водъ!»

Господи, дай мнѣ вѣру крѣпкую и любовь къ Тебѣ, моему Творцу, и собратьямъ моимъ—людямъ!



Телеграммы о франко-нѣмецкой войнѣ.

20 октября. Опять пришла третья страшная телеграмма: 150 тысячъ французскаго войска сдались на капитуляцію!.

Событіе неслыханное въ мірѣ: 300 тысячъ арміи сдались въ три пріема непріятелю!

Чѣмъ истолковать подобное несчастіе съ народомъ, всегда слывшимъ воинственнымъ и храбрымъ?—Какое паденіе! какой позоръ!!.

А наши бѣдные солдатушки и ополченцы такъ и ложились подъ вражескимъ огнемъ;—тѣ безымянные герои развѣ посрамляли такъ землю русскую?

Но, бѣдные французы! и жестокіе нѣмцы!..—Какъ хладнокровно избиваютъ эти «культуртрегеры» десятки тысячъ людей!.. какъ опустошаютъ, какъ унижаютъ несчастную страну!..

О, у нѣмца не ищи жалости; тевтонское племя—самое жестокое изъ всѣхъ племенъ.

Бѣдные французы! Парижъ, вѣроятно, тоже сдастся на капитуляцію.

1871 г.

Нападки европейцевъ на Россію.—Недоброжелательство къ Россіи Франціи.—Слухи о новомъ генералъ-губернаторѣ.—Воспоминанія о бывшихъ.—Отзывы генерала Сколкова объ Иркутскомъ институтѣ.

8 января. Благослови, Господи, вѣнецъ наступающаго года благостью Своею, утоли вражду, нестроеніе и междуусобныя брани; подай миръ, твердую и нелицемѣрную любовь, благочинное настроеніе и добродѣтельное житіе! [1]).

Половина Франціи въ рукахъ нѣмцевъ!—Города сдаются. Войска, прекрасно вооруженныя и многочисленныя, отступаютъ, бросая оружіе и припасы въ пользу непріятеля... Что-то непонятное совершается на нашихъ глазахъ; страшно выяснять то, что для себя еще загадочно—но странныя, исключительныя событія переживаемъ мы...

Снова вся европейская печать накинулась на Россію по Черноморскому вопросу, и Франція,—одна изъ первыхъ запѣвалъ. Франція опозоренная, разбитая, опустошенная, изнемогающая подъ желѣзной дланью нѣмца. Франція, къ которой мы, русскіе, такъ сочувственно отнеслись, забывъ 1812, 1855, 1863 гг. и многое, многое другое; эта Франція со злобою отзывается о насъ, пуская въ ходъ избитыя, потерявшія теперь всякое значеніе для насъ, русскихъ, но пол-

---

[1]) Изъ молебна на новый годъ.

ныя презрѣнія, ненависти: «Московиты, кнутъ, сѣверные варвары» и тому подобныя милыя выраженія... Странный, безумный народъ или, вѣрнѣе, безумные правители!.. [2]).

— У насъ, въ Иркутскѣ, тревога: пронесся слухъ, что ѣдетъ новый генералъ-губернаторъ.

Въ провинціи это событіе громадной важности, особенно въ такомъ отдаленномъ краѣ, какъ наша Восточная Сибирь, гдѣ генералъ-губернаторъ съ огромною властью, предъ волею котораго все склоняется, и подчиненные котораго принуждены пѣть на его ладъ и съ нимъ вмѣстѣ, потому что составъ всевозможныхъ второстепенныхъ «служащихъ» набирается по личному усмотрѣнію главнаго *).

Хотя бы хорошій человѣкъ пріѣхалъ, да позанялся серьезно управленіемъ края!.. Говорятъ, старикъ и женатъ на молоденькой.—Такого рода супружество немного предвѣщаетъ хорошаго; нужно много смѣлости и самонадѣянности, чтобы въ 60 лѣтъ жениться на молодой... Впрочемъ, можетъ быть, и хорошая женщина, честная, по крайней мѣрѣ, не слишкомъ злоупотребляющая обаяніемъ молодости въ ущербъ спокойствію стараго мужа.—Но что и за храбрость съ обѣихъ сторонъ! не знаешь, кому удивляться болѣе: весна и зима! Холодный снѣгъ и яркій блескъ цвѣтовъ и зелени! — Непостижимо!..

Впрочемъ, можетъ быть все это неправда; кто нибудь пошутилъ и пустилъ въ ходъ, смѣха ради, свою выдумку; подож-

---

[2]) Сегодня сестра получила отъ Французскаго Общества вспоможенія пострадавшимъ отъ войны письмо, гдѣ, между прочимъ, говорится: „La nation Russe répond avec un si sympathique empressement à l'appel de la charité, que nous avons déjà pu envoyer“ aux malheureuses victimes des localités devastées des secours considérables tant en argent qu'en objets de toute nature“. (Изъ замѣтокъ 1871 г. 21 марта).

[Переводъ]. „Русскіе отвѣчаютъ съ такою поспѣшностью на призывъ милосердія, что мы могли значительно уже облегчить участь несчастныхъ жертвъ опустошенныхъ мѣстностей, посылая имъ деньги и всякаго рода вещи“.

*) Но В. П. забываетъ, что надъ всѣми есть Государственный контроль.

И. д. Генералъ-Губернатора Восточной Сибири

Евгеній Михайловичъ ЖУКОВСКІЙ.

демъ, увидимъ, услышимъ и скажемъ свое правдивое слово [3]).

Изъ всѣхъ правителей и вліятельныхъ лицъ, жившихъ временно или постоянно въ Восточной Сибири, съ особенной благодарностью вспоминаемъ: графа Амурскаго, съ которымъ поссорили насъ недобрые люди; Евгенія Михайловича Жуковскаго, честнаго, умнаго, добраго, образованнаго человѣка, отъ котораго, кромѣ добра, ничего не видали, и Ивана Григорьевича генералъ-адъютанта Сколкова [4]). Вотъ три человѣка, относившіеся сочувственно къ трудамъ сестры; да благословитъ ихъ Богъ за привѣтъ, за слово одобренія, за нравственную поддержку честной женщины!

Много я спорила съ Евгеніемъ Михайловичемъ, и никогда онъ не сердился, только сошелся болѣе съ Анной Петровной по сходству убѣжденій и по складу ума. Теперь, когда разоблачилось много лжи и обнаружилась истина, вижу, что была во многомъ не права, особенно въ отношеніи къ полякамъ, которыхъ Евгеній Михайловичъ зналъ очень коротко и далеко не въ радужномъ цвѣтѣ; но тогда, отума-

---

[3]) Слухъ дѣйствительно былъ не совсѣмъ вѣренъ: жена С.—вдова, у которой сынъ лѣтъ 25; стало быть—не безумный бракъ. С—въ оказался честный, добрый, хорошій человѣкъ, неутомимый дѣятель, предпринявшій много хорошаго, чего, вѣроятно, совершить не успѣетъ, за отъѣздомъ въ Петербургъ, куда его зачѣмъ-то вызвали. Жаль, если утратитъ его Восточная Сибирь. Между тѣмъ, почти навѣрное можно сказать, что здѣсь ему не зажиться. Въ короткое время онъ нажилъ себѣ безчисленное множество враговъ, начиная съ евреевъ до... до всѣхъ, исключая народа, который любитъ его, говоря, что „такого генерала (т. е. генералъ-губернатора) еще не бывало". Доступъ къ нему открытъ для всѣхъ съ пяти часовъ утра: и малый, и слабый, и больной, неимущій—всѣ идутъ къ генералу,—отказа никому. Нельзя не пожалѣть, что именно на такого человѣка обрушилась общая вражда.—Много бранили гр. Муравьева и М. С. Корсакова, но у нихъ былъ свой придворный штатъ, связанный съ ними крѣпкими узами личныхъ выгодъ,—по крайней мѣрѣ тѣ превозносили и геніальный умъ Муравьева и сердечную мягкость Корсакова. (Изъ замѣтокъ автора 1871 и 1872 года).

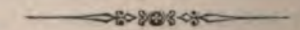
[4]) Сколковъ, Иванъ Григорьевичъ, пріѣзжалъ въ Иркутскъ ревизоромъ изъ С.-Петербурга.

ненная вмѣстѣ со многими, я видѣла несправедливость въ поступкахъ русскихъ и мнѣ стыдно было за ту несправедливость и я горячо отстаивала права мнимо-угнетенныхъ. Вотъ что значитъ замалчивать, таить истину! Не понимаю, почему запрещали говорить правду, историческую правду, которая одна могла бы пролить свѣтъ и разогнать мракъ международныхъ отношеній! Сколько зла, сколько безплодной крови пролито изъ-за утайки истины. Да, Евгенію Михайловичу было все извѣстно; онъ въ молодости служилъ въ Варшавѣ при Паскевичѣ, и потому неосторожно и почти что неприлично было съ моей стороны такъ горячиться изъ за поляковъ и подчасъ рѣзкимъ словомъ оскорблять честнаго человѣка. Скоро 8 лѣтъ, какъ онъ уѣхалъ, и до самаго пріѣзда генерала Сколкова нынѣ каждодневно вспоминается Евгеній Михайловичъ.

Иванъ Гр. Сколковъ, посѣтивъ институтъ, заговорилъ повсюду объ удивительномъ порядкѣ, поразившемъ его; о непринужденности воспитанницъ; о благовоспитанности институтокъ прежнихъ выпусковъ, которыхъ онъ встрѣчалъ въ Приамурской области. Ему особенно понравилось, что наши институтки отличаются находчивостью и совсѣмъ не ищутъ блеску, и многое, многое, очень лестное, говорилъ онъ о нашемъ институтѣ.

Зная непріязнь и модныя воззрѣнія на институты, слова Сколкова очень ободрили насъ.

Да благословитъ его Господь!



Отрывокъ изъ проповѣди преосвященнаго Парѳенія о плодахъ цивилизаціи Франціи и Германіи.

9 января. Только что прочла слово, сказанное преосвященнымъ Парѳеніемъ [1]) въ соборѣ въ день Новаго года, на

[1]) См. 1866 г. 21 мар. пр. 1 и 1866 г. 12 іюля пр. 2. Есть воспоминанія о преосвященномъ въ біографіи Саввы, архіепископа Тверского (см. „Богослов. Вѣстн." за 1899 г. февр.).

на текстъ Апостола Матѳея: «*Отъ плодъ ихъ познаете ихъ*» [2]).

Дѣло идетъ о плодахъ мнимаго просвѣщенія двухъ, такъ называемыхъ, «передовыхъ народовъ». Многое выражено съ такою правдою и силою, что хочется записать нѣсколько отрывковъ, переписать же всю не станетъ терпѣнія.

«*По плодамъ ихъ узнаете*».

«Конечно, у насъ еще рано созрѣть вполнѣ плодамъ этихъ столѣтнихъ растеній; но не время-ли намъ взглянуть заграницу, откуда пересаживаются къ намъ эти чужепочвенныя пышныя растенія, и посмотрѣть, какіе они тамъ принесли плоды, хотя, напр., въ минувшемъ году? Кто въ минувшемъ году далъ знать о себѣ такъ впечатлительно на весь міръ въ Западной Европѣ, какъ не прогрессъ, можно сказать, олицетворенный въ объединенной германской націи съ ея главою — Пруссіей? И что, какъ не цивилизація, олицетворенная въ полированной до крайней утонченности французской націи съ ея знаменитымъ «Парижемъ?».

«Вотъ буря, раздуваемая страстями, столкнула между собою эти обѣ націи—представительницъ прогресса и цивилизаціи и обила на землю плоды, которые красовались на высотѣ этихъ пышныхъ растеній на прельщеніе многихъ...

«Познавайте, хотя теперь, по плодамъ ихъ, кто они».

Вотъ и французская нація, отъ цивилизаціи которой въ литературѣ, въ художествахъ, въ общественной жизни, въ увеселеніяхъ, модахъ и т. под. брали уроки всѣ народы до послѣдняго времени»! [3]).

Смерть ламповщика Ларіона.—Прошлое Ларіона.

12 января. Въ два часа пополудни, давая уроки музыки, вдругъ услыхала я необыкновенный шумъ въ корридорѣ;—отворяю дверь, и первыя слова нашей горничной поразили

[2]) Еванг. Мѳ. гл. 7-я, ст. 16.

[3]) См. болѣе подробно въ „Иркут. Епарх. Вѣд.“ за 1871 г. № 2.

меня: *«Ларіонъ Павловичъ умерли»*, сказала она со слезами «Бѣдный Ларіонъ Павловичъ умеръ вдругъ, въ кладовой, съ пучкомъ мяты въ рукахъ, за которой туда отправился». Смотрю, идетъ Анна Петровна, вся въ слезахъ: «Ларіонъ умеръ; бѣдный! и смерть его застала на службѣ,—такъ съ мятой въ рукѣ и лежитъ».—И всѣ говорятъ: «бѣдный Ларіонъ! такой былъ добрый, и усердный, и услужливый! Какъ жаль Ларіона!..»

Да, дѣйствительно жаль человѣка, который 12 лѣтъ служилъ при сестрѣ въ самой скромной должности ламповщика; своею честностью, безупречнымъ исполненіемъ и другихъ возлагаемыхъ на него обязанностей онъ заслужилъ общую любовь въ нашемъ институтѣ.—За нимъ всѣ были покойны: прежде чѣмъ ляжетъ, осмотритъ весь институтъ, возьметъ ключи отъ дверей; раньше всѣхъ встанетъ и съ молитвой принимается за свой честный трудъ. Въ 5 часовъ утра, когда всѣ спятъ, отворяетъ дверь въ садъ, чтобы очистить воздухъ; мететъ нижній корридоръ, топитъ печи во всемъ нижнемъ корридорѣ и, когда мы всѣ встанемъ, онъ уже совсѣмъ уберется съ утренней работой; и цѣлый день онъ на ногахъ до 10 часовъ вечера, а иногда и долѣе. Въ домѣ всѣ его любили и относились съ уваженіемъ.

Бѣдный Ларіонъ! Царство ему небесное [1]).

Вечеромъ на панихидѣ сестра молилась о упокоеніи души человѣка, утромъ еще веселаго, работавшаго, по обыкновенію, съ такимъ усердіемъ.

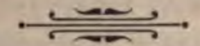
Кто же былъ тотъ Ларіонъ, котораго потеря такъ огорчила всѣхъ насъ?

Въ ранней молодости онъ, какъ сынъ господскаго крестья-

[1]) Ларіонъ Павловъ—клейменый, ссыльно-каторжный, прекрасной души человѣкъ. Былъ замѣшанъ въ убійствѣ Колокольцева въ Сарат. губ.: стоялъ на караулѣ, не подозрѣвая, что оберегалъ убійцъ. Любимый всѣми въ институтѣ. Воспитанницы на заданную тему: „написать чьи-нибудь характеристику“ въ 1867 г.—прекрасно написали біографію Ларіона.

нина, участвовалъ, по приказанію старшихъ дворовыхъ людей, въ убійствѣ своего помѣщика; былъ наказанъ, клейменъ и сосланъ въ каторжную работу. Гдѣ и какъ жилъ онъ прежде поступленія въ институтъ—неизвѣстно; но при институтѣ жилъ онъ болѣе двадцати лѣтъ, и всѣ привыкли смотрѣть на него, какъ на члена большой институтской семьи, которой онъ необходимъ вездѣ. И вдругъ пресѣклась та честная дѣятельность, незначительная въ глазахъ людей, но, вѣроятно, оцѣненная Господомъ Богомъ, предъ Которымъ всѣ равны, у Коего нѣтъ на лица и положенія зрѣнія, гдѣ бы ни служилъ человѣкъ.

Бѣдный Ларіонъ! Вотъ и успокоился. Онъ все хотѣлъ отдохнуть; теперь отдыхъ до второго суда! Когда задумалъ онъ уходить изъ института, сестра сказала ему: «послужи, Ларіонъ, пока я здѣсь; я привыкла къ вамъ, старымъ служителямъ института, и мнѣ будетъ жаль разставаться съ вами».—«Вы не начальница, а мать родная»,—сказалъ бѣдный Ларіонъ Аннѣ Петровнѣ и остался,—но Господь взялъ его...



Побѣжденные французы. — Жестокость нѣмцевъ. — Мое предсказаніе о Наполеонѣ. — Безчеловѣчность мотивовъ, приводимыхъ нѣмцами, какъ поводъ къ войнѣ. — Ростъ Пруссіи.

21 февраля. Ну нѣмцы! Ну Бисмаркъ!—Пять милліардовъ французской контрибуціи и отнятіе Лотарингіи и Эльзаса!.. Просто язычники—римляне да и только! А туда же призываютъ имя Бога милосердаго и Христа Спасителя, отдавшаго Себя за враговъ и за спасеніе рода человѣческаго!..

Сколько крови пролито, а сколько сожжено, истреблено, ограблено! сколько сиротъ, вдовъ и калѣкъ!—Это настоящій походъ «Аттилы XIX-го вѣка!» Но не простятся нѣмцамъ всѣ беззаконія, совершаемыя ими, какъ не простились беззаконія обоихъ Наполеоновъ и ихъ сподвижниковъ.—17 лѣтъ назадъ писала я во время Крымской войны, что не пройдетъ

Наполеону даромъ его черезчуръ смѣлое вторженіе въ предѣлы Россіи [1]); что народъ, поставившій во главѣ своей такого человѣка, самъ свидѣтельствуетъ о своемъ нравственномъ паденіи. 29 августа, когда дошло до насъ страшное извѣстіе объ отступленіи изъ Севастополя, въ отчаяніи я проклинала имена Наполеоновъ, пролившихъ столько крови! Подобно дядѣ, не щадившему милліоновъ людей для своего ненасытнаго честолюбія, льешь и ты кровь французовъ и русскихъ; но, подобно дядѣ, падешь и ты, пигмей презрѣнный! Господь правосуденъ! пробьетъ и твой часъ! и что-же?—Божій судъ свершился надъ Наполеономъ и французами, такъ «побѣдоносно» вторгшимися въ наше отечество и поражавшими насъ въ союзѣ съ тремя государствами Европы.

Такъ свершится судъ Божій и надъ нѣмцами! Когда и какъ—не знаю, но Господь правосуденъ. Годъ назадъ никому въ голову не могло придти, чтобы могущественная, воинственная и богатая Франція была теперь истерзана, унижена, опозорена и поруганная сдалась жестокимъ тевтонамъ. А, между тѣмъ, капитуляція Парижа свершилась и 400,000 войска оказались военноплѣнными... Страшный позоръ!

Храни насъ, Господи, отъ такого несчастья! До сихъ поръ русскіе умирали, но сотнями тысячъ въ плѣнъ не сдавались.

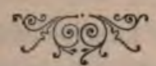
Бѣдные французы!—Измѣнниковъ много между ними; въ правительственныхъ сферахъ нѣтъ любви къ отечеству; нѣтъ святого, нѣтъ гражданскаго мужества—оттого и сдавались войска сотнями тысячъ. Несчастная Франція!

Но какіе жестокіе нѣмцы! Извиняютъ себя тѣмъ, что полстолѣтія назадъ Наполеонъ I также варварски поступалъ съ ними!.. Но что бы стало съ родомъ человѣческимъ, если бы народы вздумали мстить другъ другу спустя десятки лѣтъ?!.

[1]) См. зап. ч. 1-я 1855 г. стр. 341.

Не мѣшало бы приняться въ такомъ случаѣ и за Пруссію, превратившуюся въ короткое время изъ маленькой Мекленбургіи въ громадное европейское государство и захватывающую направо и налѣво все, что плохо лежало. Русская пословица говоритъ: «плохо не клади, кого-то въ грѣхъ не вводи»; то же можно сказать и о европейскихъ «культуртрегерахъ».

Ну и народецъ!.. — *Знанія* расширяются, все вокругъ совершенствуется, а сердце да совѣсть европейская все тѣ же...



Записки Ржевской.—Воспоминаніе о Смольномъ.

3 марта. На дняхъ читала я въ «Русскомъ Архивѣ» выдержки изъ записокъ Ржевской, рожденной Алымовой [1]), смолянки 1-го выпуска, и съ удовольствіемъ остановилась на словахъ, гдѣ она съ благодарностью относится къ мѣсту своего воспитанія. Стало быть, и кромѣ меня и немногихъ другихъ, есть же люди, которые вспоминаютъ съ любовью наши институты.

Да, милый Смольный, много разъ говорю о тебѣ: и въ ранней молодости, когда сидѣла я на классныхъ скамьяхъ, и въ первые годы свѣтской жизни, и въ бытность въ должности воспитательницы въ томъ же Смольномъ, и въ дальнемъ Иркутскѣ въ стѣнахъ института на закатѣ своей педагогической дѣятельности. Съ благодарностью вспоминаю отца и покойную мачиху, старавшихся помѣстить насъ туда.

---

[1]) Алымова, вос—ца Имп. восп. общ. бл. дѣвицъ самыхъ первыхъ выпусковъ (т. е. Екатерининскихъ временъ). Она упоминается въ перепискѣ Императрицы Екатерины II-й съ воспитанницами Смольнаго монастыря. („Бумаги Императрицы Екатерины II-й, хранящіяся въ Государств. архивѣ“, акад. А. Пекарскаго и „Письма Екатерины II-й“ изд. Я. К. Грота).

Всѣмъ, всѣмъ обязана тебѣ, мой дорогой, мой любимый Смольный! Ты представлялъ изъ себя обильную духовную трапезу; всѣ, желавшія насытиться, могли вкушать отъ нея; голодными и нищими отходили отъ нея лишь тѣ, кто отворачивался отъ предлагавшейся здоровой пищи.—Не Смольный виноватъ, что выходили и выходятъ оттуда невѣжественными; видимъ мы, что многіе, окончившіе курсъ въ университетахъ, не знаютъ русской грамматики; не винить же университеты, что молодые люди не хотятъ пользоваться предоставленнымъ имъ образованіемъ, вѣдь они не дѣти!

— Такъ добрая воля каждой изъ насъ—пополнять полученное или дать совершенно вывѣтриться головѣ...

Воспоминанія о генералъ-губернаторѣ М. С. Корсаковѣ и графѣ Н. Н. Муравьевѣ-Амурскомъ.

30 марта. Вотъ и Корсакова [1]) не стало. Уже предъ другимъ генералъ-губернаторомъ клонятся головы Иркутянъ, и другому уже генералъ-губернатору дается сегодня въ купеческомъ клубѣ—вечеръ, и завтра въ дворянскомъ собраніи—другой; между тѣмъ всего двѣ недѣли, какъ бѣдный Корсаковъ покончилъ свои разсчеты съ здѣшнимъ міромъ... Какъ будто ничего и не случилось; какъ будто все идетъ своимъ обычнымъ порядкомъ и не сошелъ на вѣки съ лица земли человѣкъ, который еще такъ недавно безгранично властвовалъ во всей Восточной Сибири!.. Все тѣ же чины военные и гражданскіе, то же купечество, сгибавшееся и улыбавшееся Михаилу Семеновичу и его женѣ, точно такъ же

[1]) Корсаковъ см. 1862 г. 3 янв. пр. 2.

заискиваетъ и принижается предъ Синельниковымъ, который прибылъ только 20 марта, стало быть, ничѣмъ еще не успѣлъ заслужить уваженія... [2]).

О, человѣчество!...

Долго не могла я свыкнуться съ мыслію, что нѣтъ болѣе въ живыхъ человѣка, котораго нѣсколько мѣсяцевъ назадъ видѣла цвѣтущаго здоровьемъ, котораго знали въ продолженіи 12 лѣтъ и не надѣялись пережить. Помню живо наше первое знакомство: то было ровно 12 лѣтъ назадъ, въ 1859 г., въ мартѣ.

Входитъ въ комнаты сестры графъ Амурскій, котораго я вспоминаю съ благодарностью, не разбирая его дѣйствій, какъ правителя Восточной Сибири; я только помню личныя отношенія его къ сестрѣ и ко мнѣ, при нашемъ пріѣздѣ въ Иркутскъ. Всегда онъ былъ внимателенъ и добръ; исполнялъ охотно всѣ просьбы касательно института, въ которомъ принималъ большое участіе. Любила я умную, одушевленную его рѣчь и простоту въ обхожденіи въ то время, когда онъ былъ могущественнымъ властелиномъ обширнаго края, и когда все гнулось предъ его волей. Бѣдный Муравьевъ! — отуманили его лесть и похвалы чрезмѣрныя; увлекся онъ и скитается теперь за границей. Правда, онъ членъ Государственнаго Совѣта, имѣетъ 5 тысячъ жалованья, но ему не даютъ завистники трудиться и онъ ничего сдѣлать не можетъ; а могъ бы много, много еще поработать. Бѣдный «Николай Николаевичъ»! — Подъ этимъ именемъ извѣстенъ онъ былъ отъ Екатеринбурга до крайнихъ предѣловъ нашихъ американскихъ владѣній, и всѣ знали, кто такой «Николай Николаевичъ». Съ Николаемъ Николаевичемъ былъ очень молодой человѣкъ, блондинъ, розовый, съ прекрасными голубыми глазами; мы приняли его за адъютанта. Каково-же было на-

---

[2]) Заслужилъ тѣмъ, что получилъ довѣріе Императора и назначенъ на такой постъ.

ше удивленіе, когда графъ Муравьевъ представилъ его, называя Михаиломъ Семеновичемъ Корсаковымъ, атаманомъ Забайкальской области! На видъ ему было не болѣе лѣтъ 25, пожалуй, еще моложе. Чрезъ 10 лѣтъ, когда въ послѣдній разъ, въ 1869 году, вернулся онъ женатымъ изъ Петербурга, онъ былъ совсѣмъ сѣдой, съ тяжелой поступью и какъ-то опустившійся; но лицо все еще свѣжее и голосъ звонкій и молодой. Въ 1870 г. 2 сентября, въ день отъѣзда, или наканунѣ, не припомню хорошенько, онъ былъ у насъ. Говоря о томъ, что можетъ быть не вернется, онъ былъ озабоченъ и грустенъ. Изъ участія—сказала я ему: «вернитесь, Михаилъ Семеновичъ, дайте намъ кончить срокъ службы при васъ». Нужно замѣтить, что послѣдніе годы мы очень далеко себя держали по разнымъ обстоятельствамъ, отъ насъ независѣвшимъ, поэтому слова мои показались, вѣроятно, странными Михаилу Семеновичу и онъ отвѣтилъ съ оттѣнкомъ ироніи: «мы такъ дружны, что непремѣнно должны вмѣстѣ кончить службу». Мнѣ стало досадно на свое неумѣстное участіе, и я сказала: «нѣтъ, Михаилъ Семеновичъ, не потому; а мы просто привыкли 10 лѣтъ видѣть васъ генералъ-губернаторомъ, и какъ-то дико подумать, что пріѣдетъ другой кто-нибудь». Теперь мнѣ жаль тѣхъ словъ: жаль потому, что не могу смягчить ихъ жестокости; но тогда я была такъ далека отъ мысли о его смерти; онъ былъ еще въ полной силѣ и имѣлъ громадную власть!

— Вотъ и власть и сила—все прошло!

Упокой, Господи, душу его!

Болѣзнь воспитанницы Вахрушевой и причащеніе Святыхъ Таинъ.

3 апрѣля. Около трехъ недѣль Нута проводитъ дни и многія ночи въ дѣтской больницѣ у постели больной воспитанницы, которая едва-ли встанетъ. Пять лѣтъ назадъ при-

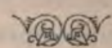
везли ее въ институтъ маленькой, худенькой, желтой, золотушной дѣвочкой. Ее лечили; лѣтомъ она просиживала цѣлые дни на солнцѣ въ саду сестры. Тамъ она и кушала и спала, играла до 5 часовъ, пока воздухъ не начиналъ охлаждаться. Развивалась она плохо, училась мало, но шалила много; хотя, въ общемъ, дѣвочка добрая и умненькая. Постомъ занемогла воспаленіемъ легкихъ; недѣли двѣ лежала почти безъ движенія, потомъ стала какъ будто поправляться: явился аппетитъ, стала сидѣть и даже могла немного пройтись. Ожила сестра, ожили и мы. Вдругъ ей сдѣлалось снова худо, затѣмъ опять лучше, снова нехорошо и такъ постоянно находились мы между страхомъ и надеждою.

Больная прекрасно пріобщилась Святыхъ Тайнъ въ Вербное воскресенье; въ другой разъ, въ день ея рожденія, 25 марта, когда ей свершилось 15 лѣтъ, которое приходилось въ чистый четвергъ, а вмѣстѣ съ нею пріобщались и многія изъ ея подругъ. Она сама того пожелала, равно какъ исповѣдываться наканунѣ, вмѣстѣ со всѣми.

Сподобившись принять тѣла и крови Господа нашего Іисуса Христа, мы всѣ, вмѣстѣ съ воспитанницами пѣвчими, послѣдовали за священникомъ, несшимъ Святые Дары, вышли изъ церкви и съ пѣніемъ: *«Вечери Твоея тайныя»*, спустились въ нижній корридоръ и вошли въ больницу.

Нюта Вахрушева сидѣла съ благоговѣніемъ на постели; Анна Петровна стала подлѣ нея, чтобы, по просьбѣ больной, утереть платомъ уста по пріобщеніи. Во время молитвы, произносимой священникомъ, она плакала, и подруги ея, и мы всѣ. Послѣ выпила стаканъ молока и заснула такимъ покойнымъ, сладкимъ сномъ! Одной рукой поддерживала головку, другая откинулась вдоль тѣла; личико бѣленькое, прозрачное, просвѣтленное кроткою, ангельской улыбкой. Вся она въ бѣломъ; одежда широкими складками ложилась кругомъ тоненькаго, исхудалаго стана и придавала еще болѣе покоя и свѣта изящно покоющейся молоденькой дѣвушкѣ,

почти дитяти. Вмѣстѣ съ Ольгой Лазаревой [1]) мы нѣсколько минутъ простояли у постели, любуясь этимъ невиннымъ сномъ молодости. На первый день Святой недѣли ей было совсѣмъ хорошо, потомъ стало хуже, а теперь она очень ослабѣла: больше не поднимается съ постели, но докторъ не теряетъ надежды на выздоровленіе. Господь знаетъ, что будетъ. Эта дѣвочка — круглая сирота; ее помѣстилъ нѣкто Вахрушевъ, который и платилъ за ея воспитаніе; настоящая же ея фамилія — Александровичъ; на дняхъ Анна Петровна получила отъ Вахрушова письмо, въ которомъ онъ проситъ оставить Нюту пепиньеркой. Но ей всего 15 лѣтъ. Какая же она будетъ пепиньерка? Анна Петровна желаетъ, чтобы она осталась еще въ старшемъ классѣ, если Господь возстановитъ ее съ одра болѣзни.



Послѣдній день жизни Нюты Вахрушевой и ея кончина.

6 апрѣля. Вчера распустилась первая роза на нашемъ розовомъ кустѣ, а сегодня она уже красуется вмѣстѣ съ другими цвѣтами и зеленью въ волосахъ покойной маленькой дѣвушки Вахрушевой...

Да, покойной; — вчера, въ седьмомъ часу, тихо отошла душа ея въ вѣчность, и радость духовная отразилась кроткой улыбкой на изнуренномъ личикѣ, нисколько не вызывающемъ мысли о смерти. Точно заснула одѣтая, въ ожиданіи чего-то хорошаго; ее нарядили въ кисею, въ розовыя ленты, окружили цвѣтами и зеленью, и я снова, какъ и въ чистый четвергъ, долго стояла подлѣ нея, вглядываясь въ лицо усопшей, которое стало гораздо покойнѣе, чѣмъ было за день до смерти. Вчера, услышавъ о ея кончинѣ, заплакала я; но сегодня утромъ, увидѣвъ свѣтлое выраженіе

---

[1]) Ольга Лазарева, ур. Филимонова. (См. 1864 г. 6 іюня пр. 2, 1866 г. 20 іюля пр. 8 и 1867 г. 17 фев. пр. 5).

лица отшедшей, я утѣшилась: это выраженіе какъ-будто хочетъ сказать: «*какъ хорошо мнѣ!*» — И все мнѣ хочется итти и смотрѣть и вглядываться въ тотъ образъ смерти и думать о душѣ чистой, отлетѣвшей въ обители Отца Небеснаго...

Я видѣла Нюту въ послѣдній разъ въ воскресенье, 4-го апрѣля; она встрѣтила меня весело и сама сказала сидѣвшей подлѣ ея постели, спиной къ двери, Аннѣ Петровнѣ, что я пришла. Въ тотъ же день она говорила о предстоящихъ экзаменахъ и о желаніи еще остаться въ институтѣ и серьезно заняться науками. Къ вечеру ей сдѣлалось нехорошо; докторъ оставался до 3-хъ часовъ ночи и на другой день просилъ, чтобы никто не входилъ и не безпокоилъ ее. Анна Петровна пошла въ классы; въ половинѣ двѣнадцатаго, по просьбѣ дѣвочки, сошла къ ней въ больницу, поцѣловала ее, посидѣла и, видя, что стѣсняетъ ее своимъ присутствіемъ, ушла опять въ классъ. Послѣ обѣда я упросила Анну Петровну поѣхать прокатиться, чтобы освѣжиться немного. Вернувшись съ прогулки, она прямо прошла въ больницу и, не желая безпокоить Нюту Вахрушеву, поманила къ себѣ надзирательницу лазарета изъ другой комнаты. Нюта Вахрушева, видя, что Анна Петровна не подходитъ, по обыкновенію, къ ея постели, заплакала, сказавъ надзирательницѣ: «*Maman сердится на меня за то, что я съ ней не говорила*». Надзирательница тутъ же громко сказала: «Анна Петровна, слышите, что Нюта говоритъ? Вы сердитесь на нее?» Анна Петровна тотчасъ подошла къ постели, сѣла, поцѣловала ее, утѣшала, говоря: «дитя мое, за что же мнѣ сердиться на тебя? Я не приходила, чтобы не тревожить тебя; успокойся, Господь съ тобой!» И снова перекрестила и поцѣловала ея лобикъ и головку. Нюта улыбнулась и поцѣловала руку;— но она была уже совсѣмъ холодная, даже волосы и постель, на которой она лежала, похолодѣли. Аннѣ Петровнѣ стало ее очень жаль. Боясь заплакать, она встала,

сказавъ, что идетъ приказать скорѣе приготовить ей миндальное молоко, прописанное докторомъ. Только она вышла, какъ больная подозвала Лукерью Ивановну [1]) (надзирательницу), прося потереть правый бокъ; сама вынула булавку изъ кофточки, сама разстегнула рубашку и указала, гдѣ нужно тереть. Та едва коснулась бока, какъ дѣвочка начала отходить, вздохнула нѣсколько разъ... и все кончилось!

Да упокоитъ Господь душу ея въ селеніяхъ свѣтлыхъ!

Похороны Вахрушевой.—Уроки музыки.

8 апрѣля. Утро свѣжее, но не холодное; облака заволокли все небо; въ воздухѣ тишина; духовный причтъ поетъ вполголоса «*Христосъ Воскресе*»; несутъ розовый гробъ, а въ томъ гробу лежитъ охладѣвшее тѣло той отроковицы, что отошла въ вѣчность съ надеждой воскресенія.

За гробомъ шла Анна Петровна и мы, служащіе при институтѣ. Направо синѣла спокойно Ангара съ своими горными берегами...

Такъ провожали мы сиротку, внимая пасхальному пѣнію и думая о великой тайнѣ смерти...

Господь взываетъ душу къ земной жизни, и Господу-ли Милосердому покинуть ту душу по смерти?..

Я дошла только до поворота въ улицу: нужно было вернуться и въ 10 часовъ начинать урокъ музыки. — Но не дико-ли слышать эти слова рядомъ съ погребальнымъ пѣніемъ? Когда все мое душевное состояніе проникнуто мыслію о жизни загробной, я должна садиться за фортепіано и не только цѣлый часъ, но почти цѣлый день выслушивать нетвердое дѣтское повтореніе гаммъ, упражненій и легкихъ пьесокъ, забытыхъ во время праздниковъ?..

[1]) Лукерья Ивановна Смирнова, служив. въ Иркутскомъ инстит. съ 1866 г. по 1871 г.

Сегодня берутъ уроки самыя слабыя. Если бы еще можно перейти было къ Вѣрѣ[1]) или Машѣ [2]) и вслушаться въ Бетховена; Largo и Adagio его сонатъ, въ которыхъ такъ много глубины мысли и чувства, что прямо, выйдя изъ церкви, можно было перейти-бы къ его звукамъ и вдумываться въ ихъ значеніе. Но маленькія воспитанницы... впрочемъ, — долгъ велитъ; жизнь не должна останавливаться...

XXV лѣтъ моей службы.—Тяжесть службы классной дамы.—Молитва.

23 апрѣля. Поднявшись сегодня въ церковь къ обѣднѣ, первыя слова услышала я: «*Благослови, душе моя, Господа и не забывай всѣхъ воздаяній Его!*» [1]).

Повергшись на колѣни, съ умиленіемъ слѣдила я за всякимъ словомъ этого благодарственнаго псалма, вторившаго настроенію души моей, празднующей духовно *двадцатипятилѣтнюю годовщину моей службы* родной землѣ въ качествѣ воспитательницы и наставницы ея юныхъ поколѣній.

Да, вотъ и всѣ двадцать пять лѣтъ минули со дня моего вступленія въ должность классной дамы въ Смольный [2]). Тогда, казалось, не дожить, не вынести двадцатипятилѣтняго труда, а теперь кажется, какъ будто бы и не очень много времени прошло съ тѣхъ поръ и силъ хватаетъ, чтобъ давать уроки по шести и даже по семи часовъ ежедневно. По истинѣ, сила Божія въ немощи совершается!..

Впрочемъ, останься я классной дамой, не выдержать бы мнѣ такого долгаго пути: для образованной женщины нѣтъ болѣе тяжелаго и отвѣтственнаго труда, какъ *трудъ воспита-*

---

[1]) П. Петровичъ, см. 1867 г. 17 мая пр. 4.
[2]) Маріи Вас. Подгорбунской, см. 1862 г. 25 окт., 1869 г. 5 нояб. пр. 8.

---

[1]) Псал. 103, ст. 1 и 2-й.
[2]) См. зап. ч. 1-я стр. 151.

тельницы. Боже мой! сколько униженія, оскорбленія, сколько нравственной пытки достается на долю этимъ несчастнымъ труженицамъ! сколько грубостей приходится выносить отъ самихъ воспитанницъ... Нужно имѣть замороженную, ледяную кровь или совершенно ангельскую, неземную кротость, чтобы снести, смолчать, не вспыхнуть, не сказать неосторожнаго, рѣзкаго слова въ то время, когда вы внутренно сознаете себя совершенно правой. Какъ не забыться, какъ не выйти изъ себя, особенно при живомъ, пылкомъ характерѣ?.. А забудешься — приходится платиться за минуту увлеченія—собственнымъ раскаяніемъ!

23 апрѣля, 5 часовъ пополудни. Благослови же, душа моя, Господа, подкрѣплявшаго слабѣвшія мои силы, утѣшавшаго въ скорбяхъ, облегчавшаго бремя жизни, освѣщавшаго мрачный мой путь свѣтомъ благодати Своея!

Господи, и до конца дней моихъ помоги мнѣ потрудиться родному краю дѣломъ, словомъ и мыслію; благослови дѣла наши, благій Господи, и настави насъ на исполненіе заповѣдей Твоихъ!

Стихотвореніе „Труженикъ" (1858 г.).

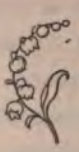
1 мая. Пріѣзжалъ къ намъ преосвященный Парѳеній и провелъ у насъ вечеръ. Непріятности тѣснили его со всѣхъ сторонъ, — онъ желалъ умереть или уйти на покой. Нута уговаривала владыку еще служить, но когда зашла рѣчь объ Хомяковѣ, то Анна Петровна, сама имѣвшая много непріятностей по службѣ, съ воодушевленіемъ прочла преосвященному стихотвореніе Алексѣя Степановича [1]) «Труженикъ»:

[1]) Т. е. Хомякова (см. 1869 г. 16 іюня).

«По жесткимъ глыбамъ сорной нивы,
Съ утра до истощенья силъ,
Довольно, пахарь терпѣливый,
Я плугъ тяжелый свой водилъ.
Довольно, дикою враждою
И злымъ безумьемъ окруженъ,
Боролся крѣпкою борьбою...
Я утомленъ, я утомленъ.
Пора на отдыхъ. О, дубравы!
О, тишина полей и водъ
И надъ оврагами кудрявый
Вѣтвей сплетающихся сводъ!
Хоть разъ одинъ въ тѣни отрадной,
Склонившись къ звонкому ручью,
Хочу всей грудью, грудью жадной
Вдохнуть вечернюю струю.
Стереть бы потъ дневного зноя,
Стряхнуть бы грузъ дневныхъ заботъ!..
«Безумецъ! нѣтъ тебѣ покоя,
Нѣтъ отдыха: впередъ, впередъ!
Взгляни на ниву: пашни много,
А дня немного впереди.
Вставай же, рабъ лѣнивый Бога,
Господь велитъ: иди, иди!
Ты купленъ дорогой цѣною,
Крестомъ и кровью купленъ ты:
Сгибайся-жъ, пахарь, надъ браздою,
Борись, борецъ, до поздней тьмы!»
Предъ словомъ грознаго призванья
Склоняюсь трепетнымъ челомъ;
А, Ты, безумнаго роптанья
Не помяни въ судѣ Твоемъ!
Иду свершать въ трудѣ и потѣ
Удѣлъ, назначенный Тобой,

И не сомкну очей въ дремотѣ
И не ослабну предъ борьбой.
Не брошу плуга рабъ лѣнивый,
Не отойду я отъ него,
Покуда не прорѣжу нивы,
Господь, для сѣва Твоего!»

Преосвященный старецъ прослезился, слушая эти чудные стихи [2]).



Выпускъ.—Наташа Петровичъ и Душа Хромова.—Прощаніе съ выпускными.—Желаніе Нуты оставить институтъ.

19 іюня. Еще новый рой молоденькихъ пчелокъ вылетѣлъ изъ временного улья.—17-го числа былъ выпускъ, и пролито много искреннихъ слезъ воспитывавшимися въ стѣнахъ института и ихъ воспитательницами.

Прощанія начались еще наканунѣ. Наташа Петровичъ [1]) и Душа Хромова [2]) брали послѣдній урокъ музыки; Наташа была взволнована и плакала, а милая Дуня даже играть не могла отъ слезъ. Я должна была прекратить урокъ. Дуня бросилась ко мнѣ и такъ заплакала, положивъ свою головку ко мнѣ на плечо, что я сама разрыдалась, благословляя ее на новую жизнь.

Душа Хромова шла постоянно во главѣ своего класса по наукамъ; даровитая и добрая дѣвочка, радовавшая насъ

---

[2]) См. портр. 1868 г. 21 апр.

---

[1]) Наталія Григ. Петр., вып. 1871 г. (по мужу Лебедева), родн. сестра Вѣры Петровичъ.

[2]) Евдокія Хромова,—съ шифромъ въ вып. 1871 г.; вскорѣ по выходѣ изъ института, по дошедшимъ извѣстіямъ,—умерла.

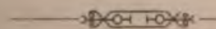
всѣхъ своими успѣхами, она, должно быть, и сама привязалась къ институту, съ которымъ ей такъ тяжело было разставаться, несмотря на то, что она сильно любитъ мать и брата.

Да, привязанность къ воспитавшему насъ учебному заведенію служитъ только проявленіемъ добраго, признательнаго сердца, а потому нимало не мѣшаетъ привязанности къ родной семьѣ, о которой такъ часто и съ уваженіемъ говорится въ стѣнахъ института! Не знаю, какъ къ этому относятся въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Я только говорю о нашемъ институтѣ, находящемся подъ управленіемъ сестры, которая старается поддерживать *святой* союзъ дѣтей съ родителями.

Вечеромъ, наканунѣ выпуска, была отслужена всенощная и благодарственный молебенъ. Въ самый день выпуска воспитанницы поднялись съ 3-хъ часовъ утра. Къ обѣднѣ съѣхались ихъ родственники; за молебномъ законоучитель раздавалъ Евангелія, какъ прощальное напутствіе; а Анна Петровна, собравъ въ пріемномъ залѣ въ послѣдній разъ вокругъ себя своихъ юныхъ питомицъ, сказала имъ нѣсколько задушевныхъ словъ, прерывавшихся отъ волненія душившими ее слезами. Дѣти всѣ плакали, или, по крайней мѣрѣ, бо̀льшая часть, обнимая свою мать, а не начальницу. Потомъ начались общія прощанія другъ съ другомъ и со всѣми, живущими въ институтѣ; многія приходили и ко мнѣ.—Надо-ли говорить, сколь всѣ мы были разстроены, какъ утомлены за это послѣднее время?..

Господь да благословитъ молодую жизнь на добро, на миръ и согласіе! Трудъ придетъ самъ собою.

Думаю, этотъ выпускъ послѣдній: едва-ли Нута останется до слѣдующаго; думаемъ зимою ѣхать въ Петербургъ: Нутѣ становится не подъ силу борьба и непріятности съ разнородною дѣятельностью... Впрочемъ, какъ Господу будетъ угодно...



Прощальная игра Вѣры для Анны Петровны. — Что станетъ съ Вѣрою и ея сестрою.

26 іюня, 11 часовъ вечера. Сейчасъ только разошлись собравшіяся у насъ дѣвочки отъѣзжающія: Вѣра и Наташа [1]) и ихъ подруги — Маша Подгорбунская и Саша Волгертъ [2]).

Вѣра, по желанію Анны Петровны, въ послѣдній разъ играла въ институтской залѣ. Прекрасные звуки рояля Штюрцваге стройно раздавались и разливались въ поэтической и всѣмъ извѣстной ноктюрнѣ Дрейтона (Шульгофа?), въ любимой Анной Петровной «Sehnsucht am Meere» Вильмерса и въ тоскующей прощальной пѣснѣ Шуберта, переложенной Листомъ. Вѣра, подъ впечатлѣніемъ торжественныхъ минутъ разставанья, всю душу переливала въ тѣ звуки; подруги плакали, а мы тяжко призадумались надъ будущею судьбою обѣихъ этихъ молоденькихъ сестеръ. Что-то ждетъ ихъ въ новой, открывающейся предъ ними, жизни? Что станетъ съ талантомъ Вѣры? Что сдѣлаетъ Наташа? она, вѣдь, тоже довольно сильна въ музыкѣ... Разработаютъ-ли онѣ тѣ зачатки всего добраго и хорошаго, что такъ старательно прививали имъ въ институтѣ? Что сдѣлаетъ изъ нихъ новая среда, въ которую онѣ вступятъ? — И многое, многое приходило на умъ, и становилось такъ тяжело, тяжело слушать скорбныя пѣсни, выливавшіяся изъ-подъ нѣжныхъ пальчиковъ талантливой Вѣры...

Я ушла въ другую комнату и плакала потихоньку.

Бѣдная Вѣра! Что предвѣщаютъ тебѣ мои слезы? Дай Господи, чтобъ онѣ были хорошимъ предзнаменованіемъ и

---

[1]) В. Петровичъ, см. 1867 г. 17 мая пр. 4, 1871 г. 19 іюня—сестра Наташи.

[2]) Подгорбунская, М. В., 1862 г. 25 окт. и 1870 г. 5 мар. пр. 2. Воллертъ, Алекс. Степ., вып. 1871 г. (по мужу Степанова) см. 1871 г. 26 іюня и 1873 г. 17 іюня.

ней молодости. Вся ея внутренняя работа сводится къ одному: всѣ мысли, занятія устремлены на усовершенствованіе метода воспитанія. Нѣтъ,—она просто слѣпокъ съ Ѳомы Арнольдъ: такая же равнодушная къ выгодамъ житейскимъ, преданная дѣлу, она, какъ и онъ, становится непреклонною, когда отъ нея требуютъ чего-нибудь, не соотвѣтствующаго ея взглядамъ на воспитаніе. Она тоже оберегаетъ свой институтъ отъ вторженія въ него лицъ, могущихъ занести въ него разлагающія начала безвѣрія, такъ сильно распространившіяся въ продолженіе послѣднихъ десяти лѣтъ. Она тоже въ наставницахъ и наставникахъ желаетъ увидѣть *истинныхъ христіанъ*, людей дѣятельныхъ, преданныхъ своимъ обязанностямъ до самоотверженія. Она тоже старается передать учащимся, а въ особенности своимъ бывшимъ воспитанницамъ свои взгляды на жизнь и воспитаніе. Въ бесѣдахъ Арнольда съ учениками старшаго класса слышатся рѣчи Анны Петровны, обращенныя къ ея питомицамъ. Поразительное сходство!

Какъ я счастлива, что сестра моя даетъ мнѣ право, по совѣсти, безъ всякаго преувеличенія, обрисовывать ее въ такихъ краскахъ и провести сравненіе съ Арнольдъ и говорить это предъ всё Вѣдающимъ Богомъ. Одного недостаетъ ей—это кротости. Она очень сдержанна и только въ рѣдкихъ случаяхъ возвышаетъ голосъ. Съ дамами и преподавателями даже утонченно вѣжлива, а во избѣжаніе всякихъ непріятностей, она сама примѣрно взялась тащить тяжелый плугъ и проводить глубокія борозды по обработываемой нивѣ. Если бы ко всѣмъ христіанскимъ достоинствамъ сестры присоединить еще и кротость,—она была бы совершенствомъ въ нравственномъ отношеніи. Но совершенства нѣтъ между людьми, на землѣ, притомъ же всю свою пылкость характера она переноситъ исключительно на меня, которую любитъ выше всего на свѣтѣ: вспылитъ—и вспышка тотчасъ ходитъ, а затѣмъ становится еще нѣжнѣе.

трѣнію, и обращался съ комитетомъ, какъ со своими безпрекословными подчиненными.

Любимой мечтой сестры было основаніе общины сестеръ милосердія собственно для города. Денегъ собрано довольно; инженеръ, взявшійся строить домъ, обѣщалъ скоро приготовить помѣщеніе для будущихъ сестеръ, которыхъ уже набралось шесть. Мебель, кровати готовы, равно какъ и деньги на покупку бѣлья, обуви, платья, пальто, шалей и всего необходимаго для хозяйства;—а домъ все не готовъ, хотя закладка происходила уже давно [2]).—Въ началѣ нынѣшняго года Анна Петровна вторично хотѣла сложить съ себя званіе предсѣдательницы, и опять дамы-учредительницы упросили ее взять назадъ свой отказъ, говоря, что онѣ останутся, какъ овцы безъ пастыря. Между тѣмъ, помимо дамскаго комитета и даже противъ желанія его, г. М. назначилъ двухъ женщинъ въ мужскую больницу, возставая противъ постройки дома для общины. Все это, какъ и многое другое, побудило сестру принять твердое рѣшеніе навсегда оставить службу въ комитетѣ. Теперь можно замѣнить Анну Петровну женой генералъ-губернатора, которая, вѣроятно, ничего противъ этого имѣть не будетъ. Авось, имѣя дѣло съ вліятельной особой, будутъ нѣсколько сдержаннѣе...

— Сегодня я не спала до 3 часовъ утра по милости Нечаевскаго дѣла [3]). Газеты наполнены прокламаціями Бакунина, его агента Нечаева, цѣлымъ катехизисомъ революціонеровъ и изложеніемъ суда надъ виновными. Холодъ ужаса охватываетъ при чтеніи ихъ адской программы. Для того, чтобы свободнѣе дѣйствовать, они отрекаются отъ всякихъ святыхъ чувствъ, отъ благороднаго образа мыслей, отъ всего, поднимающаго человѣка на извѣстный нравственный уровень. Все знаніе естественныхъ наукъ они сводятъ

[2]) См. 1 іюля и 18 сент. 1870 г.

[3]) См. 1870 г. 21 февр.

нія оцѣнить только артисты или тѣ, у которыхъ развито чувство изящнаго.

Много разъ, слушая своихъ учениць, думала я, какъ бы хорошо было, если бы геніальный Листъ или Рубинштейнъ, стоящіе на такой высотѣ, могли прослушать нашихъ молодыхъ артистокъ, — интересно, если бы они могли высказать свое одобреніе и тѣмъ укрѣпить въ нихъ вѣру въ ихъ дарованіе! Но это желаніе, увы, тщетно! Здѣсь же, когда я покину Иркутскъ, ихъ никто не поддержитъ, и, по всей вѣроятности, ихъ развивающіеся музыкальные таланты совершенно заглохнутъ.

Въ Иркутскѣ положительно не понимаютъ музыки: лишь бы стучали покрѣпче, да пальцы бѣгали попроворнѣй,— вотъ и всѣ требованія; о смыслѣ, чувствѣ, выраженіи—и помину нѣтъ. Стало быть, какъ не заглохнуть молодому дарованію въ такой средѣ — безъ поддержки?..

Онѣ приготовили еще увертюру къ оперѣ «Эгмонтъ» — Бетховена, въ четыре руки, и увертюру къ одной изъ оперъ Вебера на 2-хъ рояляхъ,—вещи слишкомъ извѣстныя, чтобы о нихъ говорить.

Послѣдній мой урокъ французскаго языка и словесности въ выпускномъ классѣ.—Послѣднее наставленіе воспитанницамъ. — Двадцать семь лѣтъ педагогической дѣятельности.—Нута—моя помощница.

12 мая. Благодарю Господа моего, давшаго мнѣ силы для перенесенія 27-лѣтняго тяжелаго труда!

Сегодня дала я послѣдній урокъ французскаго языка и словесности въ старшемъ, выпускномъ классѣ. Особенно никого не спрашивала, но обращаясь ко всѣмъ воспитанницамъ, кратко прошла обзоръ всѣхъ замѣчательныхъ писателей по столѣтіямъ, начиная со второго вѣка. Отвѣты были очень и очень удовлетворительны; по нимъ я убѣдилась, что познанія усвоены сознательно, по крайней мѣрѣ, боль-

михъ дѣятелей первой французской республики, чтобы указать, насколько отстали наши вожаки, черпая до сихъ поръ цѣликомъ революціонныя начала изъ ученія и примѣра людей, опозорившихъ человѣчество своимъ звѣрствомъ еще 80 лѣтъ тому назадъ. Нужно было бы переписать все, или, по крайней мѣрѣ, половину разсказа бывшаго присяжнаго Вилата. Теперь нигдѣ не найдешь этой замѣчательной статьи, между тѣмъ для потомства она драгоцѣнна.

«Comme ils abusaient des choses les plus sacrées ces usurpateurs de l'opinion publique, qui par leurs artifices, avaient accumulé sur la France tous les genres de calamités! Ils avaient sans cesse à la bouche les mots séduisants de liberté, d'égalité, de fraternité, ils couvraient le sol français d'une multitude d'inquisiteurs, de bastilles, d'échaufauds; ils établissaient par tous les moyens imaginables la plus affreuse tyrannie; ils semaient les haines, les querelles, les vengeances, les guerres civiles; ils mettaient à l'ordre du jour la probité, la justice, les vertus, et partout ce n'était que vols publics, vexations inouies, cruautés barbares, enfin tous les crimes déchaînés à la fois!

De quoi doit-on être le plus étonné ou des sophismes qu'ils employaient pour commettre leurs ravages, ou de l'aveugle docilité du plus éclairé des peuples à se laisser prendre en détail, égorger en masse comme un stupide troupeau destiné à la boucherie».

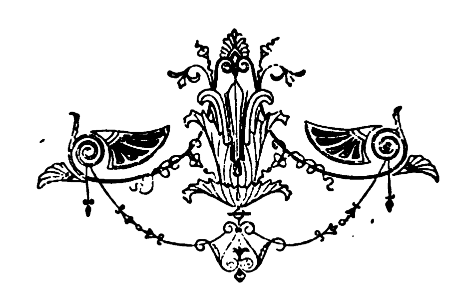
«Vilate, exjuré au tribunal révolutionnaire de Paris, détenu à la Force, ce 15 vendémiaire, an III de la république».

[Переводъ]. „Какъ они злоупотребляли самыми священными вещами, эти самозванцы народнаго мнѣнія, которые своимъ искусствомъ, хитростью собрали на Францію ужасы всякаго рода! На ихъ устахъ были постоянно соблазнительныя слова свободы, равенства, братства, а они покрыли французскую землю множествомъ инквизицій, крѣпостей, эшафотовъ, они всевозможными средствами учреждали тираннію, они сѣяли ненависть, ссоры, междоусобныя войны. Они думали проповѣдывать честность, правосудіе, добродѣтели, а на самомъ дѣлѣ царили расхищеніе общественнаго достоянія, неслыханныя притѣсненія, варварская же-

стокость,—словомъ, всѣ преступленія, которыя никакая сила уже болѣе не сдерживала.

Не знаешь, чему болѣе удивляться: тѣмъ-ли софизмамъ, которыми они оправдывали свои хищенія, или слѣпому повиновенію наиболѣе просвѣщеннаго изъ народовъ, позволявшаго обманывать себя въ частности и душить себя въ массѣ, подобно глупому стаду, предназначенному на убой".

„Вилатъ, бывшій присяжный въ революціонерномъ судѣ Парижа, заключенный въ крѣпость 15-го вандеміера, III-го года республики".



кошный: точно въ саду сидѣли участвовавшія въ концертѣ. Изъ этого импровизированнаго свѣтлаго сада лились тоже свѣтлые, гармоническіе звуки Вебера, Моцарта и Россини. Оттуда же разносились эхомъ по залу родныя великорусскія и малороссійскія пѣсни, исполненныя хоромъ воспитанницъ старшаго класса; молодые, свѣжіе, стройные голоса производили особенно пріятное впечатлѣніе.

Для начала было сыграно «Allegro marsiale»—Ашера въ 8 рукъ на двухъ рояляхъ; потомъ воспитанница Харинская [2]) мастерски исполнила фантазію Nàke на «Цыганъ удалецъ». То была дѣйствительно разудалая, молодецкая пѣсня, понятная всѣмъ и каждому, а потому вызвавшая взрывъ рукоплесканій. Затѣмъ слѣдовали: дуэтъ изъ «Донъ-Жуана», переложенный для двухъ роялей: Подгорбунская и Останина [3]). Вторая часть: увертюра «Вильгельмъ Тель» на 8 рукъ для двухъ роялей; исполняли тѣ же, что и «Allegro marsiale»: Останина, Подгорбунская, Софьина [4]) и Харинская, «Allegro» изъ сонаты Ia b. Вебера, solo—Останина. Третья часть: дуэтъ изъ Эвріанты и Adagio и Rondo изъ концерта Вебера; обѣ пьесы для двухъ роялей: Останина и Подгорбунская. Между фортепіанными пьесами исполнены хоры: «Не бѣлы снѣги» и «Во лузяхъ», «Гей нидъ горою», «Ахъ, со вечера» и «Сѣни мои, сѣни», «Жито не полова», «Пловцы» и «Боже, Царя храни!»—чѣмъ и закончили нашъ вечеръ.

Желая собственнымъ опытомъ убѣдиться въ силѣ и ясности звуковъ во всѣхъ углахъ залы, сѣла я на одномъ изъ стульевъ задняго ряда, остававшагося пустымъ, и до слуха моего долетали отчетливо самые нѣжные музыкальные переливы. Съ упоеніемъ вслушивалась я въ чарующіе напѣвы моего любимаго Вебера, такъ артистически передаваемаго молодыми піанистками. Съ наслажденіемъ внимала роднымъ

[2]) Татьяна Павлов., вып. 1875 г. (по мужу Савелова).
[3]) См. 1873 г. 27 мар. пр. 1 и 1870 г. 5 мар. пр. 2.
[4]) [illegible] мая пр. 1.

пени его образованія. Какая же польза въ накопленіи разнородныхъ свѣдѣній, если человѣкъ не становится отъ нихъ лучше, добрѣе, полезнѣе въ жизни? А отъ многихъ трудныхъ предметовъ въ нашемъ преподаваніи для жизни не останется ничего...

Да, вообще, мало цѣнится въ людяхъ развитіе душевныхъ, сердечныхъ силъ...

Вѣсть о болѣзни Его И. В. Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича.

15 декабря. Вчера телеграмма принесла страшную вѣсть: Наслѣдникъ опасно боленъ!

Второй Наслѣдникъ русскаго престола опасно боленъ. — Какое несчастіе для Россіи!..

Великій Князь Александръ Александровичъ — *чудный*, *русскій* человѣкъ, Онъ заявилъ себя горячею любовью къ своему народу.

Господи, сохрани дни его! Исцѣли его, Боже Милосердый!

моимъ отъѣздомъ погибнетъ и ея музыка [1]). Она еще такъ молода: вѣдь ей нѣтъ еще двадцати лѣтъ, да и здоровьемъ слабенькая!

А что за звуки! Боже мой! Какіе глубокіе, какіе скорбные звуки!..

Посѣщеніе Иркутскаго института Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ.

13 іюня. Въ воспоминаніе счастливаго дня пришила я къ своему дневнику цвѣтокъ, распустившійся сегодня въ саду сестры.

Сегодня Его Имп. Высоч. Великій Князь Алексѣй Александровичъ посѣтилъ институтъ и потомъ зашелъ въ комнаты Анны Петровны выкушать чашку кофе. Онъ былъ очень милостивъ, привѣтливъ и веселъ. Отъ его стройнаго, красиваго и величественнаго вида съ прекраснымъ настроеніемъ всѣ институтки обезумѣли...

Все то же, что бывало съ нами встарь.

Великій Князь прибылъ въ Иркутскъ вчера въ 8½ часовъ вечера и остановился въ домѣ генералъ-губернатора [1]), гдѣ для него было приготовлено помѣщеніе. Се-

[1]) М. Вас. Подгорбунская, см. 1869 г. 25 окт., 1871 г. 8 апр. и 1873 г. 27 мар. пр. 2. Когда М. Вас. держала вступительный экзаменъ въ 1882 г. въ Москов. консерваторію, то профессоръ Дебюкъ въ восторгѣ отъ ея игры воскликнулъ: «у какого чуднаго учителя вы брали уроки?»

[1]) Николай Петровичъ Синельниковъ, генер.-губ. Вост. Сибири съ 1871—1874 г. Есть его прекрасныя записки о Сибири („Историческ. Вѣств." въ 1896—98 гг.). Чудный человѣкъ и начальникъ, во всякое время для всѣхъ доступный. Предъ нимъ благоговѣли подчиненные. за доброту его называли „дѣдушка" († въ 1892 г.). См.

Генер.-Губерн. Восточной Сибири

Николай Петровичъ СИНЕЛЬНИКОВЪ.

ней молодости. Вся ея внутренняя работа сводится къ одному: всѣ мысли, занятія устремлены на усовершенствованіе метода воспитанія. Нѣтъ,—она просто слѣпокъ съ Ѳомы Арнольдъ: такая же равнодушная къ выгодамъ житейскимъ, преданная дѣлу, она, какъ и онъ, становится непреклонною, когда отъ нея требуютъ чего-нибудь, не соотвѣтствующаго ея взглядамъ на воспитаніе. Она тоже оберегаетъ свой институтъ отъ вторженія въ него лицъ, могущихъ занести въ него разлагающія начала безвѣрія, такъ сильно распространившіяся въ продолженіе послѣднихъ десяти лѣтъ. Она тоже въ наставницахъ и наставникахъ желаетъ увидѣть *истинныхъ христіанъ*, людей дѣятельныхъ, преданныхъ своимъ обязанностямъ до самоотверженія. Она тоже старается передать учащимся, а въ особенности своимъ бывшимъ воспитанницамъ свои взгляды на жизнь и воспитаніе. Въ бесѣдахъ Арнольда съ учениками старшаго класса слышатся рѣчи Анны Петровны, обращенныя къ ея питомицамъ. Поразительное сходство!

Какъ я счастлива, что сестра моя даетъ мнѣ право, по совѣсти, безъ всякаго преувеличенія, обрисовывать ее въ такихъ краскахъ и провести сравненіе съ Арнольдъ и говорить это предъ всё Вѣдающимъ Богомъ. Одного недостаетъ ей—это кротости. Она очень сдержанна и только въ рѣдкихъ случаяхъ возвышаетъ голосъ. Съ дамами и преподавателями даже утонченно вѣжлива, а во избѣжаніе всякихъ непріятностей, она сама примѣрно взялась тащить тяжелый плугъ и проводить глубокія борозды по обработываемой нивѣ. Если бы ко всѣмъ христіанскимъ достоинствамъ сестры присоединить еще и кротость,—она была бы совершенствомъ въ нравственномъ отношеніи. Но совершенства нѣтъ между людьми, на землѣ, притомъ же всю свою пылкость характера она переноситъ исключительно на меня, которую любитъ выше всего на свѣтѣ: вспылитъ—и вспышка тотчасъ проходитъ, а затѣмъ становится еще нѣжнѣе.

Къ общему горю, Великій Князь уѣхалъ въ 11½ часовъ, сопровождаемый дѣтьми до самой швейцарской. Съ Анной Петровной говорилъ много, представилъ самъ адмирала Посьета [3]) и всю свою свиту; благодарилъ за все, прибавляя: *«совершенно одинъ изъ институтовъ даже Россіи!»*

На это сестра почтительно возразила: «Ваше Высочество, Сибирь—тоже Россія, и мы тѣ же русскіе, что и во внутреннихъ губерніяхъ».

Онъ засмѣялся, сказавъ: «т. е. Европейской Россіи».

Вообще, Великій Князь очень простъ въ обхожденіи и живого, веселаго нрава.

Господь да благословитъ его обратный путь въ Петербургъ послѣ двухъ съ половиною лѣтъ странствія по чужимъ берегамъ!

Обѣдъ Его И. В. В. Князя въ кельяхъ архимандрита Веніамина.— Просьба институтокъ на балу 14 іюня.—Разговоръ Великаго Князя съ Нутою, съ Н. П. Синельниковымъ и съ Сашею Воллертъ.

16 іюня. Сегодня въ 10 часовъ утра уѣхалъ нашъ милостивый, нашъ добрый Великій Князь. Иркутскъ будто разомъ опустѣлъ. Множество народа хлынуло за Ангару въ Вознесенскій монастырь, гдѣ Великій Князь будетъ слушать литургію и напутственный молебенъ и затѣмъ будетъ на завтракѣ отъ городского общества въ кельяхъ архимандрита Веніамина [1]), настоятеля монастыря. Сестра уѣхала туда же, въ сопровожденіи Мани Подгорбунской и Саши

[3]) Константина Николаевича, впослѣдствіи г. мин. пут. сообщенія (съ 1874—1888 г.). Съ 1858 по 1874 г. состоялъ при В. К. Алексѣѣ Александровичѣ въ качествѣ наставника и спутника въ долгихъ и дальнихъ плаваніяхъ, а съ 1871 г. и попечителемъ Его Высочества до совершеннолѣтія (род. 1819 г. и † 1899 г.).

[1]) Впослѣдствіи архіеписк. Иркутскій.

Воллертъ [2]) (пепиньерки). У насъ тоже молились въ церкви о благополучномъ путешествіи нашего дорогого, но кратковременнаго гостя.

Впрочемъ, институтъ имѣлъ счастье и въ другой разъ принимать у себя Великаго Князя. На балу 14 іюня, данномъ городскимъ обществомъ, Маня Подгорбунская, вмѣстѣ съ Сашей Воллертъ и съ нѣкоторыми другими, какъ мы узнали послѣ, подойдя къ Николаю Петровичу Синельникову, *умоляли* его попросить Великаго Князя еще разъ посѣтить институтъ.

Н. П. Синельниковъ, подавъ руку Манѣ, подошелъ къ Великому Князю со словами: «*Институтки просятъ Ваше Высочество еще разъ побывать у нихъ*». Маня сказала: «То было бы для насъ та́кое великое счастье, о которомъ и мечтать не смѣемъ».

«*Пріѣду съ удовольствіемъ*»,—отвѣтилъ Великій Князь подавъ ей руку.

На балу Его Высочество нѣсколько разъ подходилъ къ сестрѣ. «Dansez vous, madame?» [3])—спросилъ онъ вначалѣ.

«Ai—je l'air de vouloir danser, votre Altesse?» [4]).

«Mais lui, il danse» [5]),—сказалъ Великій Князь, указывая на адмирала Посьета.

«Nous autres femmes, en vie illissant, nous vieillissons franchement et loyalement; quant à l'autre moitié du genre humain, elle peut être jeune jusqu'a l'âge de soixante et dix ans» [6]).

---

[2]) Александра Автоновна, по мужу Степанова, вып. 1871 г. 26 іюня. Очень бойкая, красивая и умная барышня. До сихъ поръ не покидаетъ, какъ родная дочь, свою воспитательницу Анну Петровну.

[3]) Танцуете вы, мадамъ?

[4]) Развѣ я имѣю видъ желающей танцовать, Ваше Высочество?

[5]) Но вотъ онъ танцуетъ.

[6]) Мы, женщины старыя, старѣемъ откровенно и законно; что касается до другой половины рода человѣческаго, она можетъ быть молодой до шестидесяти и семидесяти лѣтъ.

В. Князь разсмѣялся: «c'est vrai; les femmes sont en général plus honnêtes» [7]).

— Немного спустя, Великій Князь подошелъ къ сестрѣ, когда она разговаривала съ Синельниковымъ.

— О чемъ вы говорите?

Сестра, смѣясь, отвѣтила:

— Николай Петровичъ наказалъ меня.

— Какъ? наказалъ?

— Да, Ваше Высочество, за то, что Вы остались въ институтѣ долѣе, нежели Николай Петровичъ того желалъ: онъ не далъ мнѣ ложи вчера въ театрѣ, когда Вы тамъ были.

Синельниковъ оправдывался и, наконецъ, взвалилъ всю вину на полицмейстера.

— Танцуя съ Сашей Воллертъ, Великій Князь сказалъ:

— Ваша maman никакъ не хочетъ со мною танцовать.

— Maman никогда не танцуетъ.

— Да, я теперь знаю. Она была очень хороша собою; въ свое время ваша maman была знаменитая красавица. Я помню ее и знаю хорошо ея начальницу М. П. Леонтьеву. Maman добра?

— Очень добра, и мы ее всею душею любимъ!

— То-то вы все вьетесь подлѣ нея! — Что же вы будете дѣлать послѣ выпуска?

— Maman оставляетъ меня учительницей музыки; послѣ, можетъ быть, займу мѣсто классной дамы.

— Вотъ и хорошо.

— Вообще Великій Князь такъ простъ въ обхожденіи, что заставляетъ забывать свое высокое положеніе; держитъ себя обыкновеннымъ смертнымъ.

— Воспитанницы ваши просятъ меня завтра ихъ навѣстить, — сказалъ онъ Аннѣ Петровнѣ, — но завтра я цѣлый день занятъ, а въ субботу буду свободенъ и тогда заѣду.

[7]) Это вѣрно; жен[illegible] вообще честнѣе.

иногда хоть въ постель ложись: до того, бывало, измучатъ... И все прошло! все вынесла!

Благослови, душе моя, Господа и не забывай всѣхъ благодѣяній Его!

Въ продолженіе всѣхъ двѣнадцати лѣтъ моя Нута, или Анна Петровна, отбирала человѣкъ двѣнадцать самыхъ слабыхъ и занималась ими въ то время, какъ на мою долю доставались самыя сильныя; этимъ она спасала слабыхъ, а мнѣ,—мнѣ помогала, какъ всегда, вездѣ и во всемъ.

Мой ангелъ хранитель земной! Моя чудная сестра! Да утѣшитъ и благословитъ тебя Господь!

Послѣдній концертъ при насъ въ институтскомъ залѣ.—Обстановка и музыкальная часть концерта.—Воспитанницы, участвовавшія въ концертѣ.—Мой восторгъ.

18 мая. До сихъ поръ не могла я поговорить о нашемъ послѣднемъ концертѣ, данномъ въ залѣ института 23-го апрѣля—въ день поступленія моего на службу и въ послѣднюю годовщину моей педагогической дѣятельности.

Въ августѣ мы намѣрены совсѣмъ покинуть Иркутскъ. Сестра ужъ отправила прошеніе объ отставкѣ къ Его Высочеству принцу П. Г. Ольденбургскому.

23 апрѣля мы устроили музыкальный вечеръ съ благотворительной цѣлью.

Зала, какъ и въ прежніе два вечера [1]), была ярко освѣщена; портретъ Августѣйшей Основательницы института покойной Государыни Александры Θеодоровны красовался среди цвѣтовъ и зелени. Отъ портрета до эстрады и кругомъ эстрады высились тропическія растенія. Съ противоположнаго конца залы видъ былъ рос-

[1]) Въ ноябрѣ 1868 г. и 27 августа 1870 г.

на площадкѣ лѣстницы и плакали, передавая другъ другу взаимныя впечатлѣнія [1]).

Да благословитъ его Господь!

Предъ всенощной въ дѣтской церкви служили напутственный молебенъ. Такъ институтъ встрѣтилъ и проводилъ молитвою сына царскаго, посѣтившаго отдаленныя страны владѣнія своего Государя и Отца.

Да почіетъ благодать Божія на немъ!

Новое вниманіе Его И. В. В. Кн. Алексѣя Александровича къ институту.—Воспоминаніе Его Высочества объ Иркутскѣ и разговоръ съ сестрою.

4 іюля. Анна Петровна получила 2 іюля изъ Тобольска телеграмму отъ 1 іюля отъ Посьета [1]), увѣдомляющую о новой милости Вел. Князя къ институту: поступаетъ вторая пансіонерка Его Высочества, первая же уже опредѣлена: сирота изъ Владивостока; а вторая—изъ Тобольска сиротка Галахова [2]). Анну Петровну больше всего тронуло, что Вел. Князь изъ Тобольска посылаетъ воспитанницу въ ея институтъ, тогда какъ институтъ въ Казани вдвое ближе оттуда.

Да, пребываніе Его Высочества въ Иркутскѣ оста-

—

[1]) Сибирскіе инородцы и русскіе, встрѣчаясь съ экипажемъ Его Высочества, набожно осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ. Иные цѣловали экипажъ Его Высочества, брали изъ подъ колесъ его землю и уносили съ собою, а одинъ бурятъ ухитрился достать изъ оси колесной мази, намазать ею усы и бороду и только по особому расположенію дозволялъ себя цѣловать (изъ разсказовъ очевидцевъ).

[1]) Посьетъ—см. 1873 г. 13 іюня пр. 3. († 26 апр. 1899 г.).

[2]) Галахова не поступила въ институтъ по болѣзни.

Его Императорское Высочество Великій Князь
АЛЕКСѢЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

вило свѣтлое воспоминаніе: онъ вездѣ былъ милостивъ, внимателенъ, вездѣ слышалось его ласковое слово, видѣлась привѣтливая его улыбка всюду. Отъ добраго корня и отрасль добрая. У Александра Николаевича, воспитанника Жуковскаго,—всѣ дѣти добры по наслѣдству, потому что *Онъ* самъ добръ.

Впрочемъ, у Государя Николая Павловича было тоже золотое сердце, полное любви къ своему народу и своей семьѣ; Онъ обладалъ возвышеннымъ умомъ, просвѣтленнымъ христіанскимъ ученіемъ, былъ простъ душою и любилъ простоту во всемъ. Несмотря на все это, и его обманывали какъ обманываютъ всѣхъ, стоящихъ высоко..., старая истина...

Когда Великій Князь прощался съ институтомъ, дѣти просили его карточекъ. Его Высочество тотчасъ велѣлъ своему адъютанту записать, сколько въ институтѣ всѣхъ дамъ, пепиньерокъ и воспитанницъ; прямо изъ института Его Высочество самъ заѣхалъ къ фотографу Мальмбергу и снялся два раза: для кабинетныхъ портретовъ и для большого, назначеннаго Аннѣ Петровнѣ.

На всѣхъ карточкахъ и портретахъ его прекрасное молодое лицо носило отпечатокъ задумчивости, между тѣмъ, сестра видѣла его постоянно веселымъ, улыбающимся юношей, какимъ онъ и есть въ дѣйствительности. Что за крѣпкая думушка залегла въ душѣ его въ ту минуту, когда солнце помогало увѣковѣчить для потомства красивыя черты лица его въ полномъ расцвѣтѣ молодости? Будто грусть какая-то отуманила его чудные голубые глаза, все время горѣвшіе яркимъ блескомъ...

Сохрани его, Господи, отъ навѣтовъ вражьихъ, отъ лести тлетворной, губящей самые лучшіе дары!

— Въ день отъѣзда Великаго Князя сестра, въ числѣ многихъ другихъ провожавшихъ, отправилась въ Вознесенскій монастырь. Туда пріѣхалъ Вел. Князь въ одиннадцатомъ часу и былъ, по обыкновенію, встрѣченъ торжественно епи-

скопомъ Мартиніаномъ и всѣмъ духовенствомъ въ праздничномъ облаченіи. Сестра вмѣстѣ съ другими дамами стояла на паперти. Увидавъ ее, Вел. Князь привѣтливо поклонился, улыбаясь своею доброю улыбкою. По окончаніи службы, въ кельяхъ настоятеля былъ приготовленъ завтракъ. Подойдя къ столу, на которомъ стояла закуска, «начните», сказалъ онъ, обратясь къ сестрѣ, предлагая вино.

«Я не пью никакого вина, Ваше Высочество!»

«Дѣти не увидятъ»,—шутя говорилъ Вел. Князь.

За столомъ сестра сидѣла подлѣ него, рядомъ съ нею—жена Забайкальскаго атамана Дитмаръ, далѣе—еще одна дама, и тамъ—адмиралъ Посьетъ. Послѣ тоста за здоровье Его Высочества, Посьетъ сказалъ, обращаясь къ сестрѣ, съ которой онъ успѣлъ познакомиться, встрѣчаясь съ ней пять дней сряду: «Анна Петровна, за ваше здоровье! Пусть продолжаетъ процвѣтать вашъ институтъ, какъ процвѣталъ до сихъ поръ; желать больше нечего; дай Богъ, чтобы онъ остался только такимъ, какимъ есть».

«Благодарю васъ, Константинъ Николаевичъ»,—отвѣтила сестра;—«но я желаю, чтобы мой институтъ шелъ впередъ и впередъ».

«Дай Богъ, чтобы онъ только сохранился такимъ, какъ теперь»,—настойчиво повторилъ Посьетъ, боясь, вѣроятно, чтобы, съ перемѣною начальницы, не измѣнился бы къ худшему и самъ институтъ.

Его Высочество съ своей стороны прибавилъ:

«Je n'aime pas à faire des compliments, mais il faut, que je vous dise, que tout ce qu'il y a de convenable et de plus comme il faut parmi les personnes, que j'ai rencontrées de l'Amour à Irkoutsk,—toutes sont les élèves de l'institut».

[Переводъ]. „Я не люблю говорить комплиментовъ, но долженъ вамъ сказать, что все, что встрѣтилъ прекраснаго и изящнаго между

годня въ 10 часовъ утра былъ общій пріемъ служащихъ по всѣмъ вѣдомствамъ. Въ 10½ часовъ уже экипажъ Его Высочества стоялъ у нашего подъѣзда. Внизу, при выходѣ изъ швейцарской, Его Высочество встрѣтила сестра.

Съ появленіемъ Его Высочества въ стѣнахъ института—по институту разлились звуки народнаго гимна: то дѣти и служащіе привѣтствовали царственнаго гостя. Онъ подалъ руку Аннѣ Петровнѣ и вмѣстѣ поднялись по лѣстницѣ, устланной коврами, въ залу, гдѣ всѣ были въ сборѣ. Великій Князь весело поздоровался съ дѣтьми, прося ихъ «не стоять во фронтъ»; вслѣдствіе такого желанія всѣ бросились провожать Великаго Князя по классамъ, въ пепиньерскую, въ столовую, словомъ—всюду.

Такъ какъ дѣтская церковь въ третьемъ этажѣ, то пѣвчія опередили Великаго Князя и стояли на клиросѣ. При входѣ въ церковь, Его Высочество былъ встрѣченъ мѣстнымъ протоіереемъ о. Александромъ Орловымъ [2]). Во время молебствія Великій Князь стоялъ у праваго клироса; къ концу молебна онъ подошелъ къ Аннѣ Петровнѣ. Въ церкви стоялъ съ благоговѣніемъ; крестился полнымъ крестомъ. Когда сестра объяснила ему, что у насъ, послѣ всякой службы, поется «Спаси, Господи, люди Твоя» съ 4 апрѣля 1866 года—у него показались на глазахъ слезы.

Обойдя институтъ, Великій Князь, по приглашенію сестры, зашелъ къ ней въ комнаты. Дѣти подавали кофе и шоколадъ; онъ выкушалъ чашку кофе, былъ веселъ, шутилъ и, повидимому, чувствовалъ себя хорошо; хотѣлъ еще пойти въ садъ, въ столовую во время дѣтскаго обѣда, но его торопилъ генералъ-губернаторъ, напоминая, что еще многое предстоитъ осматривать.

---

[2]) О. Александръ Матвѣевичъ—настоятель институтской церкви и законоучитель съ 1845—1882 и съ 1885—1889 гг. (см. 1866 г. 6 апр. пр. 3).

величайшую честь Алексѣю Александровичу тѣмъ болѣе, что сестра говорила прямо, высказывая свои убѣжденія, ни къ чему и ни къ кому не приноравливаясь.

Стало быть, чистота душевная имѣетъ тоже своего рода обаяніе! Слушалъ же Александръ I по нѣсколько лѣтъ сряду вдохновенную рѣчь честнаго гражданина Карамзина [5]), отстаивавшаго свое отечество отъ любимцевъ Государя, дѣлавшихъ столько вреда Россіи. «Я не безмолвствовалъ», — говоритъ незабвенный Карамзинъ, — «я говорилъ о налогахъ мирнаго времени, о нелѣпой системѣ финансовъ Гурьева [6]), о грозныхъ военныхъ поселеніяхъ Аракчеева [7]), о странномъ выборѣ нѣкоторыхъ важныхъ сановниковъ, о министерствѣ просвѣщенія, о необходимости уменьшить войско, о настоятельной надобности установить твердые гражданскіе и государственные законы, о мнимомъ исправленіи дорогъ, столь тягостныхъ народу».

Слушалъ же всѣ эти рѣчи Повелитель всей Европы, строго относившійся и къ своему собственному государству. Стало быть, есть же своего рода красота въ честномъ, умномъ словѣ людей, ничего для себя лично не добивающихся.

Такъ, мнѣ думается, уважаютъ и сестру мою, хотя многіе терпѣть ее не могутъ; между тѣмъ, къ ней вполнѣ примѣнить можно слова Карамзина о Шишковѣ [8]): «незлобива, какъ голубь»!

---

[5]) Николая Михайловича (1766—1826 г.). Русскій историкъ, журналистъ и литераторъ.

[6]) Гурьевъ (Дмитрій Александр.), графъ, министръ финансовъ (1751—1821 г.).

[7]) Графъ Аракчеевъ, Алексѣй Андреевичъ (1769—1839 г.). Русскій дѣятель, прославившійся своими „военными поселеніями". (См. „Гр. Аракчеевъ и воен. поселенія". Спб. 1871 г., „Бунтъ" военныхъ поселянъ въ 1831 г. „Воспоминанія очевидцевъ" Спб. 1870 г., „Александръ I въ воен. поселеніяхъ" „Рус. Стар." за 1875 г. т. XII стр. 84 и мн. др.).

[8]) Шишковъ — министръ народн. просвѣщенія (съ 1824—1828 г.); горячій русскій [illegible], поклонникъ чисто славяно-русскаго корня и

Какъ жаль, что высшіе міра окружены часто людьми, помышляющими только о собственныхъ выгодахъ! Но это — неизбѣжно; въ душу человѣка не проникнуть... Государь или президентъ республики всегда были и будутъ окружены людьми иногда хитрыми, честолюбивыми, сребролюбивыми — и тому подобными; изъ-за нихъ и Державины, и Карамзины выслушиваются, но остаются часто безъ всякаго вліянія; — ихъ уважаютъ, но... и только. Ainsi va le monde... Тѣмъ не менѣе одинъ законный правитель — *Богомъ избранный Государь* — гораздо желаннѣе правителей первой, второй и третьей республикъ, кровью гражданъ обагрившихъ родную землю и свое возвышеніе и, во мнѣніи всѣхъ, стоящихъ несравненно ниже избранниковъ Божіихъ.

Еще о встрѣчѣ Его И. В. В. Кн. Алексѣя Александровича въ Иркутскѣ.

19 августа. «У насъ въ Иркутскѣ за эти два года было много новаго, и если немного хорошаго, какъ это всегда бываетъ на этомъ свѣтѣ, за то много такого, на что не разсчитывали, о чемъ говорится у насъ вездѣ, и о чемъ умолчу я, ибо это дѣло не хорошее [1])... Всѣ же толки утихли при радостной вѣсти съ востока о скоромъ посѣщеніи Иркутска Его Имп. Высочествомъ Вел. Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ.

Это важное, выдающееся событіе совершилось въ pendant вашимъ петербургскимъ пріемамъ высокихъ посѣтителей — императоровъ.

стиля въ нашемъ языкѣ. В. П., почти не пользовавшаяся иностранными словами въ русской рѣчи, очень сочувствовала взглядамъ Шишкова на русскій слогъ.

[1]) Взято изъ письма Вар. П. къ Сок-скимъ.

У насъ былъ только одинъ царственный гость, но стоитъ вашихъ двухъ, будь то самъ царь нѣмецкій, или, какъ принято говорить новѣйшимъ языкомъ, самъ Германскій монархъ и повелитель. Да, для русскаго сердца, горячо любящаго свое отечество и своего Государя, отрадно было наконецъ-то увидать одного изъ царскихъ сыновей на одной изъ далекихъ окраинъ земли русской, почти на границѣ Китая. И съ какимъ восторгомъ встрѣтили же его по всей Восточной Сибири! Многіе собирали землю, по которой проходилъ Великій Князь, и прикладывали ту землю къ больнымъ мѣстамъ, *надѣясь на исцѣленіе*. Да, велика преданность народа русскаго ко всему царскому семейству; умѣло пользуясь такою любовію, — можно всего достигнуть, все преодолѣть... Въ Кяхтѣ, по случаю радостнаго событія, купечество пожертвовало 80,000 р. и домъ для женской прогимназіи. Не знаю только, почему купечество отдало преимущество женщинамъ, тѣмъ болѣе, что въ Троицкосавскѣ есть уже женская гимназія; кажется, не мѣшало бы позаботиться прежде о мужскомъ образованіи, которое въ Сибири распространяется весьма слабо, а въ Кяхтѣ—и поразительно слабо. Впрочемъ, то дѣло самихъ жертвователей; спасибо, что въ память пребыванія Вел. Князя хоть о женщинахъ вспомнили; мужчины, вѣроятно, сами о себѣ похлопотать не забудутъ.

Его Высочество Алексѣй Александровичъ прибылъ въ Иркутскъ въ 8 ч. вечера 12 іюля и выѣхалъ отсюда 17-го въ 10 ч. утра. Всѣ пять дней городъ сіялъ по вечерамъ такими огнями, какихъ никогда еще не видали со дня его существованія. Народъ съ утра сновалъ по улицамъ; то тамъ, то тутъ слышалось завѣтное «ура!» Этотъ громкій, раскатистый возгласъ давалъ знать, гдѣ находится въ эту минуту нашъ свѣтъ—красное солнышко Великій Князь Алексѣй Александровичъ. Каждое утро было посвящено обзору учебныхъ и общественныхъ учрежденій. Иркутскъ вычистился, выбѣлился, выровнялся, украсился фла-

вило свѣтлое воспоминаніе: онъ вездѣ былъ милостивъ, внимателенъ, вездѣ слышалось его ласковое слово, видѣлась привѣтливая его улыбка всюду. Отъ добраго корня и отрасль добрая. У Александра Николаевича, воспитанника Жуковскаго,—всѣ дѣти добры по наслѣдству, потому что *Онъ* самъ добръ.

Впрочемъ, у Государя Николая Павловича было тоже золотое сердце, полное любви къ своему народу и своей семьѣ; Онъ обладалъ возвышеннымъ умомъ, просвѣтленнымъ христіанскимъ ученіемъ, былъ простъ душою и любилъ простоту во всемъ. Несмотря на все это, и его обманывали какъ обманываютъ всѣхъ, стоящихъ высоко..., старая истина...

Когда Великій Князь прощался съ институтомъ, дѣти просили его карточекъ. Его Высочество тотчасъ велѣлъ своему адъютанту записать, сколько въ институтѣ всѣхъ дамъ, пепиньерокъ и воспитанницъ; прямо изъ института Его Высочество самъ заѣхалъ къ фотографу Мальмбергу и снялся два раза: для кабинетныхъ портретовъ и для большого, назначеннаго Аннѣ Петровнѣ.

На всѣхъ карточкахъ и портретахъ его прекрасное молодое лицо носило отпечатокъ задумчивости, между тѣмъ, сестра видѣла его постоянно веселымъ, улыбающимся юношей, какимъ онъ и есть въ дѣйствительности. Что за крѣпкая думушка залегла въ душѣ его въ ту минуту, когда солнце помогало увѣковѣчить для потомства красивыя черты лица его въ полномъ расцвѣтѣ молодости? Будто грусть какая-то отуманила его чудные голубые глаза, все время горѣвшіе яркимъ блескомъ...

Сохрани его, Господи, отъ навѣтовъ вражьихъ, отъ лести тлетворной, губящей самые лучшіе дары!

— Въ день отъѣзда Великаго Князя сестра, въ числѣ многихъ другихъ провожавшихъ, отправилась въ Вознесенскій монастырь. Туда пріѣхалъ Вел. Князь въ одиннадцатомъ часу и былъ, по обыкновенію, встрѣченъ торжественно епи-

1874 г.

Отъѣздъ изъ Иркутска въ Петербургъ. — Путь до Тюмени. — Томскъ. — Красноярскъ и Тобольскъ.

11 іюня. Цѣлый этотъ годъ, наиболѣе обильный для насъ разнообразіемъ впечатлѣній, вслѣдствіе поѣздки въ Петербургъ, гдѣ думали остаться навсегда, сохранился въ моей памяти не переданнымъ бумагѣ.

19 августа 1873 г., въ воскресенье, въ 6 час. утра мы выѣхали изъ Иркутска, проведя всю ночь безъ сна. Наканунѣ, послѣ всенощной, служили намъ напутственный молебенъ, при которомъ протоіерей о. Александръ Орловъ [1]), законоучитель института, сказалъ теплое, задушевное прощальное слово и освятилъ икону Покрова Пресвятой Богородицы, которую сестра выписала изъ Москвы, чтобы благословить ею покидаемый институтъ, гдѣ, съ соизволенія Божія, работала неустанно въ продолженіи пятнадцати лѣтъ [2]).

По окончаніи службы, сестра стала прощаться съ дѣтьми, благословляя каждую отдѣльно. Всѣ, находившіеся въ церкви, были въ слезахъ. Мнѣ тяжело было смотрѣть и я поспѣшила уйти. Изъ церкви всѣ зашли къ намъ, и, когда комнаты опустѣли, Анна Петровна снова поднялась къ дѣ-

[1]) См. 1873 г. 13 іюня пр. 2.
[2]) Т. е. съ 1858 г.

тямъ; обошла всѣ классы, всѣ спальни, снова перекрестила всѣхъ дѣтей, осѣнила крестнымъ знаменіемъ всѣ покои и вернулась около полуночи, истомленная физически и нравственно.

Всѣмъ объявляли, что выѣзжаемъ въ 8 ч. утра, между тѣмъ собирались выѣхать ночью, чтобы избѣжать тягостныхъ прощаній съ дѣтьми, съ которыми сестра въ послѣдній разъ, будучи не въ состояніи видѣть ихъ безъ слезъ, простилась письменно, передавъ письмо старшей класной дамѣ Мурниковой [3]), прося на другой день прочесть его всѣмъ воспитанницамъ.

Въ пять часовъ, когда институтъ еще не просыпался, мы тихонько тронулись въ путь. До первой станціи не могли удобно усѣсться; но потомъ снова все переложили и проѣхали бы отлично до Томска, еслибы не починка экипажа, которымъ насъ обманули, продавъ намъ довольно дорого никуда негодный, пользуясь нашимъ совершеннымъ незнаніемъ въ этомъ дѣлѣ. Въ Иркутской губерніи дороги были отличныя, благодаря проѣзду Великаго Князя. Первые четыре дня солнце ярко свѣтило, и я съ наслажденіемъ любовалась на живописные виды, которыми такъ изобилуетъ Восточ. Сибирь. Въ Красноярскѣ мы принуждены были бросить свой тарантасъ и перемѣстились въ другой, предложенный полковникомъ Нарскимъ [4]), чѣмъ избавились отъ дальнѣйшихъ дорожныхъ непріятностей.

Красноярскъ — красивый городъ; въ немъ мы пробыли только нѣсколько часовъ, отдохнувъ въ гостепріимномъ домѣ Нарскаго, гдѣ я впервые увидѣла его жену, милую, симпатичную женщину. Отсюда до самаго Томска мѣстность гористая; дороги, размытыя дождями, очень плохи; тѣмъ не менѣе я не скучала и, пріѣхавъ 30 августа въ Томскъ, мнѣ жаль было раз-

[3]) Марія Михайловна. Въ Иркутск. инстит. служила съ 1855—1875 г.

[4]) Нарскій—знакомый вдовы Полынцевой, ѣхавшей съ ними изъ Иркутска, гдѣ мужъ ея служилъ учителемъ.

статься съ тарантасомъ. Пассажирскій пароходъ Колчина [5]) только-что ушелъ утромъ въ 4 ч. Намъ приходилось ждать 6 дней до слѣдующаго. Между тѣмъ, товаро-пассажирскій пароходъ того же Колчина отправлялся 1 сентября; кромѣ того было еще удобство: намъ разрѣшили тотчасъ перебраться туда и занять весь первый классъ, потому что кромѣ насъ другихъ пассажировъ не было. Такъ мы и порѣшили и почувствовали себя, какъ дома. Наступило холодное, пасмурное, дождливое время; вѣтеръ гулялъ по широкой мутной Оби, вздымая волны, бѣлѣвшіяся на сѣрой поверхности водъ. Пароходъ трещалъ, и страшно было намъ съ непривычки; пустынные, скалистые, дикіе берега наводили тоску; селеній по Оби почти не встрѣчалось; рады радехоньки были, когда завидимъ какую-нибудь убогую деревушку. Только 9 сентября, недалеко отъ Тобольска, услышали въ первый разъ благовѣстъ и увидали золотой крестъ, сіявшій на храмѣ Божьемъ. То вдали былъ Тобольскъ. Въ него мы прибыли въ тотъ же день около полудня, бросили якорь, и пользуясь часовою стоянкой, я поѣхала осматривать городъ, т. е. хотя мелькомъ взглянуть на его древнія постройки. Общій видъ мнѣ особенно понравился своею стариной; жаль, что не могла обстоятельно все разсмотрѣть.

Иртышъ бушевалъ не хуже Оби,—онъ почти такъ же широкъ, какъ она. Но что за прелесть его берега! Лѣтомъ, думаю, трудно глазъ отвести отъ ихъ живописныхъ очертаній; даже пасмурной осенью мы любовались ими. Воображаю, какой дивный видъ они представляютъ въ лѣтній, ясный денекъ!...

Населить бы тѣ даромъ пропадающія пустынныя пространства, и какъ бы они зацвѣли и кормили бы сотни

---

[5]) Колчинъ—содержатель пароходовъ, совершавшихъ рейсы по р. Оби.

тысячъ людей [6]). Сколько у насъ свободной земли, а все жалуются на *бѣдность*, безземелье; далеко-жъ отъ столицъ уѣзжать не хотятъ и не понимаютъ всѣхъ удовольствій сельскаго хозяйства, дающаго столько нравственныхъ прелестей...

Еще удивляетъ меня, какъ никто не желаетъ изслѣдовать почву этихъ береговъ? Видъ ихъ очень загадоченъ и страненъ: они словно обтесаны и разрисованы довольно правильными черными очертаніями на каменистомъ желтоватомъ полотнѣ. На протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ виднѣются все тѣ же стѣны, исписанныя природою al fresco.

Жаль мнѣ было, что на пароходѣ не у кого было спросить объясненія причинъ тѣхъ причудливыхъ изображеній; такъ и осталась я до сихъ поръ въ недоумѣніи относительно ихъ геологическаго строенія. Въ Петербургѣ истинно-ученыхъ въ обществѣ я почти не встрѣчала; здѣсь, въ Иркутскѣ,—тѣмъ менѣе; вѣроятно умру ранѣе, чѣмъ встрѣчу что-нибудь объ изслѣдованіи таинственныхъ береговъ Иртыша. Что же дѣлаютъ учившіеся изъ семи университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, назначеніе которыхъ — подготовлять молодыхъ людей къ ученымъ изслѣдованіямъ, къ примѣненію наукъ къ живому дѣлу, къ пользѣ человѣка?... Зато всѣ мечтаютъ быть чиновниками, ими наводняютъ землю русскую, а много-ли способныхъ къ вдумчивому труду? Медики? — Медицинскіе факультеты полны, а взгляните: русскихъ докторовъ нѣтъ, а въ провинціи—никакой медицинской помощи,—если лечатъ, то преимущественно поляки да нѣмцы. Такъ было встарь, такъ продолжается и въ наше время, и врядъ-ли скоро можно

---

[6]) Объ этомъ заботилась еще Императрица Екатерина II-я. Въ 1773 г. 2 сент. былъ Высочайшій докладъ „объ умноженіи хлѣбопашества въ Иркутской губерніи“. Замѣчательное собственноручное Ея Величества заключеніе на докладѣ объ этомъ можно читать въ бумагахъ Императрицы Екатерины II-й, хранящихся въ Государственномъ Архивѣ. Изданіе 1874 г. академика Я. Грота (т. III, стр. 358).

ожидать перемѣны къ лучшему: самоотверженіе даже у молодыхъ не въ модѣ.

«Всегда такъ будетъ и бывало,
Таковъ издревле бѣлый свѣтъ:
Ученыхъ много—умныхъ мало,
Знакомыхъ тьма,—*а друга нѣтъ*»,

читала я когда-то у одного изъ русскихъ поэтовъ [7]); и все потому, что мало воспитываютъ сердце и не сохраняютъ вѣру во Вседержителя...

Въ Тюмень мы прибыли 11 сент. въ 8 ч. вечера. Освѣщенныя пристани нѣсколькихъ пароходныхъ обществъ оживляли берегъ, что намъ очень приглянулось послѣ одиннадцатидневнаго странствія среди непривѣтливыхъ, безлюдныхъ береговъ Оби, Иртыша и Тавды [8]). На пароходъ явились къ сестрѣ: знакомый купецъ 1-й гильдіи Молодыхъ, городской голова, и городской исправникъ Игумновъ съ предложеніемъ услугъ. Молодыхъ пригласилъ тотчасъ переѣхать къ нему въ домъ, гдѣ все уже было готово для пріема сестры. Игумновъ тоже старался угодить намъ. Мы были очень благодарны имъ обоимъ, тѣмъ болѣе, что городъ незнакомый и намъ нужно было найти и выбрать тарантасъ въ дорогу до Перми.

За послѣднія пятнадцать лѣтъ, что мы провели въ Иркутскѣ, г. Тюмень очень разросся, вѣроятно благодаря пароходству; лѣтъ черезъ десять онъ несомнѣнно будетъ одинъ изъ замѣчательныхъ торговыхъ пунктовъ и возьметъ верхъ надъ остальными городами Тобольской губерніи. Богатое здѣсь купечество, оживленная торговля и судоходство,—все обѣщаетъ ему цвѣтущую будущность, особливо когда примкнетъ сюда желѣзная дорога и соединитъ Западную Сибирь съ остальнымъ русскимъ краемъ. Давно уже

---

7) Эпиграмма А. С. Пушкина (эпитафія „покойникъ Клитъ"...).
8) Тавда впадаетъ въ Обь.

хлопочуть о проведеніи *этого* пути, но проходятъ десятки лѣтъ, западная окраина государства во всѣхъ направленіяхъ пересѣкается рельсами, а Востокъ, начиная отъ Нижняго, остается въ первобытномъ состояніи, и средоточіе русской торговли—Нижній-Новгородъ совершенно разобщенъ съ восточной половиной Россіи, гдѣ путь почти до Тюкалинска [9]) нерѣдко становится непроѣзднымъ отъ безчисленнаго множества обозовъ, тянущихся отъ самой Кяхты и Нерчинска вплоть до Нижняго.

Отъ Тюмени до Перми.—Казань, Волга, Саратовъ.—Свиданіе съ родными.

14 іюня. Мы собственнымъ опытомъ извѣдали всю тяжесть переѣзда отъ Тюмени до Перми. Были станціи, что мы тянулись по 4 версты въ часъ, безпрестанно подвергаясь опасности сломить себѣ шею отъ множества ямъ, ухабовъ, выбоинъ, косогоровъ, покрытыхъ аршинной густой грязью. Экипажъ у насъ былъ крѣпкій, легкій; проводникъ—расторопный, смышленый; тѣмъ не менѣе горя натерпѣлись вдосталь. Проведите желѣзную дорогу и вы тѣмъ устраните множество невзгодъ, выпадающихъ теперь на долю тысячъ людей...

А какъ хороша Пермская область! Когда погода позволяла, мы всходили на горы и спускались съ горъ пѣшкомъ, во время этихъ восхожденій и спусковъ любовались окрестными видами, полными художественной красоты...

Не знаемъ мы своего отечества и, по отсутствію въ насъ гражданской доблести, да по непредпріимчивости, и знать не хотимъ: тратимъ жизнь, деньги, здоровье и умственныя силы на

[9]) Тюкалинскъ—зашт. городъ Тобольск. губ., Омск. округа, на р. Тюкалкѣ.

раззорительныя удовольствія заграницей... Приложить бы трудъ и умѣнье у себя дома, и какъ бы можно было поднять благосостояніе милліоновъ русскихъ людей! И какъ бы облагородилась и осмыслилась наша жизнь, *русская*, трудовая!—Намъ не дождаться этого счастливаго времени; но я твердо вѣрю, что оно настанетъ [1]).

Отъ Екатеринбурга до Перми дороги окаймлены высокими насыпями, усаженными плакучими березами, что придаетъ имъ много прелести. Съ березъ спускалась, словно золотистая мантія, листва до самой земли, чуть волновавшаяся отъ легкаго вѣтерка. Во время затишья деревья, точно очарованныя, стояли, не шевеля ни единымъ листкомъ. Лежа въ тарантасѣ, я глазъ не спускала съ плакучихъ березъ, удивительно живописныхъ въ своихъ богатыхъ, зеленыхъ одеждахъ.

Въ Перми прожили мы двое сутокъ въ довольно порядочной гостинницѣ, но очень дорогой, какъ и всѣ тѣ остальныя, гдѣ намъ приходилось останавливаться. Городъ постройками весьма чистенькій, но улицы очень грязны, дорожки узки, неудобны; тротуары плохи, гостинный дворъ гораздо хуже Иркутскаго, жизнь, по видимому,—самая патріархальная. Во время проѣзда Великаго Князя, жена исправника замѣняла «отсутствующую губернаторшу», о чемъ намъ, какъ о событіи, разсказывали съ важнымъ и озабоченнымъ видомъ, что было крайне смѣшно.

Пароходъ «Купецъ» общества Кавказъ и Меркурій, на которомъ отправились мы изъ Перми, оказался очень удобнымъ и отличался своимъ прекраснымъ буфетомъ; первый классъ снова былъ пустъ и отданъ весь въ наше распоря-

[1]) Мы, читатель, счастливы видѣть осуществленіе этой мечты Вар. Петровны, начало которому положилъ незабвенный Императоръ Александръ III, а надъ продолженіемъ такъ усердно трудится Императоръ Николай II-й, состоя Предсѣдателемъ комитета по постройкѣ великаго Сибирскаго пути.

женіе, что, разумѣется, было намъ очень пріятно. Кама [2]) шалила, подобно своимъ азіатскимъ сестрамъ, и на пароходѣ все дрожало; книги не было ни одной, только два листка «Голоса» или «Бирж. Вѣдомостей», — не упомню хорошенько, прочла и больше нечего было читать; — скука страшная.

Въ Казань мы прибыли около 10 ч. в. и во весь длинный переѣздъ отъ самаго Иркутска въ первый еще разъ мы были предоставлены самимъ себѣ; не зная, куда дѣваться въ такой поздній часъ со всѣми чемоданами, подушками и пр. и пр., мы попросили дозволенія поставить вещи по близости, тутъ же на пристань, въ такъ называемую контору. Для двухъ женщинъ, почти безпомощныхъ, такое положеніе оказалось чѣмъ-то ужаснымъ: конторою называлась грязная, холодная комната, выходящая въ холодный же корридоръ, изъ котораго былъ выходъ прямо на улицу. Ни замка въ дверяхъ, ни души кругомъ. Совершенно однѣ провели мы ночь, не смыкая глазъ, боясь лечь на какой-то грязный, не то диванъ, не то ларь: что-то безцвѣтное и безформенное. Утромъ, чуть свѣтъ, сестра пошла отыскивать пристань общества Волжскаго пароходства, нашла ее и мы тотчасъ велѣли перенести туда всѣ наши пожитки. Комната оказалась чистенькая, служащіе — вѣжливы; вскорѣ закипѣлъ на столѣ самоваръ, принесли густыхъ сливокъ, разнаго вкуснаго печенья, — и мы забыли неудобства ночного пребыванія въ грязной, неуютной конторѣ общ. «Кавказъ и Меркурій».

Часовъ въ 8 утра заняли мы семейную каюту, очень просторную, удобную, гдѣ могутъ помѣститься трое. Здѣсь мы обѣдали, пили чай, работали, читали и принимали сосѣдей изъ другихъ каютъ. Все было бы хорошо, будь немножко потише и побольше покоя. Пассажиры же цѣлую ночь и цѣлый день шумѣли въ залѣ; говорятъ, то былъ съѣздъ членовъ Волжскаго общества: они толковали о пароходныхъ

[2]) Кама беретъ начало въ Вятск. губ., лѣвый притокъ Волги.

дѣлахъ, но намъ отъ этого не были легче. Тутъ же на пароходѣ услышали мы въ первый разъ пѣвучій, красивый русскій говоръ. Въ Иркутскѣ говорятъ скоро, съѣдая гласныя, такъ что для иностранца слышится *нестройное жужжанье*. На Волгѣ же и въ Москвѣ народная рѣчь ясная, звучная, гармоничная, пѣвучая. Въ туманномъ иноземномъ Петербургѣ— далеко не такой пріятный говоръ: нѣтъ той чистоты, той музыкальности въ голосѣ. Мы съ сестрой съ особеннымъ удовольствіемъ прислушивались къ мѣстному разговору: проведя всю жизнь въ Петербургѣ, потомъ, въ Иркутскѣ, нельзя было не понять всей прелести родного русскаго языка...

Волга вела себя тоже очень дурно: всплески волнъ ударяли въ окна каюты. Время осеннее — добра нечего ждать. Но мы, вѣроятно, попривыкли къ плаванію и потому не боялись; къ тому же капитанъ попался хорошій, внимательный, пароходъ не особенно валкій, такъ что мы не очень чувствовали волненіе на рѣкѣ. Сама-же Волга наводила на много думъ о нашей первой молодости, проведенной на ея берегахъ. Какъ живой, возникалъ въ памяти любимый отецъ, благословлявшій насъ передъ смертью..., видѣла я себя живою, впечатлительной молодой дѣвушкой, со скорбію и страхомъ смотрѣвшей на грустное лицо умирающаго отца, котораго мнѣ никогда не забыть... Представлялся мнѣ отецъ въ гробу, какъ ночью я стою у его гроба, вглядываюсь и цѣлую потухшія очи родного, говорю съ нимъ и жду его отвѣта [3]). Въ мертвомъ лицѣ не было ничего страшнаго, —напротивъ, казалось, онъ заснулъ глубокимъ, спокойнымъ сномъ, такъ что мысль о смерти родного изчезала сама собою...

Днемъ, среди суеты, я развлеклась; но вечеромъ, глядя на Волгу, въ которой играли серебристые лучи мѣсяца, снова приходили мнѣ въ голову молодые годы, и я съ боль-

---

[3]) См. зап. ч. 1-я 1839 г. стр. 113—126.

шимъ нетерпѣніемъ ожидала свиданія съ родными въ Саратовѣ.

Ярко и тепло свѣтило солнце, когда пароходъ приставалъ къ родному городу [4]). У меня духу не хватало подняться на палубу и посмотрѣть, не ждутъ-ли насъ на берегу. Анна Петровна пошла туда одна и черезъ нѣсколько минутъ вернулась вся взволнованная. Меньшая сестра Ольга [5]), съ которой мы не встрѣчались послѣ выпуска ея изъ Смольнаго, гдѣ она росла общимъ баловнемъ дамъ, учителей и подругъ, — Ольга, увидѣвъ Анну Петровну, несмотря на окружающую толпу, выкрикнула имя «Нуты», которымъ ее звали въ дѣтствѣ: «Анюточка! Варинька гдѣ къ вамъ пройти?»

Сестра сошла внизъ, прося капитана парохода разрѣшить ей привести къ намъ сюда все свое семейство, чтобы первое свиданіе произошло здѣсь, а «не на людяхъ». Тогда...... но такія минуты не описываются...

Грустно посмотрѣла я на состарѣвшуюся горячо любимую сестру Елизавету Петровну [6]), отдавшую себя, согласно завѣщанію отца, на служеніе семьѣ, закрывшую глаза отцу, покойной мачихѣ, и взявшую на себя попеченіе о меньшихъ братьяхъ и сестрахъ, а теперь лелѣющую одну изъ дочерей брата Валеріана [7]),—малютку Илю, къ которой привязалась всей силою своей доброй души. Ольга все еще свѣжа и хороша, хотя 15 лѣтъ минуло послѣ ея выпуска.—Сестра Соня [8]), извѣстная своей красотой въ Смольномъ и въ Саратовѣ, до сихъ поръ иногда бываетъ замѣчательно хороша,

---

[4]) Саратову, см. зап. ч. 1-я 1837 г. стр. 101—124.

[5]) Ольга Петровна Б., сестра по мачихѣ. (См. зап. ч. 1-я стр. 152, 139 и 223).

[6]) Сестра отъ одной матери—она же „Ильдочка", или „сестрицынька", самая старшая сестра († въ 1876 г.). См. зап. часть 1-я, стр. 51, 113, 124 и др.

[7]) Валеріанъ П. отъ мачихи.

[8]) Софья Пет. (отъ мачихи), восп. Импер. об. бл. дѣв. вып. 1851 г., по мужу Городецкая.

несмотря на то, что у самой—молоденькая красивая дочь, въ эту зиму въ первый разъ выѣзжавшая на балы. У Лизы[9], нашей племянницы, чистый славянскій обликъ: каштановые волосы, кроткіе голубые глаза, окаймленные пушистыми, длинными рѣсницами и ярко-розовый румянецъ. Привлекательное личико! Другая дочь Сони, институтка Оля, живая, черноглазая дѣвочка, похожая на своего старшаго брата Володю; оба напоминаютъ своего покойнаго отца, тоже замѣчательно красиваго мужчину. Здѣсь же мы встрѣтились съ братомъ Никол. Петровичемъ [10]), спустя 25 лѣтъ послѣ выпуска его изъ 1-го кадетскаго корпуса. Говорить нечего, какъ онъ долженъ былъ измѣниться за четверть столѣтія нашей разлуки и что сталось съ тѣмъ бѣленькимъ юношей, который, казалось, такъ недавно прощался съ нами, отправляясь на службу въ Саратовъ... Да, все измѣнилось, и я не узнала даже Саратова; онъ показался намъ совсѣмъ чужимъ городомъ, будто и не жила я въ немъ, а между тѣмъ вся первая молодость, по выходѣ изъ Смольнаго, прошла здѣсь.

Первый выѣздъ былъ на могилу къ *родному*, съ которой я увезла въ Сибирь нѣсколько цвѣтковъ и травку. Завидя тотъ завѣтный холмикъ, я быстро пошла къ нему и съ рыданіемъ бросилась на землю, подъ которой уже 30 лѣтъ покоится прахъ отца. Не знаю, какъ я молилась, но помню, что цѣловала землю, готова была провести цѣлый день на могилѣ, если бы оставили меня здѣсь одну. Сознаніе, что тутъ лежитъ мой любимый отецъ, заставило пережить снова все то, что было связано съ его смертью. Я забывала, что я сама уже состарилась и, вѣроятно, скоро покину землю... Я помнила только, что тутъ лежитъ отецъ любимый, съ которымъ свидѣлась спустя тридцать лѣтъ, и что мнѣ нужно

---

[9]) Елизав. Александровна Городецкая. Ольга Александр. восп. въ Саратов. инстит. вып. 1871 г.

[10]) Николай Петровичъ Б., см. зап. ч. 1-я стр. 107.

съ нимъ о многомъ, многомъ переговорить. Я страдала, но все же рада была видѣть дорогую могилу!..

Но полно объ этомъ...

Петербургъ.—Представленіе сестры Государынѣ.—Вниманіе Императрицы къ сестрѣ.—Отъѣздъ обратно.

28 декабря. Въ Саратовѣ мы прожили 11 дней въ кругу родныхъ и 8 октября, вечеромъ, по желѣзной дорогѣ отправились въ Петербургъ. Въ Москвѣ остановились только на нѣсколько часовъ въ гостинницѣ и прибыли въ Петербургъ 11 октября въ 10 ч. утра.

На дебаркадерѣ ждалъ насъ братъ Валеріанъ съ женою, и мы, по усердной ихъ просьбѣ, поселились въ ихъ домѣ на всѣ три мѣсяца, проведенные въ Петербургѣ.

Петербургъ за 15 лѣтъ много обстроился, украсился и расширился; но онъ все тотъ же «Петербургъ», какимъ мы его знали раньше: та-же роскошь магазиновъ, тотъ-же сіяющій Невскій и обѣ Морскія; только я отвыкла отъ его широкихъ улицъ, отъ пятиэтажныхъ домовъ, отъ постояннаго грохота экипажей, и вмѣстѣ съ тѣмъ отвыкла отъ грязи, слякоти, грязносѣраго цвѣта неба и болотныхъ испареній, по милости которыхъ, ровно черезъ мѣсяцъ, я занемогла и проболѣла до самаго выѣзда «изъ царства холеры, тифовъ и всякихъ недуговъ».—Но не будь такого отвратительнаго климата и дороговизны, нигдѣ такъ хорошо не жилось бы, какъ въ Петербургѣ.—Мы были здѣсь такъ обласканы; встрѣтили такъ много старыхъ знакомыхъ, что и выѣзжать отсюда не хотѣлось... Притомъ же въ Петербургѣ симфоническіе концерты, дающіе множество наслажденій; кромѣ того—вечера въ консерваторіи, русская опера, хорошее пѣніе въ нѣкоторыхъ церквахъ, здѣсь жизнь кипитъ, и всякій можетъ жить, какъ хочетъ. Мы съ тѣмъ и пріѣхали, чтобы совсѣмъ

поселиться въ Петербургѣ. Но Господь судилъ иначе,—и благословенны судьбы Его!

Болѣзнь моя до того приковала вниманіе сестры, что она только спустя два мѣсяца по пріѣздѣ просила позволенія представиться Ея Величеству и поблагодарить за милостивый рескриптъ и брилліантовый браслетъ, полученный за послѣдній выпускъ [1]). Благодаря Великому Князю Алексѣю Александровичу, рескриптъ удивилъ всѣхъ своею особенной задушевностью. Такъ какъ сестра испрашивала четырехмѣсячный отпускъ для отдыха и поправленія здоровья, Государыня изъявила при рескриптѣ желаніе видѣть сестру по прибытіи въ Петербургъ, *чтобы лично изъявить ей Свою признательность.*

10 декабря, перекрестивъ, благословила я мою милую Анну Петровну на путь въ Зимній дворецъ предъ царскія очи. Разумѣется, мы обѣ волновались; я даже не могла приколоть ей шифръ,—такъ дрожали руки...

Цѣлыхъ четыре часа ждала я съ безпокойствомъ возвращенія сестры; наконецъ, передъ обѣдомъ, она вернулась покойной, улыбающейся, и я снова перекрестилась, съ облегченнымъ сердцемъ возблагодаривъ Господа.

Во дворцѣ сестра болѣе получаса прождала, пока позвала ее Государыня [2]).

Войдя въ залу, она увидала, что дама идетъ къ ней на встрѣчу; по своей близорукости она подумала, что это кто нибудь изъ придворныхъ; каково же было ея удивленіе, когда

[1]) См. зап. ч. 1-я стр. 425. Рескриптъ 20 авг. 1873 г.

[2]) Здѣсь у Анны Петровны произошелъ случайный, но весьма интересный разговоръ съ ожидавшимъ пріема Императрицы кн. Об. объ Иркутскомъ ген.-губернаторѣ. Оба собесѣдника были о немъ діаметрально противоположныхъ взглядовъ,—одинъ основывалъ свои отзывы на основаніи личнаго съ нимъ знакомства, службы и наблюденій,—другой на основаніи «донесеній». А. П., не зная хорошо, съ кѣмъ говоритъ, высказала очень много правды за несправедливости къ подчиненному,—его начальнику.

наконецъ она узнала Государыню Марію Александровну, подававшую ей руку. Въ первыя минуты такая неожиданность смутила сестру; но потомъ, при дальнѣйшемъ милостивомъ обращеніи Государыни, всякое смущеніе исчезло, и сестра спокойно разговаривала, опустившись возлѣ дивана въ кресло, по приглашенію Ея Величества! Государыня очень внимательно разспрашивала объ институтѣ, одобряла все выслушанное и, проговоривъ или, лучше сказать, прослушавъ сестру около $^3/_4$ часа, вышла въ другую комнату, а оттуда вернулась уже вмѣстѣ съ Государемъ [3]), такъ что сестра имѣла счастіе видѣть и Его Величество, подавшаго ей руку и почтившаго ее милостивыми разспросами.

Отпуская Анну Петровну, Государыня сказала: «мы еще увидимся», что вѣроятно значило: «просите другой разъ позволенія представиться мнѣ».—Но этому не суждено было сбыться. Сестра, принятая такъ привѣтливо Царицею, не нашла удобнымъ замолвить слово объ отставкѣ; но изъ Зимняго дворца поѣхала прямо къ секретарю Ея Величества Шторху [4]), котораго просила повергнуть къ стопамъ Государыни просьбу объ отставкѣ. Шторхъ, убѣждая ее остаться на службѣ, увѣрялъ, что Государыня не согласится уважить ее, тѣмъ не менѣе, обѣщалъ представить Ея Величеству желаніе сестры.

— Дня черезъ два, посѣтивъ сестру, онъ вошелъ со словами: J'ai de très bonnes nouvelles à vous communiquer, Анна Петровна; vous avez produit une excellente impression sur Sa Majesté; et puis, selon votre désir, l'inspecteur a obtenu la gratification demandée».

«Et mon congé? en avez-vous parlé à Sa Majesté?»

«Oui, Анна Петровна, j'en ai parlé; mais à peine ai-je

---

[3]) Александромъ II-мъ Николаевичемъ (см. зап. ч. 1-я, стр. 392).

[4]) Шторхъ, Николай Андреевичъ, дѣйств. т. сов., статсъ-секретарь, почетный опекунъ.

énoncé votre désir, que l'Impératrice s'est écriée: «que Dieu préserve! qu'elle se repose autant qu'elle veut, un an même, si l'état de sa santé l'exige; mais qu'elle continue de servir».

[Переводъ]. „Я имѣю хорошія извѣстія сообщить вамъ, Анна Петр.; вы произвели прекрасное впечатлѣніе на Ея Величество, потомъ, по вашему желанію, инспекторъ получилъ испрошенную вами награду".

— „А объ отставкѣ моей говорили Ея Величеству?"

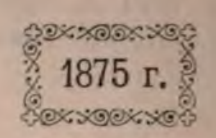
„Да, Анна Петровна, я объ этомъ говорилъ, но едва только выразилъ ваше желаніе, Императрица воскликнула: „избави Богъ, пусть она отдыхаетъ цѣлый годъ, если того требуетъ ея здоровье, но пусть продолжаетъ службу".

Что было дѣлать? Оставаться на службѣ въ Петербургѣ,—поступать въ другой институтъ?.. Надо бы было привыкать къ новымъ лицамъ, — не хотѣлось сестрѣ. — Если обязательно уже нужно продолжать службу, то лучше въ своемъ институтѣ, почти созданномъ ею, куда она поступила спустя только 12 лѣтъ послѣ его основанія и гдѣ прослужила 15 лѣтъ. Но, какъ ѣхать?—Дорога отъ Иркутска до Петербурга обошлась намъ около 1,000 рублей, да пребываніе въ Петербургѣ болѣе 2,000; ѣхать назадъ—не съ чѣмъ; притомъ же дороги страшныя; я совсѣмъ больная; всѣ знакомые возстали противъ нашего отъѣзда.

При первомъ новомъ свиданіи со Шторхомъ, Анна Петровна объявила ему, что не имѣетъ средствъ ѣхать въ обратный и дальній путь, а что если ѣхать необходимо, то медлить нельзя, — надобно выѣзжать въ началѣ января, потому что дороги и теперь уже изрыты ухабами и очень опасны. Тотчасъ всѣ затрудненія были улажены: по повелѣнію Государя выдано 1,500 р. на проѣздъ; баронъ Веліо, директоръ почтъ, далъ предписаніе всѣмъ почтовымъ чиновникамъ по пути нашего слѣдованія способствовать «покойному и удобному» проѣзду сестры, — такъ что намъ пришлось сряду готовиться къ отъѣзду.

Въ это время шли приготовленія къ свадьбѣ Великой

Княжны Марiи Александровны. Государыня, естественно, вся была предана мысли о предстоящемъ важномъ семейномъ событiи, а потому только въ милостивыхъ словахъ передала Шторху сожалѣнiе, что въ эти дни не можетъ видѣть Анну Петровну, значитъ—нужно было обождать, но длинный, тяжелый путь пугалъ насъ. Не откладывая, 16 января 1874 г. выѣхали мы обратно въ Иркутскъ, не предвидя того, что тамъ насъ ожидало...



1875 г.

Успѣхи въ музыкѣ.

14 іюня. Благодарю Господа, даровавшаго мнѣ силы образовать еще одну замѣчательную піанистку.

Сегодня давала я послѣдніе уроки музыки воспитанницамъ выпускного курса и закончила Таней Харинской[1] на концертѣ Вебера, который она исполнила артистически; хотя бы самъ Рубинштейнъ[2]) прослушалъ ее и тотъ остался бы совершенно доволенъ: чистота, глубина звуковъ, быстрота, изящество, пѣвучесть — все соединяетъ въ себѣ эта юная артистка; читаетъ ноты тоже легко. Еще бы года два серьезнаго занятія — и моя Таня не уступила бы никакой Есиповой[3]); тѣмъ болѣе, что ей всего шестнадцать лѣтъ. Къ сожалѣнію, кажется, она не будетъ продолжать уроковъ музыки; сама же слишкомъ молода и не цѣнитъ, что такъ щедро одарена. Сегодня она попеременно исполнила прекрасно: Рапсодію — Листа, Польскій — Шопена, Польскій — Вебера, двѣ ноктюрны

---

[1]) Харинская, Татьяна В., восп. Иркутск. инст., вып. 1875 г., по мужу Савелова (см. 1873 г. 18 мая).

[2]) Рубинштейнъ, Антонъ Григорьевичъ, знаменит. піанистъ (ум. 1894 г.).

[3]) Есипова—даровитая русская піанистка, входившая въ то время въ славу.

тюрны Шопена sol min. и mi maj., извѣстный вальсъ Шопена,—и это почти все безъ перерыва. Рапсодію играла наизусть; — духъ захватываетъ: — несется на всѣхъ парахъ. Грустно, если ея способности заглохнутъ подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ... Моя бѣдная, моя милая Таня! Голубушка! Послѣ урока она обняла меня, заплакала и такъ крѣпко сжала своими рученками, что у меня даже слезы брызнули.

Господь да благословитъ ее на новомъ пути.

Маня Рычкова [4]) тоже обѣщаетъ много, но она еще совсѣмъ ребенокъ и занималась всего 4 года, изъ которыхъ одинъ почти потеряла по болѣзни. Мы съ ней будемъ еще заниматься.

Маня Шешукова [5]), когда захочетъ, играетъ очень хорошо; сегодня, напримѣръ, исполнила безупречно двѣ блестящія фантазіи на мотивы изъ Навуходоносора и Лючіи. Исполненіе весьма разнообразное и осмысленное: нѣжность, и силу, и блескъ умѣетъ придать своей игрѣ. Прекрасно сыграла она извѣстную фантазію Осберна на Miserère Троватора. Жаль, что... ну да дѣло прошлое!.. Жизнь дастъ толчекъ, и все можетъ измѣниться...

Не думала я дождаться этого выпуска; казалось, все было рѣшено, что покинемъ навсегда институтъ, а вотъ и опять мы трудимся въ немъ!..

Помоги намъ, Господи!..

[4]) Марія Рычкова, вып. 1875 г. (по мужу Рунская).

[5]) Марія Павлов. Шешукова, вып. 1875 г.; оконч. курсъ въ С.-Петерб. консерваторіи (по мужу Поторочина). Учительница музыки.

День именинъ сестры Елизаветы.

5 сентября. Иркутскъ.

Сегодня твои именины, мой ангелъ сестрицынька,—Господь да осѣнитъ тебя благодатнымъ миромъ, насколько то возможно въ нашей земной жизни.

Вчера мы слушали всенощную въ домовой церкви и потомъ зашли къ преосвященному [1]), возвратившемуся только изъ Забайкалья. Сегодня же невозможно было поѣхать къ обѣднѣ: Анна Петровна въ девятомъ часу поднялась въ классы, давала маленькимъ урокъ франц. языка, потомъ перешла въ старшій классъ; а я съ половины девятаго до трехъ часовъ, не переводя духу, давала уроки музыки. Въ три часа я выбѣжала въ садъ, чтобы освѣжить нервы и уши послѣ шестичасового выслушиванія упражненій, гаммъ и подчасъ фальшивыхъ звуковъ; въ четыре часа обѣдали, еще погуляли въ саду и вотъ, немного поуспокоившись, присѣли, каждая къ своему письменному столу, чтобы поздравить тебя. Хотя письмо пропутешествуетъ цѣлый мѣсяцъ, все же увидимся съ тобою, поговоримъ и какъ будто дѣйствительно побесѣдуемъ.

Да, милочка, не ѣздили мы въ церковь, но много разъ поминали тебя и призывали благословеніе Божіе на тебя. Сегодня у меня въ головѣ твои первыя именины послѣ нашего выпуска. Какой оживленный былъ вечеръ?—Всѣ мы были такъ молоды, и всѣмъ гостямъ такъ было весело, что послѣ долго вспоминала молодежь вечеръ Быковыхъ. А сколько нѣтъ теперь живыхъ, тогда веселыхъ, молодыхъ!.. И какъ давно, давно схоронили самаго дорогого изъ всѣхъ нихъ, кто былъ веселъ въ тотъ день [2])... А что сдѣлалось съ оставшимися на землѣ? Куда дѣвалась свѣжесть лица, блескъ очей, улыбка устъ?—Все погибло;—смотришь въ зеркало и не

[1]) Вѣроятно Веніамину (см. 1866 г. 21 мар. пр. 2).
[2]) Т. е. ихъ отца (см. зап. ч. 1-я стр. 118—121).

узнаешь себя! Но, благодареніе Господу! въ душѣ все такъ же ярко свѣтится святая любовь къ ближнему, къ дорогому Отечеству; и тѣмъ же чистымъ, тихимъ, неугасаемымъ пламенемъ горитъ привязанность къ вамъ обѣимъ, мои ангелы, мои чудныя сестры! Все та же молитва несется о васъ къ Царю Небесному, утѣшителю, Духу истины... Надѣюсь унести съ собою тѣ чувства завѣтныя, которыя рука объ руку прошли со мною черезъ всю жизнь; пусть останется земное земному, а небесное послѣдуетъ за нами въ несомнѣнно лучшій, вѣчный и непостижимый міръ... Господь да благословитъ васъ!

1876 г.

Чувства послѣ св. причастія и размышленія о сестрахъ.

3 апрѣля. Иркутскъ [1]).

Виноваты, ангелъ сестрицынька, что пропустили болѣе трехъ недѣль; сама не знаю, какъ то случилось, и потому пишу сегодня наскоро, въ день причастія Святыхъ Таинъ, только бы успокоить тебя насчетъ нашего здоровья.

Да, сегодня Господь снова сподобилъ меня пріобщиться Тѣлу и Крови Своей честной. Сегодня снова приступила къ вечери Его тайныя, и снова ясность душевная посѣтила меня! Но надолго-ли?..

Молитва моя ко Господу да сподобитъ меня и въ день кончины соединиться духомъ съ Нимъ!

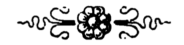
Какое благодатное состояніе души!—Всѣхъ любишь, всѣмъ прощаешь!.. О, если бы и умереть такъ!!.

Голубушка, сестрицынька, Господь да благословитъ васъ всѣхъ! Нута тоже пріобщалась сегодня: она говѣетъ два раза Великимъ постомъ. Чудныя вы у меня сестры; зная васъ, нельзя сомнѣваться въ человѣчествѣ. На землѣ не переводятся избранники Божіи, только они разсѣяны и рѣдко приходится встрѣчать ихъ. Но, сестрицынька, да не все-

---

чисемъ.

гъ слова мои гордости въ твое сердце; я не съ тѣмъ горю, но въ собственное свое утѣшеніе, иначе я не скала бы. Притомъ же, я не говорю: «совершенства», но ıбранники Божіи. Боюсь ввести тебя въ грѣхъ своею позалой. Нуту я не хвалю въ глаза, только иногда, въ часы а унынія, стараюсь поддержать сокрушенный духъ и укрѣить словомъ ободренія, — много ей непріятностей... Нынче ного перемѣнъ по хозяйственной части во всѣхъ институахъ. Въ слѣдующемъ письмѣ Нута будетъ говорить объ этомъ подробнѣе; сегодня же едва-ли успѣемъ. До пяти очти часовъ у насъ были посторонніе; теперь она уѣхала авѣстить одну изъ своихъ бывшихъ воспитанницъ, имѣніе оторой готовятся описывать и которая умоляетъ Анну Іетровну дать совѣтъ, какъ и что дѣлать. Потомъ всенощое бдѣніе съ чтеніемъ 12 евангелій; послѣ чего, вѣроятно, Іута очень утомится, тѣмъ болѣе, что во весь день нисколько е отдохнула. Стало быть, сестрицынька, не безпокойся. автра снова двѣ длинныхъ службы. Если будемъ живы и доровы, и дѣти тоже, и ничего особеннаго не случится, танемъ писать къ Святой. Я тоже очень устала. Господь) всѣми вами!



ıглядъ на жизненныя безпокойства.—О духовномъ завѣщаніи.—О непріятностяхъ за взгляды.

4 августа. Иркутскъ [1]). Полно бояться, ангелъ сестриынька, не получая долго нашихъ писемъ; пора, милочка, оложиться на Господа во всемъ и даже въ жизни и смерти воихъ сестеръ. Не горюй заранѣе, «довлѣетъ дневи злоба го»; зачѣмъ же страшиться тамъ, «идѣже не бѣ страхъ».

Видишь, въ то время, какъ ты тревожилась о насъ, осоенно дурного ничего не случилось. Но безъ непріятностей

[1]) Изъ писемъ.

мелкихъ, безъ заботъ и волненій невозможно прожить; на это не разсчитывай, сестрицынька. Гдѣ бы мы ни жили, вездѣ будутъ огорченія,—такъ они бываютъ со всѣми. Что дѣлать? не убѣжишь, когда это удѣлъ всего живущаго на землѣ.

Ты напрасно думаешь, сестрицынька, что мы сердимся на родственниковъ. Господь съ ними! надѣюсь,—дѣлъ не придется имѣть никакихъ и видѣться тоже не желаю; видимо,—мы посторонніе, и я даже забываю объ ихъ существованіи, отдаленномъ отъ насъ на 5,000 верстъ. Они—взрослые молодые люди, могутъ сами работать; у нихъ и наша доля осталась, которою 20 лѣтъ они пользовались. Чего же больше? Мы не спрашиваемъ той доли;—больше никакихъ отношеній между нами не существуетъ. Только, сестрицынька, мы не желаемъ служить имъ посмѣшищемъ и положительно не желаемъ, чтобы, въ случаѣ нашей смерти, перешло, что послѣ насъ останется, *незнающимъ насъ*... Нѣтъ, немногое, пріобрѣтенное двадцатисемилѣтней тяжелой службой обѣихъ насъ, не должно быть обращено на удовольствіе людей, намъ чуждыхъ чувствами, понятіями, вѣрованіями,—всѣмъ однимъ словомъ. И, вообще, мы не желаемъ отдавать нажитое честнымъ трудомъ ни на чье проматываніе... Переживешь насъ,—все твое. Помни это и сбереги это письмо. Ежели же ты умрешь ранѣе, о чемъ мы не думаемъ, то во всякомъ случаѣ распорядиться тебѣ слѣдуетъ.

Впрочемъ, сестрицынька, я не люблю говорить о томъ, кому оставимъ что послѣ смерти; не потому, чтобы ея боялась; живя въ Иркутскѣ, среди опасностей всякаго рода: землетрясеній, наводненій, среди тысячъ сосланныхъ каторжниковъ, исконныхъ нашихъ враговъ-поляковъ съ ихъ друзьями, съ нигилистами, революціонерами, *ни за одинъ день нельзя быть увѣреннымъ*; притомъ же постоянные приливы крови къ головѣ могутъ разомъ покончить съ моею жизнію. С[illegible] быть я не разсчитываю на долгіе годы и жду смерти, [illegible]гда Господу угодно будетъ отозвать насъ къ себѣ,

но духовной дѣлать не хочу по какому-то странному чувству; должно быть, чтобы наслѣдники не желали моей смерти, находя, что мѣшаю имъ жить... Дѣтей у насъ нѣтъ; отцовскаго наслѣдія тоже нѣтъ; обманывать некого; стало быть, какая же можетъ быть духовная? Да и что останется? Курсы нынче такъ падаютъ, что нельзя ни на что разсчитывать. Ну, будетъ объ этомъ.—Это недостойно разговора. Господь далъ, Господь и укажетъ, какъ употребить данное;—намъ заботиться нечего.

— Извини, сестрицынька, что не могу согласиться съ тобою, будто мы запоздали со своими понятіями. Стало быть, всѣ честные люди запоздали? Стало быть, міровыя истины запоздали? Развѣ это можетъ быть, суди сама?!—То повѣтріе, то мода, вродѣ нарядовъ изъ двухъ смѣшанныхъ и противоположныхъ другъ другу цвѣтовъ: бѣлаго и чернаго, которые господствуютъ уже четыре года наперекоръ разсудку и вкусу. И, двадцать лѣтъ назадъ, мы имѣли удовольствіе слышать: *«какъ вы странно говорите! вы смотрите совсѣмъ по другому на жизнь и на все!»*... Чтожъ это доказываетъ? Неужели въ пору молодости мы тоже запаздывали понятіями? И тогда люди были не лучше теперешнихъ, и тогда душа возмущалась всѣмъ, что происходило кругомъ... Припомни только, за что пострадалъ отецъ, и какъ семейные люди, правительственныя лица гнали его и глумились, говоря: «Быковъ, какъ собака, лежитъ на сѣнѣ; самъ не ѣстъ и другимъ не даетъ».—Развѣ же то были наши мнѣнія? Припомни молодыхъ людей нашего времени и скажи, гдѣ тѣ сыны отечества, тѣ люди правды, тѣ христіане по духу, а не по слову и не на половину только?—Развѣ мы не были въ вѣчномъ разладѣ съ общественнымъ мнѣніемъ? Развѣ не скучали съ глупцами? Развѣ не гнушались порокомъ, гдѣ бы онъ ни гнѣздился и чѣмъ бы ни прикрывался? Развѣ не благоговѣли предъ истиною и добромъ? Въ чемъ же запоздали, сестрицынька?!—Что не признаемъ нигилизма, дѣйствую-

щаго тлетворно своею гибельною проповѣдью? Въ такомъ случаѣ отстало божественное ученіе Христово? Такъ, что-ли?

О, дай мнѣ, Господи, хоть издали слѣдовать по пути Твоему, еже есть *«истина и свѣтъ!»*...

Нѣтъ, сестрицынька, милая, ангелъ мой, — то *временно* болѣютъ люди. Но придетъ время и излечатся отъ тяжкаго недуга, и здоровый духъ Евангельскаго ученія снова оживотворитъ умы, и падетъ туманъ *лжи* предъ свѣтомъ Божественной истины! Можетъ мы и не доживемъ и не увидимъ того свѣта на землѣ, но все равно скоро засіяетъ и онъ!

Сто лѣтъ назадъ, во Франціи, все, что называлось образованнымъ, все болтало противъ религіи и щеголяло безвѣріемъ. Нынѣшніе нигилисты со своими Бюхнерами, Фохтами, Лаіелями, Дарвинами и другими повторяютъ только все то, что говорилось сто лѣтъ назадъ и было опровержено. Нашла грозовая туча, повисла надъ Франціей, погубила милліонъ народа на гильотинахъ, въ разстрѣливаніяхъ, въ затопленіяхъ и всякаго рода убійствахъ. Людямъ стало гадко смотрѣть на себя и стали снова искать Бога, который ихъ оставилъ за беззаконія. Снова открылись храмы, снова понеслись молитвы къ престолу Всевышняго...

Нѣтъ, сестрицынька, не запоздали мы, а забѣжали впередъ, далеко впередъ; забѣжали еще въ молодости, и время, и люди безъ правды насъ понять не могутъ, но въ этомъ намъ и посланъ крестъ Христа [2]).

— А Лиза [3])—прелесть! Воспитуйте ее въ страхѣ Божіемъ и не допускайте къ ней наставницъ нигилистокъ; — не губите ребенка.

— 8-го начинаются классы; снова работы много: поправка сочиненій и переводовъ докучаютъ; при томъ же нужно и самой приготовляться, что говорить въ классѣ, какъ то по-

---

[2]) Ев. Матѳ. 10 гл. 6 стихъ („и враги человѣку домашніе его").

[3]) Племянница—по карточкѣ, присланной въ Иркутскъ.

добаетъ каждому порядочному учителю. Вообще, много хлопотъ. Писемъ частыхъ не жди, сестрицынька, будь покойна,—всѣ мы въ рукахъ Божіихъ.

Третьяго дня ѣздила за Ангару къ Святителю Иннокентію, мощи котораго почиваютъ въ мужскомъ монастырѣ. Завтра, если Господь сподобитъ, поѣду въ домовую—на акаѳистъ Пресвятой Богородицѣ, который всегда читаетъ самъ Преосвященный; а тамъ и заговѣюсь. Пятница у меня вся занята, равно какъ и всѣ утра.

Господь со всѣми вами! Молись, сестрицынька, да дастъ *Онъ* намъ силы работать во славу имени *Его* и на пользу брата человѣка, умственную и нравственную. 11 часовъ ночи.

Вѣроятно 5 сентября получишь письмо. Господь да благословитъ тебя въ этотъ день и во всѣ дни твоей жизни.

Объ отставкѣ, о покоѣ и о вѣчности.

19 августа. Иркутскъ [1]). Съ 16 августа начались наши обыкновенныя классныя занятія со всѣми тревогами и волненіями; еще года три слишкомъ нужно послужить,—и тамъ куда-нибудь на покой, если еще жить будемъ... Гдѣ придется жить и какъ жить—мы ничего не думаемъ. Самъ Господь укажетъ, что нужно дѣлать, а предположенія и замыслы человѣческіе рѣдко исполняются, потому и ждемъ мы спокойно, гдѣ придется кончать вѣкъ... Мнѣ бы только хотѣлось садикъ подлѣ дома; теперь намъ сдѣлалось потребностью уголокъ зелени, гдѣ бы могли глаза отдохнуть и гдѣ бы погулять на чистомъ воздухѣ. Въ комнатахъ я зады-

[1]) Изъ письма къ сестрѣ Елизаветѣ Петровнѣ.

хаюсь. Даже зимою каждый день гуляемъ по часу въ день въ дѣтскомъ саду, гдѣ расчищены двѣ дорожки; иначе такой стукъ въ головѣ подымется и такъ она горитъ, что не знаешь, куда дѣваться. Даже при гуляньи приходится часто смачивать голову холодной водой, что я сію минуту и сдѣлала, выливъ цѣлую кружку, и освѣжилась, — жару нѣтъ. На ночь всегда поливаю и, кромѣ того, подлѣ постели на столикѣ ставлю стаканъ воды — на всякій случай: начнетъ стучать въ виски и горѣть темя, я тотчасъ за воду и такъ усердно лью на голову, что подушка становится мокрою, — тогда засыпаю спокойно.

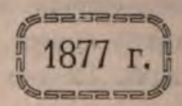
Вотъ почему необходимъ намъ садикъ и лѣтомъ и зимою. Но объ этомъ послѣ.

Отдохнула-ли ты, мой ангелъ, отъ дороги и какъ идутъ твои дѣла. У васъ въ Пензенской губ. опять пожары отъ поджоговъ. Храни васъ, Господи; такъ страшны всѣ эти бѣдствія! И не унимаются эти люди — «благодѣтели рода человѣческаго», благополучіе котораго созидаютъ мечемъ и огнемъ!.. Семь лѣтъ назадъ я все еще ждала лучшаго: мнѣ казалось, что подраставшее поколѣніе внесетъ въ міръ много добрыхъ началъ, и станетъ теплѣе и свѣтлѣе на землѣ. Оказалось, что и эта надежда, подобно многимъ другимъ, рухнула: подрастающее на школьныхъ скамейкахъ молодое племя выросло, — и что же? Все то же, что было встарь, только рѣчь измѣнилась, а духъ, а дѣло — все прежнее, давно знакомое и въ областной и въ столичной жизни...

«И не жду отъ жизни ничего я
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть;
Я ищу лишь мира и покоя,
Я хочу забыться и заснуть» [2]).

[2]) «Выхожу одинъ я на дорогу» — М. Ю. Лермонтова (видимо по памяти цитируется).

Видишь, сестрицынька, ангелъ мой, годы, изглаживая слѣды молодости на лицѣ человѣческомъ, не касаются души. Видишь, какъ живы въ ней поэтическіе напѣвы, слышанные въ незапамятныя времена,—это потому, что духъ *нашъ безсмертенъ* и не знаетъ старости. Лучшимъ тому доказательствомъ—наша любовь и *неизмѣнная дружба.* Такъ и умремъ, милочка, благословляя другъ друга. Господь со всѣми вами! Устала я что-то, думаю лечь. 12 час. ночи.



1877 г.

Душевное состоянiе.

16 февраля. Почти три года минуло послѣ неоконченнаго разсказа о пребыванiи нашемъ въ Петербургѣ, и сколько горя мы испытали съ тѣхъ поръ, сколько тревожныхъ дней приходится переживать въ настоящее время!.. Обстоятельства сложились такъ, что почти не къ кому обратиться ни за совѣтомъ, ни за поддержкой. Иркутскъ сдѣлался нравственной пустыней: ищешь, зовешь человѣка—и никто не откликается,—все глухо...

Жаль смотрѣть на мою бѣдную Нуточку... Измѣнилась страшно за это трехлѣтiе, особенно за послѣднiе четыре мѣсяца, когда столько непрiятностей накопилось и не уберечься отъ нихъ... Ждемъ только выпуска, чтобы въ началѣ мая выѣхать изъ Иркутска, гдѣ нынче господствуютъ элементы: польскiй, еврейскiй, нигилистическiй; не слыхать только правды и честности... Гдѣ-нибудь далеко, далеко раздается же голосъ чести и совѣсти, но пока онъ не доходитъ до слуха нашего...

Помоги, Господи, кончить благополучно давно начатый трудъ, и, благословясь, скорѣе убраться отсюда. Тоска беретъ. Когда бы знать, что ждетъ насъ въ этомъ городѣ, ни за что не поѣхали бы назадъ [1])...

---

[1]) Въ институтѣ были, вѣроятно, злоупотребленiя довѣрiемъ Анны Петровны.

Послѣднее время на службѣ. — Пріятныя письма.

18 апрѣля. *«Нынѣ отпущаеши рабу Твою, по глаголу Твоему, съ миромъ».*

— Сегодня дала послѣдній урокъ французскаго языка въ старшемъ классѣ и, прощаясь съ провожавшими меня дѣтьми, простилась въ то же время и съ своею педагогическою дѣятельностью! Силъ больше нѣтъ: глаза отказываются служить, все въ тягость,—едва дотянула до конца курса.

Горя было много за эти послѣдніе три года—горя нравственнаго, подкосившаго силы наши: *«путь былъ узкій и прискорбный»*!.. Приходилось бороться со всѣмъ и со всѣми; изнемогли силы при концѣ своего долгаго и тяжкаго пути. Новое вѣяніе, а, быть можетъ, и со своими взглядами устарѣли... Да и пора-бы отдохнуть душою...

Но гдѣ тотъ отдыхъ желанный?

Но гдѣ тотъ отдыхъ на землѣ—гдѣ столько страданій?..— Вотъ уже два года, какъ Турція поглощаетъ наши молодыя силы, гибнущія отъ войны и отъ всякихъ болѣзней. Мыслящему человѣку, любящему свое отечество, не весело живется въ такое тяжелое время. Приходишь къ окончательному убѣжденію, что нѣтъ на землѣ покоя...

Да будетъ воля Твоя, Господи! Черезъ нѣсколько дней, 23 апр., завершится тридцать первая годовщина моей службы отечеству на двухъ противоположныхъ его пунктахъ: въ Петербургѣ и Иркутскѣ. Работала, сколько хватало умѣнья и силъ, съ полнымъ желаніемъ способствовать умственному и нравственному развитію проходившихъ чрезъ мои руки воспитанницъ.

Преподаваніе всякаго предмета можно уподобить *огню*: оно можетъ просвѣтить и очистить душу, равно какъ можетъ и истребить, сжечь все хорошее, вложенное въ нее Творцомъ ея. Въ предметъ моего преподаванія входила литература, т. е. все духовное наслѣдіе человѣка; стало быть, мнѣ принадлежало обширное поле для воздѣлыванія... Если въ сѣмена

пшеницы попадали и плевелы, то это не по нашей винѣ: врагъ сѣялъ ихъ украдкой.

— Бѣдная моя сестра! Сколько нравственныхъ огорченій вынесла она за 18 лѣтъ службы въ Иркутскѣ; особенно же тяжелы были для нея эти три послѣдніе года...

Неужели бывшія ея воспитанницы не помянутъ съ благодарностью эту чудную женщину?..

Нѣтъ,—не одна честная душа вспомнитъ мою бѣдную страдалицу Нуту; пройдутъ наши тяжелыя, смутныя времена—и свѣтлый образъ сестры моей предстанетъ передъ грядущими поколѣніями во всемъ своемъ нравственномъ блескѣ,—въ это я глубоко вѣрю.

Господи, благослови насъ окончить благополучно давно, давно принятый на себя трудъ воспитанія. Весь нашъ внѣшній видъ измѣнился: силы быстро падаютъ; довольно, Господи!

Благодарю, Боже, за дарованіе Твоей помощи намъ обѣимъ,—женщинамъ слабымъ; ни одна изъ насъ не могла похвалиться здоровьемъ и крѣпостію силъ, а между тѣмъ 31 годъ проработали почти безъ отдыха на педагогической нивѣ... Но сила Божія въ немощи совершается [2]), если то Ему угодно. *Благослови, душе моя, Господа и не забывай всѣхъ благодѣяній Его!..*

Спустя нѣсколько часовъ. Пришиваю только что полученное письмо отъ одной изъ тѣхъ благородныхъ, возвышенныхъ душъ, о которыхъ говорила выше. То пишетъ Оля Лазарева, бывшая Филимонова [3]). Такое же теплое письмо получили изъ Петербурга отъ Юліи Масловой [4]) и

---

[2]) 2-е посл. Коринѳ. 12 глав. 9 ст.

[3]) Ольга Лазарева, изъ Казани (за артил. полковникомъ), вос—ца вып. 1859 г.,—она же Урановская;—сообщаетъ о полученіи вещей Анны и Варвары Петровны и объ ожиданіи ихъ лѣтомъ въ ея семействѣ. (См. 1864 г. 6 іюля пр. 2 и 1866 г. 20 іюля.

[4]) [illegible] Констант. Маслова (рожд. Баженова, вып. 1867 г.).

мн. другихъ. Стало быть, не забудутъ мою Анну Петровну. Все же есть между людьми натуры глубокія, признательныя! И за то слава Тебѣ, Господи! [5]).

Въ С.-Петербургѣ.

17 августа. Петербургъ, 20 м. второго. Среда.

Мучительное состояніе духа не даетъ мнѣ покоя, не знаешь, за что приняться, а глаза не хотятъ служить: ни читать не могу, ни работать... Я совершенно, кажется, ослабла?..

Дни осады Плевны.

30 августа. Какъ эти дни напоминаютъ дни скорби 1855 г.[1]). Плевну осаждаютъ, нашихъ бѣдныхъ русскихъ бьютъ, рѣжутъ и мучатъ звѣри турки, да пріятели ихъ—англичане, поляки, мадьяры!—И прежнее злорадство друзей при неудачахъ нашихъ, и прежняя измѣна польская гнѣздится, и прежнія ругательства и клеветы сыплются на Россію, обнажившую мечъ все за тѣхъ же *братьевъ* - славянъ! И по прежнему одинокой, и непонятой, и оклеветанной стоитъ великая мученица, не отверзая устъ своихъ... И по прежнему болитъ сердце каждаго честнаго русскаго человѣка!..

Возведохъ очи мои въ горы, откуда пріидетъ помощь моя?

— Помощь моя отъ Господа, сотворившаго небо и землю! [2]).

[5]) Естественно „сосуду переполненному“ жить тѣмъ, что сѣяно въ жизни, подводить итоги пройденнаго, пережитаго, что и совершается въ Варв. Петровнѣ.

[1]) См. зап. ч. 1-я стр. 322—357.
[2]) Псал. СХХ-й.

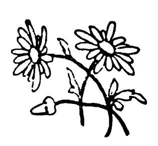
Четырехкратное представленіе Нуты Императрицамъ.

2 сентября. Пятница.

Пробило 12 часовъ. Нута теперь въ Царскомъ [1]), куда поѣхала для представленія Государынѣ въ два часа пополудни.

Это будетъ четвертое и, вѣроятно, послѣднее представленіе Царицамъ: въ 1858 году въ августѣ она два раза была у Государыни Александры Ѳеодоровны [2]), при своемъ вступленіи въ должность начальницы института; въ 1873 году, 10 декабря, сестру принимала милостиво Государыня Марія Александровна [3]). Теперь же, при прошеніи сестры объ увольненіи отъ службы, снова Ея Величество пожелала видѣть Нуту.

Господи, благослови моего ангела, хранителя земного! Сохрани вхожденіе и исхожденіе ея отнынѣ и до вѣка! [4]).



Пріемъ Нуты Государынею.

17 сентября. И въ четвертый разъ Царица милостиво принимала сестру!

14-го подписанъ задушевный рескриптъ, читая который, я не могу не плакать.

---

[1]) Т. е. въ Царскомъ Селѣ, гдѣ такъ любила жить лѣто покойная Императрица Марія Александровна.

[2]) См. зап. 1858 г. 4 авг.

[3]) См. зап. 1874 г. 28 дек.

[4]) Псаломъ СХХ-й.

Благослови, Господи, Государыню и утѣшь ее въ скорбяхъ, какъ и Она утѣшаетъ насъ! [1]).

[1]) Вотъ текстъ этого рескрипта:

„Анна Петровна! Съ полнымъ самоотверженіемъ вы посвятили многотрудному дѣлу воспитанія дѣтей лучшіе годы вашей жизни и изъ нихъ девятнадцать лѣтъ исключительно Иркутскому Дѣвичьему Институту. Благодаря вашей неутомимой дѣятельности и педагогической опытности, этотъ разсадникъ женскаго образованія на нашемъ дальнемъ востокѣ постоянно приносилъ, подъ вашимъ управленіемъ, самую существенную всему краю пользу. По отзыву Моего Сына, Великаго Князя Алексѣя Александровича, посѣтившаго въ 1873 г. Восточную Сибирь, *большая часть образованныхъ женщинъ, которыхъ ему приходилось тамъ встрѣчать, почти всѣ обязаны были своимъ воспитаніемъ Иркутскому институту и вашимъ материнскимъ о нихъ заботамъ и попеченіямъ*. Нынѣ разстроенное *ваше здоровье заставляетъ васъ отказаться отъ дальнѣйшей педагогической дѣятельности*.

„Съ крайнимъ сожалѣніемъ соглашаясь на ваше увольненіе, Я при этомъ случаѣ не могу за ваши многолѣтніе полезные труды не повторить вамъ еще разъ письменно ту искреннѣйшую благодарность, которую я вамъ неоднократно выражала устно, при чемъ прошу васъ, въ воспоминаніе вашего отличнаго служенія *въ вѣдомствѣ Императрицы Маріи*, принять препровождаемый у сего подарокъ, какъ видимый знакъ Моего особеннаго къ вамъ благоволенія".

(На подлинномъ собственноручно начертано): *„Пребываю неизмѣнно навсегда доброжелательною*.

„МАРІЯ".

Въ Царскомъ Селѣ. 14 сентября 1877 г.

1880 г.

Наступленіе старости.

22 августа. Въ началѣ сороковыхъ годовъ, оставивъ Саратовъ послѣ тяжкой потери отца, ѣхали мы въ Петербургъ зимою съ братомъ Александромъ, возвращавшимся туда съ молодою женою. Въ одной изъ гостинницъ Пензы, куда пріѣхали ночью, угорѣла вся наша семья. Чтобы придти въ себя отъ страшнаго ночного угара, мы принуждены были остаться въ Пензѣ на цѣлый день. Зная, что въ этомъ городѣ проживаетъ А. С. [1]), племянница жены здѣшняго губернатора—наша подруга по Смольному, дали ей знать о нашемъ прибытіи съ просьбою навѣстить насъ.

Саша тотчасъ пріѣхала веселая, счастливая. Воспоминанія полились рѣкою; но еще оживленнѣе пошелъ разговоръ, когда мы коснулись настоящаго. Мы съ сестрою разумѣется болѣе молчали: «рана» [2]) была еще слишкомъ свѣжа, а настоящее пасмурно... Саша же, напротивъ, говорила безъ конца, разсказывая съ жаромъ, о чемъ обыкновенно повѣствуютъ молодыя дѣвушки.

Въ тотъ же день предстоялъ вечеръ у ея дяди — губернатора. Вечеръ тотъ имѣлъ много заманчиваго для Саши...

[1]) Александра Никол. Сушкова (см. зап. ч. 1-я 1835 г. 22 іюля пр. 1 и 1836 г. 16 фев. пр. 6).

[2]) Т. е. смерть ихъ отца; см. зап. ч. 1-я стр. 113—121.

къ тому же она обладала хорошимъ голосомъ, была хорошая піанистка и, вѣроятно, заранѣе предвкушала предстоящее удовольствіе.

Мы всѣ трое были тогда еще очень молоды. Моя Нуточка плѣняла тогда стариковъ и молодыхъ, иногда даже обаяніе неуловимой прелести переходило на женщинъ; нравственная красота придавала столько-же очарованія ея выразительному бѣленькому личику, окаймленному шелковистыми, вьющимися темными волосами...

Уѣхавъ изъ Пензы, мы потеряли другъ друга изъ виду; слышали, что, года два спустя, Саша вышла замужъ [3]). Мы же съ сестрой, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, поступили классными дамами въ Смольный; затѣмъ уѣхали въ Иркутскъ: сестра—начальницей института, я—учительницей музыки и французскаго языка; побывали опять въ Петербургѣ, снова возвратились въ Иркутскъ и въ 1877 г. окончательно вознамѣрились поселиться въ Петербургѣ, куда и прибыли въ томъ же году, предполагая только на время съѣздить къ роднымъ въ Саратовъ. Но вотъ уже три года, какъ живемъ въ Саратовѣ, и едва-ли придется скоро уѣхать...

— Вчера вечеромъ снова сидѣли мы трое за чайнымъ столомъ: бывшая Саша или А. С. и мы двѣ.—Сорокъ лѣтъ легло между нашимъ послѣднимъ свиданіемъ и настоящимъ днемъ. Что же сталось изъ тѣхъ молодыхъ дѣвушекъ?..

А. С. сильно раздалась въ ширину; ея высокій станъ... о, какъ погнулся!.. Покрытое морщинами лицо—пожелтѣло; говоритъ она тоже много, но не съ увлеченіемъ, и больше о своихъ дѣтяхъ, зятьяхъ и внукахъ, да о прошедшихъ успѣхахъ собственной молодости. Въ звукахъ ея голоса часто слышится сильно минорный тонъ...

Моя бывшая Анюта, прозванная «сильфидой», разумѣется, тоже утратила свой гибкій, тонкій видъ; ея шелковистыя

---

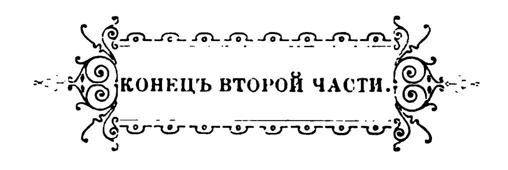
[3]) За Карачарова.

черныя кудри блестятъ серебристыми нитями, а ножки, такъ граціозно скользившія по паркету въ былые годы, теперь скоро устаютъ, тяжело передвигаясь. Да, съ каждымъ днемъ замѣтнѣе предъявляетъ намъ свои права неотразимая старость, и лишь нравственное обаяніе личности Нуты сохраняется до сихъ поръ: всѣ знакомые ея глубоко ее уважаютъ. Умъ и доброта сердечная сіяютъ тихимъ свѣтомъ въ ея очахъ и придаютъ милое выраженіе ея лицу, уже избороржденному неизбѣжными морщинами: «des annees l'irreparable outrage»...

Изъ троихъ, мы обѣ незамужнія, потому, вѣроятно, сохранили болѣе живости ума и чувствъ прежнихъ лѣтъ, относясь сочувственно ко всему прекрасному въ Божіемъ мірѣ.—Но чувствуется, что силы уже съ каждымъ днемъ не тѣ!..

Лишь бы чужая радость, чужое горе и событія родной земли находили отголосокъ въ нашей душѣ.

За все же прочее *«благослови, душе моя, Господа и не забывай всѣхъ воздаяній Его!..*



«Се что̀ добро̀, или̂ что̀ красно̀, но е҆́же жи́ти бра́тїи вку́пѣ.»
(Псал. рлв҃. а҃.)

Въ 1877 году, по выходѣ въ отставку, Варвара Петровна съ сестрою (Нутою) отправляются въ Саратовъ погостить у родственниковъ, быть ближе къ могилкѣ своего «родного» [1]), повидать мѣста, дорогія сердцу, гдѣ было пережито въ лучшіе молодые годы столько горя и радостей [2]).

---

[1]) См. зап. ст. см. ч. 1-я стр. 121 (12 дек. 1840 г. и 9 дек. 1868 г.).

[2]) Ibidem. 1837, 1839, 1840 и др. годы.

Въ годы жизни во второй разъ въ Саратовѣ и въ послѣдніе годы своей жизни, Варвара Петровна молится и мечтаетъ больше о своей смерти.

«Какъ бы я была счастлива, если бы передъ смертію сподобилъ меня Господь еще разъ поговѣть у о. Іоанна!» [3]).

«Какъ я буду счастлива, если мнѣ Господь пошлетъ смерть раньше Нуточки!»

Свѣтскія удовольствія ее по прежнему тяготятъ, но любовь къ музыкѣ сказывается мечтою о жизни лѣтомъ въ Павловскѣ (у Царск. Села).

«О, если бы мнѣ удалось», пишетъ она изъ Саратова, «когда нибудь послушать игру даровитаго Рубинштейна». (А. Гр.).

И чудно суждено было осуществиться мечтамъ Варвары Петровны...

Частыя недомоганія сестеръ, нужда посовѣтоваться съ лучшими силами столичныхъ медиковъ, сердечное влеченіе дать возможность окончить образованіе своей любимой, но бѣдной воспитанницѣ М. В. Подгорбунской, а по силѣ и возможности помочь такъ-же и другимъ, прибывшимъ съ нею изъ дальней Сибири; желаніе видѣть многихъ изъ своихъ подругъ, своихъ бывшихъ воспитанницъ, — жить вблизи своего «милаго, родного Смольнаго» [4]) и многія другія, тому подобныя соображенія побудили сестеръ въ половинѣ 1881 г. пріѣхать на житье въ С.-Петербургъ.

Въ Петербургѣ здоровье В. П. слабѣетъ и слабѣетъ. Временами ее оживляютъ лишь отношенія къ нимъ бывшихъ воспитанницъ, наперерывъ изъявлявшихъ желаніе доставить Варварѣ Петровнѣ и Аннѣ Петровнѣ какое-либо удовольствіе. Лѣтніе мѣсяцы В. П. живетъ въ Павловскѣ и часто бесѣдуетъ съ о. Іоанномъ.

Но годы и предѣлъ, «его же не прейдеши», чаще и чаще даютъ себя чувствовать. — В. П. понемногу какъ бы замираетъ

[3]) Т. е. Преображенскаго. См. II ч. 14 окт. 1865 г.

[4]) См. ея зап. ч. I. О Смольномъ.

для *внѣшняго* міра, сосредоточиваясь на своемъ *внутреннем*
«желаетъ быть больше съ Богомъ и въ Богѣ». Чаще и уже с
вершенно хладнокровно говоритъ о наступленіи старости, тве

Часовня на могилѣ Варвары Петровны.

дитъ о своемъ желаніи перейти въ вѣчность и, непремѣнно,
раньше своей любимой Нуты [5]). «Ты, Нута, безъ ме
можешь существовать, но я не могу себѣ представить, ка

[5]) См. 5 нояб. 1869 г.

можетъ жить безъ тебя Варенька», — повторяетъ она, какъ бы въ утѣшеніе сестрѣ, а затѣмъ обычно слѣдуетъ молитва В. П. о скорѣйшей ея смерти, приводившая иногда въ смущеніе Нуту и ея близкихъ.

За три дня до своей смерти, В. П. слегла въ постель и пожелала пріобщиться Св. Таинъ; христіански напутствованная о. Іоанномъ Преображенскимъ, она тихо *22 октября 1886 года* отошла ко Господу, окруженная любовію сестры и любящихъ ее.

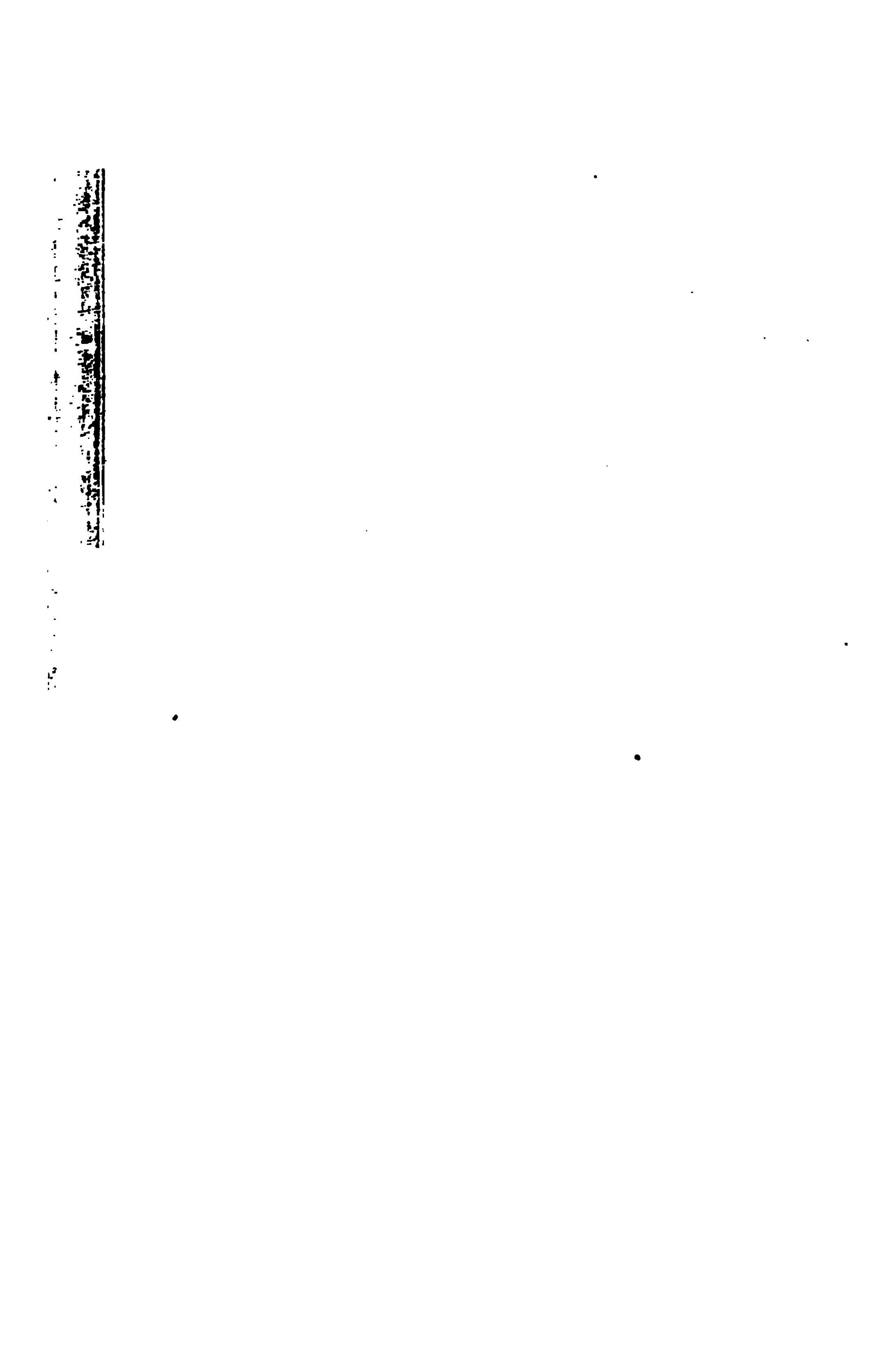
Какъ видимое выраженіе признательности отъ Нуты Варенькѣ за жизненное сопутствіе, — поставлена часовня на ея могилѣ [6]); но сродство воспитанныхъ душъ, запечатлѣнное *нестарѣющею любовію*, благоговѣйная память о покойной, сердечная признательность, ежедневная глубокая молитва сестры, слезы умиленія Анны Петровны со всегдашнимъ желаніемъ скорѣе отойти къ Варенькѣ, какъ только заходитъ рѣчь о Варварѣ Петровнѣ,—все это, смѣемъ думать, несравнимо дороже видимыхъ памятниковъ.

Блаженни живущіи и умирающіи въ Господѣ!

Свящ. Конст. Знаменскій.

С.-Петербургъ.
Смольный Монастырь.
Вдовій Домъ.

[6]) На кладбищѣ Воскресенскаго Новодѣв. монастыря въ Петербургѣ.



Алфавитъ именъ собственныхъ

(во второй части записокъ).

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

І

К

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ч

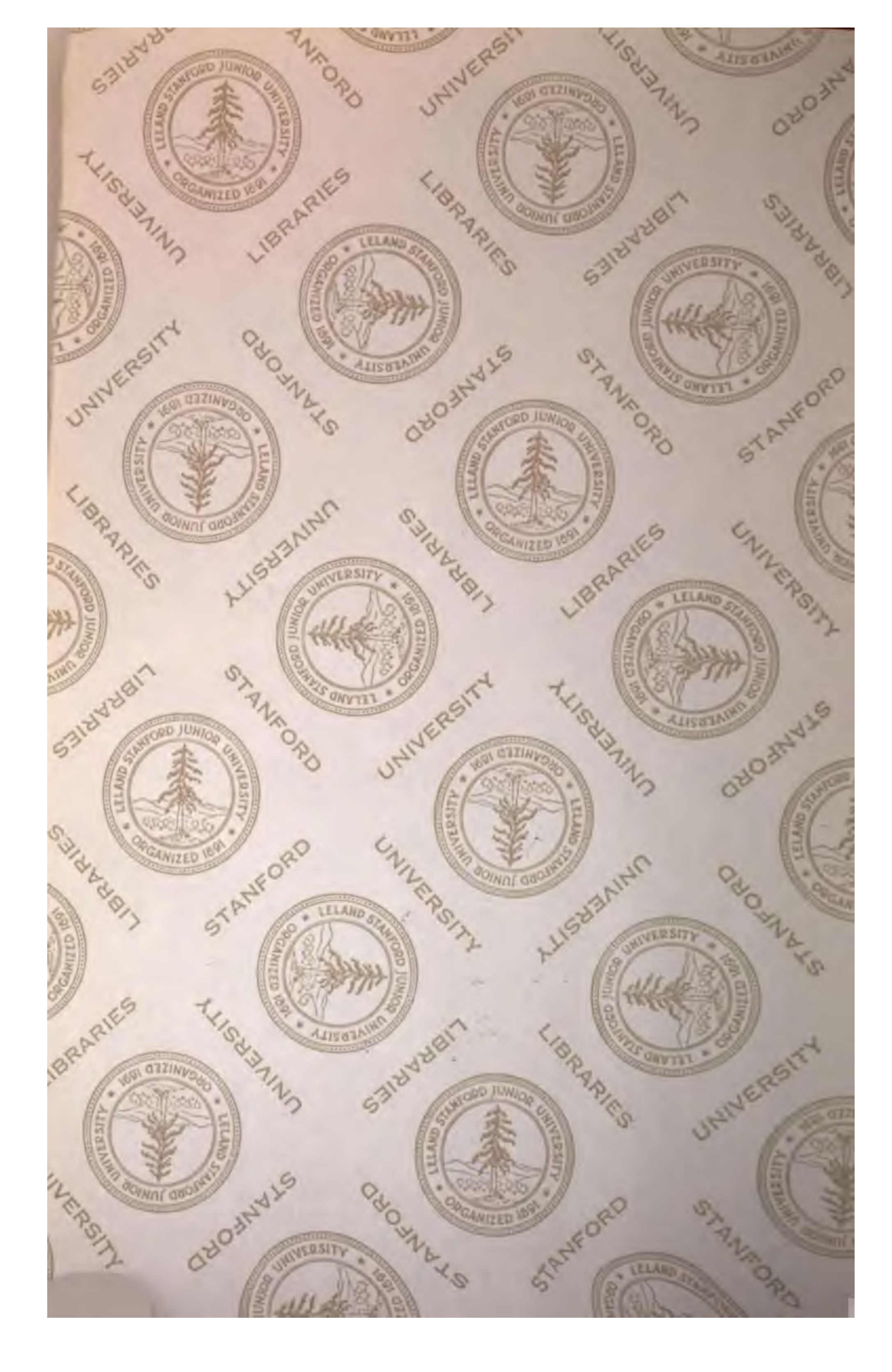
Ш

ОГЛАВЛЕНІЯ

II-й части.

стр.

стр.


STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891

CT 1218 .B8 A3
Zapiski staroi smolianki
Stanford University Libraries
3 6105 041 346 714
CT
1218
B8 A3
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493
All books may be recalled after 7 days
DATE DUE
DOC OCT 25 1995
SEP 2 1996
MAY 0 9
11/23/44 EB